

ЕВРОПА
 въ концѣ XIV вѣка
РОССІЯ
 съ 1323 по 1389 годѣ
 по Шпрунеру, Брендшнеднеру,
 Павлицеву и Замысловскому.
 Масштабъ 1:5,000,000.

ЕВРОПА
въ концѣ XV столѣтія
[ИМПЕРІЯ КАРЛА V]
РОССІЯ
съ 1462 по 1555 годъ
по Ширнеру, Брендингеру,
Павлицеву и Замысловскому.
Масштабъ 1:11,000,000.

ЕВРОПА
въ концъ XVI вѣка
[РЕФОРМАЦІЯ]
РОССІЯ
съ 1555 по 1600 годъ
по Ширнеру, Брейдишнейдеру, Павлшеву
Крузе и Замысловскому.
Масштабъ 1:15.000.000.

ВСЕОБЩАЯ
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ
СРЕДНИХЪ ВРЕМЕНЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Отъ введенія огнестрѣльнаго оружія до тридцатилѣтней войны
(1350 — 1618).

СОСТАВИЛЪ

Князь Н. С. Голицынъ,

Генеральнаго Штаба Генералъ-Лейтенантъ, Членъ Военно-Ученаго Комитета Главнаго Штаба и Коро-
левской Шведской Академіи военныхъ наукъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЧЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
вольшяя подъяческая, № 39.

1878.

Право перевода и перепечатанія принадлежитъ по закону издателью.

Les faits passés sont bons pour nourrir l'imagination et meubler la mémoire c'est un répertoire d'idées que le jugement doit épurer.

Frédéric II.

La tactique, les évolutions, la science de l'officier du génie, de l'officier d'artillerie peuvent s'apprendre dans des traités; — mais la connaissance de la grande tactique ne s'acquiert que par l'expérience et par l'étude de l'histoire des campagnes de tous les grands capitaines.

Napoléon I.

Faites la guerre offensive comme Alexandre, Annibal, César, Gustave-Adolphe Turenne, le prince Eugène et Frédéric; — lisez, relisez l'histoire de leurs 88 campagnes, modelez-vous sur eux, — c'est le seul moyen de devenir grand capitaine et de surprendre le secret de l'art: votre génie, ainsi éclairé, vous fera rejeter des maximes opposées à celles de ces grands hommes.

Napoléon I.

Wissenschaftliches Streben und wissenschaftliche Erfahrung bilden den Feldherrn, nicht bloss eigene Erfahrung; — denn welches Menschenleben ist thatenreich genug, um sie im vollen Maasse zu gewähren? — und wer hatte je Uebung in der schweren Kunst des Feldherrn, ehe er zu dieser erhabenen Stelle gelangte? — sondern Bereicherung des eigenen Wissens durch fremde Erfahrung, durch Kenntniss und Würdigung früherer Nachforschungen, durch Vergleiche berühmter Kriegsthaten und folgenreicher Ereignisse aus der Kriegsgeschichte.

Erzherzog Karl.

ВСЕОБЩАЯ
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

СРЕДНИХЪ ВРЕМЕНЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ.

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИЧЕСКІЯ ПОСОБІЯ.

Главными источниками для изслѣдованія и изученія военной исторіи западной Европы въ настоящемъ періодѣ служатъ: 1) до XVI вѣка—по прежнему хроникѣ, но уже не однѣ монастырскія или писанныя духовными лицами, а болѣе и болѣе—свѣтскимп, —п 2) съ XVI вѣка такъ называемые мемуары (mémoires) или записки духовныхъ и свѣтскихъ лицъ безъ различія, преимущественно излагавшихъ событія, въ которыхъ они принимали участіе либо которыя были извѣстны имъ отъ участниковъ и очевидцовъ этихъ событій.

Хроники, изданныя отдѣльно и въ сборникахъ со времени введенія книгопечатанія и отчасти относящіяся къ періоду 476—1350 г.г., отчасти и къ періоду 1350—1500 г.г., были указаны въ 1-й и 2-й частяхъ настоящей В. В. И. среднихъ временъ. Нѣкоторыя же, относящіяся собственно къ періоду 1350—1500 г.г., указаны здѣсь ниже.

Мемуары или записки съ XVI вѣка имѣютъ то отличіе отъ хроникъ, что въ нихъ выстѣпаетъ впередъ личность составителя, съ его личными сочувствіями и несочувствіями, цѣлями и видами. Такъ какъ составители ихъ очень часто принадлежали къ важнымъ государственнымъ или военнымъ дѣятелямъ и иногда описывали событія болѣе и менѣе важныя и болѣе или менѣе продолжительнаго періода времени, то записки и признаются по справедливости весьма важнымъ историческимъ матеріаломъ, которымъ только необходимо пользоваться съ критическою осторожностью.

Хроникъ и особенно записокъ этого періода времени (1350—1618) во всѣхъ государствахъ западной Европы было весьма много. Онѣ указаны въ главныхъ и лучшихъ библиографическихъ указателяхъ, начиная съ Вальтера (1783—1799—1808), Гойера (въ *G. der Kriegskunst*, 1799) и Румфа (1824) до новѣйшихъ настоящаго времени,

Писаны онѣ до XVI вѣка почти исключительно на латинскомъ языкѣ, съ XVI же вѣка — отчасти на латинскомъ и отчасти на современныхъ нарѣчіяхъ различныхъ западно-европейскихъ языковъ.

На основаніи ихъ, въ послѣдніе три вѣка XVII—XIX, въ каждомъ согласно съ духомъ и направленіемъ его, составлялись и издавались общенсторическія и военно-историческія сочиненія, съ болѣшними или меньшими научными критикою и достоинствами, обнимающія извѣстные, болѣе или менѣе продолжительные періоды времени либо особенныя эпохи или событія. Слѣдуетъ замѣтить однако, что общенсторическихъ сочиненій, составленныхъ людьми невоенными, гораздо болѣе, нежели военносторическихъ, писанныхъ военными, даже въ XIX вѣкѣ. Наибольшее число тѣхъ и другихъ принадлежитъ XVIII вѣку, лучшія же принадлежатъ XIX, особенно 1-й половинѣ его.

По чрезвычайному обилію всѣхъ такихъ, означенныхъ выше, источниковъ и историческихъ пособій, касающихся В. В. И. западной Европы съ 1350 г. до 1618 г., нѣтъ ни особенной надобности, ни даже возможности указывать ихъ здѣсь вполнѣ, а достаточно указать только главные, особенно важныя, замѣчательныя или полезныя. Они и указаны ниже въ порядкѣ какъ государствъ западной Европы, которыхъ военное устройство, военное дѣло и войны изображены въ настоящей книгѣ, такъ, по возможности, и времени изданія этихъ источниковъ и историческихъ пособій.

Но еще прежде того слѣдуетъ указать тѣ изъ нихъ, которые относятся болѣе или менѣе ко всему этому періоду и ко всей западной Европѣ, въ отношенія къ политическимъ и особенно военнымъ событіямъ въ ней. Такъ въ главѣ ихъ слѣдуетъ поставить главныя сборники государственныхъ, международныхъ, мирныхъ и др. договоровъ, начиная съ Moetjens (1700), Dumont (1726—31), Schmauss (1730), Roussel (1739), Wenk (1781) и др. Затѣмъ Шиллера общій сборникъ историческихъ мемуаровъ отъ XII вѣка до XIX, 30 т. (1790—1803); всемірныя исторіи и всеобщія всей или только западной Европы: Abbé Mably (1773), — Koch (1790 — 1813), — Ancillon (1806), — Heeren (1810—1822), — Johann Müller, — Hallam (англ.) и Desmichels (франц.): И. Европы въ средніе вѣка, — Eichhorn: G. der drei letzten Jahrhunderte (1817), — Ghillany: Europäische Chronik von 1492 bis 1865 (1865), и др. А собственно изъ числа военно-историческихъ: Macchiavelli Arte della guerra (въ его время), Leonhardt Frohnsperger's Kriegsbuch, neubearbeitet von Böhm und Barthold (1819 и 1833), Manesson Mallet: Travaux de Mars (1660, —96), — Mauvillon: Essai sur l'influence de la poudre à canon (1782) — Hoyer: G. der Kriegskunst (1799—1800), — Venturi (итал. 1815)

и Decker (нѣмец. 1822): И. артиллеріи,—Mouriez: Les guerres commerciales, съ 1486 г. до 1850 г. (1863),—и др.

Затѣмъ изъ числа источниковъ и историческихъ пособій, относящихся въ частности къ различнымъ государствамъ западной Европы, прежде всего слѣдуетъ указать главные, относящіеся къ Англіи и Франціи, 100-лѣтнею войною которыхъ за наслѣдство французскаго престола открывается военная исторія настоящаго періода.

Такъ изъ числа относящихся къ Англіи, главными суть: Camdeni Annales rerum Anglicarum et Hibernicarum (1675)—исторія Англіи: Bacon (1719),—Smollett (1757),—Hume (1770),—Goldsmith (1805),—Lingard (1820—25),—Ranke, преимущественно въ XVI—XVII вв. (нов. изд. 1862—68);—исторія королей и королевъ: Генриха VII—Bacon (1662) и Marsollier (1725),—Генриха VIII—Herbert of Cherbury (1649) и Turner,—Елисаветы—Camdeni Annales etc., Gregorio Leti (1703) и Kéralio (1768—88),—Елисаветы и Маріи—Raumer (1836) и др.—и наконецъ Gleig: A sketch of the military history of Great Britain (1845).

Историческая литература Франціи особенно богата хрониками, мемуарами и сочиненіями объ исторіи Франціи въ этомъ періодѣ, различныхъ эпохъ ея, королей, государственныхъ и военныхъ людей и военной исторіи ея.

Въ главѣ разряда хроникъ и мемуаровъ слѣдуетъ указать полные сборники ихъ: Collection universelle des mémoires relatifs à l'histoire de France, 72 т. (1785 и позже) и особенно Petitôt: Collection de mémoires etc. отъ Филиппа-Августа до XVII в., 19 т. (нов. изд. 1819—26 г.г. и позже). Въ главѣ этихъ мемуаровъ, и по времени, и по достоинству и важности, слѣдуетъ поставить Histoire et chronique de Messire Jean Froissart (изд. въ 1561 г. въ 4 т.), излагающія событія 1-й войны Англій съ Франціей, съ 1326 г. до 1400 г.,—и Mémoires de Philippe de Commines sur les principaux faits de Louis XI et Charles VIII (изд. въ 1747 г. въ 4 т.). Фруассаръ—классическій историкъ 1-й англо-французской войны; хотя онъ былъ духовнымъ лицомъ, но, живя между рыцарями, былъ болѣе свѣтскій человекъ, нежели духовный, не щадилъ ни трудовъ, ни денегъ, чтобъ изложить свои записки сколько можно согласнѣе съ извѣстіями очевидцовъ и участниковъ событій того времени, и изложилъ ихъ самымъ простымъ и подробнымъ образомъ. Записки же Филиппа Коммина составляютъ главный источникъ для исторіи Людовика XI и Карла VIII; событія въ нихъ изложены до 1498 г.

Изъ числа прочихъ записокъ слѣдуетъ указать: Thuani Historiarum sui temporis (1609), по франц. De Thou: Histoire de mon tems, 16 т. (1734—40 и позже),—Tavannes и Castelnau, всѣ три—глад-

ные источники исторіи религиозныхъ и междоусобныхъ войнъ Франціи;—Commentaires de Messire Blaise de Montluc, maréchal de France, 4 v. (1760),—Martin Bellay: Mémoires depuis 1513 jusqu'au trépas de François I (изд. въ 1569 г. и въ исправленномъ языкѣ 1753 и позже): — Brantôme, Monstrelet, Sirot, Coligny, Sully и др.

Изъ историческихъ сочиненій: исторіи Франціи Mezeray, Daniel, Anquetil 10 v. (1817—20) и др. новѣйшія;—особенныхъ эпохъ: Dubos: H. de la ligue de Cambrai contre Venise (1709—28),—Court de Gébelin: H. des troubles de Cévennes ou de la guerre des Camisards (1760), Gaillard: H. de la rivalité de la France et de l'Angleterre (1771) и H. de la rivalité de la France et de l'Espagne (1801—7),—Léveque: La France sous les cinq premiers Valois (1787),—Wraxall (англ.): И. Франціи при короляхъ изъ дома Валуа, и И. Генриха III съ 1574 г. до смерти Генриха IV въ 1610 г. (франц. пер. 1814),—Lacretelle: H. de France pendant les guerres de religion (1814),—Baron de Barante: H. des ducs de Bourgogne de la maison de Valois, съ 1364 г. до 1477 г. (1826)—главный источникъ исторіи 2-й англо-французской войны, Карла Смѣлаго и войнъ его и пр., въ особенности,—St. Aulaire: H. de la Fronde (1827),—Capefigue: H. de la réforme, de la ligue et de Henri IV (1834),—Michelet: H. de France au XVI siècle (1856—7),—Ranke: Französische Geschichte, 5 B. (2-е изд. 1862—65) и др.—Исторіи королей и государственныхъ людей: Карла VI—Des Ursins (1653),—Le Laboureur (1663) и Mlle de Lussan (1753),—Карла VII—Godefroy (1661) и Baudot de Juilly (1757),—Людвика XI—Duclos (1745—50),—Карла VIII—Godefroy (1684),—Людвика XII—Seysse (1510—58) и Tailhé (1755), Людвика XII и Франциска I—Roederer (1825),—Франциска I—Gaillard (1769),—Франциска II—M-me d'Arconville (1783),—Генриха IV—De Bury (1765),—Pèrefixe, —Poirson (1862),—Journal de Henri IV, par de l'Etoile (1741),—и Correspondance politique et militaire de Henri le Grand (1816);—Баярда—Champier (1558) и Berville (1768),—Дю-Гескленя—Chastelet (1666) и Berville (1767),—Иоанны Д'Аркъ—Lenglet du Fresnoy (1754),—Chaussard (1806),—Lebrun de Charmettes (1817) и Berriat de St Prix (1817),—Колиньи (1643);—Mazas: Vies des grands capitaines français du moyen âge, 7 v. (1828),—и др.—Исторіи войнъ и походовъ: Micquello: осада Орлеана англичанами въ 1428 г. и подвиги Иоанны Д'Аркъ (1560),—Boyvin de Villars: Mémoires des guerres en Piémont, dans le Montferrat et le Milanais, съ 1550 г. до 1559 г. (1610),—Solignac: Le siège de Metz en 1552 (1552),—Baglioni: Storia delle guerre civili di Francia (1638),—Da-

vila тоже (1644);—кромѣ того исторія религиозныхъ и дворянскихъ войнъ, со стороны католическихъ и протестантскихъ писателей, изложена въ современныхъ запискахъ Таванна, Де ла Шатра, Пигафетты, Валдорп, Ледигьера, Сюлли и др., къ которымъ слѣдуетъ присоединить Courçt de Gébeline, Lacretelle и др. (см. выше);—Jubé et Servan: H. des guerres des Gaulois et des Français en Italie, 5 v. (1805);—De la Pilorgerie: Campagne et bulletins de la grande armée d'Italie, commandée par Charles VIII en 1494 - 5 (1866), и др.—Наконецъ по части военного устройства и военныхъ учрежденій Франціи: Père Daniel: H. de la milice française etc. 2 v. (1724) и сокращеніе ея (1773),—Neufville: Abrégé chronologique et historique de la maison du Roi et de toutes les troupes de France, 3 v. (1734),—Recherches historiques sur l'ancienne gendarmerie française (1759),—H. militaire des Français depuis Pharamond jusques et y compris le règne de Louis XVI, 3 v. (1813),—Giguët: H. militaire de la France, 2 v. (1849),—Fiéffé: H. des troupes étrangères au service de France, depuis leur origine jusqu'à nos jours, 2 v. (1854), — Chamberet: Précis historique sur la gendarmerie depuis les premiers tems de la monarchie jusqu'à nos jours (1861), — Vitu: H. civile de l'armée (1868),—и др.

Политическая и военная исторія Нидерландовъ, состоящая въ близкой связи съ исторіей Франціи и Бургундіи и получившая особенное значеніе съ конца XVI в., изложенъ въ сочиненіяхъ: Naeldwyck (1478), Hugo Grotius (1657), Wagenaar (1749—1805), Van der Vinckt (1765), Kluit (1777—82), Schiller: G. des Abfalls der vereinigten Niederlanden von der spanischen Regierung, fortgesetzt von Duller, отъ прибытія герцога Альбы до перемирія въ Антверпенѣ въ 1609 г. (1780—1841),—Leo: до соединенія съ Бургундскимъ герцогствомъ (1832—35),—Motley (англ.), франц. перев. Guizot (1859 г.) и Kordy: (1870 г.): H. de la fondation de la république des Provinces-Unies,—Koch: Untersuchungen über die Empörung und den Abfall der Niederlanden von Spanien (1860),—Juste: Les Pays-Bas sous Charles V (1861), и др.—О Нидерландской войнѣ издано весьма много сочиненій въ концѣ XVI вѣка и до 34 въ XVII в. Главныя изъ нихъ: Ulloa комментарий о войнѣ герцога Альбы противъ принца Вильгельма оранскаго, на латин. языкѣ (1570),—Nassau: Züge und Victorien zu Wasser und zu Lande der vereinigten Niederländischen Provinzen (1617),—Famian Strada: De bello belgico (1640), очевидно и участника войны, главный источникъ съ католической стороны, — Giustiniano (1609) и Bentivoglio (1633) тоже,—Meteegeen (1612), тоже съ протестантской стороны,—Chappuys (1630),—Corvin Wierzbicki: Der Niederländische Freiheitskrieg (1841),—

Correspondance du duc d'Albe sur l'invasion du comte de Nassau en 1568 et les batailles de Heiligerlee et de Gemmingen, publiée par Gachard (Bruxelles 1850) и др. Сверхъ того Commelyn: H. de Frédéric Henri de Nassau, prince d'Orange (1656),—Mémoires de Jean de Wytt (1709), и Lamigue (1715) и нецвѣтнаго автора: H. de Guillaume de Nassau.

О войнахъ Бургундіи свѣдѣнія заключаются въ всеобщихъ исторіяхъ Бека, Маскова Іоанна Мюллера, Лудена Геерена и др.;—также Schilling: Beschreibung der Burgundischen Kriege und einiger in der Schweiz um selbigen Zeit vorgefallenen Begebenheiten (1743);—Baron de Barante: H. des ducs de Bourgogne etc. (1826), см. выше, главный источникъ;—Rodt: Die Feldzüge Karls des Kühnen und seiner Erben, mit besonderem Bezug auf die Theilnahme der Schweizer an denselben, 2 B. (1843).

О Швейцаріи и ея войнахъ свѣдѣнія находятся въ исторіяхъ Spon, Abauzit et Gautier (1739),—Watteville (1768), Bérenger (1772), d'Yvernois (1782), Planta (англ. 1800), преимущественно Johann Müller, traduit par Labaume: H. des Suisses, 12 v. (1795—1803) и Mallet, тоже, 4 v. (1803); Zurlauben: H. militaire des Suisses au service de la France, 8 v. (1751),—May de Romainmollier: H. militaire des Suisses dans les différents services de l'Europe, 2 v. (1772),—Rudolph: Die Freiheitskriege der Eidgenossen seit Gründung des Schweizerbundes bis zum Ende der Bürgerkriege (1847),—Wieland: Die Kriegsgeschichte der Schweizerischen Eidgenossenschaft bis zum Wiener Congress, 3-te Auflage 2 B. (1871).

О войнахъ въ Италиі, сверхъ сборниковъ итальянскихъ хроникъ Muratori и др. (указанныхъ въ 1-й и 2-й частяхъ настоящей В. В. И. среднихъ временъ), свѣдѣнія находятся въ Champier: Les grandes chroniques des ducs et princes de Savoye (1516),—Giustiniani: Annali di Genova (1537),—въ сборникѣ исторіекъ Неаполя, 25 томовъ (1769),—въ исторіяхъ Италиі и различныхъ областей ея: Pauli Jovii Historia, съ 1464 до 1546 г. (1548),—Guicciardini: Storia d' Italia, da 1490 a 1532, 20 v. (1568 и позже и въ переводахъ на разные языки), главный и лучший источникъ исторіи войнъ въ Италиі;—Simonde de Sismondi: H. des républiques italiennes du moyen âge (1809),—Leo: G. der Italienischen Staaten (1829),—Cantu: И. Италиі, франц. переводъ Lacombe (1859),—Saluces: H. militaire du Piémont (1859),—Macchiavelli: Storie Fiorentine (1532), Amelot de la Houssaye: H. du gouvernement de Venise, avec l'histoire des Uscoques, traduit de l'italien (1705),—Daru: H. de la république de Venise, 7 v. (1819), главный источникъ исторіи венеціанскихъ войнъ;—Giannone: И. Неаполя и Trégain (1854): И.

Объихъ Сицилiй и неаполитанскихъ войнъ. — Источниками исторiи италiянскихъ войнъ вообще, сверхъ исторiи Guicciardini (см. выше), служатъ также: Sigault: Tractatus de bello italico (1515), Sepulveda: De bello in Italia (1559), — Moncenigo: H. belli cameracensis adversus Venetos (1722), тоже на италiян. языкѣ; — въ 1544 г. Sepio издалъ это сочиненiе вмѣстѣ съ Weugers Nachricht von dem Kriege Sigismundi mit den Venedigern и съ Coc'cinus исторiей италiянскихъ войнъ; — Göbler: Chronica der Kriegshändel des Kaisers Maximilians I gegen die Venediger und Franzosen (1566); — Bartoldo Facio: De bello Veneto Clodiana (1578 и 1728) и De rebus gestis Alphonsis regis Neapol. (1566); — испанцовъ: Herrera: И. войнъ въ Италiи съ 1285 до 1559 г., — Don Juan Manuel и др. тоже, — о войнахъ французовъ въ Савойѣ и Пиемонтѣ: Visconti (1601), De la Popelinière (1601), Bouchet (1626) и Zilioli (1642), и въ Корсицѣ Merello (1607). Изъ числа нѣмецкихъ исторiй о войнахъ нѣмцовъ въ Италiи лучшiй источникъ — биографiи Гюргенса или Георга и Каспара Фрундсберговъ, отца и сына, главныхъ полководцовъ Максимилиана I и Карла V (1572); — Don Avila y Zunigas: описанiе военныхъ подвиговъ Карла V, въ томъ числѣ и въ Италiи (см. ниже) и Schel: Militairisch-politische G. der Länder des österreichischen Kaiserstaates, 8 B. (1827). — Вообще литература исторiи войнъ въ Италiи весьма богата, такъ какъ и войнъ этихъ со стороны Францiи, Испанiи и Германiи было очень много.

Не менѣе богата также и литература исторiи войнъ Испанiи и Португаллiи, какъ въ общенсторическомъ отношенiи, такъ и въ военнoисторическомъ. Въ первомъ можно указать De Hita (1809) и Burke (1811) исторiи мавровъ въ Испанiи, — Bigland: И. Испанiи (1823), — Faria y Sousa (1730), De la Clède (1735), Schäfer (1836), исторiи Португаллiи. — Въ военнo-историческомъ же отношенiи: Fonseca: Storia dell' espulsione dei Mori dalla Spagna (1611), — Piedratria: H. de las conquistas de el nuevo regno de Grenada (1676). — Mendoza: Guerra de Grenada, Филиппа IV противъ мавровъ (изд. въ XVI вѣкѣ и въ 1776 году), — о войнахъ испанцовъ въ Италiи — въ исторiи Guicciardini (см. выше), и въ Нидерландахъ — въ исторiяхъ Meteeren, Charpuys, Farnian Strada, Schiller и Koch (см. выше Нидерланды). — Исторiя королей и другихъ лицъ: Abbé Mignot: H. de Ferdinand et d' Isabelle (1766) и Prescott тоже (1839); — Карла V — Don Avila y Zunigas (1549), Vera (1633) и Figueroa (1667) и главная — Robertson (1769); — Филиппа II — Cabrera de Cordua (1719) и Watson (1777); — Филиппа III — Watson (1788); — Duponcet: H. de Gonsalve de Cordoue (1714). — Исторiи войскъ: Marin y Mendoza: H. de la milicia espa-

nola (1776) и Guillaume: H. des gardes wallones au service d' Espagne, Bruxelles (1858).

Источники и историческія пособия по исторіи войнъ Германіи и Австріи весьма обильны. Изъ нихъ слѣдуетъ указать по части общей политической исторіи: Le Père Barre (1748), Fréron (1771), Schmidt (1784), Hасberlin und Senkendorf (1774 — 1804), Menzel (1826—30), Schlosser (1844),—Ranke (1839 и 1868);—Австріи—Schel (см. выше),—Габсбургскаго дома—Lichnowsky и Австрійскаго дома—Сохе (1810);—Пруссіи: Frédéricie II: H. de la maison de Brandebourg (1751), Voigt (1827), Lancizolle (1840) и Mebes (1861): исторіи Бранденбургіи и Пруссіи.—По исторіи войнъ: Schmidt (1858), между Адольфомъ пассаускимъ и Албрехтомъ австрійскимъ за престолъ имперіи, — Göbler, при Максимилианѣ I (см. выше), — Ranke (1832) при Фердинандѣ I и Максимилианѣ II; — крестьянской войны (Bauernkrieg): Waldau (1790 — 94), Sartorius (1795), Baczko, Münzer (1812), Oechsle (1830), Kurz, Jachenau (1846), Zimmermann (1856), — и въ нижней Австріи: Haselbach (1867);—Шмалкаденской: Don Avila y Zunigas (см. выше), Hortleder (1645) и Wrissberg (1742); — Heilmann и Würdinger: (1868 — 9): Kriegsgeschichte von Baiern, Franken, Pfalz und Schwaben; Dittmer: G. der Kriege der See- oder Wendischen Städte gegen Dänemark und Norwegen nach 1367 (1859);—Kollmann: Belagerung von Bremen und Schlacht bei Drakenburg 1547 (1847);—осада Сигета и смерть Зрини въ исторіи Туана (Thuan) изд. въ XVI вѣкѣ; осада Вѣны турками въ 1529 г.: Rocolos (1684) и Hammer (1829); — военныя дѣйствія въ Венгріи и Трансильваніи: Meyer (1665) и хронологія ихъ (1603);—сраженіе при Пави (1609). — Исторіи императоровъ: Сигизмунда — Aschbach (1838), Максимилиана I — Treitzsauerwein (1775 — 96), Карла V—Don Avila y Zunigas, Vera, Figueroa, Leti и Robertson (см. выше) и Lettenhove (1862); — Фердинандъ I — въ Khevenhüllers Annales Ferdinandei (1717—26) и Bucholtz (1831—38);—Фердинанда I и Максимилиана I—Ranke (1832); — Георга и Каспара Фрундсберговъ (см. выше);—Гёца фонъ Берлихингена: Steigerwald und Pistorius (1731) и Zöpfl (1850).—По исторіи войскъ: Barthold: Georg von Frundsberg oder das deutsche Kriegshandwerk zur Zeit der Reformation (1833),—и Beiträge zur G. des österreichischen Heerwesens, II Ablth. Quellen der österreichischen Kriegs- und Organisations-Geschichte (Wien 1872).

По военной исторіи Чехіи или Богеміи источниками служатъ: хроники: Энея Сильвія (Цикколомини, въ послѣдствіи папа

Пія II), на лат. яз. 1475, въ чешскомъ пер. 1510—85 у позже;—Вѣнцеслава Гайека (латин. 1761—82); — исторіи: Палацкаго (1844—76) особенно,—Пельцеля, Томка (русскій переводъ Яковлева 1868), Schlesinger (1869); — по исторіи гуситскихъ войнъ: Laurentii Byzinii (Лаврентія Брецовскаго): *Origo et diarium belli Hussitici*,—Lenfant: *Hussitenkriege*, 4 B. (1784), особенно подробно;—Palacky: *Der Hussitenkrieg von 1419 bis 1431*, въ его исторіи Богеміи (1851),—и Grünhagen: *Die Hussitenkriege der Schlesiens 1420—1435* (1872).

О войнахъ Венгріи и Трансильваніи: въ исторіяхъ: Mathias Bell (1723—48), Brenner (1739), Georgii Pray (1761—1801),—De Sacy (1778), Katona (1779—1806), Wladislas Szalay и Попова: Мадьярскій историкъ Владиславъ Салай и исторія Венгріи отъ Арпада до Прагматической санкціи (1868), особенно,—и Графа Майлата И. Венгріи, также;—*Chronologia* или историческое описаніе военныхъ дѣйствій и осадъ въ Венгріи и Трансильваніи противъ турокъ съ 1395 г. до XVII в. (1603);—Ortelii et Meyer: войны въ Венгріи и Трансильваніи съ 1395 года до 1665 года (1665);—Ostertag: *Hungarisches Kriegs - Theatrum, von der vorgefallenen Schlachten, Belagerungen und Eroberungen* (1716);—Chassin: *Jean de Hunyad* (1859).

Наконецъ въ заключеніе слѣдуетъ указать нѣкоторые источники и историческія пособия по исторіи рыцарскихъ орденовъ (сверхъ указанныхъ уже въ 1-й и 2-й частяхъ В. В. И. среднихъ временъ), а именно: общія исторіи рыцарскихъ орденовъ: Giustiniani (1692) и Viton de S-t Allais (1811);—Тамплиеровъ или рыцарей Св. Храма: Dupuy (1713 и 1851), Père Le Jeune (1789 и 1805) и Havemann: *G. des Ausganges des Tempel-Ordens* (1846); — Св. Іоанна Іерусалимскаго: Caoursine (латин. 1496), Veltroni (латин. 1588), Bosio (1594 и 1632) и Pauli (1733),—Іерусалимскою, потомъ Родосскою и наконецъ Мальтійскою: Vertôt (1726) и Père Bouhours: *H. de Pierre d'Aubusson, grand-maitre de Rhodes* (1676 и 1739).

О Г Л А В Л Е Н І Е.
Ч А С Т И Т Р Е Т Ь Е Й.
 П е р і о д а т р е т ь я г о.
 О Т Д Ъ Л Е Н І Я П Е Р В А Г О
 Б Ъ З А П А Д Н О Й Е В Р О П Ъ,

	СТРАН.
ГЛАВА XIII. Военное устройство и военное искусство вообще	3
§ 98. Военное устройство государствъ вообще	—
§ 99. Введеніе огнестрѣльнаго оружія;—артиллерія	4
§ 100. Конница	7
§ 101. Пѣхота	9
§ 102. Строй и образъ движеній и дѣйствиій войскъ	12
§ 103. Внутреннее устройство войскъ и армій	15
§ 104. Инженерное искусство	18
§ 105. Общій выводъ	22
ГЛАВА XIV. Военное устройство и военное искусство въ частности	24
§ 106. Въ Англіи	—
§ 107. Во Франціи	29
§ 108. Въ Бургундіи	41
§ 109. Въ Швейцаріи	43
§ 110. Въ Италіи	48
§ 111. Въ Испаніи и Португаліи	52
§ 112. Въ Германіи и Австріи	56
§ 113. Въ Чехіи или Богеміи	85
§ 114. Въ Венгріи	92

ГЛАВА XV. Замѣчательнѣйшія войны и походы этого періода . . .	100
§ 115. Образъ веденія войны и характеръ войнъ въ западной Европѣ въ этомъ періодѣ вообще . . .	—
I. Замѣчательнѣйшіе походы во время войны англичанъ съ французами за наслѣдство французскаго престола.	102
§ 116. Первые три похода Эдуарда III, короля англійскаго, во Франціи (1339—1345).	102
§ 117. 4-й походъ Эдуарда III во Франціи (1346).	103
§ 118. 5-й и 6-й походы Эдуарда III во Франціи (1355—56)	106
§ 119. 7-й походъ Эдуарда III во Франціи (1359—60)	107
§ 120. Послѣдніе походы Эдуарда III во Франціи (1369—76).	108
§ 121. Походы Генриха V, короля англійскаго во Франціи (1415—22)	—
II. Войны швейцарцовъ съ австрійцами и бургундцами . . .	111
§ 122. Войны швейцарцовъ съ австрійцами въ XIV и XV столѣтіяхъ	—
§ 123. Война въ 1315 г.	112
§ 124. Война въ 1339, 1386 и 1388 г.г.	113
§ 125. Война въ 1444 г.	115
§ 126. Войны швейцарцовъ съ бургундцами (1474—78).	116
III. Войны гуситовъ (1420—1434).	118
§ 127. Войны гуситовъ при Жижкѣ (1420—1424).	—
§ 128. Войны гуситовъ по смерти Жижки (1425—1434).	131
ГЛАВА XVI. Замѣчательнѣйшія войны и походы этого періода (продолженіе)	141
IV. Войны Франціи съ Испаніей и Австріей за обладаніе Италіей и политическое первенство.	—
§ 129. Походъ Карла VIII въ Италіи (1494—96)	—
§ 130. 1-й походъ Людовика XII въ Италіи и завоеваніе имъ миланскаго герцогства (1499—1500)	145
§ 131. Война французовъ съ испанцами въ неаполитанскомъ королевствѣ (1501—1503)	146
§ 132. Война въ Италіи съ 1509 до 1514 г.	147
§ 133. 1-й походъ Франциска I въ Италіи и завоеваніе имъ миланскаго герцогства (1515—16)	150
§ 134. 1-я война Франциска I съ Карломъ V (1521—26).	153
§ 135. 2-я война Франциска I съ Карломъ V (1527—29).	157
§ 136. 3-я война Франциска I съ Карломъ V (1535—38).	158
§ 137. 4-я война Франциска I съ Карломъ V (1542—44).	160

V. Походы 1546 и 1547 г.г. въ Германіи во время Шмалькалденской войны.	162
§ 138. Походъ 1546 г. на Дунаѣ	—
§ 139. Походъ 1547 г. въ Саксоніи	166
ГЛАВА XVII. Замѣчательнѣйшія войны и походы этого періода (окончаніе).	168
VI. Походы Генриха IV, короля французскаго и принца пармскаго во Франціи (1589—1601).	—
§ 140. Походъ 1589 г. противъ герцога Майенна	—
§ 141. Походъ 1590 г. противъ герцога Майенна, графа Эгмонта и принца пармскаго.	170
§ 142. Походы 1591 и 1592 г.г. противъ герцога Майенна и принца пармскаго.	171
§ 143. Война Франціи съ Испаніей (1595—98).	172
VII. Замѣчательнѣйшіе походы и военныя дѣйствія во время войны за независимость Нидерландовъ съ 1568 года до 1607 года.	174
§ 144. Начало войны. — 1-й походъ герцога Альбы (1568).	—
§ 145. Возобновленіе войны покореніемъ Бриля и всего Зелланда мергѣйзами (1572—73)	178
§ 146. Война во время правленія Режесенса (1574—76).	181
§ 147. Замѣчательнѣйшія военныя событія во время правленія Дона Хуана австрійскаго (1577—78).	183
§ 148. Замѣчательнѣйшія военныя дѣйствія принцовъ пармскаго и Морнца оранскаго (1579—1593).	184
§ 149. Война съ 1593 г.	186

КАРТЫ,

приложенныя къ 1-му отдѣленію 3-й части В. В. И. среднихъ вре-
менъ.

Карты Европы, съ частію Азіи и Африки, въ XIV, } въ нача-
XV и XVI столѣтіяхъ. } лѣ книгп.

Чертежи боевыхъ порядковъ нѣмецкихъ ландскнехтовъ и рейтеровъ
и швейцарскихъ войскъ, и Поліорцетика среднихъ вѣковъ—
приложены къ 1-й и 2-й частямъ В. В. И. среднихъ вре-
менъ.

ВСЕОБЩАЯ
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ
СРЕДНИХЪ ВРЕМЕНЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

Отъ введенія огнестрѣльнаго оружія до тридцатилѣтней войны
(1350—1618).

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ.

ГЛАВА XIII.

ВОЕННОЕ УСТРОЙСТВО И ВОЕННОЕ ИСКУСТВО ВООБЩЕ.

§ 98. Военное устройство государствъ вообще. — § 99. Введение огнестрѣльнаго оружія.—Артиллерія. — § 100. Конница.—§ 101. Пѣхота. — § 102. Строй и образъ движеній и дѣйствій войскъ. — § 103. Внутреннее устройство войскъ и армій. — § 104. Инженерное искусство. — § 105. Общій выводъ.

§ 98.

Военное устройство государствъ вообще.

Въ XIV и XV столѣтіяхъ, съ постепеннымъ упадкомъ феодализма, усиліемъ монархической власти и совершенствованіемъ гражданскаго устройства европейскихъ государствъ, феодальное военное устройство уступало мѣсто новому, болѣе правильному и сообразному съ истинными пользами—государственному. Феодальныя войска постепенно уменьшались числомъ, сзывались и употреблялись рѣже, между тѣмъ какъ наемныя войска на жалованьѣ, напротивъ, умножались числомъ, получали правильное военное устройство и становились главною и лучшею частью государственныхъ военныхъ силъ.

Во 2-й половинѣ XV вѣка во всѣхъ частяхъ военнаго устройства государствъ, въ томъ числѣ и въ повсемѣстно распространившемся уже огнестрѣльномъ оружіи, произошли значительныя усовершенствованія. Военное искусство возрождалось на началахъ новыхъ и совершенно отличныхъ отъ тѣхъ, которыя служили основаніемъ военному искусству какъ древнихъ временъ, такъ и временъ феодализма и рыцарства.

Наконецъ въ XVI вѣкѣ, съ совершеннымъ паденіемъ феодализма, утверженіемъ монархической власти и съ нею новыхъ отношеній

*

политических и гражданских, произошли и важнѣйшія усовершенствованія въ военномъ устройствѣ и военномъ искусствѣ. По этой причинѣ XVI вѣкъ составляетъ замѣчательный періодъ первыхъ началъ новѣйшаго военного искусства. Въ первой и особливо во второй половинѣ его во всѣхъ европейскихъ государствахъ на государственномъ иждивеніи уже содержались правильно устроенныя, постоянныя, народныя либо иноплеменные наемныя войска на жалованьѣ. Наборъ этихъ войскъ производился на основаніи особыхъ въ каждомъ государствѣ учрежденій, преимущественно же и повсемѣстно посредствомъ вербованія. Устройство и содержаніе войскъ и военный порядокъ въ нихъ были опредѣлены особыми законами. Военное званіе перестало быть исключительнымъ преимуществомъ дворянства, народъ не былъ болѣе устранимъ отъ него, а дворянство предпочитало уже государственную военную службу въ постоянныхъ войскахъ. Мало по малу пѣхота сдѣлалась первенствующимъ родомъ войскъ, а конница, уступивъ ей прежнія свои значеніе и важность, получила устройство болѣе правильное, нежели прежде. Неменьшіе успѣхи во всѣхъ отношеніяхъ сдѣлала и артиллерія, которая съ этого времени начала входить, вмѣстѣ съ пѣхотой и конницей, въ одинъ общій составъ благоустроеннаго войска. Вооруженіе, строй и образъ дѣйствій войскъ, построеніе, осада и оборона крѣпостей, всѣ части военного устройства, всѣ отрасли военного искусства получили значительное развитіе, были ознаменованы важными усовершенствованіями. Всѣ эти усовершенствованія были только началомъ новѣйшаго военного искусства, но началомъ весьма важнымъ по сравненію съ низкою степенью совершенства, на которой и военное устройство государствъ и войскъ, и военное искусство находились въ западной Европѣ въ предшествовавшія времена феодализма и рыцарства.

§ 99.

Введеніе огнестрѣльнаго оружія.—Артиллерія.

Въ 1-й и 2-й частяхъ настоящей В. В. И. среднихъ временъ уже было сказано, что разнаго рода зажигательные составы ранѣе всѣхъ были извѣстны китайцамъ и употреблялись ими съ военными цѣлями, отъ нихъ въ VII вѣкѣ по Р. Х. перешли къ аравитянамъ и черезъ грека Каллиника—къ византійскимъ грекамъ (подъ названіемъ греческаго огня), и что аравитяне употребляли ихъ на войнѣ до конца XIII вѣка безъ селитры, а съ конца XIII вѣка и съ селитрой, т. е. въ составѣ пороха и посредствомъ огнестрѣльныхъ орудій. Въ то же время,

въ XIII вѣкѣ сочиненіе Марка Грека ознакомило съ составомъ пороха, ракетой и петардой западную Европу, и нѣкоторые ученые люди въ ней, особенно Албертъ Великій, епископъ Регенбургскій (1193—1280), и Роджеръ Бэконъ, англійскій монахъ (1214—1292), въ своихъ сочиненіяхъ обратили вниманіе на этотъ предметъ, хотя и не прибавили ничего своего новаго. Нѣсколько позже нѣмецкій монахъ Бертольдъ Шварцъ (1290—1310) въ Майнцѣ, производя алхимическіе опыты, случайно открылъ составъ и дѣйствіе пороха и потому долго былъ признаваемъ изобрѣтателемъ его, а также и литья огнестрѣльныхъ орудій. Во всякомъ случаѣ достовѣрно то, что порохъ и употребленіе его и огнестрѣльныхъ орудій съ военными цѣлями сдѣлались извѣстными въ западной Европѣ отъ испанскихъ мавровъ во 2-й четверти XIV вѣка и были употреблены на войнѣ прежде всего въ Италіи (въ 1326 г.), затѣмъ во Франціи (въ 1338—42 гг.), въ Англии (въ 1344—47 гг.), въ Германіи—въ то же время и наконецъ во всей западной Европѣ—въ 3-й четверти XIV вѣка, такъ что въ послѣдней четверти его огнестрѣльное оружіе уже повсемѣстно было введено въ ней. Первоначально и порохъ, и огнестрѣльныя орудія и оружіе были весьма несовершенны, стоили очень дорого и употреблялись при осадѣ и оборонѣ городовъ, позже на морѣ и наконецъ уже въ полевыхъ сраженіяхъ. Въ исходѣ XIV вѣка начали уже отливать цѣльныя орудія изъ мѣди, чугуна и бронзы. Орудія эти, подъ общимъ названіемъ бомбардъ (*bombardae*) были огромной величины, заряжались большимъ количествомъ пороха и бросали сначала каменья и каменные, а потомъ желѣзные и свинцовыя ядра (иногда въ 100, даже 250, 500, 1000 и болѣе фунтовъ). Они утверждались на деревянныхъ колодахъ или станкахъ, къ которымъ въ послѣдствіи стали придѣлывать по 2 низкихъ колеса. Въ половинѣ XV вѣка въ Италіи были изобрѣтены мортиры и введено навѣсное метаніе бомбъ изъ нихъ. Въ полѣ огнестрѣльныя орудія были въ первый разъ употреблены, кажется, нидерландцами въ 1382 г., въ сраженіи съ французами при Розабекѣ. Флорентійскій историкъ Виллани (умершій въ 1348 г.) свидѣтельствуетъ, что англичане въ сраженіи при Креспи въ 1346 году имѣли бомбарды, изъ которыхъ стрѣлами желѣзными пулями по французской конницѣ. Но эти бомбарды еще не могли быть огнестрѣльными орудіями, а вѣроятно были ручнымъ и притомъ еще очень несовершеннымъ оружіемъ. Этого рода оружіе, послѣ неудачныхъ опытовъ въ 1364 г. въ Перуджѣ, въ Италіи, является въ первый разъ въ 1382 году въ Аугсбургѣ, равно у венеціанъ и генуэзцевъ. Въ началѣ XV вѣка оно уже было значительно распространено въ Европѣ подъ общимъ названіемъ склопетовъ (*sclopetum*), хотя все еще было очень несовершенно.

Но вообще огнестрѣльное оружіе совершенствовалось очень медленно до самаго исхода XV вѣка. Со времени же начала войнъ въ Италиі и въ продолженіи всего XVI вѣка, особливо во второй половинѣ его, оно уже сдѣлало значительные во всѣхъ отношеніяхъ успѣхи. Французамъ первымъ принадлежитъ честь существенныхъ улучшеній артиллеріи. Они облегчили и усовершенствовали орудія и сдѣлали ихъ удобными для дѣйствій въ полѣ. Въ арміи Карла VIII, въ походѣ 1494 г. въ Италиі, въ первый разъ является правильно устроенная полевая артиллерія, весьма легкая, свободно слѣдовавшая за движеніями войскъ и прислуга которой производила пальбу съ чрезвычайною для того времени скоростью. Примѣру Франціи начали слѣдовать и другія государства. Орудія стали облегчать, но вмѣстѣ съ тѣмъ долго еще сохраняли и прежнія огромной величины. Въ Германіи артиллерія была многимъ обязана Максимилиану I и Карлу V. Первый ввелъ лучший способъ сверленія орудій и далъ имъ облегченные лафеты, а послѣдній началъ и въ мирное время содержать извѣстное число пушекъ, учредилъ, по примѣру венеціанъ, артиллерійскія школы и далъ артиллеріи то ученое направленіе, которое было причиной позднѣйшихъ ея усовершенствованій. Въ половинѣ XVI вѣка въ Италиі и Германіи занимались уже теоріей артиллеріи. Въ 1540 г. въ Нюрнбергѣ изобрѣтена артиллерійская шкала, и съ тѣхъ поръ лѣтѣ орудій подчинено извѣстнымъ законамъ и нѣкоторому однообразію. Орудія въ это время состояли въ Италиі, Испаніи и Франціи изъ пушекъ, бомбардъ и фальконетовъ, а въ Германіи изъ картаунъ или полевыхъ и стѣнобитныхъ орудій и изъ гауфницъ (гаубицъ), метавшихъ каменя, зажигательные снаряды и иногда родъ картечи. Сверхъ того были большія и малыя мортиры.

Послѣ сраженія при Павіи, полевая артиллерія во Франціи пришла въ упадокъ и уменьшилась числомъ, такъ что въ релігіозныхъ войнахъ было иногда по 3—4 орудія съ каждой стороны. Но при Сюлли она снова усовершенствовалась и умножилась.

Въ нидерландской войнѣ артиллерія, особенно лабораторная часть, была значительно усовершенствована. Между прочимъ, вмѣсто заряженія шуфлами, введены заряды въ картузахъ. Орудія дѣлились тогда на шланги, картауны и пушки, и на каморныя орудія. Длина шланговъ, равно какъ и величина зарядовъ и снарядовъ, со временемъ увеличались чрезвычайно.

Артиллерійсты составляли вездѣ, преимущественно въ Германіи, особенный пѣхъ и занимались за жалованье тамъ, гдѣ въ пѣхъ была надобность. Въ концѣ XVI вѣка во Франціи и нѣкоторыхъ дру-

гихъ государствахъ артиллерія дѣлилась уже на роты, которыя имѣли своихъ капитановъ и офицеровъ.

Въ XV и XVI столѣтіяхъ было изобрѣтено множество различнаго рода и разныхъ названій ручнаго огнестрѣльнаго оружія, которое зажигалось сначала ручнымъ, а позже накрученнымъ на колесо блпзъ каморы фитилемъ, въ концѣ же XVI вѣка было снабжено замками. Главными видами ручнаго огнестрѣльнаго оружія были съ XV вѣка аркебуза, а съ половины XVI мушкетъ, который былъ гораздо легче и удобнѣе аркебузы, и сверхъ того карабинъ, пистолеть и др.

§ 100.

К о н н и ц а .

Въ XIV и частію въ XV столѣтіяхъ конница сохранила еще тѣ же устройство, значеніе и важность, которыя имѣла во времена феодализма и рыцарства. Она дѣлилась на тяжелую, составленную изъ рыцарей, среднюю — изъ рыцарскихъ оруженосцевъ, и легкую — изъ рыцарскихъ конныхъ стрѣлковъ. Рыцари имѣли тоже вооруженіе, что и прежде, но только еще тяжелѣе, потому что толщина латы, по странному вліянію дѣйствія огнестрѣльнаго оружія, постепенно увеличивалась. Копье и мечъ были главнымъ оружіемъ рыцарей.

Конные стрѣлки, вооруженные гораздо легче рыцарей, стрѣлявшіе сначала изъ луковъ, потомъ изъ арбалетъ и наконецъ изъ длинныхъ аркебузъ и называвшіеся у французовъ *senequins*, когда стрѣляли изъ луковъ, и *argoulets*, когда стрѣляли изъ аркебузъ, у нѣмцевъ и у швейцарцовъ — *Ringerpferde*, а у венгерцовъ — *гусарамп* *), назначались для поддержанія рыцарей, для развѣдыванія, развѣдыванія о непріятелѣ, преслѣдованія его и т. п.

Но съ половины XV вѣка рыцарская конница начала уступать мѣсто постоянной, правильно устроенной и терять прежнія свои значеніе и важность. Первою такою конницею были учрежденныя Карломъ VII^{во} Франціи, въ 1445 г., 15 ордоначствъ-ротъ (*compagnies d'ordonnance*). Каждая рота состояла изъ 100 такъ называемыхъ полныхъ копій (*lance fournie ou garnie*), а полное копье — изъ 1 рыцаря или латника (*homme d'armes*), 3-хъ конныхъ стрѣлковъ (*archers*), 1 оруженосца (*coutillier*) и 1 пажы или прислужника (*page*,

*) Отъ слова *husz*, гусъ — 20, такъ какъ у венгерцовъ съ половины XV вѣка 20-й человекъ былъ обязанъ идти на войну.

ou valet), всего изъ 6-ти (въ послѣдствіи изъ 7 и 8) человекъ. Такимъ образомъ въ каждой ротѣ было 600, а во всѣхъ 15-ти—9,000 вооруженныхъ всадниковъ, не считая множества состоявшихъ въ послѣдствіи при каждой ротѣ волонтеровъ, которые увеличивали силу роты иногда вдвое, т. е. до 1,200 человекъ. Каждая рота имѣла своего начальника (капитана), его помощника (поручика) и прапорщика, возившаго штандартъ. Ордонансъ-роты получали жалованье на смотрахъ (montres), которые имъ дѣлали особые инспекторы и комиссары, и были размѣщены по 25—30 человекъ въ городахъ и селеніяхъ. Особыми постановленіями опредѣлены были: число лошадей у каждаго служившаго въ нихъ, порядокъ службы, слѣдованіе по этапамъ для сборовъ, вниманіе подводъ и пр.

Но введеніе постоянной, правильно устроенной конницы распространялось не скоро. Въ Германіи и особливо въ Испаніи долго сохранялась тяжеловооруженная рыцарская конница. Въ Италіи конница состояла либо изъ дворянскихъ конныхъ дружинъ (lanze sprezzate, lanspessades), либо изъ разнаго рода бродягъ и низшаго званія людей, принадлежавшихъ къ дружинамъ, извѣстнымъ подъ названіемъ кондоттиеровъ (по названію вербовавшихъ ихъ и начальствовавшихъ ими вождей — condottieri). Эта конница не имѣла никакого устройства, занималась на службу за жалованье и была извѣстна своими безпорядками и грабежами. У швейцарцовъ конницы было очень мало, потому что она имъ была не такъ нужна въ горахъ и притомъ содержаніе ея было для нихъ слишкомъ дорого. У венгерцовъ же главную часть войска составляла превосходная легкая конница.

Постепенное и повсемѣстное введеніе постоянной, правильно устроенной конницы, равно какъ и важнѣйшія перемѣны и усовершенствованія въ ея устройствѣ, произошли уже въ XVI вѣкѣ, особливо во второй половинѣ его. Хотя конница и уступила уже тогда первенствующее мѣсто въ войскѣ пѣхотѣ, но все еще была многочисленна и пользовалась большимъ уваженіемъ. Она дѣлилась на тяжелую и легкую, которыя начали постепенно вооружать огнестрѣльнымъ оружіемъ и отдѣлять одну отъ другой. Такимъ образомъ составила тяжелая конница—шперрейтеры (Sperrreuter) и легкая—конные аркебузиры, лучшими между которыми считались испанскіе (arcabuseros). Сверхъ того во многихъ государствахъ (особенно въ Италіи и Франціи) служили на жалованьи страдіоты или албанская легкая конница, одѣтая, вооруженная и сражавшаяся по образцу турокъ. Испанцы вооружили въ послѣдствіи часть аркебузиривъ карабинами и составили изъ нихъ карабинеровъ, которые

состояли при легкой конницѣ и были учреждены также въ другихъ государствахъ.

Конница дѣлилась на корнеты или роты, силою отъ 200 до 250 человекъ и коней въ каждой.

Ордонансъ-роты были введены, по примѣру Франціи, и въ другихъ государствахъ. Лучшими считались бургундскія. Такъ какъ постоянной, правильно устроенной конницы было мало, то сверхъ того вербовалась въ разныхъ странахъ, преимущественно въ Германіи, наемная конница.

Для быстрого перемѣщенія пѣхоты съ мѣста на мѣсто, вскорѣ составили пѣхоту, посаженную на коней, которую называли драгунами. Вооруженіе, строй и образъ дѣйствій драгуновъ были сначала тѣ же, что и пѣхоты. Но въ послѣдствіи драгуновъ начали обучать также и конной службѣ.

Во второй половинѣ XVI вѣка въ конницѣ отмѣнены были пивы, не столько изъ убѣжденіе въ неудобствѣ ихъ, сколько по затруднительности имѣть потребное число рослыхъ и способныхъ къ службѣ тяжелой конницы лошадей. Отмѣнивъ пивы, принцъ Морицъ оранскій въ Нидерландахъ и Генрихъ IV во Франціи вооружили тяжелую конницу пистолетами и другаго рода огнестрѣльнымъ оружіемъ и превратили ее въ кирасировъ. Въ Германіи отмѣна пивъ произвела новый, средній родъ конницы — нѣмецкихъ рейтеровъ (*deutsche Reuter, reitres*), которые вербовались изъ прежней рыцарской конной прислуги, первоначально для нидерландцевъ.

§ 101.

П ѣ х о т а .

Въ XIV вѣкѣ и въ первой половинѣ XV пѣхота набиралась между сельскими жителями, либо выставялась городами, и была почти въ томъ же состояніи, что и во времена феодализма и рыцарства. Въ случаяхъ, особенно важныхъ, рыцари спѣшивались и сражались пѣшими. Вооруженіе пѣхоты, чрезвычайно разнообразное, состояло вообще изъ легкихъ шишака и панцыря или кольчуги (подъ послѣдними пѣхота носила обыкновенно кожаный колетъ, подбитый толстымъ холстомъ въ 25—30 рядовъ), изъ луковъ или арбалетъ, болѣе или менѣе длинныхъ мечей, пикъ, дротиковъ, сѣкиръ и малыхъ, круглыхъ щитовъ (*rondaches*).

Особенный и лучший родъ пѣхоты составляли стрѣлки изъ луковъ и арбалетъ. Англійскіе, венеціанскіе и генуэзскіе преимущественно

славялись искусствомъ въ стрѣльбѣ. Во Франціи въ 1445 году Карль VII установилъ, чтобы каждый приходъ всегда имѣлъ въ готовности одного стрѣлка, вооруженнаго лукомъ и стрѣлами. Эти стрѣлки были обязаны упражняться въ стрѣльбѣ въ цѣль, освобождены отъ податей и составляли вольныхъ стрѣлковъ (*frances-archers, frances-taupins*). Они были легко вооружены, имѣли, сверхъ луковъ и арбалетъ, частію дротикъ или пикъ, частію кинжалы или мечи. Число ихъ простиралось до 16,000 человекъ. Они состояли подъ вѣдѣніемъ своего собственнаго главнаго начальника (*commandant-général*, а потомъ *grand-maitre des arbalétriers*) и раздѣлялись на четыре 4-хъ-тысячныя банды (*bandes*), каждая подъ начальствомъ генераль-капитана (*capitaine-général*) и изъ 7-ми отдѣленій или ротъ, а каждая рота—въ 500 человекъ подъ начальствомъ капитана (*capitaine*).

Сверхъ того во Франціи были вербованныя пѣшія дружины, составленныя изъ бродягъ и разнаго званія людей, служившія въ полкахъ или частнымъ людямъ на жалованье, подъ названіемъ бригадовъ (*brigands*) и авантюрьеровъ (*aventuriers*), не имѣвшія никакого устройства и предававшіяся немовѣрнымъ безпорядкамъ и грабежу.

Особенная важность и значеніе пѣхота приобрѣла только со времени появленія нѣмецкихъ ландскнехтовъ и швейцарской пѣхоты. Недостатокъ хорошей пѣхоты въ феодальныхъ войскахъ побудилъ въ Германіи людей бѣднаго состоянія, которые не могли служить въ конницѣ, соединяться, составлять пѣшія дружины, вооруженныя пиками, мечами, кинжалами, и наниматься на службу за жалованье тамъ, гдѣ въ нихъ была надобность. Таково было происхожденіе ландскнехтовъ (*Lands-knechte*). Дружины ландскнехтовъ славялись своимъ устройствомъ, порядкомъ и дисциплиной и были извѣстны подъ многоразличными названіями. Замѣчательнѣйшею была большая или черная дружина (*magna gardia* или *Schwarze Haufen*), которая, прослуживъ почти во всѣхъ европейскихкихъ государствахъ, наконецъ, находясь въ службѣ Франціи, была истреблена въ сраженіи при Павіи. Дружины ландскнехтовъ состояли сначала изъ однихъ нѣмцовъ, но потомъ изъ людей разныхъ націй, имѣли свои особенныя уставы и обычаи и составляли въ XVI вѣкѣ особыя полки подъ начальствомъ вербовавшихъ ихъ полковниковъ.

Швейцарская пѣхота образовалась въ продолжительныхъ и упорныхъ войнахъ, которыя швейцарцы вели съ австрійцами и бургундцами за свою независимость. Она носила легкіе панцири, кольчуги или кожаные колеты и была вооружена пиками, алебардами, отчас-

ти большими боевыми мечами, а впоследствии и огнестрѣльнымъ оружіемъ. Швейцарцы первые отмѣнили употребленіе щитовъ. Примѣру ихъ послѣдовали въ другихъ государствахъ, заимствовавъ у нихъ, вмѣсто того, вооруженіе пѣхоты пиками и аллебардами.

Ландскнехты и швейцарская пѣхота служили на жалованьѣ во многихъ государствахъ (особливо во Франціи, гдѣ со временъ Людовика XI во французскомъ войскѣ было постоянно 6,000 человѣкъ швейцарской пѣхоты).

Но важнѣйшія перемѣны и усовершенствованія въ устройствѣ пѣхоты произошли въ XVI вѣкѣ, особливо во второй половинѣ его. Въ это время пѣхота приобрѣла тѣ значеніе и важность, которыя сдѣлали изъ нея первенствующій родъ войскъ. Она начала дѣлиться на роты (*Fahnen, Fähnlein, bandes, compagnies*), силой отъ 300 до 600 человѣкъ, подъ начальствомъ капитановъ, и на полки изъ бѣльшаго или меньшаго числа ротъ, подъ начальствомъ полковниковъ. При Карлѣ V полки состояли обыкновенно изъ 10 ротъ, силой каждая отъ 400 до 500 человѣкъ, изъ которыхъ часть была вооружена пиками, другая огнестрѣльнымъ оружіемъ, а третья аллебардами, дротниками, боевыми мечами и т. п. Роты дѣлились на взводы. Во Франціи банды при Людовикѣ XII, Францискѣ I и Генрихѣ II были силой отъ 500 до 1,000 и 2,000 человѣкъ. Францискъ I, имѣя въ виду образовать національную пѣхоту, учредилъ семь 6-ти-тысячныхъ областныхъ легионовъ, каждый по 6-ти бандъ въ 1,000 чел., и вооруженныхъ, какъ швейцарцы, пиками, аллебардами и огнестрѣльнымъ оружіемъ. Но это учрежденіе, по безпорядкамъ, которымъ предавались легионы, удержалось недолго.

Въ половинѣ XVI вѣка арбалеты, сохранившіеся всехъ долѣе во Франціи и Испаніи, исчезли совершенно. Пѣхота была уже вооружена только пиками, аллебардами и огнестрѣльнымъ оружіемъ. Мушкетами вооружали сначала только часть пѣхоты и къ каждой ротѣ придавали по 10, 15 и постепенно болѣе мушкетеровъ. Пикинеры были вооружены пиками въ 16 и до 18 футовъ длиною.

Во второй половинѣ XVI вѣка сила ротъ и полковъ была различная, но вообще простиралась отъ 150 и 200 до 300 человѣкъ въ ротахъ и отъ 2 до 4—5,000 челов. въ полкахъ. Соединеніе трехъ полковъ называлось часто баталіей (*battaglia*), а у испанцевъ терціей (*tercia*). Пѣхота была уже составлена изъ однихъ пикинеровъ и мушкетеровъ. Первыхъ сначала было болѣе, нежели послѣднихъ; но когда мушкеты были облегчены, число мушкетеровъ увеличилось и въ началѣ XVII вѣка $\frac{2}{3}$ пѣхоты состояли уже изъ мушкетеровъ, а $\frac{1}{3}$ изъ пикинеровъ. Мушкетеры и пикинеры носили легкіе шпашки

и панцыри, и пикичеры были иногда вооружаемы, вмѣсто пикъ, аллебардами или боевыми мечами.

Важнѣйшія усовершенствованія пѣхоты во второй половинѣ XVI вѣка были произведены преимущественно въ войнѣ и войскахъ нидерландскихъ. Первые войска нидерландцовъ, въ началѣ войны ихъ съ испанцами, были неустроенныя и дурно-вооруженныя толпы. Кадрами для нихъ служили стрѣлковыя гильдіи или цѣхи, либо городовыя роты. Но это пособіе было неважное, и войска нидерландскія только тогда начали получать лучшее устройство, когда къ нимъ стали присоединяться вербованныя въ Германіи нѣмецкія пѣшія и конныя дружины (ландскнехты и рейтеры). Вскорѣ нидерландцы имѣли уже отличную пѣхоту, которая особенно была усовершенствована принцомъ Моррицомъ оранскимъ. Онъ издалъ правила однообразныхъ приемовъ мушкетомъ и пикой, усовершенствовалъ мушкетные замки и ускорилъ тѣмъ пальбу, ввелъ мѣрный шагъ, эволюціи, изъ которыхъ главными были смыканіе, размыканіе, вдвоиваніе и проч., и произвелъ многія другія существенныя улучшенія.

§ 102.

Строй и образъ движеній и дѣйствій войскъ.

Тяжелая конница до XVI вѣка строилась для боя въ одну линію (*en haie*) или въ нѣсколько линій одна за другою. Легкая конница съ XV, а тяжелая съ XVI вѣка начали въ боевомъ порядкѣ строиться въ большія сомкнутыя, почти квадратныя массы или колонны. Для атаки же латники или шперрейтеры строились по 20—30 чел. въ 1—2 шеренги, аркебузиры и карабинеры—глубокими, разомкнутыми для пальбы, а кирасиры—глубокими же, но сомкнутыми массами или колоннами; драгуны, спѣшившіеся, строились какъ пѣхота. Пѣхота до половины XV вѣка не имѣла правильнаго строя, во второй же половинѣ его и въ XVI вѣкѣ строилась, подобно коплицѣ, въ глубокихъ, сомкнутыхъ, почти квадратныхъ массахъ или колоннахъ, которыя назывались баталіями (*batailles*). Шеренги пикичеровъ были въ баталіяхъ перемежаны съ шеренгами аллебардистовъ. Часть аркебузирова, а потомъ мушкетеровъ становилась въ 1 шеренгу впереди передней и въ 1 шеренгу позади задней шеренгъ баталіи и сверхъ того—по флангамъ послѣдней. Всѣ же остальные затѣмъ аркебузиры или мушкетеры строились по 4-мъ угламъ баталіи, въ 4-хъ разомкнутыхъ колоннахъ, по 7-ми человекъ во фронтѣ и 37-ми человекъ въ глубину. Первая шеренга, сдѣлавъ выстрѣлъ,

отходила чрезъ интервалы за заднюю шеренгу и заряжала аркебузы или мушкеты, пока не доходила до нея снова очередь. Такого рода строй пѣхоты сохранялся очень долго, не смотря на то, что былъ чрезвычайно подверженъ дѣйствию огнестрѣльнаго оружія. Впрочемъ глубина строя, сначала увеличивавшаяся, въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтій нѣсколько уменьшилась и простира-лась до 10 и 8 шеренгъ, а въ случаѣ надобности баталіи строил-ься даже иногда въ 5 шеренгъ въ глубину. Въ это время пики-неры сражались вообще въ сомкнутомъ, а мушкетеры въ разом-кнутомъ или въ разсыпномъ строѣ. Для начатія боя вызывались охот-ники (*enfants perdus*, *Läufer*), а иногда 10-й человекъ по жре-бію, которые сражались также въ разсыпномъ строѣ. Маркизь Пес-кара усовершенствовалъ дѣйствіе въ разсыпномъ строѣ (въ пер-вой половинѣ XVI вѣка) тѣмъ, что обучалъ испанскихъ аркебу-зирова, при нападеніи на нихъ конницы, собираться въ кучки и стрѣ-лять всадникамъ во флангъ, что, по причинѣ неповоротливости тог-дашней конницы, почти всегда сопровождалось успѣхомъ.

Въ общемъ строѣ до половины XV вѣка конница становилась обыкновенно въ одну или нѣсколько линій впередъ, а пѣхота—по-зади ея. Съ половины XV вѣка колонны пѣхоты часто перемежнва-вали съ колоннами конницы, для взаимнаго ихъ между собою под-крѣпленія; между тяжелою конницею ставили аркебузирова, которые должны были стрѣльбою разстронвать непріяеля и тѣмъ облегчать конницѣ поражение его, а позади всѣхъ войскъ ставили въ резервѣ часть тяжелой конницы, а иногда и пѣхоту. Съ XVI вѣка пѣхоту ставили обыкновенно въ центрѣ, а конницу по флангамъ, иногда пѣхоту въ нѣсколько линій, а конницу на одномъ изъ ея фланговъ или позади ея, и т. п. Вообще войска строились въ это время либо въ одну линію, либо въ нѣсколько линій одна за другою, либо въ шахматномъ порядкѣ, либо наконецъ полувружіемъ, выдвинувъ впе-редь оба крыла. При построеніи войскъ въ общій боевой порядокъ наблюдалось, чтобы мѣстность была ровная и открытая и чтобы солнце и вѣтеръ были сзади или покрайней мѣрѣ съ боку.

Артиллерию соединяли въ одну или нѣсколько батарей и ставили на одномъ или нѣсколькихъ важнѣйшихъ пунктахъ боевой линіи, отсы-лая подъемныхъ лошадей и воловъ, на которыхъ она перевозилась, назадъ въ вагенбургъ. Отъ этого происходило то, что артиллерія не могла слѣдовать за движеніями войскъ, при наступленіи послѣднихъ должна была прекращать огонь и въ случаѣ потери сраженія доста-валась вся побѣдителю. Тѣмъ не менѣе участіе артиллеріи въ сра-женіяхъ и вліяніе ея на успѣхъ ихъ увеличивались постепенно бо-лѣе и болѣе.

Образъ дѣйствій войскъ въ бою въ XIV вѣкѣ и частію въ XV былъ почти тотъ же, что и во времена феодализма и рыцарства. Но по мѣрѣ распространенія огнестрѣльнаго оружія, каждый родъ войскъ началъ сражаться особеннымъ образомъ, либо въ сомкнутомъ, либо въ разомкнутомъ строѣ. Главную силу конницы начали болѣе и болѣе поставлять въ палубѣ, а не въ атакѣ холоднымъ оружіемъ. Латники или шперрейтеры производили атаку малыми частями, въ разомкнутомъ строѣ, на всемъ скаку, держа пики на перевѣсѣ. Кирасиры атаковали пѣхоту въ сомкнутомъ строѣ рысью, нападенія же конницы выжидали, стоя на мѣстѣ, и, по приближеніи ея, производили палубу по-шереножно. Кирасиры противъ кирасировъ сражались въ разомкнутомъ строѣ. Карабинеры при конницѣ производили палубу точно также, какъ мушкетеры при пѣхотѣ. Драгуны сражались, въ пѣшемъ строѣ, всегда какъ пѣхота. Въ пѣхотѣ мушкетеры производили палубу въ разомкнутомъ либо въ разсыпномъ строѣ, а пикинеры атаковали, либо выжидали атаки, стоя на мѣстѣ— въ сомкнутомъ строѣ, держа пики на перевѣсѣ.

Когда два войска сближались, то изъ обонхъ высылались охотники, которые и завязывали между собою перестрѣлку. Подъ прикрытіемъ ихъ, войска съ обѣихъ сторонъ строились въ боевой порядокъ. Въ это же время происходили (даже въ XVI вѣкѣ) единоборства начальниковъ или простыхъ воиновъ, либошибки одной части войскъ съ другою. Бой почти всегда ограничивался однимъ фронтальнымъ дѣйствіемъ; обходы или фланговые атаки происходили рѣдко и то большею частію случайно. До XVI вѣка бой, какъ и прежде, превращался въ общую схватку, въ которой обѣ стороны сражались безъ всякаго порядка, до тѣхъ поръ, пока одна изъ нихъ не брала верхъ. Оттого сраженія XIV и XV столѣтій были весьма кровопролитны и оканчивались совершеннымъ пораженіемъ и иногда даже истребленіемъ побѣжденнаго. Въ XVI вѣкѣ, съ постепенно увеличивавшимся вліяніемъ огнестрѣльнаго оружія, сраженія стали однако не столь кровопролитны и рѣшительны. Разбитаго непріятеля преслѣдовали рѣдко, большею же частію оставались, по прежнему обычаю, три дни на полѣ сраженія.

Въ походѣ войска слѣдовали глубокими массами или колоннами, пѣхота передѣшанная съ конницею, имѣя стрѣлковъ спереди и сзади. Артиллерія составляла особенную колонну; прикрытіе оной, считавшееся весьма почетнымъ, ввѣрялось ландскнехтамъ или швейцарской пѣхотѣ. Противъ непріятеля, имѣвшаго превосходную числомъ конницу, какъ напр. противъ турокъ, войска слѣдовали обыкновенно подъ прикрытіемъ съ четырехъ сторонъ вагенбурга, имѣя артиллерію спереди и сзади. Въ концѣ XVI вѣка принято было, что-

бы на походѣ мушкетеры шли впереди пикинеровъ, а тяжелая конница впереди легкой. Карабинеры составляли авангардъ, аррьергардъ и боковые патрули. Обозы при войскахъ постепенно увеличивались и въ концѣ XVI вѣка состояли изъ большого числа повозокъ, вьючныхъ лошадей и проч., при которыхъ находилась многочисленная прислуга и множество бесполезныхъ людей.

§ 103.

Внутреннее устройство войскъ и армій.

Образъ начальствованія и управленія войсками почти до XVI вѣка сохранялся тотъ же, что и во времена феодализма и рыцарства, но съ постепеннымъ введеніемъ постоянныхъ, правильно-устроенныхъ войскъ сдѣлался также болѣе правильнымъ и былъ основанъ на болѣе или менѣе сложномъ чиноначаліи. Арміями предводительствовали, какъ и прежде, сами государи либо назначаемые имъ главные полководцы: въ Германіи—оберъ-фельдгауптманы, во Франціи—коннетабли и маршалы, и пр. Всѣми военными машинами и орудіями завѣдывали сначала въ Германіи—крюгъ-баумейстеры, а во Франціи—начальники арбалетчиковъ (*grands-maitres des arbalétriers*). Но когда огнестрѣльное оружіе распространилось и прежнія машины и орудія исчезли, тогда артиллеріей и всѣмъ, къ ней относившимся, завѣдывали генераль-фельдцейгмейстеры, а крюгъ-баумейстеры имѣли уже въ своемъ вѣдѣніи однѣ военныя постройки. Подъ начальствомъ главныхъ полководцовъ были полевые маршалы (*maréchal de camp*, *Feldmarschall*), которые завѣдывали конницей, походными движеніями войскъ, расположеніемъ ихъ въ лагеряхъ и для боя, порядкомъ на походѣ и въ лагеряхъ и имѣли своихъ помощниковъ (*lieutenants*), — комиссары, которые завѣдывали обученіемъ и содержаніемъ войскъ и выдачею имъ жалованья, генераль-профоссы, провіантмейстеры, квартирмейстеры и мн. др. Государи избирали полковниковъ изъ знатныхъ родомъ или пользовавшихся военною извѣстностью лицъ и поручали имъ вербовать полки. Полковники, въ свою очередь, избирали капитановъ, которые вербовали роты и принимали въ нихъ офицеровъ. Въ ротахъ же нижніе чины сами избирали изъ среды своей фельдфебелей, капраловъ, сержантовъ, фурьеровъ и проч. Число офицеровъ въ ротахъ было въ разныхъ государствахъ различное.

Войска, устроенныя по феодальному, должны были, собираясь, являться съ собственнымъ продовольствіемъ, а потомъ поступать на

содержаніе государей. Но послѣднее производилось такъ неправильно, что войска были невольно принуждены содержать себя грабежомъ. Со введеніемъ и распространеніемъ постоянныхъ, правильно-устроенныхъ войскъ, и содержаніе ихъ на государственный счетъ получило, безъ сомнѣнія, болѣе правильный видъ, нежели прежде; за всѣмъ тѣмъ, по причинѣ плохого состоянія финансовъ всѣхъ государствъ, частыхъ злоупотребленій низшихъ властей, несовершенства въ хозяйственномъ управленіи войскъ и т. п., оно находилось еще въ большомъ безпорядкѣ. Войска продовольствовались не изъ магазиновъ, не правильнымъ сборомъ съ непріятельскаго края, но подвозами изъ собственнаго, либо вольною покушкой, а чаще всего произвольными поборами или грабежомъ. Оттого весьма часто они терпѣли недостатокъ въ продовольствіи, который препятствовалъ исполненію военныхъ предпріятій и приобрѣтенію въ военныхъ дѣйствіяхъ надлежащаго успѣха и былъ причиной голода, болѣзней, смертности, безпорядковъ, побѣговъ и быстро уменьшенія числа войскъ. Послѣ бѣдственнаго похода своего въ 1537 г. во Франціи, Карлъ V въ 1546 году, передъ началомъ Шмалькальденской войны, велѣлъ заблаговременно устроить склады продовольствія и фуража, поставить въ войско опредѣленное количество сухарей и имѣть постоянно при войскѣ извѣстное число хлѣбопеконъ, ручныхъ мельницъ, полевыхъ печей и хлѣба въ зернѣ. Но едва-ли это не единственный примѣръ правильнаго устройства продовольственной части въ продолженіи всего этого періода.

Жалованье наемнымъ и постояннымъ національнымъ войскамъ, весьма различное въ разныхъ государствахъ, было опредѣляемо либо взаимными добровольными условіями, либо особыми постановленіями. Вообще конница получала оклады жалованья болѣе, нежели пѣхота; почти вездѣ было принято выдавать жалованье за 3 мѣсяца впередъ, а въ XVI вѣкѣ сверхъ того существовалъ обычай, по которому за взятіе штурмомъ города или замка, либо за выигранное сраженіе войска получали штурмовое и боевое жалованье (*Sturm-und Schlacht-Sold*); тогда текущій мѣсяць считался конченнымъ и начинался новый.

Въ Германіи, гдѣ главнымъ способомъ набора войскъ было вербованіе, жалованье выдавали сами полковники. Но по причинамъ, о которыхъ говорено выше въ отношеніи къ продовольствованію, т. е. по плохому состоянію финансовъ, недостатку денегъ и особливо частымъ злоупотребленіямъ, жалованье вездѣ и всегда выдавалось очень неисправно либо иногда весьма долго не выдавалось вовсе. Слѣдствіемъ этого были, особливо во второй половинѣ XVI вѣка,

частые мятежи войскъ, сопряженныя со всякаго рода безпорядками и неистовствами.

Въ XIV и XV столѣтіяхъ, въ войскахъ, устроенныхъ еще по феодальному, не было ни подчиненности, ни порядка, но въ войскахъ наемныхъ и постоянныхъ они соблюдались уже строже и увеличивались по мѣрѣ умноженія числа какъ этихъ войскъ, такъ и постановленій, опредѣлявшихъ ихъ устройство. Въ XVI вѣкѣ особенно было много сдѣлано для утверждения въ войскахъ подчиненности и порядка. Въ первой половинѣ его, Фердинандъ Католикъ въ Испаніи, Францискъ I и Генрихъ II во Франціи и Карлъ V въ Германіи издали строгіе военные законы, имѣвшіе цѣлю искорененіе въ войскахъ буйства, своеволія, разврата, поединковъ и пр. и утверженіе въ нихъ подчиненности и порядка. Во второй половинѣ XVI вѣка прежніе военные законы подтверждены и дополнены новыми, и порядокъ службы, военныя обязанности, подчиненность, мѣра наказаній за преступленія и пр. были опредѣлены точными правилами и постановленіями. Военныя преступленія судились либо военными, либо полковыми судами. Военные законы вообще были очень строги и даже жестоки; нарушеніе ихъ наказывалось большею частію смертною казнью: отсѣченіемъ головы, либо повѣшеніемъ, прогнаніемъ съвозъ строй пикъ, а по отбѣнѣ пикъ — разстрѣляніемъ и т. п. Смертью наказывались также побѣги и нарушеніе правилъ о поединкахъ, которые были дозволены только подъ нѣкоторыми условіями. Особенно строги были законы въ отношеніи къ бунтамъ войскъ, которые всего чаще происходили въ Нидерландахъ, какъ въ испанскихъ, такъ и въ нидерландскихъ войскахъ. Странное явленіе представляли эти бунты: войска, которыя были образцомъ военныхъ подчиненности и порядка, пока исправно получали жалованье, разрывали всѣ узы повиновенія и подчиненности, коль скоро долго или вовсе не получали его. Но и тогда, низложивъ своихъ начальниковъ, держа въ плѣну и даже умерщвляя ихъ, они нерѣдко избирали себѣ изъ своей среды начальника, повинувся ему безпрекословно, и оказывали чудеса храбрости, хотя и съ недостойною цѣлю грабежа и удовлетворенія себя деньгами, и достигнувъ этой цѣли, снова подчинялись законному порядку и по прежнему становились покорными и послушными. Слабость начальниковъ, дурное обращеніе ихъ съ войсками, особенно же постыдное ихъ лихоимство и разнаго рода злоупотребленія, если и не оправдывали бунтовъ войскъ, то по крайней мѣрѣ служили имъ слишкомъ достаточными побужденіями и поводами. Нѣкоторые полководцы, особенно-любимые и уважаемые войсками (какъ, напримѣръ, донъ Хуанъ австрійскій, принцъ пармскій и въ особенности принцъ Морицъ оранскій), умѣли соблюдать

въ войскахъ подчиненность и порядокъ, а въ случаѣ бунтовъ—укрощать ихъ съ рѣдкимъ присутствіемъ духа.

Но вообще говоря, не смотря на большое число и строгость военныхъ законовъ и постановленій, подчиненности и порядка въ войскахъ было мало, развратъ, безнравственность, грубость, жестокость, буйство, корыстолюбіе были чрезвычайныя, а грабежъ, разнаго рода преступленія и, какъ сказано, бунты случались безпрестанно. Отсутствіемъ либо нарушеніемъ военныхъ подчиненности и порядка особенно отличались испанскія и италіанскія войска, нѣмецкія же и швейцарскія—менѣе.

Если законъ строго наказывалъ преступленія, то особенная милость государя или главнаго полководца щедро награждала военныя заслуги и отличія. Наградами служили либо золотыя цѣпи, въ видѣ знаговъ отличія, либо повышенія въ чинахъ или должностяхъ, либо денежныя подарки, которые иногда обезпечивали награжденнаго на цѣлую жизнь, и т. п.

Увеличившіяся важность и значеніе денегъ для войны и еще болѣе алчность къ нимъ особенно усматриваются изъ обращенія съ плѣнными. Въ нидерландской войнѣ обѣ стороны сначала вели войну и поступали съ плѣнными весьма жестоко, большею частію предавая ихъ смерти. Но со времени начальствованія дона Хуана австрійскаго и принца пармскаго, когда война приняла характеръ менѣе жестокой, съ плѣнными стали обращаться лучше, имѣя въ виду брать за нихъ выкупъ. Сначала этотъ выкупъ былъ произвольный и стоилъ знатнымъ людямъ огромныхъ суммъ. Въ послѣдствіи же принято было нѣкоторымъ образомъ за правило, чтобы выкупа съ плѣнныхъ ниже полковника брать не болѣе мѣсячнаго жалованья по чину.

§ 104.

Инженерное искусство.

Въ XIV и XV столѣтіяхъ войска въ полѣ и въ лагеряхъ располагались подъ прикрытіемъ обозовъ, усиленныхъ иногда рвомъ и землянымъ валомъ, рѣдко палисадомъ. Въ искусствѣ устроить и оборонять вагенбургъ славились въ особенности гусситы и доблестный предводитель ихъ Янъ (Іоаннъ) Жижка (Žižka); отъ нихъ это искусство распространилось въ Германіи и остальной Европѣ.

Съ увеличившимся же вліяніемъ огнестрѣльнаго оружія, въ XV вѣкѣ начали устроить земляные окопы (змѣеобразныя, зубчатые, з-хъ,

4-хъ, 5-ти и болѣе многоугольныя и пр.), состоявшіе изъ рва и вала. Ихъ вооружали орудіями, усиливали высокими болверками или рунделями по угламъ и иногда палисадомъ, волчьими ямами и т. п. во рву. Еслиже время или обстоятельства не позволяли устраивать земляныхъ окоповъ, то войско по прежнему прикрывалось вагенбургомъ, передъ которымъ дѣлали иногда небольшую земляную насыпь со рвомъ.

Во второй половинѣ XVI вѣка полевые укрѣпленія начали устраивать съ сильнѣйшимъ противъ прежняго профилемъ и усиливать ихъ болверками, рavelинами и даже наружными верками. Въ нидерландской войнѣ введено устройство штерншанцовъ съ 4-мя—6-ю болверками, какъ въ полѣ для прикрытія отдѣльныхъ постовъ, такъ и при осадахъ. Въ это же время начали устраивать предмостныя укрѣпленія (тегъ-де-пону).

Лагери укрѣплялись очень тщательно и сильно. Артиллерійскій паркъ, главная квартира, а при осадахъ и каждая часть войскъ были прикрываемы особенными укрѣпленіями и всѣ окружаемы одною общою, сомкнутою, укрѣпленною линіей.

Въ нидерландской войнѣ, по свойству края и характеру войны, были значительно усовершенствованы укрѣпленіе и оборона отдѣльныхъ зданій, фермъ, монастырей и проч., равно селеній и мѣстечекъ.

Построеніе, осада и оборона крѣпостей въ XIV вѣкѣ и даже въ первой половинѣ XV оставались почти въ томъ же положеніи, что и прежде во времена феодализма и рыцарства. Стѣннбитныя орудія, метательныя машины, подвижныя башни, искусственные огни, зажигательные составы и пр. употреблялись тѣже, но, по мѣрѣ распространенія огнестрѣльнаго оружія и увеличенія вліянія его—рѣже и рѣже и наконецъ къ исходу XV вѣка исчезли совершенно. Тогда для осады и обороны крѣпостей стали уже употреблять исключительно большія огнестрѣльныя орудія и мортиры. Въ половинѣ XV вѣка во Франціи, при Карлѣ VII, начали производить при осадахъ земляныя работы, которыя однако были очень несовершенны, а тогдашнія мины, еще не пороховыя, были не иное что, какъ прежніе подкопы подъ стѣнн. Осаждавшій окружалъ крѣпость, какъ и прежде, циркумъ-и контръ-валационными линіями, сомкнутыми или разомкнутыми, и по приближеніи непріятеля для освобожденія крѣпости, выжидалъ въ нихъ его нападенія.

Если искусство построенія, осады и обороны крѣпостей не сдѣлало значительныхъ успѣховъ въ XIV и XV столѣтіяхъ, то въ XVI напротивъ оно было такъ усовершенствовано во всѣхъ отношеніяхъ, сначала въ Италіи, а потомъ въ Нидерландахъ, что къ началу XVII

*

вѣка достигло уже значительной степени совершенства, послужившей къ позднѣйшимъ его успѣхамъ.

Усовершенствованія въ построеніи крѣпостей, произведенныя въ первой половинѣ XVI вѣка въ Италіи, состояли: 1) въ постепенномъ переходѣ отъ прежнихъ стѣнъ и башенъ къ куртнамъ и рунделямъ, изъ которыхъ послѣднія вскорѣ превратились въ нынѣшніе бастионы,—2) въ устроеніи гласиса и прикрытаго пути, а передъ крѣпостными воротами—полукруглой земляной насыпи, позже превратившейся въ равелинъ,—3) въ устроеніи, возлѣ высокихъ фланговъ бастионовъ, другихъ низкихъ для фланговой обороны,—4) въ значительномъ возвышеніи бастионовъ и въ устроеніи, въ серединѣ ихъ, высокихъ кавалеровъ, и наконецъ 5) во введеніи въ употребленіе (Петромъ наварскимъ) пороховыхъ минъ и контръ-минъ. Такого рода усовершенствованное построеніе крѣпостей, появившееся въ Италіи, а оттуда перенесенное италіянскими инженерами въ Германию, Францію, Нидерланды и т. д., извѣстно подъ названіемъ италіянской системы.

Крѣпости часто брали въ это время эскалодой (всходомъ по лѣстницамъ), либо посредствомъ тайныхъ сношеній съ жителями, подкупомъ, хитростью и т. п. Еслиже эти средства были невозможны или недостаточны, то крѣпость облагали и производили правильную осаду ея, ведя траншеи (неправильною ломаною линіей), устроивая высокія батареи, превышавшія крѣпостные каваліеры, и производя съ нихъ чрезвычайно сильный огонь. На вершинѣ гласиса устроивались брешь-батареи. Пороховыя мины дѣлались еще довольно неискусно и были несовершенны; поэтому часто прибѣгали еще къ прежнимъ землянымъ подкопамъ.

Осажденные, съ своей стороны, также производили весьма сильный огонь по работамъ осаждавшаго, ночью освѣщали ихъ свѣтящими ядрами, устроивали впереди рва земляныя, полукруглыя насыпи или деревянныя болверки, для препятствованія осаднымъ работамъ, дѣлали частыя вылазки, заклепывали орудія и пр. и при штурмованіи бреши обороняли ее сильнымъ дѣйствіемъ огнестрѣльныхъ орудій изъ-за абшинтовъ съ валомъ и рвомъ, метаніемъ ручныхъ гранатъ, корзинокъ или мѣшковъ съ камнями и пр. И если крѣпость была взята штурмомъ, то ни гарнизону, ни жителямъ не было пощады.

Во второй половинѣ XVI вѣка въ Нидерландахъ начали устроить, для скорости и прочности и за неимѣніемъ надлежащаго количества каменнаго матеріала, высокій земляной валъ, а впереди его такой же низкій или фоссъ-брею (*faussebraye*), для обстрѣливанія рва и прикрытаго пути. Оборону прикрытаго пути усиливали

устроениемъ двойнаго прикрытаго пути и въсколькими рядами палисадовъ передъ нимъ. Важнѣйшее же усовершенствованіе состояло во введеніи наружныхъ укрѣпленій или верковъ (контръ-гардовъ, деми-люнъ, люнетовъ, теналей и пр.), отдѣльныхъ укрѣпленій и фортовъ, соединенныхъ съ крѣпостью траншеями (которыя позже превратились въ контръ-апроши), наконецъ различнаго рода и вида внутреннихъ верковъ, для удержанія и обороны крѣпости и по взятіи главнаго вала.

Всѣ эти усовершенствованія, равно какъ и большое количество крѣпостей въ Нидерландахъ, частыя осады, упорство и искусство, съ которыми производились какъ осада, такъ и оборона, были причинами, что въ способахъ осады и обороны крѣпостей во время нидерландской войны произошли многія и важныя усовершенствованія. Правильныя осады производились очень долго, потому что съ обѣихъ сторонъ было равное искусство, и съ большими упорствомъ и ожесточениемъ, сообразно съ характеромъ самой войны. Траншеи открывались уже на разстояніи пушечнаго выстрѣла и велись зигзагами; часто къ крѣпости подвигались и прямо крѣтими траншеями (позднѣйшею крытою сапшой). Параллелей еще не закладывали, а вмѣсто нихъ устроивали на извѣстныхъ разстояніяхъ брустверы для прикрытія войскъ. Для тѣснѣйшаго обложенія крѣпостей, расположенныхъ на рѣкахъ или на берегу моря, устроивали разнаго рода плотины, а на рѣкахъ мосты съ укрѣпленіями и батареями. За исключеніемъ брешъ-батарей, всѣ прочія батареи превышали главный валъ. На моряхъ и рѣкахъ устроивались большія пловучія батареи. Съ батареями производился чрезвычайно сильный и для тогдашняго времени скорый огонь.

Въ это же время начали употреблять летучую сапшу, блинды, фашины, мѣшки съ пескомъ и пр. Для высматриванія того, что дѣлалось въ крѣпости, устроивались высокія подзорныя башни или каланчи. Для перехода черезъ ровъ изобрѣли множество различныхъ способовъ: накладывали фашины, деревья, строили мосты, самбуки (подъемные мосты на судахъ) и т. п. Для штурмованія бреши собирали со всѣхъ войскъ охотниковъ, изъ которыхъ составляли отдѣльныя части или баталіоны.

Оборонявшійся, кромѣ вылазокъ и сильнаго огня артиллеріи, велъ контръ-апроши, устроивалъ на главномъ валѣ траверсы, въ бастіонахъ абшнаты и деревянные капонеры, оборону рва усиливалъ устроениемъ шлюзовъ для искусственныхъ наводненій, и пр.

Минныя работы употреблялись очень часто и были значительно усовершенствованы.

Въ концѣ нидерландской войны начали гораздо чаще, по взятіи

крѣпости, брать гарнизонъ въ плѣнъ, для того, чтобы потомъ брать за него выкупъ. И вообще съ жителями покоренныхъ крѣпостей въ это время стали поступать съ меньшею противъ прежняго жестокостью.

§ 105.

О б щ и й в ы в о д ъ.

Изъ изложеннаго выше (§§ 98—104) въ общемъ выводѣ видно, что въ 2½ вѣка этого періода времени, и военное устройство государствъ, армій и войскъ, и военное искусство, по всѣмъ частямъ и во всѣхъ отношеніяхъ, въ западной Европѣ развивались постепенно, изъ полувѣка въ полувѣкъ, все болѣе и болѣе, и наибольшихъ развитія и совершенства, сравнительно съ предъидущими двумя періодами среднихъ вѣковъ, достигли во 2-й половинѣ XVI вѣка и въ началѣ XVII. При этомъ одно введеніе огнестрѣльнаго оружія не можетъ еще быть признано исключительною и даже главною причиною такого развитія. Причинъ его было много, и совокупность ихъ происходила вообще изъ успѣховъ ума человѣческаго и цивилизаціи въ западной Европѣ, въ борьбѣ съ варварствомъ, невѣжествомъ и неустройствомъ среднихъ вѣковъ, и изъ дѣйствительнаго возрожденія не однихъ только наукъ и искусствъ, но и всего политическаго, государственнаго и общественнаго строя жизни народовъ западной Европы.

Собственно въ военномъ отношеніи, успѣхи этого возрожденія, сравнительно съ предъидущими средними вѣками, нельзя не признать столько же быстрыми, сколько и отрадными. Особенно благоприятно было для нихъ усиленіе монархической власти и вслѣдствіе того ослабленіе прежняго хаоса феодализма и рыцарства, столько же несогласныхъ съ условіями истинныхъ успѣховъ военнаго искусства и даже противныхъ имъ, сколько, напротивъ, благоприятно имъ было усиленіе монархической власти. Съ ослабленіемъ и наконецъ исчезновеніемъ этихъ двухъ препонъ, успѣхи военнаго устройства и военнаго искусства, уже не задерживаемые болѣе ими, быстро пошли впередъ и послужили прекраснымъ началомъ дальнѣйшаго движенія ихъ въ будущемъ. Вникая въ постепенный ходъ ихъ въ настоящемъ періодѣ, легко и ясно усмотрѣть можно, что первые 1½ вѣка (1350—1500) или 3 полувѣка были временемъ боренія новыхъ началъ порядка и устройства съ прежними, имѣвшими корни свои еще въ варварствѣ, невѣжествѣ и неустройствѣ среднихъ вѣковъ. И въ

этомъ бореніи участвуютъ всѣ вообще, безъ исключенія, элементы военнаго устройства и военнаго искусства, въ томъ числѣ, какъ часть цѣлаго, и новое оружіе — огнестрѣльное. Напрасно было бы смотрѣть на него лишь какъ на новое средство истребленія рода человѣческаго: напротивъ, введеніе его слѣдуетъ признать явнымъ успѣхомъ въ военномъ дѣлѣ, ибо исторія свидѣтельствуетъ, что оно послужило не къ увеличенію, а къ уменьшенію золь, соединенныхъ съ войною и боемъ, сравнительно съ прежнимъ родомъ ручнаго, бѣлаго оружія и съ гораздо болѣе кровопролитнымъ дѣйствіемъ его въ рукопашномъ бою. Поэтому и всякіе успѣхи новаго оружія въ этомъ періодѣ можно привѣтствовать и какъ успѣхи новаго военнаго искусства. И это тѣмъ болѣе, что оно имѣло и не могло не имѣть существеннаго, хотя и медленнаго, вліянія на всѣ части военнаго устройства и на всѣ отрасли военнаго искусства. Это и усматривается въ постепенныхъ успѣхахъ устройства и конницы, и пѣхоты, и образа дѣйствій ихъ въ бою, и внутренняго устройства войскъ и армій, и искусства построенія, атаки и обороны полевыхъ и долговременныхъ укрѣпленій. Это послѣднее искусство, которое достойно можно и должно назвать новымъ — инженернымъ, достойно же становится рядомъ съ такими же новыми—артиллерійскимъ, тактическимъ, военно-административнымъ и стратегическимъ, постепенно болѣе и болѣе отличающимися отъ прежнихъ, и въ средніе вѣки, и въ древнія времена. Наибольшей—сравнительно съ ними—полноты своего развитія эти отрасли новаго военнаго искусства достигли, какъ сказано, въ 1-й и особенно во 2-й половинѣ XVI вѣка и въ началѣ XVII. Новое доказательство, что при всемъ участіи въ этомъ новаго огнестрѣльнаго оружія, нѣтъ однако достаточной причины относить начало военной исторіи новыхъ временъ исключительно къ введенію этого оружія въ XIV вѣкѣ, но имѣется уважительная причина отнести его къ концу XVI вѣка и преимущественно къ 30-лѣтней войнѣ и къ участію въ ней Густава-Адольфа въ 1-й половинѣ XVII вѣка, какъ то было объяснено въ предисловіи къ 1-й и 2-й частямъ настоящей В. В. И. среднихъ временъ.

ВОЕННОЕ УСТРОЙСТВО И ВОЕННОЕ ИСКУСТВО ВЪ ЧАСТНОСТИ.

§ 106. Въ Англии.—§ 107. Во Франци.—§ 108. Въ Бургунди.—§ 109. Въ Швейцарии.—§ 110. Въ Итали.—§ 111. Въ Испани и Португали.—§ 112. Въ Германни и Австри.—§ 113. Въ Богемии.—§ 114. Въ Венгри.

§ 106.

В ъ А н г л и и .

Военное устройство Англии въ предъидущемъ періодѣ было совершенно измѣнено завоевателемъ ея (въ 1066 г.), герцогомъ французской Нормандіи Вильгельмомъ. Онъ замѣнилъ аллодіальное военное устройство феодальнымъ, постановивъ, чтобы всѣ ленные владѣтели и свободнорожденные люди, по требованію его, служили въ войскѣ 40 дней на собственномъ содержаніи. Главнымъ родомъ войскъ сдѣлалась уже рыцарская конница и все вообще военное дѣло получило феодально-рыцарскій характеръ.

Но уже первые преемники Вильгельма Завоевателя, убѣдясь во всѣхъ недостаткахъ и неудобствахъ феодальныхъ ополченій, оставили дворянству, вмѣсто личной службы, платить соразмѣрную ихъ состоянію денежную сумму, на которую начали содержать наемныя войска.

Дарованіе королемъ Іоанномъ Безземельнымъ, въ 1215 г., великой хартіи (Magna Charta) или грамоты свободы, вторично и на этотъ разъ рѣшительно измѣнило военное устройство Англии. Упрочивъ права всѣхъ народныхъ сословій и участіе ихъ въ управленіи государствомъ, великая хартія возложила на нихъ и обязан-

ность защищать его. Дворяне, имѣвшіе болѣе 40 фунтовъ стерлинговъ дохода, образовали тяжелую рыцарскую конницу, а всѣ другіе свободнорожденные люди, соразмѣрно ихъ состоянію — или легкую конницу (hoblers), или тяжелую, линейную пѣхоту (footmen), или пѣшихъ стрѣлковъ (archers). Для этого всѣ способные къ военной службѣ были обязаны, подѣ страхомъ вѣчнаго рабства, два раза въ годъ являться въ полномъ, установленномъ вооруженіи на смотрѣ къ особымъ мѣстнымъ начальникамъ (constables), которые и выбирали на службу самыхъ годныхъ къ ней людей. Констебль всего королевства и областные маршалы имѣли общее наблюденіе за точнымъ исполненіемъ этихъ постановленій и за правильнымъ содержаніемъ войска изъ суммъ собираемой на то подати.

Лучшими изъ означенныхъ выше родовъ войскъ были стрѣлки, которыхъ современные писатели превозносили за ихъ искусство въ стрѣльбѣ, храбрость и боевую опытность. Они были вооружены луками въ 6 футовъ длины (long bows), легкими и тяжелыми стрѣлами, короткими мечами и носили легкіе шлемы, грудныя латы или кольчуги и небольшіе круглыя щиты для защиты въ рукопашномъ бою. Они были особенно опасны и страшны для рыцарской конницы, прежде всего убивая ея лошадей. Сверхъ главнаго назначенія своего — стрѣлковаго, они употреблялись также и для рукопашнаго боя и славились внезапностью, быстротою и силою своихъ атакъ.

Тяжелая или линейная пѣхота, главнымъ оружіемъ которой были копья и длинныя ножи (въ родѣ древнихъ римскихъ, короткихъ и широкихъ мечей), была довольно хорошо устроена и обучена. Валлійскія дружины оной особенно славились своими отвагой и храбростью. Въ общемъ боевомъ порядкѣ войска она составляла центръ въ строѣ фаланги, глубиною въ 4, 8 и болѣе человекъ или шеренгъ. Стрѣлки же строились бороной (into hearses). Вся пѣхота раздѣлялась на двадцатки (20 воиновъ), сотни и тысячи, подѣ начальствомъ двадцатниковъ (vintenors), сотниковъ (centenors) и капитановъ (leaders).

Все вооруженіе, строй и образъ дѣйствій тяжелой рыцарской конницы (knights, bachelors, men at arms) были такіе же, какъ и во всей западной Европѣ вообще. Легкая конница (hoblers, mounted bow-men), на малорослыхъ, но быстрыхъ и неутомимыхъ коняхъ, сражалась и въ конномъ, и въ пѣшемъ строѣ, оказала большія услуги во всѣхъ войнахъ и походахъ англичанъ, но отличалась хищностью и жестокостью.

Къ этимъ преимуществамъ въ устройствѣ и искусствѣ дѣйствій англійскихъ войскъ присоединялся и порядокъ внутренняго устройства ихъ, опредѣленный военными уставами (особенно Эдуарда III и Генриха V). Въ войскахъ строго соблюдалась военная дисциплина.

лина; всѣ они, отъ высшихъ чиновъ до низшихъ, получали за 3 мѣсяца впередъ жалованье отъ правительства; при арміяхъ состояло положенное число священниковъ, врачей, разныхъ чиновъ по интендантской части, военныхъ рабочихъ и пр., равно кожаныхъ понтоновъ для переправъ черезъ рѣки, и всякаго рода метательныхъ орудій и военныхъ машинъ для осады городовъ.

Въ такомъ состояніи находились военное устройство и военное дѣло въ Англіи до 2-й половины XIV вѣка и даже позже. Но введеніе огнестрѣльнаго оружія, хотя въ Англіи и болѣе медленное, нежели въ другихъ государствахъ западной Европы, съ ходомъ времени стало постепенно измѣнять и военное устройство, и военное дѣло въ Англіи. Прежняя ленная военная служба прекратилась и была замѣнена разнаго рода военными повинностями и поставками. При королевѣ Маріи (1553—56) было постановлено, чтобы всѣ свѣтскіе люди, имѣвшіе 1,000 и больше ф. ст. состоянія, содержали по 6 лошадей, способныхъ къ службѣ полуконій (тяжелой конницы) и по 10 лошадей для легкой конницы, тѣхъ и другихъ съ нужнымъ снаряженіемъ. Свѣтскіе же люди, имѣвшіе 1,000 и болѣе маркъ состоянія, должны были содержать 4 коней тяжелой и 6 коней легкой конницы, и въ такой соразмѣрности имущественнаго ценза уменьшалась эта повинность по разрядамъ нже. Жители всѣхъ городовъ, мѣстечекъ и церковныхъ приходоу были обязаны поставлять опредѣленный запасъ оружія.

Первыми, дѣйствительно постоянными войсками въ Англіи были тѣлохранители королей: сержанты, лейбъ-трабанты и со временъ Ричарда II и Генриха VII дворянскіе пенсіонеры. Но служба ихъ была болѣе придворная, нежели полевая.

Главную же силу войска составляли наемныя войска. Со временъ Эдуарда III короля заключали съ своими и чужими подданными договоры о наймѣ войскъ, за опредѣленное жалованье, только на время войнъ и походовъ. Поэтому наемныя войска (за исключеніемъ постоянныхъ гарнизоновъ въ городахъ и замкахъ) не были собственно постоянными. Содержаніе, а иногда и самое число ихъ, опредѣлялись парламентомъ. Въ силу означенныхъ выше договоровъ, главные вербовщики обязывались поставлять, для службы королямъ въ разныхъ родахъ войскъ, опредѣленное число способныхъ и надлежащимъ образомъ вооруженныхъ и обученныхъ людей, на опредѣленный же срокъ времени и за опредѣленное жалованье. Если предстоялъ внѣшній походъ, то короли иногда опредѣляли въ войска даже преступниковъ, подъ условіемъ помилованія, въ награду за заграничный походъ.

Нѣкоторые короли, сверхъ того, самолично обязывали также

округи, города, мѣстечки, общины, цѣхи, даже отдѣльныхъ лицъ, по-ставлятъ въ войско людей, лошадей и оружіе, или вмѣсто того платить деньгами. Такъ какъ это было несогласно съ статутомъ Эдуарда I, то общины часто жаловались на то и статутъ этотъ исполнялся въ точности. Однако и позже, именно при Генрихѣ VIII и Елисаветѣ, часто снова повторялось то же самое.

Пѣхота въ Англіи заслужила болѣе вниманія и была многочисленнѣе, нежели въ другихъ государствахъ западной Европы въ то же время. Такъ въ числѣ войскъ, нанятыхъ въ 1492 г. графомъ ентскимъ для Генриха VII, на 16 чел. тяжелой конницы и на 16 конныхъ стрѣльцовъ приходилось 60 пѣшихъ стрѣльцовъ. Позже, въ 1557 г., полкъ пѣхоты состоялъ изъ 4 т. чел., а полкъ конницы изъ 1 т. чел. Въ арміяхъ Генриха VIII и королевъ Маріи и Елисаветы было также много воиновъ съ сѣкирами (аллебардами).

Прежнее названіе легкой конницы—*hoblers*—уничтожилось, кажется, въ концѣ царствованія Генриха VIII и при королевѣ Маріи, и конница стала раздѣляться на тяжелую (полукопья) и легкую. Съ 1559 г. упоминается новый родъ легкой конницы подъ названіемъ карабиновъ или карабинеровъ. При королевѣ Маріи также, кажется, тяжелая конница стала называться, не *men at arms* (вооруженными людьми), а копейщиками или пикинерами (еще позже кирасирами), и была вооружена подобно современной нѣмецкой.

Землекопы (піонеры) не были взимаемы изъ войскъ, но составляли особенный родъ ихъ, снаряженный для построенія укрѣпленій и обученный тому. При Елисаветѣ преступниковъ изъ войска разжаловывали въ такого рода военныхъ землекоповъ.

Огнестрѣльное оружіе, какъ сказано выше, распространялось медленно, и долго еще продолжалась борьба арбалета съ аркебузой. При королевѣ Маріи воинамъ предоставлялось на ихъ волю употреблять тотъ либо другую.

Хотя конница раздѣлялась на констебельства, однако рыцари стали, кажется, занимать мѣста офицеровъ между констеблями и начальниками знаменъ или двухъ констебельствъ. Названія капитанъ и поручикъ введены, кажется, не ранѣе времени Генриховъ VII и VIII. Въ 1557 г. при королевѣ Маріи конница уже раздѣлялась на сотни подъ начальствомъ 1 капитана, 1 поручика и 1 штандартноосца. Рота пѣхоты состояла также изъ 100 ч. подъ начальствомъ 1 капитана, 1 поручика и 1 прапорщика или знаменосца.

Въ числѣ высшихъ военныхъ чиновъ были маршалъ и послѣ него фельдцейгмейстеръ (*master of the ordnance*), упоминаемый только со временъ Ричарда III (1484—5), завѣдывавшій всемъ,

что касалось огнестрѣльныхъ: оружія, зарядовъ, снарядовъ и пр., устройства и употребленія артиллеріи, обученія прислуги и т. п.

Высшими военно-начальствующими чинами были: сначала констебль, а потомъ генераль-капитанъ. Вторую степень послѣ нихъ занималъ товарищъ или помощникъ ихъ, подъ названіемъ генераль-лейтенанта (или генераль-поручика). Маршалъ же занималъ третью степень, а начальники: артиллеріи, конницы и генераль-капитанъ пѣхоты—четвертую.

Жалованья получали (въ 1557 г.) въ сутки: генераль-капитанъ—5 ф. ст. слишкомъ, генераль-лейтенантъ, маршалъ и начальники конницы и пѣхоты—по 3 ф. слишкомъ, начальникъ артиллеріи и казначей—по 1 ф. слишкомъ, профосъ и генераль-капитанъ піонеровъ—по 1 ф., капитаны тяжелой конницы—по 10 шиллинговъ, легкой—по 6-ти, а пѣхоты—по 4. Однако какъ названія высшихъ военныхъ чиновъ, такъ и жалованье имъ въ послѣдствіи часто измѣнялись.

Въ Англіи ранѣе, нежели въ другихъ государствахъ западной Европы, замѣчаются первыя начала однообразнаго обмундированія войскъ. Первоначально послѣднія различались частію наружными отличіями на вооруженіи, частію повязками или шарфами. Генрихъ VIII еще въ 1512 г. положительно установилъ такого рода отличія, въ 1545 же году—полувафтаны изъ синяго сукна съ принадлежностями изъ краснаго и нижнее платье на правой ногѣ красное а на лѣвой синее, въ походѣ же—каждому изъ всѣхъ классовъ въ войскѣ носить на себѣ изображеніе креста св. Георгія. Полувафтаны наемныхъ войскъ были, кажется, всѣ бѣлаго цвѣта. Но при королевѣ Елисаветѣ въ 1584 г. пѣхотѣ были даны темнозеленые или темнокрасные колеты, а конницѣ красные плащи. Въ послѣдствіи одежда войскъ часто измѣнялась.

Для поддержанія дисциплины и духа въ войскахъ уже рано были въ употребленіи различныя награды и наказанія. Уже военный уставъ Ричарда II въ 1386 г. весьма подробно опредѣлялъ наказанія за разные военные проступки и преступленія. Военный уставъ Генриха VIII, впервые напечатанный въ 1524 г., заключалъ въ себѣ почти всѣ постановленія устава Ричарда II и сверхъ того другія, сообразныя съ происшедшими съ тѣхъ поръ измѣненіями въ устройствѣ войскъ.

Образъ дѣйствій войскъ въ бою и веденія войны былъ подобенъ общему въ западной Европѣ. При этомъ стрѣлки изъ луковъ и арбалетъ долго играли важнѣйшую роль (какъ напримѣръ въ сраженіяхъ при Пуатье въ 1356 г., при Азенкурѣ въ 1415 г. и др.).

При атакахъ и оборонѣ городовъ, еще въ концѣ XV вѣка прежнія

метательныя орудія и оружіе были въ большемъ употребленіи, нежели огнестрѣльныя. При одной осадѣ временъ Ричарда III (1484—85) еще были употреблены всѣ прежнія орудія и машины, подвижныя башни на каткахъ, съ опускаемыми мостами, стрѣльба изъ арбалетъ, деревянныя щиты для прикрытія воиновъ и пр. т. п., между тѣмъ какъ для разбитія стѣнъ дѣйствовали мортиры. Только въ XVI вѣкѣ огнестрѣльное оружіе получило уже рѣшительный перевѣсъ надъ прежнимъ метательнымъ.

§ 107.

В о Ф р а н ц і и.

Во время 100-лѣтней войны французовъ съ англичанами за наслѣдство французскаго престола, прежнее феодально-рыцарское военное устройство Франціи временъ Людовика VI и Филиппа-Августа не только оказалось ниже англійскаго, но и пришло въ совершенный упадокъ, вслѣдствіе неудачъ французовъ и успѣховъ англичанъ. Господство послѣднихъ во всѣхъ западныхъ и южныхъ областяхъ Франціи и крайнее разстройство сѣверныхъ и восточныхъ дѣлала невозможными и правильный наборъ коммунальныхъ войскъ въ послѣднихъ, и защиту Франціи неустроенными и упавшими духомъ народными ополченіями. Французское правительство было вынуждено снова прибѣгнуть для того къ феодальнымъ и наемнымъ войскамъ. Но первыя, движимы частными побужденіями ленныхъ владѣтелей болѣе, нежели общею пользою Франціи, не только мало содѣйствовали ей, но даже часто переходили на сторону враговъ. Наемныя же войска, по разстройству финансовъ, не получая жалованья, вмѣсто защиты Франціи, жестоко грабили и разоряли ее.

Карль V Мудрый (1364—1379), при содѣйствіи знаменитаго коннетабля Дю-Гесклена, успѣлъ нѣсколько возстановить, временно, военное устройство Франціи, смиривъ непокорныхъ вассаловъ, удаливъ большую часть буйныхъ и хищныхъ наемниковъ и образовавъ, по примѣру англичанъ, пѣшихъ стрѣлковъ изъ луковъ и арбалетъ.

Но въ 42 года (1380—1421) несчастнаго царствованія Карла VI своеволие вассаловъ и буйство наемниковъ возобновились съ болѣею еще противъ прежняго силой; французскіе же стрѣлки и наемные генуэзскіе стрѣлки изъ арбалетъ далеко не могли сравниться съ англійскими.

Естественнымъ слѣдствіемъ всего этого было то, что во время вой-

ны съ англичанами перевѣсь и успѣхъ почти постоянно былъ на сторонѣ послѣднихъ и они едва не завоевали Франціи.

Только по окончаніи войнъ съ ними, французскому королю Карлу VII (1422—60) удалось, хотя и не безъ большого труда, преобразовать и усовершенствовать военное устройство Франціи. Послѣ продолжительныхъ совѣщаній въ замкѣ Серръ (Serre), близъ Шалона, съ опытнѣйшими полководцами своими, Карлъ VII, принявъ нужныя мѣры предосторожности противъ вассаловъ и наемниковъ, въ 1445 г. издалъ постановленіе объ образованіи ордонансъ-ротъ (compagnies d'ordonnance), которыя были первымъ постояннымъ и правильно устроеннымъ войскомъ во Франціи и въ Европѣ. Лично избравъ 15 извѣстныхъ ему капитановъ (capitaines ordonnés), Карлъ VII поручилъ каждому изъ нихъ набрать изъ дворянъ по одной ротѣ въ 100 жандармовъ (gens d'armes) или тяжеловооруженныхъ всадниковъ, съ 3 конными стрѣлками (archers à cheval), 1 оруженосцомъ (écuyer, coutillier) и 1 пажомъ или слугою (page, varlet) при каждомъ жандармѣ, что составляло всего 600 человекъ въ ротѣ и называлось полнымъ копьемъ (lance fournie ou garnie), а въ 15 ротахъ—9,000 тяжелой конницы, не считая множества лицъ, служившихъ въ ротахъ охотниками и часто удвоивавшихъ числительную силу ихъ. Для содержанія же ордонансъ-ротъ была учреждена особенная подать (bataille) съ народа.

Остальное затѣмъ дворянство составляло по прежнему пародное ополченіе 1-го и 2-го разрядовъ (ban et arrière-ban), но послѣднее было собираемо все рѣже и рѣже, и мало по малу совершенно вышло изъ употребленія. Конныя и пѣшія наемныя дружины были распущены, а служившіе въ нихъ иностранцы удалены изъ Франціи. Такимъ образомъ учрежденіе ордонансъ-ротъ послужило началомъ паденія феодально-рыцарскаго военного устройства во Франціи и возникновенія, на его мѣсто, новаго, болѣе правильнаго, постояннаго и полезнаго для государства. Оно существовало и при Карлѣ VIII, Людовикѣ XII и Францискѣ I, со славой для французскихъ дворянства и рыцарства. Принцы крови и знатнѣйшіе дворяне искали чести начальствовать ордонансъ-ротами; всѣ жандармы, даже стрѣлки, были изъ благородныхъ людей, а роты—школами истиннаго рыцарства. Дабы не отягощать городовъ постоемъ ротъ, онѣ были распределены по 30—40 человекъ во всей Франціи, во всегдашней готовности къ сбору на своихъ сборныхъ мѣстахъ. Въ нихъ соблюдалась такая строгая дисциплина, что вездѣ дороги стали безопасными отъ грабителей и разбойниковъ, земледѣліе, промышленность и торговля начали снова процвѣтать и вездѣ упрочены тишина и спокойствіе.

Въ послѣдствіи произошли нѣкоторыя частныя перемѣны въ устрой-

ствѣ ордонансъ-ротъ. Полное копьѣ при Людовикѣ XI заключадо въ себѣ не менѣе 6 человекъ, при Людовикѣ XII—7, а при Францискѣ I—8. Каждая рота имѣла свою особенную одежду и свой девизъ, обязательные для всѣхъ чиновъ ея. Это однообразіе ихъ въ каждой ротѣ и разнообразіе во всѣхъ служили какъ къ украшенію этого войска, такъ и въ поддержанію въ немъ порядка, обнаруженіемъ въ немъ тѣхъ, которые могли совершить проступки или преступленія.

Жалованья каждый жандармъ для себя и для своего полного копя получалъ сначала по 30 франковъ въ мѣсяць—сумма весьма достаточная по тогдашней дешевизнѣ жизненныхъ средствъ.

Число капитановъ и ротъ въ послѣдствіи было умножаемо учрежденіемъ новыхъ ротъ или раздѣленіемъ одной на 2 или на 3 отдѣленія, каждое подъ начальствомъ капитана. Такъ въ 1408 г. при Людовикѣ XII были роты въ 100, 60, 50, 40, 30 и даже 25 жандармовъ, вслѣдствіе большаго числа желвашихъ имѣть капитанскія мѣста.

Ордонансъ-роты пользовались большою славой и считались лучшими въ своемъ родѣ въ Европѣ. Богато одѣтыя и вооруженныя, на отличныхъ лошадяхъ, онѣ въ мирное время безпрестанно занимались военными упражненіями и вообще находились въ отличномъ состояніи до самыхъ временъ внутреннихъ смуть во 2-й половинѣ XVI вѣка, когда начали приходить въ упадокъ.

Пѣхота во Франціи до Карла VII была немногочислена и мало уважаема. Но Карль VII въ 1448 г. учредилъ новую, постоянную и правильно-устроенную, подобно ордонансъ-ротамъ. Не имѣя средствъ содержать ее на счетъ правительства, онъ постановилъ, чтобы каждый церковный приходъ избралъ одного изъ самыхъ годныхъ къ службѣ людей, который по первому требованію являлся бы съ арбалетомъ и стрѣлами на службу въ пѣшихъ стрѣлкахъ. Эти люди были освобождены отъ податей, почему и получили названіе вольныхъ стрѣлковъ (*francs archers*, также *francs taupins*); общины должны были давать имъ усадьбу и участокъ земли подъ огородъ. Эти преимущества привлекли въ вольные стрѣлки столбыхъ людей, что число ихъ простиралось до 16 т. чел., подъ начальствомъ 4 генераль-капитановъ (у каждаго по 4 т. чел.) и 28 капитановъ (по 7 у каждаго генераль-капитана). Каждый изъ генераль-капитановъ и капитановъ имѣлъ подъ своимъ личнымъ начальствомъ по 500 стрѣлковъ. Главнымъ же начальникомъ ихъ былъ великій магистръ арбалетчиковъ (*grand-maitre des arbalétriers*), при которомъ состоялъ помощникъ его—генераль-комендантъ (*compendant général*). Такимъ образомъ вольные стрѣлки, согласно съ раздѣ-

леніемъ Франціи на 4 большіе и 32 малые военные округа, раздѣлялись на 4 банды или дивизіи (*bandes, divisions*) или полки въ 8 ротъ (*compagnies*) по 500 чел. въ каждой и по 4 т. въ полку. Стрѣлки носили досинные полукафтаны или колеты (*jaques*), подбитые въ нѣсколько рядовъ толстымъ холстомъ, грудныя чешуйчатыя латы (*brigandines*), на головѣ легкіе шпикаки (*salades*), а на лѣвой рукѣ небольшіе круглые щиты (*rondelles*). Вооружены же они были длинными мечами и отчасти пиками (*vouges, guysarmes*), отчасти луками и арбалетами съ стрѣлами въ колчанахъ (*trousses*). Всѣ вообще чины стрѣлковъ получали жалованье и полное содержаніе отъ правительства, высшіе (начальники) — постоянно, а нижніе — только въ военное время и на срочныхъ смотрахъ королевскихъ комиссаровъ и мѣстнаго начальства.

Въ случаѣ особенной надобности, въ походъ должно было выступать и все коммунальное ополченіе цѣлой Франціи.

Людовигъ XI (1461—83), по вступленіи своемъ на престолъ, желая удостовѣриться въ числѣ и состояніи городскихъ, ленныхъ и коммунальныхъ ополченій, въ 1467 г. приказалъ назначеннымъ имъ комиссарамъ произвести смотръ всѣхъ городскихъ ополченій въ полномъ вооруженіи, а самъ лично произвелъ смотръ ополченію Парижа, въ которомъ нашелъ 80 т. чел., раздѣленныхъ на 72 знамени (*bannières*) или дружины. Въ 1469 же году произведенъ былъ такой же смотръ всему ленному и коммунальному ополченію (*ban et arrièrebau*) Франціи. Но послѣ того Людовигъ XI, опасаясь, чтобы подобныя смотры не внушили вассаламъ, городамъ и общинамъ сознанія своихъ силъ и мысли противиться королевской власти, не производилъ уже болѣе такихъ смотровъ.

Между тѣмъ, имѣя постоянною цѣлію обузданіе сильныхъ вассаловъ и усиленіе монархической власти и, во время междуусобной войны лиги общественнаго спасенія (*ligue du salut public*), убѣдясь въ малонадежности 16 т. вольныхъ стрѣлковъ и коммунальныхъ ополченій, Людовигъ XI уволилъ большую часть первыхъ и пополнилъ оставшихся вербованными вольными охотниками всѣхъ націй и сословій, подъ названіемъ авантюрьеровъ (*aventuriers*), для службы положенныхъ сроковъ времени на жалованьи. Эти охотники вызывались и выбирались въ городахъ и селеніяхъ; съ ними заключались договоры, имъ выдавались задатки впередъ, а жалованье и полное содержаніе, одежду и оружіе они получали отъ казначеевъ (*trésoriers*). Щедрая и исправная плата всегда привлекала весьма многихъ, а безпрестанное обученіе ихъ и строгіе военные законы поддерживали между ними военную опытность, дисциплину и порядокъ. По совершенномъ уничтоженіи въ 1480 г. вольныхъ стрѣл-

ковъ, пѣхоту во Франціи составляли уже однѣ банды авантюрьеровъ. Сверхъ того у Людовика XI были собственные тѣлохранители изъ отборныхъ наемныхъ воиновъ (въ числѣ которыхъ особенно отличался шотландскіе стрѣлки): они составляли гарнизонъ любимаго мѣстопребыванія этого короля, замка Плеси-ле-Туръ (Plessis les Tours).

Въ 1474 г. Людовикъ XI заключилъ договоръ съ швейцарцами, по которому они обязались выставить и постоянно содержать на службѣ во Франціи 6 т. чел. своей пѣхоты подъ начальствомъ своихъ офицеровъ, а Людовикъ XI — платить имъ за то 20 т. ливровъ (около 6 т. рублей) ежегодно. Это было первымъ началомъ службы швейцарской пѣхоты во Франціи (до самаго 1789 г.).

Въ 1481 г. Людовикъ XI собралъ въ учебномъ лагерѣ при Pont de l'Arche, близъ Руана, 25 т. чел. французскихъ и 6 т. чел. швейцарскихъ войскъ и произвелъ имъ смотры, ученія и маневры, отличавшіеся большими: порядкомъ, правильностью и точностью какъ дѣйствій этихъ войскъ, такъ и ихъ состоянія и содержанія.

Уничтоживъ вольныхъ стрѣлковъ, замѣнивъ ихъ авантюрьерами, распустивъ ленныя и коммунальныя ополченія, содержа 6 т. чел. швейцарской пѣхоты и постепенно умноживъ число и усовершенствовавъ устройство постоянныхъ войскъ, Людовикъ XI, передъ смертію своею въ 1483 г., имѣлъ ихъ уже 75 т. чел., въ томъ числѣ 50 т. чел. пѣхоты, 5 т. жандармовъ и 20 т. конныхъ стрѣлковъ, оруженосцовъ и слугъ, и такимъ образомъ значительно усовершенствовала военное устройство Франціи и ея войскъ.

Касательно строя и образа дѣйствій послѣднихъ извѣстно только, что пѣхота строилась большими сомкнутыми баталіонами (bataillons) или колоннами, а жандармы по прежнему въ одну разомкнутую линію, за которою оруженосцы, слуги и конные стрѣлки строились такимъ же образомъ, и что во всѣхъ войскахъ вообще было принято десятичное дѣленіе, т. е. на десятки, сотни и т. д. Всѣми войсками начальствовали 4 генераль-капитана (capitaines-généraux); подъ начальствомъ каждаго изъ нихъ было 10 викаріевъ или помощниковъ (vicaires, lieutenants), у каждаго викарія—10 капитановъ, у каждаго капитана—10 декуріоновъ, или десятниковъ, и у каждаго декуріона—10 рядовыхъ воиновъ. Поэтому всей пѣхоты было 40 т. чел., раздѣленныхъ на 4 дивизіи, каждая изъ 10 баталіоновъ (bandes, batailles) въ 10 ротъ и въ 1 т. чел., рота въ 10 капральствъ или десятковъ и въ 100 чел., что съ 6 т. чел. швейцарской пѣхоты и 2,500 піонеровъ для построенія полевыхъ укрѣпленій, исправленія дорогъ и т. п., составляло всего 50 т. чел., которые строились въ баталіонахъ, вѣроятно, по 100 рядовъ во фронтѣ и по 10 шевовщ. воен. ист. орядп. вр. ч. III. отд. I.

ренгъ въ глубину. Одежда и вооруженіе пѣхоты и конницы были подобны одеждѣ и вооруженію жандармовъ и конныхъ стрѣлковъ при Карлѣ VII; авантюрьеры же носили полувафтаны (jaques) одинаковаго, большею частію краснаго цвѣта.

Огнестрѣльное оружіе хотя и вошло уже въ употребленіе съ 2-й половины XIV вѣка, однако было еще очень несовершенно и распространялось медленно. Первоначальное ручное оружіе, именно ручные: бомбардки, каноны, аркебузы и наконецъ мушкеты были еще такъ тяжелы и неудобны для стрѣлбы, что мало употреблялись; огнестрѣльныя же орудія, еще большихъ размѣровъ и тяжести, употреблялись только въ крѣпостной войнѣ и то въ меньшемъ числѣ, нежели прежнія метательныя орудія. Впрочемъ Людовикъ XI пытался облегчить огнестрѣльныя орудія, измѣнить станки ихъ и приспособить ихъ къ полевой службѣ. Крѣпостныя же и осадныя орудія при немъ были самага огромнаго калибра и металы огромныя же снаряды на большія разстоянія.

Людовикъ XI заимствовалъ у Карла Смѣлаго, герцога бургундскаго, употребленіе на войнѣ особеннаго рода повозокъ, которыя бургундцы въ свою очередь заимствовали у швейцарцовъ и гуситовъ. Онѣ служили какъ для перевозки военныхъ тяжестей, такъ и для прикрытія вагенбургомъ изъ нихъ войскъ и армій въ полѣ.

Хотя при Людовикѣ XI военное искусство въ практическомъ отношеніи вообще находилось еще на довольно низкой степени совершенства, однако стало уже предметомъ теоретическаго изслѣдованія. Доказательствомъ тому можетъ служить замѣчательное военное сочиненіе «Le rozier des guegues», составленное для обученія дофина (въ послѣдствіи короля Карла VIII), по инымъ—самимъ Людовикомъ XI, а по другимъ—нѣкимъ Стефаномъ Поршьѣ (Etienne Porchier). Оно заключаетъ въ себѣ многія очень хорошія наставленія, заимствованныя, вѣроятно, изъ Вегеціа.

По смерти Людовика XI, при сынѣ и преемникѣ его, Карлѣ VIII, по требованію генеральныхъ штатовъ (états-généraux) или государственныхъ чиновъ въ Турѣ, въ 1484 г., для облегченія военныхъ повинностей было положено впредь содержать только 15 ординанс-ротъ, т. е. 1,500 жандармовъ и 7,500 оруженосцовъ и слугъ ихъ и конныхъ стрѣлковъ, и соразмѣрно съ тѣмъ уменьшить и число пѣхоты. Кромѣ этого и быстро, значительнаго усовершенствованія артиллеріи, при Карлѣ VIII никакихъ важныхъ перемѣнъ въ составѣ, устройствѣ и образѣ дѣйствій войскъ во Франціи не произошло.

Усовершенствованіе артиллеріи заслуживаетъ особеннаго вниманія. Въ походѣ 1494 г. въ Италію, Карлъ VIII имѣлъ уже полевую артиллерію изъ 36 бронзовыхъ пушекъ, на лафетахъ, подобныхъ

ныѣшнимъ, и слишкомъ 100 фальконетовъ и кулевринъ. Большія изъ этихъ орудій были длиною въ 8 футовъ, вѣсомъ въ 1 т. фунтовъ и стрѣляли желѣзными ядрами, величиною (по словамъ современныхъ писателей) съ малую дѣтскую голову, меньшія же—снарядами величиною съ гранатное яблоко. Всѣ они, перевозимыя прекрасными лошадьми, были такъ удобовожимы, что могли свободно слѣдовать за всѣми движеніями войскъ, даже конницы, а прислуга ихъ изумляла быстротою производства пальбы. Современные писатели превозносятъ устройство артиллеріи Карла VIII, быстроту ея движеній и мѣткость ея стрѣльбы, которыми она справедливо привела въ изумленіе и страхъ италіянцевъ, привыкшихъ къ тяжелымъ бомбардамъ, безъ лафетовъ, перевозимымъ на воловьихъ подводахъ. Она значительно содѣйствовала успѣхамъ и побѣдамъ французовъ въ Италіи при Карлѣ VIII и Людовикѣ XII и побудила къ подражанію ей въ другихъ государствахъ Европы.

Изъ описанія Фавіемъ вступленія арміи Карла VIII, 1 января 1495 г., въ Римъ, видно, что она состояла изъ 22 т. чел. пѣхоты, 6 т. чел. конницы и 140 орудій, шедшихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди 8 т. чел. швейцарской и нѣмецкой наемной пѣхоты, съ барабаннымъ боемъ, мѣрнымъ шагомъ, въ удивительномъ порядкѣ, раздѣленные на полки въ 1 т. чел. (750 пикинеровъ, 200 аллебардистовъ и 50 аркебузировъ);—за ними 5 т. чел. лучшей французской пѣхоты—гасконской, вооруженной луками и арбалетами;—потомъ жандармы—лучшее французское дворянство, тяжело и богато вооруженное, на отличныхъ лошадяхъ; затѣмъ 400 чел. королевской конной гвардіи, въ томъ числѣ 100 чел. шотландскихъ стрѣлковъ изъ лука, самъ Карлъ VIII и за нимъ 200 рыцарей знатнѣйшихъ фамилій французскаго дворянства, огнестрѣльные орудія разныхъ калибровъ и названій, большія—на лафетахъ, малыя—на 2-хъ-колесныхъ станкахъ, всѣ—на статныхъ упряжныхъ лошадяхъ, и наконецъ въ хвостѣ остальная пѣхота.

По смерти Карла VIII (1498), преемникъ его Людовикъ XII занялся усовершенствованіемъ французской арміи и особенно образованіемъ хорошей національной пѣхоты. Онъ набралъ нѣсколько пѣхотныхъ полковъ (*bandes*) въ 1 т. и 2 т. чел., вооружилъ и устроилъ ихъ по образцу нѣмецкой пѣхоты и ввѣрилъ ихъ начальствованію капитановъ изъ знаменитѣйшихъ французскихъ рыцарей и предводителей нѣмецкихъ ландскнехтовъ, помощниками которыхъ были поручики (*lieutenants*), знаменщики (*enseignes*), сержанты (*sergents*) и капралы (*sarogaux*). Легкую пѣхоту продолжали составлять авантюрьеры, одѣтые и вооруженные какъ они хотѣли, служившіе безъ жалованья и грабившіе и чужихъ и своихъ. Тяжелая конница, умно-

*

женная 5-ю новыми ордонансъ-ротами, сохранила прежнее свое устройство и заключала въ себѣ двѣтъ французскаго дворянства и рыцарства. Но артиллерія французская по смерти Карла VIII стала приходить въ упадокъ, какъ по скудости государственныхъ доходовъ, такъ и по отвращенію еще къ ней рыцарей. Въ сраженіи при Аньяделло, въ Италіи, 15 апрѣля 1509 года, которое многіе лѣтописцы считаютъ началомъ новаго военного искусства, дѣйствительно уже видно правильное употребленіе различныхъ родовъ войскъ, искусныя расположеніе и дѣйствія линейной и легкой пѣхоты, конницы и артиллеріи въ бою и послѣ него, сообразно съ мѣстностью и обстоятельствами. А сраженіе при Равеннѣ, 11 апрѣля 1512 г., особенно замѣчательно искуснымъ дѣйствіемъ артиллеріи.

Преемникъ Людовика XII, Францискъ I, вступивъ на престолъ (1515), двинулся отъ Ліона въ Италію, для завоеванія миланскаго герцогства, съ армію, которую современные лѣтописцы признавали лучшею изъ всѣхъ, когда-либо переходившихъ изъ Франціи черезъ Альпы въ Италію. Въ ней было болѣе 26 т. нидерландскихъ и нѣмецкихъ ландскнехтовъ (въ томъ числѣ 24 т. пикинеровъ, 2 т. аркебузирровъ и 200 чел., вооруженныхъ длинными мечами), подъ начальствомъ многихъ знаменитыхъ капитановъ; 6 т. чел. такъ называемой черной (по цвѣту латъ, знаменъ и пр.) дружины (*bande noire*) графа Таванна, составленной изъ старыхъ, закаленныхъ въ бояхъ воиновъ, отчаянныхъ удалцовъ; 10 т. французскихъ авантюрьеровъ подъ начальствомъ адмирала Бонивэ; 10 т. гасконцовъ, бискайцовъ и наварцовъ подъ начальствомъ дона Педро наварскаго; 3 т. полныхъ копій (15 т. чел.) тяжелой конницы и 1,500 чел. легкой, подъ начальствомъ маршала Лотрѣка (*Lautrec*); 6 дружинъ албанцовъ; королевскіе тѣлохранители изъ знатнѣйшаго дворянства; 74 большія орудія и 300 горныхъ на мулахъ; наконецъ 2,500 пионеровъ впереди арміи, для исправленія дорогъ. Разнородный составъ этой арміи, силой до 70 т. войскъ, можетъ дать понятіе о томъ, какъ въ это время составлялись арміи во Франціи. Подобнаго же состава были арміи Франциска I и въ послѣдующихъ войнахъ его съ Карломъ V въ Италіи (1521 — 1544). Послѣ несчастнаго для Франциска I сраженія при Павин (1525), въ которомъ онъ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ, и послѣ освобожденія его (1526) цѣною невыгоднаго для Франціи мира, онъ увидѣлъ необходимость измѣнить военное устройство Франціи и ея арміи. Прежде и болѣе всего онъ занялся преобразованиемъ пѣхоты и — странное дѣло, не смотря на повсемѣстное введеніе и распространеніе новаго, огнестрѣльнаго оружія, принялъ за образецъ, по причинѣ господствовавшаго тогда пристрастія къ классической древности — устройство древне-рим-

ской легионной пѣхоты! что было явнымъ противурѣчіемъ огнестрѣльному оружію. Въ 1554 г. онъ образовалъ изъ регулярной французской пѣхоты 17 легионовъ, въ 6 т. чел. каждый (всего 102 т.). Каждый легионъ имѣлъ свой особый округъ для вербованія, состоялъ изъ 2 т. аркебузирровъ, 2 т. пикинеровъ и 2 т. аллебардистовъ, раздѣлялся на 6 когортъ или бандъ, въ 1 т. чел. каждая, и строился въ глубокомъ строѣ. Въ каждой когортѣ или бандѣ были: 1 капитанъ, 2 поручика, 2 знаменщика, 10 сотниковъ (*centeniers*), 6 сержантовъ, 40 капраловъ (*caps d'escadres*), 4 барабанщика и 2 флейщика. Старшій изъ капитановъ начальствовалъ легиономъ въ званіи полковника (*colonel*), если только король не назначалъ для этого другаго. Изъ двухъ поручиковъ въ когортѣ, одинъ начальствовалъ аркебузирами, а другой пикинерами и аллебардистами. Главнымъ начальникомъ всей пѣхоты былъ генераль-полковникъ (*colonel-général de l'infanterie française*). Дабы привлечь лучшія сословія народа къ службѣ въ легионахъ, положено было рядовыхъ легионеровъ освободить отъ податей, а дворянъ отъ всякой ленной военной повинности; старыхъ и изувѣченныхъ воиновъ (инвалидовъ), дотолѣ помѣщаемыхъ въ монастыри на содержаніе, распределить по городскимъ гарнизонамъ на половинномъ жалованьѣ; рядовыхъ же легионеровъ, отличавшихся усердіемъ къ службѣ или храбростью въ бояхъ, награждать золотыми перстнями и правомъ на производство въ слѣдующіе чины и проч.

Но эти новыя учрежденія существовали недолго. Привычка къ старому и отвращеніе дворянства и простаго народа ко всякимъ нововведеніямъ взяли верхъ, и пѣхота во французской арміи снова стала составляться изъ отдѣльныхъ ротъ или бандъ французскихъ уроженцовъ, въ 200—300 чел. каждая, изъ прежнихъ, неустроенныхъ, буйныхъ и хищныхъ бандъ авантюрьеровъ и преимущественно изъ нѣмецкихъ наемныхъ дружинъ.

О строѣ и образѣ дѣйствій легионовъ Франциска I извѣстно только то, что они строились въ 8-10 шеренгъ — строѣ, хотя и глубокомъ по отношенію къ дѣйствию огнестрѣльнаго оружія, но уже менѣе, нежели строй нѣмецкой и испанской пѣхоты; что авантюрьеры заступали мѣсто римскихъ велитовъ, аркебузиры — гастатовъ, тѣ и другіе въ разсыпномъ строѣ, а пикинеры и аллебардисты — принциповъ и триаріевъ.

Тяжелая рыцарская конница, не смотря на возрастающее употребленіе огнестрѣльнаго оружія, не только долго сохраняла еще прежніе свои строй и образъ дѣйствій, но даже увеличила толщину своихъ латъ, отчего сдѣлалась еще тяжелѣе и неповоротливѣе. Это побудило Франциска I учредить, по примѣру албанскихъ страдіотовъ,

дружину легкой конницы подъ названіемъ кренекеновъ (crenecains, отъ того же названія крюка изъ оленьихъ роговъ, для натягиванія арбалетъ). Французская же артиллерія, столь отличная при Карлѣ VIII и Людовикѣ XII, послѣ нихъ стала постепенно приходить въ упадокъ, уменьшаться числомъ и, послѣ сраженія при Павіи почти совершенно уничтожилась. Передъ смертію Франциска I (1547) французская армія вообще находилась почти въ томъ же самомъ состояніи, что и въ первомъ походѣ его въ Италію.

Сынъ и преемникъ Франциска I, Генрихъ II, пытался-было возстановить легионное устройство французской пѣхоты, но, не имѣвъ успѣха, оставилъ армію въ томъ же самомъ состояніи, въ которомъ она находилась при отцѣ его. При Францискѣ же II, Карлѣ IX и Генрихѣ III (съ 1559 г. по 1589), во время всѣхъ смуть и ужасовъ внутреннихъ, релігіозныхъ, междоусобныхъ войнъ, французская армія не только не имѣла никакой возможности усовершенствоваться въ своемъ устройствѣ, но и напротивъ все болѣе и болѣе приходила въ разстройство и упадокъ, и только при Генрихѣ IV и особенно послѣ него, при Людовикѣ XIII, начала наконецъ принимать болѣе правильный и благоустроенный видъ.

Изъ числа главныхъ перемѣнъ, которымъ она подверглась въ означенный выше періодъ смутнаго времени, можно отмѣтить слѣдующія:

При Генрихѣ II (а по другимъ при Карлѣ IX) банды (bandes) стали называться полками (régiments), а начальники ихъ полковниками (colonels, mestres или maitres de camps). Изъ нѣмецкихъ войскъ перешелъ во французскія обычай имѣть въ каждой ротѣ опредѣленное число отборныхъ воиновъ, большею частию изъ бѣдныхъ дворянъ, на двойномъ жалованьѣ, подъ названіемъ ланспессадовъ (lancepessades, отъ италіянскихъ словъ *lancia spezzata*—укороченная пика), а потомъ *appointedés* (въ родѣ нын. ефрейторовъ). Полки, образованные изъ прежнихъ легионовъ и бандъ, назывались старыми и малыми-старыми (*les vieilles bandes, les vieux corps, les petits vieux corps*). Изъ нихъ старые, числомъ 6, имѣли отъ 5 до 6 ротъ въ 200 чел., именно: 1 капитана, 1 поручика, 1 прапорщика или знаменщика, 2 сержантовъ, 1 фурьера (*fourrier*), 2 барабанщиковъ, 1 флейщика, 109 пикнеровъ и 82 аркебузира (слѣдовательно въ пропорціи 3 къ 4). Новые же полки (*les nouvelles bandes*) набирались только въ случаѣ войны, по мѣрѣ надобности, а по окончаніи ея распускались или приводились въ кадровое положеніе и распределялись по крѣпостямъ.

Главнымъ оружіемъ постепенно болѣе и болѣе становились тяжелыя аркебузы, которыя для выстрѣла клались на желѣзныя вилки

(fourchettes) въ 4 фута вышины. Стволъ ихъ былъ въ 3 фута 8 дюймовъ длины, а калибръ пуль все уменьшался. Аркебузиры уже перестали употреблять латы, а носили лосинные или суконные полукафтаны, широкую нижнюю одежду, чулки, башмаки и длинную шпагу. Пикиеры же продолжали носить грудныя, ручныя и ножныя латы, пйки въ 14—16 футовъ длины, шпаги и кинжалы.

Значительная часть пѣхоты по прежнему состояла изъ нѣмецкихъ, швейцарскихъ и итальянскихъ наемныхъ дружинъ, изъ которыхъ послѣднія и офицеры ихъ считались лучшими.

Строй пѣхоты, не превышая 8 - 10 шеренгъ, былъ менѣе глубоокъ, нежели въ другихъ арміяхъ; ряды и шеренги были разомкнуты; пикиеры строились въ серединѣ полка, а аркебузиры на флангахъ или впереди въ разсыпномъ строѣ; пальбу они производили шеренгами поочередно, причемъ передняя, выстрѣливъ, проходила между рядами назадъ. Между ротами и полками были меньшіе или большіе интервалы.

Тяжелая конница все еще состояла изъ ордонансъ-ротъ въ составѣ жандармовъ и пр., но число ихъ постепенно уменьшалось. Въ 1547 г. въ каждой ротѣ были: 1 капитанъ, 1 поручикъ, 1 помощникъ, 1 прапорщикъ (guidon) съ штандартомъ, 1 вахмистръ (maréchal des logis), 35 жандармовъ и 75 конныхъ стрѣлковъ, всего 115 чел. Но этотъ составъ часто измѣнялся, смотря по обстоятельствамъ. Позже жандармы стали постепенно болѣе и болѣе выходить изъ употребленія, конные стрѣлки были отдѣлены отъ нихъ, дворянство стало служить въ легкой конницѣ и пѣхотѣ; изъ оставшихся ордонансъ-ротъ были образованы особые резервы, для производства рѣшительныхъ атакъ, а по смерти Генриха II жандармы перестали носить пйки и сохранили только палаши и карабины.

Число легкой же конницы, напротивъ, стало увеличиваться. Изъ прежнихъ конныхъ стрѣлковъ и аркебузирова были составлены легко-конные полки (chevaux-légers, cuirasses) въ 2 и до 7 эскадроновъ, а эскадронъ изъ 25 до 50 первоклассныхъ всадниковъ (mestres или maîtres) и столькихъ же второклассныхъ (archers). Къ легко-коннымъ дружинамъ кренекеновъ и албанцовъ прибавились новыя—карабинновъ, аргулетовъ и драгунъ. Первые, заимствованные отъ испанцовъ и получившіе свое названіе отъ арабскаго слова карабъ или каралъ (оружіе), набирались преимущественно изъ басковъ и гасконцовъ, имѣли легкое оборонительное вооруженіе, длинныя пицали (escopettes), большіе пистолеты и палаши, и причислялись къ легко-коннымъ полкамъ по 20 и болѣе чел. на эскадронъ, строились на флангъ его въ нѣсколько шеренгъ и дѣйствовали въ сомкнутомъ или разомкнутомъ строѣ огнемъ. Аргулетами

назывались вольными легкоконными дружины изъ разноплеменныхъ бродягъ, легковооруженныя, неустроенныя, сражавшіяся въ разсыпномъ строѣ и отличавшіяся грабежомъ и хищничествомъ. Драгуны (по инымъ—отъ римскихъ dracoarii, по другимъ отъ баснословныхъ драконовъ, соединявшихъ быстроту полета съ огненнымъ дыханіемъ, и т. п.) были впервые учреждены въ 1554 году маршаломъ Бриссакомъ, происходили отъ конныхъ: стрѣлковъ и аркебузировавъ, употреблявшихся въ Италіи, и сначала были болѣе конною пѣхотою, а потомъ уже стали конницею, обязанною дѣйствовать и въ конномъ, и въ пѣшемъ строѣ. Ихъ употребляли преимущественно для развѣдыванія, для прикрытія транспортовъ, въ авангардахъ и арріергардахъ, и вездѣ, гдѣ нужно было въ скорости удержать непріятели до прибытія пѣхоты. Поэтому они сражались преимущественно: на лошадяхъ—съ разомнутыми рядами и шеренгами, а пѣшеомъ—въ разсыпномъ строѣ, за канавами, изгородами и т. п. Спѣшиваясь, они связывали своихъ лошадей поводьями и передавали ихъ правымъ и лѣвымъ фланговымъ въ каждомъ взводѣ, остававшимся на лошадяхъ (коноводамъ). Этотъ новый родъ легкой конницы былъ замѣчательнѣйшимъ изъ всѣхъ и сохранился съ тѣхъ поръ навсегда.

Главнымъ начальникомъ всей легкой конницы былъ генераль-полковникъ ея (colonel-général), имѣвшій помощника (mestre de camp).

Строй и образъ дѣйствій конницы вообще былъ тотъ же, что у нѣмцовъ (см. ниже). Бой начинали и поддерживали карабины, аргюлеты и албанцы, въ разсыпномъ строѣ, въ родѣ фланкеровавъ, огнестрѣльнымъ оружіемъ. Жандармы и легкоконные, въ эскадронахъ различной глубины, составляли 2-ю и 3-ю линіи и въ удобное время производили атаки, но прежде нихъ обыкновенно залпы изъ карабиновъ и пистолетовъ на близкомъ разстояніи. При этомъ, для смѣны линій или шеренгъ и прохода переднихъ за заднія, эскадроны строились въ шахматный порядокъ съ интервалами между собою. Но эти нормальные строй и образъ дѣйствій измѣнялись, смотря по обстоятельствамъ, болѣе или менѣе различно.

Главную и лучшую часть конницы во французскихъ арміяхъ въ это время составляли наемные нѣмецкіе рейтеры. Они всегда и вездѣ отличались своимъ устройствомъ, искусствомъ въ верховой ѣздѣ и стрѣльбѣ съ лошадей и отважною до дерзости, боевою храбростію, но вмѣстѣ съ тѣмъ и страстію къ вину, игрѣ и грабежу, непокорностію и буйствомъ, особенно когда не получали обѣщанной платы.

Артиллерія во французской арміи въ это время пришла въ такой упадокъ, что стала почти ничтожною, такъ что иногда при французскихъ арміяхъ было не болѣе 4—8 орудій. Сверхъ означенныхъ

выше причинъ таковаго упадка, къ нимъ присоединилось еще затрудненіе вооружать артиллеріей войскъ, большею частію наемныхъ, служившія недолго и скоро распускаемыя. Поэтому, даже лучшіе полководцы считали артиллерію обременительною въ полевой войнѣ, а годною только для крѣпостной.

Въ отношеніи къ военному искусству, войны этого смутнаго времени представляютъ мало особенно примѣчательнаго. Короли Франціи съ трудомъ могли набирать не болѣе 10 тыс. войскъ и даже въ знаменитыхъ сраженіяхъ Генриха IV при Кутра, Аркѣ и Иври, въ арміи его было также не болѣе 10 т. чел. пѣхоты и 6 т. чел. конницы. По заключеніи же мира въ Вервенѣ (Verbins) въ 1589 г., Генрихъ IV распустилъ почти всю свою армію и сталъ содержать только 7 т. чел. пѣхоты и 1,500 чел. конницы съ 6 орудіями. Слѣдуетъ однако сказать, что онъ и адмиралъ Колиньи произвели нѣкоторыя замѣчательныя усовершенствованія въ тактикѣ французскихъ войскъ и въ крѣпостной войнѣ. Но рановременная смерть того и другаго не позволила имъ развить ихъ значительнѣе.

§ 108.

Въ Бургундіи.

Примѣру Карла VII въ первыхъ началахъ учрежденія постояннаго войска послѣдовалъ герцогъ бургундскій Карлъ Смѣлый (1467—77), учредивъ въ Бургундіи отлично-устроенное постоянное войско. Уже въ 1470 г. онъ имѣлъ нѣсколько наемныхъ войскъ, которыя, однако, по причинѣ скудной платы, не всегда были подъ оружіемъ. Въ слѣдующемъ же году, собравъ въ Аббевиллѣ государственныя чины Бургундіи, онъ предложилъ имъ, въ уваженіи трудныхъ отношеній къ Франціи, назначить постоянное жалованье 800-мъ копій (тяжело вооруженныхъ пиками). Но государственныя чины, опасаясь слишкомъ усилить власть могущественнаго герцога, съ своей стороны предложили вносить чрезвычайную подать въ 120 т. рейхсталеровъ. Карлъ согласился, но вскорѣ довелъ эту подать до 500 т. рейхсталеровъ и въ 1475 г. имѣлъ уже 2,200 копій (въ родѣ французскихъ *lansquenets* и нѣмецкихъ *ландскнехтовъ*). Каждое копье (у французовъ—жандармъ) имѣло 1 оруженосца и 1 слугу конныхъ и 8 тяжело-вооруженныхъ слугъ и пѣшихъ. Сверхъ того, было 4 тыс. стрѣлковъ, изъ которыхъ 3 т. конныхъ, 600 аркебузирровъ и 600 артиллеристовъ, всего 27,200 чел. Къ этому присоединялись войска городскихъ общинъ подъ своими знаменами, англійскія и италіян-

скія наемныя войска и безпримѣрный въ это время артиллерійскій парезъ въ 300 орудій съ 200 зарядными ящиками.

Нѣтъ сомнѣнiя, что войску Карла Смѣлаго, въ его учрежденiяхъ, родахъ оружія и даже въ названiяхъ составныхъ частей образцомъ послужили французскія ордонансъ-роты Карла VII. Но въ то же время Карлъ Смѣлый опредѣлилъ въ своемъ войскѣ раздѣленіе, походный порядокъ, эволюціи, оклады жалованья, правила дисциплины и наказаній и пр., изданнымъ имъ, въ 1473 г., подробнымъ военнымъ уставомъ, постановленія которою имѣли, кажется, вліяніе на позднѣйшіе нѣмецкіе военные артикулы или уставы XVI вѣка. По этому уставу Карла VII, каждая рота въ бургундскомъ войскѣ раздѣлялась на 4 части, имѣвшія одноцвѣтныя знамена, 1-я съ одною буквою С (начальною имени герцога), 2-я съ двумя и т. д. Значки ефрейторовъ (chefs de chambrées) были того же цвѣта съ нумерами. Начальники ротъ должны были ежегодно приносить надъ Евангелиемъ торжественную присягу, что они будутъ служить герцогу вѣрно и искренно, повиноваться ему во всемъ, что онъ лично или чрезъ своихъ военачальниковъ прикажетъ, войну вести безъ злобы, только для чести и пользы герцога и его дома и ко вреду его враговъ, обнаруживать все, что узнаютъ противнаго его чести или пользѣ, защищать его земли и подданныхъ отъ угнетеній, не терпѣть между воинами ни богохульства, ни проклятій, ни игры въ кости, доставлять вѣрныя свѣдѣнiя о силѣ и состоянiи ротъ и пр. т. п. Подобнымъ же образомъ и начальники частей ротъ клялись предводителямъ послѣднихъ, а ефрейторы первымъ изъ нихъ, повиноваться имъ и содержать своихъ людей въ повиновенiи имъ.

Частые смотры, военныя игры и ученія, производимые бургундскимъ войскамъ въ мирное время, равно какъ и частые военные походы Карла Смѣлаго много содѣйствовали усовершенствованiю войска его въ военномъ дѣлѣ. Эволюціи ихъ производились съ примѣрною точностью; конница была обучаема также пѣшему строю и дѣйствіямъ въ линіяхъ и кареляхъ, причемъ жандармы, ставъ на одно колѣно и опершись на пику, составляли 1-ю шеренгу, конные стрѣлки 2-ю и 3-ю, оруженосцы и слуги держали лошадей и пр.

Но Карлъ Смѣлый, по свойству своего характера—болѣзненно-раздражительнаго, безпокойно-дѣятельнаго, неспособный слушаться чужихъ совѣтовъ, необладавшій военнымъ искусствомъ, безпрестанно переходившій отъ гнѣва къ апатiи или бевчувственности (какъ его изображаютъ Коммiнъ и Барантъ), если и умѣлъ образовывать и обучать войска свои, то не умѣлъ внушать имъ мужества, терпѣнiя и преданности своему вождю. Лишенные же этихъ нравственныхъ качествъ, они, хотя и превосходили всѣ другія стройностью и вѣнi-

нимъ блескомъ, но на войнѣ одерживали лишь неважные успѣхи и наконецъ претерпѣли полное и постыдное поражение отъ тѣхъ самыхъ швейцарцовъ, которыхъ дотолѣ презирали.

§ 109.

Въ Швейцаріи.

Швейцарія, лежащая между Германією, Италією и Францією, подобно имъ была раздѣлена въ началѣ XIV вѣка на многія феодальныя владѣнія, города и городскіе союзы, зависѣвшіе отъ германской имперіи, но мало послушные ей и несогласные между собою. Жители же ея вообще отличались патріархальною простотою нравовъ, любовью къ отечеству и свободѣ, воинственнымъ духомъ и мужествомъ.

Покушеніе австрійскихъ герцоговъ Габсбургскаго дома покорить три такъ называемые лѣсные округа Швейцаріи: Ури, Швицъ и Унтервальденъ, вооружило жителей ихъ противъ австрійцовъ и послужило поводомъ къ войнѣ, которая, по принятіи участія въ ней прочихъ городовъ и округовъ Швейцаріи, продолжалась почти два вѣка (1308—1499) и кончилась тѣмъ, что всѣ швейцарскіе кантоны оружіемъ завоевали и упрочили полную и совершенную независимость свою. Войну эту они начали съ весьма малыми военными силами и средствами. Не имѣя ни конницы, ни предохранительнаго вооруженія, будучи всегда слабѣе числомъ своихъ противниковъ, они сражались пѣшими, вооруженные палицами и сѣкнерами, безъ особеннаго, правильнаго устройства, но отлично умѣя пользоваться годами мѣстности своего горнаго края и главное—съ необыкновенными: одушевленіемъ, мужествомъ, храбростью, твердостью и самоотверженіемъ сражались за свою свободу. Эти условія были причинами блистательныхъ успѣховъ и побѣдъ ихъ при Моргартенѣ (1315), Лаупенѣ (1339), Земпахѣ (1386), Нефелсѣ (1388) и мн. др. мѣстахъ надъ австрійскими феодально-рыцарскими войсками, состоявшими изъ тяжело-вооруженной конницы и весьма плохой пѣхоты, ни вооруженіе, ни устройство, ни образъ дѣйствій которыхъ нисколько не соотвѣтствовали свойствамъ горной страны, имъ мало или вовсе неизвѣстнымъ.

Эти успѣхи и побѣды швейцарцовъ, необыкновенно возвысивъ духъ ихъ и довѣріе къ себѣ, побудили ихъ заняться усовершенствованіемъ военнаго устройства и войскъ своихъ. По предшествовавшему собственному опыту, они обратили преимущественное внима-

ніе на усовершенствованіе вооруженія, устройства, строя и образа дѣйствій своей пѣхоты. Вооруживъ ее шлемами, грудными латами, мечами, кинжалами, аллебардами и главнымъ оружіемъ—пиками длиною въ 18 футовъ, они стали обучать свои дружины или полки правильнымъ построеніямъ и эволюціямъ, особенно дѣйствию большими сомкнутыми массами (колоннами), какъ наиболѣе дѣйствительными противъ тяжелой рыцарской конницы. И въ войнѣ ихъ съ Карломъ Смѣлымъ (1474—78) пѣхота ихъ обнаружила такое рѣшительное превосходство надъ изображенными выше бургундскими войсками и вообще надъ рыцарскою конницею и одержала надъ ними такія блистательныя побѣды при Грансонѣ, Муртенѣ и Нанси, что съ одной стороны—они вторично спасли свое отечество и упрочили его независимость, а съ другой—первые возвысили и доказали первенствующую важность пѣхоты въ благоустроенныхъ арміяхъ и возбудили подражаніе себѣ въ другихъ арміяхъ западной Европы (особенно въ нѣмецкихъ) и обычай постоянно содержать въ нихъ на жаловань дружины наемной швейцарской пѣхоты (прежде всего во Франціи при Людовикѣ XI).

По всѣмъ этимъ причинамъ, любопытно ознакомиться съ главными основаніями и чертами военнаго устройства Швейцаріи съ XV вѣка.

Вооруженныя силы ея выставлялись кантонами и составлялись изъ ихъ контингентовъ. Въ общемъ военномъ устройствѣ ихъ въ сущности было единство, но въ частномъ—нѣкоторое различіе, именно между контингентами городскихъ и сельскихъ кантоновъ. Городскіе кантоны состояли изъ главныхъ городовъ ихъ и сельскихъ общинъ ихъ, управляемыхъ или городскими фохтами или сами собою. Средоточіемъ управленія городскихъ фохтовъ были важныя въ военномъ отношеніи бурги или замки, въ которыхъ были небольшіе гарнизоны и защитой которыхъ сверхъ того были обязаны сосѣднія общины. Точно также и пограничныя общины были обязаны охранять и защищать пограничныя укрѣпленія. Отдѣльныя фохтейства, амты и общины не были подраздѣлены въ военномъ отношеніи на болѣе мелкія части, но меньшія сельскія общины были соединяемы такимъ образомъ, что контингенты ихъ въ случаѣ войны составляли особыя небольшія тактическія единицы. Главный же городъ сверхъ того имѣлъ административныя подраздѣленія—цѣхи или гильдіи, которыя въ то же время были и тактическими единицами. По этимъ цѣхамъ или гильдіямъ были распредѣлены всѣ граждане города, способные носить оружіе. Цѣхи устраивали всю внутреннюю службу, производили смотръ, завѣдывали общимъ ополченіемъ, выдавали

деньги на подъемъ и пр. Въ сельскихъ же общинахъ эти обязанности лежали на фохтахъ, амтманнахъ и другихъ сельскихъ властяхъ.

Въ случаѣ войны одного кантона или всего союза кантоновъ, образовались мѣстные или гарнизонныя войска для занятія и защиты городовъ и укрѣпленныхъ мѣстъ, и полевая для дѣйствій въ полѣ (Auszug). Въ послѣднiя—города должны были выставять по возможности болѣе людей (Ausgepnomene) и обыкновенно выставляли $\frac{1}{2}$ и до $\frac{2}{3}$ всего населенiя своего, способнаго носить оружіе, между тѣмъ какъ сельскія общины выставляли ихъ около $\frac{1}{3}$. Мѣстные же войска были отчасти усиливаемы войсками сосѣднихъ сельскихъ общинъ.

Предназначеннымъ въ полевая войска отъ времени до времени составлялись строевые списки (Reisrodel), для потребностей общаго союза. Если послѣднiй рѣшалъ произвести общее военное предпріятіе, то каждый членъ его долженъ былъ объявить, сколько именно могъ выставить людей и что именно могъ взять на себя. Поэтому въ рейсроделѣ означались также подраздѣленія частей и вооруженіе ихъ. Сверхъ того, въ цѣхахъ и общинахъ отъ времени до времени составлялись списки числа и рода имѣвагося оружія, особенно важныя на случай общаго, оборонительнаго ополченiя.

Какъ городскіе, такъ и сельскіе кантоны выставляли почти исключительно или по крайней мѣрѣ преимущественно пѣхоту. Лишь изъ немногихъ мѣстъ цѣхи юнкеровъ или констаблей (знатнѣйшихъ лицъ) выставляли нѣсколько конницы.

Люди полевыхъ войскъ каждой общины, свыше 10 человекъ, раздѣлялись на роты отъ 6 до 12, среднимъ числомъ въ 10 чел., одинаково вооруженныхъ. Роты аллебардистовъ не имѣли инаго вооруженiя, кромѣ аллебарды; только пикинеры и стрѣлки были часто соединяемы въ одной ротѣ. Вообще было принято, что каждый цѣхъ или каждая община выставляли 1 роту стрѣлковъ, 1 роту пикинеровъ или пикинеровъ съ стрѣлками и 1 или болѣе ротъ аллебардистовъ.

Начальники ротъ назывались вообще гауптманнами (Hauptmann), равно каждый цѣхъ имѣлъ одного гауптманна надъ всѣми своими ротами. Въ сельскихъ общинахъ мѣсто ихъ заступали фохты, амтманы или иныя лица, назначенныя отъ города. Иногда бывали особенныя гауптманны каждаго рода оружія.

По одному рейсроделю города Цюриха, 1444 года, городъ выставилъ въ поле 639 чел., общины 2,131 чел., всего 2,770 чел., изъ нихъ отъ города 127 чел. стрѣлковъ въ латахъ, 45 аркебузирровъ (Büchenschützen), 103 пикинера и 304 аллебардиста, а общины 331 стрѣлка въ латахъ, 16 аркебузирровъ, 546 пикинеровъ и 1,238 аллебардистовъ, а всего всѣхъ 428 стрѣлковъ въ латахъ, 61 аркебузира,

649 пикинеровъ и 1,602 аллебардиста. Изъ этого слѣдуетъ, что главнымъ родомъ оружія была аллебарда, такъ какъ сумма всѣхъ прочихъ родовъ его къ суммѣ аллебардистовъ относилась какъ 2 къ 3; изъ блага оружія вообще пики составляли болѣе $\frac{1}{4}$, огнестрѣльное оружіе всего только $\frac{1}{45}$, въ томъ числѣ изъ города $\frac{1}{4}$, а изъ общинъ только $\frac{1}{20}$.

Аллебарды швейцарцовъ имѣли на древкѣ желѣзный обоюдоустрый (въ видѣ двухъ сѣкиръ) наконечникъ въ 6 футовъ длины, съ остриемъ сверху и нерѣдко съ крючьями для стаскиванія шлемовъ и латъ, и ими дѣйствовали помощью обѣихъ рукъ, чтобы и рубить, и колоть. Пика до конца XV вѣка была короткая, съ длиннымъ и острымъ наконечникомъ, но позже гораздо длиннѣе; ею дѣйствовали, держа обѣими руками за середину. Съ ходомъ времени постепенно увеличивалось относительно огнестрѣльное оружіе.

Съ 2-й четверти XIV вѣка и до XVI швейцарскія городскія войска большею частію имѣли много хорошаго предохранительнаго вооруженія: шлемовъ и латъ грудныхъ, ручныхъ и ножныхъ, преимущественно въ переднихъ шеренгахъ, но щитовъ не носили. Съ XVI же вѣка они вообще почти совершенно прекратили употребленіе шлемовъ и латъ.

Иногда они употребляли въ полѣ также вагенбургіи для своего прикрытія, а также имѣли въ сраженіяхъ огнестрѣльныя орудія (напримѣръ въ 1444 г. базельцы, двинушіеся къ Лауфенбургу на помощь бернцамъ, имѣли 7 большихъ пушекъ—Büchsen).

Движенія швейцарская пѣхота производила мѣрнымъ шагомъ, подъ бой барабановъ, въ величайшемъ порядкѣ.

Главная масса войскъ одного отдѣльнаго кантона всегда оставалась въ совокупности, и по тому, что передъ нею носилось знамя (Banner) кантона, называлась баннеромъ. Если же кантонъ составлялъ не всѣ свои полевые войска, а только часть ихъ, то послѣдняя получала не знамя кантона, а только малое знамя (Fähnlein) или значокъ. Аллебардисты составляли главную силу баннера или значка, и роты ихъ строились рядомъ, глубиной обыкновенно въ 20 шеренгъ. Знамя помѣщалось въ серединѣ и было окружено нѣсколькими ротами знаменной стражи, вправо и влѣво отъ которыхъ строились роты нѣкоторыхъ преимущественныхъ пѣховъ а потомъ, попеременно, роты сельскихъ общинъ и пѣховъ или надежнѣйшихъ фохтействъ и амтовъ, такъ что люди сельскихъ общинъ всегда были распредѣляемы малыми отдѣленіями между городскими. Часть пикинеровъ прикрывала фланги фаланги даже до конца XV вѣка. Поэтому фалангу въ 1,200 аллебардистовъ и 200 пикинеровъ можно

представить себѣ имѣвшею 60 ротъ аллебардистовъ въ серединѣ и по 5 ротъ пикинеровъ на каждомъ флангѣ.

Одна $\frac{1}{4}$ и болѣе людей, не состоявшая въ общей массѣ ихъ, составляла авангардъ впереди баннера и аррьергардъ позади его. Послѣдній обыкновенно имѣлъ назначеніе прикрывать обозъ и потому составлялся только изъ небольшого числа аллебардистовъ, пикинеровъ и невооруженныхъ людей; большую же силу состава онъ получалъ только по какимъ-нибудь особеннымъ тактическимъ соображеніямъ. Авангардъ былъ назначаема для открытія боя и потому составляемъ изъ всѣхъ стрѣлковъ, большого числа пикинеровъ и лишь немногихъ аллебардистовъ. Изъ нихъ пикинеры, поддержанные аллебардистами, имѣли назначеніе принимать на себя стрѣлковъ съ латами или аркебузами, если имъ угрожала или ихъ атаковала конница или пѣшіе пикинеры.

Подъ прикрытіемъ авангарда, баннеръ или главная масса избирала то мѣсто неприятельскаго боеваго порядка, которое могла атаковать, и немедленно же атаковала его.

Съ означеннымъ выше боевымъ порядкомъ кантоннаго баннера вполне согласовался и порядокъ походнаго движенія его.

Швейцарцы уже съ начала XV вѣка имѣли совершенно выработанный уставъ строевыхъ эволюцій, сто лѣтъ спустя бывшій въ полномъ и постоянномъ употребленіи у нихъ. По этому уставу они отлично умѣли перестраиваться изъ фаланги въ узкую походную колонну, раздѣляя для того фалангу по фронту на малыя ротныя отдѣленія и строя ихъ одни за другими съ праваго или лѣваго фланга, и точно также перестраивали изъ походнаго порядка боевой, а также строили кареи противъ конницы, имѣя обозы внутри, или кареи безъ передняго фаса, но только съ правымъ, лѣвымъ, заднимъ (главнымъ съ знаменемъ) и обозомъ между ними. Для обороны они часто строились крестомъ, такъ что пикинеры и аллебардисты авангарда строились передъ фронтомъ главныхъ силъ или фаланги, а остальные люди авангарда въ каре позади ея.

Въ общемъ боевомъ порядкѣ, арміи всего швейцарскаго союза съ начала XV вѣка и особенно съ XVI раздѣлялись на авангардъ, главные силы и аррьергардъ, иногда всѣ равныхъ силъ, большею же частію неодинаковыхъ, составленныхъ изъ разныхъ родовъ оружія и въ разныхъ пропорціяхъ, смотря по обстоятельствамъ. При этомъ большія части войскъ строились съ большею противъ обыкновенной глубиною, въ началѣ XVI вѣка даже квадратомъ, т. е. съ равными фронтомъ и глубиной.

Уже съ конца XIV вѣка въ Швейцаріи начали набирать наемныя войска въ свою службу иностранные государи (прежде всѣхъ фран-

цускѣй король Людовикъ XI, см. выше). Наборъ этотъ иногда поручался частнымъ образомъ одному изъ швейцарскихъ гауптманновъ, большею же частію производился посредствомъ договоровъ съ отдѣльными кантонами, или, для большаго правильности и порядка, съ цѣлымъ союзомъ. Въ послѣднемъ случаѣ самъ союзъ уже составлялъ и устранивалъ требуемое по договору число войскъ, назначалъ въ нихъ надежныхъ начальниковъ и давалъ имъ не большія, а малыя знамена (Fähnlein). За это союзныя власти получали деньги для уплаты кантонамъ, а иногда и богатые дары и пенсіи вліятельнымъ лицамъ въ нихъ. Жалованье же войскамъ, сроки службы и пр. были опредѣляемы договорами.

Но съ начала XVI вѣка это наемничество швейцарцовъ въ чужую службу утратило уже изъ вида всякую общественную пользу своего отечества и славолубіе, а повелѣо къ необыкновенному корыстолюбію и сдѣлалось просто торговымъ дѣломъ, въ которомъ швейцарцы искали только какъ можно болѣе пожитья и получить денегъ. Между кантонами возникла чисто-торговая конкуренція, которые изъ нихъ получаютъ преимущество поставки своихъ наемниковъ. Они возвышали цѣны ихъ, какъ за товаръ, а наниматели прибѣгали къ подкупамъ и пр. Словомъ—дѣло это получило самый неблагоприятный характеръ.

Но необыкновенную храбрость швейцарскихъ войскъ признавали сами противники ихъ. Одинъ изъ нихъ (Pirckheimer, 1499 года) говоритъ, что «ихъ можно было убить, но не взять въ плѣнъ; за то они и сами не щадили непріятелей своихъ, беспощадно убивая всѣхъ попадавшихъ въ ихъ руки». Онъ хвалитъ ихъ также за то, что они соблюдали строжайшіе: дисциплину, порядокъ и повиновеніе своимъ начальникамъ. Другой современникъ (Aventin) говоритъ между прочимъ, что швейцарцы заслуживали похвалу за свои скромность, единодушіе, трезвость и военную дисциплину. Но всѣ и вездѣ ставили имъ въ упрекъ то, что деньги для нихъ были выше всего и изъ-за нихъ они готовы были на все.

§ 110.

Въ Италіи.

Въ Италіи, прежде всѣхъ другихъ государствъ западной Европы, еще въ предъидущемъ періодѣ (814—1350) чрезвычайно возвысились и усилились города, особенно главные: Римъ, Венеція, Генуя, Пиза, а также въ Ломбардіи и въ южной Италіи. Сознавъ свою силу и

распространивъ свои права, они явились опаснѣйшими противниками феодально-рыцарскаго дворянства. Ломбардскіе города прежде всѣхъ другихъ успѣли освободиться отъ подчиненности областнымъ властямъ, восторжествовать надъ сосѣднимъ дворянствомъ, учредить у себя самостоятельное правленіе, а во время распрей германскихъ императоровъ съ папами, походовъ ихъ въ Италію и борьбы между Гвельфами и Гибеллинами (*Velfen und Waiblinger*) даже составить союзъ между собою, главою котораго былъ могущественный Миланъ, и сдѣлаться почти совершенно независимыми. Жители ихъ раздѣлились на высшее и низшее городское дворянство (*capitani, cavalieri*), на именитыхъ гражданъ (*arimani*) и на простыхъ гражданъ (*citadini, popolo*). Въ случаѣ виѣшней войны, всѣ они вооружались на защиту своего города и изъ нихъ простые граждане составляли пѣхоту, раздѣленную на роты (*compagnie*), подъ начальствомъ капитановъ (*capitani*) и знаменосцовъ (*gonfalonieri*). Городское дворянство и молодые ариманы составляли конницу, иногда усиливаемую также наемниками. Отборная бонная и пѣшая дружина (*compagnia di forti, di gaiardi*) составляла почетную стражу городскаго знамени (*caroccio*). Главнымъ начальникомъ всего городскаго войска былъ старшій или храбрѣйшій въ городѣ капитанъ (*capitano del popolo*), при помощи главнаго знаменосца (*gonfaloniero*).

Подобное тому устройство имѣли и городовыя войска прочихъ городовъ средней и южной Италіи. вмѣстѣ съ тѣмъ во всей Италіи постепенно болѣе и болѣе распространялся обычай содержанія наемныхъ войскъ на жалованъ, набираемыхъ и предводимыхъ своими вождями — кондотіерами (*condottieri*) и извѣстныхъ въ исторіи своими: корыстолюбіемъ, продажною, грабительствомъ и малодушіемъ. Полагаютъ, что эти дружины (*conduti*) или скорѣе шайки наемниковъ впервые явились въ Италію во время похода въ нее германскаго императора Лудовика баварскаго (1328) и что начало имъ положили нѣсколько сотъ нѣмецкихъ наемниковъ, которые взбунтовались по случаю неполученія ими жалованья, ограбили Лукку и, скрывшись въ горахъ и усились разноплеменными бродягами, стали разбойничать и всячески безчинствовать въ Италіи. Мало по малу число ихъ умножалось и наконецъ они, подъ общимъ названіемъ кондотіеровъ, образовали почти исключительно всю вооруженную силу Италіи. Въ XIV и XV вѣкахъ въ главѣ дружинъ ихъ стояли болѣе или менѣе знаменитые кондотіеры, какъ напримѣръ Ледривій Висконти (1339), Вернеръ фонъ - Урслинггенъ (1334 — 51), сѣръ Джонъ Гаквудъ (*Hawkwood*, 1364), Пандольфо Малатеста, Франческо Карманьола, Браччіо ди Монтоне, Сфорца ди Катингола, сынъ его Франческо Сфорца (ставшій миланскимъ герцогомъ),

Медичи, Цезарь Борджія, Альвіано и мн. др. Но были и такіе, которые не уступали атаманамъ разбойниковъ и были страшны только своими названіями: Forte-braccio, Fiera-mosca, Braccio di ferro и т. п.

По свидѣтельству современника кондотіеровъ, Маккіавелли, главными качествами дружинъ ихъ были варварство, хищничество, распутство, безбожіе и трусость. Совершенно чуждыя всякихъ благородныхъ чувствъ чести и любви къ отечеству, онѣ были движимы только побужденіями самаго гнуснаго корыстолюбія. Изъ-за большей платы онѣ измѣняли нанимавшимъ ихъ, переходили съ одной стороны на другую и, постыдно малодушныя въ боевыхъ опасностяхъ, были страшны лишь для мирныхъ гражданъ и поселянъ, которыхъ грабили безъ совѣсти и пощады. Войну онѣ вели только для вида, не сражались ни ночью, ни зимою, не укрѣпляли своихъ лагерей, а пѣ бою не убивали своихъ противниковъ, но старались брать ихъ въ плѣнъ, для полученія богатаго выкупа, и пр. И такого рода постыдный образъ веденія войны производился ими въ той самой Италіи, которая нѣкогда было отечествомъ древнихъ римлянъ!

Находя въ своихъ выгодахъ имѣть только одну конницу, онѣ совершенно вытѣснили изъ своей среды пѣхоту. Только Франческо Сфорца, ставъ герцогомъ миланскимъ (1447—66), нѣсколько возвысилъ, сколько могъ, италіянскую пѣхоту, которая однако далеко не могла сравниться съ швейцарскою.

Сверхъ наемныхъ кондотіеровъ, были впрочемъ народныя ополченія (милиціи) и иноплеменные наемники. Горные жители такъ называемыхъ семи общинъ (sette commune) образовали пограничную стражу сѣверныхъ венеціанскихъ владѣній и за то сохранили свои древнія права и льготы, были освобождены отъ всякаго рода повинностей и охраняли горные проходы изъ Тироля въ венеціанскія владѣнія.

Въ флорентійской республикѣ, во время присутствія Карла V, въ 1530 г., въ Италіи, оборонительныя силы ея состояли: изъ 300 молодыхъ людей знатнѣйшихъ фамилій, составлявшихъ стражу или гвардію дворца; изъ 16 значковъ или дружинъ гражданской стражи (около 3 т. чел., въ томъ числѣ 1,700 аркебузирова и 1 т. пикнетировъ, а остальные—аллебардисты и вооруженные охотничьими пиками, большими мечами и т. п.; только 1 т. чел. имѣли грудныя латы),—и наконецъ изъ сельской милиціи (ландвера), хорошо обученной стрѣльбѣ и получавшей даже въ мирное время небольшое жалованье. Кромѣ того, было 500 чел. регулярной наемной пѣхоты, которые должны были служить образцомъ для этой сельской милиціи.

При въѣздѣ императора Фридриха III въ Римъ (1452), 3 т. чел.

папской конницы, богато вооруженныхъ, и за ними 200 чел. паемной пѣхоты въ хорошихъ доспѣхахъ, заключали торжественное шествіе.

И въ Италіи также, какъ и въ другихъ государствахъ, люди, имѣвшіе надобность въ расположеніи къ нимъ войскъ, по необходимости припущены бывали потворствовать нѣкоторымъ насильственнымъ обычаямъ ихъ. Такъ, напримѣръ, когда Козимо Медичи былъ избранъ (1537) въ герцоги содѣйствіемъ войскъ, они штурмомъ взяли собственный домъ его, разграбили и разрушили оный! Таковы были тогдашніе нравы и обычаи.

Въ числѣ наемниковъ венеціанской республики находилась смѣсь всякаго рода людей. Въ войнѣ 1419 г. съ Сигизмундомъ венгерскимъ въ Фріулѣ, Далмаціи и Босніи, республика эта наняла даже 8 т. турокъ. А въ войнахъ съ турками и иногда даже съ Франціей, она охотно нанимала албанскую конницу подъ названіемъ страдіотовъ.

Собственно постоянныхъ войскъ въ Италіи не было, но государя ея содержали постоянныхъ тѣлохранителей или гвардію. Такъ, напримѣръ, Александръ Медичи, провозглашенный въ 1532 г. дожемъ флорентійской республики, содержалъ постоянную гвардію и былъ всегда окруженъ аллебардистами. Точно также и папы содержали блистательную и дорого стоявшую папскую гвардію, пѣшую и конную.

До самаго начала XVII вѣка пѣхота въ Италіи все еще занимала второстепенное послѣ конницы мѣсто. Она состояла изъ аркебузирровъ, мушкетеровъ и пикинеровъ или корсалетовъ (т. е. латниковъ). Составъ и раздѣленіе ротъ были тѣ же, что и въ Германіи; изъ чиновъ ихъ наибольшимъ почетомъ пользовался знаменосецъ (alfiero).

Въ венеціанской республикѣ прежніе кандіотскіе рыцарскіе, конные и подобныя имъ пѣхотные лены съ ходомъ времени были вообще обращены въ рыцарскіе конные. Но въ концѣ XVI вѣка они пришли въ совершенный упадокъ и только временно съ 1574 года выставяли 1,200 чел. конницы, которые были постоянно обучаемы.

Между тѣмъ какъ во всей Италіи наемники имѣли рѣшительное превосходство и первенство, и лишь въ видѣ исключенія существовали народныя милиціи и слабыя остатки ленныхъ дружинъ, островъ Корсика имѣлъ своеобразное народное ополченіе для оборонительныхъ цѣлей. Въ случаѣ опасности, все населеніе вооружалось на общую защиту, выставяло повсюду стражи и караулы, разсыпало патрули и разъѣзды, располагалось лагерями въ палатахъ, продолговатствовало собственными средствами и мужественно обороняло свой островъ.

*

Но чѣмъ менѣе мирные граждане въ Италіи подчинялись военной службѣ и чѣмъ болѣе послѣдняя, вслѣдствіе того, сдѣлалась наемнымъ ремесломъ, тѣмъ усерднѣе посвятившіе себя послѣднему изучали военное дѣло, такъ что Италія въ этомъ отношеніи съ начала XV вѣка долго служила образцомъ и учредила знаменитыя военныя академіи или училища, въ которыхъ образовались многіе извѣстные полководцы (Sforza, Fortebracio и др.).

Но все это не могло замѣнить тогдашняго главнаго недостатка военнаго устройства въ Италіи — національной основы: иностранныя войска на жаловань не могли замѣнить національныхъ. Этому-то именно недостатку и хотѣлъ пособить мудрыми преобразованіями Макіавелли въ своемъ сочиненіи «Arte della guerra» (изд. въ 1521 г.).

§ 111.

Въ Испаніи и Португаліи.

Главнымъ основаніемъ военнаго устройства христіанскихъ государствъ въ сѣверо-западной и въ послѣдствіи во всей Испаніи, со времени завоеванія ея аравитянами-маврами въ половинѣ VIII вѣка до совершеннаго изгнанія ихъ изъ нея въ концѣ XV вѣка (1492), было существовавшее у первыхъ обладателей ея — вестготѣвъ. У нихъ источникомъ общей военной повинности было не землевладѣніе, но, по древнимъ германскимъ обычаямъ, каждый способный носить оружіе имѣлъ право и обязанность идти на войну. Съ этою цѣлію весь народъ раздѣлялся на военные отряды, которыми предводительствовалъ назначаемый королемъ герцогъ (dux), а подъ нимъ графъ (comes, praepositus hostis), тиуфады (tiufad, millenarius) или тысячники, пятисотники, сотники и десятичники. Военный порядокъ въ войскѣ и отбываніе службы въ немъ были опредѣлены строгими законами. При этомъ всѣ, имѣвшіе рабовъ, должны были $\frac{1}{10}$ ихъ вести съ собою на войну, въ чемъ вестготы отличались отъ другихъ германскихъ племенъ, у которыхъ рабы не имѣли права носить оружіе.

Изъ этого слѣдуетъ, что военная повинность народа была основана единственно на призывѣ короля. За то онъ заботился о содержаніи войска во время войны и для этого во всѣхъ городахъ и замкахъ были склады продовольствія.

Уже во время завоеванія Испаніи аравитянами-маврами конница составляла главную часть войска вестготѣвъ и была хорошо вооружена металлическимъ оружіемъ. Пѣхота была вооружена проще и легче, преимущественно луками и стрѣлами, дротиками, мечами или

саблями и небольшими щитами. Были также метательныя орудія для метанія камней и стрѣлъ. Вестготы безпрестанно производили военные игры и упражненія и съ раннихъ временъ производили и морскія военныя предпріятія.

Эти главныя основанія военнаго устройства вестготовъ долго сохранялись не только въ сѣверо-западной, независимой отъ мавровъ Испаніи, но и въ остальной, завоеванной ими, гдѣ мавры сохранили жителямъ покоренныхъ областей всѣ ихъ законы и обычаи, только взимая съ нихъ дань. Поэтому главныя черты вестготскаго военнаго устройства перешли, по мѣрѣ учрежденія въ Испаніи самостоятельныхъ христіанскихъ королевствъ, въ договоры, статуты или фуэросы (fueros), заключаемые между королями и общинами. Въ силу этихъ фуэросовъ первою обязанностью каждаго гражданина, въ случаѣ нападенія извнѣ, было защищать отечество оружіемъ и служить или въ одномъ отдѣльномъ военномъ предпріятіи (fonsado), или въ цѣломъ походѣ. Всѣ обязанности и распоряженія по этому предмету принадлежали общиннымъ управамъ, въ томъ числѣ и раздѣленіе ополченцовъ на пѣшихъ (peones) и конныхъ (milites, caballeros), смотря по ихъ достатку и возможности или невозможности имѣть лошадей и конное снаряженіе и пр. Всѣ правила касательно отбыванія военной службы были точно опредѣлены законами и исполнялись строго и точно. При этомъ рыцарская тяжелая конница была не только главною, но и лучшею и почетнѣйшею частью войска, и ее составляли знатнѣйшія и достаточнѣйшія лица. Предводителями ополченій общинъ были старшины ихъ и алькады (судьи). имѣвшіе знамена своихъ общинъ. Въ общинѣ каждый способный носить оружіе былъ обязанъ служить въ ополченіи, но могъ откупиться отъ участія въ фонсадѣ (экспедиціи) внесеніемъ фонсадеры (fonsadera, fossataria) или денежнаго выкупа. Старые и больные люди, равно находившіеся въ дальнемъ богомольѣ, лишившіеся въ томъ же году жены и т. п., освобождались отъ фонсады и фонсадеры. На содержаніе и исправленіе замковъ была назначена особая подать (castileria).

Короли имѣли сверхъ того свои собственныя дворцовыя войска (militia regalis palatii), которыми начальствовали королевскій оруженосецъ (armiger regis), вмѣстѣ съ маіордомомъ принадлежавшій къ высшимъ чинамъ двора.

Всѣ эти главныя основанія и черты военнаго устройства христіанскихъ королевствъ въ Испаніи долго сохранялись до и послѣ половины XIV вѣка, только съ нѣкоторыми, присоединившимися къ нимъ, съ ходомъ времени и согласно съ обстоятельствами, особенностями.

Такъ содержаніе войскъ на жалованьяхъ и пашмиковъ все болѣе и болѣе проникло также и въ Испанію и распространялось въ ней.

Но въ особенности на военное устройство испанцевъ имѣла вліяніе продолжительная борьба ихъ съ испанскими маврами. Вліяніе это выразилось тѣмъ, что военное устройство и военное дѣло у испанцевъ, сохранивъ прежнія главныя основанія и черты свои, многое заимствовали у мавровъ и съ такою пользою, которая много способствовала отличному состоянію и даже превосходству испанскихъ войскъ въ послѣдствіи (въ XV—XVI вѣкахъ).

Прежде и болѣе всего вліяніе это отразилось на образованіи въ XIII—XIV вѣкахъ, по примѣру мавровъ, превосходной легкой конницы (*genetajos* или *ginetas*), далеко превосходившей современную французскую и нѣмецкую. вмѣсто латы она носила кожаные полукафтанья, подбитые нѣсколькими рядами толстаго холста, и кожаные щиты, остроконечные внизу, была вооружена кривыми саблями, луками и стрѣлами, и длинными легкими дротиками (*sagaye*), дѣйствовала же такого рода наѣздничествомъ, которое было въ обычаѣ у мавровъ и албанцевъ (скипетаровъ).

Тяжелой конницы испанцы имѣли гораздо менѣе, нежели другія западно-европейскія государства. Въ устройствѣ, вооруженіи и образѣ дѣйствій она сходствовала съ французскими ордонамсъ-ротами и соперничествовала съ ними въ наѣздничествѣ, искусствѣ владѣнія оружіемъ и рыцарской храбрости.

Пѣхота уже съ половины XIV вѣка до конца XV-го имѣла хотя и второстепенное значеніе, но уже большее нежели въ другихъ государствахъ западной Европы (исключая Швейцаріи и Германіи). Но совершенное преобразование ея, какъ равно конницы и всей вообще испанской арміи, принадлежитъ Фердинанду Католику (1474—1516) и знаменитому полководцу его Гонсальву Кордовскому. Послѣдній образовалъ и устроилъ (1485) испанскую пѣхоту по образцу швейцарской и отчасти французской. При этомъ онъ правильно опредѣлилъ въ ней относительное число вооруженныхъ бѣлымъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ. Въ 1485 же году на равнинахъ Гренады впервые явилась передъ Фердинандомъ и Изабеллой вновь преобразованная испанская армія — 12 т. чел. конницы и 20 т. чел. пѣхоты, все отборныхъ войскъ, вполнѣ вооруженныхъ, съ большимъ артиллерійскимъ паркомъ орудій и съ полнымъ снабженіемъ всѣми нужными военными запасами. При открытіи же похода 1486 г. Фердинандъ имѣлъ подъ своимъ предводительствомъ армію, еще болѣе сильную и лучше устроенную (однихъ подъемныхъ лошадей и вьючныхъ муловъ при ней была до 50 т.). Въ составѣ этой арміи были не одни испанцы, но и лучшіе полководцы, офицеры и рядовые вои-

ны изъ Италиі и Франціи, привлеченные честью и славой служить подъ знаменами Фердинанда.

Полнѣйшее преобразованіе испанской пѣхоты было произведено Гонсалъвомъ въ Италиі, когда онъ былъ посланъ Фердинандомъ съ арміей въ Сицилію. Гонсалъвъ снискалъ испанской пѣхотѣ такую славу, которую она достойно заслужила и сохранила даже въ XVII вѣкѣ. Хотя она сначала пожелнялась, вдали отъ Испаніи, преимущественно вербованіемъ изъ бродягъ и бездомныхъ людей, однако они, въ средѣ коренныхъ испанскихъ воиновъ, скоро становились отлично дисциплинированными и храбрыми войсками. Испанская пѣхота непріязненно дѣйствовала только противъ непріятеля, а не противъ мирныхъ жителей. Въ умѣренности, воздержности и сносливости она превосходила французскую и даже швейцарскую, а въ искусствѣ дѣйствій не уступала никакой. Вслѣдствіе того, въ концѣ XVI вѣка она могла быть достойно признана лучшею въ Европѣ.

Она была вооружена легче швейцарской и нѣмецкой, именно шпагами, кинжалами и легкими пиками, а стрѣлки въ ней скопетами (scopeta, родъ карабина). Она раздѣлялась на терсіи (terzias) или полки въ 500 и до 2 т. чел. и на кадрили (quadrillas) или роты въ 50 чел. Терсіи строились въ глубокія, сомкнутыя колонны, съ большею глубиною, нежели шириною во фронтѣ, и имѣвшія на углахъ и со всѣхъ сторонъ стрѣлковъ. Послѣдніе открывали бой стрѣльбою въ разсыпномъ строѣ, поддержанные нѣсколькими кадриликами пикинеровъ. За ними слѣдовали терсіи, производившія атаки съ всеограшавшею силой. Въ случаѣ неудачи, пикенеры бросали пике и отчаянно дрались шпагами и кинжалами, доколѣ не побѣждали или не гибли всѣ до одного. Въ первомъ случаѣ, напротивъ, все падало подъ ихъ ударами. При отступленіи же, они сохраняли примѣрный порядокъ, необыкновенное хладнокровіе и по прежнему грозный видъ.

Этой отличной испанской пѣхотѣ нисколько не уступали ни тяжелая и легкая конница, ни артиллерія, ни инженеры, словомъ — съ конца XV вѣка испанская армія во всѣхъ отношеніяхъ была превосходнымъ войскомъ.

Когда со временъ Карла V (1516—1558) испанская и австрійская арміи дѣйствовали вмѣстѣ, первая превосходила вторую въ способности къ маневрированію и особенно въ дѣйствиі ручнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ.

Военное устройство и военное дѣло въ Португаліи развились ранѣе и многостороннѣе, нежели въ Испаніи, но позже значительно отстало отъ состоянія ихъ въ этой послѣдней. Походъ короля Аль-

фонса въ 1471 г. противъ Арсилы (Argilla) свидѣтельствуесть уже объ успѣхахъ военныхъ учреждений Португаліи. Въ походѣ 1475 г. противъ Пласенсіа (Plasencia), въ португальской арміи были 5,600 чел. конницы и 14 т. чел. пѣхоты, слѣдовательно послѣдняя составляла уже главную часть арміи. Въ составѣ этой арміи были: впереди—легкая конница для развѣдыванія, за нею—маршалъ съ конвоемъ, потомъ—конная стража королевскихъ телохранителей, авангардъ, обозъ, король съ главнымъ силами и знаменемъ королевства, а по обѣимъ сторонамъ—правое и лѣвое крыла, и наконецъ въ хвостѣ—аррьергардъ подъ начальствомъ главнаго полководца (condestabel, connétable). Въ сраженіи между португальцами и кастильцами въ 1476 г. при Торо, въ португальской арміи было много стрѣлковъ въ латахъ и мушкетеровъ; послѣднихъ было много и у кастильцовъ.

§ 112.

Въ Германіи и Австріи.

Военное устройство германской имперіи до самыхъ временъ Максимилиана I (1493) находилось въ жалкомъ состояніи упадка. Причиною этого было то, что оно все еще по прежнему было основано на ленной военной повинности множества имперскихъ князей, большихъ и малыхъ, духовныхъ и свѣтскихъ владѣтелей, вассаловъ и подвассаловъ, и имперскихъ, вольныхъ и всякихъ другихъ городовъ. Даже въ случаѣ важныхъ и необходимыхъ общенациональныхъ войнъ, императорамъ было крайне трудно убѣждать этихъ ленныхъ владѣтелей идти лично на войну съ своими ленными войсками и собрать необходимое число послѣднихъ. Имперскіе князья неохотно повиновались или даже вовсе не повиновались призывамъ императоровъ и постановленіямъ имперскихъ сеймовъ, вассалы имперскимъ князьямъ, подвассалы вассаламъ и т. д. Если же они и повиновались, то всячески старались выставлять какъ можно менѣе войскъ и на возможно краткій срокъ, отвлекали одинъ отъ другаго вассаловъ и подвассаловъ и т. п. Словомъ—всѣ недостатки феодально-рыцарскаго военнаго устройства, отживавшаго свое послѣднее время, достигли въ эти 1½ вѣка, въ обширной, но крайне раздробленной и разъединенной германской имперіи, высшей степени, и тщетны были всѣ мѣры, принимаемыя для того, чтобы помочь этому. Были изданы и имперскія матрикулы (Reichs-Matrikel), опредѣлявшія, сколько именно войскъ каждый членъ имперіи долженъ былъ выставлять, и подробныя военные артикулы (Kriegs-Artikel), для соблюденія и

поддержанія порядка въ войскахъ, и мн. т. п. Но все это оставалось безъ уваженія и исполненія.

Такое положеніе было особенно ощутительно во время гуситскихъ войнъ, противъ необыкновенныхъ единства и согласія гуситскихъ армій и ихъ предводителей, и послѣ этихъ войнъ, когда для имперіи возникла новая опасность со стороны турокъ и враждебнаго расположенія Франціи. Въ 1474 году сила имперскаго войска была опредѣлена обязательно всего только въ 84 т. чел., а въ 1475 г. для похода противъ Карла Смѣлаго, герцога бургундскаго, въ 69,370 чел.; но и этого, крайне малаго для имперіи числа войскъ далеко не было выставляемо вполнѣ. Вообще всегда и во всѣхъ случаяхъ и отношеніяхъ всѣ принимаемыя полумѣры и неудовлетворительное исполненіе ихъ были крайне невыгодны для имперіи.

Несравнено лучше было военное устройство имперскихъ, вольныхъ и другихъ большихъ городовъ Германіи. Вслѣдствіе военнаго права ихъ, каждый гражданинъ ихъ былъ обязанъ городскойю военною службой съ собственными доспѣхами и оружіемъ и не смѣлъ вступать въ чужую службу и продавать чужимъ оружіе. Богатѣйшіе граждане (Bürgergleven, Constabler) служили на коняхъ, остальные — пѣшими, самые бѣдные—военными землекопами или пионерами. Каждый цѣхъ имѣлъ свой складъ оружія и составлялъ особенную часть городского войска, подъ начальствомъ своего старшины (Zunftmeister). Главнымъ предводителемъ былъ городской голова (Bürgermeister) или особый городской гауптманнъ (Stadthauptmann, Capitaneus). Городское знамя носилъ одинъ изъ членовъ магистрата (Rathsherrn). Въ случаѣ опасности отъ непріятели, по тревогѣ набатомъ или барабаномъ, всѣ граждане были обязаны немедленно вооружиться, собраться на сборныхъ мѣстахъ и отнюдь не отлучаться отъ нихъ подъ страхомъ денежной пени и даже тюрьмы. При возраставшихъ населенности и богатствѣ городовъ и средствъ ихъ для набора наемниковъ, вооруженныя силы ихъ были болѣе или менѣе значительны. Такъ, на примѣръ, въ Аахенѣ, еще въ 1387 г., на смотру было 19,826 чел., а въ Страсбургѣ въ 1302 г. стѣны, башни и ворота были въ большой исправности и для обороны ихъ состояло до 20 т. ч. городского, хорошо вооруженнаго и устроеннаго войска. Во всѣхъ городахъ войска были постоянно занимаемы разными военными упражненіями, стрѣльбою въ цѣль изъ луковъ, а потомъ изъ огнестрѣльнаго оружія, фехтованіемъ мечами и пиками, ученьями, эволюціями и т. п.

Съ этою цѣлью во всѣхъ городахъ были конныя, стрѣльбовыя и фехтовальныя общества, имѣвшія свои уставы, и многія изъ нихъ пользовались большою славой. Ежегодно войскамъ производился стро-

гіе смотры по всѣмъ частямъ и во всѣхъ отношеніяхъ. Главную силу городскихъ войскъ составляла пѣхота, гораздо меньшую—конница, но имперскіе города, въ войнахъ съ имперскими князьями и дворянствомъ, вербовали наемную конницу, въ которую не стыдились поступать за большое жалованье даже знатнѣйшіе люди. Сверхъ того, города усиливали свои войска прінятіемъ въ нихъ внѣшнихъ гражданъ (Ausbürger, Glevenbürger), т. е. такихъ, которые хотя и не жили въ этихъ городахъ, но пользовались правами гражданства въ нихъ, а потому и сопряженными съ ними военными обязанностями. Знамя имперскихъ городовъ, съ изображеніемъ Божіей Матери съ младенцомъ Иисусомъ, носили обыкновенно страсбургцы.

Означенное здѣсь военное устройство городскихъ войскъ было болѣе всего развито въ имперскихъ городахъ. А по ихъ образцу оно существовало и въ другихъ большихъ городахъ, какъ напр. Вѣнѣ, Мюнхенѣ и др.

Но самаго лучшаго и цвѣтущаго состоянія достигло военное устройство союза городовъ Ганзы, который въ XIV и XV вѣкахъ вель войны, большею частію удачныя, съ скандинавскими государствами и часто высылалъ въ море военные флоты въ 200 и болѣе кораблей. Съ конца XV вѣка Ганза начала приходить въ упадокъ, но богатство ея все еще доставляло ей важный военный перевѣсъ. Во 2-й половинѣ XVI в. Любегъ 7 лѣтъ воевалъ съ Швеціей на непомерную для того времени сумму болѣе 1.500,000 марокъ.

Въ отдѣльныхъ государствахъ Германіи существовали тѣ же самыя затрудненія и препятствія хорошему военному устройству, что и означенныя выше въ цѣлой имперіи. Такъ въ Австріи, въ 1462 г., для войны противъ гуситовъ, было постановлено образовать земское ополченіе (Landaufgebot) изъ 10-го человѣка, 20 которыхъ должны были имѣть дышловую, 4-хъ-конную съ уносомъ, военную повозку по образцу гуситскихъ (см. ниже § 113), со всѣми принадлежностями, орудіями, матеріалами и пр. въ ней. Вооруженіе, снаряженіе, содержаніе, образъ дѣйствій и пр. ополченцовъ и военныхъ повозокъ были опредѣлены въ подробности. О подобнаго рода народныхъ сельскихъ ополченійхъ (Landwehren) въ австрійскихъ земляхъ часто упоминается и въ послѣдующія времена. Ополченія эти имѣли еще очень много сходства съ стариннымъ геербанномъ. Разница была въ томъ, что каждый 10-й домовладѣлецъ, не имѣвшій средствъ служить съ собственными: вооруженіемъ и содержаніемъ, долженъ былъ получать ихъ отъ 9-ти остававшихся дома. По тому же образцу и такого же рода ополченія сзывались въ случаяхъ внѣшней опасности и въ слѣдующія времена. Иногда ополченія бывали всесословныя, смѣшанныя, изъ землевладѣльцовъ, горожанъ и сельскихъ жителей. За не-

явку въ ополченіе были назначены разными цени и наказанія. Но кромѣ того, что эти цени и наказанія рѣдко могли быть приводимы въ исполненіе, внутреннее устройство австрійскихъ земель было таково, что служило непреодолимымъ препятствіемъ для внѣшнихъ военныхъ предпріятій. На ландтагъ въ Кремсѣ, въ 1449 г., зашла-было рѣчь объ учрежденіи постоянного войска, но государственные чины (Stände) не хотѣли оказать особеннаго содѣйствія этому и только выразили герцогу (австрійскому) желаніе, чтобы онъ озаботился обезпеченіемъ страны постоянными наемниками, чѣмъ все и ограничилось.

Болѣе цѣлесообразное развитіе получило въ это время военное устройство Тироля. До начала XV вѣка оно было довольно сходно съ общимъ вѣснмъ нѣмецкимъ землямъ. Но чрезвычайное внутреннее и внѣшнее положеніе, въ которое былъ поставленъ герцогъ Фридрихъ (австрійскій), потребовало и мѣръ чрезвычайныхъ. Особенно онъ долженъ былъ пріобрѣсть достаточно средствъ для противоборства союзу тиролевскихъ землевладѣльцовъ (Elephantenbund), имѣвшему цѣлю ограниченіе герцогской власти. Фридрихъ, прежде и болѣе всего опираясь на примѣненіе пороха, дорогое и тягостное для дворянства, взялъ въ свою службу меммингенскаго оружейника Авраама, который сталъ учить въ Тиролѣ приготовленію пороха и употребленію огнестрѣльныхъ орудій. Сверхъ того Фридрихъ на-вербовалъ постоянныхъ наемниковъ. А позже въ 1416 г. онъ прямо, помимо дворянства, призвалъ поселянъ въ ополченіе, и хотя эта мѣра и не имѣла тотчасъ же, сразу, общаго и рѣшительнаго дѣйствія, однако поколебала въ самомъ основаніи старинное феодальное военное устройство Тироля, замѣнивъ его народнымъ, менѣе связывавшимъ руки Фридриху. Послѣдній опредѣлилъ его особеннымъ поставленіемъ, и оно послужило основаніемъ послѣдующему военно-му устройству Тироля.

Контингенты, которые должны были выставять отдѣльныя наслѣдственныя австрійскія владѣнія, были очень незначительны. Такъ напр. въ 1486 г., когда имперскіе князья обѣщали выставить вспомогательную армію противъ венгерскаго короля Матвея, на всѣ австрійскія земли пришлось всего только 2 т. чел. войскъ и изъ нихъ на нижнюю и верхнюю Австрію только 300 чел. конныхъ и 300 чел. пѣшихъ.

Въ Бранденбургіи - Пруссіи ленная личная военная служба не могла долго удержаться, частію потому, что ленные владѣтели не всегда были способны къ ней, а частію потому, что самые лены перешли покупкой, обмѣномъ, дарами и т. п. во владѣніе городовъ, монастырей, корпорацій и пр., которые вмѣстѣ съ тѣмъ приняли уже

на себя и ленную повинность. Вслѣдствіе того, въ XV вѣкѣ личная военная повинность замѣнилась уже поставкой вооруженныхъ людей. А чтобы устранить всякія недоразумѣнія при этомъ, на смотрахъ были составляемы вѣдомости, въ которыхъ означали всѣхъ явившихся людей, лошадей и повозки, и которыя при новомъ призваніи служили какъ бы матрикулами. Этими матрикулами опредѣлялось, сколько каждая область и каждый городъ должны были выставлять людей и лошадей, гаучманповъ, плотничихъ и оружейныхъ мастеровъ и пр. Въ войнѣ 1478 г. съ Помераніей имѣло быть выставлено всего 7,080 чел. пѣхоты съ 1,335 подъемными лошадьми и 2 т. чел. конницы. Усиленіе же ихъ производилось вербованіемъ или условными договорами, и этимъ способомъ въ 1478 г. было собрано 1,400 ч. конницы. Курфюрстъ Фридрихъ I также имѣлъ въ ополченіяхъ вербованныя войска, а курфюрстъ Албрехтъ постановилъ, чтобы каждый дворянскій вассалъ имѣлъ по 1 слугѣ (Knecht) на повозку и по 4 трабанта, всѣхъ съ пиками, аркебузами, луками и принадлежностями ихъ, мечами, ножами, панцырями, щитами и доспѣхами. Для формировація людей онъ назначалъ урядниковъ (Ordner), или самъ, или черезъ дворянъ. При курфюрствѣ Іоаннѣ въ первый разъ усматривается вниманіе съ городовъ деньгами за часть ихъ контингентовъ.

Въ другихъ нѣмецкихъ земляхъ военное устройство имѣло еще почти прежній феодальный характеръ, но при этомъ вездѣ возвысилось значеніе городовъ. Въ Саксоніи, во время гуситскихъ войнъ, войско значительно умножилось: не только вассалы съ своими подручными, но и форты, амтманы и совѣтники курфюрстовъ должны были служить въ войскѣ, съ своими людьми, въ полномъ вооруженіи. Лучшая часть пѣхоты называлась трабантами, которые были вооружены луками и имѣли желѣзные пищаки и панцыри. При этомъ вербовались также наемники, что значительно умножало число войскъ. Въ 1489 г. было собрано болѣе 4 т. чел. пѣхоты, болѣе 800 чел. тяжелой конницы, болѣе 400 повозокъ, 171 ручныхъ аркебузъ (Hakenbüchsen) и 26 большихъ на повозкахъ (Karrenbüchsen), съ продовольствіемъ и разнымъ матеріаломъ для вагенбурга, боя и проч. Главными родами войскъ въ Саксоніи вообще были трабанты, конные латники и обывовенная пѣхота.

Въ Виртембергѣ каждый, способный носить оружіе, отъ 18 до 60 лѣтъ, былъ обязанъ военною службой и имѣть доспѣхи и оружіе (до конца XV вѣка лишь немногіе изъ нихъ имѣли огнестрѣльное). Имъ производились частыя военныя упражненія всякаго рода, особенно въ стрѣльбѣ и фехтованіи, маршировкѣ и эволюціяхъ, и отъ времени до времени смотры. Въ городахъ были склады оружія и пр. и каждый городъ былъ въ родѣ плацдарма его окрестностей. Быва-

ли 1-й, 2-й и даже 3-й призывы (Aufgebot). Передъ выступленіемъ выбирались начальствующие чины. Каждая дружина брала съ собою барабанщиковъ, флейщиковъ, плотниковъ, оружіе и повозки со всеми походными принадлежностями. Графъ Ульрихъ въ 1460 г. ввелъ усиленіе ополченій пѣшими и отчасти конными наемниками. Фогты, амтманы, лѣспичіе и проч. должны были служить на коняхъ. Однако конница состояла преимущественно изъ ленныхъ людей.

Съ вступленіемъ на престолъ имперіи Максимилиана I (1493 г.) военное устройство ея наконецъ стало, благодаря ему, принимать новый, лучший видъ. Едва вступивъ на престолъ, Максимилианъ тотчасъ обратилъ свое вниманіе на рѣшительное усовершенствованіе этого военного устройства имперіи вообще и Австріи въ частности. На сеймѣ въ Вормсѣ (1495) постановлено было, какъ поступать въ случаѣ вступленія непріятели въ имперію, и подтверждено, чтобы пограничныя ополченія быстро собирались и твердо держались до прибытія болѣе отдаленныхъ. Сопротивленіе рыцарскаго дворянства первымъ мѣрамъ Максимилиана не удержало послѣдняго отъ улучшенія имперскаго военного законодательства. Прежде устанавливались дисциплинарныя уставы только на время извѣстнаго похода, а онъ хотѣлъ установить болѣе постоянныя и началъ съ того, что для вербованныхъ въ службу имперіи войскъ на жалованьѣ установилъ опредѣленную знаменную присягу (Fahneneid) на вѣрность и исправность службы императору и имперіи, и эту присягу каждый долженъ былъ приносить подъ знаменами. Затѣмъ опредѣлительнѣе установлены были обязанности наемниковъ на жалованьѣ—въ грамотѣ артикуловъ (Artikelbrief), которая послѣ каждого смотра имѣла быть прочитываема всемъ и каждому, и всѣ должны были присягать ей.

Однако даже опасность со стороны турокъ не могла поколебать нерѣшимости и равнодушія имперскихъ князей въ отношеніи военного устройства имперіи. Они согласились (на сеймѣ въ Аугсбургѣ въ 1518 г.) только на то, чтобы всякій ежегодно при причастіи жертвовалъ 1/10 рейнгульдена на войну съ турками и чтобы на эти деньги были вербуемы конница и пѣхота и производимы все военныя снаряженія. Но рѣшеніе этого было отложено до слѣдующаго сейма, до котораго Максимилианъ уже не дожилъ.

Почти такія же затрудненія встрѣтилъ Максимилианъ и въ своихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ. Ополченія производились почти также, какъ и прежде, только вмѣстѣ съ ленными людьми призывались также города и общины. Дворянству все еще была предоставлена личная служба, а города выставляли своихъ наемниковъ и милиціи. Прежде призывнаго патента (или грамоты) издавался пред-

варительный или приготовительный. При этомъ Максимилианъ желалъ, чтобы вольные охотники, хотѣвшіе послѣдовать за нимъ на жалованьѣ, исключались изъ числа людей, пужныхъ для впутрейней обороны, слѣдовательно желалъ сочетать призывную службу съ службою за жалованье. Впрочемъ земскіе чины по прежнему продолжали ограждать себя отъ военныхъ требованій разными уклончивыми причинами, уговорами и условіями, словомъ — всячески оказывали сопротивленіе.

Максимилианъ также старался распространить и на ленное дворянство сочетаніе ленной службы съ службой на жалованьѣ (такъ $\frac{1}{3}$ онъ бралъ на свое жалованье, а $\frac{2}{3}$ должны были брать дворянство, прелаты, города и поселяне на свое). Болѣе удобный случай къ тому представился еще въ отношеніи къ конницѣ. Онъ учредилъ изъ молодыхъ дворянъ—рыцарей на его жалованьѣ, которые должны были составить ядро новой конницы и служить опорой и связью прежнимъ рыцарямъ. Въ такомъ смыслѣ онъ навербовалъ въ Австріи, въ 1498 г., 4 дружины (Fähnlein) конницы, каждую изъ 25 кириссеровъ (Kirisseren) и соотвѣтствующаго числа хорошо вооруженныхъ конныхъ слугъ и лошадей. Гауптманнъ каждой дружины получалъ 50 гульденовъ ежемѣсячно, а каждый кириссеръ 4 гульдена въ Австріи и 10 гул. вѣѣ оной въ имперіи. Всѣ 100 кириссеровъ были дворяне, каждый имѣлъ оруженосца, 1 рейтвехта, 1 аркебузира, 1 трабанта, 2 слугъ и 1 пажу, всего 7 чел. Въ каждой дружинѣ офицерами были: 1 гауптманнъ, 1 поручикъ и 1 прапорщикъ (знаменщикъ). Всѣ 4 дружины имѣли 1,620 чел. строевыхъ и 208 нестроевыхъ, всего 1,828 чел. Самъ императоръ назначалъ гауптманновъ, поручиковъ и прапорщиковъ—изъ лучшаго дворянства Австріи. Кириссеръ долженъ былъ имѣть полный панцырь, коня въ латахъ, 1 коннаго стрѣлка огнестрѣльнаго, 2 полупиккинеровъ (съ полупиками) и 3 оруженосцовъ (изъ нихъ одного изъ дворянъ). Изъ этого видно, что образцомъ учрежденія дворянскихъ кириссеровъ послужили французскія ордонансъ-роты.

Къ этому Максимилианъ присоединилъ еще другое учрежденіе: онъ сталъ принимать въ свою службу нѣмецкихъ имперскихъ князей, обязавъ ихъ, за опредѣленное жалованье, вербовать и содержать извѣстное число всадниковъ во всегдашней готовности къ службѣ императора. Такъ въ 1509 г. онъ принялъ въ свою службу на 4 мѣсяца герцога Эриха брауншвейгъ-люнебургскаго съ 150 ч. конницы, за 10 гульденовъ на каждую лошадь въ мѣсяцъ, — въ 1515 г. герцога мекленбургскаго на 1 годъ съ 25 чел. конницы и 4 подъемными лошадьми, за 8 гульденовъ на лошадь въ мѣсяцъ, — и въ томъ же году маркграфа Казимира бранденбургскаго съ 40 во-

оруженными всадниками. Онъ бралъ дворянъ въ свою службу и съ меньшимъ числомъ людей и лошадей, и иныхъ на долгое время и даже на всю жизнь. А князья, поступавшіе на его службу, съ своей стороны набирали на безсрочный уговоръ другихъ дворянъ съ небольшою числомъ конныхъ людей, дабы содержать свои отряды въ комплектъ во всякое время.

Въ Тиролю, по смерти герцога Фридриха, военное устройство снова приняло почти прежній феодальный характеръ, и власть мѣстнаго герцога была столько же ограничена, сколько и въ другихъ австрійскихъ земляхъ. Но въ 1511 г. Максимилианъ положилъ основаніе будущему военному устройству Тироля, постановивъ, чтобы всѣ укрѣпленныя мѣста были вновь укрѣплены и снабжены продовольствіемъ,— чтобы угрожавшей части страны вся страна подавала помощь,— чтобы, смотря по опасности, выставлялось 5, 10, 15 и до 20 т. чел. ополченцовъ, а еслибы и этого было недостаточно, то поголовное ополченіе, и чтобы о жалованьи заботилась страна, а о продовольствіи и оружій мѣстный герцогъ.

Въ 1518 г. Максимилианъ установилъ взаимный оборонительный союзъ между всѣми австрійскими наслѣдственными владѣніями. Каждое изъ нихъ должно было прежде всего выступать на свою защиту съ собственнымъ земскимъ ополченіемъ. Если его было недостаточно, то другія владѣнія должны были идти ему на помощь. Если же всѣ австрійскія земли въ одно время находились въ опасности, то во всѣхъ должны были быть собраны ополченія на общую защиту. Этимъ былъ положенъ конецъ службѣ мѣстныхъ ополченій только внутри своихъ областей, и они должны были служить и внѣ оныхъ и въ случаѣ нужды даже болѣе 6 мѣсяцовъ.

Изъ всѣхъ означенныхъ выше учрежденій видно, какъ Максимилианъ старался создать австрійскую національную вооруженную силу и отчасти достигъ этого своими дворянскими наемниками и взаимнымъ оборонительнымъ союзомъ австрійскихъ земель. Но послѣдній служилъ только для внутренней обороны, первые же были слишкомъ малочисленны для внѣшнихъ предпріятій. Поэтому число ихъ должноствовало быть умножаемо или однимъ своими людьми, или вмѣстѣ съ чужими.

Содержаніе войскъ на жалованьи систематически развилось также и въ Германіи. Военная служба сдѣлалась ремесломъ, а военное дѣло получило цѣховой характеръ. Охотниковъ до него было много и они готовы были служить всякому, кто хорошо или лучше платилъ. При неполученіи жалованья, они отказывали въ повиновеніи и добывали себѣ слѣдующее имъ вымогательствами отъ мѣстныхъ сельскихъ жителей и грабежомъ. Это случалось и по роспуску ихъ по

окончаніи войны, и они до новой войны занимались разбоями и грабежомъ. Уже отецъ Максимилиана Фридрихъ III и его современники испытали много зла отъ наемниковъ. Но и племики рѣдко получали жалованье исправно наличными деньгами и потому разбойничали, грабили и жаловались земскимъ чинамъ, а земскіе чины на нихъ. Словомъ—съ обѣихъ сторонъ были и вина, и неудовольствіе.

Нѣсколько болѣе порядка было между швейцарскими наемниками, которые за то были болѣе требовательны и если не получали жалованья, то также грабили. При всѣхъ своихъ достоинствахъ, они были алчны къ деньгамъ и, разъ выйдя изъ повиновенія, также предавались большимъ беспорядкамъ.

Максимилианъ, во время первыхъ бургундскихъ и италіанскихъ войнъ своихъ, вполне узналъ недостатки наемниковъ, однако по необходимости прибѣгалъ къ нимъ въ обширѣйшихъ размѣрахъ и имѣлъ ихъ какъ изъ своихъ такъ и изъ всѣхъ чужихъ земель. Но какъ казна его рѣдко была полна, то наемники часто не получали жалованья и предавались беспорядкамъ. Пока они приходили и уходили порознь, по-одиночно, еще можно было справиться съ ними, но когда они начали соединяться въ цѣлыя общества, то стали опасны самимъ государямъ. Уже при Фридрихѣ III въ Австріи и южной Германіи образовались такія общества или братства, имѣвшія свои уставы, а съ тѣхъ поръ и другія, подобныя имъ, составлявшія бродячія вольныя республики, страшныя для всѣхъ. Къ счастью, онѣ составлялись не изъ одного отребія народа, но и изъ лучшихъ сословій, которыя еще нѣсколько сдерживали ихъ. А позже образовались такія братства и изъ однихъ дворянъ, которые придали имъ нѣсколько болѣе благородный характеръ.

До сихъ поръ дворяне были обращаемы на наборъ конницы и отъ прежней безплатной рыцарской службы къ наемной на жалованье. Но въ концѣ царствованія Фридриха III и еще болѣе при Максимилианѣ вошло въ обычай поручать дворянамъ и наборъ пѣхоты, иногда вмѣстѣ съ конницей, а иногда и особо. Эта система вербованія получила отъ Максимилиана совершенно своеобразное развитіе, каковаго прежде не бывало.

Изложенные роды вербованія наемниковъ служатъ къ разъясненію другаго, важнѣйшаго военнаго учрежденія Максимилиана, именно—ландскнехтовъ. Еще во время войны 1490 г., Максимилианъ, недовольный военнымъ устройствомъ германской имперіи, призналъ за лучшее, чтобы имперскіе чины, вмѣсто поставки войскъ, уплачивали деньги, на которыя императоръ могъ бы самъ набирать войска и чрезъ своихъ начальниковъ держать ихъ въ своихъ рукахъ. Вообще, при упадкѣ ленной службы, стремленіе Максимилиана имѣло

особенно цѣлью — неудержимо развивавшуюся вербованную службу на жалованьѣ привести въ извѣстное соотношеніе съ прежнимъ рыцарскимъ устройствомъ. Изъ этого стремленія его произошло учрежденіе кириссеровъ и рыцарства на жалованьѣ. Но успѣхи огнестрѣльнаго оружія и швейцарской пѣхоты уяснили всѣмъ и особенно прозорливому Максимилиану важность хорошей пѣхоты. Однако образовать ее было невозможно ни изъ нѣмецкихъ наемныхъ бандъ, ни изъ швейцарцовъ. Поэтому первая ступень — кириссеры и вторая — рыцарство на жалованьѣ повели Максимилиана къ третьей — ландскнехтамъ, т. е. такому войску, которое было бы совершенно въ его рукахъ и власти, и имѣло бы, по возможности, рыцарское устройство въ видѣ рыцарскаго ордена или военнаго братства, хотя бы было составлено и не изъ однихъ дворянъ, а преимущественно изъ простаго народа. Составъ и устройство ландскнехтовъ опъ заимствовали отъ состава и устройства кириссеровъ и рыцарей на жалованьѣ, только примѣнивъ ихъ къ пѣхотѣ. Также какъ въ нихъ, въ ландскнехты было привлечено молодое дворянство, тщательно и вполне снаряженные двойные наемники (т. е. на двойномъ жалованьѣ), изъ дворянъ составили кадры, они привели съ собою своихъ вооруженныхъ пѣшихъ слугъ (Reisiger), составили 1-ю шеренгу, а пѣшіе слуги — 2-ю и слѣдующія, и получили названіе ландкнехтовъ (по нѣмцѣ — Lanz), каковое названіе (Lansquenets) уже существовало въ арміи Карла Смѣлаго (послѣдній прислалъ бургундскій военный уставъ Максимилиану, который и изучилъ его). Во всякомъ случаѣ, ландкнехты вначалѣ были дворянскимъ — рыцарскимъ учрежденіемъ. Максимилианъ самого себя считалъ первымъ между равными въ нихъ и иногда являлся въ снаряженіи ландкнехта, съ пикой и боевымъ мечомъ ихъ, и становился въ 1-ю шеренгу.

Время учрежденія ихъ относится къ первымъ годамъ царствованія Максимилиана. Уже въ 1488 г. жителей праваго берега Рейна отъ Фельдкирха до Брегенца называли ландкнехтами. Мысль учрежденія ихъ вполне соответствовала возвышенному уму Максимилиана — «послѣдняго рыцаря». Она возвысила долго пренебрегаемую, но неудержимо вторгавшуюся въ область рыцарства пѣхоту и превратила непригодный родъ наемныхъ войскъ на жалованьѣ въ одушевленный чествомъ. Военное ремесло было изъято изъ рукъ вождей бандъ авантюристовъ, сопряжено съ дворянскими элементами и пружины дѣятельности его находились непосредственно въ рукахъ верховнаго предводителя войска — императора.

Въ самомъ началѣ своего учрежденія, ландкнехты вполне соответствовали мысли и желанію Максимилиана и, предводимые зна-

меншымъ вождемъ своимъ, Георгомъ фонъ-Фрундсбергомъ, отличались рыцарскимъ духомъ вѣрности и самопожертвованія въ первыхъ военныхъ предпріятіяхъ своихъ. Но недолго сохранили они этотъ отличный духъ. Много было причинъ тому. Во 1-хъ ландкнехтамъ въ дворинѣ было трудно набирать рядовыхъ ландкнехтовъ между собственными своими поселянами, и по необходимости пришлось пополнять ихъ снова наемниками. Но наемники находились уже совсѣмъ въ другихъ отношеніяхъ къ двойнымъ наемникамъ-дворянамъ, и этимъ уже нарушилась тѣсная связь между тѣми и другими. Ландкнехты уже только предоставляли дворянамъ стоять въ 1-й шеренгѣ, а во всемъ прочемъ считали себя равными имъ и наконецъ стали обыкновенными дружинами наемниковъ, только правильнѣе устроенными и съ лучшею дисциплиной. Во 2-хъ швейцарское военное устройство, въ духѣ швейцарскихъ кантоновъ и общинъ, послуживъ Максимилиану образцомъ, у нѣмецкихъ ландкнехтовъ было только при благоприятныхъ вѣнскихъ обстоятельствахъ. Но какъ только старый духъ товарищества и своеволія наемниковъ бралъ верхъ, тогда устройство ландкнехтовъ скорѣе благопріятствовало, нежели полагало преграды ему. Въ 3-хъ, такъ какъ нѣмецкихъ ландкнехтовъ не всегда было достаточно, то иногда вмѣстѣ съ ними набирали и швейцарскихъ, а эти подавали имъ дурной примѣръ, тѣмъ болѣе, что тѣ и другіе взаимно несправидли себя и швейцарцы получали болѣе жалованья, а страсть къ деньгамъ росла. Самъ Максимилианъ еще въ послѣдніе годы своей жизни имѣлъ огорченіе видѣть упадокъ своего созданія и претерпѣть отъ него большія непріятности и даже опасность для своей жизни (въ походѣ 1516 г. къ Милану ландкнехты явно взбунтовались противъ Максимилиана и едва не убили его). Этимъ и объясняется, почему ландкнехты такъ скоро послѣ своего учрежденія упали до того, что сдѣлались грозой и ужасомъ Германіи и несправившимъ нѣмецкому народу, буйнымъ, мятежными, разбойниками и грабителями.

Сверхъ учрежденія ландкнехтовъ, Максимилианъ уменьшилъ числительную силу гарнизоновъ на сѣверныхъ предѣлахъ венеціанской республики, по причинѣ возраставшей дороговизны содержанія войскъ, крѣпостей, замковъ и пр. Особыми договорами онъ обезпечивалъ частнымъ лицамъ или корпораціямъ свободное занятіе замковъ и бурговъ, принадлежавшихъ имъ, а иногда и вербованіе жителей ихъ, и ввѣрялъ эти замки довѣреннымъ ему людямъ.

Онъ также оказалъ большія заслуги усовершенствованіемъ нѣмецкой артиллеріи, поощреніемъ городскихъ гражданъ совершенствоваться въ стрѣльбѣ изъ луковъ и огнестрѣльнаго оружія, покровительствомъ инженерному строительному искусству и инженерамъ

строителямъ крѣпостей, оружейнымъ мастерамъ, мастерамъ досѣховъ, точнымъ опредѣленіемъ условій службы, обязанностей и содержанія высшихъ чиновъ войска, военносудебнаго вѣдомства и пр. У него были также гофъ-трабанты, единственная тогда лейбъ-гвардія, но жалованье имъ было небольшое. Онъ не оставилъ безъ вниманія также и службы военныхъ развѣдчиковъ въ полѣ.

Вообще Максимилианъ являлъ обширную и всестороннюю дѣятельность во всемъ, что касалось войска и военного дѣла, съ прозорливостью, неутомимостью и энергіей боролся съ неблагопріятными обстоятельствами и приводилъ къ единству и согласію самыя противоположныя и противоборствующие элементы (службу ленную и на жалованьи, конную и пѣшую), слѣдуя глубоко обдуманной и твердо соблюдаемой системѣ и быстро пользуясь удобнымъ временемъ. Онъ съ-молоду приобрѣлъ очень вѣрныя понятія о войскѣ воинѣ и всякаго рода военныхъ дѣйствіяхъ, и много великаго совершилъ въ жизни, но это было, кажется, лишь малѣйшею частью того, что онъ замышлялъ и въ чемъ не имѣлъ усѣха отъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Онъ самъ сказалъ, что «въ военномъ дѣлѣ болѣе слышалъ, нежели видѣлъ, и болѣе предпринималъ, нежели привелъ въ исполненіе, потому что счастье не благопріятствовало ему».

По смерти его, ланцкнехты еще быстрѣе стали измѣняться и клониться къ упадку, и были уже совсѣмъ не тѣ, что вначалѣ—ланцкпехтами только по имени, а въ сущности—правильно-устроенными дружинами наемниковъ и оффиціально назывались уже нѣмецкими или пѣшыми кнехтами (*deutsche Fussknechte*). Однако своимъ внутреннимъ устройствомъ и раздѣленіемъ они все таки соотвѣтствовали времени и обстоятельствамъ. Если многое у нихъ было заимствовано отъ швейцарцовъ, то съ другой стороны въ цѣломъ они имѣли много своеобразныхъ чертъ. Они набравшись посредствомъ вербованія: если князь или владѣтель нуждался въ войскѣ, то назначалъ одного извѣстнаго ему и любимаго имъ полководца своимъ фельдъ-оберстомъ или фельдгауптманомъ, давалъ ему патентъ съ полномочіемъ набрать полкъ ланцкнехтовъ и грамоту артикуловъ или условій, именовавшаго верховнымъ предводителемъ войска (*Kriegsherr*) и принималъ на себя всѣ издержки вербованія и содержанія. Затѣмъ все остальное лежало уже на главномъ начальникѣ: онъ разсматривалъ вербовщиковъ, выбиралъ себѣ помощника (*Lieutenant*), капитановъ (*Hauptleute*) ротъ (*Fähnlein*) и пр. Вербовавшіеся заносились въ списокъ, получали задатокъ и въ назначенный день являлись на сборное мѣсто. Тутъ инспекторъ (*Musterherr*) производилъ строгій контроль вербованія и вербованныхъ, въ избѣжаніе обмановъ.

*

Бѣднѣйшіе, проще вооруженные, получали обыкновенное жалованье, лучшевооруженные—больше, а всѣхъ полнѣе и лучше вооруженные—двойное. Въ числѣ послѣднихъ были болѣе или менѣе знатные молодые дворяне и горожане, которые составляли 1-ю шеренгу. При этомъ вообще бывало множество обмановъ, лишь бы только захватить жалованье, и не только верховный начальникъ войска (Kriegsherr), но и само войско (Kriegsvolk) часто бывало жертвой денежнаго расчета и обмановъ всякаго рода.

Уваженіе, которымъ пользовались лица, вербовавшія ланцкнехтовъ, и заманчивая прибыль отъ вербованія ихъ вызвали и въ Германіи такихъ же кондоттиеровъ, какіе были въ Италіи. Уже при Фридрихѣ III, во время внутренней войны въ 1462 г., многіе предводители наемниковъ (Янъ Витовечъ, Эллербахъ, Графенекеръ, особенно графъ Гогенембсъ, Себастьянъ Шертлинъ фонъ-Буртенбахъ и др.) достигли почетныхъ мѣстъ, власти, богатства и громкой извѣстности. Фельдберсты, именемъ своимъ набравшіе наемниковъ, всегда сохраняли за собою право (das Regiment) опредѣлять и увольнять офицеровъ, производить судъ и расправу и пр. Но вскорѣ названіе «Regiment» перешло на извѣстное число значковъ или ротъ, имѣвшихъ одного общаго, полноправнаго предводителя или полковника и стало уже означать «полкъ».

По окончаніи смотра вербованнымъ, полковникъ, верхомъ на лошади, собиралъ ихъ вокругъ себя, пропозносилъ рѣчь, прочитывалъ грамоту артикуловъ и принималъ присягу на нее. Грамоты артикуловъ вообще были дисциплинарными уставами обязанностей и поведенія ланцкнехтовъ на службѣ во всѣхъ случаяхъ. Въ частности, въ нихъ означались имена того, кому принадлежало войско, и того, кто набиралъ его, и цѣль, для которой оно было набрано.

Послѣ того полковникъ требовалъ повинновенія себѣ, прапорщику (Fähnrich) или знаменщику своему и фельдвайбелю (Feldwaibel), представлялъ ланцкнехтамъ своего помощника, писца (Schreiber), капеллана и фельдшерера (Feldscherer). Подъ руководствомъ фельдвайбеля выбирался простой вайбель (Gemeinwaibel), фюреръ (Führer) и фурьеръ (Fourrier). Затѣмъ всѣ ланцкнехты раздѣлялись на роты въ 10 пикинеровъ, подъ начальствомъ ротмистра. Амбосатами (ambossati) назывались выбранные товарищами люди, подававшіе отъ ихъ имени жалобы главному начальнику.

Сила значковъ (Fähnlein) была различная: сначала отъ 300 до 400 чел., позже—болѣе, отъ увеличенія числа вооруженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. По проекту Вейрлина, представленному Фердинанду I въ 1563 г., одинъ значокъ (Fähnlein) долженъ былъ состоять изъ 80 двойныхъ (на двойномъ жалованьи) стрѣлковъ, 60 сред-

нихъ и 60 простыхъ—вооруженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, 80 двойныхъ, 60 среднихъ и 60 простыхъ пикинеровъ и 70 кнехтовъ съ длинными пиками, 36 аллебардистовъ, 14 чел. вооруженныхъ пиками съ крючьями, 4 барабанищниковъ и флейщиковъ, 2 кнехтовъ съ боевыми мечами у значка и наконецъ изъ капитана, поручика и прапорщика (знаменщика), а всего изъ 529 чел., 1 капитана, 1 поручика, 1 прапорщика, 200 аркебузирова, 284 пикинеровъ, 36 аллебардистовъ, 4 бараб. и флейщиковъ и 2 кнехтовъ съ мечами у знамени). Такимъ образомъ 500 чел. были раздѣлены на 50 ротъ, одинаково устроенныхъ, но различно оплачиваемыхъ жалованьемъ.

При значкѣ (Fähnlein) ланцкнехтовъ было много нестроевыхъ: маркинтавтовъ, барышниковъ, поваровъ, конюховъ, погонщикова ословъ и пр. и кромѣ того жены женатыхъ ланцкнехтовъ, разныя другія женщины, слуги и пр. Все это составляло огромную толпу людей, слѣдовавшихъ за ланцкнехтами, частью полезную, большею же частью бесполезную и даже вредную и опасную, надъ которою былъ особый начальникъ (Trosswaibel).

Содержаніе одного значка жалованьемъ, съ разными прибавочными, было для того времени очень дорого (по Бейрлину—4837 гульденовъ на 619 чел. въ мѣсяцъ).

Къ бою прапорщикъ съ значкомъ становился въ серединѣ боеваго порядка, имѣя возлѣ себя справа и слѣва по 1 кнехту съ мечомъ и по 3 аркебузира. Впереди прапорщика становился фюреръ, заступавшій мѣсто прапорщика, если онъ былъ убитъ или тяжело раненъ. Передъ боемъ ланцкнехты становились на колѣни и произносили или пѣли молитву, и затѣмъ брали пики на руку. Полковникъ и возлѣ него ротмистры, верхомъ на лошадяхъ, становились впереди 1-й шеренги. Общаго боеваго крика не было, а при атакѣ всѣ кричали «her! her!»

Хотя уже при Максимилианѣ ланцкнехтовъ обучали фехтованію пиками, но они не любили сложныхъ приемовъ и предпочитали атаковать и брать крѣпости и окна въ тѣсносжмнутыхъ рядахъ, держа пики на перевѣсь. Они считались неодолимыми въ своемъ такъ называемомъ четверномъ строѣ: впереди — погибшая толпа (verlorene Haufe, т. е. отдѣльная отъ главныхъ силъ); потомъ бѣгунны (die Läufer), выбраные по жребію или по очереди изъ ротъ; затѣмъ свѣтлая толпа (helle Haufe, т. е. главные силы), атакующая въ сжмнутомъ четверугольномъ или колоннѣ, самымъ скорымъ, мѣрнымъ шагомъ подъ барабанъ. Иногда стрѣлки (Nackenschützen) были располагаемы отдѣльными толпами по сторонамъ, спереди и сзади этого четверугольника. Внешнюю къ сторонѣ непріятеля сторону такого сжа (Jgel, hérisson, какъ онъ назывался) образовали

3 шеренги наилучше вооруженныхъ кнехтовъ съ длинными пиками, въ нечетночь числа, дабы оставлять промежутки для копій заднихъ шеренгъ. Затѣмъ слѣдовали вооруженные мечами и алебардами, съ 3-мя передними значками; всю окружность наполняли длинныя пики ядро которыхъ охватывало 4 изъ 10 значковъ или отдѣленій. Затѣмъ слѣдовала опять масса пикъ, сзади 1 шеренга съ короткимъ оружіемъ и съ 3 задними значками. Наконецъ въ послѣднемъ, заднемъ отдѣленіи были сильнѣйшіе и надежнѣйшіе люди съ длинными пиками, обыкновенно двойные наемники (Doppelsöldner). Словомъ—въ головѣ колонны были 3 шеренги съ пиками, за ними—вооруженные мечами и алебардами, окруженные длинными пиками, затѣмъ опять масса пикъ и за нею 1 шеренга съ короткимъ оружіемъ и наконецъ лучшіе люди съ пиками.

Однообразной одежды не было; напротивъ—она была самая разнообразная, у каждаго своя національная, потому въ цѣломъ видѣ быть крайне пестрый. Но вообще ландкнехты любили щеголять шелковыми и другими дорогими тканями и украшениями. Не менѣе пестрымъ было и вооруженіе, которое также измѣнялось по временамъ. Въ началѣ XVI в. его составляли луки и стрѣлы, довольно длинныя мечи, пики и ручное огнестрѣльное оружіе безъ замка, съ фитилемъ. Во 2-й четверти XVI в. мечи были коротки и широки и носились поперегъ живота, а ручное огнестрѣльное оружіе имѣло все еще несовершенныя фитильныя замки.

Судебная часть у ландкнехтовъ установилась совершенно своеобразно. Она была двоякая: или судомъ присяжныхъ (jury) подъ предсѣдательствомъ шультгейса (Schultheiss) или полковаго судьи, либо судомъ (Recht, Gericht) длинныхъ копій. Въ первомъ случаѣ полковникъ выбиралъ судью, а послѣдній—12 разумныхъ людей и бралъ съ нихъ присягу въ тайнѣ и вѣрности долгу. Профосъ былъ обвинителемъ чрезъ своего повѣреннаго (Fürsprecher); обвиненный имѣлъ защитника. Въ первое засѣданіе выслушивались свидѣтели, а въ другое прочитывались полученные свидѣнія, происходили пренія, наконецъ судья собиралъ голоса и произносилъ приговоръ. Если онъ былъ смертный, то судья ломалъ свой жезлъ, капелланъ преподавалъ приговоренному послѣднія утѣшенія религіи, палачъ вводилъ послѣдняго въ кругъ его товарищей для прощанія съ ними и затѣмъ совершалъ казнь.

Короче, но съ такими же формальностями производился судъ длинныхъ копій. Профосъ арестовывалъ преступника, составлялась община (Gemeinde), отбирались свидѣтельства, преступника вводили въ кругъ общины, профосъ чрезъ своего повѣреннаго обвинялъ вѣгъ круга, по совѣту съ судьями; преступникъ оправдывался чрезъ своего защит-

ника также передъ судьями; затѣмъ въ кругу объявлялись и обвиненіе, и защита, выслушивались свидѣтели, все это до 3 разъ. Послѣ 3-го раза знаменщики оборачивали значки внизъ; внѣ круга происходили совѣщанія ланцкнехтовъ, сначала 40, потомъ 41, допросы, пренія и наконецъ произносился приговоръ. Приговоренному давали исповѣдаться, строили улицу ланцкнехтовъ на востокъ, и профось прогояляъ приговореннаго сквозь длинныя копыя, при боѣ барабановъ и звукахъ всѣхъ пнструментовъ. Затѣмъ вокругъ тѣла убитаго стрѣлки производили троекратный зампъ, въ знакъ того, что честь полка была возстановлена.

Такимъ образомъ у ланцкнехтовъ все носило печать общиннаго быта, и въ ихъ кругу городской-мѣщанскій элементъ поборолъ первоначальный рыцарскій-дворянскій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ часто соединялись мѣщанская спѣсь и цѣховая зависть, и неуплата жалованья приводила ланцкнехтовъ въ яростное бѣшенство прежнихъ наемниковъ. Если они прежде ссорились съ швейцарцами, то еще болѣе съ испанцами, въ большемъ числѣ приведенными Карломъ V въ Германію. Тогда происходили ужасныя и кровопролитныя драки, безчинства и пр.

Главнымъ порокомъ ланцкнехтовъ была страсть ихъ къ игрѣ въ карты и кости, часто окончивавшейся смертельными драками. Но страсть къ пьянству еще болѣе превосходила страсть къ игрѣ. При игрѣ и пьянствѣ были страшныя хулы, проклятія, богохульство и пр. При всемъ этомъ, духа порядка, разумѣется, было очень мало. Но ланцкнехтамъ нельзя было отказать въ находчивости, между прочимъ—въ присканіи средства знать время. Тогда въ частной жизни служили песочныя часы, но они не годились для лагеря, а карманные часы въ видѣ «Нюрнбергскаго яйца» были еще слишкомъ дороги. Поэтому ланцкнехты прибѣгли къ пѣтуху, привязывая его по одному на каждой военной повозкѣ, и пѣніе его черезъ каждыя 3 часа отъ захожденія до восхожденія солнца возвѣщало имъ время вечеромъ и ночью.

Самою веселою стороною ланцкнехтовъ была ихъ особенная любовь къ пѣнію (которое тогда вообще было очень распространено въ мѣщанскомъ сословіи городовъ), и они сочиняли и пѣли собственные свои, весьма оригинальныя пѣсни.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать, что своеобразныя: военное устройство, военное дѣло, нравы и обычаи нѣмецкихъ ланцкнехтовъ изложены здѣсь съ нѣкоторою подробностью потому, что послужили первообразомъ того же самого въ нѣмецкихъ арміяхъ въ послѣдствіи.

Не смотря на всѣ недостатки свои, ланцкнехты имѣли такое пре-

восходство надъ прежними: ленною службой и наемниками, что и въ другихъ нѣмецкихъ земляхъ отчасти стали вводить такія же или подобныя имъ дружины.

Въ Саксоніи хотя еще не совсѣмъ отказались отъ ленной службы, но во 2-й четверти XVI вѣка начали уже сверхъ того содержать наемными войска, преимущественно пѣхоту ланцкнехтовъ, раздѣленную на полки. При воинственномъ курфирствѣ Морицѣ ланцкнехты составляли уже ядро и лучшую часть войска. Морицъ часто содержалъ ихъ даже и въ мирное время и въ строгомъ порядкѣ. Кромѣ того онъ содержалъ и городовыя войска въ постоянной готовности къ войнѣ. Преемникъ его Августъ отказался отъ мысли содержать постоянное войско, но за то рѣшительнѣе держался другой—имѣть въ постоянной готовности ленныя, городскія и пр. ополченія и запретилъ вступленіе въ чужую службу. Тоже соблюдалъ и преемникъ его Христіанъ I, и при немъ обязаннымъ военною службой производились смотры.

Въ Баваріи при герцогѣ Албрехтѣ впервые оказалось полезнымъ раздѣленіе войскъ, по образцу ланцкнехтовъ, на полки. Многіе пѣшіе и конные вербованные полки приняли славное участіе въ войнахъ Карла V въ Германіи, Нидерландахъ, Италіи, противъ турокъ и въ Африкѣ. Особенныя заслуги оказалъ герцогъ Максимилианъ I: онъ приобрѣталъ искусныхъ офицеровъ разныхъ родовъ оружія, посылалъ дворянъ волонтерами во вѣшнія войны, набиралъ 10-го и 20-го чел. въ земскую пѣшую и конную милицію, учредилъ егерей, образовалъ гвардію изъ старослуживыхъ людей, ввелъ въ артиллерію искусство скорой стрѣльбы и продолжалъ съ большими издержками крѣпостныя постройки въ Мюнхенѣ и главныхъ городахъ Баваріи. Онъ создалъ въ ней постоянное войско (1598), избранное изъ ополченій городовъ и сельскихъ общинъ (Auserwählte) и учредилъ земскую конницу (1599) изъ всѣхъ сословій. Въ 1601 г. въ Баваріи были выбраны 100 оружейныхъ мастеровъ для изготовленія, прислуги и дѣйствія орудій; они составили ядро и основу артиллерійскихъ учреждений, расширившихся все болѣе и болѣе.

Въ Виртембергѣ главнымъ основаніемъ было ленное и земское національное ополченіе, но не обошлось и безъ наемниковъ. При герцогѣ Ульрихѣ въ 1503 году, во время войны было 10 тысячъ земскаго ополченія и 12 т. наемниковъ, въ томъ числѣ валлонская гвардія (Wälsche Garde) изъ французскихъ и другихъ дворянъ. Но и здѣсь земскіе чины ставили герцогамъ препятствія и затрудненія въ войнѣ и мирѣ, обязываясь поставлять войска только для внутренней обороны на прежнемъ основаніи, для вѣшнихъ же войнъ—на жалованьи и продовольствіи герцоговъ. Въ 1516 г. Ульрихъ опре-

дѣлать, какъ поступать въ наборѣ, выставленіи и вооруженіи ополченій. Съ 1512 г. стало умножаться число наемниковъ и въ него принято 200 дворянъ на жалованье.

Въ Гессенѣ ленные владѣтели и земскіе люди въ 1534 г. выставили ландграфу Филиппу 1683 чел. вполнѣ вооруженной конницы; вербованные ландкнехты были раздѣлены на 3 полка (2 оберландскихъ и 1 нидерландскій) въ составѣ 28 значковъ и 16,344 хорошо обученныхъ кнехтовъ; къ этому присоединились 2,355 чел. наемной конницы. Первые начала постоянного войска относятся къ 1592 г. при ландграфѣ Морицѣ, который образовалъ нѣсколько собственныхъ войскъ тѣлохранителей (Haustürpen), пѣхоты и пр., подъ начальствомъ коменданта города и крѣпости Касселя. Въ 1599 и 1602 г.г. усматриваются слѣды лейбъ-гвардіи и издана грамота артикуловъ (уставъ) вкнехтовъ (пѣхоты), сохранявшаяся въ силѣ до 1689 г. Въ 1600 г., рядомъ съ ополченіями дворянства и земства, были учреждены 4 полка пѣхоты, а въ 1605 г. и 5-й полкъ въ родѣ ландвера, для обороны края. Были даны постановленія о вооруженіи, снаряженіи и обученіи войскъ и введено нѣкоторое однообразіе лѣтней и зимней экипировки и оружія (мушкетовъ, аркебузъ, пикъ, аллебардъ и пр.). Полки были раздѣлены на 9 значковъ или ротъ въ 130—170 чел., и строились отдѣленіями (Rotten) въ 8 чел., но не были постоянно въ сборѣ и подъ оружіемъ, а оставались въ своихъ округахъ, гдѣ по воскресеньямъ по полудни обучались. Для внѣшнихъ войнъ, сверхъ того, набирались вербованныя войска, въ числѣ по надобности. Конницу должны были поставлять дворяне и ленные люди, но часто дѣлали затрудненія, и потому нерѣдко была вербуема также конница въ составѣ 100 кирасировъ и 25 аркебузирровъ, всего 125 чел. въ ротѣ. Полевая артиллерія, на половину изъ гаубиць, присоединялась къ полкамъ, но безъ раздробленія (на 1 т. чел. 4 орудія).

Иначе было въ Бранденбургѣ-Пруссіи, гдѣ постоянныя войны съ вендами, поляками и поморянами потребовали прочнаго и твердаго военнаго устройства. Имперскій контингентъ ея былъ незначительный (въ 1505 г. 60 чел. конницы и 67 чел. пѣхоты), но для собственныхъ войнъ она составляла значительныя арміи. Военное устройство и военное дѣло въ остальной Германіи заставило и въ Бранденбургѣ заботиться о содержаніи хорошо-устроенныхъ и обученныхъ войскъ, прежде всего конницы, а потомъ и пѣхоты. Построеніе крѣпостей Кюстрина, Шейца и Шпандау потребовало постоянныхъ гарнизоновъ въ нихъ: они состояли изъ наемныхъ кнехтовъ подъ названіемъ Garden и были нѣкоторымъ образомъ началомъ постоянныхъ войскъ. При курфирствѣ Іоаннѣ Георгѣ (1571—98) эти

преобразованія приняла болѣе опредѣленную и твердую форму, и это время должно считаться переходомъ отъ старыхъ порядковъ къ новымъ. Гвардія (или гарнизонъ) Кюстрина была приведена къ присягѣ грамотѣ артикуловъ (первыхъ въ Бранденбургіи-Пруссіи), которою были установлены порядокъ и дисциплина. Начальникамъ крѣпостныхъ гарнизоновъ было поручено постоянно обучать ихъ и производить смотры пмъ. Опредѣлены капитуляціи для случайныхъ наборовъ войскъ, сначала конницы, но иногда и пѣхоты, съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Въ 1583 г. велѣно составить общую образцовую вѣдомость дворянства и городовъ, для употребленія ленной службы. Составленъ планъ приведенія арміи на военное положеніе (мобилизаціи). Дворянскимъ и городскимъ ополченіямъ назначены опредѣленные мѣста смотровъ и сборовъ, вошедшія и въ капитуляціи. Въ 1571 г. учреждены также пѣшіе трабанты, составившіе начало лейбъ-гвардіи (1591). Земскіе гауптманны и фохты еще по прежнему исправляли свои военныя обязанности, по вмѣстѣ съ тѣмъ уже были и военные начальники на жалованьѣ. Ополченія болѣе пользка собиравлись только для смотровъ и отлучались отъ обязанностей военной службы; нѣкоторые безпорядки при этомъ побудили издать въ 1610 г. строгія правила касательно ополченій. Офицерскія мѣста въ нихъ замѣщались курфирстомъ. Въ 1616 г. снова опредѣленъ порядокъ службы дворянства и городовъ по округамъ и составлены штаты гвардіи крѣпостей и лейбъ-гвардіи.

Артиллерія въ Бранденбургіи уже рано составляла предметъ особенной заботливости и цѣлесообразнаго употребленія. Маркграфъ Албрехтъ въ своемъ военномъ уставѣ (Kriegsordnung) 1555 г. указывалъ на необходимость и пользу надлежащаго употребленія артиллеріи и въ боевыхъ порядкахъ всегда указывалъ ей подобающее мѣсто.

Въ Австріи отъ смерти Максимилиана до 30-лѣтней войны ополченіе и наемничество продолжало существовать по прежнему. Но тѣмъ менѣе охотно дворянство исполняло свою личную службу, тѣмъ болѣе обязанности ея распространялись на все другія сословія и точнѣе опредѣлялись число, порядокъ и сборы дворянства и особенно ихъ поданныхъ.

При Фердинандѣ I въ 1541 г. земству австрійскихъ наследственныхъ земель положено имѣть во всегдшной готовности 10-го чел. съ вооруженіемъ и лошадьми, для скорѣйшаго сбора къ Офену, въ случаѣ нашествія турокъ на Венгрію. Въ 1527 г. потребовано для того же отъ городовъ верхней Австріи вооружать 20-го, 10-го и 5-го чел., а въ крайнемъ случаѣ и все населеніе, способное носить оружіе. Въ 1530 г. ландтагъ выразилъ, что нужно было образовать хорошее

войско и содержать его 5 мѣсяцовъ, дабы противопоставить непріятелю значительную армію; для защиты же границъ должно было служить земское ополченіе. Такъ какъ дворянству было все тяжель исполнить военную службу, то Фердинандъ I согласился на принятую уже Максимилианомъ I мѣру, чтобы обязанность служить въ ополченіи была соразмѣрна доходамъ, и въ 1557 г. постановлено: съ 100 фунтовъ денегъ дохода содержать 1 лошадь въ полномъ снаряженіи на 3 мѣсяца и отъ 30 душъ поселянъ—1 надежнаго стрѣлка, что часто потомъ снова подтверждалось.

Съ Богеміей въ 1526 г. подпала власти Австріи и Моравія. Военное устройство ихъ въ сущности вошло въ согласіе съ существовавшимъ въ прочихъ австрійскихъ наслѣдственныхъ земляхъ, но имѣло и нѣкоторыя свои особенности. Ландтаги 1525 - 26 г.г. имѣли въ виду особенно помощь противъ турокъ и чтобы ополченія Богеміи, Моравіи и Силезіи были снаряжены однообразно. $\frac{1}{4}$ доходовъ назначена податью на помощь противъ турокъ; 24 мѣстностямъ положено выставять 40 орудій. Въ 1529 г., въ каждомъ изъ 4-хъ округовъ Моравіи назначены по 2 гауптмана (1 изъ владѣльческаго и 1 изъ рыцарскаго сословія), вся страна призвана къ ополченію и содержажанію въ готовности въ каждомъ округѣ 5-го чел. и назначены сборныя мѣста. Надъ 1 т. чел. начальствоваль гауптманъ, а всею ополченіемъ земскій гауптманъ, которому предоставлено призывать 20-го, 15-го, 10-го или 5-го чел. на сборное мѣсто и производить имъ смотръ и обученіе. По 14-ти дней 2 округа и потомъ другіе 2 по очереди должны были охранять границы. Противъ внезапнаго нападенія приняты мѣры (развѣдчики, набать и пальба). Каждому трабанту (пѣшему ополченцу) назначено 15 грошей въ недѣлю, или 2 гульдена въ мѣсяцъ, а гдѣ долго оставались—по 10 грошей въ недѣлю на прокормленіе. Каждое отдѣленіе (Rotte) состояло изъ 10 чел. (1 пикинера, 1 со щитомъ, 5 стрѣлковъ и 3 съ меньшими пиками). На 20 чел. была 1 повозка. У каждаго округа было свое знамя съ своимъ гербомъ, которое носилъ одинъ изъ землевладѣльцовъ. Если земскій гауптманъ лично выступалъ въ поле, то всѣ владѣльцы и дворяне также должны были выступать вмѣстѣ съ нимъ. Въ 1542 г. король имѣлъ свою собственную армію, а страна выставляла также и для себя свои войска.

Въ Тиролѣ существенныхъ переменъ не произошло, но только земскія сословія или чины еще болѣе ограничивали верховную власть герцога. Въ 1526 г. они согласились содержать 5 т. чел. 4 мѣсяца на свой счетъ—гдѣ угодно, но съ условіемъ не вести наступательной войны противъ Венеціи, папы и Франціи. Въ 1534 г. ландтагъ положилъ содержать 2 т. чел. 3 мѣсяца и сверхъ того

имѣть въ готовности внутри края 15 т. чел., а въ 1556 году содержать 5 т. чел. 4 мѣсяца въ Венгріи.

Краина въ XVI вѣкѣ была угрожаема венеціянцами, турками и особенно турецко-славянскими перебѣжчиками, которые водворились сначала въ ней, а потомъ на морскихъ берегахъ и, вмѣсто защиты ихъ, производили морскіе разбои. Вслѣдствіе того вся Краина и всѣ сословія въ ней были почти въ постоянномъ вооруженіи, раздѣленныя на 4 округа, съ гауптманномъ или воеводой въ каждомъ. Земство несло на себѣ издержки содержанія ополченія, очень значительныя, потому что въ немъ часто бывало до 10-го чел. Хотя и Каринтія также участвовала въ этихъ издержкахъ, но наибольшая часть ихъ лежала на Краинѣ. Вся оборона страны была приведена въ систему и средоточіемъ ея былъ главный горный замокъ Люблина (Лайбахъ); границы не были укрѣплены; въ окрестностяхъ Нейштадта, Мётлича и др. были построены деревянныя паланки или сторожевые дома, въ лѣсахъ сдѣланы засѣки и пр.

Какъ постояннаго войска въ Австріи еще не было, то не было и постояннаго военнаго совѣта, а только иногда временныя переды походами (въ Моравіи, Тиролѣ и съ 1551 года въ Австріи). Но Фердинандъ I въ 1556 г. учредилъ постоянный военный совѣтъ при своемъ дворѣ, назначилъ въ него 5 членовъ и далъ ему инструкцію. Это и послужило началомъ извѣстнаго австрійскаго придворнаго военнаго совѣта (Hofkriegsrath). Онъ имѣлъ совѣщательный, административный и исполнительный характеръ, завѣдывая всемъ, что касалось военнаго устройства и веденія войны. Позже (1578) такой же придворный военный совѣтъ былъ учрежденъ въ Бургѣ на р. Муръ для всей внутренней Австріи (верхней и нижней, Штирии, Каринтіи, Краины и Горицы).

Во время учрежденія придворнаго военнаго совѣта въ Вѣнѣ, высшими чинами въ арміи были: оберъ-фельдцейгмейстеръ, начальникъ морскаго арсенала и флота (въ Вѣнѣ), инспекторъ войскъ (Mustermeister), производившій смотры или инспекціи, провіантмейстеръ, инспекторъ военныхъ построекъ, строитель ихъ и пр. Генералисимусъ назывался еще оберъ-фельдгауптманномъ; штатъ и содержаніе его не всегда было одинаковы (въ 1522 г. 508 гульденовъ всего содержанія ежемѣсячно, что въ послѣдствіи часто увеличивалось).

Объ устройствѣ продовольственной части въ Австріи можетъ дать понятіе инструкція Фердинанда I провіантмейстеру Гансу Фюнфкпрхену въ 1541 г. Въ ней были обстоятельно означены всѣ запасы продовольствія, которые долженствовали быть собраны и заготовляемы, способы сбора и заготовленія ихъ, главные складоч-

ные пункты на Дунаѣ (Линцъ, Кремсъ, Корнейбургъ, Вѣна, Пресбургъ) и пр. Въ 1555 г. въ арміи въ Венгріи каждый солдатъ получалъ ежедневно 1 лайбъ. (Laib) хлѣба (каждый въ 2 грейцера), 3 полумѣры вина и 2 фунта мяса (каждый въ 6 грейцеровъ).

При войскахъ состояли полковые капелланы и врачи. Военно-врачебная часть равнѣ и лучше всѣхъ была устроена въ городскихъ войскахъ. Изъ нихъ въ вѣнскихъ, въ 1-й половинѣ XV вѣка, были назначены особыя статьи расхода на аптеки, лазаретныя повозки, врачей, хирурговъ и пр., и не только для гражданской или городской стражи, но и для городскихъ наемниковъ. При Максимилианѣ I военно-врачебная часть была также хорошо устроена и между прочимъ состояли 4 главные военные хирурга. Но въ гораздо худшемъ состояніи были военно-врачебная часть и уходъ за ранеными на поляхъ сраженій и въ лагеряхъ въ военное время.

Послѣ Фердинанда I, при Максимилианѣ II, Рудольфѣ II и особенно Матѳеѣ военное устройство Австріи, хотя и не подвергалось существеннымъ измѣненіямъ, однако продолжало развиваться соотвѣтственно новымъ потребностямъ.

Въ Тиролѣ пѣкоторое время отступили отъ системы обороны края, учрежденной Максимилианомъ I, но потомъ снова воротились къ ней и къ 3 разрядамъ земскаго ополченія—10-го, 15-го и 20-го чел. Въ 1605 г. былъ установленъ новый порядокъ образованія ополченія, въ приличномъ снаряженіи, по усмотрѣнію земскихъ гауптманновъ, достаточныхъ людей—на свой счетъ, а бѣдныхъ—на счетъ казны. Гауптманы были обязаны тщательно обучать способныхъ носить оружіе. Со всего Тироля имѣли быть выставяемы означенные 3 разряда ополченія (10-го, 15-го и 20-го чел.) поочередно, по мѣрѣ надобности, и изъ нихъ $\frac{1}{10}$ съ короткимъ бѣлымъ оружіемъ. 14 частей (или $\frac{14}{1000}$) мушкетеровъ и столько же аркебузровъ. Въ случаѣ опасности со стороны непріятельскаго вторженія, къ угрожаемому пункту немедленно имѣли быть собираны до 2 т. чел., а для подкрѣпленія ихъ, въ случаѣ надобности, ополченія болѣе отдаленныхъ мѣстъ. Ополченіе цѣлаго Тироля составляли: 1-го разряда (10-го человѣка)—10,465, 2-го (15-го чел.)—15,759 чел., и 3-го (20-го чел.)—20,933 чел., всего 47,157 чел.

Въ Моравіи также съ 1587 г. натуральныя (личныя) военные повинности замѣнились денежными, по извѣстному опредѣленному цензу (съ каждыхъ 10 т., 8 т. или 7 т. гульденовъ дохода по 1 боевому коню съ способнымъ всадникомъ). Съ 1598 г. начали вмѣсто лошадей натурой брать деньгами, но при этомъ продолжалъ существовать и прежній родъ ополченія.

Противъ вторженій турокъ, въ Австріи все еще употребляли зем-

скія ополченія 30-го, 10-го и 5-го чел. и исполняли прежнія постановленія касательно обученія, смотровъ, призывовъ, также сигналовъ тревоги и пр. При этомъ ополченія 1-го, 2-го и 3-го разрядовъ должны были получать жалованье отъ всѣхъ невошедшихъ въ нихъ, а эти послѣдніе за то — находить охрану въ крѣпостяхъ и содѣйствовать защитѣ ихъ. Но нерѣдко прибѣгали и къ тому, чтобы ландштурму или поголовному ополченію придавать военное устройство. Въ 1581 имѣли въ виду учредить въ Нижней Австріи также Эмса ландверъ и ландштурмъ, и сдѣланы были распоряженія для того. При этомъ ленное дворянство по прежнему должно было лично участвовать въ ополченіи съ своими подручными, особенно если государь самъ шелъ въ походъ.

Хотя около конца XVI вѣка названіе ландкнехтъ все болѣе замѣнялось названіями крйкскъ-кнехтъ, фусскъ-кнехтъ и т. п., по способъ набора оставался тотъ же, что и послѣ Максимилиана I, при чемъ и недостатки остались тѣ же.

Впрочемъ означенный общій способъ вербованія примѣнялся не къ одной пѣхотѣ, но и къ конницѣ. При этомъ въ послѣдней, съ полнымъ составомъ ея изъ наемниковъ, нечезли и послѣдніе слѣды рыцарскаго элемента, хотя при каждомъ рейтерѣ все еще было нѣсколько вооруженныхъ конныхъ слугъ, особенно въ тѣхъ отборныхъ конныхъ дружинахъ, которыя въ походахъ состояли непосредственно при особѣ государя или принца, начальствовавшихъ арміей. Такъ наприм. придворное знамя (Hoffahne) или лейбъ-гвардія, учрежденная императоромъ Матеемъ, въ походѣ его въ 1598 г. противъ турокъ, состояла изъ 300 нѣмецкихъ рейтеровъ съ конными слугами, лошадьми и въ полномъ вооруженіи и снаряженіи, на 3-хъ мѣсячной службѣ, съ жалованьемъ по 7 рейнскихъ гульденовъ 15 крейц. едновременно и по 12 гульд. ежемѣсячно, съ одною 4 конною повозкой и вьючною лошадью на каждыя 12 строевыхъ лошадей. Эта лейбъ-гвардія, считая по 5 слугъ на рейтера и кромѣ того трабантовъ, пажей (Jungen) и пр., имѣла всего до 2 т. чел. и при нихъ 25 военныхъ повозокъ и около 30 аркебузирровъ и 50 пиквиеровъ.

Въ военномъ чиновачалѣи въ теченіи долгаго времени мало что измѣнилось. Въ 1566 г., въ арміи противъ турокъ, подъ главнымъ начальствомъ э.-г. Фердинанда, былъ генераль-подполковникъ (General-Obrist-Lieutenant) графъ фонъ-Шварцбургъ, съ 3 т. талеровъ жалованья ежемѣсячно. При Рудольфѣ II, стараніями э.-г. Матеея, генеральный штабъ и корпуса артиллерійскій и инженерный были лучше и опредѣлительнѣе устроены. Въ 1598 г. жалованье всѣмъ начальникамъ и штабамъ простиралось до 29,474 гульденовъ въ мѣсяць.

Въ это время названіе полкъ (Regiment), которое дотоѣ означало только административную единицу, стало уже означать тактическую, раздѣленную на нѣсколько знаменъ или ротъ, подъ общимъ начальствомъ одного полковника (Oberst). Но это произошло не вдругъ, а исподоволь, мало по малу, и въ конницѣ все еще существовало раздѣленіе на значки (Fahnen) или роты, или же части конницы назывались Reiter-Corps по названіямъ своихъ начальниковъ.

Съ устройствомъ пѣхотныхъ полковъ знакомятъ Bestall-und Artikel-Briefe, т. е. письменные договоры о наборѣ и образованіи полковъ изъ нѣмецкихъ кнехтовъ (deutssher Knechte). Такъ въ 1609 г. въ полку Коллонича имѣло быть 3 т. нѣмецкихъ кнехтовъ въ 10 ротъ (Fähnlein) по 300 чел., со всѣми штабъ-и оберъ-офицерами, а въ каждой ротѣ 100 чел. на двойномъ жалованьѣ, 150 мункетеровъ и 500 стрѣлковъ. При этомъ жалованье опредѣлено не по вооруженію, а по способности и обученію людей. Каждый капитанъ долженъ былъ набирать свою роту особенно. По наборѣ полка, государь посылалъ комиссара для ежемѣсячныхъ смотровъ, контроля и пр.

Но, по недостатку денегъ, и въ это время часто случалось еще не выдавать исправно жалованье войскамъ или торговаться съ ними объ уменьшеніи недоплаченного. Отъ этого полковники и капитаны часто бывали въ очень трудномъ положеніи, а войска бунтовали. Къ этому присоединялись злоупотребленія капитановъ, которые старались обогатиться на службѣ большимъ жалованьемъ и разными незаконными средствами. Тоже дѣлали и чины продовольственной части. Въ одной вѣдомости 1614 г. содержаніе 1 полка нѣмецкихъ кнехтовъ показано въ 25 т. червонцовъ въ мѣсяцъ и столько же содержаніе 1 т. рейтеровъ, при чемъ въ счетъ ставили и умершихъ, и бѣглыхъ. Отъ этого полковникъ, три года начальствовавшій полкомъ, такъ обогащался, что перѣдко имѣлъ до 100 т. червонцовъ. Но рядомъ съ этими злоупотребленіями, дѣйствительный недостатокъ денегъ также часто былъ причиной дурной военной администраціи. Войска не получали ни жалованья, ни продовольствія, или мало, или несвоевременно, и отъ того предавались беспорядкамъ, грабегу, бунтамъ и пр. Если же денегъ и имѣлись, то интендантскіе чины дѣлали злоупотребленія и обкрадывали войска. Тоже самое было и съ одеждой, поставками сукна и пр. Много злоупотребленій происходило также отъ безпорядка монетной системы и дурнаго качества своей и чужой монеты. Кромѣ того, вліяніе лантаговъ, большею частію тормозившее надлежащее содержаніе войскъ, сборъ и снаряженіе ихъ на короткое время, отозваніе ихъ прежде

срока, дурное попеченіе о больныхъ и раненыхъ и пр. — все это, вмѣстѣ взятое, еще болѣе увеличивало дурное состояніе военной администраціи войскъ.

Военныя учрежденія Максимилиана I, возбуждивъ подражаніе имъ и постоянное совершенствованіе ихъ вездѣ въ Европѣ и особенно во Франціи, Испаніи и Швейцаріи, въ самихъ Австріи и Германіи, напротивъ, долго оставался въ томъ же состояніи, безъ всякаго усовершенствованія и кончилъ тѣмъ, что лишился своей силы, устарѣлъ, отжили свое время и не соответствовали новымъ потребностямъ. Только во 2-й половинѣ XVI в. въ Австріи все настойчивѣе стала сказываться необходимость преобразованій въ военномъ устройствѣ, особенно Бейрлиномъ въ его «*Neuwe Kriegsordnung*» (1563). Хотя онъ и уважалъ старые военные обычаи, но отвергалъ старые военные порядки и предлагалъ многія дѣльныя преобразованія какъ по военноадминистративной части, такъ и по тактической (соразмѣрное сосредоточеніе войскъ, болѣшую подвижность и способность маневрировать роты, перехода изъ походнаго порядка въ боевой и обратно, и проч.). Позже сказывалось также желаніе цѣлесообразнаго военноучебнаго образованія и училища. На ландтагѣ 1589 г. э.г. Эрнстъ, племянъ Рудольфа II, предлагалъ разныя преобразованія съ цѣлью имѣть постоянно хорошо обученныя конницу и пѣхоту, а не такую, которая была паскоро собрана и ничему не обучена. Но все это не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ происхожденіе военной границы и устройство ея. Здѣсь съ самаго начала встрѣчается названіе ускоковъ, т. е. такихъ людей, которые, при вторженіи турокъ въ сѣвнныя венгерскія земли, предпочитали лучше покинуть свою родину, нежели отречься отъ своей вѣры, и потому уходили (ускакивали) на свободу. Они были большею частію славяне и сами называли себя власами, ласами или влахами, валахами, и въ оружіи признавали все свое богатство и украшеніе. Первымъ убѣжнщемъ ихъ была укрѣпленная Клисса, гдѣ владѣлецъ ея, Петръ Кросенчъ, подъ властію Венгріи, принялъ ихъ какъ своихъ военныхъ сподвижниковъ. Однако, не смотря на то, въ 1557 г. Клисса подпала власти турокъ.

Причины, первоначально побуждавшія ускоковъ бѣжать изъ своей родины, ручались за ихъ способность къ военному дѣлу и къ охраненію границъ отъ турокъ. Признавая это, Фердинандъ I даровалъ имъ, подъ условіемъ постоянной готовности къ войнѣ, земли на границахъ Хорватіи даже до Краины, гдѣ они жили у горъ, особенно въ окрестностяхъ Зихельбурга, въ разсѣянныхъ жплнцахъ, подъ властію какъ своего собственнаго воеводы, бывшаго на жадо-

ванѣ императора, такъ и назначаемаго послѣднимъ гауптманна или ваптана ускоковъ. Имъ были предоставлены разныя льготы, давались деньги для воздѣлыванія земли, а въ неурожайныя годы—зерновой хлѣбъ, и они оказывали большія услуги въ охраненіи границъ. Вообще военное устройство границы основывалось на славянскомъ общипномъ бытѣ, по древнимъ обычаямъ.

По взятіи Клиссы турками, большая часть бѣжавшихъ изъ нея ускоковъ поселилась у морскаго залива при городѣ Зенгъ (Zeng), гдѣ огливая гавань и самая мѣстность представляли имъ естественную преграду противъ турокъ. Сначала ихъ было не болѣе 600 чел. Когда же султанъ Сулейманъ предъявилъ свои права на Зенгъ, Фердинандъ I присоединилъ его къ своимъ короннымъ владѣніямъ и назначилъ ускокамъ жалованье. Число ихъ увеличилось послѣ вторичнаго взятія Клисы турками, и Зенгъ сдѣлался сборнымъ мѣстомъ всѣхъ ускоковъ изъ Далмаціи, Апуліи и венеціанскихъ и турецкихъ морскихъ побережій, такъ что они стали раздѣляться на стипендіатовъ (stipendiati) или получавшихъ жалованье, хозяевъ (casalini), выходцовъ (venturini) и бандитовъ (banditi) или почетныхъ въ бандахъ. Для южной Австріи Зенгъ былъ передовою преградой Каринтіи, Истріи и Фриуля, а жители Зенга—ихъ защитниками. Но какъ скудное жалованье имъ (ежегодно всего 20 т. червонцовъ, каждый въ 82 крейцера) рѣдко выплачивалось исправно и они не имѣли ни средствъ, ни охоты поддерживать каменную ограду города, то по необходимости принуждены были добывать себѣ эти средства набѣгамъ на турецкія земли, сначала на сухомъ пути, а потомъ и на морѣ, на берегахъ Далмаціи. Венеціанская республика часто преслѣдовала ихъ какъ морскихъ разбойниковъ, но въ войнѣ ея съ турками въ 1570—73 г.г. они, на ея жалованьѣ, оказали ей большія услуги.

Военная граница, отъ С-тъ-Вейта (St. Veit) вдоль моря до Зенга и далѣе до сѣверовосточнаго угла границъ Венгріи и Польши, имѣла обширное протяженіе и соприкасалась на немъ съ завоеванными турками землями. На всемъ этомъ протяженіи находились и горы, и равнины, и лѣса, и большія и малыя рѣки, и многіе города и крѣпости. Но граница образовала не линію, строго разгранченную, а то выдавалась впередъ, то отодвигалась назадъ, и только одни укрѣпленные или огражденные жилища служили ей опорными пунктами и потому у жителей ея были безпрестанныя стычки съ турками. Виндская (или вендская) и кроатская части границы были важнѣйшими для Штиріи и Кранны. Онѣ были заселены въ разныя времена конца XVI в. частію жителями южныхъ округовъ Хорватіи или Кроаціи (Вараздина, Крейца, Аграма), частію ускоками, морлак-

ками, валахами и др. Первымъ поселенцамъ были даны земли, вторые—обязаны платить подати, а третьи—освобождены отъ нихъ. Для болѣе прочнаго устройства границы были принимаемы многія мѣры, но, по недостатку денегъ и другимъ препятствіямъ, оны не могли быть приводимы въ исполненіе. Въ 1577 г. признано было нужнымъ для этого раздѣлить военную границу на вѣндскую (Windische) или вендскую и на кроатскую. Первая заключала въ себѣ 584 гусаровъ, 250 аркебузирровъ, 417 нѣмец. вѣхтовъ и 1807 чел. гарашіевъ или вербованной венгерской пѣхоты, всего 3,058 чел., для защиты ея и занятія 26 населенныхъ пунктовъ, съ 163,684 гульденами на содержаніе ихъ (вмѣсто прежнихъ 103,614 гул. на 1,972 ч.). Вторая же, кроатская, имѣла 26 милъ лицы, съ 70 замками, большими и малыми, съ 2,219 чел. пѣхоты и 538 чел. конницы и съ 148,988 гульд. на содержаніе ихъ, за что полагалось занимать 52 пункта 3,800 граничарами съ 240,163 гульд. на ихъ содержаніе. Въ общей сложности, это составляло всего 78 пунктовъ и 6,858 чел. граничаръ съ 403,852 гульд. на ихъ содержаніе. Въ томъ же 1577 г. э.-г. Карлъ, правитель внутренней Австріи, былъ назначенъ главнымъ начальникомъ военной границы отъ Дравы до Адриатическаго моря. Въ 1578 г. опредѣленъ военный штатъ кроатской границы (1,315 гарашіевъ, 500 гусаровъ, 300 конныхъ стрѣлковъ и 320 нѣмецкихъ вѣхтовъ, всего 2,435 чел. и 160,848 гульд. ежегодно на содержаніе ихъ). Въ томъ же году учрежденъ во внутренней Австріи придворный военный совѣтъ для военной границы. Э.-г. Карлъ ревностно старался объ устройствѣ ея, но недостаткомъ денегъ связывалъ ему руки. Однако онъ сдѣлалъ все, что могъ: въ 1578 г. началъ постройку названной по его имени крѣпости Карлштадтъ и позже неоднократно принималъ разныя мѣры для улучшенія военной границы, на сколько позволяли средства.

Въ отношеніи военнаго устройства Австріи слѣдуетъ сказать еще 1) что у австрійскихъ государей была своя лейбъ-гвардія, состоявшая частью изъ трабантовъ, частью изъ гартшпрровъ (Hartschier, archers, archeti, arcieri, отъ arc—лукъ). Первые были нѣшіе, а вторые съ 1535 г. конные, обязанности же ихъ одинаковыя (при царствующемъ лицѣ и старшемъ сынѣ его; при другихъ же принцахъ только одни трабанты),—и 2) что въ Австріи было принято, въ военное время, въ началѣ каждаго похода, назначать на время онаго нормальный боевой порядокъ дѣйствующей противъ непріятеля арміи. Понятіе о томъ, какъ въ такихъ боевыхъ порядкахъ распредѣлялась войска разныхъ родовъ оружія, можетъ дать строй къ баталіи или боевой порядокъ арміи принца Филиппа-Эммануила лотаринскаго, въ походѣ 1600 г. противъ турокъ въ Венгрію, съ 16 сентября этого

года ежедневно назначавшіица, вмѣстѣ съ квартирнымъ расположениемъ арміи, фельдт-квартирмейстеромъ полковникомъ фонъ-Целлемъ, съ утвержденія принца главнокомандовавшаго арміей По этому боевому порядку, въ центрѣ арміи имѣли строиться 2 полка пѣхоты графа Шамилля и 1 полкъ пѣхоты Гофкирхена, и впереди нихъ вся артиллерія арміи подъ начальствомъ артиллеріи-генерала (General d'artilleria) графа Зульцъ-Вольфа; затѣмъ справа, начиная отъ центра къ правому флангу: конница самого принца лотарингскаго, конница графа Гогенлоэ, полкъ пѣхоты Шенберга, конница графа Турна, гусары графовъ Надашди и Зерна, полкъ пѣхоты Мерсперга и наконецъ гайдуки (венгерская пѣхота) Надашди; отъ центра же влѣво до лѣваго фланга: конница полковника Годичаго, полкъ пѣхоты полковника Прейнера, конные аркебузиры полковника Коллонича, пѣмецкая пѣхота Гермштейна, гайдуки и конные аркебузиры Франколя и наконецъ гусары и гайдуки воеводскаго бана. Изъ этого видно, что отдѣленія пѣхоты и конницы должны были строиться одни между другими такъ, что 1 или 2 полка пѣхоты имѣли справа и слѣва отдѣленія конницы, безъ сомнѣнія для того, чтобы оба эти рода войскъ въ бою содѣйствовали одинъ другому; артиллерія же была вся сосредоточена впереди центра арміи, но въ бою вѣроятно распредѣлялась по выгоднѣйшимъ для ея дѣйствія пунктамъ, смотря по мѣстности и обстоятельствамъ.

Военное устройство германской имперіи въ періодъ отъ смерти Максимилиана I до 30 лѣтней войны представляетъ вообще слѣдующія главные черты:

Имперскіе князья оказали Карлу V отчасти болѣе стоворчivosti и согласія, въ отношеніи военной помощи, нежели Максимилиану I. Карлъ V уговорилъ ихъ въ 1521 г., для предстоявшаго похода къ Риму и обратнаго завоеванія отнятыхъ имперскихъ земель, выставить всего только 4 т. чел. конницы и 20 т. чел. пѣхоты въ натурѣ, т. е. людьми, а не деньгами (хотя и это не было исполнено). Этой имперской арміи имѣли быть назначены нѣмецкіе гауптманы и военные совѣтники (Kriegsräthe) и поставлены подъ главное начальствованіе самого императора и нѣмецкихъ же главныхъ начальниковъ, имъ назначенныхъ. Всѣ имперскія войска должны были присягнуть императору или его фельдгауптману. Для распредѣленія этихъ 24 т. чел. войскъ между всѣми имперскими князьями, были составлены новыя матрикулы, въ основу которыхъ положены прежнія смѣты, съ нѣкоторыми сокращеніями.

Во время послѣдующихъ войнъ съ турками недостаточность

*

военныхъ силъ германской имперіи снова явила себя очень невыгодно. Имперскія войска рѣдко являлись въ надлежащее время и въ надлежащихъ числѣхъ и снаряженіи; притомъ въ нихъ не было ни однообразія въ устройствѣхъ и обученіи, ни единства духа. Къ тому же объ системы—вербованія и ланцкнехтовъ—распространили въ Германіи страсть къ вступленію въ службу иностранныхъ государей. Карлъ V въ 1547 г. строго воспретилъ это, подѣ страхомъ потери всѣхъ имѣній и льготъ, и даже тѣлесныхъ наказаній (простыхъ вожговъ) и смертной казни. Но это возбудило неудовольствіе и сопротивленіе имперскихъ князей, жаловавшихся на нарушеніе тѣмъ правъ и денежныхъ выгодъ ихъ. Однако въ 1559 г. это запрещеніе было снова подтверждено и кромѣ того опредѣлено, чтобы никому изъ иностранныхъ государей не было дозволяемо имѣть въ имперскихъ владѣніяхъ сборниа мѣста для вербованія, смотровъ и прохода ихъ войскъ. Въ 1570 г. снова были постановлены правила для ограниченія и регулированія иностранной службы, которая хотя и дозволялась, но съ большими ограниченіями и формальностями (о томъ же говоритъ Schwendi въ своемъ «Kriegsdiscurs»). Иногда императоры давали особое, опредѣлительное позволеніе вербовать войска въ Германіи нѣкоторымъ государямъ: Максимилианъ II въ 1572 г.—Филиппу II испанскому для подавленія возстанія въ Нидерландахъ, въ бургунскомъ округѣ, Рудольфъ II въ 1583 г.—герцогу Фердинанду баварскому для службы Филиппу II испанскому,—и пр.

Въ 1554 г. на общемъ конвентѣ имперскихъ округовъ въ Франкфуртѣ было составлено, а въ 1555 г. на сеймѣ въ Аугсбургѣ приведено въ дѣйствіе новое уложеніе германской имперіи, подѣ названіемъ Reichsexecutionsordnung. На основаніи его, имперскіе округа получили почти совершенно новое и лучшее устройство вообще и военное въ частности. Всѣ округа были обязаны взаимно помогать одинъ другому, каждый въ случаѣ нужды—призывать 4 ближайшіе округа на помощь, дѣлать извѣстными императору и прочимъ округамъ число и устройство своихъ войскъ и т. п. Хотя это учрежденіе было подтверждено на аугсбургскомъ сеймѣ 1559 г., однако никогда не исполнялось въ точности, и имперскіе чины всегда подчинялись ему медленно, неохотно и подѣ разными оговорками и условіями.

Въ такомъ состояніи равнодушія и медлительности, недовѣрчивомъ по вѣншиности и ненадежнымъ само по себѣ, военное устройство германской имперіи оставалось безъ измѣненія до 30-лѣтней войны, низпровергнувшей его вполне и совершенно.

§ 113.

Въ Богеміи.

Послѣ воинственной и блистательной эпохи Іоанна (1310—1346), перваго короля чешскаго изъ луксембургскаго дома, приобрѣтшаго Силезію, но отказавшагося отъ Польши, въ Богеміи наступила болѣе мирная эпоха сына его, Карла I, бывшаго и императоромъ германскимъ подъ именемъ Карла IV (1346—1378). Военныя учрежденія его имѣли цѣлю почти исключительно оборону Богеміи и отраженіе внѣшнихъ нападеній на нее. Съ этою цѣлю онъ съ 1363 г. учредилъ въ ней (именно въ Лаунѣ, въ монастырѣ Страховѣ, въ Пильзеньѣ, Поличѣ, Писевѣ, общинѣ Св. Георгія, Воднянѣ, Прагѣ, Чаславѣ, Брюксѣ и Мельшицѣ) правильно-устроенныя склады оружія и продовольствія. Склады же полнаго вооруженія были учреждены имъ въ Кенигснтрэцѣ, Пильзенѣ, Таусѣ, Неголицѣ, Гогенмаутѣ, Каурцимѣ, Брюксѣ, Нимбургѣ, Лейтмернцѣ, Поличѣ, Лаунѣ, Ауссигѣ и пр., независимо отъ складовъ у бароновъ и рццарей. И въ областяхъ также (въ томъ числѣ въ верхнемъ и нижнемъ Лаузицѣ или Лузации) Карлъ учредилъ мѣстную оборону и все нужное для нея. Для этого, между прочимъ, отъ одного города и селенія до другаго были прорыты широкіе и глубокіе рвы, а съ 1346 г. пять городовъ Лаузица: Будисспнъ, Гёрлицъ, Циттау, Лаубанъ и Лѣбау и съ 1356 г. шестой городъ Каменецъ заключили между собою оборонительный союзъ противъ разбойниковъ и подобныхъ имъ грабителей. Этотъ союзъ получалъ въ послѣдствіи отъ германскихъ императоръ и чешскихъ королей льготы имперскихъ городовъ, содержалъ свои собственные войска и даже въ войнахъ XVI вѣка еще оборонялся собственными средствами.

Общегосударственное ополченіе оставалось прежнее, на общихъ вездѣ въ то время основаніяхъ, т. е. обязанности службы внутри королевства. Силезскіе герцоги въ XIV вѣкѣ приступили къ нему на тѣхъ же условіяхъ, что и чешскіе бароны, т. е. имѣли право содержать свои войска, но были обязаны выставлять ихъ для походовъ короля — до границъ на своемъ падивеніи, а за границами — за денежное вознагражденіе (которое впрочемъ рѣдко получали). Касательно общей воинской повинности въ случаяхъ нужды, Карлъ IV издалъ опредѣлительныя постановленія, именно: въ случаѣ непріятельскаго вторженія, всѣ сословія народныя должны были, по старому обычаю, вооружаться и идти въ поле на защиту отечества —

4 педѣли на свой счетъ, а свыше на жалованьѣ короля. Во время войны никто не долженъ былъ удаляться изъ королевства безъ дозволенія короля, подѣ страхомъ потери имѣній, равно и никто изъ служившихъ владѣльцовъ также не долженъ былъ позволять своимъ служилымъ людямъ удаляться изъ государства. Кто служилъ противъ отечества—лишался своихъ имѣній и казнилъ смертію. Городскіе кварталы Праги также должны были посылать на войну свои ополченія, на собственномъ ихъ содержаніи, по старому обычаю, т. е. два квартала идти въ поле, а два оставаться для защиты города.

При первыхъ двухъ короляхъ люксембургскаго дома, въ военномъ устройствѣ Богеміи установились нѣмецкія и отчасти французскія формы. Но во время внутреннихъ смутъ при третьемъ королѣ Вѣчеславѣ или Вѣнцеславѣ IV (1378 — 1419) снова получили предпочтеніе и взяли верхъ старочешскія національныя военныя учрежденія, приготовившія путь послѣдующимъ гуситскимъ. Приведеніе ихъ въ систему первоначально взялъ на себя королевскій подкоморникъ (подкаммергеръ) Гаіекъ изъ Годетина. По повелѣнію короля и по случаю похода противъ непокорнаго Путова изъ Ризенбергка и Скала въ 1413 г., онъ составилъ военныя артикулы или уставы, которые не только суть древнѣйшіе изъ извѣстныхъ чешскихъ, но и превосходили опредѣленностью бѣльшую часть современныхъ иностранныхъ, и по волѣ короля должны были служить на будущее время руководствомъ для чешскаго войска. Имъ устанавливались особенно страхъ Божій и честныя правила, и запрещались зазорныя игры и дѣла, распутство, воровство, грабежъ, зажигательство, ссоры, драки, смертоубійства, самовольное отлученіе изъ рядовъ войскъ, походныхъ и лагерныхъ порядковъ и пр. Каждый начальникъ 100 или 50 воиновъ и каждый ротмистръ (т. е. начальникъ роты или отдѣленія) имѣлъ, по выдачѣ жалованья, представлять каждого изъ своихъ людей лично войсковому писарю (инспектору войскъ), который былъ обязанъ также одинъ разъ ежемѣсячно осматривать оружіе, особенно огнестрѣльное. Всѣ полезныя занятія, вооруженія и орудія мирнаго времени: мельницы, земледѣльческія орудія, пруды, рыбныя садки, пчелиныя ульи и пр. были поставлены подѣ защиту этого новаго военного устройства. При каждой военной повозкѣ имѣли быть два волна съ щитами и пиками, подѣ повозкой должны были висѣть доска и цѣпь, а на повозкѣ быть арбуза со всѣми принадлежностями, 2 топора, 2 лопаты, 2 скребка, 2 сѣкиры, 2 кирки, 1 рогатка и 1 пика съ крючкомъ и знаменемъ. Передъ каждой повозкой должны были на походѣ идти рабочіе съ сѣкирами, скребками, кирками, лопатами и топорами, дабы гдѣ нужно исправлять дороги, и пр.

Съ возстаніемъ же гуситовъ, въ Богеміи уже рѣшительно и впол-

нѣ возникло національное чешское военное устройство, въ высшей степени своеобразно развитое и удивительно усовершенствованное гениальнымъ Жижкой. Духъ строгой религіозности и нравственности, уже выразившійся въ уставѣ Гаека, съ большею еще строгостью выразился въ военномъ уставѣ, который Жижка, съ согласія магистратовъ нѣсколькихъ городскихъ общинъ, даровалъ своимъ соотечественникамъ и который составляетъ замѣчательный памятникъ глубокаго знанія людей и пронцательнаго ума Жижки. Въ немъ, по словамъ новѣйшаго историка Ашбаха (*Geschichte Kaiser Sigmund's*), ничто не было забыто, чѣмъ толпа можетъ быть и возбуждена, и сдержана. Въ немъ прежде и болѣе всего совѣтывались: молитва, благоговѣніе, внутреннее очищеніе передъ Богомъ и затѣмъ строгое соблюденіе военныхъ порядка и дисциплины на походѣ и въ лагеряхъ, соблюденіе на походѣ величайшихъ порядка и осторожности, справедливый раздѣлъ военной добычи между всѣми одинакова, запрещались ссоры, драки, смертоубійства и всякаго рода безпорядки, повелѣвалось преслѣдованіе и изгнаніе изъ войска всѣхъ строптивыхъ, непокорныхъ и зазорныхъ людей и пр.

Тяжеловооруженнымъ пѣмецкимъ войскамъ, въ которыхъ рыцарскій и вопнственннй духъ уже очень упалъ, Жижка могъ противопоставить только горожанъ, ремесленниковъ и врестьянъ, хотя и неогранчченно преданныхъ ему, но вооруженныхъ лишь своими военными повозками, молотильными цѣпами, топорами и тому под. Но онъ усовершенствовалъ эти простыя орудія, оковавъ цѣпы желѣзомъ и пр. и особенно введя искусныя эволюціи военными повозками. Табориты его *) вскорѣ раздѣлились на 2 общины: домовую (*domaci*) и полевою (*polem prascijici*). Первая имѣла заниматься исключительно веденіемъ войны, а вторая ремеслами, земледѣліемъ и поставленіемъ всего нужнаго для войны. Общины эти отъ времени до времени чередовались, кажется, въ своихъ занятіяхъ и имѣли своихъ собственныхъ начальниковъ (*wlodare*) и предстоятелей или старшинъ (*zprávce*).

Устройствомъ, даннымъ вагенбургу или обозу (уже игравшему важную роль въ военномъ артикулѣ Гаека, 1413 года), Жижка соединилъ всѣ средства обороны и атаки, и ему безспорно принадлежить заслуга пріобрѣтенія тѣмъ гораздо болѣшихъ и изумительныхъ успѣховъ. Вагенбургъ его былъ составляемъ изъ повозокъ (*wozu*), по одной на 20 чел., слѣдов. по 50 на 1 т. челов., и образовалъ подвижную крѣпость. Повозки перевозились за войскомъ и, при распо-

*) Правильнѣе еаворитъ, отъ первоначальнаго главнаго лагеря гуситовъ на горѣ, названной Таворомъ (*Thabor*), отчего произошло и названіе чешскаго лагеря, укрѣпленнаго обозомъ—таборомъ.

ложеиі лагеремъ, были скрѣпляемы одна съ другою цѣпами, ограждали укрѣпленный лагерь (tabor), а въ бою образовали различныя линіи, улицы и крылья, въ формѣ буквъ V, C, E или греческой буквы омега Ω. Эпій Сильвій, современникъ гуситовъ, изображаетъ соединеніе повозокъ между собою столь искуснымъ, что онѣ, когда бы и гдѣ бы то ни приказывалъ Жижка или всякій предводитель, могли быть соединяемы, разъединяемы и приводимы въ движеніе какъ для преслѣдованія непріятели, такъ и для отступленія. Передъ каждой повозкой были запряжены 2 лошади одна за другою, задняя въ оглобли, а передняя въ уносѣ на постромкахъ. Переднія и заднія повозки имѣли знамена, подававшія сигналы для произведенія эволюцій и соблюденія порядка. Если нужно было построить вагенбургъ, то лошадей выпрягали, оглобли клали на впереди стоявшую повозку и связывали обѣ повозки цѣпью. На выпряженныхъ же лошадей сажались вожатые повозокъ, вооруженные шпроками деревянными щитами (ravesy) съ длинными острыми внизу для втыканія въ землю, и всегда готовые снова запретъ лошадей и двинуть повозки впередъ. На каждой повозкѣ было по 4 воина, вооруженные боевыми цѣпами (серу), аллебардами (sudlicy, тоже, что у русскихъ называлось сулицами) и стрѣлками изъ луковъ и аркебузъ. Позади нихъ, въ повозочныхъ улицахъ, стояли отдѣленія вооруженныхъ вопововъ, для смѣны находившихся на повозкахъ и замѣны убитыхъ и раненыхъ. Позади всего, на сборномъ мѣстѣ, на случай тревоги, находились запасныя подрѣвленія. Кругомъ вагенбурга наѣзджали легкоконные всадники (kopieberky), которые должны были ловить убѣгавшихъ лошадей. Оставляемая между повозками отверстія для выхода были заграждаемы тарасами (tarasy)—родомъ рогатокъ. Подъ каждой повозкой висѣла доска такъ, что защищала ноги людей, стоявшихъ за повозкой, отъ пуль и ударовъ копій.

По описанію Энея Сильвія, когда дѣло доходило до боя, то Жижка образовалъ изъ повозокъ съ воинами на нихъ два крыла, между которыми строилъ войско, а легкоконныхъ всадниковъ выслалъ изъ вагенбурга на фланги. По данному знаку къ бою, начальники повозокъ производили заранѣе назначенныя и извѣстныя имъ эволюціи и строили разныя фигуры или буквы (см. выше) и улицы, въ лабиринтѣ которыхъ непріатель запутывался, какъ въ сѣтяхъ. Когда онъ такимъ образомъ былъ разстроены, разъединенъ и разорванъ, то былъ окончательно поражаемъ пѣхотой съ мечами или съ цѣпами, и стрѣлками съ повозокъ. Такимъ образомъ войско Жижки можно было уподобить (говоритъ Эней Сильвій) «чудовищу съ многими руками, которое неожиданно и быстро охватывало ими свою добычу, сжимало, раздробляло и поглощало ее. Если пѣхотнымъ и

удавалось выбраться изъ лабиринта повозокъ, то они попадали въ руки всадниковъ виѣ вагенбурга и были истребляемы ими. Если же этимъ всадникамъ угрожалъ превосходный числомъ непріятель, то они немедленно укрывались въ улицахъ вагенбурга».

Въ рядахъ гуситовъ сражались не одни чехи, но и иностранцы, поляки, галичане и др., частію изъ страсти къ добычѣ, частію для изученія гуситскаго образа военныхъ и боевыхъ движеній и дѣйствій. Между самыми гуситами были такіе, которые уже никогда болѣе не хотѣли отказываться отъ военного ремесла. Такимъ образомъ еще при жизни Жижки и особенно по смерти его образовались многія отдѣльныя, вольныя, военныя общины, которыя повиновались только своимъ собственнымъ уставамъ и вождямъ и отличались отъ разбойничьихъ шаекъ лишь тѣмъ, что не только не скрывались, но и гласно хвалились быть защитниками «вѣры и правды». Императоръ Сигизмундъ не смѣе могъ сдѣлать ихъ безвредными, какъ взявъ ихъ на жалованье и пославъ въ Венгрію противъ турокъ. Но, сверхъ того, эти чешскія вольныя военныя общины были призываемы и въ Германію, и въ Польшу, и въ Россію, и скоро (во 2-й половинѣ XV вѣка и въ XVI вѣкѣ) во всей средней и восточной Европѣ не было почти ни одной войны, въ которой чехи не участвовали бы въ большемъ или меньшемъ числѣ, иногда даже съ обѣихъ сторонъ, наемниками на жаловань, подъ предводительствомъ своихъ вождей, въ родѣ италіанскихъ кондоттиеровъ. Наиболѣе извѣстными и страшными стали чешскія военныя общины, называвшія себя братьями и братцами, а отъ непріятелей прозванныя нищими (Zebraki) и ребятами (Vuben), и съ ходомъ времени приобрѣли въ Европѣ подобное же значеніе, какъ кондоттиеры въ Италіи и арманьяки во Франціи, съ тою только разницею, что имѣли вполне демократическое устройство. Основы его были чисто - чешскія, старо-таборитскія, но составъ общинъ—изъ разноплеменнаго сброда, занимавшагося военнымъ ремесломъ за деньги отъ кого бы то ни было. Такого рода военный союзъ образовался сначала (около 1448 г.) въ Венгріи и достигъ политической важности съ 1453 г., когда знаменитый чешскій предводитель бандъ Искра (Jiskra) изъ Брандейса распугилъ ихъ и онѣ, применивъ къ братьямъ, нашли въ чешскомъ дворянствѣ Петръ Аксамитъ изъ Лидеровица отважнаго и предприимчиваго главнаго вождя. Это братство позже служило и Гуниаду, и императорамъ-братьямъ Фридриху III и Албрехту въ ихъ междоусобной войнѣ. Еще позже оно имѣло уже не одного главнаго вождя, но нѣсколько частныхъ, изъ которыхъ извѣстны до 30 и которые всѣ были, кажется, равны между собою званіемъ и правами. Банды ихъ были распространены и въ Австріи, и въ Моравіи, и въ Венгріи,

и въ Силезіи, и въ Польшѣ, и въ Пруссіи, но всё были обязаны взаимно держаться однѣ другихъ и помогать себѣ. Внутреннее устройство ихъ тогда было, безъ сомнѣнія, уже олигархическое — подъ властію своихъ старшинъ и военныхъ начальниковъ.

Сверхъ того, Богемія снабжала чужія страны множествомъ чешскихъ наемниковъ. Правитель Венгріи Іоаннъ Гуніадъ имѣлъ собственныя чешскія банды, которымъ очень довѣрялъ, а знаменитый въ послѣдствіи черный легіонъ императора Матоея состоялъ почти исключительно изъ однихъ чеховъ, моравовъ и сербовъ. Aventin (Annales Bojorum), въ числѣ наемныхъ дружинъ нѣмецкихъ ландкнехтовъ и швейцарскихъ дружинъ, приводитъ также чешскія, носившія щиты, мушкеты и большіе мечи (sarissas), неутомимыя въ устройствѣ лагерей, валовъ, рововъ, окоповъ и славившіяся упорнымъ выдержаніемъ осадъ.

При такомъ огромномъ числѣ охотниковъ, занимавшихся военнымъ ремесломъ, старинная ленная служба въ Богеміи, разумѣется, болѣе и болѣе выходила изъ употребленія.

Все тогдашнее военное дѣло въ Богеміи, въ совокупности, изобразилъ (вѣроятно вскорѣ послѣ 1490 г.) въ особенной рукописи, для короля Владислава V (1471—1516) и для наставленія въ построеніи пѣхоты и конницы, знаменитый частный предводитель чешскаго братства Вѣнцеславъ Влчекъ (Wlček) изъ Ценова. Въ этомъ сочиненіи его вся военная система Жижки изображена въ военно-научной формѣ, съ нѣкоторыми измѣненіями, примененными преимущественно къ войнѣ противъ турокъ. Особенность этой системы та, что отдѣленія войскъ имѣютъ очень узкій фронтъ и гораздо болѣе глубину (въ пѣхотѣ вдвое, а въ конницѣ вчетверо), что, при содѣйствіи военныхъ повозокъ, было во всѣхъ отношеніяхъ очень цѣлесообразно. Но въ половинѣ XVI вѣка употребленіе военныхъ повозокъ уже прекратилось и отдѣленія пѣхоты и конницы строились уже квадратами, а потомъ все съ болѣе широкимъ фронтомъ и съ меньшею глубиною.

Конница у Влчека, въ примѣненіи къ дѣйствіямъ противъ турокъ, уже снова разсматривается какъ главный родъ войскъ, пѣхота же при ней — только какъ второстепенный и вспомогательный, болѣе для защиты повозокъ, нежели для атаки. Около $\frac{1}{3}$ всего войска въ 2 или 3 отдѣленіяхъ всегда образуетъ авангардъ, а $\frac{2}{3}$ — главные силы. На походѣ впереди идутъ конные наѣзники (harowniki) или фланкеры, которые и открываютъ бой. Если они принуждены отступить, то авангардъ принимаетъ ихъ на себя и двигается противъ непріятеля. Если и онъ не можетъ удержаться, то въ бой всту-

паютъ главныя силы, а если и онѣ не могутъ одолѣть, то все войско обыкновенно разсѣвается.

Оружіемъ конницы были пика (корі), мечи и боевые молоты; конные стрѣлки дѣйствовали впереди и по сторонамъ авангарда, стрѣляя въ лошадей тяжелой конницы. Пѣхота же была вооружена бердышами, копьями (oslipy, ослопы), ручнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ (ručnice), луками (samostrěly), цѣпами (серу), палицами (palcáty), аллебардами (sudlice или сулицы) и подвижными щитами (rawězy). Пѣшіе стрѣлки носили щиты и стрѣляли изъ луковъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда огнестрѣльнаго оружія у нихъ было недостаточно. Вонны съ щитами прикрывали ими фланги отдѣлений. Аллебардисты стояли болѣе въ серединѣ и чередовались съ стрѣлками. По роду вооруженія были стрѣлки, цѣпники (sernici), копейщики (korinnici), аллебардисты (sudličnici), павезники (rawěznici) и т. д., а по мѣсту въ боевомъ порядкѣ—передовые стражники (straženci), легкоконные всадники (konieberky), гонцы (honci), посыльцы (posilci), наѣзники (harkowniki), возницы (woznici, wožatajowie), пиковники (pikowniki), главныя силы (haufowé walni), резервы (haufowé zbytni) и пр. Тяжелыя огнестрѣльныя орудія (haufnice, harcownice, srubnice, tarasnice, hakownice) были располагаемы 4-мя частями или батареями и именно 20 впереди боеваго порядка, 20 позади него (для обезпеченія отъ атакъ съ тыла) и многія орудія на обонхъ флагахъ. Повозки также раздѣлялись на военныя вѣшнія (krajni) и внутреннія (placni) и на фуражныя (picni) и коморныя (komorni) и т. д. Обыкновенно на каждую 1 т. вооруженныхъ гуситовъ приходилось 900 пѣшихъ, и 100 конныхъ и 50 военныхъ повозокъ, на одну повозку 1 вожатый (wožatay), 2 конныхъ, 4 павезныхъ (съ павезами) и 13 стрѣлковъ.

Употребленіе пороха и огнестрѣльнаго оружія въ Богеміи было извѣстно уже во 2-й половинѣ XIV вѣка, но, какъ и вездѣ, первоначально примѣнялось только при осадѣ и оборонѣ городовъ. Но въ сраженіи при Горзпцѣ (Horzitz) въ 1423 г. Жижка уже имѣлъ и употребилъ огнестрѣльныя орудія и съ тѣхъ поръ употребленіе ихъ усматривается и въ полевыхъ сраженіяхъ гуситовъ. И въ Богеміи также, какъ и вездѣ, подъ общимъ названіемъ пушка (puška) сначала разумѣлись одинаково и тяжелыя орудія, и ручное оружіе, только съ прибавленіемъ къ названію первыхъ—великая пушка (welika puska). Въ началѣ XV вѣка большія пушки порознь получили разныя названія, но позже стали вообще называться děla (у поляковъ dzialo) и раздѣляться по величинѣ, формѣ и назначенію, съ соответствующими названіями. Въ сраженіи при Аусигѣ въ 1426 г. чехи имѣли два рода орудій, извѣстные также и нѣмцамъ: гауфни-

цы (haufnice) или гаубицы, и тарасницы (tarasnice) или крѣпостныя ружья, и въ то же время вошли въ употребленіе pistaly или длинныя и тощія орудія (позже — ручное оружіе). Къ началу XVI вѣка къ этому присоединились еще два рода болѣе легкихъ орудій — гарковницы (harcownice) и срубницы (srubnice), и ручницы (ručnice). Въ 1513 г. жители Праги отлили одну мортиру, а вскорѣ послѣ того явились и картауны или каронады. Огнестрѣльные орудія уже со временъ Жигки перевозились на лошадяхъ, парамъ съ уносомъ.

Со времени подпаденія Богеміи подъ власть австрійскаго дома Габсбурговъ, чешскія артиллерія и ручное огнестрѣльное оружіе, равно какъ и все вообще военное устройство и военное дѣло въ Богеміи стали постепенно утрачивать прежній, чешскій характеръ свой и принимать обще-нѣмецкій. Съ 1546 г. уже встрѣчается раздѣленіе чешской артиллеріи на полевую и осадную (polnj a bojičiči děla).

§ 114.

В ъ В е н г р і и .

Военное устройство и военное дѣло въ пей до самыхъ временъ Сигизмунда, императора германскаго и короля венгерскаго изъ дома луксембургскаго (1410—1437), оставались въ томъ же состояніи, которое было изображено прежде (ч. II, глава VIII, § 65). Сигизмундъ же, постоянно тѣснимый гуситами изъ Богеміи и Моравіи и турками и венеціанцами изъ Босніи и Кроаціи, подъ конецъ своего царствованія положилъ преобразовать военное устройство Венгріи, недостаткамъ котораго приписывалъ понесенныя ею неудачи оружія. Съ этою цѣлію, въ 1432 г. онъ сообщилъ прелатамъ, баронамъ и герцогамъ (графствамъ или округамъ), на разсмотрѣніе и обсужденіе, составленный имъ, такъ называемый военный регестъ или военное уложеніе, въ которомъ очевидно пмѣлъ въ виду учрежденныя въ Германіи имперскія матрикулы или военные уставы. Главныя основанія и черты этого военного регеста состояли въ слѣдующемъ:

Прежде и болѣе всего въ немъ имѣлось въ виду то, чтобы въ Венгріи и соединенныхъ съ нею земляхъ были во всякое время, въ полной военной готовности, всѣ постоянныя бандеріи короля и королевы, затѣмъ — прелатовъ и имперскихъ бароновъ и наконецъ, въ случаѣ надобности — всего дворянства вообще. Вооруженіе имѣло быть непременно полное. За слабыхъ, престарѣлыхъ и болѣзненныхъ дворянъ имѣли быть вносимы, соразмѣрно состоянію, деньги,

на которыя гешпаншафты должны были содержать конныхъ стрѣлковъ. Кромѣ того, болѣе богатые дворяне должны были на свой счетъ вооружать особенныхъ стрѣлковъ, которые имѣли состоять подъ начальствомъ обергешпановъ и даже служить за границей болѣе 15 дней. Военнымъ кнехтамъ и коннымъ стрѣлкамъ имѣли быть производимы въ жалованье одинъ золотой гульденъ на челвѣка или одинъ центнеръ соли, вмѣсто гульдена, тому, кто имѣлъ получать въ уплату соль въ натурѣ. Для соблюденія порядка и дисциплины имѣли быть изданы и строго исполняемы дисциплинарные военные законы. Наконецъ, былъ изложенъ проектъ общей земской обороны, исчислены бандеріи противъ гуситовъ, турокъ, бесняковъ и др. и назначены комитаты, долженствовавшіе поддерживать передвижя войска бандерій резервами.

Такъ какъ государственные чины Венгріи оставили этотъ проектъ Сигизмунда безъ уваженія, то въ 1435 г. онъ повелѣлъ привести его въ исполненіе. Но и это мало помогло: магнаты и прочіе государственные чины были мало склонны замѣнить прежнюю ленную службу (отъ которой всегда могли легко уклониться подъ разными предлогами) службой на жалованьѣ и денежными взносами на содержаніе войскъ. Однако то, что они изъ королевскихъ предложеній оставили неоспореннымъ, послужило основаніемъ послѣдующихъ учрежденій венгерской инсуррекции (государственнаго земскаго ополченія). Тогда Сигизмундъ вынужденъ, для охраны государства отъ гуситовъ, содержать на собственный счетъ, сверхъ своей бандеріи, еще особенный корпусъ войскъ и занять имъ важнѣйшія замки на границахъ Богеміи и Моравіи. Въ случаѣ же, еслибы этотъ корпусъ не былъ въ состояніи сопротивляться превосходнымъ силамъ непріятеля, назначенные въ регестѣ ближайшіе прелаты, бароны и прочіе магнаты, съ ихъ подручниками, были обязаны немедленно вооружаться и, подъ предводительствомъ графовъ (начальниковъ) гешпанствъ (округовъ), собираться подъ знамена короля, на что были установлены особенныя, подробныя правила (кому, сколько, какого рода людей, конныхъ и пѣшихъ, въ какомъ вооруженіи, снаряженіи и пр. приводить съ собою, какой соблюдать военный порядокъ и пр.). А вскорѣ послѣ того были опредѣлены ближайшія подробности состава и содержанія ополченій гешпанствъ и комитатовъ, съ включеніемъ Кроаціи, Славоніи, Трансильваніи и прочихъ, соединенныхъ съ Венгеріей земель и народностей (молдавовъ, валаховъ, кумановъ, саксонцовъ, секлеровъ, сербовъ, далматовъ, герцеговинцовъ и пр.) Вслѣдствіе того всѣ военныя силы Венгріи вообще въ 1436 г. должны были простираться до 93,425 чел.

Но при преемникѣ Сигизмунда, Албрехтѣ I (1438—39) эта

численная сила была снова ограничена, постановленіемъ сейма 1438 г., въ пользу государственныхъ чиновъ и особенно магнатовъ болѣе, нежели въ пользу короля, однако при сынѣ и преемникѣ Албрехта, Владиславѣ, снова увеличена. Въ 1454 г. именно были установлены: новое росписание крестьянскихъ дворовъ или воротъ (portae) и числа конныхъ и пѣшихъ вооруженныхъ людей, имѣвшихъ быть поставляемыми съ нихъ, и правила участія дворянства, землевладѣльцовъ и пр. въ исполненіи военной повинности. Но, во время послѣдовавшихъ затѣмъ внутреннихъ смутъ и переворотовъ, всѣ эти постановленія почти вовсе не исполнялись и пришли въ забвеніе.

Сынъ Гуніада, Матѳей Корвинъ, вступивъ въ 1458 г. на престолъ Венгріи, былъ вынужденъ возстановить закономъ эти постановленія на прежнихъ главныхъ основаніяхъ. Именно король долженъ былъ защищать государство отъ внѣшнихъ враговъ на счетъ государственныхъ доходовъ; въ случаѣ же недостатка ихъ на то, всѣ прелаты, магнаты, бароны и пр. были обязаны выступать въ поле съ своими ополченіями и становиться подъ знамена короля, а если и это было недостаточно, то и всѣ вообще дворяне и землевладѣльцы должны были исполнять то же самое.

Послѣ того, по причинѣ опасности съ многихъ сторонъ, особенно турокъ, и упадка военного устройства Венгріи, сегедискій сеймъ старался возстановить бандеріальное устройство въ томъ видѣ, въ какомъ оно было при Сигизмундѣ, и постановилъ особенныя правила для того. Изъ этихъ правилъ особеннаго вниманія заслуживаетъ то, по которому люди осѣдлыхъ, водворенныхъ поселенъ, числомъ менѣе 10-ти юбадьевъ (jobbagy—вольные поселяне магнатовъ) имѣли быть псчисляемы въ совокупности, и пзъ этого числа набираемъ 20-й человекъ. Это-го учрежденіе и послужило, какъ обыкновенно полагаютъ, происхожденіемъ названія венгерской конницы гусарами, потому что отъ венгерскихъ словъ: husz (гусъ—двадцать) и ág (жалованье) 20-й человекъ былъ названъ huszar—гусарь.

Однако такого рода временное народное ополченіе все-таки никакъ не могло имѣть свойствъ и достоинствъ постоянного войска. Поэтому Матѳей Корвинъ и положилъ, независимо отъ земскаго ополченія, образовать родъ постоянного войска, которое вполне зависѣло бы отъ него одного и было бы достаточно сильно для того, чтобы ему не имѣть надобности прибѣгать къ помощи земскаго ополченія. И онъ исполнилъ это тѣмъ успѣшнѣе, что основалъ силу постоянного войска болѣе на пѣхотѣ, нежели на конницѣ. Это постоянное, всегда готовое къ походу и бою войско его состояло пзъ ротъ тяжелой и легкой конницы, пзъ легковооруженныхъ пикине-

ровъ и тяжеловооруженныхъ воиновъ съ щитами, а другихъ съ аркебузами. Каждому изъ этихъ родовъ войскъ былъ назначенъ особенный образъ дѣйствій въ бою: тяжелой конницѣ—твердо стоять на назначенномъ мѣстѣ и защищать его на жизнь и смерть; легкой—пѣздничать свободно по обстоятельствамъ; воинамъ, вооруженнымъ щитами и огнестрѣльнымъ оружіемъ—окружать пивинеровъ, прикрывать ихъ сомкнутыми щитами и, по данному знаку, выпускать ихъ впередъ; пикиерамъ же, поддержаннымъ щитоносцами, стрѣлками и конницей—производить стремительный, сильный и рѣшительный натискъ и ударъ. Матѳеи Корвинъ постоянно упражнялъ означенные роды войскъ во всѣхъ этихъ совокупныхъ дѣйствіяхъ ихъ и довелъ ихъ въ этомъ отношеніи до большого совершенства. Это постоянное венгерское войско, обыкновенно состоявшее изъ 20 т. чел. конницы, 8 т. чел. пѣхоты и 9 т. военныхъ повозокъ (не считая разныхъ обозныхъ людей, мастеровыхъ, рабочихъ и пр.), Матѳеи Корвинъ усилилъ еще 6-ю тысячами ппоземныхъ войскъ, большею частью чеховъ, моравовъ и сербовъ, которые, подъ названіемъ «черной банды» (вѣроятно по цвѣту ихъ доспѣховъ), составляли ядро и главную силу постоянного войска его. Онъ пополнилъ эту банду преимущественно людьми изъ храбрыхъ и закаленныхъ въ бояхъ чешскихъ бандъ, о которыхъ говорено выше (§ 113). Черная банда также состояла частію изъ конницы, большею же частію изъ пѣхоты, тяжелой и легкой а послѣдняя преимущественно изъ стрѣлковъ.

Содержаніе этого постоянного войска, особенно наемниковъ, стоило очень дорого—1.060,000 червонцовъ въ годъ, а одной черной банды—100 т. червонцевъ въ 3 мѣсяца, что далеко превосходило королевскіе доходы и необходимо требовало денежныхъ и иныхъ пособій отъ земства.

Между тѣмъ какъ въ Венгріи дворянство не было обязано идти на войну за границу, развѣ только подъ личнымъ предводительствомъ короля и съ уплатой жалованья, въ Трансильваніи сеймъ 1366 г., напротивъ, возложилъ именно эту обязанность на тамошнее дворянство; однако въ послѣдствіи въ этомъ произошли нѣкоторыя измѣненія. Въ 1463 г., на общемъ сеймѣ венгерцовъ, секлеровъ и саксонцовъ въ Трансильваніи, касательно инсurreкціи ихъ были опредѣлены нѣкоторыя постановленія, во многомъ отличныя отъ венгерскихъ. На томъ же сеймѣ означенныя три народности подчинились особенному военному уложенію въ отношеніи къ нимъ, утвержденному Матѳеемъ Корвинымъ. Въ силу его, между прочимъ, онѣ должны были, въ случаѣ непріятельскаго вторженія въ Трансильванію, взаимно помогать одна другой.

Въ слабое царствованіе Владислава II (1490—1516) вопи-

ственный дух венгерцовъ быстро упалъ, прелаты и магнаты вслѣски уклонялись отъ военныхъ повинностей, а король не имѣлъ достаточно денегъ для содержанія постоянного войска и особенно черной банды. Последняя, не получая жалованья, стала разбойничать, и потому въ 1492 г. была насильно распущена. Чтобы замѣнить ее другимъ войскомъ, восстановлено было старинное бандерильное военное устройство, но уже въ иномъ видѣ. Касательно обыкновенной силы бандерій еще въ 1492 г. было постановлено, чтобы въ одной цѣлой бандеріи было 400 чел., а въ одной половинной 200 ч., въ обѣихъ пополамъ изъ тяжелой и изъ легкой конницы.

Опредѣленной одежды въ войскахъ не было: всякій носилъ свою обыкновенную. Продовольствованіе также было очень просто: состоявшіе подъ знаменами того или другаго предводителя продовольствовались отъ него, а бывшіе на жалованьи короля — отъ послѣдняго или же получали на то очень скудные деньги. Вообще и жалованье, и содержаніе натурой или деньгами были очень скудны.

Образъ дѣйствій венгерцовъ въ полѣ и бою уже давно утратилъ свои національныя особенности и сталъ подобенъ общему въ западной Европѣ и особенно чешско-гуситскому. Венгерцы даже старались подражать послѣднему, почему со временъ Гуниада вагенбургъ получалъ у нихъ важное значеніе и участіе въ полевыхъ дѣйствіяхъ и въ бою. Въ сраженіи при Вашагѣ (Vasag), въ 1442 г., Гуниадъ образовалъ оба крыла своего боеваго порядка изъ сеелеровъ, за которыми стояли два ряда конныхъ латниковъ, а за ними конные стрѣлки, въ серединѣ — также тяжелая конница, а между нею тяжелая пѣхота. Въ аррьергардѣ или резервѣ были пикшеры и стрѣлки изъ луковъ, а фланги прикрывалъ вагенбургъ съ легковооруженными внутри него.

Дороговизна пороха и несовершенство огнестрѣльнаго оружія при Матѳеѣ Корвинѣ побуждали его предпочитать ему прежнія метательныя орудія, и онъ металъ изъ нихъ при осадахъ громадные камни на огромное разстояніе. Впрочемъ и артиллерія въ Венгріи не уступала современной въ другихъ странахъ западной Европы.

Но постепенные, хотя и медленные, успѣхи огнестрѣльнаго оружія и вліяніе его на совокупность веденія войны и образа дѣйствій войскъ въ полѣ и въ бою, значительно охладили въ венгерцахъ вообще и въ венгерскомъ дворянствѣ въ частности охоту и страсть къ войнѣ. На многихъ сеймахъ постановлялось, чтобы король не сзывалъ земскихъ ополченій иначе, какъ только въ случаяхъ вторженія непріятелей въ сѣлахъ, значительно превосходившихъ королевскія бандеріи. А еще позже многіе магнаты и землевладѣльцы даже испрашивали себѣ у королей грамоты на пожизненное освобожденіе

ніе ихъ отъ службы въ ополченіяхъ. Однако страшное пораженіе венгерцовъ въ сраженіи при Могачѣ образумило ихъ, и когда въ 1526 г. на престолъ Венгріи вступилъ Фердинандъ I, сами государственные чины охотно содѣйствовали ему въ преобразованіи упавшаго военнаго устройства Венгріи. И хотя послѣдняя была страшно разорена и истощена турками, однако венгерскіе землевладѣльцы не отказались выставять съ своихъ имѣній, въ соразмѣрности съ ихъ величиной и доходами, небольшое число вооруженныхъ всадниковъ. То же сдѣлали прелаты и магнаты при Максимиліанѣ II (1563).

При Фердинандѣ I и послѣдующихъ короляхъ содержалась постоянная конница, на продовольствованіи частныхъ имѣній. Въ 1528 г. было постановлено, чтобы прелаты, бароны и дворяне содержали въ постоянной готовности къ оборонѣ страны известное число войскъ (*gentes, homines exercitiales*). При этомъ, основаніемъ служило большею частію давнишнее постановленіе выставять 20-го человѣка (гусара). Независимо отъ того, Фердинандъ I поддерживалъ также, въ прежнихъ формахъ, и старинное учрежденіе о земскомъ ополченіи на случай крайней необходимости или опасности. Сеймы содѣйствовали ему въ усиленіи и обезпеченіи такихъ ополченій разными мѣрами.

Между тѣмъ составъ и устройство венгерскаго войска съ ходомъ времени постоянно и существенно измѣнялись противъ прежняго. Въ составъ его входила уже не одна конница, но и пѣхота, и все въ большемъ числѣ. Съ начала XVI вѣка нѣкоторымъ комитатамъ уже повелѣно было выставять пѣшихъ аркебузировавъ, а другимъ предоставлено вмѣсто 2 всадниковъ выставять 3 пѣшихъ людей. Позже постановлено, чтобы ополченія всѣхъ комитатовъ сосоглаи пополамъ изъ конницы и пѣхоты. Тяжелой конницы оставалось уже мало, только въ верхнихъ комитатахъ; числительное же превосходство уже принадлежало легкой.

Многимъ измѣненіямъ подверглось въ это время также важное званіе бановъ Далмаціи, Кроаціи и Славоніи — намѣстниковъ въ нихъ королей, которые именовали себя герцогами этихъ областей. Каждая изъ нихъ имѣла своего бана, но обыкновенно онѣ были соединены подъ властію одного. Банъ былъ главнымъ правителемъ края и важнѣйшею обязанностью его была военная — оборона границъ противъ турокъ. По завоеваніи послѣдними въ XVI вѣкѣ большей части земель Банната, званіе бана виндскихъ или вендскихъ земель стало только именнымъ, а въ междуусобіяхъ Фердинанда I и Запольи (Zapolya) за наслѣдство венгерскаго престола даже исчез-

ло совершенно и только при Рудольфѣ II въ 1608 г. было восстановлено закономъ въ прежней силѣ.

Усердіе къ исполненію воинской повинности, обнаруженное Венгріей послѣ сраженія при Могачѣ и вообще при Фердинандѣ I, охладѣло очень скоро, такъ что въ 1569, 1578 и 1609 гг. постановлены были разныя обязательныя и даже принудительныя мѣры въ отношеніи къ исполненію этой повинности. Касательно личной службы при этомъ, старались вызвать изъ забвенія прежнія строгія постановленія; однако, не смотря на то, она все болѣе и болѣе выходила изъ употребленія и была замѣняема денежными контрибуціями. Прежнія бандеріи уже были имъ только по названію, часто заключа въ себѣ не болѣе 10—12 чел. Поэтому онѣ болѣе и болѣе сливались вмѣстѣ, а турки полагали имъ конецъ вездѣ, куда только простирали оружіе и власть свои, и наконецъ бандеріи пчезли совершенно.

При занятіи турками венгерскихъ земель, образовавшіеся въ нихъ регулярныя войска, или бывшія на службѣ нѣкоторыхъ венгерскихъ магнатовъ, или обращенныя на оборону границъ, первоначально были названы гайдучами (пѣшими трабантами). Тѣмъ же именемъ стали называть также пѣхоту вообще. Позднѣйшихъ же временъ гайдучи происходили отъ тѣхъ воиновъ, которымъ трансильванскій князь Стефанъ Бочкай (Bocskay) за ихъ вѣрную военную службу, въ 1605 г. даровалъ дворянское званіе и поселилъ ихъ тамъ, гдѣ они и теперь живутъ и гдѣ къ нимъ въ 1606 г. присоединились жители города Собосло (Szoboszló). Они были освобождены отъ податей, но обязаны всѣми военными повинностями.

Одежда и вооруженіе венгерскихъ войскъ въ XVI вѣкѣ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ національныхъ особенностей) сообразовались съ современными въ западной Европѣ. Въ половинѣ этого вѣка венгерскія войска имѣли длинныя пики съ значками, прямыя мечи, небольшіе щиты, особеннаго рода кривыя сабли, на пшнемъ концѣ широкія, на головѣ носили обыкновенныя шляпы или мѣховую шапку (kalpag) съ перьями, а на тѣлѣ длинный, ниже колѣнъ, долманъ (dolman).

Вилгелмъ Диллихъ, въ концѣ XVI вѣка издавшій книгу о войнѣ (Kriegsbuch) и описаніе Венгріи, говоритъ, что венгерцы на войнѣ дѣйствуютъ искуснѣе на коняхъ, нежели пѣшіе, въ бою никогда не выдерживаютъ такого хорошаго порядка, какъ другіе европейскіе народы, и потому особенно въ продолжительномъ боѣ оказываютъ мало сопротивленія. Онъ раздѣляетъ ихъ на конныхъ—гусаровъ и на пѣшихъ—гайдуковъ. Изъ нихъ первые, по его словамъ, послали на головѣ шпакъ, на тѣлѣ панцырь съ рукавами и дли-

ною до ногъ, на лѣвой сторонѣ саблю, въ правой рукѣ пистолетъ (сореу) съ значкомъ, а сзади при сѣдлѣ ручной стволъ (Faustrohr—пистолетъ) въ футлярѣ. Капитаны или ротмистры носили поверхъ панцирей красныя холщевыя полукафтаны. Гайдуки же не носили ни шипака, ни панциря, одежду имѣли подобную крестьянской, оружіемъ—короткій огнестрѣльный стволъ, не длиннѣе карабина (а за невозможностью, по бѣдности, купить его—пистолетъ), на лѣвой сторонѣ—саблю, и сверху накрывали себя, подобно гусарамъ, плащомъ (kutza).

ГЛАВА XV.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШІЯ ВОЙНЫ И ПОХОДЫ ЭТОГО ПЕРІОДА.

§ 115. ОБРАЗЪ ВЕДЕНІЯ ВОЙНЫ И ХАРАКТЕРЪ ВОЙНЪ ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ ВЪ ЭТОМЪ ПЕРІОДѢ ВООВЩЕ. — I. ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШІЕ ПОХОДЫ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ АНГЛИЧАНЪ СЪ ФРАНЦУЗАМИ ЗА НАСЛѢДСТВО ФРАНЦУЗСКАГО ПРЕСТОЛА. — § 116. ПЕРВЫЕ ТРИ ПОХОДА ЭДУАРДА III, КОРОЛЯ АНГЛІЙСКАГО ВО ФРАНЦІИ (1339—1345). — § 117. 4-Й ПОХОДЪ ЭДУАРДА III ВО ФРАНЦІИ (1346). — § 118. 5-Й И 6-Й ПОХОДЫ ЭДУАРДА III ВО ФРАНЦІИ (1355—56). — § 119. 7-Й ПОХОДЪ ЭДУАРДА III ВО ФРАНЦІИ (1359—60). — § 120. ПОСЛѢДНІЕ ПОХОДЫ ЭДУАРДА III ВО ФРАНЦІИ (1369—76). — § 121. ПОХОДЫ ГЕНРИХА V, КОРОЛЯ АНГЛІЙСКАГО, ВО ФРАНЦІИ (1415—22). — II. ВОЙНЫ ШВЕЙЦАРЦОВЪ СЪ АВСТРІЙЦАМИ И БУРГУНДЦАМИ. — § 122. ВОЙНЫ ШВЕЙЦАРЦОВЪ СЪ АВСТРІЙЦАМИ ВЪ XIV И XV СТОЛѢТІЯХЪ. — § 123. ВОЙНА ВЪ 1315 ГОДУ. — § 124. ВОЙНА ВЪ 1339, 1386 И 1388 ГГ. — § 125. ВОЙНА ВЪ 1444 ГОДУ. — § 126. ВОЙНА ШВЕЙЦАРЦОВЪ СЪ БУРГУНДЦАМИ (1474—78). — III. ВОЙНЫ ГУСИТОВЪ ВЪ XV ВѢКѢ. — § 127. ВОЙНЫ ГУСИТОВЪ ПРИ ЖИЖКѢ (1420—1424). — § 128. ВОЙНЫ ГУСИТОВЪ ПО СМЕРТИ ЖИЖКИ (1425—1234).

§ 115.

Образъ веденія войны и характеръ войнъ въ западной Европѣ въ этомъ періодѣ вообще.

Съ постепенными: упадкомъ феодализма, утвержденіемъ монархической власти и введеніемъ болѣе правильнаго военнаго устройства, и война естественнымъ образомъ начала постепенно терять прежній свой характеръ раздробительности и пріобрѣтаетъ, въ смыслѣ политическомъ и государственномъ, значеніе болѣе важное и обширное. Междуусобныя распри феодальныхъ владѣльцовъ и войны вассаловъ

съ государями начали уступать мѣсто войнамъ государственнымъ и народнымъ, дѣлю которыхъ было политическое бытіе и самостоятельность государствъ и народовъ, либо политическое первенство однихъ надъ другими. Таковы были: столѣтняя война англичанъ съ Французами за наслѣдство французскаго престола,—войны швейцарцовъ съ австрійцами и бургундцами за независимость Швейцаріи,—войны Франціи съ Испаніей и Австріей за обладаніе Италіей и политическое первенство,—войны, порожденныя реформаціей и столь важныя въ политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ,—наконецъ война нидерландцовъ съ Испаніей за независимость нидерландскихъ соединенныхъ штатовъ.

Крестовые походы также имѣли, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, косвенное, отдаленное вліяніе на образъ веденія войны въ западной Европѣ. Уже во время самыхъ крестовыхъ походовъ, какъ было объяснено выше, образъ веденія войны сарацинами въ Сиріи и Египтѣ противъ крестоносцовъ началъ оказывать вліяніе на образъ веденія войны послѣдними, а потомъ и вообще въ Европѣ. Съ ходомъ времени вліяніе это усилилось: стали чаще прибѣгать къ малой войнѣ, уклоненію отъ боя, медленію, выжиданію, дѣйствию легкими войсками и военнымъ хитростямъ.

Къ этому частному измѣненію въ образѣ веденія войны присоединилось со второй половины XV вѣка и то, которое было естественнымъ слѣдствіемъ веденія войны войсками постоянными и правильно-устроенными.

За всѣмъ тѣмъ война во многихъ отношеніяхъ сохраняла еще прежній свой неправильный и несовершенный характеръ. Новое военное устройство имѣло важныя преимущества предъ феодальнымъ, но, основанное предпочтительно на наймѣ и вербованіи, не удовлетворяло еще необходимымъ условіямъ совершенства и истиннымъ пользамъ государственнымъ, и не соответствовало дѣлю и значенію войнъ. Въ веденіи войны все еще было мало правильности и основательности; войны, необходимо сопряженныя съ значительными беспорядками и жестокими грабежомъ и опустошеніемъ края, все еще мало походятъ на дѣйствія благоустроенныхъ армій, состоятъ изъ движеній и дѣйствій безъ общей связи и единства и прерываемыхъ безпрестанными и продолжительными осадами и довольно рѣдкими, но кровопролитными и рѣшительными сраженіями.

Вообще должно сказать: 1) что огнестрѣльное оружіе, въ два съ половиною вѣка оказавшее столь значительное вліяніе на тактическіе: устройство и образъ дѣйствій войскъ, на образъ веденія войны, напротивъ, не оказало еще почти никакого вліянія; 2) что образъ веденія войны и характеръ войнъ оставались почти такими же,

какими были и передъ тѣмъ, и наконецъ 3) что хотя нѣкоторымъ полководцамъ этого времени нельзя отказать въ искусныхъ соображеніяхъ и дѣйствіяхъ, но вообще въ веденіи войны искусства видно мало.

I.

Замѣчательнѣйшіе походы во время войны англичанъ съ французами за наслѣдство французскаго престола.

§ 116.

Первые три похода Эдуарда III, короля англійскаго, во Франціи.
(1339—1345 г.).

Безпрерывныя войны, которыя англичане вели съ французами съ самаго XII вѣка, питали взаимную неприязнь обоихъ народовъ. Особенныя обстоятельства усиливали ее еще болѣе. Наконецъ, по смерти Карла IV, послѣдняго короля французскаго изъ дома Капетовъ, предъявленіе родственныхъ правъ на французскій престолъ Эрдуардомъ III, королемъ англійскимъ, и графомъ Филиппомъ Валуа, и избраніе въ короли французскіе послѣдняго, подъ именемъ Филиппа VI (1328 г.), послужили поводомъ къ жестокой войнѣ между англичанами и французами за наслѣдство французскаго престола, продолжавшейся около 100 лѣтъ и стоившей обоимъ государствамъ неимоверныхъ усилій и жертвованій.

Три года (1336—1338 г.) обѣ стороны готовились къ войнѣ и старались усилиться союзами, Эдуардъ III — съ императоромъ нѣмецкимъ Лудвигомъ V, мелкими владѣтелями нидерландскими, возмущившимися жителями Фландріи и архіепископомъ кельнскимъ, а Филиппъ VI — съ папой Венедиктомъ XI, королями наварскимъ и чешскимъ, герцогами: бретанскимъ, австрійскимъ и лотарингскимъ, пфальцграфомъ рейнскимъ и разными мелкими владѣтелями германскими.

Но таковы были тогдашнія государственныя отношенія и военное устройство, что содѣйствіе союзниковъ было самое ничтожное и обѣ стороны принуждены отереть войну почти съ однѣми собственными своими силами.

Англичане владѣли въ это время Гюьенной или бывшимъ герцогствомъ аквитанскимъ. Оттуда въ 1339 г. и была открыта война частію

силъ англичанъ, между тѣмъ какъ Эдуардъ III съ главными силами состоявшими изъ англійскихъ, наемныхъ иноплеменныхъ и отчасти союзныхъ войскъ, числомъ около 20 т. чел., открылъ войну на сѣверѣ взятіемъ Тень-Левека (Thun-L'Evêque), близъ Камбрэ, и движеніемъ къ границамъ Пикардін и Артуа. Филиппъ VI, собравшій войско свое при С-тѣ Кантенѣ, двинулся на встрѣчу Эдуарду III. Оба войска (англійское силой уже около 44 т. чел.) сошлись при Виронфоссѣ (Vironfosse) близъ Капеллы и, простоявъ недѣлю въ бездѣйствіи, разошлись безъ боя (по причинамъ, которыя лѣтописцами объясняются различно). Эдуардъ III отступилъ во Фландрію и тѣмъ кончился первый походъ этой войны, безъ всякихъ пользы и успѣха.

Въ 1340 г. на сѣверныхъ и южныхъ предѣлахъ Франціи ведены были частныя, безсвязныя и неважныя военныя дѣйствія. Въ іюлѣ Эдуардъ III отправился изъ Англии во Францію съ войскомъ на флотѣ, разбилъ въ морскомъ бою при Слуйсѣ (Sluys, L'Ecluse) французскій флотъ, произвелъ въ Слуйсѣ высадку и осадилъ Турнэ. Но упорная оборона Турнэ, успѣхи французовъ въ Гюеннѣ и различныя неблагопріятныя для англичанъ обстоятельства принудили Эдуарда III заключить перемиріе и возвратиться въ Англію снова безъ успѣха.

Въ 1341 году война возобновилась по поводу распрей графовъ блуаскаго и монфортскаго за наслѣдство Бретани. Филиппъ IV принялъ сторону перваго, а Эдуардъ III — послѣдняго. До 1343 г. война въ Бретани была ведена съ перемѣннымъ успѣхомъ. Дѣйствія съ обѣихъ сторонъ были устремлены преимущественно противъ трехъ важнѣйшихъ городовъ Бретани: Нанта, Ренна и Ванна, которые и переходили нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки. Въ 1343 г. между англичанами и французами было заключено перемиріе. Но въ 1344 г. война возобновилась и ведена была, въ Бретани — съ успѣхомъ для французовъ, а въ Гюеннѣ — для англичанъ. Французы обратили главныя свои силы противъ Гюенны и, принудивъ находившіяся тамъ англійскія войска запереться въ города, стѣснили ихъ и привели въ крайне трудное положеніе.

§ 117.

4-й походъ Эдуарда III во Францію (1346 г.).

Въ іюнѣ 1346 г. Эдуардъ III отправился съ войскомъ, на флотѣ, на помощь англійскимъ войскамъ, находившимся въ Гюеннѣ. Но вскорѣ онъ перемѣнилъ намѣреніе и рѣшился вторгнуться во

Францію чрезъ Нормандію. Впсадившись на мысъ Ла-Гогъ (La-Hogue) съ 4 т. рыцарей, 10 т. стрѣлковъ и 16 т. чел. пѣхоты, онъ двинулся къ Кану (Caen), взялъ на пути многіе города, разбилъ при Канѣ французское войско подъ начальствомъ коннетабля графа д'Э (d'Eu) и графа Танкарвилля, взялъ Канъ и двинулся къ Руану, опустошая Нормандію и имѣя вѣроятно въ виду отвлечь главныя силы французовъ отъ Гюйенны, перейти черезъ Сену, направиться черезъ Пикардію въ Артуа, на соединеніе съ своимъ фландрскимъ союзникомъ, и предпринять осаду Калэ, для того чтобы имѣть твердую опору для дальнѣйшихъ своихъ дѣйствій.

Прибывъ къ Руану, онъ нашелъ въ немъ мостъ черезъ Сену разрушеннымъ, а на другой сторонѣ Филиппа VI съ вновь собраннымъ имъ войскомъ. Эдуардъ пошелъ вверхъ по лѣвому берегу Сены, для перехода черезъ эту рѣку. Но всѣ переправы на ней были уничтожены французами и сверхъ того Филиппъ слѣдовалъ съ своимъ войскомъ вверхъ по правому берегу Сены за движеніемъ Эдуарда. Послѣдній дошелъ такимъ образомъ до Пуасси на Сенѣ, близъ Парижа, опустошивъ на пути край до самыхъ стѣнъ этого послѣдняго города. Показавъ видъ, что идетъ къ Парижу, онъ принудилъ и Филиппа идти туда же, а самъ немедленно воротился назадъ въ Пуасси, успѣлъ перейти тамъ черезъ Сену и двинулся къ р. Соммѣ. Филиппъ, имѣвшій уже въ это время 8 тыс. рыцарей и 60 т. чел. пѣхоты, приказалъ опустошить край на пути слѣдованія Эдуарда къ Соммѣ, три переправы на этой рѣкѣ укрѣпить и занять войсками, всѣ прочія уничтожить, а самъ съ главными силами двинулся вслѣдъ за Эдуардомъ. Замедленный въ слѣдованіи переходомъ черезъ рѣку и недостаткомъ продовольствія въ опустошенномъ краю, имѣя спереди Сомму, переходъ черезъ которую былъ для него почти невозможнымъ, слѣва море, а сзади главныя силы Филиппа, Эдуардъ находился въ крайне-трудномъ и опасномъ положеніи. Но счастье благоприятствовало ему: одинъ плѣнный французскій воинъ указалъ въ Соммѣ бродъ при Бланшетагѣ (Blanchetaque, Blanquetaque), ниже Аббевиля. Бродъ этотъ былъ однако укрѣпленъ и обороняемъ на противоположномъ берегу 12-ти-тысячнымъ французскимъ отрядомъ подъ начальствомъ Голдемара-дю-Фэ (Du-Fay). Благоприятствуемый морскимъ отливомъ, понизившимъ въ рѣкѣ воду, Эдуардъ устремился черезъ бродъ на французовъ, опрокинулъ ихъ послѣ довольно упорнаго боя, перешелъ черезъ Сомму и слѣдовалъ въ графство Понтье, на границахъ Артуа. Здѣсь онъ остановился при селеніи Кресси съ 2,300 рыцарей и около 40 т. пѣхоты, въ намѣреніи вступить съ Филиппомъ въ бой.

Филиппъ прибылъ къ Бланшетагскому броду въ то самое время,

когда послѣднія войска Эдуарда только-что перешли черезъ Сомму, а между тѣмъ вода въ этой рѣкѣ снова поднялась отъ морскаго прилива. Филиппъ принужденъ былъ идти въ Аббевиль и остановился въ немъ цѣлыя сутки для сбора своихъ войскъ, что дало войскамъ Эдуарда возможность отдохнуть и изготавиться къ бою, а Эдуарду сдѣлать нужныя для боя распоряженія. 23 августа 1346 г. Филиппъ двинулся къ Крессу, имѣя около 60 - 70 т. войскъ (8 т. рыцарей или около 25 т. чел. конницы и около 40 т. чел. пѣхоты, по инымъ же всего около 100 т. войскъ). Французское войско слѣдовало и произвело нападеніе на англичанъ въ чрезвычайномъ безпорядкѣ, было неоднократно отражаемо и наконецъ совершенно разбито, съ потерей около 35 т. чел. убитыхъ, въ томъ числѣ множества знатнѣйшихъ дворянъ и рыцарей. Остатки его и съ ними самъ Филиппъ бѣжали къ Аміену. Англичане не преслѣдовали ихъ и на другой день послѣ сраженія разбили по частямъ большое число коммунальныхъ и городскихъ войскъ, которыя шли на соединеніе съ французскимъ войскомъ, ничего не зная о пораженіи его. Разбитію ихъ способствовали, сначала — густой туманъ, а потомъ — употребленная англичанами хитрость: они выставили на высотахъ взятыхъ французскія знамена, и сами расположились скрытно близъ нихъ; французскіе отряды собирались къ своимъ знаменамъ и были безъ труда разбиваемы по частямъ. Такимъ образомъ на другой день сраженія французамъ былъ нанесенъ уронъ, едва-ли не бѣльшій, нежели наканунѣ въ самомъ сраженіи.

Разбивъ французовъ при Кресси и свѣдавъ, что главныя силы французскія, дѣйствовавшія въ Гюеннѣ, обратились къ сѣверу, Эдуардъ пошелъ къ Калэ, обложилъ его въ началѣ сентября съ сухаго пути и моря, и приступилъ къ осадѣ его.

Побѣда Эдуарда при Кресси, движеніе главныхъ силъ французскихъ изъ Гюенны на сѣверъ, а английскихъ войскъ вслѣдъ за нимъ черезъ Гаронну въ пограничныя области Франціи и опустошеніе ими послѣднихъ, наконецъ успѣхи англичанъ надъ шотландцами — все это дало Эдуарду въ войнѣ съ Франціей рѣшительный перевѣсъ. Однако Калэ держался болѣе года и сдался (28-го сентября 1347 г.) тогда только, когда всѣ успѣія Филиппа къ освобожденію его остались тщетными, а гарнизонъ и жители были доведены голодомъ, болѣзнями и смертностью до послѣдней крайности.

Вслѣдъ затѣмъ было заключено перемиріе, впоследствии продолженное до 1350 года.

§ 118.

5-й и 6-й походы Эдуарда III во Франціи (1355—1356 г.).

Въ 1350 году военныя дѣйствія возобновились, но были неважны. Обѣ стороны приступили къ мирнымъ переговорамъ, которые однако остались безъ успѣха. Въ 1355 г. Эдуардъ III высадился съ войскомъ въ Калэ, вторгнулся въ Артуа и осадилъ Бланжисъ, но вскорѣ былъ отозванъ въ Англію войною съ шотландцами. Между тѣмъ сынъ его, принцъ Эдуардъ (по цвѣту вооруженія прозванный Чернымъ принцомъ) жестоко опустошилъ южныя области Франціи между Гаронною, Пиренеями и Нарбонной, въ теченіи 7-ми недѣль истребивъ до 500 городовъ и селеній.

Въ 1356 г. Эдуардъ III поручилъ герцогу ланкастерскому, находившемуся съ англійскими войсками въ Бретани, поддерживать въ Нормандіи возставшихъ противъ Іоанна II, короля французскаго, приверженцовъ короля наварскаго. Между тѣмъ какъ война здѣсь была ведена съ переменнымъ успѣхомъ, Черный принцъ вторгнулся въ богатыя французскія области Герси, Лимузень, Овернь и Берри, и опустошилъ ихъ. По прибытіи къ р. Луарѣ, онъ нашелъ, что всѣ мосты на ней были разрушены, а всѣ переправы заняты войсками. Это обстоятельство, равно предпринятая имъ осада городка Роморантена (при чемъ имъ были употреблены бомбарды и греческій огонь) удержали его на р. Луарѣ. А между тѣмъ Іоаннъ II, собравъ при Шартрѣ сильное войско, перешелъ въ Блуа черезъ Луару и двинулся къ Пуатье, съ цѣлю отрѣзать Чернаго принца отъ Гюьенны, что и удалось ему. Узнавъ о движеніи короля французскаго къ Пуатье, Черный принцъ немедленно двинулся туда же, и къ сѣверу отъ этого города, при селеніи Мопертюи, встрѣтилъ всемеро превосходящійшія силы французовъ (у Чернаго принца было не болѣе 8 т. войскъ, въ томъ числѣ только около 3 т. англичанъ, а у французовъ до 60 т. войскъ, въ томъ числѣ около 3 т. рыцарей), принялъ бой съ ними на чрезвычайно пересѣченной и выгодной для обороны мѣстности и, послѣ упорнаго и кровопролитнаго боя, разбилъ ихъ совершенно (19 сентября 1356 г.). 8 т. французовъ легли на мѣстѣ, 3 т. истреблены во время бѣгства къ Пуатье, а 16 т., въ томъ числѣ самъ король, сынъ его Филиппъ и 817 знатныхъ особъ и рыцарей—взяты въ плѣнъ. Черный принцъ, не осаждая Пуатье, возвратился въ Бордо, отсюда отправился съ плѣнными французскимъ королемъ въ Англію, заключивъ на два года перемиріе.

§ 119.

7-й походъ Эдуарда III во Франціи (1359—1360).

Тягостныя и постыдныя для Франціи условія освобожденія короля Іоанна изъ плѣна, предложенныя Эдуардомъ, были отвергнуты французскимъ парламентомъ и послужили поводомъ къ возобновленію войны. Въ концѣ сентября 1359 г. Эдуардъ III высадился въ Калэ съ войскомъ, силы котораго простирались до 100 т. челов., и двинулся къ Реймсу, чтобы вѣнчаться въ немъ королевскимъ вѣнцомъ Франціи. Такъ какъ край на пути слѣдованія его былъ чрезвычайно опустошенъ, то, въ избѣжаніе недостатка въ продовольствіи, Эдуардъ принялъ мѣры къ перевозу вслѣдъ за войскомъ 6 т. повозокъ съ продовольственными припасами. Французы, наученные опытомъ, измѣнили образъ веденія войны противъ англичанъ. Бѣльшую часть войскъ своихъ они размѣстили по гарнизонамъ, а съ остальными уклонялись въ полѣ отъ боя, вели дѣятельную малую войну, окружали и стѣсняли англичанъ со всѣхъ сторонъ, тревожили ихъ частыми нападеніями, затрудняли имъ слѣдованіе и продовольствованіе и истребляли ихъ по частямъ. Этимъ они до того ослабили и изнурили ихъ, что Эдуардъ, съ трудомъ достигнувъ Реймса и 7 недѣль безуспѣшно осаждавъ этотъ городъ, былъ принужденъ снять осаду его (въ концѣ января 1360 г.) и черезъ Шампанію направился въ Бургонію, гдѣ взялъ нѣсколько городовъ и далъ войскамъ отдыхъ. Изъ Бургоніи онъ пошелъ внизъ по Сенѣ къ Паряжу; но, не успѣвъ выманить оттуда и вовлечь въ бой французское войско, наконецъ недостаткомъ въ продовольствіи, равно ослабленіемъ и разстройствомъ войскъ своихъ былъ принужденъ идти въ Бретанію. Походъ въ эту область довершилъ бѣдствія англійскаго войска. Обѣ стороны равно желали мира, и открытыя слѣдствіе того переговоры повели наконецъ къ заключенію (8 мая 1360 года) въ Бретиньи, близъ Шартра, такъ называемаго вѣчнаго мира между Англійей и Франціей. Эдуардъ III отказался отъ правъ своихъ на французскій престолъ, взаменъ чего за нимъ были утверждены: Гюйенна, многія южныя области Франціи, а на сѣверѣ—Калэ съ его округомъ и нѣкоторыя области. Король Іоаннъ выкупилъ изъ плѣна цѣною 3-хъ милліоновъ золотыхъ ефимковъ (écus). Такимъ образомъ Франція была раздѣлена между королями англійскимъ и французскимъ и миръ заключалъ въ себѣ сѣмена новой войны.

§ 120.

Послѣдніе походы Эдуарда III во Франціи (1369—1376 гг.).

Сынъ Іоанна II Карлъ V не исполнялъ условій бретинійскаго мира, принялъ подъ свою защиту недовольныхъ жителей Гюенны и въ 1368 г. ввелъ войска свои въ англійскія области. Война возобновилась и до 1376 г. была ведена съ успѣхомъ для франгузовъ и съ невыгодою для англичанъ, вслѣдствіе принятаго тѣми и другими образа веденія войны. Англичане безпрестанно ходили съ одного конца Франціи на другой, по всѣмъ направленіямъ, опустошая край, но нигдѣ не утверждаясь въ немъ и даже теряя мало по малу собственныя свои владѣнія во Франціи. Франгузы же, неотступно слѣдуя принятому ими съ 1359 года образу веденія войны, уклонялись отъ боя, вели малую войну и постепенно утверждались въ городахъ и областяхъ, принадлежавшихъ англичанамъ. Такимъ образомъ въ 1375 г. во власти англичанъ оставались уже только Бордо, Байонна и Калэ. Это повело наконецъ къ заключенію въ 1376 году между Англіей и Франціей перемирія.

Въ слѣдующемъ году Эдуардъ III и Черный принцъ скончались.

§ 121.

Походы Генриха V, короля англійскаго, во Франціи (1415—1422 г.).

Ослабленная, истощенная и опустошенная непрерывною войной, Франція находилась въ самомъ бѣдственномъ положеніи, когда въ 1413 году воинственный Генрихъ V вступилъ на престолъ Англій и потребовалъ отъ Франціи исполненія условій бретинійскаго мира, уступилъ всѣхъ огнятыхъ у Іоанна Безземельнаго областей, уплаты Англій 1.600,000 ефямковъ долгу и проч., и сверхъ того — руки принцессы Екатерины, дочери французскаго короля Карла VI. Между тѣмъ какъ съ обѣихъ сторонъ были ведены переговоры объ этомъ, Генрихъ V дѣятельно готовился къ войнѣ. Собралъ въ Соутгемптонѣ войско, онъ высадился (14-го августа 1415 года) между Гарфлѣромъ и Гонфлѣромъ, въ устьѣ Сены, съ 6 т. рыцарей, 24 т. стрѣлковъ и большими запасами продовольствія, и осадилъ Гарфлѣръ.

Франція была почти вовсе безъ защиты, казна истощена, народъ разоренъ, притѣсненъ и недоволенъ, войско разстроено, а для на-

чальствованія имъ не было ни одного искуснаго и достойнаго вожда. Главное начальствованіе надъ нимъ было поручено коннетаблю Д'Албрѣ (D'Albret), который вскорѣ оказалъ всю свою неспособность въ столь трудныхъ обстоятельствахъ.

Осада Гарфлѣра удержала англичанъ передъ этимъ городомъ 5 недѣль и уже значительно ослабила ихъ. Взявъ Гарфлѣръ и населивъ его англичанами, Генрихъ V, подобно Эдуарду III въ походѣ 1346 г., двинулся черезъ Нормандію въ Пикардію и Артуа, съ тѣмъ, чтобы зимовать въ Калэ и оттуда раннею весною начать военныя дѣйствія. До города Э (Eu) онъ слѣдовалъ вдоль береговъ моря безпрепятственно. Отъ Э онъ направился вправо, намѣреваясь перейти черезъ р. Сомму при Бланшетагѣ. Между тѣмъ въ Нормандіи успѣли собраться, подъ предводительствомъ дофина и коннетабля Д'Албрѣ, 6 т. рыцарей и 40 т. пѣхоты. Они окружили войско Генриха V и открыли противъ него малую войну, уклоняясь отъ общаго боя. Безпрерывно сражаясь съ ними, Генрихъ съ трудомъ достигъ бланшетагскаго брода, нашель, что его обороняетъ съ противоположнаго берега сильный отрядъ конницы и стрѣлковъ, и пошелъ вверхъ по лѣвому берегу Соммы искать переправы. Дофинъ и коннетабль Д'Албрѣ слѣдовали за его движеніемъ вверхъ по правому берегу Соммы. Генрихъ находилъ вездѣ мосты истребленными, броды занятыми, пытался перейти при Сень-Реми и Понъ-Одемерѣ, но былъ отраженъ. Наконецъ 19-го октября ему удалось перейти черезъ Сомму въ бродъ при Вайеннѣ и Бетанкурѣ, нѣсколько выше Сень-Кантеня, гдѣ оба брода, по оплошности сенъкантенскихъ коммунальныхъ войскъ, не были заняты. Вслѣдствіе того французское войско отступило къ Бапому по дорогѣ въ Калэ. Французы, ожесточенные тѣмъ, что англичане, переходомъ черезъ Сомму, избѣжали предстоявшей имъ гибели, отступили отъ благо-разумно принятаго ими образа веденія войны, положили вступить съ англичанами въ общій бой и не только объявили имъ о томъ, но и спрашивали Генриха, по какой дорогѣ онъ намѣревался идти къ Калэ. Генрихъ отвѣчалъ, что пойдетъ по прямѣйшей и кратчайшей. Но между тѣмъ, удаленный на значительное разстояніе отъ Гарфлѣра, имѣя въ тылу за собою р. Сомму, а впереди себя вчетверо превосходящаго силами непріятеля, которому могъ противопоставить не болѣе 2 т. чел. конницы и 12 т. чел. пѣхоты, онъ чувствовалъ вѣроятно опасность своего положенія и предложилъ французамъ выгодныя условія мира. Еще болѣе ободренные этимъ французы отвергли всякіе переговоры съ англичанами и приготовились къ бою, но приняли мѣры самыя неблагоразумныя и имѣвшія пагубныя для нихъ слѣдствія. Они положили, чтобы ни воролъ, ни грое

его сыновей не находились при войскѣ, которое и было ввѣрено главному начальствованію коннетабля Д'Албрэ. Но ни принцы крови, ни дворяне, ни рыцари не повиновались ему и всякій поступалъ по своему произволу. Въ безразсудной запальчивости своей они хотѣли даже немедленно напасть на англичанъ, и коннетабль едва успѣлъ удержать ихъ. Онъ расположилъ войско самымъ ошибочнымъ образомъ въ оборонительной, но весьма неудачно избранной и невыгодной мѣстности между селеніями Фрамекуръ и Азенкуръ, къ сѣверу отъ Сенъ-Поля и Гезденя (Hesdin). Число французскихъ войскъ простиралось отъ 6 до 8 тыс. рыцарей и отъ 40 до 50 т. чел. пѣхоты. Генрихъ расположился въ виду французовъ съ своими 14 т. войскъ, хотя и утомленныхъ, но сильно одушевленныхъ воспоминаніемъ побѣдъ при Кресси и Пуатье. Тщетно ожидая нападенія французовъ, Генрихъ самъ напалъ на нихъ и въ произшедшемъ вслѣдствіе того (25 октября 1415 г.) сраженіи при Азенкурѣ разбилъ ихъ совершенно. Французы потеряли около 8 т. чел. убитыхъ (въ томъ числѣ были 8 принцовъ крови, коннетабль и большее число знатныхъ особъ и рыцарей) и около 14 тыс. чел. взятыхъ въ плѣнъ.

Затѣмъ Генрихъ, не заботясь о преслѣдованіи разбитаго непріятеля и извлеченіи наибольшей пользы изъ одержанной побѣды, продолжалъ идти къ Калэ, откуда воротился въ Англію.

Въ три послѣдующіе затѣмъ года (1416—1418) Генрихъ, удачно пользуясь междуусобіями двухъ враждебныхъ политическихъ партій (Бургиньоновъ и Арманьяковъ), раздиравшими Францію, покорилъ своей власти Нормандію. А въ 1420 году въ Труа заключенъ былъ между Англіей и Франціей миръ, по которому Генрихъ V получилъ руку принцессы Екатерины и назначенъ правителемъ Франціи при жизни Карла VI и преемникомъ его послѣ его смерти. Затѣмъ Генрихъ V въ томъ же 1420 году покорилъ королю французскому бывшіе на сторонѣ дофина городъ Сансъ (Sens), Монтерб и Мелень, въ 1421—1422 году вытѣснилъ дофина изъ Шартра и покорилъ Мо (Meaux), но внезапно занемогъ и скончался (1422 г.) въ Венсеннѣ. Два мѣсяца послѣ его смерти скончался и Карлъ VI.

II.

Войны швейцарцовъ съ австрійцами и бургундцами.

§ 122.

Войны швейцарцовъ съ австрійцами въ XIV и XV столѣтияхъ.

Начало войнъ швейцарцовъ съ австрійцами относится къ тому времени, когда сынъ Рудольфа габсбургскаго Албрехтъ захотѣлъ силою оружія покорить Гельвецію и соединить ее въ одно герцогство подѣ властію австрійскаго дома. Три кантона: Ури, Швицъ и Унтервалденъ заключили между собою (въ 1306 г.) оборонительный союзъ, извѣстный подѣ названіемъ гельветическаго, и одушевленные примѣромъ Вильгельма Телля, отразили сильное австрійское войско, посланное для покоренія Гельвеціи. Съ этого времени въ продолженіи около 170 лѣтъ швейцарцы вели почти непрерывныя войны съ австрійскимъ феодальнымъ дворянствомъ, водвореннымъ въ Швейцаріи, и съ австрійскимъ владѣтельнымъ домомъ, поддерживавшимъ его съ цѣлю покоренія Швейцаріи своей власти. Эти войны замѣчательны постоянными и важными успѣхами швейцарцовъ, упрочившими наконецъ политическую независимость послѣднихъ, и первымъ началомъ правильно-устроенной пѣхоты. Причины успѣховъ швейцарцовъ надъ австрійцами, независимо отъ причинъ политическихъ, заключались въ значительномъ превосходствѣ первыхъ надъ послѣдними въ отношеніи къ военному устройству, нравственному одушевленію и образу дѣйствій.

Войну, имѣвшую цѣлю покореніе силою оружія народа, сильно привязаннаго къ своему отечеству и къ своей независимости—войну несправедливую австрійцы вели войскамъ, устроенными по феодальному, имѣвшимъ общія всѣмъ феодальнымъ дружинамъ недостатки—разнородность состава и побужденій, отсутствіе порядка и устройства, недостатокъ единства власти и согласія въ дѣйствіяхъ, неспособность къ предпріятіямъ продолжительнымъ и труднымъ и къ упроченію сдѣланныхъ завоеваній. Независимо отъ всего этого, австрійскія феодальныя дружины, большую и лучшую часть которыхъ составляла тяжело-вооруженная рыцарская конница, были крайне неудобны и неспособны для дѣйствій въ такой горной странѣ, какъ Швейцарія.

Швейцарцы, напротивъ, отличаясь простыми, но мужественными

правами, соединенные однимъ общимъ чувствомъ — любви къ отечеству, однимъ общимъ побужденіемъ — сохраненія его независимости, составляли просто-устроенное, но превосходное народное войско. Не имѣя ни надобности, ни возможности содержать конницу, они сражались пѣшими и легковооруженными, и притомъ въ собственномъ краю, который былъ хорошо извѣстенъ имъ. Обладая всѣми выгодами единства цѣли, побужденій и власти, они дѣйствовали согласно, смѣло и рѣшительно. Все это, вмѣстѣ взятое, доставляло имъ, въ войнѣ народной, горной и оборонительной, важныя надъ австрійцами преимущества и объясняетъ постоянныя успѣхи малочисленныхъ дружинъ ихъ надъ числительно-превосходными войсками ихъ противниковъ.

Но въ отношеніи къ образу и искусству веденія войны борьба швейцарцовъ съ австрійцами представляетъ мало замѣчательнаго. Война, какъ выше сказано, была народная и горная, оборонительная въ политическомъ, но наступательная въ военномъ отношеніи — со стороны швейцарцовъ, и на оборотъ — со стороны австрійцевъ. Какъ всякая война въ горахъ, она ведена была довольно раздробленными силами, многими отдѣльными отрядами въ различныхъ частяхъ края, слѣдствіемъ чего было множество отдѣльныхъ, частныхъ дѣйствій, имѣвшихъ болѣею частью характеръ набѣговъ, часто прерываемыхъ осадами городовъ и укрѣпленныхъ замковъ, рѣже сраженіями, болѣе или менѣе упорными и рѣшительными, но почти всегда оканчивавшимися побѣдой швейцарцовъ.

По этой причинѣ изложеніе въ историческомъ порядкѣ всего хода войнъ швейцарцовъ съ австрійцами было бы здѣсь излишнимъ. Но чтобы дать понятіе о характерѣ и образѣ веденія этихъ войнъ, достаточно будетъ привести нѣкоторыя замѣчательнѣйшія военныя дѣйствія, происшедшія во время оныхъ, напримѣръ въ 1315, 1339, 1386, 1388 и 1444 годахъ — дѣйствія, ознаменованныя важными и блистательными побѣдами швейцарцовъ при Мооргартенѣ, Лаупенѣ, Земпахѣ и Нефелсѣ.

§ 123.

Война въ 1315 году.

По смерти императора Генриха VII изъ дома люксамбургскаго (1310 г.), Швейцарія, подобно Германіи, раздѣлилась между Лудвигомъ баварскимъ и Фридрихомъ австрійскимъ (сыномъ Албрехта и внукомъ Рудольфа габсбургскаго), которые оба въ одно время были избраны въ императоры. Большая часть Швейцаріи при-

аяла сторону перваго, меньшая — послѣдняго. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, австрійцы положили покорить союзные кантоны силою оружія. Намѣреваясь напасть на нихъ съ трехъ различныхъ сторонъ, герцогъ Леопольдъ австрійскій собралъ при Баденѣ (1315 г.) около 17 т. войскъ и часть оныхъ направилъ черезъ Брунигъ въ Обвалденъ и Нидвалденъ, для того чтобы съ этой стороны угрожать союзникамъ, занимать и удерживать ихъ, а самъ съ главными силами, составленными большею частію изъ тяжелооруженной рыцарской конницы (4 т. рыцарей и 8 т. чел. пѣхоты), изъ Цуга двинулся въ Эгерійскому озеру, имѣя въ виду завладѣть Шарненскою тѣсною между горами и озеромъ, ведущею на Мооргартенскую равнину. Союзники, собравшіеся на послѣдней въ числѣ около 1,400 чел. подъ предводительствомъ ландаманна Лотгольда, напали въ самой тѣснѣ на голову растянутой австрійской колонны въ то самое время, когда 50 человекъ, отряженныхъ ими на вершину горъ, у подошвы которыхъ находилась тѣснина, низверженіемъ огромныхъ камней завалили этотъ узкій проходъ, истребили тѣмъ множество австрійцевъ, слѣдовавшихъ черезъ него безъ всякой осторожности, и преградили остальнымъ отступление. Слѣдствіемъ этого было совершенное пораженіе главныхъ силъ Леопольда (сраженіе при Мооргартенѣ, 15 декабря 1315 г.), а затѣмъ и двухъ другихъ частей его войскъ.

§ 14.

Война въ 1369, 1386 и 1388 г.г.

Въ 1339 году возгорѣлась война между австрійскимъ дворянствомъ и спльнымъ, цвѣтущимъ Берномъ. Первымъ дѣйствіемъ австрійцевъ была осада союзнаго съ бернцами городка Лаупена. Въ то же время около 1,900 австрійскихъ владѣтельныхъ лицъ и дворянъ и съ ними 3 т. ч. конницы и 15 т. ч. пѣхоты собрались между Лаупеномъ и Берномъ, для того чтобы препятствовать поданію помощи жервому изъ этихъ двухъ городовъ. Бернцы призвали на помощь жителей Оберланда, Золотурна и союзныхъ кантоновъ и избрали рыцаря Рудольфа-фонъ-Эрлаха въ предводителю своихъ войскъ. Эрлахъ успѣлъ усилить гарнизонъ Лаупена 400 бернцами, и вскорѣ потомъ, имѣя не болѣе 5 т. войскъ Берна и союзныхъ кантоновъ, напалъ на австрійцевъ столь стремительно, что они едва успѣли построиться къ бою. Здѣсь впервые швейцарцы, сражаясь пѣшіе, нанали на рыцарскую конницу, опрокинули ее, совершенно разбили австрійцевъ и освободили Лаупенъ.

Война, съ 1356 года ограничившаяся нѣкоторыми частными предпріятіями, въ 1386 году возгорѣлась съ новою силой. Союзники разрушили часть замковъ австрійскаго дворянства, а другую часть взяли и заняли своими гарнизонами. Австрійскій городъ Земпахъ вступилъ въ союзъ съ Люцерномъ, бывшимъ уже въ составѣ гельветическаго союза,

Герцогъ Леопольдъ австрійскій собралъ при Баденѣ 25 т. австрійскихъ и союзныхъ съ ними войскъ. Намѣреваясь угроженіемъ союзникамъ съ разныхъ сторонъ принудить ихъ къ раздѣленію своихъ силъ и тогда произвести главное нападеніе черезъ Земпахъ на Люцернъ, онъ расположилъ одинъ сильный отрядъ при слияніи р.р. Лиматъ и Рейсы, для угроженія съ этой стороны Люцерну, другій отрядъ—при Бюренѣ, для угроженія Берну и Золотурну, третій—при Раппершвейлѣ и Гастерѣ, а съ четвертымъ направился самъ черезъ Земпахъ къ Люцерну. Союзники, собравшись, близъ Земпаха, въ числѣ около 1,400 чел. подъ предводительствомъ люцернскаго шутгейса Петерманна Гундельфингена, вступили (8 іюня 1386 года) въ бой съ 6 т. войскъ герцога Леопольда (въ числѣ которыхъ было 4 т. рыцарей) и разбили ихъ совершенно. Эта рѣшительная побѣда нанесла австрійцамъ сильный ударъ и ограничила войну частными, отдѣльными дѣйствіями. Вскорѣ заключено было перемиріе на 1½ года, а по истеченіи его (въ 1388 г.) 6 т. австрійскихъ войскъ, овладѣвъ городкомъ Везеномъ на Валдштетскомъ озерѣ, двинулись на покореніе кантона Глариса, къ укрѣпленіямъ, которыми жители его преградили входъ въ долину р. Линты и во внутренность кантона, а 1,500 австрійскихъ войскъ подъ начальствомъ графа Верденберга пошли въ обходъ Валленштетскаго озера для того, чтобы напасть на жителей Глариса съ тыла въ то время, когда главныя силы нападутъ на нихъ съ фронта. Опрокинутые послѣдними изъ своихъ укрѣпленій, жители Глариса перешли черезъ р. Линту по мосту въ Неффельсѣ и въ числѣ не болѣе 500 чел. расположились близъ этого города на горѣ Раутнбергѣ, такъ что австрійцы, слѣдуя долиною р. Линты къ Гларису, должны были проходить мимо нихъ. Австрійскія войска разсѣялись повсюду для грабежа, а между тѣмъ къ жителямъ Глариса прибыло человекъ 500 въ подкрѣпленіе. Вскорѣ австрійцы произвели нападеніе на почти неприступную мѣстность, на которой были расположены союзники, между тѣмъ какъ мѣстность, на которой они сами находились, была крайне неудобна для дѣйствій. Слѣдствіемъ происшедшаго здѣсь (9-го апрѣля 1388 г.) боя было пораженіе австрійцовъ и отступленіе графа Верденберга, въ избѣжаніе той же участи. Затѣмъ, послѣ неуспѣшной осады союзниками Раппершвейля, взятія ими Бю-

рена и Нидау и опустошенія австрійцами пограничныхъ земель союзныхъ кантоновъ, въ 1389 году былъ заключенъ миръ на 7 лѣтъ.

§ 125.

Война въ 1444 году.

Въ 1436 году между Цюрихомъ и Швицомъ открылась война за наслѣдство владѣній умершаго послѣдняго графа тоггенбургскаго. Большая часть союзныхъ кантоновъ приняла сторону Швица, которому и достались спорныя владѣнія. Императоръ Фридрихъ III, имѣя въ виду покорить обратно родовыя владѣнія своего дома въ Швейцаріи, отторгнутыя отъ него императоромъ Сигизмундомъ, принялъ сторону Цюриха. Сильное пораженіе, которое австрійцы претерпѣли (въ 1443 г.) при Фрейенбахѣ и Цюрихѣ, и спустя нѣскольکو времени — при Санктъ-Якобѣ на Зильфельдѣ, повело къ вмѣшательству въ войну французскаго короля Карла VII и герцога бургундскаго. 40 т. войскъ арманьякской партіи, подъ предводительствомъ дофина и подъ нимъ графа арманьякскаго, Даммартеня и Сансерра, двинулись (въ 1444 г.) на помощь австрійцамъ въ Швейцарію. На пути туда къ нимъ присоединились 8 т. англичанъ и 4 т. нѣмцовъ. Подступивъ къ Базелю, дофинъ расположился съ главными силами на горахъ противъ этого города, а Даммартеня и Сансерра съ 10 т. войскъ выдвинулъ впередъ къ Мутену и Праттельну. Базель просилъ помощи у союзныхъ кантоновъ, которые и послали сначала въ Листаль 1,300 чел. только для развѣдыванія. Увлеченный своею запальчивостью, отрядъ этотъ напалъ на Даммартеня, опрокинулъ его на Сансерра, а потомъ обоихъ вмѣстѣ на главные силы дофина, вступилъ съ ними въ бой, былъ окруженъ, пробился до кладбища Св. Якова и большею частію погибъ на немъ геройскою смертію (28 октября 1444 года). Этотъ подвигъ горсти швейцарцовъ имѣлъ слѣдствіемъ то, что дофинъ, потерявъ въ бою около 8 т. войскъ, три дня спустя отступилъ въ Эльзасъ и Зундгау. Союзники продолжали съ успѣхомъ вести войну съ австрійцами, неоднократно поражали ихъ и принудили наконецъ (въ 1447 г.) заключить миръ.

§ 126.

Война швейцарцовъ съ бургундцами (1474—1478).

То, что выше сказано было о войнахъ швейцарцовъ съ австрійцами, вполне относится и къ войнѣ ихъ съ бургундцами. Война эта чрезвычайно замѣчательна въ томъ отношеніи, что швейцарцы, угрожаемые такимъ сильнымъ и опаснымъ противникомъ, какъ Карлъ Смѣлый, герцогъ бургундскій, умѣли однако отразить нападеніе его и дважды разбили на голову втрое превосходящія числомъ и отлично устроенныя тактически войска, которыя онъ двинулъ на покореніе Швейцаріи. Въ этомъ случаѣ, къ причинамъ успѣховъ швейцарцовъ въ прежнихъ войнахъ съ австрійцами, присоединились неблагоразумныя, неосторожныя и ошибочныя распоряженія самаго Карла Смѣлаго, вполне развѣвшееся и усовершенствованное военное устройство швейцарцовъ, особенно ихъ пѣхоты, наконецъ—пріобрѣтенныя ими въ продолжительныхъ, удачныхъ войнахъ съ австрійцами военная опытность и самоувѣренность. Что же касается до самой войны, то она ограничилась удачными военными дѣйствіями швейцарцовъ въ верхней Бургундіи, Ваадтѣ и Валлисѣ въ 1474—1475 годахъ, пока Карлъ Смѣлый готовился къ внесенію войны въ Швейцарію,—двукратнымъ пораженіемъ его швейцарцами въ 1476 г. въ сраженіяхъ при Грансонѣ и Муртенѣ, при первомъ движеніи его въ Швейцарію,—и наконецъ въ 1477 г.—военными дѣйствіями въ герцогствѣ лотарингскомъ, гдѣ при осадѣ Нанси Карлъ Смѣлый былъ снова разбитъ соединенными швейцарцами и лотарингцами и самъ лишился въ бою жизни. Такимъ образомъ война была рѣшена троекратнымъ боемъ и пораженіемъ Карла Смѣлаго.

Въ частности же военныя дѣйствія заключались въ слѣдующемъ:

Въ ноябрѣ 1474 г. 18 т. швейцарцовъ и швабскихъ рыцарей осадили Герикуръ въ графствѣ бургундскомъ, не снимая осады пошли на встрѣчу бургундскимъ войскамъ, двинувшимся на освобожденіе Герикюра въ числѣ 5 т. со стороны Безансона, разбили ихъ и принудили Герикуръ сдаться. Въ 1475 г. швейцарцы произвели нѣсколько удачныхъ предпріятій противъ верхней Бургундіи, овладѣли городами Понтарліе, Орбъ, Грансономъ, Бламономъ и нѣкоторыми укрѣпленными замками, съ другой стороны овладѣли Мудономъ, главнымъ городомъ Ваадта, и нѣсколькими городами и замками въ послѣднемъ, а жители Валлиса отразили превосходныя числомъ вой-

ска союзнаго съ Карломъ Смѣлымъ герцога савойскаго и овладѣли краемъ до Женевскаго озера и С-тъ-Бернарда.

Наконецъ въ 1476 г. Карлъ Смѣлый кончилъ свои военныя приготовления и съ 70 т. войскъ двинулся отъ Нанси на Везуль и Безансонъ черезъ р. Дубъ (Doubs), намѣреваясь перейти черезъ горный хребетъ Юры и, соединясь въ Ваадтѣ съ савойскими и миланскими вспомогательными войсками, вступить въ Швейцарію. Графъ Шатогюйонъ (Chateauguon), ведшій 12 т. передовыхъ войскъ его, былъ удержанъ берницами въ горномъ проходѣ Ле-Веррьеръ (Les Verrières), на пути къ Понтарліе, и принужденъ искать прохода черезъ С.-Пьеръ и Жуный (Jougnes), откуда слѣдовалъ на Орбъ и Линьероль. Карлъ Смѣлый съ главными силами шелъ за нимъ тѣмъ же путемъ и, употребивъ 12 дней на переходъ черезъ горы и сосредоточеніе своей арміи, подступилъ къ Грансону и осадилъ этотъ городъ. Слабый швейцарскій гарнизонъ послѣдняго (1,000—1,200 чел.) держался упорно, но наконецъ былъ принужденъ сдаться и преданъ вѣроломнымъ образомъ смерти. Въ это время швейцарцы собирались при Муртенѣ: строгое приказаніе не вступать съ бургундцами въ бой прежде совершеннаго сбора союзныхъ контингентовъ не позволило предупредить паденія Грансона и истребленія его гарнизона. Коль же скоро швейцарцы собрались въ числѣ 20 т. чел. подъ предводительствомъ шультгейсса Никласа Шарнаталля, то и двинулись черезъ Нѣшатель къ Грансону, въ намѣреніи вступить съ Карломъ Смѣлымъ въ бой, не смотря на то, что были вдвое слабѣе. Въ то же самое время и армія Карла Смѣлаго двинулась отъ Грансона къ Нѣшателю. На половинѣ пути оба войска встрѣтились и въ происшедшемъ здѣсь сраженіи (3 марта 1476 г.) швейцарская пѣхота не только отразила всѣ нападенія бургундской конницы, но сама атаковала и опрокинула ее, затѣмъ бросилась на многочисленную бургундскую артиллерію и овладѣла ею, равно всѣмъ бургундскимъ лагеремъ, огромнымъ количествомъ огнестрѣльнаго и бѣлаго оружія и пр. Пораженіе бургундцевъ было полное и совершенное, и имѣло слѣдствіемъ то, что Спцилія, Савоія и Миланъ отложились отъ союза съ Карломъ Смѣлымъ. Но 8 дней спустя послѣдній собралъ уже при Нозеруа (Nozeroy) 68 т. войскъ, двинулся къ Муртену и осадилъ этотъ городъ. Между тѣмъ какъ гарнизонъ его оборонялся упорно, 30 т. чел. швейцарской пѣхоты (изъ которыхъ 4 т. чел. были вооружены пиками, 16 т. аллебардами, сѣкпрами и боевыми мечами, а 3 т. аркебузами и арбалетами) и 4 т. чел. конницы, большею частію австрійцевъ, жителей Страсбурга, рейнскихъ земель, Тироля и проч., всего 34 т. войскъ, собрались при Ульмицѣ, въ сторонѣ отъ дороги, ведшихъ изъ Муртена

въ Бернъ и Аарбергъ, и двинувшись оттуда къ Муртену, напали на правое крыло бургундской арміи, разбили сначала его, потомъ центръ, а наконецъ, вмѣстѣ съ гарнизономъ Муртена, и лѣвое крыло. Бургундцы потеряли 16 т. чел. убитыми, 10 т. потонувшими въ озерѣ, 200 орудій, весь лагерь и проч. Побѣдители не преслѣдовали побѣжденных и отправивъ 12 т. войскъ для опустошенія Ваадта, Женевской области и Савоіи, возвратились въ свои земли.

Карлъ Смѣлый сталъ снова готовиться къ войнѣ, собралъ новое войско и предложилъ швейцарцамъ выгодный миръ. Но швейцарцы, заключившіе уже союзъ съ Франціей, Австріей, герцогомъ лотарингскимъ и нѣкоторыми другими владѣтелями, не хотѣли заключать отдѣльнаго мира съ Карломъ Смѣлымъ и послали 8 т. вспомогательныхъ войскъ герцогу лотарингскому, когда Карлъ обратилъ всѣ свои силы тротивъ него (1477) и осадилъ главный городъ его Нанси. Герцогъ лотарингскій пошелъ съ 19 т. своихъ и швейцарскихъ войскъ на освобожденіе Нанси черезъ Кольмаръ, Шлетштадтъ и Люневиль. Въ происшедшемъ близъ Нанси сраженіи бургундское войско было разбито, а самъ Карлъ Смѣлый убитъ. Затѣмъ въ 1478 году швейцарцы заключили миръ съ дочерью Карла Смѣлаго Марією бургундскою и супругомъ ея, эрцгерцогомъ Максимилианомъ австрійскимъ, уступивъ за 150 т. гульденовъ права свои на верхнюю Бургундію.

III.

Войны гуситовъ (1420—1434).

§ 127.

Войны гуситовъ при Жижкѣ (1420—1424).

Констанцскій соборъ (1414—1418), прекративъ великій расколъ римской церкви и западной Европы и восстановивъ въ нихъ единство, породилъ вмѣсто того другой, новый расколъ въ Чехіи—сожженіемъ на кострѣ (1415), какъ еретика, чешскаго богослова Гуса. Ректоръ Пражскаго университета, магистръ Янъ (Іоаннъ) Гусъ или Гусъ изъ Гусинца, принялъ многое изъ осужденнаго церковью

ученія англійскаго богослова XIV вѣка Виллема, возставшаго противъ устройства и ученія римской церкви. Гусъ имѣлъ въ Чехіи множество приверженцовъ между чехами. Жестокая казнь его оскорбила религіозное чувство и народную честь ихъ, возбудила въ нихъ непріязнь къ власти церкви въ лицѣ папъ и государства въ лицѣ Сигизмунда, императора германскаго и короля венгерскаго, котораго они считали виновникомъ казни Гуса, и усилила въ нихъ племенную непріязнь къ нѣмцамъ и стремленіе къ религіозной и политической независимости. Въ 1419 г. они взяли за оружіе и подъ предводительствомъ высокодаровитаго вождя своего, Яна (Іоанна) Жижки, дворянина-рыцаря изъ Трочнава, а по смерти его (1424) — образовавшихся по примѣру его, вождей своихъ — Прокопія и др., 15 лѣтъ оружіемъ отстаивали свою вѣру и независимость съ такими: энергіей, искусствомъ и успѣхомъ, но и жестокостью, что наконецъ принудили церковь и государство примириться съ ними. Поэтому войны ихъ принадлежатъ къ числу замѣчательнѣйшихъ, но и самыхъ жестокихъ этого періода времени, искусствомъ же и успѣхами своими онѣ были обязаны преимущественно Жижкѣ и, по смерти его, вождямъ его школы. Обратимся сначала къ войнамъ ихъ при жизни Жижки.

Въ самомъ началѣ, тотчасъ послѣ казни Гуса, съ обѣихъ сторонъ — гуситовъ и ихъ противниковъ въ Чехіи и на Констанцскомъ соборѣ — начался взаимныя непріязненные дѣйствія, пока еще не силою оружія, но всякаго рода насильственными мѣрами, со стороны гуситовъ въ Чехіи — гоненіями противъ католиковъ и ихъ церквей и монастырей и имѣній, со стороны собора — сожженіемъ ревностнѣйшаго приверженца Гуса, Іеронима пражскаго и разными строгими церковными мѣрами. Между тѣмъ и въ средѣ собора, и въ Чехіи и Моравіи произошелъ расколъ, и въ пользу реформы, и противъ нея. Самъ чешскій король Вѣнцеславъ съ женою и дворомъ своимъ сталъ на сторону народа; но когда братъ его Сигизмундъ сталъ угрожать ему оружіемъ, онъ согласился на его требованія въ пользу собора. Недовольные тѣмъ гуситы начали собираться для своего богослуженія на горахъ, которымъ давали библейскія названія (Фаворъ, Хоривъ и т. п.). Въ главѣ гуситскаго народнаго движенія были монахи-священники Янъ изъ Желива и мірянинъ Николай изъ родины Гуса — Гусинца. Изъ нихъ второй, изгнанный Вѣнцеславомъ изъ Праги, удалился въ Бехинскую область, 22 іюля 1419 г. собралъ близъ Бехина на горѣ, названной Фаворомъ, до 42 т. вооруженныхъ гуситовъ изъ Чехіи и Моравіи, и началъ принимать мѣры для защиты гуситской вѣры. А Янъ желивскій въ Прагѣ повелъ духовную процессію къ ратушѣ въ Новомъ городѣ и потребовалъ

освобожденія заключенныхъ гуситовъ. Вслѣдствіе отказа въ томъ, народъ, предводимый Жижкой, ворвался въ ратушу и выбросилъ изъ оконъ 10 чел., найденныхъ въ ней. Вѣнецславъ, находившійся въ загородномъ замкѣ близъ Праги, при вѣстп объ этомъ предался такому гнѣву, что вскорѣ (16 августа 1419 г.) умеръ отъ апоплексическаго удара. Въ Прагѣ же и другихъ городахъ народъ воздвигъ жестокое гоненіе противъ католиковъ, и прежній сеймъ просилъ наслѣдника Вѣнецслава, Сигизмунда, поспѣшить прибытіемъ. Но онъ, занятый въ Венгріи войною противъ турокъ, до своего прибытія назначилъ намѣстницею свою вдову Вѣнецслава Софію, а совѣтникомъ при ней пана Ченка изъ Варгенберга. Предводители же горныхъ собраній гуситовъ были такъ враждебно расположены противъ Сигизмунда, что 10 ноября 1419 г. съ многочисленнымъ вооруженнымъ народомъ, подъ предводительствомъ Николая изъ Гусица и Яна Жижки, двинулись къ Прагѣ, ворвались въ нее и весь день и всю ночь бились съ войсками королевы, бѣжавшей въ загородный замокъ. Но наконецъ они заключили перемиріе до дня св. Георгія въ 1420 г., уступивъ Вышеградъ королевѣ, а войска ея вышли изъ Праги.

Въ декабрѣ 1419 г. Сигизмундъ, прибывъ изъ Венгріи въ Брюнъ (Брюнъ), вошелъ въ переговоры съ гуситами и пражанами, обѣщавъ имъ все, но отправился не въ Чехію, а въ Силезію—со бирать войска противъ нихъ. Въ надеждѣ на это, паны—приверженцы Сигизмунда и противники гуситовъ—стали жестоко поступать съ ними въ Прагѣ и другихъ городахъ. Озлобленные этимъ, предводители гуситовъ удалились, Николай—на Зеленую или Элеонскую гору, откуда однако былъ прогнанъ панами; а Жижка—въ Пильзенъ, гдѣ утвердился и отбился отъ нихъ. А нѣкоторые гуситы утвердились въ пустомъ городищѣ на горѣ Таборѣ (Tabor) и устроили на ней новый, деревянный укрѣпленный городъ Таборъ. Жижка, будучи стѣсненъ въ Пильзенѣ панами, заключилъ съ ними перемиріе, отправился съ своими войсками въ Таборъ и на пути туда, два раза атакованный приверженцами Сигизмунда, разбилъ ихъ оба раза. Съ тѣхъ поръ Таборъ сдѣлался главнымъ средоточіемъ гуситовъ въ Чехіи и они, по имени его, стали называться таборитами. Здѣсь число ихъ все болѣе и болѣе возрастало, учреждено было религіозное и политическое общество и вооруженное возстаніе противъ Сигизмунда и его приверженцовъ въ Чехіи, и образовано войско съ 4-мя предводителями: Жижкой (главнымъ), Николаемъ изъ Гусица, Хваломъ изъ Жепицъ и Збининомъ изъ Бухова. (1420). Устройство этого войска изложено выше (§ 113).

Между тѣмъ Сигизмундъ собиралъ въ Вратиславѣ (Бреслау)

войска изъ Силезіи, Лужиць (Лузаціи), Моравіи и Венгріи, а папа Мартинъ V объявилъ крестовый походъ противъ гуситовъ и въ Сигизмунду привинули многіе нѣмцы изъ Германіи. Онъ созвалъ въ Вратиславѣ сеймъ имперскихъ князей и уговорился съ ними, чтобы они вторглись въ Чехію съ запада въ то время, когда онъ вступить въ нее съ сѣвера. А между тѣмъ онъ захватилъ въ Вратиславѣ нѣсколькихъ приверженцовъ ученія Гуса и казнилъ одного изъ нихъ, пражскаго мѣщанина Яна Краса.

Вѣсть объ этомъ еще болѣе раздражила гуситовъ противъ Сигизмунда. Ченекъ, возвратившійся изъ Вратислава, воззвалъ всѣхъ гуситовъ въ Чехіи къ общему возстанію противъ Сигизмунда и, занявъ Пражскій замокъ, осадилъ Вышеградъ. Воззваніе его возбудило возстаніе гуситовъ во многихъ мѣстахъ Чехіи, и въ отмщеніе за жестокости Сигизмунда и его приверженцовъ, и они предались такимъ же противъ дворянства и духовенства, церкви и монастырей, и замковъ и имѣній католиковъ въ Чехіи.

Таковы были событія въ ней съ 1416 г. до весны 1420 г. Религіозный и политическій расколъ, охвативъ всю Чехію, раздѣлилъ ее на двѣ, крайне враждебныя и ожесточенныя одна противъ другой стороны—гуситскую и католическую, изъ которыхъ къ первой принадлежалъ собственно народъ—городскія и сельскія сословія и часть дворянскаго, а ко второй—католическое духовенство и дворянство или паны, приверженцы Сигизмунда.

1-й крестовый походъ противъ чеховъ (1420). Въ исходѣ апрѣля Сигизмундъ съ многочисленнымъ войскомъ вступилъ изъ Силезіи въ Чехію къ Градцу королевскому (Кѣнигсгрець), который сдался ему, и затѣмъ къ Горѣ (городу у Кутной горы). На гуситовъ напалъ страхъ: Ченекъ даже сдалъ Сигизмунду Пражскій замокъ, и другіе гуситскіе паны стали покоряться съ своими войсками Сигизмунду. Пражане напали—было на Пражскій замокъ, но были отбиты съ урономъ и за то сожгли. Малую сторону Праги, Вышеградъ же осаждали безъ успѣха и со страху вошли въ переговоры съ Сигизмундомъ. Но высокомѣрныя требованія его заставили ихъ рѣшиться на оборону до послѣдней крайности и просить помощи таборитовъ. Жижка немедленно двинулся къ Прагѣ съ 9 т. войскъ, въ Пожичѣхъ на р. Сазавѣ разбилъ часть войска Сигизмунда, высланную для прегражденія пути таборитамъ, и вступилъ въ Прагу, гдѣ черезъ три дня къ нему присоединилсъ гуситскія войска изъ городовъ Слана, Лауна и Жатца (Затца). Тогда Сигизмундъ съ главными силами своего войска двинулся изъ Горы (города у Кутной горы) къ Прагѣ и расположился лагеремъ въ 2-хъ часахъ пути отъ нея у Литовицъ. Но когда гуситы двинулись изъ Праги, чтобы напасть на

него въ открытомъ полѣ, онъ сталъ отступать и наконецъ расположился у Збраславы, въ ожиданіи прибытія нѣмецкихъ крестовосцевъ изъ Германіи.

Между тѣмъ пражане осадили Пражскій замокъ, отрѣзали ему подвозы продовольствія и голодомъ довели гарнизонъ до крайности. Однако Сигизмунду удалось, помощью военной хитрости, снабдить его продовольствіемъ. Но онъ не успѣлъ взять Таборъ посланнымъ для того отрядомъ: гетманъ таборитовъ Николай, двинувшись изъ Праги противъ этого отряда, внезапно напалъ на него въ лагерѣ у Табора и разбилъ его такъ, что онъ принужденъ былъ бѣжать съ урономъ.

Наконецъ, въ исходѣ іюня, изъ Германіи прибыло многочисленное (до 100 т. чел.) нѣмецкое крестовое войско, подъ предводительствомъ трехъ духовныхъ курфирстовъ, пфальцскаго курфирста, маркграфа Фридриха Гогенцоллерна бренденбургскаго, трехъ баварскихъ герцоговъ, двухъ мпшенскихъ (мейсенскихъ) маркграфовъ, а позже и молодаго герцога Албрехта V австрійскаго. По присоединеніи ихъ, Сигизмундъ 30 іюня въѣхалъ торжественно въ Пражскій замокъ, а союзное войско расположилось на поляхъ отъ замка до королевскихъ садовъ на лѣвомъ берегу Влтавы. Такъ-какъ Пражскій замокъ и Вышеградъ были въ рукахъ Сигизмунда, то оборона Праги должна была ограничиваться предѣлами Старого и большей части Нового городовъ. Только башни на мосту Малой стороны препятствовали приступу къ нему; Новый же городъ, кромѣ части его ниже Вышеграда, былъ окруженъ валомъ для защиты отъ нападеній гарнизона этого послѣдняго. Не смотря на все это, Жишка окружилъ валомъ Виткову гору къ западу отъ Праги (прозванную съ тѣхъ поръ Жишковой горою, Ziskasberg), дабы отрѣзать подвозы продовольствія, и тѣмъ стѣснилъ войска Сигизмунда на лѣвой сторонѣ Влтавы.

Двѣ недѣли по вступленіи Сигизмунда въ Пражскій замокъ прошли въ однѣхъ неважныхъ стычкахъ. Въ это время гуситы въ Прагѣ составили 4 основные пункта своего исповѣданія и мирныхъ условій, и послали ихъ папскому легату при крестовомъ войскѣ, но отвѣтъ его не привелъ къ миру. 14 же іюля союзное войско предпріяло общее нападеніе въ одно время на окопы Малой стороны, на Новый городъ изъ Вышеграда и главными силами на Виткову гору. Сверхъ того, сильный отрядъ нѣмецкихъ войскъ переправился за Влтаву на Шпитальное поле. Мейсенская и тюрингенская конница, въ числѣ 7 или 8 т. чел., вступила въ бой на Витковой горѣ. Въ этомъ упорномъ и кровопролитномъ бою, на ряду съ таборитами сражались и ихъ жены. Но наконецъ побѣда осталась

на сторонѣ таборитовъ, получившихъ подвѣрженіе изъ города, ближайшія ворота котораго все время оставались отворенными. Нѣмецкая конница была опрокинута съ крутаго ската горы на Шпитальное поле и преслѣдована до самой Влтавы, потерявъ многихъ убитыми или утонувшими въ рѣкѣ, и нападеніе на Прагу въ этотъ день осталось безъ всякаго успѣха. Это повергло Сигизмунда въ уныніе, а войска его въ страхъ, такъ что нѣмецкіе князья уже не хотѣли болѣе вступать во второе сраженіе. Въ лагерѣ Сигизмунда было назначено собраніе для обсужденія 4-хъ пражскихъ пунктовъ или положеній, но это не имѣло никакого успѣха, даже произошли раздоры между осаждавшими. Среди этого смятенія, Сигизмундъ 28 іюля корновался королевской короной въ церкви Св. Вита въ Вышеградѣ и, распустивъ войско крестоносцовъ, безъ всякаго успѣха отступилъ отъ Праги къ Кутной горѣ. Съ этого времени онъ началъ самовластно и незаконно раздавать чешскія коронныя сокровища, церковныя драгоценности, коронныя и духовныя имѣнія и пр. Пражане съ своей стороны, въ отмщеніе, завладѣли всѣми домами и имѣніями горожанъ (особенно нѣмцовъ), повинувшихъ Прагу, и обратили ихъ въ пользу народа. Такимъ образомъ однимъ ударомъ уничтожено было 200-лѣтнее господство нѣмцовъ и разорвана связь между королемъ и народомъ. Табориты начали разрушать монастыри въ Прагѣ и окрестностяхъ, но это произвело неудовольствіе въ средѣ пражанъ, и Жижка, для предупрежденія еще большихъ раздоровъ, вышелъ изъ Праги съ главными силами таборитовъ въ южныя области, гдѣ взялъ (въ октябрѣ) многіе города и разбилъ многіхъ противниковъ. Пражане же осадили Вышеградъ съ помощію прибывшихъ къ нимъ пановъ — утравкистовъ (т. е. принимавшихъ причащеніе подѣ обоими видами). Тщетно старался Сигизмундъ снабдить Вышеградъ продовольствіемъ и, не успѣвъ въ этомъ, приказалъ жечь и грабить имѣнія пановъ — утравкистовъ. Когда же къ нему прибыло войско изъ Моравіи, онъ двинулся отъ Кутной горы съ 20 т. войскъ противъ осаждавшихъ Вышеградъ и 1 ноября вступилъ съ ними въ битву подѣ самымъ Вышеградомъ, на равнинѣ близъ церкви св. Панкратія. Но гарнизонъ Вышеграда уже былъ принужденъ голодомъ заключить договоръ — не помогать Сигизмунду въ битвѣ — и послѣдній былъ снова разбитъ и въ смятеніи отступилъ въ Гору. Вышеградъ въ тотъ же день сдался на капитуляцію и стѣны его противъ Нового города, равно и дворецъ, церкви и др. древніе памятники Чешской славы — были разрушены.

Такимъ образомъ Сигизмундъ не имѣлъ въ этомъ походѣ никакого успѣха, а побѣда надъ нимъ еще болѣе ободрила пражанъ и

таборитовъ, и обѣ стороны предались многимъ жестокостямъ одна противъ другой, еще болѣе раздражившихъ ихъ обоюдно.

Сигизмундъ сталъ снова собирать войско на Кутной горѣ и потомъ въ Литомежицахъ (Лейтмерицѣ). Это войско грабило и разоряло имѣнія таборитскихъ пановъ, убивало и жгло жителей и проч. Между тѣмъ Жишка въ январѣ 1421 г. двинулся въ Пильзень и тамъ осаждалъ и бралъ укрѣпленные монастыри, замки и города. Сигизмундъ двинулся противъ него, призвавъ на помощь баварскихъ герцоговъ. Жишка, оставивъ во взятыхъ укрѣпленныхъ пунктахъ гарнизоны, поспѣшилъ на Эворъ, чтобы собрать войска, и призывалъ пражанъ на помощь. Они прислали ему 7 т. чел., которые, соединясь съ нимъ у Добжиша, двинулись чрезъ Рокицаны противъ Сигизмунда, осаждавшаго Кладрубы. Но онъ, не выждавъ прибытія ихъ, распустилъ свое войско, отправился въ Литомежицы, потомъ въ Гору и наконецъ въ мартѣ въ Моравію, а оттуда черезъ три недѣли въ Венгрію. Жишка же и пражане осадили Пильзень и черезъ 4 недѣли, заключивъ перемиріе, двинулись къ сѣвернымъ границамъ, обложили и взяли нѣмецкій городъ Хомотовъ (Коммотау), произведя большое кровопролитіе; затѣмъ воротились въ Прагу и 1 апрѣля силою взяли Бераунъ. Подавивъ возстаніе въ западной Чехіи, они приготовились къ большому походу въ восточную и подъ предводительствомъ Гинка Крушины изъ Лихтенбурга заняли сдавшійся имъ гор. Мелникъ, взяли приступомъ гор. Чешскій бродъ, истребивъ въ немъ многихъ жителей; другіе города и монастыри сдались имъ и послѣдніе были сожжены. Дворянство партіи утравкистовъ стало присоединяться къ нимъ; пражане и табориты готовились вторгнуться въ Моравію; но сословія ея отклонили это договоромъ объ общемъ сеймѣ въ Чаславѣ 1 июня того же 1421 года. Послѣ того пражане и табориты взяли Яроміръ, Краледворъ, Трутновъ и Литомежицы. А по возвращеніи пражанъ въ Прагу, гарнизонъ королевскаго замка былъ принужденъ голодомъ къ сдачѣ.

2-й крестовый походъ противъ чеховъ (1421). Когда такимъ образомъ защитники народа въ Чехіи одержали побѣду надъ королевскою стороною, Сигизмундъ былъ занятъ защитою Венгріи отъ турокъ. Имперскіе же князья на сеймахъ въ Нюрнбергѣ и потомъ на Рейнѣ въ Вестфаліи рѣшили предпринять новый походъ въ Чехію въ концѣ августа 1421 г., когда и Сигизмундъ обѣщалъ вступить въ нее съ юга.

Князья и сословія Силезіи, надѣясь на помощь нѣмцовъ, собрали около 20 т. войскъ и, вторгнувшись въ Чехію, совершили въ ней большія жестокости надъ безоружными жителями. Чехи же и моравы на сеймѣ въ Чаславѣ признали 4 основныя пункта положеній,

а чехи отдѣльно — не признавать Сигизмунда королемъ и до избранія новаго короля назначили земскихъ владарей: 20 изъ дворянства, 3 изъ пражанъ, 4 главнѣйшихъ горожанъ и изъ таборитовъ Жижку (всего 28 чел.), а для устройства церковныхъ дѣлъ пражскій архіепископъ Конрадъ долженъ былъ собрать сеймъ или синодъ духовенства. Противъ силезцовъ у Находа было собрано ополченіе, которое осадило нѣмецкій гор. Браушовъ; когда же силезскіе князья сдались, осада эта была снята и ополченіе разошлось.

Тотчасъ по окончаніи Чаславскаго сейма, пражане съ войскомъ вступили въ Литомежицъ, взяли и частію сожгли монастыри въ Доксанахъ, Теплицѣ и Осекѣ, взяли Духцовъ и Билины и осадили укрѣпленный королевскій замокъ надъ мостомъ. Тутъ, когда они не сохраняли строгаго порядка между собою, они были разбиты маркграфомъ мейсенскимъ, прибывшимъ на помощь замку съ католическими панями, и съ урономъ обратились въ бѣгство. А незадолго передъ этимъ Жижка, уже потерявшій въ бою одинъ глазъ, при вторичномъ взятіи крѣпости Раби лишился отъ выстрѣла другаго глаза, однако, хотя и совершенно слѣпой, не переставалъ предводительствовать чешскимъ войскомъ. Пробывъ нѣсколько времени въ Прагѣ для леченія раны, онъ сталъ въ главѣ новаго войска, которое опять было послано пражанами въ походъ вскорѣ послѣ пораженія при Билинѣ. По приближеніи его къ Лаунамъ, мейсенцы тотчасъ отступили.

Въ половинѣ августа 1421 года новое войско нѣмецкихъ крестоносцовъ стало подходить изъ Германіи къ чешскимъ границамъ у Хеба (Эгера). Тогда на чешскомъ сеймѣ, на Кутной горѣ, было положено, чтобы всѣ, готовые снова напасть на непріятеля, собрались у Чешскаго Брода и чтобы литовскій великій князь Витольдъ, племянникъ польскаго короля Владислава Ягелла, былъ признанъ королемъ чешскимъ. Въ Лигву было отправлено посольство, но на пути въ Силезію схвачено и отдано во власть Сигизмунда.

Еще до окончанія сейма въ Чешскомъ Бродѣ, войско нѣмецкихъ крестоносцовъ, въ числѣ до 200 тыс. чел., перешло у Хеба черезъ чешскую границу. Предводителями его были 5 курфирстовъ, архіепископы майнцскій, кельнскій и трирскій, пфальцграфъ рейнскій и маркграфъ Фридрихъ бранденбургскій, съ большимъ числомъ другихъ нѣмецкихъ князей. Разоряя край на пути, они сначала осадили гор. Жатець (Заатцъ), но жители его и окрестностей обороняли городъ храбро и упорно. Когда же, по прошествіи 2-хъ недѣль, крестоносцы еще не получили извѣстія о вступленіи Сигизмунда въ Чехію, но узнали, что Жижка съ войскомъ шель отъ Слана къ Жат-

ду, то, боясь вступитъ съ нимъ въ бой, съ большимъ стыдомъ отступили и распустили свое войско.

Сигизмундъ опоздалъ потому что 1) находился въ верхней Венгріи, гдѣ готовился къ войнѣ противъ турокъ, и 2) сносился съ польскимъ королемъ, котораго старался отвлечь отъ чеховъ къ себѣ. Только по отступленіи крестоносцовъ изъ Чехіи вступилъ онъ въ Моравію, съ войскомъ въ числѣ до 92 т. чел., собранныхъ со всей Венгріи и усиленныхъ войсками австрійскаго герцога Албрехта V. Главнымъ полководцемъ (фельдгауптманномъ) у него былъ флорентинецъ Пипа, котораго онъ принялъ въ свою службу.

Между тѣмъ въ Чехіи приготовленія къ оборонѣ продолжались очень долго, вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ. По отступленіи вѣмцовъ отъ Жатца, Жижка воротился въ Таборъ и оттуда двинулся противъ жителей Пильзена, осаждавшихъ гор. Красиковъ, прогналъ ихъ, но, не могши противиться въ открытомъ полѣ двинувшемуся противъ него Генриху изъ Пловно, отступилъ, окруживъ себя обозомъ, на гору Владоръ у Жлутницъ (Лудецъ), гдѣ занялъ очень крѣпкую позицію и, послѣ 3-хъ-дневнаго сопротивленія непріятелю, который былъ принужденъ отступить, воротился въ Жатецъ.

Въ это самое время, когда необходимѣе всего было собрать всѣ военныя силы Чехіи противъ Сигизмунда, въ Прагѣ произошли важныя смуты и беспорядки. Въ продолженіи ихъ, пражане отправили свои войска въ лагеря у Кутной горы и Часлава. Но когда многіе чешскіе дворяне, недовольные самоуправствомъ пражанъ, отправились къ Сигизмунду въ Иглаву (Иглау) въ Моравію, откуда онъ уже готовился вступить въ Чехію, пражане, видя свое безсиліе противиться ему, воротили войска свои изъ Часлава и просили Жижку, таборитовъ и бывшихъ на ихъ сторонѣ пановъ присоединиться къ нимъ съ своими войсками. По ихъ просьбѣ, Жижка пріѣхалъ въ Прагу и, устроивъ все, что было нужно, 8 декабря 1421 г. двинулся къ Горѣ и укрѣпилъ также Чаславъ. 18 декабря Сигизмундъ перешелъ черезъ границу и быстро двинулся къ Кутной горѣ. Жижка, выступивъ съ главными силами въ поле, тотчасъ былъ окруженъ превосходнымъ въ числѣ войскомъ Сигизмунда, такъ что 2 дня могъ защищаться только за обозомъ на горѣ Канкѣ. Между тѣмъ Гора сдалась Сигизмунду вслѣдствіе измѣны, при чемъ съ жителями, державшимися народной стороны, было поступлено жестоко. Жижка же успѣлъ ночью пробиться сквозь войска Сигизмунда и отступить къ Колину (22 декабря). Замѣтивъ недостатокъ силъ на сторонѣ чеховъ, онъ обратился къ Гичину и Турнову и сталъ сзывать туда вооруженный народъ. Узнавъ, что Сигизмундъ

безпечно оставался въ Горѣ, празднуя Рождество Христово, Жижка быстро двинулся туда и внезапнымъ нападеніемъ на передовое венгерское войско произвелъ такую тревогу и страхъ, что Сигизмундъ, зажегши Гору и взявъ съ собою католическихъ жителей ея, боявшихся оставаться въ ней, въ безпорядкѣ отступилъ къ границамъ Моравіи. Жижка быстро преслѣдовалъ его и два раза разбилъ войска его, сначала у Габерь, гдѣ Сигизмундъ и Пипа хотѣли сопротивляться, а потомъ у Нѣмецкаго Брода, гдѣ, кромѣ потери людей и снарядовъ, нѣсколько сотъ чел. вонницы Сигизмунда провалились подъ ледъ на р. Сазавѣ (8 января 1422 года). Въ этихъ двухъ сраженіяхъ Сигизмундъ потерялъ до 12 т. войскъ. Чехи же завершили свою побѣду взятіемъ Нѣмецкаго Брода, который былъ такъ опустошенъ, что цѣлыхъ 7 лѣтъ оставался безъ жителей. При разбѣгѣ плѣнныхъ, чехи добились, чтобы посольство ихъ было отпущено въ Литву.

Такимъ образомъ и 2-й крестовый походъ многочисленныхъ армій Сигизмунда и нѣмцовъ въ Чехію, какъ и 1-й, кончился постыдною неудачей ихъ и полнымъ торжествомъ чеховъ, причинами чего несомнѣнно были высокія дарованія и искусство Жижки, страхъ, внушаемый имъ Сигизмунду и нѣмцамъ и неудовлетворительные составъ и устройство армій ихъ.

Послѣ 2-го похода прошло много времени, а Сигизмунду все не удавалось предпринять новый походъ съ такими же большими силами. Между чешскими же партіями снова возникли раздоры, смуты и междуусобія, какъ изъ-за религіознаго раскола, такъ и изъ-за честолюбивыхъ и корыстолюбивыхъ стремленій отдѣльныхъ лицъ. Средоточіемъ этихъ распрій и безпорядковъ по прежнему была Прага. А между тѣмъ Витольдъ литовскій согласился наконецъ быть чешскимъ королемъ и назначилъ своимъ временнымъ намѣстникомъ племянника своего, сына Корибутова, Сигизмунда. Послѣдній, съ позволенія Владислава польскаго, набралъ въ Краковѣ около 5 т. польскихъ войскъ и двинулся съ нимъ на помощь чехамъ, сначала въ Моравію, гдѣ взялъ гор. Учиновъ, а король Сигизмундъ отступилъ передъ нимъ въ Венгрію. Затѣмъ Сигизмундъ Корибутовичъ вступилъ въ Чехію, на сеймѣ въ Чаславѣ былъ принятъ какъ намѣстникъ Витольда, 16 мая 1422 г. прибылъ въ Прагу и вступилъ въ управленіе. Болѣе многочисленная, умѣренная и миролюбивая партія, къ которой присоединился и Жижка, получила перевѣсъ, но противная ей партія продолжала свои раздоры съ нею и между собою.

Сигизмундъ Корибутовичъ, какъ только устроилъ дѣла въ Прагѣ, предпринялъ съ пражанами и поляками осаду замка Карл-

штейна, который былъ населенъ его вассалами и наемниками короля Сигизмунда и служилъ главною защитой могущественнаго ландфрѣда Пильзенскаго противъ Праги. Во время этой осады, король Сигизмундъ былъ на сеймѣ имперскихъ князей въ Нюрнбергѣ, гдѣ положено было вести непрерывную войну съ гуситами и въ томъ же году предпринять новый походъ въ Чехію, подъ предводительствомъ маркграфа Фридриха бранденбургскаго. Но никто изъ имперскихъ князей, по причинѣ обычныхъ несогласій между ними, не явился въ назначенныя время и мѣсто на чешскихъ границахъ — и король Сигизмундъ воротился въ Венгрію. Между тѣмъ въ Прагѣ снова произошли безпорядки и даже бунтъ черни. Сигизмундъ Корибутовичъ побѣдѣшилъ въ Прагу и возстановилъ порядокъ, казнивъ виновныхъ.

Вскорѣ послѣ того Фридрихъ бранденбургскій вступилъ наконецъ въ Чехію и подступилъ къ Тахову, но съ такими незначительными силами, что ничего не могъ сдѣлать. Только вслѣдствіе переговоровъ между нимъ и чешскими католическими панамъ съ одной стороны и Сигизмундомъ Корибутовичемъ и панамъ-утраквистами съ другой, заключено было перемиріе на годъ съ защитниками Карлштейна и осада его кончилась ничѣмъ. Когда затѣмъ между панамъ-утраквистами и Жижкой возникла несогласія, то королю Сигизмунду, напротивъ, удалось прекратить всѣ свои споры съ Витольдомъ литовскимъ и Владиславомъ польскимъ, и первый изъ нихъ отказался отъ сношеній своихъ съ Чехіей и отозвалъ изъ нея Сигизмунда Корибутовича. Послѣдній неохотно покинулъ Прагу (24 декабря 1422 г.), и надѣясь измѣнить намѣреніе Витольда, обѣщавъ воротиться, передавъ власть панамъ-утраквистамъ Гашеку изъ Вальдштейна и Вилему (Вильгельму) Коствѣ изъ Пастуницъ. Но дружба ихъ съ королевскою партіей повела окончательно къ открытой войнѣ между пражанами и панамъ съ одной стороны и всѣми таборитами (къ которымъ присоединился и Жижка) съ другой. Въ союзъ послѣднихъ вошли города Таборъ, Писекъ, Водвань, Прахатица, Гораждовица, Сушица (Гюттенгофенъ), Даможлица (Таусъ) и Клатовъ (Клаттау), на югѣ Жатець (Заатць) и на сѣверѣ Лауны. Всѣ остальные же города утраквистовъ остались на сторонѣ пражанъ и пановъ, державшихъ въ рукахъ правительственную власть отъ имени ихъ и Сигизмунда Корибутовича.

Первая битва между этими двумя партіями произошла 27 апрѣля 1423 г. у Горпчъ на горѣ Св. Готарда, гдѣ Жижка на-голову разбилъ войско Ченка изъ Вартенберга и другихъ пановъ его партіи. Между тѣмъ пражане осадили таборитскую крѣпость Криженецъ близъ Вожицы, но Богусловъ изъ Швамберга освободилъ ее отъ

нпхъ. Тогда въ крѣпости Конопшта начались переговоры и, послѣ долгихъ совѣщаній о вѣрѣ, заключенъ былъ Вожицкій миръ.

Но въ это самое время чехамъ стала угрожать извнѣ новая и большая опасность. Владиславъ польскій и Витольдъ литовскій, по обѣщанію, данному папѣ Мартину V, уже съ весны 1423 г. готовились къ войнѣ противъ чеховъ, вмѣстѣ съ другими государями, даже отдаленныхъ странъ. Такъ датскій король пришелъ съ войскомъ, набраннымъ за моремъ, дабы участвовать въ новомъ крѣтовомъ походѣ. Однако окончательно союзъ этотъ не состоялся, какъ изъ-за обычныхъ несогласій между имперскими князьями въ Германіи, такъ и изъ-за нежеланія поляковъ сражаться съ своими братьями славянами—чехамп.

Когда страхъ нападенія вѣшнихъ враговъ прошелъ, чехи сами предприняли походъ въ Моравію, на помощь тамошнимъ утраквистамъ. Подъ предводительствомъ Дивинпа (Діонисія) Борека изъ Милетинка (Жижка не участвовалъ въ этомъ походѣ, не согласясь, кажется, на Конопштскій или Вожицкій миръ), они взяли Преровъ (Прерау) и въ битвѣ при Кромежицѣ разбили войско противниковъ своихъ. Между тѣмъ граждане Королевскаго Градца (Кенигсгреца) освободились отъ власти Борека, какъ бургграфа тамошняго замка, назначеннаго Сигизмундомъ Корибутовичемъ, присоединились къ таборитамъ и просили помощи Жижки. Борека тотчасъ воротился изъ Моравіи въ Чехію и двинулся къ Градцу. Но Жижка разбилъ его подъ самымъ этимъ городомъ (4 августа 1423 г.) и взялъ также Чаславъ, въ которомъ пражане потомъ тщетно осаждали его. Наконецъ было заключено перемиріе, во время котораго самъ Жижка вторгнулся чрезъ Иглаву (Иглау) въ Моравію и, нанеся въ ней большой вредъ противникамъ — въ Венгрію, гдѣ берегомъ р. Ваги проникъ далеко за Трновъ (Тирнау). Окруженный здѣсь многочисленнымъ венгерскимъ войскомъ, преимущественно коннымъ, онъ былъ принужденъ отступить и совершилъ это отступление весьма искусно и удачно въ 6 дней, прикрывшись своими военными повозкамп и нанеся немалый уронъ непріятелю.

Вскорѣ потомъ пражане и паны - утраквисты снова вошли въ переговоры съ партіей короля Сигизмунда, на общемъ сеймѣ въ Прагѣ (1-го ноября), о полномъ примиреніи. Положено было выслушать въ Брно (Брюнѣ), по вопросамъ вѣры, учителей и священниковъ обѣихъ религіозныхъ партій, по 6 съ каждой. Но этотъ соборъ не состоялся — и въ Чехіи снова возникли междуусобія и жестокія разоренія. 6 января 1424 г. Жижка уже разбилъ противниковъ у Скалицы, за Яромиромъ, и преслѣдовалъ остатки войскъ ихъ до самыхъ Гостина и Трнова. Весной пражане обложили его въ Кастель-

цѣ на Лабѣ (Эльбѣ), но онъ былъ освобожденъ Гинекомъ (Генрихомъ) Бочекомъ изъ Подебрада и началъ отступать мимо самой Кутной Горы, постоянно имѣя за собою пражанъ съ гораздо сильнѣйшимъ войскомъ. Наконецъ онъ занялъ сильную позицію у Малошова, гдѣ пражане настигли его. Расположась на вершинахъ высотъ, онъ не допустилъ пражанъ приблизиться къ нимъ, спустивъ на передовыхъ изъ нихъ тяжелыя повозки, наполненныя камнями, потомъ велѣлъ стрѣлять въ нихъ изъ пушекъ и наконецъ нанесъ имъ всѣми своими силами окончательное и рѣшительное поражение (7-го іюня 1424 г.), при чемъ пражанъ пало до 1,400 чел. и въ томъ числѣ 326 почетныхъ гражданъ. Затѣмъ Жижка овладѣлъ Гороу, Каурямомъ, Чешскимъ Бродомъ, Нимбрукомъ, и тогда уже рѣшился напасть на главныя силы католиковъ въ Пильзенѣ. Здѣсь однако слишкомъ малочисленное войско его оказалось недостаточнымъ для того и онъ былъ принужденъ снова воротиться въ Жатець (Заатцъ).

Въ томъ же году Владиславъ польскій и Витольдъ литовскій, послѣ свиданія съ королемъ Сигизмундомъ въ Краковѣ, объявили войну чехамъ. Владиславъ прежде всего хотѣлъ идти въ Моравію на помощь австрійскому герцогу Албрехту противъ тамошнихъ гуситовъ. Албрехтъ еще въ 1422 г. былъ обвинчанъ съ дочерью короля Сигизмунда, который провозгласилъ его при этомъ наслѣдникомъ чешскаго престола и отдалъ ему Моравію. Но сборъ польскаго войска былъ неудаченъ для Владислава, потому что многіе поляки поступили на службу Сигизмунда Корибутовича. Послѣдній воротился въ Чехію и снова былъ признанъ правителемъ ея (29 іюня 1424 г.). Вслѣдствіе того, Жижка двинулся изъ Жатца къ Прагѣ и расположился у Либна (Любена). Но посольство, отправленное къ нему отъ Сигизмунда Корибутовича и отъ пражанъ, 13 сентября заключило окончательный миръ. Тогда Жижка, вмѣстѣ съ Сигизмундомъ Корибутовичемъ, панамъ и пражанами предпринялъ общій походъ въ Моравію, но на пути туда, при осадѣ крѣпости Прибиславы, близъ границъ Моравіи, заболѣлъ и умеръ 11 октября 1424 г. Табориты, оплакавъ смерть своего великаго вождя, похоронили тѣло его въ Королевскомъ Градцѣ (Кенигсгрецѣ), откуда потомъ перенесли его въ Чаславъ.

Однако походъ въ Моравію продолжался и чехи взяли и заняли Требичь и Эванчичъ (Эйбешютцъ). Между тѣмъ въ Чехіи, между обѣими религіозными партіями снова начались переговоры о соглашеніи въ вѣрѣ — и снова не привели ни къ чему, а только повели къ раздѣленію самихъ таборитовъ. Тѣ, которые были единомысленны съ Жижкой, стали называться орфанитами или сиротами своего отца — Жижки и составили отдѣльное братство съ соб-

степенными гетманами. По возвращеніи изъ похода въ Моравію, старое и новое братства стали дѣлиться между собою городами, бывшими въ союзѣ съ ними. Изъ-за этого у нихъ произошли недоразумѣнія, но они скоро прекратились и замѣнились полнымъ согласіемъ. Средоточіемъ старыхъ таборитовъ остался Таборъ, а новыхъ стала Королевскій Градецъ, и первымъ главнымъ гетманомъ сиротъ былъ Кунешъ изъ Беловиць, а таборитовъ — Янъ Гвезда изъ Вице-мплицъ.

§ 128.

Войны гуситовъ по смерти Жижды (1425—1434).

Смерть Жижды и временныя несогласія между таборитами и орфанитами ободрила противную партію утравкистовъ, желавшую примиренія съ королемъ Сигизмундомъ и восстановленія порядка въ Чехіи. Вслѣдствіе того уже въ началѣ 1425 г. между обѣими партіями снова произошла жестокая и разорительная война, при чемъ партія пановъ - утравкистовъ состояла подъ предводительствомъ Сигизмунда Корибутовича. Табориты прежде всего взяли города: Литомышль (Лейтомышль), Мить, Градецъ (Вюншельбургъ) и Сланъ (Шлонъ), но безуспѣшно пытались овладѣть Прагой. Еще два замка и четыре крѣпости въ сѣверной Чехіи покорились имъ. Наконецъ они осадилъ и взяли Вожицу и здѣсь 18 октября 1425 года былъ заключенъ миръ.

Между тѣмъ король Сигизмундъ снова, но тщетно, старался пріобрѣсть себѣ помощь имперскихъ князей, и успѣлъ привлечь на службу себѣ только зятя своего, Албрехта австрійскаго, и маркграфа Фридриха мпшенскаго (мейсенскаго). Изъ нихъ первый уже во время осады Вожицы вторгнулся, вмѣстѣ съ королемъ Сигизмундомъ, въ Моравію и прежде всего пытался взять Требицу. Но пракапе, табориты и орфаниты, соединясь, прогнали его отъ Требицы, вторглись въ Австрію и взяли городъ Регецъ. Здѣсь гетманъ таборитовъ Богуславъ изъ Швамберга былъ смертельно раненъ и мѣсто его заступилъ Проконій Голый (holý, стриженный, бритая голова) или Старшій, знаменитѣйшій полководецъ таборитовъ, образовавшійся въ школѣ Жижды. Изъ гетмановъ же орфанитовъ прославился Кунша, Янъ Краловець, Веленъ и Проконій Младшій или Проконецъ.

Въ началѣ весны 1426 года чехи снова вторглись въ Моравію и овладѣли Брецлавомъ (Лунденбургомъ) близъ границъ Австріи. Но вскорѣ они обратилъсь многими отрядами въ сѣверную Чехію, гдѣ

*

оказали помощь тамошнимъ противникамъ Фридриха мишенскаго и взяли многіе города, занятыя имъ. Между тѣмъ совѣщанія имперскихъ князей на сеймѣ въ Нюрнбергѣ о новомъ походѣ въ Чехію снова кончились ничѣмъ. Только войска Фридриха мишенскаго и его союзниковъ въ Мишнѣ (Мейсенѣ), Саксоніи, Турингіи и другихъ мѣстахъ, въ числѣ болѣе 70 т. чел., вторглись чрезъ Крушныя-горы (Эрцгебирге) въ сѣверную Чехію, для освобожденія осажденнаго чехами города Аусты. Чехи также собрали здѣсь до 25 т. войскъ, подъ предводительствомъ Сигизмунда Корибутовича, Прокопія Гогола и другихъ гетмановъ. Передъ сильнымъ городомъ Аустой произошла (16 іюля 1426 г.) битва, кровопролитнѣйшая изъ всѣхъ бывшихъ въ этой войнѣ. Мейсенцы, полагаясь на число и силу своей конницы, ударили на обозъ чешскаго лагеря, на высотѣ при селеніи Предлицы, но были отражены, опрокинуты и преслѣдованы до самыхъ пограничныхъ горъ. Въ страшномъ взаимномъ ожесточеніи противники не щадили одни другихъ, и нѣмцовъ пало до 15 тыс. чел., въ томъ числѣ множество лучшаго саксонскаго и турингскаго дворянства. На другой день Ауста была взята и сожжена.

Пораженіе здѣсь нѣмцовъ навело такой страхъ на земли ихъ за горами къ сѣверу отъ Чехіи, что въ нихъ поспѣшно и усиленно начали принимать оборонительныя мѣры противъ вторженія чеховъ. Однако этого пока не случилось, вслѣдствіе новыхъ несогласій между чехами. Между тѣмъ Албрехтъ австрійскій безуспѣшно осаждалъ Брецлавъ въ Моравіи; но Прокопій Голый съ сильнымъ войскомъ прогналъ его оттуда. Весной же 1427 г. табориты и орфаниты вторглись въ Австрію и 12 марта на-голову разбили войско Албрехта въ кровопролитной битвѣ при Светлѣ (Цветтелѣ), въ которой пало до 9 тыс. австрійцовъ. А въ нижней Чехіи, въ округѣ Пильзена, чехи-противники таборитовъ и орфанитовъ понесли большой уронъ при взятіи города Стрибра (Мисса) быстрымъ нападениемъ Прибика изъ Кленова.

Не смотря на всѣ эти успѣхи, чехамъ все еще не удавалось, послѣ низверженія короля Сигизмунда, утвердить въ Чехіи другую правительственную власть и съ нею порядокъ и соглашеніе съ западною церковью. Единственная надежда ихъ въ этомъ на Сигизмунда Корибутовича рушилась вслѣдствіе того, что онъ принялъ сторону умѣренной партіи противъ неумѣренной, и вошелъ въ переговоры съ папой Мартиномъ V. Народъ возсталъ противъ него и, внезапно схвативъ его (17 апрѣля 1427 г.) въ Прагѣ, заключилъ въ заточеніе въ замѣкъ Вальдштейнѣ, въ Болеславскомъ округѣ. Выѣстѣ съ нимъ были схвачены и изгнаны изъ Праги также единомышлен-

ники его, послѣ чего у утравивистовъ уже не осталось болѣе ни одного общаго начальника.

Вскорѣ послѣ того табориты и орфаниты, въ значительныхъ силахъ, подѣ предводительствомъ обоихъ Прокопiевъ и другихъ гетмановъ, двинулись за сѣверныя границы Чехіи и вторглись мимо Житава (Цаттау) въ Лужицы (Лузацію) и Силезію, взяли и сожгли Лбно (Любепъ) и Колперкъ (Колбергъ), разграбили и разорили край, воротились съ огромною добычей и взяли и разрушилъ королевскіе крѣпкіе замки Червонную Гору и Жлебу.

3-й крестовый походъ противъ чеховъ (1427). Между тѣмъ папѣ удалось наконецъ склонить имперскихъ князей къ новому общему походу въ Чехію. Вслѣдствіе того, на западныхъ границахъ ея собралось многочисленное нѣмецкое крестовое войско, въ числѣ до 80 т. чел. конницы, и такого же, если не болѣе, числа пѣхоты, подѣ главнымъ предводительствомъ маркграфа Фридриха бранденбургскаго. Архіепископы майнцскій и трирскій, епископы бамбергскій и вюрцбургскій и многіе другіе духовные и свѣтскіе имперскіе князья присоединились къ нему съ своими войсками. Въ іюлѣ 1427 г. крестовое войско вступило въ Пильзенскій округъ и прежде всего осадило городъ Стрибро (Миссъ), обороняемый Прибикомъ изъ Кленова. Табориты и орфаниты соединили свои силы — всего только около 16 т. чел. пѣхоты и 1,500 чел. конницы — и подѣ предводительствомъ Прокопія Голаго быстро двинулись къ Стрибру. Когда они приблизились къ нему мли на три, въ крестовомъ войскѣ распространился такой страхъ, что оно тотчасъ сняло осаду и въ безпорядкѣ бѣжало къ Тахову. Здѣсь папскій легатъ убѣдилъ его остановиться; но какъ только чехи приблизились, оно снова въ страхѣ и безпорядкѣ обратилось въ бѣгство до Баварскаго лѣса (горнаго хребта) и вонъ изъ Чехіи. Однако чехи настигли его, истребили многія тысячи оного и овладѣли военными запасами его. Затѣмъ они взяли приступомъ Таховъ, осадили Пильзенъ — и этотъ могущественный главный городъ партіи чеховъ-католиковъ, со всемъ своимъ округомъ, былъ принужденъ просить перемирія и согласиться на совѣщаніе о вѣрѣ, которое однако не привело къ соглашенію.

Вотъ какой страхъ успѣли внушить къ себѣ чехи нѣмцамъ и всѣмъ внѣшнимъ врагамъ своимъ, но, не смотря на то, не умѣли воспользоваться этимъ для утверженія своей независимости — изъза постоянныхъ религіозныхъ раздоровъ между собою.

Въ Прагѣ снова произошло возстаніе приверженцовъ Сигизмунда Корибутовича, съ цѣлю освобожденія его. Но, овладѣвъ Старымъ городомъ, они были окружены и почти всѣ убиты или взяты въ плѣнъ (6 сентября 1427 г.). Затѣмъ прагжане, табориты и орфа-

ниты осадили въ Колинѣ Дивиша Борека и послѣ 3-хъ-мѣсячной осады принудили его сдаться на условіи, а Сигизмунда Корпбутовича отпустили изъ плѣна въ Лпту. Но затѣмъ въ Прагѣ снова возникли раздоры между партіями, которые не помѣшали однако гетманамъ чеховъ перенести войну въ собственныя земли вѣнскихъ враговъ Чехіи, чтобы отмстить послѣднимъ и принудить ихъ къ миру. Вскорѣ по взятіи Колпна, сдававшегося въ половинѣ декабря 1427 года, Прокопій Голый повелъ войска пражанъ, таборитовъ и орфанитовъ въ Венгрію, взявъ Венгерскій Бродъ, опустошилъ весь край до Дуная, выжегъ предмѣстія Пресбурга и съ такимъ же разореніемъ края воротился черезъ Трповъ (Тирнау), нигдѣ не встрѣтивъ сопротивленія. Успѣвъ въ Моравіи новыми отрядами изъ Чехіи, въ началѣ 1428 года онъ предпринялъ большой походъ въ Силезію. Князья Опавскій (Троппау) и Опольскій (Опельнъ) первые заключили съ нимъ мирныя и вспомоگательныя договоры. Епископъ Вратислава (Бреслава), съ многочисленными войсками своими и нѣсколькихъ князей и городовъ, двинулся противъ Прокопія, но былъ разбитъ имъ въ кровопролитной битвѣ при Нисѣ (Нейсѣ), въ которой пало до 9 т. силезцовъ. Затѣмъ чехи безъ особеннаго сопротивленія взяли много городовъ, поставили въ укрѣпленный городъ Соботку постоянный гарнизонъ свой, дабы держать край въ страхъ и повиновеніи, разсѣяли новое силезское войско, собравшееся въ Легницѣ (Лигницѣ), выгнали предмѣстіе Вратислава (Бреслава), принудили еще четырехъ силезскихъ князей къ заключенію мирныхъ договоровъ и воротились въ Чехію съ огромною добычей. Вскорѣ послѣ того одинъ отрядъ ихъ вторгнулся чрезъ Моравію въ Австрію, которую разорилъ до самаго Видена (Вѣны), а другой въ Баварію, гдѣ взялъ города Перновъ и Мниховъ. Затѣмъ лѣтомъ того же года главныя силы ихъ осадили замки Бехину и Лихтенбургъ въ Средней Чехіи. Бехина сдалась черезъ 3 мѣсяца, а Лихтенбургъ держался болѣе 15 мѣсяцовъ. Въ концѣ года орфаниты еще разъ вторглись чрезъ Кладско (Глацъ) въ Силезію, разбили и убили въ боѣ князя минстербергскаго и осадили укрѣпленный городъ Нѣмчи (Нимичъ). Весною же 1429 г. Прокопій снова вторгнулся въ Австрію.

Всѣ эти успѣхи чеховъ устрашили короля Сигизмунда, который постоянно оставался въ Венгріи и терпѣлъ въ ней однѣ неудачи въ войнѣ съ турками, и онъ склонился къ примиренію съ чехами на сѣздѣ въ Пресбургѣ. Но здѣсь онъ не хотѣлъ ни на что рѣшиться безъ папы и предлагалъ чехамъ соглашеніе на соборѣ, который чрезъ два года имѣлъ открыться въ Базелѣ, требуя, чтобы до тѣхъ поръ чехи заключили перемиріе. Они признали это невыгоднымъ для себя и выгоднымъ лишь для ихъ враговъ, и на сеймѣ въ Прагѣ по-

становили свои условія, на которыя Сигизмундъ не хотѣлъ согласиться. Переговоры о томъ повели къ новымъ раздорамъ и даже враждебнымъ дѣйствіямъ между чешскими партіями въ Прагѣ, однако вскорѣ между ними былъ заключенъ миръ.

Между тѣмъ въ Германіи снова было снаряжено для похода въ Чехію войско, на помощь которому папскій легатъ, англійскій кардиналъ Генрихъ Винчестеръ велъ изъ Англіи 5 т. чел. войскъ. Но, по прибытіи его въ Бельгію, онъ, по повелѣнію англійскаго короля, былъ принужденъ идти съ своими войсками во Францію, гдѣ въ это время, вслѣдствіе появленія Іоанны Д'Аркъ, война приняла неблагоприятный для англичанъ оборотъ. Вслѣдствіе того, имперскіе князья отказались отъ похода въ Чехію. Чехи же, подъ предводительствомъ Прокопія Голаго, предприняли новый походъ въ Лужицы, сожгли предмѣстія Жѣтавы (Циттау) и Будишина (Бауцена), и взятіемъ и разореніемъ города Кубика, близъ бранденбургскихъ границъ, распространили въ этомъ краѣ великій страхъ. Воротаясь въ Чехію, они въ половинѣ декабря 1429 г. двинулись въ походъ противъ Мишны (Мейсена) въ числѣ 4 т. чел. пѣхоты, 3,500 человекъ конницы и 2,500 военныхъ повозокъ, подъ предводительствомъ Прокопія Голага и всѣхъ своихъ гетмановъ. Идя внизъ по лѣвому берегу Лабы (Эльбы), они выжгли предмѣстія Перна (Пирны), Драждана (Дрездена) и Мишны (Мейсена). Многочисленное нѣмецкое войско — до 100 тыс. чел. — подъ знаменами многихъ духовныхъ и свѣтскихъ имперскихъ князей, въ началѣ 1430 г. стало между Липскомъ (Лейпцигомъ) и Гриммой, но по приближеніи чеховъ къ Гриммѣ, разошлось безъ боя. Тогда чехи раздѣлились на 6 отрядовъ, которые шли на разстояніи миль одинъ отъ другаго и безпощадно жгли и разоряли все на пути. Сжегши предмѣстіе Липска, они двинулись въ Турингію и оттуда въ Франконію и на пути сожгли около 70 городовъ, не считая мѣстечекъ и селъ. По всей Германіи распространился такой ужасъ, что даже въ Брауншвейгѣ, Люнебургѣ, Гамбургѣ и др. отдаленныхъ мѣстахъ стали готовиться къ оборонѣ. Когда же чехи приблизились къ Нюрнбергу, Фридрихъ бранденбургскій заключилъ съ ними, отъ имени своего и нѣкоторыхъ имперскихъ князей и городовъ, договоръ, по которому они откупились отъ чеховъ огромною суммою денегъ и заключили съ ними перемиріе, во время котораго въ Нюрнбергѣ имѣло быть совѣщаніе о вѣрѣ. Однако, по несогласію папы, это совѣщаніе не состоялось, и чехи, воротаясь къ себѣ съ огромною добычей, вскорѣ снова пошли, одни въ Силезію, а другіе въ Венгрію. Въ Силезіи Сигизмундъ Корибутовичъ помогалъ имъ окончателно покорить своихъ враговъ, а въ Венгріи они встрѣтили сильный отпоръ со стороны

короля Сигизмунда и всего войска его, и хотя въ кровопролитной битвѣ при Трноуѣ (Тирнау) одержали побѣду, но дорогою цѣною потерпѣ до 2 т. чел. Между тѣмъ Прокопій Голый пришелъ въ Моравію и особенно старался взять городъ Брно (Брюнъ), разоряя окрестности его. Когда же нѣкоторые силезскіе князья возстали и напали особенно на городъ Нѣмчи, Прокопій двинулся противъ нихъ, прогналъ ихъ и взялъ городъ Отмоховъ (Отмахау).

Частыя и сильныя пораженія, которыя чехи нанесли своимъ со-сѣдямъ, произвели между послѣдними безсиліе и желаніе примиренія. Поэтому отовсюду требовали отъ папы Мартина V, чтобы соборъ былъ открытъ въ Базелѣ непременно въ назначенное время — въ мартѣ 1431 года. Но папа не желалъ этого, все еще стараясь искоренить чешскую ересь силою оружія и уговорить къ новому походу въ Чехію и короля Сигизмунда, и Владислава польскаго, и Вптольда литовскаго. Но послѣдній умеръ (27 октября 1430), и когда литовцы избрали на его мѣсто Свидригайла, младшаго брата Владислава, послѣдній вошелъ въ мирныя переговоры съ чехами, желая воспользоваться помощію ихъ противъ Свидригайла и его союзниковъ—прусскихъ рыцарей, и устроилъ въ Краковѣ совѣщаніе съ ними о дѣлахъ вѣры, которое однако не повело ни къ чему. Сигизмундъ же осенью 1430 года снесся съ папой и имперскими князьями о мѣрахъ для защиты границъ противъ чеховъ, а весною 1431 г. сеймъ въ Нюрнбергѣ положилъ собрать новое войско и снова предпринять походъ въ Чехію, что утвердилъ и преємникъ умершаго (20 февраля 1431 года) папы Мартина V, Евгеній IV.

4-й крестовый походъ противъ чеховъ (1431). Между тѣмъ въ Чехіи, на сеймахъ въ Прагѣ и потомъ въ Хебѣ (Эгерѣ), весною 1431 г., вмѣстѣ съ послами Сигизмунда, Владислава и имперскихъ князей, совѣщаніе о соглашеніи по дѣламъ вѣры также не привело ни къ чему. Тогда обѣ стороны приготовились къ войнѣ и чехи первые собрали войско и, подъ предводительствомъ Прокопія Гогола, вторглись въ Пильзенскій округъ. Прежде всего они попытались взять Пильзень, но, не успѣвъ въ этомъ, двинулись далѣе по границамъ до самаго Горшова Тина (Бишофтейницъ), однако вскорѣ войско ихъ, по недостатку продовольствія, разошлось. Нѣмецкое же крестовое войско, долго медливъ и собираясь близъ западныхъ границъ Чехіи, только 1 августа наконецъ вступило въ нее въ числѣ до 90 т. чел. пѣхоты и до 40 т. чел. конницы, снова подъ предводительствомъ маркграфа Фридриха браденбургскаго. На этотъ разъ и нѣмцы, по примѣру чеховъ, также имѣли при себѣ военныя повозки. Прежде всего они напали на Таховъ, но, встрѣтивъ упор-

ный отпоръ, двинулись далѣе къ замку Швамбергу. Раздѣлившись здѣсь на три части, они начали жестоко грабить и разорять окрестный край до самихъ Домажлицъ (Тауса). Между тѣмъ чехи снова собрали до 50 т. чел. пѣхоты и до 5 т. чел. конницы и смѣло двинулись съ ними противъ болѣе, нежели вдвое сильнѣйшаго непріятеля. Тутъ снова повторилось то же, что и прежде: едва только они приблизились къ нѣмецкому войску, какъ на него опять напалъ такой страхъ, что оно въ безпорядкѣ обратилось въ бѣгство къ Баварскому лѣсу. Чехи быстро преслѣдовали его и настигли у Домажлицъ (14 августа). Тутъ страхъ и безпорядокъ въ немъ достигли высшей степени, тѣмъ болѣе, что военныя повозки ихъ увязли въ лѣсу, загородили дорогу и числомъ до 3 т. съ богатою добычей достались чехамъ; нѣмцовъ же было убито и взято въ плѣнъ великое множество. Тѣмъ кончился и этотъ походъ ихъ — еще постыднѣе, чѣмъ предшествовавшіе.

Не болѣе удачны были и одновременныя вторженія мейсенцовъ съ сѣвера въ Чехію и австрійцовъ съ юга въ Моравію. Первые, узнавъ о пораженіи нѣмцовъ при Домажлицахъ, посмѣли отступить. Альбрехта же австрійскаго Прокопій склонилъ къ отступленію изъ Моравіи, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы Оломуць, Брно (Брюннъ), Иглава (Иглау), Градище, Зноймо (Знапмъ) и другіе важнѣйшіе города на Моравѣ навсегда остались во власти Альбрехта. Позже, въ томъ же году, табориты и орфанты съ главнымъ войскомъ своимъ вторглись въ Венгрію за самую Нитру (Нейтру), грабя и разоряя край на пути. Но такъ какъ они поссорились между собой изъ-за взятой добычи, то Прокопій съ своимъ войскомъ ушелъ назадъ, а орфанты пошли далѣе и, окруженные превосходнымъ числомъ венгровъ, понесли пораженіе, что произвело на время большое неудовольствіе между обоими братствами.

Пораженіе нѣмцовъ при Домажлицахъ окончательно отняло у нихъ надежду одолѣть чеховъ силою оружія и даже охоту предпринимать походы противъ нихъ. А такъ какъ и западная церковь также не успѣла покорить ихъ себѣ духовными средствами, то и не оставалось ничего болѣе, какъ примириться съ ними. Поэтому открывшійся въ Базелѣ соборъ уже 15 октября 1431 г. пригласилъ чеховъ вступить съ нимъ въ мирныя переговоры.

Въ Чехіи также было сильное и почти всеобщее желаніе мира. Въ 11 лѣтъ жестокаго веденія войны, страна эта была крайне разорена и истощена: поля оставались незасѣянными, хлѣба не было, промышленность и торговля упали. Добыча же, награбленная въ чужихъ земляхъ, была достояніемъ не края, а самихъ войскъ, награбившихъ ее въ собственную пользу. Привыкнувъ къ грабежу и къ

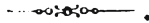
военному ремеслу, обогащавшему ихъ, они болѣе и болѣе грубѣли и становились тяжкимъ бременемъ для края, тѣмъ болѣе, что состояли уже не изъ однихъ чеховъ, для которыхъ защита своей вѣры и чести послужила предлогомъ къ поднятію оружія, но и изъ сброда выходцовъ изъ разныхъ чужихъ странъ, которыхъ приманивалъ легкій способъ жить и наживаться безъ труда. Предводители ихъ были въ это время настоящими господами страны: все дѣлалось по ихъ желанію и волѣ, и это ложилось тяжелымъ бременемъ на всѣ народныя сословія. Поэтому на сеймѣ въ Прагѣ, въ февралѣ 1432 года, наконецъ рѣшено было отправить пословъ въ Хебъ (Эгеръ) на сѣздъ и совѣщаніе съ посланцами отъ Базельскаго собора. Переговоры, начатые здѣсь, продолжались весь этотъ годъ въ Хебѣ, а съ января 1433 года въ Базелѣ, куда отправилось чешское посольство изъ первѣйшихъ особъ духовныхъ и свѣтскихъ, въ главѣ которыхъ былъ Прокопій Голый.

Однако эти переговоры о мирѣ не прекратили бѣдствій войны. Еще до начала сѣзда въ Хебѣ, весной 1432 г. Прокопій съ таборитами и орфанитами вторгнулся въ Бранденбургію далеко за Берлинъ. А послѣ сѣзда въ Хебѣ орфаниты снова вторглись въ Венгрію, взяли хитростью городъ Трновъ (Тирнау) и поставили въ него свой гарнизонъ. Въ то же время другое чешское войско вторглось въ Силезію и принудило ее деньгами купить перемиріе на 2 года. Весною 1433 г. большой отрядъ таборитовъ вторгнулся въ Венгрію и захватилъ столицу и другія мѣстности ея. Другое войско таборитовъ, почти въ 8 т. чел., было послано въ Пруссію, въ помощь полякамъ противъ нѣмецкихъ рыцарей и Свидригайла (слѣдовательно въ совершенно чуждое уже дѣлу чеховъ, внѣшнее военное предпріятіе), воевало тамъ цѣлое лѣто, дошло до самаго берега моря у Гданска (Данцига) и воротилось уже по заключеніи перемирія. Между тѣмъ въ Чехіи, въ іюнѣ 1433 г. табориты и позже вмѣстѣ съ ними пражане осадили Пильзенъ, желая взятіемъ его лишить католическую партію важнѣйшаго для нея опорнаго пункта въ Чехіи и тѣмъ повліять въ свою пользу на Базельскомъ соборѣ. Но осада Пильзена продолжалась безуспѣшно 6 мѣсяцовъ и это обратилось въ явный вредъ таборитамъ. Войска ихъ, столько лѣтъ привыкшія бродить и наживаться грабежомъ въ чужихъ земляхъ, и вдругъ принужденныя 6 мѣсяцовъ стоять на одномъ мѣстѣ, стали фуражировать, т. е. насильственно добывать продовольствіе и фуражъ въ окрестномъ краѣ, и безъ того уже разграбленномъ и истощенномъ, и раздражили тѣмъ жителей его. Притомъ, какъ отъ этого, такъ и отъ бездѣятельности во время осады, въ войскѣ все болѣе разстроивались и дисциплина, и порядокъ. Когда же одинъ изъ гетмановъ его, Янъ-Пардузъ

изъ Горки, вторгнувшись въ Баварію для сбора фуража, понесъ тамъ пораженіе и большой уронъ, то, по возвращеніи его къ Пильзену, въ войскѣ произошелъ противъ него бунтъ. Прокопій, хотѣвшій усмирить его, былъ опасно раненъ и, подъ предлогомъ леченія отъ раны, отправился въ Прагу, а войско распустилъ, не взявъ Пильзена. Паны-утраквисты воспользовались тѣмъ для сокрушенія власти братствъ и, въ соглашеніи съ самимъ Прокопіемъ, 1-го декабря 1433 г. добился постановленія сената объ учрежденіи въ Чехіи временнаго правительства изъ земскаго правителя въ лицѣ Александра изъ Розенберга и при немъ совѣта изъ 12 выборныхъ лицъ разныхъ сословій. Но этотъ правитель, безъ всякаго значенія, только сталъ орудіемъ сильныхъ пановъ, хотѣвшихъ скорѣйшаго примиренія съ церковью и съ Сигизмундомъ. Послѣдній почти 2 года (въ 1431—1433 г.г.) провель въ Италиі, 31 мая 1433 г. былъ крѣнованъ въ Римѣ папой Евгеніемъ IV, а въ октябрѣ того же года прибылъ на соборъ въ Базелѣ и вошелъ въ сношенія съ чешскою партией, склонною къ примиренію. Мѣрами послѣдней, еще въ апрѣлѣ 1433 г. въ Чехіи образовался союзъ для восстановленія въ ней мира и порядка, таборитскому войску было приказано разойтись, а союзъ собралъ свое войско въ лагерѣ близъ Кутной Горы. Слѣдствіями этого были: распря между союзомъ и таборитами, вступленіе союзнаго войска въ Прагу, снятіе осады Пильзена, отложеніе Прокопія отъ союза, примиреніе его съ таборитами, сборъ имъ всѣхъ войскъ ихъ и движеніе его съ ними къ Прагѣ. Сначала онъ расположился подъ самой Прагой, но, не успѣвъ выманить изъ нея союзное войско для битвы въ открытомъ полѣ, отступилъ къ Колпну. 23 королевскіе города присоединились къ таборитамъ и орфантамъ и поставили войска свои подъ начальство Прокопія. Но и дворянскій союзъ успѣлся присоединеніемъ къ нему католическаго дворянства и его войскъ, и все союзное войско, подъ предводительствомъ Дивиша Борека, двинулось изъ Праги противъ Прокопія къ Колпну. 30 мая 1434 г. у Лишанъ, между Колпномъ и Кауримомъ, произошла кровопролитная битва, рѣшившая судьбу братствъ и положившая конецъ войнѣ. Побѣда въ ней досталась союзному войску, вслѣдствіе удачной военной хитрости, употребленной Борекомъ. Когда военныя повозки таборитовъ первыя ударили на союзное войско, передніе ряды послѣдняго, послѣ непродолжительнаго сопротивленія, притворно обратились въ безпорядочное бѣгство. Табориты, въ радости, сначала стрѣляли въ нихъ съ повозокъ изъ пушекъ и ружей, а потомъ, соскочивъ съ повозокъ, вступили съ ними въ жаркій рукопашный бой. Но въ это время съ боку ударила на нихъ союзная легкая конница, отрѣзала ихъ отъ военныхъ повозокъ и напала

на нихъ съ тыла. Въ то же время союзное войско остановилось въ своемъ притворномъ бѣгствѣ и, обратясь назадъ, стремительно ударили на таборитовъ съ фронта. Тѣснимые спереди и сзади, и союзными войскамъ, и собственными повозкамъ, табориты пришли въ величайшій безпорядокъ и совершенное разстройство, и въ произшедшемъ, вслѣдствіе того, жестокомъ побѣдѣ, 13 т. чел. лучшихъ войскъ ихъ и въ томъ числѣ оба Прокопія и многіе другіе гетманы — пали на мѣстѣ. Только 700 чел. были взяты въ плѣнъ и большею частію сожжены, и лишь небольшой отрядъ конницы съ гетманомъ Яномъ Чанекъ спасся въ Колинѣ.

Этимъ рѣшительнымъ пораженіемъ сила таборитовъ и орфанитовъ была окончательно и совершенно сломлена и уничтожена, и затѣмъ, въ теченіи 1434—35 г.г. послѣдовало, наконецъ, примиреніе Чехіи и съ церквью, и съ Сигизмундомъ, и положенъ копецъ одной изъ самыхъ жестокихъ войнъ этого времени.

ГЛАВА XVI.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШІЯ ВОЙНЫ И ПОХОДЫ ЭТОГО ВРЕМЕНИ.

(Продолженіе.)

IV. Войны Франціи съ Испаніей и Австріей за обладаніе Ита-
ліей и политическое первенство. — § 129. Походъ Карла VIII въ
Италіи (1494—96).—§ 130. 1-й походъ Людовика XII въ Италіи и завое-
ваніе имъ Миланскаго герцогства (1499 — 1500).—§ 131. Война францу-
зовъ съ испанцами въ Неаполитанскомъ королевствѣ (1501—3). — § 132.
Война въ Италіи съ 1509 до 1514 г.—§ 133. 1-й походъ Франциска I въ
Италіи и завоеваніе имъ Миланскаго герцогства (1515—16).—§ 134. 1-я
война Франциска I съ Карломъ V (1521—26). — § 135. 2-я война Фран-
циска I съ Карломъ V (1527 — 29). — § 136. 3-я война Франциска I съ
Карломъ V (1535 — 38). — § 137. 4-я война Франциска I съ Карломъ V
(1542—44).—V. Походы 1546 и 1547 г.г. въ Германіи, во время Шмаль-
кальденской войны.—§ 138. Походъ 1546 г. на Дунай.—§ 139. Походъ
1547 г. въ Саксоніи.

IV.

Войны Франціи съ Испаніей и Австріей за обладаніе Италіей
и политическое первенство.

§ 129.

Походъ Карла VIII въ Италіи (1494—1496).

Карль VIII, вступивъ на престолъ Франціи, составилъ обширный
и отважный планъ—изгнать турокъ изъ Европы, завоевать Констан-

тинополь и возсѣсть на престолъ падшей греческой имперіи, а для этого завоевать сначала неаполитанское королевство, основываясь на наслѣдственныхъ правахъ своихъ на оное, и оттуда моремъ переплыть въ Грецію. Это предпріятіе льстило честолюбію Карла VIII, но нисколько не было согласно ни съ тогдашнимъ состояніемъ Франціи, ни съ истинными ея потребностями и пользами, долженствовало неминуемо встрѣтить большія препятствія и затрудненія, и было ведено такъ неблагоразумно и неосторожно, что, не смотря на благоприятствовавшее Карлу VIII счастье, едва не кончилось гибелью всего французскаго войска, не только безъ малѣйшей пользы для Франціи, но и съ значительными для нея потерями и вредомъ.

Въ августѣ 1494 г. Карлъ VIII двинулся черезъ Грелобль, Сузскій проходъ и Туринъ къ Асти съ войскомъ, силы котораго простирались до 26 т. чел. (въ томъ числѣ 1,600 тяжело-вооруженныхъ рыцарей—*lances garnies*, 200 чел. легкой конницы, 6 т. чел. швейцарской и 6 т. чел. гасконской пѣхоты, сверхъ того 100 дворянъ и 400 стрѣлковъ, составлявшихъ королевскихъ тѣлохранителей, и множества волонтеровъ) и при нихъ болѣе 140 огнестрѣльныххъ орудій, бѣльшая часть которыхъ составляла усовершенствованную Карломъ легкую полевую артиллерію. Флотъ изъ 77 военныхъ судовъ, подъ начальствомъ герцога орлеанскаго, долженъ былъ отыскать въ морѣ и разбить неаполитанскій флотъ и потомъ содѣйствовать сухопутному войску. Первая часть этого назначенія была исполнена съ успѣхомъ, и неаполитанскій флотъ, дважды разбитый въ Генуэзскомъ заливѣ, былъ принужденъ укрыться въ гавани Неаполя.

Изъ Асти французское войско слѣдовало въ Павію и Піаченцу. Отсюда въ неаполитанское королевство вели два пути: на лѣво—кратчайшій и удобнѣйшій черезъ Болонью, Романью и Анконскую Мархію въ неаполитанскую область Аbruццы, а на право—черезъ Аппеннины и владѣнія флорентинской республики и папскія, тѣ и другія—союзныя съ неаполитанскимъ королевствомъ. Карлъ избралъ послѣдній путь, для того, чтобы не удалиться отъ флота, который везъ всю артиллерію и большую часть тяжестей, — чтобы уклоненіемъ отъ опасности не ободрить италійцевъ, — наконецъ чтобы оставленіемъ въ тылу за собою незапятнны двухъ непріязненныхъ странъ, къ которымъ могли присоединиться герцогъ миланскій и венеціанская республика, не подвергаться опасности быть отрѣзаннымъ отъ Франціи. Слѣдованіе французскаго войска изъ Асти въ Павію и Піаченцу, а отсюда черезъ Аппеннины, флорентинскую республику и папскія владѣнія къ границамъ неаполитанскаго королевства походило на торжественное шествіе въ покоренномъ краю. Фивисано,

первая флорентинская крѣпость на пути французовъ, была взята ими приступомъ, а гарнизонъ и жители ея истреблены. Италіянцы, уже давно отвыкшіе отъ такого жестокаго образа веденія войны, были такъ устрашены, что большіе и малые города, крѣпости и замки, на пути слѣдованія французовъ, сдавались имъ безъ сопротивленія. Король неаполитанскій и сынъ его герцогъ калабрскій, двинувшіеся съ войсками, первый къ Риму, а послѣдній далѣе въ Романью, отступили по приближеніи французовъ, одинъ къ Неаполю, а другой къ неаполитанской границѣ. Карль VIII, показавъ видъ, что намѣренъ взять Римъ силой, устрасилъ папу Александра VI и жителей Рима, принудилъ ихъ впустить французское войско и, вступивъ (5-го декабря) въ Римъ, началъ дѣйствовать въ немъ какъ побѣдитель и полный властелинъ. Вскорѣ папа заключилъ съ нимъ договоръ, по которому обѣщалъ дать ему инвеституру на неаполитанское королевство и передать французамъ главныя крѣпости свои.

(1495 г.) Въ это время неаполитанскій король отказался отъ престола въ пользу сына своего, Фердинанда. Послѣдній расположился съ войскомъ на границѣ, но ужасъ, предшествовавшій французамъ, обратилъ неаполитанское войско въ бѣгство. Неаполь былъ въ волненіи, и Фердинандъ, поспѣшавшій туда, вскорѣ удалился въ Сицилію. Неаполитанскіе города на пути французовъ сдались имъ, Карль VIII торжественно вступилъ (24 февраля) въ Неаполь, овладѣлъ обоими его замками, Кастель-ново и Кастель-дель-уово, и началъ дѣйствовать чрезвычайно неблагоразумно и легкомысленно. Въмѣсто того, чтобы занятіемъ всѣхъ городовъ прочно утвердиться въ краю, онъ многихъ городовъ не занялъ вовсе по небрежности или другимъ причинамъ. Найденные же въ запятыхъ городахъ большіе военные и продовольственные запасы, по непонятному и невинительному ослѣпленію или неумѣстному великодушію, онъ роздалъ въ собственность начальникамъ своихъ войскъ. Онъ возбудилъ противъ себя всѣ классы народа, особенно дворянство, такъ что въ случаѣ переворота не могъ надѣяться на ихъ содѣйствіе. А между тѣмъ ему угрожала уже большая опасность. Папа, императоръ Фридрихъ III, Фердинандъ Католикъ, герцогъ миланскій и венеціанская республика составили противъ него союзъ, положили собрать 60 т. войскъ (въ томъ числѣ 34 т. чел. конницы) и не только изгнать французовъ изъ Италіи и возвратитъ Фердинанду неаполитанское королевство, но и вторгнуться въ самую Францію. Карль VIII былъ принужденъ отказаться отъ обширныхъ своихъ замысловъ завоеванія Константинополя и изгнанія турокъ, и помышлять уже единственно объ отступленіи въ порядкѣ и съ честію изъ Италіи. Образовавъ въ неаполитанскомъ королевствѣ французское управленіе и

оставивъ въ немъ небольшое число войскъ подѣ главнымъ начальствомъ герцога Монпансѣ, Карлъ VIII, 8 дней послѣ торжественнаго и пышнаго коронованія своего королемъ неаполитанскимъ, выступилъ (20 мая) изъ Неаполя съ 9—10 т. войскъ (въ томъ числѣ 900 рыцарей и 2,500 швейцарцовъ) и предпринялъ обратное слѣдованіе тѣмъ же путемъ, по которому прибылъ. Въ это самое время Фердинандъ вступалъ въ Калабрію, а венеціанскій флотъ угрожалъ берегамъ Апуліи.

И при обратномъ слѣдованіи Карлъ VIII дѣйствовалъ столь же неблагоприятно и неосторожно, сколько и въ неаполитанскомъ королевствѣ. вмѣсто того, чтобы стараться усиливать или по крайней мѣрѣ не ослаблять себя и быстрымъ слѣдованіемъ выиграть время, онъ, напротивъ, терялъ бесполезно много времени, не соглашался возвратить флорентинцамъ крѣпостей ихъ, за что они обѣщали дать ему войскъ и денегъ, оставлялъ вездѣ гарнизоны и ослаблялъ себя отрядами.

Но его сопровождало удивительное счастье. Если онъ дѣлалъ ошибки и поступалъ неблагоприятно, то и противники его дѣйствовали не лучше. Недовольствуясь отрѣзаніемъ его отъ Франціи, они хотѣли окружить и истребить его войско и его самого взять въ плѣнъ. Съ этою цѣлю 35 т. союзныхъ войскъ подѣ начальствомъ Гонзага, маркиза мантуанскаго, были расположены близъ Форново (Fornovo или Fornovo), на обширной равнинѣ, пересѣкаемой рѣкою Таро, противъ выходовъ изъ Аппениновъ, которые такимъ образомъ остались незанятыми. Карлъ VIII воспользовался этимъ и успѣлъ изъ Понтремоли перейти черезъ Аппенины съ артиллеріей и тяжестями, хотя и съ неимоверными трудами и усиліями. По выходѣ изъ горъ, онъ былъ атакованъ союзною арміей и въ происшедшемъ вслѣдствіе того (7 іюля 1495 г.), на берегахъ р. Таро, сраженіи близъ Форново съ успѣхомъ отразилъ частіями, безъ связи и искусства произведенныя союзниками нападенія на его авангардъ и арріергардъ, въ то время, когда онъ хотѣлъ переходить черезъ р. Таро. Отразивъ союзниковъ, онъ продолжалъ безъ значительнаго препятствія слѣдованіе свое къ Асти. Здѣсь онъ остановился въ ожиданіи освобожденія Новары и осажденнаго въ ней герцога орлеанскаго. Послѣдній, оставшійся въ Асти въ то время, когда Карлъ VIII былъ въ Неаполѣ, предпринялъ наступательныя дѣйствія противъ Новары, имѣя въ виду завоевать для себя герцогство миланское, и такимъ образомъ къ ошибкамъ Карла VIII присоединилъ свою собственную. Овладевъ Новарой, онъ вскорѣ былъ осажденъ въ ней миланскими войсками и остатками разбитой при Форново союзной арміи, и доведенъ голодомъ и болѣзнями до

такой крайности, что былъ бы принужденъ сдаться, еслибы открытые вскорѣ мирные переговоры не повели къ заключенію въ Верчелли мира между Карломъ VIII и герцогомъ миланскимъ. Герцогъ орлеанскій получилъ свободный выходъ изъ Новары, а Карлъ VIII, оставивъ войска въ Асти, возвратился (1496 г.) во Францію.

Горестна была участь французскихъ войскъ, оставленныхъ Карломъ VIII въ неаполитанскомъ королевствѣ на произволъ судьбы, безъ всякаго поддержанія и сообщенія съ Франціей. Долго, мужественно и упорно оборонялись Монпансье и Д'Обиньи, съ безпрестанно уменьшавшеюся горстью людей, противъ превосходнѣйшихъ числомъ неаполитанскихъ, сицилійскихъ и испанскихъ войскъ, предводимыхъ Фердинандомъ и Гонзалвомъ кордовскимъ и поддерживаемыхъ крайне враждебнымъ для французовъ народомъ. Наконецъ въ 1496 г. они были принуждены уступить силѣ: вытѣсненные изъ Неаполя и всѣхъ городовъ и крѣпостей, ослабленные, истощенные, лишенные всякихъ средствъ и пособій, они, уже въ самомъ незначительномъ числѣ, должны были моремъ перевезены во Францію. Но отправление ихъ было подъ разными предлогами замедлено, и почти всѣ они погибли отъ голода и нужды.

Въ 1497 г. Карлъ VIII началъ снова готовиться къ походу въ Италію. Но этотъ походъ по разнымъ причинамъ не состоялся, и французы лишились всѣхъ завоеванныхъ ими въ сѣверной Италіи городовъ. Въ 1498 г. Карлъ VIII скончался, и на престолъ Франціи вступилъ герцогъ орлеанскій подъ именемъ Людовика XII.

«Таковъ былъ»—говоритъ іезуитъ Даніиль (Père Daniel)—«успѣхъ войны въ Италіи, предпринятой весьма неосторожно, веденной съ удивительнымъ счастьемъ, съ чрезвычайнымъ мужествомъ со стороны войскъ, но съ весьма малымъ искусствомъ со стороны главнаго полководца, легкомысленно покинутой королемъ и рушившейся измѣною тѣхъ, которые ее присовѣтовали».

§ 130.

1-й походъ Людовика XII въ Италію и завоеваніе имъ миланскаго герцогства (1499—1500).

Первымъ дѣйствіемъ Людовика XII, по вступленіи его на престолъ, былъ походъ въ Италію, для покоренія миланскаго герцогства, на которое онъ имѣлъ наслѣдственные права. Обезпечивъ себя договорами со стороны Англіи, императора Максимилиана I, Нидерландовъ и венеціанской республики, заключивъ союзы съ папой,

швейцарскими кантонами и герцогом савойскимъ, Людовикъ XII въ іюль 1499 г. двинулъ въ Италію около 23 т. войскъ (1,680 рыцарей или всего 9,600 чел. конницы, 5 т. чел. швейцарской и 8 т. французской пѣхоты) съ 58-ю орудіями, подъ начальствомъ графа Линьи, Д'Обиньи и Тривулція (Trivulzio). Герцогъ миланскій Людовикъ Сфорца имѣлъ около 35 т. войскъ, ожидалъ пособія отъ Максимиліана I и принялъ благоразумныя оборонительныя мѣры. Но малодушіе его войскъ, ужасъ, наведенный на нихъ истребленіемъ гарнизона и жителей миланской крѣпости Аноны на р. Танаро, взятіемъ которой приступомъ французы открыли военныя дѣйствія, измѣна начальниковъ миланскихъ войскъ, наконецъ открытіе въ то же самое время военныхъ дѣйствій противъ миланскаго герцогства венеціянцами съ восточной стороны — все это было причиною, что города и крѣпости миланскіе одни за другими покорялись французамъ, народъ возсталъ противъ Людовика Сфорца, который удалился въ Инспрукъ къ Максимиліану I, и миланское герцогство было покорено французами не болѣе, какъ въ 20 дней времени. Но французы и здѣсь, какъ прежде въ неаполитанскомъ королевствѣ, не умѣли упрочить своего завоеванія: вскорѣ народъ возсталъ противъ нихъ, и Людовикъ Сфорца, со вновь набранными имъ въ Швейцаріи и Франшъ-Конте войсками, легко покорилъ обратно почти все миланское герцогство и осадилъ Новару (1500). Но здѣсь онъ былъ отрѣзанъ отъ своего герцогства французскими войсками, которыя были усилены прибывшими изъ Франціи подъ начальствомъ Ла-Тримулья (La Trimouille) подкрѣпленіями, взять въ плѣнъ и отправленъ во Францію, а миланское герцогство вторично покорено французами.

§ 131.

Война французовъ съ испанцами въ неаполитанскомъ королевствѣ (1501—1503).

Въ 1501 году Людовикъ XII и Фердинандъ Кастильскій раздѣлили между собою неаполитанское королевство: первый взялъ Абрुццы и Терра-ди-Лаворе съ Неаполемъ и Гаэтой и званіемъ короля неаполитанскаго и іерусалимскаго, а послѣдній — Апулію и Калабрию съ званіемъ герцога. Французская и испанская арміи подъ начальствомъ, первая Д'Обиньи, а послѣдняя — Гонзальва, овладѣли неаполитанскимъ королевствомъ; король неаполитанскій Фридрихъ III сдался французамъ въ плѣнъ и былъ отправленъ во Францію. Та же участь постигла и старшаго сына его, котораго испанцы отправили въ Испанію. Но вскорѣ между французами и испанцами

произошли несогласіи, превратившіяся наконецъ въ открытую войну.

Испанцы дѣйствовали согласнѣе и искуснѣе, соединяя рѣшительность съ хитростью и осторожностью, между тѣмъ какъ въ дѣйствіяхъ французовъ было много отважности и храбрости, но мало искусства и власть въ ихъ войскѣ была раздѣлена между нѣсколькими начальниками, которые находились въ постоянномъ между собою несогласіи. Оттого успѣхъ съ самаго начала былъ на сторонѣ испанцовъ. Война состояла изъ отдѣльныхъ частныхъ предпріятій, безъ связи и единства, и изъ безпрестанныхъ осадъ. Важнѣйшамъ дѣйствіемъ было обложеніе французами Барлетты и въ ней Гонзалыва съ главными испанскими силами. Это обложеніе продолжалось очень долго: наконецъ французы—число которыхъ значительно уменьшилось, между тѣмъ какъ испанцы усилились прибывшими подкрѣпленіями—были дважды разбиты при Джіоіѣ или Семинарѣ и при Чериньолѣ (1509 года) и осаждены въ Гаэтѣ Гонзальвомъ, взявшимъ Неаполь и покорившимъ почти все неаполитанское королевство. Вскорѣ новая французская армія вступила въ него и двинулась къ р. Гарильяно, но была удержана на ней Гонзальвомъ и припуждена съ урономъ отступить къ Гаэтѣ. Недостатокъ въ продовольствіи принудилъ наконецъ французовъ сдать Гаэту на капитуляцію и предпринять отступление во Францію. Въ 3-хъ—4-хъ крѣпостяхъ Апуліи оставалось еще небольшое число французскихъ войскъ. Начальствовавшій ими Людовикъ Д'Арсъ (D'Ars) долго и упорно держался противъ испанцовъ и наконецъ, получивъ приказаніе заключить съ ними капитуляцію, вмѣсто того совершилъ въ порядкѣ и устройствѣ отступление черезъ неаполитанское королевство и всю Италію.

§ 132.

Война въ Италиі съ 1509 по 1514 годъ.

Въ 1508 году императоръ Максимилианъ I, папа Юлій II, Людовикъ XII и Фердинандъ Католикъ составили союзъ (Камбрейскій) противъ венеціанской республики. Послѣдняя, собравъ 22 т. чел. конницы и 30 т. чел. пѣхоты съ многочисленною артиллеріей, вѣрпла оныя начальствованію двухъ полководцовъ, имѣвшихъ совершенно противоположные характеры, именно осторожнаго Петилиано и пылкаго Алвіано, съ назначеніемъ расположиться въ укрѣпленной позиціи на границахъ республики, тамъ, гдѣ было удобнѣе удержать наступленіе непріятели, и вести оборонительную

*

войну, не вступая въ бой иначе, какъ съ увѣренностью въ успѣхѣ. Вслѣдствіе того, венеціанская армія расположилась (1509 года) въ сильно-укрѣпленной позиціи при Фонтанеллѣ, по лѣвую сторону рѣки Адды, въ 4—5 миляхъ отъ нея. Людовикъ XII собралъ въ миланскомъ герцогствѣ около 32 т. войскъ (12 т. чел. конницы, 6 т. чел. швейцарской и 14 тыс. чел. французской пѣхоты) и большое число орудій, безъ сопротивленія перешелъ черезъ Адду близъ Риволты, и, чтобы выманить венеціанскую армію изъ ея укрѣпленной позиціи, двинулся къ Пандино и Валла, на ея сообщенія съ Кремою и Кремоной, откуда она получала продовольствіе. Это принудило Петиліано и Алвіано идти туда же двумя колоннами, изъ которыхъ ближайшею къ французамъ и составленною изъ большей части войскъ начальствовалъ Алвіано. Встрѣтивъ при селеніи Аньяделло французскую армію, Алвіано, въ противность данному назначенію, вступилъ въ бой — и былъ разбитъ съ потерю артиллеріи, обозовъ и 6 т. плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ находился самъ. Затѣмъ Людовикъ XII, покоривъ многіе венеціанскіе города, распустилъ свое войско и отправился лично во Францію. По удаленіи его, Максимилианъ I, прибывшій въ Италію съ нѣмецкимъ войскомъ и получившій отъ Людовика XII 4,200 чел. французской конницы, за исключеніемъ безуспѣшной осады Падуи, взятой венеціанцами, удачно велъ войну противъ республики. Но вскорѣ, по поводу несогласій съ Людовикомъ XII, онъ удалился въ Германію. Папа Юлій II воспользовался этимъ, сблизился съ венеціанскою республикой и послалъ свои войска атаковать съ одной стороны, съ сухого пути и моря—Геную, а съ другой—союзнаго съ Людовикомъ XII герцога феррарскаго. Въ то же время 12 т. швейцарцовъ угрожали вторженіемъ въ миланское герцогство со стороны Беллинцоны. Шомонъ, начальствовавшій французскими войсками въ миланскомъ герцогствѣ, угрожаемый такимъ образомъ съ трехъ сторонъ швейцарцами, венеціанцами и папскими войсками, обратился сначала противъ первыхъ, окружилъ ихъ и, ведя противъ нихъ малую войну, принудилъ ихъ наконецъ воротиться въ Швейцарію. Между тѣмъ папская армія была отражена феррарцами и французами отъ границъ феррарскаго герцогства, но взяла Модену, а венеціанцы обложили Виценцу и Леньяно. Шомонъ, отразивъ швейцарцовъ, принудилъ венеціанцевъ отступить къ Падуѣ и обратился къ Болоньѣ и Моденѣ (1511 г.) противъ папской арміи. Послѣдняя, подкрѣпленная венеціанскими войсками, сначала дѣйствовала съ успѣхомъ между Болоньей, Моденой и Феррарой; но наконецъ Тривульцій, заступившій мѣсто умершаго Шомона, принудилъ ее отступить въ безпорядкѣ отъ Болоньи, бросивъ артиллерію и обозы, разсѣялъ ее,

отчасти взяли въ плѣнъ во время отступленія и остановился близъ Имоли, на границахъ папскихъ владѣній.

Въ 1512 г. папа, венеціанская республика, Фердинандъ Католикъ, Максимилианъ I и Генрихъ VII, король англійскій, составили союзъ (священный) противъ Людовика XII. Послѣдній назначилъ правителемъ и главноначальствующимъ войсками въ миланскомъ герцогствѣ Гастона Де-Фуа, герцога немурскаго, усилилъ его всѣми ненужными во Франціи войсками и снабдилъ денежными суммами для вербованія швейцарцовъ и ландкнехтовъ. Непродолжительный, но блистательный походъ, совершенный Гастономъ-Де-Фуа, весьма замѣчательенъ быстротою, рѣшительностью и искусствомъ дѣйствій этого достойнаго молодого предводителя, къ сожалѣнію, слишкомъ рано похищеннаго смертью. Союзники осаждали Болозью, но осада тянулась медленно. Это дало Гастону время собрать въ Финале около 19 т. войскъ (8 т. чел. конницы и 11 тыс. чел. пѣхоты), съ которыми онъ быстро двинулся къ Болоньѣ, скрытно вступилъ въ этотъ городъ и принудилъ союзниковъ, снявъ осаду, отступить къ Имольѣ. Затѣмъ, оставивъ въ Болоньѣ гарнизонъ, Гастонъ быстро двинулся къ Брешии, взятой венеціанцами, и отнялъ ея приступомъ. Такъ какъ Максимилианъ I, Фердинандъ и англійскій король Генрихъ VIII положили вторгнуться съ трехъ сторонъ во Францію, то Людовикъ XII вознамѣрился предупредить ихъ и приказалъ Гастону-де-Фуа вступить въ бой съ союзною арміею въ Италіи и дѣйствовать потомъ самымъ рѣшительнымъ наступательнымъ образомъ. Гастонъ изъ Брешии двинулся быстро къ Имольѣ, но, не могши выманить превосходной въ силахъ союзной арміи изъ сильно-укрѣпленнаго лагеря ея при этомъ городѣ, осадилъ Равенну, надѣясь тѣмъ привлечь се туда и принудить къ бою. Дѣйствительно она поспѣшила на освобожденіе Равенны и прибыла къ ней въ то время, когда Гастонъ, послѣ перваго неудачнаго приступа, намѣревался произвести второй. Въ происшедшемъ вслѣдствіе того (11 апрѣля 1512 г., въ 1-й день Пасхи), упорнѣйшемъ и кровопролитнѣйшемъ сраженіи при Равеннѣ, между 29 т. французовъ (11 т. чел. конницы и 18 т. чел. пѣхоты), подъ начальствомъ Гастона-де-Фуа, и 27 т. союзниковъ (12 т. чел. конницы и 15 т. чел. пѣхоты), подъ начальствомъ испанца Кардоне и Петра наварскаго, послѣдніе претерпѣли совершенное пораженіе и потеряли лагерь, артиллерію, обозы и множество плѣнныхъ. Но эта блистательная побѣда стоила французамъ чрезвычайно дорого: они понесли большой уронъ и потеряли въ числѣ убитыхъ множество знатнѣйшихъ дворянъ, начальниковъ войскъ и главное — самаго Гастона-де-Фуа. Чрезвычайное ослабленіе въ силахъ, потеря подъ Равенной почти

всей пѣхоты и нападеніе швейцарцовъ принудили французовъ очистить миланское герцогство, оставивъ гарнизоны только въ замкахъ Милана, Кремоны и Генуи.

Въ 1513 году Людовикъ XII послалъ въ миланское герцогство Ла-Тримулья съ новою арміею, силою около 17—18 т. чел., за которою долженъ былъ слѣдовать Таваннъ съ 5 т. ланцкнехтовъ. Большая часть миланскихъ городовъ возстала противъ новаго миланскаго герцога Максимилиана Сфорца, у котораго остались только Комо и Новара. Въ послѣднемъ городѣ онъ и швейцарцы были осаждены Ла-Тримульемъ. Но прибытіе изъ Швейцаріи 10 тыс. свѣжихъ швейцарскихъ войскъ принудило Ла-Тримулья снять осаду и отступить къ Ла-Риоттѣ, близъ Новары, въ ожиданіи прибытія Таванна. Здѣсь Ла-Тримульй былъ атакованъ и разбитъ 11-ю тысячами швейцарцовъ подъ предводительствомъ храбраго гауптмана или вождя ихъ, Мотеня. Вслѣдствіе того, Ла-Тримульй отступилъ во Францію, не смотря на то, что жители Милана были расположены въ пользу французовъ и что послѣдніе владѣли главными миланскими крѣпостями.

Этотъ походъ французовъ въ Италию былъ послѣднимъ при Людовикѣ XII. Съ потерей Генуи, французы лишились всѣхъ завоеванныхъ, сдѣланныхъ ими за Альпами.

§ 133.

1-й походъ Франциска I въ Италию и завоеваніе имъ миланскаго герцогства (1515—1516).

Францискъ I, вступивъ на престолъ, вознамѣрился завоевать миланское герцогство и загладить прежнія неудачи французскихъ войскъ въ Италию. Чтобы умягчить вниманіе Италии, Германіи, Испаніи и Англии и ввести ихъ въ заблужденіе касательно дѣйствительныхъ своихъ намѣреній, онъ открылъ съ ними переговоры, имѣвшіе цѣлю, по видимому, одно сохраненіе мира, но между тѣмъ дѣятельно готовился къ войнѣ. Онъ увеличилъ число правильно-устроенной конницы въ ордонансъ-ротахъ до 24 т. чел., набиралъ во Франціи, Германіи, Граубюнденѣ, Наваррѣ и Нидерландахъ многочисленную пѣхоту (часть которой донъ Педро наварскій, перешедшій изъ испанской службы во французскую, устроилъ по образцу испанской пѣхоты), готовилъ большое число орудій и назначилъ войскамъ собираться на Ронѣ около Ліона. Максимилианъ I, Фердинандъ Католичъ и герцогъ миланскій, съ своей стороны, заключили

союзъ съ швейцарцами и сначала положили, чтобы они и испанцы съ двухъ сторонъ внесли войну въ южную Францію. Но когда Францискъ I заключилъ союзъ съ венеціанскою республикой, герцогомъ савойскимъ и генуэзскимъ дожемъ, и когда послѣдній согласился быть въ зависмости отъ Франциска I и передать Геную французскимъ войскамъ, тогда противники Франциска I уже были принуждены помышлять единственно объ оборонѣ Италиі. Вслѣдствіе того, 20 т. швейцарцовъ заняли проходы въ Альпахъ, Кардоне съ испанскими и небольшимъ числомъ имперскихъ войскъ обратился къ Веронѣ для удержанія венеціанцовъ, а Лаврентій Медичи съ папскими войсками расположился при Пиаченцѣ.

Кончивъ наконецъ всѣ приготовления къ войнѣ и собравъ близъ Ліона около 70 тыс. войскъ и многочисленную артиллерію, Францискъ I въ августѣ 1515 года двинулся черезъ Гренобль и Альпы въ Италию. Коннетабль Карлъ Бурбонъ начальствовалъ авангардомъ, самъ король главными силами, а герцогъ алансонскій — арріергардомъ.

До сихъ поръ французы входили обыкновенно въ Италию либо черезъ Монъ-Сенисъ, Монъ-Женевръ и Сузскій проходъ (pas de Suze), либо черезъ графство ницское; но швейцарцы занимали первые три прохода, а черезъ графство ницское было слишкомъ далеко идти в время года для того уже было позднее. По счастью, французы открыли дотолѣ неизвѣстный и незанятый швейцарцами путь черезъ Альпы, именно черезъ Аржавтѣрскій проходъ, къ югу отъ Монъ-Женевра. Туда и двинулись изъ Гренобля главные силы арміи, между тѣмъ какъ два отряда производили ложныя атаки на Монъ-Сенисъ и Монъ-Женевръ. Послѣ 8-ми-дневнаго слѣдованія черезъ горы, сопряженнаго съ необыкновенными препятствіями, усиліями и трудами, французская армія вступила въ Піемонтъ и достигла верховьевъ р. По Французы произвели нечаянное нападеніе на Виллафранку и взяли въ плѣнъ находившихся тамъ Проспера Колонну и союзныя войска (большую частію конницу). Въ то же время Александрія, Тортона и всѣ миланскіе города на правой сторонѣ По сдались Эмару-де-При (Aymar-de-Prigie) и войскамъ, посланнымъ изъ Франціи моремъ въ Геную и усиленнымъ 4-мя тысячами генуэзцовъ.* Все это принудило швейцарцовъ отступить въ миланское герцогство, оставивъ всю свою артиллерію въ Новарѣ. Они могли бы быть отрѣзаны, окружены и разбиты, но французская армія не была еще вся собрана, и самъ Францискъ I находился еще по другую сторону Альповъ. Коль же скоро армія собралась и Францискъ I прибылъ къ ней, то она двинулась черезъ Верчелли къ Новарѣ, взяла послѣдній городъ и оттуда черезъ Виджевано и

Павію прибыла къ Мариньяно или Меленьяпо (къ востоку отъ Милана), гдѣ и была расположена съ цѣлію препятствовать соединенію испанско-папскихъ войскъ, находившихся въ Піаченцѣ, съ швейцарцами, бывшими въ Миланѣ, и облегчить собственное соединеніе съ венеціанцами, которые шли къ ней долиной р. По. Донъ Раймонъ де Кардоне, неаполитанскій вице-король и главноначальствовавшій арміею лиги, съ свсей стороны, имѣя въ виду препятствовать соединенію французовъ съ венеціанцами, перешель черезъ По; но французы принудили его отступить обратно за эту рѣку, и такимъ образомъ венеціанцы, прибывъ безпрепятственно къ Лоди, открыли сообщеніе съ французами. Между тѣмъ Францискъ I, еще во время слѣдованія отъ Новары къ Мариньяно, успѣлъ переговорами и деньгами склонить швейцарскіе кантоны къ нейтралитету. Но, находившіеся въ миланскомъ герцогствѣ швейцарцы, подстрекаемые начальникомъ ихъ, кардиналомъ сіонскимъ (Сіона или Зиттена въ Швейцаріи), напали на французскую армію столь неожиданно, что она едва успѣла построиться къ бою. Двое сутокъ сряду продолжался упорный и кровопролитный бой при Мариньяно (12—13 ноября 1515 года); къ концу вторыхъ сутокъ Алвіано съ венеціанцами прибылъ на поле сраженія, и вскорѣ швейцарцы, понеся огромный уронъ (изъ 20 тыс. около 15 т.), отступили сражаясь и въ порядкѣ въ Миланъ, откуда большею частію удалились въ Швейцарію. Французы осадили миланскій замокъ, въ которомъ герцогъ миланскій заперся съ своими войсками и оставшимися швейцарцами. Кровопролитный 2-хъ-дневный бой при Мариньяно (прозванный французами битвою гигантовъ, *bataille des géants*) навелъ такой страхъ на испанскія войска, находившіяся въ Піаченцѣ, что они удалились въ неаполитанское королевство. Лаврентій Медичи, оставшись одинъ, былъ слишкомъ слабъ для предпріятія чего-либо важнаго; Максимилианъ I, не смотря на всѣ свои обѣщанія, оставался въ бездѣйствіи; швейцарцы были склонны къ миру; наконецъ между осажденными въ миланскомъ замкѣ произошли несогласія. Все это имѣло слѣдствіемъ то, что герцогъ миланскій отказался въ пользу Франциска I отъ правъ своихъ на миланское герцогство, сдалъ французамъ миланскій и кремонскій замки и отправился на жительство во Францію. А Францискъ I торжественно вступилъ въ Миланъ, далъ венеціанцамъ 3,600 чел. конницы и 7 т. ланцекнехтовъ, для содѣйствія имъ къ обратному завоеванію городовъ ихъ на твердой землѣ, заключилъ союзъ съ швейцарцами и вскорѣ послѣ того съ папою Львомъ, который отозвалъ свои войска и передалъ французамъ Парму и Піаченцу. Вслѣдъ затѣмъ Францискъ I, назначивъ коннеабля Бурбона намѣстникомъ своимъ въ миланскомъ

герцогствѣ, отправился лично во Францію. По удаленіи его, французы и венеціанцы осадили Брешию и Верону, но Максимилианъ, прибывшій въ Италію съ нѣмецкими и швейцарскими войсками, принудилъ ихъ снять осаду этихъ городовъ и осадилъ французовъ въ Миланѣ. Они держались упорно, и вскорѣ Максимилианъ удалился въ Германію, войска его разошлись, а французы и венеціанцы взяли Брешию.

§ 134.

1-я война Франциска I съ Карломъ V (1521—1526).

Смерть Максимилиана I (въ 1510 г.) возвела на престолъ имперія Карла V и соединила въ его рукахъ власть надъ Германіей, Испаніей, Нидерландами, Франшъ-Конте, королевствомъ обѣихъ Сицилій и всѣми землями, открытыми Коломбомъ. Карлъ V явился могущественнѣйшимъ государемъ Европы и соперникомъ честолюбиваго Франциска I. Соперничество ихъ повело наконецъ въ 1521 г. къ войнѣ между Франціей и Австріей за политическое первенство въ Европѣ. 23 года (до 1544 г.) продолжалась война эта съ перемѣннымъ успѣхомъ, но кончилась въ пользу Карла V и столько же замѣчательна въ военномъ отношеніи, сколько и въ политическомъ.

(1521). Склонивъ на свою сторону, въ лицѣ кардинала Уольсея, Генриха VIII, короля англійскаго, Карлъ V открылъ войну съ Францискомъ I въ Нидерландахъ. Вступивъ во Францію, онъ встрѣтилъ Франциска I при Валансиенѣ; но оба противника разошлись безъ боя и военныя дѣйствія ограничились осадой и взятіемъ нѣсколькихъ городовъ и крѣпостей. Въ Испаніи французы взяли Фуентарабію. Въ Италіи папа Левъ X заключилъ союзъ съ Карломъ V и оба положили изгнать французовъ изъ миланскаго герцогства и возвести на миланскій престолъ сына Максимилиана Сфорца, Франциска. Они привлекли на свою сторону марквиза мантуанскаго и флорентинскую республику, приняли въ свою службу швейцарцовъ и собрали въ Болоньѣ 18 т. чел. пѣхоты и 3,600 чел. конницы, главное начальствованіе надъ которыми ввѣрилъ Просперу Колоннѣ, а подъ нимъ испанскими войсками начальствовалъ марквизъ Пескара.

Обстоятельства благоприятствовали союзникамъ: возбужденные ненавистью къ французамъ, особливо къ намѣстнику Франциска I Лотреку (Lautrec), миланцы произвели всеобщее возстаніе; швейцарцы, бывшіе во французской арміи въ миланскомъ герцогствѣ,

удалились изъ нея, не получая жалованья; остались 3—4 т. войскъ, которые Лотрекъ размѣстилъ въ 2-хъ или 3-хъ крѣпостяхъ, держась самъ съ конницей въ полѣ. Единственными союзниками Франциска I въ Италіи были венеціанцы.

Военныя дѣйствія были открыты осадой Пармы союзниками. Но, связавъ осаду, они перешли близъ Кремоны черезъ По и двинулись вверхъ по р. Олліо на встрѣчу 12 т. швейцарцамъ, шедшимъ на соединеніе съ ними, равно и для устрашенія венеціянцевъ и принужденія ихъ отложиться отъ французовъ. Оплошность Лотрека дозволила имъ безъ препятствія перейти черезъ По, слѣдовать по р. Олліо и соединиться съ швейцарцами. Грѣшнѣйшій ими, Лотрекъ удалился сначала въ Миланъ, потомъ въ Комо, оттуда за р. Адду въ венеціанскія владѣнія и наконецъ въ Кремону — единственный городъ, остававшійся во власти французовъ: всѣ прочіе покорились союзникамъ. Въ это время папа Левъ X умеръ и кардиналъ Медичи распустилъ папскія войска. Сверхъ того, 16 т. швейцарцевъ перешли отъ союзниковъ къ французамъ. Такое ослабленіе союзниковъ остановило ихъ успѣхи.

(1522). Зимой французы успѣли привлечь на свою сторону и бывшія папскія войска. Такимъ образомъ, несмотря на то, что венеціанцы пропустили 6 т. ланцкнехтовъ, шедшихъ на соединеніе съ союзниками, числительный перевѣсъ перешелъ на сторону французовъ. Послѣ тщетной осады миланскаго замка, французская армія расположилась при Кассано, для воспрепятствованія присоединенію къ союзникамъ другихъ 6 т. ланцкнехтовъ. 5 т. войскъ изъ этой арміи были посланы на встрѣчу маршалу Де-Фуа (брату Лотрека), который велъ черезъ Геную сильное подкрѣпленіе. Чтобы облегчить соединеніе съ нимъ, войска эти взяли Новару, соединились съ маршаломъ Де-Фуа и возвратились въ Кассано. Но Лотрекъ не умѣлъ воспрепятствовать соединенію ланцкнехтовъ съ Колонной въ Миланѣ.

По присоединеніи этихъ подкрѣпленій, обѣ арміи уже были въ достаточныхъ силахъ для вступленія въ бой (французамъ было 22—23 т., а союзниковъ около 14 т.). Колонна дѣйствительно вышла изъ Милана, но Лотрекъ предпочелъ осадить Павію. Прибытіе Колонны и недостатокъ продовольствія принудили его однако снять осаду. Для удовлетворенія швейцарцевъ, не получавшихъ жалованья, онъ пошелъ дальнимъ обходомъ на востокъ отъ Милана къ Лаго-Маджіоре, чтобы въ Аропѣ отбить казну союзниковъ. Колонна преградила ему путь, расположась между Миланомъ, Лодди и Монцой, при Ла-Бивокѣ (la Visosa), старомъ увеселительномъ замкѣ миланскихъ герцоговъ, среди обширнаго звѣринца, окруженнаго широкимъ и

глубокимъ рвомъ. Швейцарцы, требуя денегъ или боя и грозя въ противномъ случаѣ удалиться, принудили Лотрека противъ воли напасть на Колонну. Но онъ сдѣлалъ при этомъ такія неблаго-разумныя распоряженія, что въ происшедшемъ (22 апрѣля 1522 г.) сраженіи при Ла-Бикокъ французская армія была разбита. Вслѣдъ затѣмъ швейцарцы удалились въ Швейцарію, венеціянцы заключили союзъ съ Карломъ V, а французы сохранили въ своей власти во всей Италіи только одинъ кремонскій замокъ.

Въ 1523 году Карлъ V, Генрихъ VIII, папа Адріанъ VI, венеціанская и генуэзская республики, герцогъ феррарскій и маркизь мантаванскій составили союзъ (Римскій) противъ Франциска I. Послѣдній началъ собирать въ Ліопѣ войска и хотѣлъ предупредить союзниковъ наступательными дѣйствіями въ Италіи. Слабость, легкомысліе и неблагоразуміе его и интриги его матери были причиною, что коннетабль Карлъ Бурбонъ, лишенный всѣхъ наслѣдственныхъ своихъ владѣній во Франціи, перешелъ въ это самое время на сторону Карла V. Обстоятельство это принудило Франциска I остаться во Франціи, для принятія мѣръ къ оборонѣ ея, а 25-ти-тысячную французскую армію, назначенную для дѣйствій въ Италіи, вѣрить адмиралу Боннивэ (Bonniwet), неспособность и ошибки котораго были причиною совершенной неудачи французскаго оружія въ Италіи. Сначала Боннивэ овладѣлъ всею частью миланскаго герцогства по правую сторону р. Тессино, силою перешелъ черезъ эту рѣку и легко могъ овладѣть Миланомъ, пользуясь наведеннымъ на миланцовъ страхомъ. Но онъ вступилъ съ послѣдними въ переговоры, велъ ихъ очень долго, потерялъ напрасно много времени и наконецъ, видя неуспѣшность переговоровъ и надѣясь голодомъ принудить Миланъ къ сдачѣ, обложилъ его, вмѣсто того, чтобъ осадить. Вскорѣ союзныя войска стѣснили французскую армію и снабдили Миланъ продовольствіемъ. Принужденный отказаться отъ взятія Милана, Боннивэ отослалъ артиллерію и пѣхоту въ Піемонтъ, а самъ, въ ожиданіи прибытія подкрѣпленій изъ Франціи и швейцарцовъ изъ Швейцаріи, расположился съ остальными войсками въ окрестностяхъ Біаграссо. Между тѣмъ папа Адріанъ и Просперъ Колонна умерли: мѣсто перваго заступилъ кардиналъ Медичи подъ именемъ Климента VII, а мѣсто послѣдняго — Ланнуа, вице-король неаполитанскій. Въ то же время въ союзную армію прибыли герцогъ миланскій, маркизь Пескара и Карлъ Бурбонъ. Вскорѣ между этими 4-мя главными предводителями союзныхъ войскъ произошли несогласія, которыми Боннивэ не умѣлъ однако воспользо-ваться.

Въ 1524 году союзники перешли черезъ Тессино, отрѣзали фран-

цузскую армію отъ Пиемонта, Франціи и края по правую сторону Тессино, откуда она добывала продовольствіе, уклонились отъ боя съ нею, надѣясь голодомъ принудить ее къ сдачѣ, и воспрепятствовали соединенію съ нею 6 т. граубюнденцовъ, шедшихъ къ Лоди, и 6 т. швейцарцовъ, слѣдовавшихъ черезъ Иврею къ р. Сессіи: тѣ и другіе воротились въ Граубюнденъ и Швейцарію. Къ довершенію бѣдствій, въ войскахъ распространилась чума. Наконецъ Боннивѣ, рѣшась отступить изъ Италіи, двинулся къ верхней Сессіи, сильно тѣснимый со всѣхъ сторонъ союзною арміей. Между Романьяно и Катинара ему удалось силой перейти черезъ Сессію, но съ большимъ урономъ (этотъ переходъ нѣкоторыми писателями неправильно называется сраженіемъ при Біаграссо или Ребеккѣ). Швейцарцы, бывшіе во французской арміи, удалились въ Швейцарію, бросивъ порученную имъ артиллерію, которая вся досталась союзникамъ. Остатки французской арміи отступили черезъ Сузскій проходъ въ Дофинэ; союзники же не препятствовали тому и, по сдачѣ имъ Лоди, Александріи и кремонскаго замка, овладѣли всемъ миланскимъ герцогствомъ. Вскорѣ войска Карла V вступили въ Провансъ и осадили Марсель, но упорная оборона этого города, недостатокъ въ продовольствіи и приближеніе французскихъ войскъ принудили ихъ наконецъ снять осаду Марсели и отступить въ Италію. Французская армія послѣдовала за ними, нанесла пораженіе ихъ арріергарду и безъ сопротивленія заняла Миланъ. Ланнуа отступилъ сперва къ Лоди, а потомъ къ р. Олліо. Долго колебавшись между осадой Лоди и Павіи, Францискъ I, по совѣту Боннивѣ, осадилъ послѣдній изъ этихъ городовъ. Сначала осада была ведена съ успѣхомъ, но потомъ весьма медленно, по недостатку въ деньгахъ и продовольствіи, который не менѣе чувствителенъ былъ и у осажденныхъ. Союзная армія была довольно сильна для освобожденія Павіи. Но, по присоединеніи къ ней (1525 г.) Карла Бурбона съ 12 т. ланцкнехтовъ, набранныхъ имъ въ Германіи, она двинулась въ числѣ около 22—23 т. чел. (17 т. чел. пѣхоты, 4,200 чел. тяжелой и 700 чел. легкой конницы) къ Павіи. Въ это самое время Францискъ I отрядилъ герцога албанскаго съ 5 т. войскъ въ неаполитанское королевство, для развлеченія вниманія и силъ союзниковъ, но не достигъ своей цѣли и только бесполезно ослабилъ себя, тогда какъ долженъ былъ бы помышлять о наибольшемъ усиленіи своемъ. По отряженіи герцога албанскаго, у Франциска I осталось не болѣе 26—28 т. войскъ. Не внимая благоразумнымъ совѣтамъ снять осаду и выждать, пока союзныя войска, нуждавшіяся во всемъ, сами собою разойдутся, онъ и въ этомъ случаѣ предпочелъ послѣдовать мнѣнію Боннивѣ и вступить въ бой. Въ происшедшемъ вслѣдствіе

того сраженіи при Павіи (24 февраля 1525 г.), французская армія была разбита и потеряла огромный уронъ, а самъ Францискъ I былъ взятъ въ плѣнъ. Миланское герцогство было снова очищено отъ французовъ.

§ 135.

2-я война Франциска I съ Карломъ V (1527—1529).

Въ 1526 году Карломъ V и Францискомъ I былъ заключенъ мадридскій договоръ, по которому Францискъ получилъ свободу, уступивъ Карлу—Бургонію, Карлу Бурбону—Провансъ и Дофинэ, а Генриху VIII—всѣ французскія области, занятыя англичанами, и отказавшись отъ всѣхъ правъ и притязаній своихъ на Италію, Фландрію и Аргуа. Но государственные чины Бургоніи отвергли отрорженіе ся отъ Франціи; Климентъ VII объявилъ мадридскій договоръ недѣйствительнымъ и заключилъ съ Францискомъ I, Генрихомъ VIII и италіянскими государствами священный союзъ противъ Карла V. Война возобновилась.

Армія Карла V, подъ предводительствомъ маркиза Пескары, завоевала всѣ крѣпости и города миланскіе, за исключеніемъ миланскаго и кремонскаго замковъ, въ которыхъ держался еще герцогъ миланскій. Вскорѣ мѣсто умершаго маркиза Пескары заступилъ Карлъ Бурбонъ. Карлъ V, въ отмщеніе папѣ за составленіе противъ него союза, двинулъ свою армію къ Риму. 5 мая 1527 г. войска Карла V взяли Римъ приступомъ (sacco di Roma) и въ немъ папу въ плѣнъ; но на приступѣ Карлъ Бурбонъ былъ убитъ и мѣсто его заступилъ принцъ Филибертъ оранскій. Въ іюль 32 т. французскихъ войскъ, подъ начальствомъ Лотрека, вступили въ Италію и, по оставленіи части войскъ герцогу миланскому, двинулись къ Риму на освобожденіе папы. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, папа успѣлъ спастись изъ плѣна въ Орвіето; войска Карла V отступили изъ Рима въ неаполитанское королевство, а французы послѣдовали за ними. Почти всѣ неаполитанскіе города, занятые имперскими войсками, были покорены или сдались добровольно. Остался одинъ Неаполь, который и былъ обложенъ сначала съ сухаго пути, а потомъ и съ моря.

(1528). Но счастье снова измѣнило французамъ: голодъ, чума и побѣги значительно уменьшили число войскъ ихъ; Лотрекъ умеръ; Андрей Доріа, дожъ генуэзскій, отложился отъ французовъ и заключилъ мирный договоръ съ Карломъ V. Вслѣдствіе этого французы, не смотря на то, что корабли ихъ вмѣстѣ съ венеціанскими

разбили въ неаполитанскомъ заливѣ испанскій флотъ, были принуждены снять блокаду Неаполя, сначала со стороны моря, а потомъ и съ сухаго пути, и отступить въ Аверсо. Обложенный здѣсь послѣдовавшими за нимъ войсками Карла V, марквизъ Салуццо, заступившій мѣсто Лотрека, сдался на капитуляцію съ оружіемъ, артиллеріей, снарядами и запасами. Вскорѣ графъ Сенъ Поль прибылъ изъ Франціи въ миланское герцогство съ новымъ отрядомъ французскихъ войскъ, взяли многіе города, обложили Миланъ, но вскорѣ двинулся къ взятой Андреемъ Доріа Генуѣ, для обратнаго покоренія ея. Находившіяся въ Миланѣ имперскія войска преслѣдовали его, разбили и взяли въ плѣнъ при Ландриано. Остатки войскъ его разсѣялись, и Италия была снова очищена отъ французовъ. Миръ, заключенный 5-го августа 1529 года въ Камбрэ, прекратилъ войну: Францискъ I отказался отъ правъ на миланское герцогство, Фландрію и Артуа, а Карлъ V сохранилъ права на Бургонію.

§ 136.

3-я война Франциска I съ Карломъ V (1535—1538).

Умерщвленіе въ Миланѣ, по приказанію герцога миланскаго, въ угодность Карлу V, французскаго посланника Мервилля, возобновило въ 1535 г. войну. Открытію ея Францискомъ I благоприятствовало отсутствіе Карла V, отправившагося въ Африку для покоренія Туниса. Въ то самое время, когда Францискъ I уже хотѣлъ вступить въ Италію, герцогъ савойскій отказалъ ему въ проходѣ черезъ свои владѣнія. Французская армія, подъ предводительствомъ адмирала Бріонъ-Шабб, безъ труда завоевала почти всю Савою и дошла уже до Монъ-Сениса, когда смерть бездѣтнаго герцога миланскаго измѣнила политическія обстоятельства. Карлъ V открылъ переговоры, но единственно для выпяганія времени. А потому весною 1536 года Бріонъ-Шабб перешелъ черезъ Альпы и, отбѣснивъ союзниковъ за Туринъ, расположился между Туриномъ и Кивассо, въ ожиданіи сбора всей арміи, силы которой простирались до 34 т. чел. Карлъ V, возвратившійся изъ Африки, приказалъ своимъ войскамъ, подъ предводительствомъ Антонія Лёве, перейти черезъ р. Сессію. Францискъ же, желая чтобы вся несправедливость начатія наступательныхъ дѣйствій была на сторонѣ Карла V, запретилъ Бріону-Шабб переходить черезъ Сессію и приказалъ ограничиваться одною обороною Пиемонта; въ то же время были приняты дѣятельныя мѣры для обороны южныхъ областей Фран-

ции. Войска Карла V, перейдя черезъ Сессю, занялись прежде всего покореніемъ Фоссано, Кони и Турина. Кони и Фоссано сдались имъ, но осадѣ Турина они были принуждены снятъ. Вскорѣ Карлъ V вступилъ въ Провансъ съ 50 т. чел. пѣхоты и 30 т. чел. конницы и двинулся къ Грасу и Антибу, сопровождаемый близъ береговъ флотомъ, нагруженнымъ артиллеріей и продовольствіемъ. Францискъ I съ частію войскъ расположился въ Валансѣ, а маршалъ Монморанси съ главными силами—въ сильно-уврѣпленномъ лагерѣ при Авиньонѣ, и въ этомъ оборонительномъ положеніи они ждали приближенія Карла V. Переходъ черезъ Альпы и движеніе черезъ опустошенныя французами Провансъ, въ непрерывномъ бою съ французскими отрядами и вооруженными жителями, стоили арміи Карла V необыкновенныхъ трудовъ и потерь. Не отважившись напасть на авиньонскій лагерь, Карлъ V осадилъ Марсель, но не могъ скоро овладѣть ни этимъ городомъ, ни Арлемъ, ни вступить въ Лангедокъ долиною Роны, и былъ принужденъ предпринять обратное движеніе въ Италію, отправивъ артиллерію и тяжести моремъ на флотъ. Это отступленіе было самое бѣдственное: окруженная и тѣснимая со всѣхъ сторонъ французскими войсками и вооруженными жителями, непрерывно сражаясь съ ними, терпя голодь и нужду, изнуряемая болѣзнями, армія Карла V двигалась медленно и понесла огромныя потери. Французы преслѣдовали ее только до Альповъ, потому что въ это самое время графъ Генрихъ нассаускій вторгнулся съ 27 т. нидерландскихъ войскъ въ Пикардію, опустошилъ ее, взялъ Гизъ (Guise) и осадилъ Пероннъ. Упорная оборона этого города и прибытіе къ нему подкрѣпленій принудили однако графа нассаускаго снять осаду и отступить въ Нидерланды. Вскорѣ для Пикардій и Нидерландовъ заключено было перемиріе, но война была возобновлена въ Піемонтѣ и ведена съ переменнымъ успѣхомъ между Альпами, По и Танаро, гдѣ союзныя войска подъ начальствомъ маркиза Гуасто (Guasto или Vasto), а французія подъ начальствомъ Рапгоне, потомъ Д'Юмьера (D'Humières) и Монморанси, отнимали одни отъ другихъ города. Но наконецъ союзники были оттѣснены къ Асти, а французы овладѣли всѣми городами въ Піемонтѣ между Альпами и Танаро. Союзъ Франциска I съ султаномъ Сулейманомъ I и дѣйствія послѣдняго въ Венгріи и на морѣ противъ неаполитанскаго королевства, хотя и неимѣвшія еще полного успѣха, побудили Карла V заключить въ 1538 г. перемиріе на 10 лѣтъ.

§ 137.

4-я война Франциска I съ Карломъ V (1542—1544).

Въ 1542 году война возобновилась по поводу того, что Карлъ V, обѣщавшій отдать герцогство миланское Франциску I, отдалъ оное сыну своему Филиппу, равно и того, что въ 1541 году, когда Карлъ V предпринялъ экспедицію противъ Алжира, два посланника Франциска I, отправленные черезъ Венецію въ Константинополь, для заключенія новаго союза съ Сулейманомъ I, были, по приказанію Карла V, тайно умерщвлены. Французы положили дѣйствовать частью силъ оборонительно въ Италіи, главными же силами самымъ рѣшительнымъ наступательнымъ образомъ въ Руссильонѣ и Луксембургѣ. Сильная армія, подъ начальствомъ герцога орлеанскаго и подъ нимъ герцога Гиза, вскорѣ овладѣла почти всемъ луксембургскимъ герцогствомъ. Другая, сильная же армія, подъ начальствомъ дофина и подъ нимъ маршала Д'Аннебо (D'Annebaut), осадила Перпиньянъ; но упорное сопротивленіе этого города, болѣзни въ войскѣ и опасеніе осенняго разлитія рѣкъ принудили ее снять осаду и отступить. Въ Піемонтѣ Ланже-Дюбеллѣ съ 5 т. войскъ держался съ успѣхомъ противъ 15 т. имперскихъ войскъ. Позже и армія Д'Аннебо вступила въ Піемонтъ, но ничего важнаго не совершила.

(1543) Главныя усилія съ обѣихъ сторонъ были произведены въ Нидерландахъ, но важнѣйшія дѣйствія произошли въ Италіи. Герцогство луксембургское было отнято у французовъ, но вскорѣ снова завоевано ими. Карлъ V склонилъ на свою сторону Генриха VIII и въ то время, какъ онъ самъ съ сильною арміею вступилъ въ Геннегау и осадилъ Ландреси и Гизъ, 10 т. англійскихъ войскъ высадились на берегахъ Нидерландовъ. Осада Гиза была снята и всѣ усилія имперскихъ и англійскихъ войскъ обращены противъ Ландреси. Но, не успѣвъ взять этотъ городъ, союзныя войска расположились на зимнія квартиры.

Францискъ I, занятый преимущественно дѣйствіями въ Нидерландахъ, пренебрегъ мѣрами, нужными для успѣха дѣйствій на югѣ. Оттого покушеніе соединеннаго французско-турецкаго флота противъ Ниццы не имѣло никакого успѣха. Въ Піемонтѣ Гуасто взялъ Кариньяно и тѣмъ отрѣзалъ сообщенія Турина съ Пиньеролемъ и Альпами. Графъ ангіенскій, принявшій начальствованіе надъ французскими войсками и владѣвшій Карманиолою, обложилъ и осадилъ Кариньяно. Гуасто, армія котораго была сильнѣе французской, дви-

нулся къ Карманьолю, намѣреваясь снабдить Кариньяно продовольствомъ, обложить и стѣснить французскую армію и, принудивъ ее голодомъ къ сдачѣ, вторгнуться во Францію. Обѣ арміи (въ французской болѣе 20 т. войскъ, въ имперской 28—29 т.) встрѣтились (14 апрѣля 1544 года) при Черизоллѣ (Cerisolle), къ з. отъ Карманьолы. Въ происшедшемъ здѣсь сраженіи имперская армія была разбита, потеряла 15 т. войскъ и 15 орудій, а остатки ея разсѣялись въ беспорядкѣ и едва въ Миланѣ начали собираться. Побѣда при Черизоллѣ имѣла такое сильное вліяніе на Италію и находившіяся въ ней имперскія войска, что ничего не было легче, какъ завоевать герцогство миланское и внесеніемъ войны въ неаполитанское королевство отвлечь туда войска, обращенныя Карломъ V противъ Франціи. Но Францискъ I, уже состарившійся и охладѣвшій къ завоеваніямъ, а всего болѣе не имѣвшій денежныхъ средствъ для веденія войны, помышлялъ только объ оборонѣ Франціи. 12 т. французскихъ войскъ были отозваны изъ Италіи во Францію, а остальные были слишкомъ слабы для того, чтобы совершить что-либо важное.

Въ 1544 году Карлъ V и Генрихъ VIII условились вступить во Францію съ 80 т. чел. пѣхоты и 20 т. чел. конницы и, не занимаясь осадами городовъ, съ разныхъ сторонъ направиться прямо къ Парижу. Но ничего этого не было исполнено: Генрихъ VIII занялся осадой Монтреля и Булони, а Карлъ V осадил Луксембургъ и— по сдачѣ его и по взятіи Линьи—С.-Дизіе, въ которомъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе. Французская армія въ это время собиралась за Марной близъ Шалона, подъ начальствомъ дофина, герцога орлеанскаго и Д'Аннебо, которые, будучи слабѣе Карла V, не отважились идти на освобоженіе С.-Дизіе. Храбрый гарнизонъ этого города былъ наконецъ принужденъ сдаться, обѣ стороны заключили перемиріе и открыли переговоры, но вскорѣ прервали ихъ, потому что условія Карла V были слишкомъ тягостны. Карлъ V двинулся къ Парижу, взялъ Эперне и Шато-Тьері и навелъ такой ужасъ на Парижъ, что высоты Монмартра уже начали быть укрѣплены. Но Карлъ V желалъ мира: число войскъ его уменьшалось, между тѣмъ какъ французская армія при Ла-Фортѣ-су-Жуаръ безпрестанно усиливалась, а приближавшаяся осень заставляла опасаться непроходимыхъ дорогъ и голода. Мирные переговоры были возобновлены и миръ, заключенный (17 сентября 1544 г.) въ Крепи положилъ конецъ тягостной и разорительной для Франціи войнѣ между Францискомъ I и Карломъ V: Французы продолжали вести войну съ Генрихомъ VIII, который, взявъ Булонь, осадил Монтрель, но, принужденный снять осаду его, отступилъ къ

всегощ. воен. ист. средн. вр. ч. III. отд. I.

Калѣ и воротился въ Англію. Въ 1545 г. французы произвели высадку на островъ Уайтъ (Wight) и хотѣли заложить на немъ крѣпость, но вскорѣ удалились, потому что галеры ихъ были посланы въ Средиземное море. Затѣмъ 34 т. французскихъ войскъ обложили Будонъ и чрезвычайно пострадали отъ чумы, отъ которой погибъ, между прочими, и герцогъ орлеанскій. Наконецъ въ 1546 г. въ Гиньѣ (Guignes) между Англіей и Франціей былъ заключенъ миръ.

V.

Походы 1546 и 1547 годовъ въ Германіи, во время Шмалькальденской войны.

§ 138.

Походъ 1546 года на Дунѣ.

Карль V тщательно избѣгалъ войны съ протестантами Германіи, пока находился въ войнѣ съ Франціей. Но когда съ нею былъ заключенъ миръ въ Крепи и когда въ 1545 году протестанты отвергли постановленія Триентскаго собора, тогда Карль V, стремясь къ неограниченному владычеству въ Германіи и надѣясь достигнуть этой цѣли обезсиленіемъ какъ протестантовъ, такъ и католиковъ, вооружилъ послѣднихъ противъ первыхъ. Протестанты, уже въ 1536 году заключившіе между собою въ Шмалькальденѣ союзъ, главами котораго были Іоаннъ, курфирстъ саксонскій, и Филиппъ, ландграфъ гессенскій, собрали при Ульмѣ около 34 т. виртембергскихъ, швейцарскихъ, саксонскихъ и гессенскихъ войскъ, начальствованіе надъ которыми ввѣрили Себастіану Шертлину-фонъ-Буртенбаху. Этимъ войскамъ Карль V могъ противопоставить на первое время только 5 т. нѣмецкихъ ландкнехтовъ, 3 т. чел. испанской пѣхоты и 700 чел. конницы.—12 т. войскъ, обѣщанныхъ папой, и имперскія войска изъ королевства неаполитанскаго и Нидерландовъ еще не прибыли, равно и вновь вербуемыхъ войскъ, собиравшихся при Фюссенѣ на Лехѣ, было еще мало. Шертлинъ двинулся прежде всего къ Фюссену, намѣреваясь разсѣять или разбить эти послѣднія войска, но уже не засталъ ихъ тамъ. Тогда, имѣя въ виду преградить путь изъ Италіи въ Германію папскимъ и имперскимъ вой-

скамъ, онъ двинулся къ горнымъ между Фюссеномъ и Инспрукомъ проходамъ, черезъ которые они должны были слѣдовать. Разбивъ нѣсколько отрядовъ, онъ занялъ Эренбергъ и Фюссень и хотѣлъ идти далѣе къ Триенту, но былъ отозванъ къ Гюнцбургу на Дунай, для соединенія съ главными силами протестантовъ, сосредоточившимися къ взятому ими штурмомъ Донауверту. Выборъ Донауверта для сосредоточенія силъ протестантовъ былъ весьма удаченъ: близость его отъ Аугсбурга позволяла протестантамъ владѣть и Лехомъ, и Дунаемъ: они могли свободно дѣйствовать на правомъ берегу Дуная, сохраняя сообщеніе и съ лѣвымъ, а изъ Ульма и др. мѣстъ получать въ изобиліи продовольствіе. Вскорѣ между Донаувертомъ на Дунаѣ и Рейномъ на Лехѣ собралось 70 т. старихъ и опытныхъ протестантскихъ войскъ, сражавшихся въ Италіи, Франціи, Венгріи и имѣвшихъ знающихъ и опытныхъ частныхъ начальниковъ. Къ несчастію, главное начальствованіе надъ ними было раздѣлено между курфирстомъ саксонскимъ и ландграфомъ гесенскимъ, а Шертлинъ, болѣе способный ихъ обоихъ къ главному предводительствованію, былъ подчиненъ имъ. Между этими тремя лицами не было и не могло быть согласія; сверхъ того, курфирстъ и ландграфъ были крайне нерѣшительны. Въмѣсто того, чтобы воспользоваться сосредоточеніемъ и превосходствомъ силъ своихъ и быстро двинуться къ Регенсбургу, гдѣ Карлъ V имѣлъ еще мало войскъ, они занялись осадю Райна. А между тѣмъ Карлъ V, усиленный прибытіемъ нѣсколькихъ подкрѣпленій, оставилъ въ Регенсбургѣ артиллерію и 4 т. чел. гарнизона, и двинулся къ Ландсгуту на встрѣчу испанскимъ и папскимъ войскамъ. Долго протестанты не рѣшались, куда имъ направиться, къ Ландсгуту или Регенсбургу, и когда, наконецъ, опасаясь, чтобы Карлъ V не обратился противъ Саксоніи, перешли на лѣвый берегъ Дуная и медленно двинулись къ Регенсбургу, Карлъ V успѣлъ соединиться въ Ландсгутѣ съ 8 т. испанскихъ войскъ подъ начальствомъ герцога Альбы, съ 13 т. папскихъ войскъ подъ начальствомъ Октавія Фарнезе и съ большимъ числомъ нѣмецкихъ ландкнехтовъ. Онъ быстро возвратился въ Регенсбургъ, взявъ тамъ артиллерію и столь же быстро двинулся къ Ингольштадту, имѣя около 54—55 т. войскъ. Обѣ арміи встрѣтились близъ Ингольштадта: Карлъ V расположилъ свою на выгодной оборонительной мѣстности, сильно укрѣпленной окопани. Протестанты положили атаковать ее, построились противъ нея въ боевой порядокъ, открыли сильный огонь изъ артиллеріи, но никакъ не могли согласиться въ томъ, какъ произвести атаку. 5 сутокъ обѣ арміи стояли одна противъ другой, искусно ведя малую войну; на шестыя сутки протестанты пошли черезъ Нейбургъ и Донаувертъ къ Вемдингену, на встрѣчу

*

имперскимъ войскамъ, шедшимъ усиленными переходами изъ Нидерландовъ, подъ начальствомъ Фанъ-Бюрена, на соединеніе съ Карломъ V. Протестанты хотѣли воспрепятствовать этому соединенію, но Фанъ-Бюрентъ, извѣщенный о томъ Карломъ V, перемѣнилъ направление и чрезъ Нюрнбергъ и Регенсбургъ привелъ къ Карлу V 4 т. чел. конницы и 10 т. чел. пѣхоты. Тогда армія Карла V стала равносильною протестантской и перешла къ смѣлымъ и рѣшительнымъ наступательнымъ дѣйствіямъ. Карлъ V двинулся къ Нейбургу и, по сдачѣ этого города, къ Нёрдлингену, сѣдую въ порядкѣ и съ осторожностью. Въ началѣ октября обѣ арміи прибыли къ Нёрдлингену. Протестантская расположилась въ столь удачно выбранной и сильной позиціи, что Карлъ V не отважился атаковать ее и, надѣясь уничтожить ее и безъ боя однимъ медленіемъ, положилъ выманить ее изъ ея позиціи угроженіемъ столь важнымъ для нея сообщеніямъ съ дунайскими городами и съ правымъ берегомъ Дуная. Фарнезе, посланный съ отрядомъ войскъ къ Донауверту, двинулся къ этому городу чрезвычайно быстро и скрытно, и овладѣлъ имъ. Тогда и вся армія Карла V перешла въ Донауверту и расположилась тыломъ къ нему, а лѣвымъ флангомъ къ Дунаю, въ укрѣпленномъ лагерѣ, занявъ Диллингенъ и угрожая Ульму и Аугсбургу. Устрашенный Аугсбургъ отозвалъ изъ протестантской арміи Шертлина съ аугсбургскими городскими войсками. Достигнуть Аугсбурга было трудно, потому что между нимъ и протестантскою арміею уже вездѣ находились имперскія войска. Не смотря на то, Шертлинъ смѣло бросился къ Аугсбургу, успѣлъ пробиться черезъ находившихся близъ него испанцовъ, вступить въ Лаунингенъ, перейти черезъ Дунай и достигнуть Аугсбурга, хотя и съ довольно большимъ урономъ въ людяхъ и потерю артиллеріи. Лаунингенъ вскорѣ сдался Карлу V, армія котораго расположилась за р. Бренцъ; протестантская же, съ своей стороны, заняла противъ нея сильно-укрѣпленный лагерь при Гингенѣ. 6 недѣль обѣ оставались въ этомъ расположеніи, дѣятельно и искусно ведя малую, войну, но избѣгая рѣшительнаго боя. Шертлинъ, который также велъ малую войну со стороны Аугсбурга, предлагалъ собрать въ Виртембергѣ 10 т. войскъ, присоединить къ нимъ гарнизоны Ульма, Аугсбурга и другихъ городовъ, направить такимъ образомъ около 40 войскъ къ Лаунингену и поставить армію Карла V между двухъ протестантскихъ армій. Но курфюрстъ и ландграфъ не согласились на это. Нерѣшительность ихъ произвела всеобщее неудовольствіе въ протестантскихъ владѣніяхъ и войскахъ; въ послѣднихъ открылись побѣги и многіе члены союза, даже самый городъ Нёрдлингенъ, вступили въ переговоры съ Карломъ V. Вторженіе же брата Карла V, Фердинанда, изъ Богеміи въ Саксонію и пруски

принца Морица саксонскаго еще болѣе увеличили затруднительное положеніе протестантовъ. Устрашенные тѣмъ курфирсть и ландграфъ наконецъ также вступили въ переговоры съ Карломъ V. Но условія послѣдняго были такъ тягостны для протестантовъ, что переговоры не повели ни къ чему и, послѣ долгихъ недоумѣній, курфирсть и ландграфъ двинулись (25 ноября) къ Гейденгейму. Отсюда первый съ саксонскими войсками направился къ Франкфурту на Майнѣ, а послѣдній и всѣ остальные войска возвратились въ свои земли. Такимъ образомъ армія протестантская разошлась, сила протестантовъ рухнула и война казалась конченною. Но Карлъ V продолжалъ вести ее самымъ дѣятельнымъ образомъ, не смотря на рано наступившую суровую зиму. Вскорѣ Нёрдлингенъ, Гейлброннъ, Ульмъ и многіе другіе города покорились ему, заплативъ большія контрибуціи. Подобнымъ же образомъ покорились ему герцогъ виртембергскій и курфирсть Фридрихъ пфальцскій съ своими владѣніями. Одинъ Аугсбургъ держался долѣе, но наконецъ также заплатилъ контрибуцію и принялъ имперскій гарнизонъ. Такимъ образомъ, послѣ 4-хъ-мѣсячнаго похода, Карлъ V утвердилъ власть свою въ югозападной Германіи, разрушилъ сильнѣйшій союзъ и заставилъ разойтись сильнѣйшее войско, когда-либо возстававшее противъ него, и въ стремленіи къ политической цѣли своей являлся съ новыми, значительнѣйшими противъ прежняго силами. Онъ былъ обязанъ этими успѣхамъ болшему, въ сравненіи съ противниками его, искусству своему въ военныхъ дѣйствіяхъ. Раздѣленіе власти въ протестантскомъ войскѣ, неспособность и нерѣшительность курфирста и ландграфа и безпрестанныя несогласія ихъ между собою, были причинами, что дѣйствія протестантовъ были медленны, нерѣшительны и производились не во время и какъ бы на-удачу. Карлъ V, напротивъ, превосходно постигая общія и частныя отношенія и обстоятельства Германіи, вѣрно угадывая настоящее время для дѣйствій, сосредоточивая въ рукахъ своихъ власть монарха-полководца, являя твердую волю въ исполненіи своихъ намѣреній и необыкновенное мужество въ преодоленіи препятствій и перенесеніи трудовъ и лишеній наравнѣ съ своими войсками, и поддерживая въ послѣднихъ строгіе порядки и дисциплину и отличный духъ, умѣлъ искусно пользоваться нерѣшимостью, несогласіями и ошибками протестантовъ и, сообразно съ обстоятельствами, либо уклоняться отъ боя въ сильно-укрѣпленныхъ лагеряхъ, либо дѣйствовать самымъ рѣшительнымъ образомъ, соединяя быстроту съ скрытностью и осторожностью.

§ 139.

Походъ 1547 года въ Саксоніи.

Карль V одержалъ важныя успѣхи, но оставалось довершить ихъ такъ, чтобы протестанты не могли болѣе быть опасными ему. Еще въ октябрѣ 1546 г., когда обѣ противныя арміи находились на р. Бренцъ и при Гингенѣ, принцъ Морицъ саксонскій, вступивъ съ войскомъ въ Саксонію, вскорѣ овладѣлъ ею, за исключеніемъ Виттенберга, Готы и Эйзенаха, и по позднему времени года распустилъ свое войско, съ привязаніемъ быть во всегдашней готовности къ походу. Въ декабрѣ курфирстъ саксонскій двинулся изъ Франкфурта въ Саксонію. Чтобы скрыть свое движеніе и доставить войскамъ своимъ, во время его, болѣе удобства, онъ шель малыми частями или ротами (gottenweise); но въ Фульдѣ собралъ ихъ, продолжалъ идти быстро въ Саксонію и, подступивъ къ Лейпцигу, осадилъ его. Принятая принцомъ Морицомъ мѣра къ оборонѣ Лейпцига принудила однако курфирста снять осаду и расположить войска свои на зимнія квартиры въ Альтенбургѣ и окрестностяхъ. Здѣсь онъ надѣялся собрать новыя войска и открыть сообщеніе съ богемскими протестантами. Исполненіе этого было затруднено прибытіемъ въ Саксонію маркграфа Албрехта бранденбургскаго, посланнаго Карломъ V на поддержаніе принца Морица съ 2 т. чел. конницы и 5 т. чел. пѣхоты. Открывъ черезъ Хемницъ сообщеніе съ принцомъ Морицомъ, марграфъ Албрехтъ двинулся къ Рохлицу, но остался тамъ въ бездѣйствіи, былъ внезапно атакованъ курфирстомъ и взятъ въ плѣнъ съ 800 чел. своихъ войскъ. Затѣмъ курфирстъ обратился противъ горныхъ городовъ, которые покорились ему, послалъ богемскимъ протестантамъ въ поддержаніе 10 полковъ пѣхоты и 500 чел. конницы подъ начальствомъ Тумсгирна, и такъ стѣснилъ въ Саксоніи принца Морица, что онъ, размѣстивъ небольшое число оставшихся у него войскъ въ единственныхъ четырехъ городахъ, бывшихъ еще въ его власти въ Саксоніи, именно въ Лейпцигѣ, Цвиккау, Дрезденѣ и Пирнѣ, самъ съ конницей пробрался съ трудомъ въ Богемію и въ концѣ марта 1547 года соединился въ Эгеръ съ Фердинандомъ: соединенныя силы ихъ едва составили 12 т. войскъ. Вскорѣ въ Эгеръ прибылъ Карль V съ 35 т. войскъ (30 т. чел. пѣхоты и 5 т. чел. конницы). Венгерская конница заняла немедленно всѣ горные проходы, ведшіе изъ Богеміи въ Саксонію, а 10 дней спустя вся армія Карла V двинулась въ Саксонію. Курфирстъ

находился въ это время при Мейссенѣ, имѣя при себѣ не болѣе 9 т. ч. войскъ, а всѣ остальные размѣстивъ по гарнизонамъ. Движеніе Карла V въ Саксонію было произведено съ такою быстротою и скрытною, что размѣщенные по гарнизонамъ войска курфирста болѣею частію сдались или разбѣжались, Карль V овладѣлъ всею краемъ между Эльбой и Эльстеромъ, и курфирстъ узналъ о движеніи его тогда только, когда онъ уже находился близъ Мейссена (22 апрѣля 1547 г.). Курфирстъ немедленно сжегъ мейссенскій мостъ и поспѣшно отступилъ къ Мюльбергу, куда за нимъ ночью послѣдовалъ по лѣвому берегу Эльбы и Карль V. Курфирстъ могъ еще избѣжать угрожавшей ему опасности, отступивъ немедленно къ Торгау или Виттенбергу, либо принявъ необходимыя въ его положеніи оборонительныя мѣры. Но, слабый и нерѣшительный, онъ не сдѣлалъ ни того, ни другаго, и оставался при Мюльбергѣ въ совершенномъ бездѣйствіи. Между тѣмъ принцъ Морицъ, а за нимъ и вся армія Карла V совершили переходъ черезъ Эльбу по случайно указанному имъ броду (24 апрѣля 1547 года). Въ то время, какъ передовыя войска принца Морица и венгерская конница атаквали близъ Мюльберга войска курфирста, Карль V построилъ главныя свои силы въ боевой рядокъ позади и гораздо лѣвѣе ихъ для того, чтобы, въ случаѣ ихъ отраженія, они не смяли и не привели въ разстройство главныхъ силъ; сверхъ того, конницу свою онъ построилъ не глубокими массами съ узкимъ фронтомъ, а напротивъ—длиннымъ и неглубокимъ фронтомъ. Войска курфирста были опрокинуты, стремительно преслѣдованы и болѣшая часть ихъ истреблена или взята въ плѣнъ, а самое незначительное число спаслось въ Виттенбергъ: самъ курфирстъ былъ взятъ въ плѣнъ. Побѣдой при Мюльбергѣ протестантамъ былъ вторично нанесенъ сильный ударъ, а Карль V приобрѣлъ значительный перевѣсъ въ средней Германіи.

ГЛАВА XVII.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШІЯ ВОЙНЫ И ПОХОДЫ ЭТОГО ПЕРІОДА.

(Окончаніе).

VI. Походы Генриха IV, короля французскаго, и герцога пармскаго во Франціи (1589—1601). — § 140. Походъ 1589 года противъ герцога Майенна. — § 141. Походъ 1590 года противъ герцога Майенна, графа Эгмонта и принца пармскаго. — § 142. Походы 1591 и 1592 г.г. противъ герцога Майенна и принца пармскаго. — § 143. Война Франціи съ Испаніей (1595—98). VII. Замѣчательнѣйшіе походы и военныя дѣйствія во время войны за независимость Нидерландовъ съ 1568 г. по 1607 г. — § 144. Начало войны. — 1-й походъ герцога Альвы (1568). — § 145. Возобновленіе войны покореніемъ Бриля и всего Зееганда Меергейзамп (1572—73). — § 146. Война во время правленія Рекесенса (1574—76). — § 147. Замѣчательнѣйшія военныя событія во время правленія дона Хуана австрійскаго (1577—78). — § 148. Замѣчательнѣйшія военныя дѣйствія принцовъ пармскаго и Морница оранскаго (съ 1579 по 1593 годъ). — § 149. Война съ 1593 г.

VI.

Походы Генриха IV, короля французскаго, и принца пармскаго во Франціи (1589—1601).

§ 140.

Походъ 1589 года противъ герцога Майенна.

Генрихъ III, король французскій, и Генрихъ Бурбонъ, король наварскій, осаждали Парижъ и въ немъ герцога Майенна съ вой-

скомъ лиги, когда 1-го августа 1589 г. первый былъ убитъ, а послѣдній провозглашенъ королемъ французскимъ подъ именемъ Генриха IV. Бѣльшая часть католическаго и протестантскаго дворянства, окружавшаго Генриха III, осталась вѣрною и Генриху IV. Но многіе католическіе дворяне, имѣя въ главѣ герцога Эпернонскаго, не захотѣли служить протестантскому королю и удалились съ своими войсками. Примѣру ихъ послѣдовали многіе изъ частныхъ начальниковъ войскъ; въ этихъ послѣднихъ открылись побѣги; сверхъ того въ деньгахъ былъ большой недостатокъ, а между оставшимися въ войскѣ католиками и протестантами были взаимныя недоувѣріе, неприязнь и несогласіе. Всѣ эти обстоятельства поставляли Генриха IV въ такое затруднительное положеніе, что онъ хотѣлъ, размѣстивъ войска по гарнизонамъ, искать помощи въ Англіи у королевы Елсаветы, однако по убѣжденію маршала Бирона рѣшился оставаться во Франціи и продолжать войну. Снявъ осаду Парижа, онъ пошелъ въ Нормандію съ 3 т. чел. французской пѣхоты, 2-мя швейцарскими полками и 1,200 чел. конницы, усилилъ ихъ 2,700-ми чел. войскъ, находившимися въ Нормандіи, приказалъ присоединиться къ нему войскамъ изъ Пикардіи и Шампаніи, занялъ Понъ-де-л'Аршъ съ переправой черезъ Сену, Діеппъ и Канъ, занятіемъ Діеппа обезпечилъ себѣ свободное сообщеніе моремъ съ Англіей и осадилъ Руанъ. Но по прибытіи къ Руану герцога Майенна съ 30 тысячами войскъ, онъ принужденъ былъ снять осаду, отступилъ къ Діеппу и, не считая благоразумнымъ ни выдерживать въ Діеппѣ осаду, ни вступать съ противникомъ въ неровный бой, расположился при селеніи Аркъ (Arques), впереди Діеппа, на выгодной оборонительной позиціи, усиленной, сверхъ того, укрѣпленіями. Здѣсь, имѣя не болѣе 7 т. войскъ, онъ былъ атакованъ (20 сентября 1589 года) 30-ю тысячами герцога Майенна; но послѣ упорнаго боя отразилъ ихъ. Затѣмъ, не смотря на всѣ старанія Майенна выманить его изъ укрѣпленной его позиціи, онъ по слабости силъ своихъ не выходилъ изъ нея, но притомъ не допустилъ отрѣзать себя отъ Діеппа и моря. Наконецъ слухъ о появленіи на морѣ англійскаго флота и о приближеніи войскъ Генриха IV изъ Пикардіи и Шампаніи принудилъ Майенна отступить. Генрихъ IV пошелъ на встрѣчу войскамъ своимъ; слѣдовавшимъ изъ Пикардіи и Шампаніи, усилъ соединиться съ ними въ Сгассонъ и уже въ числѣ 15 тыс. двинулся рѣшительно противъ Майенна. Но послѣдній, избѣгая боя, отступилъ за Сомму въ Пикардію, а Генрихъ IV возвратился въ Діеппъ и, получивъ тамъ изъ Англіи значительную сумму денегъ и 4 тыс. англійскихъ войскъ, съ соединенными силами своими перешелъ черезъ Сену въ Мёланъ (Meulan) и обложилъ Парижъ (въ октябрѣ

1589 г.). Майеннъ двинулся быстро изъ Пикардіи на помощь Парижу, безпрепятственно перешелъ черезъ Сѣну въ Сень-Максансъ, гдѣ, не смотря на приказаніе Генриха IV, мостъ не былъ уничтоженъ, и вступилъ въ Парижъ въ тотъ самый день (1-го ноября), когда Генрихъ IV атаковалъ и взялъ приступомъ 5 южныхъ предмѣстій города. Прибытіе Майенна принудило Генриха IV отказаться отъ взятія Парижа, занятаго превосходною въ силахъ арміею, очистивъ предмѣстія, онъ отступилъ къ Луарѣ медленно, въ порядкѣ и въ безпрестанной готовности къ бою, отрѣзая сообщенія Орлеана съ Паражемъ и вступилъ въ Туръ. Многіе города покорились ему добровольно, другіе были взяты силой.

§ 141.

Походъ 1590 г. противъ Майенна, графа Эгмонта и принца бармскаго.

Майеннъ, овладѣвъ нѣсколькими городами къ сѣверу отъ Парижа, осадилъ Мѣланъ. Генрихъ IV двинулся противъ него и, освободивъ Мѣланъ, осадилъ и взялъ Пуасси. Тогда Майеннъ, уклоняясь отъ боя, отступилъ въ Пикардію на встрѣчу испанскимъ войскамъ, которыя графъ Эгмонтъ велъ на помощь ему изъ Нидерландовъ. Генрихъ IV осадилъ Дрѣ (Dreux) и въ то время, когда городъ этотъ уже былъ готовъ сдаться, узналъ о приближеніи 16—17 тыс. соединенныхъ войскъ Майенна и Эгмонта, перешедшихъ съ 6-ю орудіями черезъ Сѣну въ Мансъ. Снявъ осаду Дрѣ, онъ немедленно пошелъ имъ на встрѣчу и, втрѣтивъ ихъ близъ селенія Иври, на р. Эръ (Eure), 14 марта 1590 года вступилъ съ ними въ бой, имѣя подъ конецъ его около 12 тыс. войскъ и 6 орудій. Бой ограничился дѣйствіемъ съ обѣихъ сторонъ конницы и артиллеріи, конница Майенна была разбита совершенно, послѣ чего и пѣхота его разсѣялась. Изъ всего войска Майенна спаслась едва четвертая часть, остальные были истреблены или взяты въ плѣнъ, потерявъ артиллерію, знамена и обозы. Генрихъ IV преслѣдовалъ остатки разбитой арміи всею своею конницею, но на р. Эръ нашелъ всѣ мосты истребленными и потому принужденъ былъ прекратить преслѣдованіе. Вскорѣ онъ овладѣлъ всѣми переправами черезъ Сѣну между Парижемъ и Руаномъ, и, снова обложивъ Парижъ съ 16 т. чел. пѣхоты и 4 т. чел. конницы, самъ съ сильнымъ отрядомъ конницы обратился быстро противъ Майенна, собиравшаго въ Пикардіи остатки своей арміи. Майеннъ успѣлъ однако уйти въ Лаонъ, а оттуда въ Кондѣ — просить помощи у испанскаго намѣстника въ

Нидерландахъ, Александра Фарнезе, принца пармскаго. Послѣдній двинулся, по приказанію Филиппа II, пзъ Валансиення на помощь Парижу съ 15 т. отборнѣйшихъ испанскихъ войскъ (12 тыс. человекъ пѣхоты и 3 т. чел. конницы), большимъ артиллерійскимъ паркомъ и значительными военными снарядами и запасами. Двигаясь въ большомъ порядкѣ, малыми переходами, располагаясь каждую ночь въ укрѣпленномъ лагерѣ и держа въ войскахъ строгую дисциплину, онъ безъ сопротивленія прибылъ (22 августа) въ Мо (Меаух). Генрихъ IV снялъ осаду Парижа и расположился сначала при Клэ (Слае), но потомъ при Шеллѣ на Бондійской равнинѣ, для того чтобы, владѣя теченіемъ рѣки Марны, преградить принцу пармскому путь къ Парижу и лишить его возможности снабдить Парижъ продовольствіемъ по Марнѣ. Принцъ пармскій расположился противъ Генриха IV и, постоянно уклоняясь отъ боя, котораго послѣдній желалъ и искалъ, успѣлъ наконецъ, послѣ нѣсколькихъ успешныхъ движеній, снабдить Парижъ продовольствіемъ и снарядами. Генрихъ IV не успѣлъ воспрепятствовать этому и подступилъ снова къ Парижу. Тщетно пытавшіеся взять оный приступомъ, онъ размѣстилъ часть своихъ войскъ по гарнизонамъ въ ближайшихъ городахъ, для тѣснаго обложенія Парижа, большую часть ихъ послалъ въ ближайшія области, для удержанія ихъ въ повиновеніи, а самъ съ небольшимъ отрядомъ дѣйствовалъ въ полѣ, наблюдая за неприятелемъ и стараясь предупреждать его предпріятія. Вскорѣ принцъ пармскій, достигнувъ своей цѣли — снабженія Парижа продовольствіемъ и снарядами, отступилъ искусно и въ порядкѣ въ Нидерланды, преслѣдуемый Генрихомъ IV.

§ 142.

Походы 1591 и 1592 годовъ противъ Майенна и принца пармскаго.

Въ концѣ 1590-го и въ началѣ 1591-го годовъ войска Генриха IV продолжали облегать Парижъ и съ перемѣннымъ успѣхомъ вести войну въ различныхъ областяхъ Франціи. Овладевъ Шартромъ и Нойономъ и соединясь съ 12 т. чел. пѣхоты и 6 т. конницы, набранныхъ виконтомъ Тюреннемъ между германскими протестантами, Генрихъ IV, не желая терять времени въ нападеніи на сильно-укрѣпленныя квартиры Майенна, съ 40 т. войскъ осадилъ, по условію съ англичанами, Руанъ. Уже осада приближалась къ концу, гарнизонъ терпѣлъ крайній недостатокъ въ продовольствіи, Руанъ былъ близокъ къ паденію, когда принцъ пармскій снова

вступилъ въ Пикардію и, соединясь съ войсками Майенна, двинулся на освобожденіе Руана. Генрихъ IV пошелъ на встрѣчу ему съ 6 т. чел. конницы, оставивъ все прочія войска передъ Руаномъ, для продолженія осады. Встрѣтивъ при Омалѣ принца пармскаго и не въ силахъ будучи атаковать его, онъ отправилъ почти весь отрядъ свой съ обозами назадъ и только съ 600 чел. конницы двинулся впередъ, надѣясь, можетъ быть, такимъ отважнымъ дѣйствіемъ остановить осторожнаго противника. Атакованный при Омалѣ превосходною числомъ конницей, Генрихъ IV былъ раненъ и отбитъ, по отступилъ въ порядкѣ. Отважность его дѣйствительно приостановила движеніе принца пармскаго впередъ, а несогласія между послѣднимъ и Майенномъ были вскорѣ причиной, что принцъ пармскій удалился за р. Сомму, введя только 800 лучшихъ своихъ войскъ въ Руанъ, между тѣмъ какъ ему легко было отрѣзать Генриха IV отъ Руана и даже разбить самую армію его. Генрихъ IV усилилъ осаду Руана и довелъ его до такой крайности, что онъ призвалъ принца пармскаго на помощь. Принцъ пармскій принудилъ Генриха IV снять осаду Руана, но, уклоняясь отъ боя, двинулся къ Кодебеку (Caudebec) на нижней Сенѣ, гдѣ находились большіе склады запасовъ, осадилъ и взялъ его прежде, нежели Генрихъ IV успѣлъ прибыть на помощь этому городу. Обѣ стороны начали вести дѣятельную малую войну, Генрихъ IV — стараясь принудить принца пармскаго къ бою, а послѣдній — постоянно уклоняясь отъ него. Между тѣмъ число войскъ у Генриха IV безпрестанно умножалось, а у принца пармскаго и Майенна — уменьшалось. Терпя нужду и стѣсняемая болѣе и болѣе войсками Генриха IV, армія принца пармскаго и Майенна была наконецъ заключена въ тѣсное пространство между рукавовъ Сены, однако успѣла, благодаря искуснымъ распоряженіямъ принца пармскаго и строгой дисциплинѣ, въ которой онъ держалъ войска свои, перейти благополучно и въ порядкѣ черезъ Сену по мосту на судахъ, въ 2 сутокъ прибыть въ Сенъ-Клу, перейти въ немъ обратно черезъ Сену и достигнуть Шато-Тьерри. Генрихъ IV, не успѣвъ воспрепятствовать ей въ томъ, пошелъ въ Шампанію и взялъ многіе города въ ней.

§ 143.

Война Франціи съ Испаніей (1595—1598).

Съ 1593 года войска Генриха IV въ сѣверо-восточныхъ областяхъ Франціи, въ Бретани, Лангедокѣ и Савоіи безпрестанно одер-

живали новыя и значительныя успѣхи и междуусобная война влопнулась болѣе и болѣе къ концу. Наконецъ отреченіе Генриха IV (въ 1593 г.) отъ протестантскаго исповѣданія склонило на его сторону почти всю Францію, покорило ему главнѣйшіе города ея, а въ 1594 году открыло ему входъ въ Парижъ. Долѣе всѣхъ сопротивлялись Суассонъ, Аміень, Бовѣ, Лаонъ и область Бургонія, въ которыхъ держался Майеннъ съ своею партіей. Но и эти города наконецъ покорились, не смотря на прибытіе на помощь Майенну графа Маусфельда съ небольшою испанскою арміею. Къ концу 1594 г. почти вся Франція была умирена и покорена власти Генриха IV. За всемъ тѣмъ римскій дворъ не хотѣлъ еще признавать Генриха IV, а безпрестанныя козни враговъ его и фанатиковъ подвергали жизнь его опасности. Виновницею лиги и всѣхъ междуусобныхъ ужасовъ, дотолѣ раздиравшихъ Францію, была Испанія. А потому, чтобы пресѣчь зло въ его основаніи, Генрихъ IV прибѣгнулъ къ оружію и открылъ противъ Испаніи войну (1595 г.). Сильная армія испанцовъ и лиги двинулась въ Бургонію. Генрихъ IV, намѣреваясь прегрѣдить ей путь къ осажденнымъ имъ Дижонскому и Талантскому замкамъ или вступить съ нею въ бой, началъ собирать войска свои въ Франшъ-Конте при Фонтенъ-Франсезъ (Fontaine-Française) близъ Грэ (Gray), а самъ между тѣмъ двинулся впередъ съ 700 чел. конницы и разбилъ передовую конницу испанцовъ и лиги. Это, само по себѣ малозначущее, конное дѣло имѣло важныя послѣдствія. Начальствовавшій арміею испанцовъ и лиги, коннетабль Кастильскій, уклоняясь отъ боя со всею арміею Генриха IV, не пошелъ далѣе; вся Бургонія покорилась Генриху IV, всѣ политическіе враги его начали искать примиренія съ нимъ, римскій дворъ призналъ его, и вскорѣ противъ него остались одни испанцы и Майеннъ съ слабыми остатками лиги, въ Провансѣ, Бретани и Пикардіи. Въ этой послѣдней области испанцы разбили близъ Дурланса (Dourlens) посланныя Генрихомъ IV войска, взяли Дурлансъ и Камбрэ. Наконецъ, въ началѣ 1596 года заключенъ былъ въ замкѣ Фоламбрэ (Folambraye) миръ съ Майенномъ, лига рушилась, Марсель и весь Провансъ покорились Генриху IV. Война съ испанцами велась уже въ одной Пикардіи; но дѣйствія въ этой области ограничивались осадой и взятіемъ крѣпостей и городовъ. Эрцгерцогъ Албрехтъ австрійскій взялъ Калэ и Ардръ, а Генрихъ IV Лаферъ. Въ 1597 году эрцгерцогъ Албрехтъ, оставивъ сильныя гарнизоны въ Калэ, Ардрѣ, Дурлансѣ и Камбрэ, опустошилъ Булонскій округъ и удалился въ Нидерланды. Во время его отсутствія, испанцы произвели нечаянное нападеніе на Аміень и овладѣли имъ, но были осаждены въ немъ маршаломъ Бирономъ, между тѣмъ какъ самъ Генрихъ IV

отрѣзая сообщенія Аміеня съ Дурлансомъ. Эрцгерцогъ Албрехтъ успѣшилъ изъ Нидерландовъ на освобожденіе Аміеня съ 25 тыс. войскъ. Но Генрихъ IV не выходилъ изъ своихъ укрѣпленныхъ линій, и эрцгерцогъ Албрехтъ, тщетно пытаясь атаковать ихъ, отступилъ въ Нидерланды, а Аміень сдался. Въ 1598 году междуусобная война прекращена совершенно въ Бретани и область эта покорилась Генриху IV, а миръ, заключенный въ Вервенѣ (Vervins), положилъ конецъ войнѣ Франціи съ Испаніей. Затѣмъ война ведена была дѣйтельно и успѣшно противъ одного герцога савойскаго; но миръ, заключенный въ Лионѣ, прекратилъ и ее, а съ нею и рядъ войнъ внѣшнихъ и внутреннихъ-междуусобныхъ, столь долго раздражавшихъ Францію и исполнявшихъ ее бѣдствіями.

VII.

Замѣчательнѣйшіе походы и военныя дѣйствія во время войны за независимость Нидерландовъ съ 1568 по 1607 годъ.

§ 144.

Начало войны.—1-й походъ герцога Альбы (1567—1568).

Въ 1567 году Филиппъ II, король испанскій, назначилъ намѣстникомъ въ Нидерланды, вмѣсто кардинала Гранвеллы, герцога Альбу, поручивъ ему вести туда съ небольшимъ 9 т. войскъ изъ числа содержавшихъ гарнизоны въ Испаніи и Италіи. Любопытно читать въ современныхъ описаніяхъ нидерландской войны (особенно Метерена) подробности состава, устройства, качествъ и духа войскъ герцога Альбы, равно движенія ихъ изъ Италіи черезъ Францію въ Нидерланды. Здѣсь достаточно будетъ сказать о томъ слѣдующее:

Войска герцога Альбы представляли странную смѣсь военныхъ добродѣтелей и пороковъ. Сражаясь во всѣхъ странахъ Европы и въ Африкѣ, они свыклись съ войною, трудами и лишеніями, приобрѣли многообразную опытность и повсюду ознаменовали себя подвигами мужества, рѣшимости и отваги. Но тогдашній способъ набора войскъ посредствомъ вербованія людей разныхъ націй, разнаго рода и званія, болѣею частію бродягъ, искавшихъ въ военной служ-

бѣ способовъ существованія и обогащенія, равно приняты въ испанской арміи обычаи удерживать въ войскѣ старыхъ солдатъ долѣе срока службы, были причиною, что страсть къ грабежу, алчность къ деньгамъ, жестокость, буйство и склонность къ разврату составляли мрачную сторону испанскихъ бандъ, посланныхъ въ Нидерланды. Медленный, вялый ходъ нидерландской войны способствовалъ еще большому развитію въ нихъ этихъ пороковъ, и войско, справедливо считавшееся первымъ въ Европѣ, явилось подъ конецъ войны, какъ будетъ означено ниже, въ высшей степени безнравственнымъ.

Войска герцога Альбы, собравшіяся въ маѣ 1567 года въ Асти, въ Пиемонтѣ, состояли изъ 4-хъ полковъ пѣхоты, при каждой ротѣ которыхъ находилось по 15 аркебузирова, изъ 10 ротъ тяжелой конницы и 2-хъ ротъ конныхъ аркебузирова. Старые, опытные и искусные генералы и офицеры начальствовали этими войсками подъ главнымъ начальствомъ герцога Альбы, котораго сверхъ того окружало знатнѣйшее испанское дворянство, со славой участвовавшее еще въ войнахъ Карла V. Въ началѣ іюня войско это двинулось черезъ Монъ-Сенисъ и Францію 3-мя отдѣленіями, составлявшими авангардъ, главный корпусъ и аррьергардъ, и слѣдовало малыми переходами, въ удивительномъ порядкѣ и съ соблюденіемъ строжайшей дисциплины. Въ Франшъ-Конте къ нему присоединились 3 роты (роты) бургундской конницы, а въ Луксембургѣ — 3 полка нѣмецкой пѣхоты. Такимъ образомъ герцогъ Альба вступилъ въ Нидерланды съ войскомъ, силы котораго простирались уже до 20 тыс. челов. Первою его заботой было размѣщеніе и содержаніе войскъ. Сильнѣйше гарнизоны онъ оставилъ въ Брюсселѣ, Антверпенѣ и Гентѣ.

Между тѣмъ принцъ Вильгельмъ оранскій, при вѣсти о назначеніи герцога Альбы удалившійся въ Германію, набиралъ въ ней войска. Со всѣхъ сторонъ къ нему стекались нидерландскіе выходцы, большею частію находившіеся въ самомъ бѣдномъ положеніи, и разнаго рода и званія люди, нанявавшіеся въ службу на жалованье. Съ такимъ войскомъ, главнѣйшими побужденіями котораго были алчность къ деньгамъ и добычѣ, принцу оранскому было и трудно, и опасно медлить и ждать, для открытія военныхъ дѣйствій, удобнаго времени, а между тѣмъ устраивать свое разнородное войско. Это было трудно потому, что послѣ конфискованія всѣхъ имѣній принца въ Нидерландахъ, войско его можно было содержать одними скудными пособіями англичанъ, французскихъ гугенотовъ и отчасти германскихъ протестантовъ; опасно же это было потому, что алчныя къ деньгамъ наемныя войска, не получая жалованья, своевольнича-

ли, грабили и ежечасно были готовы разойтись. Все это вынудило принца оранскаго несвоевременно вторгнуться въ Нидерланды. Чтобы облегчить приверженцамъ своимъ въ нихъ одновременныя возстаніе и вооруженіе въ цѣломъ краѣ, принудить тѣмъ испанцовъ раздробить свои силы и тѣмъ удобнѣе одолѣть ихъ, принцъ оранскій раздѣлилъ войска свои на 4 части, которыя должны были вторгнуться въ Нидерланды съ 4-хъ разныхъ сторонъ, именно: графъ Фонтъ-Гоогстратенъ съ одною частью — изъ Люттиха въ область Гельдернъ, нѣкто Кокевилль съ отрядомъ французскихъ гугенотовъ и англичанъ — изъ Нормандіи въ Артуа, братъ принца Вильгельма, графъ Лудвигъ пассаускій, съ сильнымъ корпусомъ войскъ — въ область Фрисландію, и наконецъ самъ принцъ Вильгельмъ съ главными силами — изъ Трира черезъ Аахенъ къ Люттиху.

Цѣль такого раздѣленія силъ и образа дѣйствій была безспорно основательна. Но въ дѣйствіихъ раздѣленными силами въ отдаленныхъ частяхъ края было трудно и даже едва возможно ожидать единства и согласія, слѣдовательно и успѣха. Притомъ каждая часть нидерландскихъ войскъ, отдѣльно взятая, должна была быть слабѣе совокупныхъ испанскихъ силъ или по крайней мѣрѣ равносильна имъ, между тѣмъ какъ совокупныя силы нидерландскія повсюду превосходили бы числомъ совокупныя же силы испанцовъ. Наконецъ, нидерландскія войска, худо устроенныя и вооруженныя, открывая дѣйствія противъ превосходно-устроенныхъ войскъ испанскихъ, должны были бы недостаткомъ устройства замѣнять превосходствомъ численнымъ. Дѣйствительно, въ апрѣлѣ Кокевилль, а потомъ и Гоогстратенъ были разбиты каждый отдѣльно. Графъ Лудвигъ пассаускій, вторгнувшійся въ маѣ въ Фрисландію съ 800 чел. войскъ, имѣлъ бы, можетъ быть, ту же участь, еслибы не особенное обстоятельство, доставившее ему, напротивъ, побѣду. Въ Фрисландіи находилось тогда около 5 т. войскъ подъ начальствомъ герцога Д'Аремберга. Послѣднему и графу пассаускому было равно выгодно избѣгать нѣкоторое время рѣшительнаго боя, первому — для того, чтобы выждать прибытія подкрѣпленій, а второму — чтобы умножить число войскъ своихъ, устроить послѣднія и приучить ихъ въ войнѣ. Герцогъ Д'Арембергъ дѣйствительно сталъ уклоняться отъ боя; но войска его, упрекая его въ измѣнѣ, требовали, чтобы онъ велъ ихъ противъ нидерландцевъ — и были на-голову разбиты ими въ бою между монастыремъ Гейлигерлее и городкомъ Винсхотеномъ въ области Гренингенъ (24 мая 1568 года), съ потерю 6 орудій и 1,600 чел. убитыми, въ числѣ которыхъ находился и самъ герцогъ Д'Арембергъ. Эта первая рѣшительная побѣда чрезвычайно ободрила нидерландцевъ и значительно увеличила число тѣхъ изъ нихъ

которые открыто подняли оружіе. Герцогъ Альба, видя необходимость принятія самыхъ скорыхъ и рѣшительныхъ мѣръ для того, чтобы однимъ сильнымъ ударомъ сокрушить мятежъ въ самомъ его началѣ, направилъ въ Грѣншигенъ всѣ войска, которыя ждалъ изъ Германіи, равно и тѣ, которыя были ненужны въ Брюсселѣ. По прибытіи ихъ въ Грѣншигенъ, графъ нассаускій былъ принужденъ отступить и тщательно избѣгать боя, потому что войска его, не получая жалованья, бунтовали, грабили край и жителей, и толпами покидали знамена. Тѣмъ рѣшительнѣе дѣйствовалъ герцогъ Альба: съ 12 т. отличныхъ войскъ двинулся онъ быстро противъ графа нассаускаго, который послѣ нѣсколькихъ движеній, имѣвшихъ цѣлю уклоненіе отъ боя, расположился наконецъ не болѣе какъ съ 7 т. войскъ при Геммингенѣ (Jemgum) на р. Эмсѣ, и атакованный здѣсь герцогомъ Альбой (21 іюля 1568 года), былъ разбитъ и едва успѣлъ спастись въ Эмденъ съ самымъ незначительнымъ числомъ войскъ, остальные же были либо истреблены, либо перешли въ испанскую службу. Затѣмъ герцогъ Альба возвратился въ Брюссель.

Въ сентябрѣ принцъ оранскій двинулся къ Лютиху съ валлонскими, бургундскими и французскими войсками, хорошо вооруженными и устрѣсенными, числомъ около 28 т. чел. Герцогъ Альба выступилъ противъ него съ 16—17 тыс. войскъ; но какъ здѣсь перевѣсъ силъ и всѣ выгоды были уже на сторонѣ принца оранскаго то герцогъ Альба сталъ уклоняться отъ боя и утомлять противника передвиженіями и малою войной, надѣясь медленіемъ принудить войско его разойтись. Продолжительное пребываніе принца оранскаго между Маасомъ и Рейномъ и возмущеніе войскъ его благоприятствовали намѣреніямъ герцога Альбы. Наконецъ послѣдній расположился въ сильно-укрѣпленномъ лагерѣ при Маастрихтѣ и старался препятствовать переходу принца оранскаго черезъ Маасъ, принявъ для того весьма благоразумныя оборонительныя мѣры. Принцу оранскому удалось однако перейти (17 октября 1568) черезъ Маасъ въ бродъ при Стокемѣ, между Маастрихтомъ и Рѣрмондомъ, скрытнымъ и совершенно неожиданнымъ для герцога Альбы образомъ. Но онъ не успѣлъ воспользоваться тѣмъ, остановился, потерялъ удобное для нападенія время, а потомъ, двинувшись противъ герцога Альбы, не отважился атаковать укрѣпленнаго лагеря его. Здѣсь началась особаго рода война: обѣ стороны, уклоняясь отъ боя, переходили безпрестанно изъ одного лагеря въ другой, ведя малую войну, затрудняя одна другой продовольствованіе, всячески стараясь одна другую ослабить и имѣя сверхъ того въ виду: принцъ оранскій—оттѣснить герцога Альбу, а послѣдній—удержать принца оранскаго. Наконецъ холодная осенняя погода, недостатокъ теп-

лой одежды, продовольствія и денегъ и уменьшеніе числа войскъ отъ непрерывныхъ стычекъ принудили принца оранскаго отступить изъ Нидерландовъ черезъ Геннегау во Францію. Герцогъ Альба слѣдовалъ за нимъ до самой французской границы весьма близко, но съ большою осторожностію и продолжая постоянно уклоняться отъ общаго боя. По вступленіи во Францію, войско принца оранскаго было направлено въ Страсбургъ и частію погибло отъ голода, стужи и болѣзней, частію разбѣжалось, частію наконецъ вступило въ службу французскаго короля и герцога цвейбрюкенскаго; не болѣе 1,200 чел. конницы остались при принцѣ оранскомъ и братѣ его Лудвигѣ и вмѣстѣ съ ними присоединились въ слѣдующемъ году во Франціи къ арміи принца Конде.

Такимъ образомъ герцогъ Альба, дѣйствуя быстро и рѣшительно, разбилъ и уничтожилъ въ Грѣннингенѣ войска графа нассаускаго, а потомъ медленіемъ и уклоненіемъ отъ боя принудилъ войска принца оранскаго, вдвое превосходившія его числомъ, отступить безъ успѣха и съ урономъ во Францію. Столь важныя успѣхи были одержаны герцогомъ Альбой потому, что на его сторонѣ было искусство соображеній и дѣйствій, сообразныхъ съ средствами и обстоятельствами, между тѣмъ какъ со стороны нидерландцовъ, и первоначальныя распоряженія были ошибочны, и послѣдующія дѣйствія медленны и нерѣшительны, а составъ и устройство войскъ неудовлетворительны.

§ 145.

Возобновленіе войны покореніемъ Брива и всего Зеланда меергѣйцами (1572—1573).

Неуспѣхъ нидерландскаго оружія при открытіи войны, сверхъ вышеозначенныхъ причинъ, происходилъ также и отъ того, что нидерландцы не были еще достаточно приготовлены къ общему, единодушному возстанію противъ испанскаго правительства. Но доведенная до крайней степени жестокость правленія герцога Альбы съ 1568 года, возбудила въ нидерландцахъ общую рѣшимость — сплюнуть оружія освободиться отъ испанскаго владычества. Нидерландскіе выходцы возбуждали во всѣхъ странахъ Европы живое участіе къ судьбѣ ихъ отечества, а на морѣ близъ береговъ Нидерландовъ сдѣлались сильными и страшными меергѣйзы (Meergeusen, Gueux de mer)—сначала морскіе разбойники, а потомъ ревностнѣйшіе, отважнѣйшіе и надежнѣйшіе поборники независимости Нидерландовъ. Множество знатнѣйшихъ нидерландскихъ изгнанниковъ и выходцовъ

искали между ними спасенія и убѣжища. Въ 1572 году главою ихъ былъ Вильгельмъ маркскій, графъ люмейскій, непримиримый врагъ испанцовъ, поклявшійся местию имъ за смерть друзей своихъ, Эдмонта и Горна. 1-го апрѣля 1572 г. меергѣйзы высадились скрытно на островѣ Фоорнъ (Voorn), овладѣли на немъ сначала небольшимъ и худо укрѣпленнымъ городкомъ Брилемъ, а потомъ городкомъ Геерфлитомъ и наконецъ всѣмъ островомъ Фоорномъ. Въ скоромъ времени всѣ города Зееланда, за исключеніемъ одного Миддельбурга, занятаго сильнымъ испанскимъ гарнизономъ, изгнали испанцовъ и присоединились къ меергѣйзамъ. Примѣру городовъ Зееланда послѣдовали одинъ за другимъ всѣ города Нордъ-и Зюйдъ-Голланда, за исключеніемъ Амстердама, занятаго, подобно Миддельбургу, сильнымъ испанскимъ гарнизономъ.

Въ этихъ обстоятельствахъ принцъ оранскій, къ которому снова со всѣхъ сторонъ собирались войска, положилъ вторгнуться въ Нидерланды съ 3-хъ сторонъ. Лудвигъ нассаускій въ маѣ пошелъ въ Зюйдъ-Брабантъ на соединеніе съ вступившими туда, подъ предводительствомъ Жанлиса, гугенотами, и вскорѣ взялъ Бергенъ. Графъ Бергъ вторгнулся въ Оверъ-Иссель, взялъ Цютфенъ, Герихемъ и др. и обложилъ испанскіе гарнизоны. Самъ принцъ оранскій съ 20 тыс. войскъ двинулся черезъ гор. Гельдернъ къ Рѣрмонду, взялъ его приступомъ, вступилъ въ Нордъ-Брабантъ и покорилъ въ немъ Тонгернъ, Мехельнъ, С. Тронъ, Тирлемонъ, Лѣвенъ и множество др. гор. Едва 3 мѣсяца протекли со времени взятія Брилла, какъ уже около 80 городовъ явно возстали противъ испанцовъ, а многіе другіе ждали только удобнаго случая, чтобы послѣдовать ихъ примѣру. Герцогъ Альба, сначала не поспавлявшій большой важности во взятіи Брилла и возстаніи городовъ Зееланда, наконецъ убѣдился въ необходимости сильныхъ и рѣшительныхъ мѣръ. Онъ обратился со всѣми своими силами на югъ противъ Бергена — важная ошибка, имѣвшая пагубныя для испанцовъ и необыкновенно выгодныя для нидерландцовъ послѣдствія. Но герцогъ Альба усматривалъ болѣзную опасность на границахъ Франціи, по причинѣ сомнительныхъ отношеній послѣдней къ Испаніи; притомъ онъ приказалъ дѣлать въ Литверсенѣ и Бергъ-оп-Зоомѣ большія военныя затотовленія и надѣялся легко и скоро взять Бергенъ, обезпечить себя со стороны Франціи и еще во-время поспѣть на сѣверъ для прекращенія митежа. Надежды и расчеты его однако на сбылись: 3 мѣсяца осаждалъ онъ Бергенъ, а тѣмъ временемъ народное возстаніе на сѣверѣ распространилось и усилилось чрезвычайно. Бриллъ и его окрестности сдѣлались средоточіемъ возстанія, вооруженія и всей военной дѣятельности нидерландцовъ. Сюда собирались иностранныя вспомо-

*

могательныя войска, нидерландскіе выходцы, всѣ недовольные испанскимъ правительствомъ и множество различнаго рода людей, привлеченныхъ надеждой на добычу. Здѣсь собирался и усиливался флотъ меергёйзовъ, который вскорѣ достигъ чрезвычайной силы;—здѣсь же учреждались огромныя склады оружія и запасовъ. Въ то же время принцъ оранскій, мѣстопробиваніемъ котораго былъ Лёвенъ, принималъ, вмѣстѣ съ возставшими городами, дѣятельнѣйшія мѣры въ народному вооруженію и сильному противудѣйствию герцогу Альбѣ. Но дѣйствія нидерландцовъ съ цѣлію освобожденія Бергена были слишкомъ медленны и нерѣшительны. Принцъ оранскій двинулся въ сентябрѣ къ Бергену съ 24 т. войскъ, но, занятый возстановленіемъ порядка въ краю на пути слѣдованія, между тѣмъ какъ войска его первые нарушали оный, жестоко грабя жителей и возбуждая тѣмъ всеобщее неудовольствіе, онъ шелъ чрезвычайно медленно и, прибывъ къ Бергену, двигался безпрестанно съ мѣста на мѣсто, стараясь выманить герцога Альбу въ поле и принудить его къ бою. Постояннымъ уклоненіемъ герцога Альбы отъ боя, малою войною и стычками войска принца оранскаго были наконецъ до того ослаблены, изнурены и разстроены, что опъ увидѣлъ себя въ необходимости отступить безъ успѣха. Предоставивъ брату своему Лудвигу нассаускому заключить съ испанцами выгодную капитуляцію, онъ перешелъ въ Орсоѣ (Orsoy) черезъ Рейнъ и распустилъ свои войска. Лудвигъ нассаускій же заключилъ съ герцогомъ Альбой капитуляцію, на основаніи которой гарнизонъ Бергена получилъ свободный выходъ, нидерландскія войска безъ оружія, а иностранцы съ оружіемъ, и подъ прикрытіемъ отправленъ во Францію—условія, которыя, равно какъ и многія другія, были въ строгой точности исполнены герцогомъ Альбой. Города Брабанта, покорившіеся принцу оранскому, были принуждены заплатить сильныя контрибуціи, а Мехельнъ, какъ болѣе виновный, въ наказаніе отданъ войскамъ на разграбленіе.

Взявъ Бергенъ, герцогъ Альба обратился противъ сѣверныхъ нидерландскихъ областей: Зееланда, Голланда, Гелдерна, Оверъ-Исселя и Фрисланда. Ужасы были мщеніе его и жестокость, съ которою онъ велъ войну въ этихъ несчастныхъ областяхъ. За то и жители ихъ, предчувствуя судьбу свою, оборонялись съ непмовѣрнымъ упорствомъ. Болѣе всѣхъ городовъ пострадала Наарденъ, Амстердамъ и Гаарлемъ. Послѣдній, осажденный сыномъ герцога Альбы Фридрихомъ, держался 7 мѣсяцовъ (до 13 мая 1573 г.) и испанцы потеряли во время осады его 13 тыс. войскъ. За то по сдачѣ Гаарлема, храбрый защитникъ его, бургомистръ Вибоутъ-фанъ-Рипперда (Wybout van Ruyperda) былъ казненъ, а гарнизонъ и жители

города были повѣшены или утоплены. Затѣмъ безуспѣшная осада испанцами Алкмаара и невыгодный для нихъ бой на Зюйдерзее составляютъ послѣднiя военныя дѣйствiя при герцогѣ Альбѣ. Не смотря на искусство дѣйствiй и успѣхи его, какъ полководца, жестокость его правленiя до того раздражила нидерландцовъ и повредила испанскому владычеству въ Нидерландахъ, что самъ Филиппъ II убѣдился въ необходимости отозвать герцога Альбу, на мѣсто котораго былъ назначенъ (въ 1573 г.) кроткiй, но слабый донъ Сунига и Рекесенсъ (Don Zuniga y Requesens).

§ 146.

Война во время правленiя Рекесенса (1574—1576).

Первыя дѣйствiя Рекесенса имѣли цѣлью освобожденiя Миддельбурга, тѣсно обложеннаго нидерландцами съ предъидущаго 1573 г. Спѣшный корпусъ войскъ былъ собранъ при Антверпенѣ и потомъ въ разныхъ гаваняхъ посаженъ на 60 военныхъ судовъ. Но едва только флотъ этотъ, подъ начальствомъ Санчо - де - Авила, Глимеса и другихъ опытныхъ начальниковъ, вышелъ въ море, какъ былъ атакованъ и разбитъ при Реймерсвалѣ, въ виду береговъ, нидерландскимъ флотомъ подъ начальствомъ Фанъ - Буазота (Van-Boisot): немногие корабли успѣли спастись, прочiе же были сожжены или взяты въ плѣнъ. Послѣдствiемъ этой побѣды была сдача на капитуляцію Миддельбурга, на освобожденiе котораго, съ самаго начала его обложенiя, употреблены были огромныя издержки. Сдача Миддельбурга чрезвычайно ободрила нидерландцовъ; но несчастный край терпѣлъ и отъ своихъ, и отъ испанцовъ: тѣ и другiе грабили безъ пощады. Къ этому присоединились чума и бунтъ въ испанскихъ войскахъ по причинѣ невыдачи имъ жалованья. Отселѣ война принимаетъ уже особенный характеръ: частныя, отдѣльныя предпрiятiя, малая война въ родѣ партизанской, которую съ особеннымъ искусствомъ ведутъ нидерландцы, частныя осады, въ которыхъ разнаго рода хитрости, огромныя искусственныя работы и старанiе одолѣть осажденнаго голодомъ, играютъ болѣе важную роль, нежели самая атака, безпрестанные мятежи въ войскахъ, которые замедляютъ и разрушаютъ успѣхи полководцовъ и наполняютъ край бѣдствiемъ, частое заключенiе мирныхъ договоровъ и капитуляцій, которые обѣ стороны нмало не соблюдаютъ—таковы главныя черты войны въ Нидерландахъ въ продолженiи остальныхъ 35-ти лѣтъ. Только изрѣдка однообразiе это прерывается болѣе обширными и

важными дѣйствіями, сраженіями и т. п. Такъ, напримѣръ, въ 1574 году замѣчательны: сраженіе при сел. Моокѣ или на Моокерской равнинѣ (Mookerheide) и предшествовавшія оному дѣйствія. Нидерландцы болѣе и болѣе распространяли свои успѣхи и пскорѣ смѣлый и дѣятельный графъ нассаускій вторгнулся съ 12 т. войскъ изъ Германіи въ Гельдернъ. Опъ и принцъ оранскій должны были соединиться и осадить Нимвегенъ. Къ счастью для Рекесенса, ему удалось возстановить въ войскахъ порядокъ выдачей имъ жалованья и отправить ихъ подъ начальствомъ Санчо-де Авила въ Гельдернъ. Долго Авила и графъ нассаускій двигались по Маасу, первый—съ пѣлюю перейти черезъ эту рѣку и разбить послѣдвнго до прибытія принца оранскаго, а графъ нассаускій—чтобы препятствовать переходу Авилы черизъ Маасъ и соединиться съ принцомъ оранскимъ. Авила успѣлъ однако скрытно перейти при Граве черезъ Маасъ, двинулся рѣшительно противъ графа нассаускаго, напалъ на него распахъ и разбилъ совершенно (14 апрѣля 1574 г.) при сел. Моокѣ, на правой сторонѣ Мааса, близъ Геннепа. 2 т. нидерландцовъ, въ томъ числѣ самъ графъ нассаускій, были убиты, а остальные разсѣялись.

Но едва только была одержана побѣда при Моокѣ, какъ испанскія войска снова взбунтовались и тѣмъ воспрепятствовали извлечь изъ побѣды надлежащую пользу. Чтобы укротить ихъ, Рекесенсъ старался содержать ихъ въ непрерывной дѣятельности: сначала обратилъ ихъ на усиленіе блокады Лейдена, потомъ противъ острововъ Зееланда: Дювеланда и Скоувеланда, для овладѣнія городомъ Цирикзее, равно и для осады Бомменеде. Въ экспедиціи на острова Зееланда, при 20-ти-дневной осадѣ Бомменеде и при 9-ти-мѣсячной осадѣ и взятіи Цирикзее, испанскія войска явили необыкновенную твердость, мужество, терпѣніе и храбрость и покрыли себя славой, но въ промежуткахъ между ними бунтовали и предавались грабежу и беспорядкамъ. Особенно по взятіи Цирикзее бунтъ войскъ достигъ такого ожесточенія, что правительственный совѣтъ, временно принявшій по смерти Рекесенса (умершаго во время осады Цирикзее), правленіе въ Нидерландахъ, именемъ короля объявилъ испанскихъ солдатъ измѣнниками, клятвoprеступниками и мятежниками и повелѣвалъ всѣмъ нидерландцамъ дѣйствовать противъ нихъ вооруженною силой. Но это еще болѣе ожесточило войска: они взяли Алоствъ, разорили край между Брюсселемъ и Гентомъ; двумя большими массами безчинствовали во Фландріи и Брабантѣ, ограбили Маастрихтъ, Дендермондъ и Геерсбергъ, и наконецъ, соединившись, совокупными силами двинулись противъ торговаго и богатаго Антверпена. Успѣвъ проникнуть въ цитадель, они устре-

мились оттуда (4 декабря 1576 г.) против городских укреплений, взяли их и самый городъ послѣ кровопролитнѣйшаго приступа, зажгли городъ, три дня грабили его, овладѣли въ немъ несмѣтными сокровищами и превратили его въ груду развалинъ.

§ 147.

Замѣчательнѣйшія военныя событія во время правленія Дона Хуана австрійскаго (1577—1578).

Въ самый день взятія Антверпена, въ Луксембургъ прибылъ новый намѣстникъ Нидерландовъ, побѣдитель турокъ при Лепантѣ и Тунисѣ—Донъ Хуанъ австрійскій. Твердость и строгость мѣръ, принятыхъ имъ въ отношеніи къ испанскимъ войскамъ, кротость и миролюбіе его въ сношеніяхъ съ нидерландцами, имѣли слѣдствіемъ то, что первыя вошли въ порядокъ и повиновеніе и положили оружіе, а съ послѣдними открыты переговоры, кончившіяся въ совершенную пользу ихъ, изданіемъ такъ называемаго вѣчнаго эдикта (7 апрѣля 1577 года). Главное условіе его—удаленіе изъ Нидерландовъ всѣхъ иностранныхъ войскъ, съ оставленіемъ въ нихъ всей тяжелой артиллеріи, было исполнено дономъ Хуаномъ въ точности. Большая часть испанскихъ, италіянскихъ и нѣмецкихъ войскъ возвратилась подъ начальствомъ графа Мансфельда въ Италію, часть ихъ вступила въ службу французской лиги, а небольшое число осталось скрытно въ Нидерландахъ. Но миръ продолжался недолго: несправедливое занятіе дономъ Хуаномъ Намюра и перенесеніе имъ туда своего мѣстопробыванія возобновили войну. Призванный государственными чинами въ Брюссель, принцъ оранскій вступилъ въ него торжественно и былъ провозглашенъ штатгалтерромъ или правителемъ (Ruwaard); затѣмъ повсемѣстно приступлено было къ всенародному вооруженію, а цитадели Антверпена, Гента, Утрехта, Валансиенна и др. разрушены. Донъ Хуанъ также дѣятельно готовился къ войнѣ, военная слава его привлекла подъ его знамена большое число испанскихъ, италіянскихъ и нѣмецкихъ войскъ изъ Италіи, изъ арміи французской лиги и изъ Нидерландовъ, гдѣ они дотолѣ срывались. Лучшія войска прибыли къ нему изъ Италіи подъ начальствомъ Александра Фарнезе, принца пармскаго. Вскорѣ у донна Хуана было уже около 20 т. войскъ. Нидерландцы, надѣясь на превосходство свое въ силахъ, расположились (въ началѣ января 1578 года) въ числѣ 30 т. челов. въ укреплennomъ лагерѣ близъ самыхъ стѣнъ Намюра, для удобнѣйшаго удержанія гарнизо-

на этого города. Но въ исходѣ января они предприняли отступление къ Жамблу, были преслѣдованы, настигнуты и совершенно разбиты дономъ Хуаномъ близъ Жамблу (31 января 1578 года). Страхъ и уныніе распространились между нидерландцами. Принцъ оранскій, паходившійся при немъ эрцгерцогъ Матоей австрійскій и правительственными лица искали убѣжища въ Антверпенѣ. Однако донъ Хуанъ не отважился напасть на Брюссель, а занялся овладѣніемъ укрѣпленныхъ городовъ: Жамблу, Лёвена, Филиппила, Тирлемона, Нивелля и др. Послѣдовавшія затѣмъ предиріяты были неважны, а въ то время, когда приближеніе новой нидерландской арміи подъ начальствомъ графа Боссю (Bossu) казалось предвѣщало болѣе важныя военныя дѣйствія, донъ Хуанъ умеръ (1-го октября 1578 года), передавъ власть свою принцу пармскому.

§ 148.

Замѣчательнѣйшія военныя дѣйствія принцовъ пармскаго и Морнца оранскаго съ 1579 по 1593 годъ.

Принцъ пармскій былъ достойный преемникъ дона Хуана, но замѣчательнѣйшія военныя дѣйствія его произошли уже послѣ убіенія въ 1584 году принца оранскаго и назначенія, на мѣсто послѣдняго, сына его, знаменитаго принца Морнца. Не смотря на то, что дѣйствія принца пармскаго были значительно облегчены внутренними смутами въ Нидерландахъ, раздорами политическихъ партій, примрениемъ валлонскихъ областей и чиновъ съ Испаніей и беспорядками въ Гентѣ и Фландріи, за всѣмъ тѣмъ дѣйствія такихъ искусныхъ полководцовъ, какъ принцы пармскій и Морнецъ оранскій, одного противъ другаго, весьма замѣчательны. Искусно соображенными движеніями принцъ пармскій умѣлъ всегда отрѣзывать сообщенія главныхъ городовъ съ остальнымъ краемъ, и тогда легко покорялъ ихъ открытою силой, голодомъ либо переговорами. Такъ вся Фландрія, а потомъ и Брабантъ были снова подчинены власти короля испанскаго. Между тѣмъ какъ бѣольшая часть городовъ заключала отдѣльныя мирныя договоры съ испанцами, одинъ Антверпенъ постоянно отвергалъ всѣ средства къ соглашенію и наконецъ въ іюлѣ 1584 года былъ обложенъ и осажденъ принцомъ пармскимъ съ 10 т. чел. пѣхоты и 1,700 чел. конницы. Обложеніе и осада его выходятъ изъ ряда обыкновенныхъ и принадлежать въ замѣчательнѣйшимъ въ военной исторіи всѣхъ временъ, какъ тѣми исполненными работами, которыя, не смотря ни на какія препятствія и затрудне-

ніа, съ удивительными терпѣніемъ и мужествомъ совершены были принцомъ пармскимъ и его войсками, такъ и чрезвычайно разнообразными военными дѣйствіями, происшедшими при Антверпенѣ, въ продолженіи 13-ти-мѣсячнаго обложенія его, на сухомъ пути и на Шельдѣ, и подвигами необыкновеннаго мужества и храбрости со стороны осаждавшихъ и осажденныхъ. Самыми огромными и трудными работами испанцовъ были: построение плотины и моста черезъ Шельду и прорытіе канала для сообщенія Гента съ Шельдой. Упорнѣйшій же бой между осаждавшими и осажденными произошелъ 14 мая 1585 года на Шельдѣ и ближайшихъ къ ней плотинахъ и кончился пораженіемъ нидерландцовъ, взятіемъ 30 нидерландскихъ судовъ съ продовольствіемъ, 150 орудій и большого количества военныхъ запасовъ. Наконецъ внутренніе раздоры и недостатокъ въ продовольствіи принудили жителей Антверпена сдать городъ на капитуляцію (17 августа 1585 года). Покореніе Антверпена рѣшило участь южныхъ нидерландскихъ областей и надолго положило преграду между ними и сѣверными областями, соединенными Утрехтскимъ союзомъ подъ названіемъ Нидерландскихъ соединенныхъ штатовъ.

Послѣ покоренія Антверпена важныя военныя событія стали рѣдки (1586—1589 г.). Главнѣйшія усилія Испаніи были обращены противъ Англіи, а принцъ Морицъ оранскій, начинавшій въ это время военное поприще свое, занятъ былъ дѣйствіями противъ нидерландскихъ войскъ, возмущившихся въ городахъ Зюйдъ-Голланда и Зееланда, въ Бергъ-оп-Зоомъ и др. Черезъ 3 мѣсяца ему удалось однако укротить мятежь. Судьба, постигая (въ августѣ 1588 г.) непобѣдимую армаду Филиппа II, рѣшила участь Нидерландовъ: отсель счастье стало вполне склоняться на сторону нидерландцовъ. Не будучи поддерживаемъ Филиппомъ II, не получая подкрѣпленій и принужденный, для исполненія приказаній короля, раздроблять свои силы, принцъ пармскій былъ замедляемъ и затрудняемъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ. Находясь въ союзѣ съ Люттихомъ и Кѣльномъ, владѣя верхнимъ Маасомъ, нижнимъ Рейномъ и краемъ между ними, равно Дюнкирхеномъ и Ніепоргомъ, всемъ Брабантомъ до Мааса, Гельдерномъ и Оверъ-Исселемъ по ту сторону Исселя, а на сѣверовостокѣ занимая войсками своими области Дренте и Гренингенъ, принцъ пармскій владѣлъ въ Нидерландахъ всемъ краемъ отъ Фландріи до восточнаго Фрисланда, а покоривъ Слуйсъ, островъ Валхеренъ и Гертруденбергъ, видѣлъ въ нихъ ключи и къ завоеванію Зееланда и Голланда, которымъ угрожалъ въ то же время изъ Бреды и Герцогенбуша. Но двукратное удаленіе его въ это самое время изъ Нидерландовъ во Францію на помощь

войскамъ лиги, новый бунтъ испанскихъ войскъ и искусство, съ которыми принцъ Морицъ умѣлъ воспользоваться этими обстоятельствами, уничтожили всѣ выгоды положенія принца пармскаго и разрушили всѣ его надежды на покореніе Нидерландовъ.

Принцъ Морицъ въ февралѣ 1590 года открылъ военныя дѣйствія печальнымъ нападеніемъ съ 20 т. чел. пѣхоты и 2 т. чел. конницы на сильно-укрѣпленную Бреду и взятіемъ ея почти безъ сопротивленія. Затѣмъ въ 1591 году онъ припудилъ Цютфенъ и Девентеръ къ сдачѣ, подступилъ къ Грѣннингену, но при слухѣ о приближеніи принца пармскаго отступилъ и овладѣлъ Делѣцилемъ и нѣсколькими крѣпостцами и фортами. Однако принцъ пармскій не пошелъ къ Грѣннингену, опасаясь дурныхъ дорогъ и недостатка въ продовольствіи, а осадилъ фортъ Кнотзенбургъ при Нимвегенѣ, но встрѣтилъ въ немъ сильное сопротивленіе. По прибытіи принца Морица на освобожденіе Кнотзенбурга и по разбитіи имъ части испанской конницы, принцъ пармскій снялъ осаду и отступилъ. Затѣмъ принцъ Морицъ совершилъ еще удачную экспедицію на Влаасландъ, на которомъ овладѣлъ укрѣпленнымъ городомъ Гульстомъ, а оттуда съ 10 т. войскъ быстро двинулся къ Нимвегену и послѣ 7-ми-дневнаго обсервированія принудилъ его сдаться.

Походъ 1592 года большею частію состоялъ также изъ осадъ, изъ которыхъ замѣчательнѣйшими были осады Стеенвика и Кёвордена принцомъ Морицомъ, во время вторичнаго удаленія принца пармскаго во Францію. Оба города были принуждены сдаться, не смотря на усилія испанцовъ къ освобожденію ихъ. Въ концѣ этого года (2 декабря) принцъ пармскій умеръ, оставивъ по себѣ память искуснаго полководца, помраченную однако попущеніями лихоимству комиссаровъ въ войскѣ, слѣдствіемъ чего были безпрестанные мятежи и совершенное, въ концѣ его управленія, разстройство испанскихъ войскъ въ нравственномъ отношеніи.

§ 149.

Война съ 1593 года.

Съ этими-то нравственно-разстроеными и униженными войскамъ войну вели, послѣ принца пармскаго, и полководцы мало-искусные: Мансфельдъ, Фуэптесъ, эрцгерцогъ Эрнестъ австрійскій и др. А потому и дѣйствія испанцовъ съ этого времени стоятъ ниже посредственности. Дѣйствія же принца Морица, напротивъ, отличаются искусствомъ, быстротою и рѣшительностью. Въ пѣхтѣ замѣчательно

между прочимъ: 1) то, что принцъ Морицъ, осаждая крѣпости, располагалъ войска свои въ лагеряхъ, укрѣпленныхъ столь же сильно, а иногда и сильнѣе, нежели самыя крѣпости, какъ, напримѣръ, лагерь его при осадѣ Гертруйденберга (въ 1593 году); Мансфельдъ съ 20 т. войскъ и 18 орудіями не отважился атаковать этого лагерь, занятого всего только 5 тысячами войскъ принца Морица;— 2) что въ продолженіи 3-хъ-мѣсячной осады Гертруйденберга, въ нидерландскихъ войскахъ не было недостатка ни въ продовольствіи, ни въ деньгахъ; жалованье выдавалось исправно и отъ того не было ни бунтовъ, ни грабежа; испанскія же войска паходились почти въ постоянномъ состояніи возмущенія. Въ 1594 г., между прочимъ, италіянскія, нѣмецкія и другихъ націй войска, находившіяся въ испанской арміи, возстали, подъ названіемъ италіянской республики, противъ испанскихъ войскъ, которыя съ своей стороны также находились въ полномъ возстаніи и противъ которыхъ они дѣйствовали совокупно съ принцомъ Морицомъ, заключившимъ съ ними договоръ.

Въ такихъ-то и другихъ, подобныхъ имъ, обстоятельствахъ война болѣе и болѣе принимаетъ характеръ раздробленія и до самаго конца своего, кромѣ непрерывныхъ осадъ, частныхъ предпріятій и экспедицій, малой войны и проч., ничего особенно замѣчательнаго не представляетъ.

О П Е Ч А Т К И.

В Ъ Т Е Ж Е С Т Ъ:

СТРАН.	СТРОКН.	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
8	— 10	сверху .	опредѣлены
29	— 16	снизу	двѣжныи
31	— 16	сверху	желавшихъ
33	— 14	„	французскихъ
—	— 19	„	коммунальныхъ
51	— 4	снизу	повсюду
54	— 17	сверху	которое
—	— 2	снизу	были
68	— 17	сверху	(das Regiment)
69	— 6	„	529 чел.,
—	— 9	„	знамени)
70	— 16	снизу	(Gericht)
78	— 14	„	4 конною
81	— 21	„	выплачивались
85	— 12	сверху	въ Пильзенѣ
87	— 15—16	„	одинакова,
90	—	въ заглавіи	не выставлена цифра
92	— 16	снизу	имперскія матрикулы или
95	— 14	сверху	военные уставы.
—	— 4	снизу	конницы,
96	— 15	„	Корвинимъ.
97	— 1	снизу	внутри него.
100	— 15	сверху	Zarolya)
		(въ оглавленіи)	(1424—1234).
125	— 1	снизу	въ Чехіи,
129	— 8—9	сверху	крестовомъ
131	— 11	„	ободрила
154	— 16	„	швейцарцовъ
163	— 11—12	„	Рейномъ
170	— 7	„	арміей

ВСЕОБЩАЯ
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ
СРЕДНИХЪ ВРЕМЕНЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.
ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.
ВЪ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПѢ И ВЪ АЗІИ.

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИЧЕСКІЯ ПОСОБІЯ.

Относящіеся къ Россіи.

Источниками для изслѣдованія и изученія русской военной исторіи въ этомъ періодѣ продолжаютъ служить лѣтописи, сказанія русскихъ и иностранцовъ, акты и письменные памятники слое вѣности *).

Изъ лѣтописей, указанныхъ во 2-мъ Отд. 1-й и 2-й час. В. В. И среднихъ временъ, нѣкоторыя идутъ до конца XV, XVI и даж. XVII столѣтій, какъ напримѣръ: Лѣтописецъ царственный — до 6980 г. (1472), другой Лѣтописецъ—до 7042 (1534), третій — до 7106 (1598). Иныя новгородскія лѣтописи идутъ далѣ паденія Новгорода, а одныя доходятъ даже до 1716 г. Лѣтописи сѣверо-восточной Руси съ XIV вѣка постепенно входятъ въ большіе лѣтописные сборники, составляшіеся уже большею частію въ Москвѣ. Съ первой половины XIV вѣка и въ большей части сѣверо-восточныхъ сборниковъ начинаютъ уже преобладать извѣстія московскія.

Московскія лѣтописи съ XIV вѣка все болѣе и болѣе получаютъ значеніе официальныхъ, правительственныхъ. Однако во многихъ изъ нихъ изрѣдка встрѣчается смѣсь официального повѣствованія съ частными разказами. Становясь все болѣе и болѣе официальными, московскія лѣтописи соразмѣрно съ тѣмъ сближаются съ разрядными книгами и наконецъ переходятъ въ нихъ. Разказы о походахъ въ XVI вѣкѣ какъ будто взяты изъ разрядныхъ книгъ, съ прибавленіемъ къ тому документовъ, рѣчей, писемъ и т. п. Вышегъ съ тѣмъ усиливается разрядъ отдѣльныхъ частныхъ

*) Систематическое обзорніе всѣхъ источниковъ и историческихъ пособій для изученія исторіи Россіи см. въ I части Русской исторіи Вестужева-Рюмина (1872).

сказаній и продолжаются хронографы, съ дополненіемъ ихъ русскими событіями. Эти дополненія важны преимущественно въ періодъ смутнаго времени, напримѣръ, такъ называемый «Новый лѣтописецъ», или «Палицынъ», или иное «Сказаніе о самозванцахъ», а часто и самостоятельныя статьи, писанныя сторонниками разныхъ партій.

На ряду съ этимъ замѣтны попытки систематизаціи русской исторіи. Сюда относятся, напримѣръ, большой сводъ подъ названіемъ Никоновскаго, Степенная книга, получившая окончательную редакцію въ XVI вѣкѣ, и нѣсколько сочиненій XVII вѣка, какъ-то Хроника Θεодосія Сафоновича, игумена кievскаго Михайловскаго монастыря, съ 1655 г., послужившая источникомъ компиляціи Иннокентія Гизеля, подъ названіемъ Синописисъ (напечат. въ 1674 г.).

Рядомъ съ общими лѣтописями велись мѣстныя, особенно монастырскія. Изъ числа ихъ особенно выдаются Сибирскія, начало которыхъ приписывается тобольскому митрополиту Кипріану. Сюда принадлежатъ Строгановская, Саввы Есипова, Ремезова и др.

Изъ литовскихъ лѣтописей, одна, краткой редакціи, доходитъ до 1446 г., а другая, полной редакціи—до 1506 г.

Малороссійскія лѣтописи относятся къ временамъ казацкихъ войнъ. Изъ нихъ самая важная—Лѣтопись Самовидца; лѣтописи же Самуила Велпчко и Григорія Грабянки недостоверны, какъ и воспроизведеніе и продолженіе ихъ — Исторія Руссовъ, приписываемая Георгію Конисскому.

Всѣ эти лѣтописи въ новѣйшее время изданы у насъ отдѣльно или въ сборникахъ, изъ которыхъ самый полный—изданный Археологическою комиссіей съ 1836 г. донинѣ и составляющій, вмѣстѣ со всѣми другими изданіями ся, главный и важный источникъ историческихъ трудовъ у насъ по русской исторіи.

Сказанія или повѣсти были писаны большею частію современниками, очевидцами и участниками описываемыхъ событій. Число такихъ сказаній особенно возрасло послѣ нашествія Батыя. Изъ нихъ къ настоящему періоду относятся особенно сказанія и повѣсти о Куликовской битвѣ, трехъ редакцій: 1-я подъ названіемъ Сказаніе о побойщѣ В. К. Димитрія Ивановича съ Мамаемъ, 2-я—Повѣсть или повѣданіе о побойщѣ В. К. Димитрія Ивановича и 3-я—Слово о задонщинѣ (одно изъ нихъ издано Сигиревымъ въ 1829 г., а другое Головинымъ въ 1835 г.). Нашествіе Тохтамыша описано подробно и почти одинаково во многихъ лѣтописныхъ сборникахъ и потому описаніе его можно считать особою повѣстью. О нашествіи Тимурленга или Тамерлана

имѣются двѣ повѣсти: одна—вообще о дѣлахъ Тимурленга до плѣненія имъ Балзида, а другая—о его походахъ, войнѣ съ Тохтамышемъ и походѣ на Русь. Къ той же эпохѣ относится повѣсть о побойцѣ Витовта съ Темиръ-Кутлумъ. Къ временамъ Іоанна III относятся повѣсти о покореніи Новгорода и о приходѣ Ахмата на Угру; къ временамъ Василия III—сказаніе о паденіи Пскова, къ временамъ Іоанна IV—священника Іоанна Глазатаго описаніе взятія Казани, вмѣстѣ съ исторіей казанскаго царства, сказаніе о карѣ Новгорода и Серапіона описаніе осады Пскова Баторіемъ,—а къ временамъ смутнаго времени—два сказанія о событіяхъ въ Псковѣ (одно—принадлежитъ партіи народной, а другое—именитыхъ людей) и Продіона Сергѣева сказаніе объ осадѣ Тихвинскаго монастыря.

Житія святыхъ, какъ уже было сказано прежде, имѣютъ интересъ и значеніе не въ одномъ релігіозномъ отношеніи, но отчасти и въ политическомъ и военномъ. Изъ относящихся къ настоящему періоду слѣдуетъ указать особенно на житія: Св. Петра митрополита, написанное митрополитомъ Кипріяномъ,—Св. Алексія митрополита—перскимъ епископомъ Питиримомъ (до 1439 года),—Петра царевича ордынскаго (относится къ половинѣ XV в.)—и пр. Изъ житій русскихъ святыхъ XVI вѣка особенно важно въ политическомъ отношеніи Житіе св. Филиппа, митрополита московскаго.

Съ XVI вѣка и у насъ, какъ въ западной Европѣ, появляются такъ называемыя записки частныхъ лицъ, очевидцовъ и участниковъ описываемыхъ событій либо узнавшихъ ихъ отъ очевидцовъ и участниковъ. Различіе записокъ отъ сказаній уже было объяснено выше въ источникахъ I-го Отдѣленія. Рядъ записокъ у насъ открывается сочиненіемъ князя Андрея Михайловича Курбскаго, подъ заглавіемъ: Исторія Великаго Княжества Московскаго, о дѣлахъ, яже слышахомъ и видѣхомъ (писана между 1564 г. и 1583 годомъ—смерти Курбскаго; издана профессоромъ Устряловымъ въ 1833 г. подъ заглавіемъ: Сказанія Князя Курбскаго, вмѣстѣ съ перепиской его съ Іоанномъ IV). Писанная съ замѣчательнымъ литературнымъ талантомъ, Исторія Курбскаго однако скорѣе пристрастный памфлетъ, нежели правдивая исторія.—Вторыми, по времени, замѣчательными списками—Сказаніе объ осадѣ Троицкаго - Сергѣева монастыря, писанное келаремъ этого монастыря Аврааміемъ Палицынымъ (умеръ въ 1626 г.). Палицыну также во многомъ нельзя вѣрить, тѣмъ не менѣе сказаніе его очень важно и по содержанію, и по изложенію.—Филарету Някитичу Романову приписывается изображеніе событій смутнаго времени, извѣстное подъ названіемъ Рукописи Филарета, не

вполнѣ сохранившейся и излагающей событія съ 1606 г. Къ тому же времени относятся записки князя Семена Шаховскаго, отъ 1601 г. до 1649 г., имѣющія своего рода значеніе.

Письма царственныхъ особъ, государственныхъ людей и частныхъ лицъ имѣютъ одинаковое съ записками значеніе. Къ этому періоду относятся довольно много ихъ; къ нимъ принадлежатъ письма великой княгини литовской и потомъ королевы польской Елены къ ея отцу Иоанну III, матери и родственникамъ и письмо къ пей Василія III,—перениска Иоанна IV съ княземъ Курбскимъ (см. выше), перениска московскихъ бояръ съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ - Августомъ и съ польскими вельможами, и 1-го самозванца съ Юріемъ Мнишкомъ и его семьею; — письма къ нему папскаго нунція Ропгони и сторонника іезуитовъ Андрея Боболи, письма Марины Мнишекъ къ ея отцу, царевни Ксеніи изъ осажденной Троицкой-Сергіевой лавры, князей Андрея Василіевича Голицына и Θεодора Иваповича Мстиславскаго, Ивана Никитича Романова, особенно перениска московскихъ бояръ и другихъ лицъ, приверженцовъ Сигизмунда и 2-го самозванца съ польскими и литовскими вельможами,—и наконецъ: «Schreiben des Fürsten Dimitry Michailowitsch Poscharsky an den römischen Kaiser Mathias d. d. Jaroslaw d. 20 Juni 1612», zum ersten Male aus der deutschen Uebersetzung bekannt gemacht durch Friedrich Adeling, S. P. B. 1840.

Что касается государственныхъ актовъ разнаго рода, то они изданы были въ сборникахъ: Новикова («Древн. Рос. Вивлюенка», 1-е изд. 1773—75, 10 т., 2-е изд. 1788 — 91 г.г. 20 т., и продолженіе 1786—1801, 11 т.),—Максимовича (1803—12 и 1813—28),—Григоровича, 1 т. 1824,—Н. Полеваго 1 т. 1833,—В. Н. Берха, 1821,—особенно акты, изданные Археографическою комиссіей, съ 1836 г. до 1870 г. 37 т. и съ того времени донныя еще нѣсколько,—и частные сборники актовъ, указанные въ 1-й и 2-й частяхъ В. В. И. среднихъ временъ. Изъ числа всѣхъ этихъ актовъ, болѣе или менѣе относящихся и къ военному устройству государства, слѣдуетъ указать особенно на Судебники Иоанна III (1497) и Иоанна IV (1550) и на дополненіе къ нимъ въ приказахъ, изъ чего составляется Записныя книги приказовъ (въ XVI и особенно въ XVII в.), — на наказы и памяти воеводамъ, отписки послѣднихъ, памяти или перениски между приказами, доклады великому князю, потомъ царю, челобитныя или прошенія лицъ, учреждений и мѣстностей по своимъ дѣламъ, проѣзжія грамоты за границу, статейные списки или отчеты русскихъ словъ и пр.

Изъ дѣловыхъ книгъ, заведенныхъ для дѣлопроизводства, вмѣсто прежнихъ свитковъ, самыми важными суть записныя книги приказовъ и другихъ присутственныхъ мѣстъ, указыныя, писцовыя, особенно строильныя (въ которыхъ описывались укрѣпленія городовъ), засѣчныя (съ описаніемъ засѣкъ или пограничныхъ укрѣпленныхъ линий), разрядныя (въ которыхъ означались всѣ назначенія и переводы служащихъ, дѣла мѣстническія, походы, отписки воеводъ и т. п.), книги сеунчей или гонцовъ съ донесеніями воеводъ и пр.

Изъ письменныхъ памятниковъ словесности, касающихся военнаго устройства и военнаго дѣла у насъ, можно назвать только записки Курбскаго, какъ служившаго въ войскѣ, начальствовавшего въ немъ и участвовавшего въ войнахъ, походахъ, сраженіяхъ, осадахъ и особенно въ осадѣ Казани, — а также и записки Палыцына; въ военномъ отношеніи тѣ и другія особенно важны и замѣчательны. А что касается вещественныхъ памятниковъ древности, то въ военномъ отношеніи самыми важными безспорно суть: 1) остатки древнихъ укрѣпленій городовъ: Старой Ладогѣ (Рюриковой крѣпости, исправленной позже новгородцами), Новгорода, Пскова, Смоленска, Кіева, Владиміра на Клязьмѣ, Москвы, Нижняго Новгорода, Казани и другихъ большихъ городовъ, равно и остатки другихъ полевыхъ укрѣпленій, городищъ, засѣкъ или укрѣпленныхъ линий и т. п. и 2) древнія: оружіе, орудія, предметы вооруженія, знамена, музыкальныя орудія и пр., собранныя и хранящіяся преимущественно въ Оружейной палатѣ въ Москвѣ, въ Царскосельскомъ, Петербургскомъ, Московскомъ и др. арсеналахъ, въ Петербургскомъ артиллерійскомъ музеѣ и пр. Всѣ эти военные вещественныя памятники напей древности даютъ понятіе о военномъ дѣлѣ въ древней, до-Петровской Руси, особенно въ настоящемъ періодѣ 1350—1613 г.г. Описание и графическое изображеніе ихъ находится въ Историческомъ описаніи одежды и вооруженія Россійскихъ войскъ, Висковатова (1841), а собственно оружія и орудій—въ Историческомъ каталогѣ СПб. артиллерійскаго музея, Ч. I (XV—XVII стол.), Бранденбурга (1877).

Въ числѣ историческихъ пособій для изслѣдованія и изученія военнаго устройства, военнаго дѣла и военной исторіи древней Руси, въ настоящемъ періодѣ слѣдуетъ указать на сказанія иностранцевъ, пробѣжавшихъ черезъ русское государство, либо жившихъ или служившихъ въ немъ, либо писавшихъ о немъ. Сюда въ настоящемъ періодѣ принадлежатъ записки и сказанія: венеціанца Контарини, бывшаго въ Москвѣ въ 1473 г., особенно Герберштейна—тоже въ 1517 и 1525 г.г., — польскаго писателя Матвѣя Мѣ-

ховскаго или изъ Мѣхова,—голландца Кампензес, историка XVI вѣка Павла Ювид, епископа Ночеры въ Италіи,—венеціянскаго посла Фоскарини, бывшаго въ Россіи въ 1557 г., венеціянца Тіепо-ло—въ 1560 г. и римлянина Барберини—въ 1565 г.,—англичанъ: Ченслора, Клемента Адама, Дженкинсона и Горсея — всѣхъ во 2-й половинѣ XVI в.—цесарскаго или австрійскаго посла Кобенцели и секретаря его, принца фонъ Бухау — въ 1576 г.,—Абоскаго епископа Юстена — въ 1569 г., — датчанина Ульфельда — въ 1575 и 1578 г.г.,—нѣмцовъ Крузе и Таубе—въ 1572 г.,—итальянца Гуанинчи,—особенно—извѣстнаго іезуита Антонія Поссевина, — польскихъ историковъ: Вановскаго, Мартина Кромера, епископа Вармійскаго или Эрмеландскаго,—Оржеховскаго, — Оржельскаго,—Бѣльскаго,—Стрыйковскаго,—особенно Гейденштейна, секретаря Замойскаго и Баторія;—Лаврентія Миллера объ осадѣ Пскова Баторіемъ и о дѣлахъ Ливонскихъ,—Михаила Литвина и Мартина Броневскаго о русскихъ и татарахъ,—ливонскихъ историковъ: Балтазара Руссова хроника Ливонскаго ордена до 1584 г.,—Бреденбаха и Ольмена описанія Ливонской войны, — и Соломона Геншга, друга и совѣтника послѣдняго гротмейстера ливонскаго Готгарда Кетлера, — особенно англичанина Флетчера, посла англійской королевы Елисаветы при Теодорѣ Иоанновичѣ, — цесарскаго посла фонъ Варкача — въ 1589—93—94 г.г. и др. Особенно богато сочиненіями иностранцовъ о Россіи начало (первыя 12 лѣтъ) XVII вѣка. Сюда принадлежатъ: описаніе посольства Льва Сапѣги, записки француза Маржерета, бывшаго въ Россіи съ 1601 г. до 1612 г., — Буссова — съ 1601 г., нюрнбергскаго купца Георга Паэрле, — дневника польскихъ пословъ Олесницкаго и Гопсѣвскаго,—Марины Мнишекъ, — Самуила Бѣльскаго осады Смоленска, Яна Сапѣги, Маскевича и болѣе всѣхъ записки знаменитаго польскаго гетмана и искуснаго полководца Станислава Жолкѣвскаго. Въ этихъ послѣднихъ видѣтъ высокій умъ, большія дарованія и образованность и отличное знаніе военнаго дѣла. Сверхъ того изъ польскихъ историковъ важенъ Кобѣржичскій, въ сочиненіи котораго: Исторія Владислава IV есть много подробностей о польско-русскихъ войнахъ, а изъ шведскихъ историковъ—Витекиндъ и Петрей; послѣдній въ своемъ обширномъ сочиненіи хотя многое заимствовалъ изъ равныхъ источниковъ, между прочимъ изъ Буссова, котораго онъ первый назвалъ Веромъ, однако представляетъ и самостоятельныя свѣдѣнія, особенно о 3-мъ самозванцѣ. Большая часть указанныхъ выше сказаній иностранцовъ о Россіи находится въ I и II

томахъ Библіотеки иностранныхъ писателей о Россіи, изд. въ 1836 и въ 1847 г.г.

Русскія историческія сочиненія о Россіи, изданныя съ половины XVIII вѣка до нашихъ временъ, уже были указаны въ 1-й и 2-й частяхъ В. В. И. среднихъ временъ. Изъ нихъ наибольшія важность и значеніе, въ отношеніи какъ политической, такъ и военной исторіи Россіи, имѣютъ: Карамзина Исторія государства Россійскаго, которая въ 11 томахъ своихъ, изданныхъ при жизни автора, доходитъ до смутнаго времени, послѣднее же изображено въ 12-мъ томѣ, вышедшемъ уже въ 1829 г. по смерти Карамзина, подъ редакціею Д. Н. Блудова,—и Соловьева Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, 25 томовъ въ 25 лѣтъ (1851—1876); пзъ нихъ въ 25-мъ изображены уже первые годы царствованія императрицы Еватеринны II. Эти два капитальныя историческія труда Карамзина и Соловьева составляютъ главныя и важнѣйшія историческія пособія для изслѣдованія и изученія военной исторіи Россіи вообще и настоящаго періода ея въ частности. Послѣ нихъ особенныхъ вниманія и уваженія заслуживаютъ историческія труды Погодина, Устрялова, Костомарова, Бестужева-Рюмина, Иловайскаго и др., указанные въ 1-й и 2-й ч.ч. В. В. И. среднихъ временъ.

Сверхъ того здѣсь слѣдуетъ указать: Миллера Исторію и описаніе Сибирскаго царства (1750),—Успенскаго: О древностяхъ русскихъ (1811),—Словцова: Историческое обозрѣніе Сибиря (1838—44); — Бутурлина: И. смутнаго времени въ Россіи въ началѣ XVII вѣка, 3 т. (1839); въ ней военныя дѣйствія описаны подробно и указаны всѣ русскіе, польскіе, шведскіе и др. источники; — Книга, глаголемая Большой Чертежъ, изданная Спасскимъ (1846), служащая объясненіемъ стариннаго чертежа или карты Россіи, составленнаго, какъ полагаютъ, при Іоаннѣ IV; — Временникъ Московскаго Общества исторіи и древностей русскіихъ, 24 книги (1840—56);—Чтенія въ томъ же Обществѣ за 1853—76 г.г., по 4 т. въ годъ; — Устрялова: Сказанія Князя Курбскаго 2 т. (1843, 3-е изд. 1868) и Сказанія современниковъ о Дмитріѣ Самозванцѣ, 2 т. (1859); — Хавскаго: Хронологическія таблицы русской исторіи (1848), Таблицы для повѣрки годовъ въ русскихъ лѣтописяхъ (1856) и Русское лѣтосчисленіе древнее и новое (1859), — и Острогорскаго: Хронологія русской исторіи (1872), всѣ четыре — необходимыя пособія; — Бѣляева: И. Новгорода Великаго до его паденія (1864); — Костомарова: Ливонская война (1864), Кто былъ 1-й Лже - Дмитріѣй? (1864), Смутное время въ московскомъ государствѣ, въ началѣ XVII вѣка (1868) и Историческія монографіи или

полное собраніе всѣхъ ихъ, 13 т. (1872); — Коляловича: Дневникъ послѣдняго похода Стефана Баторія на Россію, осады Пскова и дипломатическая переписка (1867); — Карпова: И. борьбы московскаго государства съ польско-литовскимъ въ 1462 — 1508 г.г. (1867); — Мордовцева: Самозванцы и Понизовая вольница (1867); — Матеріалы для исторіи Сибири, собраныя Потанинымъ и изданныя Моск. общ. ист. и древн. російскихъ (1867); — Вестужева—Рюмина Русская исторія до Іоанна III, т. 1-й (1872); — Иловайскаго: Руководство къ русской исторіи, изд. 12-е и 13-е (1871—72).

Другихъ государствъ и народовъ Восточной Европы и Азіи.

Швеція. Исторіи: Пуффендорфа, Гейера, Фриксели и др.; — Celsius, traduit par Genet: Н. d' Eric XIV (1777); — Archenholtz, traduit par Propiac: Н. de Gustave Vasa (1803); — De Flauch Н. de la Suède sous Gustave I (1861). — Шведскіе источники касательно исторіи смутнаго времени въ Россіи, въ томъ числѣ Виленскаго и Далгина, указаны у Карамзина, Соловьева и Бутурлина.

Ливонія. Балтазара Руссова (1600) хроника отъ начала ордена до 1584 г.; — Лаврентія Миллера (XVI вѣка) свѣдѣнія о Ливоніи при польскомъ владычествѣ; — Kelch: Lifländische Chronik: Esth-Lif-und Lettlandes (1695); — Бреденбаха и Ольмена (XVI в.) описанія Ливонской войны; — Костомарова Ливонская война (1864).

Польша и Литва. Коховскій (изд. 1683 — 98), — Длугошъ (1711), — Кадлубекъ и Мартинъ Галлъ (1749); — историки XVI вѣка: Ваповскій, польской исторіи котораго извѣстна только часть отъ 1380 г. до 1535 г.; — Мартинъ Кромеръ, епископъ Вармійскій или Эрмеландскій — исторія до 1506 г.; — Оржеховскій: И. Сигизмунда-Августа; — Оржельскій: И. отъ смерти Сигизмунда-Августа до утверженія Стефана Баторія (1572—1576); — Бѣльскій: хроника до смерти Баторія въ 1586 г.; — Гейденштейнъ, секретарь Замоискаго и Баторія, описалъ войну послѣдняго съ Іоанномъ IV и позднѣйшія событія, на основаніи оффиціальныхъ документовъ; — Лаврентій Миллеръ (см. выше) свѣдѣнія о Ливоніи при польскомъ владычествѣ и объ осадѣ Пскова Баторіемъ; — Стрыйковскій: компіляція И. Литвы; — Сарипцкій: Annales de origine et rebus gestis Polonorum et Litwinorum; — Польскій лѣтописецъ, рус. пер. Одинцова (1782); — Solignac: Н. de Pologne d'après les historiens polonais, до 1795 г. (изд. 1750—95 и 1806), рус. переводъ Эмина (1766); — новѣйшія И. Польша: Нарушевича, Нѣмцевича, Вандтке (рус. перев. 1830) и Шмидта (рус. пер. Шрейера

1864—5—6); польскіе источники исторіи смутнаго времени въ Россіи: дневники Жолкѣвскаго—особенно (изд. Мухановъ мѣ, 2-е изд. 1871),—похода Мнишка, Марины Мнишекъ, пословъ Оленицкаго и Гонсевскаго, осады Смоленска, рукописи Товянскаго и Борша, извѣстія Маскевича, Кобѣржичкаго, Пясецкаго и Мархоцкаго, и Лелгниха польская исторія (всѣ указаны въ И. смутнаго времени соч. Бутурлина).

Донскихъ и днѣпровскихъ казаковъ и Малороссіи. Русскія, литовскія и польскія лѣтописи и исторіи (см. выше). Особенно русскія исторіи Карамзина, Соловьева, Костомарова, Иловайскаго и др. повѣйшія. О донскихъ казакахъ: Броневскаго И. донскаго войска (1834);—Историческое описаніе Земли войска донскаго, издан. Статист. Комитетомъ онаго, т. 1-й (1869) и 2-й (1872),—Савельева: Трехсотлѣтіе войска донскаго, 1570—1870 (1870).—О Малороссіи и ея народѣ и войскѣ: источники малороссійскіе: Георгія Конисскаго И. Руссовъ и Малой Россіи (посл. изд. 1846);—Шафонскаго Географическое и историческое описаніе Малороссіи;—Бантыша-Каменскаго И. Малой Россіи, 3 ч. (1842), составлена преимущественно по Карамзину, Солнцяку и источникамъ малороссійскимъ и польскимъ до 1842 г.;—его же И. уни въ Малой Россіи (1805) и источники малороссійской исторіи, изд. Бодянскимъ (1859);—Маркевича И. Малой Россіи, 5 т. (1842—3);—Энгеля И. Украины;—Миллера историческія сочиненія о Малороссіи, ея народѣ и войскѣ и о запорожцахъ (нов. изд.);—Ригельмана Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи (посл. изд. 1847);—И. о казакахъ запорожскихъ (1847);—Сочиненія о Малороссіи: Рубана, Домонтовича, Полетики и др.;—Сементовскаго: Старина Малороссійская, Запорожская и Донская (1846). Источники польскіе и литовскіе: Коховскій, Бѣльскій, Стрыйковскій, Пясецкій, Гейденштейнъ, Солнцякъ и др. польскіе историкъ, указанные въ И. Малороссіи Бантыша-Каменскаго.

Византійской или греческой имперіи до взятія Константинополя въ 1453 г.—Сборникъ лѣтописей: *Corpus scriptorum historiae Byzantinae*, издан. въ Боннѣ; лѣтописи: *Crusio Turco-Graeciae libri octo* (1584),—Гезихія (изд. 1596 и 1820), *Du Fresne du Cange* (1680), *Бандурія* (1711), *Кодина* (изд. Ламбезія и новое Беккера 1843);—исторіи: *Iohanni Cantacuzeni Historia libri IV cura Schopen* (изд. 1828—32), подробныя записки его времени;—*Le Beau: H. du Bas-Empire, continuée par Brosset* (1836);—*Hammer von Purgstall* (2-е изд. 1850) и *Zinkeisen* (1840—55); *G. des Osmanischen Reichs in Europa*; *Finlay: H. of the Byzantine and Greek Em-*

pire from 1057 to 1453 (1854); — Falmerayer: *G. des Kaiserthums von Trapezunt* (1827) и *G. der Halbinsel Morea* (1830 — 36). Собственно объ осадѣ и взятіи Константинополя въ 1453 г. главные источники: Георгій Франца — очевидецъ и Михаилъ Дука — современникъ сообщаютъ самыя подробныя извѣстія въ своихъ хроникахъ, 1-й до 1478 г., 2-й до 1463 г. (въ *Corpus script. hist. Byzant.*); — Леонарда Хиосскаго письмо къ папѣ Николая V (изд. 1578—98); — Лаоника Халвокондпы лѣтопись турецкая до 1464 г. (изд. 1843); — Энея Сильвія (Пьетроломини, позже папы Пія II), изд. 1486, дожа Фоскарни и императора Фридриха III письма (изд. 1598); — Риншерія (изд. Schardii въ *Regum germanicarum scriptores*, 1673); — Sabellici *H. rerum venetarum* (1570); — H. de la chute de l'empire grec, de 1400 à 1480 (1829); — Krause: *Die Eroberungen von Constantinopel im XIII und XV Jahrhundert durch die Kreuzfahrer, die nicäischen Griechen und die Türken* (1870); — Повѣсть о Цареградѣ, чтеніе академика Срезневскаго въ Спб. Академіи наукъ (1855), старинная русская повѣсть о созданіи и взятіи Цареграда, составленная въ концѣ XVI в. по византійскимъ источникамъ; — въ ней особенно замѣчательны предисловіе и примѣчанія академика Срезневскаго; — Стасюлевича *Осада и взятіе Византіи турками* (въ 1-й кн. ученыхъ записокъ II Отд. Спб. Академіи наукъ, послѣ 1855 г.).

Востока вообще. Hottingeri *Bibliotheca orientalis* (1658) и то же *Historia orientalis* (1660); — Herbelot: *Bibliothèque orientale* (1697); — Michaëlis: *Orientalische Bibliothek* (1771—79); — Abul-Pharagii *H. dinastiarum orientis* (1663).

Турціи. Хроника: Павла Ювія (латин. 1541); — Sansovino: *Gli annali Turcheschi* (1573), Леуцклавія (латин. 1596); — Абулфеды мусульманскія лѣтописи, съ латин. перев. Reiske: *Annales musulmici* (1754). — Исторія: Prince Démétrius Cantémir: *H. de l'empire ottoman* (1743); Desguignes (De Guignes): *H. générale des Huns, des Turcs, des Mogols etc.* (1756); — D'Anville: *H. de l'empire ottoman* (1772); — Mouradja D'Ohsson, то же (1787, нов. изд. 1834); — Salaberry то же (1817); Graf von Wackerbarth: *G. der Türken* (1821); — Hammer von Purgstall: *G. des osmanischen Reichs*, 10 B. (1-е изданіе 1827—38 и позже, съ пер. на многіе языки), въ особенности; Guillet: *H. de Mahomet II* (1681); — Carra: *H. de la Moldavie et de la Valachie* (1778); — Pejachewich: *H. Serviae* (1799); — Григоровича: *О Сербіи и ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ, преимущественно въ XIV—XV столѣтіяхъ* (1859). — Исторія войны: Sansovino (1654); Sagredo: *Ungarische und türkische Kriegs-Chronik* (1697); — Martens: *Allgemeine G. der Türkenkriege in Europa, von 1356 bis 1812* (1829), въ особенности; — Boehne: *Blüthe und Verfall des Osmanen-*

reichs in Europa, eine G. der Türkenkriege bis 1854 (1854);—Mordtmann: Belagerung und Eroberung von Constantinopel durch die Türken im J. 1453, nach Originalquellen (1858);—Krause: Die Eroberungen von Constantinopel im XIII und XV Jahrhunderte etc. (1870), см выше.

Татаръ и монголовъ. Desguignes: H. générale des Huns, des Turcs, des Mogols etc. (1756), — и Senkowsky: Supplément à cette histoire (1824);—обстоятельное описаніе происхожденія и состоянія Манджурскаго народа и войска, 9 т СПб ((1784);—Schmidt: G. der Ostmongolen und ihres Fürstenhauses, SPB. (1829);—Moura dja D'Ohsson: H. des Mongols depuis Tchingisklan jusqu'a Timur-bek ou Tamerlan (1834);—Raschid-eddin: H. des Mongols de la Perse, traduit par Quatremère de Quincy (1836);—Абулгази-Баядуръ-Хана Родословная исторія о татарахъ, пер. съ французскаго; Хондемира И. монголовъ, пер. съ персид. В. Григорьева (1834);—Hammer von Purgstall: G. der Goldenen Horde in Kirpachak (1840); Тимковскаго Путешествіе въ Китай черезъ Монголію въ 1820—21 г.г.;—Монаха Іакинѣа (Бичурипа) Записки о Монголіи (1828);—Его же: Историческое обозрѣніе Ойратовъ или Калмыковъ, съ XV стол. (1834);—Его же: Описаніе Джунгаріи и восточнаго Туркестана;—Вельямпнова-Зернова: Матеріалы для исторіи Крымскаго ханства, изъ Москов. главнаго архива (1864);—Wambéry: G. Bouchara's oder Transoxanien (1872);—Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque nationale;—Библиотека вностранныхъ писателей о Россіи (см. выше);—Иванина (генер.-лейтен.): О военномъ искусствѣ и завоеваніяхъ монголо-татаръ и среднеазіятскихъ народовъ при Чингизъ-ханѣ и Тамерланѣ, СПб. (1875), въ особенности. — Жизнеописанія Тимурленга или Тамерлана: Longdit (1529);—Perrodini (1553);—Argote de Molina (1582), — Шерифъ-эддина Сафернамѣ на персид. языкѣ, франц. переводъ Petis de la Croix (1722), главный источникъ исторіи Тимурленга;—Margot (1739), Gaubil (1739), — Ахмеда: Жизнь и подвиги Тимура (1767), въ переводахъ;—The Mulphuzat Timuri or autobiographical memoirs of the Mogul emperor Timur, англ. пер. Stewart (1830); Instituts polit. et milit. de Tamerlan, traduits par Langlès;—Charмой: Expédition de Timour-i-Lenk ou Tamerlan contre Toktamiche en 1391 (въ Mém. de l'Académie J. des sciences à SPB, VI série. T. 3-e, 2 e à 5-e livraisons, 1835).

Арменіи. Моисея Хоренскаго исторія, латин. пер. (1654);—его же и Вартана во франц. пер. St. Martin: Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie (1818—19);—Dulaurier: Bibliothèque arménienne ou choix et extraits des historiens arméniens (1856),

Персїи, Мохаммеда Мирхонда исторїя, латин. пер. съ персид. (1782 и 1808); Ouseley (1799) и Malcolm (1815) исторїи.

Индїи исторїя и географїя: D'Anville (1775),—Anquetil (1786), Robertson (1790) и Rennel (1800), оба въ особенности, — Collin de Bar (1814) и др.

Египта исторїя и географїя: D'Anville (1766), — АбулФеды (1776) и Абдуллатифа (1800), въ переводахъ, — Wilson 1805 и др.

О Г Л А В Л Е Н І Е
Ч А С Т И Т Р Е Т Ь Е Й .

Періода третьяго

ОТДѢЛЕНІЯ ВТОРАГО

ВЪ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПѢ И ВЪ АЗИИ.

СТРАН.

ГЛАВА XVIII. Восточная и западная Русь съ половины XIV вѣка до Юанша III	3
I. Восточная Русь	—
§ 150. Военное устройство	—
§ 151. Различные роды войскъ, вооруженіе и число ихъ	8
§ 152. Огнестрѣльное оружіе	9
§ 153. Строй и образъ движеній и дѣйствій войскъ	11
§ 154. Внутреннее устройство и духъ войскъ	13
§ 155. Укрѣпленіе, осада и оборона городовъ	18
§ 156. Состояніе военнаго дѣла вообще	20
§ 157. Новгородъ и Псковъ	21
§ 158. Казаки донскіе и днѣпровскіе	25
II. Западная Русь	27
§ 159. Военное устройство и военное дѣло въ ней	—
ГЛАВА XIX. Современныя сосѣднія государства и народы	29
§ 160. Швеція	—
§ 161. Ливонскій орденъ	31
§ 162. Польша	34
§ 163. Монголо-татары	38
ГЛАВА XX. Войны восточной Руси	47
I. Войны Дмитрія Донскаго	—
§ 164. Война съ князьями Михаиломъ тверскимъ и Ольгердомъ литовскимъ (1368—1375)	—

§ 165. Война съ Ордою и князьями Олегомъ рязанскимъ и Ягайломъ литовскимъ (1376—1382).—Куликовская битва § сентября 1380 г.	54
II. Войны при Василиѣ I и Василиѣ II (1389—1462).	69
§ 166. Войны при Василиѣ I (1389—1425)	—
§ 167. Войны при Василиѣ II (1425—1461)	74
ГЛАВА XXI. Русское царство (1462—1613)	82
§ 168. Военное устройство и военныя учрежденія	—
§ 169. Огнестрѣльные: оружіе и искусство	90
§ 170. Конница и пѣхота	91
§ 171. Строй и образъ движеній и дѣйствій войскъ	94
§ 172. Внутреннее устройство и духъ войскъ	97
§ 173. Укрѣпленіе, осада и оборона становъ и городовъ.	103
§ 174. Общій выводъ	106
ГЛАВА XXII. Современныя сосѣднія государства и народы	112
§ 175. Швеція	—
§ 176. Польша и Литва	116
§ 177. Казаки до XVI вѣка.	122
§ 178. Днѣпровскіе, малороссійскіе и запорожскіе казаки.	—
§ 179. Донскіе и иные восточные казаки	127
§ 180. Турки-османы	129
§ 181. Татары	141
ГЛАВА XXIII. Замячательнѣйшія войны и походы	146
I. Русскія войны при Иоаниѣ III (1462—1505)	—
§ 182. Войны съ Новгородомъ (1471—1477).	—
§ 183. Войны съ Казанью и Золотою ордою (1467—1502).	152
§ 184. Войны съ Литвой и Ливонскимъ орденомъ (1482—1503).	166
II. Русскія войны при Василиѣ III (1505—1533)	175
§ 185. Войны съ Литвой (1507—1522).	—
§ 186. Войны съ Крымомъ (1515—1521)	191
§ 187. Война съ Казанью (1505—1530)	197
ГЛАВА XXIV. Замячательнѣйшія войны и походы (продолженіе).	204
III. Русскія войны при Иоаниѣ IV (1533—1583)	—
§ 188. Война съ Казанью (1550—1552)	—
§ 189. Осада и взятіе Казани (1552)	214
§ 190. Война съ Астраханью и Крымомъ, и покореніе Астрахани (1554—1559)	229
§ 191. Война съ Швеціей и Ливонскимъ орденомъ (1554—1567)	242
§ 192. Войны съ Польшей и Швеціей (1563—1582)	250

СТРАН.

§ 193. Осада Пскова Стефаномъ Баторіемъ (1581—1582).	267
§ 194. Завоеваніе Сибири (1558—1583)	280
ГЛАВА XXV. Замячательнѣйшія войны и походы (продолженіе).	286
IV. Русскія войны при Теодорѣ I и Борисѣ Годуновѣ (1584—1605)	—
§ 195. Покореніе Сибири.	—
§ 196. Нашествіе крымскихъ татаръ (1591)	289
§ 197. Война съ шведами (1590—1593)	293
V. Русскія войны смутнаго времени (1604—1612)	297
§ 198. Война Бориса Годунова съ 1-мъ самозванцомъ (1604—1605)	—
§ 199. Война при Василіѣ Шуйскомъ (1606 — 1610).— Война въ 1606 г.	313
§ 200 Война въ 1607 г.	319
ГЛАВА XXVI. Замячательнѣйшія войны и походы (продолженіе).	331
VI. Русскія войны смутнаго времени (окончаніе)	—
§ 201. Война въ 1608 г. — Осада Троицкой-Сергіевой лавры (начало)	—
§ 202. Война въ 1609 г.—Осады: Троицкой-Сергіевой лавры (продолженіе) и Смоленска (начало)	356
§ 203. Война въ 1610 г. — Осады: Троицкой -Сергіевой лавры (конецъ) и Смоленска (продолженіе).—Клу- шинская битва (24 іюня)	398
§ 204. Война во время междоцарствія. — Война въ 1610 г.	428
§ 205. Война въ 1611 году.—Сожженіе Москвы (19 мар- та).—Взятіе Смоленска Сигизмундомъ.	442
§ 206. Война въ 1612 г. — Походъ князя Пожарскаго и Минина къ Москвѣ. — Изгнаніе поляковъ изъ Москвы	454
§ 207. Заключеніе	466
ГЛАВА XXVII. Войны казаковъ донскихъ и дѣпровскихъ.	472
I. Войны донскихъ казаковъ	—
§ 208. Войны до 1554 г.	—
§ 209. Войны съ 1554 г.	473
II Войны дѣпровскихъ казаковъ	476
§ 210. Войны до Брестской уніи 1596 г. — Войны до Ланцкоронскаго (1350—1500)	—
† 211. Войны отъ Ланцкоронскаго доВѣнцеслава Хмѣль- ницкаго (1500—1534)	478

§ 212. Войны отъ Вѣнцеслава Хмѣльницкаго до Θεодора Богдана (1534—1575)	484
§ 213. Войны отъ Θεодора Богдана до Θεодора Косинскаго (1575—1592)	490
§ 214. Войны отъ начала Брестской униі 1596 г.—Войны отъ Θεодора Косинскаго до Конашевпча-Сагайдачнаго (1592—1598)	495
§ 215. Войны отъ Конашевпча-Сагайдачнаго до междугетманства (1598—1622)	499
ГЛАВА XXVIII. Войны турокъ	505
I. Войны отъ Мурада I до Селима II (1360—1566)	—
§ 216. Войны п завоеваніи Мурада I (1360—1389).—Вптва на Коссовомъ полѣ (15 іюня 1389 г.)	—
§ 217. Войны Баязида I (1389—1402)	510
§ 218. Войны сыновей Баязида I (1402—1413)	514
§ 219. Войны Мухаммеда I (1413—1421)	515
§ 220. Войны Мурада II (1421—1451)	516
§ 221. Войны Мухаммеда II (1451—1481).—Осада п взятіе Константинополя (1453).—Войны послѣ того	519
§ 222. Войны Баязида II (1481—1512)	532
§ 223. Войны Селима I (1512—1520)	535
§ 224. Войны Сулеймана I (1520—1566)	540
II. Войны отъ Селима II до смерти Ахмеда I (1566—1617)	547
§ 225. Войны при Селимѣ II (1566—1574)	—
§ 226. Войны при Мурадѣ III (1574—1595)	549
§ 227. Войны при Мухаммедѣ III (1595—1603)	—
§ 228. Войны при Ахмедѣ I (1603—1617)	550
ГЛАВА XXIX. Войны п походы Тимурленга или Тамерлана (1359—1405)	552
§ 229. Первые войны п походы Тимурленга (1359—1390)	—
§ 230. Походъ въ Золотую Орду противъ Тохтамыша (1391)	561
§ 231. Походы отъ 1392 г. до 1398 г.	571
§ 232. Походъ въ Индію (1398—1399)	572
§ 233. Походъ противъ Баязида I (1402)	578
§ 234. Привготовленія къ походу въ Китай (1403—1405)	587

КАРТЫ И ПЛАНЫ,

приложенные въ 2-му Отд. настоящей части.

- 1) Карты Европы, съ частию Азии и Африки, въ XIV, XV и XVI столѣтіяхъ. } въ началѣ книгъ.
 - 2) Планъ Куликовской битвы 8 сентября 1380 г. }
 - 3) » Оршинской битвы 8 сентября 1514 г. }
 - 4) » осады Казани въ 1552 г. }
 - 5) » осады Пскова въ 1581—82 г.г. }
 - 6) » осады Троицкой - Сергіевой лавры въ 1608—10 г.г. }
 - 7) » осады Смоленска въ 1633 г. (опъ же и для осады Смоленска въ 1609—11 г.г.). }
- въ концѣ книгъ.
-

ВАЖНѢЙШІЯ ИСПРАВЛЕНІЯ,

КОТОРЫЯ НЕОБХОДИМО ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ИМѢТЬ ВЪ ВИДУ.

В ъ т е к с т ѣ:

СТРАН.	СТРОК.	ПАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТИ:
4	— 2—3	сверху.	Черткою раздѣла восточной и западной Руси были р.р. Западная Двина и Днѣпръ. (§ 49).
13	— 9	»,	въ 1250 г.
25	— 10	»,	Мурадомъ I
36	— 20	снизу.	Разбитый имъ въ астраханскихъ стѣняхъ, онъ собралъ всѣ свои силы, напалъ на него между р. р. Терекомъ и Кумою, но былъ вторично разбитъ. Тамерланъ, преслѣдуя его за Волгу, въ 1395 г. перешелъ на правую сторону ея, двинулся къ южнымъ предѣламъ Руси, взялъ Клецъ (и т. д.)
41	— 18	»,	Мурадомъ II
43	— 8	сверху.	Разбитый имъ (Тамерланомъ) 18 июня 1391 г. на р. Кондурчѣ, на лѣвой сторонѣ средней Волги (выше нын. гор. Самары), въ 1395 году онъ (Тохтамышъ) собралъ новое войско, но былъ вторично разбитъ Тамерланомъ (какъ полагаютъ близъ нын. Темір-ханъ-шуръ) и преслѣдованъ до устьевъ Волги. Оттуда Тамерланъ двинулся вверхъ по правому берегу ея къ Дону и Ельцу (и т. д.).
120	— 18—19	снизу.	и къ концу XIV вѣка (1369—1390) успѣлъ основать новое, столь же обширное, простиравшееся отъ стѣны Китая до Босфора и отъ Сибири и р. Камы до Персидскаго залива и р. Ганга.
268	—	выноска внизу.	и къ концу XIV вѣка (1399) успѣлъ основать новое, столь же обширное, обнимавшее всю среднюю Азію отъ Китая и Индіи до предѣловъ азіатской Турціи и отъ верховьевъ р. р. Иртыша и Оби до Персидскаго залива.
120	— 18—19	снизу.	Иногда казаки служили и сражались также пѣшими.
268	—	выноска внизу.	См. приложенный снимокъ съ изображенія Пскова въ 1581—82 г.г. и пр.
			Снимокъ этотъ не могъ быть изготовленъ во время и приложенъ къ настоящей части, но будетъ приложенъ къ слѣдующей.

СТРАИ.	СТРОКИ.	НАПЕЧАТАНО.	ДОЛЖНО БЫТЬ.
331 —	7 сверху в содержаніи главы XXVI.	Разрушеніе Москвы (19 мар- та).—	Сожеженіе Москвы (19 мар- та).—
372 —	17 снизу.	въ городской осипи.—	(т. е. за городскимъ земля- нымъ валомъ).
421 —	14 »	Хотя ея было еще всего только 200 чел.,	Хотя ея было всего только 200 чел.,
474 —	19—20 снизу.	Въ 1557 г. они участво- вали вмѣстѣ съ русскими войсками въ войнѣ ихъ съ Ливоніей, а въ 1579 г. съ Стефаномъ Баторіемъ.	Въ 1563 — 1582 г. они (донскіе казаки), въ соста- вѣ русскихъ ратей, участ- вовали въ войнѣ Іоанна IV съ Польшей и Швеціей въ Ливоніи и въ сѣверо-запад- ныхъ русскихъ областяхъ.
475 —	9 снизу и далѣе	А когда Заруцкій бѣ- жалъ въ Коломну и оттуда въ Астрахань, большая часть донскихъ казаковъ, подъ начальствомъ атамана Межакова, воротилась подъ Москву и присоеди- нилась къ войскамъ Тру- бецкаго.	А когда Заруцкій, съ преданными ему казаками, составлявшими почти поло- вину подмосковнаго казац- каго войска, пошелъ къ Ко- ломнѣ и потомъ къ Михай- лову рязанскому, прочіе ка- заки остались подъ Моск- вою подъ начальствомъ Трубецкаго и вмѣстѣ съ его войсками участвовали и пр.
459 —	3 снизу и далѣе	много способствовали осво- божденію Москвы отъ по- ляковъ и преслѣдованію арміи Сигизмунда къ гра- ницамъ Польши.	вмѣстѣ съ ополченіемъ По- жарскаго способствовали окончательному освобожде- нію Москвы отъ поляковъ.
473 —	1—2 сверху	Въ 1455 г. казаки участво- вали въ войсѣ князя литовскаго Сигизмунда Кейстутовича съ Свид- ригайломъ.	Въ 1435 г. казаки участво- вали въ войнѣ Сигизмун- да, Витольдова или Ви- товтова брата, съ Свид- ригайломъ, братомъ Ягай- ла или Ягелла, за досто- инство великаго князя ли- товскаго.
473 —	13 снизу	Вообще, не смотря на всѣ услуги,	Однако, не смотря на всѣ услуги,
506 —	16 »	Газисъ или Гехазисъ (герой),	Хазисъ, Хазисъ или Ге- хазисъ, Гехазисъ (герой, побѣдитель),
532 —	13 »	уретя же, имѣя во главѣ Ахмеда-пашу, утвердилась въ Италіи.	третье же (предпріятіе), имѣя въ главѣ Ахмед- пашу, повело къ утвержде- нію турокъ на берегахъ Италіи.
546 —	5 снизу.	первыхъ 9-ти султановъ,	9-ти изъ 13-ти первыхъ султановъ,

ВСЕОБЩАЯ
ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ
СРЕДНИХЪ ВРЕМЕНЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

Отъ введенія огнестрѣльнаго оружія до тридцатилѣтней войны

(1350—1618).

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ВЪ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПѢ И ВЪ АЗІИ.

ГЛАВА XVIII.

ВОСТОЧНАЯ И ЗАПАДНАЯ РУСЬ СЪ ПОЛОВИНЫ XIV ВѢКА ДО ІОАННА III.

I. Восточная Русь. — § 150. Военное устройство. — § 151. Различные роды войскъ, вооружение и число ихъ. — § 152. Огнестрѣльное оружіе. — § 153. Строй и образъ движеній и дѣйствій войскъ. — § 154. Внутреннее устройство и духъ войскъ. — § 155. Укрѣпленіе, осада и оборона городовъ. — § 156. Состояніе военнаго дѣла вообще. — § 157. Новгородъ и Псковъ. — § 158. Казаки донскіе и днѣпровскіе. — II. Западная Русь. — § 159. Военное устройство и военное дѣло въ ней.

I.

Восточная Русь.

§ 150.

Военное устройство.

Съ половины XIV вѣка Русь уже рѣшительно раздѣлилась на восточную и западную. Первая (области: московская, владимірская, новгородская, псковская и удѣльныя: смоленская, рязанская, муромская, пронская, ростовская, бѣлозерская, суздальская, пижегородская и тверская) была подъ господствомъ великихъ князей московскихъ, потомковъ Св. Владиміра I, въ родѣ Св. Александра Невскаго и внука его, Іоанна I Калиты;—вторая (остальная часть Руси) — подъ господствомъ великихъ князей литовскихъ и рус-

*

скихъ, потомковъ и преемниковъ Гедимины, завоевавшего сѣверо-западную и восточную половину юго-западной Руси. Чертою раздѣла восточной и западной Руси были р. р. Западная Двина и Днѣпръ. И хотя вѣра, языкъ, нравы, обычаи, законы и пр. въ той и другой остались одинаковыми, но политическія судьбы ихъ уже стали постепенно болѣе и болѣе принимать различное направленіе. Поэтому и военное устройство, и военное дѣло въ каждой изъ нихъ отсели слѣдуетъ уже разсматривать отдѣльно, обращая преимущественное вниманіе на состояніе ихъ въ восточной Руси, постепенно развивавшейся въ самостоятельное государство русское.

Выше (ч. II, глава VII § 54) уже было сказано, что военное устройство въ древней Руси, первоначально образовавшееся на началахъ, положенныхъ первыми русскими князьями, постепенно развивалось на нихъ въ двухъ послѣдующихъ періодахъ: удѣльномъ и монгольскаго владычества, съ тѣми лишь измѣненіями, которыя произвели въ нихъ время и обстоятельства, особенно удѣльное раздробленіе Руси и владычество монголовъ.

Эти измѣненія были особенно важны, замѣчательны и благотѣльны для восточной Руси во второмъ вѣкѣ монгольскаго владычества, съ половины XIV вѣка до половины XV-го. Они были тѣсно связаны съ ходомъ и развитіемъ политическаго, государственнаго и общественнаго строя восточной Руси въ это время, вслѣдствіе мудрой и твердой политики великихъ князей московскихъ: Иоанна I Калиты, Иоанна II, Симеона Гордаго, Дмитрія Донскаго, Василія I и Василія II. Эта политика заключалась въ томъ, чтобы постепенно уничтожить пагубное удѣльное раздробленіе восточной Руси, собрать, соединить ее въ одно цѣлое подъ верховною властію великихъ князей московскихъ, исключительно въ одномъ родѣ Св. Александра Невскаго, усилить власть эту снова до той степени, которую она имѣла при Владимірѣ Св. и Ярославѣ I, увеличить московское княжество пріобрѣтеніемъ новыхъ городовъ и областей, возвысить его надъ всѣми княжествами и такимъ образомъ сосредоточить и увеличить силы восточной Руси противъ внѣшнихъ враговъ ея и особенно главныхъ изъ нихъ — монголовъ *).

Всѣ эти цѣли политики названныхъ выше великихъ князей московскихъ, къ истинному и великому счастью для восточной Руси, въ 134 года (1328—1462) были постепенно и вполне достигнуты. И восточная Русь (отъ которой уже были совершенно независимы области западной и почти независимы новгородская и псковская сѣ-

* До конца XIV вѣка ихъ вѣрнѣе называть монголами, а съ XV вѣка татарами (см. объ этомъ ниже гл. XIX § 164).

верной), подъ верховною властію великихъ князей московскихъ и всея Руси, къ половинѣ XV вѣка уже образовала собранное въ одно цѣлое и значительно усиленное великое княжество московское, съ столицей и главою его—Москвою, изъ частнаго села Кучкова постепенно возросшей въ удѣльный и потомъ въ великокняжескій престольный городъ.

Вполнѣ сообразно и соразмѣрно съ тѣмъ развивались, сосредоточивались, усиливались и совершенствовались и военное устройство восточной Руси вообще, и образование, устройство, управление военныхъ силъ ея въ частности, уже предназначенныхъ не для пагубныхъ междоусобій внутреннихъ, но, какъ сказано, противъ враговъ внѣшнихъ и особенно монголовъ. Подобно тому, какъ и въ періодахъ удѣльномъ и первомъ владычества монголовъ, военныя силы эти и въ настоящемъ періодѣ состояли первоначально изъ: 1) великокняжескихъ, 2) удѣльныхъ и 3) принадлежавшихъ Новгороду и Пскову, въ послѣдствіи же — преимущественно и наконецъ исключительно изъ однихъ первыхъ, поглотившихъ слившіяся съ ними удѣльныя. Новгородскія же и псковскія продолжали существовать и развиваться отдѣльно и независимо, почему и будутъ рассмотрѣны особо ниже.

Но, кромѣ того, въ это время на южныхъ предѣлахъ восточной и западной Руси возникаетъ новая, вольная, независимая отъ нихъ, но родственная имъ и все болѣе и болѣе входящая въ близкія отношенія съ ними военная сила — казачество придонское и приднѣпровское, которое поэтому также будетъ рассмотрѣно особо ниже.

Великокняжескія и удѣльныя военныя силы восточной Руси первоначально состояли одинаково изъ: 1) дворовъ княжескихъ, 2) дворянъ, 3) боярскихъ дѣтей, 4) временныхъ городскихъ ополченій и 5) иноземныхъ и инородныхъ наемныхъ дружинъ.

Дворы (прежде бывшія дружины) княжескіе стояли въ главѣ и выше всѣхъ и составляли ядро и главную, лучшую часть военныхъ силъ. Лица, принадлежавшія къ нимъ, носили общее названіе дворянъ, въ смыслѣ высшаго, преимущественно военнаго сословія, а не въ томъ, который получили позже, т. е. высшаго сословія народнаго, хотя и послужили началомъ ему. Какъ и прежде, одни изъ нихъ стояли выше, другіе — ниже. Къ первымъ принадлежали бояре и воеводы—ближайшіе къ князю совѣтники его, сановники его двора, гражданскіе и военные чиновники его, старые или старшіе и молодые или младшіе. Каждый изъ нихъ имѣлъ свой собственный дворъ (что прежде была дружина), въ маломъ подобный княжескому. Низшій разрядъ лицъ княжескихъ дво-

ровъ составляли собственно дворяне, находившіеся, одни при дворахъ князей, другіе въ ихъ городахъ и областяхъ, либо жившіе въ своихъ вотчинахъ. Сословіе дворянъ значительно умножилось и все болѣе умножалось противъ прежняго. Ниже дворянъ стояли боярскія дѣти (прежде бывшіе боярскіе отроки или слуги, дружинники) — еще болѣе многочисленныя, нежели дворяне, и вмѣстѣ съ ними составлявшія многочисленное же, осѣдлое, землевладѣльческое, военное сословіе, главною обязанностью котораго была военная служба въ военное время, по требованію и призыву князей. Въ мирное же время оно занимало разныя должности и исполняло разныя обязанности гражданскія и военныя при князьяхъ и въ ихъ городахъ и областяхъ. Низшій разрядъ дворовъ (дружинъ) княжескихъ вообще составляли собственно такъ называемые слуги, слуги военные, люди дворные, имѣвшіе свободный отъѣздъ или выѣздъ, отличаясь отъ боярскихъ дѣтей только происхожденіемъ.

Кромѣ дворовъ (дружинъ) княжескихъ, войско по прежнему составлялось изъ городскихъ полковъ, московскихъ и удѣльныхъ, изъ горожанъ или жильцовъ. Съ конца этого періода въ числѣ городскихъ ополченій начинаютъ быть упоминаемы городовые казаки (прежде всѣхъ рязанскіе въ 1444 г.), образовавшіеся вѣроятно по примѣру донскихъ (см. ниже).

Сельскіе жители или земледѣльцы въ обыкновенныхъ случаяхъ къ оружію призываемы не были; но въ случаѣ нашествій монголовъ часто производилось поголовное вооруженіе народа.

Съ XIV вѣка начинаетъ быть упоминаемо также особенное пограничное на востокъ и югъ, большее или меньшее, смотря по необходимости, земское ополченіе, большею частію по одному съ 20 дворовъ, обязанное охранять и оборонять пограничныя засѣки и по нимъ получившее названіе засѣчной стражи. Большія подробности о ней будутъ приведены въ своемъ мѣстѣ позже.

Наконецъ, въ случаяхъ особенной надобности, важности или опасности, означенныя военныя силы князей иногда были временно увеличиваемы также иноземными и инородными наемными дружинами, какъ-то: литовскими, придѣпровскими и придонскими (бродниками и т. п.) и даже монгольскими.

Но по мѣрѣ возвышенія и усиленія значенія и власти великихъ князей московскихъ и, напротивъ, ослабленія и наконецъ уничтоженія удѣловъ, дворъ и всѣ вообще военныя силы первыхъ также начали постепенно болѣе и болѣе становиться выше всѣхъ, превосходить ихъ числомъ и устройствомъ и наконецъ образовали главныя, первествующія военныя силы всей и единой Руси (восточной). Преждевшія же удѣльныя заняли второе послѣ нихъ мѣсто, въ видѣ вспо-

могательныхъ, подъ верховною властію великихъ князей московскихъ. Дворъ московскій постепенно становился болѣе многочисленнымъ и пышнымъ, а рати (арміи) московскія — болѣе значительными числомъ и сосредоточенными, съ бѣльшимъ единствомъ и лучше устроенными и вполне подчиненными великимъ князьямъ московскимъ.

Числительная сила ихъ значительно возросла противъ прежняго, никогда однако не превосходя, кажется, числа 150 т. чел. Даже и этого числа она достигла только одинъ разъ и то съ большими усиленіями, именно—когда великій князь московскій Дмитрій Іоанновичъ въ 1380 году ополчился противъ Мамая и его союзниковъ, Олега рязанскаго и Ягайла или Ягелла литовскаго. 150-тысячную (по инымъ даже гораздо бѣльшую—до 200 и даже 400 тысячъ, что нимало не вѣроятно) рать Дмитрія лѣтописцы признавали никогда невиданною, неслыханною и небывалою дотолѣ на Руси. Впрочемъ вообще должно сказать, что о числительной силѣ русскихъ ратей въ этомъ періодѣ имѣется еще менѣе точныхъ свѣдѣній, чѣмъ даже въ предшествовавшемъ. Извѣстія о нихъ лѣтописцовъ кажутся очень приукрашенными, преувеличенными и сомнительными. Иногда (какъ, напримѣръ, по поводу Куликовской битвы) лѣтописцы не въ мѣру преувеличивали ихъ, а иногда (особенно послѣ этой битвы) и 5 т. и даже 1,500 войскъ называли великою ратью. Постоянныхъ же и положительныхъ основаній счета войскъ въ эти времена не было и не могло быть.

Вмѣстѣ съ постепеннымъ умноженіемъ военныхъ силъ великокняжескихъ московскихъ, совершенствовалось и упрочивалось и устройство ихъ цѣлесообразными военными учрежденіями и постановленіями. Они исходили уже непосредственно отъ московскихъ великихъ князей и ихъ двора, какъ высшаго и главнаго военнаго управленія, все менѣе и менѣе стѣсняемая городскими народными вѣчами, терявшими свою силу и значеніе и подъ конецъ этого періода совершенно исчезнувшими въ восточной Руси, за исключеніемъ Новгорода и Пскова, гдѣ они напротивъ все болѣе и болѣе усиливались, какъ будетъ означено ниже.

Наибольшаго развитія и лучшаго состоянія военное устройство восточной Руси вообще достигло при Василии II (1425—1462) и такимъ перешло къ сыну его, Іоанну III, который, въ слѣдующемъ періодѣ, уже далъ ему, на прежнихъ основаніяхъ, своеобразное, еще болѣе полное и прочное развитіе.

§ 151.

Различные роды войскъ, вооруженіе и число ихъ.

Главнымъ, многочисленнѣйшимъ и сравнительно лучшимъ родомъ войскъ въ это время была конница, составленная изъ чиновъ и лицъ княжескихъ дворовъ и изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, имѣвшихъ средства и возможность служить на коняхъ. Неимѣвшие же ихъ, по недостаточному или бѣдному состоянію, служили пѣшими и составляли второстепенный родъ войскъ — пѣхоту, которая входила и въ составъ полевыхъ ратей, но преимущественно назначалась для службы городской—охраненія и обороны городовъ, а также полевыхъ военныхъ становъ и укрѣпленій.

Сообразно съ тѣмъ, и вооруженіе войскъ было сложнѣе, полнѣе, тяжеле, лучше и отчасти богаче въ конницѣ, нежели въ пѣхотѣ. Вообще оно имѣло характеръ отчасти древне-русскій, отчасти монгольскій или подобный ему, и раздѣлялось на оборонительное и наступательное, а послѣднее—на ручное и метательное. Самый полный видъ оборонительнаго вооруженія составляла броня (въ западной Европѣ *brunia*) или доспѣхъ, состоявшій изъ остроконечныхъ желѣзныхъ пишаковъ съ носомъ (желѣзною полоскою сверху внизъ противъ носа и середины лица) и съ кольчужною сѣткою, опускавшеюся на лицо, шею и плечи (замѣнявшею забрала шлемовъ въ западной Европѣ),—затѣмъ изъ кольчуги или кольчуги въ видѣ рубахи до колѣнъ съ рукавами, опоясанной мечомъ и у знатныхъ и достаточныхъ людей прикрытой на туловищѣ спереди и сзади, на рукахъ и на ногахъ металлическими латами (нагрудниками, наручниками и пр.) *), и наконецъ изъ круглыхъ щитовъ. Въ XV вѣкѣ въ лѣтописяхъ нерѣдко упоминаются названія: желѣзные или кованые полкъ или рать, что означаетъ, кажется, что оборонительное вооруженіе конницы стало уже гораздо прочнѣе и тяжеле, впрочемъ не вообще, а отчасти, и преимущественно въ сѣверовосточной Руси, особенно въ Новгородѣ и Псковѣ. Наступательное оружіе состояло: 1) ручное — изъ прямыхъ, короткихъ мечей, кривыхъ монгольскихъ сабель, ножей или винжаловъ, копій: длинныхъ и короткихъ, легкихъ или дровиковъ (сулицъ), топоровъ, бердышей (аллебардъ), палицъ или дубинъ (ослоповъ), кистеней (короткой палки, на одномъ

*) Замѣчательно, что эта полная броня или доспѣхъ вполнѣ или весьма походила на теперешній полный доспѣхъ кавказско-горскихъ народовъ и особенно ихъ князей и знатнѣйшихъ и достаточнѣйшихъ лицъ.

концѣ которой, на ремнѣ или на цѣпи, была металлическая тяжесть или камень, а на другомъ концѣ петля, надѣвавшаяся на кисть руки), и 2) метательное — изъ луковъ и стрѣлъ, въ томъ числѣ самострѣлы: ручные, для метанія большихъ стрѣлъ, и тяжелые для метанія большихъ каменьевъ (баллисты и катапульты), послѣдніе при осадѣ и оборонѣ городовъ. Въ этихъ трехъ родахъ вооруженія не было однообразія, а напротивъ — большое разнообразіе: каждый вооружался, по состоянію и средствамъ, какъ и чѣмъ могъ, знатные и богатые — полиће и богаче, недостаточные и бѣдные — проще и бѣднѣе. При дворахъ княжескихъ вооруженіе хранилось въ особыхъ складахъ и выдавалось передъ походомъ или перевозилось за войсками сухимъ путемъ на конныхъ подводахъ, либо сплавлялось на судахъ по рѣкамъ.

Каждая часть войскъ, называвшаяся по областямъ и городамъ (большую частію полками), имѣла свои особенные стяги или знамена съ изображеніями ликовъ Спасителя, Божіей Матери или святыхъ. Были особые стяги княжескіе и городскіе, но выше и важнѣе всѣхъ были стяги великіе или великокняжескіе московскіе, съ изображеніемъ Св. великомученика Георгія на конѣ, копіемъ поражающаго змѣя—герба московскаго великаго княжества. Замѣчательнѣйшимъ такого рода стягомъ было большое знамя великаго князя Дмитрія Іоанновича въ Куликовской битвѣ, на черной атласной тѣани имѣвшее изображеніе Нерукотвореннаго образа Спасителя. Великіе стяги ставились всегда въ серединѣ боеваго порядка войскъ, гдѣ становился самъ великій князь съ своимъ дворомъ, и охранялись почетною стражею знатнѣйшихъ московскихъ дворянъ.

При войскахъ по прежнему были трубы, рога, бубны или навры (въ родѣ ручныхъ литавръ), сопели или дудки и пр. т. п., подъ звуки которыхъ войска строились къ бою, двигались и вступали въ него, подъ своими стягами.

§ 152.

Огнестрѣльное оружіе.

По сказанію лѣтописей, въ 1389, послѣднемъ году княженія Дмитрія Донскаго, въ восточную Русь впервые привезли «изъ нѣмецкой земли арматы и стрѣльбу огненную, и отъ того часу уразумѣли изъ нихъ стрѣляти». Подъ арматами и стрѣльбою огненною слѣдуетъ разумѣть первыя огнестрѣльные: орудія и ручное оружіе, проникшія въ восточную Русь изъ западной Европы,

прежде всего вѣроятно черезъ Новгородъ и Псковъ путями торговыми, вслѣдствіе торговыхъ сношеній, особенно Новгорода съ Ганзейскими городами, а потомъ можетъ быть и отъ шведовъ, датчанъ, (въ нын. Эстоніи), ливонскихъ рыцарей и литовцовъ. При сынѣ и преемникѣ Дмитрія Донскаго, Василии I (1389 — 1425) въ Москвѣ уже изготовляли зелье (такъ съ тѣхъ поръ до Петра I называли у насъ порохъ), а каменные стѣны Москвы уже были вооружены арматами (пушками), дѣйствіемъ которыхъ въ 1408 г. было отражено нападеніе татарскаго полководца Эдигея. Въ 1450 г. князь Дмитрій Шемяка также употребилъ огнестрѣльные орудія при оборонѣ Галича противъ войскъ Василия II. Но вообще до половины XV вѣка и даже далѣе огнестрѣльное оружіе исключительно ввозилось въ восточную Русь изъ-за границы, распространялось довольно медленно, было очень несовершенно и употреблялось тяжелое при оборонѣ городовъ, но не въ полѣ и не ручное. Первые огнестрѣльные орудія (вообще арматы) получили свои особенныя русскія названія: пускичи (пушки), пищали, гаковницы или гафунницы (гаубицы) или дробовики, и можжиры (мортиры). Пускичами и прежде назывались метательныя орудія, метавшія большіе камни (баллисты и катапульти). Пищалами сначала назывались одни тяжелыя орудія, потомъ длинное и тяжелое ручное, изъ котораго стрѣляли съ городскихъ стѣнъ, съ треножныхъ подставокъ,—и наконецъ собственно ручное оружіе (западноевропейскія аркебузы), изъ которыхъ стрѣляли съ вилокъ или подсошекъ. Дробовики имѣли одинаковую наружность со всѣми вообще тяжелыми пищалами или пушками, но съ заостренною (конической) внутри камерой; изъ нихъ стрѣляли камнями въ вилѣ дробы, откуда и названіе ихъ. Всѣ вообще огнестрѣльныя орудія были первоначально весьма длинны и тяжелы, употреблялись такъ же, какъ и въ западной Европѣ, всѣ вмѣстѣ съ самаго начала стали называться нарядомъ или снарядамъ (что соотвѣтствовало западноевропейскому названію артиллерія) и постоянно находились въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и нѣкоторыхъ другихъ большихъ городахъ.

Ручное огнестрѣльное оружіе стало входить въ употребленіе позже орудій, и главный родъ его назывался пищалью. Свѣдѣнія о нихъ будутъ приведены въ своемъ мѣстѣ позже.

Хотя такимъ образомъ огнестрѣльное оружіе только-что стало входить въ употребленіе въ восточной Руси съ конца XIV вѣка, однако очень замѣчательно, что, въ первой половинѣ XV вѣка, его было болѣе, нежели у татаръ, къ большой выгодѣ противъ послѣднихъ и въ немалому удивленію въ отношеніи къ нимъ, такъ какъ огнестрѣльное оружіе первоначально возникло въ Азій и отъ китайцовъ и

аравитянь перешло къ монголамъ. Такъ, напримѣръ, когда въ 1408 г. Эдигей шелъ на Москву, то приказалъ князю Іоанну Михайловичу тверскому присоединиться къ нему съ пищалями и самострѣлами; но когда, вмѣсто того, тверитяне изъ Клина воротились въ Тверь и Эдигей безъ орудій подступилъ къ Москвѣ, то войска его не смѣли приступить къ осадѣ ея, изъ страха огнестрѣльныхъ орудій, изъ которыхъ по нимъ стрѣляли со стѣнъ Москвы—и Эдигей былъ отраженъ и принужденъ отступить. Такой же недостатокъ въ огнестрѣльныхъ орудіяхъ принудилъ и татарскаго полководца Мазовицу отступить отъ Москвы въ 1451 г. при Василии II. Слѣдовательно русскіе въ это время имѣли уже въ этомъ отношеніи значительное превосходство надъ татарами.

§ 153.

Строй и образъ движеній и дѣйствій войскъ.

Они имѣли тѣ же главныя основанія и черты, что и въ предыдущемъ періодѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что отчасти по опыту предшествовавшихъ временъ, отчасти же изъ подражанія монголамъ, были преимущественно приспособлены къ дѣйствіямъ противъ послѣднихъ, а на сѣверѣ, сѣверозападѣ и западѣ—противъ шведовъ, ливонскихъ рыцарей и литовцовъ.

Войска вообще раздѣлялись на десятки, сотни и тысячи, на конныя и пѣшія дружины или полки, на тяжелыя (линейныя) и легкія (стрѣльцовъ). Первыя строились и въ бою дѣйствовали въ длинномъ и глубокомъ строѣ (фалангами), ручнымъ оружіемъ—сначала копьями (при чемъ задніе ряды, у которыхъ копья были длиннѣе, клали ихъ на плечи передовыхъ рядовъ, у которыхъ копья были короче), потомъ мечами, топорами и т. п., а вторыя—въ разомкнутомъ или въ разсѣпномъ строѣ стрѣльбою изъ луковъ. Главными и важнѣйшими были дѣйствія конницы—нападательныя, запальчивыя, стремительныя и сильныя; дѣйствія же пѣхоты—второстепенными, вспомогательными, преимущественно оборонительными за окопами, повозками или мѣстными препятствіями, за которыми пѣхота оборонялась чрезвычайно упорно, въ открытомъ же полѣ, напротивъ, держалась слабо, особливо противъ монгольской конницы. Русская же конница, въ случаѣ неуспѣха перваго нападенія, столь же быстро обращалась назадъ, дабы возобновить потомъ нападеніе либо предаться бѣгству.

Въ дѣйствіяхъ въ полѣ русскія войска во многомъ подражали монголамъ или по крайней мѣрѣ сходствовали съ ними, растягивая

фронтъ, стараясь охватывать крыла, прибѣгая къ разнымъ военнымъ хитростямъ, притворнымъ отступленіямъ и инымъ движеніямъ, нападеніямъ изъ скрытныхъ засадъ (какъ напримѣръ въ Куликовской битвѣ) и пр. т. п.

Порядокъ походныхъ движеній былъ подобенъ прежнему, съ тѣмъ различіемъ, что производился съ большими: осторожностью, порядкомъ, устройствомъ и сходствомъ съ монгольскими обычаями. Въ это время уже замѣчаются первые слѣды раздѣленія ратей въ походныхъ движеніяхъ на полки: сторожевой или передовой (авангардъ), большой (главныя силы), правой и лѣвой рукъ (фланговые) и на затыльный или засадный, задній или запасный (аррьергардъ). Впереди и по сторонамъ шли сторожи—легкіе конные отряды, для развѣдыванія путей и непріятеля, добыванія плѣнныхъ, языковъ и т. п. За сторожами слѣдовалъ сторожевой полкъ, а за нимъ по порядку полки: правой руки, большой съ дворомъ между нимъ, лѣвой руки и задній.

При встрѣчѣ съ непріятелемъ рати строились въ боевой порядокъ такъ, что въ серединѣ его становились князь, дворъ и стяги его, и по обѣимъ сторонамъ ихъ большой полкъ, на крылахъ—полки правой и лѣвой рукъ, передовой—впереди, а задній—въ тылу, въ видѣ резерва или въ засадѣ. Этотъ нормальный боевой порядокъ измѣнялся впрочемъ, смотря по обстоятельствамъ и мѣстности. По построеніи всей рати, князь говорилъ войску ободрительную рѣчь, подавалъ знакъ къ бою звукомъ трубъ, роговъ, бубновъ и пр., которыми вторили всѣ прочіе, и обыкновенно первый подъ своимъ стягомъ и съ своимъ дворомъ бросался въ бой, а примѣру его слѣдовала и вся линія боеваго порядка. Тогда происходилъ общій рукопашный бой, побѣду въ которомъ рѣшали превосходство числительной и тѣлесной силы и личныхъ мужества, храбрости, ловкости владѣнія оружіемъ, иногда какія-нибудь особенныя движенія или дѣйствія, внезапныя нападенія изъ засадъ и т. п. Лучшимъ примѣромъ того можетъ служить Куликовская битва, которая будетъ обстоятельно изложена въ своемъ мѣстѣ ниже.

Въ случаѣ успѣха и побѣды, передовой полкъ преслѣдовалъ разбитаго непріятеля, а главныя силы оставались на мѣстѣ боя (на костяхъ), погребали своихъ убитыхъ, подбирали раненыхъ и плѣнныхъ, праздновали побѣду благодарственными молитвами Богу и потомъ пиrowаніемъ, а затѣмъ иногда также слѣдовали за передовымъ полкомъ или продолжали военныя дѣйствія въ ту или другую сторону.

Въ случаѣ же неуспѣха и пораженія, рати, состоявшія большею частію изъ конницы, такъ же быстро и стремительно обращались

назадъ, какъ и передъ боемъ впередъ, не противопоставляя побѣдителя отпора. Пѣхота, не послѣвая за конницей и хуже ея вооруженная и устроенная, или защищалась за обозами либо мѣстными препятствіями, или же терпѣла большой уронъ и пораженіе отъ конницы побѣдителя. Но большею частію, послѣ пораженія, рати направлялись подъ защиту ближайшаго города и, укрываясь въ немъ, защищались упорно. Тогда уже главное участіе въ оборонѣ принадлежало пѣхотѣ, дѣйствовавшей преимущественно сильною стрѣльбою изъ луковъ и другими средствами, указанными ниже (§ 49).

§ 154.

Внутреннее устройство и духъ войскъ.

О военныхъ упражненіяхъ въ русскомъ войскѣ, въ мирное время, прямыхъ указаній въ источникахъ не имѣется. Но пѣтъ, кажется, сомнѣнія, что воинственный духъ прежнихъ дружинъ не угасъ и въ княжескихъ дворахъ, и въ многочисленномъ военномъ сословіи дворянъ и боярскихъ дѣтей этого времени, и что лица, принадлежавшія къ нимъ, и въ мирное время не пренебрегали военными упражненіями — наѣздничествомъ на коняхъ съ ручнымъ оружіемъ и стрѣльбою изъ луковъ съ коня и пѣшкомъ. При сборахъ и смотрахъ войскъ передъ походомъ, безъ сомнѣнія, испытывались оружность и конность ихъ, снабженіе всемъ нужнымъ для похода и боя и удостовѣреніе въ готовности и способности къ необходимымъ въ нихъ дѣйствіямъ.

Военное начальствованіе соотвѣтствовало десятичному дѣленію войскъ на десятки, сотни и тысячи, и потому частными начальниками войскъ были десятники, сотники и тысяцкіе. Послѣдніе были главными послѣ князей воеводами и для отличія носили на шеѣ и груди золотыя гривны или медали на такихъ же цѣпяхъ. Послѣднимъ тысяцкимъ былъ Василій Васильевичъ Вельяминовъ, по смерти котораго въ 1374 г. Дмитрій московскій уже никого не назначалъ въ это званіе. Въ современныхъ лѣтописяхъ иногда упоминаются уже головы и полковники, въ смыслѣ предводителей областныхъ или городскихъ полковъ. Высшими начальниками войскъ были бояре и воеводы московскіе и удѣльные, полковые и осадные или крѣпостные, но выше всѣхъ ихъ уже съ конца XIV вѣка стали московскіе. Кромѣ бояръ, но ниже ихъ, упоминаются уже окольнічье и позже разные чины дворовые или придворные: столбники, чащники, конюшенные и пр. Происхожденіе названія околь-

ничій производятъ отъ словъ около (т. е. князей) или околицы (т. е. обязанности завѣдывать всемъ, что касалось походовъ князей во околицамъ или дорогамъ). Особенныя, высшія значеніе и важность имѣли бояре, еще съ прежнихъ, давнихъ временъ бывшіе высшими сановниками придворными, гражданскими и военными, имѣвшіе право служить, по своей волѣ, тому князю, котораго болѣе любили и уважали, и даже переходить на службу отъ одного къ другому. Они пользовались у князей большимъ почетомъ, но нерѣдко употребляли это во зло, питая между ними междоусобія, а между собою считаясь древностью своего родового происхожденія, производили, какъ и прежде, боярскія смуты, которыя такъ усилились въ послѣдствіи и заключали въ себѣ, между прочимъ, сѣмена позднѣйшаго мѣстничества (т. е. счета между собою мѣстами по старшинству родового происхожденія). Василий II началъ уже жаловать въ бояры, и даже бывшихъ удѣльныхъ князей. Сверхъ московскихъ и (вначалѣ) удѣльныхъ бояръ,¹ были еще городовые: каждый городъ имѣлъ своихъ, которые были въ немъ высшими и важнѣйшими сановниками. Въ отличіе отъ княжескихъ, они прежде назывались боярцами, но по мѣрѣ усиленія значенія и власти великихъ князей московскихъ и ослабленія, напротивъ, удѣльныхъ, равно и народныхъ вѣчъ, также стали исчезать и наконецъ совсѣмъ исчезли, кромѣ Новгорода и Пскова (см. § 157). Всѣ вообще бояре въ военное время были высшими начальниками войскъ, при князьяхъ, въ полги или въ городахъ.

Воеводы были также, какъ и бояре, ближайшими къ князьямъ сановниками, совѣтниками ихъ и въ мирное время—высшими гражданскими чиновниками, а въ военное—начальниками и предводителями войскъ. Въ удѣльномъ періодѣ и послѣ него число ихъ значительно размножилось и они владѣли большими вотчинами и богатствами, и могли также, какъ бояре, служить, по своей волѣ, тому или другому князю. Но съ XV вѣка и воеводы, какъ и бояре, стали уже слугами великихъ князей московскихъ, т. е. вполне подчиненными имъ; между ними были старые или старшіе, родовитые, и молодые или младшіе, новые, вновь пожалованные. Такъ какъ въ это время уже существовало раздѣленіе ратей, по примѣру татаръ, на полки: большой, правой и лѣвой рукъ, сторожевой и затыльный (см. выше), то и воеводы назначались начальниками ихъ соответственно значенію и важности, какъ своему, такъ и полковъ, и знатнѣйшіе изъ нихъ—преимущественно начальниками полковъ правой и лѣвой рукъ и особенно большого.

Дворяне и боярскія дѣти составляли, какъ уже было сказано выше, многочисленное военное сословіе и стояли, первые—выше, а

вторые—ниже. Они были землевладельцами, болѣе или менѣе достаточными, начиная отъ владѣвшихъ вотчинами до однодворцовъ, и исправляли военную службу какъ въ военное время, такъ и въ мирное въ городахъ и при князьяхъ, московскіе особенно при великихъ, въ Москвѣ по очереди и наряду. По утверженіи единодержавія въ XV вѣкѣ, всѣ дворяне и боярскія дѣти уже подчинились власти великихъ князей московскихъ и въ число дворянъ начали вступать даже сыновья бывшихъ удѣльныхъ князей. Боярскія дѣти, являвшіяся по наряду въ города на службу, росписывались городовыми воеводами по десятиямъ (десятней называлось цѣлое съ одного города ополченіе изъ боярскихъ дѣтей подъ начальствомъ дворянъ) и вносились въ десятинные списки или книги. Нѣсколько десятенъ составляли полкъ и десятки назывались по городамъ, а полки по княжествамъ или областямъ. Съ XV вѣка боярскія дѣти начали уже понемногу получать участки земли на свое вооруженіе и содержаніе, и, будучи свободными, могли носить оружіе и, по современнымъ понятіямъ, считались благородными, но низшаго противъ дворянъ разряда. Изъ нихъ и особенно изъ дворянъ назначались частные начальники войскъ и разнаго рода военные чиновники.

Главное начальствованіе войсками во 2-й половинѣ XIV вѣка еще принадлежало, въ московскомъ и удѣльныхъ княжествахъ, особо великимъ и удѣльнымъ князьямъ, но уже со временъ Димитрія Донскаго — все болѣе и болѣе великимъ князьямъ московскимъ, которымъ подчинялись удѣльные, а въ XV вѣкѣ и безудѣльные. Димитрій Донской, въ 1380 г., до и во время Куликовской битвы, уже является верховнымъ предводителемъ всѣхъ, собранныхъ имъ, въ числѣ до 150 тыс. чел., противъ Мамаю, Олега рязанскаго и Ягайла литовскаго, вооруженныхъ силъ восточной Руси, въ составѣ которыхъ находилось уже множество удѣльныхъ и безъ-удѣльныхъ князей (см. ниже § 166). И послѣ него право такого верховнаго предводительствованія московскими ратями болѣе и болѣе утверждалось и упрочивалось за великими князьями московскими, преемниками его, Димитрія, Василиемъ I и Василиемъ II, хотя они и боролись еще съ послѣдними удѣльными князьями.

Сообразно съ тѣмъ, и военное управленіе, сначала сосредоточившееся въ княжескихъ дворахъ московскомъ и удѣльныхъ, съ конца XIV вѣка, съ Димитрія Донскаго, уже сосредоточилось исключительно въ московскомъ. И съ тѣхъ поръ онъ сталъ, нѣкоторымъ образомъ, главнымъ военнымъ управленіемъ всѣхъ военныхъ силъ восточной Руси, изъ котораго исходилъ всѣ вообще военныя распоряженія по нимъ, чрезъ посредство чиновъ московскаго двора, по повелѣніямъ великихъ князей. Къ числу различныхъ чи-

новъ этого главнаго военнаго управленія, уже съ этого времени, кажется, должно отнести первое начало: 1) воеводъ: полковыхъ и осадныхъ вмѣстѣ, начальствовавшихъ войсками и въ городахъ, и въ областяхъ ихъ, — полковыхъ — въ полѣ, осадныхъ — въ пограничныхъ и укрѣпленныхъ городахъ или крѣпостяхъ, и городовыхъ — въ городахъ и ихъ округахъ, — 2) есауловъ, ѣздившихъ впереди воеводъ, и завоеводчиковъ — за ними, 3) становщиковъ или заимщиковъ, обязанныхъ занимать мѣста подъ станы или заимки войскъ въ походѣ. Кромѣ того, въ это же время упоминаются, между прочимъ, киличи (отъ татарскаго слова киличъ или килиджъ — сабля) — княжескіе оруженосцы, и рынды — княжескіе же знаменосцы, носившіе княжескіе стяги. Изъ тѣхъ и другихъ важнѣйшими стали московскіе.

Выше (§ 150) уже было говорено о городовыхъ казакахъ, изъ которыхъ первыми упоминаются въ 1444 г. рязанскіе, какъ пограничные. Полагаютъ, что то были легкоконныя дружины, подобныя прежнимъ бродникамъ или бронникамъ (разноплеменнымъ бродягамъ, кочевавшимъ между Волгой, Дономъ и Днѣпромъ, занимавшимся разбоями и грабежомъ и служившимъ всякому, кто давалъ имъ больше денегъ), а въ это время образовавшіяся, вѣроятно, по примѣру придонскихъ казаковъ (см. ниже § 158). Они входили въ составъ городовыхъ ополченій, подчинялись городovýmъ воеводамъ и употреблялись преимущественно для развѣдывательной и охранной службы. О нихъ будетъ говорено обстоятельнѣе въ своемъ мѣстѣ позже.

Касательно содержанія войскъ должно сказать, что ни они, ни начальники ихъ не получали ни жалованья, ни продовольствія, но были обязаны служить на собственномъ иждивеніи. Но въ XV вѣкѣ московскіе великіе князья начали уже иногда раздавать, въ видѣ награды или отличія, участки земель съ условіемъ нести военную службу, что послужило первымъ началомъ позднѣйшей помѣстной службы. Жалованье же получали только иноплеменные наемныя дружины, иногда призываемыя на временную службу и упомянутыя выше.

Въ походахъ не было ни особыхъ складовъ продовольствія и другихъ военныхъ запасовъ, ни ставокъ (кромѣ князей и военачальниковъ), но продовольственные запасы — толокно, сухари, мясо, рыба и т. п., равно сухой фуражъ для лошадей, перевозились на вьючныхъ лошадыхъ, подводахъ и по рѣкамъ на судахъ. Лошадей кормили большею частію подножнымъ кормомъ. Войска располагались на открытомъ воздухѣ, либо въ шалашахъ, землянкахъ и т. п., защищаясь отъ дождя и вѣтра войлоками. Лошади были нерослыя, но

крѣпкія, сильныя и быстрыя на бѣгу, большею частію татарской---ногайской породы, которыхъ рѣдко подковывали, а конскіе уборы и все конское снаряженіе—подобныя монгольскимъ.

По всеѣмъ этимъ причинамъ, тяжести и обозы при войскахъ были многочисленны и не могли не затруднять и замедлять походныхъ движеній. Многочисленность ихъ значительно увеличивалась между прочимъ тѣмъ, что князья и высшіе начальники войскъ имѣли при себѣ много слугъ, лошадей, повозокъ и пр. Тяжести перевозились, какъ сказано, сухимъ путемъ и по рѣкамъ на судахъ.

Военный порядокъ въ войскахъ поддерживался болѣе, нежели прежде, строгими наказаніями и щедрыми наградами. Тѣлесныя наказанія и смертная казнь, проникшія отъ монголовъ вмѣстѣ съ ихъ владычествомъ, были примѣняемы и въ войскахъ за военные проступки и преступленія. Наградами же за военные отличія служили золотыя и серебряныя: гривны (деньги или медали), цѣпи и кресты, поясы на шеѣ и на груди, дорогія одежды, мѣха, шубы, оружіе, доспѣхи, кони, кубки, ковши и т. п., а также возведеніе въ званія и чины придворныя, военныя и гражданскія (высшіе—въ бояре и воеводы), иногда раздача земель, а войскамъ — денегъ или части военной добычи и т. п.

Война объявлялась еще, по древнему обычаю, кличеями (отъ слова кличъ) или бирючами (татарское слово, по Татищеву — вѣсококличъ). Мирные договоры заключались вѣчныя и срочныя, большею частію отъ одного большаго праздника до другаго, утверждалась клятвой или присягой на Евангеліи и крестѣ (что называлось цѣловать крестъ), и въ условія ихъ включались, между прочимъ, статьи о военнопленныхъ и размѣнѣ ихъ на границахъ, челобѣка за челобѣка или по условію деньгами. Иногда военнопленныхъ отсылали во внутреннія, малонаселенныя области и поселяли въ нихъ; инородцовъ же, особенно татаръ, обращали въ рабство.

Духъ войскъ, вообще говоря, былъ весьма хорошій: войска отличались преданностью и повиновеніемъ князьямъ и начальникамъ, простотою жизни, нравовъ и обычаевъ, сносливостью походныхъ трудовъ и лишеній, мужествомъ и храбростью въ бою, необыкновеннымъ упорствомъ въ оборонѣ за городскими стѣнами или за окопами и чрезвычайною пылкостью, даже запальчивостью нападеній въ открытомъ полѣ, но недостаточною устойчивостью въ немъ, при неуспѣхѣ нападенія часто обращаясь въ бѣгство, а по духу и обычаю времени рѣдко предаваясь грабежу, тѣмъ болѣе, что должны были содержать себя собственными средствами.

Но вообще должно сказать, что съ усиленіемъ и утвержденіемъ въ этомъ періодѣ единовластія, внутреннее устройство войскъ, какъ

и государственное военное устройство, въ восточной Руси значительно усовершенствовалось противъ прежняго и находилось относительно въ лучшемъ состояніи.

§ 155.

Укрѣпленіе, осада и оборона городовъ.

Нашествія монголовъ уже съ половины XIII вѣка заставили помышлять о прикрытіи восточныхъ и южныхъ границъ восточной Руси укрѣпленными линіями и о лучшемъ укрѣпленіи внутреннихъ и особенно пограничныхъ городовъ.

Укрѣпленными линіями были такъ называемыя засѣки или зарубы, валы или черты. Они состояли въ лѣсныхъ мѣстахъ—изъ древесныхъ засѣкъ съ земляными завалами, а въ безлѣсныхъ и открытыхъ—изъ земляныхъ валовъ съ сухими или водяными рвами. Для первыхъ назначались заповѣдные лѣса, въ которыхъ запрещены были рубка лѣса и даже прокладываніе дорогъ. На протяженіи засѣкъ устраивались острожки или городки (небольшіе форты), огражденные валами съ толстымъ тыномъ и рвомъ, а между ними для проѣзда заставы съ надолбами (шлагбаумами). Засѣки охранялись и оборонялись пограничною засѣчною стражею, о которой говорено выше (§ 150). Иоаннъ I устроилъ такого рода засѣки отъ Оки до Дона и Волги (изъ нихъ въ послѣдствіи образовалась Бѣлгородская пограничная черта или линія). Преемники его усиливали прежнія и устраивали новыя засѣки и число ихъ умножилось. Съ конца XIV вѣка лѣтописи упоминаютъ также о пограничныхъ станицахъ, заселенныхъ пограничною стражей, городскими казаками и даже наемными татарами. Такъ какъ съ того же времени южныя границы тревожили не одни татары, но и придонскіе казаки, то противъ нихъ были устроены новыя станицы на Ливнахъ (нынѣ городъ Ливны Орловской губерніи) и городъ Елецъ на р. Быстрой Соснѣ (въ той же губерніи). Вообще съ конца XIV вѣка внѣшняя пограничная оборона была значительно развита и усилена.

То же слѣдуетъ сказать и о внутренней оборонѣ, до конца XIV вѣка сохранявшей прежній характеръ деревянныхъ ¹⁾ укрѣпленій городовъ, но со временъ Димитрія Донскаго получившей новый и лучшій—каменныхъ ²⁾ стѣнъ и башенъ, начиная съ Москвы въ

¹⁾ и ²⁾ Деревянные укрѣпленія старинныхъ русскихъ городовъ строились не изъ одного дерева, но вмѣстѣ съ землею и камнемъ, а именно: изъ толстаго строеваго лѣса, большею частію дубоваго, изъ массивныхъ булыжниковъ и

1367 г., Нижняго Новгорода въ 1372 г. и позже другихъ, важнѣйшихъ городовъ. Эта заслуга принадлежитъ Димитрію Донскому, который первый началъ призывать иностранныхъ, большею частію италіянскихъ (особенно славившихся тогда) строителей и щедро награждать ихъ, даже вотчинами. Съ этого времени многіе большіе внутренніе города были укрѣплены вновь и лучше и построены новыя укрѣпленныя города на восточныхъ и южныхъ границахъ.

Способъ укрѣпленія городовъ былъ тотъ же, что и прежде, и подобенъ современному въ западной Европѣ. Извнѣ города были ограждаемы внѣшними стѣнами (заборами) и башнями (вежами), что называлось окольнымъ градомъ или острогомъ, а внутри, преимущественно на высокомъ мѣстѣ, имѣли дѣтинецъ или днѣшній (внутренній) городъ, иначе вышгородъ, а со времени построенія каменныхъ стѣнъ и башенъ—Кремль (въ Москвѣ, Нижнемъ Новгородѣ и другихъ городахъ). Изъ нихъ московскій, каменный Кремль былъ построенъ въ 1367 г. на томъ мѣстѣ, на которомъ сынъ Александра Невскаго Данилъ въ 1300 г. построилъ деревянный вышгородъ.

И способы осады и обороны городовъ вообще были тѣ же, что и прежде, но уже съ тѣмъ различіемъ, что съ конца XIV вѣка мѣсто прежнихъ осадныхъ и оборонительныхъ метательныхъ орудій (самострѣловъ, быковъ, барановъ или тарановъ, пороковъ и пр.) стали уже заступать новыя огнестрѣльные орудія большихъ размѣровъ, о которыхъ говорено выше, а съ конца этого періода, около половины XV вѣка, и большія пищали (крѣпостныя ружья), что придавало осадѣ и оборонѣ городовъ иной характеръ. Часто упоминаются также остроги (циркумвалаціонная линия), тыны, туры, присыпы или приметы земли и земляные подкопы, но земляныхъ ходовъ или подступовъ (траншей и апрошей) еще не замѣчается. Первымъ дѣломъ осаждавшихъ, а нерѣдко и готовившихся быть осажденными,

плитнаго камня, скрѣпленныхъ деревянными и желѣзными связями и крѣпкимъ цементомъ, съ примѣсью песка, глины, мелкаго камня и пр., смотрятъ по почвѣ и находямаго въ ней строительнаго матеріала. Каменные же укрѣпленія съ конца XIV вѣка строились уже исключительно изъ массивнаго булыжнаго и плитнаго камня на крѣпкомъ цементѣ. Не слѣдуетъ однако забывать, что каменные постройки церквей и городскихъ стѣнъ и башенъ пумительной прочности (судя по остаткамъ ихъ въ Новгородѣ, Старой Ладогѣ, Киевѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ древней сѣверной и южной Руси) относятся еще ко временамъ Рюрика и первыхъ русскихъ князей, особенно Владиміра I и Ярослава I. Известно, напримѣръ, что Рюрикова крѣпость въ Старой Ладогѣ была построена еще Рюрикомъ въ 862—64 гг., а въ 1116 г. новгородцы оградилъ ее каменными стѣнами и башнями означенной выше постройки, остатки которой видны еще и теперь.

было сжечь посады (городскія предмѣстья) и всё строеніе вокругъ города. Московскій Кремль пріазу не былъ взятъ открытою силою или приступомъ и только одинъ разъ хитростью или обманомъ—Тохтамышемъ. Смоленскъ былъ два раза взятъ также хитростью—Витовтомъ. Тверь, послѣ нашествія татаръ съ Іоанномъ Калитой, не была взята ниразу, даже Димитріемъ московскимъ послѣ 4-хъ-недѣльной осады, потому что Михаиль тверской поспѣшилъ заключить съ нимъ миръ.

§ 156.

Состояніе военнаго дѣла вообще.

Касательно характера войнъ восточной Руси въ этомъ періодѣ, въ Исторіи Россіи Соловьева (Т. 4. стр. 228—229) находятся слѣдующія любопытныя свѣдѣнія:

Изъ 90 извѣстій о внутреннихъ или междуусобныхъ русскихъ войнахъ въ 234 года времени (отъ смерти князя Мстислава Мстиславича горопецаго въ 1228 г. до смерти Василія II въ 1462 году) встрѣчается не болѣе 20 извѣстій о битвахъ, изъ которыхъ 15 относятся къ настоящему періоду, а изъ этихъ 15—7 приходятся на одну междуусобную войну Василія II съ его двоюродными братьями, что доказываетъ усиленное ожесточеніе этой войны. О вѣшнихъ войнахъ восточной Руси въ 234 года времени встрѣчается около 160 извѣстій и въ томъ числѣ только около 50 извѣстій о битвахъ, изъ которыхъ болѣе 30 было выиграно русскими войсками. Изъ общаго числа 160 извѣстій о вѣшнихъ войнахъ, 45 относятся къ войнамъ съ татарами, 41—съ литовцами, 30—съ ливонскими рыцарями, остальные—съ шведами, болгарами и др. Во время междуусобныхъ войнъ въ восточной Руси, разъ 35 встрѣчаются извѣстія о взятіи городовъ, причемъ разъ 5 о неудачныхъ осадахъ, а во вѣшнихъ войнахъ—разъ 15 о взятіи русскими войсками городовъ, разъ 7 о неудачныхъ осадахъ, разъ 17 объ отраженіи русскими отъ своихъ городовъ—осаждавшихъ ихъ и разъ около 70-ти о взятіи русскихъ городовъ, преимущественно монголо-татарами во время нашествій Батыя, Тохтамыша и Эдигея.

Вообще же изъ всего изложеннаго выше (въ §§ 150—155) можно заключать, что какъ военное устройство и устройство войскъ, такъ и все военное дѣло въ восточной Руси, во 2-й половинѣ XIV вѣка и особенно въ 1-й половинѣ XV-го, получили значительное и лучшее противъ прежняго развитіе, благодаря преимущественно мос-

ковскимъ великимъ князьямъ отъ Іоанна I до Василія II включительно. При главныхъ, основнѣхъ, древне-русскихъ чертахъ и особенностяхъ, заимствовавъ многое отъ татаръ, они однако во многихъ отношеніяхъ представляютъ немало общаго сходства и съ современными западно-европейскими. А въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они даже превосходили ихъ, какъ, напримѣръ, въ томъ, что имѣли важное преимущество, проистекавшее отъ усиленія и утвержденія единовластія, между тѣмъ какъ въ западной Европѣ пачавшаяся борьба единовластія съ феодализмомъ и рыцарствомъ и со всѣми ихъ недостатками все еще служила важнымъ препятствіемъ къ скорѣйшему и лучшему развитію военнаго устройства и военнаго дѣла.

§ 157.

Новгородъ и Псковъ.

Новгородъ, древнѣйшій городъ восточныхъ славянъ — собственно словенъ ильменскихъ — при истокахъ р. Волхова изъ озера Ильменя, въ теченіи 500 лѣтъ (862 — 1350) образовалъ съ своею областію почти независимое отъ великихъ князей восточной Руси княжество и достигъ необыкновенныхъ силы, значенія и важности. Не принадлежа исключительно никакому поколѣнію Св. Владимира, онъ присвоилъ себѣ право избирать русскихъ князей по своему произволу, ограничилъ власть ихъ и, управляясь народнымъ вѣчемъ, въ XIV вѣкѣ уже былъ могущественною народною державою, именуясь Новгородомъ Великимъ.

Верховная власть законодательная и судебная, въ общественныхъ дѣлахъ, принадлежала въ немъ народному вѣчу или общему собранію новгородскихъ гражданъ. Собиравсь, по звону вѣчеваго колокола, на Ярославовомъ дворѣ, иногда въ Софійскомъ соборѣ или иныхъ мѣстахъ, оно рѣшало вопросы мира и войны, избирало князя, посадника, владыку (архіепископа), судило государственныхъ преступленія, самовольныя дѣйствія князя и посадника, назначало имъ наказанія и защищало бѣдныхъ противъ богатыхъ.

Князю было предоставлено исключительное право судебной власти въ гражданскихъ дѣлахъ, наблюденіе за правосудіемъ и заботы о вышней безопасности. Для этого онъ имѣлъ свою дружину, которая въ мирное время производила судъ и расправу, а въ военное составляла княжеское войско подъ его главнымъ предводительствомъ, по съ распоряженіемъ военными дѣйствіями вмѣстѣ съ посадникомъ.

Исполнительная власть была предоставлена этому послѣднему, какъ первому гражданскому сановнику и предсѣдателю вѣча. Онъ начальствовалъ, вмѣстѣ съ тысяцкимъ, новгородскими войскамъ, велъ переговоры, помогалъ князю въ судѣ и расправѣ, въ случаѣ отсутствія его исправлялъ его обязанности и вообще былъ исполнителемъ всѣхъ опредѣленій вѣча.

Во время монгольскаго владычества, новгородское княжество давало великому князю восточной Руси значительный перевѣсъ, если только онъ умѣлъ быть въ согласіи съ новгородскимъ вѣчемъ. Но это случалось рѣдко и своеволие новгородцевъ болѣе ослабляло, чѣмъ усиливало великаго князя, беспрестанно озабочивая его спорами о правѣ собирать подати, производить судъ и расправу и пр. и даже отраженіемъ вторженій, разбоевъ, грабежей и пр. новгородской вольницы (между прочимъ ушкуйниковъ или рѣчныхъ удалцовъ и разбойниковъ) въ сосѣднія области восточной Руси: тверскую, ярославскую, московскую и др.

Между тѣмъ, въ 500 лѣтъ времени Новгородъ сплюю оружія такъ распространилъ свои владѣнія во всѣ стороны, особенно на сѣверовостокъ, что они обнимали восточную часть нынѣшней Финляндіи, до Сѣвернаго моря и Урала и даже за Ураломъ, и до предѣловъ галицкихъ, костромскихъ, ярославскихъ, тверскихъ, смоленскихъ, псковскихъ, литовскихъ и ливонскихъ. Въ нихъ входили отдаленныя на сѣверовостокѣ земли: заволочская или заволоцкая (въ нын. Архангельской губерніи), двинская, вятская, пермская и югорская (за Ураломъ), богатая мяскою рухлядью и даже дорогими металлами. Для управленія ими, обширная новгородская область раздѣлялась на пятинны или округи и волости, а по нимъ и Новгородъ—на 5 концовъ. Пятинны были: Вѣжецкая, Водская, Деревская, Шелонская и Обонежская; волости: Заволочье, Лопь, Двинская земля, Пермь, Печора, Югра; города въ нихъ: главный—Новгородъ Великій, Ладога, Русса, Торжокъ, Волокъ (Вышній Волочокъ), Великіе Луки, Каргополь, Орѣшекъ, Кексгольмъ, Выборгъ и др.

Военное устройство новгородскаго княжества, имѣя общія, древнерусскія основанія и черты, вмѣстѣ съ тѣмъ получило съ ходомъ времени своеобразное развитіе. Только одна княжеская дружина составляла нѣкоторымъ образомъ родъ постояннаго войска; въ случаѣ же войны или отдѣльныхъ военныхъ предпріятій составлялось, по опредѣленію вѣча, большее или меньшее народное ополченіе гражданъ, способныхъ носить оружіе и сражаться, а иногда и общее поголовное, на собственномъ иждивеніи и содержаніи. Судя по обширности новгородскихъ владѣній и по войнамъ новгородскимъ на сѣверѣ, западѣ, югѣ и востокѣ, должно полагать, что Новгородъ

былъ въ состояніи собирать и выставять значительныя военныя силы. Съ конца XIV вѣка и начала XV-го военное ополченіе было, кажется, подворное или подушное, по сохамъ, конное и пѣше, раскладкой по общинамъ, волостямъ и городамъ, при чемъ обязанные служить назывались выборными, а необязанные, но служившіе по своей охотѣ — охочими. Ополченіе дѣлилось на тысячи или полки и называлось посѣхою, подъ предводительствомъ воеводъ; тысячи дѣлились на сотни, а сотни на десятки, подъ начальствомъ сотенныхъ головъ и десятниковъ. Въ составъ ополченія входили также: горѣдники — строители становъ и городовъ (инженеры), мѣстники — мостовъ и переправъ черезъ рѣки, парочники — всякаго рода полевыхъ и осадныхъ военныхъ орудій и машинъ, и пр. Всемъ ополченіемъ предводительствовалъ новгородскій князь, при содѣйствіи посадника. По окончаніи похода, ополченіе распускалось и потому, какъ временное, не имѣло остойчивости постояннаго, правильно-устроеннаго войска и было способнѣе сражаться оборонительно въ городахъ и укрѣпленіяхъ, нежели въ открытомъ полѣ. Если же въ войнахъ своихъ съ сосѣдями, особенно съ шведами и ливонскими рыцарями, новгородцы часто дѣйствовали наступательно и успѣшно, одерживали побѣды и брали города, то этимъ были обязаны преимущественно необыкновеннымъ своимъ мужеству, храбрости, отважности, удалству и искусству своихъ князей (какъ напри- мѣръ Александра Невскаго) и предводителей.

Что касается родовъ войскъ, числа, строя, образа дѣйствій и внутренняго устройства ихъ, укрѣпленія, осады и обороны городовъ и всего вообще военнаго дѣла, то они имѣли тѣ же главныя основанія и черты, что и современныя въ восточной Руси (см. выше), съ нѣкоторыми только особенностями. Во 1-хъ, совершенно чуждые монгольскаго вліянія, они не могли быть независимы отъ вліянія шведовъ, ливонскихъ рыцарей, литовцовъ, поляковъ и вообще западной Европы, потому что Новгородъ имѣлъ обширныя торговыя сношенія и связи со всемъ балтійскимъ поморьемъ и особенно съ ганзейскими городами, и въ самомъ Новгородѣ постоянно жили многіе иностран- ные торговые люди изъ западной Европы, имѣвшіе въ немъ свои торговые дома, склады, лавки и т. п. Во 2-хъ, по этимъ причинамъ, новгородцы удобнѣе и скорѣе знакомились съ западно-европейскими изобрѣтеніями, нововведеніями и усовершенствованіями, въ томъ числѣ и военными, и между прочимъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, которое безъ сомнѣнія проникло къ нимъ и распространилось у нихъ ранѣе, нежели въ восточной Руси, можетъ быть даже тотчасъ послѣ введенія его въ западной Европѣ. Въ 3-хъ то же самое можно сказать и о способахъ укрѣпленія, осады и обороны городовъ.

Новгородъ и другіе, важнѣйшіе города его, гораздо ранѣе, нежели въ восточной Руси, начали быть ограждаемы, вмѣсто деревянныхъ стѣнъ и башенъ, каменными, вѣшними и внутренними, изъ которыхъ послѣдніе въ Новгородѣ заключали въ себѣ древній Кремль съ Софійскимъ соборомъ и всѣми святынями и древностями. И когда въ восточной Руси, съ конца XIV вѣка, только начиналось еще укрѣпленіе городовъ каменными стѣнами и башнями, въ новгородской области Новгородъ и важнѣйшіе города уже были ограждены ими и совершенно по образцу западно-европейскихъ городовъ. Точно также и въ осадѣ, и въ оборонѣ городовъ новгородцы, безъ сомнѣнія, употребляли современные способы западной Европы, ранѣе знакомаясь съ ними, особенно съ употребленіемъ для того огнестрѣльныхъ орудій и ручнаго оружія. Словомъ—въ отношеніи къ военному дѣлу вообще и различнымъ отраслямъ его въ частности, будучи ближе къ западной Европѣ, нежели восточная Русь, и не находясь, подобно ей, подъ вліяніемъ монголовъ, Новгородъ всегда былъ, можетъ быть, на цѣлыхъ полвѣка впереди ея.

Псковъ, въ старину Плесковъ, также весьма древній городъ въ землѣ славянскихъ кривичей, при сліяніи р. Псковы съ р. Великой, какъ по исторической судьбѣ своей, такъ и по своему внутреннему устройству, общественному и военному, былъ совершеннымъ подобіемъ Новгорода, только въ меньшемъ видѣ. Онъ былъ тѣсно связанъ съ нимъ во всѣхъ отношеніяхъ, хотя и независимъ отъ него, а напротивъ равный ему. Сами псковичи, въ договорной грамотѣ своей 1348 года съ Новгородомъ, положили: «Пскову считается и называться равнымъ Новгороду, а не зависящимъ отъ него, и только меньшимъ братомъ его, какъ старшаго брата». Поэтому все въ немъ—и внутреннее устройство, общественное и военное, и военное дѣло было до такой степени сходны съ новгородскими и несомнѣнно, кажется, заимствованы у Новгорода, съ нѣкоторыми только разнѣмѣстными особенностями, что входитъ въ подробности о нихъ особенно было бы излишнимъ. Можно замѣтить только, что и въ Псковѣ, какъ и въ Новгородѣ, огнестрѣльное оружіе и способы каменнаго укрѣпленія городовъ, равно осады и обороны ихъ, по примѣру западной Европы, проникли изъ нея, сдѣлались извѣстными и вошли въ употребленіе ранѣе, нежели въ восточной Руси. Псковской деревянный Кремль существовалъ уже въ 1197 г., а до 1253 г. и весь Псковъ уже былъ огражденъ стѣнами и кострами (башнями) деревянными по поламъ съ камнемъ и землею (см. выше). Съ 1266 г. онъ началъ уже ограждаться каменными стѣнами и башнями, по частямъ, сна-

чала—Кремль Довмонтовою стѣною и затѣмъ постепенно и Кремль, и городъ средній и вѣшній, такъ что въ 1323 г. весь Кремль и весь Псковъ уже были ограждены стѣнами и башнями, частію деревянными и частію каменными. Дальнѣйшая постройка послѣднихъ продолжалась постоянно съ половины XIV вѣка до XVII и далѣе.

Къ этому слѣдуетъ еще прибавить тотъ замѣчательный фактъ, что Псковъ, стоявшій почти на самой границѣ Ливоніи и недалеко отъ границъ Литвы, съ XI вѣка до XVIII-го выдержалъ всего 26 большихъ и малыхъ осадъ и обложеній, но взятъ былъ только одинъ разъ, и то измѣной и предательствомъ—въ 1250 г. дерптскимъ епископомъ Германомъ, ливонскимъ орденмейстеромъ Германомъ фонъ-Балкъ и союзнымъ съ ними датскимъ полководцемъ, но въ 1242 г. освобожденъ новгородскимъ княземъ Александромъ Ярославичемъ (въ послѣдствіи Певекимъ), который вслѣдъ затѣмъ 5 апрѣля того же года на голову разбилъ ливонскихъ рыцарей на льду Чудскаго озера (слѣдовательно передъ самымъ вскрытіемъ его).

§ 158.

Казаки донскіе и днѣпровскіе.

Въ XII и XIII вѣкахъ, на пространствѣ между низовьями Дона и Диѣбра, южными предѣлами Руси и сѣверными берегами Чернаго и Азовскаго морей, въ исторіи являются, подъ разными названіями—бродниковъ, берендѣевъ, черныхъ клобуковъ, бѣловежцовъ, черкасовъ и мн. др. — разноплеменные, вольныя, военныя дружины. Живя войною и грабежомъ, онѣ служили всякому, кто давалъ имъ больше денегъ, въ томъ числѣ и русскимъ князьямъ, но еще чаще грабили и разоряли южные предѣлы Руси. Онѣ образовались, можетъ быть, изъ остатковъ хазаръ, печенѣговъ, половцовъ, торковъ, угровъ, кавказскихъ: аланъ, яссовъ, кассоговъ, черкесовъ, равно изъ выходцовъ и бѣглецовъ русскихъ, польскихъ, венгерскихъ, румынскихъ и др. Нашествіе монголовъ поглотило въ себѣ все эти разноплеменныя дружины, и онѣ на цѣлый вѣкъ скрылись въ исторіи, но снова появились въ ней, когда обширное царство, основанное Чингизъ-ханомъ и его ближайшими преемниками, раздробилось на многія орды. Тогда означенныя выше вольныя дружины снова явились на прежнихъ мѣстахъ, но уже въ новомъ видѣ, съ новыми цѣлями и съ постоянно возрастающими силами. Выходцы и бѣглецы преимущественно изъ восточной и западной Руси, равно

изъ разныхъ странъ, прилежавшихъ къ Черному и Азовскому морямъ съ сѣвера, запада и востока, убѣгая отъ всякой зависимости общественной, иногда отъ кары законовъ, движимые заманчивостью неограниченной личной свободы и привольной жизни и духомъ отваги и удалства, толпами селились въ низовьяхъ Дона и Днѣпра, на ихъ берегахъ, притокахъ и островахъ. Отсюда они постепенно распространялись къ востоку, западу и особенно сѣверу по украинамъ или окраинамъ восточной и западной Руси, и производили смѣлые набѣги, какъ на нихъ, такъ и на татаръ крымскихъ, ногайскихъ и полжскихъ, и на сухомъ пути, и моремъ. Отъ безпрестанныхъ столкновений съ татарами, вѣроятно, они начали называть себя казаками, что у азіятскихъ народовъ всегда означало бездомныхъ, вольныхъ, легкоконныхъ всадниковъ и удалцовъ *). Подобно вольнымъ дружинамъ XII и XIII вѣковъ, живи въ полной волѣ и независимости, повинуваясь лишь своимъ уставамъ, обычаямъ и выборнымъ вождямъ, занимаясь только войною и грабежомъ, казаки, какъ донскіе, такъ и днѣпровскіе, ревностные исповѣдники греко-русской вѣры, принимали въ свою среду всякаго, лишь бы только онъ исповѣдывалъ ту же вѣру (что свидѣтельствуетъ, что основаніе казачеству положили несомнѣнно русскіе) и вели жестокую, непримиримую войну съ врагами Христовой вѣры—татарами и позже турками. Воюя съ ними, они въ то же время перѣдко служили за деньги и въ разныхъ мѣстахъ единовѣрной съ ними южной Руси, и по примѣру ихъ, вѣроятно, съ половины XV вѣка въ ней начали учреждаться городовые казаки, о которыхъ говорено выше.

Число донскихъ и днѣпровскихъ казаковъ стало значительно умножаться различныхъ званій и состояній выходцами и бѣглецами, съ начала XV вѣка—изъ юго-западной или малой Руси (Малороссіи, Украины), а позже, съ конца XV вѣка—и изъ восточной или великой Руси (Великороссіи). Первые спасались отъ притѣсненій правительства, дворянства и духовенства польскихъ, а послѣдніе—отъ твердыхъ, перѣдко строгихъ мѣръ единой державы, стѣснявшихъ прежнія ихъ права и преимущества, вольности и льготы, либо и вовсе

*) Полагають, что слово казакъ перешло отъ татаръ и заимствовано изъ турецкаго джагатайскаго нарѣчія, на которомъ казъ значитъ гусь—эмблема вольности у восточныхъ народовъ. Оттуда и слова: словацкое *husar*, сербское *hussar*, *gussor*, чешское *husak*, польское *gensior*, венгерское *husz*, *huszar* и т. п. значать вольный всадникъ. Другіе производятъ слово казакъ отъ кассоговъ, древняго кавказскаго народа, отъ Касахія, закавказской области, упоминаемой Константиномъ Багрянороднымъ и т. п. Но всѣ эти предположенія не утвердили достовѣрности происхожденія слова казакъ, хотя и шѣтъ, кажется, сомнѣнія, что оно происхожденія восточнаго, азіятскаго.

лишали ихъ оныхъ, а съ ними и прежняго значенія ихъ въ обществѣ.

Военное устройство казаковъ и военное дѣло у нихъ до конца XV и начала XVI вѣковъ были еще очень просты и имѣли общій характеръ, свойственный неустроеннымъ легкоконнымъ войскамъ вольнымъ жителямъ и удалцамъ обширныхъ придонскихъ и приднѣпровскихъ степей. Болѣе правильное, хотя и своеобразное, военное устройство они получили уже въ концѣ XV и началѣ XVI вѣковъ, почему оно и будетъ изложено позже въ своемъ мѣстѣ.

II.

Западная Русь.

§ 159.

Военное устройство и военное дѣло въ ней.

Западная Русь, съ половины XIV вѣка сдѣлавшаяся достояніемъ великихъ князей литовскихъ и русскихъ, потомковъ и преемниковъ Гедимина, по исповѣдывавшихъ греко-русскую вѣру и состоявшихъ въ брачныхъ союзахъ и родственныхъ связяхъ съ русскими князьями, находилась въ болѣе благопріятномъ положеніи, нежели современная восточная Русь. Сохранивъ вѣру, языкъ, нравы, обычаи и законы свои, она не подчинилась татарамъ и образовала независимое, самостоятельное и сильное государство, подъ названіемъ великаго княжества литовскаго и русскаго, грозное для сосѣдей воинственнымъ духомъ своихъ великихъ князей.

Къ сожалѣнію, это продолжалось недолго—не болѣе полувѣка: въ 1386 г. дѣдомъ Гедимина, въ лицѣ внука его, Ольгердова сына Ягайла или Ягелла (1377—1434), вступившаго въ бракъ съ послѣдницею польскаго престола, 15-ти-лѣтнею дочерью Людовика, короля венгерскаго и польскаго, Ядвигаго, — вступилъ на польскій престолъ и такимъ образомъ соединилъ или, лучше сказать, насильственно связалъ Литву съ Польшей. Соединивъ судьбу свою съ судьбою послѣдней, Литва не могла однако ни совершенно слиться съ

нею, ни отдѣлится отъ нея, и была осуждена не только претерпѣть отъ того жестокаго внутрення смуты, но даже неразъ вооружаться противъ единокровной и единовѣрной съ нею восточной Руси.

Вслѣдствіе того, военное устройство и военное дѣло въ ней представляютъ два, отличные одинъ отъ другаго характера въ этомъ періодѣ и въ послѣдующихъ. Въ первомъ они сохраняли еще неизмѣнными прежнія, древне-русскія основанія и черты, съ тѣмъ только различіемъ, что единовластіе великихъ князей литовскихъ и русскихъ придавало имъ болѣе единства, согласія и силы, нежели въ восточной Руси въ то же время и въ 1-й половинѣ XV вѣка. Междуусобія Ягелла съ Витольдомъ (1392 — 1430), сыномъ Кейстута и внукомъ Гедимины, и съ братомъ своимъ Свидригайломъ (1430 — 34), а потомъ Свидригайла съ Сигизмундомъ, братомъ Витольда (1434—40), за престолъ литовскій и самостоятельность Литвы, не произвели никакой особенной перемѣны въ военномъ устройствѣ и военномъ дѣлѣ въ ней, даже и при второмъ сынѣ Ягелла, Казимірѣ IV (1440—1492), до 1447 г.—великомъ князѣ литовскомъ и русскомъ, а съ 1447 г.—и королѣ польскомъ. Казиміръ, съ трудомъ согласясь быть королемъ польскимъ, не прежде могъ выѣхать изъ Вильны въ Краковъ для коронованія, какъ клятвенно обязавшись уничтожить всѣ акты соединенія Литвы съ Польшей и оставить неприкосновенными всѣ права литовскаго народа, церковныя и гражданскія. Поэтому и военное устройство и военное дѣло въ Литвѣ, и въ 1-й половинѣ XV вѣка сохраняли еще прежній свой русскій характеръ, мало отличный отъ того, который имѣли въ то же время въ восточной Руси. Но съ XVI вѣка и особенно съ конца его, когда Литва была окончательно соединена съ Польшей, вліяніе послѣдней измѣнило уже, какъ будетъ изложено въ своемъ мѣстѣ позже, прежній литовско-русскій характеръ военнаго устройства и военнаго дѣла въ Литвѣ въ литовско-польскій.

ГЛАВА XIX.

СОВРЕМЕННЫЯ СОСѢДНІЯ ГОСУДАРСТВА И НАРОДЫ.

§ 160. Швеція.—§ 161. Ливонскій орденъ.—§ 162. Польша.—§ 163.
Монголо-татары.

§ 160.

Ш в е ц і я.

Хотя Швеція, Ливонскій орденъ и Польша, по своему государственному, общественному и военному устройству, принадлежали къ системѣ западно-европейскихъ государствъ, но, по сосѣдству ихъ съ восточною Русью и частымъ войнамъ съ нею, военное устройство и военное дѣло въ нихъ въ настоящемъ періодѣ (1350—1462) слѣдуетъ разсмотрѣть здѣсь.

Въ Швеціи, въ самыя раннія времена, главныя основанія военнаго устройства были чисто-германскія. Съ ходомъ времени къ нимъ присоединились главныя черты общескандинавскаго военнаго устройства, въ Швеціи — болѣе континентальнаго, а въ Норвегii — болѣе морскаго характера. Весь народъ носилъ на себѣ печать военнаго народа и назывался Swea-här (шведское войско) и Svithiod (народъ-войско). Общепародное собраніе (Ting) въ Упсалѣ называлось Alshertjarting — общее собраніе войска, изъ котораго ежегодно часть подъ предводительствомъ своихъ вождей шла на войну. Съ этимъ было соединено дѣленіе на сотни (Hundari, Härad). Вокругъ храбраго и счастливаго вождя собирались его родственники, друзья, сподвижники и составляли его дружину (Sweit, Suet, Suit). Такого рода

вожди составляли родъ дворянства и назывались *Härads konungar* (сотенными королями). Изъ ихъ среды нѣкоторые, болѣе могущественные, возвышались потомъ въ главные конунги, имѣли извѣстную верховную власть, назывались *Härkonungar* (войсковыми или сухопутными королями) и *Sjökonungar* (морскими королями) и имѣли преимущественное право собирать вокругъ себя дружины воиновъ.

Съ ходомъ времени такое дружинное устройство само собою должно было повести къ нѣкотораго рода леннымъ отношеніямъ, потому что, хотя конунги и дѣлили завоеванныя земли между своими военными сподвижниками, однако къ общей, совокупной оборонѣ этихъ земель присоединялась обязанность службы въ ополченіи или войскѣ. Собственно же феодальнаго военнаго устройства, подобнаго западно-европейскому, въ Скандинавіи не было. Хотя изъ военнаго сподвижничества конунгамъ въ Швеціи и произошло служебное дворянство, однако эти служебныя отношенія ограничивались исключительно одною войною. У себя дома всѣ дворяне считали себя равными между собою, но на войнѣ повиновались конунгу или назначенному имъ предводителю. Только свободнорожденный могъ быть сподвижникомъ конунга, но само по себѣ дворянство это было личное, а не потомственное. Хотя въ Швецію также со временемъ проникла обязанность знатныхъ людей слѣдовать за конунгомъ на войну, но, безъ собственной доброй воли ихъ—только до границы. Законы и дисциплинарныя постановленія для военныхъ дружинъ знатныхъ людей заключались въ такъ называемомъ придворномъ правѣ, соотвѣтствовавшемъ позднѣйшимъ военнымъ артикуламъ и отгличавшемся отъ обыкновенныхъ законовъ страны строгими тѣлесными наказаніями.

Около конца XIII вѣка сословіе королевскихъ людей (лейдовъ) получило болѣе прочное устройство. Для того, чтобы не только привязать къ королевской власти—людей, отличавшихся дорогою, но блпстательною службою на конѣ, но вообще сдѣлать военную службу условіемъ дворянскихъ преимуществъ, король Магнусъ въ 1285 г. освободилъ всѣхъ служившихъ на конѣ отъ податей. Такимъ образомъ возникла дворянская конная служба, на томъ основаніи, что каждый служившій противъ непріятели на своемъ конѣ и съ своимъ вооруженіемъ, равно и земли его, были свободны отъ податей. И крестьянинъ также могъ такой же службой приобрѣтать свободу отъ податей, но не рыцарское или дворянское достоинство, между тѣмъ, какъ рыцарь-дворянинъ неисполненіемъ военной повинности своей лишался освобожденія отъ податей. Съ этого времени рыцарское достоинство сдѣлалось и въ Швеціи также личнымъ отличіемъ дворянства и сходствовало съ западно-европейскимъ, служившимъ ему

образомъ. Въ официальныхъ актахъ рыцари, рядомъ съ епископами, всегда упоминались первыми господами (Herremän), а послѣ нихъ оруженосцы (Wärnare) или вооруженные слуги (Svenar af wapen), т. е. служащее дворянство. Каждый дворянинъ, рыцарь или оруженосецъ былъ обязанъ лично являться на ежегодные смотры на собственномъ конѣ, въ полномъ вооруженіи и вполне готовымъ послѣдовать за королемъ на войну, на собственномъ содержаніи до границъ и 14 сутокъ за ними.

Весь народъ получалъ вполне военное образованіе, упражненіями съ ранней молодости въ стрѣльбѣ изъ луковъ и т. п. Каждый, по достиженіи совершеннолѣтія и требуемаго искусства въ стрѣльбѣ и пр., былъ признаваемъ способнымъ къ военной службѣ. Жители Готланда и Финляндіи славились какъ искуснѣйшіе стрѣлки; боевая же сѣкира и копье были преимущественнымъ оружіемъ собственно шведовъ. Крестьянинъ рѣдко выходилъ изъ своего дома невооруженнымъ. Въ нравахъ и обычаяхъ не только дворянства, но и народа издревле было ежегодно слѣдовать за королемъ въ походъ (Ledung). Позже, когда число королевскихъ служивыхъ людей все болѣе и болѣе умножалось, участіе народа въ войнѣ становилось ограниченнѣе, однако по временамъ онъ все еще призывался къ оружію. Такъ, напримѣръ, въ 1359 г. король Эрнхъ собралъ значительное войско, состоявшее большею частію изъ ополченія простаго народа и потому названное Клуббе - Нег—дубиннымъ войскомъ (крестьянскимъ), но быстро и смѣло послѣдовавшее за королемъ.

Таковы вообще были главныя основанія и черты военного устройства Швеціи до половины и даже конца XV вѣка, когда, напротивъ, народныя или крестьянскія войска получили рѣшительный перевѣсъ надъ дворянскими или рыцарскими.

Что же касается военнаго дѣла въ Швеціи, то оно болѣе или мѣнѣе сходствовало съ современнымъ состояніемъ его въ западной Европѣ, въ которой феодальное рыцарство еще существовало, но все болѣе и болѣе слабѣло и падало.

§ 161.

Ливонскій орденъ.

Страна, заключающая въ себѣ нынѣ три русскія балтійскія губерніи: эстляндскую, лифляндскую и курляндскую, издревле была обитаема народами частію финскаго, частію латышскаго племени, въ нынѣшней Эстляндіи—эстами и чудью, въ Лифляндіи—ливвами и леттами, въ

Курляндіи—корсью или куролами, и по имени ливовъ извѣстна въ исторіи подъ общимъ названіемъ Ливоніи. Эсты, чудь и ливы, со времени Ярослава I, построившаго въ ихъ землѣ городъ Юрьевъ (н. Дерптѣ), зависѣли большею частію отъ новгородцовъ и частію отъ псковитянъ и полоцкихъ князей. Дикіе и грубые язычники, они неохотно платили дань, и новгородскіе князья часто были принуждены воевать съ ними. Съ конца XII же вѣка эти народы обратили на себя вниманіе нѣмецкихъ миссіонеровъ, замыслившихъ обратитъ ихъ въ римскую вѣру и подчинитъ папѣ. Первымъ такимъ миссіонеромъ былъ августинскій священникъ Мейнгардъ, построившій въ 1186 г., съ согласія полоцкаго князя Владиміра, крѣпостцу въ Ивесколѣ (Иксуль) на западной Двинѣ, близъ залива. По смерти Мейнгарда, уже епископа, въ 1196 г., на его мѣсто прибылъ епископъ Бертольдъ, но сопротивленіе туземцовъ заставило его отправиться къ папѣ Целестину II за помощію, которая и прибыла въ устье Двины, на мѣсто, называемое Righe. Она состояла изъ дружны нѣмецкихъ крестоносцовъ, въ войнѣ которыхъ съ туземцами Бертольдъ былъ убитъ. На мѣсто его въ 1199 году прибылъ епископъ Албертъ Буксгевденъ и утвердился въ построенной имъ, въ 1200 году, на мѣстѣ Righe, крѣпости, названной этимъ же именемъ (Ригой). Но какъ, не смотря на то, новая колонія нѣмецкихъ крестоносцовъ все еще была не въ безопасности, то, по ходатайству Алберта Буксгевдена, въ 1201 г. папа Иннокентій III разрѣшилъ учредить новый орденъ Братства Креста Христова или ливонскихъ меченосцовъ (*Fratres militiae Christi crucigeri, Livländische Schwerdtbrüder*), получившій уставъ ордена Св. Храма (тамплиеровъ). Послѣ 30-лѣтней, упорной и трудной борьбы съ туземцами, ливонскіе рыцари-меченосцы успѣли подчинитъ ихъ папѣ и въ тоже время начали нападать и на границы полоцкаго княжества. Но, чувствуя слабость свою, они, съ согласія папы Григорія IX, въ 1237 г. присоединились къ тевтонскому ордену (*Teutsche Orden, Ordre Teutonique*), который, послѣ жесточайшей борьбы съ пруссами (1229—82), овладѣлъ ихъ страной—Пруссіей. Однако ливонскіе рыцари-меченосцы сохранили при этомъ прежнія свои: устройство, права епископовъ, гермейстеровъ, назначаемыхъ тевтонскими магистрами или гросмейстерами, и пр. Съ этихъ поръ они съ новыми силами вступили въ непрерывную и жестокую борьбу съ князьями полоцкими, псковскими и новгородскими, въ то самое время, когда Батый разорялъ южную Русь, а шведы старались овладѣть Новгородомъ (1240). Ливонскіе же рыцари съ своей стороны хотѣли непременно овладѣть Псковомъ, который съ тѣхъ поръ сдѣлался главною цѣлью ихъ нападеній на русскіе предѣлы. Раздоры, возникшіе между ними

и ихъ епископами съ конца XIII вѣка и усилившіеся съ начала XIV-го, на время отвлекли вниманіе ихъ отъ Руси. Въ этихъ раздорахъ главными соперниками были рижскій епископъ, съ 1255 г. архіепископъ, и гермейстеръ; перваго поддерживали города, особенно Рига, а втораго—орденъ, усилившійся особенно со времени уступки ему королемъ датскимъ Эстляндіи. Слѣдствіемъ было то, что къ концу XV вѣка Ливонія раздробилась на многія небольшія области, изъ которыхъ однѣ принадлежали архіепископу и епископамъ, а другія ордену и различнымъ чинамъ его.

Внутреннее устройство этого ордена было совершенно подобно тому, которое съзначала имѣлъ всѣ военно-духовные рыцарскіе ордена, со времени перваго возникновенія ихъ въ западной Европѣ во время крестовыхъ походовъ. Древнѣйшимъ изъ нихъ былъ орденъ госпиталя или больницы Св. Іоанна Іерусалимскаго, основанный еще въ 1048 г. и извѣстный въ послѣдствіи подъ названіемъ Родосскихъ и наконецъ Мальтійскихъ рыцарей. Въ 1118 г. былъ учрежденъ орденъ Св. Храма Іерусалимскаго или Храмовниковъ (Templiers), уничтоженный въ 1314 г. королемъ Франціи Филиппомъ IV Красивымъ, а въ 1190 г.—орденъ Тевтонскихъ рыцарей и въ 1201 г. отрасль его—орденъ Ливонскихъ рыцарей, о которомъ говорено выше. Ордена эти возникли изъ соединенія въ одно братство такихъ лицъ, благочестивыми цѣлями которыхъ, при соблюденіи извѣстныхъ правилъ, были: попеченіе о больныхъ, распространеніе христіанской вѣры и покровительство ей. Уставы ихъ были подобны уставамъ монашескихъ орденовъ. Папа долженъ былъ утверждать учрежденіе ихъ и былъ ихъ главою; предстоятелей же и магистровъ своихъ рыцари избирали сами въ своей средѣ. Позже по ихъ образцу образовались свѣтскіе рыцарскіе ордена, сочетавшіе духовныя упражненія съ рыцарскими и также принявшіе внѣшнимъ знакомъ отличія изображеніе креста (большою частію краснаго на бѣломъ плащѣ). Высшими чинами въ нихъ были: великіе магистры, гросмейстеры, гермейстеры, маршалы, командоры, баллы (bailli); остальные же были простые рыцари.

Строгіе: подчиненность и порядокъ, господствовавшіе въ этихъ орденахъ, и военная опытность, прибрѣтенная ими въ крестовыхъ походахъ, были причинами, что эти военныя дружины считались въ то время превосходными, служили образцомъ для устройства многихъ феодальныхъ и особенно городскихъ войскъ, и въ нѣкоторомъ отношеніи могутъ быть названы первыми постоянными войсками въ теперешнемъ значеніи этого слова.

Въ ливонскомъ орденѣ около 100 лѣтъ сначала верховная власть по дѣламъ духовнымъ и свѣтскимъ принадлежала рижскому епис-

свопу, позже архіепископу, который имѣлъ право мира и войны, суда и расправы, раздавалъ земли и помѣстья, словомъ—былъ главою ордена. Но съ конца XIII вѣка власть его начала слабѣть, когда въ средѣ ордена возникли, какъ сказано, раздоры и междуусобія.

Что касается собственно военного устройства ордена и военного дѣла въ немъ, то оно было совершенно одинаково съ свойственными современнымъ: рыцарскимъ орденамъ и феодально-рыцарскому обществу въ западной Европѣ, въ періодѣ собственно такъ называемыхъ среднихъ вѣковъ.

§ 162.

П о л ь ш а.

Въ половинѣ XIV вѣка положеніе Польши, сравнительно съ положеніемъ восточной и особенно западной Руси, было несравненно хуже. Между всѣми властями и сословіями народными не только не было согласія, но и напротивъ величайшее разногласіе. Короли спорили съ папами, съ императорами за королевскій титулъ, съ родственниками за краковскій престолъ, удѣльные князья—между собою за удѣлы, съ королями—за свою независимость отъ нихъ, съ духовенствомъ—за десятину, съ вельможами (магнатами)—за право суда, съ среднимъ, городскимъ сословіемъ—за пошлины и оброки. Народъ состоялъ изъ природныхъ поляковъ, нѣмецкихъ всельниковъ или поселенцовъ, евреевъ и многочисленныхъ привилегированныхъ классовъ, пользовавшихся исключительнымъ монополій. Каждый изъ нихъ имѣли свой языкъ, свои нравы и обычаи, свой судъ и расправу. Латинскій языкъ былъ господствовавшимъ въ богослуженіи, въ гражданскихъ и судебныхъ дѣлахъ, въ наукахъ и литературѣ, но совершенно чуждымъ для славянскаго народа въ славянскомъ государствѣ. При такихъ условіяхъ, Польша не могла имѣть и не имѣла крѣпкой внутренней силы и ей необходима была внѣшняя опора, которая поддерживала бы ее. Такого-то рода опору она, по смерти Казимира III Великаго (1333—1370), думала найти въ сосѣднемъ, могущественномъ, великомъ княжествѣ литовскомъ и русскомъ. Казимиръ III 37 лѣтъ царствовалъ мудро, счастливо и полезно, но какъ со смертью его долженъ былъ угаснуть королевскій домъ Пяста, то Казимиръ еще при жизни своей убѣдилъ магнатовъ предложить польскій престолъ племяннику своему, венгерскому королю Людовику. Послѣдній, вмѣстѣ съ принятіемъ польскаго престола, подписалъ предложенныя ему магнатами *pacta conventa* или

условія, утверждавшія права могущественнаго высшаго дворянства Польши и ограничивавшія королевскую власть въ ней. Но раздоры, найденные имъ во всѣхъ сословіяхъ ея, заставили его возвратиться въ Венгрію, къ которой онъ вмѣстѣ съ тѣмъ присоединилъ отъ Польши Галицію. Тогда магнаты объявили королевой младшую дочь его, 15-ти-лѣтнюю Ядвига, и вмѣстѣ съ польскими епископами убѣдили ее вступить въ бракъ съ великимъ княземъ литовскимъ и русскимъ Ягайломъ или Ягелломъ, съ условіемъ, чтобы онъ принялъ самъ и ввелъ въ Литву римскую вѣру (онъ исповѣдывалъ, подобно своимъ братьямъ, грекороссійскую вѣру). Это и совершилось въ 1386 г. въ Краковѣ: Ягелло принялъ римскую вѣру, обязался ввести ее въ Литвѣ, соединить послѣднюю съ Польшей и соблюдать польскіе законы, и затѣмъ вступилъ въ бракъ съ Ядвигой и короновался подъ именемъ Владислава II. Выше (§ 159) было сказано, какія были ближайшія послѣдствія этого насильственнаго соединенія Литвы съ Польшей, именно упорное сопротивленіе первой изъ нихъ и князей ея Витольда или Витовта, Свидригайла или Сьиргайла и Витольдова брата, Сигизмунда, до воцаренія въ Польшѣ втораго сына Ягеллова, великаго князя литовскаго и русскаго Казимира IV (1445—1492), согласившагося принять польскій престоль, но съ обязательствомъ, даннымъ литовскому народу, не признавать соединенія Литвы съ Польшей, оставить неприкосновенными церковныя и гражданскія права первой и возвратить ей Волинь и Подолію.

При такомъ ходѣ исторіи Польши, военное устройство ея, развивавшееся своеобразно при Владиславѣ I Локоткѣ (1305 — 33) и сынѣ его, Казимірѣ III Великомъ (1333 — 70) и значительно усовершенствованное ими,—въ періодѣ времени отъ смерти послѣдняго до Казимира IV Ягелла пришло въ большой безпорядокъ, вслѣдствіе постоянно возрастающихъ могущества и своеволія польскаго дворянства. Людовикъ (1370 — 82), равнодушный къ пользамъ Польши и помышлявшій только объ обезпеченіи престола ея для одной изъ своихъ дочерей, не имѣвшихъ права на него, хотѣлъ склонить къ тому дворянство и освободилъ его все безъ изъятія, на Кошицкомъ сеймѣ (1374), отъ податей, кромѣ 2 серебряныхъ грошей (около 30 в.) съ лана земли, даровавъ ему кромѣ того нѣкоторыя другія привилегіи. При немъ многія военныя учрежденія Венгріи перешли въ Польшу. По смерти же его въ 1382 г., въ Польшѣ 4 года до конца 1386 г. происходили жестокія междоусобныя смуты, междуусобія и перевороты, и сверхъ того внѣшнія войны, особенно съ Ягелломъ литовскимъ, вторгнувшимся въ восточную Польшу и разорившимъ ее (1384). Но и въ 48-лѣтнее правленіе послѣдняго,

*

подъ именемъ Владислава II (1386 — 1434), военное устройство пришло если и не въ худшее положеніе, то и далеко не въ лучшее. Усмиреніе внутреннихъ смуть въ Польшѣ, постоянныя усилія удержатъ Литву въ союзѣ съ нею, а польскій престоль обезпечить потомству Владислава Ягелла, и непрерывная борьба съ тевтонскимъ орденомъ за Поморье или Пруссію — все это нимало не способствовало правильному развитію военнаго устройства. Но еще болѣе препятствовали и вредили тому непостоянство права Владислава Ягелла, его довѣрчивость къ любимцамъ, потворство дворянству и особенно непомѣрная расточительность, разорившая государственную казну до того, что часто печѣмъ было уплачивать жалованье войску. Новыхъ крѣпостей не строили, старыхъ не поддерживали и не исправляли, дисциплина въ войскѣ пришла въ совершенный упадокъ, шайки разбойниковъ грабили и разоряли области а война съ тевтонскимъ орденомъ, не смотря на числительное превосходство польскихъ войскъ и побѣду ихъ при Тауленбергѣ (1410), большею частію не имѣла никакихъ важныхъ и полезныхъ для Польши результатовъ.

При сынѣ и преемникѣ Владислава II Ягелла, Владиславѣ III (1434—44), королѣ польскомъ и венгерскомъ, при которомъ впервые начались войны венгровъ съ турками и который самъ палъ въ битвѣ съ султаномъ Мурадомъ I подъ Варной (1444), ничего важнаго и полезнаго для военнаго устройства Польши сдѣлано не было. Только на сеймѣ въ Корчинѣ (1436) было постановлено считать врагомъ отечества всякаго, кто не государственными законами, а собственнымъ оружіемъ будетъ мстить за личную обиду. Но это постановленіе, имѣвшее нелучшій успѣхъ, чѣмъ подобныя же въ Германіи (*der Landfriede*) и во Франціи (*la paix générale*), свидѣтельствуется только, что и Польша также страдала тѣмъ же и даже болѣе, нежели западно-европейскія государства, внутреннимъ недугомъ — борьбою политическихъ партій и особенно знатныхъ и сильныхъ магнатовъ, при крайней слабости королевской власти.

Наконецъ братъ и преемникъ Владислава III, Казиміръ IV (1444 — 92), великій князь литовскій и русскій и король польскій, 6 лѣтъ по вступленіи на престоль не утверждалъ привилегій польскаго дворянства, единственно потому, что они домогались отъ него такой присяги, которая была противна данной уже имъ Литвѣ. Въ угожденіе послѣдней, онъ присоединилъ къ ней луцкое княжество; но когда поляки и литовцы начали угрожать другъ другу войною, онъ утвердилъ наконецъ (1453) привилегіи польскаго дворянства, тѣмъ болѣе, что смуты въ Пруссіи представляли удобный случай испол-

нить домогательства дворянства касательно возвращенія утраченных польскихъ областей.

Такииъ образомъ со времени смерти Казимира III Великаго въ 1370 г. и до 1453 г. военное устройство или, лучше сказать, неустройство Польши представляется въ самомъ жалкомъ видѣ, вслѣдствіе внутреннихъ и внѣшнихъ войнъ, слабости королевской власти и, напротивъ, непоиѣрно возрастающихъ: силы, притязаній, домогательствъ и своеволія польскаго дворянства. Это дошло наконецъ до того, что со времени Казимира IV въ Польшѣ вошло въ обычай королю на сеймахъ торговаться съ дворянствомъ о податяхъ и о средствахъ для веденія войны. И это въ то именно время, когда война, вслѣдствіе введенія огнестрѣльнаго оружія, сдѣлалась дороже, а содержаніе постоянныхъ войскъ необходимѣе. Какія мѣры были принимаемы съ этою цѣлію Казиміромъ IV и какой былъ успѣхъ ихъ, будетъ изложено въ своемъ мѣстѣ позже. Здѣсь же слѣдуетъ только привести нѣсколько свѣдѣній объ устройствѣ войскъ и состояніи военнаго дѣла въ Польшѣ съ половины XIV вѣка до половины XV.

Король не могъ производить никакихъ важныхъ военныхъ предпріятій, безъ содѣйствія всего дворянства безъ изыатія (*wszystka szlachta*). Оно, какъ и всѣ вообще землевладѣльцы, было обязано, по призыву короля, идти въ поле и до границъ служить на собственномъ иждивеніи, а за границей получать по 5 серебряныхъ гривенъ (5 талеровъ или около 6 р.) на человѣка. Въ случаѣ надобности въ сборѣ войска, король посылалъ повсемѣстно приказы (*wici, rozkazy*), обязывавшіе дворянство и всѣхъ служивыхъ людей собираться въ назначенныя время и мѣсто, въ полномъ вооруженіи и со всѣми нужными военными и продовольственными средствами и способами. Вмѣстѣ съ тѣмъ король, если самъ не предводительствовалъ войскомъ, назначалъ верховнаго (короннаго) гетмана. Послѣдній имѣлъ довольно неограниченную власть и даже право на жизнь и смерть дворянъ. Такого рода ополченія, обыкновенно лишь съ одной части государства, доставляли однако значительныя военныя силы. Еще прежде, нежели Пруссія, Курляндія и Лифляндія были присоединены къ Польшѣ, она выставила до 150 т. войскъ противъ Тевтонскаго ордена. Въ случаѣ же особенной важности, все вообще дворянство могло быть призвано къ общему ополченію (*pospolite ruszenie*). Тогда всѣ землевладѣльцы были обязаны являться лично на коняхъ и въ вооруженіи на сборныя мѣста въ каждомъ воеводствѣ, откуда не болѣе, какъ черезъ двѣ недѣли, имѣли быть ведены противъ непріятеля, иначе сами собою расходились по домамъ. Они, съ своими дружинами, со-

ставляли конницу и главную, лучшую часть войска. Города же выставляли пѣхоту и обозъ.

Но при могуществѣ и своеволіи дворянства, пользовавшагося непомѣрными привилегіями, все это исполнялось очень несправно и неудовлетворительно. Даже часто, до и во время призыва, дворянство предъявляло королю такіа требованія, въ случаѣ неудовлетворенія которыхъ отказывалось идти противъ непріятеля.

Сверхъ дворянскихъ ополченій, въ Польшѣ по прежнему были также войска вербованныя и наемныя на жалованьѣ. А какъ, по причинѣ разстройства финансовъ, денегъ на жалованье часто недоставало, то слѣдствія были тѣ же, что и вездѣ въ западной Европѣ, и даже хуже.

Вообще военное устройство войскъ и самое военное дѣло въ Польшѣ въ это время имѣли почти тѣ же главныя черты, что и вездѣ въ западной Европѣ въ то же время: личную, поземельную, неудовлетворительную военную службу дворянства и землевладѣльцовъ, при участіи городовъ и сельскаго населенія, находившагося въ тяжкомъ подданствѣ дворянъ и землевладѣльцовъ, и усиленіе такого рода временныхъ ополченій вербованными и наемными войсками, со всѣми недостатками тѣхъ и другихъ. И военное дѣло въ Польшѣ въ это время также представляетъ много сходства съ современнымъ состояніемъ его въ западной Европѣ, при участіи въ томъ, въ то же время, вліянія введенія огнестрѣльнаго, еще очень несовершеннаго оружія. Усовершенствованія по различнымъ частямъ военнаго устройства Польши и военнаго дѣла въ ней произошли лишь позже, въ концѣ XV вѣка и особенно въ XVI. Тогда они приобрѣли и бѣльшія значенія и важность въ отношеніи къ военной исторіи восточной Русси, между тѣмъ какъ въ этомъ періодѣ Польша находилась еще въ борьбѣ не съ нею, а съ западною Русью или великимъ княжествомъ литовскимъ и русскимъ, насильственно присоединеннымъ къ ней, но вовсе еще не слившимся съ нею.

§ 163.

Монголо-татары.

Несравненно бѣльшія, нежели шведы, ливонскіе рыцари, Литва и Польша, важность и значеніе для восточной Русси имѣли въ этомъ періодѣ главнше вѣйшіе враги ея съ востока и юга—монголо-

татары *), еще господствовавшие надъ нею, но уже гораздо слабѣе, нежели въ первомъ вѣкѣ ихъ владычества.

Извѣстно, что завоеванія Чингизъ-хана и первыхъ потомковъ его распались на четыре независимыя одно отъ другаго ханства. Китай, Манчурія, Корея, часть Индіи и собственная Монголія составили восточное ханство. Восточная часть киргизской орды новѣйшихъ временъ, земли отъ верховьевъ Иртыша и Оби до хребта Тянь-шань и далѣе къ югу до Гималайскаго хребта, съ долиною, въ которой лежатъ Кашгаръ, Яркендъ, Хотанъ и др., равно хивинское и бухарское ханства и область Ферганъ (Коканъ), до Гиндукуша, образовали джагатайское ханство. Нынѣшніе Хорасанъ, Афганистанъ и Персія или вообще страны отъ р. Инда и Гиндукуша до кавказскихъ горъ и Евфрата составили третье ханство наслѣдниковъ Гулагу-хана. Наконецъ западная часть киргизской орды новѣйшихъ временъ, до Каспійскаго и Аральскаго морей и низовьевъ р. Сыръ - Дарьи, а также большая, восточная часть нынѣшней европейской Россіи до кавказскихъ горъ, Азовскаго и Чернаго морей и до нижняго Дуная образовали четвертое ханство — Кипчакъ или Большую, Золотую орду. Ханства эти управлялись ханами изъ потомковъ Чингизъ-хана, но права наслѣдства не были точно опредѣлены, выборы зависѣли отъ куритая или собранія знатнѣйшихъ сановниковъ и вельможъ, что подавало поводъ къ проискамъ, подвупамъ, насиліямъ, давало силу вельможамъ и ослабляло власть хановъ. Притомъ границы между главными ханствами не были точно опредѣлены, что подавало поводъ къ ссорамъ за нихъ и междуусобіямъ, во время которыхъ многіе изъ потомковъ Чингизъ-хана отказывали главнымъ ханамъ въ повиновеніи, становились независимыми отъ нихъ и въ свою очередь ссорились и воевали между собою. Словомъ—обширное царство Чингизъ-хана распалось, раздробилось и болѣе и болѣе слабѣло и клонилось въ упадку отъ постепенно возрастающихъ, жестокихъ внутреннихъ междуусобій.

Китай первый свергнулъ иго монголовъ въ 1367 г., изгнавъ въ Монголію послѣдняго потомка Чингизъ-хана, Тоганъ-Тимура. Мѣсто его заступила династія Минъ, которая вела счастливыя войны съ монголами въ самой Монголіи до 1398 г. Но съ этого года до 1403 въ самомъ Китаѣ возникли междуусобія, которыми монголы не могли воспользоваться, потому что и въ самой Монголіи произошли такія же и ханскій престолъ оспаривался многочисленными искателями его и переходилъ отъ одного къ другому.

* О названіяхъ монголы и татары см. ниже замѣчаніе о нихъ.

Въ ханствахъ: джагатайскомъ и наслѣдниковъ Гулагъ-хана было тоже самое—междуусобія многихъ независимымъ ханствъ, на которыя раздробились главныя.

Кипчакъ или Золотая орда, основанная Батыемъ, обнимала всѣ бывшія половецкія земли отъ нижняго Дуная до Урала и отъ береговъ Аральскаго, Каспійскаго и Чернаго морей до р. Ворсклы, верховьевъ р. Хопра и впаденія р. Камы въ Волгу. Главныя силы этой орды сосредоточились въ цѣн. астраханскихъ и саратовскихъ стѣняхъ на лѣвой сторонѣ Волги. Здѣсь, на берегахъ р. Ахтубы, въ 60 верстахъ отъ устьевъ Волги, Батый построилъ для своего пребыванія Сарай или Сарай—въ родѣ деревяннаго города Аттилы нѣкогда на Дунаѣ при устьѣ р. Тейсы. Отсюда онъ съ 1243 г. и послѣ него преемники его господствовали надъ восточною Русью, именемъ великаго или главнаго хана въ Монголіи, въ Каракорумѣ, между р.р. Орхономъ и Тампромъ. Но эта зависимость была ничтожная, только по имени, и продолжалась недолго. Золотая орда стала совершенно независимою и самостоятельною, и ханы въ ней до конца XIV вѣка были изъ рода Джучи, старшаго сына Чингизъ-хана. Первымъ былъ Батый, старшій сынъ Джучи, утвердившій владычество монголовъ надъ восточною Русью (1243); 2-мъ—второй братъ его Беркай, при которомъ весь народъ ея былъ обложенъ поголовною данью (1256); 3-мъ—третій братъ Менгъ-Темиръ, положившій первое начало введенію въ ордѣ магометанской религіи; 4-мъ—второй сынъ Батыя, Тудъ-Мангъ, управлявшій Сараемъ и восточною частью Золотой орды, между тѣмъ какъ западною частью ея между Дономъ и Днѣстромъ управлялъ 4-й, младшій братъ Батыя, Ногай (до 1291 г.). Послѣдній разбилъ и убилъ Тудъ-Мангъ и завладѣлъ всею Золотою ордой, но черезъ три года былъ изгнанъ сыномъ Менгъ-Темира, Тохтою или Тохтагъ. Преемникомъ послѣдняго былъ сынъ его, знаменитый Узбекъ, родоначальникъ узбековъ и покровитель московскихъ князей. Потомство же Ногай утвердилось въ Тавридѣ, гдѣ въ послѣдствіи образовалось отдѣльное ханство крымское.

Золотая орда, болѣе вѣка кочевавшая въ стѣняхъ нижней Волги, сохранила прежніе нравы и обычаи кочеваго, полудикаго народа, живя данью покоренныхъ народовъ и ставъ ненасытно корыстолюбивою. Хотя она и не имѣла уже прежняго, пылаго, воинственнаго духа, однако не измѣнила прежняго военнаго устройства Чингизъ-хана и все еще была сильна и грозна для покоренныхъ и сосѣднихъ народовъ и государствъ, особенно для восточной Руси. Но внутренніе раздоры и междуусобія, начавшіяся въ ней еще при первыхъ преемникахъ Батыя во 2-й половинѣ XIII вѣка, съ ходомъ времени все усиливались и ослабляли ее такъ, что въ половинѣ и особенно

въ концѣ XIV вѣка великіе князья московскіе уже стали помышлять объ освобожденіи восточной Руси отъ монгольскаго ига. Особенно рѣшительно дѣйствовалъ съ этою цѣлю внукъ Іоанна I Калиты, Дмитрій Іоанновичъ, въ то самое время, когда въ Золотой ордѣ, послѣ жестокихъ междуусобій, всѣхъ соперниковъ своихъ одолѣлъ и сталъ властвовать именемъ хана Маматъ-Салтана, полководецъ Мамай (1370). Восемь лѣтъ спустя, въ 1378 г. Дмитрій уже впервые разбилъ на берегахъ р. Воли, въ рязанской области, отрядъ монголовъ, посланный Мамаемъ для разоренія московскаго княжества. Раздраженный этимъ, Мамай поднялъ противъ восточной Руси всю орду, въ союзѣ съ великимъ княземъ литовскимъ и русскимъ Ягелломъ, который долженъ былъ напасть на нее съ запада. Но на-голову разбитый въ 1380 г. въ знаменитой Куликовской битвѣ, Мамай бѣжалъ въ орду съ остатками своего войска, а когда они были разбѣяны близъ нинѣшняго Маріуполя Тохтамышемъ—въ Кафу, въ Тавридѣ, гдѣ былъ убитъ генуэзцами.

Тохтамышъ, сподвижникъ знаменитаго Тамерлана и соперникъ Мамаю, воцарясь въ Сараѣ, захотѣлъ заявить свое господство надъ восточною Русью и въ 1382 г. вторгнулся въ предѣлы ея, дошелъ до Москвы, разрушилъ ее и грозилъ разорить всю Русь, если Дмитрій Донской не покорится ему. Вынужденный силою обстоятельствъ, Дмитрій снова сталъ данникомъ Золотой орды.

Послѣ того Тохтамышъ захотѣлъ быть независимымъ отъ самаго Тамерлана, покорившаго Китай, Индію, Персію, Сирію и Малую Азію, и вступилъ въ войну съ нимъ. Разбитый имъ въ астраханскихъ степяхъ, онъ собралъ всѣ свои силы, напалъ на него между р. Терекъ и Кумою, но былъ вторично разбитъ. Тамерланъ, преслѣдуя его за Волгу, въ 1395 году перешелъ на правую сторону ея, двинулся къ южнымъ предѣламъ Руси, взялъ Елецъ и уже дошелъ до верховьевъ Дона, какъ вдругъ—26 августа обратился назадъ въ Золотую орду, разрушилъ Сарай, разорилъ весь Кипчакъ и удалился за Уралъ. По удаленіи его, Тохтамышъ хотѣлъ возстановить Золотую орду, но былъ изгнанъ однимъ изъ потомковъ Батия, Тимуръ-Кутлукомъ, который въ свою очередь былъ вытѣсненъ другими властолюбцами, еще болѣе ослабившими Золотую орду своими междуусобіями. Пользуясь этимъ, сынъ Дмитрія Василій I нѣсколько лѣтъ не платилъ ордѣ дани и самъ не ѣздилъ и бояръ своихъ не посылалъ въ Сарай, остерегаясь однако явно возставать противъ орды. Тогда полководецъ ея Эдигей въ 1408 г. вторгнулся въ восточную Русь и осадилъ Москву, но, не могши овладѣть ею и только взявъ съ нея богатый окупъ, воротился въ орду, грозя новымъ вторженіемъ, если Василій не смирится.

Послѣдній покорился необходимости и даже поѣхалъ въ Сарай. Но вслѣдъ затѣмъ въ ордѣ возникли новыя, еще болѣе жестокія междоусобія. Около 1440 года ханъ сарайскій Уду-Махметъ, будучи изгнанъ изъ Сарая, занялъ Бѣлевъ, но, вытѣсненный изъ него войсками Василя II, удалился въ бывшую камско-волжскую Болгарію, возобновилъ въ ней разрушенный городъ Казань, основалъ отдѣльное, независимое ханство казанское и объявилъ Василю II войну. Василій выступилъ противъ него, но былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ (1443), однако вскорѣ освобожденъ за богатый выкупъ.

Такимъ образомъ, въ половинѣ XV вѣка общирное царство, основанное Батыемъ, распалось на три большія, независимыя одна отъ другой орды: Большую или Золотую въ Кипчакѣ и Сарай, Крымскую въ Тавридѣ и Казанскую въ Казани и камско-волжской Болгаріи. Изъ нихъ первая еще признавала за собою право господства надъ восточною Русью. Въ такомъ видѣ засталъ ихъ сынъ Василя II, Іоаннъ III, при вступленіи своемъ на престолъ (1462).

Въ 200 лѣтъ времени съ половины XIII вѣка до половины XV-го, монголо-татары *) сохранили болѣе или менѣе то военное устройство и то военное дѣло, которыя были установлены еще Чингизъ-ханомъ и изложены въ собраніи законовъ его, подъ названіемъ Яса, бывшемъ у монголовъ въ такомъ же уваженіи, какъ у оранъ у магометанъ. Такъ какъ подробности объ этомъ предметѣ уже были изложены въ ч. II главѣ VIII §§ 69—70, то здѣсь излишнимъ было бы повторять ихъ, но необходимо вкратцѣ изложить военныя учрежденія и постановленія другаго, позднѣйшаго и столь же замѣчательнаго и знаменитаго, сколько и Чингизъ-ханъ, завоевателя Средней Азіи — Тимуръ-бека или Тимуръ-ленга, прозваннаго въ Европѣ Тамерланомъ. Наибольшая часть завоеваній его была совершена въ Азіи, но походы его: въ 1391 г. въ Золотую орду противъ Тохтамыша и въ 1395 году въ восточную Русь до верховьевъ Дона, имѣютъ близкую связь съ военною исторіею послѣдней.

*) Такъ какъ Чингизъ-ханъ и его преемники были монголы, то до конца XIV вѣка, когда родъ Чингизъ-хана угасъ и царство его распалось, завоевателей восточной Руси вѣрнѣе называть монголами, съ начала же XV вѣка — татарами, потому что уже полчища Чингизъ-хана и его преемниковъ состояли преимущественно изъ татарскихъ племенъ. Въ нашихъ лѣтописяхъ они называются татарами съ самаго начала покоренія ими восточной Руси.

Тамерланъ родился въ 1333 году въ окрестностяхъ города Кеша или Карши, къ юго-западу отъ Бухары, гдѣ отецъ его владѣлъ удѣломъ или участкомъ земли. Генеалогіи Тамерлана, во времена его славы, производили происхожденіе его по женской линіи отъ Чингизъ-хана. По смерти отца своего и достиженіи совершеннолѣтія, онъ велъ постоянныя войны съ потомками Чингизъ-хана, между которыми было раздроблено обширное царство, основанное имъ, и къ концу XIV вѣка (1369 — 1390) успѣлъ основать новое, столь же обширное, простиравшееся отъ стѣнъ Китая до Босфора и отъ Сибири и р. Камы до Персидскаго залива и р. Ганга. Такъ какъ въ это время монголы большею частію приняли магометанскую религію и раздѣлились на секты, то могущественнымъ двигателемъ военной системы Тамерлана, сверхъ алчности къ добычѣ и власти, содѣлался свойственный исламу религіозный фанатизмъ. Тамерланъ успѣлъ внушить его своимъ монгольскимъ войскамъ, возбудить въ нихъ ненависть къ иновѣрцамъ и вести ихъ отъ одного завоеванія къ другому, предавая все, по его выраженію, «вѣтру пистреленія». Подобно Чингизъ-хану, онъ также составилъ свои военные законы и правила, которыя, можетъ статься, были только частными измѣненіями Чингизъ-хановыхъ, сообразно времени и инымъ обстоятельствамъ и отношеніямъ. Но какъ въ нихъ сохранилось болѣе подробностей касательно состава, устройства, вооруженія, строя и образа дѣйствій монгольскихъ войскъ во времена Тамерлана, то здѣсь и будутъ приведены замѣчательнѣйшія изъ его военныхъ постановленій.

Главную силу монгольскаго войска при Тамерланѣ также составляли конница, но кромѣ того была и пѣхота. Та и другая состояли изъ простыхъ и отборныхъ воиновъ, а конница, сверхъ того, раздѣлялась на тяжелую и легкую. Кромѣ того были отряды мостовщиковъ (понтонеровъ) для построенія мостовъ, метатели зажигательныхъ составовъ и снарядовъ, строители разнаго рода военныхъ и метательныхъ орудій и осадныхъ машинъ и т. п. Въ числѣ оружія и запасовъ, которые каждый изъ воиновъ долженъ былъ въ походѣ имѣть при себѣ, упоминаются сѣкпыры, топоры, палицы, веревки и мѣшечы. Сверхъ того, каждые 5 чел. отборныхъ воиновъ и 18 простыхъ должны были имѣть одну юрту или кибитку, десятники—1 кибитку и 5 лошадей, сотники—1 кибитку и 10 лошадей и т. д., а эмиръ, начальствовавшій 12 тысячами конницы—не менѣе 300 лошадей и большое число запаснаго оружія. Часть тяжелой конницы имѣла лошадей, покрытыхъ тигровыми шкурами. Пѣхота въ даль-

нихъ походахъ. снабжалась лошадьми и была вооружена какъ легкая конница.

Войска Тамерлана получали жалованье, которое опредѣлилось цѣною лошади вонна и выдавалось частью деньгами, частью произведеніями земли. Это содержаніе производилось съ участковъ покоренныхъ земель, раздѣленныхъ на военные округа, и изъ доходовъ городовъ и областей. Отборный воинъ получалъ жалованья отъ 2 до 4 цѣнъ его лошади, десятникъ — противъ 10 такихъ воиновъ, сотникъ — противъ 2 десятниковъ, тысячникъ — противъ 3 сотниковъ, темникъ или эмиръ (которыхъ было 12 степеней) — смотря по степени, отъ 1 т. до 10 т. лошадиныхъ цѣнъ, юрджі — отъ 100 до 1,000 и т. д. Сверхъ жалованья, вонны получали за отличія награды, состоявшія въ похвальномъ отзывѣ, въ прибавкѣ жалованья, въ повышеніи въ чинъ, въ дарованіи почетнаго прозванія, напримѣръ багадуромъ или батыремъ (храбрымъ) и пр.

Выборъ въ военачальники, производство и власть ихъ были опредѣлены законами. Въ десятники выбирали одного изъ 10 отборныхъ воиновъ, по согласію 9-ти товарищей его; въ прочіе же чины производило высшее начальство. Каждый военный начальникъ имѣлъ своего товарища или помощника, для того, чтобы онъ въ случаѣ надобности могъ заступать его мѣсто. Военные начальники имѣли власть исключать подчиненныхъ изъ службы за нарушеніе военного порядка.

Въ войскахъ Тамерлана замѣтно нѣкоторое правильное и однообразное устройство. Полки отличались по цвѣтамъ оружія и знаменъ—красному, желтому, бѣлому и пр. и кромѣ того раздѣлялись по роду вооруженія—латами, кольчугами, палицами и пр.

Для дѣйствій въ бою опредѣлены были особые боевые порядки по числу войскъ. Отрядъ, не превышавшій 12 т. чел. конницы, раздѣлялся для боя на 9 частей, изъ которыхъ 2 составляли авангардъ и передовые караулы,—по 3 части, построеныя въ 2 линіи, составляли правое и лѣвое крыла, а остальная, 9-я часть, вѣроятно составлявшая не менѣе $\frac{1}{4}$ силъ всего отряда, ставилась назадъ, въ видѣ резерва. Большой отрядъ, не превышавшій 40 т. чел. конницы, распредѣлялся подобнымъ же образомъ, но оба крыла строились въ 4 линіи, а резервъ въ 3. Для арміи, превышавшей 40 т. войскъ, прибавлялись еще другія линіи *).

*) Бывшій казанскій профессоръ Эрдманнъ полагалъ, что переднія линіи обохъ крылъ составляли части авангарда, но только ставились уступами на флангахъ его. Должно полагать, что авангардъ и переднія линіи крылъ состояли изъ легкой конницы, которая завязывала и начинала бой.

Бой завязывали передовыя войска и авангардъ, составленные изъ легкой конницы и сильною стрѣльбою изъ луковъ и метаніемъ дробиковъ старавшіеся разстроить непріятеля. Когда нужно было усилить и поддержать ихъ, въ бой постепенно вводились части войскъ съ внутреннихъ, а потомъ съ наружныхъ фланговъ обонихъ крыль, и наконецъ резервъ, состоявшій изъ отборныхъ воиновъ и тяжелой конницы, и обыкновенно рѣшавшій побѣду.

Располагаясь станомъ вблизи непріятеля, войска всегда ограждались валомъ и ровомъ, усиленными еще тыномъ и воткнутыми въ землю щитами. Для предохраненія себя отъ внезапнаго нападенія, они выставляли на разстояніи $\frac{1}{2}$ фарсанги или персидской мили (около 4 верстъ), впереди каждой стороны стана, передовыя стражи и караулы, которые были въ непрерывномъ сообщеніи между собою и извѣщали о всемъ замѣченномъ ими у непріятеля. Въ самомъ станѣ была особенная полиція, соблюдавшая порядковъ въ немъ.

Касательно веденія войны, Тамерланъ соблюдалъ и завѣщаль свопимъ преемникамъ мудрыя военно-политическія правила. На основаніи ихъ, не слѣдовало дѣйствовать силою оружія, гдѣ и когда можно было достигнуть цѣли политикою. Прежде, нежели начинать войну, нужно было изучить свойства и снособы непріятельскаго края, узнать пути, удобные и выгодные для наступленія и отступленія, изыскивать средства для дѣйствія на нравственныя силы непріятеля. Для пріобрѣтенія такого рода свѣдѣній, Тамерланъ отправлялъ мирныя посольства, или посылалъ торговые караваны, или же отряды легкихъ войскъ на верблюдахъ или лошадяхъ; эти отряды, вторгаясь въ непріятельскій край, захватывали путешествовавшихъ и жителей, и добывали отъ нихъ нужныя свѣдѣнія. Если непріятельское государство было жертвой внутреннихъ раздоровъ политическихъ партій или религіозныхъ сектъ либо насилій деспотизма, то слѣдовало принимать сторону слабыхъ противъ сильныхъ и тѣмъ облегчать себѣ средства къ завоеванію страны. Нравственныя же силы собственнаго войска Тамерланъ возбуждалъ магометанскимъ религіознымъ фанатизмомъ и съ этою цѣлію имѣлъ при своихъ арміяхъ духовныхъ лицъ, проповѣдниковъ и предсказателей успѣха оружія.

Въ заключеніе, вообще слѣдуетъ сказать, что Тамерланъ съ меньшимъ, чѣмъ Чингизъ-ханъ, искусствомъ успѣлъ слить въ одно цѣлое монголовъ и средне-азіятскіе кочевые народы и превратить ихъ въ отлично-устроенное и одушевленное войско, сильное и грозное для народовъ Азіи и значительно превосходившее ихъ (даже турокъ) въ военномъ отношеніи. Онъ превосходно умѣлъ восполь-

зоваться для своихъ цѣлей всѣми прирожденными качествами подвластныхъ ему азіатскихъ кочевниковъ. Отличные всадники и наѣзники съ малолѣтства, обладая необыкновенными: зоркостью глазъ, тонкостью слуха, навыкомъ къ перенесенію зноя и холода, жажды и голода, лишеній и трудовъ, терпѣніемъ и покорностью, искусствомъ мѣткой стрѣльбы, способностью ориентироваться и пользоваться мѣстностью, дѣйствовать въ разсыпномъ строѣ и вести малую войну—всѣ они и каждый изъ нихъ были отличными воинами. Столько же опасные въ отступленіи, сколько и въ наступленіи, искусствомъ своимъ мѣтко стрѣлять съ коней на всемъ скаку, обратясь назадъ, устронвать засады и заманивать въ нихъ непріятеля, они, и отраженные и даже разбитые, еще не были побѣжденными и, въ крайнихъ случаяхъ быстрр уходя въ свои степи, снова являлись изъ нихъ сильнѣе и страшнѣе прежняго. Но искусное употребленіе всѣхъ этихъ достоинствъ ихъ для завоевательныхъ цѣлей вполне принадлежало Тамерлану, какъ и Чингизъ-хану, этимъ необыкновеннымъ людямъ и замѣчательнымъ азіатскимъ завоевателямъ, несомнѣнно обязаннымъ своими громадными военными успѣхами высокимъ дарованіямъ своимъ.

ГЛАВА XX.

ВОЙНЫ ВОСТОЧНОЙ РУСИ.

I. Войны Дмитрія Донскаго. — § 164. Война съ князьями: Михаиломъ тверскимъ и Ольгердомъ литовскимъ (1368—1375). — § 165. Война съ Ордою и князьями: Олегомъ рязанскимъ и Ягайломъ литовскимъ (1376—1382). — Куликовская битва (8-го сентября 1380 г.). — II. Войны Василія I и Василія II. — § 166. Войны Василія I (1389—1425). — § 167. Войны Василія II (1425—1462.)

I.

Войны Дмитрія Донскаго.

§ 164.

Война съ князьями Михаиломъ тверскимъ и Ольгердомъ литовскимъ (1368—1375).

По смерти Иоанна II (1362), 11-ти-лѣтній сынъ его Дмитрій, получивъ изъ Орды грамоту на великое княжество московское, встрѣтилъ - было соперника въ князѣ Дмитріѣ Константиновичѣ суздальскомъ, правнукѣ Андрея Ярославича, брата Александра Невскаго. Но Дмитрій суздальскій, устрешенный движеніемъ противъ него московскихъ полковъ, смирился, призналъ Дмитрія великимъ княземъ (1365) и выдалъ за него дочь свою Евдокію (1366).

Димитрій Иоанновичъ, руководимый совѣтами московскаго митрополита Алексія и московскихъ бояръ, именуя себя, по примѣру дѣда и дяди своихъ, великимъ княземъ всея Руси и пользуясь значительнымъ уже увеличеніемъ московской области и ея военныхъ силъ, положилъ окончательно рѣшить вопросъ о правѣ потомства Иоанна Калиты на великокняжескій престолъ и съ этою цѣлю властвовать надъ удѣльными князьями. Онъ вмѣшивался въ ихъ распри, спльно тѣснилъ непокорныхъ, отнималъ и раздавалъ удѣлы ихъ. Князья ростовскіе, стародубскіе, нижегородскіе, галичскіе (Галича сѣвернаго) и многіе другіе, одинъ за другимъ, признали его своимъ главой, одни—безпрекословно, другіе — послѣ слабаго сопротивленія. Но Тверь, Рязань и Новгородъ не хотѣли покориться ему, желая быть независимыми. Самымъ упорнымъ и дѣятельнымъ противникомъ Димитрія былъ тверской князь Михаилъ Александровичъ, отецъ котораго былъ умерщвленъ въ Ордѣ по навѣтамъ Иоанна Калиты. Побуждаемый родовою мстью и по праву старѣйшинства считая себя законнымъ великимъ княземъ восточной Руси, Михаилъ не хотѣлъ терпѣть въ своемъ княжествѣ самовластия Димитрія и поѣхалъ въ Литву просить помощи у зятя своего, Ольгерда, великаго князя литовскаго и русскаго, женатаго на княжнѣ Іуліаніи Александровнѣ тверской (1367). Воротясь съ литовскими войсками, Михаилъ съ ними и своими тверскими двинулся въ Кашину, удѣльному городу дяди своего, Василія Михайловича. Но на пути туда онъ встрѣтилъ пословъ Василія и примирился съ нимъ и съ Димитріемъ московскимъ. Въ 1368 г. послѣдній пригласилъ Михаила въ Москву на третейскій судъ, послѣ котораго Михаилъ былъ подвергнутъ заключенію, но вскорѣ освобожденъ, будучи принужденъ отказаться отъ Городка. Михаилъ выѣхалъ изъ Москвы заклятымъ врагомъ Димитрія и вторично отправился въ Литву просить помощи Ольгерда. Послѣдній рѣшился исполнить просьбу его, тѣмъ болѣе, что еще съ 1363 г. встрѣчаются извѣстія о враждебныхъ столкновеніяхъ Литвы съ Москвою.

Лѣтописецъ повѣствуетъ, что у Ольгерда былъ обычай тщательно сбывать и отъ своихъ, и отъ чужихъ, для чего онъ собиралъ войско и куда замышлялъ походы, и что этою скрытностью онъ и завоевалъ много городовъ и земель. Такъ и на этотъ разъ Димитрій узналъ о замыслахъ Ольгерда тогда только, когда послѣдній уже былъ на московской границѣ, съ братомъ своимъ Кейстутомъ, сыномъ Витольдомъ или Витовтомъ, другими сыновьями своими и литовскими князьями, Михаиломъ тверскимъ, Святославомъ смоленскимъ и войсками литовскими и смоленскими. Димитрій немедленно разослалъ по всѣмъ городамъ грамоты о сборѣ войскъ,

а пока они могли собраться, выслалъ на границу только сторожевой полкъ изъ московскихъ, коломенскихъ и дмитровскихъ ратниковъ, подъ предводительствомъ своего воеводы Дмитрія Минина и воеводы двоюроднаго брата своего, Владиміра Андреевича—Іакыноа Шубы. Между тѣмъ Ольгердъ уже опустошалъ пограничныя земли огнемъ и мечомъ, убилъ двухъ встрѣченныхъ имъ русскихъ князей стародубскаго и оболскаго, а 21-го ноября разбилъ на р. Троснѣ московскій сторожевой полкъ такъ, что князья, воеводы и бояре всѣ погибли. Узнавъ здѣсь, что Дмитрій еще не успѣлъ собрать войска и заперся въ Москвѣ, Ольгердъ быстро двинулся къ ней. Дмитрій, сжегши посады или пригороды ея, самъ съ Владиміромъ Андреевичемъ, боярами и всѣми жителями заперся въ новомъ каменномъ Кремлѣ. Три дня стоялъ передъ нимъ Ольгердъ и не могъ взять его, но жестоко разорилъ окрестности, взялъ множество плѣнныхъ, отогналъ весь скотъ и ушелъ назадъ. Впервые съ начала княженія Іоанна Калиты (1328) московское княжество испытало такое страшное нашествіе непріятеля—изъ-за личной мести Михаила тверскаго! Онъ былъ отомщенъ и Дмитрій былъ принужденъ возвратити ему Городокъ.

Ольгердъ не могъ оставаться передъ Москвою долѣе трехъ дней потому, что ливонскіе рыцари, въ 1362 г. взявшіе Ковно, не давали покоя литовскимъ границамъ. Пока онъ воевалъ съ ними, войска Дмитрія, вмѣстѣ съ волоцкими (города Волока-Ламскаго), въ 1370 году воевали въ смоленской области, вѣроятно въ отмщеніе князю ея за союзъ съ Ольгердомъ. Потомъ Дмитрій послалъ рать къ Бряцску литовскому, а въ августъ того же 1370 года объявилъ войну Михаилу тверскому—и, по обычаю, послѣдній снова отправился въ Литву, а московскія войска опустошили тверскую область. Вскорѣ и самъ Дмитрій вступилъ въ нее съ большою ратью, взялъ и сжегъ Зубцовъ, Микулинъ, всѣ волости и села, и воротился съ множествомъ плѣнныхъ, добычи и скота.

Ольгердъ, склоняясь на мольбы Михаила, въ Рождественскій постъ 1370 года снова двинулся къ Москвѣ съ Кейстутомъ, Михаиломъ, Святославомъ смоленскимъ и сильнымъ войскомъ. Онъ двинулся въ походъ изъ Литвы въ началѣ зимы, когда рѣки, озера и болота только-что замерзли отъ первыхъ морозовъ—для того, чтобы избѣжать переправъ черезъ нихъ. А чтобы идти скорѣе, онъ послалъ впередъ нѣсколько тысячъ сельскихъ жителей расчищать пути для войска. Обычная скрытность и быстрота его движенія имѣли цѣлю снова застигнуть Дмитрія врасплохъ. Въ исходѣ ноября онъ подступилъ къ Волоку-Ламскому, огражденному деревянными стѣнами и мужественно обороняемому княземъ березуйскимъ. Про-

стоявъ передъ нимъ три дня и не могши взять его, а только сжегши посадъ его и разоривъ окрестности, онъ, въ нетерпѣніи, чтобы не терять времени, двинулся далѣе къ Москвѣ и 6-го декабря подступилъ къ ней. Дмитрій, не успѣвшій еще собрать войска, снова заперся въ Кремль; но Владиміръ Андреевичъ стоялъ въ Перемышлѣ, собирая полки, и къ нему присоединились князь пронскій съ своими войсками, войска Олега рязанскаго и собирались суздальскія и другія. Ольгердъ обложилъ Кремль, но 8 дней не отваживался взять его приступомъ и только выжегъ посадъ и разорилъ окрестности. А затѣмъ, опасаясь быть окруженнымъ московскими войсками, собравшимися въ Перемышлѣ, видя внезапно наступившую, необыкновенную въ это время года оттепель и озабоченный враждебными замыслами ливонскихъ рыцарей, онъ предложилъ Дмитрію миръ. Но Дмитрій согласился только на перемиріе до Петрова дня слѣдующаго 1371 г., и Ольгердъ пошелъ обратно въ Литву, съ величайшею осторожностью, опасаясь преслѣдованія или внезапнаго нападенія.

Покинутый имъ Михаилъ въ 1371 г. обратился къ хапу, но исканія его остались безуспѣшными: Дмитрій былъ снова утвердѣнъ великимъ княземъ и снова открылъ войну съ Михаиломъ и разорилъ волости его. Но отъ войны съ нимъ отвлекла его другая война съ Олегомъ рязанскимъ. Послѣдній еще при отцѣ Дмитрія сильно противудѣйствовалъ стремленію московскихъ великихъ князей къ единовластію и упорно стоялъ за свою независимость. Онъ былъ тайнымъ врагомъ и Дмитрія, съ самаго вступленія его на московскій престолъ, и доброе согласіе между ними, часто нарушаемое, было нарушено и въ концѣ 1371 г. Въ декабрѣ этого года Дмитрій послалъ противъ Олега сильную рать подъ предводительствомъ своего воеводы, Дмитрія Михайловича Боброка волынскаго. Олегъ выступилъ на встрѣчу ей также съ большимъ войскомъ, но въ кровопролитной битвѣ у Скорнищева, въ рязанской области, былъ разбитъ съ огромнымъ уропомъ и едва спасся бѣгствомъ съ небольшою дружиной. Князь Владиміръ пронскій, союзникъ Дмитрія, тотчасъ занялъ Рязань, но былъ изгнанъ изъ нея Олегомъ. А Дмитрій, озабоченный враждебными дѣйствіями Михаила, на время примирился съ Олегомъ.

Михаилъ, не имѣвъ успѣха въ Ордѣ у Мамаю, въ 1372 году снова обратился за помощью къ Ольгерду, заключилъ съ нимъ союзъ и, въ надеждѣ на него, весною послалъ племянника своего, Дмитрія, съ войскомъ къ городу Кистиѣ (рѣчка Кесма впадаетъ въ р. Мологу, верстъ около 10 ниже Весъегопса, въ Тверской губерніи). Воеводы этого города были взяты въ плѣнъ и отвезены въ

Тверь. Не удовольствовавшись этимъ, Михаилъ самъ двинулся къ Дмитрову, взялъ съ него окупъ, сжегъ посады, волости и села его, а бояръ и жителей взялъ въ плѣнъ.

Между тѣмъ Ольгердъ весною же послалъ въ московскіе предѣлы брата своего, Кейстута, съ войсками. Михаилъ тайно подвель Кейстута къ Переяславлю, который и былъ обложенъ 6-го апрѣля. Не могли взять его, Кейстутъ поступилъ съ нимъ и потомъ съ Кашиномъ точно такъ же, какъ Михаилъ съ Дмитровымъ. Отъ Кашина союзники пошли къ Торжку, взяли его и Михаилъ назначилъ въ него своихъ намѣстниковъ. Но въ маѣ въ Торжокъ явились новгородцы, заключившіе союзъ съ Дмитриемъ, изгнали Михайловыхъ намѣстниковъ, ограбили тверскихъ купцовъ и жителей, укрѣпили городъ и стали ждать Михаила. Онъ подступилъ 31 мая и потребовалъ выдачи тѣхъ, которые ограбили тверитянъ, и принятія его намѣстниковъ. Новгородцы не согласились на это и вышли изъ города на бой, но были разбиты наголову и частію бѣжали по дорогѣ въ Новгородъ, частію заперлись во внутренней крѣпости Торжка. Тверитяне зажгли посадъ, сильный вѣтеръ погналъ огонь на городъ и онъ весь сгорѣлъ, а жители его частію погибли въ огнѣ или въ рѣкѣ, частію были ограблены и убиты.

Между тѣмъ Дмитрій собиралъ войска, а Ольгердъ, чтобы предупредить мщеніе его за нашествіе Кейстута (удалившагося послѣ взятія Кашина), въ третій разъ двинулся скрытно и быстро въ московскіе предѣлы съ многочисленнымъ войскомъ. 12-го іюня у Любутска (близъ Калуги) онъ соединился съ Михаиломъ, прибывшимъ отъ Торжка, и снова надѣялся застигнуть Дмитрія врасплохъ, но обманулъ. На этотъ разъ Дмитрій двинулся на встрѣчу ему съ сильнымъ войскомъ и у Любутска разбилъ сторожевой полкъ его. Ольгердъ и все войско его пришли въ большую тревогу и укрылись за глубокимъ и бруттымъ оврагомъ. Раздѣленные имъ, долго оба войска стояли одно противъ другаго, не отваживаясь первыми перейти черезъ оврагъ и не успѣвъ обмануть для того одно другое. Между тѣмъ обѣ стороны желали мира—и онъ былъ заключенъ, хотя и на короткія сроки—до Дмитриева дня (26 октября). Ольгердъ поручился, что Михаилъ возвратитъ все награбленное въ московскихъ предѣлахъ и выведетъ изъ нихъ намѣстниковъ своихъ, если же сталъ бы во время перемирія грабить московскія волости, то литовскіе князья не вступятся за него. Дмитрій же предоставилъ себѣ право судиться съ Михаиломъ у хана въ Ордѣ.

Но раздоры между князьми тверскимъ и капинскимъ не допустили до продолжительнаго мира между Михаиломъ и Дмитріемъ.

*

риемъ. Первый, надѣясь на помощь Орды и Литвы, въ 1375 году объявилъ Димитрію войну и послалъ намѣстниковъ своихъ въ Торжокъ и сильную рать къ Угличу. Но помощь не приходила къ нему ни изъ Орды, ни изъ Литвы, а между тѣмъ Димитрій успѣлъ собрать сильное войско и двинулся къ Волоку-Ламскому. Здѣсь къ нему присоединились 19 князей съ своими войсками, и вся соединенная рать его, подъ личнымъ предводительствомъ его, двинулась къ Твери, взяла Микулинъ, выжгла окрестности, плѣнила жителей и наконецъ въ августѣ осадила Тверь, въ которой заперся Михаилъ. Обложивъ весь городъ тыномъ и наведя два большіе моста черезъ Волгу, Димитрій послалъ за новгородцами, которые, будучи рады отмстить Михаилу за поражение, уже черезъ три дня явились подъ Тверь. Тогда осаждавшіе всѣми силами приступили къ городу, приставили туры, сдѣлали присылъ къ стѣнамъ кругомъ города и зажгли мостъ у Тмакскихъ воротъ и стрѣльницы (башни). Осажденные потушили пожаръ, хотя и съ большимъ трудомъ, и когда войско Димитрія нѣсколько отступило, произвели сильную и удачную вылазку, истребили или сожгли туры и нанесли осаждавшимъ большой уронъ въ людяхъ. Но этотъ успѣхъ не принесъ Михаилу никакой пользы: область его была опустошена въ конецъ, города Зубцовъ, Бѣлгородъ и Городокъ (Старица) взяты, помощи изъ Орды не было, а литовскія войска, хотя и приблизились, но узнавъ, какое многочисленное войско было у Димитрія, поспѣшили уйти назадъ. Тогда Михаилъ, потерявъ послѣднюю надежду, наконецъ просилъ мира, отдаваясь на полную волю Димитрія. Вслѣдствіе того между ними былъ заключенъ миръ на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Михаилъ, какъ независимый великій князь тверской, получившій отъ хана грамоту на великое княженіе владимірское, обязался за себя и дѣтей считать себя младшимъ братомъ Димитрія, равнымъ младшему двоюродному брату послѣдняго, удѣльному князю Владимиру Андреевичу; идти въ походъ вмѣстѣ съ Димитріемъ; посылать своихъ воеводъ, если и онъ пошлетъ своихъ; не искать ни Москвы, ни московскаго великаго княженія, а также не искать и не принимать отъ татаръ великаго княженія; — 2) Димитрій же, съ своей стороны, обѣщалъ не принимать Твери отъ татаръ, но вытребовалъ, чтобы кашинское княжество было независимо отъ тверскаго—условіе весьма важное для Москвы, а другое условіе, еще болѣе важное—относительно татаръ: бить-ли въ мирѣ съ ними, давать или не давать имъ выходъ (платить дань) — зависѣло отъ Димитрія; если татары пойдутъ на него или на Михаила, обоимъ воевать съ ними вмѣстѣ, а если Димитрій пойдетъ на нихъ, то и Михаилу идти съ нимъ;—3) Михаилъ отказался отъ союза съ Ольгердомъ

и всемъ родомъ его, и даже обязался воевать съ ними, если они нападутъ на московскаго или смоленскаго князя;—4) съ Новгородомъ и Торжкомъ Михаилъ обязался жить въ мирѣ и возвратить послѣднему награбленное у него;—5) за боярами и вольными слугами обоихъ князей утверждено право отъѣзда или переѣзда отъ одного къ другому,— и наконецъ 6) что очень замѣчательно—дѣла между москвитянами и тверитянами, при затрудненіяхъ въ смѣшанномъ судѣ, положено было отдавать на третейское рѣшеніе великаго князя (также получившаго отъ хана грамоту на это званіе) Олега рязанскаго. Таковъ былъ этотъ мирный договоръ между Димитріемъ и Михаиломъ — любопытный памятникъ этого времени, положившій счастливый для Москвы конецъ борьбѣ ея съ Тверью и, по поводу ея, съ Литвою. Изъ него между прочимъ видно, что Димитрій уже явно выразилъ зависимость отъ него самаго и одного уплаты или неуплаты дани татарамъ и мира или войны съ ними.

Однако Михаилъ не разрывалъ союза съ Литвою и еще въ 1375 г. женилъ сына своего, Иоанна, на дочери Кейстута Маріи. Но союзъ этотъ былъ бесполезенъ для Михаила: въ 1377 г. Ольгердъ умеръ, а великимъ княземъ сталъ сынъ его Ягайл о, въ православіи Іаковъ, не по праву старшинства, а помимо старшаго брата своего, Вингольда-Андрея, княжившаго въ Полоцкѣ. Послѣдній воспротивился, но, лишенный области, удалился въ Псковъ, жители котораго приняли его въ себѣ княземъ, съ согласія Димитрія. Въ 1379 г. Димитрій, желая воспользоваться этою смутой, послалъ князей Владиміра Андреевича и Димитрія Михайловича Волынскаго вмѣстѣ съ Андреемъ Ольгердовичемъ и войсками въ литовскія владѣнія, гдѣ они взяли Трубчевскъ и Стародубъ и воротились съ богатою добычей. При этомъ князь трубчевскій, Димитрій Ольгердовичъ, братъ Андрея, не сопротивлялся и съ семействомъ и боярами своими поѣхалъ въ Москву и вступилъ въ службу Димитрія, который далъ ему Переяславль. Такимъ образомъ, два сына Ольгерда стали подручниками Димитрія, что въ то время было очень важно. Еще важнѣе было то, что смуты, которыя возникли въ Литвѣ между Ягайломъ и Кейстутомъ и повели къ убіенію послѣдняго, отняли у литовскихъ князей средства враждебно дѣйствовать противъ Димитрія, а ему, напротивъ, дали возможность беспрепятственно управиться съ татарами.

§ 165.

Война съ Ордою и князьями: Олегомъ рязанскимъ и Ягайломъ литовскимъ (1876—1882).—Куликовская битва (8 сентября 1880 года).

Дмитрій, уже неоднократно раздражавшій Орду неповиновеніемъ, вызываемый ею на борьбу и чувствуя себя въ состояніи измѣрить съ нею свои силы, дѣятельно готовился къ тому. Взаимныя враждебныя дѣйствія начались еще въ 1365 г., вторженіями татаръ въ нижегородскую и рязанскую области, а русскихъ князей въ земли камско-волжскихъ болгаръ и Казани. Среди этихъ взаимныхъ враждебныхъ дѣйствій, между прочимъ, въ 1374 г. нижегородцы умертвили въ Нижнемъ Новгородѣ пословъ Мамаю и съ ними до 1500 татаръ.

Раздраженный этимъ Мамай въ 1375 г. послалъ въ нижегородскую область татаръ, которые разорили страну на берегахъ р. Кнши, притока р. Суры, и за р. Пяной. Дмитрій неразъ ходилъ за Оку, охраняя свои земли отъ татаръ. По окончаніи же войны съ Тверью и Литвою, весною 1376 г. онъ послалъ Волынскаго съ двумя нижегородскими князьями и войскомъ къ Казани. Казанцы вышли изъ города на встрѣчу имъ, но были опрокинуты обратно въ городъ и принуждены дать богатый окупъ.

Въ 1377 г. въ Москвѣ получено было извѣстіе, что въ земляхъ по р. Сурѣ явился татарскій царевичъ Арапша съ береговъ р. Яика (Урала) и Аральскаго моря. Дмитрій тотчасъ собралъ большое войско и пошелъ на помощь тестю своему, князю Дмитрію нижегородскому. Но какъ объ Арапшѣ долго ничего не было слышно, то Дмитрій воротился лично въ Москву, оставивъ своихъ воеводъ съ владимірскими, переяславскими, юрьевскими, муромскими и ярославскими полками. Къ нимъ присоединился и нижегородскіе, подъ предводительствомъ своего князя Іоанна. Составившаяся такимъ образомъ большая рать двинулась за р. Пяну. Здѣсь въ іюлѣ воеводы получили извѣстіе, будто Арапша паходился далеко, на р. Волчьи воды, противъ р. Донца, и не обращая вниманія на другія, приходившія къ нимъ вѣсти, полагаясь на свои большія силы, разоружились и какъ сами, такъ и войска ихъ, предались полной безпечности, разбрелись; ѣздили на охоту, пировали и т. п.

Между тѣмъ Мамай, по случаю свирѣпствовавшей въ Ордѣ чумы отлагавшій до времени ополченіе всѣми своими силами противъ Дмитрія, не упустилъ однако случаевъ всячески вредить ему. Съ этою цѣлю онъ и послалъ Арапшу съ сильнымъ войскомъ въ нижегородскіе предѣлы. Мордовскіе князья доставляли Арапшѣ всѣ

свѣдѣнія о рати Димитрія и указали ему тайные пути къ ней. Скрытность движеній Арапши, при безпечности русскаго войска, была такова, что онъ, раздѣливъ свое войско на пять частей, 2-го августа внезапно напалъ на русскую рать со всѣхъ сторонъ. Захваченная совершенно врасплохъ, она безъ сопротивленія бросилась въ разстройство и страхъ бѣжать къ р. Пьянѣ. Князь Іоаннъ и множество бояръ и ратниковъ утонули въ ней, а другіе были убиты или взяты въ плѣнъ. На 3-й день, 4-го августа Арапша подступилъ къ Нижнему Новгороду, откуда князь Димитрій нижегородскій бѣжалъ въ Суздаль, а жители спаслись на судахъ по Волгѣ къ Городцу. Татары перехватили неуспѣвшихъ спастись, сожгли городъ, разорили окрестности и—ушли откуда пришли. Но въ томъ же году Арапша разграбилъ и разорилъ Засурье (за р. Сурью), внезапно напалъ на Рязань и взялъ ее, при чемъ самъ князь Олегъ, израненный, едва успѣлъ спастись. Послѣ такого погрома, мордва также захотѣла пожиться въ нижегородской области, приплывъ на судахъ по Волгѣ въ окрестности Нижняго Новгорода, ограбила и то, что осталось послѣ татаръ Арапши. Но князь Борисъ Константиновичъ городецкій настигъ ее у р. Пьяны, разбилъ и многихъ потопилъ въ ней. Оба Димитрія, московскій и нижегородскій, не ограничиваясь этимъ, зимою, въ сильные морозы, послали въ земли мордвы московскія и нижегородскія войска, которыя опустошили ихъ въ копецъ, а приведенные плѣнники были казнены смертію.

Въ 1378 г. Мамай, раздраженный поражениемъ подвластной ему мордвы, послалъ сначала одно войско противъ Димитрія нижегородскаго, а потомъ другое подъ начальствомъ мурзы Бегича противъ Димитрія московскаго. Первое внезапно напало на Нижній Новгородъ и, не смотря на то, что Димитрій нижегородскій послалъ окупъ, сожгло городъ и опустошило округъ его и Березовое поле. Димитрій же московскій, узнавъ о движеніи противъ него Бегича, немедленно собралъ войско, двинулся за Оку въ рязанскую область и встрѣтилъ Бегича на берегахъ р. Вожи (праваго притока Оки, въ нын. Рязанскомъ уѣздѣ). 11 августа въ вечеру татары переправились черезъ Вожу и съ громкими криками бросились на русскія войска, которыя сами храбро ударили на нихъ, Димитрій—съ фронта, а пронскій князь Данилъ и московскій окольникій Тимошей—съ обѣихъ сторонъ во флангъ, и сломали татаръ. Послѣдніе, разбитые на-голову, бѣжали за Вожу, при чемъ множество ихъ утонуло въ ней или было убито. Ночь и густой туманъ на слѣдующее утро помѣшали преслѣдовать татаръ, и только пополудни русскія войска двинулись за ними и въ степи захватили весь обозъ ихъ. Это была первая съ 1243 г. значительная побѣда русскихъ надъ та-

тарамп. Въ отмщеніе за нее, Мамай собралъ остатки разбитыхъ войскъ и въ сентябрѣ напалъ съ ними на рязанскую область. Олегъ бѣжалъ на лѣвую сторону Оки, а татары взяли и сожгли города Дубовъ и Переяславль, опустошили землю, но далѣе Оки не пошли.

Такимъ образомъ между русскими и татарами уже была открытая война, и безпрестанныя вторженія послѣднихъ въ нижегородскіе и рязанскіе предѣлы, соединенныя съ варварскимъ опустошеніемъ ихъ, стали уже невыносимыми для пограничныхъ князей и особенно для великаго князя Дмитрія московскаго. Послѣдній немогъ надѣяться, что Мамай, послѣ Вожской побѣды, ограничитъ месть свою разореніемъ рязанской области. Раздоры и смуты въ Ордѣ, ослаблявшіе ее, были хорошо извѣстны ему. Свидѣтельствомъ слабости Орды было, между прочимъ, то, что Мамай былъ принужденъ удовольствоваться меньшею, нежели во времена Джанибека, русскою данью. Самоувѣренность русскихъ войскъ возросла особенно послѣ Вожской побѣды, доказавшей, что русскіе могли побѣждать татаръ. Но пока Мамай правилъ Ордою только именемъ хановъ Абдула и потомъ Магомета, онъ могъ производить противъ восточной Руси только частныя нападенія; когда же онъ избавился отъ Магомета и провозгласилъ самаго себя ханомъ, тогда уже могъ двинуть противъ восточной Руси всю Орду и всѣя силы. Вожское пораженіе особенно раздражило его до ярости и онъ поклялся отмстить великому князю Дмитрію. Есть извѣстіе, будто совѣтники его, представляя ему, что Орда ослабѣла, совѣтовали ему нанять генузцовъ, яссовъ, кассоговъ и другіе народы, и что Мамай, послушавшись ихъ, дѣйствительно усилилъ свое татарское войско ополченіями многихъ народовъ, какъ-то: половцовъ, хоразмійскихъ турокъ, яссовъ, кассоговъ и другихъ кавказскихъ черкесовъ, бургасовъ, даже армянъ, генузцовъ и др. Собралъ такимъ образомъ огромное войско (сила его въ точности неизвѣстна, но безъ сомнѣнія значительно превосходила силу войска, собраннаго Дмитріемъ, какъ означено ниже), лѣтомъ 1380 г. Мамай переправился съ лѣваго берега Волги на правый и остановился на кочевкѣ при устьѣ р. Воронежа (на которой въ 1237 г. кочевалъ и Батый). Ягайло литовскій, имѣвшій много причинъ непріязни къ Дмитрію, заключилъ съ Мамаемъ союзъ и обѣщалъ соединиться съ нимъ 1 сентября.

Дмитрій, узнавъ о всемъ этомъ, немедленно и дѣлательно сталъ собирать столько войскъ, сколько могъ, со всей восточной Руси, къ чему уже давно готовился. Онъ разослалъ гонцовъ во всѣ области, города и ко всѣмъ князьямъ удѣльнымъ, безудѣльнымъ и подручнымъ и изъ нихъ прежде всѣхъ къ двоюродному брату своему, князю Владиміру Андреевичу, находившемуся въ Боровскѣ. По-

слѣдній немедленно прибылъ лично въ Москву и оба князя пошли совѣтоваться съ московскимъ митрополитомъ Кипріяномъ. Послѣдній совѣтовалъ утолить гнѣвъ Мамаю денежными дарами, и князья уже собирались-было исполнить это, когда узнали о союзѣ съ Мамаемъ не только Ягайла, но и Олега рязанскаго, преступно измѣнившаго общему отечеству изъ-за мести Димитрію и честолюбивыхъ замысловъ заступитъ его мѣсто. Болѣе другихъ русскихъ князей потерпѣвъ отъ татаръ, еще недавно опустошившихъ его пограничную область, а теперь зналъ, что Мамай стоялъ съ огромнымъ войскомъ на границахъ ея и она должна была содѣлаться жертвою его, и не надѣясь, чтобы Димитрій осмѣлился вступить въ борьбу съ нимъ, Олегъ, хотя и послалъ сказать Димитрію о нашествіи Мамаю, но самъ вступилъ въ союзъ съ Ягайломъ и Мамаемъ. Съ первымъ онъ уговаривался въ томъ, чтобы, когда Димитрій удалится изъ Москвы въ Новгородъ или на Двину, имъ, Олегу и Ягайлѣ, завладѣть Москвою и Владиміромъ, и уцѣлривъ Мамай, раздѣлить между собою московское княжество.

Но Димитрій вовсе не думалъ бѣжать изъ Москвы: принявъ отъ митрополита Кипріяна благословеніе на борьбу съ врагами Руси, онъ приказалъ всѣмъ князьямъ, боярамъ, воеводамъ и военнымъ людямъ собраться къ Коломнѣ. А между тѣмъ онъ послалъ Родіона Ржевскаго, Якова Усатаго и Василя Туппкѣ съ сторожевымъ отрядомъ въ ту сторону, гдѣ находились татары, до р. Бистой Сосны, добыть языковъ и развѣдать о татарахъ. Отъ добытаго языка узнали, что дѣйствительно Мамай шелъ на Русь съ великими силами и съ князьями Олегомъ рязанскимъ и Ягайломъ литовскимъ, но будто не спѣшилъ, а ждалъ осени, чтобы воспользоваться русскими хлѣбами, т. е. жатвами. При вѣсти объ этомъ, Димитрій убѣждалъ всѣхъ собравшихся князей единодушно и крѣико противустать врагамъ Руси; князья же, съ своей стороны, увѣрили его въ своей рѣшимости на то. Эти единодушіе и твердая рѣшимость русскихъ князей, въ тяжелое для Руси время, были отраднымъ явленіемъ, совершенно противоположнымъ разьединенію ихъ за 142 года передъ тѣмъ, при нашествіи Батгя, и подавали большія надежды на успѣхъ.

Димитрій назначилъ всѣмъ войскамъ собраться къ Коломнѣ къ дню Успенія Божіей Матери—15 августа, дабы устроить рать и полки и назначить въ нихъ воевдѣ. А самъ онъ съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ и многими другими князьями отправился въ монастырь Св. Троицы, недавно основанный близъ Москвы, въ Радонежскихъ лѣсахъ, высокой духовной жизни пустынножителемъ игуменомъ Сергіемъ. Послѣдній благословилъ (18 августа) Димитрія на

брань съ невѣрными, обѣщала ему побѣду, хотя и послѣ большого кровопролитія, и отпустилъ съ нимъ двухъ иноковъ, Пересвѣта и Ослябя, въ мѣрѣ бывшихъ волнами, а первый и бояриномъ въ Брянскѣ.

Затѣмъ Димитрій, оставивъ въ Москвѣ при женѣ и дѣтихъ своихъ воеводу Феодора Андреевича съ частью войскъ, 22 августа выступилъ со всемъ дворомъ своимъ и съ московскими полками, для большаго удобства—по нѣсколькимъ дорогамъ, къ Коломнѣ. Прибывъ сюда (въ 4 перехода пдня) 26 августа, онъ нашелъ уже собранными здѣсь войска почти всехъ областей и городовъ восточной Руси, съ ихъ князьями, боярами и воеводами, за исключеніемъ повгородскихъ, рязанскихъ и смоленскихъ. Въ томъ числѣ были даже тверскія съ племянникомъ Михаила княземъ холмскимъ и дружины двухъ литовскихъ князей Андрея и Димитрія, братьевъ Ягайла. 27 августа рано утромъ великій князь призвалъ на Дѣвничьемъ полѣ подъ Коломною смотрѣя всему собранному войску, распредѣлилъ и устроилъ его какъ слѣдовало, назначилъ главныхъ и частныхъ военачальниковъ (см. ниже) и въ тотъ же день двинулся вверхъ по лѣвой сторонѣ Ови. Между тѣмъ, тутъ же въ Коломнѣ онъ узналъ, что Мамай уже три недѣли стоялъ за Дономъ, ожидая присоединенія къ нему Ягайла (какъ сказано — 1 сентября). Вѣсть о силѣ войска Димитрія вѣроятно заставила Мамай сначала попытаться устроить дѣло миромъ: онъ отправилъ къ Димитрію въ Коломну пословъ съ требованіемъ уплаты дани, какую великіе князья платили при Узбекѣ и Джанибекѣ. Но Димитрій отвергнулъ это требованіе, соглашаясь платить только ту дань, которая была условлена между нимъ и Мамаемъ въ послѣднее свиданіе ихъ въ Ордѣ.

Движеніе Димитрія отъ Коломны не прямо на югъ, а на юго-западъ, безъ сомнѣнія имѣло цѣлю соединеніе съ дружинами князя Владиміра Андреевича, собиравшимися въ Серпуховѣ. Перейдя черезъ границу московскаго княжества съ рязанскимъ, Димитрій 28 августа къ вечеру остановился при устьѣ р. Лонаси въ р. Оку, между Каширою и Серпуховымъ. Здѣсь къ нему присоединился князь Владиміръ Андреевичъ съ своими войсками, а также и большой воевода московскій Вельямиповъ, съ остальными московскими полками. По присоединеніи ихъ, Димитрій 29 августа переправился со всемъ войскомъ за Оку и двинулся къ Дону (вѣроятно сначала къ истоку его изъ Иванъ-озера, а потомъ внизъ по лѣвой сторонѣ). Въ 7 или 8 переходовъ и дней прибылъ онъ 5 сентября къ

устью р. Непрядвы въ Донъ *). Здѣсь онъ получилъ письменное посланіе отъ игумена Сергія, который снова благословлялъ его смѣло идти на бой съ татарами, обѣщая ему помощь Бога и Пресвятой Богородицы. Ободренный этимъ, Димитрій совѣщался съ князьями, остаться-ли на лѣвомъ берегу Дона или переправиться на правый? По нѣкоторымъ (невѣроятнымъ при тогдашнемъ общемъ одушевленіи) свѣдѣніямъ, иные, вѣроятно слишкомъ осторожные, совѣтовали, будто бы, не ходить за Донъ, потому что тамъ былъ не одинъ Мамай, но и Олегъ и Ягайло (что было невѣрно, см. ниже). Литовскіе же князья Андрей и Димитрій первые подали мнѣніе перейти черезъ Донъ, дабы никто и не помышлялъ объ отступленіи, подтвердивъ это мнѣніе тѣмъ, что если побѣдятъ русскіе, то останутся живы, а если побѣдятъ татары, то русскіе во всякомъ случаѣ примутъ общую смерть, и что Ярославъ и Александръ Невскій одержали побѣды, перейдя черезъ рѣки. Такъ повѣствуютъ лѣтописцы; но можно предположить, что кромѣ того цѣлю перехода черезъ Донъ было не допустить соединенія Ягайла съ Мамаемъ—цѣль еще болѣе важная. Димитрій согласился съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ и велѣлъ строить мосты черезъ Донъ и искать въ немъ броды. Это, вѣроятно, заняло сутки и даже болѣе, потому что войско переправилось на правый берегъ Дона только въ ночь съ субботы 7 на воскресенье 8 сентября. Между тѣмъ передовыя войска безирестанно доносили, что Мамай уже приближался все болѣе и болѣе, и наконецъ даже показались преслѣдовавшіе ихъ передовыя татары.

*) Числа посѣщенія Димитріемъ Троицкаго монастыря и игумена Сергія, возвращенія его въ Москву, выступленія изъ нея, прибытія въ Коломну, выступленія изъ нея и прибытія къ Дону означены у нашихъ историковъ и въ Древнемъ сказаніи о побѣдѣ Димитрія надъ Мамаемъ (пзд. Снегиревымъ въ 1829 г.) различно и, по расчету времени и разстояній, отчасти не совсѣмъ кажется вѣроятно. Принимая во вниманіе, что, по Древнему сказанію, 18 августа въ воскресенье Димитрій былъ въ Троицкомъ монастырѣ, а 22 августа въ четвергъ выступилъ изъ Москвы, 26 августа въ понедѣльникъ ввечеру онъ могъ уже быть въ Коломнѣ, 27 августа во вторникъ произвестъ смотръ войску, устроить его къ походу и выступить къ Лопаснѣ (въ это время Ягайло прибылъ въ Одоевъ и остановился въ немъ, Олегъ же былъ еще въ своей области), 28 августа въ среду ввечеру быть у устья Лопасни, 29 августа въ четвергъ переправиться за Оку и двинуться къ Дону, 5 сентября въ четвергъ къ вечеру прибыть къ устью Непрядвы въ Донъ, 6 сентября въ пятницу строить мосты и искать броды, и наконецъ вечеромъ и въ ночь съ субботы 7 сентября на воскресенье 8 сентября перейти черезъ Донъ.

Куликовская битва

(8 сентября 1380 года).

Утро этого знаменательнаго дня началось густымъ туманомъ, разсѣявшимся только къ полудню. Не смотря на то, войско русское съ ранняго утра стало строиться къ бою на правой сторонѣ Дона, на обширномъ Куликовомъ полѣ. Это построение его Дмитрій поручилъ (вѣроятно потому, что онъ былъ особенно опытенъ и искусенъ въ этомъ) знаменитому воеводѣ Дмитрію Михайловичу Боброву или Боброву, родомъ изъ Волыни и потому извѣстному подъ названіемъ Волынскаго.

Мѣстность, на которой войско построилось, и боевой порядокъ его на немъ были слѣдующіе:

Рѣка Донъ, отъ истока своего изъ Иванъ-озера до впаденія въ нее съ правой стороны р. Непрядвы, течетъ въ юговосточномъ направленіи. По впаденіи же Непрядвы (гдѣ въ углу на правомъ берегу ея и Дона нынѣ находится село Рождественское или Монастырщина) Донъ поворачиваетъ прямо на востокъ верстъ на 5 и потомъ снова течетъ на юговостокъ (мимо нынѣшняго селенія Куликова). Непрядва же течетъ сначала къ востоку, потомъ къ сѣверу и наконецъ къ сѣверовостоку до впаденія въ Донъ. Вслѣдствіе того, мѣстность между Дономъ и Непрядвою постепенно расширяется отъ сѣвера къ югу (отъ 7 верстъ на сѣверѣ между с. Рождественскимъ и с. Куликовымъ, до 17 верстъ на югѣ между с. Куликовкой на Непрядвѣ, мимо нынѣшняго памятника по срединѣ, и с. Орловкой на правомъ берегу Дона). Мѣстность на этомъ пространствѣ перерѣзана рѣчками: Смолкой и Курцой, текущими въ оврагахъ съ запада и югозапада въ Донъ, затѣмъ двумя рѣчками, текущими также въ оврагахъ съ юговостока въ Непрядву, и наконецъ двумя оврагами, направляющимися съ юговостока въ долину нижней Непрядвы. Мѣстность между этими рѣчками и оврагами, отъ Непрядвы до Дона, образуетъ слегка волнистую возвышенность, въ центрѣ которой, близъ с. Куликовки (Телятинки), находится отдѣльная высота или холмъ, на которомъ сооруженъ памятникъ Куликовской побѣды, а въ 5 верстахъ къ югозападу отъ него находится еще одно с. Куликова (Шаховская), 4-е того же имени на этомъ пространствѣ. Вся эта мѣстность нынѣ почти безлѣсная, открытая; только къ сѣверу и западу отъ р. Смолки находятся двѣ рощи, одна подъ названіемъ Зеленой Дубровы, а другая между двумя оврагами на нижней Непрядвѣ. Та-

кою представляется эта мѣстность нынѣ; какою она была во время Куликовской битвы—неизвѣстно, потому что лѣтописцы описанія ея не дѣлаютъ. Но съ вѣроятностью предположить можно, что въ 1380 г. мѣстность эта, открытая въ серединѣ, на такъ называемомъ Куликовомъ полѣ, была лѣсистѣе вдоль Дона, Непрядвы, четырехъ рѣчекъ и двухъ овраговъ и особенно тамъ, гдѣ нынѣ находятся означенныя двѣ рощи.

Гдѣ и какъ именно на этой мѣстности построилось русское войско въ боевой порядокъ — также опредѣлить нельзя, потому что и объ этомъ также лѣтописцы умалчиваютъ. Но, принимая въ соображеніе, что, по свидѣтельству лѣтописцевъ, битва на Куликовомъ полѣ происходила на протяженіи дѣлныхъ 10 верстъ и что въ засадѣ въ лѣсу стоялъ засадный полкъ князя Владиміра Андреевича и Дмитрія Волынскаго, а они, сколько извѣстно, стояли за правымъ крыломъ войска, можно предположить, что линія боеваго порядка вѣроятно простиралась, сначала — впереди Дона, между нимъ и Непрядвой, а позже, къ полудню — на менѣе пересѣченной мѣстности, между нын. с.с. Красное, Доброе и Буйцы на Непрядвѣ, мимо Хворостянки (Дубики), Куликовки и Хуторовъ (Сабурова), до Бол. и Мал. Курцовъ на Дону, центромъ нѣсколько къ сѣверу отъ памятника. Южнѣе же мѣстность болѣе сужена и пересѣчена сближающимися вершинами рѣчекъ и овраговъ, почему позже оказалась слишкомъ тѣсною для огромнаго войска Мамаѣ. По составу же тогдашняго русскаго войска преимущественно изъ конницы, для дѣйствій ея необходима была мѣстность болѣе открытая и ровная.

Боевой порядокъ войска на этой мѣстности былъ слѣдующій: въ серединѣ, въ большомъ полку — войска литовскихъ князей Андрея и Дмитрія Ольгердовичей, князя Феодора Романовича бѣлозерскаго и боярина Николая Васильевича, а въ серединѣ большаго полка—великокняжескіе: большой стягъ и московскій дворъ, съ боярами: Іоанномъ Родіоновичемъ Квашней, Михаиломъ Бренкомъ и княземъ Іоанномъ Васильевичемъ смоленскимъ; — на правомъ крылѣ — князя Андрей Феодоровичъ ростовскій и Андрей Феодоровичъ стародубскій и бояринъ Феодоръ Грунка; на лѣвомъ крылѣ — князя: Василій Васильевичъ ярославскій и Феодоръ Михайловичъ моложскій и бояринъ Левъ Морозовъ; въ сторожевомъ (передовомъ) полку — бояринъ Михаилъ Ивановичъ, внукъ Акипоовъ, — князь Симеонъ Константиновичъ оболенскій, братъ его, князь Іоаннъ тарусскій и воевода Андрей Серкизовъ, — и наконецъ въ засадномъ полку, въ засадѣ, въ рощѣ, за правымъ флангомъ, князя: Владиміръ Андреевичъ — двоюродный братъ Дмитрія, Дмитрій Михайловичъ

Боброкъ Волынскій, Романъ Михайловичъ брянскій, Василій Михайловичъ кашинскій и сынъ князя Романа новосильскаго (всего 23 князя, боярина и воеводы).

Пока войско строилось, Дмитрій съ князьями Владиміромъ Андреевичемъ и литовскими сталъ на высокой холмъ впереди (можетъ быть тотъ самый, на которомъ сооруженъ нынѣшній памятникъ) и долго съ умиленіемъ смотрѣлъ на многочисленныя русскіе полки, блиставшіе на яркомъ солнцѣ (туманъ уже разсѣялся) доспѣхами и оружіемъ, подъ развѣвавшимися по вѣтру стягами, между которыми болѣе всѣхъ отличался великій, съ изображеніемъ Нерукотвореннаго лика Спасителя на черной атласной ткани. Сойдя съ коня, онъ преклонилъ передъ этимъ образомъ колѣна и горячо молился о спасеніи Руси. Затѣмъ онъ объѣхалъ всѣ полки и ободрялъ воиновъ, напоминая, что падшихъ въ бою съ врагами христіанства ожидали вѣнцы мучениковъ и вѣчная слава. Войска отвѣчали, что всѣ готовы были положить свои головы за него и за отечество, прося только сотворить церковное поминовеніе по нимъ. Бояре совѣтовали и просили Дмитрія не подвергать свою жизнь опасности и стать въ большомъ полку, но Дмитрій не согласился на то и объявилъ, что станетъ въ передовомъ полку, дабы служить примѣромъ и ободреніемъ для другихъ: Но, дабы сразу же не навлечь на себя вниманія и ударовъ татаръ, онъ облекъ въ свои доспѣхи любимца своего, Мпхаила Бренка, и поставилъ его подъ великимъ стягомъ, самъ же облекся въ доспѣхи простаго ратника и сталъ въ передовомъ полку.

Затѣмъ въ полдень все войско двинулось впередъ и увидало передъ собою на обширномъ протяженіи несмѣтныхъ полчища Мамаѣ. Съ громкимъ вликомъ: «Богъ намъ прибѣжище и сила!» Дмитрій первый ринулся съ сторожевымъ полкомъ на татаръ, а за нимъ и вся линія русскаго войска.

Три часа сряду длилась жестокая сѣча на пространствѣ дѣлныхъ 10 верстѣ; уже наступилъ 9-й по тогдашнему расчету, 3-й по нынѣшнему часъ дня, но побѣда не склонялась еще ни на ту, ни на другую сторону. Однако татары уже начинали брать верхъ значительнымъ превосходствомъ числа своихъ силъ. Нѣкоторые молодые и неопытныя русскіе ратники, думая, что уже все погибло, не выдержали и обратили тыль, и татары, гоня ихъ, успѣли пробиться до самаго великокипяческаго стяга. Но, московскіе дворяне, охранявшіе его, напрягли всѣ свои силы, отстояли его и отразили татаръ.

Между тѣмъ Владиміръ Андреевичъ въ засадѣ горѣлъ нетерпѣніемъ вступить въ бой: «къ чему стоимъ здѣсь праздно?» — говорилъ онъ Дмитрію Волынскому — «кому помогать будемъ, когда

враги истребить все наше войско?» — Но благоразумный и опытный Волынский, зорко слѣдившій за ходомъ битвы, сдерживалъ пылкаго Владиміра Андреевича: видя, что вѣтеръ дулъ прямо въ лицо русскому войску, онъ запретилъ засадному полку выступать изъ роши, сказавъ, что «нѣтъ еще на то воли Божіей». Но вдругъ вѣтеръ перемѣнился и подулъ въ лицо татарамъ.... «Теперь настало время! съ Богомъ впередъ!» — громко вскричалъ Волынскій — и какъ молнія ринулся засадный полкъ изъ засады въ рошѣ на татаръ. Стремительный и совершенно неожиданный ударъ этихъ свѣжихъ войскъ на утомленныхъ продолжительнымъ боемъ татаръ навелъ на нихъ ужасъ и сразу сломилъ ихъ и рѣшилъ побѣду въ пользу русскаго войска. Все татарское полчище обратило тылъ и бѣжало. Мамай въ самомъ началѣ битвы взѣхалъ на высокой холмъ, съ знатнѣйшими своими мурзами, и долго оттуда слѣдилъ за битвой, но увидѣвъ ударъ засаднаго русскаго полка и бѣгство своего войска, бѣжалъ первый. Преслѣдуемые по пятамъ русскими войсками до самой р. Красной Мечи (праваго притока р. Дона, верстахъ въ 30 — 40 отъ Куликова поля), татары гибли подъ ихъ ударами и во множествѣ потонули въ этой рѣкѣ. Далѣе преслѣдовать ихъ не позволили наступившая темнота и чрезвычайное утомленіе русскихъ войскъ.

Пораженіе татаръ и побѣда русскихъ были полныя и совершенныя, но искуплены для послѣднихъ дорогою цѣной — огромнымъ уровнемъ убитыхъ и раненыхъ. Существовало преданіе, будто изъ 400 т. чел. осталось въ живыхъ только 40 т., т. е. $\frac{1}{10}$ часть, будто съ обѣихъ сторонъ до 200 т. легло на мѣстѣ и т. п. Но этимъ преданіямъ вѣрить нельзя; несомнѣнно только то, что уронъ русскаго войска былъ громадный и не даромъ Куликовская битва сохранилась въ народной памяти подъ названіемъ Мамаева побоища (или бойни): побѣда въ ней близко граничила съ тяжкимъ пораженіемъ. Въ числѣ убитыхъ было множество князей, бояръ и воеводъ, именно: князья бѣлозерскіе Феодоръ и сынъ его Іоаннъ, князья таврусскіе Феодоръ и братъ его Мстиславъ; бояре: Симеонъ Михайловичъ, Николай и Тимофей Васильевичи Вельямиповы, сыновья тысяцкаго, — Михаилъ Акпеевъ, Левъ Морозовъ, Андрей Серкизовъ, Димитрій Мининъ, любимецъ великаго князя Михаилъ Бренковъ и мн. др., и сверхъ того много — витязь Александръ Пересвѣтъ, павшій въ единоборствѣ съ татарскимъ батыремъ-великаномъ Темиръ-Мурзой.

Прекратилось преслѣдованіе, день склонился къ вечеру, побѣдители стали подлинно на костяхъ, и въ первомъ порывѣ сердца провозгласили князя Владиміра Андреевича Храбрымъ. Но самаго великаго князя не было видно: все видѣли его въ битвѣ, сра-

жавшимся, какъ простой ратникъ, иные—какъ онъ крѣпко отбивался отъ четырехъ татаръ разомъ, другіе—какъ онъ былъ сбитъ съ коня, еще другіе—какъ онъ, уже пѣшій и избитый, удалялся съ мѣста битвы... Въ страшномъ безпокойствѣ, долго князь Владиміръ Андреевичъ и многіе другіе искали его между убитыми и ранеными, и наконецъ нашли въ рощѣ, на правой сторонѣ поля битвы, лежавшимъ подъ срубленнымъ деревомъ, безъ чувствъ, въ совершенно избитыхъ доспѣхахъ, но, къ счастью, не раненымъ смертельно. Съ радостью привѣтствовали его всѣ, когда онъ очнулся, съ великою побѣдой. Не смотря на истощеніе силъ своихъ, онъ сѣлъ на коня, объѣхалъ мѣсто побоища, благодарилъ живыхъ, оплакалъ убитыхъ, велѣлъ честно похоронить ихъ (и позже—вѣчно поминать ихъ въ субботу Димитріевскую, передъ днемъ своего ангела—26 октября), разослалъ повсюду гонцовъ съ радостною вѣстью о побѣдѣ и на 8-й день послѣ битвы прибылъ въ Коломну, а 26-го сентября въ Москву, гдѣ былъ встрѣченъ какъ спаситель русской земли. Войска же разошлись по домамъ, бывъ не въ состояніи, какъ слѣдовало бы, преслѣдовать разбитыхъ татаръ до самыхъ улусовъ ихъ въ Ордѣ и тамъ довершить дѣло освобожденія восточной Руси. Необычайное ослабленіе силъ ея, вслѣдствіе огромнаго урона въ битвѣ, и опасеніе умереть съ голода въ степяхъ и понести пораженіе отъ вновь собравшихся татаръ, не позволили помышлять о томъ.

Ягайло, во время битвы, находился уже не болѣе, какъ въ 30 или 40 верстахъ къ западу отъ Куликова поля. Но, узнавъ о пораженіи и бѣгствѣ Мамаея, онъ повернулъ назадъ и поспѣшно ушелъ въ Литву. Олегъ рязанскій бѣжалъ вмѣстѣ съ нимъ въ Литву, но вскорѣ воротился, притворно раскаялся—и Димитрій великодушно простилъ его, оставилъ за нимъ его область и даже заключилъ съ нимъ наступательный и оборонительный союзъ.

Такова была эта великая Куликовская битва, подобной которой, по словамъ лѣтописцевъ, никогда еще до того не бывало на Руси. Да и въ западной Европѣ, въ древнія времена и въ среднихъ вѣкахъ, подобныхъ было немного, какъ, напримѣръ, великія битвы: на Каталаунскихъ поляхъ, гдѣ былъ разбитъ грозный Аттила, и при Турѣ во Франціи, гдѣ Карлъ Мартелль разбилъ мавровъ. Подобно тому, какъ эти двѣ побѣды въ то время спасли западную Европу отъ грозныхъ завоевателей Азіи, такъ и Куликовская побѣда спасла восточную Русь отъ нашествія Мамаея. И хотя она была куплена дорогою цѣною и въ послѣдствіи не принесла тѣхъ плодовъ, которыхъ отъ нея ожидали современники, однако несомнѣнно имѣла благотворное вліяніе на послѣдующія судьбы восточной Руси. Она разрушила въ ней мнѣніе о непобѣдимости татаръ, еще силь-

нѣе возбудила желаніе освобожденія отъ нихъ и восстановленія независимости, и озаривъ Димитрія, прозваннаго Донскимъ, достойною славой, необыкновенно возвысила въ понятіяхъ современниковъ родъ Александра Невскаго и Іоанна Калиты на великокняжескомъ престолѣ московскомъ.

Мамай, воротаясь съ остатками своихъ войскъ въ Орду, собралъ новыя полчища, чтобы снова идти противъ Димитрія. Но Тохтамышъ, потомокъ старшаго сына Джучи — Орду и сподвижникъ Тамерлана, назначившаго его ханомъ Золотой Орды, напалъ на Мамай на берегахъ р. Калки (той самой, на которой русскіе князья впервые встрѣтились съ монголами и были побѣждены ими въ 1224 г.), разбилъ его и воцарился въ Сараѣ и Кипчаѣ. Разбитый же имъ Мамай бѣжалъ въ Кафу, въ Тавридѣ, гдѣ генуэзцы убили его.

Воцарясь въ Сараѣ, Тохтамышъ отправилъ въ Москву пословъ съ объявленіемъ о томъ Димитрію и русскимъ князьямъ и съ требованіемъ, чтобы они явились къ нему съ покорностью и данью. Они приняли пословъ съ честью и отпустили ихъ съ дарами, но въ Сараѣ не поѣхали. Въ 1381 г. Тохтамышъ снова отправилъ къ Димитрію посла Ахкозю съ 700 чел. татаръ, но на нихъ напалъ такой страхъ послѣ Куликовской битвы, что они не осмѣлились ѣхать далѣе Нижняго Новгорода и воротились назадъ. Тогда Тохтамышъ, чтобы разогнать этотъ страхъ и отмстить за неповиновеніе, въ 1382 г. приказалъ ограбить русскихъ купцовъ въ Болгаріи и захватить ихъ суда, а самъ съ большимъ войскомъ переправился на правую сторону Волги и пошелъ къ Москвѣ съ большою скрытностью и быстротою, дабы русскіе не узнали о томъ и не встрѣтили его съ войскомъ въ открытомъ полѣ. Нижегородскій князь Димитрій, узнавъ о походѣ Тохтамыша, послалъ къ нему двухъ сыновей своихъ съ дарами, чтобы спасти свою область. Но онъ шелъ такъ быстро, что князья настигли его уже на границахъ рязанской области. Здѣсь Тохтамышъ встрѣтилъ Олегъ рязанскій, умолилъ его не проходить черезъ рязанскую область и, обведя кругомъ ея, указалъ ему броды черезъ Оку. Такимъ образомъ оба эти князя спасли свои области.

Димитрій Донской, узнавъ о нашествіи Тохтамыша, сначала хотѣлъ было идти на встрѣчу ему, но не могъ скоро собрать достаточнаго числа войскъ, потому что московская область крайне обдѣнѣла людьми послѣ Куликовской битвы. А потому онъ отправился сначала въ Переяславль, а потомъ въ Кострому, собирать тамъ войска. Тохтамышъ, взявъ Серпуховъ, двинулся къ Москвѣ. По приближеніи его, въ ней произошло сильное народное волненіе: одни хотѣли бѣжать, другіе не пускали ихъ, и дѣло дошло даже до явнаго мятежа, убійствъ и грабежа, при чемъ мятежники едва согла-

силъсь выпустить только митрополита Кипріяна и великую княгиню Евдокію съ дѣтьми. По счастью, въ Москву прибылъ литовскій князь Остей, по лѣтописцу—внукъ Ольгерда, посланный вѣроятно Димитріемъ. Онъ возстановилъ порядокъ, успокоилъ жителей, укрѣпилъ Кремль и заперся въ немъ, сжегши посады вокругъ. 23 августа явился нередовья войска Тохтамыша, объѣхали вокругъ Кремля, осмотрѣли его укрѣпленія и спросили, тутъ-ли былъ Димитрій. Имъ отвѣчали, что нѣтъ, и снова въ Кремлѣ начались беспорядки: одни молчились, другіе стали пить и со стѣнъ грозить татарамъ. 24 августа прибылъ самъ Тохтамышъ съ главными силами и открылъ осаду Кремля сильною стрѣльбою изъ луковъ, но не имѣя съ собою стѣнобитныхъ орудій, хотѣлъ взять Кремль приступомъ по лѣстницамъ. Осажденные, управляемые Остеемъ, оборонялись мужественно и упорно, лили на татаръ горячую воду, бросали большіе каменья, стрѣляли изъ самострѣловъ и даже изъ пищалей и тюфяковъ (ружей), которые впервые упоминаются здѣсь. Такъ продолжалось три дня, и Тохтамышъ, не видя успѣха и надежды взять Кремль сплю, прибѣгнувъ къ татарской хитрости: на 4-й день—27 августа—къ стѣнамъ Кремля подѣхали большіе князья Орды и съ ними два сына нижегородскаго князя и стали уговаривать осажденныхъ, чтобы они впустили Тохтамыша и не боялись его, потому что онъ пришелъ на Димитрія, а не на нихъ, и зла имъ не сдѣлаетъ, а дастъ имъ миръ, въ чемъ нижегородскіе князья дали клятву. Осажденные повѣрили имъ, отворили ворота и лучшіе люди вышли на встрѣчу съ Остеемъ, крестами и дарами. Но татары сначала отвели Остея въ свой станъ и тамъ убили его, а потомъ ворвались въ Кремль и разграбили его въ конецъ, а жителей частію перебили, частію взяли въ плѣнъ.

Послѣ того Тохтамышъ разослалъ отряды въ московское и владимірское княжества и жестоко разорилъ ихъ. Юрьевъ, Звенигородъ, Можайскъ, Боровскъ, Руза, Дмитровъ, Переславль были взяты и разграблены, равно какъ и всѣ села и деревни ихъ. Тверской князь Михаилъ прислалъ къ Тохтамышу вилочей съ большими дарами и тѣмъ такъ же, какъ князья нижегородскій и рязанскій, спастъ свою область, а вся мечь Тохтамыша разразилась на областяхъ великаго князя.

Между тѣмъ послѣдній собиралъ войска въ Костромѣ, а князь Владиміръ Андреевичъ уже собралъ много войскъ у Волока Ламскаго. Одинъ изъ татарскихъ отрядовъ, нечаянно наткнувшись на послѣднихъ, былъ разбитъ и татары въ страхѣ увѣдомили Тохтамыша о присутствіи большаго русскаго войска у Волока. Тогда ясно обнаружилось, какъ татары послѣ Куликовской битвы стали бояться

русскихъ: Тохтамышъ немедленно стянулъ все свои отряды и поспѣшно пошелъ назадъ, на пути взявъ и разграбивъ Коломну и разоривъ рязанскія земли. Это нашествіе его дорого стоило московскому и владимірскому княжествамъ: все было разорено и разграблено, а жители плѣнены или убиты (въ одномъ Кремлѣ было убито 24 т. чел.).

Князья: нижегородскій, рязанскій и тверской явили себя при этомъ съ весьма невыгодной стороны, спасая себя, но губя тѣмъ области Димитрія. Михаилъ тверской даже тайно поѣхалъ въ 1383 г. въ Орду, искать себѣ великаго княженія владимірскаго и новгородскаго. Узнавъ объ этомъ, Димитрій съ своей стороны послалъ въ Орду старшаго сына своего, Василия, съ богатыми дарами. Тохтамышъ умилостивился къ Димитрію и лѣтомъ того же года прислалъ къ нему посла съ «милостивыми словами», за которыя пришлось заплатить большими дарами, т. е. данью деньгами. Димитрій былъ принужденъ покориться горькой необходимости, будучи не въ силахъ вступить съ Тохтамышемъ въ открытую борьбу. Но алчность татаръ не удовлетворилась этимъ: Тохтамышъ задержалъ сына Димитрія, Василия, требуя за него 8 т. рублей выкупа — суммы въ то время огромной. Однако Василию въ концѣ 1385 г. успѣлъ спастись изъ Орды бѣгствомъ.

Такимъ образомъ Куликовская побѣда, при всѣхъ своихъ благотворныхъ послѣдствіяхъ, о которыхъ говорено выше, имѣла и очень невыгодныя и печальныя. Она такъ ослабила восточную Русь, особенно Москву, что Димитрій, не успѣвъ освободиться отъ подданства Орды, былъ вынужденъ снова признать себя данникомъ ея, лишь бы только отвратить новыя бѣдствія и конечное разореніе. Но тѣмъ ревностнѣе старался онъ исправить зло, нанесенное восточной Руси варварствомъ и ненасытною алчностью татаръ, и довершить великое дѣло, указанное Иоанномъ Калитой — сосредоточеніе раздробленной восточной Руси въ одно государство московское. Съ этою послѣднею цѣлюю онъ прежде всего обратилъ вниманіе на рязанское княжество, князь котораго Олегъ такъ недостойно поступилъ въ важное и трудное для общаго отечества время, ставъ на сторонѣ враговъ ея. Едва Тохтамышъ удалился изъ предѣловъ восточной Руси, какъ московскія войска уже вступили въ рязанскую область и разорили то, что не было разорено татарами. Олегъ отместилъ за то въ 1385 г., внезапно напавъ на Коломну, взявъ и разграбивъ ее. Димитрій послалъ противъ него князя Владиміра Андреевича съ войскомъ, но оно было разбито и понесло большой уронъ, въ томъ числѣ многихъ бояръ и воеводъ. Сокрушаясь объ этомъ внутреннемъ междуусобіи послѣ тяжелой внѣшней войны,

*

Димитрій хотѣлъ великодушно примириться съ Олегомъ. Но послѣдній такъ упорствовалъ въ своемъ ожесточеніи, что никто и ничѣмъ не могъ склонить его къ миру. Тогда Димитрій послалъ къ нему игумена Сергія, и этотъ святой мужъ успѣлъ умирить Олега, такъ что между нимъ и Димитріемъ былъ заключенъ вѣчный миръ, на основаніи договора, подобнаго заключенному прежде съ Михаиломъ тверскимъ, и даже былъ скрѣпленъ семейнымъ союзомъ — бракомъ сына Олега съ дочерью Димитрія.

Примирившись съ Олегомъ, Димитрій обратился противъ новгородцовъ, которые, стремясь къ полной независимости, грабили и разоряли московскіе города и земли, содержали тѣсную связь съ Литвою и самовольно отдавали свои волости въ управленіе литовскимъ удѣльнымъ князьямъ. Въ началѣ княженія Димитрія, они признали-было его своимъ княземъ и приняли его намѣстниковъ, но съ 1366 г. уже начались ссоры съ ними, за ихъ разбои и грабежи на Волгѣ. Ссоры эти то оканчивались миромъ, то возобновлялись и усложнялись еще обращеніемъ новгородцовъ на сторону то Димитрія, то Михаила тверскаго, во время борьбы ихъ между собою. Но наконецъ въ 1386 г. Димитрій, уже спокойный со стороны Орды и Рязани, положилъ покончить съ новгородцами. Собравъ войско съ 29 волостей, въ томъ числѣ бѣжецкой и новгородской, онъ двинулся съ нимъ къ Новгороду. Новгородцы выслали на встрѣчу ему пословъ съ просьбою о мирѣ, но онъ отпустилъ ихъ безъ мира и остановился въ 15 верстахъ отъ Новгорода. Новгородцы выслали къ нему архіепископа Новгорода Алексія съ просьбою о мирѣ и съ предложеніемъ 8 т. рублей за виновныхъ въ разбояхъ. Но Димитрій и его отпустилъ безъ мира, и тогда новгородцы приготовились къ оборонѣ: сожгли вокругъ города 24 монастыря и всякое строеніе за городскимъ ровомъ, построили острогъ и много сами себѣ нанесли вреда и убытка и потерпѣли ихъ отъ войскъ Димитрія, которыя грабили и разоряли окрестности. Наконецъ они отправили къ Димитрію третье посольство, которому и удалось склонить его къ миру, цѣною 3 т. рублей наличныхъ и 5 т. руб., которые новгородцы обѣщали взять съ заволоцкихъ жителей, также грабившихъ на Волгѣ. Сверхъ того, они признали Димитрія своимъ верховнымъ государемъ и обязались ежегодно платить ему такъ называемый черный сборъ или поголовную подать съ низшаго сословія народнаго.

Этимъ заключились военные подвиги Димитрія Донскаго: три года спустя, въ 1389 г. онъ умеръ, оказавъ восточной Руси ту важную заслугу, что, неуклонно слѣдуя мудрой политикѣ дѣда, дяди и отца своихъ, искусно, во-время, кстати и удачно употребилъ приго-

товленные ими средства и самъ еще болѣе приготовилъ восточную Русь къ дальнѣйшему государственному развитію и устроенію ея преемниками своими. Въ военномъ же отношеніи онъ стяжалъ себѣ вѣчную славу мужественною рѣшимостью вступить въ открытую борьбу съ Ордою, и великою побѣдою, одержанною надъ нею на поляхъ Куликовскихъ, на берегахъ Дона, и снискавшею ему прозваніе Донскаго.

II.

Войны при Василиѣ I и Василиѣ II (1389—1462).

§ 166.

Войны при Василиѣ I (1389—1425).

Сынъ и преемникъ Донскаго, Василиій I, хотя не имѣлъ его воинской доблести, смѣлости и великодушія, но былъ очень уменъ, остороженъ и дѣйствовалъ такъ дальновидно и хитро, что внутри еще болѣе сосредоточилъ и усилилъ восточную Русь, а извнѣ искусно и удачно спасалъ ее отъ алчности и хищности татаръ и отъ властолюбія тестя своего, великаго князя литовскаго и русскаго Витольда или Витовта (на дочерн котораго Софін онъ былъ женатъ).

Орда уже была менѣе прежняго опасна для восточной Руси, вслѣдствіе внутреннихъ смуть и переворотовъ въ ней, изъ которыхъ важнѣйшимъ былъ произведенный Тимуръ-бекомъ, или Тимуръ-ленгомъ, или Тамерланомъ, въ 1391 году. Завоевавъ передъ тѣмъ среднюю Азію и возстановивъ въ ней царство Чингизъ-хана, онъ воцарилъ, какъ сказано, сподвижника своего, Тохтамышя, въ Сарай и Кипчакѣ. Но Тохтамышъ, вмѣсто благодарности ему, возсталъ противъ него, желая быть независимымъ. Разбитый имъ въ 1391 г. на берегахъ р. Кондурчи (притока р. Сока, впадающей въ Волгу съ лѣвой стороны, выше нын. Самары), онъ въ 3 года времени (1392 — 1394) успѣлъ собрать новое, многочисленное войско, но въ 1395 году былъ вторично и окончательно разбитъ Тамерланомъ (какъ полагаютъ — близъ нын. Темиръ-ханъ-шуръ въ Дагестанѣ) и преслѣдованъ имъ до Волги. Сдѣлавъ нѣсколько перехо-

довъ вверхъ по правому берегу ея (вѣроятно до того мѣста, гдѣ она всего болѣе сближается съ Дономъ, между нын. Царицынымъ и Калачомъ), Тамерланъ направился къ Дону и дошелъ до Ельца, взявъ его, плѣнилъ его князя, разорилъ окрестности и остановился тутъ, чтобы дать отдыхъ лошадямъ и откормить ихъ (это было лѣтомъ).

Нашествіе его навело ужасъ на южныя пограничныя русскія области, но не было неожиданнымъ для Василия. Онъ успѣлъ собрать сильное войско и стать съ нимъ на берегахъ Оки у Коломпы, на границѣ московскаго княжества. Но Тамерланъ, проведя двѣ недѣли въ рязанской области и разоривъ обѣ стороны Дона, вдругъ повернулъ назадъ въ тотъ самый день—26 августа 1395 г.—когда жители Москвы встрѣтили Владимірскую икону Божіей Матери, нарочно принесенную изъ Владиміра. Тамерланъ пошелъ къ Азову и потомъ къ Астрахани, разграбилъ ихъ, зимою страшно разгромилъ Кипчакскую Орду, чѣмъ (къ счастью для восточной Руси) еще болѣе ослабилъ ее, и затѣмъ удалился въ среднюю Азію.

Послѣ этого разгрома, Золотая Орда долго не была опасна для восточной Руси. 12 лѣтъ послѣ того въ лѣтописяхъ упоминается только раза три о неважныхъ сшибкахъ татаръ съ рязанцами. Василій не ѣздилъ въ Орду и не платилъ дани, отговариваясь тѣмъ, что страна крайне обѣднѣла людьми. Между тѣмъ въ Ордѣ Тохтамышъ былъ изгнанъ однимъ изъ потомковъ Батыя, Тимурч-Кутлукомъ, а этотъ въ свою очередь другими соперниками, послѣ жестокихъ междоусобій. Наконецъ, въ 1408 г., когда всѣми дѣлами въ Ордѣ управлялъ, какъ вѣкогда Мамай, полководецъ Эдигей, послѣдній положилъ напомнить Василию о подданствѣ его Ордѣ. Но, не смѣя уже явно и прямо идти къ Москвѣ, онъ прибѣгнулъ къ хитрости — оружію слабого, отъ нея только ожидая успѣха и избѣжанія встрѣчи съ русскимъ войскомъ въ открытомъ полѣ. Онъ далъ знать Василию, будто идетъ на Витовта, а самъ быстро двинулся къ Москвѣ. Василій, дѣйствительно застигнутый врасплохъ, уѣхалъ съ женою и дѣтми въ Кострому, поручивъ защиту Москвы князю Владиміру Андреевичу и братьямъ своимъ Андрею и Петру. Въ Москвѣ снова произошли безпорядки, и посады были выжжены. Подступивъ къ Москвѣ и обложивъ ее вокругъ, Эдигей по обычаю разослалъ всюду отряды, которіе разграбили ближніе и дальніе города и села, причемъ множество жителей погибло отъ татаръ и отъ жестокаго холода (это было въ началѣ зимы). 34 т. татаръ были посланы въ погоню за Василиемъ, однако не успѣли настигнуть его. Не имѣя при себѣ ни стѣнобитныхъ, ни огнестрѣльныхъ орудій, Эдигей приказалъ тверскому князю прійти къ нему

съ войскомъ и пищалями, а самъ между тѣмъ, сберегая своихъ людей и помня неудачу Тохтамыша, тѣмъ болѣе, что москвичи уже стрѣляли со стѣнъ Кремля изъ большихъ пищалей, не дѣлалъ приступовъ, а положилъ принудить осажденныхъ къ сдачѣ голодомъ и такимъ образомъ простоялъ вокругъ Кремля цѣлый мѣсяць. А между тѣмъ тверскія войска не только не прибыли къ нему, но и вернулись изъ Кляна въ Тверь, изъ Орды же онъ получилъ приказаніе немедленно воротиться въ нее, потому что на хана напалъ одинъ изъ татарскихъ царевичей. Тогда Эдигей послалъ къ осажденнымъ съ мирными предложеніями, и когда они съ радостью дали ему 3 т. рублей, чтобы только избавиться отъ него, поспѣшно вышелъ изъ русскихъ предѣловъ, взявъ однако на пути и разграбивъ Рязань.

Но и послѣ того до 1412 г. Василій не ѣздилъ и никого не посылалъ въ Орду, а только въ 1412 г. поѣхалъ туда — въ послѣдній разъ, съ богатыми дарами и со всѣми своими боярами. Послѣ того встрѣчаются уже извѣстія только о частныхъ нападеніяхъ татаръ на пограничныя русскія области въ 1414, 1422 и 1424 г.г., при чемъ каждый разъ татары были отражаемы и не разъ поражаемы.

Но Литва была опаснѣе Орды и борьба съ нею труднѣе. Примирясь съ Ягайломъ и ставъ великимъ княземъ литовскимъ и русскимъ, Витовтъ началъ честолюбиво стремиться къ освобожденію Литвы и западной Руси отъ вліянія Польши, а восточной Руси отъ подданства татарамъ, и соединивъ обѣ подъ своею властію, образовать изъ нихъ одно, самостоятельное и грозное для сосѣдей государство. Обладая большею частию древней Руси по обѣимъ сторонамъ Двины и Днѣпра (кромя галицкой Руси, принадлежавшей Польшѣ), онъ хотѣлъ присвоить себѣ и области, принадлежавшія Василію, не смотря на то, что послѣдній былъ женатъ на его дочери Софій. Для болѣе вѣрнаго успѣха въ томъ, онъ вознамѣрился прежде сокрушить Золотую Орду и предложилъ Василію исполнить это общими, соединенными силами ихъ. Но прозорливый и осторожный Василій, поощряя Витовта къ войнѣ съ татарами, самъ уклонился отъ нея, зная, что Витовтъ, сокрушивъ Орду, потомъ не пощадитъ и Москвы. Вслѣдствіе того, Витовтъ рѣшился одинъ воспользоваться представившимся ему случаемъ вмѣшаться во внутреннія дѣла Орды. Тохтамышъ, изгнанный Темиръ-Кутлукомъ (см. выше), отдался въ покровительство Витовту, который и обѣщалъ возвратить ему Кипчакъ, съ тѣмъ чтобы онъ, Тохтамышъ, помогъ ему потомъ овладѣть Москвою. Въ 1399 году Витовтъ собралъ многочисленное войско, въ которомъ было до 50 князей, Тох-

тамьшъ и, сверхъ литовскихъ, русскихъ и татарскихъ войскъ, польскія, волошскія и даже нѣмецкія, погому что великій магистръ ордена меченосцовъ Конрадъ фонъ-Юнтингенъ прислалъ ему отрядъ рыцарей. Съ этимъ войскомъ Витовтъ двинулся противъ Темиръ-Кутлука, а послѣдній на встрѣчу ему, и они сошлись на берегахъ р. Ворсклы (въ нынѣшней Полтавской губерніи). Оба вступили въ переговоры, причемъ Витовтъ требовалъ, чтобы Темиръ-Кутлукъ покорился и платилъ ему дань, а иначе будетъ принужденъ къ тому силой. Ханъ уже соглашался, когда прибывшій къ нему Эдигей съ своей стороны потребовалъ, напротивъ, чтобы Витовтъ покорился и платилъ дань ему. Раздраженный этимъ Витовтъ напалъ на войска Эдигея, при чемъ съ обѣихъ сторонъ стрѣляли пзъ самострѣловъ и пищалей (пушекъ), но послѣднія плохо дѣйствовали въ открытомъ полѣ. Не смотря на то, войска Витовта уже начали брать верхъ, но войска Темиръ-Кутлука обошли ихъ и напали на нихъ съ фланга и тыла. Тохтамышъ первый обратился въ бѣгство и въ этомъ бѣгствѣ ограбилъ много земель и плѣнилъ много людей литовскихъ. За Тохтамышемъ бѣжали и войска Витовта, который самъ едва спасся съ небольшою дружиной. Эдигей и Темиръ-Кутлукъ взяли весь обозъ его и гнались за нимъ до самаго Кіева, а отсюда Темиръ-Кутлукъ разослалъ свои отряды по литовской землѣ, которую они ограбили и разорили до самаго Луцка. Кіевъ откупился 3-мя тысячами рублей, и затѣмъ Темиръ-Кутлукъ ушелъ въ свои степи съ богатою добычей.

Побѣда при Ворсклѣ, усмиривъ и ослабивъ Витовта, отвратила большую опасность съ его стороны отъ Василія. Послѣдній, дотолѣ осторожно избѣгавшій раздоровъ съ могущественнымъ Витовтомъ, послѣ пораженія его сталъ дѣйствовать смѣлѣе и рѣшительнѣе, положивъ не уступать Литвѣ ничего, что не было присвоено ею уже прежде.

Въ 1401 году Олегъ рязанскій совершилъ походъ къ Смоленску, отнятому Витовтомъ, а въ августѣ ввелъ въ него зятя своего, бывшаго смоленскаго князя Георгія или Юрія Святославича, и разграбилъ и разорилъ ближайшія литовскія земли. Осенью Витовтъ подступилъ къ Смоленску, однако, простоявъ передъ нимъ 4 недѣли напрасно, заключилъ перемиріе и отступилъ. Въ 1402 году сынъ Олега Родославъ пошелъ на Брянскъ-литовскій, но былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ двумя литовскими князьями Симеономъ и Александромъ. Въ 1403 г. Симеонъ взялъ Вязьму, а въ 1404 г. самъ Витовтъ осадилъ Смоленскъ, но послѣ 3-хъ мѣсячной осады не могъ взять его и, разоривъ окрестности, отступилъ. Такъ какъ въ 1402 г. Олегъ рязанскій умеръ и Юрію смоленско-

му уже нельзя было ждать помощи изъ Рязани, то онъ и обратился за нею къ Василию. Но послѣдній медлилъ, а между тѣмъ сторонники Витовта въ Смоленскѣ призвали его и сдали ему городъ, въ который онъ и поставилъ снова своихъ намѣстниковъ, давъ жителямъ большія льготы. Тогда Юрій уѣхалъ въ Новгородъ, жители котораго приняли его, дали ему 13 городовъ и заключили съ нимъ союзъ, вѣроятно имѣя въ виду Витовта. Послѣдній, дѣйствительно, въ 1405 г. объявилъ Новгороду войну и внезапно вступилъ съ войскомъ въ псковскую область, взялъ городъ Коложе, простоялъ два дня подъ другимъ городомъ Вороначемъ и въ обоихъ убилъ, ограбилъ и плѣнилъ многихъ жителей. Псковичи, захваченные врасплохъ, просили помощи Новгорода, который и прислалъ имъ трехъ воеводъ съ войсками, но Витовтъ уже вышелъ изъ псковскихъ предѣловъ. Псковичи звали новгородцовъ идти въ Литву отомстить Витовту, но новгородцы не согласились на то и псковичи пошли одни, воевали около Ржева и Великихъ Лукъ и воротились съ добычей, а въ 1406 году даже подняли всю свою область и ходили къ Полоцку.

Но ни они, ни новгородцы не надѣялись одними своими силами отстоять себя отъ Витовта и просили помощи Василия. Послѣдній, нерѣшительно дѣйствовавшій въ отношеніи къ Смоленску, не хотѣлъ уступить Витовту Пскова и Новгорода, прервалъ миръ съ нимъ и въ 1406 г. послалъ въ литовскія земли войска, которыя безуспѣшно приступали къ Вязьмѣ, Сергіѣйску и Козельску. За это Витовтъ велѣлъ избить всѣхъ московскихъ людей, находившихся въ его владѣніяхъ. Но множество недовольныхъ Витовтомъ литовцовъ и русскихъ изъ Литвы бѣжало въ Москву, въ службу Василия; съ обѣихъ сторонъ были собраны большія рати, и осенью 1406 г. Василій выступилъ въ походъ, и на р. Плавѣ, близъ Крапивны, къ нему присоединились тверскіе полки и татарскія войска отъ хана Шадибека. Витовтъ также выступилъ въ походъ противъ Василия, съ жмудскими, польскими и др. войсками, но до боя дѣло не дошло, оба князя вступили въ переговоры, заключили перемиріе до слѣдующаго года и разошлись.

Въ 1407 г. литовцы первые открыли военныя дѣйствія взятіемъ Одоева. Василій снова пошелъ съ большимъ войскомъ противъ Витовта, взялъ и сжегъ литовскій городъ Дмитровецъ (нын. деревня на р. Протвѣ въ Калужской губерніи), но снова оба князя заключили перемиріе и разошлись.

Въ 1408 г. въ іюлѣ изъ Литвы въ Москву вышелъ родной братъ Ягайла, сѣверскій князь Свидригайло съ епископомъ черниговскимъ, 6-ю князьями юго-западной Руси и множествомъ бояръ чер-

ниговскихъ и сѣверскихъ. Василій принялъ ихъ съ радостью и въ сентябрѣ уже стоялъ на литовской границѣ, на берегу р. Угры, съ русскими и татарскими войсками. На другомъ берегу той же рѣки стоялъ Витовтъ съ войсками жмудскими, литовскими, польскими и нѣмецкими. Но и тутъ снова не дошло до боя: долго простоявъ одинъ противъ другаго, князья заключили миръ и разошлись.

Послѣ того Витовтъ до самой смерти Василя уже не обнаруживалъ болѣе враждебныхъ замысловъ ни противъ Москвы, ни противъ Новгорода и Пскова. Во время войны между нимъ и Василюемъ, новгородцы не хотѣли быть ни за того, ни за другаго, а послѣ не соглашались на убѣжденія Ягайлы и Витовта вмѣстѣ съ ними воевать противъ литовскихъ рыцарей. Споры между ними окончились однако безъ войны, миромъ Новгорода съ Литвой въ 1414 г. Псковъ же заключилъ его еще въ 1409 г., на условіяхъ мира Василя съ Витовтомъ на р. Угрѣ.

§ 167.

Войны при Василю II (1425—1462).

По смерти Василя I Димитріевича (27 февраля 1425 г.) и по распоряженію его, 10-ти-лѣтній сынъ его Василій II Василюевичъ сталъ великимъ княземъ московскимъ и всея Руси, но встрѣтилъ соперника въ дядѣ своемъ, князѣ Юріи Димитріевичѣ галицкомъ, имѣвшемъ право на престолъ по завѣщанію Димитрія Донскаго. Хотя искусство и дары московскихъ бояръ склонили въ Ордѣ хана Улу-Махмета въ пользу Василя, но Юрій не хотѣлъ уступить ему—и слѣдствіемъ того было жестокое и кровопролитное междуусобіе, продолжавшееся почти все время княженія Василя.

По малолѣтству послѣдняго, тотчасъ по смерти отца его московскій митрополитъ Фотій пригласилъ Юрія прибыть въ Москву. Но Юрій, опасаясь этого, удалился въ Галичъ, угрожалъ Василю, требовалъ перемирія мѣсяца на 4 и получилъ его. Оно съ обѣихъ сторонъ было употреблено на сборъ войскъ. Московскіе бояре собрали ихъ скорѣе и съ большимъ числомъ ихъ пошли къ Костромѣ. Юрій удалился изъ Галича въ Нижній Новгородъ, а оттуда, когда противъ него былъ посланъ братъ его Константинъ—за р. Суру. Оба брата простояли нѣсколько дней одинъ противъ другаго на обѣихъ берегахъ Суры—и Константинъ воротился въ Москву, будто бы потому, что не могъ перейти черезъ эту рѣку, но, какъ кажется, скорѣе потому, что склонялся болѣе на сторону брата, нежели пле-

мянника. Юрій воротился въ Галичъ и снова просилъ перемирія—уже на годъ. Но въ Москвѣ поняли, что если ему было выгодно тянуть и выгадывать время, то для Василия, напротивъ, необходимо было скорѣе рѣшить дѣло, и, по общему совѣту, послали самаго митрополита Фотія въ Галичъ уговорить Юрія на вѣчный миръ. Юрій не соглашался, а требовалъ перемирія, но наконецъ послалъ въ Москву двухъ бояръ, которые заключили миръ на томъ условіи, чтобы споръ между дядей и племянникомъ рѣшился—ханъ Улу-Махметъ. Но не то уже было время, чтобы князья уважали ханскія рѣшенія, и ни Юрій, ни Василий не поѣхали къ хану. Наконецъ Юрій, отчаявшись въ успѣхѣ, въ 1428 году заключилъ съ Василиемъ договоръ, которымъ обязался не искать великаго княженія при жизни его, Василия. Причиной этого было то, что мать Василия въ 1427 г. поручила его и московское великое княжество отцу своему Витовту. Но въ 1430 г. Витовтъ умеръ и на мѣсто его въ Литвѣ вокняжился Свидригайло, своякъ и благопріятель Юрія. Тогда послѣдній, пользуясь этимъ, въ 1431 г. возвратилъ Василию договоръ вмѣстѣ съ складною грамотой (апелляціей къ ханскому суду)—и оба князя поѣхали къ хану. Когда Юрій изъ Орды отправился въ Крымъ съ доброжелателемъ своимъ, могущественнымъ мурзою Тегинемъ, то одинъ изъ главныхъ московскихъ бояръ, бывшихъ съ Василиемъ, хитрый и ловкій Всеволожскій такъ успѣлъ подольститься къ мурзамъ хана и возбудить ихъ самолюбіе и зависть къ Тегинѣ, что, по вліянію ихъ, весною 1432 г. ханъ далъ Василию ярлыкъ или грамоту на великое княженіе, а Юрію былъ только уступленъ городъ умершаго брата его Петра—Дмитровъ. Такое рѣшеніе конечно не могло потушить распри, а напротивъ должно было разжечь ее. Юрій не могъ снести обиды, а въ Москвѣ не умѣли воспользоваться успѣхомъ для окончательнаго низложенія его. Опасаясь жить въ Дмитровѣ, Юрій удалился въ Галичъ, а Василий тотчасъ же выслалъ намѣстниковъ его изъ Дмитрова и присвоилъ этотъ городъ себѣ. Всеволожскій же, оскорбленный тѣмъ, что мать Василия Софія не согласилась на бракъ его съ дочерью этого боярина, а настояла, чтобы онъ женился на внучкѣ князи Владиміра Андреевича Маріи, отѣхалъ изъ Москвы сначала къ брату Юрія Константину, потомъ къ тверскому князю и наконецъ къ Юрію и сталъ возбуждать ихъ противъ Василия. Къ этому присоединилось еще оскорбленіе, нанесенное Софіею, на свадьбѣ Василия съ Маріею, сыну Юрія Василию Косому, который, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Димитріемъ Шемякой, немедленно выѣхалъ изъ Москвы—и это послужило поводомъ къ войнѣ (1433).

Въ Москвѣ были застигнуты ею совершенно врасплохъ, узнавъ, что Юрій уже находился въ Переяславлѣ съ сильнымъ войскомъ. Василий послалъ-было къ Юрію просить мира, но Юрій, бывший уже въ Троицкомъ монастырѣ, и особенно Всеволожскій, не хотѣли ни говорить, ни слышать о мирѣ. Тогда Василий, наскоро собравъ сколько и какихъ могъ войскъ, двинулся изъ Москвы противъ Юрія, но съ своимъ малочисленнымъ и неустроеннымъ войскомъ въ апрѣлѣ 1433 г. былъ на голову разбитъ на р. Клязьмѣ, въ 70 верстахъ отъ Москвы, сильнымъ и стройнымъ войскомъ Юрія и бѣжалъ въ Кострому, гдѣ былъ захваченъ въ плѣнъ, а Юрій въѣхалъ въ Москву и сталъ великимъ княземъ. Послѣ многихъ возней и сыновей Юрія, и Всеволожскаго противъ Василія, Юрій далъ ему въ удѣлъ Коломну. Но едва Василий въѣхалъ въ Коломну, какъ призвалъ къ себѣ отовсюду приверженныхъ къ нему князей, бояръ, воеводъ, дворянъ и проч., и они собрались къ нему въ Коломну, какъ собрались бы въ Москву. Тогда Юрій, покинутый всѣми, призвалъ Василія обратно въ Москву на великое княженіе, а самъ удалился въ Галичъ всего только съ 5-ю человѣками. Негодуя на сыновей своихъ Василія и Димитрія, убившихъ любимаго стараго боярина его, Морозова, онъ заключилъ съ великимъ княземъ Василиемъ договоръ, которымъ за себя и за младшаго, любимаго сына своего, Димитрія Краснаго (красиваго), отказался принимать къ себѣ Косаго и Шемяку, отказался также отъ Дмитрова, вмѣсто котораго взялъ Бѣжецкій Верхъ съ волостями, и призналъ племянника великимъ княземъ, выговоривъ себѣ только не ѣздить къ нему, не ходить съ нимъ на войну и не давать ему помощи противъ Литвы и Свидригайла въ ней.

Понадѣясь на это, Василий II послалъ воеводу своего, князя Юрія Патрикѣевича (Гедиминова рода) къ Костромѣ противъ Василія Косаго и Димитрія Шемяки. Но они съ галичскими и вятскими войсками разбили московское войско на р. Куси и взяли въ плѣнъ воеводу князя Юрія Патрикѣевича. Василий II, узнавъ, что войска дяди его Юрія были вмѣстѣ съ войсками сыновей его на р. Куси, въ 1434 г. пошелъ противъ Юрія къ Галичу, сжегъ этотъ городъ и заставилъ Юрія удалиться на Бѣлоозеро. Но когда Василий II воротился въ Москву, Юрій съ сыновьями своими и съ сильнымъ войскомъ двинулся противъ него и, встрѣтивъ его въ ростовской области, у св. Николы на горѣ, разбилъ его и другаго племянника своего, князя Іоанна можайскаго. Первый бѣжалъ въ Новгородъ, а второй съ матерью въ Тверь, но призванный Юріемъ въ Троицкій монастырь, вмѣстѣ съ нимъ подступилъ къ Москвѣ. Она сдалась черезъ недѣлю, при чемъ мать и жена Ва-

силія II были взяты въ плѣнъ и отосланы въ Звенигородъ. Самъ же Василій II, ниоткуда не видя помощи себѣ, изъ Новгорода тайно пробрался въ Нижній Новгородъ и, слыша о преслѣдованіи его Василиемъ Косымъ и Димитріемъ Шемякой, уже хотѣлъ бѣжать въ Орду, какъ вдругъ узналъ о скоропостижной смерти Юрія и возняженіи старшаго сына его, Василя Косаго, въ Москвѣ. Но братья послѣднѣяго, два Димитрія, Шемяка и Красный, не захотѣли, чтобы онъ княжилъ въ Москвѣ и призвали въ нее Василя II. Послѣдній воротился въ нее и отдалъ Шемякѣ Ржевъ и Угличъ, Димитрію Красному Бѣжецкій Верхъ, а за собою удержалъ Дмитровъ и Звенигородъ, и выговорилъ, чтобы Шемяка не распоряжался въ Вяткѣ, воинственное народонаселеніе которой всегда дѣятельно помогало Юрію. Косой бѣжалъ въ обыкновенное въ такихъ случаяхъ убѣжище—Новгородъ.

Такимъ образомъ въ восточной Руси возобновились прискорбныя и жалкія—хотя, по счастію, послѣднія—междуусобія князей за Москву и великое княжество московское, съ совершенно тѣмъ же характеромъ, что и во второй половинѣ удѣльнаго періода (1150—1250)—съ крайнимъ ожесточеніемъ, безпрестаннымъ ополченіемъ князей другъ противъ друга, взаимнымъ изгнаніемъ себя изъ Москвы и другихъ городовъ, отнятіемъ у другихъ и взятіемъ себѣ этихъ городовъ, пролитіемъ русской крови и безпощаднымъ, варварскимъ веденіемъ войны, не лучше злѣйшихъ враговъ Руси—татаръ. Почти цѣлыхъ 20 лѣтъ продолжалась эта братоубійственная война, постепенно все болѣе и болѣе ожесточавшаяся и причинившая много зла восточной Руси, котораго могла бы причинить и еще болѣе, еслибы сама Орда не была заражена и ослаблена въ это время тѣмъ же самымъ зломъ междуусобій. Такъ какъ въ военномъ отношеніи эта 20-ти-лѣтняя междуусобная война не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго и поучительнаго, и притомъ имѣла такой же характеръ, что и войны Димитрія Донскаго съ Михаиломъ тверскимъ и Олегомъ рязанскимъ, и Василя II съ Юріемъ галицкимъ, то и не представляется надобности излагать ее въ подробности, а достаточно изобразить въ общихъ, главныхъ чертахъ.

Въ 1435 г. Косой успѣлъ собрать въ Костромѣ войска и, встрѣтясь съ Василиемъ II въ ярославской области, на берегу р. Которости, былъ разбитъ и бѣжалъ въ Кашинъ. Снова собравъ здѣсь войска, онъ внезапно напалъ на Вологду, занятую московскимъ гарнизономъ, взялъ въ плѣнъ московскихъ воеводъ и дворянъ, послалъ за вятичами, которые тотчасъ же явились къ нему, и расположился за р. Костромою, лѣвымъ притокомъ Волги. Василій II, двинувшійся противъ него, сталъ у Ипатіевскаго монастыря, на мысѣ между Вол-

гой и Костромой, которая отдѣляла оба войска. Это, какъ неразъ случалось прежде, помѣшало бою—и князя примярились: Василій отдалъ Косому Дмитровъ и заключилъ съ нимъ договоръ, по которому былъ признанъ великимъ княземъ.

Но мѣсяцъ спустя Косой уѣхалъ изъ Дмитрова въ Кострому, объявилъ Василю войну и съ первымъ зимнимъ путемъ отпавилъ къ брату своему въ Галичъ, а оттуда къ Устюгу, гдѣ къ нему опять присоединились вятичи. Не могли взять внутренней крѣпости Устюга силой, онъ овладѣлъ ею на условіяхъ, но нарушилъ ихъ и умертвилъ московскаго воеводу князя Оболенскаго и многихъ жптелей. Въ это самое время братъ его Шемяка пріѣхалъ въ Москву звать Василю на свою свадьбу, но Василій велѣлъ содержать его въ Коломнѣ во все время войны съ Косымъ. Третій же братъ, Дмитрій Красный, права кроткаго, находился въ войскѣ Василю. Послѣдній встрѣтился съ Косымъ въ ростовской области, при селѣ Скорятинѣ. Косой, у котораго былъ только дворъ (дружина) Шемяки, не надѣясь одолѣть силою Василю, у котораго были Дмитрій Красный, Іоаннъ Можайскій и прибывшій изъ Литвы князь Іоаннъ Баба-Друцкой, устроившій свой полкъ по литовски съ кошьями (въ чемъ состояло это устройство — неизвѣстно),—прибѣгнулъ къ коварной хитрости. Онъ заключилъ съ Василюмъ перемиріе до утра, но когда Василій распустилъ свои войска для сбора продовольствія, внезапно двинулся противъ него. Василій тотчасъ послалъ собирать свои войска и даже самъ началъ трубить сборъ. Войска его успѣли однако собраться до прибытія Косаго—и онъ былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и отвезенъ въ Москву. Когда же вятичи захватили Василюва воеводу князя Александра Брюхатаго и, взявъ съ него богатый окупъ, все-таки увели его съ собою въ плѣнъ, Василій велѣлъ — ослѣпить Косаго. Такая варварская жестокость, и прежде всегда отличавшая междуусобія князей, только разжигала еще болѣе страсти и одна месть неминуемо влекла за собою другую и такъ далѣе.

Ослѣпивъ Косаго, Василій освободилъ Шемяку изъ Коломны въ прежній удѣлъ его и заключилъ съ нимъ новый договоръ, одинаковый съ предыдущимъ. Шемяка удалился въ Галичъ, но ждалъ только случая отмстить Василю за брата. Случай этотъ вскорѣ представился: ханъ Золотой Орды Улу-Махметъ, изгнанный изъ Сарая братомъ своимъ въ 1427 г., явился на русскихъ границахъ и водворился въ Бѣлевѣ. Василій II послалъ противъ него сильное войско съ Шемякой и Краснымъ, которые на пути убивали, грабили и разоряли не менѣе татаръ. По прибытіи ихъ къ Бѣлеву, Улу-Махметъ, испугавшись, просилъ мира, но Шемяка и Крас-

ний двинулись противъ Бѣлева и нанесли въ немъ татарамъ сильное пораженіе. На другой день мурзы хана пріѣхали къ князьямъ для переговоровъ, именемъ хана обѣщая, что онъ дастъ сына своего съ ними въ заложники и будетъ сторожить въ Бѣлевѣ русскую землю. Но какъ князья не соглашались на это, то мурзы указали имъ—на бѣгство московскихъ полковъ передъ татарамп. Причиной этого бѣгства было то, что литовскій воевода города Мценска, Григорій Протасъевъ, присланный Свидригайлomъ на помощь московскимъ войскамъ, передался на сторону Улу-Махмета, говоря князьямъ, что ему велѣно не сражаться съ ханомъ, а примириться съ нимъ и распустить свои войска. А между тѣмъ ночью онъ послалъ сказать хану, чтобы онъ на слѣдующее утро напалъ на московскія войска. Утромъ былъ туманъ и московскіе сторожи не замѣтили, какъ татары вышли изъ Бѣлева и напали на московскіе полки. Протасъевъ побѣжалъ первый, съ крикомъ: «спасайся!» — и всѣ побѣжали за нимъ.

Послѣ того Улу-Махметъ пошелъ степями мимо русскихъ границъ за Волгу, водворился въ разоренномъ русскими городѣ Казани, построилъ себѣ тутъ новый деревянный городъ и лѣтомъ 1439 года пошелъ войною противъ Василія, за безчестное изгнаніе его изъ Бѣлева, внезапно подступилъ къ Москвѣ и осадилъ ее. Василій, не успѣвъ собрать войска, удалился за Волгу, оставивъ воеводу князя Юрія Патрикѣевича защищать Москву. Улу-Махметъ 10 дней стоялъ подъ нею и не могъ взять ея, но на обратномъ пути сжегъ Коломну и разграбилъ и разорилъ край.

Въ 1441 году на Рязань напалъ изъ-за Волги татарскій султанъ Мустафа со множествомъ татаръ и, взявъ множество плѣнныхъ и богатый выкупъ за нихъ, хотѣлъ перезимовать въ Рязани, потому что зима была жестокая. Василій II послалъ противъ него воеводу князя Оболенскаго и Андрея Голтыева съ войскомъ. Они разбили татаръ Мустафы при Переяславлѣ на р. Лпстани, при чемъ самъ Мустафа былъ убитъ. Другіе татары въ томъ же году отметили за это нападеніемъ на рязанскую Украину и на мордовскую землю. А въ началѣ 1444 г. Улу-Махметъ занялъ старый Нижній Новгородъ и дошелъ до Мурома, но при движеніи противъ него самаго Василія II со всѣми своими силами, бѣжалъ назадъ въ Нижній Новгородъ, такъ что только передовые полки Василія успѣли настигнуть и разбить отсталыхъ татаръ у Мурома, Гороховца и въ другихъ мѣстахъ. Но весною того же 1444 года двое синовей Улу-Махмета обложили Нижній Новгородъ, двое воеводъ котораго, не вытерпѣвъ голода, зажгли городъ и бѣжали къ Василію, выступившему въ Юрьевъ, а отсюда послѣ Петрова дня — къ

Судалю, гдѣ онъ сталъ на р. Каменкѣ. 6 іюля произошла тревога и войско его выступило противъ татаръ, но воротилось, такъ какъ они не показывались. Василий полночи беззаботно пировалъ съ князьями и боярами, всѣ они легли спать и утромъ встали—поздно, какъ вдругъ узнали, что татары уже переправляются черезъ р. Нерль. Василий тотчасъ послалъ собирать войска изъ разныхъ становъ ихъ, а самъ, не дождавшись ихъ, съ бывшими у него подъ рукою, тысячи съ полторы не болѣе, двинулся противъ татаръ. Встрѣтись съ ними подлѣ Евфиміева монастыря, войска Василія сразу обратили ихъ въ бѣгство, но когда преслѣдовали ихъ въ безпорядкѣ, татары вдругъ обратились назадъ, разбили ихъ на-голову, взяли израненаго Василія въ плѣнъ и разсѣялись въ окрестностяхъ для грабежа.

Вѣсть о плѣненіи Василія произвела въ Москвѣ печаль и страхъ, тѣмъ болѣе, что вскорѣ затѣмъ (14 іюля) Москва сгорѣла отъ большого пожара и погнбло много народа, всякихъ товаровъ, имущества и проч., а послѣ отъѣзда семейства Василія въ Ростовъ, произошло народное волненіе и большіе безпорядки. Однако наконецъ, изъ страха татаръ, всѣ начали готовить городъ къ оборонѣ.

Между тѣмъ татары подступили къ Владиміру, но не отважились взять его приступомъ и удалились къ Мурому, а потомъ къ Нижнему Новгороду. Отсюда Улу-Махметъ со всѣми своими силами и съ плѣннымъ Василиемъ отступилъ къ Курмышу и отправилъ посла своего, Бегича, къ Шемякѣ. Послѣдній объявилъ себя великимъ княземъ и вступилъ съ Улу-Махметомъ въ переговоры о заточеніи Василія навсегда въ Казань. Но Улу-Махметъ предпочелъ освободить Василія за богатый выкупъ. Тогда Шемяка увѣрилъ князей тверскаго и можайскаго, будто Василій получилъ свободу только подъ условіемъ обязательства предать все московское княжество Улу-Махмету — и потому сговорился съ ними лишить Василія великаго княженія. Вслѣдствіе того, въ 1446 году Василій, во время путешествія въ Троицкій монастырь, былъ захваченъ, ослѣпленъ и сосланъ въ Угличъ*). Шемяка занялъ Москву, но жестокимъ поступкомъ своимъ такъ озлобилъ и вооружилъ противъ себя всѣхъ князей, бояръ и народъ, что они освободили Василія, а Шемяка, въ концѣ 1448 г., былъ принужденъ уступить ему Москву и признать его великимъ княземъ, обязался клятвой возвратить ему похищенную казну, жить въ мирѣ съ нимъ, не ссылаться съ врагами Москвы и не тревожить ея владѣній. Василій примирился съ

*) По этому случаю Василій II и получилъ прозваніе Темнаго, т. е. слѣпаго; безжалостное ослѣпленіе его сохранилось въ народной памяти подъ названіемъ Шемякина-суда, т. е. несправедливаго.

нимъ, но Шемяка не сдержалъ ни одного изъ своихъ обѣщаній, слѣдствіемъ чего была новая—къ счастью для Руси послѣдняя—междоусобная война, завершенная послѣднею же междоусобною битвой.

Уже весною 1449 г., въ самое Свѣтлое Христово воскресеніе, Шемяка (и съ нимъ князь Іоаннъ Можайскій) осадилъ Кострому, но взять ея не могъ, потому что въ ней былъ сильный московскій гарнизонъ подъ начальствомъ князя Ивана Стриги и Θεодора Басенка. Вскорѣ и Василій съ войскомъ выступилъ противъ Шемяки. Они встрѣтились при селѣ Руднѣ на Волгѣ, но битвы между ними не произошло, потому что князь Можайскій примирился съ Васпліемъ. О дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ извѣстій не имѣется, но въ январѣ 1450 г. Василій снова выступилъ въ походъ противъ Шемяки, стоявшаго со всѣми своими войсками у Галича. 27 января воевода Василя князь Оболенскій напалъ на Шемяку и нанесъ ему рѣшительное пораженіе. Шемяка едва спасся бѣгствомъ, а Галичъ сдался Васплію, который назначилъ въ него своихъ намѣстниковъ.

Шемяка укрылся въ Новгородѣ, но потомъ, набравъ войска, въ 1451 г. захватилъ Устюгъ, жестоко поступая съ нехотѣвшими измѣнить Василю, а послѣ того ходилъ воевать къ Вологдѣ. Василій, занятый татарскими дѣлами, только въ 1452 г. могъ пойти съ войсками противъ Шемяки къ Устюгу. Шемяка бѣжалъ къ р. Ковшенгѣ, притоку р. Волги, гдѣ у него были городки, но, преслѣдуемый войсками Василя, снова укрылся въ Новгородѣ и здѣсь лѣтомъ 1453 г. умеръ, отравленный подговореннымъ поваромъ своимъ.

Смертію этого безпокойнаго и жестокаго князя, долго бывшаго возмутителемъ восточной Руси, прекратились смуты и междоусобія въ ней. Василій присоединилъ удѣлъ Шемяки: Галичъ, Кострому и Устюгъ къ московскому великому княжеству, а затѣмъ и удѣлы князей Можайскаго, боровскаго и рязанскаго. Кромѣ того онъ смирилъ Новгородъ и, пользуясь междоусобіями въ Золотой Ордѣ и смутами въ Литвѣ, съ успѣхомъ отражалъ набѣги татаръ и литовцовъ. Правя твердо и благоразумно, онъ неуклонно стремился къ цѣли, указанной Дмитріемъ Донскимъ — объединенію восточной Руси въ одно государство подъ верховною властію одного рода великихъ князей московскихъ, и тѣмъ приготовилъ окончательное объединеніе ея съномъ своимъ Іоанномъ III.

ГЛАВА XXI.

РУССКОЕ ЦАРСТВО (1462—1613).

§ 168. Военное устройство и военныя учрежденія.—§ 169. Огнестрѣльное оружіе и искусство. — § 170. Конница и пѣхота. — § 171. Строй и образъ движеній и дѣйствій войскъ. — § 172. Внутреннее устройство и духъ войскъ. — § 173. Укрѣпленіе, осада и оборона становъ и городовъ. — § 174. Овщій выводъ.

§ 168.

Военное устройство и военныя учрежденія.

Въ то время, когда въ западной Европѣ, съ постепенными упадкомъ феодализма и рыцарства и усиленіемъ монархической власти, всѣ части государственнаго военнаго устройства, всѣ отрасли военнаго искусства стали постепенно стремиться къ совершенствованію, — въ восточной Руси также, съ постепенными: уничтоженіемъ удѣловъ и утвержденіемъ единовластія, съ возстановленіемъ политической самобытности государства, усиленіемъ и возвеличеніемъ его, военное устройство его принимало болѣе сосредоточенный, правильный, твердый, съ единой державіемъ, могуществомъ и достоинствомъ государства сообразный видъ. Но междусобія удѣльнаго періода и особенно 200-лѣтнее владычество монголо-татаръ, отдаливъ восточную Русь отъ западной Европы, замедливъ двумя столѣтіями успѣхи ея на поприщѣ гражданственности и образованности, и подчинивъ ее вліянію азіятскаго востока, были причинами, что военное устройство ея развивалось совершенно на иныхъ началахъ, пещели въ западной Европѣ, въ особенныхъ, своеобразныхъ формахъ, а военное дѣло имѣло характеръ болѣе азіятскій и, уступая западно-европей-

скому, находилось, въ сравненіи съ нимъ, на низкой степени совершенства.

Съ вступленіемъ Іоанна III на престолъ (1462) наступаетъ новый, замѣчательный періодъ въ исторіи военнаго устройства Руси. Съ этого времени началось и до самыхъ временъ Петра I-го непрерывно продолжалось постепенное развитіе его на тѣхъ началахъ и въ томъ направленіи, которые назначилъ имъ Іоаннъ III. Значительно умноживъ дворъ московскій присоединеніемъ къ нему дворовъ или дружинъ уничтоженныхъ удѣловъ, онъ первый роздалъ (1500 г.) боярскимъ дѣтямъ земли или помѣстья, съ обязательствомъ нести военную службу и, въ случаѣ войны, по первому востребованію его, являться на назначенныхъ мѣстахъ и въ извѣстные сроки, съ опредѣленнымъ, по обширности помѣстьевъ, числомъ конныхъ или пѣшихъ ратниковъ, въ предписанномъ вооруженіи и съ собственнымъ на время войны или похода продовольствіемъ. Этою мѣрой было значительно умножено число ратныхъ людей. Опредѣленіемъ въ военную службу многихъ литовскихъ и нѣмецкихъ плѣнниковъ и принятіемъ въ нее иноземцовъ по собственной ихъ волѣ, Іоаннъ III положилъ первыя начала иноземнымъ наемнымъ дружинамъ въ русскомъ войскѣ. Раздѣленіемъ войскъ на полки и разряды (съ 1471 г., къ которому относится древнѣйшая разрядная книга или росписаніе воеводъ и ратниковъ по полкамъ и мѣстамъ ихъ пребыванія), онъ далъ государственному военному устройству Руси правильный, опредѣленный видъ, а строгимъ соблюденіемъ порядка въ войскѣ старался водворить въ немъ благоустройство.

Преемники его продолжали то же дѣло въ данномъ имъ направленіи, въ томъ же духѣ и съ тою же цѣлю, постоянно имѣя въ виду во 1-хъ правильнымъ распредѣленіемъ помѣстьевъ умножать число людей служилыхъ, т. е. обязанныхъ военною службой на правѣ помѣстномъ, — и во 2-хъ образовать многочисленное и устроенное войско. Въ такомъ духѣ дѣйствовали и сынъ Іоанна III, Василій III, и особенно внукъ его, Іоаннъ IV, значительно развившій военное устройство Руси и почти удвоившій вооруженныя силы ея. Онъ роздалъ боярамъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ, на пространныхъ 60-70 верстъ кругомъ Москвы, земли или помѣстья, съ тѣми же обязательствами, съ которыми раздавалъ ихъ и Іоаннъ III. Этою мѣрой главныя и лучшія вооруженныя силы государства были сосредоточены вокругъ Москвы. Повелѣвъ измѣрить все государство, онъ уравнивалъ помѣщиковъ землями, соразмѣрно ихъ достоинствамъ и заслугамъ. Онъ опредѣлялъ число ратниковъ, которое каждый помѣщикъ былъ обязанъ, по первому востребованію, приводить съ собою или выставлять на свой счетъ, вооруженіе этихъ ратниковъ

*

и самихъ помѣщиковъ, равно и то, кто и сколько изъ нихъ должны были являться на коняхъ или пѣшимъ. Вслѣдствіе того, со 100 и 200 четвертей (50 и 100 десятинъ) доброй земли каждый помѣщикъ былъ обязанъ вести съ собою или выставлять на свой счетъ 1 пѣшаго ратника, вооруженнаго лукомъ съ стрѣлами, бердышемъ и рогатиной, и 1 коннаго съ одною и въ дальній походъ съ двумя лошадыми, обонхъ—съ запасомъ продовольствія на цѣлое лѣто, или же внести за нихъ въ казну опредѣленную цѣну. Отмѣнивъ судныя пошлины—источникъ многихъ злоупотребленій, и установивъ вмѣсто нихъ общую подать съ городовъ, земель и промысловъ, Іоаннъ IV назначилъ всѣмъ войскамъ, на время похода, денежное жалованье, а тѣмъ изъ помѣщиковъ, которые выставляли лишнихъ ратниковъ или совершали лишній походъ—двойное. Ратники съ городовъ и сель набиралсь, примѣрно, по 1 человекъ съ трехъ бѣлыхъ, нетяглыхъ дворовъ и по 1 человекъ съ пяти тяглыхъ, на коняхъ, также и пшальники, конные и пѣшіе, съ пицалами. По покореніи Новгорода и Пскова, съ нихъ брали пѣшихъ и конныхъ ратниковъ, по ихъ обычаю, по сохамъ, почему они и назывались посошными людъмъ. Отставки отъ службы за старостью, болѣзнію, ранами, увѣчьями и пр., замѣна отставленныхъ сыновьями и внуками ихъ съ 15-ти-лѣтняго возраста, верстаніе ихъ помѣстьями при отцахъ или особо, раздѣленіе помѣстій, по смерти помѣщиковъ, между ихъ сыновьями, вдовами, дочерьми и пр., словомъ все, что касалось помѣстной военной службы, было въ точности опредѣлено законами. Учрежденіемъ (около 1550 г.) пѣшихъ стрѣльцовъ Іоаннъ IV положилъ въ русскомъ временномъ и почти исключительно конномъ войскѣ первыя начала постоянной пѣхоты на жалованьѣ. Стрѣльцы были набраны и въ послѣдствіи набирались изъ волостныхъ сельскихъ жителей, получили правильные устройство и раздѣленіе, были вооружены огнестрѣльнымъ оружіемъ и служили на жалованьѣ постоянно, безсмѣнно, содержа стражу въ Москвѣ и особенно въ пограничныхъ городахъ, исполняя службу и гарнизонную, и подлицейскую, а въ Москвѣ сверхъ того и дворцовую, въ военное же время—дѣйствуя въ общемъ составѣ войска и преимущественно при осадѣ и оборонѣ городовъ. Іоаннъ IV увеличилъ число иноземныхъ наемныхъ ратниковъ и учредилъ (1565 г.) особенную стражу собственныхъ тѣлохранителей подъ названіемъ опричниковъ, сначала изъ 1,000, а потомъ изъ 6,000 чел., большею частію изъ безпомѣстныхъ боярскихъ дѣтей, клятвою обязавъ ихъ быть вѣрными ему, охранять его особу и исполнять безусловно волю и приговоры его. Они существовали однако не болѣе 6-ти лѣтъ и были уничтожены въ 1572 г.

Вооруженныя силы Руси умножились при Іоаннѣ IV также вслѣд-

ствіе завоеванія казанскаго и астраханскаго царствъ и Сибири, и принятія подъ покровительство Руси донскихъ казаковъ. Въ составѣ русскаго войска являютя уже, кромѣ дворянъ, дѣтей боярскихъ, стрѣльцовъ и городовыхъ казаковъ, вспомогательныя войска татаръ, различныхъ прежнихъ данниковъ ихъ, и донскихъ казаковъ. Городовые казаки, впервые упоминаемые въ русскихъ лѣтописяхъ съ половины XV вѣка (прежде всѣхъ рязанскіе, въ рязанскихъ лѣтописяхъ, въ 1444 году при Василиѣ II, см. выше), при Иоаннѣ III были уже во всѣхъ пограничныхъ и многихъ изъ внутреннихъ городовъ русскихъ. Они составляли родъ легкой конницы и образовались вѣроятно во время владычества монголо-татаръ, по примѣру донскихъ казаковъ, съ цѣлю отраженія татаръ. Донскіе казаки (см. ниже §§ 177 и 179) являютя впервые въ составѣ русскаго войска въ половинѣ XVI вѣка и съ тѣхъ поръ до самаго 1598 года, т. е. до временъ Бориса Годунова, дѣйствуютъ постоянно какъ вѣрные и полезныя союзники Руси. Иоаннъ IV особенно покровительствовалъ имъ, давалъ имъ жалованье и дозволилъ свободную въ русскихъ городахъ торговлю.

Слѣдствіемъ всѣхъ означенныхъ мѣръ Іоанна IV было то, что вооруженныя силы Руси были приведены въ точную извѣстность и почти удвоены: въ случаѣ надобности, правительство въ послѣдствіи могло уже безъ особенныхъ усилій выставлять до 300,000 войскъ, что значительно превосходило число войскъ, которое въ то же время могли выставлять большія западно-европейскія государства: Германія, Франція, Польша и др. Въ значительно большемъ противъ прежняго числѣ русское войско впервые является въ 1480 г. при Іоаннѣ III, когда онъ преградилъ на р. Угрѣ путь хану Большой Орды Ахмату въ первое его нашествіе, а именно — въ числѣ до 180 т. чел.

По смерти Іоанна IV, Борисъ Годуновъ, равно Василій Іоанновичъ Шуйскій старались уже дать русскимъ войскамъ правильное европейское устройство. Съ этою цѣлю первый принималъ въ русскую службу иноземцовъ и образовалъ изъ нѣмцовъ, шотландцовъ, поляковъ, грековъ и др. иноземную дружину. Никогда еще дотолѣ эти иноземцы не пользовались такимъ почетомъ и такими выгодами, какъ при Годуновѣ, что приписываютъ желанію его задобрить и склонить на свою сторону особенно ливонцовъ, большому довѣрію его къ иноземцамъ, нежели къ природнымъ русскимъ, и несомнѣнному преимуществу первыхъ надъ послѣдними въ военномъ дѣлѣ. Шуйскій издалъ (1608 года) переведенный съ нѣмецкаго и латинскаго языковъ уставъ дѣлъ ратныхъ. О томъ же старался и первый самозванецъ, въ продолженіи кратковременнаго, незакон-

наго царствованія своего, вводя въ войска европейское устройство и образовавъ (въ концѣ 1605 года) 3 сотни или роты иноземныхъ тѣлохранителей, однообразно и богато одѣтыхъ и вооруженныхъ. Но всѣ эти попытки, среди внутреннихъ смуть и переворотовъ конца XVI и начала XVII столѣтій, не имѣли времени развиться и укорениться, и потому остались безъ послѣдствій и успѣха. Иноземныя же: дружины Годунова и тѣлохранители перваго самозванца уничтожились вмѣстѣ со смертію того и другаго. Но мысль о необходимости царскихъ тѣлохранителей, уже со временъ Іоанна III и введенія единодержавія, утвердилась, сохранялась неизмѣнно и осуществлялась подъ разными видами и названіями.

Стрѣльцы, по смерти Іоанна IV и особенно въ смутное время самозванцовъ, предалися уже большому безпорядку, а число ихъ (по свидѣтельству нѣкоторыхъ иностранныхъ писателей) значительно уменьшилось.

Феодоръ Іоанновичъ продолжалъ покровительствовать и жаловать казаковъ, которые съ своей стороны служили Руси также усердно, какъ и при Іоаннѣ IV. Но при Борисѣ Годуновѣ отношенія эти измѣнились: Годуновъ прекратилъ выдачу казакамъ жалованья, прервалъ всякія сношенія съ ними и запретилъ имъ пріѣздъ въ русскіе предѣлы и города. Слѣдствіемъ этого было то, что казаки до 1611 года дѣйствовали за одно съ самозванцами и врагами Руси. Но въ 1611-мъ году они перешли на сторону ея защитниковъ, а въ 1612 г. много способствовали изгнанію поляковъ.

При Годуновѣ въ составѣ русскаго войска было, по свидѣтельству Маржерета, до 30 т. вспомогательныхъ войскъ татаръ, черемисъ и мордвы, отъ 3 до 4 т. черкасъ (днѣпровскихъ казаковъ), до 1,500 нѣмецкихъ, польскихъ, греческихъ и др. наемниковъ, и даточныхъ людей съ церковныхъ и монастырскихъ земель—съ каждой четверти по 1 конному и 1 пѣшему ратнику.

Вслѣдствіе всѣхъ правительственныхъ мѣръ и учрежденій Іоанна III, Василія III и Іоанна IV, военное устройство Руси въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтій представляетъ вообще слѣдующія главныя черты:

Главною, основною частью войска было многочисленное сословіе дворянъ и дѣтей боярскихъ, владѣвшихъ землями съ крестьянами на правѣ вотчинномъ и помѣстномъ и съ обязанностью нести военную службу. Они раздѣлялись обыкновенно на три статьи, лучшую, среднюю и худшую, владѣли въ своихъ уѣздахъ землею опредѣленной мѣры, отъ 150 до 300 четвертей (отъ 75 до 150 десятинъ), одни—какъ родовыми вотчинами, другіе—какъ пожизненными помѣстьями, съ извѣстнымъ числомъ крестьянскихъ дворовъ, пользовались

всѣми доходами съ своихъ земель и платили въ казну опредѣленные подати. Въ мирное время лучшіе изъ нихъ находились къ Москвѣ при царскомъ дворѣ, получали званія стольниковъ и стражчихъ, служили царскими тѣлохранителями, исправляли должности областныхъ и городскихъ воеводъ и иныя; прочіе же жили въ своихъ вотчинахъ и помѣстьяхъ, до призыва на военную службу. Сыновья ихъ, достигнувъ 17 и даже 15 лѣтъ, записывались въ службу, въ однихъ статьяхъ съ своими отцами, и если родовыя вотчины послѣднихъ были недостаточны, то городовые окладчики верстали недорослей помѣстьями и иногда денежными окладами. Городовые воеводы доставляли въ разрядъ подробные списки, сколько къ каждому городу было приписано дворянъ и боярскихъ дѣтей, и сколько за ними было помѣстьевъ. По этимъ спискамъ разрядъ опредѣлялъ указами, по мѣрѣ надобности, какіе именно служилые люди, изъ какихъ городовъ и въ какомъ числѣ должны были въ извѣстный срокъ являться на сборное мѣсто. По этимъ указамъ, каждый верстаный помѣщикъ былъ обязанъ явиться на сборное мѣсто своей десяти (цѣлаго отряда съ города, см. ниже) на конѣ и приводить съ собою опредѣленное число конныхъ и пѣшихъ вооруженныхъ ратниковъ, съ нужнымъ на время похода продовольствіемъ. На сборномъ мѣстѣ перебривали явившихся по спискамъ, неявившихся высылали насильно, подвергали тѣлесному наказанію и заключенію въ тюрьму, отличившихся же усердіемъ и подвигами награждали прибавкою помѣстьевъ и денежныхъ окладовъ и иными наградами. Но, вооружаясь только на время войны или похода, дворяне и боярскія дѣти, при внезапныхъ вторженіяхъ непріятели, не всегда успѣвали собраться во-время и не могли успѣшно дѣйствовать пѣшими противъ шведской и польской пѣхоты, что и побудило учредить постоянную пѣхоту—стрѣльцовъ.

Дворяне со временъ Іоанна IV раздѣлялись на московскихъ и городскихъ. Первые стояли выше послѣднихъ, имѣли многія передъ ними преимущества, получали бѣльшіе оклады жалованья и проч. Но служба тѣхъ и другихъ была вмѣстѣ и гражданскою, и военною, и какъ тѣ, такъ и другіе имѣли одинаковое право поступать въ число дворянъ выборныхъ, получавшихъ высшіе оклады жалованья. Нѣкоторые изъ городскихъ дворянъ жили и служили въ Москвѣ, по наряду, по полугодно, пользовались многими правами дворянъ московскихъ и назывались жильцами. Права и обязанности дѣтей боярскихъ были одинаковы съ правами и обязанностями городскихъ дворянъ. Дворянъ и дѣтей боярскихъ вообще было весьма много, но сколько именно—неизвѣстно. По свидѣтельству иностранныхъ писателей, въ концѣ XV и въ началѣ XVI столѣтій однихъ дѣ-

тей боярскихъ было всего до 300,000 (?), а московскихъ дворянъ, постоянно находившихся въ Москвѣ, отъ 15 до 20,000 (?).

Въ случаяхъ особенной важности, всѣ тѣ помѣщики, которые не могли сами идти на войну (какъ-то: престарѣлые, вдовы, незамужнія дочери, недоросли и проч.) должны были выставять вмѣсто себя родственниковъ, неимѣвшихъ помѣстьевъ, а если такихъ не было, то людей или холопей своихъ въ полномъ вооруженіи. Изъ вотчинъ же боярскихъ, церковныхъ, монастырскихъ и др. выставлялось по 1 человекъ съ 20-30 дворовъ, также въ полномъ вооруженіи: эти ратники назывались людьми даточными.

Сверхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ съ ихъ людьми или холопами, и людей даточныхъ, въ составѣ войска находились: стрѣльцы пѣшіе и конные или стремянные, отборные,—русскіе городовые казаки, иноземные наемные ратники, а также татары, съ различными прежде подвластными имъ племенами, погаями, мордвою, черемисой и др.

Кромѣ того должно еще упомянуть объ особенномъ родѣ земскаго ополченія, существовавшаго съ XIV вѣка, назначеннаго для охраненія границъ отъ нападений татаръ и другихъ сосѣдственныхъ народовъ и для обороны устроенныхъ на границахъ засѣкъ (см. ниже § 173) и носившаго названіе засѣчной стражи. Въ концѣ XIV вѣка лѣтописи впервые упоминаютъ о пограничныхъ станицахъ, а при Іоаннахъ III и IV были вполне учреждены украинскіе сторожи. Первоначально въ нихъ служили пограничные городовые казаки, состоявшіе позже на однихъ правахъ съ стрѣльцами, а также наемные татары и прежніе данники ихъ — инородцы. Число станицъ особенно увеличилось при Іоаннѣ IV. Первымъ и лучшимъ помощникомъ ему въ устройствѣ пограничной стражи и ея службы былъ бояринъ князь Воротынскій, который въ 1571 г. совѣтовался съ станичниками, пограничными воеводами и др. чинами и составилъ общій уставъ станичной службы (см. ниже). Для надзора за исправностью сторожей онъ назначилъ 4-хъ стоялыхъ головъ съ особыми отрядами станичниковъ изъ разныхъ городовъ. Дѣятельныя мѣры Воротынскаго и товарищей его, князя Тюфякина и дьяка Ржевскаго, были весьма полезны для охраны юго-восточныхъ границъ Руси отъ татаръ. Въ 1577 г. Іоаннъ IV назначилъ новаго начальника надъ сторожевою и станичною пограничною службой, родственника своего, боярина Никиту Романовича Юрьева. Онъ продолжалъ развивать мѣры Воротынскаго и еще болѣе обезпечилъ юго-восточныя границы. Съ конца XIV вѣка такія же мѣры начали быть принимаемы и на югозападныхъ границахъ, противъ набѣговъ днѣпровскихъ (позже малороссійскихъ) казаковъ, и учреждены новыя

станции на Ливнахъ, на р. Быстрой Соснѣ, въ Кромахъ и Бѣлгородѣ. При Годуновѣ всѣ сторожи, засѣвки и пограничная сторожевая служба вообще были въ хорошемъ состояніи. Въ смутное время между царствія и самозванцовъ содержаніе ихъ въ исправности было невозможно, однако южно-русская украинна неразъ удачно отбивалась отъ самозванцовъ.

О составѣ и устройствѣ пограничной засѣчной стражи вообще должно сказать, что ее составляло большее или меньшее, смотря по надобности, число вооруженныхъ жителей селеній, сосѣдственныхъ съ назначеннымъ для засѣвки заповѣдными лѣсами. Обыкновенно собирали съ 20 дворовъ по одному человѣку съ собственнымъ оружіемъ. По введеніи огнестрѣльнаго оружія, каждому засѣчному стражу отпускалось отъ вазны по 2 фунта пороха и по 2 фунта свинца. Засѣчная стража каждаго округа или уѣзда составляла отдѣльную часть подъ вѣдѣніемъ засѣчнаго головы, избираемаго изъ жившихъ по близости засѣвки, зажиточныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Иоаннъ IV, для усиленія засѣчной стражи, дозволялъ бѣглымъ людямъ и даже смертоубійцамъ поселяться по близости засѣвки, съ поступленіемъ въ засѣчную стражу. Засѣчные стражи были освобождены отъ всѣхъ податей и во второй половинѣ XVI вѣка число ихъ такъ умножилось, что они могли выставять до 35,000 вооруженныхъ конныхъ ратниковъ.

Порядокъ сбора войска вообще былъ слѣдующій: по объявленіи сначала царедворцамъ, московскимъ дворянамъ, жильцамъ и прочимъ служилымъ людямъ въ Москвѣ, а потомъ городовымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ въ городахъ—царскихъ указовъ о войнѣ, срокахъ и мѣстахъ сбора войскъ и запасовъ, и о числѣ ратниковъ, долженствовавшихъ явиться на службу, всѣ служилые люди собирались въ свои десятины (такъ называлось цѣлое съ одного города ополченіе, носившее названіе этого города и состоявшее подъ начальствомъ дворянина, а иногда и стольника). Къ опредѣленному сроку войско собиралось на назначенномъ сборномъ мѣстѣ, гдѣ всѣмъ служилымъ людямъ, обязаннымъ помѣстною военною службой, особо назначаемый для того бояринъ дѣлалъ смотръ по спискамъ. По совершенныхъ сборѣ, осмотрѣ и провѣркѣ войска, оно раздѣлялось на 5 полковъ (какъ означено ниже въ § 172) и выступало въ походъ, по окончаніи же войны и заключеніи мира распускалось по домамъ и по городамъ.

§ 169.

Огнестрѣльные: оружіе и искусство.

Огнестрѣльное оружіе до временъ Іоанна III и даже Іоанна IV распространялось очень медленно и находилось еще на низкой степени совершенства. Іоаннъ III, въ числѣ прочихъ военныхъ усовершенствованій, увеличилъ также нарядъ или снарядъ (артиллерію), который съ этого времени началъ уже составлять непремѣнную принадлежность русскихъ полевыхъ ратей, между тѣмъ какъ до того времени онъ назначенъ былъ почти исключительно для обороны и осады городовъ и оставался постоянно въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и нѣкоторыхъ другихъ большихъ городахъ. Со временъ Іоанна III, съ конца XV вѣка, орудія начали уже лить на Руси, сначала извѣстный Аристотель Фіоравенти и за нимъ другіе иностранные, большею частію италіанскіе, въ послѣдствіи же и свои русскіе, литейные пушечные мастера. Изъ послѣднихъ, въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтій, чистотою и отдѣлкою вылитыхъ имъ орудій особенно отличался Андрей Чоховъ. Первые орудія отливались безъ цапфъ, дельфиновъ и винграда и безъ раздѣленія на казенную, вертлюжную и дульную части, совершенствоваться же и приближаться къ нынѣшней формѣ начали только около половины царствованія Іоанна IV (въ 1560-хъ годахъ).

Въ княженіе сына Іоанна III, Василія III, огнестрѣльные: орудія и ручное оружіе, подъ общимъ названіемъ пищалей, вошли въ большее употребленіе. При Іоаннѣ IV число ихъ еще умножилось, устройство усовершенствовалось и употребленіе распространилось уже значительно, такъ, что въ XVI вѣкѣ, особенно во второй его половинѣ, русская артиллерія, по свидѣтельству иностранныхъ писателей, въ устройствѣ, дѣйствиіи и числѣ орудій не уступала артиллеріи первенствующихъ и сильнѣйшихъ государствъ западной Европы. Такъ при осадѣ Казани (1552 г.) было 150 тяжелыхъ осадныхъ пушекъ, большихъ и среднихъ, кромѣ малыхъ, длиною въ 1½ сажени, и полковыхъ, стоявшихъ около царскихъ шатровъ. Для осады Дербта (1560 г.) послано было 40 осадныхъ и 50 полевыхъ пушекъ, при вторженіи въ 1563 г. въ Литву, при войскѣ было 200, а въ войнѣ съ Швеціей (1589—1590 г.), при Θεодорѣ Іоанновичѣ—300 тяжелыхъ и легкихъ орудій.

Орудія состояли изъ пищалей (пушекъ), габуницъ (гауфницъ или гаубицъ) или дробовиковъ, и можжиръ или верховыхъ пушекъ (мортиръ). Пищали (пушки), которыя въ отличіе отъ пищалей

завѣсныхъ (мушкетовъ или ружей) назывались затинными (отъ слова затинъ—зарядъ), были двухъ родовъ: среднекалиберныя, длинныя — змѣйки (у нѣмцовъ шланги) и малокалиберныя, короткія — волеомейки и соколки (у нѣмцовъ фалконеты.) Каждое орудіе носило, какъ и въ западной Европѣ, названіе отлитыхъ на немъ изображеній (аспида, василиска, льва, волка и т. п.). Люди, составлявшіе прислугу при орудіяхъ, назывались пушкарями, извѣстное число орудій или батарея—туромъ, а совокупность орудій при войскѣ—нарядомъ или снарядомъ.

Ручныя пищали, съ огнвомъ и спускомъ, а позже съ колесными замками, тѣ и другія съ фитилями вмѣсто кремней, назывались завѣсными, потому, что завѣшивались за спину, также самопалами и ручницами. Въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтій начали употреблять карабины и пистолы или пистолеты, также ручницы съ топорами и пистолы съ топорками. Ручное огнестрѣльное оружіе частію изготовлялось въ Россіи, частію приобреталось покупкой въ чужихъ странахъ, а также добычей на войнѣ: оттого въ немъ было большое разнообразіе. Иностранные писатели свидѣтельствуютъ впрочемъ, что русскіе имѣли пищали и ручное огнестрѣльное оружіе всегда весьма исправныя.

§ 170.

Конница и пѣхота.

Главнымъ, многочисленнымъ и лучшимъ родомъ войскъ на Руси въ этомъ періодѣ была конница, составленная изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, съ ихъ людьми или холопами. Лошади въ ней были большею частію татарской, ногайской породы, средняго роста, пѣгія (бѣлыя съ черными пятнами), очень дикія, которыя могли скакать 7—8 часовъ безъ остановки, пугались пальбы и не ѣли овса или очень мало. Были въ употребленіи также грузинскія лошади, красивыя, но уступавшія татарскимъ въ быстротѣ и сносливости,—турецкія и польскія (аргамаки) и русскія, малорослыя, но добрыя, особенно вологодскія и вятскія. Сѣдла употреблялись татарскія, высокія, съ короткими стременами, отчего всадники могли удобно поворачиваться на нихъ во всѣ стороны, но сидѣли очень нетвердо и легко могли бить сбиваемы съ лошадей.

До учрежденія стрѣльцовъ, пѣшными служили только иноземные наемные ратники, число которыхъ было незначительно, и бѣднѣйшіе изъ русскихъ ратниковъ, которые не были въ состояніи имѣть ко-

ней и которыхъ назначали большею частію въ городовую службу. Поэтому пѣхоту составляла плохо вооруженная и устроенная черн, содержащая стражу въ городахъ; полевое же войско было преимущественно конное, гораздо лучше вооруженное и устроенное.

Учрежденіемъ стрѣльцовъ положено было, какъ сказано выше, первое начало постоянной, болѣе или менѣе правильно устроенной и исправно вооруженной пѣхоты. Съ этого времени стрѣльцы (изъ которыхъ небольшое число отборнѣйшихъ были конные или стремянные) составляли: въ мирное время—стражу Москвы и пограничныхъ городовъ, а въ военное, вмѣстѣ съ иноземными наемными ратниками и пѣшими казаками — лучшую въ полевомъ войскѣ пѣхоту, которая особенно хорошо дѣйствовала при осадѣ и оборонѣ городовъ. Но число стрѣльцовъ, казаковъ и особенно иностранныхъ наемныхъ ратниковъ было, въ сравненіи съ числомъ конницы, довольно незначительно, а въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтій уменьшилось еще болѣе, вслѣдствіе постепеннаго уменьшенія числа стрѣльцовъ, перехода довскихъ казаковъ (1598—1610) на сторону внѣшнихъ враговъ, и кратковременнаго, непостояннаго существованія различныхъ иноземныхъ наемныхъ пѣшихъ дружинъ. Въ концѣ XVI вѣка (при Феодорѣ Иоанновичѣ и Борисѣ Годуновѣ) въ Москвѣ было, по свидѣтельству иностранныхъ писателей, до 20,000 дворянъ, которые составляли царскую конную дружину, и пѣхоты: до 10,000 стрѣльцовъ, сверхъ конныхъ или стремянныхъ, около 6,000 казаковъ и около 9,000 иноземныхъ наемныхъ пѣшихъ ратниковъ, всего пѣхоты около 25,000 человекъ. Но въ полевыхъ ратяхъ пѣхоты было всегда менѣе, нежели конницы.

Вооруженіе войскъ стало совершенно азіатскимъ и съ ходомъ времени становилось болѣе и болѣе многообразнымъ, сложнымъ, тяжелымъ, а у знатныхъ людей, сверхъ того, богатымъ и даже роскошнымъ. Нападательное оружіе, даже и по введеніи огнестрѣльнаго, было преимущественно бѣлое или холодное. Оно состояло изъ мечей, сабель, палашей, кончеровъ, тесаковъ, ножей, кинжаловъ, копій, сѣльицъ, рогатинъ, сѣвней, кистеней, бердышей, топоровъ, чекановъ и временно (въ стражѣ иноземныхъ тѣлохранителей перваго самозванца) изъ алебардъ и протазановъ (pertuisanes). Ручное огнестрѣльное оружіе означено выше. Метательное оружіе состояло изъ саадаковъ (луковъ со стрѣлами) и самострѣловъ. Предохранительное вооруженіе составляли броня или доспѣхъ съ принадлежностями, различнаго вида головныя прикрытія и щиты. Брони или доспѣхи имѣли два главные вида: 1) кольчатые: панцырь, кольчуга и байдана, и 2) досчатые металлическіе: бахтерець, колонтарь, юш-

манъ, куякъ, зеркало, латы и кирясъ. Принадлежностями брони или доспѣха были бармицы, зарукавья, наколѣнки, нѣручи, рукавицы и понѡжи или бутурлыки, прикрывавшіе плечи, руки и ноги. Голову прикрывали различныхъ родовъ и видовъ шлемы и шапки: шоломы, колпаки, шишаки, мисюрки, шапки: бумажныя, желѣзныя, мѣдныя, ерихонскія или ерихонки и турскія или турецкія. Щиты были плоскіе или выпуклые, иногда многоугольныя, но большею частію круглыя.

Нѣкоторые роды оружія и вооруженія принадлежали преимущественно конницѣ (какъ-то: сабли, палаши, кончеры, кистени, сулицы и проч.),— другіе пѣхотѣ (какъ-то: мечи, тесаки, рогатины, совни, бердыши и др.),— прочіе же были общими какъ конницѣ, такъ и пѣхотѣ. Исключая иноземныхъ наемныхъ тѣлохранителей, стрѣльцовъ и царскихъ конныхъ дружинъ, одѣтыхъ и вооруженныхъ болѣе или менѣе однообразно, въ одеждѣ и вооруженіи прочихъ войскъ не было никакого однообразія. Простые воины носили большею частію тегилян (толстые стеганые кафтаны), желѣзныя шапки, копыя, сулицы и рогатины, а бѣднѣйшіе изъ нихъ являлись на службу только съ саадѣкомъ и саблей или даже съ одною саблей. Низшіе военачальники, дворяне и дѣти боярскія носили панцирь, кольчугу и бахтеренъ, шеломы, колпаки, шишаки и мисюрки, рѣдко колонтарь, юшманъ, куякъ и шапки: турецкую и мѣдную. Воеводы же и знатнѣйшіе люди и сановники носили полный доспѣхъ, именно: двойной панцирь или зеркало съ панциремъ, вѣручи, рукавицы, наколѣнки, бутурлыки, ерихонки, тѣ и другіе — богато-изукрашенные золотомъ, серебромъ и даже драгоценными камнями. Вообще въ это время всякій, кто только могъ, носилъ на себѣ нѣсколько родовъ оружія и вооруженія, изъ азійской роскоши болѣе, нежели изъ дѣйствительной пользы обременяя себя ими, и весьма часто случалось, что тяжелыя: вооруженіе и оружіе перевозились, какъ и прежде, за войскомъ на повозкахъ или по рѣкамъ на судахъ.

Стрѣльцы были большею частію вооружены пищалями или самопалами, саблями и бердышами (последніе на походѣ вѣшались за спину, а въ строю и бою стрѣльцы втыками ихъ передъ собою въ землю), частію же копыями. Конные стрѣльцы (въ 1606 г.) были вооружены длинными самопалами и саадѣками. Вооруженіе иноземныхъ тѣлохранителей было подобно стрѣльческому. Всѣ вообще ратники, вооруженные ручнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, носили огнестрѣльныя принадлежности: заряды, рогъ съ порохомъ, фитиль и проч. — спереди на груди, на берендейкѣ или ремнѣ, повѣшенномъ черезъ лѣвое плечо.

Знамена были съ изображеніемъ лика Спасителя или Иисуса Навина, останавливающего солнце, или св. Георгія побѣдоносца, поз-

же съ изображеніемъ двуглаваго орла, либо солнца, луны, звѣздъ, гербовъ княжествъ и царствъ, разныхъ звѣрей, птицъ, чудовищъ и т. п. Знамена почитались священными, но обязанность носить ихъ не считалась почетною. Они нерѣдко были такъ велики и тяжелы, что ихъ носили нѣсколько человѣкъ. Каждый полкъ въ войскѣ имѣлъ свое особое знамя, носившее званіе полка (большаго, правой и лѣвой рукъ и проч). У стрѣльцовъ каждая сотня имѣла свое знамя, и эти знамена назывались сотенными или братскими. Донскіе казаки также имѣли жалованныя государями знамена.

Военную музыку составляли по прежнему трубы, накры или бубны, сурны, соцѣли или дудки, и набаты или огромной величины мѣдные барабаны, которые были возимы за воеводами на деревянныхъ щитахъ, положенныхъ на четырехъ, поставленныхъ рядомъ лошадаяхъ; въ каждый набатъ били 8 человѣкъ. Посредствомъ этого боя воеводы управляли движеніями и дѣйствіями своихъ полковъ.

При Годуновѣ каждый воевода имѣлъ свое знамя съ изображеніемъ кого-либо изъ святыхъ, носимое 2-мя или 3-мя ратниками, и до 10 или 12 набатовъ и столько же трубъ и бубновъ. Звуки всѣхъ этихъ орудій служили знакомъ для начатія битвы, по отступленіе означалось только однимъ боемъ въ набатъ.

§ 171.

Строй и образъ движеній и дѣйствій войскъ.

По свидѣтельству иностранныхъ писателей, строй и образъ дѣйствій русскихъ войскъ имѣли, также какъ и вооруженіе ихъ, характеръ совершенно азіятскій, уже неразъ описанный выше. Борисъ Годуновъ и Василій Іоанновичъ Шуйскій, равно и первый самозванецъ старались ввести правильные европейскіе строй и образъ дѣйствій, но старанія ихъ, по объясненнымъ выше причинамъ, остались безъ послѣдствій и успѣха. Василій Іоанновичъ Шуйскій приказалъ перевести съ нѣмецкаго и латинскаго языковъ и издать (1608) уставъ дѣлъ ратныхъ, въ которомъ объяснены были правила раздѣленія и обученія войскъ, строя, движеній и дѣйствій пѣхоты и конницы, стрѣльбы пушечной и ружейной, расположенія войскъ въ станахъ, веденія осадъ, производства приступовъ и проч. Хотя, по причинѣ тогдашнихъ смутныхъ обстоятельствъ, переводъ и изданіе этого устава и не имѣли, кажется, никакого особеннаго вліянія на современное усовершенствованіе строя и образа дѣйствій русскихъ войскъ, но не остались на-

прасными, потому что позже (1621 г.) царь Михаилъ Феодоровичъ дополнилъ, издалъ вновь и ввелъ въ русскія войска тотъ же самый уставъ Василя Иоанновича Шуйскаго.

Порядокъ движеній и образъ дѣйствій войскъ въ полѣ и въ бою въ этомъ періодѣ вообще были слѣдующіе:

По сборѣ, осмотрѣ и раздѣленіи войскъ (см. §§ 168 и 172), оно выступало въ походъ. Впереди шель ертоуль, ертоульный полкъ или отрядъ легкой конницы, введенный, кажется, со временъ Иоанна III и назначенный развѣдывать о путяхъ и непріятелѣ и обезпечивать главное войско отъ внезапнаго нападенія. За ертоуломъ слѣдовали: передовой полкъ (авангардъ), потомъ большой или главное войско и при немъ нарядъ или артиллерія, затѣмъ тяжести и обозы, и наконецъ сторожевой полкъ (аррьергардъ). Полки правой и лѣвой руки дѣйствовали отдѣльно, иногда на большомъ разстояніи отъ большаго полка. Каждый полкъ состоялъ изъ нѣсколькихъ городскихъ десятенъ (см. выше), раздѣленныхъ на сотни, подъ главнымъ начальствомъ двухъ и иногда трехъ воеводъ изъ бояръ и окольныхчихъ, рѣдко изъ стольниковъ, и подъ частнымъ начальствомъ головъ и сотниковъ. На походѣ, вблизи отъ непріятеля наблюдали большую осторожность, посылая далеко во всѣ стороны развѣзды и по возможности держась ближе укрѣпленныхъ городовъ. Походы совершались, по прежнему, и сухимъ путемъ, и по рѣкамъ (противъ татаръ—Москвою, Клязьмою, Окою и Волгою съ ихъ притоками). Станами располагались обыкновенно вдоль или близъ рѣки и лѣса, въ мѣстахъ, изобиловавшихъ водою, лѣсомъ и пастбищами. Станы окружали со всѣхъ сторонъ окопами, рвами, повозками, стражами и обезпечивали дозорами. Встрѣтясь съ непріателемъ въ открытомъ полѣ, старались расположиться оборонительно, усиливаясь мѣстностью или искусственными укрѣпленіями, съ XVI вѣка большею частію гуляемъ или гуляй-городомъ (см. ниже § 173). Определеннаго общаго боеваго порядка не было: войско распредѣлялось только на середину и два крыла; особые отряды ставились иногда позади для поддержанія и часто скрытно въ засадѣ или посылались въ обходъ. Конница строилась впереди пѣхоты, потому что начинала бой, производя, по татарскому обычаю, стремительное нападеніе съ большимъ крикомъ, при звукахъ набатовъ, сурнъ и бубновъ,—дѣйствуя на скаку метальнымъ и бѣлымъ оружіемъ, стараясь сломить непріятеля дружнымъ ударомъ или окружить его и подавить превосходствомъ числительной силы. Подобно тому, какъ у татаръ и другихъ азіятскихъ народовъ, стремительность, запальчивость и сила перваго нападенія были чрезвычайныя, но непродолжительныя. Если оно имѣло успѣхъ, т. е. конницѣ удавалось съ перваго раза сломить непріятеля, то по-

бѣда была рѣшена и конницѣ оставалось только преслѣдовать и довершать поражение разбитаго непріятеля. Но если послѣдній стойко выдерживалъ первое нападеніе, то русская конница приходила въ разстройство и замѣшательство и въ безпорядкѣ бросалась назадъ за пѣхоту, либо за мѣстныя и искусственныя препятствія, находившіяся позади. Тогда всѣ удары непріятеля принимала на себя пѣхота, которая, подѣ защитой мѣстныхъ или искусственныхъ препятствій, особенно гуляя, сражалась всегда съ чрезвычайными стойкостью, упорствомъ и храбростью. А между тѣмъ воеводы собирали конницу и снова вводили ее въ бой. Такимъ образомъ успѣхъ боя зависѣлъ всегда отъ успѣха перваго нападенія конницы, еще болѣе отъ послѣдующихъ оборонительныхъ дѣйствій пѣхоты, иногда—отъ обходныхъ движеній или внезапныхъ нападеній изъ засадъ, съ боку или съ тыла, либо отъ личныхъ мужества, опытности и искусства воеводъ, главнаго и частныхъ. Одержавъ побѣду, русскія войска преслѣдовали непріятеля, но слабо, потому что заботились болѣе о разграбленіи его обозовъ, равно убитыхъ и раненыхъ, а въ непріятельской странѣ, сверхъ того, о разореніи ея.

Въ заключеніе здѣсь слѣдуетъ привести свѣдѣнія о пограничной, сторожевой, станичной службѣ на восточныхъ и южныхъ границахъ. По уставу князя Воротынскаго (см. выше), она состояла въ томъ, чтобы 1) сторожи были особенно бдительны съ крымской и ногайской сторонъ; 2) ѣздили по двое по всѣмъ направленіямъ; 3) огней не разводили нѣсколько разъ въ одномъ мѣстѣ и не въ лѣсахъ; 4) вѣсть о приближеніи непріятеля передавали скоро; 5) въ нарядѣ станицъ на службу соблюдали очередь и одну смѣняли только по прибытіи другой, подѣ страхомъ смертной казни; 6) лошадей имѣли добрыхъ; 7) всѣхъ станицъ было 8 и назначено время, сколько каждой быть на службѣ, съ 15 апрѣля по 15 ноября, пока не выпадетъ снѣгъ, а если не выпадетъ, то снова посылать по 2 станицы на мѣсяць, и 8) два раза одну станицу передъ другими не посылать, но за 1-ю—2-ю, 3-ю и т. д. по срокамъ и наказу. Иногда станичникамъ приказывалось выжигать въ разныхъ мѣстахъ степь, чтобы отнять у татаръ возможность скрывать свои движенія и лишитъ ихъ подножнаго корма. А въ 1573 г. станичникамъ было приказано, встрѣчаясь на урочищахъ при разѣздахъ, мѣняться признаками, для удостовѣренія начальниковъ, что они, станичники, доѣзжали до опредѣленныхъ урочищъ. При Никитѣ Романовичѣ Юрьевѣ съ 1577 года станичная служба была еще болѣе развита и точнѣе опредѣлена, станичнымъ боярскимъ дѣтямъ назначено жалованье, ежегодно въ разрядѣ доставлялись подробныя росписанія всѣмъ станицамъ и сторожамъ, бывшимъ въ продолженіи года на службѣ, съ означен-

нѣмъ всѣхъ прїѣздовъ на службу, кто сколько дней былъ въ доро-
гѣ, на какой срокъ явился въ назначенное мѣсто, кто и когда его
смѣнилъ и пр. *).

§ 172.

Внутреннее устройство и духъ войскъ.

Внутреннее устройство русскаго войска со временъ Иоанна III ста-
ло развиваться въ новыхъ, сообразныхъ съ единодержавіемъ, поли-
тическимъ, гражданскимъ и военнымъ устройствомъ. Руси формахъ
и является въ своемъ особенномъ видѣ.

Иоаннъ III положилъ начало новымъ военнымъ управленію и чино-
началію, которые, развиваясь и распространяясь постепенно, сохра-
нились въ главныхъ основаніяхъ до Петра I. Важнѣйшими въ этомъ
отношеніи учрежденіями Иоанна III были: приказы, разряды, раз-
дѣленіе войска на полки, опредѣленіе сообразно съ тѣмъ взаимныхъ
отношеній воеводъ и введеніе воинской подчиненности. Нѣкоторые
полагаютъ, что при Иоаннѣ III военное управленіе (военная адми-
нистрація) перешла отъ извѣстныхъ лицъ къ извѣстнымъ прика-
замъ въ смыслѣ присутственныхъ мѣстъ. Но въ историческихъ
памятникахъ временъ Иоанна III нигдѣ не упоминается о приказахъ
въ этомъ смыслѣ. Приказы при немъ означали только росписаніе
войскъ по мѣстностямъ, гдѣ они находились, собиравшись и пр. При-
казы же въ смыслѣ присутственныхъ мѣстъ явились позже, особенно
при Иоаннѣ IV и въ XVII вѣкѣ. Первоначально они завѣдывали и
гражданскими, и военными дѣлами вмѣстѣ, но позже, когда число ихъ
стало умножаться, нѣкоторые изъ нихъ завѣдывали уже одними
военными дѣлами. Такъ, въ числѣ приказовъ общихъ, разрядный
или разрядъ завѣдывалъ низшихъ степеней дворянами и другими
чинами до стольниковъ, опредѣлялъ, посылалъ, судилъ ихъ и проч.
Помѣстный завѣдывалъ всѣми помѣстьями, казанская изба (пере-
именованная потомъ дворцомъ и накопецъ приказомъ) — граж-
данскимъ и военнымъ управленіемъ казанскаго царства, а съ 1599
года и Сибири (дотолъ управляемой посольскимъ приказомъ), и проч.
Въ числѣ приказовъ же собственно военныхъ, бронный завѣдывалъ
изготовленіемъ тяжелаго вооруженія и благаго оружія, и мастерами

*) Любопытно сравнить эту нашу пограничную сторожевую службу противъ
татаръ съ подобною же на австрійско-венгерской военной границѣ противъ ту-
рокъ въ то же время (см. выше. отд. I, гл. XIV, § 112).

этого дѣла, получавшими отъ него денежныя и помѣстные оклады, стрѣleckая изба (позже стрѣлецкiй приказъ)— стрѣльцами и городовыми казаками, и проч. Умноженiе числа собственно военныхъ приказовъ относится уже къ XVII вѣку. Надъ приказами со временъ Иоанна IV была большая дума (или царскiй совѣтъ), въ которой и сосредоточивались всѣ дѣла, какъ гражданскiя, такъ и военныя.

Разрядами (о которыхъ говорено выше въ § 168) назывались нѣ котораго рода военные округа, въ которыхъ воеводы, ратники и вообще войска были распределены, на основанiи разрядныхъ книгъ или особаго росписанiя, по мѣстамъ постояннаго ихъ жительства и помѣстій.

Военное чиновначалiе стало постепенно увеличиваться и становиться многообразнымъ, отчасти оставаясь по прежнему въ соединенiи съ придворнымъ и гражданскимъ. Высшимъ саномъ военнымъ былъ, какъ и прежде, санъ воеводы. Со временъ Иоанна III воеводы были назначаемы государями. Выше всѣхъ стали московскiе; удѣльные же обратились въ городовыхъ бояръ. Московскiе ведиконяжескiе или царскiе воеводы были полковые и городовые. Полковыхъ, сообразно съ раздѣленiемъ войска на 5 полковъ, было въ каждомъ полку двое и иногда трое, изъ бояръ и окольныхчихъ, рѣдко изъ стольниковъ (см. выше); Изъ нихъ одинъ былъ старшiй, начальствовавшiй полкомъ, а другiе—его товарищами. Полковые воеводы были трехъ степеней: къ 1-й принадлежалъ первый воевода большаго полка или большаго воевода—главноначальствовавшiй надъ всѣмъ войскомъ (ихъ было иногда, по числу ратей, 2, 3 и болѣе); ко 2-й—вторые воеводы большаго полка и первые воеводы полковъ правой и лѣвой руки, а къ 3-й—вторые воеводы полковъ правой и лѣвой руки и воеводы полковъ передоваго и сторожеваго. Сверхъ того, въ числѣ полковыхъ воеводъ были начальствовавшiе: ертоуломъ или ертоульничъ, нарядомъ (артиллерiей) или воевода у наряда, и гуляемъ—гулявый или гуляичъ. Но высшую степень между всѣми полковыми воеводами занималъ воевода дворовый, который, въ присутствiи государя во время похода при войскѣ, завѣдывалъ дворомъ царскимъ, а въ отсутствiи государя начальствовалъ всѣми чинами двора, царскими дружинами и проч. Иногда, хотя и рѣдко, дворовые воеводы посылались въ войско и тогда начальствовали всѣми вообще войсками, гдѣ бы они ни находились, и стояли выше даже большихъ воеводъ. Полковые воеводы назначались по извѣстному родословному старшинству ихъ (для чего предварительно справлялись о нихъ по родословнымъ книгамъ) и считались мѣстами, что и называлось мѣстничествомъ. Этотъ вредный для воинскихъ порядковъ и благоустройства, для дѣйствiй и успѣховъ войскъ

обычай начался уже прежде Іоанна III и едва-ли не въ удѣльномъ или по крайней мѣрѣ въ монгольскомъ періодѣ. Со временъ же Іоанна III и особенно Іоанна IV онъ усилился до того, что, несмотря на всѣ строгія мѣры ихъ обуздать его, былъ причиною безпрестанныхъ ссоръ, распрій и тяжбъ между воеводами и беспорядковъ отъ того въ войскахъ.

Городовые воеводы имѣли власть военную и гражданскую и были разныхъ степеней: полковые-и-осадные, осадные и городовые, начальствовавшіе: первые—какъ гарнизонами, такъ и полевыми войсками цѣлой области или цѣлаго округа, вторые — одною какою-либо крѣпостію и ея гарнизономъ, а послѣдніе — второстепенными и малыми городами и находившимися въ нихъ войсками. Въ городовые воеводы назначались большею частію знатные и заслуженные бояре, въ знакъ государевой милости, для содержанія себя доходами этихъ должностей (для кормленія и нажитка). Противъ злоупотребленій же ихъ (грабительства) Іоаннъ IV принялъ строгія мѣры, опредѣливъ въ городахъ и волостяхъ старость, сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ для суда и расправы.

Сверхъ воеводъ, въ разрядныхъ книгахъ временъ Іоанна IV упоминаются головы или частные военачальники, занимавшіе вторыя послѣ воеводъ мѣста. Голова стрѣлецкій начальствовалъ приказомъ или 500 стрѣльцами, обозный или голова у обоза — завѣдывалъ войсковыми тяжестями и обозами, голова у наряда—состоявшими при нарядѣ пушкарями, плотниками и кузнецами, а въ городахъ пищальниками, воротниками (у воротъ) и сторожами; десятинный начальствовалъ десятнею дѣтей боярскихъ (см. ниже) и избирался обыкновенно изъ дворянъ или стольниковъ, казачій—городовыми казаками одного города, сотенный былъ вообще начальникомъ 100 ратниковъ, засѣчный — начальникомъ засѣчной стражи одного округа или уѣзда, и проч. Начальники 100 и 10 ратниковъ назывались сотниками и десятниками.

Со временъ Іоанна III русское войско, распределенное вообще, по постояннымъ мѣстамъ пребыванія, на разряды (см. выше), раздѣлялось на десятни, приказы, дружины, сотни, роты и проч. Десятнею называлось, какъ сказано, цѣлое съ одного города ополченіе дѣтей боярскихъ, стрѣлецкимъ приказомъ — 5 соединенныхъ стрѣлецкихъ сотенъ, дружинами: иноземною—иностранные наемные тѣлохранители государевы, царскою—московскіе: дворяне, жильцы, дѣти боярскія и проч., и вообще—совокупность ратниковъ городовыхъ или помѣстныхъ, а сотнями—совокупность 100 ратниковъ. Названіе ротъ встрѣчается только при первомъ самозванцѣ, при которомъ оно было присвоено одной сотнѣ протазанщиковъ и двумъ сот-

*

нямъ аллебардистовъ, составленнымъ изъ наемныхъ иностранцевъ (см. выше § 168). Въ случаѣ же войны, по сборѣ и передѣ выступленіемъ въ походъ, войско раздѣлялось на 5 полковъ: большой, правой и лѣвой рукъ, передовой (авангардный) и сторожевой или запасный (аррьергардный или резервный).

Со временъ Іоанна III войска служили на государственномъ содержаніи, получая сначала одни помѣстные, а позже и денежные оклады. Владѣлецъ помѣстья былъ обязанъ содержать себя доходами съ своего помѣстья, и только бѣднѣйшіе изъ помѣщиковъ, равно и иноземные ратники, получали оклады жалованья. Оттого содержаніе войска при Іоаннѣ III и Василіѣ III почти ничего не стоило правительству или по крайней мѣрѣ очень мало. Начало содержанія войска на жалованья положили, какъ сказано выше, Іоаннъ IV. Онъ постановилъ всѣмъ чинамъ войска производить во время похода опредѣленное денежное жалованье, а помѣщикамъ, выставившимъ лишнее число ратниковъ или дѣлавшимъ лишній походъ—двойное. Стрѣльцы и городовые казаки получали жалованья по полтинѣ денегъ въ годъ, а пищальники, воротники, плотники, кузнецы и сторожи (пушкарскаго или артиллерійскаго вѣдомства въ крѣпостяхъ) по рублю въ годъ, всѣ — сверхъ хлѣбнаго жалованья, а городовые казаки иногда получали и земли. Іоаннъ IV уравнилъ также дворянъ и дѣтей боярскихъ помѣстьями или денежными окладами, соразмѣрно достоинству и заслугамъ каждаго. При Ѳеодорѣ Іоанновичѣ и Борисѣ Годуновѣ войско получало уже ежегодные, противъ прежнихъ болѣе значительные оклады денежнаго жалованья. Въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтій ежегодные оклады денежнаго жалованья вообще были слѣдующіе: бояре получали отъ 500 до 1200 рублей *), окольнічіе — отъ 200 до 400, полковные воеводы — обыкновенно до 500, а съ прибавочными за отличія и заслуги—иногда до 1,000, стрѣльцы: голова — отъ 30 до 60 руб. и отъ 300 до 500 чет. земли въ помѣстьѣ, сотникъ—отъ 10 до 12 р., десятникъ—до 10, а стрѣлецъ—4, 5 и до 7 рублей и послѣдній сверхъ того ржи и овса по 12 четвертей. Дворяне и боярскія дѣти царской дружины получали при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ и Борисѣ Годуновѣ отъ 20 до 100 рублей каждый, сверхъ помѣстievъ, прочіе дворяне и боярскія дѣти — отъ 4 до 15 рублей и отъ 100 до 500 четвертей земли, а иноземные тѣлохранители: при Борисѣ Годуновѣ отъ 12 до 60 рублей (а капитаны ихъ—до 120 рублей и земли отъ 600 до 1,000 четвертей), при пер-

*) Тогдашній рубль составлялъ около 4 нынѣшнихъ металлическихъ.

вомъ же самозванцѣ—отъ 40 до 70 рублей каждый, сверхъ помѣстьевъ.

Почти все войско и всѣ чины войсковые служили на собственномъ продовольствіи, какъ до Іоанна III, такъ и со временъ его. Одни иноземные тѣлохранители и стрѣльцы (исключая начальниковъ первыхъ и головъ послѣднихъ, надѣляемыхъ помѣстьями) получали изъ казны определенное количество зерноваго хлѣба, овса и т. п. Обыкновеннымъ продовольствіемъ въ походѣ были: у простыхъ и бѣднѣйшихъ ратниковъ — толокно и сухари, а у достаточныхъ и у военачальниковъ—сушенныя, соленныя или копченныя мясо (въ скоромные) и рыба (въ постные) дни. Продовольственные припасы (по тогдашнему корму) войска на походѣ брали по тѣмъ мѣстамъ, по которымъ проходили. Иногда приказывалось готовить по всему пути, для проходившихъ въ походѣ войскъ, людскіе и конскіе кормы: коровъ, барановъ, крупу, соль, овесъ, сѣно и пр. Іоаннъ IV строго изыскивалъ съ воеводъ, если войска ихъ въ походѣ черезъ русскія земли брали что-либо насильно. При немъ иногда хлѣбные запасы посылались въ занятые ливонскіе и другіе города посопными людьми или по вольному подряду. Служилымъ казакамъ и татарамъ давалось по 2 деньги въ день на кормъ лошади, но вообще лѣтомъ лошадей продовольствовалъ подножнымъ кормомъ, для чего и располагались станомъ преимущественно въ мѣстахъ, изобиловавшихъ пастбищами. Одни воеводы и военачальники имѣли ставки, простыя же ратники располагались или подъ шалапами или подъ открытымъ небомъ.

Русскія войска, и въ это время, какъ и прежде, отличались неутомимостью въ трудахъ, мужествомъ, твердостью и терпѣніемъ въ нуждѣ и лишеніяхъ, пылкою храбростью въ нападеніи и необыкновенными упорствомъ и стойкостью въ оборонѣ. По единогласному свидѣтельству русскихъ лѣтописей и иностранныхъ писателей, умеренные въ образѣ жизни, питаясь простою, нерѣдко скудною пищей, живя подъ шалапами или открытымъ небомъ, они съ терпѣніемъ переносили одинаково и холодъ, и зной, и голодъ, и жажду, и всякаго рода лишенія, и всѣ труды боевой жизни, и всѣ превратности военной судьбы. Въ несчастія и послѣ неудачъ они особенно обнаруживали мужество и твердость. Въ крѣпостяхъ или за укрѣпленіями они сражались съ необыкновенными храбростью, стойкостью и упорствомъ, умирая въ бою или съ голоду, но не прося пощады и не сдаваясь. Въ открытомъ полѣ они сражались слабѣе, хотя первое нападеніе ихъ было всегда чрезвычайно запальчиво и стремительно.

Съ постепеннымъ утверженіемъ на Руси единовластія и общественаго порядка, и въ войскѣ также стало водворяться болѣе благо-

устройства и военного порядка, особенно мѣрами Іоанна III, Василія III и Іоанна IV. Несмотря на то, иностранные писатели, бывшіе въ Россіи, болѣе или менѣе невыгодно отзываются о русскихъ войскахъ. Между прочимъ Маржеретъ, современникъ Годунова и 1-го самозванца, говоритъ, что русскіе служилые люди (дворяне и боярскія дѣти) составляли огромныя толпы, не знавшія ни порядка, ни дисциплины, и потому приносили гораздо болѣе вреда, нежели пользы. Въ 9 лѣтъ смутнаго времени исчезли всѣ слѣды благоустройства и порядка, расторглись всѣ узы подчиненности и повиновенія, и войска предались буйству, своеволю, безначалію, грабежамъ, разбоямъ и всѣмъ возможнымъ беспорядкамъ. Въ это мрачное время честь и славу русскаго оружія сохранили непомянутыми только тѣ доблестныя народныя ополченія, которыя, защищая отечество и подвизаясь за его свободу и самостоятельность, спасли его отъ новаго владычества иноплеменнаго и возстановили въ немъ и власть, и порядокъ законные.

Іоаннъ III и особенно Іоаннъ IV, водворяя въ войскѣ благоустройство, подчиненность и порядокъ, были строгими блюстителями ихъ, наказывая нарушителей оныхъ, равно виновныхъ въ ошибкахъ или нерадѣніи, выспихъ сановниковъ — опалю или немилостью, удаленіемъ отъ двора, отнятіемъ помѣстьевъ, а простѣихъ ратниковъ — казню торговою (тѣлесными наказаніями) и смертною. Оба, особенно послѣдній, всѣми мѣрами старались обуздать безразсудное, преступное и пагубное мѣстничество; Іоаннъ IV неразъ даже запрещалъ воеводамъ считаться мѣстами, повелѣвая имъ быть безъ мѣстъ. Но это не могло обуздать мѣстничества и оно продолжало существовать и усиливаться.

Блюдя порядокъ въ войскѣ и строго наказывая нарушителей его, русскіе государи съ другой стороны цѣнили и щедро награждали военныя заслуги и отличія. Наградами служили: золотыя деньги или просто золотые (монеты или изъ чистаго золота, или золоченныя, съ изображеніями: для воеводъ — лица государева, а для прочихъ—св. Георгія); онѣ давались на память для храненія, либо для ношенія на шеѣ, груди, шапкѣ или рукавѣ; иногда корабельники или корабленики (англійскія и французскія деньги въ 2 червонца, съ изображеніемъ корабля), дорогія шубы, кафтаны и иныя одежды, брони или доспѣхи, оружіе, золотые или серебряные: чаши, ковши, кубки и проч., прибавка помѣстьевъ и денежныхъ окладовъ жалованья, возведеніе въ высшіе чины и званія придворныя, военные или гражданскіе и т. п.

§ 173.

Укрѣпление, осада и оборона становъ и городовъ.

Инженерное искусство на Руси со временъ Іоанна III стало по немногу развиваться, хотя и очень медленно. Значительно отставъ отъ быстро развивавшагося западно-европейскаго, оно во многомъ уступало ему.

Въ числѣ прежнихъ родовъ полевыхъ укрѣплений важное мѣсто въ это время занимали гуляй и засѣки. Гуляй или гуляй - городъ, тоже вежи, въ первый разъ упоминается при осадѣ Казани въ 1530 году при Василиѣ III, по вѣроятію введенъ въ употребленіе еще при Іоаннѣ III, а можетъ быть и ранѣе. Гуляемъ назывался родъ подвижнаго прикрытія, составленнаго изъ досчатыхъ щитовъ, которые были утверждены въ два ряда на такомъ числѣ большихъ колесныхъ повозокъ или саней, какое нужно было, чтобы совершенно обружить ими войско или станъ. При каждой повозкѣ или при каждыя саняхъ находилось по 10-ти стрѣлковъ (позже стрѣльцовъ), которые двигали ихъ передъ собою и, остановясь, стрѣляли изъ-за щитовъ сквозь устроенныя въ нихъ отверстія. Гуляй располагали иногда на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ въ длину или въ окружности *).

Засѣками правительство укрѣпляло, между прочимъ, и иногда на весьма значительномъ протяженіи, русскія границы въ XIV и XV столѣтіяхъ и въ началѣ XVI — преимущественно со стороны казанскихъ и крымскихъ татаръ, т. е. съ востока и юга, а съ половины XVI вѣка — и со стороны шведовъ и поляковъ, т. е. съ сѣвера и запада. Такъ еще Іоаннъ Калита укрѣпилъ засѣкой границы отъ Оки до Дона и отъ Дона до Волги; Іоаннъ IV усилилъ эту засѣку, изъ которой образовалась бѣлгородская пограничная черта; Борисъ Годуновъ устроилъ засѣку отъ Брянска до Муромъ, а Пожарскій въ 1612 году — въ нынѣшнемъ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, для прикрытія новгородскихъ предѣловъ отъ нападеній шведовъ. Засѣки или зарубы, также валъ и черта, состояли въ лѣсныхъ мѣстахъ изъ заваловъ, а въ безлѣсныхъ или покрытыхъ рѣдкимъ лѣсомъ изъ землянаго вала съ водянымъ или сухимъ ровомъ. Для устройства лѣсныхъ засѣкъ назначались особыя заповѣдныя

*) По основной мысли своей, гуляй имѣлъ сходство съ бывшимъ въ употребленіи у гуситовъ и другихъ народовъ западной Европы, въ XV вѣкѣ, военнымъ повозками.

лѣса, въ которыхъ запрещались не только рубка деревьевъ, но даже прокладываніе дорогъ и тропинокъ. На всемъ протяженіи засѣки, вала или черты находились, въ виду одни у другихъ, острожки, городки, крѣпостцы, огражденные валами и рвами, а между ними въ валу или чертѣ — опредѣленное число заставъ съ надолбами или опускаемыми колодами (шлагбаумами). Оборона засѣкъ, вала или черты, равно и охраненіе заповѣдныхъ лѣсовъ, лежали на обязанности засѣчной стражи (см. выше § 168).

Города начали быть укрѣпляемы каменными стѣнами и башнями со рвами, какъ выше было сказано, съ первой и особенно со второй половины XIV вѣка, иностранными, большею частію итальянскими зодчими. Іоаннъ III нѣсколько разъ посылалъ въ Германію и Италію приглашать въ русскую службу знающихъ и искусныхъ зодчихъ, размысловъ (инженеровъ), стѣнныхъ и палатныхъ мастеровъ и проч. Замѣчательнѣйшимъ изъ этого рода людей, прибывшихъ въ русское государство и служившихъ въ немъ, былъ извѣстный Аристотель Фіоравенти изъ Болоньи, который, сверхъ сооруженія многихъ церквей и разныхъ гражданскихъ построекъ, произвелъ весьма искусно нѣкоторыя возложенныя на него инженерныя работы. Но до Іоанна IV онѣ ограничивались только укрѣпленіемъ городовъ, а инженерами были иностранные зодчіе, и то въ небольшомъ числѣ. Со временъ же Іоанна IV являются уже собственно размыслы или военные инженеры, составлявшіе особенное сословіе военныхъ людей и занимавшіеся не одними укрѣпленіемъ русскихъ городовъ, но и осадными работами противъ непріятельскихъ. Главные изъ этихъ размысловъ были иностранцы, большею частію нѣмцы, помощники же и ученики ихъ — русскіе. Іоаннъ IV цѣнилъ и уважалъ службу и работы ихъ, и дѣйствительно они во многихъ случаяхъ (какъ напр. при знаменитой осадѣ Казани) оказали большую пользу.

Съ XIV вѣка внутренняя и внѣшняя оборона государства крѣпостями и укрѣпленіями была значительно противъ прежняго усилена и усовершенствована. Многие изъ большихъ и важнѣйшихъ внутреннихъ городовъ были укрѣплены вновь, укрѣпленія другихъ возобновлены и улучшены, и построены многія новыя крѣпости, особенно на восточныхъ и южныхъ границахъ въ XIV и XV столѣтіяхъ, и на южныхъ, западныхъ и сѣверныхъ—въ XVI вѣкѣ. Такъ, между прочимъ, при Іоаннѣ III Аристотель укрѣпилъ московскій Кремль каменными башнями. Во время малолѣтства Іоанна IV, при правительницѣ Еленѣ Глинской, Москва, сверхъ укрѣпленій кремлевскихъ, была ограждена (1534 г.) новою, обширнѣйшею, каменною стѣною, съ 4-мя каменными же башнями, 4-мя воротами и глубо-

кимъ ровомъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ до того былъ одинъ земляной валъ (часть города между этими укрѣпленіями и Кремлемъ была названа Китай-или среднимъ-городомъ). При Еленѣ Глинской же построены новыя крѣпости: двѣ на литовской границѣ и четыре въ восточной части Руси, и укрѣплены вновь Устюгъ, Софійская сторопа въ Новгородѣ и Вологда. Іоаннъ IV построилъ крѣпости: Свѣяжскъ при устьѣ Свѣяги, Михайловъ на Пронѣ, Шатскъ на Цнѣ и пѣк. др. Борисъ Годуновъ заботился особенно объ укрѣпленіи южной границы со стороны крымскихъ татаръ, построилъ многія новыя крѣпости и вновь укрѣпилъ нѣкоторые города на ней, а укрѣпленія другихъ южныхъ пограничныхъ городовъ возобновилъ.

Что касается самаго способа укрѣпленія русскихъ городовъ въ XV и XVI столѣтіяхъ, то онъ былъ подобенъ существовавшему въ западной Европѣ въ XIV и XV. Усовершенствованія же въ укрѣпленіи городовъ западной Европы въ XVI вѣкѣ, въ русскомъ государствѣ вводимы не были; по крайней мѣрѣ въ уцѣлѣвшихъ старинныхъ укрѣпленіяхъ русскихъ городовъ не замѣтно слѣдовъ такого рода усовершенствованій.

Способъ и искусство осаждать и оборонять крѣпости были у русскихъ въ этомъ періодѣ почти тѣ же, чѣмъ и прежде, съ тою только разницею, что со временъ Іоанна III, по мѣрѣ распространенія огнестрѣльнаго оружія и употребленія его, стѣнобитныя и метательныя орудія стали быть употребляемы рѣже и замѣняемы большими огнестрѣльными орудіями, число которыхъ увеличивалось, а дѣйствіе усиливалось все болѣе и болѣе. Осаждая крѣпость или городъ, по прежнему облагали ихъ со всѣхъ сторонъ войсками, расположенными въ укрѣпленныхъ станахъ, и окружали рвами съ насыпями или валами, тѣномъ и т. п., такъ, чтобы совершенно отрѣзать ихъ отъ поля, средствъ продовольствованія и помощи извнѣ. Къ крѣпости или городу приближались постепенно съ нѣсколькихъ сторонъ: впереди особыя рабочіе катили туры, ставили и насыпали ихъ землею, въ разстояніи дальняго и ближняго, сначала пушечнаго, а потомъ пищальнаго или ружейнаго выстрѣла, и наконецъ у самаго крѣпостнаго или городскаго рва. Рабочихъ, катившихъ и насыпавшихъ туры, прикрывала пѣхота, а пѣхоту поддерживала конница. Когда туры были поставлены и насыпаны землею изъ вырытаго позади ихъ рва, тогда за ними ставили большія огнестрѣльныя орудія, изъ которыхъ открывали сильную пальбу по крѣпостнымъ или городскимъ стѣнамъ, башнямъ, воротамъ, строеніямъ и проч. Когда къ крѣпости или городу приближались уже на пищальный выстрѣлъ, тогда между турами (батареями) ставили пищальниковъ, которые производили сильную стрѣльбу изъ пищалей по осажденнымъ, нахо-

дившимся на стѣнахъ и башняхъ. Иногда строили высокія деревянныя башни, которыя подкатывали къ крѣпостнымъ или городскимъ стѣнамъ, и обстрѣливали оттуда внутренность города изъ большихъ и малыхъ орудій и изъ ручныхъ пищалей. Съ половины XVI вѣка начали употреблять пороховыя подкопы (мины) для взорванія и обрушенія стѣнъ и башенъ. Подкопы дѣлали обыкновенно иностранныя (нѣмцы) размысли съ русскими учениками, часто весьма удачно и съ большою пользою (какъ напр. при осадѣ Казани въ 1552 году). Когда дѣйствіемъ огнестрѣльныхъ орудій и подкоповъ крѣпостныя или городскія стѣны и башни были разрушены или взорваны и въ нихъ произведенъ значительный проломъ, тогда пѣхота, прикрываясь щитами и поддерживаемая сильнымъ огнемъ огнестрѣльныхъ орудій и ручнаго оружія, а сзади конницей, шла на приступъ съ копьями, мечами и вообще съ бѣлымъ оружіемъ. Но приступомъ брали крѣпости или города чаще уже со второй половины XVI вѣка, когда и огнестрѣльное, и инженерное искусства были противъ прежняго болѣе усовершенствованы. До этого же времени, по несовершенству ихъ, приступомъ крѣпости или города брали рѣдко, предпочитая принуждать ихъ къ сдачѣ тѣснымъ со всѣхъ сторонъ обложеніемъ и голодомъ. Изъ описанія русскихъ осадъ этого времени не видно, чтобы русскія войска для приближенія къ крѣпости употребляли апроши, по крайней мѣрѣ въ томъ же видѣ, что и въ западной Европѣ.

Оборона русскими войсками крѣпостей и городовъ была сообразна осадѣ. Главнѣйшими средствами ея были сильныя: дѣйствіе огнестрѣльныхъ тяжелыхъ орудій и ручнаго оружія и вылазки для разрушенія осадныхъ работъ осаждавшаго, пораженія и прогнанія войскъ его, а съ половины XVI вѣка, сверхъ того, пороховыя подкопы для разрушенія осадныхъ работъ его.

§ 174.

Общій выводъ.

Историческіе ходъ и развитіе военнаго устройства и военнаго дѣла въ русскомъ царствѣ отъ Іоанна III до воцаренія Михаила Фёдоровича Романова, съ общей точки зрѣнія, имѣютъ особенныя значенія и важность въ отношеніи какъ къ предъидущимъ временамъ, такъ и къ послѣдующему до преобразованій Петра I. Рѣшительное направленіе далъ имъ Іоаннъ III и въ этомъ направленіи военное устройство русскаго царства и военное дѣло въ немъ

постоянно развивались до самаго Петра I. Дабы вникнуть въ ходъ и развитіе ихъ, обсудить и оцѣнить ихъ по возможности всестороннѣе и вѣрнѣе, необходимо принять во вниманіе всѣ многоразличныя причины и обстоятельства, имѣвшія естественное, прямое или косвенное, вліяніе на нихъ. Сюда должно отнести: прежде и болѣе всего—200-лѣтнее господство монголо-татаръ надъ восточною Русью; затѣмъ — внутреннія и внѣшнія обстоятельства и событія въ ней, политику и государственныя мѣры московскихъ государей, отъ Іоанна I Калиты до Іоанна IV включительно, и особенно Іоанна III,—византійское вліяніе при послѣднемъ, вліяніе западной Европы при немъ же и его преемникахъ, и изъ числа военныхъ учреждений его—особенно военно-помѣстную службу.

Господство монголо-татаръ надъ восточною Русью, хотя продолжалось всего два вѣка и изъ нихъ съ особенною силою только одинъ первый, но надолго оставило глубокіе слѣды и на военномъ, какъ и на всемъ вообще государственномъ и общественномъ бытѣ ея. Она, которая до того времени ни въ чемъ не уступала западной Европѣ, въ томъ числѣ и въ военномъ отношеніи,—въ 200 лѣтъ господства монголо-татаръ настолько же времени отдалилась отъ нея и сблизилась съ Азіей. И если это съ одной стороны естественнымъ образомъ повело къ единовластію московскихъ государей, объединенію ими восточной Руси и освобожденію ея отъ татаръ, то съ другой стороны имѣло многія невыгодныя послѣдствія. Тяжкіе налоги для уплаты татарской дани, вмѣстѣ съ татарскими разореніями, убивъ промышленность и торговлю народныя, повергли народъ въ нищету. Огрубѣвъ умственно и нравственно, оставаясь въ невѣжествѣ, онъ привыкалъ къ рабству, раболѣпству, униженію, обманамъ и т. п. Татарская судебная расправа, даже въ дѣлахъ гражданскихъ — казнь торговая (правежъ, пытка, батоги, кнутъ и пр.) и смертная — (даже за малѣйшія преступленія), еще болѣе унижала духъ народный. Все это, естественнымъ образомъ, не могло не отражаться и на войскѣ, состоявшемъ изъ временныхъ, сословныхъ народныхъ ополченій. И-если и въ немъ также, съ одной стороны—постепенное сосредоточеніе даровало ему силу, заключающуюся въ единствѣ, и лучшее противъ прежняго устройство, то съ другой стороны—въ немъ развились: вредное мѣстничество между боярами и воеводами, и военно-помѣстная служба, соединенная съ гораздо болѣе большими недостатками и невыгодами, нежели достоинствами и выгодами. При томъ, заимствовавъ у монголо-татаръ весьма многое въ военномъ устройствѣ и военномъ дѣлѣ, мы не заимствовали у нихъ того, что было наиболѣе существеннаго въ мудрыхъ военныхъ учрежденіяхъ Чингизъ-хана, собранныхъ въ сводѣ законовъ его

подъ названіемъ Яса (см. В. В. И. среднихъ вѣмъ Ч. II, главу VIII, § 69).

Внутреннія и внѣшнія обстоятельства и событія также имѣли свою немаловажную долю вліянія. Внутри—борьба московскихъ государей съ удѣльными князьями, съ Новгородомъ и Псковомъ, крутыя мѣры Іоанна III и особенно Іоанна IV во 2-й половинѣ его царствованія, вредное развитіе полезнаго учрежденія стрѣльцовъ, еще болѣе вредное, хотя и кратковременное существованіе опричнины, то полезное, то вредное участіе казачества въ русскихъ внѣшнихъ и внутреннихъ войнахъ, и особенно междуусобія въ смутное время междуцарствія и самозванцовъ, а извнѣ—постоянная борьба съ татарами, Литвою, Польшей, ливонскимъ орденомъ и шведами невыгодно вліяли на благоустройство русскаго войска.

Заслуги московскихъ государей, начиная отъ Іоанна I до Іоанна IV включительно, во всемъ, что касалось политики ихъ, несомнѣнны. Уничтоженіе удѣловъ, объединеніе и усиленіе восточной Руси, освобожденіе ея отъ татаръ, воссоединеніе съ нею древнихъ областей ея на сѣверѣ и западѣ и возвеличеніе ея на степень самостоятельнаго и могущественнаго государства — таковы были цѣли этой мудрой политики, съ успѣхомъ достигнутыя и въ политическомъ, и въ военномъ отношеніи. Честь и слава этого особенно принадлежали Іоанну III, который завершилъ дѣло своихъ предшественниковъ, объединивъ, усиливъ, освободивъ и возвеличивъ восточную Русь и опредѣливъ законами внутреннее устройство ея, военное, какъ и гражданское. Онъ ввелъ раздѣленіе на полки (или большіе корпуса и разряды (росписаніе полковъ по мѣстностямъ), опредѣлялъ взаимныя отношенія между воеводами, старался установить въ войскахъ строгую дисциплину, увеличилъ нарядъ или артиллерию и положилъ первыя начала содержанію постоянныхъ, ппоземныхъ, наемныхъ войскъ на жалованьѣ. Но, для освобожденія Руси отъ татаръ и для войны съ ними, Новгородомъ, Псковомъ, Литвою, Польшей и другими внѣшними врагами, имѣя надобность въ большемъ числѣ вооруженныхъ силъ, онъ роздалъ многочисленному сословію боярскихъ дѣтей помѣстья, съ обязанностью нести военно-помѣстную службу, т. е. сдѣлалъ то, что въ это самое время, въ западной Европѣ, въ подобной же формѣ ленной службы, уже оказало полную несостоятельность и повсюду стало быть замѣняемо содержаніемъ постоянныхъ войскъ на жалованьѣ. Русская же военно-помѣстная служба, развиваясь въ данномъ направленіи все болѣе и болѣе, въ послѣдствіи стала уже, въ сравненіи съ современнымъ военнымъ устройствомъ западной Европы, совершеннымъ анахронизмомъ. Многочисленность пародныхъ ополченій не могла замѣ-

нить правильнаго устройства постоянныхъ, хотя и менѣе многочисленныхъ войскъ. Опредѣленіе взаимныхъ отношеній воеводъ не могло не только прекратить, но даже ограничить развитія мѣстничества, по характеру своему—полу-азіятскаго. Суровая военная дисциплина, соединенная съ торговою и смертною казнію, бессильна была однако создать изъ временныхъ, всесловныхъ, хотя и многочисленныхъ, русскихъ ополченій дисциплинированное въ строгомъ смыслѣ слова войско. Первые попытки содержанія постоянныхъ иноземныхъ войскъ на жалованьѣ были очень ограничены, какъ по малому числу, такъ и по малой добровачественности иноземныхъ наемниковъ въ русскомъ войскѣ. Къ этому нужно еще прибавить, что бракъ Іоанна III съ Софіей Палеологъ, племянницей послѣдняго константинопольскаго императора Константина Палеолога, дочерью брата его Ѳомы, полезный въ одномъ отношеніи, былъ не безвреденъ въ другомъ. Если, по вліанію Софіи, Іоаннъ III свергнулъ татарское иго и создалъ самостоятельное русское царство, въ формахъ, подобныхъ тѣмъ, которыя нѣкогда имѣла павшая византійская имперія, то, съ другой стороны, къ татарскому вліанію, еще надолго оставшемуся на Руси, присоединилось вліаніе только-что павшей подъ ударами турокъ, но уже давно глубоко-павшей и растлѣнной нравственно Визанціи, которая сама 9½ вѣковъ была полу-азіятскою монархіей. Въ военномъ отношеніи, хотя и нельзя положительно утверждать, что византійское вліаніе имѣло прямое воздѣйствіе на внѣшнія формы и внутренній духъ военнаго устройства русскаго царства, однако, случая ихъ съ тѣми, которые были присущи византійской имперіи съ V вѣка, нельзя, кажется, не замѣтить нѣкотораго сходства между ними (см. В. В. И. др. вр. Ч. V и сред. Ч. I-II). Византійское вліаніе, сочетавшись съ оставшимся татарскимъ, осплывило и подавило слабое, одностороннее и недостаточное вліаніе западной Европы, ограничивавшееся лишь привлеченіемъ въ русскую службу небольшого числа художниковъ, техниковъ и иноземныхъ военныхъ наемниковъ. Все это создалось, безъ сомнѣнія, силою самыхъ обстоятельствъ, но и не безъ участія въ томъ воли и расположенія Іоанна III. Раздѣляя съ русскимъ народомъ приверженность къ отечественной старинѣ, но и оставшееся отъ 200 лѣтъ татарскаго ига отчужденіе отъ вліанія иноземнаго—нѣмецкаго, т. е. западно-европейскаго, Іоаннъ III, вмѣстѣ съ сверженіемъ татарскаго ига, не примкнулъ рѣшительно къ западной Европѣ, pq крайней мѣрѣ въ военномъ отношеніи, въ чемъ могъ бы почерпнуть большія и лучшія средства для одолѣнія особенно татаръ и Литвы съ Польшей, чѣмъ въ учрежденіи военно-помѣстной службы. Послѣдняя, правда, давала большое число войскъ, но въ видѣ народ-

ныхъ ополченій, чуждыхъ западно-европейскаго правильнаго устройства и притомъ предводимыхъ воеводами, считавшимся мѣстами по родословному происхожденію. Такимъ образомъ, направленіе, данное Іоанномъ III военному устройству Руси и военному дѣлу въ ней и въ которомъ они продолжали быть развиваемы преемниками его до самаго конца XVII вѣка, въ татарско-византійскомъ духѣ болѣе, нежели въ западно-европейскомъ, еще на два цѣлыхъ вѣка отдалило ихъ отъ преобразованій по образцу западной Европы, которыя наконецъ рѣшительно произвелъ въ нихъ лишь Петръ I.

Изъ преемниковъ Іоанна III, Іоаннъ IV особенно развилъ въ данномъ первомъ направленіи военное устройство русскаго царства вообще и военно-помѣстную службу въ частности, съ прибавленіемъ къ тому стрѣльцовъ, полезныхъ въ началѣ, но въ послѣдствіи ставшихъ русскими янычарами, и особенно опричнины — этого чисто татарско-византійскаго учрежденія, къ счастью существовавшаго недолго. Особенно во 2-ю половину царствованія Іоанна IV, военное устройство русскаго царства, не смотря на содержаніе большаго, нежели прежде, числа иноземныхъ военныхъ наемниковъ, получило, можно сказать, гораздо болѣе характеръ свойственный ему въ азіатскихъ монархіяхъ, чѣмъ въ современныхъ западно-европейскихъ. Иное слѣдуетъ сказать о Борисѣ Годуновѣ: этотъ необыкновенно умный и просвѣщенный государственный человѣкъ, убѣжденный, что уже настала пора рѣшительно разорвать связь съ Азіей и замѣнить ее связью съ западною Европой, мудро и искусно оградилъ и обезпечилъ русское царство военно-оборонительными мѣрами съ востока и юга, но все свое вниманіе и всѣ свои усилія обратилъ на военно-наступательныя мѣры противъ сѣверныхъ и западныхъ враговъ—Швеціи и Польши, и на тѣснѣйшее сближеніе Руси съ западною Европой, въ военномъ отношеніи, между прочимъ, стремленіемъ къ военному устройству ея, болѣе схожему съ западно-европейскимъ. Начало тому онъ положилъ умноженіемъ числа иноземныхъ наемныхъ тѣлохранителей, оставшихся по смерти Іоанна IV и долженствовавшихъ образовать ядро русскаго войска, устроеннаго по западно-европейскому образцу. Но царствованіе его было слишкомъ кратковременно, и по смерти его, въ одно время съ появленіемъ 1-го самозванца, благія начинанія его были безслѣдно поглощены 9-ти-лѣтнимъ водоворотомъ смутнаго времени междоцарствія и самозванцовъ.

Такимъ образомъ вообще настоящій періодъ времени представляетъ явленіе естественнаго, силою обстоятельствъ, развитія военныхъ устройства, учреждений и дѣла въ русскомъ царствѣ изъ на-

чалъ, положенныхъ въ предъидущихъ періодахъ, особенно въ непосредственно предшествовавшемъ, и въ силу даннаго Іоанномъ III направленія, въ томъ же смыслѣ и духѣ, и въ послѣдующемъ періодѣ до Петра I.

ГЛАВА XXII.

СОВРЕМЕННЫЯ СОСѢДНІЯ ГОСУДАРСТВА И НАРОДЫ.

- § 175. Швеція.—§ 176. Польша и Литва.—§ 177. Казаки до XVI вѣка.—
§ 178. Днѣпровскіе и малороссійскіе казаки.—§ 179. Донскіе и иные восточные казаки.—§ 180. Турки.—§ 181. Татары.

§ 175.

Ш в е ц і я.

До послѣдней четверти XV вѣка военная служба въ Швеціи лежала преимущественно на королевскихъ служилыхъ мужахъ (лейдахъ) или дворянствѣ и исполнялась неудовлетворительно. Собственно же народъ мало участвовалъ въ исполненіи ея, кромѣ нѣкоторыхъ случаевъ, когда шведскія арміи составлялись изъ крестьянскихъ ополченій (гл. XIX § 160).

Но войны съ Даніей за независимость Швеціи положили начало новому военному устройству послѣдней. Крестьянскія ополченія получили рѣшительный перевѣсъ надъ дворянскими и съ возрастающимъ успѣхомъ. Это началось уже при знаменитомъ правителѣ Швеціи Стено Стурѣ (1470 — 1504). Въ сраженіи на Брунксбергѣ (1471) пѣхота его состояла большею частію изъ крестьянъ, главнымъ оружіемъ которыхъ были луки и старинныя шведскія сѣкиры (svenske palyxe).

Это военное устройство получило еще большее развитіе при знаменитомъ Густавѣ I Ваза (1521—1559). Онъ съ необыкновеннымъ искусствомъ умѣлъ направлять силу крестьянскихъ ополченій и пользоваться ею, хотя она вначалѣ имѣла очень простыя и суро-

ныя формы. Крестьяне, жители горныхъ долинъ Швеціи, изъ которыхъ Густавъ Ваза образовалъ первыя арміи свои, не имѣли ни огнестрѣльнаго оружія, ни правильнаго военнаго устройства, а были вооружены только сѣкирами, луками, пращами и пиками. Но Густавъ Ваза научилъ ихъ лучшей выковкѣ стрѣль, удлинилъ пики, для отраженія конницы, и военными упражненіями приучалъ ополченцовъ къ порядку въ строю и дѣйствіяхъ.

По восстановленіи независимости Швеціи, Густавъ Ваза уже рѣдко собиралъ крестьянскія ополченія. Однако народный элементъ продолжалъ имѣть перевѣсъ въ войскѣ, а къ нему присоединился другой, новый—нѣмецкихъ наемниковъ на жалованьѣ. Эти двѣ составныя части войска были обращены на содержаніе гарнизоновъ въ укрѣпленныхъ городахъ, и такимъ образомъ составился родъ постояннаго войска. На государственныхъ же дорогахъ были учреждены укрѣпленные склады оружія и сборныя мѣста войскъ (пладдармы) на случай опасности извнѣ. Определено было, сколько дворянство, города и области могли и должны были выставять вооруженныхъ людей (область Смаландъ—5-го чел., а прочія—7-го, въ чрезвычайныхъ же случаяхъ—и по 1 чел. съ двора). Конную службу дворянства Густавъ Ваза опредѣлилъ по-доходно, т. е. соразмѣрно съ доходами имѣній. Въ концѣ царствованія его, въ шведскомъ войскѣ, отчасти на жалованьѣ, отчасти поселенныхъ на квартирахъ, было 12,034 чел. пѣхоты и 1370 чел. конницы шведскихъ и 540 чел. пѣхоты и 296 чел. конницы нѣмецкихъ наемниковъ. Послѣдніе получали большіе оклады жалованья, нежели шведскія войска, а въ этихъ было мало различія въ окладахъ офицеровъ и рядовыхъ.

Густавъ Ваза первый положилъ также начало созданію морскихъ военныхъ силъ Швеціи, вмѣсто однихъ прежнихъ мелкихъ судовъ. Въ войнахъ съ русскими онъ употреблялъ даже родъ канонерскихъ ботовъ съ 10—12 парами весель.

По смерти его, въ 40 лѣтъ (1560—1599) до Карла IX военное устройство Швеціи находилось въ безпорядкѣ и упадкѣ. Во время смуты при Эрикѣ XIV (1560—1568) дворянству были даны многія военно-служебныя льготы, несмотря на что, оно исполняло свою службу очень небрежно и неудовлетворительно. Война и чума уменьшили народонаселеніе. Въ войскѣ дисциплина исчезла, происходили побѣги, мятежи, безпорядки и насильства всякаго рода. Однако Эрикъ первый ввелъ раздѣленіе на полки, сначала очень большіе—въ 6 т. чел., изъ 12 значковъ или ротъ въ 500 чел. Но это раздѣленіе уничтожилось при преемникѣ Эрика и возобновилось только позже.

Іоаннъ III (1568—1592) еще умножилъ военныя льготы дворян-

ства, и служба послѣдняго ограничилась еще болѣе. Въ 1573 г. Иоаннъ постановилъ, чтобы молодые дворяне, по достиженіи 17 лѣтъ, при невозможности служить въ конницѣ, по крайней мѣрѣ служили на жалованьѣ.

Сигизмундъ III (1592 — 1598), утвердивъ всѣ прежнія уступки и льготы дворянству, еще болѣе ограничилъ службу его.

Только Карлъ IX (1599—1611) положилъ наконецъ преграду возраставшему упадку военнаго устройства Швеціи и началъ устранять то стѣсненіе, которому феодализмъ подвергалъ развитіе его. Онъ склонилъ дворянство на денежные и матеріальныя пособія войску, далъ правильное устройство конницѣ, со времени Густава Вазы содержавшейся крестьянами казенныхъ дворовъ, опредѣлилъ число людей въ ней (по 120 чел. въ значкѣ или ротѣ), доходы въ мирное время, вооруженіе и жалованье въ военное. Каждый всадникъ—хозяинъ двора былъ обязанъ имѣть добраго коня, крѣпкій доспѣхъ, 2 короткія и 2 длинныя аркебузы и прочныя: мечъ или палашъ, сѣдло и сбрую. Въ 1608 г. дворянство обѣщало поставлять людей въ эту конницу, но исполняло свое обѣщаніе неудовлетворительно. За то Карлъ даровалъ дворянскія льготы тѣмъ недворянамъ, которые согласились служить на конѣ или пѣшкомъ съ собственнымъ вооруженіемъ. Онъ назначилъ упомянутой конницѣ дворы для жительства, жалованье и разныя земельныя льготы. Сверхъ того, онъ содержалъ также нидерландскихъ наемниковъ и 1 полкъ французской конницы. Наконецъ въ 1595 г. онъ призвалъ на государственный сеймъ уполномоченныхъ отъ войскъ и такимъ образомъ обратилъ военное сословіе въ государственное.

Пѣхота носила большею частию стальные, желѣзныя или мѣдныя латы и имѣла аркебузы и мушкеты съ фитильными или колесными замками, которые при Карлѣ IX были уже замѣнены кремневыми. Однако луки оставались еще въ употребленіи. Мечи, пики и сабли были различныхъ величипы и формы, но главнымъ оружіемъ была пика. Подобно конницѣ, и пѣхота также раздѣлялась на значки или роты, сначала въ 500 чел., а при Карлѣ IX въ 400, 300 и даже 200. Каждому значку придавалось нѣсколько человѣкъ легкой пѣхоты (*enfants perdus, verlorene Knechte*). Каждымъ значкомъ начальствовалъ капитанъ, а подъ нимъ 1 поручикъ, 1 прапорщикъ, квартирмейстеры и унтеръ-офицеры. При каждомъ значкѣ были барабанщики и 1 флейщикъ, а при штабѣ—полевые проповѣдники, фельдшеры и профось. Для боя, одинаково вооруженныхъ людей часто строили вмѣстѣ.

Артиллерія пользовалась, особенно при Карлѣ IX, большою работливостью. Она раздѣлялась на тяжелую или осадную и на поле-

вую. Къ первой принадлежали картауны и большіе планги, а ко второй меньшіе, всѣ разныхъ родовъ, видовъ и наименованій, частію мѣдныя, частію желѣзныя, калибрами подобныя нѣмецкимъ. Карлъ IX ввелъ въ употребленіе также одинъ родъ легкаго желѣзнаго орудія, которое заказалъ отлить въ Англіи, и учредилъ во многихъ мѣстахъ литейные дворы для литья орудій, вызвалъ многихъ искусныхъ иностранныхъ литейщиковъ и вообще всѣми мѣрами старался усовершенствовать артиллерію. Въ 1594 г. въ Швеціи считалось уже 1432 орудія мѣдныхъ и 2027 желѣзныхъ. Всею артиллеріей начальствовалъ фельдцейгмейстеръ.

Въ войнахъ на сѣверѣ особенный родъ войскъ составляли лыжники (skidlöpare) на лыжахъ, большею частію изъ Финляндіи, служившіе какъ легкія войска.

Главнымъ начальникомъ всего войска былъ государственный маршалъ, которому король часто назначалъ товарища изъ шведовъ или иностранцовъ, подъ названіемъ полеваго полковника или генераль-полковника. При главномъ предводителѣ часто состоялъ военный совѣтъ изъ высшихъ военныхъ чиновъ. Пѣхотой начальствовалъ генераль-полковникъ, а конницею фельдмаршалъ.

Жалованья въ 1561 г. производилось: одному всаднику отъ 30 до 70 марокъ, смотря по вооруженію, а тому, кто не имѣлъ оборонительнаго вооруженія—отъ 8 до 10 марокъ. Придворная или дворцовая рота (знамя) получала большее жалованье. Продовольствіе войскамъ производилось или отъ крѣпостей и замковъ, въ которыхъ они содержали гарнизоны, или отъ крестьянъ, у которыхъ квартировали, или же выдачею отъ казны. Если же оно не производилось натурой, то увеличивалось жалованье, всегда въ соразмѣрности съ лучшимъ или худшимъ вооруженіемъ. Иностраннымъ наемникамъ Карлъ IX давалъ опредѣленные задатки, а въ награду за походы, смотря по важности ихъ, отъ 12 до 16 марокъ на человѣка. Одежду войска получали отъ казны. Тѣлохранители короля были одѣты однообразно, и въ прочихъ войскахъ Карлъ IX началъ отчасти вводить однообразную одежду. Въ зимніе походы они получали мѣховую одежду. Во время войны и походовъ они располагались въ шалахахъ и землянкахъ, а выборомъ и исправленіемъ дорогъ завѣдывалъ начальникъ обоза.

Въ такомъ состояніи находилось военное устройство Швеціи и ея войска до знаменитаго сына Карла IX—Густава II Адольфа.

§ 176.

Польша и Литва.

По смерти Казимира III Великаго (1333—1370), исторія военного устройства Польши и военного дѣла въ ней тѣсно соединена съ исторіей постепенно возраставшихъ: усиленія власти дворянства и ослабленія власти королевской. По мѣрѣ того, какъ первая росла и усиливалась, а послѣдняя слабѣла и упала, военное устройство Польши принимало особенный видъ, сходный съ западно-европейскимъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, но уже постепенно болѣе и болѣе различествовавшій съ нимъ во всѣхъ прочихъ. Между тѣмъ, какъ въ западной Европѣ феодализмъ постепенно слабѣлъ и наконецъ рушился, а монархическая власть, при содѣйствіи средняго сословія, усилилась и утвердилась, — въ Польшѣ, напротивъ, среднее сословіе, состоявшее большею частію изъ нѣмецкихъ переселенцовъ и евреевъ, было чуждымъ и народу, и государству; королевская власть, лишенная его содѣйствія, ослабѣла до того, что наконецъ сдѣлалась ничтожною, а дворянство захватило верховную власть въ государствѣ и предписывало законы самимъ королямъ. Казимиръ III Великій, Сигизмундъ I (1506—1548 г.), Сигизмундъ II Августъ (1548—1572 г.), Стефанъ Баторій (1574—1586 г.) и Сигизмундъ III (1586—1632 г.) болѣе или менѣе усовершенствовали военное устройство Польши многими важными и полезными военными учрежденіями и законами, но уже не могли измѣнить принятаго имъ, сообразно съ политическимъ и гражданскимъ устройствомъ Польши, направленія.

Въ XVI вѣкѣ оно достигло наибольшаго своего развитія и вообще представляло слѣдующія главныя черты, которыя сохранило до самаго конца политическаго бытія Польши:

Обязанность оборонять государство лежала вообще на сословіи землевладѣльцовъ и преимущественно на дворянствѣ. Главнымъ видомъ вооруженныхъ силъ Польши было земское ополченіе, составленное изъ войскъ, выставляемыхъ съ имѣній королевскихъ, духовныхъ и дворянскихъ, а главную силу земскаго ополченія составляло высшее и низшее дворянство (шляхта). Въ случаяхъ особенной важности производилось, какъ прежде, всеобщее ополченіе (*pospolite ruszenie*). Составъ земскаго ополченія, порядокъ сбора его, несенія въ немъ службы, чиновначалія, подчиненности, увольненія отъ службы и проч. были опредѣлены особыми законами и постановленіями. На основаніи ихъ, всѣ совершеннолѣтніе дворяне и городскіе

жители, владѣвшіе землями, были обязаны, по требованію короля и государственнаго сейма, являться съ опредѣленнымъ числомъ людей, въ предписанномъ вооруженіи и съ пужными запасами продовольственными и военными, на назначенныхъ сборныхъ мѣстахъ, подъ предводительствомъ своихъ частныхъ военачальниковъ (хорунжихъ, каштелляновъ и воеводъ), въ своихъ округахъ, повѣтахъ, воеводствахъ и наконецъ на главномъ сборномъ мѣстѣ цѣлаго войска. Здѣсь ему производился общій смотръ и оно поступало подъ главное начальствованіе назначаемаго королемъ великаго или коронаго гетмана польскаго, который имѣлъ неограниченную власть, часто даже надъ жизнью и достояніемъ дворянъ.

Въ составъ земскаго ополченія входили также: 1) собственныя королевскія войска или тѣлохранители, въ числѣ постепенно менѣе и менѣе значительномъ, служившіе на жалованьѣ и содержаніи королей; 2) дворовыя дружины и хоругви (*padworne hufce i chorągwie*) или собственныя войска лицъ высшаго дворянства (магнатовъ), въ числѣ иногда весьма значительномъ, служившія на жалованьѣ и содержаніи тѣхъ, кому принадлежали; 3) малоросійскіе казаки, которые, за роздачныя имъ земли и опредѣленные оклады денежнаго жалованья, выставляли особые казачьи полки (см. ниже § 178), — и 4) иностранныя наемныя дружины, преимущественно пѣшія.

Числительная сила польскаго войска нерѣдко была весьма значительна. Польша, еще до присоединенія къ ней Пруссіи, Курляндіи и Лифляндіи, могла выставлять до 150,000 войскъ, а по присоединеніи этихъ областей и по совершенномъ соединеніи ея съ великимъ княжествомъ литовскимъ — и вдвое болѣе. Такъ, напримѣръ, въ войскѣ Иоанна Алберта, въ походѣ его на Волынь (1499), однихъ дворянъ было до 80,000 чел., — Сигизмундъ II Августъ совершилъ походъ въ Лифляндію съ 120,000 войскъ, выставленныхъ однимъ великимъ княжествомъ литовскимъ и Червонною Русью, а Сигизмундъ III, для похода противъ Хотина, собралъ только съ четырехъ воеводствъ до 52,000 войскъ.

До половины XVI вѣка польскія войска, какъ и прежде, внутри государства служили безъ жалованья, а внѣ предѣловъ его получали небольшіе денежныя оклады, но безъ всякой опредѣлительности и правильности. Первые же слѣды правильнаго содержанія войскъ на жалованьѣ усматриваются не ранѣе 1562 года. Въ этомъ году на Шютрковскомъ сеймѣ постановлено было четвертую часть (*kwarta*) доходовъ съ королевскихъ имѣній и староствъ обратить на содержаніе войска. Этими средствами можно было содержать многочисленное войско. Но отъ неисправности-ли въ уплатѣ или въ сборѣ кварталы,

либо отъ злоупотребленій и расхищенія этихъ доходовъ, число кварціанъ (kwarciane) или войскъ на жалованьѣ, также жолнеровъ (zolnerzy, отъ испорченнаго нѣмецкаго слова Söldner) всегда было, въ отношеніи къ обширности государства, весьма незначительно, никогда не превосходя 60,000 человекъ. Стефанъ Баторій, въ войнѣ съ Россіей, имѣлъ не болѣе 40,000 кварціанъ или жолнеровъ, считая въ томъ числѣ и собственныхъ его гѣлохранителей. Кварціане или жолнеры до самаго раздѣла Польши составляли единственное въ ней постоянное войско на жалованьѣ. Денежные оклады жалованья были по временамъ различны. Въ 1567 г. сенатъ установилъ платить въ треть: товарищу (towarzysz) или конному дворянину—8, а ротмистру—10 польскихъ злотыхъ, плата для того времени довольно большая, по крайней мѣрѣ болѣе значительная, нежели въ современныхъ войскахъ французскихъ и нѣмецкихъ (тогдашній злотый стоилъ около 10 позднѣйшихъ).

Военные законы и постановленія польскія предписывали соблюденіе строгихъ воинскихъ: подчиненности, порядка и благоустройства, и всякое нарушеніе ихъ, неповиновеніе, своеволие, сборъ съ края продовольствія и фуража, сопряженный съ насильствомъ и грабежомъ, и тому подобныя безпорядки были наказываемы, по этимъ законамъ, тюремнымъ заключеніемъ или денежными пенями. Тѣмъ не менѣе, польскія войска никогда не отличались воинскимъ порядкомъ, весьма часто обнаруживали духъ неповиновенія, своеволія, буйства, а на войнѣ знаменовали себя большими безпорядками, грабежомъ и разореніемъ края и жителей. Это было весьма естественнымъ слѣдствіемъ государственнаго устройства и образа правленія Польши, не заключавшихъ въ себѣ тѣхъ способовъ и средствъ, которые необходимы для внушенія должнаго уваженія къ законамъ и для приведенія послѣднихъ въ точное исполненіе.

Что касается Литвы, то, какъ уже было сказано выше (глава XVIII § 159), по завоеваніи литовцами областей западной и юго-западной Руси, древне-русское военное устройство послѣднихъ осталось въ нихъ господствующимъ, также какъ и православная вѣра, и русскіе: языкъ, законы, нравы и обычаи. Преемники Гедимина, особенно Ольгердъ и Витовтъ, развили и усовершенствовали военное устройство великаго княжества литовскаго, но на тѣхъ же самыхъ началахъ и въ томъ же самомъ духѣ. Въ XV же и XVI вѣкахъ, со времени вступленія Ягелла на престолъ Польши, до Сигизмунда III, въ періодъ сильнаго противудѣйствія литовскаго народа еще сильнѣйшему вліянію Польши и въ особенности римскаго духовенства и могущественнаго польскаго дворянства, военное устройство великаго княжества литовскаго, въ главнѣхъ основаніяхъ своихъ хотя и со-

храняло древній, коренной русской характеръ, но уже постепенно съ большимъ подчиненіемъ вліянію учрежденій и обычаевъ польскихъ. Наконецъ, со временъ Сигизмунда III, когда свершилось окончательное сліяніе великаго княжества литовскаго съ королевствомъ польскимъ въ одну державу, военное устройство перваго получило уже характеръ преимущественно польскій, который и удержало до самаго возсоединенія литовско-русскихъ областей съ Россіей. Въ XVI вѣкѣ законы, опредѣлившіе между прочимъ и военное устройство великаго княжества литовскаго въ новомъ его видѣ, были собраны Сигизмундомъ I, дополнены Сигизмундомъ II Августомъ и наконецъ утверждены и изданы Сигизмундомъ III (1588 г.) подъ названіемъ литовскаго статута.

Главною, многочисленнѣйшею и лучшею частью польскаго войска всегда была конница: казаки, иностранныя наемныя конныя дружины и особенно польская дворянская конница.

Главными двумя видами послѣдней были гусары (*huszarze*) и напцерики (*pancerni*). Въ гусарахъ, по причинѣ богатыхъ одежды и вооруженія ихъ и дорогаго содержанія, служили только самые богатые дворяне. Вооруженіе и устройство гусаровъ было весьма сходно съ вооруженіемъ и устройствомъ западно-европейской рыцарской конницы и особенно французскихъ ордонасъ-ротъ. Они носили полный доспѣхъ: шлемъ, латы съ ожерельемъ, набедренникомъ, парубавниками, наложницами, рукавицами и проч. — совершенно подобныя тѣмъ, которые носили современные нѣмецкіе и французскіе рыцари. Къ лѣвому боку ихъ привѣшена была кривая сабля, а къ сѣдлу съ лѣвой же стороны — палаши длиною въ 5 футовъ. Сверхъ того гусары имѣли боевыя молоты. Но главнымъ оружіемъ ихъ было копье, длиною до 19 футовъ, такого же вида, какъ рыцарскія копья у нѣмцовъ, французовъ и др., и съ значкомъ или флюгеромъ на верху, часто весьма длиннымъ. На плечахъ и за спиною гусары носили львиныя, тигровыя или леопардовыя шкуры. Веѣ части вооруженія ихъ были богато украшены золотомъ и серебромъ, а шлемы сверхъ того перьями. Каждый гусаръ имѣлъ при себѣ 4-хъ пахоликовъ или оруженосцовъ на легкихъ коняхъ и легко-вооруженныхъ. 20 гусаровъ съ 80 ихъ пахоликами составляли самостоятельную часть — роту или эскадронъ конницы въ 100 всадниковъ и столько же коней. Изъ нихъ 20 гусаровъ въ бою составляли переднюю шеренгу; а 80 пахоликовъ — 4 заднія, такъ что за каждымъ гусаромъ находились одниъ за другимъ 4 его пахолика — строй, совершенно подобный строю французскихъ ордонасъ-ротъ. Гусары сражались одинаково хорошо противъ конницы и противъ пѣхоты и въ составѣ всей конницы были лучшею и многочисленнѣйшею частью ея,

Панцерниковъ составляло низшее дворянство (мелкая шляхта). Они были вооружены саблями, ручнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ (со времени введенія его), именно короткими ружьями и длинными пистолетами, и нерѣдко еще луками и стрѣлами. Оборонительное вооруженіе ихъ составляли панцыри, желѣзные шапки или мисюрки (*misiorka*) съ кольчатыми сѣтками, прикрывавшими лицо, шею, плечи и спину. Огнестрѣльные и походныя принадлежности они носили привѣшенными къ поясу съ правой стороны. Панцерники составляли легкую конницу. Сходныя съ ними вооруженіе и устройство имѣли и нѣкоторые другіе роды польской конницы, между прочимъ столь извѣстные дѣйствіями своими въ Россіи, въ смутное время, конные партизаны—лисовчики (*Lissowczyki*), называвшіеся такъ по имени предводителя своего Лисовскаго.

Малороссійскіе казаки оказали Польшѣ, особенно при Стефанѣ Баторіѣ и Сигизмундѣ III, величайшія услуги и пользу, и часто находились въ польскомъ войскѣ въ числѣ до 30,000 чел. Они отличались неутомимостью, быстротою и воинскими удальствомъ и отвагой, и были весьма полезны какъ легкія войска. Народныя: одежда и вооруженіе, равно и образъ дѣйствій ихъ имѣли характеръ полуазіятскій. На легкихъ коняхъ своихъ, легковооруженные, они удобно и ловко дѣйствовали саблею и ружьемъ съ коня во всѣ стороны. Каждый казакъ возилъ при себѣ на конѣ необходимыя продовольственныя запасы, огнестрѣльные и походныя принадлежности. Иногда казаки служили и сражались также пѣшими.

Въ случаяхъ, если народной польской конницы было недостаточно, правительство нанимало въ свою службу конныя дружины венгровъ, нѣмцовъ, чеховъ и даже шотландцовъ.

Пѣхота въ польскомъ войскѣ до временъ Стефана Баторія состояла изъ временно-собираемой, дурно-вооруженной и неустроенной черни, въ незначительномъ числѣ, либо изъ иностранныхъ наемниковъ—еще въ меньшемъ. Убѣжденный въ пользѣ, важности и необходимости постоянной, хорошо-вооруженной и правильно-устроенной пѣхоты, Стефанъ Баторій установилъ, чтобы съ каждыхъ 20 дворовъ въ цѣломъ государствѣ было выставляемо по одному способному къ военной службѣ пѣшему ратнику, вооруженному ружьемъ, мечомъ и топоромъ, и по одному десятнику, вооруженному бердышемъ (*darda*). Знаменитый Замоискій поручилъ образованіе и правильное устройство этой пѣхоты одному изъ своихъ родственниковъ. Успѣхъ былъ значительный, и даже многіе богатые дворяне согласились вступить въ новое пѣшее войско. Внутренне устройство его мало извѣстно. Оно раздѣлялось на полки, хоругви (*chorągwie*), пятидесятни и десятни. Вооруженіе его состояло изъ ружей и топо-

ровъ,—последніе употреблялись какъ на приступахъ, такъ и для исправленія дорогъ, походныхъ работъ и проч. Польская пѣхота отличалась храбростью и стойкостью и достойно соперничествовала съ польскою конницею. Главную и лучшую часть ея составляли впрочемъ, послѣ Стефана Баторія, нѣмцы, особенно пруссаки, сражавшіеся всегда съ большимъ отличіемъ.

Огнестрѣльное оружіе сдѣлалось извѣстнымъ въ Польшѣ уже вскорѣ послѣ введенія его въ западной Европѣ. Объ огнестрѣльныхъ орудіяхъ (armatu) въ польскомъ войскѣ впервые упоминается въ описаніи битвы при Грюнвальдѣ или Танненбергѣ, въ 1410 году, и весьма часто съ этого времени. Польская артиллерія, увеличеніемъ числа орудій и усовершенствованіемъ устройства и дѣйствія своихъ, была много обязана Ягеллонамъ. Іоаннъ Албертъ въ походѣ на Волинь (1499 г.) имѣлъ уже въ своемъ войскѣ большое число разнаго рода огнестрѣльныхъ орудій. Въ послѣдствіи, какъ въ полѣ при войскѣ, такъ и въ Варшавѣ и въ большихъ городахъ, орудій было еще болѣе.

При польскомъ войскѣ всегда находились многочисленныя обозы. Они состояли изъ большаго числа повозокъ, служившихъ какъ для перевозки продовольственныхъ и военныхъ запасовъ, такъ въ особенности для устройства вагенбурговъ въ видѣ полевыхъ укрѣпленій. Вагенбурги были устраиваемы обыкновенно 4-хъ-угольные, съ нужнымъ числомъ выходовъ и выѣздовъ, и нерѣдко были правильно и сильно вооружаемы и обороняемы артиллеріей и пѣхотой. Въ походахъ противъ турокъ они представляли совершенное подобіе подвижныхъ крѣпостей и всегда оказывали полякамъ чрезвычайную пользу.

Огромное число обозной челяди (ciągu, szeladz obozowa) и лошадей всего болѣе обременяло польское войско. По свидѣтельству польскихъ лѣтописцевъ, иногда при 10-ти тысячномъ войскѣ находилось до 50,000 чел. обозной челяди! Нерѣдко изъ нея образовывали цѣлыя, особенныя части войскъ или роты, которыя, подъ начальствомъ хорошихъ военачальниковъ, во многихъ случаяхъ оказывали польскому войску важныя услуги.

Что касается образа дѣйствій польскихъ войскъ въ бою, то онъ болѣе или менѣе сходствовалъ съ современнымъ западно-европейскимъ и не уступалъ ему. Въ XVI-же вѣкѣ, по свидѣтельству одного польскаго историка (Нѣмцевича), строй и образъ дѣйствій польскихъ войскъ были уже значительно развиты и усовершенствованы.

Устройство, вооруженіе, строй и образъ дѣйствій войскъ великаго княжества литовскаго до начала XV вѣка имѣли въ главныхъ основаніяхъ и чертахъ близкое сходство съ современными: устройствомъ,

вооруженіемъ, строемъ и образомъ дѣйствій русскихъ войскъ. Съ начала же XV вѣка они стали мало по малу заимствовать польскій характеръ, а съ половины и особенно съ конца XVI вѣка сдѣлались совершенно подобными польскимъ. Тогда литовское войско состояло частію изъ пѣхоты на жалованьи (жолнеровъ) и преимущественно изъ дворянской конницы: гусаровъ съ ихъ пахолниками и панцерниковъ,—раздѣлялось на полки и хоругви, а предводительствовалъ имъ великій гетманъ литовскій, независимый отъ польскаго или коронаго.

§ 177.

Казаки до XVI вѣка.

Выше (гл. XVIII § 158) было сказано, что число днѣпровскихъ и донскихъ казаковъ стало значительно умножаться различныхъ званий и состояній выходцами, съ начала XV вѣка—изъ юго-западной Руси и великаго княжества литовскаго, а съ конца XV вѣка—изъ восточной Руси. Первые спасались отъ угнетеній правительства, дворянства и духовенства польскихъ, а послѣдніе—отъ твердыхъ, нерѣдко строгихъ мѣръ единой державы, которыя стѣсняли прежнія ихъ права и преимущества, либо лишали ихъ этихъ послѣднихъ, а съ ними значенія и вѣса въ обществѣ.

Такъ въ XIV и XV столѣтіяхъ на нижнихъ Днѣпрѣ и Донѣ развилось вольное, воинственное казачество. Распространяясь постепенно во все стороны, безпрестанно умножаясь числомъ, строя укрѣпленные городки и производя на сухомъ пути и особенно на моряхъ Черномъ и Азовскомъ непрерывныя набѣги, казаки въ началѣ XVI вѣка сдѣлались уже полезными союзниками восточной Руси, Литвы и Польши, оплотомъ ихъ противъ татаръ и турокъ, и грозою двухъ послѣднихъ народовъ, но не имѣли еще никакого постоянного, военнаго устройства.

§ 178.

Днѣпровскіе и малороссійскіе казаки.

Когда въ 1386 г. великое княжество литовское и русское, и въ составѣ его южная часть его по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, подъ названіемъ Руси (позже Малороссія), были соединены съ Польшей, тогда уѣтныхъ трехъ народностей были учреждены три равныхъ гетмана:

коронный польскій, литовскій и русскій. На содержаніе имъ были даны помѣстья, названныя ранговыми (по рангу или званію, чину), и русскому гетману мѣстопробываніемъ назначенъ городъ Черкасск на Днѣпрѣ (почему казаки на Руси и назывались прежде черкасами). Русскіе гетманы и всѣ правительственные чины были избираемы изъ своего собственнаго рыцарства или дворянства и утверждались королемъ и сенатомъ польскими. Въ сенатъ избирались сеймомъ лица изъ трехъ народныхъ сословій: шляхетства (дворянства), духовенства и посполитства (купцовъ и мѣщанъ въ городахъ и крестьянъ въ селеніяхъ) Къ первому принадлежали потомки русскихъ князей и бояръ, а также простые казаки съ своими урядниками. Боярство и казачество были наслѣдственные. Все шляхетство или рыцарство имѣло собственныя земли, а посполитствомъ владѣло по чинамъ. Духовенство пользовалось шляхетскими правами. Одни изъ крестьянъ были свободные, войсковые, другіе подъ властію бояръ и урядниковъ, а всѣ подчинены магистратамъ и ратушамъ, въ которыхъ засѣдали выбранные ими войты плавники. Судъ производился по Магдебургскому праву. Въ XV вѣкѣ до 1472 г. русскіе или малороссійскіе гетманы были только главными начальниками войска, а не правителями края, которыми были особые королевскіе намѣстники изъ потомковъ Св. Владимира. Послѣднимъ изъ нихъ былъ князь Симеонъ Олельковичъ, по смерти котораго въ 1471 г., король Казиміръ IV назначилъ на его мѣсто уже не князя, а воеводу, и вся Малороссія была раздѣлена на 4 воеводства.

Малороссійскіе казаки въ мирное время охраняли границы и производили крѣпостныя работы, а въ военное служили на своемъ иждивеніи и со славою участвовали во всѣхъ польскихъ войнахъ съ тевтонскимъ орденомъ, русскимъ царствомъ и Турціей. Однако, не смотря на эти заслуги и на всѣ грамоты и привилегіи польскихъ королей, поляки и литовцы не разъ нарушали ихъ и управляли Малороссіей по своему произволу. Православная вѣра подвергалась угнетенію, а народное самолюбіе было оскорбляемо назначеніемъ воеводъ изъ литовцовъ и поляковъ. Но въ началѣ XVI вѣка зять князя Острожскаго, свойственникъ короля Александра (1501—1506), Предславъ Ланцкоронскій былъ избранъ въ первые малороссійскіе гетманы, съ правами королевскаго намѣстника, и имъ начался непрерывный рядъ малороссійскихъ гетмановъ (продолжавшійся до временъ императрицы Екатерины II). Въ это же время впервые встрѣчается имя законодателя Запорожской Сѣчи и перваго кошеваго атамана ея, Евстафія Дашковича. Онъ приобрѣлъ извѣстность въ войнѣ Іоанна III съ Александромъ польскимъ, и вскорѣ вступилъ въ службу перваго, но при Василіи III воро-

тлся въ литовскую службу, вмѣстѣ съ княземъ Константиномъ Острожскимъ. Въ 1511 г. онъ удалился на днѣпровскіе острова, гдѣ съ давнихъ временъ водворились разноплеменные, вольныя казачьи дружины. Избранный ими въ кошевые атаманы, онъ раздѣлялъ ихъ на сотни и 3-хъ-сотенныя полки, вооружилъ ихъ однообразно пищалями и саблями, поставилъ надъ ними старшинъ и ввелъ между ними военные: подчиненность и порядокъ. Перенесеніе всякихъ трудовъ и лишеній, презрѣніе опасностей и смерти, безусловное повиновеніе начальству, равный дѣлежъ добычи — таковы были свойства, обязанности и права казаковъ при Дашковичѣхъ. Сигизмундъ I, въ награду за услуги, оказанныя Польшѣ днѣпровскими казаками подъ предводительствомъ Дашковича, далъ имъ Каневъ, Переволочку и крѣпостцу, названную ими Чигириномъ, также квартиру, т. е. жалованье и оружіе, и позволилъ имъ построить городъ Черкасы и селиться выше пороговъ. Сигизмундъ II Августъ, по совершенномъ присоединеніи великаго княжества литовскаго и съ нимъ Малороссіи къ Польшѣ, даровалъ какъ малороссіянамъ, такъ и днѣпровскимъ казакамъ многія права, преимущества и вольности, освободилъ ихъ отъ всѣхъ тяжелыхъ повинностей и налоговъ, подтвердилъ свободу вѣры и проч. Но еще болѣе сдѣлалъ для днѣпровскихъ казаковъ Стефанъ Баторій. Онъ даровалъ имъ разныя преимущества, оказывалъ въ отношеніи къ нимъ вѣротерпимость и кротость, и имѣя въ виду образовать на Днѣпрѣ бдительную стражу противъ татаръ, далъ казакамъ правильное военное устройство, чѣмъ довершилъ начатое Сигизмундомъ I. Онъ даровалъ казакамъ полное войсковое учрежденіе, раздѣлилъ ихъ на 10 полковъ по числу повѣтовъ или округовъ, а полки на сотни, поставилъ надъ ними старшинъ и пожаловалъ предводителю ихъ, князю Богдану Рожинскому, гетманскіе клейноды: королевское знамя съ изображеніемъ бѣлаго орла, бунчукъ, булаву и войсковую печать. Всѣхъ днѣпровскихъ казаковъ считалось тогда до 26,000 чел., изъ коихъ 6,000 выборныхъ или регистровыхъ составляли пограничную, а 20,000 — внутреннюю стражу. Первые пополнялись послѣдними. Каждый регистровый казакъ имѣлъ лошадей, пищаль и пику, получалъ въ годъ червонецъ жалованья и кожухъ. Казаки на службѣ судились старшинами въ полкахъ и сотняхъ, а по дѣламъ земскимъ — въ повѣтовыхъ судахъ по литовскому статуту. Старшины состояли изъ генеральныхъ: обознаго, судьи, писаря, есаула и хорунжаго, и изъ полковниковъ, сотниковъ и атамановъ. Сверхъ того Стефанъ Баторій пожаловалъ казакамъ городъ Трактомировъ (Терехтемировъ) на Днѣпрѣ, позволилъ имъ селиться до самаго Кіева и владѣть на лѣвой сторонѣ Днѣпра Переяславлемъ,

Полтавою и Миргородомъ, а для пребыванія гетмана построилъ на р. Сеймѣ городъ, названный по его имени Батуринымъ.

Въ это время малороссійскіе казаки совершенно отдѣлились уже отъ островитянъ или казаковъ запорожскихъ. Живя въ городахъ и селеніяхъ, первые болѣе и болѣе знакомились съ гражданственностью. Послѣдніе же, по прежнему живя на днѣпровскихъ островахъ, ведя безбрачную жизнь и повинуваясь своему кошевому атаману, сохранили въ неизмѣнности древніе свои бытъ и свободу, и по прежнему продолжали производить непрерывные сухопутные и особенно морскіе набѣги на Крымъ и Турцію, противъ татаръ и турокъ, хотя и находились подъ общею съ малороссійскими казаками властью гетмана и вмѣстѣ съ ними участвовали въ войнахъ Польши съ татарами и турками. Безпрестанныя вторженія татаръ въ Польшу, въ отмщеніе за набѣги казаковъ, были причиной строгихъ мѣръ Сигизмунда III въ отношеніи къ малороссійскимъ казакамъ и даже тяжкаго угнетенія ихъ, усугубленнаго еще насильственнымъ введеніемъ между ними уніи. Сигизмундъ III подчинилъ какъ малороссійскихъ, такъ и запорожскихъ казаковъ власти польскаго короннаго гетмана, обязавъ ихъ влѣтвую, что они безъ вѣдома, согласія или приказанія послѣдняго не будутъ самовольно производить набѣговъ на татаръ и турокъ, никого принимать въ сотоварищество и привозить добычи, подъ смертною казнью, назначенною и тѣмъ, которые стали бы продавать имъ военные припасы и проч. Въ началѣ XVII вѣка Сигизмундъ III сталъ еще болѣе угнетать казаковъ: силою вводилъ унію и между запорожцами, запретилъ (1609 г.) набирать казаковъ въ королевскую службу, исключая крайнихъ случаевъ, и обнародовалъ (1613 г.) постановленіе объ искорененіи казаковъ, съ предоставленіемъ короннымъ гетманамъ права поступать съ ними, какъ съ государственными преступниками. Мѣры эти ожесточили казаковъ до крайности. Сражаясь еще по временамъ за Польшу съ турками и шведами, они еще чаще сражались съ самими поляками, по прежнему продолжали самовольно воевать противъ татаръ и турокъ и уже сами начали избирать себѣ (съ 1592 г.) гетмановъ.

Въ это тягостное и бѣдственное для нихъ время (въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтій) устройство малороссійскихъ казаковъ, въ главныхъ основаніяхъ, сохранило тотъ видъ, который далъ оному Стефанъ Баторій. Общественный же бытъ запорожскихъ казаковъ представляетъ слѣдующія черты, многія изъ которыхъ усматриваются также и у малороссійскихъ казаковъ:

Запорожскіе казаки жили въ 10-ти сѣчахъ и 38-ми куреняхъ. Сѣчею называлась совокупность домовъ и мазанокъ съ церковью, окру-

женныхъ землянымъ валомъ съ пушками, а куренемъ—одинъ большой и нѣсколько меньшихъ домовъ. Въ куреняхъ начальствовали куренные атаманы, а главнымъ въ сѣчи начальникомъ былъ становой или кошевой атаманъ. Во время отсутствія ихъ начальствовали наказные атаманы. Кромѣ атамановъ, были войсковые: судьи, писарн, есаулы, подписарн и подъ-есаулы. Артиллерією начальствовалъ пушкарь. Важнымъ чиномъ былъ также доубышъ или литаврищикъ, боемъ въ литавры подававшій знакъ къ сбору на раду или совѣтъ, сходку. Въ первый день новаго года казаки собирали войсковою кругъ и избирали съ извѣстными обрядами новыхъ атамановъ, старшинъ и пр. начальниковъ. Запорожцы не имѣли никакихъ письменныхъ законовъ. Судъ и расправу производилъ войсковою судья по своему убѣжденію, совѣтуясь въ важныхъ случаяхъ съ кошевымъ атаманомъ и старшинами. Воровство, неплатежъ долговъ, прелюбодѣяніе и убійство считались главными преступленіями и наказывались большею частію, первыя—лишеніемъ свободы, а послѣднія—смертью.

Обыкновеннымъ оружіемъ запорожцовъ была пищаля, изъ которой они стрѣляли чрезвычайно мѣтко. Въ походѣ каждый казакъ имѣлъ саблю, 2 пищали, 6 фунтовъ пороха въ роги и достаточное количество пуль.

Морскіе походы были главными, любимыми ихъ дѣйствіями. Почти ежегодно разтѣзжали они, въ числѣ не свыше 7 или 8,000 человекъ въ совокупности, по Днѣпру и Черному морю, сражаясь съ татарами и турками и нападая на нихъ въ Крыму, на морѣ и на берегахъ европейской и азійской Турціи. Получивъ согласіе кошеваго атамана на морской походъ, они строили на сборномъ мѣстѣ чайки или особаго устройства большія лодки, и флотиліями изъ 80 до 100 чаекъ, подъ предводительствомъ избраннаго ими изъ среды своей походнаго атамана, смѣло пускались въ море. Въ каждой чайкѣ было обыкновенно отъ 60 до 70 казаковъ съ 2-мя фалконетами и необходимыми огнестрѣльными, военными и продовольственными запасами.

На сухомъ пути они съ большими еще мужествомъ, храбростью и умѣньемъ сражались пѣшіе, въ таборѣ, окруженномъ повозками, въ укрѣпленіяхъ или въ крѣпостяхъ, нежели конные, въ открытомъ полѣ.

Сильные тѣломъ и духомъ, неутомимые, смѣлые, страстно любя свободу и войну, они легко переносили холодъ и зной, голодъ и жажду, всевозможные труды и лишенія, пренебрегали опасностями, не дорожили жизнію, сражались съ отчаянною храбростью и смерть въ бою предпочитали плѣну.

Въ этомъ, какъ равно и въ военномъ дѣлѣ, малороссійскіе казаки весьма сходствовали съ запорожскими.

§ 179.

Донскіе и иные восточные казаки.

О донскихъ казакахъ въ русской исторіи впервые упоминается въ 1549 году, въ жалобѣ ногайскаго мурзы Юсуфа на казаковъ, построившихъ въ 3—4 мѣстахъ на Дону городки и тревожившихъ ногаевъ. Но Іоаннъ IV покровительствовалъ донскихъ казаковъ и свискалъ въ нихъ вѣрныхъ союзниковъ и полезныхъ стражей южныхъ русскихъ предѣловъ отъ крымскихъ татаръ. Съ половины XVI вѣка донскіе казаки являютя уже въ составѣ русскаго войска (въ первый разъ при покореніи Астрахани въ 1554 г.). Они помогали Іоанну IV въ войнахъ его съ Крымомъ, ливонскимъ орденомъ и Стефаномъ Баторіемъ. А между тѣмъ, непримиримые, заклятые враги татаръ и турокъ, они вели жестокую, почти непрерывную войну съ ними на сухомъ пути и моряхъ Азовскомъ и Черномъ, дѣйствуя преимущественно противъ Азова и Крыма. Въ то же время, умножаясь безпрестанно числомъ, они распространялись болѣе и болѣе къ востоку. Поселясь на Волгѣ и за Волгой, на Янѣѣ и Терекѣ, они образовали новыя общества казаковъ волжскихъ и позже яицкихъ и терекскихъ. Часть волжскихъ казаковъ, подъ предводительствомъ Ермака, направилась въ Сибирь и положила первыя начала завоеванію ся Русью и учрежденію въ ней казачьихъ поселеній.

Крымская орда и Оттоманская Порта безпрестанно жаловались русскому правительству на донскихъ казаковъ. Но Іоаннъ IV и Феодоръ Іоанновичъ не только оставляли эти жалобы, подъ разными благовидными предлогами, безъ вниманія, но и всѣми способами ласкали и покровительствовали казаковъ, посылали имъ похвальныя грамоты, оружіе, порохъ, свинець, дары, давали имъ денежное жалованье и дозволяли имъ свободные: прїѣздъ въ пограничье и внутренніе города русскіе и торговлю въ нихъ.

Эти дружелюбныя отношенія превратились при Борисѣ Годуновѣ въ самыя непріязненныя. Руководствуясь иною политикою, нежели Іоаннъ IV и Феодоръ Іоанновичъ, Годуновъ прекратилъ выдачу казакамъ жалованья, приказалъ прервать всякія съ ними сношенія и запретилъ имъ не только прїѣзжать въ русскіе города и свободно торговать въ нихъ, но даже и приближаться къ русскимъ границамъ. Слѣдствіемъ этихъ мѣръ была сильная непріязнь дон-

скихъ казаковъ къ русскому правительству. Пользуясь ею, первый самозванецъ легко привлечь ихъ на свою сторону. Съ тѣхъ поръ (1605 г.) въ теченіи 6 бѣдственныхъ лѣтъ смутнаго времени, донскіе казаки были постоянными врагами Руси и дѣятельными союзниками поляковъ и самозванцовъ. Но въ 1611 году они перешли на сторону Россіи и законнаго въ ней порядка, а въ 1612 году много способствовали освобожденію Москвы и изгнанію поляковъ изъ русскіхъ предѣловъ. Въ награду за это, царь Михаилъ Оеодоровичъ далъ имъ (1613 г.) похвальную грамоту и знамя, въ 1614 же году они получили отъ духовнаго и земскаго соборовъ грамоты съ титуломъ: Великому войску донскому, а царь Михаилъ Оеодоровичъ положилъ производить имъ на вѣчныя времена жалованье и содержаніе. Съ этого времени они поступили въ подданство Россіи и полную отъ нея зависимость, и начали постепенно получать правильное военное устройство. До этого же времени, въ XVI вѣкѣ и началѣ XVII быть и устройство ихъ сохраняли свой первоначальный, общій съ бытомъ и устройствомъ днѣпровскихъ казаковъ, характеръ, главными чертами котораго были слѣдующія:

Донскіе казаки вели жизнь, хотя и не безбрачную, но болѣе кочевую, нежели осѣдлую, войну и набѣги предпочитая домашнему хозяйству и земледѣлію, которымъ почти вовсе не занимались. Они жили большею частію подъ открытымъ небомъ и только по правому берегу Дона, отъ устья Хопра до Аксая, въ нѣсколькихъ городкахъ. Городки эти состояли изъ землянокъ, окруженныхъ плетнемъ съ землянымъ валомъ. Главнымъ и древнѣйшимъ изъ нихъ былъ городокъ Раздоры. Казаки управлялись и дѣла рѣшали общимъ совѣтомъ въ войсковыхъ кругахъ. Атаманъ не имѣлъ никакой особенной власти, а былъ только блюстителемъ порядка. Войсковые круги собиравсь, а атаманы, старшины и начальники избирались такимъ же образомъ, какъ и у запорожцовъ. Въ случаѣ похода, войсковой кругъ рѣшалъ только идти въ походъ или въ море; дальнѣйшія же распоряженія и управленіе дѣйствіями вполнѣ предоставлялись походному атаману. Если сильный непріятель угрожалъ вторженіемъ, то войсковой кругъ посылалъ по всѣмъ городкамъ грамотки о сборѣ атамановъ и казаковъ въ Раздоры (позже въ Черкасскъ), назначая, сколькимъ именно людямъ съ каждаго городка прибыть туда. Остальные казаки съ женами и дѣтьми собирались изъ 5—6 городковъ въ одно мѣсто. Въ Раздорахъ же, по сборѣ войска, были принимаемы всевозможныя мѣры предосторожности: учреждались ближніе и дальніе конные разъѣзды, двойная или тройная цѣпь карауловъ и т. п.

Обыкновеннымъ оружіемъ донскихъ казаковъ были пицали, конья

и сабли, которыя приобрѣтались отчасти покупкой и отчасти добычей отъ непріятеля. Порохъ и свинець донскіе казаки получали большею частію въ жалованье отъ русскаго правительства. Они имѣли также легкія пушки. Иди въ походъ, они обыкновенно одѣвались и вооружались очень просто и даже бѣдно, и изъ продовольственныхъ запасовъ не брали ничего, кромѣ сухарей.

Морскіе походы, болѣе прибыточныя, хотя и болѣе опасныя, были предпочитасмы сухопутнымъ. Они производились точно также и на такихъ же судахъ, какъ и у запорожцовъ.

Въ сухопутныхъ походахъ каждый отрядъ имѣлъ своего походнаго атамана и дѣлился на сотни и пятидесятни, которымъ во время похода начальствовали есаулы, сотники и пятидесятники. Походныхъ атамановъ, есауловъ, сотниковъ и пятидесятниковъ избирали, предъ выступленіемъ въ походъ, сами казаки. На походъ донскіе казаки соблюдали большую осторожность. На непріятеля производили преимущественно быстрыя, внезапныя, ночныя нападенія, стараясь пользоваться его оплошностью. Въ бою сражались, смотря по обстоятельствамъ, всѣ либо отчасти конными или пѣшими. Въ открытомъ бою, если дѣйствовали вмѣстѣ и конными и пѣшими, то пѣхота становилась въ серединѣ, а конница по крыламъ, большею же частію пѣхота выходила впередъ съ пушками, конница поддерживала ее, а отважнѣйшіе наѣзники дѣйствовали въ разсыпную впереди и по сторонамъ. Въ бою казаки нападенія свои производили лавами или большими толпами въ разсыпную линію, одною лавой вслѣдъ за другою, стараясь охватить непріятеля. Въ случаѣ же, если они сами были окружаемы, то спѣшивались, смыкались въ кучи и отстрѣливались изъ-за лошадей своихъ. Черезъ рѣки они переправлялись весьма искусно вплавъ, держась за гриву лошадей своихъ, въ хвостамъ которыхъ привязывали салы (нѣсколько пучковъ камыша) съ сѣдлами и вьюками.

Что касается нравственныхъ качествъ и духа, то въ этомъ отношеніи донскіе казаки представляютъ тѣ же самыя черты, что и запорожскіе.

§ 180.

Т у р к и.

Первыя основанія военному устройству турокъ-османовъ или оттомановъ были положены первыми султанами ихъ: Османомъ (1285—1326 г.), сыномъ его Урханомъ (1326—1359 г.) и внукомъ

Мурадомъ I (1359—1389 г.). Военныя учрежденія Османа и отчасти (до 1350 года) Урхана были означены выше (ч. II гл. VIII § 68). Въ половинѣ XIV вѣка (1347—1350 г.) Урханъ, по совѣтамъ и при содѣйствіи брата своего, Аллахъ-Эддина, и войсковаго судіи Кара-Халили-Чендерли, образовалъ, вмѣсто буйныхъ и своевольныхъ яевъ или шадовъ, новое, постоянное, правильно-устроенное пѣшее войско на жалованьѣ, названное іени-чери или новымъ войскомъ (янычары). Оно было составлено изъ обращаемыхъ въ магометанскую религію сыновей христіанскихъ плѣнниковъ и данниковъ турокъ и иноплеменныхъ выходцовъ, бѣглецовъ и переметчиковъ, въ числѣ 10,000 чел. Янычары были раздѣлены на оды (роты), помѣщены въ особыхъ жилищахъ, отдѣльно отъ прочаго народонаселенія, и тщательно обучаемы военному дѣлу. Имъ назначены были богатые оклады денежнаго жалованья и изобильное продовольственное содержаніе. Каждый янычаръ могъ получать, смотря по числу лѣтъ службы и оказаннымъ заслугамъ и отличіямъ, двойной, тройной и т. д. окладъ жалованья, даже до увеличеннаго въ семь разъ. Продовольственное же содержаніе было назначено въ такомъ изобиліи, что, въ ознаменованіе того, самыя названія янычарскихъ званій и чиновъ были заимствованы отъ различныхъ кухонныхъ должностей (какъ-то: чорбаджи — кашеваръ, ажджибашни — главный поваръ, сакабашни — главный водоносъ и т. п.), а котель, вокругъ котораго янычары собиралась для ѣды и совѣщаній, считался святынею войска, хотя янычары имѣли и знамя (съ изображеніемъ серебрянаго полумѣсяца и обоюдюстраго меча Омарова въ аломъ полѣ). Въ поощреніяхъ къ вѣрной службѣ янычаровъ недостатка не было, и отличавшимся вѣрностью и храбростью были открыты пути ко всѣмъ высшимъ въ государствѣ должностямъ и званіямъ.

По учрежденіи янычаровъ, прежніе іени или шады были обращены въ исправителей дорогъ (піонеровъ), доколѣ розданныя имъ земли не содѣлалась снова общественнымъ достояніемъ и шады не получили инаго назначенія.

Сверхъ янычаровъ и шадовъ были еще азабы (азабъ-лары) — родъ неустроенной (иррегулярной) пѣхоты. Они не имѣли земель, не получали жалованья и служили изъ грабежа и добычи.

Значительнѣйшую часть конницы и всѣхъ вооруженныхъ силъ Турціи составляла помѣстная конница или конное земское ополченіе, которое выставляли владѣльцы помѣстьевъ или земель, раздаваемыхъ правительствомъ съ освобожденіемъ отъ платежа податей за нихъ и съ обязательствомъ нести за то въ военное время военную службу. Раздача помѣстьевъ, сопряженная съ помѣстною службой, принадле-

жала къ числу древнѣйшихъ на востокѣ обычаевъ *). Отъ персовъ она перешла къ туркамъ и послужила главнымъ основаніемъ военнымъ: устройству, раздѣленію и управленію Турціи, получившей такимъ образомъ характеръ ленной или феодалной державы. Помѣстья (кылыджи или сабли) были раздѣлены на зяметы и тимары, приносившіе, первые — болѣе, а послѣдніе — менѣе 20,000 аспровъ (піастровъ) ежегоднаго дохода. Заимы (запмъ-леръ) или владѣльцы зяметовъ, за каждые 5,000, а тимариоты (тимаръ-саги-блари) или владѣльцы тимаровъ, за каждые 3,000 аспровъ ежегоднаго дохода съ своихъ помѣстьевъ, были обязаны, въ случаѣ войны, выставлять по одному вооруженному конному ратнику. Никто изъ заимовъ и тимариотовъ не могъ въ военное время оставаться дома, но обязанъ былъ являться въ войско, даже въ случаѣ болѣзни. Предводителями помѣстной конницы были: санджакъ-беги, т. е. владѣльцы помѣстьевъ, приносившихъ болѣе 100,000 аспровъ ежегоднаго дохода, биябаши (тысячники) и юзбаши (сотняки).

Отборнѣйшую и лучшую, но довольно незначительную часть турецкой конницы составляла конная стража санджака или священнаго, государственнаго знамени.

Сверхъ того были прежніе Османовы агинджи (бѣгунны, набѣжчики) — вольныя, неустроенныя конныя дружины, которыя, подобно пѣшимъ азабамъ, не имѣли земель, не получали жалованья и служили изъ грабежа и добычи.

Эти военное устройство и военныя учрежденія турокъ были значительно развиты Мурадомъ I, по совѣтамъ и при содѣйствіи румилійскаго (оракійскаго) беглербега Тимурташа (жельзнаго камня), и преемниками Мурада I, султанами: Баязидомъ I Ильдеримомъ (1389—1402 г.), Мурадомъ II (1421—1451 г.), Мохаммедомъ II (1451—1481 г.) и Сулейманомъ II Великимъ (1520—1566 г.). Мурадъ I раздѣлялъ помѣстья на большія и малыя, образовалъ войсковой обозъ (войнакъ) и учредилъ (1376 г.) 7,000 чел. спаговъ или отборной конницы на жаловань, для охраненія санджака. Во время междоусобій синовей Баязида I (1402—1413 г.) и нашихъ войнъ Мохаммеда I (1414—1421 г.), войско турецкое пришло въ довольно значительное разстройство. Но Мурадъ II и воинственный сынъ его Мохаммедъ II Завоеватель возстановили и строго соблюдали порядокъ и благоустройство въ войскѣ и вообще значительно развили военное устройство Турціи. Мурадъ II исключилъ изъ янычаровъ всѣхъ турокъ, которые, завладѣвъ многими пре-

*) Поэтому и раздача помѣстьевъ, съ обязательствомъ нести военно-помѣстную службу, въ русскомъ царствѣ со временъ Іоанна III, была чисто-азіатскаго происхожденія.

имуществами и льготами ихъ, легко могли содѣлаться опасными для султановъ и государства. Для пополненія происшедшей отъ того убыли, онъ установилъ, чтобы каждое въ государствѣ христіанское семейство выставило одного ратника. Обученіе этихъ ратниковъ военному дѣлу онъ поручилъ опытнымъ военачальникамъ. При немъ также введено въ турецкое войско огнестрѣльное оружіе (вѣроятно уже и прежде извѣстное и употреблявшееся въ Турціи), равно и употребленіе (въ первый разъ, по свидѣтельству венгерскихъ историковъ, при осадѣ Бѣлграда въ 1437 г.) пороховыхъ мпгъ. Строгимъ порядку и благоустройству, которые онъ всѣми мѣрами старался соблюдать въ войскѣ, Мурадъ II былъ преимущественно обязанъ успѣхамъ оружія своего, между прочимъ и блистательною побѣдой, одержанною имъ (10 ноября 1444 г.) подъ Варной надъ союзнымъ христіанскимъ войскомъ подъ предводительствомъ Владислава III, короля венгерскаго и польскаго. За всѣмъ тѣмъ, уже два года спустя послѣ этой побѣды (1446 г.) Мурадъ II является усмиряющимъ силою страшный бунтъ янычаровъ въ Адрианополь — бунтъ, который уже служилъ предзнаменованіемъ, сколь вредны и опасны для спокойствія и благосостоянія Турціи долженствовали въ послѣдствіи быть янычары. Мохаммедъ II Завоеватель былъ также мудрымъ правителемъ и законодателемъ, и значительно развилъ и усовершенствовалъ военное устройство Турціи и устройство турецкаго войска. При немъ употребленіе огнестрѣльнаго оружія стало распространяться чрезвычайно быстро и немало способствовало блистательнымъ успѣхамъ и обширнымъ завоеваніямъ его.

При Мохаммедѣ II и преемникахъ его: Баязидѣ II (1481—1512 г.), Селимѣ I (1512—1520 г.) и Сулейманѣ II Великомъ (1520—1566 г.), т. е. во второй половинѣ XV и первой половинѣ XVI столѣтій, военное устройство Турціи достигло наибольшей степени развитія и находилось вообще въ слѣдующемъ состояніи:

Вооруженныя силы Турціи состояли изъ постоянныхъ войскъ на жалованьѣ, изъ земскихъ ополченій, выставаемыхъ въ случаѣ войны съ помѣстьевъ, и пѣз вольныхъ, неустроенныхъ дружинъ.

Постоянными войсками на жалованьѣ были: 1) пѣшія: янычары, топчи (артиллерійсты), топъ-арабаджи (прислуга артиллерійскихъ орудій и парковъ), кумбараджи (бомбардиры), лаагумджи (минеры) и джебеджи (оружейники). Послѣдніе пять родовъ войскъ входили въ составъ постоянной пѣхоты на жалованьѣ и вмѣстѣ съ янычарами составляли основныя и лучшія части турецкаго войска; — 2) конныя: спаги, сплигдары, улеседжани-сейминъ (конница праваго крыла), улеседжани-іессаръ (конница лѣваго крыла),

гуребай-сейминъ (чужеземная конница праваго крыла) и гуребай-иссаръ (чужеземная конница лѣваго крыла). Эти шесть родовъ конницы составляли не песьма значительную, но отборную и превосходящую конную стражу санджака, по обѣимъ сторонамъ котораго строились и сражались въ битвахъ.

Значительнѣйшую въ числительномъ отношеніи часть вооруженныхъ силъ Турціи составляли земскія пѣшія и особенно конныя ополченія. Къ пѣшимъ принадлежали азабы и мосселимены (освобожденные), которые были освобождены отъ платежа податей за владѣніемъ ими земли и обязаны за то ходить на войну и служить безъ жалованья, на собственномъ содержаніи. Они долго соперничали съ янычарами, пока не были обращены и съключительно на службу во флотъ и въ пограничныхъ крѣпостяхъ и городахъ. Конныя земскія ополченія состояли изъ вооруженныхъ конныхъ ратниковъ, выставляемыхъ съ помѣстьевъ (кылыджей) владѣльцами послѣднихъ, соразмѣрно съ доходами ихъ. Помѣстья раздѣлялись, какъ прежде, на зяметы и тимары, а послѣдніе сверхъ того на большіе и малые. Зяметы и большіе тимары раздавала сама Порта, малые же тимары могли быть раздаваемы начальствовавшими въ эялетахъ (см. ниже) пашами, съ утвержденія Порты. Помѣщикъ былъ обязанъ постоянно жить въ своемъ помѣстьѣ, въ противномъ случаѣ былъ лишаемъ его и могъ снова получить его не прежде, какъ черезъ два года. Послѣ отцовъ своихъ, помѣстья и всѣ помѣстныя права и обязанности наследовали сыновья однихъ только убитыхъ на войнѣ помѣщиковъ. Раи или христіанскіе подданные турецкіе могли также получать помѣстья на границахъ, но это всегда считалось исключеніемъ изъ общаго правила. Въ случаѣ войны, займы и тимариоты были обязаны выставять, какъ и прежде, первые за 5,000, а послѣдніе за 3,000 аспровъ ежегоднаго дохода съ своихъ помѣстьевъ, по одному вооруженному конному ратнику. Все государство, въ Европѣ, Азіи и Африкѣ, было раздѣлено на извѣстное число эялетовъ или округовъ подъ управленіемъ пашей, въ вѣдѣніи которыхъ состояли всѣ владѣльцы помѣстьевъ. Совокупность помѣщиковъ и помѣстныхъ ратниковъ одного эялета, и собственныхъ дружинъ или военнаго двора начальствоваващаго въ эялетѣ паша, составляла земское помѣстное ополченіе этого эялета, подъ предводительствомъ: главнымъ—самаго паша и частнымъ—санджакъ-беговъ, бинбашей и юзбашей. Въ XIV вѣкѣ число санджаковъ помѣстной конницы простиралось до 290, число кылыджей или помѣстьевъ вообще до 36,000, а число всей вообще конницы, которую могли выставить помѣстья — до 93,000 чел. съ небольшимъ (по исчисленію Гаммера). Но, по мѣрѣ распространенія предѣловъ государства и развитія помѣстной системы, число санджаковъ, помѣстьевъ и помѣст-

ной конницы постепенно увеличивалось и въ послѣдствіи было уже весьма значительно.

Вольныя, неустроенныя, пѣшія и конныя дружины, находившіяся въ военное время въ составѣ войска, не имѣли земель, не получали жалованья и служили по собственной охотѣ, изъ грабежа и добычи. Сюда принадлежали прежніе ян или піады, азабы, левендіи и Османовы конные акинджи.

Таково вообще было военное устройство Турціи въ періодѣ ея героическихъ временъ, могущества и военной славы, при десяти первыхъ, воинственныхъ и мудрыхъ правителяхъ ея, преемникахъ Османа. Дѣйствуя постоянно въ духѣ Османовой политики, неуклонно стремясь къ предъизбранной имъ цѣли, твердо и мудро правя государствомъ, всегда лично предводительствуя войсками и неуслышно заботясь объ усовершенствованіи военнаго устройства Турціи, они, возведя государство свое на высокую степень могущества и славы, довели и военное устройство его до такой степени, которой оно едва-ли когда-либо достигало у древнихъ и современныхъ азіатскихъ народовъ и на которой оно во многихъ отношеніяхъ превосходило даже военное устройство современныхъ христіанскихъ европейскихъ государствъ. Дѣйствительно, въ то время, какъ въ послѣднихъ бореіи вѣхъ государственныхъ стихій едва только начинало уступать преобладанію монархической власти, раздробленіе силъ и власти — сосредоточенію ихъ, а безпорядокъ и неустройство — порядку и благоустройству, — въ Турціи, подъ сѣнью твердаго единодержавія, военное устройство, вполне согласное съ политико-религіозною цѣлью Османа, съ воинственнымъ духомъ турецкаго народа, развилось уже въ стройномъ и правильномъ видѣ, въ духѣ единства и согласія, и приобрѣло ту необыкновенную силу, которая была одною изъ главнѣйшихъ причинъ блестящихъ успѣховъ оружія турокъ и ихъ обширныхъ завоеваній, и которая долго и въ послѣдствіи содѣлывала народъ этотъ грознымъ для Европы. Въ то время, какъ въ христіанскихъ европейскихъ государствахъ феодальное военное устройство едва начинало уступать мѣсто новому, болѣе правильному и сообразному съ единодержавіемъ, а феодальныя дружины — войскамъ постояннымъ, наемнымъ, вербованнымъ, на жалованьѣ, — когда пѣхота и артиллерія едва начинали умножаться числомъ и приобретать большія важность и значеніе, но конница оставалась еще главнымъ и многочислѣннѣйшимъ родомъ войскъ, — въ Турціи вооруженныя силы государства уже состояли частію изъ отборныхъ, постоянныхъ и правильно-устроенныхъ войскъ на жалованьѣ, частію изъ земскихъ ополченій, обязанныхъ военною службой на правѣ помѣстномъ, въ составѣ войска были и пѣхота, и конница, и артиллерія, и войска

инженернаго вѣдомства, каждый изъ этихъ родовъ войскъ пользовался одинаковымъ уваженіемъ, а пѣхота и артиллерія въ особенности— несравненно бѣльшими по сравненію съ тѣми, которыми онѣ пользовались въ европейскиххъ арміяхъ.

Но смертью Сулеймана II Великаго (1566 г.) заключился блестящій періодъ героическиххъ временъ Турціи и насталъ новый порядокъ вещей. При слабыхъ, неспособныхъ, изнѣженныхъ султанахъ, правившихъ государствомъ послѣ Сулеймана II изъ глубины сердца и никогда не предводительствовавшихъ лично войсками, среди испорченности и злоупотребленій правительственныхъ властей, военное устройство и военныя учрежденія Турціи, хотя въ главныххъ основаніяхъ и оставались неизмѣнными, но уже начали постепенно приходить въ разстройство и упадокъ, и лишь на краткое время, въ XVII вѣкѣ, при Мурадѣ IV (1623—1640 г.), явились въ прежнихъ силѣхъ и блескѣхъ.

Устройство войскъ и военное дѣло у турокъ въ періодѣ героическиххъ временъ этого народа находились вообще въ слѣдующемъ состояніи:

Постоянную, устроенную пѣхоту и главную, основную, лучшую часть вооруженныхъ силъ Турціи составляли янычары. Съ ходомъ времени число ихъ постепенно возрастало (никогда не превосходя 40,000 чел.), а устройство ихъ развивалось и наконецъ во второй половинѣ XV и первой половинѣ XVI столѣтій достигло наибольшаго своего развитія. Приобрѣтя многія и различныя преимущества и льготы, янычары изъ сословія исключительно-военнаго содѣлались сословіемъ въ половину военнымъ и въ половину промышленнымъ и торговымъ. Они состояли изъ почетныххъ, дѣйствительныххъ и сверхъ-комплектныххъ. Въ числѣ первыхъ были многіе константинопольскіе турки, высшіе сановники и даже самъ султанъ. Сверхъ-комплектными были разныхъ званій и состояніи константинопольскіе турки, служившіе безъ жалованья, за получаемыя ими отъ казны квартиру и продовольствіе. Исправляя всю тяжелую службу, отъ которой дѣйствительные янычары на жалованьяхъ уклонялись, они мало по малу приобрѣли надъ послѣдними сильное вліяніе, сообщили имъ духъ своеволя и мятежа и составляли числительное большинство всѣхъ вообще янычаровъ. Дѣйствительные янычары пополнялись оджакъ-отланами (янычарскими сыновьями), которые имѣли постоянные военное устройство и раздѣленіе, и по достиженіи опредѣленнаго возраста поступали въ число дѣйствительныххъ янычаровъ.

Янычары раздѣлялись на орты или полки неоднаковой силы: въ 500, 400 и даже 100 чел. При Сулейманѣ II Великомъ ортъ

было уже 165, а позже до 195. Орты были различных степеней и въ этомъ отношеніи назывались булюками, сегбанами или сейменами и джематами, яями или падами. Права, обязанности и преимущества орты были различны. Такъ, напримѣръ, булюки исправляли гарнизонную [и полицейскую службу въ Константинополь, но также и въ другихъ городахъ и крѣпостяхъ вмѣстѣ съ джематами, и проч.

Главнымъ начальникомъ янычаровъ былъ янычарскій ага (іеничери-агасси), обыкновенно 3-хъ-бунчужный паша, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ членомъ верховнаго дивана, имѣлъ высшую полицейскую власть въ Константинополь и собственные: дворъ и совѣтъ, и былъ избираемъ султаномъ изъ среды самихъ янычаровъ, а иногда и изъ вѣрныхъ и преданныхъ ему сановниковъ двора. Второе послѣ него мѣсто занималъ кулькіаія — товарищъ и помощникъ его, производитель дѣлъ и распорядитель дѣйствій янычарскихъ подъ главнымъ его вѣдѣніемъ. Затѣмъ слѣдовало множество подчиненныхъ чиновъ и званій, различныхъ степеней и съ различными правами, обязанностями и преимуществами. Оджакъ-огланы находились въ вѣдѣніи своего особеннаго начальника.

Жалованье получали: оджакъ-огланы отъ рожденія до поступленія на дѣйствительную службу—по 3, а дѣйствительные янычары—отъ 4 до 7 аспровъ въ сутки. Послѣдніе, въ случаѣ особыхъ заслугъ и отличій, получали высшіе оклады жалованья (отъ 7 до 39 аспровъ въ сутки), которые были для нихъ въ то же время и наградой, и средствомъ обезпеченія ихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они по старости, болѣзни или увѣчью содѣлывались неспособными къ службѣ. Янычары, получавшіе высшіе оклады жалованья, назывались отураками. Вольноопредѣляющимся (сердегенджи) давалось по 10-ти, а если они совершали одинъ походъ, то еще по 10 аспровъ прибавочнаго жалованья въ сутки каждому на цѣлую жизнь. Сверхъ жалованья, янычары получали: 1) отъ казны—продовольствіе, сукно на одежду и проч. и 2) отъ cadaго султана, при вступленіи его на престоль, денежныя награды (на наши теперешнія деньги—отъ одного рубля до одного, 5 и даже 12 червонцовъ каждый). Оджакъ-огланы также получали отъ казны, сверхъ жалованья, полное содержаніе, т. е. продовольствіе и одежду.

Янычары состояли подъ своими особыми законами и постановленіями, и судились своими собственными судами, составленными изъ нихъ самихъ и ихъ начальниковъ.

По введеніи въ турецкія войска огнестрѣльнаго оружія, въ составъ постоянной, правильно-устроенной пѣхоты на жаловань входили также войска артиллерійскаго и инженернаго вѣдомствъ, имен-

но: топчи, топъ-арабаджи, кумбараджи, лаагумджи и джебеджи, о которыхъ будетъ говорено ниже.

Постоянная, устроенная конница на жалованьѣ состояла иза слѣдующихъ 6-ти родовъ или частей: 1) спаговъ, которые занимали первое, почетнѣйшее мѣсто, въ бою строились и сражались по правую сторону санджака, подъ собственнымъ, алаго цвѣта знаменемъ или байракомъ. Спаговъ было сначала 7,000, но потомъ до 12,000 чел. Они состояли подъ начальствомъ собственнаго своего аги и имѣли, подобно западно-европейскимъ рыцарямъ или жандармамъ французскихъ ордонансъ-ротъ, своихъ оруженосцевъ или слугъ. Каждый спагъ могъ за долговременную и отличную службу получать жалованья вчетверо болѣе противъ отураковъ; 2) изъ силигдаровъ, которые стояли первоначально выше, но въ послѣдствіи ниже спаговъ, а въ бою строились и сражались сначала по правую, но потомъ по лѣвую сторону санджака; они имѣли своего агу и желтое знамя; 3) изъ конницы праваго крыла (улеседжані-сейминъ), состоявшей изъ 500 съ небольшимъ чел. и имѣвшей зеленое знамя, — и 4) изъ конницы лѣваго крыла (улеседжані-иессаръ), состоявшей безъ малаго изъ 500 чел. и имѣвшей зеленое знамя съ бѣлыми полосами; эти два рода конницы строились и сражались по обѣимъ сторонамъ санджака, непосредственно возлѣ спаговъ и силигдаровъ, и сверхъ того охраняли военную казну и исправляли въ лагерѣ полицейскую службу; наконецъ 5) изъ чужеземной конницы праваго крыла (гуребай-сейминъ) и 6) изъ чужеземной конницы лѣваго крыла (гуребай-иессаръ), каждая числомъ отъ 300 до 400 чел. Названіе чужеземной конницы или чужеземцовъ онѣ носили вѣроятно потому, что первоначально были составляемы большею частію изъ арабскихъ и персидскихъ выходцовъ и переметчиковъ. Эти два рода конницы въ бою строились и сражались по сторонамъ конницы праваго и лѣваго крыла, и на войнѣ употреблялись въ труднѣйшихъ и опаснѣйшихъ случаяхъ.

Эти 6 родовъ или частей постоянной, устроенной конницы составляли главную, отборнѣйшую, лучшую часть всей вообще турецкой конницы, стражу санджака и тѣлохранителей султана. Число этой конницы, въ отношеніи къ пространству государства, было довольно незначительно, и потому должно полагать, что выборъ людей въ нее былъ весьма строгій.

Устройство помѣстной конницы объяснено выше. Изъ вольныхъ же, неустроенныхъ конныхъ дружинъ, древніе Османовы акинджи составляли легкую конницу, которая исправляла службу легкихъ войскъ и дѣйствовала также въ видѣ партизановъ, отдѣльными ма-

лыми отрядами (четеджѣн или чаркаджѣн) подъ начальствомъ четеджѣн или чаркаджѣн-башѣн.

Турецкая артиллерія не уступала современной европейской и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже превосходила ее. Выше было уже сказано, что огнестрѣльное оружіе до самыхъ временъ Мурада II или до половины XV вѣка распространилось въ Турціи очень медленно, при Мурадѣ II было введено въ турецкое войско, а со временъ Мухаммеда II стало распространяться съ чрезвычайною быстротой. Ручное огнестрѣльное оружіе и употребленіе его усовершенствовались у турокъ скорѣе, нежели огнестрѣльныя орудія и употребленіе ихъ. Послѣднія, какъ въ крѣпостяхъ и при осадахъ, такъ и въ полѣ, были обыкновенно большія, длинныя и тяжелыя. Литье ихъ производилось большею частію европейцами. Артиллерійское искусство находилось у турокъ на низкой степени совершенства, но топчѣн или артиллерійсты принадлежали всегда къ лучшимъ турецкимъ войскамъ, и особенно при Сулейманѣ II, въ первой половинѣ XVI вѣка, имѣли хорошее устройство, въ которомъ даже превосходили, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, современныхъ европейскихъ артиллерійстовъ. Между тѣмъ какъ послѣдніе составляли еще низшій бѣдный, недовольно уважаемый разрядъ войскъ, въ родѣ ремесленнаго цѣха, турецкіе топчѣн занимали уже, наравнѣ съ янычарами, одно изъ первыхъ мѣстъ въ числѣ турецкихъ войскъ, пользовались большимъ уваженіемъ, получали хорошія жалованье и содержаніе, и были исправно одѣты и вооружены. Они были распределены по всему государству и состояли подъ главнымъ начальствомъ топчѣн-башѣн, а по части инспекторской имѣли назира или инспектора. Прислуги на каждое орудіе полагалось: 1 уста (или феллерверкеръ), 1 помощникъ его и 8 топчи (или канонировъ). Позже, при Селимѣ II (1566—1574 г.), для прислуги при орудіяхъ образованы были сверхъ того по 8 туфенвджѣн (или мушкетеровъ) на каждое орудіе.

При артиллеріи находились артиллерійскіе нарки и обозы, прислуга которыхъ называлась топъ-арабджѣн, состояла подъ начальствомъ топъ-арабджѣн-башѣн, въ устройствѣ значительно уступала корпусу топчѣн и нерѣдко въ походѣ и во время дѣйствій бывала причиною большихъ безпорядковъ.

Кумбараджѣн или бомбардиры составляли особый корпусъ. Сулейманѣ II опредѣлилъ составъ ихъ въ числѣ 300 чел. и придалъ имъ особенныя важность и значеніе тѣмъ, что вмѣсто жалованья назначилъ имъ помѣстья. Они во многихъ случаяхъ оказали туркамъ важныя услуги.

На одной съ ними степени были лаагумджѣн или минеры, существовавшіе уже съ давнихъ временъ. Подкопщики всегда, даже гораздо

прежде введенія въ употребленіе пороха и огнестрѣльнаго оружія, играли на востокѣ весьма важную роль. Хотя работы турецкихъ минеровъ, чуждыя теоретическихъ знаній и усовершенствованій, производились большею частію довольно невѣжественно и неискусно, однако свидѣтельствуютъ о мужествѣ и дѣятельности турецкихъ лаагумджі и нерѣдко вѣнчались полезнымъ успѣхомъ.

Наконецъ, какъ бы особый военный цѣхъ въ турецкомъ войскѣ и нераздѣльную часть турецкой пѣхоты составляли джебеджі или оружейники, изготовлявшіе для войска всякаго рода оружіе. Число ихъ, незначительное вначалѣ (700), возрасло съ ходомъ времени до 7,000 чел. Они ходили на войну вмѣстѣ съ янычарами, состояли подъ начальствомъ джебеджі-баші и при Селимѣ II получили постоянное, правильное устройство.

Турецкія войска вообще были вооружены: до временъ Мурада II (1421—1451 г.) луками и стрѣлами, копьями, саблями, кинжалами и другимъ подобнаго рода бѣлымъ оружіемъ, — со временъ же Мурада II и особенно Мохаммеда II — постепенно болѣе и болѣе, разнаго рода длиннымъ и короткимъ, ручнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, и по прежнему копьями, саблями, кинжалами и проч. Но употребленіе луковъ и стрѣлъ, а въ турецкой пѣхотѣ сверхъ того большихъ щитовъ, усматривается еще до конца XV вѣка.

О строе и образѣ дѣйствій турецкихъ войскъ не имѣется положительныхъ свѣдѣній. Извѣстно только, что они вообще сохраняли коренной азіатскій характеръ. Главнымъ тактическимъ раздѣленіемъ войскъ было десятичное. Низшія подраздѣленія отъ одного до 50 чел. назывались джеридами, отъ 50 до 1,000 чел. — кетибами, отъ 1,000 до 4,000 чел. джейшами, отряды отъ 4,000 до 12,000 чел. харарами или хамиссами, т. е. на 5 частей раздѣленными, ибо они состояли: 1) изъ середины или главнаго войска, 2) изъ праваго и 3) лѣваго крыла, и 4) изъ передовой и 5) задней стражи*). Вой турецкія войска начинали обыкновенно сильною стрѣлкою изъ луковъ, позже изъ ручнаго огнестрѣльнаго оружія—въ разсыпную, и затѣмъ производили стремительныя нападенія большими, густыми, сомкнутыми частями, съ бѣлымъ оружіемъ въ рукахъ, стараясь охватить и окружить непріятеля и подавить онаго числителнымъ превосходствомъ силъ. Спаги, силигдары и другіе роды устроенной турецкой конницы сражались подобно тяжеловооруженной западно-европейской XIV, XV и XVI столѣтій, и притомъ — только въ большихъ сраженіяхъ (*batailles rangées*).

*) Это раздѣленіе, равно какъ и образъ дѣйствій турецкихъ войскъ въ бою, служатъ свидѣтельствомъ, что подобныя имъ, въ то же время, въ русскомъ войскѣ, также были азіатскаго происхожденія.

Военное дѣло вообще у турокъ оставалось на той грубой и низкой степени, на которой всегда находилось у народовъ азіатскихъ. Въ расчетъ входили только личныя: мужество и храбрость, числительная сила, сила удара и военныя хитрости, собственно же искусство—никогда или по крайней мѣрѣ очень рѣдко. Постояннымъ и любимымъ правиломъ турокъ, глубоко укоренившимся между ними, было всегда держать всѣ свои силы въ совокупности, дѣйствовать силами сосредоточенными наступательно и производить на непріятеля стремительныя нападенія большими массами, со всѣхъ сторонъ, съ бѣлымъ оружіемъ въ рукахъ. Такому-то образу дѣйствій преимущественно турки и были обязаны частыми и рѣшительными побѣдами своими надъ европейскими войсками, хотя и стоявшими на болѣе высокой степени лучшаго устройства, но не умѣвшими предупредить сильнаго удара турецкихъ массъ или противопоставить имъ равносильныя массы.

Что касается духа турецкихъ войскъ и воинскаго порядка въ нихъ, то, вообще говоря, они до смерти Сулеймана II Великаго (1566 г.) были весьма хороши, но съ этого времени начали постепенно упадать и становиться хуже. Первые эмиры и султаны турецкіе, въ особенности Мурадъ I, Мурадъ II, Мохаммедъ II и Сулейманъ II, строго соблюдали и поддерживали въ войскѣ порядокъ и благоустройство, за нарушеніе которыхъ наказывали не только отдѣльныя лица, но нерѣдко и цѣлыя части войскъ. Несмотря на то, между янычарами, уже вскорѣ послѣ учрежденія ихъ, началъ развиваться духъ своеволія и мятежа, беспорядки, неустройство и злоупотребленія. Главными источниками этого зла были: льготы и преимущества, дарованныя янычарамъ и съ ходомъ времени ими самими распространенныя и вновь пріобрѣтенныя, равно допущеніе въ число янычаровъ не только ремесленниковъ, промышленниковъ и торговцовъ, но и низшей, презрѣнной черни. Янычары сражались съ необыкновенными мужествомъ и храбростью, но, при малѣйшемъ неудовольствіи противъ властей или начальниковъ, неисполненія ихъ требованій, неудачѣ или невыдачѣ имъ жалованья и т. п., немедленно разрывали всѣ узы повинненія, производили жестокіе бунты и предавались страшнымъ беспорядкамъ. Воинственные султаны XV и первой половины XVI столѣтій твердыми мѣрами своими еще обуздывали это буйное войско. Но по смерти Сулеймана II, при слабыхъ и неспособныхъ преемникахъ его, при постепенно усиливавшихся изнѣженности и испорченности нравовъ и злоупотребленіяхъ властей, своеволію и буйству янычаровъ не стало болѣе никакихъ препонъ и предѣловъ, и зло усиливалось съ ужасающею быстротой. Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивались и разнаго рода без-

порядки, неустройства и злоупотребленія въ янычарскомъ войскѣ. Уклоняясь отъ службы, походовъ, особенно дальнихъ и т. п., янычары наипмалы вмѣсто себя ямаковъ (охотниковъ) изъ низшей черни, а въ числѣ отураковъ было множество негодяевъ и тунеядцовъ, которые успѣвали снискивать себѣ высшіе склады янычарскаго жалованья не заслугами и отличіями, а раболѣпствомъ, обманомъ и другими низкими средствами. Съ XVII вѣкомъ начинаются уже, можно сказать, совершенныя разстройство и упадокъ янычаровъ.

Примѣръ янычаровъ былъ, какъ весьма естественно, заразителенъ и пагубенъ для всего турецкаго войска вообще, которое съ конца XVI и особенно съ начала XVII столѣтій уже стало быстро клониться къ нравственному разстройству и упадку. Однако и въ упадкѣ своемъ оно еще долго было грознымъ для враговъ Турціи—доказательство, сколь воинственны были духъ и характеръ турецкаго народа и сколь сообразны съ ними и превосходны были основное, коренное военное устройство государства вообще и устройство войскъ его въ частности.

§ 181.

Т а т а р ы .

Остатки обширнаго царства, основаннаго Батыемъ, сосредоточивались въ это время въ Казани, Астрахани и въ Крыму.

Казанское царство, необширное пространствомъ (между Волгою, Камою, Самарою и Уральскимъ хребтомъ), было многолюдно народонаселеніемъ, богато торговлей, могущественно воинственнымъ духомъ жителей своихъ — татаръ, чувашей, мордвы, черемисы, вотяковъ, банкирцовъ и силою укрѣпленій главнаго города своего—Казани. Но неопредѣленность порядка престолонаслѣдія въ немъ была причиной частыхъ внутреннихъ смуть и раздоровъ, пользуясь которыми сосѣди, государи московскіе и ханы ногайскіе и крымскіе, оказывали вліяніе на судьбу Казани. Казанцы же, охраняя свою независимость, неразъ являли сильное сопротивленіе въ борьбѣ съ ними и кромѣ того безпрестанно производили хищническіе набѣги на земли ихъ.

Астраханское царство, возникшее въ низовьяхъ Волги послѣ паденія Золотой орды Ахмата, уступало казанскому и въ могуществѣ, и въ числительной силѣ и воинственности своихъ жителей. Тѣснимые и ногаями, и крымцами, астраханскіе цари искали союзовъ то

съ московскими государями, то съ турецкими султанами, и были то въ дружбѣ, то во враждѣ съ первыми изъ нихъ.

Наконецъ крымское царство, со временъ Менгли-Гирея, современника Иоанна III и Мохаммеда II, и назпаченнаго послѣднимъ въ званіе крымскаго хана, зависимаго отъ Порты, было важнѣйшимъ средоточіемъ татаръ. Здѣсь они сохранили все качества предковъ своихъ во времена Батыея — и всю воинственность ихъ, и страсть къ хищническимъ набѣгамъ съ цѣлью грабежа. Живя имъ однимъ, они безпрестанно и беспощадно громили, грабили и разоряли южныя области Польши, Литвы и Руси, и земли ногаевъ, астраханцовъ и казанцовъ. Ненасытные въ своей алчности, они щадили только тѣхъ, которые откупались отъ нихъ, но были жестокими врагами платившихъ имъ мало или ничего. Для русскаго царства особенно они цѣлѣхъ три вѣка были злѣйшими врагами.

Общественный и военный бытъ всѣхъ этихъ дикихъ и хищныхъ татарскихъ ордъ не измѣнился со временъ Батыея или по крайней мѣрѣ очень мало, и не только въ эти времена, но и въ послѣдующія. Сочиненіе Боплана *): «Описаніе Украины въ половинѣ XVII вѣка» можетъ дать понятіе о крымскихъ и прочихъ татарахъ, и въ его время, и прежде, и послѣ. По свидѣтельству Боплана, крымскіе татары были весьма ловки и храбры на коняхъ, хотя сидѣли на нихъ безобразно, на высокихъ сѣдлахъ и короткихъ стременахъ, согнувъ ноги. Вооруженіе ихъ состояло изъ сабли и лука съ 18—20 стрѣлами въ колчанѣ, и изъ ножа за поясомъ, вмѣстѣ съ огнивомъ, шломъ и 5—6 саженями веревокъ изъ бычачьихъ жилъ (слѣдовательно—еще по обычаю монголовъ Чингизъ-хана), для поимки и связыванія плѣнныхъ. Латы носили только самыя зажиточныя. Одежда у нихъ была самая простая — кафтаны лѣтніе, зимніе на мѣху и мѣховыя шапки, а пища — самая грубая, лошадиное мясо, просо, кумысъ и т. п. Набѣги свои они производили обыкновенно въ зимнюю пору (также по обычаю Чингизъ-хана), когда рѣки, озера и болота замерзали и не представляли препятствій быстрому движеніямъ. Но лошадей своихъ они не ковали (только зажиточнѣйшіе употребляли, вмѣсто подковъ, бычачій рогъ, прикрѣпленный къ копыту кожей) и потому очень опасались безснѣжной зимы и гололедицы. Дневной переходъ ихъ ограничивался 24 верстами. Набѣги свои они рассчитывали такъ, чтобы воротиться въ свои улусы до

*) Бопланъ (Beauplan) былъ французскій инженеръ, 17 лѣтъ находившійся, въ половинѣ XVII вѣка, въ польской службѣ, преимущественно въ Украинѣ, которую узналъ и описалъ подробно, равно какъ и военный бытъ крымскихъ и буджакскихъ татаръ (Beauplan: Description de l'Ukraine, 1650, русскій переводъ профессора Устрялова, 1832).

вскрытія рѣкъ, озеръ и болотъ, слѣдовательно совершали походы свои въ три зимніе мѣсяца. Пути они избирали по долинамъ, чтобъ укрываться отъ казаковъ, соблюдали величайшую осторожность, впередъ и по сторонамъ посылали развѣзды, чтобы захватить изысковъ, и огней по вечерамъ не разводили. Малые отряды ихъ (сотни) состояли изъ 100 всадниковъ и 300 лошадей, считая по 2 заводныхъ на всадника. Войско ихъ въ 80 т. всадниковъ имѣло болѣе 200 т. лошадей, и вся эта громада уподоблялась вдали тучѣ на горизонтѣ, которая распространялась по мѣрѣ приближенія. Она останавливалась каждый часъ на $\frac{1}{4}$ часа для облегченія лошадей. Дойдя до непріятельскихъ границъ примѣрно на 1 или $\frac{1}{2}$ перехода, татары дневали 2 или 3 дня въ скрытомъ и безопасномъ мѣстѣ и приготавлились къ набѣгу. Силы свои они раздѣляли на 3 части, изъ которыхъ двѣ составляли главные силы, а одна, раздѣленная пополамъ, образовала правое и лѣвое крыла. Въ такомъ порядкѣ они переходили черезъ границу и двигались впередъ днемъ и ночью, останавливаясь только на одинъ часъ для корма лошадей и не производя грабежа до тѣхъ поръ, пока не достигали внутренности края, предназначеннаго для того. На обратномъ походѣ, главный предводитель отряжалъ во всѣ стороны, на 30, 40 или 50 верстъ, оба крыла. Каждое изъ нихъ, въ 8 или 10 т. чел., раздѣлялось звѣздой на 10 или 12 отрядовъ въ 500 или 600 чел. Эти отряды быстро устремлялись на селенія, окружали ихъ 4-мя караулами и ночью разводили большіе огни, чтобы никто изъ жителей не могъ спастись бѣгствомъ, и затѣмъ начинали грабить, сопротивлявшихся убивали, сдававшихся брали въ плѣнъ, даже женщинъ и дѣтей, угоняли лошадей и скотъ, а селенія сжигали, и черезъ 4—5 часовъ возвращались къ своему войску, а на смѣну ихъ отряжались два свѣжія крыла. Такимъ образомъ грабежъ производился ими непрерывно и систематически.

Всѣ движенія свои при этомъ впередъ и назадъ татары производили шагомъ, чтобы не слишкомъ утомлять себя и лошадей и быть готовыми къ отраженію непріятели при встрѣчѣ съ нимъ. Но какъ эти движенія шагомъ производились днемъ и ночью, за исключеніемъ краткихъ остановокъ черезъ каждый часъ времени, какъ означено выше, то вообще выходило, что въ одни сутки татары на своихъ шагистыхъ лошадяхъ проходили большія пространства. Въ избѣжаніе погоны, они никогда не возвращались тѣмъ же путемъ, а въ случаѣ нападенія непріятели, только оборонялись, даже если и значительно превосходили его числомъ. Вернувшись изъ набѣга въ свои пограничныя, необитаемыя степи, они дѣлали въ нихъ продолжительный роздыхъ, а если были приведены въ разстройство встрѣчей съ непріятеlemъ, то снова устроивались. Въ это же время они дѣ-

ляли между собою добычу, а съ плѣнными поступали съ безчеловѣчною жестокостью.

Еслиже они предпринимали набѣгъ лѣтомъ, то въ числѣ не болѣе 10—20 т. чел., дабы не быть слишкомъ замѣтными. Не доходя 80 или 100 верстѣ до непріятельской границы, они раздѣлялись на 10 или 12 отрядовъ въ 1 т. коней. Одна половина этихъ отрядовъ шла на право, а другая на лѣво, отрядъ отъ отряда въ разстояніи 4 или 6 верстѣ. Впереди передняго отряда, версты за 4, шли сторожевые развѣзды. Всѣ отряды шли не по прямой, а по кривой линіи, въ близкомъ разстояніи одинъ отъ другаго, для того, чтобы въ назначенный день соединиться въ общемъ сборномъ мѣстѣ; раздроблялись татары для того, чтобы скрыть отъ казаковъ дѣйствительныя силы свои.

Вступая въ непріятельскую землю, татары шли по высотамъ между двухъ рѣкъ, отыскивая истоки малыхъ притоковъ ихъ. Если они не встрѣчали сопротивленія, то грабили, какъ означено выше зимою, но не углублялись въ страну далѣе 25—40 верстѣ и не оставались въ ней долѣе 10 дней, и затѣмъ возвращались съ добычей въ свои степи.

Буджакскіе, вольные татары, неподвластные ни крымскому хану, ни турецкому султану, и жившіе въ степяхъ Буджака, между устьями Днѣпра и Дуная (въ XVII вѣкѣ числомъ до 20 т. чел.), были еще воинственнѣе, мужественнѣе и удалѣе крымскихъ. Степи между Буджакомъ и Украиною обыкновенно бывали усѣяны 8—10 отрядами татаръ въ 1 т. чел., на разстояніи 40—50 верстѣ одинъ отъ другаго. Если казаки пускались въ эти степи, то не иначе, какъ подъ прикрытіемъ своего табора или обоза, и первые завидѣвъ татаръ, тотчасъ останавливали таборъ и нападали на татаръ. Если же татары первые открывали казаковъ, то быстро и внезапно нападали на ихъ таборъ и наносили ему пораженіе.

Чтобъ избѣжать преслѣдованія и обмануть непріятеля, татары дѣлили, напримѣръ, 400 чел. на 4 отряда въ 100 чел. и направляли ихъ на четыре страны свѣта (на сѣверъ, востокъ, югъ и западъ), въ разстояніи до 6 верстѣ отъ центра. Эти отряды также раздѣлялись на 3 части и шли въ разныя стороны и черезъ 2 версты снова дѣлились на 3 части, до тѣхъ поръ, пока оставалось только 10 или 11 чел. Все это производилось очень скоро, потому что всѣмъ было хорошо извѣстно, точно также какъ и мѣстность степей. А въ назначенный день всѣ отряды сходились на общемъ сборномъ мѣстѣ.

Татары, какъ всѣ жители степей, были чрезвычайно дальнорюки и имѣли тонкій слухъ. При встрѣчѣ съ непріателемъ, при восхожденіи или захожденіи солнца, старались имѣть его въ тылу за собою. Если непріятель нападалъ на нихъ, а они не были въ состояніи

отразить его, то быстро разсѣвались въ разныя стороны, мѣтко стрѣляя изъ луковъ назадъ на всемъ скаку. Отскакавъ на 1—2 версты, они снова собирались и нападали соменувшись и, будучи опрокинуты, снова повторяли то же самое, пока не принуждали утомленнаго тѣмъ непріятеля отступить. Но это бывало только въ случаѣ значительнаго превосходства ихъ числомъ: иначе, выстрѣливъ разъ, они уже не обращались болѣе назадъ.

Замѣчательно искусство, съ которымъ они лѣтомъ переправлялись вплавь черезъ самыя широкія и быстрыя рѣки. Выбравъ прежде всего удобныя къ входу въ рѣку и къ выходу изъ нея отлогія мѣста, они собирали камышъ, дѣлали изъ него 2 связки, длиною фута въ 3, толщиною дюймовъ въ 10—12, одну отъ другой въ разстояніи 1 фута, соединяли ихъ 3-мя поперечными палками, укрѣпляли снизу палкой съ угла на уголъ, привязывали къ лошадиному хвосту, вляли на этотъ живой плотъ сѣдло, одежду и оружіе, и нагіе, съ плетью въ одной рукѣ, а другою держась за гриву лошади, переплывали съ нею, погоняя и направляя ее черезъ рѣку, къ чему и они, и лошади ихъ были привычны съ первыхъ лѣтъ.

Изъ этого видно во 1-хъ, что военные нравы и обычаи татаръ, какъ крымскихъ и буджакскихъ, такъ безъ сомнѣнія и другихъ, въ это время ничѣмъ не отличались отъ тѣхъ, которые были свойственны монголамъ Чингизъ-хана, Огтая, Батыя и ихъ преемниковъ; во 2-хъ, что эта дикая татарщина довела свой образъ веденія войны и разбойничьихъ набѣговъ съ цѣлю грабежа, въ своемъ родѣ, до высшей степени искусства,—и въ 3-хъ, что это самое заставляло и казаковъ противудѣйствовать татарамъ точно такимъ же образомъ и опредѣлило характеръ войны въ степяхъ нынѣшней южной Россіи, какъ въ XV и XVI вѣкахъ, такъ и въ XVII.

ГЛАВА XXIII.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШІЯ ВОЙНЫ И ПОХОДЫ.

I. Русскія войны при Іоаннѣ III (1462—1505).—§ 182. Войны съ Новгородомъ (1471—1478).—§ 183. Войны съ Казанью и Золотою ордою (1467—1502).—§ 184. Войны съ Литвою и Ливонскимъ орденомъ (1482—1503).—
II. Русскія войны при Василіѣ III (1505—1533).—§ 185. Войны съ Литвою (1506—1522).—§ 186. Войны съ Крымомъ (1515—1521).—§ 187. Войны съ Казанью (1505—1530).

I.

Русскія войны при Іоаннѣ III (1462—1505).

§ 182.

Войны съ Новгородомъ (1471—1477).

Русскія войны при Іоаннѣ III, болѣе важныя въ политическомъ отношеніи, нежели замѣчательныя въ военномъ, были ведены: на сѣверѣ—съ Новгородомъ, на востоцѣ и югѣ—съ татарами и на западѣ—съ Литвою и Ливонскимъ орденомъ. Цѣлями ихъ были: покореніе Новгорода, освобожденіе Руси отъ татаръ и воссоединеніе съ нею древняго достоянія ея—западныхъ и сѣверо-западныхъ областей ея, отторгнутыхъ Литвою и орденомъ. Двѣ первыя цѣли были достигнуты вполне, съ успѣхомъ и пользой для Руси.

Новгородъ, со временъ Владиміра Мономаха, постепенно распространяя свои владѣнія, увеличивая свои права и стремясь къ пе-

зависимости отъ великихъ князей русскихъ, съ половины XIV вѣка болѣе и болѣе проявлялъ явное сгремленіе къ совершенному отдѣленію отъ московскаго государства и даже къ соединенію съ Литвой. Преемники Іоанна Калиты, тѣснимые Ордой и Литвой, и самъ Іоаннъ III въ началѣ своего княженія, оставляли неприкосновенными и подтверждали всѣ права и льготы Новгорода, какъ дарованныя ему Ярославомъ I и увеличенныя слабыми преемниками его, такъ и присвоенныя самимъ Новгородомъ во времена междуусобій и татарскаго ига. Но когда наконецъ новгородское вѣче оскорбило намѣстниковъ Іоанна Ш, присвоило себѣ княжескіе доходы и земли, взяло съ жигелей присягу только именемъ Новгорода и, подстрекаемое честолюбивою вдовою посадника Марѳою Борецкою, въ 1471 году заключило союзъ съ Казиміромъ польскимъ и литовскимъ и объявило его государемъ Новгорода, съ властію, ограниченою особенными условіями, тогда Іоаннъ увидѣлъ необходимость положить конецъ своеволю Новгорода и предупредить отложеніе его отъ Москвы и присоединеніе къ Литвѣ. Въ маѣ 1471 г. онъ объявилъ Новгороду войну и въ началѣ іюня съ трехъ сторонъ двинулъ въ новгородскія земли многочисленныя силы свои. Въ серединѣ московскія боярскія дѣти, въ числѣ 10 т. чел., подъ предводительствомъ князя Холмскаго и боярина Феодора Давидовича, шли отъ Москвы къ Русѣ; за ними отрядъ князя Оболенскаго-Стриги и татарская конница царевича Даньяра—къ Вышнему Волочку и потомъ берегомъ Мсты. Три брата Іоанновы и князь верейскій съ своими полками двинулись каждый изъ своей отчины. Всѣ эти войска, вступивъ въ новгородскія земли разными дорогами, шли впередъ, огнемъ и мечомъ опустошая край. Справа устюжане и вятчане, подъ предводительствомъ Іоанновыхъ воеводъ Образца и Тютчева, двинулись въ Двинскую землю и Заволочье. А слѣва позже псковичи, вооружась всемъ городомъ и пригородами, подъ начальствомъ князя Шуйскаго и 14 посадниковъ своихъ, направились къ Вышгороду на Шелони. Самъ же Іоаннъ съ главнымъ войскомъ, въ которомъ находились всѣ князья, бояре и дворяне московскіе, 20 іюня двинулся изъ Москвы къ Торжку. Здѣсь 29 іюня къ нему присоединились воеводы и войска тверскіе.

Между тѣмъ новгородцы, не ожидавшіе такого скорого и сильнаго нападенія, спѣшили произвести всеобщее вооруженіе, а пока послали пѣхоту свою озеромъ Ильменемъ на судахъ, конницу же берегомъ его—къ Русѣ, сына Марѳы Дмитрія съ сильнымъ войскомъ (тысячъ до 40) противъ псковичей дѣвшимъ берегомъ Шелони, а воеводу князя Шуйскаго Гребенку на защиту Заволочья. Въ самомъ Новгородѣ готовились къ упорной оборонѣ,

*

устроили внѣшнія укрѣпленія, засѣли, вооружили всѣхъ гражданъ. Но народъ былъ въ страхѣ и смятеніи, сторонники Литвы и Москвы—въ раздорѣ, въ городѣ уже начали оказываться недостатокъ въ продовольствіи и дороговизна, грозившіе голодомъ. Вѣсти объ успѣхахъ Іоанновихъ войскъ и неудачахъ новгородскихъ еще болѣе встревожили новгородцовъ. Холмскій сжегъ Русу и расположился станомъ между нею и Ильменемъ, на р. Коростыни. Новгородская пѣхота, посланная озеромъ, высадилась на берегъ и, не дождавшись прибытія своей конницы, скрытно приблизилась къ стану Холмскаго, воспользовалась оплошностью послѣдняго, не принявшаго надлежащихъ мѣръ предосторожности, и произвела внезапное нападеніе на него. Но онъ и войска его храбростью загладили свою оплошность, разбили новгородцовъ наголову, 500 пзъ нихъ положили на мѣстѣ, множество взяли въ плѣнъ, а остальные разсѣялись и бѣжали. Позади ихъ на р. Полѣ явился другой новгородскій отрядъ, но Холмскій разбилъ и его.

9-го іюля Іоаннъ у озера Коломны, близъ Вышняго-Волочка, получилъ отъ Холмскаго извѣстіе о пораженіи имъ новгородцовъ на Коростыни и Полѣ и о движеніи его къ Демону. Но Іоаннъ приказалъ ему идти на лѣво къ Шелони, для соединенія съ псковичами, а у Демона велѣлъ стать князю верейскому. Холмскій, двинувшись къ Шелони, 14 іюля увидѣлъ шедшіе по другой сторонѣ ея 40 т. новгородскихъ войскъ Димитрія Борецкаго. У Холмскаго было только тысячи 4 войскъ, но онъ, не смотря на такую огромную разницу въ силахъ, отважно переправился черезъ Шелонь вплавъ и стремительно ударилъ на новгородцовъ, которые не выдержали удара и бѣжали (по новгородскимъ же лѣтописямъ, новгородцы будто бы опрокинули Холмскаго за Шелонь, но татарская конница внезапно ударила на нихъ изъ засады и рѣшила побѣду въ пользу Холмскаго). Холмскій преслѣдовалъ новгородцовъ на пространствѣ 12 верстъ и нанесъ имъ жестокое пораженіе и огромный уронъ: по собственному сознанію ихъ, они потеряли 12 т. чел. убитыми и 1700 чел. взятыми въ плѣнъ; въ числѣ послѣднихъ находился самъ Борецкій, два посадника и другіе воеводы. Въ обозѣ же новгородцовъ найдена была договорная грамота ихъ съ Казиміромъ.

Между тѣмъ псковичи, узнавъ, что новгородцы жгли пограничныя волости ихъ, осадили Вышгородъ и стали обстрѣливать его стрѣлами и пушками. Въ первый день жители города упорно отбивались, но на другой день просили пощады и получили ее. Но, отступивъ отъ Вышгорода, псковичи разорили окрестныя земли верстъ на 50 и болѣе. Другой же отрядъ ихъ въ 1,500 охочихъ людей, двинувшись на сѣверъ, за р. Лютою, притокомъ р. Плюсы, былъ разбитъ

новгородцами, которые напали на него врасплохъ, но, узнавъ о Шелонскѣмъ поражениіи, бѣжали назадъ.

Іоаннъ, извѣстясь о Шелонской побѣдѣ въ Яжелбицахъ, въ 120 верстахъ отъ Новгорода, двинулся на югъ къ Демону (нынѣ Демянскъ), а отъ него, найдя, что онъ уже сдался князю верейскому—къ Русѣ, въ которую вступилъ 24 іюля. Здѣсь онъ ждалъ новгородскихъ пословъ съ покорностью, но вмѣсто того узналъ, что Новгородъ находилъ по прежнему въ волненіи. Не смотря на свои неудачи и безнадежность на помощь отъ Казимира и Ливонскаго ордена, новгородцы, при вѣсти, что Іоаннъ уже въ Русѣ, возмутились и приняли еще болѣе рѣшительныя мѣры для упорной обороны Новгорода, сожгли вокругъ посады, а между тѣмъ раздоръ между ними—однихъ за Москву, другихъ за Литву—усилился. Вскорѣ однако они убѣдились, что не могли долго сопротивляться, и наконецъ послали владыку своего Θεофила, посадниковъ и житыхъ людей, съ просьбой о помилованіи, къ Іоанну, уже стоявшему при устьѣ Шелони, на Коростыни. Іоаннъ умилился, приказалъ прекратить разореніе, далъ Новгороду миръ по старинѣ, но взялъ съ него 15,500 рублей, кромѣ того, что было передано посланнѣ братьямъ его, князьямъ и московскимъ боярамъ и воеводамъ, за ходатайство ихъ въ пользу Новгорода. Договоромъ, заключеннымъ по старинѣ, новгородцы обязались не отлагаться отъ Москвы и не присоединяться къ Литвѣ и покориться Іоанну. Но пока они вели переговоры съ нимъ, воевода ихъ, князь Шуйскій, имѣя 12 т. войскъ, встрѣтилъ на Двинѣ Іоаннова воеводу Образца, у котораго было менѣе 4 т. вятчанъ, и между ними пропозелъ жаркій бой, продолжавшійся цѣлый день. Съ обѣихъ сторонъ войска сражались съ необыкновенными упорствомъ и ожесточеніемъ: три раза знаменички новгородскаго знамени, одинъ послѣ другаго, были убиваемы, наконецъ въ третій разъ знамя было взято вятчанами и новгородцы обратились въ бѣгство, а съ ними и раненый Шуйскій. Съ другой стороны, вологодскій воевода брата Іоаннова Андрея Меньшаго воевалъ на Кокшениѣ. Іоаннъ возвратилъ Новгороду Заволочье, но новгородцы должны были отдать всѣ захваченныя ими до того волости великокняжескія и ростовскихъ князей.

Удовольствовавшись смиреніемъ Новгорода, Іоаннъ оставилъ ему прежнія права его и не лишилъ его самостоятельности. Онъ опасался встрѣтить въ новгородцахъ отчаянное сопротивленіе и хотѣлъ постепенно приготовить умы ихъ въ свою пользу и умножить между ними число своихъ приверженцовъ. И онъ успѣлъ спускать любовь и уваженіе всѣхъ благомыслищихъ между ними, всѣхъ бѣдныхъ гражданъ и большинства народа, безпристрастіемъ и справедливостью

верховнаго суда своего. Врагамъ его были только лица высшаго сословія, упорно стоявшія за свои права и преимущества, власть и имѣнія. Поэтому Іоаннъ, увѣренный въ слабостъ въпредъ сопротивленію, ждалъ только повода къ совершенному покоренію Новгорода.

И онъ представился шесть лѣтъ спустя, въ 1477 году. Враги Іоанна не переставали возбуждать новгородцовъ противъ него, такъ что, оскорбленный наконецъ явнымъ отказомъ вѣча называть его государемъ Новгорода, въ 1477 г. онъ снова объявилъ ему войну и, несмотря на осеннее время, отсюда двинулъ къ нему многочисленныя войска. 9 октября онъ самъ выѣхалъ изъ Москвы и 19-го былъ уже въ Торжѣ. 23-го онъ двинулся далѣе къ Вышнему Волочку. На пути туда, къ нему безпрестанно являлись знатныя новгородцы, для вступленія въ его службу, что уже заранѣе предвѣщало, что Новгородъ наконецъ образумится и смирится. Іоаннъ же и войска его продолжали идти къ нему: впереди съ сторожевымъ полкомъ (боярскими дѣтьми и войсками владимірскими, переяславскими и костромскими) шелъ князь Холмскій, за нимъ самъ Іоаннъ съ главными силами и отборными войсками — между Яжелбицкою дорогою и Мстою, а царевичъ Даньярь — за этою рѣкой; за Іоанномъ — два боярина съ дмитровскими и кашинскими войсками; на правой рукѣ — князь Рязановскій съ суздальскими и юрьевскими, а на лѣвой рукѣ — братъ Іоанна Андрей Меньшой и воевода Сабуровъ съ ростовскими, ярославскими, угличскими и бѣжецкими, и воевода матери Іоанна, Пѣшекъ, съ ея дворомъ (дружиной); между дорогами яжелбицскою и демонскою — князь Александръ Оболенскій съ московскими, серпуховскими, калужскими, новоторжскими и др., и князь Борисъ Оболенскій съ можайскими, волоцкими, звенигородскими и рузскими, а по самой Яжелбицкой дорогѣ — бояринъ Феодоръ Давидовичъ съ боярскими дѣтьми великовняжескаго двора и съ коломенцами, и князь Иванъ Васильевичъ Оболенскій съ его братьями и многими боярскими дѣтьми. 4-го ноября къ войску присоединился еще князь Микулинскій съ тверскими войсками.

19-го ноября въ Паличѣ близъ Торжка Іоаннъ сдѣлалъ новое распределеніе воеводъ и войскъ для начатія военныхъ дѣйствій: передовой полкъ ввѣрилъ брату своему Андрею Меньшому, князьямъ Холмскому и Оболенскому Стригъ и боярину Феодору Давидовичу; этотъ полкъ долженъ былъ занять Бронницы; — въ правой рукѣ велѣлъ быть брату своему Андрею Большому, князю Микулинскому и воеводамъ Григорію Никитичу и Житу; — въ лѣвой рукѣ — брату своему Борису, князю верейскому и воеводѣ Пѣшеку, — а въ собственномъ большомъ полку — князьямъ Обо-

ленскимъ и Ряполовскому, боярину Патрикѣеву и воеводамъ Образцу и Сабурову. Сверхъ того Іоаннъ приказалъ псковичамъ съ ихъ намѣстникомъ княземъ Шуйскимъ, взявъ съ собою осадныя огнестрѣльныя и иныя орудія (пищали и самострѣлы), идти къ озеру Ильмену и стать при устьѣ Шелони. 24 ноября онъ велѣлъ передовому полку изъ Бронницъ поспѣшно идти къ Городищу (Рюрикову, подъ самымъ Новгородомъ) и занять его и окрестныя монастыри и села, для того, чтобы новгородцы не сожгли ихъ. Воеводы перешли черезъ Ильмень (въ сѣверной части его), по льду и въ одну ночь заняли всѣ окрестности Новгорода. 27 ноября самъ Іоаннъ сталъ на Волховѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ Новгорода, а войска свои расположилъ вокругъ него въ монастыряхъ и селахъ. 30 ноября онъ приказалъ воеводамъ отпускать половину людей для сбора продовольствія, съ тѣмъ, чтобы 11 декабря всѣ воротились и были на лицо при своихъ мѣстахъ; псковскому же намѣстнику князю Шуйскому велѣлъ спѣшить къ Новгороду съ огнестрѣльнымъ нарядомъ.

Между тѣмъ новгородцы оградилъ Новгородъ деревянною стѣною по обѣимъ сторонамъ Волхова, заградилъ эту рѣку судами, избралъ князя Шуйскаго Гребенку главнымъ воеводой и, не ожидая ни откуда ни помощи, ни спасенія, поклялся быть единоплеменными и обороняться до послѣдней крайности. Однако благоразумнѣйшіе изъ нихъ и приверженцы Іоанна не переставали отправлять къ нему пословъ для переговоровъ о мирѣ. Іоаннъ, ведя съ ними эти переговоры, продолжалъ однако стѣснять Новгородъ, въ половинѣ декабря обложилъ его уже со всѣхъ сторонъ и, желая избѣжать кровопролитія, хотѣлъ принудить его къ покорности голодомъ. Дѣйствительно, между тѣмъ какъ въ Іоанновомъ войскѣ было во всемъ изобиліе, въ Новгородѣ, совершенно отрѣзанномъ отъ сообщеній съ окрестнымъ краемъ, напротивъ, съ каждымъ днемъ возрастала голодъ, болѣзни и смертность. Не смѣя выйти изъ Новгорода и отважиться на бой, и не имѣя достаточнаго продовольствія для выдержанія осады, видя силу и непреклонность Іоанна и необходимость наконецъ покориться ему, новгородцы медлили еще однако, дабы сохранить хотя часть своихъ правъ и вольностей. Іоаннъ же, съ своей стороны, продолжалъ все болѣе стѣснять Новгородъ: прибывшихъ въ началѣ декабря псковичей расположилъ въ Бискупницахъ, Фодотинѣ и Троицкомъ монастырѣ на Варяжи, а Аристотелю велѣлъ построить отъ Городища мостъ на судахъ черезъ Волховъ, какъ бы для приступа къ городу. Аристотель построилъ этотъ мостъ весьма скоро, крѣпко и прочно. А между тѣмъ Іоаннъ искусно велъ переговоры съ новгородцами, и наконецъ прпверженцы его, въ главѣ которыхъ былъ архіепископъ Теофилъ, взяли

верхъ — и 13 января 1478 г. Новгородъ изъявилъ безусловную покорность. Вѣче было уничтожено, званіе посадника упразднено, старинныя формы суда и сбора податей замѣнены московскими. Іоаннъ назначилъ князя Оболенскаго - Стригу намѣстникомъ своимъ въ Новгородѣ, объявилъ всепрощеніе, исключая Марѣы Борецкой и главныхъ недоброжелателей своихъ, взятыхъ подъ стражу, и оставался въ Новгородѣ до 17 февраля, когда отправился въ Москву, съ богатыми дарами и — вѣчевымъ колоколомъ.

§ 183.

Войны съ Казанью и Золотою ордою (1467—1502).

Войны съ Казанью и Золотою ордою содѣйствовали искусной политикѣ Іоанна, постоянно стремившейся къ освобожденію Руси отъ владычества татаръ, преданіемъ орды въ жертву собственнымъ внутреннимъ раздорамъ и сокрушеніемъ ея этимъ средствомъ вѣрнѣе, нежели силою оружія и большими пожертвованіями.

Въ первые годы своего княженія (около 10 лѣтъ — 1462 -1472) Іоаннъ не отказывалъ Ахмету, хану Большой или Золотой орды, въ дани и дарахъ, и уклонялся отъ всякаго повода къ разрыву, а между тѣмъ бралъ свои мѣры. Сначала онъ обратилъ вниманіе на царство казанское, независимое отъ орды, даже непріязненное ей, и хотѣлъ присвоить себѣ верховную власть надъ нимъ, во 1-хъ для того, чтобы обезпечить восточныя предѣлы Руси отъ хищныхъ казанцовъ, и во 2-хъ для того, чтобы открыть себѣ изъ Казани удобный путь по Волгѣ въ орду, при первой борьбѣ съ нею. Однако онъ еще не въ силахъ былъ исполнить это и одолѣть даже одной Казани: пять походовъ его въ 1467-8-9 г.г. не имѣли успѣха.

Въ 1463 г., по смерти казанскаго царя Мамутска, ему наследовалъ сынъ его Ибрагимъ. Вдова другаго сына его, Халиля, Нурсалтаня, вышла за царевича Касима, вѣрнаго слугу еще Василя II. Тайно приглашенный вельможами казанскими свергнуть Ибрагима съ престола, Касимъ просилъ у Іоанна помощи. Вслѣдствіе того, 14 сентября 1467 года сильное войско Іоанново, подъ предводительствомъ князя Оболенскаго - Стриги, двинулось на помощь Касиму. Послѣдній думалъ явиться неожиданно, но ошибся или былъ обманутъ: когда онъ подступилъ къ Волгѣ, то на другомъ берегу ея уже стоялъ Ибрагимъ со всѣми своими силами и не допустилъ его переправиться черезъ рѣку. Касимъ и русскія войска

были принуждены идти назадъ въ глубокую осеннюю распутицу, въ проливные дожди и холодную погоду, терпя притомъ крайній недостатокъ въ продовольствіи и даже голодъ, такъ что множество лошадей пало и всадники шли ишпими, побросавъ на пути доспѣхи. Казанцы не преслѣдовали ихъ, но отмстили тѣмъ, что явились подъ Галичемъ, однако захватили мало добычи, потому что жители заперлись въ городѣ, городовъ же казанцы брать не могли, потому что Іоаннъ успѣлъ занять своими войсками Муромъ, Нижній Новгородъ, Кострому и Галичъ. Холмскій разбилъ казанцовъ близъ Мурома, Стрига-Оболенскій выгналъ ихъ изъ костромской области, другіе русскіе отряды разорили берега Волги въ казанскихъ предѣлахъ, а московскія боярскія дѣти въ декабрѣ 1467 г. и въ январѣ 1468 г. совершили зимній походъ въ землю черемисовъ, подвластныхъ Казани. Цѣлый мѣсяцъ шли они чрезъ дремучіе лѣса и глубокіе снѣга, въ сильныя морозы, и въ январѣ разорили землю черемисовъ огнемъ и мечомъ, селенія выжгли, людей перебили или взяли въ плѣнъ, скотъ угнали, имущество разграбили и, не дойдя только одного дня пути до Казани, благополучно воротились въ Москву. Казанцы отмстили за это опустошительнымъ набѣгомъ на верховья рѣки Юга и на двѣ костромскія волости.

Весною 1468 г. Іоаннъ предпринялъ 3-й походъ противъ Казани, въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Въ немъ участвовали не только великокняжескій дворъ и боярскіи дѣти изъ всѣхъ городовъ, но даже многіе купцы и горожане московскіе, подъ начальствомъ воеводы князя Оболенскаго-Нагова. Въ Нижнемъ Новгородѣ все войско соединилось подъ главнымъ предводительствомъ воеводы Беззубцова и сѣло на Окѣ и Волгѣ на суда, чтобы плыть внизъ по Волгѣ къ Казани. Въ то же время другая рать, подъ начальствомъ князя Даніила Ярославскаго, изъ Волгды и Устюга прибыла въ Вятку, чтобы идти къ Казани вмѣстѣ съ вятчанами. Но они отказались воевать противъ Ибрагима, подъ предлогомъ, будто обѣщали послѣднему не помогать ни ему, ни Іоанну. Между тѣмъ Касимъ умеръ и вдова его взялась склонить Ибрагима къ дружбѣ съ Іоанномъ. Послѣдній, опасаясь неудачи или не надѣясь безъ важныхъ успѣій смирить Казань, приказалъ Беззубцову до времени оставаться съ судовою ратью въ Нижнемъ Новгородѣ, выславъ только охочихъ людей воевать казанскія земли по сѣбнимъ сторонамъ Волги, не ходя однако къ Казани. Но все войско пошло въ охотники и, избравъ себѣ въ предводителѣ воеводу Руно, 19 мая отправилось на судахъ по Волгѣ, а Беззубцовъ остался одинъ въ Нижнемъ Новгородѣ. 21 мая на разсвѣтѣ судовая рать высадилась подъ Казанью, ворвалась въ посадки ея, стала убивать и брать въ

плѣнъ настигнутыхъ врасплохъ татаръ, освободила многихъ русскихъ плѣнниковъ, зажгла посады и затѣмъ сѣла опять на суда и отплыла къ острову Коровичу, гдѣ простояла 7 дней въ бездѣйствіи. На 8-й день одинъ плѣнный русскій, бѣжавшій изъ Казани, принесъ вѣсть, что Ибрагимъ собралъ всѣ свои силы и съ судовою и копною ратью нападегъ на русское войско на другой день на разсвѣтѣ. Тогда Руно и другіе воеводы отправили младшихъ ратниковъ на большихъ судахъ къ Ирыхову острову, приказавъ имъ не ходить въ узкое мѣсто между нимъ и берегомъ, а сами остались назади на берегу оборонять ихъ, удерживая Ибрагима. Но молодые ратники не послушались ихъ и пошли съ большими судами именно въ узкое мѣсто Волги. Прибывшіе сюда конные казанцы открыли по нимъ съ берега сильную стрѣльбу, однако русскіе молодые ратники удачно отстрѣлялись и отразили казанскую конницу. Между тѣмъ казанская судовая рать напала на главный, но немногочисленный русскій отрядъ, который однако храбро отразилъ ее и прогналъ до самой Казани. Возвращаясь оттуда, вся русская рать стала у Ирыхова острова, куда къ ней прибылъ изъ Нижняго Новгорода самъ Беззубцовъ. Цѣлыхъ 7 недѣль ждалъ онъ тутъ прибытія князя ярославскаго и вятчанъ на судахъ, и наконецъ, не дождавшись ихъ и имѣя недостатокъ въ продовольствіи, поплылъ обратно въ Нижній Новгородъ. На пути туда онъ встрѣтилъ мать Ибрагима, плывшую изъ Москвы въ Казань и объявившую, что Іоаннъ отпустилъ ее съ честью и войны болѣе не будетъ, а будетъ миръ. Беззубцовъ, повѣривъ этому, продолжалъ плыть вверхъ по Волгѣ, какъ вдругъ казанцы внезапно явились съ судовою ратью на Волгѣ и съ конницей на лѣвомъ берегу ея. Русская рать немедленно бросилась съ берега на свои суда, вступила въ бой съ судовою ратью Ибрагима и прогнала ее, но стрѣльба казанской конницы съ лѣваго берега заставила ее отойти къ своему, правому берегу. Тогда казанская судовая рать снова начала на нее, а русская снова прогнала ее. Такъ бой продолжался цѣлый день и къ ночи русскіе отошли ночевать къ правому берегу, а казанцы къ лѣвому. Какъ они разошлись на другой день—свѣдѣній не имѣется, но вѣроятно безъ боя, потому что русская рать продолжала свое плаваніе къ Нижнему Новгороду и прибыла къ нему благополучно.

Между тѣмъ князь ярославскій, также плывшій на судахъ Вяткою и Камою въ Волгу, и не могшій уговорить вятчанъ идти вмѣстѣ съ нимъ на Казань, рѣшился безъ нихъ плыть Камою въ Волгу и подъ Казанью соединиться съ ратью Беззубцова. Но когда онъ приплылъ къ Казани, то нашелъ, что Волга была преграждена казанскими судами, и, чтобы пробиться черезъ нихъ, вступилъ съ ними въ

бой на Волгѣ, несмотря на то, что былъ гораздо слабѣе. Русскіе оказали чудеса храбрости; особенно отличился князь Ухтомскій, который на конѣ скакалъ по связаннымъ казанскимъ судамъ и своимъ ослопомъ жестоко поражалъ казаицовъ. Русскіе потеряли 430 чел. убитыми и взятыми въ плѣнъ (въ числѣ первыхъ были князь ярославскій и нѣсколько воеводъ), но нанесли большой уронъ и казанцамъ, и наконецъ, благодаря особенно князю Ухтомскому и устюжанамъ, успѣли пробиться и благополучно прибыть въ Нижній Новгородъ. Іоаннъ щедро наградилъ ихъ, сначала — два раза по одной золотой деньгѣ, но они оба раза отдали ихъ священнику, чтобы молился за государя и все воинство его, а въ третій разъ — запасами муки, масла, луковъ и стрѣлъ, бараньихъ шубъ, суковныхъ однорядокъ и сермягъ, съ приказаніемъ снова идти въ походъ противъ Казани.

Въ четыре описанные похода не было приобрѣтено никакихъ рѣшительныхъ и даже важныхъ результатовъ, а все ограничилось только разореніемъ казанскихъ земель, сожженіемъ посадковъ Казани и взятою добычей. Но это не могло вознаграждать урона, понесеннаго ратью князя ярославскаго, и хотя славы было довольно, но пользы мало, тѣмъ болѣе, что и казанцы, въ отмщеніе, точно также грабили и разоряли русскія земли и, кромѣ того, подчинили своему вліянію Вятку. Сколько именно русскихъ войскъ въ эти четыре похода ходило подъ Казань — свѣдѣній не имѣется; но причиной неуспѣха явно былъ недостатокъ единства и согласія въ дѣйствіяхъ, порядка и подчиненности въ войскахъ. Приказанія Іоанна и воеводъ его не были исполнены, напротивъ — рать Беззубцова самовольно отправилась подъ Казань, и тутъ молодые ратники не послушались старшихъ и сдѣлали наоборотъ приказаннаго; наконецъ — Беззубцовъ одинъ не могъ ничего сдѣлать, потому что 7 недѣль ждалъ и не дождался князя ярославскаго.

Іоаннъ, справедливо недовольный своимъ воеводами и безуспѣшными дѣйствіями ихъ, обманутый, сверхъ того, въ надеждѣ на миръ, удостовѣренной царицею Нурсалтанъ, положилъ предпринять новый и рѣшительный походъ противъ Казани. Лѣтомъ того же 1469 года онъ послалъ въ этотъ походъ братьевъ своихъ, Юрія и Андрея Большаго, съ молодымъ княземъ верейскимъ и со всѣми войсками московскими и устюжскими (въ томъ числѣ великокняжескій дворъ и всѣ служилые князья), частью на судахъ по Волгѣ, частью берегомъ ея, гдѣ передовой полкъ велъ князь Холмскій. При этомъ Іоаннъ приказалъ братьямъ и воеводамъ своимъ дѣйствовать самымъ рѣшительнымъ образомъ, даже зимовать подъ Казанью, но безъ успѣха не возвращаться.

1-го сентября войско подступило къ Казани. Казанцы выѣхали было на встрѣчу ему, но, послѣ небольшого и кратковременнаго боя, заперлись въ Казани, и русскіе обложили ее и отрѣзали отъ нея воду. Тогда Ибрагимъ, увидя себя въ большой бѣдѣ и опасности, просилъ мира и получилъ его на всей волѣ Іоанна и воеводъ, но на какихъ именно условіяхъ — свѣдѣній не имѣется; извѣстно только, что Ибрагимъ выдалъ всѣхъ русскихъ плѣнниковъ, взятыхъ за 40 предъидущихъ лѣтъ. Затѣмъ русское войско воротилось назадъ.

Такимъ образомъ пять походовъ Іоанна не имѣли того успѣха, который онъ имѣлъ въ виду, т. е. покорить Казань, а кончились только миромъ съ нею, хотя и по волѣ Іоанна, но лишь временнымъ и ненадежнымъ, какъ и оказалось черезъ 7 лѣтъ (см. вѣже). За всѣмъ тѣмъ походы эти не лишены своего рода занимательности, во 1-хъ потому, что были первымъ началомъ борьбы Руси съ казанскимъ царствомъ, продолжавшейся съ промежутками около вѣка и кончившейся покореніемъ этого царства, къ чему первые походы Іоанна III указали, проложили и сдѣлали извѣстными пути, — во 2-хъ потому, что, если съ одной стороны въ первыхъ пяти походахъ не было надлежащихъ согласія и единства въ дѣйствіяхъ воеводъ, порядка и подчиненности въ войскахъ, то съ другой стороны и тѣ, и другіе все-таки проявили много военныхъ доблестей, — и въ 3-хъ, потому, что въ этихъ походахъ впервые со временъ первыхъ русскихъ князей и междуусобій усматриваются, въ большихъ размѣрахъ, соединенныя дѣйствія сухопутныхъ и судовыхъ на рѣкахъ, русскихъ ратей, и судовыхъ — иногда даже главных, перпенствующихъ, съ сосредоточеніемъ войскъ изъ разныхъ мѣстъ по рѣкамъ же (Москвѣ, Олѣ, Вяткѣ и Камѣ) въ Волгу, движеніями и боями на ней на судахъ, соединенными съ боями на островахъ и берегахъ ея. При этомъ нельзя не обратить вниманія на чрезвычайно выгодное, въ отношеніи къ войнѣ съ татарами, направленіе рѣкъ: Дона и особенно Волги, съ ихъ притоками, изъ середины Руси въ середину татарскихъ ордъ — выгода, которою и Іоаннъ III, и его преемники умѣли искусно пользоваться.

Миръ съ Казанью въ сентябрѣ 1469 г. былъ заключенъ, можетъ быть, потому что въ это время отношенія къ Новгороду становились все болѣе и болѣе натянутыми, а Казиміръ литовскій и ханъ Золотой орды Ахматъ находились въ подозрительныхъ сношеніяхъ. Поэтому Іоаннъ положилъ скорѣе покончить съ Казанью миромъ и впредь до времени оставить ее въ покоѣ, а всѣ силы свои обратить противъ Новгорода, что и исполнилъ въ 1471 и 1477 г. г., какъ означено выше, съ рѣшительнымъ результатомъ — покореніемъ Новгорода. Во все это время (1470—1477) Ибрагимъ казанскій

держалъ себя мирно, но нарушилъ миръ въ то самое время, когда Иоаннъ покоришь Новгородъ. Ръ 1478 г., обманутый ложною вѣстью, будто Иоаннъ былъ разбитъ новгородцами, Ибрагимъ, по однѣмъ лѣтописямъ — самъ пошелъ, а по другимъ — послалъ своихъ военачальниковъ, съ большимъ войскомъ, въ вятскую область, въ которой казанцы взяли много плѣнныхъ, но ни одного города, подъ Вяткой простояли 4 недѣли (съ масляницы до 4-й недѣли великаго поста) и потеряли много людей, ходила-было, будто бы, также на Устюгъ, но были удержаны разлитіемъ рѣки, и наконецъ, по полученіи вѣрной вѣсти о покореніи Иоанномъ Новгорода, бросились поспѣшно бѣжать къ Казани.

Въ наказаніе за это, Иоаннъ весною того же 1478 г. послалъ воеводу Образца и другихъ съ войсками изъ Нижняго Новгорода Волгою на судахъ къ Казани. Воеводы разорили казанскія земли и подплыли къ Казани, но сильная буря на Волгѣ и проливной дождь помѣшали имъ произвестъ приступъ и заставили ихъ отступить. Съ другой стороны устюжане и витчане Камою спустились въ казанскія владѣнія и также разорили ихъ. Тогда Ибрагимъ снова примирился съ Иоанномъ на всей его волѣ (также неизвѣстной), но вскорѣ умеръ, и возникшія, по смерти его, смуты въ Казани дали Иоанну возможность утвердить рѣшительное вліяніе свое въ ней. Въ междоусобіяхъ двухъ сыновей Ибрагима, старшій — Алегамъ (Алиханъ) одолѣлъ младшаго — Магметъ-Аминя. Послѣдній прибылъ въ Москву и просилъ помощи Иоанна, который обѣщаль ее тѣмъ охотнѣе, что мать Магметъ-Аминя, Нурсалтанъ, вышла замужъ за крымскаго хана Менглигеря, въ 1478 г. заключившаго тѣсный и прочный союзъ съ Иоанномъ, основанный на обоюдныхъ выгодахъ и чрезвычайно полезный для Иоанна и Руси. Вскорѣ послѣ прибытія Магметъ-Аминя въ Москву, казанскіе вельможи прислали просить Иоанна отпустить его къ нимъ, потому что Алегамъ хотѣлъ всѣхъ ихъ умертвить за намѣреніе ихъ призвать Магметъ-Аминя и двинулся съ войскомъ въ степи, куда они бѣжали. Вслѣдствіе того, Иоаннъ немедленно, въ апрѣлѣ 1487 г., послалъ къ Казани сильную рать подъ начальствомъ князей: Холмскаго, Оболенскаго (Александра), Рязполовскаго и Ярославскаго (Симеона), Волгой на судахъ и берегомъ, а вслѣдъ за войскомъ отправился и Магметъ-Аминь. Алегамъ выступилъ противъ русскаго войска, но послѣ краткаго боя, бѣжалъ въ Казань, заперся въ ней и былъ осажденъ. Осада продолжалась три недѣли: Алегамъ каждый день дѣлалъ вылазки, которыя и особенно дѣйствія казанскаго князя Алгазья, оставшагося вѣдъ Казани въ полѣ, причиняли много вреда русскому войску. Однако наконецъ воеводамъ удалось прогнать Алгазья въ

степи за Каму, и тогда Алегамъ, ослабѣвъ, 9 іюля выѣхалъ изъ Казани и сдался воеводамъ. Они тотчасъ послали на его мѣсто Магметъ-Аминя, какъ подручника Іоаннова; впововники крамоль въ Казани были казнены, Алегамъ съ женою сосланъ въ Вологду, а мать, братья и сестры его на Бѣлоозеро. Взаимныя отношенія Іоанна и Магметъ-Аминя были отношеніями государя и его подручника. Но Магметъ-Аминъ вскорѣ возбудилъ противъ себя неудовольствіе казанскихъ вельможъ, такъ что въ маѣ 1496 г. въ Казани ему угрожала измѣна, а извѣстъ на него шель шибанскій царь Мамукъ съ большимъ войскомъ, и Магметъ-Аминъ просилъ помощи Іоанна. Послѣдній немедленно послалъ на помощь ему князя Симеона Ряполовскаго съ боярскими дѣтьми московскаго двора и понизовыхъ (поволжскихъ) городовъ. По приближеніи ихъ къ Казани, враги Магметъ-Аминя бѣжали изъ нея къ Мамуку и вмѣстѣ съ нимъ въ его владѣнія. Но едва русское войско воротилось, какъ въ Казани снова возникли смуты, Магметъ-Аминъ бѣжалъ въ Москву, Мамукъ вступилъ въ Казань, сталъ насильствовать въ ней и, послѣ безуспѣшной осады Арскаго города, не былъ болѣе пущенъ въ Казань, князья которой просили Іоанна не присылать имъ болѣе Магметъ-Аминя. Вмѣсто него, Іоаннъ послалъ имъ младшаго брата его, Абдулъ-Летпфа, котораго князь Симеонъ Холмскій и Феодоръ Палецкій вцарили въ Казани и привели всѣхъ казанцовъ къ присягѣ Іоанну. Но смуты въ Казани не прекращались и уже въ январѣ 1502 г. Летифъ, за свои неправды, былъ, по приказанію Іоанна, привезенъ въ Москву и сосланъ на Бѣлоозеро. Магметъ-Аминъ же, получившій отъ Іоанна Каширу, Серпуховъ и Хотунь, лѣтомъ 1503 г., вслѣдствіе козней своихъ и жены его, отложился отъ Іоанна и, бѣжавъ въ Казань, схватилъ посла его и русскихъ купцовъ, иныхъ изъ послѣднихъ убилъ, другихъ ограбилъ и отослалъ къ ногаямъ, и даже ходилъ съ войскомъ къ Нижнему Новгороду. Этотъ городъ былъ однако спасенъ искусствомъ и храбростью плѣнныхъ литовскихъ стрѣльцовъ, взятыхъ въ сраженіи на р. Ведрошѣ (см. ниже) и сосланныхъ въ Нижній Новгородъ. Смерть Іоанна, послѣдовавшая вскорѣ затѣмъ, позволила Магмету-Аминю еще нѣсколько времени безнаказанно властвовать въ Казани.

Таковы были дѣла политическія и военныя съ Казанью при Іоаннѣ III. Гораздо важнѣе были они съ Золотою ордой, въ которой царствовалъ Ахматъ, и въ то же время съ Литвою, великимъ княземъ которой былъ польскій король Казиміръ IV. Послѣдній, будучи побуждаемъ новгородцами къ совмѣстной съ ними войнѣ противъ Іоанна, но не имѣя ни времени, ни средствъ для того, положилъ возстановить противъ Іоанна—Ахмата и въ 1471 г. отправилъ къ

нему бѣжавшаго отъ Иоанна раба его, татарина Кирѣя, уговорить хана пойти со всею ордою на Иоанна къ Оке въ то время, когда и Казимиръ, будто бы, пойдетъ на него съ запада со всѣми своими силами къ р. Угрѣ. Но Ахмату въ это время было не до того: онъ цѣлый годъ не давалъ никакого отвѣта, а между тѣмъ вятчане, спустясь по Волгѣ на судахъ, взяли Сарай во время отсутствія Ахмата, разграбили этотъ городъ и взяли въ немъ множество плѣнныхъ (1472). Только лѣтомъ это года, когда 1-й походъ Иоанна противъ Новгорода уже былъ конченъ, Ахматъ, не умѣвший во-время отвлечь отъ него Иоанна, двинулся съ своею ордою къ южнымъ русскимъ предѣламъ—къ Алексию на Окѣ (нынѣ на границѣ Тульской и Калужской губерній). Когда Иоаннъ узналъ, что Ахматъ уже подъ Алексинымъ, то приказалъ братьямъ своимъ и воеводамъ: Холмскому и Стригѣ-Оболенскому и боярину Феодору Давидовичу съ передовыми войсками идти къ Окѣ, для перваго удержанія Ахмата, а самъ немедленно поѣхалъ въ Коломну и оттуда въ Ростиславль, поспѣшно собирать войска. Такъ какъ въ Алексинѣ не было ни пушекъ, ни пищалей, ни самострѣловъ, а войскъ было очень мало, то онъ приказалъ алексинскому воеводѣ Беклемишеву выйти изъ города, за невозможностью держаться въ немъ. Но Беклемишевъ не хотѣлъ выйти изъ города, не взявъ съ жителей его посула (денегъ), а пока онъ торговался съ ними, татары пошли на приступъ. Беклемишевъ бросился за Оку, а татары за нимъ, но не могли захватить его, потому что въ это время къ Окѣ подоспѣлъ князь верейскій съ войсками и не далъ татарамъ переправиться. Въ тотъ же день позже прибыли туда братья Иоанна: Юрій—изъ Серпухова и Борисъ—съ Козлова брода, съ войсками, и воевода Челяднинъ съ великовняжескимъ дворомъ. Ахматъ приказалъ взять Алексинъ: граждане его храбро оборонились и нанесли татарамъ большой уронъ, по вскорѣ у нихъ не стало ни стрѣлъ, ни копій, обороняться было нечѣмъ, татары зажгли городъ и онъ сгорѣлъ почти со всѣми людьми и ихъ имуществомъ, а тѣ, которые спаслись отъ огня, попали въ руки татарамъ и были перебиты. Воеводы же съ другаго берега видѣли это съ горестью, но не имѣли возможности переправиться черезъ Оку, въ этомъ мѣстѣ очень глубокую. Ахматъ, по инымъ свѣдѣнiямъ, переправилъ часть татаръ черезъ Оку вплавъ и они опрокинули и погнали московскія войска, но послѣднiя, усиленные прибывшими подкрѣпленiями, въ свою очередь опрокинули татаръ въ Оку и на другой берегъ. По другимъ же свѣдѣнiямъ, болѣе достовернымъ, весь успѣхъ Ахмата ограничился только взятiемъ и сожженiемъ Алексина: видя передъ собою на другомъ берегу многочисленныя русскія войска и слыша, что Иоаннъ стоялъ въ Ростиславлѣ,

братъ его Андрей въ Серпуховѣ, а царевичъ Даньяръ съ татарами и русскими въ Коломнѣ (всего войскъ у нихъ на пространствѣ 150 верстъ было до 180 т. чел.), Ахматъ повернулъ назадъ и пошелъ обратно въ орду (по инымъ извѣстіямъ—кромѣ страха, также и отъ моровой язвы въ его войскахъ).

Этимъ, по счастью, и кончилось нашествіе Ахмата; Казиміръ же и не выступалъ въ походъ. Послѣ того, какъ видно, между Іоанномъ и Ахматомъ былъ миръ, потому что въ 1474 г. прибыло изъ орды въ Москву татар.кое посольство и 3,200 кунцовъ, приведшихъ на продажу 40 т. лошадей. Въ 1476 г. въ Москву прибылъ новый посолъ Ахмата звать Іоанна въ орду, но Іоаннъ самъ не поѣхалъ, а отправилъ въ орду своего посла Бестужева, съ чѣмъ именно—неизвѣстно; извѣстно только, что слова Бестужева не понравились Ахмату. Затѣмъ есть извѣстіе (по словамъ Соловьева—очень-подозрительное) будто когда Ахматъ прислалъ новыхъ пословъ съ требованіемъ дани, Іоаннъ изломалъ басму (ханское изображеніе), бросилъ ее на землю, растопталъ ногами, велѣлъ умертвить пословъ, кромѣ одного, котораго отпустилъ, сказавъ: «Ступай и объяви хану: что случилось съ его басмой и послами, то будетъ и съ нимъ, если онъ не оставитъ меня въ покоѣ». Гораздо вѣроятнѣе (по Соловьеву) другое извѣстіе, что гордая Софія, племянница бывшаго византійскаго императора, постоянно убѣждала Іоанна прервать постыдную зависимость свою отъ степныхъ варваровъ, выражавшуюся платежомъ дани имъ. Во всякомъ случаѣ достовѣрно то, что Ахматъ былъ недоволенъ Іоанномъ и заключилъ союзъ съ Казиміромъ литовскимъ, съ тѣмъ, чтобы имъ въ одно время, лѣтомъ 1480 г., двинуться со всѣми своими силами, Ахмату—изъ орды къ Дону и Окѣ, а Казиміру—изъ Литвы къ пограничной р. Угрѣ, и отъ этихъ рѣкъ къ Москвѣ. Вслѣдствіе того, Ахматъ, поднявъ всю свою орду, такъ что въ улусахъ его остались только одни старики, женщины и дѣти, лѣтомъ (въ іюнь) 1480 г. двинулся отъ нижней Волги къ верхнему Дону, но медленно, въ ожиданіи прибытія Казиміра.

Іоаннъ, узнавъ о нашествіи Ахмата, принялъ мѣры, которыя нельзя не одобрить, хотя онѣ были, кажется, недостаточно оцѣнены современникамъ. Чтобы удержать Казиміра, онъ обратилъ противъ него союзника своего, крымскаго хана Менгли-гирея, а чтобы удержать Ахмата, собралъ многочисленное войско на Окѣ въ Тарусѣ, Серпуховѣ и Коломнѣ и принялъ чисто-оборонительныя мѣры; для принужденія же Ахмата удалиться въ орду, онъ послалъ внизъ по Волгѣ на судахъ войско для разоренія Ахматовыхъ беззащитныхъ улусовъ. Разсмотримъ каждую изъ этихъ мѣръ особо.

Въ Крыму, по смерти внука Тохтамыша, Хаджи-гирея (1467),

между двумя сыновьями его, старшимъ Нордоулатомъ и младшимъ Менгли-гиреемъ, возникли раздоры и послѣдній изгналъ перваго, который бѣжалъ въ Литву и нашель въ Казиміръ покровителя; Ахматъ же питаль родовую вражду къ потомкамъ Тохтамыша. Іоаннъ еще въ 1478 г. предложилъ Менгли-гиреею заключить наступательно-оборонительный союзъ, основанный на взаимныхъ выгодахъ. Менгли-гирей, имѣя справа и слѣва двухъ враговъ и нуждаясь въ поддержкѣ, съ радостью принялъ предложеніе Іоанна, заключилъ съ нимъ тѣсный союзъ, оставался вѣрнымъ ему до самой смерти Іоанна и по первому слову послѣдняго нападалъ то на Литву, то на орду. Такъ и въ 1480 г., по первому извѣстію отъ Іоанна о нашествіи Ахмата, онъ немедленно двинулся со всѣми своими силами въ Подолю. Казиміръ, озабоченный этимъ и не имѣвшій ни особеннаго желанія, ни даже возможности рѣшительно вести войну съ Іоанномъ, а только подстрекавшій къ ней Ахмата, былъ совершенно отвлеченъ отъ нея нападеніемъ Менгли-гирея. Такимъ образомъ Іоаннъ искусно избавился съ запада отъ одного изъ своихъ враговъ.

Противъ другаго — Ахмата, для удержанія его на Окѣ, на прямомъ пути отъ Дона къ Москвѣ, онъ прежде всего (8 іюня) послалъ брата своего, Андрея Младшаго, съ его войсками — въ Тарусу на Окѣ, сына своего, Іоанна, съ передовыми войсками — въ Серпуховъ на Окѣ, а самъ, оставаясь въ Москвѣ, сдѣлалъ распоряженіе о скорѣйшемъ сборѣ войскъ къ Коломнѣ на Окѣ и къ Москвѣ. Свѣдавъ же, что Ахматъ уже приближался къ верхнему Дону, онъ отправился лично 23 іюня въ Коломну, гдѣ, равно въ Серпуховѣ и Тарусѣ на Окѣ, на пространствѣ 150 верстъ, въ это время уже было собрано до 180 т. русскихъ и наемныхъ татарскихъ войскъ.

Въ то же время Іоаннъ послалъ внизъ по Волгѣ на судахъ въ орду, для разоренія беззащитныхъ улусовъ ея, отдѣльный отрядъ войскъ подъ начальствомъ звенигородскаго воеводы Ноздреватаго и съ нимъ Нордоулата (послѣдній, не получивъ помощи отъ Казиміра, прибылъ къ Іоанну, поставилъ себя подъ его покровительство и служилъ ему какъ-бы залогомъ вѣрности Менгли-гирея и обезпеченіемъ послѣдняго, въ то же время, отъ враждебныхъ дѣйствій противъ него Нордоулата).

Эти мудрыя мѣры Іоанна имѣли окончательно полный успѣхъ, притомъ безъ особенныхъ пожертвованій съ его стороны и подверженія себя невѣрнымъ случайностямъ битвы съ Ахматомъ, хотя возбудили большое неудовольствіе во всѣхъ сословіяхъ народа и въ войскѣ, горѣвшихъ нетерпѣніемъ силою отразить Ахмата.

Послѣдній, по прежнему подвигаясь медленно къ верхнему Дону,

въ ожиданіи открытія военныхъ дѣйствій Казиміромъ съ запада, но еще не слыша ничего о томъ, не зная, что Менгли-Гирей двинулся въ Подолію, и свѣдавъ, что многочисленное русское войско на Окѣ преграждало ему прямой путь къ Москвѣ,—отъ верховьевъ Дона двинулся на западъ, мимо Одоева и Мценска, въ литовскіе предѣлы, дабы сблизиться съ ожидаемымъ имъ Казиміромъ. Пройдя мимо Одоева и Мценска, онъ двинулся къ пограничной литовско-русской р. Угрѣ (между Юхновымъ и Калугой), дабы дожидаться на ней Казиміра и вмѣстѣ съ нимъ идти къ Москвѣ.

Но Іоаннъ, какъ только узналъ о томъ, немедленно передвинулъ войска брата и сына своихъ отъ Тарусы и Серпухова къ р. Угрѣ. Они совершили это передвиженіе такъ послѣдно, что предупредили Ахмата на Угрѣ, въ означенномъ выше мѣстѣ, и заняли на ней всѣ переправы и броды. Самъ же Іоаннъ съ главными силами остался еще въ Коломнѣ, откуда принялъ, на всякій случай, мѣры предосторожности для обезпеченія Москвы, хотя нѣкоторыя изъ нихъ и были нѣсколько преждевременными. Такъ онъ отправилъ великую княгиню Софію, съ государственною казною, на Бѣлоозеро, а московскому намѣстнику князю Ивану Юрьевичу Патрикѣеву приказалъ сжечь московскій посадъ. Лѣтописи свидѣтельствуютъ, что въ это время нѣкоторые изъ приближенныхъ ему, люди богатые, своекорыстные и малодушные, помышлявшіе болѣе о себѣ, нежели объ отечествѣ, особенно ближніе бояре его, Ощера и Мамонъ или Мамоновъ, совѣтовали ему не ходить противъ татаръ, а удалиться на сѣверъ, въ безопасныя мѣста; другіе же, въ значительномъ большинствѣ, изъ всѣхъ сословій, особенно ростовскій архіепископъ Вассіанъ и духовенство, напротивъ, полагали, что Іоаннъ долженъ былъ оставаться съ войскомъ на границахъ и отнюдь не пропускать черезъ нихъ татаръ. Не смотря на то, Іоаннъ продолжалъ держаться мѣръ предосторожности и обороны, желая избѣгать боя и напраснаго, можетъ быть большаго кровопролитія (какъ въ Куликовской битвѣ) и ждать успѣха дѣйствій Менгли-Гирея и Ноздроватаго. Эти медленіе и выжиданіе его возбуждали въ Москвѣ все большее и большее неудовольствіе, если и понятное съ одной стороны, то несправедливое съ другой. Іоанну вмѣняли въ слабость, нерѣшимость, даже боязнь и страхъ — то, что, напротивъ, изобличаетъ въ немъ большую твердость въ исполненіи задуманнаго имъ, но непонятаго общимъ мнѣніемъ. Склоняясь однако предъ силою послѣдняго, онъ лично прибылъ наконецъ 30 сентября изъ Коломны въ Москву, дабы посовѣтоваться съ матерью своею, митрополитомъ Геронтіемъ и боярами, и былъ встрѣченъ народомъ съ ропотомъ, а Вассіаномъ даже съ сильными укорижами. «Зачѣмъ бѣжишь смер-

ти и татаръ?»—сказалъ Вассіанъ: «дай мнѣ, старику, войско въ руки и увидишь, уклоню-ли я лицо свое передъ ними!»—Лѣтописи повѣствуютъ, что Іоаннъ, видя неудовольствіе народа, даже не въѣхалъ въ Кремль, а прожилъ двѣ недѣли въ Красномъ сельцѣ близъ Москвы, куда приказалъ прибыть и сыну своему Іоанну лично съ Угры. Но послѣдній не послушался, сказавъ: «умру здѣсь, а не поѣду».

Здѣсь, между тѣмъ, Ахматъ 8 октября подступилъ къ правому берегу Угры, на лѣвомъ берегу которой стояли русскія войска брата и сына Іоанновы хъ, на протяженіи до 60 верстъ. Четыре дня (8—11 октября) русскія и татарскія войска перестрѣливались черезъ рѣку, первыя изъ луковъ и пищалей, и мѣткая стрѣльба ихъ нанесла татарамъ большой вредъ. Послѣдніе пытались-было скрытно пробраться черезъ Угру, но сынъ Іоанна открылъ это намѣреніе ихъ во-время и отбилъ ихъ съ большимъ урономъ отъ русскаго берега. Тогда Ахматъ, щадя свои войска, избѣгая боя съ русскими войсками въ открытомъ полѣ и все еще ожидая прибытія Казимира, отвелъ свои войска версты на 2 отъ Угры, расположилъ ихъ на обширныхъ лугахъ и послалъ собирать продовольствіе, что, разумѣется, было соединено съ насиліемъ и грабежомъ.

Іоаннъ съ своей стороны передвинулъ войска, стоявшія въ Дмитровѣ—въ Переяславль, а московскія—въ Дмитровъ (т. е. къ сѣверу отъ Москвы), приказалъ, какъ сказано, князю Патриѣеву съечь московскій посадъ и принималъ, казалось, мѣры въ оборонѣ Москвы и даже какъ будто къ отступленію отъ нея на сѣверъ. Но наконецъ, въ половинѣ октября, уступая, по видимому, общему мнѣнію, онъ отправился лично изъ Краснаго сельца къ войску, но не на Угру, а въ Кременецъ на р. Лужѣ, въ 30 верстахъ отъ Медвни (гдѣ нынѣ село Кременецкое), откуда сталъ лично распоряжаться войсками, стоявшими какъ на Угрѣ, такъ и вазади. Ощера, Мамоновъ и др. снова совѣтовали ему удалиться на сѣверъ, но Іоаннъ, вмѣсто того, принялъ такую мѣру, которая еще болѣе возбудила всеобщее неудовольствіе и неудовольствіе. Онъ послалъ Ахмату дары съ просьбой удалиться безъ разоренія. Ахматъ потребовалъ сначала, чтобы онъ самъ пріѣхалъ къ нему бить челомъ, потомъ—чтобъ онъ прислалъ ему своего сына, и наконецъ—по крайней мѣрѣ хотя Басенкова, бывшаго уже посломъ въ орду. Но Іоаннъ не исполнилъ ни того ни другаго, ни третьяго, склоненный къ тому, по лѣтописямъ, красно-рѣчивымъ посланіемъ, полученнымъ имъ отъ Вассіана. Тогда Ахматъ сталъ грозить, что перейдетъ черезъ Угру, какъ только она станетъ. А такъ какъ она, по случаю ранняго и сильнаго мороза, дѣйствительно стала уже 26 октября, то Іоаннъ, въ виду этой угро-

*

зы, 29 октября приказалъ войскамъ на Угрѣ отступить отъ нея къ Кременцу, дабы сразиться тутъ соединенными силами противъ татаръ. Это неожиданное приказаніе произвело такое невыгодное вліяніе на войска, что они стали не отступать, а бѣжать къ Кременцу, думая, что татары уже перешли черезъ Угру и гонятся за ними. Но Іоаннъ не удовольствовался отступленіемъ ихъ къ Кременцу, а приказалъ имъ отступать еще далѣе къ Боровску, гдѣ обѣщалъ наконецъ вступить въ рѣшительный бой съ татарами. Всѣ подобныя мѣры его, по видимому, казались очень странными и усиливали недоумѣніе и неудовольствіе, дѣйствительно же были основаны, безъ сомнѣнія, на означенномъ выше намѣреніи Іоанна дѣйствовать выжидательно и оборонительно, избѣгая боя, до тѣхъ поръ, пока неприбытіе Казимира и разореніе орды не заставятъ Ахмата, и безъ боя, удалиться.

Надежда его на то вскорѣ исполнилась: Ахматъ, простоявъ на Угрѣ болѣе мѣсяца, въ напрасномъ ожиданіи Казимира, и не отваживаясь перейти черезъ Угру, даже когда она стала и русскія войска бѣжали къ Кременцу, 11 ноября, къ удивленію, но и къ счастью для Руси, вдругъ повернулъ назадъ и пошелъ на юго-западъ черезъ литовскія земли, страшно грабя и разоряя ихъ и 12 литовскихъ городовъ, въ отмщеніе Казимиру за его вѣроломство и вторичное неисполненіе своего обѣщанія. Имѣются извѣстія, будто передъ тѣмъ одинъ изъ сыновей Ахмата, Муртоза, вторгнулся въ московскія земли за Угрю, но бѣжалъ отъ двинувшихся противъ него братьевъ Іоанна;—будто, когда русскія войска побѣжали отъ Угры, татары приняли это за военную хитрость—что они заманивали ихъ изъ-за Угры въ битву въ открытомъ полѣ, чего татары, со времени Куликовской битвы, очень боялись и избѣгали, а въ это время тѣмъ болѣе, что, выступивъ въ походъ лѣтомъ, по лѣтнему, они осенью и особенно съ 26 октября, когда наступили большіе морозы, сильно страдали отъ холода и недостатка теплой, даже порядочной одежды, будучи, по словамъ лѣтописей, ободраны, наги и босы, и пр. т. п. Все это, вмѣстѣ взятое, могло быть весьма вѣроятною причиною отступления Ахмата отъ Угры къ югу, но главными причинами были, безъ сомнѣнія, полученныя Ахматомъ вѣсти о вторженіи Менгли-Гирея въ Подолію, привлеченіи въ нее Казимира и особенно о разореніи Ноздроватымъ и Нордоулатомъ улусовъ въ ордѣ, что было исполнено послѣдними съ полнымъ успѣхомъ. Безпререивно спустясь на судахъ по Волгѣ, они внезапно напали на беззащитныя Ахматовы улусы, разгромили и разграбили ихъ, разрушили Сарай, взяли множество плѣнныхъ и съ огромною добычей

тѣмъ же путемъ, вверхъ по Волгѣ, благополучно воротились въ рускіе предѣлы.

Тогда только обнаружилось явное торжество Іоанна и его мудрой политики и осторожнаго образа дѣйствій, имѣвшихъ окончательнымъ послѣдствіемъ освобожденіе Руси отъ татарскаго владычества, озаривъ Іоанна на-вѣки вполне достойною славой. Тогда только и современники воздали ему должную дань справедливости и признательности, взаимно прежнихъ недоумѣній и неудовольствій.

Ахматъ, узнавъ о разореніи ордъ, послѣдшилъ туда съ добычей, награбленной имъ въ Литвѣ. Но ногайскіе князья, кочевавшіе по Уралу, подъ предводительствомъ шайбанскаго князя Ивака, напали на Ахмата, отняли у него награбленную имъ добычу, вытѣснили его изъ приволжскихъ степей къ Азовскому морю и тамъ умертвили. Ивакъ сталъ господствовать на Волгѣ, но не только не враждебно къ Іоанну, а напротивъ искалъ пріязни его. Сыновья же Ахмата долго скитались въ степяхъ между Кумою, Дономъ и Днѣпромъ, и воевали съ Менгли-Гиреемъ, нерѣдко съ успѣхомъ, пока послѣдній года за три до смерти Іоанна (въ 1502 г.), не уничтожилъ совершенно слабыя остатки Золотой ордъ. Послѣдній ханъ ея Шигъ-Ахметъ искалъ убѣжища въ Литвѣ, но умеръ въ ней плѣнникомъ въ Ковнѣ.

А между тѣмъ какъ Менгли-Гирей съ юга довершалъ уничтоженіе Золотой ордъ, Іоаннъ, какъ изложено выше, съ 1487 г. тѣснилъ Казань, а по взятіи ея и возведеніи на ея престолъ подручника своего, Магметъ-Аминя, казанскими татарами тѣснилъ орду съ сѣвера. И такимъ образомъ съ 1502 г., послѣ плѣненія и смерти Шигъ-Ахмета, существованіе Большой или Золотой ордъ и съ нею владычество татаръ надъ Русью прекратились. Затѣмъ остались еще казанское царство и крымская орда, но, до времени, первое—уже подручное Руси, а второе—союзное съ нею.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть еще о покореніи Іоанномъ Вятки, уже давно и часто дѣйствовавшей непріязненно противъ Руси, въ согласіи съ ея внутренними и внѣшними врагами. Во время казанскаго похода 1487 г. вятчане явно во-стали и изгнали Іоаннова намѣстника. Іоаннъ послалъ противъ нихъ воеводу Шестака-Кутузова съ войскомъ, но Кутузовъ допустилъ обольстить себя вятчанами и воротился, давъ имъ миръ. Іоаннъ послалъ противъ нихъ другихъ воеводъ: князя Даніила-Щеню и Морозова съ 60 т. войскъ. Угрозой съечь городъ Хлыновъ они принудили вятчанъ выдать главныхъ виновниковъ мятежа и присягнуть Іоанну, въ покор-

ность которому вмѣстѣ съ тѣмъ привели и Арскую землю на границахъ казанскихъ (1489).

§ 184.

Война съ Литвой и Ливонскимъ орденомъ (1492—1508).

Счастливо освободясь отъ Ахмата и Золотой орды, Иоаннъ обратилъ все свое вниманіе на Литву и Ливонскій орденъ, области которыхъ всегда считалъ древнимъ достояніемъ своего рода, лишь отторженными отъ него въ несчастныя времена 1-го вѣка монгольскаго ига. Имѣя въ виду при первомъ удобномъ случаѣ возстановить свои права на нихъ, онъ, въ ожиданіи того, готовилъ нужныя для этого средства. Въ 1482 г. онъ заключилъ тѣсный родственный союзъ съ молдавскимъ господаремъ Стефаномъ Великимъ, на дочери котораго Еленѣ женилъ старшаго сына своего, Иоанна,—вступилъ въ дружественныя сношенія съ венгерскимъ королемъ Матвеемъ Корвиномъ, преемникомъ Гуніяда,—и искалъ союза съ германскимъ императоромъ Максимилианомъ—тремя знаменитыми современниками своими. Съ союзникомъ своимъ Менгли-Гиреемъ онъ подтверждалъ прежніе договоры только на условіи, чтобы послѣдній не оставлялъ въ покоѣ Литвы. Въ самой Литвѣ онъ, со времени освобожденія Руси отъ татаръ, пріобрѣлъ еще болѣе приверженцовъ, нежели дотошѣ, такъ что Казиміръ, опасаясь воссоединенія литовско-русскихъ областей съ московскимъ государствомъ, избѣгалъ открытой войны съ Иоанномъ и старался только всячески тайно вредить ему. Многія князья литовской Руси, потомки какъ Гедимина и Ольгерда, такъ и Св. Владимира, стали переходить въ подданство Иоанна. Казиміръ требовалъ, чтобы онъ не принималъ ихъ, и хотѣлъ поддержать свое требованіе силою оружія. Но Менгли-Гирей, вторженіемъ въ южную литовскую Русь и разореніемъ Кіева, заставилъ Казиміра помышлять только объ отраженіи его (1492). Въ томъ же году Казиміръ умеръ и на престолѣ Польши вступилъ старшій сынъ его Янъ или Иоаннъ I Албертъ, а литовско-русскіе чины объявили младшаго сына его, Александра, своимъ великимъ княземъ. Иоаннъ, признавъ эту перемену благоприятною для своихъ видовъ на Литву, отправилъ пословъ къ Менгли-Гирею и Стефану молдавскому, для убѣжденія ихъ открытъ, въ одно время съ нимъ, войну противъ Александра. Менгли-Гирей сначала послалъ въ край между Кіевомъ и Черниговымъ только небольшіе отряды, которые ничего особенно важнаго сдѣлать не могли. Иоаннъ же по-

сладъ также два отряда, изъ которыхъ одинъ, подъ начальствомъ воеводы князя Θεодора Оболенскаго, напалъ на Мценскъ и Любутскъ, сжегъ ихъ и взялъ въ плѣнъ намѣстниковъ Александра, бояръ и иныхъ людей, а другой отрядъ взялъ города Хлѣпенъ и Рогачевъ и сжегъ Масальскъ. Александру было трудно отбиваться въ одно время и отъ Менгли-Гирей, и отъ Иоанна, и чтобы склонить послѣдняго къ миру, онъ просилъ руки дочери его, Елены, но получилъ въ отвѣтъ, что прежде долженъ заключить миръ на полной волѣ Иоанна. Между тѣмъ война на границахъ продолжалась: русское войско, подъ начальствомъ князя рязанскаго и другихъ воеводъ, взяло Мещовскъ безъ сопротивленія, а Серпейскъ съ боя, разграбило и сожгло его, равно и Опаковъ, а гарнизоны и многихъ жителей ихъ взяло въ плѣнъ. Въ то же время князь Даниилъ Щеня и князь Василій Ивановичъ Патрикѣевъ съ другимъ войскомъ взяли Вязму. Изъ Литвы въ Москву продолжалось переселеніе литовско-русскихъ князей, а литовскіе враги Иоанна, подосланные еще Казиміромъ, чтобы убить или отравить перваго, были казнены или сосланы въ заточеніе.

Между тѣмъ переговоры о сватовствѣ Александра не прекращались съ его стороны, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и жалобы на взятіе и сожженіе городовъ и разореніе земель литовскихъ. Наконецъ въ январѣ 1494 г. въ Москву прибыло отъ Александра большое посольство, съ которымъ, послѣ долгихъ превій, и былъ заключенъ мирный договоръ между Александромъ и Иоанномъ, на указанныхъ послѣднимъ и выгодныхъ для него условіяхъ. Затѣмъ Иоаннъ согласился на обрученіе дочери своей Елены съ Александромъ, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы онъ не принуждалъ жены своей перемѣнить вѣру, въ чемъ Александръ и далъ грамоту. Въ январѣ 1495 г. за Еленой пріѣхали Александровы послы и Иоаннъ отпустилъ ее въ Литву. Но, по прибытіи ея въ Вильну, со стороны Александра тотчасъ же начались разныя притѣсненія ей въ исповѣданіи православной вѣры и другія дѣйствія, противныя заключенному имъ договору. Оказалось, что вступленіемъ въ родство съ Иоанномъ Александръ хотѣлъ только связать ему руки и обезоружить его, самъ же не только сильно притѣснялъ православныхъ въ Литвѣ, но и Елену началъ принуждать къ принятію римской вѣры. Слѣдствіемъ этого было крайнее неудовольствіе какъ православныхъ жителей Литвы, такъ особенно Иоанна. Неудовольствіе это росло все болѣе и болѣе и повело къ новому отложенію отъ Александра къ Иоанну городовъ Чернигова, Рыльска, Стародуба, Новгорода Сѣверскаго и другихъ. Иоаннъ принялъ ихъ и многихъ литовско-русскихъ выходцовъ въ свое подданство и, послѣ

тщетныхъ усилій образумить Александра, снова прибѣгнувъ къ оружію (1499). Одна московская рать, подъ предводительствомъ хана Магметъ-Аминя и воеводы Якова Захарьевича Кошкина, заняла города Мценскъ, Серпейскъ, Масальскъ, Брянскъ, Путивль, и сѣверскіе князья Можайскій и Шемляничъ были приведены къ присягѣ Іоанну. Другая московская рать, подъ начальствомъ боярина Юрія Захарьевича Кошкина, взяла Дорогобужъ. Вслѣдъ за нею Іоаннъ послалъ тверскую рать подъ начальствомъ князя Даніила Щени, который долженъ былъ начальствовать большимъ полкомъ, а Юрій Кошкинъ—сторожевымъ. Между тѣмъ литовское войско, подъ начальствомъ гетмана князя Константина Острожскаго, приближалось къ Дорогобужу и 14 іюня (въ годовщину Шелонской битвы) встрѣтилось съ московскимъ на Митьковомъ полѣ, на рѣчкѣ Ведрошѣ (нынѣ тонкій ручей въ 5 верстахъ отъ Дорогобужа, у большой московской дороги, съ древними земляными укрѣпленіями и курганами по близости). Съ обѣихъ сторонъ ратами предводительствовали испытанные въ бояхъ, искусные и храбрые полководцы. Литовское войско (около 40 т. чел.), прошедшее черезъ лѣса и болота, явилось въ виду русской рати (также около 40 т. чел.), расположенной станомъ на Митьковомъ полѣ. Послѣдняя произвела ложное отступленіе за Ведрошу, дабы заманить непріятеля на другой берегъ ея, и когда литовцы перешли черезъ нее по мосту, вступила съ ними въ бой, поставивъ часть войскъ въ засадѣ. Силы и напряженіе ихъ съ обѣихъ сторонъ были равныя и бой упорный. Но русскій засадный полкъ, выбравъ удобное время, внезапно ударилъ въ тылъ литовцамъ, разрушилъ мостъ на Ведрошѣ и тѣмъ рѣшилъ побѣду. Литовцы обратили тылъ, въ бѣгствѣ устлали поле и запрудили Ведрошу—своими убитыми и потонувшими (болѣе 8 т.), и потеряли всю свою артиллерію, весь обозъ и множество плѣнныхъ. Въ числѣ послѣднихъ находились знатнѣйшіе литовскіе сановники и самъ князь Острожскій. Отправленный въ Москву и милостиво принятый Іоанномъ, по предложенію его онъ присягнулъ на подданство ему, но неискренно и ненадолго (14 лѣтъ спустя онъ отплатилъ своимъ побѣдителямъ пораженіемъ ихъ на берегахъ Днѣпра). Нѣкоторые полагаютъ, будто онъ не имѣлъ вѣрнаго свѣдѣнія о силѣ русскаго войска и напалъ на него за Ведрошей, полагая его малочисленнымъ, тѣмъ болѣе, что видѣлъ послѣднее отступленіе его за эту рѣчку. Съ русской стороны наиболѣе отличились князь Даніиль Щеня, Юрій Захарьевичъ Кошкинъ, начальствовавшій засаднымъ полкомъ, и князья Дорогобужскій и Воротыньскій. Впрочемъ побѣда ихъ не имѣла никакихъ важныхъ послѣдствій.

Между тѣмъ войска новгородскія, псковскія и великолукцкія, подъ начальствомъ Іоанновихъ племянниковъ, Іоанна и Θεодора Борисовичей, и боярина Челяднина, взяли Торопецъ. А сѣверскіе князья Можайскій и Шемячичъ, съ боярами княземъ Ростовскимъ и Семеномъ Воронцовымъ, 14 ноября 1501 г. одержали подъ Мстиславлемъ рѣшительную побѣду надъ литовскимъ войскомъ, которымъ предводительствовали князь Ижеславскій и литовскій воевода (въ послѣдствіи знаменитый атаманъ днѣпровскихъ казаковъ) Евстафій Дашковичъ, причемъ литовцы потеряли до 7 т. чел. одними убитыми въ бою. Но этимъ и заключились значительныя и успѣшныя военныя дѣйствія московскихъ войскъ противъ литовскихъ. Сынъ Іоанна Димитрій, посланный подъ Смоленскъ, не могъ взять его и ограничился только взятіемъ Орши и разореніемъ литовскихъ земель, которое потомъ было повторено сѣверскими князьями. Война продолжалась, но очень медленно и вяло, такъ что иногда цѣлый годъ ни съ той, ни съ другой стороны не было никакихъ военныхъ движеній и дѣйствій. Дѣятельнѣе шли сношенія Іоанна и Александра съ Менгли-Гиреемъ и Стефаномъ молдавскимъ. Перваго Іоаннъ съ самаго начала постоянно возбуждалъ противъ Александра, убѣждая его идти къ Слуцку, Турову, Пинску и Мннску. Менгли-Гирей оставался вѣрнымъ союзу съ Іоанномъ, хотя Александръ и старался склонить его на свою сторону. Сыновья Менгли-гирея съ 15 т. чел. конницы уже въ августѣ 1499 г. вторглись въ Подолію и Волинь, разграбили и сожгли Хмѣльницъ, Кременецъ, Брестъ, Владиміръ, Луцкъ, Брестлавль, нѣсколько городовъ въ польской Галиціи, вывели оттуда множество плѣнныхъ и захватили огромную добычу. И позже они перазъ еще разоряли литовскія и польскія земли.

Александрю легче было разорвать союзъ между Іоанномъ и Стефаномъ молдавскимъ или по крайней мѣрѣ значительно ослабить его. Причиною было то, что въ это время Іоаннъ подвергнулъ дочь Стефана Елену опалѣ и лишилъ наслѣдства сына ея, Димитрія. Впрочемъ неудовольствіе Стефана на Іоанна не имѣло важныхъ послѣдствій. Немного болѣе вреда причинилъ Іоанну союзъ Александра съ сыновьями Ахмата, которые нападали на Менгли-Гирея, и особенно союзъ его съ Ливонскимъ орденомъ, отвлекшій московскія силы къ псковскимъ границамъ. Александръ просилъ также помощи братьевъ своихъ, королей польскаго, чешскаго и венгерскаго, но они могли только обѣщать ему ходатайствовать за него передъ Іоанномъ. Самъ Александръ еще въ началѣ 1500 г. прислалъ къ Іоанну посла съ жалобами и съ оправданіями. А въ январѣ 1501 г. въ Москву пріѣхалъ посоль Владислава, короля

венгерскаго и чешскаго, съ ходатайствомъ своимъ и брата своего, Яна Алберта польскаго, за Александра, и съ убѣжденіемъ примириться съ нимъ, дабы всѣ христіанскіе государи Европы были за одно противъ общихъ враговъ ихъ—турокъ. Іоаннъ соглашался на миръ, но не иначе, какъ на прежде объявленныхъ имъ Александрю условіяхъ. Наконецъ, послѣ частыхъ пересылокъ и долгихъ переговоровъ, вмѣсто мира было заключено перемиріе на 6 лѣтъ отъ 25 марта 1503 г. до 25 марта 1509 г. Александръ обязался не трогать земель московскихъ, новгородскихъ, псковскихъ, рязанскихъ, пронскихъ и уступилъ земли литовско-русскихъ князей, перешедшихъ къ Іоанну, и города: Черниговъ, Стародубъ, Путивль, Рыльскъ, Новгородъ Сѣверскій, Гомель, Любечъ, Почепъ, Трубчевскъ, Радогощъ, Брянскъ, Мценскъ, Любутскъ, Серпейскъ, Масальскъ, Дорогобужъ, Вѣлюю, Торопецъ и Острей, всего 19 городовъ, 70 волостей, 22 городища и 13 селъ.

Съ изображенною выше войною между Іоанномъ и Александромъ была соединена и война перваго съ союзникомъ послѣдняго, магистромъ Ливонскаго ордена Валтеромъ фонъ-Плеттенбергомъ. Еще въ 1460 г. между Василіемъ II и орденомъ было заключено перемиріе на 5 лѣтъ; но уже за два года до срока—въ 1463 г. возобновились распри псковичей съ ливонцами, и зимою войско послѣднихъ подошло къ Новому Городку и стало обстрѣливать его изъ пушекъ. Псковичи послѣшво вооружились и съ 2-мя посадниками и небольшимъ числомъ войскъ двинулись къ Новому Городку. Услыхавъ объ этомъ, ливонцы послѣшво отступили, бросивъ свои военные запасы. Но вскорѣ они снова стали разорять пограничныя псковскія земли, и снова, при движеніи противъ нихъ псковичей, послѣшво отступили. Псковичи рѣшили идти къ Воронью Камню (на Чудскомъ озерѣ), и когда уже были на озерѣ и узнали, что ливонцы въ слѣдующую ночь положили напасть на Колпино, то воротились назадъ, пошли къ Колпину и на разсвѣтѣ напали на ливонцовъ, которые жгли и грабили, обратили ихъ въ бѣгство и гнали 15 верстъ по двумъ дорогамъ. При этомъ псковской лѣтописецъ говоритъ, что ливонцовъ было убито множество, а изъ псковичей ни одинъ. Въ то же время другой псковской отрядъ изъ охочихъ людей воевалъ въ ливонскихъ пограничныхъ земляхъ и воротился съ плѣнными и добычей, а изборокскій отрядъ сдѣлалъ то же самое около ливонскаго Нового Городка (Нейгауза). Такого рода пограничныя набѣги и разоренія прежде производились между ливонцами и однимъ Псковомъ, но теперь послѣдній былъ уже подъ властію московскаго великаго князя

и имѣлъ его намѣстника, слѣдовательно ливонцы начали уже войну съ нимъ, а не съ однимъ Псковомъ. По просьбѣ послѣдняго, къ нему прибылъ московскій воевода Ѳеодоръ Юрьевичъ съ московскими войсками, и вмѣстѣ съ псковичами пошелъ за р. Великую къ ливонскому Новому Городку (Нейгаузу), осадилъ его и сталъ обстрѣливать пушками. Но то и другое было неудачно: черезъ 4 сутки разорвало большую пушку псковичей и они отступили отъ Нейгауза, очень крѣплаго и мѣстностью, и укрѣпленіями. Между тѣмъ охочіе люди со всей псковской области пустились на судахъ воевать въ ливонскихъ земляхъ и, по отступленіи главной рати отъ Нейгауза, также воротились съ большою добычей. Послѣ того псковичи, услыхавъ, что ливонцы напали на берега Наровы, собрались—было уже идти туда, когда ливонскій орденъ прислалъ пословъ для переговоровъ о перемиріи, которое и было заключено на 9 лѣтъ (до 1472 г.) причемъ дерптскій епископъ обязался платить московскому великому князю дань по старинѣ, а также держать русскій конецъ и русскія церкви въ Дерптѣ по старымъ грамотамъ.

Но снова, за 3 года до срока перемирія—въ 1469 г. ливонцы напали на пограничныя псковскія земли, подведенныя псковскими же пограничными измѣнниками, которые сообщали ливонцамъ все, что дѣлалось въ Псковѣ и его области. Впрочемъ набѣгъ ливонцовъ не имѣлъ послѣдствій, а въ 1471 г. пріѣхалъ въ Псковъ посолъ магистра съ объявленіемъ, что послѣдній хотѣлъ переѣхать изъ Риги въ Феллинь (по русски—Вельяда) и имѣть прочный миръ съ псковичами, но требовалъ уступки нѣкоторыхъ земель и водъ. Псковичи не согласились на послѣднее требованіе; въ 1473 г., на съѣздѣ ихъ и ливонскихъ пословъ въ Нарвѣ, также ни въ чемъ не могли согласиться съ ливонцами и просили помощи Іоанна. Вслѣдствіе того, въ концѣ того же 1473 г. въ Псковъ прибылъ московскій воевода князь Даниилъ Холмскій съ большою московскою ратью, какой еще никогда не видали въ Псковѣ, и съ наемными татарами. Ливонцы, усграшась этой рати, прислали пословъ для переговоровъ о мирѣ, который и былъ заключенъ на 30 лѣтъ (до 1504 г.)

Но миръ этотъ не продержался и 6 лѣтъ: въ 1479 г. уже возобновились распри между псковичами и ливонцами, а 1 января 1480 г. послѣдніе внезапно подступили къ Вышгородку, взяли и сожгли его, а жителей перебили. На другой же день псковичи поспѣшно двинулись къ Вышгородку, но ливонцовъ тамъ уже не нашли. Въ ту же зиму ливонцы обложили Гдовъ, сожгли посады его и стали обстрѣливать его пушками. Псковичи послали просить помощи Іоанна, находившагося тогда въ Новгородѣ, и онъ прислалъ имъ своего воеводу съ войсками, который вмѣстѣ съ псковичами двинулся въ юрьевскую

вли дерптскую область, взявъ приступомъ одинъ ливонскій замокъ, вывезъ изъ него много пушекъ, пороху и всякой добычи и потомъ сжегъ его. Затѣмъ онъ пошелъ къ Дерпту, не взявъ его, но страшно разорилъ его окрестности, увелъ множество плѣнныхъ (чуди) и вывезъ огромную добычу въ Псковъ и Москву. Но едва только онъ удалился, какъ магистръ ордена Бернгардъ-фонъ-деръ-Борхъ отмстилъ нападеніемъ на Изборскъ, взявъ его не могъ, но все вокругъ его сжегъ огнемъ и истребилъ мечомъ. Псковичи вышли изъ города, встрѣтились съ ливонцами у озера и, послѣ стычки передовыхъ войскъ, обѣ рати разошлись безъ боя. Но лѣтомъ 1480 г. ливонцы снова вторглись въ псковскія пограничныя земли и начали жечь въ нихъ городки, изъ которыхъ въ Кобыльемъ сгорѣло до 4 т. чел. Въ августѣ самъ магистръ явился со всѣми силами ордена (по ливонскимъ лѣтописямъ — до 100 т. чел., но большею частію худовооруженныхъ и неустроенныхъ крестьянъ) подъ Изборскомъ, но, простоявъ подъ нимъ двое сутокъ, осадилъ Псковъ, обстрѣливалъ его изъ пушекъ, подѣзжалъ къ нему въ лодкахъ по Великой, но также ни въ чемъ не успѣлъ. Псковичи отразили ливонцовъ, отняли у нихъ лодки и наконецъ принудили магистра снять осаду и удалиться. Въ отмщеніе ливонцамъ, Іоаннъ послалъ въ Ливонію воеводу князей Булгака и Оболенскаго съ 20 т. московскихъ войскъ, вмѣстѣ съ псковскими и новгородскими. Въ концѣ февраля 1481 г. Булгакъ и Оболенскій, вступивъ въ Ливонію, двинулись къ Маріенбургу, Дерпту и Валку. Четыре недѣли пробыли они въ Ливоніи, нигдѣ не встрѣчая непріятеля въ полѣ, взяли Феллинъ и Тарвасть, богатую добычу и множество плѣнныхъ (чуди). Въ 1482 г. ливонцы заключили перемиріе на 10 лѣтъ и къ концу срока, въ 1492 г. Іоаннъ велѣлъ заложить на границѣ противъ Нарвы, на правой сторонѣ Наровы, каменную крѣпость съ высокими башнями, названную по его имени Иванъ-городомъ. Ливонцы предложили перемиріе еще на 10 лѣтъ и договоръ о томъ былъ заключенъ въ 1493 г. Но уже въ томъ же году снова начались разныя непріятности съ обѣихъ сторонъ. Іоаннъ потребовалъ удовлетворенія, но получилъ отказъ и въ это самое время заключилъ союзъ съ датскимъ королемъ, врагомъ Ганзы, который предлагалъ свою помощь въ войнѣ противъ Швеціи, по съ тѣмъ, чтобы Іоаннъ за это дѣйствовалъ противъ ганзейскихъ купцовъ въ Новгородѣ. Въ 1495 г. Іоаннъ дѣйствительно, подъ предлогомъ неисполненія ревелцами условій, велѣлъ схватить и заключить въ тюрьму 49 ливонскихъ купцовъ, а товары ихъ отвезть въ Москву.

Ливонскій орденъ, сознавая силу Іоанна и собственную слабость, не могъ отмстить ему силою оружія, до тѣхъ поръ, пока новый разрывъ между Александромъ и Іоанномъ не возбудилъ въ орденѣ

надежды на успѣхъ войны съ послѣднимъ. Въ 1501 г. магистръ ордена Вальтеръ-фонъ-Плеттенбергъ, мудрый правитель и храбрый, искусный полководецъ, заключилъ союзъ съ Александромъ и объявилъ Иоанну войну—задержаніемъ псковскихъ купцовъ во владѣніяхъ ордена. Собравъ войско немпогочисленное (4 т. чел. конницы и нѣсколько тысячъ пѣхоты и вооруженныхъ крестьянъ), но хорошо устроенное и снабженное сильною артиллеріей, лѣтомъ 1501 г. онъ вторгнулся въ псковскую область, истребляя все огнемъ и мечомъ. Иоаннъ, по просьбѣ псковичей, прислалъ на помощь имъ воеводу князя Василя Шуйскаго и Данила Пенко съ московскими, тверскими и новгородскими войсками. Эти воеводы долго не отваживались идти прямо противъ Плеттенберга, но, наконецъ, получивъ рѣшительное приказаніе на то Иоанна, двинулись къ Изборску, имѣя, по свидѣтельству ливонскихъ лѣтописцовъ, до 40 т. войскъ съ артиллеріей. Въ 10 верстахъ за Изборскомъ, на р. Сирицѣ, они встрѣтились съ Плеттенбергомъ, и псковичи первые вступили съ нимъ въ бой—и первые же обратились въ бѣгство, потерявъ въ бою своего посадника. Это и еще болѣе превосходство ливонцовъ въ числѣ и стрѣльбѣ ихъ артиллеріи надъ русскимъ нарядомъ, произвело разстройство и безпорядокъ въ русскомъ войскѣ и рѣшило полное пораженіе его и побѣду Плеттенберга. Послѣдній на другой день подступилъ къ Изборску, но жители его сами сожгли свой посадъ и отбились. Тогда Плеттенбергъ началъ разорять край по р. Великой; 7 сентября взялъ и сжегъ Островъ, при чемъ въ огнѣ погибло до 4 т. чел. Отъ Острова ливонцы воротились къ Изборску, провели подъ нимъ одну ночь и на другой день отступили, оставивъ часть войскъ въ засадѣ. Когда же, по удаленіи ихъ, жители Изборска вышли изъ города и разсѣялись въ бывшемъ станѣ ливонцовъ, войска послѣднихъ внезапно напали на нихъ изъ засады и перебили ихъ или взяли въ плѣнъ. Плеттенбергъ хотѣлъ осадить Псковъ, вмѣстѣ съ литовцами, приступавшими къ Опочкѣ, но постышился въ Ливонію, потому что въ войскахъ его отерялся кровавый поносъ, которымъ и онъ самъ заболѣлъ. Иоаннъ же выслалъ новую рать и отрядъ татаръ подъ предводительствомъ воеводы князя Александра Оболенскаго. Въ глубокую осень, не смотря на дожди, дурныя дороги и разлитіе рѣкъ, русское войско разорило окрестности Дерпта, Нейгауза и Мариенбурга. Ливонцы долго не смѣли или не могли выйти изъ нихъ, но наконецъ вышли и 24 ноября въ темную ночь внезапно напали на станъ русскаго войска подъ Гельметомъ. Хотя въ первой же схваткѣ Оболенскій былъ убитъ, но русскія войска сражались храбро и упорно, отразили и разбили ливонцовъ, гнали ихъ верстъ 10 и нанесли имъ огромный уронъ. По словамъ лѣто-

писцовъ: псковскаго—у ливонцовъ будто бы не осталось даже вѣстника для увѣдомленія магистра объ этомъ пораженіи, а ливонскаго—русскіе потеряли подъ Гельметомъ до 1,500 чел., Ливонія же лишилась въ этомъ походѣ до 40 т. жителей, убитыхъ или взятыхъ въ плѣнъ русскими.

Между тѣмъ Плеттенбергъ, выздоровѣвъ, въ томъ же году (1501) явился съ 15 т. войскъ подъ Изборскомъ, началъ обстрѣлывать его, но, простоявъ подъ нимъ только одну ночь, осадилъ Псковъ, ожидая Александра, обѣщавшаго присоединиться къ нему на р. Велюкой. Псковичи зажгли предмѣстія и упорно отбивались до тѣхъ поръ, пока Плеттенбергъ не снялъ осады и не отступилъ, услыхавъ о приближеніи новой московской рати, посланной Іоанномъ, подъ предводительствомъ воеводъ князей Даніила Щени и Василя Шуйскаго. Они отъ Изборска зашли въ тылъ Плеттенбергу и близъ озера Смолина, въ 30 верстахъ отъ Пскова, вступили въ бой съ нимъ. Они превосходили его числомъ, а онъ—устройствомъ войскъ своихъ. Онъ прибѣгнулъ къ военной хитрости, предпринявъ боковое движеніе въ сторону, какъ будто для того, чтобы уйти отъ нихъ. Русскія войска частію бросались на ливонскій обозъ, частію въ беспорядкѣ за ливонскими войсками. Но эти, обратясь назадъ, встрѣтили ихъ въ стройныхъ рядахъ и отразили съ урономъ, особенно при помощи сильнаго огня артиллеріи. Русскія войска снова устроились и напали на нихъ. Ливонцы, особенно пѣхота ихъ, сражались стройно, упорно, съ отчаянною храбростію. Одинъ изъ рыцарей (Гаммерштетъ) перешелъ на сторону русскихъ и указалъ имъ слабую сторону ливонцовъ, но это не помогло: ливонцы устояли на мѣстѣ, а русскіе отступили въ беспорядкѣ и съ урономъ. Эта битва была одна изъ самыхъ жестокихъ и кровопролитныхъ. Черезъ два дня Плеттенбергъ отступилъ къ своимъ границамъ, съ славой побѣдителя, но бесполезной, потому что ливонскій орденъ не могъ бороться съ Іоанномъ, даже въ союзѣ съ Литвою и Польшею. Война была одинаково тягостна для обѣихъ сторонъ, и для ордена, Литвы и Польши съ одной и для Іоанна съ другой. Александръ, по смерти брата своего, вступилъ на польскій престолъ и могъ уже располагать силами Польши и Литвы. Союзники же Іоанна дѣйствовали или слабо (Менгли-гирей—по старости и зависимости отъ своихъ сыновей и мурзъ, подкупленныхъ Александромъ), или явно непріязненно (Магметъ-Аминъ), или вовсе не дѣйствовали (Стефанъ молдавскій). Самъ Іоаннъ, лишенный содѣйствія ихъ, утомленный долготѣнею, непрерывною военною дѣятельностію, огорченный смертію старшаго сына своего, семейными неудовольствіями и дворскими кознями, столь же усердно желалъ

мира, съолько и противники его. Но трудность соглашенія въ условіяхъ мира (удержанія Іоанномъ завоеванныхъ имъ литовско-русскихъ городовъ и областей, и требованія Александра возвратить ихъ) долго замедляли мирные переговоры. Наконецъ въ 1503 году Іоаннъ согласился заключить только перемиріе съ Литвою и орденомъ на 6 лѣтъ, удержавъ за собою все княжество сѣверское, возвративъ Литвѣ остальные затѣмъ города и земли и снова обязавъ дерптскаго епископа платить ему ежегодную дань.

Такъ кончилась, за два года до смерти Іоанна, не безъ успѣха и пользы для Руси, тяжелая война его съ Литвою и орденомъ.

II.

Русскія войны при Василіѣ III (1505—1533).

§ 185.

Войны съ Литвою (1507—1522).

Войны при сынѣ Іоанна III и Софіи Палеологъ, Василіѣ III, были, какъ и самое княженіе его, какъ бы продолженіемъ Іоанновыхъ, съ тѣми же цѣлями, значеніемъ и важностью, хотя и не съ столь блистательными успѣхами и значительною пользою для московскаго государства,

Важнѣйшими были войны или, лучше сказать, одна война съ Литвою, неразъ прекращавшаяся и возобновлявшаяся.

По смерти Іоанна (27 октября 1505), Александръ литовскій призналъ это время удобнымъ для возобновленія войны, вмѣстѣ съ ливонскимъ орденомъ, противъ Руси. Но Плеттенбергъ благоразумно заявилъ, что нужно было дождаться конца перемирія и выждать, какой оборотъ примутъ внутреннія дѣла Руси, дабы не начинать внезапно войны съ такимъ сильнымъ врагомъ. Александръ и его совѣтъ признали это справедливымъ, однако нашли нужнымъ на всякій случай собирать войска на литовско-русскихъ границахъ и просили Плеттенберга сдѣлать то же на ливонско-русскихъ границахъ.

Но надежды Александра на междуусобія Василія и племян-

ника его, Димитрія, не исполнились: Василиій княжилъ спокойно, а Димитрій былъ по прежнему въ заключеніи. Не удались и переговоры Александра о вѣчномъ мирѣ, на условіи возвращенія Литвъ областей, взятыхъ у нея Іоанномъ, что ни мало не соотвѣтствовало видамъ и намѣреніямъ Василія. Такимъ образомъ Александръ не могъ воспользоваться смертію Іоанна и самъ 10 мѣсяцовъ послѣ него (въ августѣ 1506 г.) умеръ бездѣтнымъ. Тогда Василиій въ свою очередь призналъ это время удобнымъ для совершенія великаго дѣла—мирнаго воссоединенія Литвы съ Русью подъ своею властію, и чрезъ сестру свою Елену, вдову Александра, сообщилъ это литовскимъ чинамъ. Но уже было поздно: въ октябрѣ 1506 г. литовскіе чины избрали великимъ княземъ младшаго брата Александра, Сигизмунда, котораго Александръ назначилъ преемникомъ себѣ. А въ декабрѣ того же года польскій сеймъ избралъ Сигизмунда и королемъ польскимъ. Имѣя уже въ своемъ распоряженіи силы соединенныхъ Польши и Литвы, Сигизмундъ въ началѣ 1507 г. счелъ весьма благопріятными для возобновленія войны съ Русью тогдашнія обстоятельства ея. Походъ противъ Казани кончился неудачно (см. ниже) и Василиій долженъ былъ употребить большія усилія для поправленія дѣлъ своихъ какъ на востокѣ, такъ и на югѣ, гдѣ Менгли-Гирей былъ расположенъ съ одной стороны помогать пасынку своему, казанскому царю Магметъ-Аминю, а съ другой—дѣйствовать за одно съ Литвою противъ Руси (см. ниже). Вслѣдствіе того, виленскій сеймъ 2 февраля 1507 г. положилъ собрать войска къ Пасхѣ, дабы Василиій не предупредилъ вторженіемъ въ Литву. А Сигизмундъ увѣдомилъ Плеттенберга, какъ о сборѣ литовскихъ войскъ къ Пасхѣ, такъ и о томъ, что Крымъ и Казань готовы въ одно время съ нимъ напасть на Василія. Къ послѣднему онъ отправилъ пословъ ввѣдать расположеніе, виды и намѣренія его. Но они не только нисколько не измѣнились, но и простирались еще далѣе: Василиій не только не былъ намѣренъ уступить Литвѣ прибрѣтеній отца своего, но и положилъ прибрѣсть Кіевъ и Волынъ, а потомъ и другія древне-русскія, юго-западныя и сѣверо-западныя области Литвы. А какъ Сигизмундъ, напротивъ, былъ твердо намѣренъ возвратить Литвѣ всѣ отторгнутыя отъ нея Іоанномъ III и его предшественниками области, города и земли, то разумѣется, что мирнаго соглашенія между нимъ и Василіемъ быть не могло и споръ должно было рѣшить оружіе. Обстоятельства для того казались болѣе благопріятными для Сигизмунда, нежели для Василія, угрожаемаго съ трехъ и даже можетъ быть съ четырехъ сторонъ—Литвы, Крыма, Казани и ордена. Но въ это время, какъ нарочно на счастье Василія и Руси,

въ Литвѣ произошло такое обстоятельство, которое оказалось чрезвычайно важнымъ и полезнымъ для Василия.

Изъ числа всѣхъ знатнѣйшихъ вельможъ литовскихъ, самымъ значительнымъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ князь Михаилъ Глинскій, маршалокъ дворный, любимецъ Александра, довѣренный и вліятельнѣйшій человекъ при жизни его. Долго былъ онъ за границей— въ Италиі, Испаніи, при дворѣ Максимилиана I, и вездѣ умѣлъ снискать себѣ расположеніе и почетъ умомъ, образованностью и военнымъ искусствомъ своимъ. Въ Литвѣ онъ обладалъ болѣе всѣхъ обширными имѣніями и многими замками и имѣлъ множество приверженцовъ, преимущественно изъ православныхъ русскихъ. Все это возбудило въ литовскихъ вельможахъ не только зависть и неприязнь къ нему, но даже и опасеніе, чтобы онъ не овладѣлъ великимъ княжествомъ литовскимъ и не перенесъ столицы его въ Русь. Поэтому между нимъ и Глинскимъ возникла жестокая вражда и борьба. Враги Глинскаго старались всячески вредить ему и даже погубить его. Когда же Александръ заболѣлъ предсмертною болѣзнію, онъ вѣрилъ Глинскому войско для отраженія крымскихъ татаръ, жестоко разорявшихъ южную Литву. Глинскій одержалъ надъ ними блистательную и полную побѣду—и сталъ еще страшнѣе литовскимъ вельможамъ. По смерти Александра, Глинскій одинъ изъ первыхъ искренно увѣрилъ прибывшаго въ Вильну Сигизмунда въ вѣрности ему и заслужилъ его благорасположеніе, но уже не то довѣріе, которымъ пользовался со стороны Александра. Это ободрило враговъ Глинскаго и они стали такъ преслѣдовать и оскорблять его, что онъ, тщетно употребивъ всѣ средства для спсканія себѣ законнаго, справедливаго удовлетворенія, удалился въ свои имѣнія и оттуда вошелъ въ сношенія съ Василіемъ, отдавая себя въ его покровительство и распоряженіе, и обѣщая ему легкое завоеваніе Кіева и Воыни. Василій съ радостью принялъ его предложеніе, обѣщая ему съ своей стороны всякую помощь противъ его враговъ. Глинскій увѣдомлялъ Василія, что для дѣла ихъ обоимъ время было самое благопріятное, ибо литовскихъ войскъ въ сборѣ еще не было, а отъ чужихъ странъ помощи не имѣлось въ виду. А Василій отвѣчалъ ему, что немедленно пошлетъ своихъ воеводъ съ войсками въ Литву, и чтобы Глинскій съ своей стороны также не медлѣлъ. Глинскій съ 700 чел. конницы переправился черезъ Нѣманъ въ Гродно и ночью, внезапно напавъ близъ него на замокъ главнаго врага своего, Забережскаго (по польски Забржезинскаго), приказалъ отрубить ему голову и затѣмъ, разославъ свою конницу исгнать и истреблять другихъ враговъ его,

Глинскаго, а самъ набиралъ все болѣе и болѣе войскъ, удалился въ Новгородъ.

Такимъ образомъ, если Сигизмундъ льстилъ себя надеждой напасть на Василія съ трехъ сторонъ въ одно время, вмѣстѣ съ крымскими и казанскими татарами—врагами не слишкомъ важными и опасными, то союзникомъ Василія въ самой Литвѣ явился такой человѣкъ, который уже самъ по себѣ составлялъ грозную для Сигизмунда и полезную для Василія силу, потому что за нимъ стояло почти все православное русское населеніе Литвы, явно клонившееся на сторону Василія. Послѣднему необходимо было немедленно, непремѣнно и всячески пользоваться этимъ и, между прочимъ, всего лучше, казалось бы, ввѣрить главное начальствованіе русскими войсками, назначенными противъ Литвы, такому умному, образованному и искусному въ военномъ дѣлѣ человѣку, какъ Глинскій—уроженцу Литвы, отлично знавшему всѣ обстоятельства ея и лично заинтересованному въ нихъ. Къ сожалѣнію, это было невозможно при тогдашнихъ гордости и мѣстничествовѣ русскихъ бояръ и воеводъ и имѣло бы, вѣроятно, дурныя послѣдствія.

Все означенное выше происходило въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ 1507 г.; переговоры между Сигизмундомъ и Василіемъ не повели ни къ чему, и 29 апрѣля московскіе полки уже двинулись къ литовскимъ границамъ. Но воеводы ихъ воротились назадъ, услыхавъ, будто бы (по литовскимъ извѣстіямъ), о приближеніи Сигизмунда, который, взявъ замокъ Гзыковъ, разорилъ нѣсколько мѣстечекъ и волостей въ русскихъ предѣлахъ, но, по недостатку продовольствія и отъ спальныхъ жаровъ (въ юнѣ 1507 г.), воротился въ Вильну. Такъ или иначе, но военныя дѣйствія въ 1507 г. этимъ и ограничились.

Весною 1508 г. они возобновились съ большею силой. Глинскій уже разорялъ слуцкія и копильскія земли, овладѣвъ Туровымъ и Мозыремъ. Василій, увѣдомляя его, что послалъ на помощь ему войска подъ начальствомъ князя Шемячича (бывшаго литвина), писалъ, чтобы съ этими войсками онъ, Глинскій, бралъ ближайшіе къ себѣ города, но не ходилъ далеко внутрь Литвы и не спѣшилъ, пока не придетъ другое, многочислѣннѣйшее войско изъ Москвы. По прибытіи Шемячича, Глинскій хотѣлъ, чтобы онъ помогъ ему овладѣть Слуцкомъ (для того, какъ полагали, чтобы жениться на его княгинѣ Анастасіи и тѣмъ пріобрѣсть право на Кіевъ, которымъ нѣкогда владѣли предки князей слуцкихъ). Но Шемячичъ хотѣлъ быть ближе къ сѣверу, откуда должна была придти московская главная рать. Поэтому онъ и Глинскій рѣшили идти вмѣстѣ къ Мниску, а внутрь Литвы послать только легкіе отряды войскъ, чтобы

волновать край и мѣшать сбору войскъ. Эти отряды доходили на 8 миль до Вильны, на 4 до Новгородка и до самаго Слонима. Шемячичъ же и Глинскій, простоявъ двѣ недѣли подъ Минскомъ, въ ожиданіи извѣстій о московской главной рати, и не получивъ ихъ, отступили отъ Мяска къ Вэрневу. Отсюда Глинскій писалъ къ Васнлію, умоляя его, для пользы его собственной и всего притѣсненнаго христіанства (т. е. православныхъ русскихъ) въ Литвѣ, приказать своимъ воеводамъ спѣшить къ Минску, иначе братья и друзья его, Глинскаго, и все христіанство придутъ въ отчаяніе, занятые уже города подвергнутся опасности и самое благопріятное время будетъ упущено, ибо ратное дѣло дѣлается лѣтомъ *). Но Васнлій, увѣдомляя о движеніи воеводъ: Щени изъ Новгорода, Якова Захарьевича изъ Москвы и Григорія Θεодоровича изъ Великихъ Лукъ, приказывалъ Шемячичу и Глинскому, чтобы они шли на соединеніе съ ними—къ Оршѣ, т. е. еще болѣе къ сѣверу, и еще потеря времени! Шемячичъ и Глинскій двинулись къ Оршѣ и на пути туда овладѣли Друцкомъ. Въ одно время съ ними прибылъ къ Оршѣ князь Щеня и всѣ они вмѣстѣ осадили этотъ городъ, а Яковъ Захарьевичъ въ это время стоялъ у Дубровны. Вскорѣ пришла вѣсть о движеніи Сигизмунда къ Оршѣ (послѣ 11 іюня 1508 г.), и воеводч. снявъ осаду, стали на другомъ берегу Двѣпра, затѣмъ отступили далѣе къ Дубровнѣ (нынѣ мѣстечко въ Оршвинскомъ уѣздѣ Могилевской губерніи) и простояли здѣсь 7 дней въ бездѣйствіи! Но Сигизмундъ самъ не пошелъ и войскъ за Двѣпръ не послалъ, по литовскимъ же извѣстіямъ—переправился черезъ него послѣ того, какъ отряды его отбили русскія войска отъ лѣваго берега; ночь развела сражавшихся; Глинскій убѣждалъ воеводу вступитъ на другой день въ битву съ Сигизмундомъ, но они не согласились и въ полночь снова отступили (!), а Сигизмундъ побоялся преслѣдовать ихъ и воротился въ Смоленскъ. Московскіе же воеводы изъ Дубровны пошли на юговостокъ къ Мстиславию, гдѣ выжгли посады, потомъ къ Кричеву, и такимъ образомъ расходились съ Сигизмундомъ въ противныя стороны, какъ будто были посланы для подобныхъ безсмысленныхъ дѣйствій! По-истинѣ, нельзя не сожалѣть, что главное начальствованіе не было ввѣрено Глинскому, который, безъ сомнѣнія, дѣйствовалъ бы несравненно искуснѣе.

Сигизмундъ, прибывъ въ Смоленскъ, положилъ предпринять на-

*) Эти мудрыя и вѣрные слова Глинскаго служатъ однимъ изъ множества доказательствъ непригодности военно-помѣстной службы для своевременныхъ и быстрыхъ военныхъ дѣйствій. Пока военно-помѣстное околѣченіе собиралось изъ многихъ отдаленныхъ городовъ и шло къ границѣ, время, которое на войнѣ не ждешь, уходило, и благопріятный для дѣйствій случай ускользалъ.

ступательныя дѣйствія, и главнымъ начальникомъ войска своего назначилъ литовскаго гетмана князя Константина Острожскаго, успѣвшаго бѣжать изъ Москвы. Но этотъ походъ не могъ состояться изъ-за того, что въ это время въ Литвѣ пропзошли смуты вслѣдствіе ссоры двухъ вельможъ (своеобразная характеристика тогдашняго военнаго устройства), и литовскіе отряды успѣли только сжечь Бѣлюю (н. Бѣлой), овладѣть Торопцомъ и занять Дорогобужъ, который сами русскіе сожгли, не надѣясь защитить его. Но и эти успѣхи тѣмъ и кончплсь, какъ только Василій приказалъ войскамъ своимъ приблизиться къ угрожаемымъ границамъ, Щенѣ—къ Торопцу, Якову Захарьевичу—къ Вязьмѣ и Дорогобужу, а князю Стародубскому и Шемякинну охранять сѣверскую область. При вѣстѣ о приближеніи русскихъ войскъ, литовцы бѣжали изъ Дорогобужа и Торопца, а московскіе воеводы, бывшіе въ литовскихъ предѣлахъ, вышли изъ нихъ, уклонясь отъ рѣшительной битвы, съ тѣмъ, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ снова явиться въ нихъ. Поэтому Сигизмундъ долженъ былъ постоянно держать готовѣ сильное войско, а это для него было трудно, даже невозможно, по причинѣ неурядицы въ Литвѣ, и необходимо было кончить войну осенью, дабы не дать Глинскому возможности дѣйствовать зимою для поддержанія своихъ приверженцовъ въ Литвѣ. Но и Василій съ своей стороны, не успѣвъ во-время и какъ слѣдовало воспользоваться важнымъ переходомъ Глинскаго на его сторону, не видя содѣйствія отъ Менгли-Гирея и ногаевъ, изъ которыхъ первый воевалъ съ послѣдними, наконецъ склоненный убѣжденіями сестры своей, вдовы Александра Елены, и сомнительнымъ успѣхомъ войны—также желалъ мира. И когда 19 сентября въ Москву прибыли послы Сигизмунда для переговоровъ о вѣчномъ мирѣ, то онъ скорѣ и былъ заключенъ по всей волѣ Василія, т. е. за нимъ были утверждены все пріобрѣтенія Іоанна, оба государя обязались быть за-одно на общихъ враговъ, за исключеніемъ Менгли-Гирея, Глинскому, двумъ братьямъ его и ихъ приверженцамъ былъ выговоренъ свободный выѣздъ изъ Литвы въ Москву и пр.

Такимъ образомъ война, съ обѣихъ сторонъ начатая съ большимъ напряженіемъ силъ, съ цѣлю и надеждой нанести обоюдю рѣшительный ударъ, ведена была съ уклоненіемъ отъ рѣшительнаго боя, съ отступленіемъ главныхъ силъ однихъ отъ другихъ, съ обычнымъ лишь, варварскимъ образомъ веденія ея—разореніемъ края огнемъ и мечомъ, сожиганіемъ городовъ, убіеніемъ безвинныхъ жителей, изгнаніемъ русскими и литовскими войсками однихъ другими изъ собственныхъ предѣловъ, и кончплась—обычнымъ же заключеніемъ вѣчнаго мира—лишь на короткое время, съ тѣмъ, чтобы

снова начать опять то же самое. Такова уже была война въ это время, ипчѣмъ не лучше татарской или вообще азіатской. Впрочемъ въ выгодѣ остался все-таки Василиій, а не Сигизмундъ.

Дѣйствительно, пресловутый вѣчный миръ продолжался не болѣе 4 лѣтъ. Уже вскорѣ послѣ заключенія его, опять начались взаимныя несогласія, ссоры, обиды, неудовольствія и жалобы, и болѣе виновнымъ въ томъ былъ Сигизмундъ. Онъ оказывалъ явное недоброжелательство Василию, притѣснялъ и оскорблялъ сестру его Елену, старался посорить его съ братьями, возбуждалъ противъ него крымскихъ татаръ и успѣлъ въ эгомъ послѣднемъ: съ дряхлымъ Менгли-Гиреемъ, у Василія произошелъ явный разрывъ. Но Сигизмундъ не успѣлъ вооружить противъ Василія Ливонскій орденъ, который заботился только о возвращеніи купцовъ своихъ и товаровъ ихъ, захваченныхъ при Иоаннѣ, и въ мартѣ 1509 г. заключилъ перемиріе на 14 лѣтъ, съ обязательствомъ не содѣйствовать Литвѣ противъ Руси.

Взаимныя неудовольствія Василія и Сигизмунда достигли наконецъ въ 1512 г. высшей степени, между прочимъ вслѣдствіе своекорыстныхъ подстрекательствъ Василія Глинскимъ и возбужденія Сигизмундомъ противъ Василія крымскихъ татаръ. Осенью 1512 г. Василій объявилъ Сигизмунду войну, для начатія которой ему особенно благопріятствовали обстоятельства. Маркграфъ Албрехтъ браденбургскій, сынъ сестры Сигизмунда, готовился къ войнѣ съ нимъ, ставъ великимъ магистромъ Тевтонскаго ордена и не желая уступить дядѣ Поморья и Пруссіи и быть его вассаломъ. Ливонскій орденъ, по отношеніямъ своимъ къ Тевтонскому, также долженъ былъ объявить войну Польшѣ. Императоръ Максимилианъ и имперскіе князья поддерживали Албрехта. Глинскій еще въ 1508 г. убѣдилъ Василія заключить союзъ съ Максимилианомъ противъ Сигизмунда, для отнятія у послѣдняго земель Тевтонскаго ордена для Албрехта, а Кіева и прочихъ литовско-русскихъ городовъ для Василія. Но союзный договоръ о томъ былъ заключенъ уже позже—въ 1514 г.

Наконецъ 19 декабря 1512 г. самъ Василій выступилъ изъ Москвы въ походъ къ Смоленску, съ двумя братьями, Юріемъ и Дмитріемъ, зятемъ—крещенымъ татарскимъ царевичемъ Петромъ, съ Михаиломъ Глинскимъ и воеводами Даніиломъ Щеней и Рѣпней Оболенскимъ, и съ главнымъ войскомъ, при которомъ находился весьма сильный огнестрѣльный нарядъ. Кромѣ того, къ Смоленску шли войска изъ разныхъ городовъ: впереди главнаго войска—Рѣпня Оболенскій, князья: Бѣлевскій, Милулинскій, Оболенскій и воеводы Челядницъ, Бутурлинъ, Протасьевъ, За-

харьнинъ и Собакинъ; къ Бреславлю были отряжены воевода Щука-Кутузовъ и отъ Великихъ Лукъ князья: Одоевскій, Курбскій, Елецкій и Бахтеяръ; изъ Новгорода къ Холму—князья: Шуйскій, Буйнось-Ростовскій и воеводы: Иванъ и Василій Морозовы. Главное войско, при которомъ находился Василій, было подъ начальствомъ царевича Петра и подъ нимъ братьевъ Василія, Данила Щенц, Глицкаго, Масальскихъ и многихъ другихъ знатныхъ бояръ и воеводъ.

Въ январѣ 1513 г. русское войско обложило Смоленскъ, стояло подъ нимъ 6 недѣль, обстрѣлывало его, разорило окрестности и наконецъ ночью произвело приступъ, но въ большомъ безпорядкѣ, пшальниками, упоенными виномъ. Цѣлую ночь и слѣдующій день происходилъ жестокій бой, но взять Смоленска русскія войска не могли: съ большимъ урономъ отраженныя отъ него литовскимъ воеводой Юріемъ Сологубомъ, мужественно и упорно оборонявшимъ его, они отступили и въ мартѣ воротились въ русскіе предѣлы, а Василій въ Москву—безъ малѣйшаго успѣха.

14 іюня Василій снова выступилъ въ походъ противъ Смоленска, къ которому послалъ воеводъ: боярина князя Рѣпню-Оболенскаго и Сабурова, а самъ отправился въ Боровскъ. Сологубъ вышелъ изъ Смоленска на встрѣчу воеводамъ и вступилъ съ ними въ бой за городскими стѣнами, но былъ разбитъ, заперся въ городѣ и обложенъ въ немъ (въ іюль). 25 сентября самъ Василій прибылъ къ Смоленску, куда снова собрались все русскія войска. Началась осада, безуспѣшная по причинѣ силы мѣстности и укрѣпленій Смоленска, искуснаго огнестрѣльнаго дѣйствія русскаго наряда и мужественной, дѣятельной и искусной обороны Сологуба. То, что русскія пушки разрушали днемъ, осажденные исправляли ночью. Тщетно Василій употреблялъ и обѣщанія, и угрозы, чтобы склонить осажденныхъ къ сдачѣ: они не сдавались. Наконецъ, видя, что все было напрасно и уже наступала глубокая осень, въ ноябрѣ Василій снялъ осаду и воротился въ Москву—снова безъ малѣйшаго успѣха.

Въ февралѣ 1514 г. онъ заключилъ союзный договоръ съ императоромъ Максимилианомъ, обѣщавшимъ воевать съ Польшей, равно и договоръ съ Ганзою, а также вошелъ въ дружественныя сношенія съ турецкимъ султаномъ Селимомъ I, также имѣя въ виду Литву и Польшу. 8-го же іюня онъ въ третій разъ выступилъ въ походъ къ Смоленску, съ братьями Юріемъ и Симеономъ; третій — Дмитрій стоялъ въ Серпуховѣ, для обороны южныхъ границъ отъ крымскихъ татаръ, а четвертый — Андрей остался въ Москвѣ. Глицскій взялся содѣйствовать овладѣнію Смоленскомъ помощью сношеній съ тамошними единомышленниками и друзьями

своими и найма въ Чехи и Германіи искусныхъ въ военномъ дѣлѣ людей (которые и прибыли въ Москву черезъ Ливонію). 20 іюля Смоленскъ былъ обложенъ и по немъ открытъ сильный и болѣе искусный, нежели въ 1513 году, огонь. Лѣтописцы особенно хвалятъ искусство московскаго главнаго пушкаря Стефана (чеха или нѣмца): когда онъ въ первый разъ выстрѣлилъ изъ большой пушки, то ядро попало въ крѣпостную пушку, разрывомъ которой убило много людей; въ другой разъ Стефанъ выстрѣлилъ мелкими ядрами, окованными свинцомъ, и убилъ еще болѣе народа; наконецъ третій выстрѣлъ произвелъ также большой уронъ. Тогда смоленскій епископъ Варсонофій, выйдя на мостъ, просилъ у Василя срока до слѣдующаго дня, но Василій не согласился, а напротивъ велѣлъ стрѣлять отвсюду изъ всѣхъ орудій, отъ чего болѣшая часть городскихъ стѣнъ была разрушена и въ городѣ убито много народа и произведенъ пожаръ. Тогда уже Варсонофій съ Сологубомъ, боярами и народомъ вышли изъ Смоленска, прося у Василя пощады. Удержавъ Варсонофія, Сологуба и бояръ у себя подъ стражей, а народъ отпустивъ въ городъ и поставивъ къ послѣднему стражу, Василій на другой день, 30 іюля, послалъ въ Смоленскъ Даніяла Щеню, съ товарищами, дьяками и подьячими, переписать всѣхъ жителей и привести ихъ къ присягѣ на вѣрность ему, Василю. 1-го же августа онъ торжественно въѣхалъ въ Смоленскъ, князьямъ, боярамъ и гражданамъ его объявилъ уставную грамоту, назначилъ имъ въ намѣстники князя Василя Василіевича Шуйскаго и одарилъ ихъ, Сологуба и сына его отпустилъ въ Литву (гдѣ первый былъ казненъ какъ измѣнникъ), всѣмъ литовскимъ служилымъ людямъ предоставилъ на волю возвратиться въ Литву или остаться въ московской службѣ (многіе и остались въ ней), а смоленскимъ—ѣхать въ Москву или остаться въ Смоленскѣ, и всѣхъ отѣзжавшихъ изъ него снабдилъ деньгами.

Снова воссоединивъ такимъ образомъ съ Русью Смоленскъ, 110 лѣтъ бывший отторженнымъ отъ нея Литвою, Василій выступилъ изъ него въ обратный походъ къ Дорогобужу, пославъ воеводу своихъ къ Мстиславлю. Здѣсь князь Ижеславскій присягнулъ Василю и тоже сдѣлалъ жители Кричева и Дубровны. Для охраненія Смоленска на случай прибытія Сигизмунда, Глинскій былъ посланъ къ Оршѣ, а воеводы: братья князя Мхалтъ-Голиця и Дмитрій Булгаковы - Патриѣвы и конюшіи Челядницъ—къ Борисову, Минску и Друцку.

Но Сигизмундъ уже выступилъ на встрѣчу имъ изъ Минска къ Борисову, возлагая надежду на успѣхъ, которую внушилъ ему — Глинскій. Послѣдній, по иностраннымъ извѣстіямъ, имѣлъ бѣль-

шое участіе во взятіи Василиемъ Смоленска, большинство жителей котораго было принуждено приверженцами Глинскаго сдаться Василию до прибытія Сигизмунда. По извѣстію же Герберштейна, Василій обѣщаль отдалъ, но не отдалъ Глинскому Смоленскъ. Обманутый въ своей надеждѣ, честолюбивый Глинскій вступилъ въ переговоры съ Сигизмундомъ и рѣшился бѣжать въ Оршу, но былъ перехваченъ княземъ Михаиломъ Голыцой и Челядниннымъ и отвезенъ въ Дорогобужъ къ Василию, который отправилъ его въ оковахъ въ Москву и затѣмъ приказалъ своимъ воеводамъ идти противъ Сигизмунда.

Послѣдній, оставивъ при себѣ 4 т. войскъ въ Борисовѣ, остальные, подъ предводительствомъ князя Константина Острожскаго, послалъ на встрѣчу русскимъ воеводамъ. По иностраннымъ извѣстіямъ, у нихъ было до 80 т. войскъ, а у Острожскаго не болѣе 30 — 35 т. Въ концѣ августа Михаилъ Голыца и Челяднинъ, послѣ нѣсколькихъ небольшихъ стычекъ между передовыми войсками, остановились при Оршѣ, лѣвымъ крыломъ къ рѣчкѣ Крапивнѣ, лѣвому притоку Днѣпра. Разными передвиженіями они старались показать видъ, будто имѣли гораздо болѣе войскъ, дабы тѣмъ устрашить литовцовъ, Острожскій же, напротивъ — будто у него было гораздо менѣе войскъ, чѣмъ сколько дѣйствительно имѣлось, и даже завязалъ переговоры, предлагая миръ. Но русскіе воеводы отвергли его, не подозрѣвая въ этомъ военной хитрости Острожскаго который между тѣмъ тайно готовился переправиться въ двухъ мѣстахъ черезъ Днѣпръ. Ночью на 8 сентября 1514 г. онъ переправилъ черезъ него вилавъ конницу, а за нею и пѣхота двинулась черезъ рѣку по наведеннымъ наскоро мостамъ. Когда Челяднину донесли, что литовцы начинаютъ переправляться и совѣтовали немедленно ударить на нихъ, онъ отвѣчалъ, что не хочетъ утомлять войскъ своихъ ничтожнымъ движеніемъ и подождать, пока все войско литовцовъ переправится и тогда отрѣжетъ его отъ переправы и разомъ истребитъ его. Въ 9 час. утра все литовское войско стояло уже на лѣвомъ берегу Днѣпра въ боевомъ порядкѣ. Челяднинъ построилъ свои войска противъ него въ 3 линіи, слишкомъ растянувъ ихъ, а на флангахъ послалъ отдѣльные отряды въ тылъ непріятелю. Михаилъ Голыца, отдѣляясь отъ праваго крыла съ большимъ числомъ конницы, стремительно ударилъ на лѣвый флангъ литовской конницы. Послѣдняя выдержала ударъ его, а когда онъ отступалъ, отбиваясь отъ нея, польская конница изъ резерва ударила ему во флангъ. Къ нему подоспѣло подкрѣпленіе, какъ вдругъ непріятельской конница разступилась и середипу заняла пѣхота: подступивъ русскую конницу и ружейный выстрѣлъ, она открыла по

ней жестокой огонь, нанесла ей большой уронъ и привела ее въ разстройство и беспорядокъ. Тогда Острожскій стремительно ударилъ на нее всею своею конницею, опрокинулъ ее и, преслѣдуя, занесся во 2-ю русскую лѣвию. Зборовскій прискакалъ на подкрѣпленіе и вмѣстѣ съ Шинковскимъ и его гусарамъ прорвался сквозь растянутыя русскія линіи и ударилъ въ копья. Между тѣмъ какъ это происходило въ центрѣ и на лѣвомъ крылѣ литовцовъ, на правомъ литовская конница, пмѣя противъ себя превосходную числомъ русскую конницу, обратила тылъ. Русская конница бросилась за нею въ беспорядкѣ, какъ вдругъ литовская конница раскрыла скрытно стоящую сзади артиллерію, которая встрѣтила русскую конницу залпомъ изъ всѣхъ орудій, и въ то же время литовская конница обратилась назадъ и вмѣстѣ съ польскими латниками, бывшими въ резервѣ, стремительно ударила на ошеломленную и разстроенную русскую конницу, опрокинула ее на центръ и лѣвое крыло и гнала до болотистой рѣчки Крапивны и лѣваго берега Днѣпра. Лѣвому русскому крылу некуда было отступить и оно большею частію было истреблено. Самъ Челяднинъ съ свѣжими войсками стоялъ между тѣмъ неподвижно, а когда наконецъ рѣшился ударить въ тылъ побѣдителямъ, то самъ былъ атакованъ латни ами Сверчовскаго и легкою конницею Радзивила. Не могли выдержать удара ихъ, войска Челяднина бросились къ ближайшему позади ихъ лѣсу. Такимъ образомъ жестокая и кровопролитная битва эта, продолжавшаяся почти цѣлый день, кончилась страшнымъ поражениемъ русскаго войска и полною побѣдой Острожскаго, которою онъ отместилъ за собственное поражение свое въ 1501 г. Уронъ русскаго войска былъ огромный, по литовскимъ извѣстіямъ — будто до 30 т. чел. убитыми, а взятыми въ плѣнъ — 8 главныхъ воеводъ, 37 второстепенныхъ начальниковъ и 1500 дворянъ. Московскія извѣстія не опредѣляютъ числа убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ, но согласны съ литовскими вообще въ томъ, что уронъ былъ огромный. Знамена, пушки и обозъ также были взяты. По московскимъ извѣстіямъ, первымъ вступилъ въ бой Михаилъ Голиця, а Челяднинъ не помогъ ему изъ зависти; когда же литовцы напали на Челяднина, Голиця не помогъ ему; наконецъ, когда литовцы въ третій разъ напали на Голицю, Челяднинъ снова не помогъ ему, бѣжалъ и тѣмъ рѣшилъ судьбу битвы (словомъ — въ многочисленномъ русскомъ войскѣ не было ни единоначалія, ни единства, ни согласія въ дѣйствіяхъ, въ слабѣйшемъ же литовскомъ — напротивъ).

Остатки русскаго войска бѣжали къ Смоленску. Дубровна, Мстиславль и Крпчевъ немедленно сдались Острожскому, который, съ 6 т. отборныхъ войскъ впереди, двинулся къ Смоленску, надѣясь

овладѣть имъ посредствомъ измѣны, ибо мстиславскій владѣлецъ, князь Ижеславскій, приверженцы Сигизмунда въ Смоленскѣ и даже епископъ Варсонофій призывали короля въ этотъ городъ. Но бояре и граждане Смоленска, хотѣвшіе остаться за Москвою, увѣдомили о томъ Шуйскаго, который заключилъ подъ стражу Варсонофія и его единомышленниковъ, и когда Острожскій приступилъ къ Смоленску, велѣлъ повѣсить измѣнниковъ (кромѣ Варсонофія) на городскихъ стѣнахъ, а самъ далъ знать о всемъ Василию, находившемуся въ Дорогобужѣ. Тщетно потомъ Острожскій склонялъ жителей Смоленска покориться Сигизмунду и, по отказу ихъ, дѣлалъ приступы къ городу: Шуйскій и смоляне отразили ихъ, оборонялись упорно, и когда Острожскій отступилъ безъ успѣха, преслѣдовали его и отняли у него много повозокъ. Василию, похваливъ ихъ, прислалъ имъ подкрѣпленіе, а самъ воротился въ Москву.

Послѣ того, кромѣ извѣстія о нечаянномъ нападеніи исковскаго намѣстника Сабурова на Рославль, русскія лѣтописи умалчиваютъ о дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ между Москвою и Литвою. Во всякомъ случаѣ, побѣда послѣдней при Оршѣ не имѣла никакихъ особенно выгодныхъ для Сигизмунда и вредныхъ (кромѣ урона войскъ и пр.) для Василия послѣдствій. Сигизмундъ даже не могъ возвратити себѣ Смоленска, ни извлечь пользы отъ вторженія въ это время въ московскіе предѣлы крымскихъ татаръ сына и наслѣдника умершаго (весною 1515 г.) Менгли-Гирея, Магметъ-Гирея, и днѣпровскихъ казаковъ, предводимыхъ бѣжавшимъ изъ русской службы Евстафіемъ Дашковичемъ (см. ниже). Крымскіе татары дѣйствовали то въ пользу Сигизмунда, то въ пользу Василия, смотря по тому, который изъ нихъ давалъ имъ больше денегъ. Но въ днѣпровскихъ казакахъ Польша пріобрѣла уже въ это время важныхъ пособниковъ, и они усердно служили ей, а Сигизмундъ покровительствовалъ имъ и жаловалъ ихъ. Онъ возбуждалъ также Плеттенберга противъ Москвы, и Плеттенбергъ, признавая опасность съ ея стороны для Ливоніи, готовъ былъ бы немедленно начать войну въ союзѣ съ Польшею и Литвою, но былъ удерживаемъ какъ своимъ безплемъ, такъ особенно враждебными отношеніями великаго магистра Тевтонскаго ордена маркграфа Албрехта бранденбургскаго къ Польшѣ. Василию же, съ своей стороны, весьма естественно искалъ союза съ Албрехтомъ, а также и съ королемъ датскимъ, и такимъ образомъ въ 1515—16—17 г.г. война продолжалась медленно и нерѣшительно, между Москвою — съ одной стороны и между Польшею и Литвою — съ другой, и ихъ союзниками, хотя въ то же время не прекращались и переговоры о мирѣ,

при посредствѣ императора Максимилиана, отъ котораго съ этою цѣлю въ апрѣлѣ 1517 г. прибылъ въ Москву посолье его, баронъ Герберштейнъ. Въ то же время въ Москву прибылъ и посолье Албрехта, съ которымъ и былъ заключенъ договоръ воевать за одно противъ Сигизмунда, причемъ Василій обѣщаль дать Албрехту просимую имъ денежную помощь, но только когда онъ откроетъ войну, отниметь отъ Польши свои города и двинется къ Кракову. А въ сентябрѣ 1517 г. и Сигизмундъ отправилъ въ Москву двухъ пословъ своихъ, но, къ удивленію, въ то же самое время, промедливъ три года послѣ Оршинской побѣды, вдругъ вздумалъ отырыгъ наступательныя дѣйствія. Поводомъ къ тому послужило упомянутое выше, внезапное нападеніе псковскаго намѣстника Сабурова на Рославль, который онъ разграбилъ и затѣмъ удалился. Въ отмщеніе за то, Сигизмундъ двинулся къ Полоцку и, самъ оставшись въ немъ съ частію войскъ, Острожскаго съ сильнымъ войскомъ и съ чешскими и нѣмецкими наемниками послалъ къ Опочкѣ. Двѣ недѣли (отъ 6-го до 18-го октября 1517 г.) Острожскій стоялъ подъ этимъ городомъ, сильно обстрѣливалъ его изъ пушекъ, разослалъ отряды въ окрестности его и наконецъ произвелъ приступъ къ нему. Но намѣстникъ его, Салтыковъ-Морозовъ, и граждане оборонялись съ чрезвычайными мужествомъ и упорствомъ, и отбили приступъ литовцовъ съ большимъ для нихъ урономъ. Между тѣмъ московскія войска изъ Великихъ Лукъ и Вязьмы уже сдѣшли къ Опочкѣ, куда и къ Острожскому изъ Полоцка шли подкрѣпленія — и первыя въ трехъ мѣстахъ нанесли литовцамъ поражение, а воевода Лацій на голову разбилъ шедшія къ Острожскому подкрѣпленія и отнялъ у нихъ пушки и пищали. Тогда Острожскій былъ принужденъ снять осаду Опочки и отступить изъ московскихъ предѣловъ безъ всякаго успѣха и пользы.

Эти военныя дѣйствія приостановили мирныя переговоры, но по отступленіи Острожскаго они были возобновлены 1 ноября, однако, не смотря на всѣ старанія Герберштейна, не имѣли никакого успѣха. Какъ и прежде, Сигизмундъ требовалъ возвращенія всѣхъ пріобрѣтеній Іоанна и Василія, а послѣдній — Киева, Витебска, Полоцка и даже удѣла Елены въ Литвѣ. Вскорѣ Максимилианъ, озабоченный дѣлами реформаціи, не имѣлъ болѣе времени заниматься дѣлами Польши, Литвы и Москвы, и 12 января 1519 года умеръ, а преемникъ его, Карлъ V, прервалъ всѣ сношенія съ Москвою. Но Василій, уже заключивъ союзы: съ датскимъ королемъ Христіаномъ II противъ Швеціи и Польши и съ Албрехтомъ бранденбургскимъ противъ Польши и Литвы, и даже, ведя удачныя переговоры съ турецкимъ султаномъ Селымомъ I, для обращенія

крымскихъ татаръ противъ Польши, вскорѣ возобновилъ союзъ и съ Крымомъ. Онъ согласился назначить казанскимъ царемъ, на мѣсто умершаго въ концѣ 1518 г. Абдулъ-Летифа, брата Магметъ-Гирея—Сайпъ-Гирея, съ тѣмъ чтобы Магметъ-Гирей воевалъ противъ Польши. Такимъ образомъ на сторонѣ Васплія былъ уже явный перевѣсъ, а Сигизмундъ находился въ большой опасности. Но вскорѣ Васплій, опасаясь слишкомъ большаго усиленія Магметъ-Гирея и въ Крыму, и въ Казани, назначилъ казанскимъ царемъ, не смотря на заключенный съ нимъ передъ тѣмъ договоръ, врага его, Шигъ-Алея. Сынъ Магметъ-Гирея съ 30 т. крымскихъ татаръ уже вторгнулся въ Волынь и Галицію, наголову разбилъ Острожскаго подъ Соколомъ, разорилъ край, истребилъ и плѣнилъ множество жителей его и воротился съ огромною добычей. Но Магметъ-Гирей, оскорбленный назначеніемъ Шигъ-Алея, хотя и не возсталъ противъ Василія, однако пересталъ воевать противъ Сигизмунда. Это позволило послѣднему обратить свои силы противъ Албрехта бранденбургскаго, который, въ надеждѣ получить отъ Васплія обѣщанную имъ денежную помощь и набрать въ Германіи наемниковъ, въ концѣ 1519 г. и въ началѣ 1520 г. напалъ на занятые Польшей въ Пруссіи города съ весьма слабыми силами, сражался мужественно, но уступалъ числительному превосходству польскихъ войскъ и едва успѣлъ защитить Кенигсбергъ. Хотя 13 т. наемныхъ нѣмцовъ и явились на нижней Вислѣ и осадили Данцигъ, но, не имѣя ни продовольствія, ни извѣстій объ Албрехтѣ, разошлись. А Сигизмундовы воеводы взяли Маріенвердеръ, Голландъ и др. города и заставили Албрехта просить мира. Онъ получилъ земли ордена въ послѣдственное владѣніе, но съ вассальными обязанностями къ Польшѣ, и такимъ образомъ рушился Тевтонскій орденъ, имѣвшій, по отношеніямъ своимъ къ Польшѣ, Литвѣ и Ливонскому ордену, важное значеніе для Москвы.

Дѣйствія крымскихъ татаръ вначалѣ съ юга, а Албрехта потомъ съ сѣвера противъ Литвы и Польши, отвлекали силы Сигизмунда отъ Василія. Послѣ неудачнаго похода къ Опочкѣ, литовскія войска не являлись уже болѣе въ московскихъ предѣлахъ, но московскія, напротивъ, нѣсколько разъ вторгались въ Литву. Въ 1518 г. князь Васплій Шуйскій съ новгородскими войсками и большимъ огнестрѣльнымъ нарядомъ, а братъ его Иванъ съ псковскими войсками, осадили Полоцкъ. На помощь имъ пришелъ князь Михаилъ Кислица съ московскими войсками. Но полочане оборонялись упорно и скоро въ станѣ осаждавшихъ оказались недостатокъ продовольствія и голодъ. Полочане захватили струги, на которыхъ отрядъ боярскихъ дѣтей переправился черезъ Двину для сбора продовольствія;

преслѣдуемые литовскимъ воеводой Волюпцомъ, боярсія дѣти бросились назадъ къ Двинѣ и множество ихъ утонуло въ ней, и наконецъ Шуйскіе были принуждены отступить безъ успѣха и пользы и съ урономъ.

Въ 1519 г. Кислица съ новгородцами и псковичами снова пошелъ въ Литву, къ Молодечно и другимъ городамъ, и вышелъ назадъ къ Смоленску. Значительнѣе былъ походъ князя Василя Шуйскаго отъ Смоленска, князя Михаила Горбатаго отъ новгородскихъ и псковскихъ границъ и князя Симеона Курбскаго изъ сѣверской области — къ Оршѣ, Могилеву, Минску и даже подъ самую Вильну, по обычаю — разоряя край, истребляя и плѣняя жителей. Пятеро знатнѣйшихъ литовскихъ воеводъ вышли-было на встрѣчу имъ, но, видя поражение передовыхъ войскъ своихъ, отступили въ непроходимыя лѣсныя тѣсныя за Лойскъ (въ августѣ и сентябрѣ). Московскіе воеводы не преслѣдовали ихъ туда и воротились къ своимъ границамъ. Другіе московскіе воеводы: Годуновъ, князь Елецкій и Засѣкинъ ходили такимъ же образомъ къ Витебску и Полоцку, выжгли посады ихъ, взяли внѣшнія укрѣпленія, разорили окрестности, истребили и плѣнили множество людей. Кромѣ того, казанскій царевичъ Ѳеодоръ, сынъ Алегамы, и сынъ князя Данила Щени Михаилъ производили частыя и разорительныя набѣги на Литву. Всѣ эти военныя дѣйствія имѣли цѣлю скорѣе принудить Сигизмунда къ миру, котораго Василій очень желалъ, потому что 6-тилѣтняя война была очень тяжела для него по тогдашнему состоянію военныхъ силъ и денежныхъ средствъ Москвы. Послѣ взятія Смоленска и Оршинской битвы, никакнхъ важныхъ военныхъ дѣйствій не происходило, а между тѣмъ необходимо было постоянно имѣть сильныя рати для охраненія московскихъ границъ. Наступательныя же дѣйствія этихъ ратей противъ Литвы были не иное что, какъ отдѣльныя, частныя набѣги и вторженія, безъ всякой цѣли, связи, единства и согласія, а только для разоренія края, истребленія и плѣненія жителей и приобрѣтенія добычи, совершенно подобно тому, какъ дѣйствовали татары. Тщетно Албрехтъ бранденбургскій предлагалъ свой, замѣчательный планъ общихъ военныхъ дѣйствій, именно: русскимъ войскамъ завоевать богатую хлѣбомъ, но беззащитную Самогитію, изъ нея идти въ Мазовію, соединиться въ ней съ нимъ и напасть на Сигизмунда въ средоточіи его государства, въ то самое время, когда наемныя нѣмецкія войска, шедшія въ Германію (см. выше), нападутъ на него съ запада. Планъ этотъ могъ-бы имѣть важныя послѣдствія: положеніе Сигизмунда было бѣдственное, война и зараза опустошали его владѣнія, лучшая часть войска его состояла изъ чешскихъ и нѣмецкихъ наемниковъ, которые, послѣ

неудачнаго приступа къ Опочкѣ, съ досадой ушли къ себѣ домой и единосемцы ихъ не хотѣли уже болѣе служить Польшѣ, а безъ нихъ одни польско-литовскія войска не могли съ успѣхомъ противустоять соединеннымъ силамъ Василія и Албрехта. Но случай, счастье и особенно неблагоразуміе и не искусство Василія и его воеводъ спасли Сигизмунда. Онъ успѣлъ склонить Василія къ заключенію перемирія на 6 мѣсяцовъ и, подкупая крымскихъ татаръ, укрѣпляя и охраняя границы Литвы, обратилъ всѣ свои силы противъ слабого отдѣльно Албрехта, принудилъ его къ миру и лишилъ Василія умнаго, усерднаго и дѣлительнаго союзника въ немъ. Къ этому еще особеннымъ счастьемъ для Сигизмунда были измѣна Казани и нашествіе казанскихъ и крымскихъ татаръ и днѣпровскихъ казаковъ на Москву въ 1521 г. (см. ниже), въ то время, когда главные русскія силы были на границахъ Литвы. Высланные Василіемъ къ Окѣ воеводы съ частію войскъ не устояли противъ татаръ и казаковъ, которые подступили къ Москвѣ, а здѣсь бояре и воеводы, въ отсутствіи Василія, отступились деньгами и обязались платить Крыму дань! Магметъ-Гирей удаллся, а весною 1522 г. Василій самъ выступилъ въ походъ противъ него, но Магметъ тогда обратился уже противъ Сигизмунда (подробности о войнѣ съ татарами см. ниже).

Положеніе Василія въ 1521 г. могло-бы быть столько же опаснымъ, сколько и Сигизмундово въ 1519 г., еслибы послѣдній попалъ на него съ запада въ то самое время, когда крымскіе и казанскіе татары напали на него съ юга и востока. Но, къ счастью для Василія, Сигизмундъ въ это время не имѣлъ достаточно сильнаго войска, опасался турокъ и султана ихъ Сулеймана или Солимана II, зналъ вѣроломство и ненадежность крымскихъ татаръ и надѣялся, что бѣдствія, претерпѣнныя Русью отъ нашествія татаръ, склонятъ Василія къ миру. Дѣйствительно, Василій желалъ прекратить тягостную войну съ Литвою, для скорѣйшаго обузданія Крыма и Казани. Вслѣдствіе того, наконецъ 25 декабря 1522 г. заключено было перемиріе на 5 лѣтъ, продолженное въ 1526 г., при посредничествѣ императора Карла V, еще на 6 лѣтъ (до конца 1533 г.). Договоръ, заключенный о томъ, утвердилъ за Василіемъ Смоленскъ съ его областью, а границами опредѣлилъ р. р. Днѣпръ, Иваку и Мерю.

Такъ кончилась эта война между Москвою и Литвою, славная для послѣдней только Оршинскою побѣдой, полезная для первой пріобрѣтеніемъ Смоленска и его области, но одинаково тягостная и разорительная для обѣихъ.

§ 186.

Войны съ Крымомъ (1515—1521).

Въ одно время съ литовскою войною, въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ нею происходили войны съ Крымомъ и Казанью. Обѣ были важны въ политическомъ отношеніи, но мало замѣчательны и занимательны въ военномъ. Поэтому достаточно изобразить ихъ лишь въ главныххъ чертахъ.

Въ ближайшей связи съ литовскою войною была война съ Крымомъ, начавшаяся еще въ концѣ жизни Менгли-Гирея, пережившаго Іоанна III 10-ю годами (умеръ въ 1515 г.). Этотъ вѣрный союзникъ Іоанна, усердно служившій ему, желалъ столь же усердно служить и сыну его, но былъ уже очень старъ и не въ силахъ унимать своихъ сыновей и вельможъ, которые, легко поддаваемые Литвой и Польшей, охотно вторгались въ московскіе предѣлы, жестоко разоряя край. При томъ и самъ Менгли-Гирей былъ недоволенъ щедрыми дарами, получаемыми имъ отъ Василія. Однако до смерти Менгли-Гирея набѣги и вторженія крымскихъ татаръ не были еще такъ сильны и вредны, какъ по смерти его. Тогда они возросли уже въ такой силѣ и такъ часто повторялись, что стали бѣдственными для Руси, были одною изъ главныххъ причинъ неудачи войны ея съ Литвою и послужили началомъ войны ея съ Крымомъ, продолжавшихся цѣлыхъ три вѣка (до конца XVIII-го).

Уже сынъ и преемникъ Менгли-Гирея, Магметъ-Гирей довелъ свою дерзость до того, что вздумалъ возобновить мнимое право потомковъ Чингизъ-хана на господство надъ Русью и взиманіе дани съ нея, присвоилъ себѣ право быть посредникомъ между Василіемъ и Сигизмундомъ, раздавать имъ литовскіе и русскіе города и т. п. Такіе дерзкіе замыслы его были выгодны для Сигизмунда и весьма тягостны, хотя и не страшны для Василія, въ войнахъ ихъ между собою. Магметъ-Гирей успѣлъ возвестъ на казанскій престолъ брата своего, Саипъ-Гирея, вмѣсто Василіева присяжника Шигъ-Алея, и черезъ него господствуя въ Казани, какъ и въ Астрахани, такимъ образомъ могъ располагать противъ Руси силами трехъ татарскихъ царствъ, возникшихъ къ востоку и югу отъ нея изъ прежняго Батыева царства. А это могло быть очень опаснымъ для Руси въ то время, когда она была занята на западѣ войною съ Литвой и главныя силы ея находились на литовскихъ границахъ. Такого рода опасность именно и возникла въ 1527 г., въ самомъ концѣ войны Василія съ Сигизмундомъ, какъ означено ниже.

Но еще прежде того и даже при жизни Менгли-Гирея, крымскіе татары, сначала враждебно дѣйствовавшіе противъ Сигизмунда въ пользу Василія, какъ и дотолѣ Гоапна, и жестоко разорявшіе Подолію, Волинь и даже Галлцію, въ концѣ жизни Менгли-Гирея стали уже такимъ же образомъ дѣйствовать противъ южныхъ предѣловъ Руси (на лѣвой сторонѣ средняго Днѣпра и на правой сторонѣ верхней Оки, съ ихъ притоками). Такъ лѣтомъ 1506 г., въ то время когда Александръ литовскій и польскій занемогъ предсмертною болѣзнію, крымскіе татары вторглись въ Литву и жестоко разоряли ее, но были наголову разбиты Михаиломъ Глинскимъ. Въ 1507 г. отношенія Крыма къ Руси уже совершенно измѣнились: Менгли-Гирей былъ готовъ помогать сынову своему, казанскому царю Магметъ-Аминю, и дѣйствовать заодно съ Сигизмундомъ противъ Василія. Лѣтомъ 1507 г. крымскіе татары двинулись уже къ южнымъ предѣламъ Руси (къ Бѣлеву, Одоеву, Козельску). Василій немедленно выслалъ противъ нихъ войска на украину. Московскіе воеводы не успѣли помѣшать татарамъ награбить большую добычу, но преслѣдовали ихъ, настигли на Окѣ, разбили и огнили у нихъ всю добычу (9 августа).

Послѣ того крымскіе татары лѣтъ пять не падали на русскіе предѣлы. Но Менгли-Гирей не отказался отъ союза ни съ Глинскимъ — для завоеванія для него Кіева, ни съ Сигизмундомъ — для защиты и Кіева, и Вильны. Сигизмунду эта послѣдняя помощь уже не была нужна, а вмѣсто того онъ просилъ Менгли-Гирея послать своихъ татаръ къ Брянску, Стародубу и Новгороду-Сѣверскому. Но крымскіе татары еще помнили свое поражение на Окѣ, и Менгли-Гирей не послалъ татаръ, куда назначилъ Сигизмундъ, а предпочелъ выманить у Василія какъ можно болѣе денегъ и даровъ, и увлечь его въ войну съ Астраханью. Василій не согласился на послѣднее, но давалъ умѣренныя дары, чтобы только поддерживать дружбу съ Менгли-Гиреемъ, хотя послѣдній, особенно сыновья и мурзы его, были очень недовольны и стали причипать посламъ Василія обиды и оскорбленія.

Въ маѣ 1512 г. двое сыновей Менгли-Гирея съ многочисленными татарами напали на украинскіе города Бѣлевъ, Одоевъ, Воротынскъ, Алексинъ и взяли большую добычу и много плѣнныхъ. Василій выслалъ противъ нихъ воеводу, но татары бѣжали въ степи, а воеводы не преслѣдовали ихъ. Въ юнѣ того-же года одинъ изъ сыновей Менгли-Гирея, Ахматъ-Гирей посланъ былъ къ Рязани, но воротился, узнавъ, что на р. Упѣ и Осетрѣ стояли московскіе воеводы. А въ октябрѣ братъ Ахмата Бурнашъ пришелъ къ Рязани, взять ее не могъ, но причинилъ много вреда и ушелъ съ добычей и плѣн-

ными. Тогда въ Москвѣ узнали, что разбойничьи набѣги сыновей Менгли-Гирея были слѣдствіемъ договора послѣдняго съ Сигизмундомъ, и это послужило причиной къ разрыву и войнѣ съ Литвою. Во время этой войны, въ 1514 г. сынъ Магметъ-Гирея Альпъ-салтанъ съ татарами уже перешелъ черезъ р. Тясмину и требовалъ отъ кievскаго воеводы Немировича, чтобы и онъ шелъ съ нимъ въ московскіе предѣлы, иначе одинъ не пойдетъ. Но Немировичъ не могъ исполнить этого, и такимъ образомъ помощь крымскихъ татаръ Сигизмунду не приносила ему особенной пользы, хотя онъ и не жалѣлъ денегъ, чтобы возбуждать Магметъ-Гирея противъ Василія. Магметъ-Гирей, братья, сыновья и мурзы его не переставали сноситься и съ Сигизмундомъ, и съ Васи́лемъ, съ тѣмъ, чтобы служить тому, кто больше почтитъ ихъ, т. е. дастъ больше денегъ, и сообразно съ тѣмъ и дѣйствовали въ пользу или во вредъ того либо другаго, нападая или на московскую, или на литовскую украину. Въ 1517 г. Сигизмундъ взялъ верхъ и лѣтомъ 20 т. крымскихъ татаръ явились въ окрестностяхъ Тулы. Князья Одоевскій и Воротынскій приняли противъ нихъ очень удачныя мѣры: пѣхота обошла татаръ и завалила имъ дороги въ лѣсахъ, гдѣ много ихъ истребила, а конница стала преслѣдовать ихъ по дорогамъ, бродамъ и множество ихъ истребила, потопила въ рѣкахъ, либо взяла въ плѣнъ, такъ что изъ 20 т. въ Крымъ воротилось очень мало и то пѣшими и почти нагими. Съ другой стороны князь Шемячичъ разбилъ за р. Сулою татарскій отрядъ, приходившій грабить окрестности Путнвля. Однако Васи́лій, по совѣщанію съ братьями и боярами своими, положилъ продолжать сношенія съ крымскимъ ханомъ, дабы онъ не отложился явно отъ Москвы.

Такъ продолжалось до декабря 1518 г., когда Магметъ-Гирей, сильно старавшійся, чтобы крымское, казанское и астраханское царства были во власти одного рода Гиреевъ, прислалъ Васи́лію грамоту, которою обязывался быть за одно съ нимъ на Литву, съ тѣмъ чтобы онъ, Васи́лій, былъ за одно съ нимъ противъ потомковъ Ахмата. Но Васи́лій, по смерти Магметъ-Аминя казанскаго, назначилъ преемникомъ его, по просьбѣ самихъ казанцовъ, Шигъ-Алей, внука Ахматова и родоваго врага Гиреевъ. Шигъ-Алей, предпочитая во всемъ выгоды Іоанна, возбудилъ тѣмъ противъ себя неудовольствіе казанцовъ, и когда весною 1521 г. братъ Магметъ-Гирея, Саипъ-Гирей съ крымскимъ войскомъ явился подъ Казанью, то она сдалась ему безъ сопротивленія. Шигъ-Алей и русскіе воеводы при немъ были отпущены въ Москву, но посолъ и купцы русскіе были ограблены и задержаны. Въ маѣ Васи́лій получилъ изъ Азова извѣстіе, что между Магметъ-Гиреемъ, казанцами и астрахан-

цамп происходили безпрестанныя сношенія, что Магметъ далъ казанцамъ брата своего въ цари и со всеми своими силами собирался идти на Москву. Но это извѣстіе пришло въ Москву уже тогда, когда Магметъ-Гирей, съ крымцами, ногаями и казаками донскими и днѣпровскими (послѣдніе подъ предводительствомъ Евстафія Дашковича), быстро шель къ Окѣ. Главныя военныя силы русскія были тогда на литовскихъ границахъ, а въ Москвѣ и внутренихъ областяхъ войскъ было мало, и Василій едва успѣлъ выслать младшаго брата своего, Андрея, и боярина князя Бѣльскаго съ отрядомъ войскъ къ Окѣ на встрѣчу Магметъ-Гирею. Но Андрей и Бѣльскій не спрашивали и не слушались ничьихъ совѣтовъ, распорядились очень неблагоприятно и неспукосно, сразились съ татарами не во-время и въ неустройствѣ, были опрокинуты превосходными силами Магмета и бѣжали. Войска Магмета разсѣялись для грабежа на всемъ пространствѣ отъ Коломны до самой Москвы. Въ то же время Сапъ-Гирей съ казанскимъ войскомъ, разоривъ на пути земли нижегородской и владимірской областей, соединился съ Магметомъ подъ Коломною. Это неожиданное нашествіе крымскихъ и казанскихъ татаръ въ одно время съ двухъ сторонъ, застигло Москву совершенно врасплохъ. Она уже давно отвыкла отъ татарскихъ нашествій, и Василій увидалъ себя въ такомъ же трудномъ положеніи, какъ и Дмитрій Донской при нашествіи Тохтамыша, а сынъ его Василій I при нашествіи Эдигея. Поэтому и онъ послѣдовалъ ихъ примѣру—отправился въ Волоколамскъ собирать войска, ввѣривъ защиту Москвы царевичу Петру и боярамъ. Самъ Магметъ остановился на р. Сѣверкѣ, но отряды его подходили близко къ Москвѣ, разорили окрестныя села—Островъ, Воробьево, Угрѣшскій монастырь и др. Со всехъ сторонъ все бѣжало въ Кремль, въ которомъ произошла такая тѣснота, что отъ жары (это было въ концѣ іюня) въ нѣсколько дней могла развиться зараза. Москва была въ ужасѣ и смятеніи, тѣмъ болѣе, что когда въ ней начали готовиться къ защитѣ, оказалось, что пороку было недостаточно. Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ, царевичъ Петръ и бояре, не видя спасенія, рѣшились вступить мѣ переговоры съ Магметъ-Гиреемъ, подступившимъ 29 іюля къ Москвѣ. Онъ и не думалъ взять ее приступомъ, не имѣя ни средствъ, ни охоты на то, готовъ былъ бѣжать при первомъ извѣстіи о приближеніи Василія съ войсками и соглашался немедленно удалиться изъ московскихъ предѣловъ, если получитъ письменное обязательство, что Василій будетъ платить ему дань. Москва не могла долго оставаться въ означенномъ выше положеніи—и Магметъ-Гирей получилъ требуемое имъ письменное обязательство и отступилъ къ Рязани. Евстафій Дашковичъ, желая взять ее хитростью, предложилъ

жителямъ ея выкупать плѣнниковъ, надѣясь уловить случай, чтобы вмѣстѣ съ рязанцами пробраться въ городъ. А Магметъ-Гирей, съ своей стороны, для вѣрнѣйшаго успѣха этой хитрости, желая заманить къ себѣ начальствовавшего въ городъ, овольничаго Хабаря Симскаго, приказалъ ему, какъ воеводѣ своего данника, явиться къ себѣ въ станъ. Но Хабаръ-Симскій отвѣчалъ, что еще не знаетъ, дѣйствительно-ли великій князь обязался быть данникомъ хана и требовалъ доказательства. Ханъ послалъ ему грамоту, выданную въ Москвѣ, а между тѣмъ Дашковичъ все болѣе и болѣе приближался къ городскимъ стѣнамъ и нарочно далъ нѣкоторымъ плѣнникамъ возможность бѣжать въ городъ. Татары погнались за ними и требовали ихъ выдачи; однако, хотя рязанцы и выдали ихъ, число татаръ подъ стѣнами города все болѣе и болѣе увеличивалось, какъ вдругъ по нимъ прозведенъ былъ залпъ изъ городскихъ пушекъ, которыми распорядился нѣмецкій пушваръ Іоганъ Іорданъ—и татары въ ужасѣ бросились бѣжать отъ городскихъ стѣнъ. Ханъ потребовалъ выдачи Іордана, но получилъ отказъ и, не успѣвъ взять Рязани хитростью, шедя не за тѣмъ; чтобы брать города силой и свѣдавъ о враждебныхъ ему дѣйствіяхъ астраханцовъ, не захотѣвшихъ участвовать съ нимъ въ нашествіи на Москву, удалился изъ московскихъ предѣловъ, съ громадною добычей и множествомъ плѣнниковъ, но—оставивъ въ рукахъ Хабаря-Симскаго грамоту, выданную боярами въ Москвѣ объ обязательствѣ великаго князя платить ему, хану, дань. А Саипъ-Гирей съ казанцами воротился въ Казань.

Такимъ образомъ Магметъ-Гирей не успѣлъ взять ни Москвы, ни Рязани, первой—потому, что бояре въ ней малодушно выдали ему, именемъ Василія, не имѣя никакаго права на то, обязательство, что послѣдній будетъ платить ему дань, а Рязань—потому, что въ ней, по счастію, нашелся такой человѣкъ, какъ Хабаръ Симскій, явившій болѣе мужества, нежели бояре въ Москвѣ и даже—самъ Василій. Если бояре и не сочли возможнымъ выждать 3—4 дней, пока Василій съ собранными имъ войсками выручилъ бы Москву (хотя это было очень трудно и даже невѣроятно), то Василій съ своей стороны, удаленіемъ изъ Москвы, оставленной имъ безъ всякихъ средствъ къ защитѣ, для того, чтобы собрать въ Волоколамскѣ войска, которыхъ въ 3—4 дня и даже болѣе собрать не могъ (по условіямъ военно-помѣстной службы), не явилъ необходимыхъ въ такихъ обстоятельствахъ мужества и благоразумія. Счастливымъ случаемъ и Москва, и Рязань были спасены, но слѣдствія нашествія Магмета и Саипа были ужасныя. Молва народная простерла число выведенныхъ ими плѣнниковъ до числа 800 т. чел. — явное пре-

*

увеличеніе, свидѣтельствующее однако о страшномъ разореніи московскихъ предѣловъ. Алчные и ненасытные крымскіе татары продавали русскихъ плѣнниковъ въ Кафѣ, а казанцы въ Астрахани. Кромѣ того ими награблена была соответствовавшая числу плѣнныхъ громадная добыча. Это возбудило въ Магметъ-Гирей алчность повторить осенью такое прибыльное для него нашествіе, и, воротясь въ Крымъ, онъ приказалъ всей своей ордѣ—готовиться къ новому, осеннему походу. Однако онъ не состоялся, а къ веснѣ слѣдующаго 1522 г. Василій успѣлъ собрать сильное войско, состоявшее изъ многочисленной конницы и пѣхоты и большого числа орудіи, и самъ съ главными силами сталъ въ Коломнѣ, а прочія войска расположилъ вдоль Оки. Но Магметъ-Гирей, узнавъ объ этомъ, не пошелъ въ московскіе предѣлы, а захотѣлъ исполнить давнишнее намѣреніе свое овладѣть Астраханью, противъ которой и предпринялъ походы. Тѣмъ не менѣе, Василию необходимо было постоянно сторожить какъ его, такъ и Саипъ-Гирей. Это и заставило ускорить заключеніе перемирія съ Литвою, какъ означено выше, которое и дало Василию возможность обратить все свое вниманіе на Крымъ, Казань и Астрахань.

Намѣреніе Магметъ-Гирей овладѣть Астраханью не тревожило Василія; напротивъ, междуусобія татаръ были благоприятны для него, результатъ же ихъ оказался даже весьма выгоднымъ ему. Магметъ-Гирей, соединясь съ ногайскимъ княземъ Мамаемъ, успѣлъ овладѣть Астраханью въ то самое время, когда ханъ ея Усейнъ (Гусейнъ) вѣлъ переговоры о тѣсномъ союзѣ съ Василіемъ. Но вскорѣ союзники Магмета, ногайскіе князья, предусматривая большую опасность для себя отъ усиленія Гиреевъ въ Крыму, Астрахани и Казани, внезапно напали на стапъ Магмета, убили послѣдняго и множество крымцовъ, преслѣдовали сыновей Магмета въ Крымъ и разорили его въ то самое время, когда съ другой стороны—его разорялъ Евстафій Данковичъ съ своими казаками. Заступившій мѣсто Магмета, братъ его Сайдетъ-Гирей началъ съ того, что потребовать отъ Василія 60 т. алтынъ и мира для Саипъ-Гирей казанскаго, въ чемъ, разумѣется, получилъ отказъ. Послѣ того Крымъ надолго сталъ поприщемъ междуусобій, однако не переставалъ тревожить Русь. Такъ осенью 1527 г., когда послы Сайдетъ-Гирей были въ Москвѣ, племянникъ его, Исламъ-Гирей съ крымцами явился на берегахъ Оки, но находившіеся уже на нихъ московскіе воеводы не дали ему переправиться черезъ Оку и онъ былъ принужденъ бѣжать, преслѣдуемый боярскими дѣтьми, которые убили множество крымцовъ. Вскорѣ Сайдетъ-Гирей былъ изгнанъ изъ Крыма и мѣсто его занялъ бывший казанскій царь Саипъ-Ги-

рей. Въ августѣ 1533 г. Василій, узнавъ, что племянники его, Исламъ и Сафа-Гирей шли къ московскимъ границамъ, немедленно сталъ готовиться къ походу противъ нихъ, выслалъ воеводъ съ войсками къ Коломнѣ на Оку и, приказавъ разставлять въ Москвѣ пушки и пищали, а жителямъ посадовъ съ имуществомъ переселяться въ городъ, 15 августа самъ выступилъ изъ него въ село Коломенское. Въ тотъ же день крымцы подступили къ Рязани, выжгли посады ея и разсѣялись по окрестностямъ грабить, убивать и брать въ плѣнъ. Василій велѣлъ воеводамъ послать за Оку отряды для добыванія языковъ (развѣдыванія). Одинъ изъ этихъ отрядовъ, подъ начальствомъ князя Дмитрія Палецкаго, разбилъ толпу крымцовъ въ 10 верстахъ отъ Николи Заразскаго (Зарайскаго), а другой, подъ начальствомъ князя Овчины-Телепнева-Оболенскаго, разбилъ другую толпу ихъ и, преслѣдуя ее, наткнулся на большое крымское войско. Крымцы разлучили Оболенскаго съ его ратниками, нѣкоторыхъ изъ нихъ взяли въ плѣнъ, но ничего болѣе не предпринимали и, боясь встрѣтиться съ главнымъ войскомъ Василія, послѣшпо удалились изъ московскихъ предѣловъ. Воеводы двинулись за ними, но уже не могли догнать ихъ. А между тѣмъ съ Крымомъ не прекращались сношенія и переговоры, но это не мѣшало крымцамъ производить свои разбойничьи набѣги до самой смерти Василія.

§ 187.

Война съ Казанью (1505—1530).

Съ Казанью почти во все княженіе Василія происходила, съ промежутками, война, то прекращавшаяся, то возобновлявшаяся. Съ тѣхъ поръ какъ Іоаннъ III сдѣлалъ казанскаго царя Магметъ-Аминя своимъ присяжникомъ, Казань не могла избавиться отъ власти великихъ князей московскихъ Іоанна III и Василія III, но не хотѣла быть въ совершенномъ подданствѣ ихъ и часто дѣйствовала даже враждебно. Такъ еще при жизни Іоанна Магметъ-Аминъ, по наущенію жены своей, возмутилъ казанцовъ и вторгнулся въ нижегородскіе предѣлы, чѣмъ заставилъ Іоанна, уже передъ самою смертію своею, принять мѣры для усмиренія его. Василій, слѣдуя политикѣ отца своего, не хотѣлъ упустить изъ рукъ власти своей надъ Казанью и въ самомъ началѣ княженія своего, весною 1506 г. послалъ изъ Нижняго-Новгорода по Волгѣ къ Казани судовую и конную рати подъ главнымъ предводительствомъ брата своего, Дмитрія, и подъ нимъ воеводъ: князей Бѣльскаго, Ростовскаго и Курбскаго, Шенна, Палец-

каго и мн. др. (въ томъ числѣ не было ни одного изъ заслуженныхъ и опытныхъ воеводъ Иоанновыхъ). 22 мая судовая рать (пѣхота) приплыла къ Казани и, не дождавшись прибытія конной рати, высадилась и въ знойный день двинулась къ городу. Часть казанцовъ вышла изъ него на встрѣчу ей и завязала съ нею бой; а другая часть скрытно заскакала въ тылъ ей и отрѣзала отъ судовъ. Русская рать потерпѣла сильное пораженіе и большой уронъ убитыми и взятыми въ плѣнъ и утонувшими въ Поганомъ озерѣ (къ сѣв. возлѣ Казани); остальнымъ удалось пробиться къ судамъ.

Узнавъ объ этомъ 9 іюня, Васплій въ тотъ же день приказалъ князю Василю Даниловичу Холмскому съ другими воеводами и войскомъ идти къ Казани, а брату своему Дмитрію — до прибытія Холмскаго не подступать вторично къ городу. Но Дмитрій, соединясь 22 іюня съ конною ратью, не счелъ нужнымъ далѣе медлить, тотчасъ же снова повелъ пѣхоту и конницу къ Казани и внезапно напалъ на казанцовъ во время ярмарки на Арскомъ полѣ, множество ихъ перебилъ, а другихъ прогналъ въ городъ. Но, вмѣсто того, чтобы воспользоваться этимъ первымъ успѣхомъ и, можетъ быть, безъ большого труда взять городъ приступомъ, ворвавшись въ него вслѣдъ за бѣжавшими, онъ допустилъ свои войска грабить товары на ярмаркѣ и предаться безпорядкамъ. Магметъ-Аминъ воспользовался этимъ и 25 іюня на разсвѣтѣ внезапно напалъ на сонное русское войско, не принявшее мѣръ предосторожности, привелъ его въ разстройство и безпорядокъ, и нанесъ ему большой уронъ. Въ страхѣ побѣжало оно къ своимъ судамъ, бросивъ пушки, оружіе, обозы и награбленную добычу, и потерявъ множество людей *). Сѣвъ на суда, Дмитрій съ пѣхотой отплылъ къ Нижнему-Новгороду, а конный отрядъ, подъ начальствомъ татарскаго царевича Джаналея и воеводы Киселева, пошелъ къ Мурому и, настигнутый казанцами, разбилъ ихъ и благополучно дошелъ до Мурома.

Василій началъ готовиться къ новому походу весною слѣдующаго 1507 года. Но Магметъ-Аминъ въ мартѣ этого года прислалъ въ Москву просить мира, общая отпустить русскихъ плѣнниковъ. Чтобы спасти послѣднихъ, Василій согласился на миръ по старинѣ, какъ было при отцѣ его.

Около 15 лѣтъ потомъ Казань оставалась покорною и смирною. Въ декабрѣ 1518 г. Магметъ-Аминъ умеръ, и какъ за годъ передъ тѣмъ умеръ и братъ его, Абдыль (Абдуль)-Летифъ, бывший въ

*) По другимъ извѣстіямъ, казанцы, не надѣясь одолѣть русскихъ силой, употребили хитрость: раскинули за городомъ станъ и, по приближеніи русскихъ, бросились изъ него въ городъ, а когда русскіе стали грабить станъ, напали на нихъ изъ города и разбили ихъ (Соловьевъ).

Каширѣ и назначенный преемникомъ ему, то Василій назначилъ казанскимъ царемъ молодого Шигъ-Алея, внука Ахматова и слѣдовательно родоваго врага Магметъ-Гирея, но воспитаннаго въ Москвѣ и преданнаго Василю, назначившаго его именно для того, чтобы Казань не была во власти Гиреевъ, какъ того желалъ Магметъ-Гирей. Выше изложено, какія были послѣдствія того: Магметъ-Гирей возбудилъ неудовольствіе и явное возстаніе казанцовъ противъ Шигъ-Алея, повелъ на казанскій престолъ брата своего, Саипъ-Гирея, и въ одно время съ нимъ, лѣтомъ 1521 г. совершилъ нашествіе на Москву, а потомъ на Астрахань, но былъ убитъ ногайскими князьями, которые преслѣдовали сыновей его въ Крымъ.

Избавившись отъ Магметъ-Гирея и имѣя въ астраханцахъ друзей, а не враговъ, Василій предпринялъ походъ противъ Казани. Лѣтомъ 1523 г. онъ самъ отправился въ Нижній Новгородъ, откуда послалъ Шигъ-Алея и князя Шуйскаго съ судовою ратью по Волгѣ, а князя Горбатаго съ конною сухимъ путемъ—къ Казани. Но походъ этотъ ограничился только разореніемъ казанскихъ земель по Волгѣ и заложениемъ при устьѣ р. Суры въ Волгу, въ казанскихъ владѣніяхъ, русскаго города, названнаго Васильсурскомъ, что было первымъ и очень важнымъ шагомъ къ совершенному покоренію Казани (вторымъ было при Іоаннѣ IV построение Свѣяжска).

Но главныя дѣйствія противъ Казани были назначены и произведены въ слѣдующемъ 1524 г. Лѣтомъ этого года многочисленное войско, числомъ до 150 т. чел. или и болѣе, подъ главнымъ начальствомъ князя Ивана Бѣльскаго, отправилось изъ Нижняго-Новгорода, частію на судахъ и частію сухимъ путемъ. Судовою (пѣшею) ратью начальствовали князья: Бѣльскій, Горбатый и Курбскій, Захарынь, Ляцкій и др., а конною—Хабаръ-Симскій съ товарищами; князь Палецкій везъ на судахъ по Волгѣ сильный огнестрѣльный нарядъ и продовольственные запасы. Устрашенный Саипъ-Гирей бѣжалъ въ Крымъ, оставивъ въ Казани 13-ти-лѣтняго племянника своего, Сафа-Гирея, и обѣщавъ воротиться—съ турецкимъ войскомъ! Казанцы, объявивъ Сафа-Гирея своимъ царемъ, вмѣстѣ съ черемисами и чувашами приготовились къ упорной оборонѣ.

7-го іюня Бѣльскій съ судовою ратью впесядился и расположился станомъ у Гостиннаго острова, въ виду Казани, и 20 дней ждалъ прибытія конной рати. Въ это время загорѣлась стѣна казанской деревянной крѣпости, но московская рать не тронулась съ мѣста, ни для того, чтобы воспользовавшись пожаромъ, овладѣть крѣпостью, ни потомъ для того, чтобы не дать казанцамъ построить новую

стѣну. 28 іюля Бѣльскій только перенесъ станъ на берегъ рѣчки Казанки. Сафа-Гирей, стоявшій недалеко отъ этого стана, нѣсколь-ко разъ пытался тревожить его пѣшими черемисами, но напрасно. А между тѣмъ ни конная рать, ни суда съ нарядомъ и продоволь-ствиемъ не приходили; черемисы разорили окрестности русскаго стана и отрѣзали ему всѣ сообщенія, такъ что даже невозможно было дать знать въ Нижній Новгородъ или Москву о положеніи русскаго войска. Въ станѣ его начался голодъ и распространились уныніе и упадокъ духа, обратившіеся въ страхъ при вѣсти, будто конная рать была разбита казанцами. Но это былъ ложный слухъ: скоро узнали, что пораженіе потерпѣлъ только одинъ небольшой конный отрядъ, главная же конная рать, подъ начальствомъ Симскаго, на-противъ, два раза разбила казанцовъ на р. Свіягѣ. Но судовая рать Палецкаго нашла, что черемисы завалили камнями и деревьями узкія мѣста между островами, съ берега производили сильную стрѣль-бу изъ луковъ и бросали бревна, такъ что Палецкій былъ прину-жденъ бросить въ воду много тяжелыхъ орудій и другихъ тяжестей, потерялъ много судовъ, людей, оружія, припасовъ и пр., и только съ немногими судами успѣлъ пробиться и прибыть къ Бѣльскому. Однако, не смотря на всѣ эти несчастія, когда наконецъ прибыла конная рать, Бѣльскій 15 августа обложилъ Казань. Между тѣмъ какъ русская конница удерживала казанскую, осадныя машины были придвинуты къ городскимъ стѣнамъ и открыли свое дѣйствіе по нимъ. Осажденные отстрѣльвались изъ пушекъ, но вскорѣ един-ственный пушечный мастеръ ихъ былъ убитъ—и это заставило ихъ просить мира, съ обязательствомъ отправить въ Москву пословъ съ изъявленіемъ покорности. Бѣльскій былъ радъ этому и снялъ оса-ду, потому что войска его изнемогали отъ голода. Казанцы отпра-вили въ Москву пословъ, но просили утвердить царемъ ихъ Сафа-Гирея. Василій согласился, хотя и противъ воли и примыхъ вы-годъ своихъ.

Такой жалкій пеходъ похода, предпринятаго съ такимъ многочис-леннымъ войскомъ, съ такими надеждами на вѣрный успѣхъ, по ни-мало не оправдавшій общихъ ожиданій, кончившійся полною неуда-чей, стоявшій большихъ потерь и едва не погубившій совершенно-всего войска, возбудилъ всеобщее неудовольствіе противъ Бѣль-скаго. Его обвиняли не только въ неискуствѣ, малодушіи и робос-ти, но даже и въ измѣнѣ, подозрѣвая его въ томъ, что онъ, будто бы, былъ подкупленъ казанцами. Но эти обвиненія были несправед-ливы: Бѣльскаго можно было обвинять въ томъ, что онъ напрасно потерялъ много времени у Гостипнаго острова, не воспользовался пожаромъ въ казанской крѣпости, не помѣшалъ казанцамъ постро-

ить новую стѣну и главное, доведя осаду Казани почти до конца, снялъ ее потому только, что казанцы коварно просили мира, а войско его терпѣло голодъ (хотя, взявъ Казань, могло бы утолить его приобрѣтеніемъ въ ней продовольствія). Но съ другой стороны Бѣльскаго оправдывало нѣкоторымъ образомъ то, что безъ конницы, наряда и продовольствія онъ не могъ ничего предпринять съ одною судовою (пѣшею) ратью противъ казанской конницы и черемисъ, окружившихъ его со всѣхъ сторонъ. Предъидущіе и послѣдующіе примѣры дѣйствій русскихъ войскъ противъ Казани (особенно походъ Іоанна IV въ 1552 году, см. ниже) достаточно свидѣтельствуютъ, что въ этихъ дѣйствіяхъ необходимо было, осаждая пѣхотой съ нарядомъ Казань, конницею прикрывать осаду съ поля, удерживая и отражая въ немъ казанскую конницу.

Четыре года послѣ того о казанскихъ дѣлахъ не имѣется извѣстій. Въ 1529 г. Сафа-Гирей прислалъ въ Москву пословъ объявить, что хочетъ принести присягу въ вѣрности Василию. Послѣдній, повѣривъ этому, отправилъ въ Казань посла Пильмова привестъ Сафа-Гирея къ присягѣ, а для наблюденія за исполненіемъ этого — князя Палецкаго, вслѣдъ за Пильмовымъ. Но едва пріѣхавъ въ Нижній Новгородъ, Палецкій узналъ, что коварный Сафа-Гирей уже нарушилъ клятву, сильно оскорбивъ Пильмова. Поэтому снова нужно было прибѣгнуть къ оружію — и лѣтомъ 1530 года къ Казани были посланы сильныя рати, судовая — подъ начальствомъ, по прежнему, Бѣльскаго, а конная — знаменитаго Михаила Глинскаго, освобожденнаго передъ тѣмъ изъ заточенія; передовымъ полкомъ начальствовалъ князь Оболенскій-Овчина.

Сафа-Гирей призвалъ черемисовъ и 30 т. ногаевъ и приготовился къ упорной оборонѣ: укрѣпилъ предмѣстія Казани, отъ Булака Арскимъ полемъ до р. Казанки, деревяннымъ острогомъ съ широкимъ и глубокимъ рвомъ, а самъ съ конницей отступалъ передъ русскою конною ратью къ Казани съ боемъ, упорно защищаясь на каждомъ шагу и часто нападая на русскую конницу. Однако послѣдняя отразила всѣ его нападенія, принудила его отступить къ Казани и, переправясь черезъ Волгу, на луговой сторонѣ ея соединилась съ высадившеюся судовою ратью. Тогда подъ Казанью начались ежедневныя, жаркія и кровопролитныя сшибки. Казанцы храбро сражались днемъ, но были оплошны ночью. Пользуясь этимъ, охотники передоваго полка Оболенскаго ночью на 10-е іюля подкрались къ острогу и зажгли деревянную стѣну его. Русскія войска бросились на приступъ, ворвались въ острогъ, взяли предмѣстіе, разорили и сожгли его, истребили множество казанцовъ и стали при-

ступать къ самому городу. Стогло только поддержать ихъ, продолжать приступъ со всею силой — и Казань была бы взята. Сафа-Гирей ушелъ изъ нея въ Арскій городокъ, преслѣдуемый только легкимъ отрядомъ, но безпорядокъ въ начальствованіи русскими войсками снова не допустилъ сразу порѣшить съ Казанью. Русскіе воеводы съ главными силами стояли неподвижно на мѣстѣ и притомъ такъ оплошно, что черемисы въ тылу ихъ успѣли захватить войсковою обозъ, 70 пушекъ, запасъ пороха и ядеръ, и убили многихъ воеводъ и ратниковъ. Черемисовъ прогнали и снова произвели приступъ къ городу, которымъ легко было овладѣть, потому что въ немъ было едва 12 т. вооруженныхъ людей. Но казанцы снова выслали просить мира, обѣщаясь покориться Василию — и снова Бѣльскій согласился и, взявъ съ нихъ присягу въ покорности и вѣрности великому князю, снялъ осаду, отступилъ и вмѣстѣ съ казанскими послами и войскомъ возвратился въ Москву.

Такой вторичный жалкій исходъ похода противъ Казани и особенно осады ея, въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ объясняется (не вполне ясно и опредѣлительно) будто бы тѣмъ, что хотя по взятіи острога городъ и крѣпость его часа три были безъ людей, которые всѣ бѣжали, оставивъ всѣ ворота отворенными, но въ это самое время Бѣльскій и Глинскій завели споръ о мѣстахъ—кому первому въѣхать въ городъ, а между тѣмъ пошелъ проливной дождь, испугавшись котораго, пѣшіе ратники и стрѣльцы, привезшіе въ городу на повозкахъ нарядъ, бросили его и убѣжали, а казанцы, воротясь, захватили его.

Какъ бы то ни было, несомнѣннымъ кажется то, что русскія войска дѣло свое дѣлали хорошо, но русскіе воеводы очень плохо: начавъ удачно, кончили неискусно и неудачно, изъ-за недостатка согласія и единства между собою упустивъ прекрасный случай въ этомъ же году овладѣть Казанью.

Это было тѣмъ прискорбнѣе, что Сафа-Гирей, воротясь въ Казань, не иначе хотѣлъ присягнуть Василию, возвратить взятыхъ русскихъ плѣнныхъ, пушки и пр., какъ по возвращеніи Василиемъ казанскихъ пословъ, плѣнниковъ, пушекъ, пищалей и пр., взятыхъ у казанцовъ. Прошедшіе вслѣдствіе того переговоры съ казанскими послами въ Москвѣ и съ казанскими вельможами въ Казани кончились тѣмъ, что враги Сафа-Гирей и приверженцы Василия изгнали перваго изъ Казани, вмѣстѣ со всѣми крымцами и ногаями, и просили Василия дать имъ въ цари не Шигъ-Алея, котораго не любили и боялись, а младшаго брата его, Еналея, владѣвшаго мещерскимъ городкомъ. Василий согласился и отпустилъ Еналея въ Казань, а Шигъ-Алею далъ Каширу и Серпуховъ. Еналей и съ

нимъ вся казанская земля присягнули на вѣрность Василию и прибывали вѣрнымъ ему. Шигъ-Алей же, недовольный, сталъ пересылаться съ Казанью и за то былъ сосланъ въ заточеніе на Бѣлоозеро.

Тѣмъ, за три года до смерти Василія, до времени кончились казанскія дѣла и походы противъ Казани, которые, какъ видно, легко могли бы повести къ совершенному покоренію Казани, еслибы Василій дѣйствовалъ съ большими твердостью и настойчивостью, а воеводы его съ большимъ искусствомъ.

ГЛАВА XXIV.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШІЯ ВОЙНЫ И ПОХОДЫ.

(Продолженіе)

III. РУССКІЯ ВОЙНЫ ПРИ ІОАННѢ IV (1533—1583). — § 188. Война съ Казанью (1550—1552). — § 189. Осада и взятіе Казани (1552). — § 190. Война съ Астраханью и Крымомъ и покореніе Астрахани (1554). — § 191. Война съ Швеціей и ливонскимъ орденомъ (1554—1561). — § 192. Война съ Польшей и Швеціей (1563—1582). — § 193. Осада Пскова Стефаномъ Баторіемъ (1581). — § 194. Завоеваніе Сибири (1558—1583).

III.

Русскія войны при ІоаннѢ IV (1533—1583).

§ 188.

Война съ Казанью (1550—1552).

По смерти Василія III (1533) и до совершеннolѣтія 3-хъ-лѣтняго сына его отъ втораго брака съ Еленой Глинской, Іоанна IV, государствомъ правили: 4 года до 1538 г. — мать его, а по смерти ея—около 10 лѣтъ боярская дума.

Елена, во время своего правленія, слѣдовала внѣшней политикѣ Василія III: продолжала войну съ Сигизмундомъ, по прежнему хотѣвшимъ возвратить себѣ завоеванныя Іоанномъ III и Василіемъ III области, и наконецъ принудила его заключить на 5 лѣтъ

перемиріе, уступивъ Гомель и удержавъ новыя крѣпости Себежь и Заволочье. Въ отношеніи къ Крыму она соблюдала твердую политику, не страшась угрозъ хана, а въ отношеніи къ Казани употребляла всѣ усилія для утвержденія въ ней русской власти, когда казанскіе мурзы, умертвивъ Еналея и снова призвавъ Сафа-гирея, хотѣли избавиться отъ русской зависимости. Въ то же время Елена скрѣпляла дружественные союзы съ императоромъ Карломъ V, съ шведскимъ королемъ Густавомъ Вазой, съ господаремъ Молдавіи и съ турецкимъ султаномъ Сулейманомъ II.

Во время боярскаго правленія, распри между боярами имѣли совершенно противоположныя, вредныя для государства послѣдствія въ отношеніи къ внѣшнимъ дѣламъ. Бояре не могли уже съ успѣхомъ поддерживать внѣшней политики Іоанна III и Василя III, боялись Крыма, утратили вліяніе на Казань и равнодушно смотрѣли на усиливавшееся господство поляковъ въ Литвѣ.

Краткій очеркъ военныхъ дѣйствій русскихъ войскъ противъ Литвы, Крыма и Казани въ 14 лѣтъ правленія Елены и бояръ будетъ приведенъ ниже при особомъ изложеніи каждой изъ войнъ при Іоаннѣ IV съ Литвою и Польшей, съ Крымомъ и съ Казанью. Изъ нихъ, по особенной важности для русскаго государства, прежде всѣхъ слѣдуетъ изобразить войну съ Казанью, кончившуюся, наконецъ, покореніемъ ея, а вслѣдъ затѣмъ и Астрахани.

Междуусобія въ Крыму кончились по смерти Василя III единовластіемъ Саипъ-Гирея, а съ тѣмъ вмѣстѣ возобновились и вмѣшательства его въ дѣла Казани, съ прежнею цѣлію поставить всѣ три татарскія царства: крымское, казанское и астраханское подъ власть Гиреевъ. Въ Казани, вслѣдствіе перемѣны хановъ и вліяній, то русскаго, то крымскаго, уже давно образовались двѣ противныя стороны — русская и крымская, пользовавшіяся каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы низложить одна другую. Во время войны съ Литвою при Еленѣ, осенью 1535 г. крымская сторона составила заговоръ, вслѣдствіе котораго присяжники Василя III Еналей былъ убитъ и царемъ казанскимъ превозглашенъ Сафа-Гирей. Русская сторона отправила въ Москву пословъ съ просьбой объ освобожденіи Шигъ-Алея, заточеннаго на Бѣлоозерѣ, и назначеніи его царемъ въ Казань. Елена освободила Шигъ-Алея и съ почетомъ приняла его въ Москвѣ, а между тѣмъ уже началась война съ Сафа-Гиреемъ. Посланные противъ него московскіе воеводы князь Гундоровъ и Замыцкій дѣйствовали плохо и бѣжали малодушно. Казанцы успѣли сжечь селенія около Нижняго-Новгорода, но были отражены отъ Балахны и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Послѣ того они вторглись въ ростромскую область, разбили и убили въ ней

воеводу князя Засѣкина, который ударилъ на нихъ, не собравъ всѣхъ своихъ войскъ, но, по приближеніи московскихъ воеводъ съ главными силами, удалились.

Въ январѣ 1537 г. московскія войска были двинуты во Владиміръ и Мещеру, дабы оттуда идти къ Казани, а Сафа-Гирей подступилъ къ Мурому, взять его не могъ, только сжегъ посады его и, при движеніи противъ него московскихъ войскъ отъ Владимира и Мещеры, ушелъ. Угрозы Саипъ-Гирея заставили однако отмѣнить походъ противъ Казани: Саипъ-Гирей требовалъ мира Москвы съ Казанью, какъ непремѣннаго условія мира съ Крымомъ. Но между тѣмъ какъ шли переговоры о томъ, казанцы, надѣясь на поддержку Крыма, стали разорять московскія пограничныя области. Въ 1539 они подходили къ Мурому и Костромѣ, въ упорномъ бою ниже Костромы разбили московскія войска и убили 4-хъ воеводъ, но потомъ сами были разбиты Шигъ-Алеемъ и княземъ Мстиславскимъ и принуждены бѣжать. Послѣ того Саипъ-Гирей хотѣлъ, чтобы Сафа-Гирей въ одно время съ нимъ напалъ на московскія области. Но какъ крымцамъ было удобнѣе идти въ походъ лѣтомъ, а казанцамъ, напротивъ, зимою, то Сафа-Гирей съ казанцами, крымцами и ногаями въ декабрѣ 1540 г. вторгнулся въ нижегородскую область и напалъ на Муромъ и Кострому, но, разбитый при послѣдней Шигъ-Алеемъ, отступилъ и отъ осажденнаго имъ Мурома и ушелъ назадъ.

Въ 1541 г. московская сторона въ Казани просила Іоанна IV прислать своихъ воеводъ къ этому городу. Вслѣдствіе того, бояринъ князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій, съ другими воеводами и многими дворцовыми и городовыми изъ 17 городовъ ратными людьми, былъ посланъ во Владиміръ, для наблюденія за ходомъ дѣлъ въ Казани и сношеній съ недовольными въ ней. Въ то же время были посланы войска въ Коломну и на Оку, для охраненія южныхъ границъ со стороны Крыма. Саипъ-Гирей двинулся къ нимъ со всею своею ордою, ногаями, казанцами, астраханцами, азовцами, бѣлгородцами (акерманцами) и даже съ турецкими войсками (первые упоминаемыми, при этомъ случаѣ, въ войнѣ противъ Москвы), при которыхъ были пушки и пищали. Высланная въ поле пограничная станица донесла, что напала на сакмы (слѣды) многочисленнаго войска—тысячъ до 100 и больше. Тогда къ Серпухову, Тулѣ, Калугѣ и Рязани были посланы многочисленныя войска подъ предводительствомъ боярина князя Димитрія Бѣльскаго, съ приказаніемъ стать вмѣстѣ съ коломенскими воеводами вдоль лѣваго берега Оки, по обыкновенію. Князю Булгакову-Голицыну, съ однимъ изъ татарскихъ царевичей, велѣно было стать на р. Пахрѣ, а Шигъ-

Алею изъ Касимова и воеводамъ изъ Костромы идти къ Владимиру, въ помощь Шуйскому. 28 июля Саипъ-Гирей подошелъ къ городу Осетру, гдѣ въ посадахъ воевода Глѣбовъ сражался съ крымцами и многихъ убилъ и взялъ въ плѣнъ. Тогда Булгаковъ былъ передвинутъ съ Пахры на Оку, а на его мѣсто были посланы другіе воеводы. Между тѣмъ боярская дума рѣшила 11-лѣтнему Іоанну оставаться въ Москвѣ, которую привести въ сильное оборонительное положеніе, а воеводамъ на Окѣ приказала твердо держаться на ней, безъ всякой розни между собою.

30 іюля Саипъ-Гирей подступилъ къ правому берегу Оки и сталъ готовиться къ переправѣ черезъ нее. Передовой русскій полкъ, подъ начальствомъ князя Турунтая-Пронскаго, открылъ перестрѣлку съ крымцами, а Саипъ-Гирей велѣлъ туркамъ открыть огонь изъ пушекъ и пищалей. Полкъ Пронскаго пришелъ-было въ замѣшательство, но въ помощь ему стали подходить, одинъ за другимъ, князья: Микулинскій, Серебряный-Оболенскій, Курбскій, Шуйскій и наконецъ Бѣльскій. Саипъ-Гирей, увѣренный, что всѣ московскія силы пошли къ Казани, но вмѣсто того увидавъ противъ себя такое многочисленное русское войско, въ раздумѣ удалился въ станъ, а когда узналъ, что къ русскимъ прибыли и пушки, то поспѣшно пошелъ назадъ тѣмъ же путемъ, которымъ пришелъ, истребивъ часть своихъ обозовъ и бросивъ другую съ турецкими пушками. Микулинскій и Оболенскій преслѣдовали его и многихъ отсталыхъ убили или взяли въ плѣнъ. Саипъ-Гирей, въ досадѣ, чтобъ не уйти даромъ, 3 августа подступилъ къ Пронску, потребовалъ сдачи и, получивъ отъ воеводъ Жулебина и Кобякова отказъ, сталъ готовиться въ осадѣ, а воеводы и граждане къ оборонѣ. Но, узнавъ о приближеніи Микулинскаго и Оболенскаго, Саипъ-Гирей поспѣшно ушелъ къ Дону. Воеводы двинулись за нимъ, но на Дону найдя, что Саипъ уже переправился черезъ него, послали за нимъ только наблюдательный отрядъ, а сами воротились.

Весною 1542 г. старшій сынъ Саипа Иминъ-Гирей напалъ на сѣверскую область, но былъ разбитъ воеводами. Въ августѣ того же года крымцы явились въ рязанской области, но, встрѣтивъ полки князя Пронскаго, бѣжали и были преслѣдованы воеводами изъ разныхъ украинскихъ городовъ до р. Красивой Мечи, причемъ на Куликовомъ полѣ русскіе передовые отряды разбили задніе крымскіе.

Но въ 1544 г. Иминъ-Гирей имѣлъ болѣе удачи въ нападеніи на бѣлевскія и одоевскія земли, изъ которыхъ успѣлъ уйти съ множествомъ плѣнныхъ, потому что воеводы князья: Щенятевъ, Шкур-

лятевъ и Воротынскій перессорились за мѣста и не пошли противъ него.

Послѣ того въ Москвѣ рѣшено было прервать всякія сношенія съ Крымомъ и во что ни стало бы покончить съ Казанью. Здѣсь, послѣ неудачнаго похода Сайпа, хотѣли мира съ Москвой. Но какія были послѣдствія—никакихъ извѣстій не имѣется до самой весны 1545 г., когда, неизвѣстно по какому поволу, въ апрѣлѣ былъ объявленъ походъ къ Казани, куда и отправились воеводы: князья Пунковъ и Палецкій и бояринъ Шереметевъ — на судахъ по Волгѣ, на легкѣ, князь Серебряный—изъ Вятки Вяткою и Камою, и Львовъ—изъ Перми также на судахъ Камою. Серебряный на пути истребилъ много неприятелей, прибылъ къ Казани въ одно время съ Пунковымъ и вмѣстѣ съ нимъ истребилъ много казанцовъ подъ Казанью и на р. Свигѣ, послѣ чего воеводы воротились назадъ. Но Львовъ, приплывшій къ Казани послѣ нихъ, былъ окруженъ, разбитъ и убитъ. Этотъ неважный походъ имѣлъ однако то хорошее послѣдствіе, что Сафа-Гирей началъ подозрѣвать своихъ князей въ измѣнѣ и убивать ихъ, а другіе разбѣхались и послали въ Москву просить присылки къ Казани войска, обѣщаясь выдать Сафа-Гирея.

Въ декабрѣ 1545 г. самъ Іоаннъ (15-ти лѣтъ) отправился во Владиміръ, чтобы быть ближе къ Казани, откуда 17 января 1546 г. ему дали знать, что Сафа-Гирей изгнанъ, и просили прислать Шигъ-Алея. Въ іюнѣ князь Бѣльскій ввелъ Шигъ-Алея въ Казань, но едва успѣлъ воротиться, какъ казанцы изгнали Шигъ-Алея и снова признали Сафа-Гирея. Крымская сторона одолѣла, а московская, равно какъ и черемисы, просили Іоанна прислать къ Казани войско.

Вслѣдствіе того, въ декабрѣ 1547 г. Іоаннъ, уже достигшій совершеннолѣтія (17 лѣтъ) и вѣнчавшійся въ Москвѣ царемъ, самъ выступилъ въ походъ противъ Казани, сначала во Владиміръ, куда въ январѣ 1547 г. привезли изъ Москвы (съ большимъ трудомъ, потому что зима была теплая и шли дожди) большія пушки. Въ февралѣ Іоаннъ отплылъ изъ Нижняго Новгорода по Волгѣ и когда остановился на островѣ Роботкѣ, то наступила такая оттепель, что ледъ на Волгѣ покрылся водою и много пушекъ, лищелей и людей потонуло. Простоявъ на островѣ Роботкѣ три дня, ожидая, но не дождавшись лучшей погоды, Іоаннъ послалъ князя Дмитрія Бѣльскаго къ Казани съ войскомъ и приказаніемъ соединиться съ Шигъ-Алеемъ при устьѣ р. Цивили въ Волгу, а самъ воротился въ Москву, въ сильномъ огорченіи, что не могъ совершить похода.

Бѣльскій, соединясь съ Шигъ-Алеемъ, подступилъ съ нимъ къ

Казани, на Арскомъ полѣ встрѣтилъ вышедшаго на встрѣчу имъ Сафа-Гирея и опрокинулъ его обратно въ Казань передовымъ полкомъ князя Микулинскаго. Но затѣмъ, простоявъ 7 дней подъ Казанью, только разоряя окрестности, воеводы воротились назадъ, не совершивъ ничего болѣе. Казанцы же, въ отмщеніе, осенью напали на галичскую область, но были разбиты на рѣчкѣ Еловгѣ, на Гусевѣ полѣ, костромскимъ намѣстникомъ Яковлевымъ.

Медленность и вялость веденія до сихъ поръ войны противъ Казани, происходившая отъ страха передъ крымскимъ ханомъ, были причиной страшнаго разоренія восточныхъ пограничныхъ областей казанцами. Но смерть Сафа-Гирея въ февралѣ 1549 г. дала дѣламъ выгодный для Москвы оборотъ, разстроивъ крымскую сторону и усиливъ рознь и смуты — въ Казани. Крымцы и казанскіе единомышленники ихъ провозгласили царемъ 2-хъ-лѣтняго сына Сафа-Гирея, Утемышы, въ то самое время, когда въ Москвѣ былъ уже совершеннолѣтній царь, самъ правившій государствомъ и положившій (по совѣту Адашева) рѣшительно дѣйствовать наконецъ противъ Казани. Онъ велѣлъ собраться полкамъ: передовому—въ Шуѣ и Муромѣ, большому—въ Суздальѣ, правой руки—въ Костромѣ, лѣвой—въ Ярославлѣ, сторожевому — въ Юрьевѣ. Казанцы, сознавая опасность, послали въ Крымъ просить помощи, но московскіе казаки перехватили и убили пословъ ихъ, а ярлыки ихъ переслали въ Москву. Въ июлѣ казанцы прислали въ Москву просить мира, и Іоаннъ потребовалъ, чтобы они прислали пословъ для переговоровъ о немъ. Но послы не явились, и 24 ноября 1549 г. Іоаннъ, съ братомъ Юріемъ, выступилъ въ походъ, а охранять Москву поручилъ двоюродному брату своему Владимиру Андреевичу. Во Владимірѣ онъ сдѣлалъ всѣ распоряженія къ походу и даже вызвалъ изъ Москвы митрополита Макарія нарочно для того, чтобы онъ увѣщаль воеводъ—во время похода не считаться мѣстами. Въ Нижнемъ-Новгородѣ все войско соединилось и, подъ главнымъ начальствомъ князя Димитрія Бѣльскаго, направилось къ Казани въ сильные морозы, отъ которыхъ много пострадало. Къ Казани Іоаннъ подступилъ 14 февраля 1550 г. съ войскомъ въ числѣ около 60 т. чел., которое обложило городъ, открыло по немъ огонь и произвело приступъ. Но онъ не удался, стоивъ только большой потери въ людяхъ съ обѣихъ сторонъ. Вслѣдъ затѣмъ наступила оттепель съ сильными дождями и вѣтрами, рѣчки вскрылись, дороги испортились, подвозы прекратились, въ продовольствіи оказался недостатокъ, войску угрожалъ голодъ. Іоаннъ, простоявъ 11 дней подъ Казанью, вторично былъ принужденъ идти назадъ безъ всякаго успѣха. Отправивъ впередъ большой полкъ съ тяжелыми пушками, онъ самъ

шелъ за нимъ съ конницей, удерживалъ напоръ казанцовъ, отражалъ ихъ нападенія и не терялъ бодрости. По примѣру отца своего, онъ заложилъ при устьѣ р. Свияги городъ, названный Свияжскомъ, который приказалъ укрѣпить и занять Шигъ-Алею съ русскими войсками и казанскими выходцами, и 25 марта воротился въ Москву.

Заложение Свияжска въ землѣ горныхъ черемисовъ имѣло слѣдствіемъ то, что они, равно чуваша и мордва, добровольно подчинились и присягнули Іоанну. А это повело за собою усиленіе московской стороны въ Казани и бѣгство изъ послѣдней крымцовъ. Казанцы просили Іоанна дать имъ въ царя Шигъ-Алея, а Іоаннъ потребовалъ, чтобы они выдали Утемыша, мать его Сююнбеку и всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, Шигъ-Алею же объявилъ, что жалуетъ ему казанское царство съ Луговою и Арскою сторонами, но Горную оставляетъ за собою при Свияжскѣ. Шигъ-Алей оскорбился этимъ, однако въ августѣ былъ введенъ Адашевымъ въ Казань (и съ нимъ 500 русскихъ стрѣльцовъ подъ начальствомъ Хабарова), освободилъ 60 т. русскихъ плѣнниковъ (но сверхъ того осталось еще много другихъ) и просилъ отдать ему Горную сторону. Но Іоаннъ требовалъ освобожденія всѣхъ остальныхъ русскихъ плѣнниковъ, въ возвращеніи же Горной стороны отказалъ. Вскорѣ Шигъ-Алей возбудилъ противъ себя такое неудовольствіе казанцовъ, что многіе изъ нихъ начали сноситься съ ногаями, а онъ, узнавъ о томъ, умертвилъ на пиру у себя 70 заговорщиковъ, чѣмъ еще болѣе озлобилъ казанцовъ, которые жаловались на него, а онъ на нихъ Іоанну. Словомъ, въ Казани была такая неурядица, что, по совѣту Адашева, Іоаннъ положилъ Шигъ-Алея отправить въ Москву, а въ Казань ввести русское войско изъ Свияжска и привести казанцовъ въ подданство. Вслѣдствіе того, Шигъ-Алей выѣхалъ изъ Казани съ 500 стрѣльцами Хабарова, а Микулинскій, Шереметевъ, Серебряный и Ромодановскій двинулись съ войсками изъ Свияжска къ Казани. Но когда они подступили къ ней, казанцы, возмущенные тремя князьями своими, отказались впустить русскія войска и положили обороняться до послѣдней крайности, и воеводы были принуждены 12 марта 1552 г. воротиться въ Свияжскъ.

Іоаннъ, узнавъ объ этомъ 24 марта, немедленно послалъ въ Свияжскъ на помощь воеводамъ шурина своего (брата царицы Анастасіи) Данила Романовича Захарьина - Юрьева, а Шигъ-Алею велѣлъ ѣхать въ свой городъ Касимовъ. Въ апрѣлѣ онъ созвалъ большую думу, для совѣщанія, какъ поступить съ Казанью. Въ думѣ совѣтовали послать къ ней воеводу, Іоанну же остаться въ Москвѣ, потому что слѣдовало ожидать войны не съ одною Казанью, но и съ ногаями (къ которымъ казанцы послали просить царя) и съ

Крымомъ. Но Іоаннъ, перазъ убѣдясь въ нерѣшительности походовъ воеводъ, объявилъ (по совѣту Адашева), что самъ непременно отправится въ походъ. Вслѣдствіе того, рѣшено было послать впередъ водою судовую рать съ большимъ снарядомъ и запасами для царя и войска, а самому Іоанну въ свое время идти съ войскомъ сухимъ путемъ.

Въ томъ же мѣсяцѣ (апрѣлѣ) изъ Свіязска отъ воеводъ было получено извѣстіе, что горные черемисы были въ волненіи и сношеніи съ казанцами, а въ русскихъ войскахъ открылась сильная цынга. Іоаннъ велѣлъ князьямъ Горбатову и Шуйскому немедленно идти съ войсками къ Свіязску. Прибывъ туда, они увѣдомили, что черемисы измѣнили, отложились, вмѣстѣ съ казанцами подступали къ Свіязску и разбили высланныхъ противъ нихъ казаковъ; что казанцы перебили казаковъ, ѣхавшихъ изъ Камы къ Свіязску, и прежде высланныхъ въ Казань съ воеводскими обозами боярскихъ дѣтей и получили уже отъ ногаевъ царя—астраханскаго царевича Едигера-Магмета, и наконецъ, что въ русскихъ войскахъ была большая смертность отъ цынги. Шигъ-Алей совѣтовалъ не ходить въ походъ до зимы, потому что лѣтомъ должно было ожидать прихода другихъ враговъ, казанская же земля была покрыта лѣсами, озерами и болотами и удобнѣе для войны зимою. Но Іоаннъ положилъ совершить походъ лѣтомъ, а не зимою, велѣлъ войскамъ собираться изъ дальнихъ мѣстъ къ Коломнѣ и Каширѣ, а изъ ближнихъ къ Мурому, и 16 іюня выступилъ изъ Москвы къ Коломнѣ. На пути туда онъ получилъ извѣстіе, что къ южнымъ границамъ шли крымцы, и велѣлъ большому полку стать у Колычева, передовому у Ростиславля, а лѣвому у Голутвина монастыря. 21 іюля онъ получилъ новое извѣстіе, что къ Тулѣ пришелъ, какъ видно, крымскій царевичъ съ небольшимъ числомъ войскъ. Іоаннъ тотчасъ послалъ къ Тулѣ князей Щенятева, Курбскаго, Пронскаго, Хилкова и Воротынскаго съ ихъ войсками и самъ собирался идти встѣдъ за ними. На другой день, 22 іюня пришло извѣстіе, что къ Тулѣ приходило не болѣе 7 т. крымцовъ, которые вскорѣ ушли, но 23 іюня получено новое извѣстіе, что къ Тулѣ приступилъ самъ крымскій ханъ Девлетъ-Гирей (племянникъ и преемникъ Саипа) съ большимъ снарядомъ и съ турецкими янычарами. Іоаннъ велѣлъ воеводамъ тотчасъ переправляться за Оку въ Каширѣ, куда и самъ отправился. Но тутъ онъ получилъ извѣстіе, что Девлетъ-Гирей 22 іюня открылъ противъ Тулы сильный огонь огненными (калеными) ядрами и, когда въ городѣ произошли пожары, двинулъ на приступъ янычаровъ, однако тульскій воевода Темкинъ отбилъ приступъ, хотя имѣлъ мало войскъ, а на другое утро ханъ, узнавъ о движеніи Іоанна къ Тулѣ,

*

бѣжалъ, бросая все, а Темкинъ съ войсками и гражданами бросаясь за нимъ и многихъ крымцовъ убилъ; черезъ 3 часа прибыли къ Тулѣ воеводы, погнались за крымцами, разбили ихъ на рѣчкѣ Шиверони, освободили русскихъ плѣнниковъ и взяли у крымцовъ много повозокъ и верблюдовъ. Послѣ того ханъ, полагавшій, что Іоаннъ со всѣми своими силами двинулся къ Казани, но обманувшійся, поспѣшно ушелъ назадъ въ Крымъ. Тогда Іоаннъ воротился въ Коломну и сталъ совѣтоваться съ боярами и воеводами, какъ идти къ Казани? Положили идти двумя путями: самому Іоанну съ царскою дружиною и полками лѣвой руки и сторожевымъ — на Владимірѣ и Муромѣ, а князьямъ Мстиславскому и Веротынскому съ полками: большимъ и правой руки—на Рязань и Мещеру, чтобы прикрыть движеніе Іоанна справа отъ ногаевъ и потомъ соединиться съ нимъ за Алатыремъ. При этомъ сдѣлано было распоряженіе, чтобы 1) князя Горбатый и Шуйскій съ передовымъ полкомъ шли въ Нижній Новгородъ, 2) Михаилъ Глинскій расположился станомъ на берегахъ Камы съ боярскими дѣтьми, стрѣльцами, казаками, устюжанами и вятчанами, 3) свѣжскіе воеводы ванили легкими отрядами перевозки на Волгѣ и 4) бояринъ Морозовъ везъ по Волгѣ тяжелый снарядъ.

3 іюля Іоаннъ выступилъ изъ Коломны съ двоюроднымъ братомъ своимъ, княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, и во Владимірѣ получилъ изъ Свѣжска извѣстіе, что цыгга въ войскахъ прекратилась, а въ Муромѣ—что Микулинскій и Даніилъ Романовичъ разбили горныхъ черемисовъ и они снова присягнули на подданство. 20 іюля Іоаннъ выступилъ изъ Мурома и шелъ то частымъ лѣсомъ, то открытымъ полемъ, и войско вездѣ имѣло продовольствіе въ изобиліи. Черемисы и мордва сами отдавали себя въ волю Іоанна и привозили всякаго рода съѣстные припасы. На Сурѣ въ началѣ августа Іоаннъ узналъ, что уже веѣ горные черемисы присягнули на подданство, а за Сурю соединился съ воеводами, шедшими черезъ Рязань и Мещеру. Тогда войско продолжало идти въ слѣдующемъ походномъ порядкѣ: передовой полкъ, подъ начальствомъ князей Турунтая-Пронскаго и Хилкова, большой полкъ—князей Мстиславскаго и Михаила Веротынскаго, правой руки — князей Щенятева и Курбскаго, лѣвой—Микулинскаго и Плещеева, сторожевой—Серебрянаго и Семена Шереметева, царская дружина—князя Владиміра Веротынскаго и Ивана Шереметева. На походѣ Іоаннъ оказывалъ большую дѣятельность, осматривалъ полки, людей, лошадей, оружіе, велѣлъ росписать боярскихъ дѣтей на сотни и въ каждую назначилъ начальника изъ знатныхъ родомъ лицъ, послалъ ертоулъ впередъ наводить мосты, а князя Булгако-

ва съ стрѣльцами на судахъ къ Казани. Еще въ концѣ іюля онъ присоединилъ къ себѣ на походѣ князей касимовскихъ и темѣрговскаго съ ихъ дружинами, татарами и мордвою; 4-го августа на рѣчкѣ Беѣ къ нему присоединились воеводы и войска свѣяжскіе, съ казаками, горными черемисами и чувашами, всего до 20 т. чел. 13-го августа Іоаннъ и все войско прибыли въ Свѣяжскъ, куда въ то же время Волгой на судахъ прибылъ Шигъ-Алей съ судовою ратью, снарядомъ и большими военными и продовольственными запасами всякаго рода въ изобиліи. Подъ Свѣяжскомъ Іоаннъ, по совѣщаніи съ Шигъ-Алеемъ, князьями, боярами и воеводами, положилъ немедленно идти далѣе къ Казани, пославъ впередъ грамоты къ Едигеру, главному муллѣ и всѣмъ казанцамъ, чтобы они, не прибѣгая къ оружію, били челомъ Іоанну, который помилуетъ и пожалуетъ ихъ. 16-го августа войско стало уже переправляться за Волгу на луговую сторону и, не смотря на проливные дожди и испорченные ими и непріятелемъ дороги, бодро и терпѣливо шли къ Казани. 18-го августа самъ Іоаннъ переправился за Волгу, а 19-го августа все войско, силой до 150 т. чел., расположилось въ виду Казани на луговой сторонѣ Волги. Шигъ-Алей былъ посланъ на судахъ занять Гостинный островъ, а Морозовъ подвозилъ на судахъ тяжелый снарядъ и осадныя машины и орудія (рубленные башни, тараны и пр.). Отъ проливныхъ дождей рѣки и рѣчки выступили изъ береговъ и затопили низменные мѣста, а казанцы испортили всѣ мосты и гати, и надлежало исправлять ихъ и дороги. 20-го августа Іоаннъ переправился за рѣчку Казанку и получилъ дерзкій отвѣтъ отъ Едигера, заключавшій въ себѣ хулы на христіанство, Іоанна, Шигъ-Алея и явный вызовъ на брань. Въ то же время прибылъ бѣжавшій изъ Казани мурза Камай, который сообщилъ, что Едигерь и казанцы не только не хотятъ бить челомъ Іоанну, но положили обороняться до послѣдней крайности и скорѣе погибнуть, нежели покориться; что въ Казани было болѣе 30 т. вооруженныхъ казанцовъ, около 3 т. ногаевъ и большіе военные и продовольственные запасы, внѣ Казани же находился князь Япанча съ большимъ отрядомъ конницы, посланный въ Арскую засѣку вооружать всѣхъ сельскихъ жителей, безпрестанно тревожить русское войско и не пропускать его на Арское поле.

Тогда Іоаннъ созвалъ совѣтъ, на которомъ было положено: 1) самому Іоанну и князю Владиміру Андреевичу съ царскою дружиной стать на Царскомъ лугу, Шигъ-Алею—за Булакомъ, передовому и большому полкамъ и дружинѣ князя Владиміра Андреевича—на Арскомъ полѣ, полку правой руки съ казаками—за р. Казанвой, сторожевому—у устья Булака, а полку лѣвой руки—выше его; 2) приготовить по одному бревну на человѣка (для тына) и по одному

туру на 10 т. чел. и строго приказано. чтобы въ полкахъ безъ приказанія воеводъ, а въ цѣломъ войскѣ безъ царскаго повелѣнія никому не смѣть самовольно бросаться къ городу. 23-го августа рано утромъ всѣ полки стройно заняли назначенныя имъ мѣста, а Іоаннъ на Царскомъ дугу распустилъ свое великое царское знамя (или великую хоругвь, великій стягъ) съ шитымъ изображеніемъ Нерукотвореннаго Образа, осѣненное Животворящимъ Крестомъ, бывшимъ при Димитріѣ Донскомъ въ Куликовской битвѣ. Вокругъ этого знамени собралась вся царская дружина (дворъ, тѣлохранители, гвардія), бояре и воеводы, и бывшее въ войскѣ духовенство стало «служить молебствіе передъ бранью противъ супостатъ». Іоаннъ со слезами молился передъ знаменемъ, а по окончаніи молебствія произнесъ задушевную рѣчь къ войску, умиленно (по словамъ царственнаго лѣтописца) прося его «не жалѣть трудовъ, чтобы побѣдить Христоненавистныхъ агарянъ, и единодушно пострадать за благочестіе, за Св. Церковь, за Св. православную вѣру христіанскую, за единокордную братію.» Рѣчь его необыкновенно одушевила и тронула войско и всѣхъ чиновъ его, отъ высшихъ до низшихъ. Затѣмъ Іоаннъ сѣлъ на коня и, указывая на образъ на знамени, сказалъ, возвысивъ голосъ: «Владыко! о Твоемъ имени движемся!»—и двинулъ полки съ равнины къ стѣнамъ Казани на горѣ.

§ 189.

Осада и взятіе Казани (1552).

Казань была весьма сильна отъ природы—самымъ мѣстоположеніемъ своимъ—и укрѣпленіями. Участникъ осады и взятія ея, князь Андрей Курбскій (въ послѣдствіи выходець въ Литву) такъ описываетъ мѣстоположеніе ея въ своей Исторіи:

«Городъ Казань въ великой крѣпости стоитъ» (т. е. весьма крѣпкогъ мѣстностью), «съ востока» (должно быть—съ сѣвера) отъ него идетъ рѣка Казанка, а съ запада (съ юга) рѣчка Булакъ, очень тихая и непроходимая, течетъ подъ самымъ городомъ и впадаетъ подъ угольною башней въ Казанку; вытекаетъ она изъ немалаго озера Кабана, около полуверсты отъ города; лишь только переправиться черезъ эту рѣчку, то между озеромъ и городомъ съ Арскаго поля находится очень крутая и трудная для восхожденія гора; а отъ той рѣчки (Булака) около города выкопанъ очень глубокой ровъ даже до озера Поганаго (нынѣ не существуетъ), которое находится возлѣ самой Казанки; отъ Казанки гора такъ высока, что трудно для глазъ

взглянуть на нее; на этой-то горѣ стоитъ городъ, палаты царскія и 5 каменныхъ, очень высокихъ мечетей».

Этимъ ограничивается описаніе Курбскаго. Въ пополненіе и поясненіе его могутъ служить слѣдующія позднѣйшія свѣдѣнія:

При императрицѣ Екатеринѣ II архитекторъ Фонъ-Каницъ, обозрѣвъ слѣды древняго города Казани — стѣны, рвы, насыпи, развалины башенъ, по указанію ихъ составилъ (реставрировалъ) планъ города Казани, окрестностей и осады его въ 1552 г. (нынѣ находится въ военно-ученомъ архивѣ главнаго Штаба). Планъ этотъ въ 1833 г., по мѣстнымъ изслѣдованіямъ и тщательной отдѣлкѣ, былъ изданъ профессоромъ Устряловымъ при Сказа ніяхъ князя Курбскаго (снимокъ съ него приложенъ къ настоящей книгѣ). По этому плану, мѣстоположеніе древней Казани и ея окрестностей и укрѣпленія ея представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Мѣстность, среди которой была расположена Казань, пересѣчена рѣчками, ручьями, озерами и болотами; между ними находятся болѣе или менѣе возвышенныя и низменныя мѣста. Главная рѣчка—Казанка течетъ въ глубокой ложбинѣ съ с.-в. на з. подъ самою Казанью (нынѣ въ 7 верстахъ отъ Волги) и потомъ на ю. въ Волгу съ лѣвой стороны ея. Другая, меньшая, тинистая рѣчка Булакъ течетъ изъ продолговатаго съ ю.-в. на с.-з. озера Нижняго Кабана, соединеннаго къ ю.-в. протокомъ съ озеромъ Верхнимъ Кабаномъ, и 2 версты ниже впадаетъ въ Казанку слѣва подъ самою Казанью. Къ з. отъ озера Нижняго Кабана и рѣчки Булака текутъ двѣ малыя рѣчки: Верхняя Ичка съ ю. (близъ Волги) на с. въ Казанку слѣва, ниже Булака, и Нижняя Ичка—изъ нѣсколькихъ протоковъ и малыхъ озеръ съ с. на ю. въ Волгу слѣва. Наконецъ съ правой стороны Казанки въ нее впадаетъ, между Булакомъ и Верхней Ичкой слѣва, малая рѣчка, текущая съ с. на ю. изъ малаго озера въ 1 верстѣ отъ Казанки и близъ него принимающая въ себя другой малый притокъ слѣва.

Между ложбинами этихъ рѣчекъ, озеръ и протоковъ находятся слѣдующія водораздѣльныя возвышенности: 1) главная и наибольшая — между Казанкой и Булакомъ, въ самомъ углу между которыми, при устьѣ Булака, находится высокая и крутая плоская возвышенность, въ 300 саженой въ длину и въ 150 саженой въ ширину съ сѣверо-зап. на ю.-в.; на ней находилась крѣпость Казани (нынѣ Кремль), огражденная по самому краю возвышенности деревянными стѣнами и 8-ю такими же башнями, съ воротами между ними (см. ниже); середина крѣпости пересѣкалась съ с. на ю. глубокимъ Тезицкимъ оврагомъ, за которымъ находились большія, каменные, съ нѣсколькими дворами, зданія царскаго или ханскаго двор-

ца, окруженные 5-ю каменными, высокими мечетями, изъ которыхъ одна—главная (усыпальница хановъ);—2) другая плоская возвышенность, значительно господствующая первою, къ в. отъ нея, пересѣченная по поламъ съ з. на в. глубокимъ оврагомъ, была занята городомъ, огражденнымъ кругомъ деревянными стѣнами и 14-ю такими же башнями, съ воротами между ними (см. ниже);—3) къ востоку отъ нея находилась такая же плоская возвышенность—Арское поле, съ 1 версту въ длину и ширину, и съ крутыми обрывами къ Казанкѣ и оз. Нижнему Кабану; за Арскимъ полемъ къ в. за оврагомъ находился Арскій лѣсъ и на опушкѣ его—Арская заставка; — наконецъ 4) между Булакомъ и Нижней Ичкой, равно по обѣ стороны Верхней Ички и къ з. отъ лѣваго притока Каванки находились также плоскія возвышенности съ крутыми обрывами къ рѣчкамъ.

Затѣмъ пространство: между двумя озерами Верхнимъ и Нижнимъ Кабанами было покрыто лѣсомъ, по обѣимъ сторонамъ нижней Казанки—низменными лугами, съ рѣдкимъ лѣсомъ и кустарникомъ,—и наконецъ между правымъ берегомъ Казанки и лѣвымъ праваго притока ея—весьма низменною и болотистою мѣстностью, особенно противъ самой казанской крѣпости, а выше—лѣсистую.

Такимъ образомъ казанская крѣпость, расположенная на весьма высокой горѣ съ крутыми обрывами, на краю ихъ огражденная высокими деревянными стѣнами и башнями, и прикрытая сверхъ того съ ю.-з., подъ горою, городскими деревянными стѣнами и башнями, съ широкимъ и глубокимъ рвомъ впереди, а съ с., также подъ горою—Каванкой, значительно господствовала и надъ городомъ, и надъ всею окрестною мѣстностью и представляла значительныя затрудненія и даже препятствія для взятія ея осадой. Городскія ворота (нынѣ большею частию не существующія), числомъ 12, во время осады были: а) Тюменскія, б) Аталыковы, в) Крымскія, г) Царевы, д) Ногайскія, е) Збойлевья (позже Вознесенскія), ж) Арскія, з) Кайбатскія, и) Щелскія, і) Елбугины, в) Муралеевы и л) Царскія.

Въ крѣпости и городѣ, для обороны ихъ, находились до 30 т. отборныхъ конныхъ и пѣшихъ войскъ, одушевленныхъ магометанскимъ фанатизмомъ и рѣшительностью обороняться до послѣдней крайности, какъ огнемъ орудій и ручнаго оружія, стрѣльбою изъ луковъ и пр., такъ и вылазками.

Русское войско, въ числѣ до 150 т. чел., съ 150 орудіями, 20, 21 и 22 августа перешло по 6 мостамъ черезъ нижнюю Казанку, близь устья ея въ Волгу, съ правой стороны на лѣвую, и 23 августа расположилось лагеремъ сначала близь устья въ Волгу, на Царскомъ лугу, а потомъ выше, между Каванкою и Верхнею Ичкою. Отсюда русскіе шолхи были двинуты на назначенныя имъ мѣста вокругъ

крѣпости и города: передовой и большой полки — съ востока противъ города, тыломъ въ Арскому полю, полкъ правой руки — съ сѣвера, по правой сторонѣ Казанки, противъ крѣпости, ертоуль — лѣвѣе его тамъ же, полкъ лѣвой руки и лѣвѣе его сторожевой полкъ — съ юго-запада, вдоль Булака противъ вѣншей городской стѣны, и наконецъ ставка и станъ самаго Іоанна — позади полка лѣвой руки.

Въ тотъ же день 23 августа, когда войска переходили черезъ Булакъ и стали подниматься на гору между городомъ и озеромъ Нижнимъ Кабаномъ, казанцы произвели противъ нихъ первую вылазку изъ города, и съ тѣхъ поръ почти ежедневно производили тавія же, запальчивыя, отчаянныя вылазки. Но русскія войска каждый разъ встрѣчали и отражали ихъ мужественно и съ необыкновеннымъ порядкомъ: сражались только тѣ части войскъ, которымъ это приеязывалось, прочія же не смѣли трогаться съ мѣста. Самыя сильныя вылазки и упорнѣйшіе бои по случаю ихъ были 23, 26 и 29 августа. 23 августа, когда впереди всѣхъ двинулись князья Юрій Пронскій и Ѳедоръ Львовъ, съ казанами и стрѣльцами числомъ около 7 т. чел., то едва они перешли черезъ тинный Булакъ, какъ 5 т. конныхъ и 10 т. пѣшихъ отборныхъ казанскихъ войскъ устремились противъ нихъ изъ города съ горы и опрокинули ихъ. Казаки и стрѣльцы были подкрѣплены, и завязался жаркій и жестокий бой, кончившійся тѣмъ, что казанцы были опрокинуты обратно въ городъ. Столь же сильныя вылазки и жаркіе бои были и 26, и 29 августа, а между ними и послѣ нихъ почти ежедневно происходили другіе, менѣе значительныя, и во всѣхъ русскія войска дѣйствовали превосходно и побѣдоносно отражали казанцовъ.

Однако не съ однимъ врагами оказалось нужнымъ бороться съ самаго начала осады, но и съ природой, въ борьбѣ съ которою твердость Іоанна выдержала сильное испытаніе. 24-го августа страшная буря повалила всѣ шатры и въ томъ числѣ царскій, разбила и потопила много судовъ на Волгѣ, погубила много запасовъ и повергла войско въ уныніе. Но Іоаннъ не упалъ духомъ: онъ велѣлъ выслать новыя запасы изъ Свияжска и Москвы, объявилъ твердое намѣреніе не отступать отъ Казани, не взявъ ея, хотя бы пришлось зимовать подъ нею; и днемъ, и ночью ѣздилъ кругомъ города, осматривая мѣста, гдѣ нужнѣе и удобнѣе было строить укрѣпленія и ставить орудія. Между тѣмъ осадныя работы съ 23-го августа производились дѣятельно и безостановочно: ставились туры, а гдѣ нельзя было — тычи, и за ними орудія. Первые туры и орудія за ними были поставлены уже 25-го и 26-го августа полками: большимъ, лѣвой руки и сторожевымъ, въ 50 саженьяхъ отъ городского рва, подъ прикрытіемъ огнищальныхниковъ и казаковъ, и въ оба эти дни происходилъ жар-

кій бой съ казанцами. 27 августа воевода Морозовъ прикатилъ къ турамъ большія пушки, и со всѣхъ бойницъ (батарей) былъ открытъ сильный пушечный огонь по городу. Стрѣльцы и казаки, изо рвовъ передъ турами, также производили мѣткую стрѣльбу изъ пищалей по осажденнымъ, показывавшимся на городскихъ стѣнахъ. Отъ такого непрерывнаго и сильнаго огня гибло много народу въ городѣ, равно какъ и въ полѣ при вылазкахъ.

Но скоро вниманіе и силы осаждавшихъ были отвлечены въ другую сторону: 28-го августа казанскій князь Япанча, изъ засады въ Арской засѣлкѣ, съ многочисленною конницею, напалъ на станъ передоваго полка на Арскомъ полѣ. Князь Хилковъ былъ подкрѣпленъ Пронскимъ, Мстиславскимъ, Оболенскимъ и частию царской дружины, присланною Іоанномъ. Послѣ жаркаго боя, Япанча былъ съ большимъ урономъ опрокинутъ обратно въ лѣсъ, но не меньшій уронъ былъ и на сторонѣ сражавшихся съ нимъ русскихъ войскъ. Съ этого времени Япанча не давалъ имъ покоя и едва на самой высокой городской башнѣ являлось большое знамя, какъ по этому условному знаку на нихъ одновременно нападали Япанча изъ лѣса, а осажденные изъ города.

29-го августа полкъ правой руки, подъ прикрытіемъ огня стрѣльцовъ, поставилъ туры вдоль Казанки, а на Арскомъ полѣ ставили ихъ до Казанки и наблюдали за Япанчою въ лѣсу. Цѣлый день съ обѣихъ сторонъ производилась сильная стрѣльба изъ пушекъ, пищалей и луковъ, но вылазки не было. Къ вечеру этого дня весь городъ былъ совершенно окруженъ русскими войсками и укрѣпленіями, въ сухихъ мѣстахъ турами, въ низменныхъ и сырыхъ тыномъ, и отрѣзанъ отъ поля.

Прошло семь дней со времени открытія осады — и русское войско уже истомилось отъ безпрестанныхъ вылазокъ изъ города, нападеній Япанчи изъ лѣса, усиленныхъ осадныхъ работъ и недостатка въ покоѣ и пищѣ. И днемъ, и ночью ему было нужно быть въ трудахъ и на-сторожѣ, не имѣя даже времени подкрѣпить силы пищей и отдохнуть. Вслѣдствіе того, положено было раздѣлить все войско на двѣ части: одна должна была производить осаду, а другая — прикрывать ее съ поля, со стороны Япанчи. Съ этою послѣднею цѣлю, 30-го августа противъ Япанчи были посланы опытный и храбрый князь Горбатый-Шуйскій и съ нимъ князь Серебряный, съ 15 т. чел. пѣхоты и 30 т. чел. конницы. Расположась съ главными силами скрытно въ засадѣ за высотами, князь Горбатый выслалъ часть силъ къ Арскому лѣсу, выманить изъ него Япанчу. Послѣдній бросился изъ лѣса на высланныя войска, которыя притворнымъ бѣгствомъ навели его на засаду. Тогда князя Горбатый и Сере-

брянный внезапно напали на него изъ засады съ боковъ и съ тыла, опрокинули его, прогнали далеко въ лѣсъ и множество непріятелей убили и взяли въ плѣнъ.

По возвращеніи князя Горбатаго, Іоаннъ послалъ одного изъ приведенныхъ имъ плѣнниковъ въ Казань съ грамотами и требованіемъ сдачи, грозя въ противномъ случаѣ предать всѣхъ плѣнниковъ смерти, что, по неполученію отвѣта, и было исполнено въ виду города.

Между тѣмъ еще 31-го августа Іоаннъ велѣлъ находившемуся при войскѣ нѣмецкому размыслу (инженеру) сдѣлать, по указанію мурзы Камаля, выходца изъ Казани, пороховой подкопъ подъ тайникъ—ключъ въ берегу р. Казанки у Муралеевыхъ воротъ, къ которому изъ города былъ подземный ходъ. Воеводы сторожеваго полка князь Василій Серебряный и Семень Шереметевъ указали, что подъ тайникъ можно было сдѣлать подкопъ отъ Даировой башни, уже занятой русскими войсками. Тогда Іоаннъ приказалъ размыслу назначить для этого свихъ учениковъ, а самому дѣлать главный, большой подкопъ подъ Арскими воротами, къ в. отъ города. День и ночь работали надъ подкопомъ подъ тайникъ; когда онъ былъ готовъ, въ него вкатили 11 бочекъ пороху — и 4-го сентября тайникъ и съ нимъ часть стѣны взлетѣли на воздухъ, и множество казанцовъ было убито въ городѣ взлетѣвшими камнями и бревнами. Русскія войска воспользовались этимъ и бросились на приступъ, ворвались въ городъ, многихъ въ немъ убили и плѣнили, но удержаться въ городѣ не могли и воротились.

Казанцы впали въ уныніе и одни хотѣли покориться, но другіе упорствовали въ противномъ, стали пскать воды и были принуждены довольствоваться единственнымъ, найденнымъ ими, нечистымъ и смраднымъ потокомъ, отъ котораго люди заболѣвали и умирали.

Два дня послѣ взрыва, 6-го сентября князь Горбатый-Шуйскій взялъ приступомъ, послѣ кровопролитнаго боя, сильно укрѣпленный острогъ, построенный казанцами въ 15 верстахъ отъ Казани, въ Арскомъ лѣсу, на крутой горѣ между двухъ болотъ, и служившій складомъ разныхъ драгоценностей и запасовъ военныхъ и продовольственныхъ. Изъ собравшихся здѣсь остатковъ войскъ Япанчи, за исключеніемъ 200 взятыхъ въ плѣнъ и немногихъ спасшихся бѣгствомъ, всѣ остальные были истреблены. Затѣмъ князь Горбатый пошелъ къ Арскому городку, землю, обильною садами, хлѣбомъ, скотомъ, гдѣ находились загородные дома казанскихъ вельможъ. Въ Арскомъ городѣ, покинутомъ разбѣжавшимися жителями, также было найдено много всякихъ запасовъ. Отъ него князь Горбатый пошелъ обратно другою дорогою и, разоривъ всю Арскую сторону, верстъ на 150

въ лифину, а въ длину до самой Камы, захватилъ въ ней множество лѣвннхъ, свота, продовольственныхъ запасовъ и пр., освободилъ многихъ русскихъ лѣвнниковъ и черезъ 10 дней воротился въ станъ подъ Казанью съ такими огромными запасами, которые надолго и въ пубиліи обезпечили продовольствованіе русскаго войска, обезпечивъ видѣть съ тѣмъ и безопасность его со стороны Арской стороны. Но въ тылу тревожили его луговые черемисы частыми нападеніями, отгоняя лошадей и скотъ. Воеводы полка правой руки разбили и протнали ихъ, но войска этого полка были особенно утомлены, какъ постоянною бдительностью, такъ и тѣмъ, что много терпѣли отъ городского огня и дождей, заливавшихъ низменные мѣста расположенія ихъ.

Между тѣмъ осадныя работы продолжались дѣятельно и усиленно. Съ цѣлю сильнѣе дѣйствовать противъ впутренности города, въ 2-хъ верстахъ за русскимъ станомъ была построена дьякомъ Выродьевымъ осадная деревянная башня на каткахъ, вышиною въ 6 сажени. Ночью ее подкатили къ городскимъ стѣнамъ, противъ Царскихъ воротъ (къ ю.-в. отъ города), вооружили 10 большими и 50 средними орудіями и мѣткими стрѣлками изъ пицалей, и на разсвѣтъ открыли сильный огонь, который нанесъ городу внутри его много вреда, а жителямъ большой уронъ. Последніе укрывались въ вырываемыхъ или ямахъ и рвахъ подъ городскими стѣнами и воротами, подъ тарасами, насыпанными землею, отбивались днемъ и ночью, особенно не допуская придвигать туры во рву. Не смотря на то, князь Михаилъ Воротынскій успѣлъ придвинуть туры къ самому рву (въ 3 сажени шириной и 7 сажени глубины) противъ Арской башни и Царскихъ воротъ. Здѣсь при этомъ происходилъ особенно жаркій бой, прерывавшійся лишь взрѣдка для отдохновенія съ обѣихъ сторонъ. Казанцы воспользовались однимъ изъ этихъ перерывовъ, когда осаждавшіе пошли обѣдать, оставивъ лишь немногихъ людей въ передовыхъ укрѣпленіяхъ: въ числѣ до 10 тыс. чел. они произвели сильную вылазку, напали на туры и овладѣли ими, смявъ занимавшихъ ихъ. Но воеводы немедленно ударили на казанцовъ и, послѣ жестокаго и кровопролитнаго боя, успѣли опрокинуть ихъ обратно въ городъ, съ большимъ урономъ для нихъ, но и съ немалымъ для себя, потерявъ многихъ убитыми и ранеными: самъ Воротынскій получилъ нѣсколько ранъ и остался живъ только благодаря крѣпости своего доспѣха; но туры были спасены. Въ то же самое время казанцы и ногаи произвели вылазку на туры передоваго полка и ертоула, противъ Збойлевыхъ воротъ. Здѣсь воеводы и войска были готовы въ отпору, ударили на непріятелей со всѣхъ сторонъ и опрокинули ихъ въ городъ безъ всякаго урона для себя.

Уже около 5-ти недѣль продолжалась осада, наступила осень и осаждавшіе съ нетерпѣніемъ желали скорѣйшаго конца до наступленія глубокой осени. Но если осада производилась дѣятельно и усиленно, то и осажденные оборонялись съ упорствомъ ожесточенія и отчаянія, не смотря на то, что терпѣли голодъ, жажду и сильный уронъ (уже болѣе 10 т. ч.) отъ огня осаждавшихъ, въ вылазкахъ и отъ болѣзней и смертности, и упорно отвергали всѣ предложенія о сдачѣ. Іоаннъ, видя, что они укрываются отъ русскаго огня подъ тарасами, велѣлъ подкопать и взорвать послѣдніе и по взрывѣ ихъ придвинуть туры къ самымъ воротамъ Арскимъ и Царскимъ. 30 сентября тарасы были взорваны, при чемъ погибло множество осажденныхъ. Это навело на казанцовъ такой страхъ, что они долгое время оставались въ бездѣйствіи. Русскіе воеводы воспользовались тѣмъ и придвинули туры къ самымъ воротамъ Арскимъ, Царскимъ и Аталыковымъ. Казанцы, опомнившись, съ яростью бросились изъ нихъ на русскія войска, но послѣдніа, увидавъ самаго Іоанна, подѣлхавшаго къ нимъ, съ усугубленнымъ рвеніемъ ударили на казанцовъ— и въ воротахъ, на мостахъ, у стѣнъ, всюду загорѣлся жесточайшій рукопашный и огнестрѣльный бой. Наконецъ русскія войска взяли верхъ, взошли на стѣны, заняли Арскую башню, даже ворвались въ городъ, сражались въ улицахъ его, и Воротынской уже послалъ просить Іоанна, чтобы онъ двинулъ всѣ войска на общій приступъ. Но Іоаннъ, не желая излишнею торопливостію повредить усѣху осады, тѣмъ болѣе, что остальные полки не были приготовлены къ приступу въ этотъ день и что два главные подкопа могли быть готовы только на другой день, приказалъ вывести русскія войска изъ города. Выведя ихъ не безъ труда, воеводы зажгли стѣны, ворота и мосты, велѣли своимъ людямъ прикрыться крѣпкими щитами, а туры засыпать землею, въ Арской же башнѣ оставили стрѣльцовъ. Казанцы съ своей стороны дѣятельно работали, противъ проломовъ ставили деревянные срубы, насыпали ихъ землею и принимали всевозможныя другія мѣры для послѣдней обороны.

На другой день, 1-го октября, Іоаннъ приказалъ наполнить рвы лѣсомъ и землею, построить мосты, цѣлый день производить усиленный пушечный и пицальный огонь, и первымъ сбилъ городскую стѣну до основанія.

На слѣдующій день—воскресеніе 2-го октября—былъ назначенъ общій приступъ и сдѣланы всѣ распоряженія къ нему, а именно:

Чтобы прикрыть и обезпечить тылъ войска отъ луговыхъ черемисовъ, отъ татаръ, бродившихъ по лѣсамъ, и отъ ногаевъ, и чтобы отрѣзать казанцамъ всѣ пути къ бѣгству изъ Казани, князю Мстиславскому съ частію большаго полка и Шигъ-Алею съ касимов-

пами и горными черемисами было приказано занять арскую и чувашскую дороги, князьямъ Юрію Оболенскому и Мещерскому съ дворянами царской дружины—ногайскую, князю Ромодановскому—галичскую, а другому отряду дворянъ, примыкая къ нему, стоять вверху по Казанѣ, на Старомъ Городищѣ.

Для приступа же, войска были распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

Впереди всѣхъ, въ 1-й линіи назначено было идти казакамъ съ ихъ головами и полкамъ боярскихъ дворовыхъ людей ¹⁾, раздѣленнымъ на сотни подъ начальствомъ отборныхъ боярскихъ дѣтей.

За ними во 2-й линіи идти воеводамъ: князю Воротынскому и окольнику Басманову—въ проломъ отъ Булака и Поганого озера, князю Хилкову—на Кайбатскія ворота, Троекурову—на Збойлевыя, князю Андрею Курбскому—на Елбугины, Семену Шереметеву—на Муралеевы и Дмитрію Плещееву—на Тюменскія.

За ними въ 3-й линіи, для поддержанія ихъ: за Воротынскимъ—царской дружинѣ, а за прочими—князьямъ Пронскому, Турунтаю, Шемякину, Щенятеву, Василю Серебряному-Оболенскому и Микулинскому.

Всѣмъ войскамъ приказано быть готовымъ къ 2 часамъ утра, ждать взорванія подкоповъ и немедленно идти на приступъ. Но прежде того Іоаннъ хотѣлъ въ послѣдній разъ склонить казанцовъ къ покорности и послалъ къ нимъ съ этимъ мурзу Камаля. Но казанцы отвѣчали, что умрутъ, а не сдадутся.

2-го октября въ воскресенье, послѣ полуночи, князь Воротынскій прислалъ сказать Іоанну, что оба подкопа были готовы и заряжены 48-ю бочками пороха, что казанцы замѣтили работы и невозможно было долѣе медлить. Іоаннъ, приказавъ извѣстить о томъ войска, самъ пошелъ въ свою походную церковь къ утрени. Выслушавъ ее, онъ приказалъ наволочить (надѣть) на древко великое царское знамя ²⁾ и поднять его. По этому знаку, и во всѣхъ войскахъ были распущены знамена, и войска двинулись на свои мѣста, при звукахъ

¹⁾ Они стояли ниже боярскихъ дѣтей, каждый полкъ въ 5 т. чел., при каждомъ конномъ полку по 1 т. стрѣльцовъ съ пищалями и по 700—800 казаковъ съ луками и рогатинами; для пѣшихъ были устроены щиты изъ досокъ на ваткахъ и колесахъ (въ родѣ гуляй-города).

²⁾ Великое царское знамя или великая хоругвь, великій стягъ, мѣрой 2 аршина по древку, 4 арш. по верхней каймѣ, 1½ арш. по нижней и 3½ по откосу, имѣло на себѣ вышитый на ткани Нерукотворенный образъ Спасителя. На верху древка былъ водруженъ Животворящій крестъ, находившійся при Дмитріѣ Донскомъ въ Куликовской битвѣ. Это знамя хранится нынѣ въ Московской оружейной палатѣ.

музыки и боѣ въ огромные набаты, при восхожденіи солнца *). Иоаннъ, отпустивъ царскую дружину и приказавъ ей ждать его въ назначенномъ мѣстѣ, снова пошелъ въ церковь слушать обѣдню. Въ то самое время, когда діаконъ оканчивалъ чтеніе Евангелія словами: «и будетъ едино стадо и единъ пастырь», послѣдовалъ страшный взрывъ одного подкопа подъ Арскія ворота. Иоаннъ, выйдя изъ церкви, увидалъ, что ворота и стѣна были взорваны и съ ними взлетѣли на воздухъ бревна и люди. Когда онъ воротился въ церковь дослушать обѣдню и діаконъ, послѣ чтенія Евангелія, произнесъ на эктениі молитву о царѣ: «и покорити подъ нозѣ его всякаго врага и супостата», послѣдовалъ второй взрывъ, еще сильнѣе прежняго, подкопа подъ Ногайскія ворота, взорвавшій на воздухъ, вмѣстѣ съ воротами и стѣной, множество казанцовъ. Два вѣстника, одинъ за другимъ, прискакали къ Иоанну звать его къ войску. Иоаннъ хотѣлъ дослушать оканчивавшуюся обѣдню и наконецъ, приложась къ образу препод. Сергія и принявъ благословеніе своего духовника, сѣлъ на коня и поскакалъ къ войску.

Когда онъ подѣхалъ къ стѣнамъ города, на нихъ уже развѣвались русскія знамена. Передовыя войска, послѣ 2-го взрыва, стремглавъ бросились впередъ и, пользуясь первымъ ошеломленіемъ казанцовъ, вошли на проломы и стѣны почти безпрепятственно. Послѣ упорнаго и кровопролитнаго, но кратковременнаго сопротивленія, они отѣснили уже казанцовъ изъ улицы въ улицу къ серединѣ города. Казанцы оказывали отчаянное сопротивленіе и въ страшной тѣснотѣ и давкѣ рѣзались съ русскими ратниками на ножахъ. Нѣсколько времени русскія войска не могли сдѣлать шага впередъ; наконецъ имъ удалось взобраться на крыши домовъ и оттуда поражать казанцовъ.

Но въ эти рѣшительныя минуты приступъ едва не кончился самой прискорбной неудачей. По словамъ очевидца—Курбскаго, при самомъ первомъ успѣхѣ, бѣольшая часть штурмовавшихъ бросились грабить дома, а къ нимъ присоединилась обозная челядь. Эти корыстовники (какъ ихъ называетъ Курбскій) уже два раза возвращались изъ города въ станъ съ награбленною добычей, между тѣмъ какъ передовыя войска сражались до изнеможенія, не подвигаясь впередъ. Наконецъ, ослабленные убитыми, ранеными и ушедшими грабителями, они не въ силахъ были противостоять сильному напору казанцовъ—и начали отступать. Общее замѣшательство при этомъ усилили еще сами грабители, которые, видя отступление передовыхъ

*) Въ Казани, на широтѣ 56°, 2-го октября свѣтаетъ въ 4-мъ часу утра, солнце всходитъ около 6½ ч., заходитъ около 4½ ч. пополудни, послѣ чего скорѣ наступаетъ вечерняя темнота. Взрывы произошли при восхожденіи солнца.

войскъ своихъ, бросились бѣжать черезъ стѣны, крича: сѣкутъ, сѣкутъ! (рубятъ, рубятъ!).

Іоаннъ, стоявшій въ это время съ своимъ царскимъ знаменемъ и 12-ти-тысячною царскою, отборною дружиной за городомъ, со стороны Арскаго поля, былъ пораженъ видомъ и криками бѣжавшихъ. Полагая, что казанцы опрокинули изъ города всѣ русскія войска, онъ глубоко скорбѣлъ, что всѣ усилія его дотолѣ остались тщетными. Но въ это самое время Воротынскій прислалъ просить его, чтобы онъ поддержалъ сражавшихся въ городѣ своею царскою дружиной. Іоаннъ немедленно приказалъ половинѣ ея сѣсть и идти въ городъ. Къ ней присоединились бояре и боярскія дѣти, состоявшіе лично при Іоаннѣ. Самъ онъ остановился съ своимъ знаменемъ и остальною половиною своей дружины недалеко отъ Арскихъ воротъ, слѣдя за ходомъ боя въ городѣ.

Помощь, поданная какъ разъ во-время, съ одной стороны ободрила изнеможенные русскія войска, а съ другой смутила казанцовъ видомъ свѣжихъ войскъ въ блестящихъ доспѣхахъ, и бой въ городѣ тотчасъ принялъ другой оборотъ. Царская дружина врубилась въ тѣсныя ряды казанцовъ и заставила Едигера, бывшаго въ главѣ ихъ, отступить къ Тезицкому оврагу *). Разбитые при немъ, казанцы съ Едигеромъ бросились въ ханскій дворецъ, состоявшій изъ многихъ обширныхъ, каменныхъ и крѣпкихъ зданій, и здѣсь около полутора часа оборонялись отчаянно. Въ это время, по словамъ Курбскаго, изъ одной изъ 5-ти древнихъ мечетей, которыя окружали ханскій дворецъ, вышли казанскіе абазы, сеиты (Магометова рода) и муллы, съ великимъ эмиромъ ихъ Кулшерифъ-муллою, и у Тезицкаго оврага, у Кулшерифовой мечети, вступили въ жестокій бой съ русскими войсками, нападавшими на ханскій дворецъ. Въ этомъ бою палъ самъ Кулшерифъ, а бывшіе съ нимъ и въ ханскомъ дворцѣ съ Едигеромъ, послѣ отчаяннаго сопротивленія, выбитые изъ дворца и мечетей, бросились въ нижнюю часть города къ воротамъ. Но здѣсь спереди загородили имъ дорогу войска Курбскаго, а сзади напирала царская дружина и другія войска. По трупамъ своихъ, лежавшихъ наравнѣ съ стѣною, они ввобрались на башню и стали кричать оттуда, что хотятъ вступить въ переговоры. Русскіе прекратили бой, а казанцы закричали имъ съ башни: «Отдаемъ вамъ царя своего живымъ, а сами идемъ сразиться съ вами въ послѣдній разъ въ полѣ»—и, выдавъ Едигера съ 3-мя вельможами, бросились

*) Тезицкій или купеческій оврагъ находился между нынѣшними: Кремлемъ, домомъ градскаго общества и Ивановскимъ монастыремъ. Здѣсь же были Тезицкіе переулки.

со стѣны къ берегу Казанки. Но встрѣченные здѣсь залпомъ изъ русскихъ пушекъ, они повернули на лѣво внизъ по Казанкѣ, сбросили съ себя доспѣхи и въ числѣ около 6 т. чел. кое-какъ перешли черезъ рѣчку. Князья Андрей и Романъ Курбскіе съ конницей обскакали ихъ, врубилась въ ихъ ряды, однако были смяты; Мигулинскому же, Глинскому и Шереметеву удалось нанести имъ окончательное пораженіе: почти всѣ они были истреблены и только немногіе успѣли спастись въ ближайшій лѣсъ, и то израненные. Это былъ послѣдній ударъ, нанесенный защитникамъ Казани: послѣ того, въ ней не осталось болѣе ни одного вооруженнаго человѣка, потому что Іоаннъ приказалъ шадить и брать въ плѣнъ только однихъ женщинъ и дѣтей.

Узнавъ, что Казань совершенно взята, Іоаннъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ во все время боя въ городѣ, недалеко отъ Арскихъ воротъ, и при немъ царское знамя, велѣлъ служить подъ нимъ благодарственное молебствіе, и тутъ же собственными руками водрузилъ крестъ и приказалъ строить обыденную (строенную въ одинъ день) деревянную, рубленую церковь во имя Нерукотвореннаго Образа Спаса, что и было исполнено *). Послѣ молебствія, Іоаннъ принялъ отъ всѣхъ поздравленія, велѣлъ очистить отъ труповъ одну улицу отъ Муралеевыхъ воротъ къ царскому (ханскому) дворцу, въѣхалъ въ городъ, имѣя впереди воеводу и дворянъ царской дружины, а сзади—князя Владимира Андреевича и Шигъ-Алея, и былъ встрѣченъ, какъ избавитель, освобожденными русскими плѣнниками, которыхъ велѣлъ отправить въ станъ войска. Затѣмъ онъ приказалъ тушить горѣвшія въ Казани зданія; всѣ сокровища, взятые въ городѣ, и плѣнныхъ, женщинъ и дѣтей отдалъ войску, а себѣ оставилъ только плѣннаго Едигера, ханскія знамена и городскія пушки. Побывъ нѣсколько времени въ ханскомъ дворцѣ, онъ воротился въ станъ, гдѣ прежде всего вошелъ въ свою походную церковь препод. Сергія и, отслушавъ въ ней благодарственное молебствіе, благодарилъ войско, обѣщалъ всѣмъ награды и сѣлъ обѣдать.

Какъ именно великъ былъ уронъ русскаго войска убитыми и ранеными при осадѣ и взятіи Казани — въ точности неизвѣстно: достоверно только, что онъ былъ весьма значительный. «Послѣднія три недѣли» — говоритъ Курбскій — «всякій день много бѣды было: много разъ непріятель не давалъ намъ времени подкрѣпиться необ-

*) Эта церковь находилась нѣсколько далѣе къ краю города, чѣмъ сооруженная позже и существующая нынѣ въ каменной Спасской башнѣ казанскаго кремля (нынѣ военный соборъ), а именно — вѣроятно гдѣ-либо по направленію отъ Спасскихъ воротъ къ Арскимъ, бывшимъ въ наружной стѣнѣ, около нынѣшнихъ почтовой конторы и театральной площади.

ходимою пищей. А сколько нашихъ было убито и ранено, то еслибы и хотѣлъ, въ точности не могъ бы записатьъ.

Такъ кончился знаменитѣе: послѣдній походъ къ Казани, осада и взятіе этого гнѣзда и вертепа татарскихъ разбойниковъ и грабителей, столько времени не дававшихъ покоя русскому государству, жестоко грабившихъ и разорявшихъ восточныя области его, нанесшихъ ему столько вреда и стоившихъ столько усилій и пожертвованій для совершеннаго одолѣнія ихъ.

Походъ 1552 года и осада и взятіе Казани, сверхъ необыкновенной политической важности своей, заслуживаютъ особеннаго вниманія и въ военномъ отношеніи. Они замѣчательны столько же мудрыми, правильными и вѣрными мѣрами и распоряженіями, сколько и искуснымъ, мужественнымъ и удачнымъ исполненіемъ ихъ. Наибольшую честь ихъ, по всей справедливости, слѣдуетъ приписать опытнымъ и доблестнымъ воеводамъ, начальствовавшимъ войсками и руководившимъ своими совѣтами неопытнаго еще въ военномъ дѣлѣ, хотя и оказавшаго много мужества и твердости, 22-хъ-лѣтняго Іоанна, особенно же ближайшему совѣтнику его Адашеву и за нимъ Воротынскому, Мстиславскому, Горбатову-Шуйскому, Серебряному-Оболенскому, Микулинескому, Пронскому, двумъ Курбекиемъ и многимъ другимъ. Неменьшую честь приносятъ они и русскимъ войскамъ, участвовавшимъ въ нихъ, необыкновенными: храбростью ихъ въ бояхъ и особенно мужествомъ, твердостью и терпѣніемъ въ преодоленіи всѣхъ препятствій и затрудненій, немовѣрныхъ трудовъ, лишеній и невзгодъ природы.

Собственно осада Казани замѣчательна особенно тѣмъ, что представляетъ первый примѣръ правильной осады города русскими войсками, и правильныхъ же при этомъ употребленія и дѣйствій пѣхоты, конницы и особенно артиллеріи и инженернаго искусства. И справедливо сказалъ Карамзинъ, что осада Казани, вмѣстѣ съ Куликовскою битвою, доселѣ живутъ въ памяти народной, какъ славнѣйшіе военные подвиги древней русской исторіи.

Казань была взята, но оставалось еще привести къ покорности и подданству дикое и воишественное народонаселеніе казанской области. Поэтому Іоаннъ разослалъ по всѣмъ ея улусамъ грамоты объ изъявленіи покорности ему и платежѣ ясака, какой они платили казанскимъ царямъ. Арскіе жители и луговые черемисы покорились. 4 октября вся Казань была очищена отъ труповъ, и Іоаннъ вторично въѣхалъ въ нее, въ серединѣ ея водрузилъ крестъ и зложилъ обывденную церковь во имя Благовѣщенія Богородицы и, послѣ молебствія съ водосвятиемъ, велѣлъ совершить крестный ходъ по городскимъ стѣнамъ. 6-го октября онъ назначилъ намѣстниками въ Казани

большаго боярина князя Александра Борисовича Горбататаго и боярина князя Василія Семеновича Серебрянаго, и съ нимъ большихъ дворянъ своихъ и много боярскихъ дѣтей, стрѣльцовъ и казаковъ. 11-го октября Іоаннъ отправился на судахъ по Волгѣ въ обратный путь, а князь Воротынскій повелъ конную рать берегомъ Волги въ Василь-Сурскъ. Изъ Нижняго-Новгорода Іоаннъ поѣхалъ сухимъ путемъ въ Троицкій монастырь и потомъ въ Москву, въ которую 7 ноября имѣлъ торжественный въѣздъ и былъ встрѣченъ всѣми чинами и народомъ съ восторгомъ и благодарностью, какъ побѣдитель и избавитель. Затѣмъ послѣдовала раздача щедрыхъ наградъ воеводамъ и ратникамъ: вотчинъ, помѣстьевъ, кормленій, денегъ, одеждъ, доспѣховъ, оружія, коней и пр., всего на 48 т. рублей.

Между тѣмъ въ бывшихъ казанскихъ владѣніяхъ, кромѣ горныхъ черемисовъ, покорившихся по заложеніи Свіязска, а арскихъ жителей и луговыхъ черемисовъ—по взятіи Казани, мордва, чуваша, вотяки и банкиры не поворались и оставались во враждебныхъ отношеніяхъ. По словамъ Курбскаго, въ думѣ, созванной Іоанномъ еще въ Казани, нѣкоторые бояре совѣтовали ему остаться въ ней до слѣдующей весны со всею войскою, для полного и совершеннаго покоренія всей казанской области. Но Іоаннъ согласился на совѣтъ нѣкоторыхъ другихъ бояръ и духовенства возвратиться въ Москву, по какому именно причинамъ—неизвѣстно, но вѣроятно потому, что ему не было нужно оставаться зимою въ Казани съ цѣлымъ войскомъ (при тогдашнемъ его военно-помѣстномъ составѣ) только для одного покоренія мордвы, чувашъ, вотяковъ и башкиръ; что войскъ, оставляемыхъ въ Казани, Свіязскѣ и Василь-Сурскѣ, было достаточно для защиты этихъ городовъ и приведенія въ покорность означенныхъ народовъ; что неблагоразумно было обнаруживать враждебныя намѣренія противъ послѣднихъ въ то время, когда ихъ приглашали къ покорности; наконецъ, что все войско, послѣ трудовъ казанскаго похода, усердно желало воротиться назадъ. Но не прошло и двухъ мѣсяцовъ по возвращеніи Іоанна въ Москву, какъ въ концѣ декабря уже получены были извѣстія о разбояхъ черемисовъ и вотяковъ, которые были однако перехвачены и казнены. Въ началѣ марта 1553 г. князь Горбатый увѣдомилъ, что луговые черемисы измѣнили, собрались и укрѣпились на высокой горѣ, на Арскомъ полѣ, разбили посланныхъ противъ нихъ стрѣльцовъ и казаковъ, въ 70 верстахъ отъ Казани устроили себѣ на р. Мешѣ острогъ и положили защищаться въ немъ до крайности. Въ концѣ марта изъ Свіязска пришло извѣстіе, что луговые черемисы и вотяки напали на горную сторону, разбили и взяли въ плѣнъ посланнаго противъ нихъ

*

воеводу Салтыкова. Вслѣдствіе того, изъ Москвы былъ отправленъ въ Вятку братъ Адашева Данилъ съ боярскими дѣтьми, а Волгою внизъ казаки. Адашевъ все лѣто ходилъ по Вятѣ, Камѣ и Волгѣ, отыскивая и поражая мятежныхъ казанцовъ и ногаевъ, и взялъ много плѣнныхъ. Въ сентябрѣ изъ Москвы были отправлены воеводы: князя Симеонъ Микулинскій и Андрей Курбскій, Морозовъ и Шереметевъ съ войскамп. Зимю 1554 г. они открыли военныя дѣйствія въ казанской области, взяли и сожгли острогъ на р. Мешѣ, разбивали мятежниковъ при каждой встрѣчѣ съ ними, воевали четыре недѣли, разорили всю страну, ходили вверхъ по Камѣ на 250 верстъ и взяли въ плѣнъ 6 т. мужчинъ и 15 т. женщинъ и дѣтей. Вслѣдствіе того прикамскіе и арскіе жители покорились и присягнули. Но лѣтомъ луговые черемисы возстали и въ соединеніи съ частію посланныхъ противъ нихъ арскихъ, горныхъ и приволжскихъ жителей, разбили другую часть ихъ, оставшихся вѣрными. Противъ нихъ былъ посланъ князь Иванъ Мстиславскій, который въ двѣ недѣли разорилъ 22 волости и разбилъ мятежниковъ, напавшихъ на сторожевой полѣ. Луговые черемисы явились и на Арской сторонѣ, но арскіе жители съ стрѣльцами отразили ихъ, а горные черемисы внезапно напали на луговую сторону и удачно воевали въ ней. Посланные воеводами двое казанскихъ князей съ стрѣльцами и новопокоренными и вѣрными туземцами разбили мятежниковъ и привели въ Казань много плѣнныхъ. Не смотря на то, луговые черемисы продолжали разбойничать по Волгѣ. Противъ нихъ были посланы князь Иванъ Мстиславскій и бояринъ Данилъ Романовичъ. Дѣйствія ихъ неизвѣстны, но весною 1556 г. арскіе и прибрежные жители измѣнили и ссылались съ луговыми мятежниками. Горные же черемисы оставались вѣрными и хитростью захватили въ плѣнъ главнаго мятежника Мамичъ-Бердея, а 200 чел. шайки его истребили, вмѣстѣ съ призваннымъ ими отъ ногаевъ царевичемъ. Вскорѣ затѣмъ мятежники были разбиты (въ маѣ 1556 г.) на р. Мешѣ бояриномъ Морозовымъ, который въ 10 дней разорилъ Арскую сторону, истребивъ и плѣнивъ множество людей. Въ юнѣ того же года Морозовъ и Салтыковъ совершили новый походъ къ Вяткѣ, до которой не дошли только на 50 верстъ, и брали въ плѣнъ однѣхъ женщинъ и дѣтей, а мужчинъ истребляли. Кромѣ того князь Петръ Шуйскій носылалъ изъ Казани еще другіе отряды, такъ что Арская и прибрежная стороны были разорены въ конецъ, а спасшіеся отъ огня и меча жители покорились. Весною 1557 г. Шуйскій велѣлъ имъ построить на Камѣ городъ Лаишевъ, для защиты отъ ногаевъ, и поставилъ въ него стрѣльцовъ и новокрещенныхъ, подъ начальствомъ головъ изъ боярскихъ дѣтей. Но

луговые черемисы все еще продолжали непокорствовать и нападать на горную и арскую стороны, однако были постоянно поражаемы и наконецъ въ маѣ 1557 г. вынуждены покориться и присягнуть. Этимъ и довершено было наконецъ полное покореніе и успокоеніе казанской области, послѣ четырехъ слишкомъ лѣтъ страшной, разорительной войны, въ которой почти все было истреблено огнемъ и мечемъ.

§ 190.

Война съ Астраханью и Крымомъ и покореніе Астрахани (1554—1559).

Покореніе Казани и всей области ея спльно возбудили противъ Іоанна крымскаго хана, Девлетъ-Гирея и турецкаго султана Сулеймана II, которому послѣдній былъ присяжникомъ и который считалъ Казань съ ея областью своимъ достояніемъ, имѣвшимъ важное значеніе на востокъ для всей средней Азии и для всего магометанскаго міра. Поэтому и султанъ, и ханъ полагали свою надежду на ногаевъ теперь ставшихъ уже сосѣдями завоеванной русскими казанской области, и всячески возбуждали и поддерживали ихъ во враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ русскихъ въ ней. Къ счастью для русскихъ, постоянныя междуусобія въ ногайской ордѣ и въ царствахъ астраханскомъ и крымскомъ, развлекая и ослабляя силы ихъ, всегда давали русскимъ возможность находить себѣ союзниковъ между взаимно враждовавшими царевичами и подданными ногайскими, астраханскими и крымскими. Такъ, до и во время казанскаго похода, одинъ ногайскій князь Измаилъ постоянно держалъ сторону Москвы и предлагалъ Іоанну изгнать изъ Астрахани царя ея Ямгурчегя и посадить на его мѣсто Дербышъ-Алея, изгнаннаго изъ Астрахани и жившаго въ Звенигородѣ. По взятіи Казани, Измаилъ возобновилъ это предложеніе, а въ октябрѣ 1553 г. въ Москву прибыли послы его и другихъ ногайскихъ мурзъ съ просьбой послать къ Астрахани войско для изгнанія Ямгурчегя и возведенія на его мѣсто Дербыша, въ чемъ обѣщали помогать. По совѣщаніи съ послами, положено было послать къ Астрахани водою русскихъ воеводъ съ войскомъ и пушками, а Измаилу съ родичами своимъ и мурзами ногайскими помогать имъ съ сухаго пути; по взятіи же Астрахани и изгнаніи Ямгурчегя, посадить на его мѣсто Дербыша, а Измаилу идти войною на ногайскаго князя Юсуфа, тестя Сафа-Гирея. Въ лѣтописи причины, заставившія Іоанна вооружиться противъ Астрахани, объяснены тѣмъ, что во 1-хъ Ямгурчегей сначала билъ челомъ Іоанну, а потомъ измѣнилъ ему, и во 2-хъ, что св. Влади-

міръ отдалъ Астрахань, тогда называвшуюся Тмутараканемъ, сыну своему Мстиславу, въ ней была построена церковь во имя Божіей Матери и здѣсь владѣли христіанскіе государи, потомки св. Влади- міра, отъ которыхъ Тмутаракань отняли монголы.

Астрахань (въ нашихъ лѣтописяхъ—Асторокань), древній и зна- менитый торговлею Атоль, Итиль или Балапгіаръ казаровъ, по- томъ Сумеркентъ кавказскихъ алановъ, а во время св. Влади- міра и его потомковъ до XIII вѣка—Тмутаракань, на Волгѣ, въ 140—150 верстахъ отъ устья ея и въ 60—70 верстахъ отъ нынѣш- ней Астрахани,—въ половинѣ XVI вѣка была столицей единоплемен- ныхъ съ ногайскими татарскихъ хановъ, властвовавшихъ на нижней Волгѣ остатками Золотой орды послѣ паденія ея. Богатая торговлей Авіи съ сѣверомъ Европы, водяными путями отъ Каспійскаго моря въ Балтійское, но неповиновенная и слабая, астраханская орда бы- ла громима и разоряема то ногаями, то крымцами, донскими каза- ками, кавказскими черкесами, и неразъ искала помощи Руси и союза съ нею. Такъ было и съ Ямгурчеемъ, сначала хотѣвшимъ даже быть присяжникомъ Іоанна IV, но потомъ склонившимся на сторону Девлетъ-Гирея крымскаго, Юсуфа погайскаго и Сулейма- на турецкаго. Противъ него-то въ 1554 г. и было положено пред- принять походъ русскаго войска на судахъ по Волгѣ, съ содѣйствіемъ Измаила съ сухаго пути. По совѣту особенно Адашева, Іоаннъ и боярская дума справедливо признали завоеваніе Астрахани чрез- вычайно выгоднымъ для обезпеченія и распространенія юговосточ- ныхъ предѣловъ русскаго государства до Каспійскаго моря, и не особенно труднымъ, вслѣдствіе какъ означенныхъ выше обстоя- тельствъ, такъ и вѣроятнаго содѣйствія донскихъ казаковъ, которыхъ Іоаннъ въ это время уже всячески ласкалъ и покровительствовалъ. Предлогомъ къ походу послужило заключеніе московскаго посла въ Астрахани въ темницу.

Вслѣдствіе того, весною 1554 г., по вскрытіи Волги, по ней на судахъ было отправлено 30 т. чел. отборныхъ русскихъ войскъ (цар- скихъ дворянъ, жильцовъ, лучшихъ боярскихъ дѣтей, стрѣльцовъ и казаковъ), подъ начальствомъ князя Юрія Ивасовича Пронскаго-Шемякина, а изъ Вятки, рѣками Вяткою, Камою и Волгою—вятскія войска подъ начальствомъ князя Александра Вяземскаго. До- стигнувъ 29 іюня Переволоки (мѣста сближенія Волги съ Дономъ), Пронскій выслалъ впередъ Вяземскаго и Чулкова съ боярскими дѣтьми и казаками для развѣданія. Они встрѣтили выше Чернаго острова нѣсколько сотъ астраханцевъ, разбила ихъ такъ, что ни одинъ не спасся, и отъ плѣнныхъ узнали, что Ямгурчей стоялъ въ 5 верстахъ ниже Астрахани и что войскъ въ ней было мало, а всѣ

войска засѣли на островахъ Волги. Вслѣдствіе того, Пронскій, оставивъ большія суда пазади, поплылъ на легкихъ внизъ къ Астрахани, пославъ Вяземскаго далѣе ся на станъ Ямгурчея. Прибывъ къ Астрахани 2-го іюля и высадившись въ двухъ мѣстахъ, Пронскій двинулся прямо къ крѣпости и занялъ ее безъ сопротивленія, потому что защитники ея тотчасъ же разбѣжались. Вяземскій нашель въ станѣ Ямгурчея много пушекъ и пищалей, но войскъ тамъ не было: Ямгурчей бѣжалъ въ Азовъ, пославъ женъ и дѣтей своихъ на судахъ въ море; ихъ перехватили, Ямгурчея же настигнуть не могли. Но 7 іюля настигли бывшихъ съ нимъ астраханцовъ, спасавшихся бѣгствомъ: часть ихъ была истреблена, а другая взята въ плѣнъ, причемъ освобождено много русскихъ плѣнниковъ. Остальные астраханцы просили пощады и изъявили покорность Іоанну и Дербышу. Воеводы согласились, съ условіемъ, чтобы всѣ безъ исключенія русскіе плѣнники были выданы, и ввели въ Астрахань царемъ находившагося при нихъ Дербышъ-Алея, клятвой обязавъ его ежегодно платить Іоанну дань 40 т. алтынъ и 3 т. рыбъ, и дозволить русскимъ рыболовамъ безошлинную рыбную ловлю въ Волгѣ отъ Казани до моря. Утвердивъ эти условія грамотой, оставивъ при Дербышѣ дворянина Тургенева съ казаками и освободивъ всѣхъ русскихъ плѣнниковъ, а астраханскихъ, равно и царичъ съ дѣтьми, взявъ съ собою, воеводы отправились назадъ въ Москву.

Въ февралѣ слѣдующаго 1555 года въ Москву пришла вѣсть, что Изманлъ убилъ брата своего, Юсуфа, а дѣтей его изгналъ изъ ногайской орды, и со всею этою ордой хотѣлъ быть навсегда вѣрнымъ Іоанну, прося только вольнаго торго въ Москвѣ, Казани и Астрахани и присылки стрѣльцовъ и казаковъ на Волгу, для охраны на случай нападенія дѣтей Юсуфа. Іоаннъ немедленно послалъ на Волгу стрѣleckаго голову Кафтырева съ стрѣльцами патамана Павлова съ казаками. Но Изманлъ и особенно Дербышъ были въ трудномъ положеніи, первый—изъ опасенія дѣтей Юсуфа, а послѣдній—Ямгурчея, Девлетъ-Гирея и султана. Кончилось тѣмъ, что Дербышъ склонился на сторону Девлета и сыновей Юсуфа, какъ только они обѣщали избавить его отъ Ямгурчея. Въ апрѣлѣ 1555 г. онъ далъ знать въ Москву, что Ямгурчей приступалъ къ Астрахани съ сыновьями Юсуфа, крымцами и янычарами, но что онъ, Дербышъ, отразилъ ихъ съ астраханцами и казаками. Но въ маѣ Тургеневъ, съ своей стороны, далъ знать, что Дербышъ вошелъ въ переговоры съ сыновьями Юсуфа, которые и отбили Ямгурчея, а Дербышъ за то перевезъ ихъ на другую сторону Волги и тѣмъ далъ имъ возможность напасть врасплохъ на Измапла и изгнать

его. Тургенева онъ отпустилъ изъ Астрахани въ Москву, но вошелъ въ переговоры съ Девлетомъ. Кафтыревъ, узнавъ объ этомъ отъ встрѣченнаго имъ на Волгѣ Тургенева, воротилъ его и вмѣстѣ съ нимъ, стрѣльцами и казаками поплылъ къ Астрахани. Дербышъ и астраханцы бѣжали изъ нея, утраченные слухомъ объ отправленіи противъ нихъ русскаго войска, а между тѣмъ изъ Крыма къ нимъ уже пришли три царевича съ войсками и пушками. Но, извѣщенные Кафтыревымъ, что Іоаннъ не только не хочетъ воевать съ ними, но и посылаетъ имъ посла съ разными милостями, они воротились въ Астрахань. Въ то же время въ ней было получено извѣстіе, что Измаилъ изгналъ сыновей Юсуфа и снова владѣеть ногойскою ордою. Осенью Измаилъ, жалуйсь Іоанну, что Дербышъ не вѣренъ ему и много вредитъ ногаямъ, просилъ избавить ихъ отъ него и взять Астрахань, какъ Казань, въ полное свое владѣніе, а самъ со всѣми ногаями снова обѣщалъ быть вѣрнымъ Іоанну. Послѣдній увѣрилъ его въ своей милости, но пока оставилъ еще Дербыша въ Астрахани. Въ мартѣ 1556 г. Измаилъ увѣдомилъ, что Дербышъ окончательно измѣнилъ, соединился съ крымцами и сыновьями Юсуфа, а посла Іоаннова изгналъ, и что онъ, Измаилъ, уже пошелъ къ Астрахани, куда и Іоанна просилъ прислать войско. Въ то же время изъ Казани дали знать о возстаніи Мамичъ-Бердея и о прибытіи къ нему царевича отъ ногаевъ. Все заставляетъ полагать, что одновременныя движенія казанское и астраханское были въ связи между собою и возбуждались изъ Крыма. Вскорѣ и отъ бывшаго посломъ въ Астрахани Мансурова пришло извѣстіе, что Дербышъ разбилъ вѣрныхъ Іоанну князей и три дня приступалъ къ малому городу у Волги, гдѣ онъ, Мансуровъ, отбился отъ него, потерявъ изъ находившихся при немъ 500 чел. войскъ—200 убитыхъ, утонувшихъ или умершихъ съ голоду.

Тогда Іоаннъ немедленно (въ томъ же мартѣ 1556 г.) послалъ Измаилу 50 казаковъ съ пищалями, а къ Астрахани судовую и полевую рати, именно: въ первой — стрѣльцовъ съ ихъ головами Черемисновымъ и Тетеринымъ, казаковъ (городовыхъ) съ атаманомъ Колупаевымъ и вятчанъ съ плавнымъ (судовымъ) атаманомъ Писемскимъ, а въ полевой рати—500 городовыхъ казаковъ съ атаманомъ Ляпуномъ Филимоновымъ. Послѣдній, предупредивъ всѣхъ прочихъ, первый напалъ на Дербыша, убилъ и взял въ плѣнъ у него много людей и сталъ дожидаться судовой рати, а отъ плѣнныхъ узналъ, что изъ Крыма пришли 700 татаръ и 300 янычаръ съ пушками и пищалями.

25 сентября Іоаннъ получилъ отъ Черемисинова донесеніе, что, по прибытіи его въ Астрахань, онъ нашелъ ее поквнутою Дер-

бышемъ и жителями, которые были прогнаны Ляпуномъ; что занявъ и укрѣпивъ ее, головы пошли къ морю, нашли и сожгли на немъ астраханскія суда, брошенные людьми; въ другой разъ, верстахъ въ 20 отъ берега, ночью напали на Дербыша и убили у него много людей, а на другое утро онъ напалъ на нихъ съ ногами, крымцами и астраханцами и съ боемъ преслѣдовалъ ихъ до Волги. Послѣ того Дербышъ началъ переговариваться съ Черемисиновымъ и увѣрялъ, что воротится со всеми астраханцами въ Астрахань и пребудетъ вѣренъ Іоанну. Въ ожиданіи того, головы благо разумно укрѣпились однако въ Астрахани, разставили по Волгѣ стрѣльцовъ и казаковъ и отняли у астраханцевъ все перевозки и рыбныя ловли. Но Дербышъ не исполнилъ своего обѣщанія, отклоняемый отъ того крымцами и сыновьями Юсуфа. Однако вскорѣ послѣдніе, три два бившись съ сыновьями погайскаго князя Шигъ-Мамая, примирились съ Изманломъ и прислали бить челомъ головамъ, общая быть вѣрными Іоанну и мирно кочевать у Астрахани, а головы дали имъ суда, чтобы ѣхать къ Изманлу. Слѣдствіемъ этого было то, что сыновья Юсуфа прогнали Дербыша, отняли у него пушки и прислали ихъ къ Черемисинову въ Астрахань; Дербышъ бѣжалъ въ Азовъ и уже не возвращался, а астраханцы воротились, просили пощады и покорились.

Такимъ образомъ, безъ особенныхъ усилій и пожертвованій, и Астрахань съ ея областью и съ устьями Волги также стала въ 1556 г. русскимъ достояніемъ. А это сразу поставило русскихъ въ сосѣдство съ Каспійскимъ моремъ и Кавказомъ, и съ обитавшими близъ нихъ мелкими племенами, которыя ссорились между собою, терпѣли отъ крымцевъ, невольно искали защиты могущественнаго русскаго государства и постепенно завлекали его далѣе и далѣе къ юго-востоку (первое движеніе къ Кавказу и за Кавказъ).

Іоаннъ, по совершенномъ покореніи Астрахани, велѣлъ атаману Ляпуну Филпмонову утвердиться на Волгѣ у Переволоки (гдѣ нынѣ Царицынъ), а сотскому Кобелеву—на р. Иргызѣ, для охраненія ногаевъ отъ русскихъ и крымскихъ казаковъ (вольныхъ людей) и для перевозки пословъ.

И такъ Казань, Астрахань, ногаи и все до Каспійскаго моря и Предкавказья покорилось Іоанну: даже ближайшіе черкесскіе князья, одинъ за другимъ, стали покоряться ему. Оставался только одинъ заклятой, непримиримый врагъ ему—крымскій ханъ, тщетно возбуждавшій противъ него всехъ приволжскихъ татаръ, но самъ боявшійся явно возставать противъ могущественнаго уже русскаго царя. Однако, съ азійско-татарскимъ коварствомъ, онъ съ 1553 г. не переставалъ сноситься съ Іоанномъ, обѣщалъ вѣркій миръ, если бу-

детъ получать болѣе щедрые дары. Іоаннъ отвѣчалъ, что мира и дружбы дарамъ не покупаетъ, а чтобы миръ былъ крѣпче, велѣлъ строить въ степи противъ Тулы крѣпость Дѣдиловъ. Лѣтомъ 1555 г. Девлетъ-Гирей, поднавъ Дербыша въ Астрахани противъ русскихъ, отважился опять напасть врасплохъ на московскую украину и выпустилъ слухъ, что идетъ на черкасовъ (донскихъ и днѣпровскихъ казаковъ). Іоаннъ, обязавшись защищать послѣднихъ, первый изъ московскихъ государей рѣшился предпринять походъ въ Крымъ и послалъ боярина Шереметева съ 13 т. войскъ (боярскихъ дѣтей, стрѣльцовъ и казаковъ) изъ Бѣлева Муравскимъ шляхомъ (дорогой) къ Черкони, въ Мамаевы луга, чтобы отогнать крымскія стада и отвлечь хана отъ черкасовъ. На пути туда, на берегахъ Донца Шереметевъ узналъ, что ханъ съ 60 т. войскъ (въ томъ числѣ янычары съ пушками) шель къ рязанскимъ или тульскимъ украинамъ, и далъ знать о томъ Іоанну. Послѣдній немедленно послалъ князя Ивана Мстиславскаго съ другими воеводами и съ войсками, по обыкновенію, на Оку къ Коломиѣ, Серпухову и Калугѣ, и самъ черезъ три дня выступилъ изъ Москвы въ Коломну. Здѣсь онъ получилъ вѣстіе, что ханъ шель къ Тулѣ и тотчасъ же двинулъ туда Мстиславскаго и другихъ воеводъ съ Оки и самъ пошелъ за ними отъ Коломны.

Девлетъ-Гирей дѣйствительно, дойдя до Изюма, повернулъ налѣво и быстро двинулся къ Тулѣ. Шереметевъ съ Донца пошелъ вслѣдъ за нимъ, дабы перехватывать отряды его, когда они разсыются для грабежа въ украиняхъ, и прежде всего послалъ треть своего войска на крымскій обозъ, который обыкновенно слѣдовалъ въ 5 или 6 дняхъ пути позади главнаго войска, дабы половинное число лошадей и верблюды могли удобнѣе пастись. Посланный Шереметевымъ отрядъ захватилъ весь крымскій обозъ, съ 60 т. лошадей и 80 верблюдами, и далъ знать Шереметеву, что ханъ идетъ къ Тулѣ. Шереметевъ продолжалъ идти вслѣдъ за ханомъ, а между тѣмъ послѣдній, узнавъ о движеніи противъ него Іоанна съ войскомъ, немедленно и поспѣшно пошелъ обратно. На урочищѣ Судбищи, въ 150 верстахъ отъ Тулы, онъ встрѣтилъ Шереметева, у котораго, за исключеніемъ трети его войска, отряженной взять ханскій обозъ и еще не воротившейся, было не болѣе 7 или 8 т. челов. Не смотря на малочисленность этихъ силъ, Шереметевъ смѣло вступилъ въ бой со всѣми силами хана, сражался съ ними отъ полудня до ночи, смялъ крымскіе полки передовой, правой и лѣвой руки и взялъ знамя князей ширинскихъ. Но ханъ удержался на мѣстѣ боя и Шереметеву пришлось приготовиться къ новому бою на другое утро. Поэтому онъ ночью же послалъ гонцовъ къ отряду, отправлен-

ному противъ крымскаго обоза, съ приказаніемъ спѣшить на помощь. Но изъ этого отряда къ утру прибыли лишь немногіе, потому что остальные отправились съ добычей въ ближайшіе русскіе города. Между тѣмъ ханъ ночью выпыталъ отъ одного изъ русскихъ плѣнниковъ правду о малочисленности войскъ Шереметева и на разсвѣтъ слѣдующаго дня обрушился со всѣми своими силами на Шереметева. Послѣдній храбро и упорно сражался съ нимъ до полудня и успѣлъ отразить и разсѣять крымцовъ, такъ что около хана остались только одни лычары. Но, къ несчастію, онъ былъ тяжело раненъ и сбитъ съ коня, войска его пришли въ смятеніе и разстройство и — потерпѣли сильное пораженіе. Только двумъ воеводамъ Басманову и Сидорову удалось собрать около себя тысячъ 5 или 6 войскъ и засѣсть съ ними въ лѣсномъ оврагѣ и три раза до вечера съ успѣхомъ отразить приступы всего ханскаго войска. Вечеромъ же ханъ, страшно боясь приближавшагося сзади его, русскаго войска, поспѣшно переправился за р. Сосну и бросился бѣжать.

Между тѣмъ Іоаннъ съ сильнымъ войскомъ переправился уже черезъ Оку и приближался къ Тулѣ, когда узналъ о пораженіи Шереметева. Тутъ одни воеводы полагали, что слѣдовало идти назадъ къ Москвѣ, а другіе, напротивъ, не обращать тыла передъ ханомъ и идти впередъ противъ него, утомленнаго и ослабленнаго 2-хъ дневнымъ, упорнымъ боемъ. Іоаннъ согласился съ послѣднимъ мнѣніемъ и продолжалъ идти къ Тулѣ но по прибытіи къ ней узналъ, что ханъ шелъ назадъ такъ скоро (по 70 верстъ въ сутки), что былъ уже въ 4-хъ дняхъ пути отъ Тулы. Тогда Іоаннъ, пробывъ въ Тулѣ два дня для сбора всѣхъ войскъ, воротился въ Москву. Еслибы онъ могъ во-время наступнуть хана, прежде пораженія имъ Шереметева, то ханъ, атакованный спереди и сзади сильнымъ русскимъ войскомъ, весьма вѣроятно претерпѣлъ-бы полное и совершенное пораженіе и надолго былъ-бы приведенъ въ невозможность вредить южнымъ русскимъ предѣламъ. Къ сожалѣнію, обстоятельства сложились такъ, что ханъ успѣлъ разбить Шереметева и уйти еще до прибытія Іоанна.

Въ мартѣ слѣдующаго 1556 г. Іоаннъ узналъ, что ханъ собирался раннею весною снова идти со всѣми своими силами къ русскимъ украинамъ. Тогда Іоаннъ послалъ дѣяка Ржевскаго изъ Путивля на Днѣпръ, съ тѣмъ чтобы онъ этою рѣкою спустился на судахъ къ крымскимъ улусамъ, для развѣданія о ханѣ. Ржевскій, построивъ въ Путивлѣ легкія суда, спустился на нихъ по р. р. Сейму, Деснѣ и Днѣпру. Въ то же время другой отрядъ съ тою же цѣлію спустился на легкихъ судахъ по Дону. Въ маѣ Іоаннъ, услыжавъ, что ханъ выступилъ съ запасами на все лѣто, приказалъ войскамъ собраться

къ Серпухову и оттуда идти въ Тулѣ, съ тѣмъ, чтобы изъ Тулы двинуться въ степь и сразиться съ ханомъ. Въ Серпуховѣ онъ получилъ отъ начальника донскаго отряда, Чулкова, извѣстіе, что послѣдній встрѣтилъ и разбилъ близъ Азова 200 чел. крымцовъ и узналъ отъ плѣнныхъ, что ханъ дѣйствительно собрался идти на московскія украины, но, получивъ вѣсти, сначала — что Іоаннъ готовъ его встрѣтить, пошелъ противъ черкасовъ, а потомъ — что на Днѣпрѣ у Исламъ-Керменя (близъ нын. Бериславля) показалось много русскихъ людей, поспѣшилъ воротиться въ Крымъ. Русскіе люди у Исламъ-Керменя были именно люди Ржевскаго, къ которымъ на Днѣпрѣ присоединились 300 днѣпровскихъ (малороссійскихъ) охочихъ казаковъ изъ Канева. Жители Исламъ-Керменя отъ страха разбѣжались и Ржевскій, отогнавъ лошадей и скотъ ихъ, поплылъ далѣе къ Очакову, взявъ здѣсь острогъ, разбилъ турокъ и крымцовъ, и поплылъ назадъ въ Днѣпръ. Турки преслѣдовали его, но онъ, засѣвъ въ днѣпровскихъ камышахъ въ засаду, огнемъ изъ пицалей нанесъ туркамъ большой уронъ и поплылъ далѣе вверхъ по Днѣпру. У Исламъ-Керменя онъ встрѣтилъ Калгу, старшаго крымскаго царевича, со всѣми силами Крыма, засѣлъ противъ него на островѣ, 6 дней перестрѣливался съ крымцами изъ пицалей, ночью даже отогналъ скотъ ихъ на островъ, затѣмъ переправился на правый, литовскій берегъ Днѣпра и благополучно разошелся съ крымцами. Въ заключеніе своего донесенія, Ржевскій увѣдомилъ Іоанна, что ханъ не пойдетъ уже болѣе къ московскимъ украинамъ, какъ потому, что боялся собраннаго русскаго войска, такъ и потому, что въ Крыму было моровое повѣтріе.

Эти двѣ первыя, смѣлыя и удачныя русскія экспедиціи внизъ по Днѣпру и Дону къ Очакову и Азову весьма замѣчательны, какъ отважнымъ наступательнымъ характеромъ своимъ, такъ и потому вліявію, которыя опѣ имѣли на донскихъ и особенно на днѣпровскихъ казаковъ, съ этого времени являющихся дѣятельными и полезными союзниками русскихъ противъ крымцовъ и противъ турокъ, поддерживавшихъ ихъ. Когда экспедиція Ржевскаго удалась съ такимъ успѣхомъ, всѣ казаки въ литовской украинѣ (въ нын. кievской и подольской губерніяхъ) пришли въ движеніе и въ главѣ ихъ особенно начальникъ этой украины, староста каневскій, князь Димитрій Вишневецкій, истинный казакъ въ душѣ и достойный преемникъ Евстафія Дашковича. Въ сентябрѣ 1556 г. одинъ изъ атамановъ днѣпровскихъ казаковъ, бывшій съ Ржевскимъ подъ Очаковымъ, привезъ Іоанну грамоту отъ Вишневецкаго, просившагося въ службу его и увѣдомившаго, что онъ уже отбѣжалъ изъ Литвы отъ короля и построилъ городокъ на

Хортицкомъ островѣ нижняго Днѣпра, противъ Конслихъ водъ, у крымскихъ кочевьевъ. Іоаннъ послалъ къ Вишневецкому двухъ боярскихъ дѣтей съ опасною (проѣздною) грамотой и съ жалованьемъ (милостивыми словами). Вишневецкій отвѣчалъ съ ними, что онъ вѣрный слуга Іоанну, далъ клятву пріѣхать въ Москву, но прежде хотѣлъ показать свое усердіе къ службѣ Іоанну и идти воевать противъ улусовъ и Исламъ-Керменя. Слѣдствія всего этого не замедлили обозначиться: въ декабрѣ 1556 года Девлетъ-Гирей прислалъ въ Москву гонца съ извѣстіемъ, что отпускаетъ на выкупъ всѣхъ русскихъ плѣнниковъ, взятыхъ у Шереметева, и желаетъ прочнаго мира, для утвержденія котораго считаетъ нужнымъ отправленіе съ обѣихъ сторонъ пословъ. А жившій все это время въ Крыму московскій посолъ Загрязскій писалъ, что ханъ все лѣто былъ въ большой тревогѣ, ожидая прибытія Іоанна съ войскомъ въ Крымъ, и посылалъ просить помощи у султана; что 1-го октября Вишневецкій взялъ Исламъ-Кермень, защитниковъ его разбилъ, а пушки ихъ вывезъ въ свой Хортицкій городокъ; что съ другой стороны двое пятигорскихъ черкесскихъ князей взяли города Темрюкъ и Тамань; наконецъ, что ханъ сильно желаетъ примириться. Іоаннъ отвѣчалъ, что если ханъ хочетъ мира, то пусть поклянется передъ Загрязскимъ въ дружбѣ и пришлетъ въ Москву большихъ (знатныхъ) пословъ. Но ханъ прежде хотѣлъ выгнать Вишневецкаго съ Хортицкаго острова и весною 1557 г. приходилъ къ нему со всѣми своими силами, 24 дня приступалъ къ городу, но ни въ чемъ не успѣлъ и былъ припужденъ воротиться съ урономъ. Вишневецкій же, увѣдомляя о томъ Іоанна, писалъ, что пока будетъ на Хортицкомъ островѣ, крымцамъ викауда нельзя будетъ ходить изъ Крыма на войну. Но осенью того же 1557 г. онъ увѣдомилъ, что услыхавъ о движеніи противъ него крымскаго, турецкаго и волошскаго войска, онъ покинулъ свой городокъ по недостатку продовольствія, отъ чего казаки его разошлись, а онъ самъ находится въ прежнихъ своихъ городахъ Черкасахъ и Каневѣ, и ждетъ приказаній Іоанна. Послѣдній приказалъ ему сдать Черкасы и Каневъ королю, съ которымъ онъ, Іоаннъ, былъ въ перемиріи, а самому ѣхать въ Москву. Здѣсь онъ получилъ отъ Іоанна Бѣлеву со всѣми волостями и селами.

Девлетъ-Гирей, ободренный удаленіемъ Вишневецкаго съ Хортицкаго острова, сталъ требовать отъ Іоанна, для угрѣпленія мира, болѣе щедрыхъ даровъ и такой же дани, какую давалъ литовскій король. Іоаннъ отвѣчалъ, что это къ миру не ведетъ, и въ началѣ 1558 г. отправилъ Вишневецкаго съ 5 т. жильцовъ, боярскихъ дѣтей, стрѣльцовъ и казаковъ на Днѣпръ воевать противъ

Крыма съ запада, а Черкесскимъ князьямъ приказалъ воевать противъ него съ востока. Загряжскій, воротаясь въ Москву, донесъ, что ханъ присягнулъ въ дружбѣ Іоанну и, желая поживиться и отъ Литвы, и отъ Іоанна, послалъ въ первую сына своего, а отъ Іоанна снова требовалъ дани. Но Іоаннъ, видя, что ханъ безпрестанно измѣняетъ своимъ клятвамъ, отказалъ ему во всемъ и прервалъ съ нимъ всѣ сношенія.

Въ маѣ 1558 г. Вишневецкій донесъ, что онъ ходилъ до Перекопи, не встрѣтивъ нигдѣ ни одного крымца, потому что ханъ, предупреденный Сигизмундомъ-Августомъ, отвелъ всѣ свои улусы за Перекопъ и положилъ обороняться. Вишневецкій хотѣлъ провести лѣто въ Исламъ-Кермени, но Іоаннъ приказалъ ему воротиться въ Москву, оставивъ на Днѣпрѣ небольшіе отряды боярскихъ дѣтей, стрѣльцовъ и казаковъ. Крымцы послѣ того пытались малыми толпами пробираться на Волгу и нападать на рыболововъ, но были отражаемы или русскими, или черкесами.

Такъ прошли лѣто и осень 1558 г., а въ концѣ этого года ханъ, услышавъ, будто Іоаннъ со всѣми силами пошелъ въ походъ противъ Ливоніи и въ Москвѣ никого не было, рѣшился предпринять зимній походъ противъ нея, лишь бы только отметить Іоанну за дѣйствія Ржевскаго и Вишневецкаго и особенно за отказъ въ дарахъ и дани. Собралъ тысячъ до 100 войскъ, онъ послалъ ихъ въ декабрѣ 1558 г. тремя частями на Рязань, Тулу и Каширу. Но на р. Красной Мечѣ царевичъ Магметъ-Гирей, начальствовавшій главными силами, узнавъ, что Іоаннъ находился въ Москвѣ, Вишневецкій — въ Бѣлевѣ, а Шереметевъ — въ Рязани, пошелъ назадъ, и, по причинѣ холодной зимы, потерялъ много людей и лошадей.

Видя такого рода дѣйствія Девлетъ-Гирей, Іоаннъ въ началѣ 1559 г. послалъ Вишневецкаго съ 5 т. войскъ на Донъ, а окольничаго Даніила Адашева съ 8 т. въ городокъ на р. Пселѣ и оттуда въ Днѣпръ, для того, чтобы одинъ съ Дона, а другой съ Днѣпра напали на Крымъ. Весною Вишневецкій разбилъ близъ Азова 250 крымцовъ, пробиравшихся въ казанскую область. Дѣйствія же Адашева были гораздо значительнѣе и важнѣе: спустился на судахъ въ устья Днѣпра, онъ взялъ 2 турецкихъ корабля, высадился на западномъ берегу Крыма, разорилъ или сжегъ крымскіе улусы, захватилъ большую добычу, освободилъ русскихъ и литовскихъ плѣнниковъ и воротился въ Днѣпръ безъ препятствія. Крымцы, достигнутые совершенно врасплохъ, не скоро могли опомниться отъ страха и собраться вокругъ хана, который поэтому и не успѣлъ напасть на Адашева въ Крыму, только преслѣдовалъ его по Днѣпру до мыса

Монастырки, близъ Ненасытцаго порога, но и тутъ не отважился напасть на него и воротился назадъ.

Между тѣмъ въ Москвѣ все лѣто ждали нашествія хана, готовили войска и Іоаннъ хотѣлъ самъ выступить въ походъ при первой вѣсти. Но ханъ не приходилъ, потому что съ одной стороны днѣпровскіе и донскіе казаки, а съ другой ногаи и астраханцы громили и разоряли крымскіе улусы; въ Крыму же, сверхъ того, свирѣпствовали голодъ и морь. Ханъ прислалъ въ Москву пословъ съ мирными предложеніями и съ жалобами на нападенія на Крымъ со всѣхъ сторонъ. Іоаннъ отвѣчалъ, что если ханъ будетъ соблюдать миръ, то и войны противъ него не будетъ, иначе грозилъ войною и на сухопутнѣ, и на морѣ, которыми русскіе люди уже узнали пути въ Крымъ.

Дѣйствительно, послѣ покоренія двухъ восточныхъ татарскихъ царствъ—казанскаго и астраханскаго, казалось, что обстоятельства чрезвычайно благоприятствовали покоренію и третьяго, южнаго—крымскаго, постоянно столь враждебнаго, безпокойнаго и вреднаго для русскаго государства. Поэтому Адашевъ и другіе ближайшіе совѣтники Іоанна, надѣясь на значительныя уже военныя силы русскаго государства, на содѣйствіе донскихъ и днѣпровскихъ казаковъ, ногаевъ и черкесовъ, совѣтовали Іоанну принять казаковъ въ свое подданство и покончить и съ Крымомъ, какъ съ Казанью и Астраханью. Но Іоаннъ не согласился на это—и мнѣнія новѣйшихъ историковъ нашихъ о томъ различны. Карамзинъ (вообще не расположенный къ Іоанну) и послѣдующіе историки 1830—40 годовъ (Устряловъ, Полевой и др.) были того мнѣнія, что Іоанна устрашала, какъ огромность и трудность покоренія Крыма, такъ и война изъ-за него съ турецкимъ султаномъ, поддерживавшимъ крымскаго хана, какъ своего подручника, но съ которымъ Іоаннъ хотѣлъ быть въ мирѣ и дружбѣ, а не въ войнѣ. Послѣ покоренія Казани и Астрахани и наступательныхъ дѣйствій противъ Крыма до 1559 г., Іоаннъ (по мнѣнію Карамзина и др.), придя въ возрастъ (29 лѣтъ), уже началъ измѣняться въ характерѣ, становиться недовѣрчивымъ, подозрительнымъ и раздражительнымъ, тяготиться совѣтами Адашева и другихъ совѣтниковъ своихъ и стремиться къ ничѣмъ неограниченному: личной волѣ и самостоятельности. Совѣтники его, не успѣвъ склонить его къ согласію, хотѣли по крайней мѣрѣ доказать возможность нападеній на Крымъ по Днѣпру и Дону съ моря, и по этой мысли ихъ и были произведены предпріятія (экспедиціи) Ржевскаго и Вишневецкаго. Но успѣхи послѣднихъ не измѣнили несогласія Іоанна—по причинѣ, будто бы, робости, нерѣшительности и упрямства его, влѣдствіе чего упущеніе имъ такого благоприятнаго случая для покоренія Крыма и отвращенія тѣмъ послѣ-

дующей 200 лѣтней войны съ нимъ поставляется имп Іоанну въ большую ошибку.

Но Соловьевъ и др. историки наши новѣйшаго времени смотрятъ на этотъ вопросъ иначе и едва ли не правильнѣе. Соловьевъ полагаетъ, что хотя при послѣднихъ (до 1559 г.) нападеніяхъ на Крымъ и была дознана слабость его, но постоянное опасеніе внезапныхъ и разорительныхъ нашествій крымцовъ заставляло постоянно же держать на-готовѣ русскія войска для отраженія этихъ нашествій, а это, при тогдашнемъ военномъ устройствѣ русскаго государства и его войска, было трудно и обременительно. Походы на Казань и Астрахань облегчались тѣмъ, что населенныя земли Казани соприкасались населеннымъ же русскимъ землямъ и даже малонаселенныя казанскія земли, въ рѣкахъ и лѣсахъ своихъ, представляли обильные способы для продовольствованія многочисленныхъ русскихъ ратей,—р. Москва, Ока, Вятка, Кама и Волга—удобные пути для сплава войскъ, орудій, тяжестей, военныхъ и продовольственныхъ запасовъ, а Волга особенно, послѣ покоренія Казани—удобнѣйшій путь дѣйствій противъ Астрахани. Но Крымъ былъ отдѣленъ отъ московскихъ южныхъ украинъ, начинавшихся подъ Тулой и Пронскомъ, большимъ разстояніемъ (отъ Тулы до Перекопа 1175 верстъ, а отъ Пронска 928) и ненаселенными, невоздѣланными степями, походъ черезъ которыя былъ невозможенъ или крайне труденъ для многочисленнаго русскаго войска тогдашнихъ состава и устройства. Частныя предпріятія Ржевскаго и Вишневецкаго, въ видѣ набѣговъ, на-легкѣ, на рѣчныхъ судахъ, по Днѣпру и Дону, не могли служить примѣромъ тому. Но если бы даже предположить, что покореніе Крыма было возможно и удачно, то возможно ли было прочное сохраненіе его? Если покореніе племенъ, обитавшихъ въ казанской области, послѣ покоренія Казани потребовало 5 лѣтъ большихъ усилій и истребительной войны, то сколь большихъ усилій и пожертвованій стоили бы покореніе и прочное удержаніе Крыма? Это расшевелило бы всѣ, еще самостоятельныя силы татаръ на берегахъ Чернаго, Азовскаго и Каспійскаго морей и вовлекло бы въ трудную и опасную войну съ Турціей, которая находилась тогда на такой высокой степени могущества, что западная Европа трепетала ея, а крымскій ханъ, какъ магометанскій владѣтель и подручникъ султана, да и всѣ южные татары, видѣли въ послѣднемъ духовнаго и свѣтскаго владыку своего, преемника халифовъ. Могло-ли же русское государство, въ тогдашнихъ: обстоятельствахъ, положеніи, силахъ и средствахъ своихъ, не только отважиться на борьбу съ Турціей, но даже и помышлять о томъ? Событія послѣдующихъ двухъ вѣковъ достаточно доказали всю трудность того даже въ эти вре-

мена, а тѣмъ труднѣе это было во времена Іоанна IV. И послѣдній, при несомнѣнномъ умѣ своемъ, ясно видѣлъ это и потому не сдѣлалъ ошибки.

Соглашаясь съ этимъ, можно только, собственно въ военномъ отношеніи, замѣтить, что, при невозможности наступательной войны противъ Крыма, существовала однако необходимость и даже обязанность принятія, для обороны южныхъ русскихъ границъ, постоянныхъ и болѣе сильныхъ мѣръ, нежели засѣки на нихъ и другія, бывшія тогда въ употребленіи. Тогдашнія оборонительныя укрѣпленныя линіи и охраненіе ихъ были недостаточны для того: засѣки, съ засѣчною стражей, обязанною преимущественно развѣдывательною и наблюдательною службой, не могли удерживать нашествій крымцовъ, для чего каждый разъ нужно было поспѣшно и рѣдко во-время собирать временныя военно-помѣстныя ополченія, а до сбора ихъ крымцы успѣвали разорять русскія окраины. Для удержанія и отраженія ихъ необходимы были: прикрытіе границъ рядомъ укрѣпленныхъ городовъ, соединенныхъ прочными укрѣпленными линіями, занятыхъ постоянными и сильными гарнизонами и прикрытыхъ спереди пограничными засѣками и засѣчными станицами и стражами, только для наблюденія, развѣдыванія и перваго задержанія крымцовъ. Все это было бы, кажется, возможно и нетрудно: пограничные города—укрѣпить сильнѣе и прочнѣе, построить новые (что отчасти и было уже сдѣлано), связать ихъ между собою укрѣпленными линіями съ земляными валами и рвами, постоянно занимать тѣ и другія стрѣльцами и городскими казаками. Изъ нихъ первые были уже нѣкоторымъ образомъ отчасти постоянными войсками, обязанными городовою службой, но ихъ слѣдовало бы держать преимущественно, даже исключительно на границахъ, а не въ Москвѣ и внутреннихъ городахъ. Городовые казаки были уже во всѣхъ городахъ пограничныхъ, какъ и внутреннихъ, и могли бы раздѣлять съ стрѣльцами постоянную пограничную службу, засѣчныя же станицы—быть передовыми наблюдательными, развѣдывательными и охранными стражами позади-расположенныхъ городовъ, линій между ними и войскъ въ нихъ. Словомъ—охрану южныхъ границъ можно было бы устроить, на примѣръ, на подобіе того, какъ она въ это время устроена была противъ турокъ на военной границѣ Австріи и Венгріи. Устроивъ же ее подобнымъ образомъ, можно было бы постепенно, изъ года въ годъ, подвигать пограничную укрѣпленную линію къ югу въ степи, не принадлежавшія ни русскимъ, ни татарамъ, отодвигая ее отъ Москвы и приближая къ Крыму. Въ отношеніи же денежныхъ средствъ на все это, можно сказать, что если народъ въ то время былъ бѣденъ, то государственная казна имѣла уже болѣе, нежели

прежде, доходы, а высшія сословія и самъ Іоаннъ обладали значительными богатствами и денежными средствами, которыя могли, кажется, съ большою пользою быть употреблены на прикрытіе и оборону южныхъ границъ и постепенное передвиженіе ихъ къ югу, нежели на тогдашнія непомѣрныя, азіятскія пышность и роскошь московскаго двора и знатныхъ людей.

Но Іоаннъ, покоривъ Казань и Астрахань, и обезпечивъ съ этой стороны русскіе предѣлы, а со стороны Крыма оставивъ все по прежнему, обратилъ все свое вниманіе на сѣверъ—противъ Швеціи и особенно на западъ — противъ Ливоніи, Литвы и Польши, для пріобрѣтенія средствъ съ успѣхомъ бороться затѣмъ съ магометанскимъ міромъ на югѣ.

§ 191.

Война съ Швеціей и Ливонскимъ орденомъ (1554—1563).

Война съ Швеціей началась еще въ 1554 году, вслѣдствіе пограничныхъ ссоръ, которыя могли бы легко уладиться и мирными средствами, если бы шведскій король Густавъ Ваза не считалъ унижительною для себя обычай московскаго двора сноситься съ нимъ не прямо, а чрезъ посредство новгородскихъ намѣстниковъ. Шведы безуспѣшно осаждали Орѣшекъ, а русскіе Выборгъ, окрестности котораго жестоко разорили. Густавъ-Ваза, уже престарѣлый, не видя помощи себѣ, въ которой былъ обнадеженъ, со стороны Ливоніи и Польши, былъ принужденъ искать мира, который и былъ заключенъ по волѣ Іоанна, на условіяхъ выкупа шведами своихъ плѣнныхъ, освобожденія ими русскихъ плѣнныхъ безденежно, оставленія границъ по старинѣ, сношенія шведскаго короля по прежнему съ новгородскими намѣстниками и свободныхъ: взаимной торговли и проѣзда въ другія государства и страны. Эти послѣднія условія имѣли со стороны Іоанна важную цѣль—завязать дѣятельныя торговыя связи съ западною Европою и открыть, кромѣ того, свободныя пути такимъ, вызываемымъ изъ нея людямъ, которые могли бы перенести изъ нея въ русское государство плоды ея гражданственности и образованности. Ближайшимъ путемъ для того долженствовало служить Балтійское море, но на немъ не было ни русскихъ гаваней, ни русскаго торговаго флота, а государства, владѣвшія берегами этого моря, гаванями на нихъ и судоходствомъ на немъ (Швеція, Данія, Ливонія, Польша и Бранденбургія), всячески затрудняли русскую торговлю на немъ и особенно свободный про-

пускъ въ русскіе предѣлы вызываемыхъ въ нихъ изъ западной Европы нужныхъ людей. Болѣе всѣхъ затрудняла это, даже совершенно прелятствовала тому, къ удивленію, небольшая и слабая до безсилія Ливонія, подстрекаемая къ тому Польшей, постоянно устрашавшей ее древними правами русскаго государства на нее. Но этимъ ливонцы только усиливали въ московскомъ правительствѣ желаніе отнятія у Ливоніи береговъ Балтійскаго моря и присвоенія ихъ себѣ—покореніемъ ея. Поводомъ къ тому послужила неуплата Дерптомъ дани русскимъ великимъ князьямъ по давнишнимъ, еще въ XIV и XV столѣтіяхъ, договорнымъ грамотамъ. Когда въ 1554 году въ Москву прибыли ливонскіе послы съ просьбой о продленіи перемирія, имъ было отказано въ этомъ и потребовано, чтобы дань была уплачена сполна за все время неуплаты ея. Вслѣдствіе переговоровъ о томъ и въ Москвѣ, и въ Дерптѣ, епископъ дерптскій обязался наконецъ выплатить всю дань въ три года, но не исполнилъ этого, и въ февралѣ 1557 года въ Москву прибыли ливонскіе послы безъ денегъ, но съ просьбой — сложить дань. Имъ отвѣчали, что такъ какъ магистръ, рижскій архіепископъ и дерптскій епископъ нарушили договоръ, то Іоаннъ самъ будетъ искать слѣдуемаго ему съ нихъ и со всей Ливоніи. Съ этимъ и отпустили пословъ въ мартѣ изъ Москвы, а въ апрѣлѣ Іоаннъ послалъ князя Шестунова строить городъ и гавань при устьѣ р. Наровы, ниже Ивангорода; въ этомъ послѣднемъ же, въ Псковѣ и въ Новгородѣ онъ запретилъ ѣздить въ Ливонію съ товарами, но дозволилъ торговлю съ ливонцами, если они пріѣдутъ въ русскіе предѣлы. Въ ноябрѣ того же 1557 г. къ ливонскимъ границамъ двинулся 40 т. войскъ подъ начальствомъ Шигъ-Алея и воеводъ: князя Михаила Василевича Глинскаго, брата царицы Анастасіи Даниїла Романовича и др., причемъ вмѣстѣ съ русскими войсками шли татары, черемисы, мордва и пятигорскіе черкесы. Въ декабрѣ ливонцы послали пословъ съ просьбой взять одновременно 45,000 ефимковъ (18,000 тогдашнихъ рублей) и съ обѣщаніемъ ежегодно получать съ Дерпта по 1,000 венгерскихъ золотыхъ. Когда же у пословъ требовали денегъ, а ихъ не оказалось, то раздраженный этимъ Іоаннъ велѣлъ посдамъ ѣхать назадъ, а войску продолжать походъ.

Въ январѣ 1558 года оно вступило изъ Пскова въ Ливонію и страшно разорило ее на пространствѣ пѣльцхъ 200 верстъ, разбивъ у Дерпта, Везенберга и въ иныхъ мѣстахъ высланные противъ него отряды, а въ концѣ февраля воротилось назадъ съ огромною добычей. Разореніемъ и разграбленіемъ Ливоніи воеводы, по обычаю того времени, хотѣли принудить магистра къ покорности Іоанну, къ чему и склоняли его грамотой. Онъ прислалъ пословъ и Іоаннъ

велѣлъ прекратить войну. Но жители Нарвы не хотѣли прекратить ея и продолжали обстрѣливать черезъ р. Нарову сосѣдній Ивангородъ. Іоаннъ велѣлъ новгородскимъ воеводамъ въ Ивангородѣ съ своей стороны сгрѣлять по Нарвѣ. Послѣдняя не могла выдержать огня болѣе недѣли и 9 апрѣля жители ея изъявили покорность, дали заложниковъ и послали въ Москву выборныхъ людей. Имъ объявили, чтобы они выдали военнаго начальника Нарвы, а Нарву сдали новгородскимъ воеводамъ. Депутаты согласились и присягнули за всю нарвскую область. Но когда новгородскіе воеводы дали знать объ этомъ въ Нарву, то жители ея отреклись отъ того, на что согласились депутаты ихъ, потому что получили между тѣмъ помощь отъ магистра. Тогда ивангородскіе воеводы, воспользовавшись сильнымъ пожаромъ, вспыхнувшимъ 11 мая въ Нарвѣ, овладѣли нижнимъ городомъ, не смотря на упорное сопротивленіе жителей, и до вечера производили приступы къ Вышгороду (замку или цитадели) и сильный огонь по немъ изъ своихъ и изъ взятыхъ въ нижнемъ городѣ пушекъ. Наконецъ войска и жители Вышгорода предложили сдать его со всѣми пушками, съ тѣмъ только, чтобы военный начальникъ его съ присланною помощію получилъ свободный выходъ. Воеводы согласились на это, и по выходѣ войскъ и лучшихъ гражданъ изъ Нарвы, остальные присягнули на подданство Іоанну.

Между тѣмъ въ Москву пріѣхали послы магистра съ 60,000 талеровъ, прося не требовать пока болѣе, потому что дерптская область была разорена въ конецъ и что русское войско взяло въ ней добычи гораздо болѣе условленной суммы. По ходатайству московскихъ купцовъ, переговоры уже завязались, когда получено было извѣстіе о взятіи Нарвы и послы были отпущены съ требованіемъ, чтобы магистръ, архіепископъ и епископъ сами явились къ Іоанну съ покорностію. Война продолжалась и нѣкоторые города сдались безъ сопротивленія (Нейшлосъ, Адежъ, Киренпе, Курславъ, Вербентъ), а другіе упорно оборонялись, особенно замокъ Нейгаузенъ (у русскихъ Новый Городокъ). Магистръ Фюрстенбергъ, имѣя только 8 т. съ небольшимъ войскъ, не посмѣлъ вступить въ бой съ русскими войсками для освобожденія Нейгаузена, и они взяли его, хотя и съ большимъ трудомъ. Послѣ того магистръ едва ушелъ отъ нихъ къ Валку и здѣсь, по старости, сложилъ съ себя званіе магистра, а на его мѣсто былъ выбранъ молодой феллипскій командоръ Готгардъ Кетлеръ.

Въ іюлѣ русское войско, подъ начальствомъ князя Петра Ивановича Шуйскаго, обложило Дерптъ, въ которомъ затворился епископъ Германъ Вейландъ съ гражданами и съ 2 т. наемниковъ изъ Германіи; большая же часть дворянъ ночью покинула го-

родъ Сначала осажденные оборонились мужественно и упорно, производили сильный огонь и частыя вылазки; но осаждавшіе все болѣе и болѣе приближались къ городу и, по значительному превосходству своему въ числѣ орудій, наносили огромный вредъ городу, стѣнамъ и жителямъ его. Послѣдніе, истомленные обороной и ослабленные урономъ, послали просить помощи магистра, но онъ объявилъ, что самъ былъ не въ состояніи противиться столь сильному непріятелю и всячески старался умножить свое войско. Шуйскій же съ своей стороны объявилъ осажденнымъ пощаду въ случаѣ сдачи и покорности, или истребленіе всѣхъ ихъ безъ исключенія въ противномъ случаѣ. Они выпросили три дня срока и на 4-й день предъявили 14 условій сдачи и покорности своихъ. Шуйскій согласился на нихъ и на всѣ другія просьбы жителей кромѣ того — и честно, добросовѣстно исполнялъ обѣщаніе сохранить въ своемъ войскѣ, по занятіи Дерпта, строгій порядокъ. 6 сентября Іоаннъ далъ жителямъ Дерпта жалованную грамоту, въ которой нѣкоторыя изъ условій дополнилъ, а другія измѣнилъ.

Льготы, данныя этою грамотою Дерпту, явно обличали намѣреніе Іоанна завоевать и навсегда удержать за собою Ливонію. Онъ роздалъ боярскимъ дѣтямъ земли въ покоренныхъ ливонскихъ областяхъ и потребовалъ отъ Ревеля, чтобы и онъ послѣдовалъ примѣру Дерпта. Но Ревель не покорился, а покорилось нѣсколько другихъ городовъ, число которыхъ, съ прежде покорившимися, къ осени дошло уже до числа 20. Оставивъ въ нихъ гарнизоны, главные воеводы въ сентябрѣ отправились, по тогдашнему обычаю, въ Москву.

Кетлеръ воспользовался этимъ и, собравъ до 10 т. войскъ, осадилъ и взялъ приступомъ Рингенъ, потерявъ, по слухамъ, до 2 т. чел. Русскіе воеводы, оставшіеся въ Ливоніи, не могли собрать въ полѣ болѣе 2 т. войскъ, ни выдержать нападенія 8 т. войскъ Кетлера, при встрѣчѣ съ ними — и обратились въ бѣгство, а могли только разбивать малые отряды, посылаемые для сбора продовольствія и фуража. Ливонцы же успѣли проникнуть въ псковскіе предѣлы, сожгли посадъ пригорода Краснаго, дошли даже до Себежа и сожгли монастырь св. Николая. Впрочемъ успѣхи Кетлера тѣмъ и ограничились, потому что онъ не могъ съ своими слабыми силами предпринять осады болѣе значительныхъ городовъ, взятыхъ русскими, и въ концѣ октября возвратился въ Ригу.

Въ отмщеніе ему, въ январѣ слѣдующаго 1559 года въ Ливонію вступило многочисленное русское войско (по ливонскимъ извѣстіямъ — до 130 т. чел.), разбило ливонцовъ при Тирзенѣ и цѣлый мѣсяць безъ сопротивленія разорало Ливонію до моря и границъ прусскихъ и литовскихъ. Ливонское правительство обратилось къ

сыну Густава Вазы, правителю Финляндіи герцогу Іоанну, съ просьбой ссудить 200,000 рейхсталеровъ и войско, подъ залогъ нѣсколькихъ земель въ Ливоніи: герцогъ Іоаннъ склонился на то, но Густавъ Ваза отсовѣтовалъ ему это, дабы не поссориться не только съ царемъ московскимъ, но и съ императоромъ и съ королями польскимъ и датскимъ. Для сохраненія мира съ первымъ, онъ даже приказалъ захватить въ Выборгѣ ревельцовъ за то, что ревельскія суда напали въ шведскихъ водахъ на лодки русскихъ купцовъ и овладѣли ими, и послалъ въ Финскій заливъ шведскія вооруженныя суда для защиты русскихъ купеческихъ. Ливонцы просили помощи и у самаго Густава Вазы, но онъ отказалъ въ ней, а только просилъ Іоанна за Ливонію, впрочемъ собственно не изъ-за ливонцовъ, а изъ-за императора. Іоаннъ отвѣчалъ ему, чтобы онъ въ такомъ случаѣ не хлопоталъ о ливонцахъ.

Тогда ревельцы, ни откуда не ожидая помощи себѣ, просили датскаго короля Христіана IV принять ихъ въ свое подданство, такъ какъ Ревель и Эстонія нѣкогда были подъ властію Даніи. Но и Христіанъ далъ имъ такой же отвѣтъ, какъ и Густавъ-Ваза; Іоаннъ же, вслѣдствіе ходатайства Христіана, только далъ ордену перемірие съ мая до ноября 1559 г., съ тѣмъ, чтобы въ теченіи этого времени магистръ лично изъяснилъ въ Москвѣ покорность ему, Іоанну, либо прислалъ въ нее самыхъ знатныхъ людей для заключенія вѣчнаго мира. Но Кетлеръ, не видя возможности получить этимъ выгодный миръ и не ожидая болѣе помощи ни отъ Швеціи, ни отъ Даніи, обратился наконецъ съ просьбой о ней къ польскому королю Сигизмунду II Августу (1548—1572). Между нимъ и Іоанномъ съ 1549 г. были постоянно ведены переговоры о дѣлахъ литовскихъ (см. ниже § 192) и съ 1559 г. ливонскія дѣла заставляли Іоанна желать вѣчнаго мира и союза съ Литвою. Но эти переговоры не только не повели къ тому, но и ускорили разрывъ: въ сентябрѣ 1559 г. въ Вильнѣ былъ заключенъ между Сигизмундомъ-Августомъ и орденомъ договоръ, по которому первый обязался защищать орденъ отъ Іоанна, а архіепископъ и магистръ отдали королю въ залогъ 9 ливонскихъ волостей, съ условіемъ заплатить за нихъ 700,000 польскихъ гульденовъ, если бы въ послѣдствіи захотѣли выкупить ихъ.

Вслѣдствіе того, въ январѣ 1560 г. въ Москву прибылъ посолъ Сигизмунда-Августа съ требованіемъ не вступаться въ дѣла Ливоніи, отдавшейся въ его покровительство. Но обоюдное стремленіе доказать права свои на Ливонію не могло повести ни къ чему—и споръ между обѣими сторонами за эту страну должно было рѣшить оружіе.

Кетлеръ, снабженный союзомъ съ Сигизмундомъ - Августомъ и получивъ помощь людьми и деньгами изъ Германіи, и отъ герцога прусскаго, и отъ жителей Риги и Ревеля, осенью 1559 года открылъ наступательныя дѣйствія пораженіемъ подъ Дерптомъ московскаго воеводы Плещеева и осадю Дерпта. Осажденные сдѣлали неудачную вылазку, но этимъ и ограничились успѣхи ливонцовъ: приближалась зима, вспомогательный отрядъ, приведенный герцогомъ мекленбургскимъ, ушелъ обратно, и Кетлеръ, съ одними своими ливонцами, хотѣлъ по крайней мѣрѣ взять Лайсъ. Но два приступа къ нему были отбиты начальникомъ гарнизона, стрѣлцкимъ головой Кошкарковымъ, и Кетлеръ былъ принужденъ съ урономъ удалиться въ Оберпаленъ, котораго достигъ съ большимъ трудомъ, везя тяжелыя пушки по дурнымъ дорогамъ. Въ Оберпаленѣ же войска его, въ досадѣ за неудачу и неполученіе жалованья, возмущились и съ трудомъ были усмирены и размѣщены на зимнихъ квартирахъ, пушки же отправлены въ Феллинъ. А русскіе воеводы, князья: Мстиславскій, Петръ Шуйскій и Серебряный, несмотря на безснѣжную зиму, безъ сопротивленія воевали въ Ливоніи до самаго Рижскаго залива и взяли Маріенбургъ.

Весною слѣдующаго 1560 года отрядъ русскихъ войскъ вступилъ въ Эстонію и разбилъ ливонцовъ подъ Верпенюмъ или Верпелемъ, а съ другой стороны Ливонію разоряла псковская вольница и взяла много плѣнныхъ и скота. Тою же весною въ Ливонію вступилъ съ войсками князь Андрей Курбскій и разбилъ бывшаго магистра Фюрстенберга подъ Вейсенштейномъ и Феллиномъ. Взятіе послѣдняго было цѣлю похода въ то же время 60-ти т. русскихъ войскъ подъ начальствомъ князей Мстиславскаго и Петра Шуйскаго, которые и осадили Феллинъ, а 12 т. войскъ подъ начальствомъ князя Барбашина послали въ обходъ къ морю, вслѣдствіе слуховъ, будто Фюрстенбергъ хотѣлъ отправить въ Гапсаль богатую казну. Лучшій изъ ливонскихъ военачальниковъ, ландмаршалъ Белль съ 500 рыцарей и воиновъ напалъ врасплохъ на отрядъ Барбашина, но былъ разбитъ и съ 11-ю командорами и 120-ю рыцарями взятъ въ плѣнъ, а всѣ остальные истреблены.

Ливонцы, осажденные въ Феллинѣ, сначала оборонялись мужественно и упорно, даже тогда, когда внѣшнія стѣны уже были разрушены огнемъ русскихъ пушекъ. Но когда изъ послѣднихъ былъ открытъ огонь калеными ядрами и въ городѣ произошелъ пожаръ, осажденные вступили въ переговоры, хотя у нихъ оставалась еще необыкновенно твердая, почти неприступная, внутренняя крѣпость (замокъ), съ 3-мя при ней укрѣпленіями, 18 большихъ и 450 среднихъ и малыхъ орудій и множество всякаго рода запасовъ. Но по

ливонскимъ вѣвѣстіямъ, гарнизонъ, нѣсколько мѣсяцовъ не получая жалованья, рѣшительно не хотѣлъ болѣе служить и, не смотря на предложеніе ему Фюрстенбергомъ всего своего имущества, сдалъ городъ подъ условіемъ свободнаго выхода. Престарѣлый Фюрстенбергъ былъ отправленъ въ Москву и получилъ въ кормленіе мѣстечко Любимъ въ костромской области, гдѣ и умеръ.

По сдачѣ Феллина, примѣру его послѣдовало нѣсколько другихъ ливонскихъ городовъ, и русское войско безъ сопротивленія разоряло страну, вездѣ разбивая малочисленные отряды, выходившіе на встрѣчу ему. Но Мстиславскій не могъ взять Вейсенштейна, чѣмъ и кончился походъ 1560 г.

Не смотря на всѣ эти успѣхи русскихъ войскъ, до совершеннаго завоеванія Ливоніи было еще далеко, но удары, нанесенные ордену, ускорили распаденіе его. Въ 1561 году эзельскій епископъ продалъ, безъ вѣдома и согласія орденскихъ властей, владѣнія свои Эзель и Пильтень, за 20,000 рейхсталеровъ, датскому королю Фридриху III, который отдалъ ихъ брату своему Магнусу, что произвело возстаніе крестьянъ противъ дворянъ: они сгали жечь замки ихъ, но при осадѣ замка Лоде были разбиты и усмирены. Въ томъ же году ревелъцы, стѣненные русскими войсками подъ самыми стѣнами Ревеля, отдали себя со всею Эстоніей подъ покровительство шведскаго короля Эрика XIV, сына и преемника Густава-Вазы. А въ ноябрѣ 1561 г. Ливонія отошла къ Польшѣ, съ сохраненіемъ всѣхъ своихъ правъ, Кетлеръ же получилъ въ наслѣдственное владѣніе Курляндію и Семигалию, съ званіемъ герцога и ленными обязанностями къ польскому королю. Такимъ образомъ ливонскій орденъ рушился и владѣнія его распались на пять частей: восточная, на русскихъ предѣлахъ, была занята русскими войсками и покорилась Иоанну, сѣверная—Эрику шведскому, Эзель—Магнусу датскому, а Курляндія и Семигалия образовали ленное Польшѣ герцогство Кетлера. Такой раздѣлъ Ливоніи не только не былъ утвержденъ согласіемъ участвовавшихъ въ немъ сторонъ, но и повелъ къ продолжительному совмѣстничеству ихъ и особенно Руси и Польши. Иоаннъ и Сигизмундъ-Августъ одинаково хотѣли владѣть всею Ливоніей нераздѣльно, а короли шведскій и датскій были врагами ихъ и не намѣрены уступать имъ своихъ владѣній въ Ливоніи. Слѣдствіемъ того была 20-ти-лѣтняя кровопролитная война между Русью съ одной стороны и Польшей съ Швеціей—съ другой.

А между тѣмъ, какой благоприятный случай представлялся Иоанну завоевать всю Ливонію еще во время войны 1558—60 г.г. — еслибы только образъ веденія ея былъ иной. Въмѣсто того, чтобы, пользуясь значительнымъ превосходствомъ военныхъ силъ своихъ

вообще и артиллеріи въ частности, предводимыхъ опытными и искусными полководцами,—унадкою и безсиліемъ ордена и невмѣшательствомъ еще Польши, Швеціи и Даніи въ ливонскія дѣла, вести правильную войну, постепенно подвигаясь съ востока и юга впередъ и прочно утверждаясь въ Ливоніи, покореніемъ всѣхъ и особенно главныхъ городовъ, крѣпостей и замковъ ея, — воеводы Іоанна, повинуваясь волѣ его, уже не знавшей границъ, и подъ страхомъ нрава его, становившагося все болѣе и болѣе жестокимъ, вели войну совершенно иного рода. То была война — нашествная, разорительная, истребительная, варварская, азіатско-татарская, но въ которой не было даже искусныхъ соображеній и дѣйствій Чингизъ-хана и Тамерлана. Разорять и грабить Ливонію и истреблять ея поселенія и жителей, для того, чтобы принудить орденъ покориться — могло быть прилично азіатскимъ завоевателямъ, но долженствовало бы быть чуждымъ государю страны, уже сто лѣтъ свергнувшей съ себя татарское иго, и искавшему сближенія и связей съ западною Европой. Такого рода образъ веденія войны явно противурѣчилъ какъ этой цѣли, такъ и другой, главной — завоеванію Ливоніи для воссоединенія ея съ Русью, древнимъ достояніемъ которой признавалъ ее самъ Іоаннъ, какъ и его отецъ, дѣдъ и предки. Если отъ искуснаго полководца или главнаго руководителя войны требуется равномѣрнаго сочетанія силы ума и воли, и если Іоаннъ несомнѣнно обладалъ и умомъ, и волей, и въ войнахъ казанской, астраханской и крымской противъ татаръ до 1558 года, въ юношескомъ возрастѣ, оказалъ и мужество, и твердость, и храбрость, и даже военную сообразительность, то чѣмъ объяснить означенное выше неправильное веденіе имъ первой войны своей на западъ, съ странюю, имѣвшею западно-европейское военное устройство?—Ничѣмъ инымъ, кажется, какъ умомъ—извращеннымъ и непросвѣщеннымъ, волею—также извращенною и необузданною, гордостью — непомерною, самовластіемъ — безграничнымъ, нравомъ — уже крайне ожесточившимся, наконецъ — недостаткомъ и даже отсутствіемъ собственно военныхъ дарованій: онъ рѣшительно не былъ полководцемъ и не имѣлъ необходимыхъ для того качествъ. Послѣдующія войны его съ Польшею и Швеціею за Ливонію доказали это еще болѣе, нежели первая западно-европейская война его въ этой послѣдней странѣ, и—не къ чести его лично, не къ пользѣ для Руси, какъ будетъ видно ниже.

§ 192.

Война съ Польшей и Швеціей (1568—1682).

Король польскій и великій князь литовскій Сигизмундъ I, въ 1545 г., по старости лѣтъ, передалъ управление Литвою сыну своему Сигизмунду-Августу, а въ 1548 году умеръ и мѣсто его въ Польшѣ и Литвѣ заступилъ этотъ послѣдній. Хотя срокъ перемирія съ Русью былъ на исходѣ, однако Сигизмундъ I Августъ вовсе не помышлялъ о возобновленіи войны, будучи занятъ совсѣмъ инымъ. Іоаннъ IV же, въ то время 18-ти-лѣтній царь московскій и русскій, уже замышлявшій воссоединить Литву съ Русью, видѣлъ необходимость прежде расправиться съ татарами на востокѣ и югѣ и обезпечить отъ нихъ Русь, и потому возбудилъ переговоры о мѣрѣ съ Литвою. Но такъ называемый вѣчный миръ между Литвою и Русью былъ неосуществимъ, даже немыслимъ, для Сигизмунда-Августа—безъ Смоленска, для Іоанна — не только безъ Смоленска, но и безъ Витебска, Полоцка, Кіева, многихъ другихъ древнихъ русскихъ городовъ и областей кievской и волынской. Поэтому, вмѣсто вѣчнаго мира, въ началѣ 1549 г. было заключено только перемиріе на 5 лѣтъ—до начала 1554 г. Когда срокъ перемирія приближался къ концу, Сигизмундъ-Августъ завязалъ переговоры о продленіи перемирія. Іоаннъ, нуждаясь въ немъ для войнъ казанской, астраханской и крымской и въ 1554 году шведской, согласился -- и въ 1556 г. перемиріе было продолжено еще на 6 лѣтъ—до 1562 г. Въ февралѣ 1558 г., когда въ Москвѣ узнали, что крымскій царевичъ вторгнулся въ Подолію и причинилъ ей разореніе, Іоаннъ предложилъ Сигизмунду-Августу союзъ противъ крымскаго хана. Но переговоры пословъ съ обѣихъ сторонъ снова сокрушились о то же препятствіе, что и прежде — возвращеніе Литвѣ Смоленска и пр. городовъ и областей, а Руси — Витебска, Полоцка, Кіева, Волыни и пр. Литовскіе послы просили по крайней мѣрѣ продолженія перемирія еще на нѣсколько лѣтъ, а потомъ — хотя примиренія съ Ливоніей, но Іоаннъ не согласился ни на то, ни на другое — поступокъ неблагоразумный, имѣвшій очень невыгодныя для него и Руси послѣдствія. Если онъ не хотѣлъ примириться съ орденомъ, то ему, во всякомъ случаѣ, по этой самой причинѣ, слѣдовало обезпечить себя со стороны Литвы и Польши, продленіемъ перемирія съ ними, котораго и Сигизмундъ-Августъ желалъ, и онъ самъ сознавалъ нужнымъ, но по страстности и свое-

правію своимъ отвергнулъ—себѣ же во вредъ. вмѣсто союза или перемирія съ Литвою и Польшей, только ускоренъ былъ разрывъ съ ними, вслѣдствіе заключенія, 18 сентября 1556 года въ Вильнѣ, союза между Сигизмундомъ-Августомъ и Ливоніей, и распавшенія ордена въ 1561 г. на пять частей между Русью, Швеціей, Даніей и Польшей, какъ было изложено выше.

Польское правительство имѣло много уважительныхъ причинъ желать обладанія всею Ливоніей и прежде всего вытѣснить изъ нея русскихъ, а потомъ уже шведовъ. Іоаннъ, съ своей стороны, имѣлъ еще болѣе уважительныхъ причинъ обладать всею Ливоніей до моря, но также—сначала покончить съ Литвою и Польшей, а потомъ уже съ Швеціей, съ которою поэтому и завязалъ мирные переговоры. Но они не только не имѣли успѣха (потому что Эрикъ требовалъ, подобно отцу своему, чтобы они были ведены прямо между нимъ и Іоанномъ, а не чрезъ посредство новгородскихъ намѣстниковъ), но и повели къ дурному обращенію въ Финляндіи и Швеціи съ русскими послами и купцами. Однако это не имѣло послѣдствій, потому что все вниманіе Іоанна было обращено на Литву. Дабы склонить ее на мирное соглашеніе касательно Ливоніи (а по Соловьеву — кромѣ того, можетъ быть, и пріобрѣсть: родственныя права на Литву), Іоаннъ замыслилъ жениться на одной изъ сестеръ Сигизмунда-Августа, за бездѣтствомъ котораго, въ Литвѣ по смерти его долженъ былъ пресѣчься домъ Ягеллоновъ. Но это не повело ни къ чему, ибо Сигизмундъ-Августъ хотѣлъ прежде сватовства заключить выгодный вѣчный миръ на извѣстныхъ прежнихъ, обычныхъ условіяхъ, Іоаннъ же и слышать о томъ не хотѣлъ—и потому въ сентябрѣ 1561 г. между ними и возгорѣлась война.

Она была открыта наступательнымъ движеніемъ литовскаго германа князя Радзивила съ войскомъ противъ русскихъ войскъ въ восточной Ливоніи и осадой имъ Тарваста (къ ю. в. отъ Феллина и къ в. отъ озера Вирць-ярви). Послѣ 5-ти недѣльной осады его, Радзивиль овладѣлъ имъ, но не занялъ, а покинулъ его; русскіе же воеводы разбили литовцовъ подъ Перновомъ и разорили Тарвасть. Въ 1562 г. военныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ ограничились только обоюдными, разорительными набѣгами. А между тѣмъ сношенія и переговоры между Сигизмундомъ-Августомъ и Іоанномъ не прекращались вслѣдствіе того, что первый не имѣлъ ни средствъ, ни желанія вести дѣятельную войну, а хотѣлъ только выиграть время переговорамъ. Но эти переговоры только ожесточали ихъ одного противъ другаго взаимными жалобами и упреками, болѣе справедливыми однако со стороны Іоанна, потому что Сигизмундъ, склоняя его къ миру и уступкѣ Ливоніи, между тѣмъ возбуждалъ противъ него

крымскаго хана, представляя ему, что тогда было самое удобное время напасть на московскія украины, такъ какъ всѣ военныя силы Іоанна находились будто бы въ Ливоніи.

Но такого рода переговорами и дѣлами, разумѣется, невозможно было достигнуть соглашенія и мира—и въ началѣ 1563 г. самъ Іоаннъ съ многочисленными: войскомъ и артиллеріей двинулся къ литовскимъ границамъ, по направленію къ Полоцку, очень важному по своему положенію на Двинѣ и торговлѣ по ней съ Ригой, и потому бывшему главнымъ предметомъ похода. 31 января онъ былъ обложенъ и осажденъ, 7 февраля взятъ былъ острогъ его, а 15 февраля, послѣ того, какъ 300 саженъ деревянной стѣны его было сожжено, онъ сдался. Епископъ его и воевода Довойна—одинъ изъ самыхъ близкихъ къ королю людей—были отправлены въ Москву; имѣніе ихъ и богатыхъ пословъ и купцовъ, королевская казна и много золота и серебра были отобраны на царя, жиды потоплены въ Двинѣ, но королевскіе иноземные наемные воины, числомъ болѣе 500, одарены шубами и отпущены на волю! Затѣмъ, оставивъ въ Полоцкѣ трехъ воеводъ, князей Петра Шуйскаго и Василя и Петра Серебряныхъ-Оболенскихъ съ войсками и наказомъ—поспѣшно и усиленно укрѣплять городъ, чистить и рыть глубокіе рвы, крѣпко исправить острогъ, литовцовъ въ крѣпость изъ города не пускать, въ городѣ устроить войсковую избу и воеводамъ съ войсками ночевать въ ней каждую ночь, соблюдать всевозможную осторожность и пр.,—Іоаннъ возвратился въ Москву и въѣхалъ въ нее и былъ встрѣченъ—также торжественно, какъ по взятіи Казани.

Сигизмундъ-Августъ, узнавъ о взятіи Полоцка, послалъ къ крымскому хану съ упреками за то, что онъ не пошелъ зимою, по обѣщанію, къ Москвѣ; королевская же рада (совѣтъ) прислала просить бояръ въ Москвѣ, чтобы русскія войска были удержаны отъ дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій, такъ какъ къ Успенію (15 августа) въ Москву будутъ присланы литовскіе послы. Іоаннъ приостановилъ войну, но Сигизмундъ-Августъ по прежнему хотѣлъ только протянуть переговорами время, чтобы собраться съ силами и средствами и поднять противъ Іоанна крымскаго хана, и даже просилъ продлить перемиріе отъ Успенія 1563 г. до Благовѣщенія 1564 г. Іоаннъ не согласился на это и продлилъ срокъ перемирія (начавъ уже войну!) только до зимняго Николина дня (6 декабря) того-же 1563 г.—еще доказательство, какъ мало онъ былъ способенъ дѣятельно и искусно продолжать наступательную войну, пользуясь безсиліемъ Сигизмунда-Августа и бездѣйствіемъ крымскаго хана. Удовольствовавшись взятіемъ Полоцка, онъ воротился въ Москву.

Между тѣмъ Сигизмундъ-Августъ не переставалъ возбуждать

крымскаго хана и шведскаго короля, и даже подсылалъ къ русскимъ воеводамъ въ Ливоніи приглашать ихъ къ отъѣзду въ Литву, дабы спастись отъ жестокостей Іоанна. Сношенія его съ крымскимъ ханомъ остались тайной для Іоанна, но грамоты его къ шведскому королю и къ русскимъ воеводамъ были перехвачены. Казалось бы, что тогда Іоанну уже нечего было колебаться и медлить, и видя явное коварство Сигизмунда-Августа, дѣятельно и рѣшительно продолжать войну съ нимъ. Но Іоаннъ, вмѣсто того, снова вступилъ въ безконечныя, пустыя и ни къ чему не ведущія пререкательства съ послами Сигизмунда-Августа, а между тѣмъ время уходило, а съ нимъ ускользалъ и превосходный случай одержать верхъ надъ Сигизмундомъ-Августомъ и постепенно завоевывать Литву, въ которой народъ былъ равнодушенъ, даже неприязненно расположенъ къ польскому королю, но, напротивъ, весьма расположенъ къ Іоанну, какъ православному государю.

Между тѣмъ переговоры не прекращались, неоднократно возобновляемые преимущественно со стороны Сигизмунда-Августа. Послы его, не сговорясь о вѣчномъ мирѣ, сговаривались уже только о перемиріи, уступая даже Полоцкъ и земли въ Ливоніи, занятыя русскими войсками. Но Іоаннъ не согласился на это, требуя Риги и другихъ городовъ, и уступая только Курляндію (еще незанятую русскими войсками) и нѣсколько городовъ по правую сторону Двины. Однако согласіе Сигизмунда-Августа на уступку Полоцка и земель въ Ливоніи возбудило въ Іоаннѣ недоумѣніе, согласится-ли на это, отказавшись отъ завоеванія береговъ Балтійскаго моря, или продолжать съ этою послѣднею цѣлію войну, тяжелую и успѣхи которой были невѣрны и даже сомнительны. Въ этомъ недоумѣніи, Іоаннъ, по тогдашнему своему настроенію, захотѣлъ узнать мнѣніе, не отъ однихъ бояръ, которымъ не довѣрялъ, а отъ выборныхъ людей всѣхъ земскихъ сословій, которыхъ и велѣлъ собрать лѣтомъ 1566 г. Они подали мнѣніе, что мириться съ королемъ на его условіяхъ было непригодно и нужно было войною добывать то, чего желалъ Іоаннъ и что было необходимо для пользы государства. Тогда Іоаннъ отправилъ въ Литву посломъ боярина Умнаго-Колычева съ наказомъ не заключать перемирія безъ Ливоніи. Сигизмундъ-Августъ не согласился на это и объявилъ войну. Іоаннъ получилъ грамоту о томъ лѣтомъ 1567 г. на пути въ Новгородъ, откуда затѣмъ выступилъ-было уже съ войскомъ въ походъ въ Ливонію, но на совѣтѣ съ воеводами положилъ ограничиться оборонительною войною (доказывая тѣмъ крайнюю рѣшительность свою и несообразность образа военныхъ дѣйствій съ цѣлію ихъ.)

Въ началѣ 1568 г. литовскій гетманъ Ходкевичъ осадилъ мос-

ковскую крѣпость Уду (на лѣвомъ берегу Двины, между Полоцкомъ и Витебскомъ), но былъ принужденъ снять осаду ея потому что (какъ донесъ королю) простые ратники его оказали необыкновенную трусость и никакъ не хотѣли, несмотря ни на что, идти на приступъ, осажденные же, напротивъ, оказали большую храбрость въ оборонѣ и вылазкахъ. Иоаннъ, воротясь лично въ свою Александровскую слободу, по заочному совѣту съ боярами возобновилъ сношенія съ королемъ о перемиріи и далъ опасную грамоту для пропуска въ Москву большихъ литовскихъ пословъ. Но вслѣдъ затѣмъ онъ получилъ извѣстіе, что литовскіе воеводы князя Полубенскіе изъ Вольмара въ Ливоніи внезапно овладѣли Изборскомъ въ псковской области—и приказалъ своимъ воеводамъ отнять его, что и было исполнено.

Такъ продолжалось и въ слѣдующихъ годахъ — и переговоры съ Литвою о перемиріи, уступкѣ городовъ и земель, и частныя, неважныя, нерѣшительныя военныя дѣйствія и стычки съ литовцами, ливонцами и шведами, а пользы отъ того не было никакой. То было—ни миръ, ни война, а потому, что въ это время Иоаннъ, въ своемъ умопомраченіи, уже пересталъ заботиться о внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ государства, не принималъ мѣръ противъ крымскаго хана, упустилъ изъ вида запорожцовъ, прежде готовыхъ уже присягнуть ему, съ трудомъ удерживалъ въ покорности донскихъ казаковъ, видѣлъ безпрестанныя смуты въ казанской области, думалъ даже отказаться отъ Астрахани. Воссоединить Литву и Ливонію съ русскимъ царствомъ подъ своею властію стало господствующею мыслию его, вполне овладѣвшему имъ, но ни политическія, ни военныя дѣйствія его нисколько не соответствовали ей. Военныя дѣйствія велись безъ всякой общей, опредѣленной цѣли, безъ единства, согласія, силы, рѣшительности и искусства, производя только напрасныя кровопролитіе и разореніе края. Русскія войска сражались съ своими обычными мужествомъ и храбростью, но для предводительствованія ими уже не было прежнихъ знаменитыхъ воеводъ временъ Адашева: Шереметевъ, Щенятевъ, Горбатый—Шуйскій и мн. др. погибли жертвами подозрительности Иоанна.

Потерявъ наконецъ надежду на завоеваніе всей Ливоніи силою оружія, въ 1570 г. Иоаннъ прибѣгнулъ къ хитрости: склонилъ на свою сторону владѣтеля Эзеля, датскаго принца Магнуса, выдалъ за него племянницу свою, дочь казненнаго имъ двоюроднаго брата своего Владиміра Андреевича, Марію, далъ Магнусу титулъ короля ливонскаго, независимаго отъ Руси и Польши, лишь съ такою присягой ему, Иоанну, какую владѣтельные имперскіе князья приносили германскому императору. Но всеобщая молва о жестокос-

тяхъ Иоанна такъ утрашала ливонцовъ и самаго Магнуса, что они предпочли лучше быть на сторонѣ Польши.

Между тѣмъ въ то же время снова стала угрожать большая опасность со стороны крымскаго хана и турецкаго султана, хотѣвшихъ овладѣть Астраханью, а потомъ и Казанью, и возстановить въ нихъ татарскія царства. По счастью, походъ татаръ и турокъ къ Астрахани не удался, ханъ отговорилъ султана отъ предпріятій противъ Астрахани и Казани, но весною 1571 г. самъ съ 120 т. татаръ предпринялъ походъ противъ Москвы. Воеводы князя: Бѣльскій, Мстиславскій, Михайль Воротынскій, Шуйскіе и др. съ 50 т. войскъ двинулись къ Окѣ, а самъ Иоаннъ съ своими опричниками въ Серпуховъ. 6 русскихъ и 2 новокрещенныхъ татарскихъ измѣнниковъ увѣрили хана, что въ московскихъ городахъ много людей погибло отъ голода и мора, что войскъ было мало, потому что всѣ находились въ Литвѣ и Ливоніи, убѣдили его идти прямо къ Москвѣ и указали ему переправы черезъ Оку. Иоаннъ, отрѣзанный этимъ отъ главнаго войска, поспѣшно и малодушно удался изъ Серпухова въ Александровскую слободу и изъ нея еще далѣе въ Ростовъ. Воеводы же столь же поспѣшно отступили къ Москвѣ и, придя къ ней 23 мая, успѣли предупредить у ней хана и расположиться въ предмѣстьяхъ, для защиты города. 24 мая, въ Вознесеніе, татары подступили къ предмѣстіямъ, зажгли ихъ — и въ три часа времени, при сильномъ вѣтрѣ, всѣ деревянныя строенія вокругъ каменнаго Кремля сгорѣли, при чемъ погибло множество войска и народа (по извѣстіямъ иностранцовъ—будто 800 т. чел., а по русскимъ — безчисленное множество). Пожаръ помѣшалъ татарамъ грабить предмѣстія, а осадить Кремль было не въ обычаѣ татаръ, и ханъ ушелъ съ множествомъ плѣнныхъ (по нѣкоторымъ извѣстіямъ—будто до 150 т. чел.), услыхавъ о приближеніи большаго русскаго войска.

Послѣ этого новаго и бѣдственнаго нашествія Девлетъ-Гирея, начались сношенія и переговоры между нимъ и Иоанномъ, столь же дерзкія со стороны перваго, сколько малодушныя со стороны послѣдняго, соглашавшагося даже уступить Астрахань! Но ханъ понялъ, что Иоаннъ хотѣлъ уступчивыми переговорами только протянуть время, и лѣтомъ слѣдующаго 1571 г. снова двинулся съ 120 т. татаръ въ Окѣ. Иоаннъ въ это время былъ въ Новгородѣ, у Серпухова же на Окѣ стоялъ князь Воротынскій съ войскомъ. Ханъ, оставивъ противъ него, для занятія его, 2 т. войскъ, съ главными силами ночью переправился черезъ Оку и пошелъ по направленію къ Москвѣ. Но Воротынскій погнался за нимъ и настигъ его въ 50 верстахъ отъ Москвы, въ Молодяхъ за р. Лопасней. Здѣсь въ концѣ іюля и въ началѣ августа произошло нѣсколько сильныхъ столкно-

веній, которыя всѣ кончились неудачно для хана, такъ что онъ былъ принужденъ поспѣшно бѣжать, былъ преслѣдованъ и потерялъ много людей и лошадей. Послѣ того и онъ, и Иоаннъ заговорили уже иначе, первый—смирениѣе, а второй—смѣлѣе, благодаря стойкости Воротынскаго, и отношенія между ними приняли лучшей видъ.

Между тѣмъ въ Литвѣ и въ Польшѣ (съ которыми тогда было перемиріе) произошли важныя событія, которыя должны были имѣть большое вліяніе на судьбы восточной Европы вообще и московскаго государства въ частности. Въ 1569 г. политическая унія въ Люблинѣ еще болѣе прежняго насильственно и уже окончательно связала Литву съ Польшей, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ началось великое релігіозное движеніе, вслѣдствіе распространенія протестантства и противудѣйствія ему, равно и православію, въ Литвѣ, римскаго католичества. А три года спустя—въ іюль 1572 г. умеръ бездѣтный Сигизмундъ-Августъ, послѣдній Ягеллонъ—и возникъ вопросъ объ избраніи короля польскаго и великаго князя литовскаго. Главными кандидатами были Иоаннъ IV, шведскій король Иоаннъ III, австрійскій эрцгерцогъ Эрнестъ и французскій принцъ Генрихъ анжуйскій. Почти вся Литва искренно желала имѣть королемъ Иоанна IV московскаго или сына его, Феодора. Но отзывъ Иоанна, чтобы избиратели уступили ему только литовскій престолъ, а польскій отдали императору Максимилиану II, охладилъ усердіе литовскихъ приверженцовъ его—и онъ упустилъ такимъ образомъ благопріятный случай соединить Польшу и Литву съ Русью. На польскій престолъ былъ избранъ Генрихъ анжуйскій (7 апрѣля 1573 г.), но царствованіе его продолжалось лишь 5 мѣсяцовъ (съ 20 февраля по 18 іюля 1574 г.); едва узнавъ о смерти брата своего, французскаго короля Карла IX, онъ немедленно уѣхалъ въ Парижъ. Снова произошло междуцарствіе до 14 декабря 1575 г., когда королевой польской была объявлена сестра Сигизмунда-Августа Анна, супругомъ которой былъ назначенъ семиградскій (трансильванскій) князь Стефанъ Баторій. 22 апрѣля 1576 г. онъ прибылъ въ Краковъ и былъ вѣнчанъ въ немъ, какъ король польскій и великій князь литовскій. Съ этого времени дѣла между Польшой и Литвой съ одной стороны и московскимъ царствомъ съ другой приняли новый и рѣшительный оборотъ. Въ 1578 г. Стефанъ Баторій, человекъ необыкновеннаго ума и воинственнаго духа и даровитый, искусный полководецъ, положилъ кончить ливонскую войну, поводъ къ возобновленію которой подалъ самъ Иоаннъ IV, изгнавъ Магнуса изъ Ливоніи и завоевавъ ее почти всю, кромѣ Риги (1577). Это произошло слѣдующимъ образомъ:

Въ Ливоніи еще въ 1571 г. Иоаннъ долженъ былъ вести войну

ип съ одними поляками и литовцами, но и съ шведами, занявшими Ревель. Иоаннъ осадилъ этотъ городъ, но осада его была неудачна, и, не успѣвъ взять его, Иоаннъ въ концѣ 1571 г. лично прибылъ въ Новгородъ, а войскамъ приказалъ собираться въ Дерптъ и Орѣшкѣ, для войны съ шведами въ Эстоніи и Финляндіи. Но прежде того онъ захотѣлъ попытаться, не уступятъ-ли ему шведы Эстонію безъ войны, для чего вошелъ чрезъ пословъ въ переговоры съ шведскимъ королемъ Иоанномъ III на предъявленныя условія. Но эти переговоры повели только къ разрыву п войнѣ — и въ концѣ 1572 г. Иоаннъ IV вступилъ въ Эстонію съ 80 т. войскъ. Виттенштейнъ былъ взятъ приступомъ (при которомъ палъ извѣстный любимецъ и клевретъ Иоанна—Малюта Скуратовъ-Бѣльскій, а плѣнные шведы и нѣмцы были, по ливонскимъ извѣстіямъ, сожжены). Взавъ Виттенштейнъ, Иоаннъ лично возвратился въ Новгородъ и снова вошелъ въ прямыя и недружелюбныя письменныя сношенія съ шведскимъ королемъ. Русскіе же воеводы въ Эстоніи продолжали военныя дѣйствія въ ней, взяли Нейгофъ и Каркусъ, но въ полѣ, какъ всегда случалось, по недостатку военного искусства съ своей стороны, не могли съ успѣхомъ дѣйствовать противъ шведовъ, хотя и уступавшихъ имъ числомъ, и близъ Лоде были разбиты шведскимъ генераломъ Клаусомъ Акесономъ Тоттомъ. Бѣствъ объ этомъ и объ одновременномъ возстаніи черемисовъ въ казанской области заставила Иоанна снова предложить шведскому королю миръ. Послѣ многихъ пересылокъ и переговоровъ, наконецъ было заключено только перемиріе на 2 года (съ 20 іюля 1575 г. по 20 іюля 1577) между Финляндіею и новгородскою областью; споръ же объ Эстоніи долженъ былъ рѣшиться оружіемъ.

Немедленно послѣ заключенія перемирія съ шведами, русскія войска подступили въ Эстоніи къ Пернову и взяли его нѣсколькими приступами, при которыхъ, по ливонскимъ извѣстіямъ, потеряли до 7 т. войскъ. Главный русскій воевода Никита Романовичъ Юрьевъ поступилъ съ жителями Пернова очень милостиво, вслѣдствіе чего Гельметъ, Ермисъ, Руэнъ и Пуркель тотчасъ сдались ему. Въ началѣ 1576 г. 6 т. русскихъ войскъ снова вступили въ Эстонію, гдѣ Леаль, Лоде, Фикель и Гапсаль сдались имъ безъ сопротивленія, Эзель былъ разоренъ, а Падисъ сданъ послѣ одводневной осады, и шведы тщетно покушались отнять его. Въ январѣ 1577 г. 50 тыс. русскихъ войскъ подступили къ Ревелю, расположились подъ нимъ въ пяти станахъ и открыли по немъ сильный огонь изъ 3 орудій, стрѣлявшихъ ядрами отъ 52 до 55 фунтовъ вѣсу, изъ 6 орудій—ядрами отъ 20 до 30 фунтовъ и изъ 15 орудій—ядрами отъ 6 до 12 фунтовъ; при каждомъ орудіи было по 700 ядеръ (всего 16,800);

сверхъ того 4 стѣнобитныя орудія бросали каменные массы въ 225 фунтовъ. Но у осажденныхъ было въ пять разъ больше и орудій, и снарядовъ, и кромѣ того они приняли всевозможныя мѣры противъ пожаровъ въ городѣ и образовали изъ 400 крестьянъ и изъ шведскихъ и нѣмецкихъ ландскнехтовъ особый отрядъ, который и днемъ, и ночью дѣлалъ безпрестанныя и смѣлыя вылазки. Слѣдствиемъ этого было то, что русскія войска, послѣ полугорамѣсячнаго, безуспѣшнаго обстрѣливанія Ревеля, сняли осаду и удалились. Въ Ревелѣ же тотчасъ была объявлена свобода всѣмъ военнымъ людямъ идти разорять и грабить русскія владѣнія въ Ливоніи, а къ нимъ присоединились и всѣ городскіе бродяги и окрестныя крестьяне.

Лѣтомъ того же 1577 г. самъ Іоаннъ выступилъ изъ Новгорода въ походъ, но не къ Ревелю, какъ полагали, а въ польскую Ливонію. Правитель ея, Ходѣвичъ, имѣя меньше войскъ, чѣмъ сколько ихъ было у Іоанна, удалился изъ нея, и городъ за городомъ стали сдаваться Іоанну, его воеводамъ и Магнусу. Но вскорѣ между Іоанномъ и Магнусомъ произошли неудовольствія: Магнусъ представлялъ, что ему, нареченному королю ливонскому, уже пора была вступить во владѣніе всѣми мѣстами, занятыми русскими войсками въ Ливоніи, но Іоаннъ, до котораго уже доходили вѣсти о сношеніяхъ Магнуса съ курляндскимъ герцогомъ и съ польскимъ королемъ, злобно и грубо отказалъ ему. Приказавъ своимъ воеводамъ занять города, которыми овладѣлъ Магнусъ, и приблизясь къ Вендену, гдѣ находился самъ Магнусъ, онъ велѣлъ ему явиться къ себѣ. Магнусъ исполнилъ это, впустивъ прежде русскія войска въ Венденъ, но не сдавъ имъ замка, на колѣняхъ просилъ у Іоанна помилованія и былъ отданъ подъ стражу. Въ это время гарнизонъ замка открылъ пальбу и одно ядро едва не задѣло Іоанна, который въ ярости поклялся, что не оставитъ въ живыхъ ни одного нѣмца въ Венденѣ. Замокъ былъ осажденъ, и осажденные три дня оборонялись упорно, но видя, что далѣе защищаться не могли, и зная, какая участь ожидала ихъ, въ числѣ 300 чел. взорвали себя на воздухъ! Жители же Вендена, по слову Іоанна, были истреблены всѣ до одного.

Овладевъ еще нѣсколькими городами въ Ливоніи, Іоаннъ копчилъ походъ въ Дерптъ, прогналъ Магнуса, снова далъ ему нѣсколько городовъ въ Ливоніи, съ правомъ называться королемъ ея, и черезъ Псковъ воротился въ свою Александровскую слободу.

Но по удаленіи его изъ Ливоніи, дѣла въ ней приняли другой оборотъ. Шведы напали на Нарву, поляки вступили въ южную Ливонію, брали въ ней одинъ городъ за другимъ, даже взяли Венденъ,

не смотря на отчаянную оборону его русскими войсками, а Магнусъ передался имъ, т. е. полякамъ.

Осенью 1578 года русскіе воеводы осадили Венденъ, но, послѣ грехъ неудачныхъ приступовъ къ нему, сняли осаду, свѣдавъ о приближеніи непріятельскаго войска. Поляки напали на нихъ вмѣстѣ съ шведами подъ самымъ Венденомъ—и татарская конница, не выдержавъ нападенія ихъ, первая обратилась въ бѣгство, а русскія войска отступили въ свой станъ и отстрѣливались въ немъ до самой ночи. Ночью же воеводы: князя Иванъ Голицынъ и Андрей Палицкій, Феодоръ Шереметевъ и дьякъ Андрей Щелкаловъ съ конницей ускакали изъ стана. Но воеводы у снаряда рѣшились не покидать его и на другой день утромъ, когда непріятель напалъ на станъ, были взяты въ плѣнъ, пушвари же геройски предпочли плѣну смерть—и сами повѣсились на своихъ орудіяхъ. При этомъ пораженіи русскихъ войскъ, 4 воеводы погибли, 4 взяты въ плѣнъ, всего же, по ливонскимъ извѣстіямъ, изъ 18 т. русскихъ войскъ погибло 6022 чел.

Въ слѣдующемъ 1579 году Иоаннъ готовился предпринять новый и рѣшительный походъ въ Ливонію, осадить и взять Ревель, для чего въ Псковъ уже былъ привезенъ тяжелый осадный снарядъ. Но дѣла приняли совсѣмъ другой, неожиданный для Иоанна оборотъ.

Стефанъ Баторій, послѣ вѣнчанія своего въ апрѣлѣ 1575 года въ санъ короля польскаго и великаго князя литовскаго, избѣгалъ разрыва съ Иоанномъ, по причинѣ внутреннихъ волненій въ Польшѣ и осады имъ Гданска (Данцига), не признававшаго его королемъ. Въ іюлѣ 1576 г. онъ предложилъ Иоанну не нарушать перемирія и вступить черезъ пословъ въ переговоры. Снова начались со стороны Иоанна препирательства о его титулахъ. Въ 1577 году Баторій жаловался Иоанну, что онъ, не объявивъ войны, бралъ въ Ливоніи польскіе города и, не смотря на гордый отвѣтъ Иоанна, прислалъ въ Москву, въ январѣ 1578 г., большихъ пословъ своихъ вести переговоры о мирѣ. Но съ обѣихъ сторонъ снова были предъявлены такіе условія, которыя уже давно дѣлали вѣчный миръ невозможнымъ, а потому согласились продолжить перемиріе съ 25-го марта (Благовѣщенія) 1578 года на три года. Но въ грамотѣ объ этомъ отъ имени Иоанна включили условіе, чтобы Баторій до срока перемирія ничѣмъ не вступался, не распоряжался и не воевалъ въ отчипѣ Иоанна—Ливоніи и Курляндіи. Баторій не захотѣлъ мириться на этомъ условіи и въ февралѣ 1578 г. созвалъ въ Варшавѣ сеймъ, на которомъ разсуждали, съ кѣмъ прежде воевать—съ Иоанномъ, или съ крымскимъ ханомъ, нападавшимъ передъ тѣмъ на литовско-польскія границы? Рѣшили вести наступательную вой-

*

ну противъ Іоанна и начали готовиться къ ней. Но какъ на это нужно было время, то въ мартѣ 1578 г. Баторій писалъ Іоанну, чтобы онъ не воевалъ въ Ливоніи до возвращенія изъ Литвы пословъ своихъ, съ которыми литовскіе паны должны были вести переговоры о Ливоніи. Но Іоаннъ почти цѣлый годъ не давалъ отвѣта, ожидая результатовъ похода воеводъ своихъ въ Ливоніи, а Баторій поступилъ такимъ же образомъ съ московскими послами. Между тѣмъ въ декабрѣ 1578 года Іоаннъ рѣшилъ идти войною на Ливонію и Литву, собралъ и устроилъ войско и въ іюлѣ 1579 г. поѣхалъ въ Новгородъ. Здѣсь къ нему явились прибывшіе изъ Литвы послы его, Карповъ и Головинъ, съ извѣстіемъ, что Баторій идетъ къ русскимъ границамъ, но изъ литовской шляхты съ нимъ идутъ только немногіе охочіе люди, изъ польской же — никто, а только наемники; что паны польской рады отсовѣтывали Баторію ходить не только къ Смоленску и Полоцку, но даже и въ Ливонію, только пославъ въ послѣднюю наемниковъ защищать свои города и брать другіе; наконецъ, что въ Польшѣ и Литвѣ, какъ всѣ говорили, Баторію долго королемъ не быть, а кромѣ сыновей московскаго царя или датскаго короля, никого имъ въ короли не выбрать.

Дѣйствительно, и поляки и литовцы уже давно питали отвращеніе къ войнѣ въ ихъ предѣлахъ и требовали перенесенія ея въ Ливонію. Но Баторій успѣлъ преодолѣть всѣ эти препятствія и хотя и въ Польшѣ, и въ Литвѣ, какъ и въ московскомъ государствѣ, постояннаго войска не было, а были лишь временныя народныя ополченія, преимущественно конныя, дворянскія, однако, будучи самъ даровитымъ отъ природы полководцемъ, онъ произвелъ и въ восточной Европѣ такой же переворотъ въ военномъ устройствѣ и въ образѣ веденія войны, какой уже былъ сдѣланъ въ западной. Хотя дотошъ и литовцы, и русскіе вели войну одни противъ другихъ почти одинаковымъ образомъ, однако въ литовскихъ войскахъ и особенно воеводахъ все-таки было замѣтно болѣе искусства, нежели въ войскахъ и воеводахъ русскихъ. И враги московскаго государства, и въ самой Москвѣ понимали это хорошо и потому старались, первые — не допускать развитія военнаго искусства въ московскомъ государствѣ, а въ этомъ послѣднемъ — дѣйствовать въ немъ осторожно, не слишкомъ полагаясь на многочисленность своихъ войскъ, противъ доброкачественности и искусства, хотя и малочисленности войскъ польско-литовскихъ. Это понималъ и Іоаннъ, и потому-то и имѣлъ непреклонное желаніе овладѣть Ливоніей, дабы черезъ нее открыть пути сообщенія съ западной Европой. Баторій же, съ своей стороны, полагался на имѣвшіяся у него средства побѣдить и одолѣть Іоанна, а именно — на искусную, закаленную въ бояхъ, венгерскую

и нѣмецкую наемную пѣхоту, которую учредилъ въ своемъ войскѣ, на хорошую артиллерію и на быстрыя, рѣшительныя, наступательныя дѣйствія сосредоточенными силами противъ противника, принужденнаго растянуть свои временныя народныя ополченія вдоль всѣхъ границъ Литвы и Ливоніи, подъ предводительствомъ воеводъ, назначавшихся не по способностямъ, а по родословнымъ мѣстамъ, и долготѣ воевавшимъ только противъ татаръ.

Приготовясь къ войнѣ, Баторій въ іюнѣ 1579 г. объявилъ ее Иоанну, по причинѣ вступленія его въ Ливонію, не смотря на перемиріе. Въ іюль, собравъ войско подъ Свиремъ въ Литвѣ, онъ совѣтовался, куда лучше предпринять походъ? Лито вскіе паны по прежнему совѣтовали идти черезъ Ливонію къ Пскову, потому что взятіе этого богатаго города могло вознаграждать труды войска и издержки войны, а взять его было нетрудно, по причинѣ ветхости, будто бы, стѣнъ его и отдаленности его отъ Москвы. Но Баторій мудро и вѣрно возразилъ на это, что странно было бы, для освобожденія Ливоніи, перенести войну въ эту страну, и безъ того уже разоренную войною и сверхъ того усѣянную укрѣпленными городами и замками, осада которыхъ обратила бы войну въ продолжительную вѣпостную и осадную, Литву же оставить между тѣмъ совершенно открытою. Къ Пскову, по его мнѣнію, можно было идти не черезъ Ливонію, а черезъ собственныя земли непріятеля, но въ такомъ случаѣ въ тылу осталось бы много непріятельскихъ вѣпостей и, углубившись въ непріятельскую землю, трудно было бы возвратиться изъ нея и получать съ тыла подкрѣпленія и запасы. Лучше всего было, по его мнѣнію, прежде взять Полоцкъ и тѣмъ обезпечить и Литву, и Ливонію, не удаляясь отъ нихъ, потому что этотъ городъ на Двинѣ служилъ ключомъ къ обѣимъ одинаково и взятіемъ его обезпечилось бы судоходство по Двинѣ, важное и для Литвы, и для Ливоніи, и особенно для Руси.

Этотъ мудрый планъ войны, изложенный Баторіемъ, достаточно свидѣтельствуетъ, какія правильныя и вѣрныя понятія о войнѣ вообще и въ настоящемъ случаѣ въ частности имѣлъ Баторій, и отличаетъ въ послѣднемъ искуснаго полководца, особенно въ сравненіи съ Иоанномъ. Послѣднему планъ Баторія не былъ извѣстенъ: онъ зналъ только то, что ему сообщали послы Карповъ и Головинъ и, основываясь на этомъ и увѣренный, что война за Ливонію въ ней и будетъ введена, въ іюль 1579 г. послалъ многочисленное войско за Двину въ Курляндію, въ то самое время, когда Баторій рѣшилъ идти къ Полоцку. Русское войско, по старому обычаю, ограничилось варварскимъ разореніемъ страны, какъ и другъ Баторій, быстро двинувшись къ Полоцку, осадилъ его въ началѣ

августа, совершенно неожиданно для Іоанна. Русское войско, занимавшееся разореніемъ Курляндіи, было послѣпно вызвано отсюда назадъ, а русскіе воеводы въ Полоцкѣ: князья Телятевскій и Щербатый, Волынскій и дьякъ Ржевскій болѣе трехъ недѣль оборонялись съ необыкновеннымъ мужествомъ въ деревянной крѣпости, подверженной безпрестаннымъ пожарамъ отъ огня артиллеріи Баторія. Жители, даже старики и женщины, дѣятельно и храбро помогали тушить пожары, спускались на веревкахъ со стѣнъ за водою, которую передавали въ крѣпость, многіе погибли, а на мѣсто ихъ являлись другіе. Но и осаждавшіе много терпѣли отъ недостатка продовольствія въ странѣ лѣсной, малонаселенной, разоренной недавними войнами.

Іоаннъ, узнавъ объ осадѣ Полоцка, послалъ къ нему передовые отряды подъ начальствомъ окольничихъ Бориса Шенна и Θεодора Шереметева. Но эти воеводы, найдя, что всѣ дороги къ Полоцку были преграждены войсками Баторія, заняли крѣпость Соколь (въ какомъ именно мѣстѣ—неизвѣстно; можетъ быть нын. Сокольники близъ Великихъ Лукъ къ з.) и изъ нея препятствовали подвозу продовольствія къ осаждавшимъ, избѣгая встрѣчи въ полѣ съ высланными противъ нихъ войсками подъ начальствомъ Христофора Радзивила и Яна Глѣбовича. Кромѣ недостатка въ продовольствіи у осаждавшихъ, дожди испортили дороги, подъемныя лошади падали на нихъ, а подъ Полоцкомъ осаждавшіе, особенно вѣмецкіе наемники, сильно страдали отъ дождя и сырой почвы въ станѣ. Баторій созвалъ военный совѣтъ, на которомъ большаѣ часть воеводъ была того мнѣнія, что необходимо было рѣшиться на приступъ. Но Баторій не согласился съ этимъ, говоря, что въ случаѣ неудачи (можетъ быть неувѣренный или даже сомнѣваясь въ успѣхѣ) пришлось бы отступить со стыдомъ. Въмѣсто того, онъ, обѣщаніемъ щедрыхъ наградъ, уговорилъ венгровъ подкрасться къ городскимъ стѣнамъ и зажечь ихъ со всѣхъ сторонъ. Въ первый ясный, безъ дождя, день послѣ того—29 августа венгры бросились къ стѣнамъ и успѣли зажечь ихъ; огонь быстро распространился и осажденные цѣлый день не могли потушить его. А Баторій между тѣмъ съ главными силами войска стоялъ на дорогѣ къ Соколу, дабы удерживать русскихъ воеводъ, еслибы они двинулись на помощь Полоцку. Но, по означеннымъ выше причинамъ, воеводы на помощь ему не пошли, а осажденные стали помышлять о сдачѣ. Десятеро изъ нихъ спустились со стѣнъ для переговоровъ, но венгры убили ихъ, желая не допустить переговоровъ о сдачѣ города, а взять его приступомъ и въ награду получить право разграбить его богатства. Съ этою цѣлю они, безъ приказа короля, самовольно броси-

лись черезъ горѣвшія стѣны въ городъ, а за ними послѣдовала и польская пѣхота. Но осажденные успѣли уже вырыть глубокой ровъ позади того мѣста, гдѣ стѣна прогорѣла, встрѣтили венгровъ изъ-за него залпомъ изъ пушекъ и отразили ихъ. На другой день со стороны осаждавшихъ повторилось то же самое, но тогда Волинскій и стрѣльцы выслали переговорщиковъ, и городъ былъ сданъ на условіи свободнаго выхода всего гарнизона. Прочіе же воеводы и епископъ Киприанъ, не соглашаясь на сдачу крѣпости, хотѣли взорвать ее, но, недопущенные до того ратниками, заперлись въ Софійской церкви и только силой были взяты изъ нея. Взятіе городъ не нашли въ немъ богатой добычи, которой ожидали: всего драгоценнѣе была библіотека, въ которой было много лѣтописей и твореній греческихъ св. отцовъ въ славянскомъ переводѣ и которая вся сгорѣла.

По взятіи Полоцка, Баторій осадилъ Соколь, который 25 сентября былъ, подобно Полоцку, зажженъ и взятъ приступомъ, но съ страшною рѣзней, въ которой погибло множество народа. Послѣ того взято было еще нѣсколько небольшихъ крѣпостей по близости, а между тѣмъ оршинскій староста Кмита разорилъ смоленскую область, князь Константинъ Острожскій—сѣверскую до Стародуба и Почапа, шведы — Корелію и Ижорскую землю и осаждали Нарву, но были прогнаны отъ нея.

Естественнымъ образомъ возникаетъ вопросъ: что-же дѣлалъ Іоаннъ во время осады столь важнаго для него Полоцка? какъ допустилъ онъ взятіе его, Сокола и другихъ крѣпостей, и разореніе смоленской и сѣверской областей, Корелии и Ижорской земли?—что-же дѣлало многочисленное русское войско, посланное въ Курляндію и потомъ вызванное изъ нея?—почему оно не было двинуто къ Полоцку, даже прямо въ тылъ Баторію?—Отвѣта на это въ исторіи не имѣется; видно только, что Іоаннъ и русское войско бездѣйствовали и безъ сопротивленія дозволили Баторію взять Полоцкъ и другія крѣпости и разорить западныя, а шведамъ сѣверныя русскія области. Мало того — вскорѣ снова возобновились непріязненные пререканія Іоанна съ Баторіемъ изъ-за Ливоніи, Курляндіи, царскаго титула, правъ и преимуществъ Іоанна и пр. т. п., какъ будто этимъ однимъ можно было завоевать непріятельскія области и принудить Баторію къ уступкѣ ихъ и къ миру.

Баторій, кончивъ въ исходѣ сентября походъ 1579 г., воротился лично въ Вильну. Еще прежде того, въ половинѣ сентября, онъ писалъ Іоанну, что желалъ мира, но Іоаннъ, своимъ гордымъ отвѣтомъ, вынудилъ его прибѣгнуть къ оружію, почему кровопролитіе произошло не отъ него, а отъ Іоанна. Послѣдній отвѣчалъ (въ январѣ

1580 г.), что также желалъ мира, по всѣмъ своимъ границамъ запретилъ войну и требовалъ присылки большихъ пословъ для переговоровъ о мирѣ и освобожденія плѣнныхъ на размѣнъ и выкупъ. Но Баторій въ мартѣ потребовалъ, чтобы Іоаннъ прислалъ своихъ пословъ въ Вильну. Такимъ образомъ время напрасно проходило въ бесполезныхъ пересылкахъ и перепискахъ, исполненныхъ со стороны Іоанна пустыми формальностями. Наконецъ Баторій, переславшійся съ Іоанномъ только для того, чтобы выиграть время и собраться съ силами и средствами для новаго похода, увѣдомилъ Іоанна, что уже выступаетъ въ оный, но, не смотря на то, будетъ ждать русскихъ пословъ 5 недѣль, считая съ 14 іюня.

Однако трудно было Баторію собраться съ нужными для похода силами и средствами: на это потребенъ былъ бы почти цѣлый годъ, при тѣхъ жалкихъ порядкахъ, которые существовали въ Польшѣ. Много помогли въ этомъ случаѣ умъ и энергія Баторія и главнаго пособника его, знаменитаго канцлера Замойскаго, высокообразованнаго и свѣдущаго въ военномъ дѣлѣ. Главный недостатокъ былъ въ деньгахъ и войскахъ: первыхъ Баторій собралъ какъ и сколько могъ, пожертвовалъ своихъ, завялъ у частныхъ людей, много помогъ ими также Замоискій. Что касается войскъ, то польскія ополченія, какъ обыкновенно, собирались медленно и въ небольшомъ числѣ; хотя братъ Баторія, князь семиградскій, и прислалъ ему опять значительный отрядъ венгерской пѣхоты (гайдуковъ), но пѣхоты все еще было мало и Баторій желалъ оной больше. Набирать ее изъ городскихъ жителей, изнѣженныхъ, малоспособныхъ къ войнѣ, нельзя было и потому Баторій положилъ набрать въ нее крѣпкихъ и сильныхъ людей, по одному съ 20-ти изъ королевскихъ имѣній, освободивъ ихъ съ потомствомъ навсегда отъ всѣхъ повинностей.

Между тѣмъ и въ Москвѣ также собирали и деньги, и войска, но не было воеводъ или хотя одного, который могъ бы равняться искусствомъ съ Баторіемъ, не было и такихъ иноземныхъ дружинъ, опытныхъ и искусныхъ въ военномъ дѣлѣ, какъ у Баторія. Самъ Іоаннъ въ походъ не собирался и, не зная ничего (къ удивленію) о намѣреніяхъ Баторія, снова долженъ былъ растянуть войска свои вдоль всѣхъ западныхъ границъ, равно сѣверныхъ—противъ шведовъ и южныхъ—противъ крымцовъ, и послать ихъ и къ Новгороду, и къ Пскову, и къ Кокенгузену въ Курляндіи, и къ Смоленску, и на Оку. А къ литовскимъ границамъ главными предводителями войскъ онъ послалъ крещенаго татарскаго царевича, великаго князя Симеона Бекбулатовича (по его сану и званію) и боярина князя Ивана Феодоровича Мстиславскаго съ товарищами, съ наказомъ дѣйствовать «какъ ихъ Богъ вразумитъ и какъ будетъ пригоже государева и земскаго дѣ-

ла беречь и дѣлать»—и больше ничего, чего однако было очень мало и недостаточно.

Баторій положилъ двинуться къ Великимъ Лукамъ, но чтобы скрыть это отъ непріятеля, приказалъ войску собраться при Часникахъ (нынѣ Чашники) на р. Улѣ, въ равномъ разстояніи и отъ Великихъ Лукъ, и отъ Смоленска, такъ что неизвѣстно было, къ которому изъ этихъ двухъ городовъ двинется Баторій. По сборѣ войскъ у Часниковъ, онъ двинулся съ 50 т. оныхъ (въ томъ числѣ 20 т. чел. пѣхоты) къ Великимъ Лукамъ черезъ Велижъ и Усвятъ, которые, одинъ послѣ другаго, были зажжены калеными ядрами и сдались. Подступивъ къ Великимъ Лукамъ, Баторій осадилъ этотъ городъ. Въ это самое время въ лагерь его прибыли послы Іоанна, князь Сидцкій и Пивовъ, для переговоровъ о мирѣ по наказу имъ Іоанна, требуя для того, страннымъ образомъ, чтобы Баторій снялъ осаду и вступилъ въ переговоры съ ними въ своихъ, а не въ русскихъ владѣніяхъ! Ихъ приняли не только безъ почести, но и недружелюбно, и отказали во всѣхъ ихъ требованіяхъ—и снять осаду, и отступить, и не дѣлать вреда городу. Наконецъ, вынужденные исполнить такъ или иначе данное имъ порученіе, они даже уступали Баторію Полоцкъ, Курляндію и 24 города въ Ливоніи! Но Баторій требовалъ всей Ливоніи, Великихъ Лукъ, Смоленска, Пскова, Новгорода! Такъ малодушно смирился Іоаннъ, такъ выведенъ имъ былъ изъ терпѣнія Баторій! Послы просили позволенія послать въ Москву гонца за новымъ наказомъ. Баторій позволилъ это, но конечно, не сталъ дожидаться возвращенія гонца и продолжалъ осаду. Послѣ долгихъ усилій, Замойскому удалось наконецъ зажечь крѣпость; осажденные начали переговоры о сдачѣ, но венгры, какъ, подъ Полоцкомъ, боясь лишиться добычи, ворвались въ городъ и предались въ немъ страшному кровопролитію, а за ними примѣру ихъ послѣдовала и польская пѣхота, и Замойскій успѣлъ спасти только двухъ русскихъ воеводъ. Вслѣдъ затѣмъ князь Збаражскій съ польскою, венгерскою и нѣмецкою конницею разбилъ подъ Торопомъ, къ с. в. отъ Великихъ Лукъ, князя Хилкова; Невель, къ ю. з. отъ Великихъ Лукъ, былъ зажженъ и сдался; Озерщце, къ ю. з. отъ Невеля, сдалось еще до зажженія; крѣпкое Заволочье, къ с. з. отъ Невеля, отразило первый приступъ, но потомъ также было принуждено сдаться Замойскому. Такимъ образомъ Великіе Луки и города вокругъ нихъ были выжжены и сдались; но не такъ удачны были дѣйствія оршинскаго воеводы Кмита, съ 9 т. литовцовъ подступившаго къ Смоленску, чтобы сжечь его посады. Воевода Бутурлинъ съ товарищами напалъ на него при деревнѣ Настасьинѣ и выбилъ его изъ лагери. Кмита вечеромъ послѣ того расположился въ крѣп-

комъ мѣстѣ, оградивъ себя обозомъ, и ночью ушелъ оттуда. Но Бутурлинъ на другой день преслѣдовалъ его, достигъ въ 40 верстахъ отъ Смоленска, на Спаскихъ лугахъ, разбилъ и взялъ знамена, шатры, 10 пушекъ, 50 затинныхъ пицалей и 370 чел. плѣнныхъ.

Взятіемъ Великихъ Лугъ Баторій кончилъ свой походъ въ 1580 г., но военныя дѣйствія продолжались и зимою. Въ февралѣ 1581 г. литовцы ночью взяли Холмъ, къ с. з. отъ Торопца, и заняли его войсками, выгнали Старую Русу, а въ Ливоніи взяли замокъ Шмпльтенъ п вмѣстѣ съ Магнусомъ разорали дерптскую область до Нейгаузена и русскихъ границъ. Между тѣмъ на сѣверѣ еще осенью 1580 г. шведскій полководецъ Деллагарди вступилъ въ Корелію и въ ноябрѣ взялъ Кексгольмъ, причемъ, по ливонскимъ извѣстіямъ, погибло до 2 т. русскихъ. Въ Эстоніи шведы осадили Падисъ, въ 6 миляхъ отъ Ревеля; осажденные, подъ начальствомъ воеводы Чихачева, 13 недѣль держались, не сдаваясь и терпя страшный голодъ; наконецъ въ декабрѣ шведы взяли городъ вторымъ приступомъ. Въ началѣ 1581 г. Деллагарди изъ Кореліи внезапно явился въ Ливонію подъ Везенбергомъ, который, послѣ сильнаго обстрѣливанія, въ мартѣ сдался на условіи свободнаго выхода русскаго гарнизона. Въ томъ же мѣсяцѣ русскіе воеводы изъ Можайска ходили, по старому обычаю, разорять литовскія земли подъ Дубровной, Оршей, Могилевомъ, Шкловомъ, имѣли удачное дѣло съ литовскими войсками и затѣмъ возвратились въ Смоленскъ.

Между тѣмъ Баторій готовился къ третьему походу; занялъ денегъ у герцога прусскаго, курфирстовъ бранденбургскаго и саксонскаго, а въ февралѣ на сеймѣ объявилъ, что недостаточно радоваться военнымъ успѣхамъ, а нужно пользоваться ими, и если чины сейма не желаютъ или не надѣются покорить московское государство, то по крайней мѣрѣ не должны полагать оружія до тѣхъ поръ, пока не утвердятъ за собою всей Ливоніи; что ежегодно отрывать ему отъ войска для того, чтобы выпрашивать у сейма денегъ, весьма вредно, ибо это ослабляло собственное войско и давало непріятелю время усиливать свое; наконецъ — что единственнымъ средствомъ для избѣжанія этого былъ денежный сборъ за два года. Сеймъ сначала противился этому, но потомъ согласился, прося только, чтобы третьимъ походомъ обременительная война была кончена.

А между тѣмъ, въ продолженіи всей осени и зимы переговоры о мирѣ между Іоанномъ и Баторіемъ не прекращались. Но польскіе послы обращались съ русскими весьма недружелюбно и къ соглашенію никакъ не могли придти. Іоаннъ соглашался даже вывести свои войска изъ Ливоніи, лишь бы только король войскъ не собиралъ, спросилъ о царскомъ здоровьѣ и противъ царска-

го поклона всталъ! Соглашаясь на все, приказывая посламъ терпѣть все, Іоаннъ не удерживался однако отъ того, чтобы не напоминать Баторію, что онъ лишь недавно государь! Но Баторій не только не соглашался на уступку Ливоніи за исключеніемъ 4-хъ городовъ, но и требовалъ всей Ливоніи безъ исключенія и, сверхъ того, уступки Себежа и уплаты 400,000 венгерскихъ золотыхъ за военныя издержки. Тогда уже Іоаннъ въ свою очередь потерялъ терпѣніе, снова заговорилъ гордо и обидно, и, уступая Баторію завоеваніе имъ русскіе города, требовалъ въ Ливоніи Нарвы, Дерпта и 36 замковъ, и только на этихъ условіяхъ соглашался заключить перемиріе на 6 или 7 лѣтъ. Тѣмъ переговоры и кончились, и Баторій выступилъ въ походъ, пославъ Іоанну грамоту, наполненную ругательствами и, между прочимъ, вопросами: «зачѣмъ ты не пріѣхалъ самъ съ своими войсками и подданныхъ своихъ не оборонялъ? и бѣдная курица передъ ястребомъ и орломъ птенцовъ своихъ крылами покрываетъ, а ты орелъ двухглавый (ибо такова твоя печать) прячешься!» и въ заключеніе—вызывалъ Іоанна на поединокъ!

Передъ выступленіемъ своимъ въ походъ, онъ созвалъ военный совѣтъ и предложилъ вопросъ: куда идти? Почти всѣ указали на Псковъ, овладѣніе которымъ должно было предать въ руки короля всю Ливонію, изъ-за которой собственно и велась война. Баторій и съ нимъ нѣкоторые воеводы желали идти прямо къ Новгороду, но, опасаясь оставить въ тылу за собою такой крѣпкій городъ, какъ Псковъ, гдѣ были сосредоточены большія силы и средства непріятеля, согласились съ большинствомъ—идти къ Пскову.

На пути къ нему, Баторій подступилъ къ Острову. Каменныя стѣны его не устояли противъ сильнаго огня Баторіевой артиллеріи и крѣпость сдалась.

26 августа Баторій подступилъ къ Пскову съ юга, по правому берегу р. Великой.

§ 193.

Осада Пскова (1581—1582).

Псковъ въ это время, и по своему мѣстоположенію, и особенно по своимъ укрѣпленіямъ, былъ необыкновенно крѣпкій городъ.

Онъ былъ расположенъ на правомъ, возвышенномъ берегу р. Великой и на обоихъ берегахъ праваго притока ея, р. Псковы, у самаго устья ея. Площадь его, пространствомъ въ 434,496 квадр. саже-

ней, имѣла видъ дуги, основаніемъ которой былъ правый берегъ р. Великой, возвышенный надъ нею на 5—8 саж., имѣвший крутые скаты къ ней и легкую покатость отъ нея на востокъ. Мѣстность за р. р. Великою и Псковою и къ в. и ю. отъ города была низменная, ровная, такъ что со всѣхъ четырехъ сторонъ окрестностей Псковъ представлялся стоявшимъ на высокой горѣ *).

Онъ состоялъ изъ 5 частей, расположенныхъ: четыре — одна рядомъ съ другою отъ сѣвера къ югу вдоль р. Великой, именно: 1) Кремля или главной крѣпости—въ самой сѣверной и возвышенной части города, въ углу между р. р. Великою и устьемъ р. Псковы,—2) Довмонтовой крѣпости,—3) средняго города и 4) большаго города, крайняго къ югу;—5-ая же часть Запсковье была расположена за р. пижнею Псковою и сообщалась съ среднимъ городомъ посредствомъ моста. Въ Кремлѣ находились церкви: соборная св. Троицы—главная святыня Пскова, и Богоявленія Господня; въ Довмонтовой крѣпости—9 церквей, въ среднемъ городѣ—17, въ большомъ городѣ—26 церквей и 1 монастырь и на Запсковьѣ—7 церквей и 4 монастыря, всего 61 церковь и 5 монастырей, на Завельчѣ же—5 церквей и 7 монастырей и въ полѣ къ югу, на берегахъ Великой и Псковы—9 церквей и 3 монастыря, всего же внутри и внѣ города 70 церквей и 8 монастырей.

Укрѣпленія Пскова, сооруженіе которыхъ производилось постепенно около четырехъ вѣковъ (1197—1581 = 384 года), состояли: 1) изъ внѣшней каменной стѣны съ башнями, ограждавшей весь городъ вдоль Великой и на всемъ полукруглѣ дуги отъ южнаго угла на ней до сѣвернаго за Псковою, черезъ которую стѣна эта переходила у устья и выше по двумъ аркамъ съ опускающимися рѣшетками (нижними и верхними) для пропуска воды и судовъ; внѣшняя стѣна имѣла протяженія въ окружности всего $9\frac{1}{3}$ верстѣ, 37 башенъ и 48 воротъ,—и 2) изъ внутреннихъ каменныхъ стѣнъ и башенъ, отдѣлявшихъ Кремль, Довмонтову крѣпость и средній и большой города—одни и другія.

Каменные стѣны Кремля и Довмонтовой крѣпости (съ 1266 г.) имѣли 3 сажени вышины и 2 сажени толщины. Кремль возвышался на 8 сажень, а Довмонтова крѣпость, служившая какъ бы продолженіемъ его къ югу — на 5 сажень надъ уровнемъ р. Великой. Въ Кремлѣ, тѣсномъ внутри, кромѣ собора и церкви Богоявленія, нахо-

*) См. приложенный, уменьшенный въ $\frac{1}{10}$ долю, точный снимокъ съ изображенія Пскова въ 1581—82 гг. на древнемъ образѣ Срѣтенія Богородицы, писанномъ неизвѣстно когда послѣ осады, возобновленномъ 6 сентября 1784 г. и находящемся нынѣ въ часовнѣ Владычняго Креста, на 3-й верстѣ отъ Пскова къ Изборску, на почтовой шоссеиной дорогѣ.

дилось только нѣсколько погребовъ и амбаровъ для храненія запасовъ. Въ Довмонтовой крѣпости, кромѣ церквей, былъ княжій дворъ (или дворецъ), позже перенесенный въ средній городъ на площадь у Власіевскихъ воротъ надъ р. Великой. Въ среднемъ городѣ, огражденномъ (съ 1360 г.) съ с. в., в. и ю. каменною стѣною въ 3 саж. вышины и 2 саж. толщины и въ 760 саж. протяженія, съ 7 башнями, находились: княжій дворъ, съ вняжею церковью Воздвиженія Креста Господня, торговая площадь (на которой вѣроятно происходили народныя собранія или вѣча) и многія церкви, торговыя лавки и дома пменитыхъ гражданъ. Въ большомъ городѣ или, какъ онъ назывался въ старину, Посадѣ и Застѣнѣ, огражденномъ (съ 1375 г.) вѣшнею каменною стѣною въ 3 сажени вышины и толщины, съ башнями, находились многіе монастыри и церкви, ново-торговая площадь и дворы посадскихъ людей. Наконецъ въ Запсковѣ, огражденномъ въ 1482—84 гг., отъ Великой до Пскова, каменною стѣною, вышнюю до 3 и толщною до 2 $\frac{1}{3}$ сажень, съ 13 башнями, находились многіе монастыри, церкви и дворы посадскихъ людей.

Изъ 37 башенъ вѣшнихъ и внутреннихъ, главными въ числѣ первыхъ были: вверхъ по правому берегу Великой, съ с. на ю. — 2 башни Запсковья и 6 башенъ отъ сѣвернаго угла Кремля до южнаго угла большаго города, въ томъ числѣ Варлаамовская, на сѣверномъ углу Кремля, круглая, до 10 саж. въ діаметръ и въ 3 яруса и 8 саж. въ вышину, съ Варлаамовскими воротами въ ней къ Псковѣ; Власіевская, на углу Довмонтовой крѣпости средняго города, съ Власіевскими воротами въ ней, изъ которыхъ шла дорога черезъ деревянный мостъ на р. Великой—на Завеличье,—и Покровская (построенная въ 1397 г.), самая большая изъ всѣхъ башенъ, на южномъ, высокомъ и обрывистомъ углу большаго города, круглая, болѣе 12 сажень въ діаметръ и слишкомъ 7 сажень вышины, въ 5 ярусовъ. Отъ нея къ в. и далѣе кругомъ города и Запсковья главными башнями были: Свинузская (1-я отъ Покровской) и Гремячая построенная въ 1524 г., на правомъ, скалистомъ берегу р. Пскова, самая высокая, круглая, въ 7 саж. діаметра, въ 6 ярусовъ и болѣе 10 саж. вышины. Она и противоположная ей малая башня на лѣвомъ берегу Пскова защищали часть вѣшной стѣны съ пролетами и верхними рѣшетками надъ Псковою. Точно также одна большая башня, на правомъ берегу Пскова при устьѣ ея и одна малая на лѣвомъ противъ нея защищали часть вѣшной стѣны съ пролетами и нижними рѣшетками надъ Псковою. По всѣмъ стѣнамъ были переходы (валганги), сообщавшіеся съ вторыми ярусами башенъ, а подъ ними находились тайники или подземные ходы. Башни и переходы по стѣнамъ были крыты досчатыми кровлями, для прикрытія

оборонявшихся отъ зноя и непогодъ, но, въ случаѣ зажженія ихъ огнемъ осаждавшихъ, эти деревянныя кровли сообщали огонь городу, нерѣдко разрушавшій и самыя стѣны и башни.

Изъ числа 48 воротъ во внѣшнихъ и внутреннихъ стѣнахъ, главными внѣшними были: со стороны Великой—упомянутыя выше Варлаамовскія, Власіевскія, Воскресенскія, Георгіевскія, Іоакимо-Анненскія и наконецъ Покровскія и отъ Покровской башни къ в. и до Псковы—Свинузскія, возлѣ Свинузской башни, Великолуцкія, Златоустовскія, Сергіевскія (Лужскія), Петровскія (Троицкія) и Архангельскія, на Запсковьѣ же—Гремячія, въ башнѣ лѣвѣе Гремячей, и Ильинскія. Сверхъ этихъ главныхъ воротъ, были еще второстепенныя и меньшія внѣшнія, для выѣздовъ и выходовъ изъ крѣпости и городовъ.

Всѣ эти стѣны, башни и ворота древняго Пскова, въ теченіи около 300 лѣтъ со времени осады 1581 - 82 гг., частью сохранились болѣе или менѣе хорошо, большею же частью разрушились на половину или и совсѣмъ, либо были уничтожены, и нынѣ отъ многихъ изъ нихъ не остается даже и слѣдовъ.

Изъ этого описанія можно получить понятіе: 1) какъ съ XIV вѣка до XVIII русскіе города вообще и большіе въ особенности укрѣплялись каменными стѣнами и башнями,—2) какъ крѣпокъ былъ въ 1581-82 гг. Псковъ мѣстоположеніемъ и укрѣпленіями, и не даромъ славился, какъ первая крѣпость въ цѣломъ московскомъ государствѣ,—и 3) какія именно стороны и мѣста его были болѣе и менѣе крѣпки, а именно: вдоль р. Великой и съ юго-западнаго угла надъ нею и изъ-за Псковы съ востока онъ былъ неприступенъ, съ юга между Великою и Псковою онъ былъ неудобоприступенъ по причинѣ низменной и на берегахъ верхней Псковы сырой и тиистой почвы; съ сѣверной же, внѣшней стороны Запсковье хотя и было всего болѣе доступно, но его стѣна и стѣны Кремля, Довмонтовой крѣпости и средняго города представляли 4 ряда преградъ и, кромѣ того, р. Пскову съ высокими и крутыми берегами въ нижнемъ своемъ теченіи отъ верхнихъ до нижнихъ рѣшетокъ.

Оборонительныя средства Пскова въ 1581 г. соответствовали его крѣпкому положенію. Намѣреніе Баторія осадить его было извѣстно Іоанну, и онъ ввѣрилъ защиту его четверемъ надежнымъ воеводамъ, боярамъ князьямъ Шуйскимъ: Василію Ѳедоровичу Скопину и Ивану Петровичу, сыну извѣстнаго воеводы Петра и внуку Ивана, знаменитаго правителя во время малолѣтства Іоанна, и подъ ними Ивану Овчину-Плещееву и князю Андрею Хворо-

стинину - Бахтеярову - Лобанову - Ростовскому. Онъ далъ имъ письменный наказъ и въ Успенскомъ соборѣ, передъ Владимірскою иконою Божіей Матери, взялъ съ нихъ торжественную клятву, что они до смерти своей не сдадутъ Пскова Баторію. А они такою же клятвою обязали подчиненныхъ имъ въ Псковѣ боярскихъ дѣтей, стрѣльцовъ, пушкарей и псковскихъ вооруженныхъ гражданъ, всего числомъ до 30 т. чел. (а по иностраннымъ извѣстіямъ до 7 т. чел. конницы и до 50 т. чел. пѣхоты, считая въ томъ числѣ псковскихъ вооруженныхъ гражданъ), съ многочисленнымъ снарядомъ (артиллеріей). Укрѣпленія Пскова были исправлены, вездѣ разставлены пушки, пищали, ручницы, назначены мѣста, гдѣ быть каждому воеводѣ съ своими частями войскъ на внѣшней стѣнѣ и въ Кремлѣ, Довмонтовой крѣпости, среднемъ и большомъ городахъ и въ Запсковьѣ. Псковъ былъ заблаговременно снабженъ большими запасами военными и продовольственными на время продолжительной осады.

Іоаннъ безпрестанно писалъ воеводамъ и войску въ Псковѣ, чтобы они помнили клятву и обязанности свои. Для вспоможенія же Пскову, въ случаѣ надобности, въ Новгородѣ было 40 т. войскъ подъ начальствомъ боярина князя Юрія Голицына, и въ Ржевѣ до 15 т. чел.; у Волока-Ламскаго находились главныя силы русскаго войска, подъ начальствомъ велпваго князя Симеона тверскаго, князей Мстиславскихъ и Курляшева, а на Окѣ отъ Коломны до Тарусы, на случай нашествія крымскаго хана — князя Василій Шуйскій и Шестуновъ. Всего въ Псковѣ, Новгородѣ и въ полѣ было до 300 т. войскъ. Самъ Іоаннъ выѣхалъ изъ Александровской слободы и прибылъ въ Старицу со всемъ своимъ дворомъ, съ боярами и съ царскою дружиной, по видимому для личнаго предводительствованія всѣми войсками, дѣйствительно же для принятія ожидаемаго имъ папскаго нунція или посла, іезуита Антонія Поссевина, и переговоровъ, чрезъ посредство его, о мирѣ съ Баторіемъ.

Псковскіе воеводы, узнавъ въ началѣ августа о движеніи Баторія къ Пскову и что онъ взялъ на пути Опочку, Красный и Островъ, и на берегахъ р. Черехи разбилъ легкій отрядъ русской конницы, 18 августа зажгли предмѣстья и скоро съ Покровской башни и южныхъ стѣнъ увидали вдали густыя облака пыли, вздымаемыя движеніемъ многочисленнаго войска Баторія съ юга по дорогѣ изъ Острова, по обѣимъ сторонамъ которой оно и расположилось обширнымъ лагерьемъ, примыкая лѣвымъ флангомъ къ р. Великой, на разстояніи 2-хъ-3-хъ дальнихъ выстрѣловъ отъ южной стѣны Пскова.

Разноплеменное войско Баторія, отлично вооруженное и устроенное, снабженное многочисленною тяжелою и легкою артиллеріей и необходимыми для осады военными и продовольственными запасами,

простиралось до 100 т. чел. пѣхоты, конницы, пушварей и пр. Баторій, обозрѣвъ Псковъ и собравъ отъ русскихъ плѣнныхъ свѣдѣнія о его расположеніи, укрѣпленіяхъ, силахъ и средствахъ, увидалъ свою ошибку и убѣдился, что свѣдѣнія, полученные имъ прежде, были невѣрны. Еще въ Вильнѣ онъ отвергнувъ совѣтъ перешедшаго къ нему князя Бѣльскаго — не осаждать Пскова, а осадить Смоленскъ, а согласился съ мнѣніемъ большинства своихъ воеводъ — осадить и взять Псковъ, дабы тѣмъ легче взять потомъ Новгородъ. Но подъ Псковомъ, убѣдясь въ его крѣпости и силѣ, онъ увидалъ, что, для осады и взятія его, у него было слишкомъ мало пѣхоты и пороховыхъ запасовъ и что первой нужно было имѣть втрое болѣе, а послѣднихъ въ соразмѣрности съ тѣмъ. Однако, не желая отступиться отъ своего намѣренія осадить Псковъ и оказать тѣмъ передъ войскомъ слабость и опасеніе, 26 августа онъ подступилъ ближе къ городу, подъ сильнымъ огнемъ псковскихъ орудій съ южныхъ стѣнъ и башенъ, наносившихъ большой уронъ войску его, но снялъ собственные шатры свои близъ Николаевского Любцова монастыря на берегу Псковы и перенесъ ихъ далѣе назадъ за высоты, къ берегамъ р. Черехи. Пять дней потомъ прошли спокойно: неприятель укрѣплялъ свой лагерь на берегу Великой и обозрѣвалъ городъ. 1-го же сентября онъ началъ копать борозды (вести траншеи): 5 большихъ зигзагами вдоль р. Великой, по направлевію къ Покровскимъ: башнѣ и воротамъ, и 7 поперечныхъ (полупараллелей), работая днемъ и ночью, приватилъ туры, насыпалъ ихъ землею, вооружалъ большими пушками. Псковскіе воеводы, видя это, заложили на угрожаемомъ мѣстѣ новыя, внутреннія укрѣпленія — деревянную стѣну съ раскатами и назначили для ея обороны лучшихъ боярскихъ дѣтей и стрѣльцовъ, подъ начальствомъ князя Хворостинина. Тутъ же находились безотлучно и князя Шуйскіе съ царскими дьяками, данными имъ для совѣта.

Поляки, устроивъ бойницы (брешь-батареи) противъ Свиноузскихъ: башни и воротъ и противъ Покровской башни на правомъ и лѣвомъ берегахъ р. Великой, для перекрестнаго обстрѣливанія ея, 7-го сентября на разсвѣтѣ открыли сильный огонь изъ 20 осадныхъ орудій противъ Покровской и Свиноузской башенъ и стѣны между ними. Продолжая огонь цѣлый день, къ разсвѣту слѣдующаго дня, 8-го сентября, они разрушили стѣну въ разныхъ мѣстахъ и двинулись — поляки, венгры и нѣмцы — съ распущенными знаменами, при звукахъ трубъ, боѣ барабановъ и громкомъ крикѣ, на приступъ къ сдѣланнымъ въ стѣнѣ проломамъ. Осажденные ждали ихъ между пробитою вышнюю стѣною и недоконченною еще за нею деревянною. Не смотря на жестокой огонь ихъ съ южныхъ стѣнъ и башенъ,

непріятель ворвался въ проломы, взялъ съ боя Покровскую и Сви-
нузскую башни и водрузилъ на нихъ королевскія знамена, къ вели-
кой радости Баторія, наблюдавшаго за приступомъ съ колокольни
церкви св. Никиты, на правомъ берегу Великой, въ полуверстѣ отъ
Пскова. Послѣ упорнѣйшаго боя въ башняхъ и проломахъ, осаж-
денные, понеся большой уронъ и упавъ духомъ, уже начали-было
отступать, но мужественный и храбрый князь Иванъ Шуйскій
просьбами и угрозами, а Псковочерскій игумень Тихонъ съ ду-
ховенствомъ, иконами и мощами св. князя Всеволода-Гавріила,
успѣли удержать ихъ и снова двинуть противъ непріятеля. Снова
въ проломахъ и башняхъ загорѣлся жестокой бой, и наконецъ осаж-
денные взорвали Свинузскую башню со всѣми находившимися въ
ней непріятелями, выбили ихъ изъ проломовъ и Покровской башни,
въ которой упорнѣе и долѣе всѣхъ удерживались венгры: ихъ выбили
наконецъ огнемъ и мечомъ. Бой продолжался до самаго вечера, пото-
му что Баторій нѣсколько разъ подкрѣплялъ штурмовавшихъ свѣ-
жими войнами. Но и осажденные также были поддержаны войсками
и гражданами изъ другихъ мѣстъ города—и окончателно приступъ
былъ отбитъ. При этомъ осажденные потеряли 663 чел. убитыми и
1626 чел. ранеными, а осаждавшіе—болѣе 5 т. чел. одними убиты-
ми (въ томъ числѣ Гавріила Бекеши, искуснаго венгерскаго воен-
начальника, отменно любимаго и уважаемаго Баторіемъ), множе-
ство ранеными и плѣнными и нѣсколько знаменъ и легкихъ пу-
шекъ въ проломахъ и воротахъ. Къ Іоанну былъ посланъ гонецъ
съ радостною вѣстью, а раненыхъ велѣно лечить на счетъ царской
казны. Баторій же, съ досады и горя, заключился въ своемъ шат-
рѣ и не хотѣлъ видѣть своихъ воеводъ, накануне общавшихъ
ужинать съ нимъ въ псковскомъ замкѣ. Но, какъ бы стыдясь
обнаружить передъ войскомъ свое огорченіе, на другой день онъ
вышелъ изъ своего шатра съ спокойнымъ лицомъ, созвалъ военный
совѣтъ, объявилъ рѣшительно, что должно умереть либо взять
Псковъ, во что ни стало бы, осенью или зимою. Онъ велѣлъ произ-
водить непрерывно, днемъ и ночью, сильный огонь противъ Пскова,
дѣлать подкопы, готовиться къ новымъ приступамъ и, наконецъ, на-
писалъ псковскимъ воеводамъ, что дальнѣйшее кровопролитіе было
безполезно для нихъ, убѣждалъ ихъ сдаться безъ боя, обещаая имъ
честь и милость, какихъ они не получаютъ отъ своего царя, а наро-
ду—льготы, неизвѣстныя на Руси, со всѣми выгодами свободной
торговли, и неприкосновенность вѣры, обычаевъ и достоянія, при-
бавивъ, что слово его—законъ, а въ случаѣ упорства грозя и
воеводамъ, и народу гибелью. Эта грамота его была пущена въ
Псковъ съ стрѣлою, такъ какъ осажденные твердо положили не

имѣть никакихъ сношеній съ осаждавшими. Но воеводы такимъ же способомъ—съ стрѣлою, пустили изъ города отвѣтную грамоту, что они «не жиды, не предають ни Христа, ни царя, ни отечества, не слушаютъ лести, не боятся и угрозъ, и зовуть Баторія на бой, побѣда въ которомъ зависить отъ Бога». Выѣстѣ съ тѣмъ они спѣшили довершить деревянную стѣну за мѣстомъ бывшаго приступа и за проломомъ, вырыли между нимъ глубокой ровъ, утврдили въ немъ толстый, дубовый и острый частоколъ (палисадъ), спокойно, бодро, смѣло, подъ непріятельскими ядрами, ждали приступовъ и долго, успѣшно и славно отражали всѣ попытки осаждавшихъ. Но попытки эти были слабы: главными причинами тому были — недостатокъ пороха, лишенія, нужды, неудовольствіе войска. За порохомъ послали къ герцогу курляндскому и въ Ригу, но чтобы привезти его оттуда потребовалось много времени, а когда привезли, попытки овладѣть Псковомъ все-таки оставались тщетными; неудалась также попытка овладѣть Псковопечерскимъ монастыремъ (въ 56 верстахъ отъ Пскова). А между тѣмъ войско осаждавшихъ сильно терпѣло отъ осеннихъ дождей, а потомъ отъ морозовъ, равно и отъ недостатка продовольствія и даже отъ голода, унало духомъ, роптало и, не смѣя винить короля, винило во всемъ Замоискаго, говоря, что «онъ въ италіянскихъ академіяхъ научился всему, кромѣ искусства побѣждать русскихъ, что онъ уѣдетъ съ королемъ въ Варшаву на сеймъ, а войско будетъ брошено на жертву зимы, голода и ожесточеннаго врага». Но Баторій ясно видѣлъ, что снять осаду и воротиться на зиму въ Литву и Польшу—значило совершенно погубить предпринятое имъ дѣло, и твердо положилъ оставить войско на зиму подъ Псковомъ. Это было чрезвычайно трудно, но Замоискаій собиравъ преодолѣть это. Первою и главною заботой его было водворить въ войскѣ, особенно среди шляхты (польскаго дворянства), строгую дисциплину, для чего и средства употреблялъ чрезвычайно строгія, не взирая ни на кого и ни на что, ни на общую злобу и ненависть къ нему, и карая преступниковъ безъ милосердія и пощады. Между тѣмъ Баторій велѣлъ рыть въ трапешахъ на зиму землянки съ печами (послѣ осады, ихъ было найдено 130 большихъ и 904 меньшихъ), запасался порохомъ и продовольствіемъ, не обращалъ вниманія на ропотъ войска и надѣлся на дѣйствіе 9-ти подкоповъ. Но Шуйскій, узнавъ о нихъ отъ одного литовскаго перебѣжчика, успѣлъ перенять нѣкоторые изъ нихъ. Тщетны были и всѣ другія дѣйствія, хитрости и попытки осаждавшихъ, и ихъ каленныя ядра, столь пагубныя для Великихъ Лукъ и Сокола, и порою ихъ отчаянная до дерзости смѣлость. Такъ однажды (28 октября), при страшной пальбѣ всѣхъ польскихъ орудій,

венгерскіе пѣшіе гайдуки, съ ломами и кирками, бросились отъ р. Великой прямо къ городской стѣнѣ между башней и воротами Покровскими и стали разбивать ее, прикрываясь широкими щитами, лѣзли въ отверстія и пытались зажечь внутреннія деревянныя постройки. Но осажденные лили на нихъ кипѣвшую смолу, бросали въ нихъ кувшины съ порохомъ (ручныя гранаты), бревна, большіе камни, зажигали деревянные щиты ихъ, стрѣляли въ нихъ изъ ручницъ и самопаловъ, кололи ихъ копьями въ отверстіяхъ и пр., такъ что немногіе изъ нихъ спаслись бѣгствомъ. Въ слѣдующіе 5 дней пальба не умолкала, ни съ праваго берега Великой, ни съ лѣваго, гдѣ также была устроена брешъ-батарея, произведенъ новый проломъ въ стѣнѣ отъ р. Великой, и 2-го ноября Баторій положилъ еще разъ испытать счастье въ приступѣ (ихъ всего было 31). Сначала осаждавшіе густыми, сомкнутыми рядами шли смѣло и бодро по льду рѣки, но, осыпанные ядрами и пулями со стѣнъ и башенъ города, пришли въ замѣшательство и остановились. Тщетно воеводы убѣждали, принуждали ихъ идти впередъ — новый залпъ изъ города обратилъ и воинновъ и самихъ воеводъ въ бѣгство, въ виду самаго Баторія. Къ большей еще досадѣ послѣдняго, сгрѣбцкій голова Мясоѣдовъ съ свѣжею, довольно многочисленною дружиной успѣлъ пробиться сквозь цѣпь непріятельскихъ войскъ и вступить благополучно въ Псковъ, къ великой радости защитниковъ его, ослабленныхъ понесеннымъ ими урономъ. Это немало удивляетъ недостаточнымъ, какъ видно, со стороны Баторія, обложеніемъ Пскова со всѣхъ сторонъ, о чемъ впрочемъ и не имѣется достаточныхъ свѣдѣній.

Наконецъ Баторій приехалъ очистить траншеи, вывезти изъ нихъ орудія и превратить осаду въ блокаду (но, какъ видно, не тѣспую), съ цѣлю голодомъ принудить осажденныхъ къ сдачѣ. Но чтобы нѣсколько утѣшить и ободрить свое унылое и недовольное войско и удовлетворить своихъ корыстолюбивыхъ наемниковъ, онъ положилъ овладѣть древнимъ Псковопечерскимъ монастыремъ, въ 56 верстахъ отъ Пскова, къ сѣверу близъ границъ Ливоніи, который въ 1519 г. былъ обновленъ, украшенъ и надѣленъ богатыми вкладами и сокровищами. Въ немъ, сверхъ братіи монастыря, было только отъ 200 до 300 ратниковъ подъ начальствомъ военачальника Нечаева, для защиты монастырскихъ каменныхъ стѣнъ и башенъ, построенныхъ въ 1565 г. игуменомъ Корниліемъ. Съ этою горстью людей Нечаевъ безпрестанно нападалъ на польскіе подвозы изъ Литвы. Начальникъ нѣмецкихъ наемниковъ Баторія, Фаренсбахъ, и его же воевода Борнемисса съ венгерскою дружиной, подступивъ къ монастырю, потребовали немедленной сдачи его. Но мона-

*

хи отвѣчали, что «непохвально воинамъ воевать съ чернецами, что если они хотятъ битвѣ и славы, то пусть пойдутъ къ Пскову, гдѣ найдутъ достойныхъ противниковъ, а они, чернецы, не сдаются». И вмѣстѣ съ ратниками Нечаева они удачно отразили два приступа и даже взяли въ плѣнъ молодаго Кетлера, племянника герцога, и двухъ знатныхъ ливонскихъ сановниковъ.

Послѣ того войско Баторія боролось уже болѣе съ холодомъ и голодомъ, нежели съ псковичами. Часовые ихъ замерзали, а войскѣ подъ шатрами страдали отъ холода. Продовольствія было крайне мало, дороговизна на него была необыкновенная, фуражировъ нужно было посылать верстъ за 100—150 и то съ опасностью, лошади падали, казна истощалась, войску не выдавали жалованья и 3 тыс. нѣмцевъхъ наемниковъ ушли въ Германію. Литовскіе военачальники писали въ Вильну, что «король хочетъ сдержать свое слово, но Пскова не возьметъ, а можетъ погибнуть въ псковскихъ снѣгахъ». Дѣйствительно, гибель его могла бы быть вѣроятнымъ концомъ его упорства: еслибы князь Юрій Голицынъ изъ Новгорода, Мстиславскіе изъ Волока и Шуйскій изъ Пскова въ одно время напали на войско Баторія, то ему, вѣроятно, пришлось бы очень плохо. Но, къ удивленію, только одинъ Шуйскій съ товарищами въ Псковѣ дѣйствовали дѣятельно и энергически, производя частыя и удачныя вылазки; всѣ другіе же воеводы русскіе въ Пскова — непостижимо бездѣйствовали. Голицынъ оставался безвыходно въ Новгородѣ и, услышавъ, что литовскіе казаки сожгли Русу, едва самъ не сжегъ всей Торговой стороны (на правомъ берегу Волхова), опасаясь осады Новгорода, хотя имѣлъ 40 т. войскъ. Великій князь Симеонъ тверской и князья Мстиславскіе съ главными силами стояли неподвижно въ Волокѣ, охраняя Москву и Іоанна въ Старицѣ. А самъ Іоаннъ, встревоженный успѣхами шведовъ въ Ливоніи (см. ниже) и движеніемъ Радзивила, Кмяты и Гарабурды съ литовскими отрядами до самаго Ржева, поспѣшно удалился изъ Старицы въ Александровскую слободу. Такое бездѣйствіе многочисленныхъ русскихъ войскъ въ то время, когда Псковъ одинъ геройски отбивался отъ главныхъ силъ Баторія, по истинѣ непостижимо.

Набѣгъ литовцовъ къ верхней Волгѣ, такъ встревожившій лично Іоанна, не доставилъ имъ существенной выгоды и не имѣлъ важныхъ послѣдствій. Совсѣмъ иное было съ дѣйствіями шведовъ въ Ливоніи. Баторій требовалъ, чтобы шведы напали съ моря на берега Сѣвернаго и Бѣлаго морей, истребили средоточіе русской торговли съ Англіей въ Архангельскѣ и взяли гавань св. Николая, Холмогоры и Бѣлозерскъ, гдѣ находилась царская казна. Но этотъ планъ показался шведамъ слишкомъ отважнымъ, даже безразсуд-

нимъ. Въмѣсто того, они, къ досадѣ Баторія, искали болѣе близкихъ, вѣрныхъ и прочныхъ завоеваній въ Ливоніи и сопредѣльныхъ съ нею русскихъ владѣнійхъ. Пользуясь продолжительною осадой Пскова и бездѣйствіемъ Голицына и Мстиславскихъ, они въ 2—3 послѣдніе мѣсяца 1581 года отняли у русскихъ въ Ливоніи Лодзе, Финкель, Леаль, Гапсаль и Нарву, гдѣ погибло до 7 т. русскихъ и гдѣ уже 20 лѣтъ велась русская торговля съ западною Европой и находилось множество товаровъ и богатствъ. А вскорѣ главный начальникъ шведской арміи въ Ливоніи Делагарди перенесъ войну изъ нея въ сѣверныя русскіе предѣлы и навелъ страхъ на нихъ взятіемъ Ивангорода, Ямы, Копорья и крѣпкаго Впгтенштейна.

Въ то время, какъ такимъ образомъ Баторій съ запада, а шведы съ сѣверо-запада и сѣвера громили русскіе предѣлы, многочисленныя же русскія военныя силы противъ нихъ бездѣйствовали, самъ Иоаннъ помышлялъ не объ отраженіи ихъ силою оружія, а о примиреніи съ Баторіемъ чрезъ посредство вызвавагося на то папскаго пупція, іезуита Антонія Поссевина, находившагося въ станѣ Баторія подъ Псковомъ. На совѣтѣ съ царевичемъ сыномъ своимъ и съ боярами, онъ положилъ «уступить необходимости и могуществу Баторія и шведовъ, отдать первому, но только въ копейной певолѣ (т. е. въ крайнемъ случаѣ), всю русскую Ливонію съ тѣмъ, чтобы онъ возвратилъ всѣ другія завоеванія свои и не включать въ договоръ шведовъ, дабы съ ними можно было справиться на свободѣ». Съ такимъ наказомъ и были отправлены послы къ Баторію дворянинъ князь Елецкій и печатникъ Олферьевъ, для заключенія мира или перемирія. Между Опочками и Порховомъ, въ селѣ Вешковпчяхъ, ждалъ ихъ Поссевинъ и вмѣстѣ съ ними 15-го декабря прибылъ въ деревню Киверову Гору, въ 15 верстахъ отъ Запольскаго Яма, гдѣ уже находились Баторіевы уполномоченные: воевода Збаражскій, маршалокъ князь Радзивиля и секретарь великаго княжества литовскаго Гарабурда. Немедленно начались переговоры, а Баторій, давъ нужныя наставленія своимъ уполномоченнымъ и Замойскому, уѣхалъ въ Варшаву, сказавъ: «ѣду съ малою, утомленною дружиной за сильнымъ, свѣжимъ войскомъ».

Этотъ отъѣздъ его, безъ сомнѣнія необходимый для истребованія отъ польскаго сейма новыхъ пособій деньгами и войсками, въ тогдашнихъ обстоятельствахъ былъ однако большою смѣлостью со стороны Баторія. Войско его подъ Псковомъ, истомленное осадой, блокадой, холодомъ, голодомъ, трудами, лишеніями и урономъ, роптало, оказывало мятежный духъ, требовало мира и громко заявляло, что Баторій воюетъ за Ливонію только для того, чтобы отдать ее

своимъ племянникамъ. Присутствіе Баторія еще обуздывало войско, въ отсутствіи же его могъ вспыхнуть страшный бунтъ. Но Баторій вполне довѣрялъ Замойскому—и послѣдній оправдалъ довѣріе его. Презирая укоризны, насмѣшки, даже угрозы, онъ смирилъ мятежныхъ строгостью и ободрилъ малодушныхъ надеждой, говори, что если они будутъ мужественны и терпѣливы, то русскіе послы все уступятъ, въ противномъ же случаѣ будутъ упорствовать и поляки останутся безъ мира и славы и утратятъ плоды столь многихъ трудовъ и побѣдъ. Но онъ не устыдился коварной и недостойной хитрости, чтобы погубить главнаго воеводу и защитника Пскова—Шуйскаго. Онъ отпустилъ въ Псковъ, безъ всякихъ условій, одного русскаго плѣнника съ большимъ ларцомъ и письмомъ къ Шуйскому отъ нѣмца Моллера, писавшаго, что «онъ долго служилъ Иоанну вмѣстѣ съ Фаренсбахомъ, а теперь хочетъ тайно уйти въ Псковъ и посылаетъ напередъ казну свою въ ларецъ, изъ котораго проситъ вынуть золото и сберечь его». Къ счастью, воеводы усомнились и, приказавъ осторожно открыть ларецъ, нашли въ немъ нѣсколько заряженныхъ пищалей (вѣроятно короткихъ), осыпанныхъ порохомъ. Спасенный Шуйскій написалъ Замойскому, что «храбрые люди убиваютъ враговъ только въ бою, и вызывалъ его на честный, открытый поединокъ», какъ Баторій—Иоанна. А между тѣмъ и онъ, и товарищи его, хотя и знали объ открытіи переговоровъ, однако продолжали неослабно бодрствовать, бдительствовать, и днемъ, и ночью тревожить и поражать огнемъ и вылазками изъ города непріятельское войско, котораго наконецъ оставалось уже не болѣе 26 т. чел.

Между тѣмъ русскіе послы съ своей стороны, исполняя волю Иоанна, вели переговоры спокойнo, скромно, вѣжливо, но благородно, безъ униженія, твердо, не смотря на дерзкія высокоуміе и заносчивость Поссевина и Баторіевыхъ уполномоченныхъ. Въ обоюдныхъ преніяхъ, вмѣсто трехъ дней, назначенныхъ Баторіемъ, прошло болѣе трехъ недѣль, а къ соглашенію все еще никакъ не могли придти. Русскіе послы уступали 14 городовъ въ Ливоніи, занятыхъ русскими войсками, Полоцкъ со всеми пригородами его, Озериче, Усвятъ, Великіе Луки, Велижъ, Невель, Заволочье, Холмъ, лишь бы только удержать Дерптъ съ 15-ю крѣпостями въ Ливоніи. Но Баторіевы послы, напротивъ, требовали всей Ливоніи безъ исключенія и денегъ за убытки войны, и хотѣли включить въ договоръ и шведскаго короля, а Поссевинъ не оказывалъ русскимъ посламя никакого содѣйствія къ примиренію. Его лучше оказали псковскіе воеводы: 4-го января 1582 года они пропзвели особенно сильную вылазку изъ города (счетомъ 46-ю и—послѣднюю) съ пѣхотой

п конницей, нанесли неприятелю большой уронъ убитыми и взятыми въ плѣнъ, и поротились въ городъ побѣдителями, съ трофеями. Вслѣдъ затѣмъ Замоискій далъ знать посламъ Баторія, что терпѣніе войска уже совершенно истощилось и что необходимо было или немедленно подписать договоръ, или отступить отъ Пскова. Тогда Збаражскій объявилъ, что Баторій приказалъ прервать переговоры — и русскіе послы, видя конечную неволю, страшась ослушаться Іоанна и ѣхать въ Москву безъ мира, вынуждены были согласиться на тяжкія и постыдныя условія — отказаться отъ Ливоніи, Полоцка и Велижа, взаимнѣмъ чего послы Баторія согласились не требовать денегъ за убытки войны, не включать въ договоръ ни шведскаго короля, ни городовъ Эстоніи: Ревеля и Нарвы, и возвратитъ занятые войсками Баторія города: Великіе Луки, Заволочье, Невель, Холмъ, Себежъ, Островъ, Красный, Изборскъ, Гдовъ и всѣ псковскіе пригороды. На этихъ условіяхъ положили заключить перемиріе съ 6-го января 1582 года на 10 лѣтъ, но еще нѣсколько дней спорили о титулахъ и словахъ и наконецъ 17 января, утвердивъ договоръ, увѣдомивъ о томъ Замоискаго и Шуйскаго. Это произвело общую радость и въ войскѣ Замоискаго, и въ Псковѣ, совершившемъ великій подвигъ съ честью и славой для себя и всей Руси. Замоискій пригласилъ воеводу его на пиръ, но герой обороны Пскова Шуйскій не поѣхалъ на него, отпустивъ только товарищей своихъ.

Такъ кончились въ одно время, и знаменитая, славная для русскаго оружія и имени оборона Пскова, и 3-хъ-лѣтняя война между Іоанномъ и Баторіемъ, не столько кровопролитная, сколько несчастная для Руси, менѣе славная для Баторія, чѣмъ постыдная для Іоанна, оказавшаго въ ней всю слабость души своей, омраченной страстями. 24 года воевавъ непрерывно, чтобы завоевать Ливонію, берега и гавани моря и уже почти достигнувъ этой цѣли, съ большими пожертвованіями, онъ вдругъ, имѣя многочисленное войско, пожертвовалъ всею приобрѣтеннымъ Баторію, имѣвшему сравнительно слабѣйшія, изпуренныя и разстроенныя военныя силы. Въ первый разъ еще Русь заключила съ Польшей и Литвой такой невыгодный и непочетный миръ, и если не уступила еще болѣе и удержалась въ своихъ древнихъ предѣлахъ, то вся честь того принадлежала Пскову и доблестнымъ защитникамъ его, которые по истинѣ спасли Русь отъ большей опасности и отъ еще болѣешихъ жертвованій и утратъ.

4-го февраля 1582 г. Замоискій двинулся отъ Пскова въ Ливонію, чтобы принять отъ русскіхъ города и крѣпости ея. Только въ этотъ день, послѣ 5 мѣсяцовъ и 10 дней (съ 26 августа 1581 г.)

заключенія (сидѣнія въ осадѣ), отворились наконецъ порога снасеннаго Пскова, къ великой радости его жителей. Но не такъ было въ Ливоніи, изъ которой давнишніе, осѣдлые русскіе жители ея, съ своими семействами и имуществомъ, съ глубокою скорбію и горькими слезами принуждены были выселиться въ Псковъ и Новгородъ. Эстонія же осталась во власти шведскаго короля, которому Іоаннъ сверхъ того уступилъ Нарву, Яму и Копорье.

Главный защитникъ и спаситель Пскова, князь Иванъ Шуйскій былъ награжденъ отъ Іоанна «великимъ жалованьемъ въ кормленіи Псковомъ», т. е. всѣми доходами съ него. Въ послѣдствіи, по смерти Іоанна и воцареніи сына его, Θεодора, онъ былъ однимъ изъ 5-ти членовъ верховной думы, но не избѣжалъ зависти и клеветы — «и лаврами увѣнчанную главу свою» — говоритъ Карамзинъ — «предаль срамной петлѣ въ душевной темницѣ».

Псковичи же, въ благодарность Богу за избавленіе Пскова и Псковопечерскаго монастыря отъ поляковъ и литовцовъ, учредили ежегодное перенесеніе чудотворныхъ иконъ изъ этого монастыря въ Псковъ въ 7-ю недѣлю по Пасхѣ (что совершается донынѣ).

§ 194.

Завоеваніе Сибири (1558—1583).

Въ то время, когда на востокъ дикіе инородцы, обитавшіе на средней Волгѣ и нижней Камѣ, старались освободиться отъ русскаго подданства, а на западѣ Польша, Литва и Швеція успѣли отрѣзать московское государство отъ Балтійскаго моря и сообщеній съ западною Европой, ногайскіе князья, послѣ завоеванія Казани, сами предложили Іоанну овладѣть Астраханью, мелкіе владѣльцы прикавказскіе искали помощи его одни противъ другихъ и даже подданства ему, и того же сталъ искать даже одинъ татарскій владѣлецъ за Ураломъ. Тамъ, на берегахъ Тобола, Иртыша и Оби, въ концѣ XV и въ началѣ XVI вѣковъ, изъ древнихъ татарскихъ улусовъ, вогуличей и остяковъ образовалось сильное царство, столицей котораго былъ городъ Искеръ или Сибирь (въ 16 верстахъ отъ нын. Тобольска). Оно признавало господство ногайскихъ князей, одинъ изъ которыхъ, именемъ Едигеръ, въ январѣ 1555 года прислалъ въ Москву къ Іоанну пословъ съ просьбой принять всю землю его, Едигера, въ свое подданство, наложить на нее дань и защитить отъ ея враговъ. Іоаннъ исполнилъ первое и второе, но, по отдаленности, не могъ исполнить третьяго, т. е. защиты Едигера и земли

его отъ враговъ, чего онъ особенно и искалъ. Поэтому положеніе сибирской земли было непрочно: по давнишнему обычаю, татары и въ Азіи, какъ въ Европѣ, междуусобствовали и князя ихъ изгоняли однихъ другаго изъ своихъ владѣній. Такъ и Едигеръ былъ изгнанъ киргизъ-кайсацкимъ ханомъ Кучумомъ, который сначала также обязался платить дань Іоанну, но потомъ—въ то самое время, когда Адашевъ склонялъ Іоанна разрушать крымскую орду, а Іоаннъ замышлялъ завоевать Ливонію—уже не захотѣлъ быть данникомъ его, завладѣлъ всѣми землями отъ Уральскаго хребта до верховьевъ Оби, силою обратилъ туземцовъ въ магометанскую религію, присоединилъ къ нимъ киргизъ-кайсаковъ, вошелъ въ дружественныя связи съ ногаями и даже началъ дѣйствовать враждебно противъ Іоанна, подстрекая черемисовъ къ мятежу и неразъ производя набѣги на пермскую область.

Озабоченный дѣлами на западѣ, Іоаннъ не хотѣлъ раздѣлять своихъ силъ для обращенія части ихъ въ отдаленный за-уральскій край, съ цѣлю приведенія Кучума силою въ подданство. Въ это время, въ пермскомъ краѣ, двое богатыхъ сольвычегодскихъ землевладѣльцовъ, братья Яковъ и Григорій Строгановы, имѣвшіе солянныя варницы на р. Вычегдѣ, предложили Іоанну собственными средствами оберегать пермскій край отъ сибирскихъ и ногайскихъ хищниковъ. Іоаннъ охотно согласился на ихъ предложеніе, далъ имъ земли по р. Камѣ и Чусовой и многія льготы, какъ-то: позволилъ строить городки (форты), учреждать поселенія, имѣть огнестрѣльныя: орудія и оружіе, пушкарей и вооруженныхъ людей, принимать къ себѣ всякаго рода людей, кромѣ бѣглыхъ, управлять ими и судить ихъ независимо отъ пермскихъ царскихъ намѣстниковъ (1558). Вслѣдствіе того Строгановы основали нѣсколько остроговъ и городковъ по р. Чусовой и Сылвѣ, образовали собственное войско изъ бродягъ, бездомныхъ и т. п. людей, вооружили ихъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, завелъ у себя пушки и съ 1572 года начали вести жестокую войну съ Кучумомъ, отражали всѣ набѣги его, уничтожали всѣ попытки его возмущать черемисовъ, силою оружія обуздывали остяковъ и башкирцовъ и были стражами и оберегателями сѣверо-восточной Руси со стороны Азіи. Отстоявъ городки свои по Камѣ и Чусовой, которые Кучумъ въ 1573 году послалъ племянника своего, Маметкула, разорить, и прочно утвердись такимъ образомъ по сию сторону Урала, Строгановы обратили свое вниманіе и на за-уральскія земли, обѣщавшія имъ еще болѣе выгодъ. Отъ обороны они замыслили перейти къ нападенію на Кучума въ собственныхъ его владѣніяхъ, испросили и получили позволеніе Іоанна строить городки за Ураломъ, по р. Тоболу и его

притокамъ до ихъ верховьевъ, содержать въ нихъ на свой счетъ военныхъ наемщиковъ съ огнестрѣльными: орудіями и оружіемъ, владѣть землями, воздѣлывать ихъ, добывать и разрабатывать желѣзо, мѣдь, олово, свинецъ, сѣру и пр., и на все это получили царскія жалованныя грамоты (1574). Такимъ образомъ они приобрѣли право и за Ураломъ также учредить промыслы и не только оборонять ихъ силою оружія, но и вести наступательную войну для отнятія у Кучума земель его подъ новыя поселенія.

Но Яковъ и Григорій Строгановы умерли, не успѣвъ совершить похода за Ураломъ и завѣщавъ это важное предпріятіе младшему брату своему Симеону и сыновьямъ: Якова — Максиму и Григорія — Никитѣ. Наслѣдовавъ умъ и дѣятельность Якова и Григорія, Симеонъ, Максимъ и Никита положили исполнить завѣщанное имъ, но, не надѣясь на охочихъ туземцовъ-инородцовъ: остяковъ, вогуличей, югровъ, самоѣдовъ и др., они рѣшились прибѣгнуть въ этомъ къ помощи донскихъ казаковъ, хотя бы съ опасностью сдѣлаться жертвою ихъ или навлечь на себя гнѣвъ Іоанна. Донскіе казаки, усердно служившіе ему до удаленія Адашева, послѣ того стали дѣйствовать враждебно, грабили и торговые караваны, ходившіе отъ Каспійскаго моря въ Москву, и царскую казну, и неразъ вынуждали Іоанна посылать противъ нихъ войска. Не смотря на то, они продолжали дѣйствовать съ необыкновенною смѣлостью, доходившею до дерзости, нападали на русскія укрепенія и разбойничали не только на Волгѣ, но даже и на Уралѣ, гдѣ разрушили главный городъ ногаевъ Сарайчикъ. Въ этихъ отчаянныхъ, хищническихъ набѣгахъ ихъ особенно отличался быстротою, мужествомъ и храбростью одинъ изъ атамановъ ихъ, Ермакъ Тимоѣевъ, за свои разбои подвергшійся опалѣ Іоанна. Его-то именно и призвали Строгановы отъ разбоевъ къ подвигамъ пользы, чести и славы въ Сибири, въ царствѣ Кучума. Онъ прибылъ къ нимъ въ концѣ іюня 1579 г., съ 4-ми другими атаманами: Иваномъ Кольцо (царскою грамотой къ ногаимъ — присужденнымъ къ смертной казни), Яковомъ Михайловымъ, Никитой Паномъ и Матвеемъ Мещерякомъ, и съ небольшою дружиной, не болѣе 540 охочихъ казаковъ, но все отчаянныхъ удалцовъ, и до 1-го сентября 1581 г. помогалъ Строгановымъ защищать городки ихъ отъ нападеній вогуличей, вотяковъ и целымцовъ, и даже ходилъ воевать въ ихъ собственныя земли. Когда же Строгановы послѣ того рѣшились послать Ермака, съ его товарищами и казаками за Уралъ во владѣнія Кучума, то придали имъ 300 чел. своихъ ратниковъ изъ русскихъ, татаръ, литовцовъ и плѣнныхъ нѣмцовъ, назначили всему этому отряду въ 840 чел. жалованье, снабдили его продовольствіемъ, одеж-

дой, оружіемъ, пищалями, небольшими пушками, проводниками и толмачами, знавшими сибирскіе пуги и нарѣчія. А Ермакъ съ своей стороны далъ этому отряду надлежащее устройство, назначилъ въ него атамановъ, есауловъ и прочихъ начальниковъ, и 1-го сентября 1581 г. выступилъ съ нимъ въ походъ за Уралъ

Но въ этотъ же самый день пелымскій влязь, съ собранными имъ толпами пелымцовъ, вогуличей, вотяговъ и другихъ двкарей, напалъ на пермскія земли, на Чердынъ и на Строгановскія владѣнія, сжегъ селенія, варницы, мельницы, хлѣбъ, сѣно и увелъ въ плѣнъ многихъ крестыанъ съ женами и дѣтьми. Строгановы просили Іоанна дать имъ на помощь ратныхъ людей, и Іоаннъ приказалъ пермскому намѣстнику собрать и послать имъ на помощь небольшое пермское пусольское ополченіе. Но въ слѣдующемъ 1582 г., узнавъ, что Строгановы, вмѣсто защиты пермскихъ земель, отправили за Уралъ, противъ Кучума, призванныхъ ими Ермака и донскихъ казаковъ, выразилъ имъ въ грамотѣ свое неудовольствіе за то и другое, равно и за то, что они призвали казаковъ безъ его указа, приказывалъ воротить ихъ и употребить на защиту пермскаго края, и грозилъ Строгановымъ и казакамъ гнѣвомъ и опалою своимъ, если они свои частныя выгоды и службу впредь будутъ предпочитать царевымъ. Собственно же за призваніе Ермака и казаковъ Іоаннъ не выражалъ особенно большаго неудовольствія.

Между тѣмъ Ермакъ, по выступленіи въ походъ, 4 дня шелъ вверхъ по р. Чусовой до устья р. Серебряной, и 2 дня плылъ на судахъ по этой послѣдней до сибирской дороги. Здѣсь онъ высадился, построилъ земляной городокъ, который назвалъ Ермаковымъ Кокуемъ-городомъ, далѣе шелъ волокомъ до р. Жаровли и по ней выплылъ на судахъ въ р. Туру, гдѣ уже начинался сибирскій край. Пливя внизъ по Турѣ, онъ разорилъ и разграбилъ много татарскихъ городковъ и поселеній, а на р. Тавдѣ захватилъ нѣсколькихъ татаръ, одного изъ которыхъ, Тоузака, приближеннаго къ Кучуму, отослалъ къ нему, чтобы пострадать его казаками, что тотъ и исполнилъ. Кучумъ пришелъ въ печаль и раздумье, послалъ Маметкула съ отрядомъ на встрѣчу казакамъ, а самъ укрѣпился близъ р. Иртыша, подъ Чувашьею горою. Маметкулъ встрѣтилъ Ермака на берегу р. Тобола, при урочищѣ Бабасапъ, и былъ разбитъ. Послѣ того, недалеко отъ Иртыша, казаки разорили и разграбили удусъ одного изъ карачей (вельможъ) Кучумовыхъ, который защищалъ его. Кучумовы татары настгли казаковъ на Иртышѣ и снова были разбиты, а казаки потеряли нѣсколькихъ чловѣкъ убитыми и всѣ были переранены, значитъ бой былъ жаркій. Къ ночи казаки взяли городокъ Атикъ-мурзы и засѣли въ немъ, а

на другой день имъ предстояло выбить Кучума изъ его засѣки или укрѣпленія. Они собрали кругъ и стали разсуждать: идти-ли впередъ или назадъ? Верхъ взяли хотѣвшіе идти впередъ во что ни стало бы, говоря, что «время уже было осеннее, въ рѣкахъ смерзлся ледъ, бѣжать было некуда, стыдно и противно обѣщанію, данному Строгановымъ, а Богъ поможетъ, и будетъ имъ, казакамъ, вѣчная слава». Это служить лучшей характеристикой необыкновеннаго удачества этой горсти казаковъ и совершенныхъ ею подвиговъ.

На разсвѣтѣ другого дня, 23-го октября, казаки вышли изъ городка и начали производить приступы къ засѣкѣ Кучума. Находившіеся въ ней, всгрѣтивъ казаковъ сильнѣйшею стрѣльбою изъ луковъ, сами пробили свою засѣку въ трехъ мѣстахъ и произвели общую вылазку. Послѣ упорнаго и жестокаго рукопашнаго боя, казаки наконецъ одолѣли: Маметкулъ былъ раненъ, остяцкіе князья, видя неудачу, покинули Кучума и убѣжали къ себѣ, а тогда и самъ Кучумъ бѣжалъ въ свой городъ Сибирь и, забравъ въ немъ, сколько могъ, свое имущество, бѣжалъ далѣе. Казаки 26 октября вступили въ покинутый городъ Сибирь, куда на 4-й день къ нимъ прибылъ одинъ остяцкій князь съ дружиной, дарами и съѣстными запасами, а потомъ стали приходить и татары съ женами и дѣтьми и селиться на прежнихъ своихъ мѣстахъ. Казаки стали господствовать въ гор. Сибири, но Маметкулъ былъ недалеко и однажды, въ декабрѣ, когда нѣсколько казаковъ отправился ловить рыбу въ Абалацкомъ озерѣ, скрытно подкрался и перебилъ ихъ всѣхъ. Ермакъ, узнавъ объ этомъ, пошелъ отомстить за то, настигъ татаръ при Абалакѣ и сражался съ ними до ночи, когда они разбѣжались, а онъ воротился въ Сибирь:

Весною 1582 г., въ водополе, Ермакъ, узнавъ, что Маметкулъ стоялъ на р. Вагаѣ, отрядилъ противъ него часть казаковъ. Они ночью неожиданно напали на станъ его, многихъ татаръ убили, и самаго Маметкула взяли въ плѣнъ и привели къ Ермаку. Плѣненіе этого храбраго царевича нанесло сильный ударъ престарѣлому Кучуму, стоявшему тогда на р. Ишимѣ. Но за этою бѣдою для него послѣдовали другія: противъ него шелъ князь Сейдякъ, сынъ убитаго имъ прежде князя Бекбулата, а затѣмъ его покинулъ одинъ мурза-карача съ своею дружиной, такъ что Кучумъ пришелъ въ отчаяніе.

Ермакъ же лѣтомъ 1582 года покорялъ татарскіе городки по р. р. Иртышу и Оби, взявъ остяцкій городъ Назымъ, плѣнилъ князя его, но въ этомъ походѣ понесъ потерю атамана Никиты Пана и его дружины. Воротаясь въ Сибирь, онъ извѣстилъ Строгановыхъ о всѣхъ своихъ успѣхахъ, а Строгановы поспѣшили донести о томъ

Іоанну. Послѣдній былъ очень обрадованъ этимъ и, въ награду Строгановымъ, пожаловалъ Симеона городами Солью Большою на Волгѣ и Солью Малою, а Максиму и Никитѣ даровалъ право производить въ ихъ городкахъ и острожкахъ, вмѣ самимъ и пріѣзжимъ людямъ, безошпинную торговлю. Казаки также послали прямо отъ себя нѣсколькихъ товарищей своихъ ¹⁾ въ Москву извѣстить Іоанна объ усмирении сибирскаго края. Іоаннъ и ихъ пожаловалъ великимъ своимъ жалованьемъ—деньгами, сукнами, бамками, а оставшимся въ Сибири послалъ полное большое жалованье свое, для принятія же отъ нихъ сибирскихъ городовъ отправилъ воеводъ: князя Симеона Болховскаго и Ивана Глухова. Изъ грамоты его Строгановымъ отъ 7 января 1584 г., касательно отправленія этихъ воеводъ, видно, что Болховскому сначала велѣно было взять у Строгановыхъ, изъ ихъ острожковъ, 50 чел. на коняхъ для похода зимою въ Сибирь; но когда сдѣлалось извѣстнымъ, что въ нее зимою на коняхъ пройти было нельзя, то Болховскому было приказано туда зимою не ходить, а весною въ половинѣ отправиться водою на 15 стругахъ, съ 20 ратниками на каждомъ (всего 300) и со всѣми нужными запасами. ²⁾ Это распоряженіе Іоанна касательно Сибири было послѣднимъ: въ началѣ 1584 г. онъ заболѣлъ смертельно и 18 марта умеръ. А покореніе сибирскаго края довершено уже послѣ его смерти.

¹⁾ Карамзинъ, Устряловъ и др. говорятъ, что въ числѣ этихъ товарищей былъ атаманъ Иванъ Кольцо, за прежніе разбои свои на Волгѣ заочно приговоренный къ смертной казни, но что Іоаннъ, за вѣсть о покореніи Сибири, помиловалъ его. Соловьевъ же въ своей Исторіи не упоминаетъ объ этомъ и вообще говоритъ о подвигахъ казаковъ проще и умѣреннѣе Карамзина, Устрялова и др.

²⁾ Карамзинъ и Устряловъ прибавляютъ къ этому, что Іоаннъ велѣлъ вологодскому епископу послать въ сибирскій край священниковъ для Богослуженія, а Ермаку ввѣрилъ управление покоренными имъ землями и жителями ихъ. Но Соловьевъ объ этомъ не упоминаетъ.

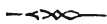

ГЛАВА XXV.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШІЯ ВОЙНЫ И ПОХОДЫ.

(продолженіе)

IV. Русскія войны при Θεодорѣ I и Борисѣ Годуновѣ (1584—1605).—
§ 195. Покореніе Сибири.—§ 196. Нашествіе крымскихъ татаръ (1591).—
§ 197. Война съ шведами (1590—1593).—V. Русскія войны смутна-
го времени (1604—1612).—§ 198. Война Бориса Годунова съ 1-мъ само-
званцомъ (1604—1606).—§ 199. Войны при Василіѣ Шуйскомъ (1606—
1610).—Война въ 1606 г.—§ 200. Война въ 1607 г.

§ 195.

Покореніе Сибири.

По слабоумію и недужности сына и преемника Іоанна IV, Θεодора, въ продолженіи 14 лѣтъ его царствованія душою правленія былъ шурина его, братъ жены его, царицы Ирины Θεодоровны, Борисъ Θεодоровичъ Годуновъ, одинъ изъ 5-ти членовъ верховной думы, назначенной Іоанномъ IV, передъ смертію своею, въ помощь Θεодору (другими 4-мя членами были: князь Иванъ Θεодоровичъ Мстиславскій, Никита Ромаповичъ Юрьевъ, знаменитый защитникъ Пскова Иванъ Петровичъ Шуйскій и Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій). Годуновъ, своимъ умомъ, государственными способностями, хитрою политикой и искусствомъ властвовать

пріобрѣтя рѣшительный перевѣсъ надъ прочими членами верховной думы, все дѣлалъ именемъ Θεодора, по собственной волей, особенно по вѣншихъ дѣлахъ—съ Польшей и Литвою, съ Швеціей, съ татарами на югѣ и на востокѣ по сю и по другую стороны Урала. Поэтому и въ военныхъ дѣйствіяхъ, происходившихъ въ эти 14 лѣтъ, на сѣверѣ противъ шведовъ, на югѣ противъ крымскихъ татаръ, на востокѣ противъ черемисовъ и за Ураломъ противъ сибирскихъ татаръ, поддерживаемыхъ ногаями, главное участіе и руководство принадлежали лично Годунову. Однимъ изъ первыхъ военныхъ дѣлъ его были: обузданіе мятежныхъ черемисовъ и довершеніе покоренія Сибири, начатаго Ермакомъ.

Черемисы въ бывшемъ казанскомъ царствѣ продолжали волноваться и дѣйствовать враждебно, какъ и при Іоаннѣ IV, но были успѣшно укрощаемы. Главнымъ средствомъ къ тому служили русская колонизація въ ихъ земляхъ и постройка городовъ съ русскими: населеніемъ и войсками, какъ-то: Цывильска, Уржума, Царева-города на р. Кокшагѣ (Царева-Кокшайска), Санчурска и др.

Что касается Сибири, то выше (§ 194) сказано, что послѣднимъ распоряженіемъ Іоанна IV, за два мѣсяца до его смерти, была грамота его къ Строгановымъ отъ 7-го января 1584 г. объ отправленіи князя Болховскаго въ Сибирь не зимою 1583 г. на коняхъ, а весною 1584 г. на судахъ, съ войсками и запасами. Но вѣроятно по причинѣ дальняго разстоянія Перми отъ Москвы, трудности и продолжительности сообщеній между ними, 7-го января 1584 г. Іоанну еще не было извѣстно, что воеводы князь Болховской и Глуховъ, съ войсками и запасами, еще осенью 1583 г. отправились изъ пермской области въ Сибирь и соединились въ ней съ отрядомъ Ермака, къ немалой радости его, потому что число казаковъ и другихъ ратниковъ въ отрядѣ его уменьшилось отъ убыли въ бояхъ. Казаки приняли прибывшихъ воеводъ и ратниковъ съ большою честью и одарили ихъ дорогими сибирскими мѣхами, но не озаботились сборомъ для нихъ и для себя продовольствія на зиму. Отъ этого произошелъ между ними голодъ и много казаковъ и московскихъ ратниковъ умерло, въ томъ числѣ и князь Болховской. Весною 1584 г. голодъ прекратился, но за то случились другія бѣды. Карача, покинувшій Кучума послѣ плѣненія Маметкула и стоявшій тогда съ своимъ улусомъ на р. Тарѣ, прислалъ просить помощи Ермака противъ ногаевъ. Ермакъ, повѣривъ одной грамотѣ его и не взявъ заложниковъ, послалъ къ нему атамана Кольцо съ 40 казаками — и карача измѣнительски истребилъ ихъ. Другой атаманъ Михайловъ, приблизившійся къ улусу карачи для развѣдки, былъ также убитъ. Послѣ того карача съ половины іюня обложилъ малочис-

ленныхъ казаковъ въ городѣ Сибири, положивъ выморить ихъ голодомъ. Но третій атаманъ Мещерякъ однажды ночью вышелъ съ казаками изъ города и совершенно неожиданно напалъ на сонный станъ карачи. Послѣдній, лишивъ въ бою при этомъ двухъ сыновей своихъ, бѣжалъ изъ своего стана, но на разсвѣтѣ, собравъ своихъ татаръ, напалъ на казаковъ, засѣвшихъ въ бывшемъ станѣ его, надѣясь подавить ихъ числомъ. Но Мещерякъ удачно отбивался отъ него до самаго полудня и заставилъ карачу отступить. Затѣмъ карача, потерявъ надежду одолѣть казаковъ, удалился за р. Ишимъ. Но, за этимъ успѣхомъ казаковъ съ одной стороны, послѣдовала важная и прискорбная неудача для нихъ съ другой. Ермакъ, получивъ отъ бухарскихъ купцовъ вѣсть, что Кучумъ не пропускаетъ ихъ въ городъ Сибирь, поплылъ на встрѣчу имъ по Иртышу на судахъ всего только съ 50-ю чел., и, не найдя ихъ, на ночь съ 5-го на 6-е августа расположился на берегу Иртыша, гдѣ казаки его, утомленные путемъ, крѣпко заснули. А между тѣмъ на другомъ берегу стоялъ и бодрствовалъ Кучумъ, и ночью, подъ проливнымъ дождемъ, переправясь черезъ рѣку, напалъ на спавшихъ казаковъ и всѣхъ ихъ перебилъ. Ермакъ же, по слухамъ, желая вылавъ достигнуть своего струга, утонулъ въ Иртышѣ — жалкій конецъ этого замѣчательнаго перваго покорителя Сибири!

Послѣ этихъ трехъ пораженій и бывшаго зимою голода, казаковъ въ городѣ Сибири осталось уже такъ мало, что Мещерякъ призналъ невозможнымъ долѣе оставаться въ немъ и вышелъ изъ него по дорогѣ къ русскимъ предѣламъ. Кучумъ снова занялъ городъ, однако вскорѣ былъ изгнанъ изъ него соперникомъ своимъ Сейдякомъ (см. § 194). Недолго однако могли они изгонять другъ друга: новое московское правительство высылало уже въ Сибирь одного воеводу за другимъ съ войсками. Осенью 1585 г. прибылъ воевода Мансуровъ, который построилъ городокъ на Оби, при устьѣ Иртыша. Остяки осадили его, надѣясь на принесеннаго ими съ собою славнаго кумира своего, но когда ядро изъ городка разбило его, ушли и болѣе не тревожили русскихъ. Напротивъ, остяцкій князь Лугуй, владѣвшій 2-мя городами и 4-мя городками на Оби, даже прибылъ въ Москву съ просьбой, чтобы русскіе ратные люди въ городѣ при устьѣ Иртыша не воевали противъ его, Лугуя, племени, а онъ будетъ платить дань. За то, что онъ первый предложилъ это, онъ былъ одаренъ отъ имени Θεодора, съ обязанностью платить дань 7-ю сороками лучшихъ соболей. Другіе два воеводы Сукинъ и Мясной построили на берегу р. Туры городъ Тюмень, а воевода Чулковъ въ 1587 г. — городъ Тобольскъ. Сейдякъ отважился — было приступить къ послѣднему, но былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Сопер-

никъ же его Кучумъ держался въ Барабинской степи, откуда нападалъ на новыя русскія владѣнія. Но въ 1591 г. воевода князь Кольцовъ-Мосальскій разбилъ его близъ озера Чили-Кула и взялъ въ плѣнъ двухъ женъ и сына его. Послѣ того Кучумъ обратился къ Θεодору съ просьбой, чтобы онъ отдалъ ему родовой юртъ его и отпустилъ къ нему Магметъ-кула, обѣщая за то быть въ подданствѣ Θεодору. Но онъ три года не получалъ никакого отвѣта на это, а на 4-й снова показался опаснымъ и въ 1597 г. получилъ царскую грамоту, которою приглашался пріѣхать въ Москву съ покорностью, за что ему обѣщались пожалованіе или городами, волостями и жалованьемъ въ московскомъ государствѣ, или же въ прежнемъ его юртѣ въ сибирскомъ краѣ. Но Кучумъ требовалъ берега Иртыша, не соглашаясь ѣхать въ Москву, чѣмъ, кажется, и кончились сношенія съ нимъ. Нескоро успокоились и другіе сибирскіе князьки, противъ которыхъ и производились по временамъ частныя военныя дѣйствія. Но самымъ вѣрнымъ средствомъ закрѣпленія вновь покореннаго сибирскаго края за московскимъ государствомъ было, какъ и въ земляхъ черемисскихъ и другихъ казанскихъ, русская колонизація его и построеніе городовъ: Целыма, Березова, Сургутъ, Тары, Нарыма и Кегскаго острова.

§ 196.

Нашесткіе крымскихъ татаръ (1501).

Московское правительство должно было обращать особенное вниманіе на Крымъ, безпрестанно угрожавшій нападеніями на русскія украины, и на Турцію, угрожавшую отнять завоеванія Іоанна IV на Волгѣ. Съ 1584 г. до 1588 г. крымскіе татары неразъ нападали на русскія украины, но, къ счастью для московскаго государства, въ это время въ Крыму, по убіеніи хана Магметъ-Гирея братомъ его Исламъ-Гиреемъ, между послѣднимъ и двумя сыновьями перваго происходили междуусобія. Сыновья Магмета, прогнанные Исламомъ, отдались въ покровительство Θεодора и, съ позволенія его, одинъ сталъ жить въ Астрахани, а другой — кочевать съ ногаями близъ нея. Исламъ, опасаясь ихъ, потому что ихъ въ Крыму любили, а его ненавидѣли, искалъ опоры у турокъ, что еще болѣе возстановило противъ него крымцовъ.

Между тѣмъ немалую услугу московскому государству оказывали также запорожскіе казаки, которые безпрестанно тревожили и крымцовъ, и турокъ нападеніями и, раздражая ихъ противъ Литвы, отвле-

кали тѣмъ отъ московскаго государства. По смерти же Ислама въ 1588 г., преемникъ его, Казы-Гирей, даже дружелюбно сносился съ Θεодоромъ. Послѣдній отвѣчалъ, что онъ передъ тѣмъ послалъ было противъ Ислама, за его неправды, большую рать на Донъ и Волгу и отряды на Днѣпръ за пороги, для совмѣстныхъ дѣйствій съ черкасами (днѣпровскими казаками), но услыхавъ, что онъ, Казы-Гирей, воцарился, отмѣнилъ походъ. Впрочемъ московское правительство не очень боялось крымскаго хана и не посылало ему богатыхъ подарковъ, запорожцамъ же вслѣдствіи благоволило и они оказывали ему большія услуги, часто нападая на татарскія и турецкія поселенія, города и крѣпости на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей.

Тоже дѣлали и казаки донскіе и терскіе, хотя и не въ такой степени, какъ запорожцы, дѣйствуя преимущественно со стороны Дона, Азовскаго моря и кавказскихъ сѣверныхъ предгорій.

Все это раздражало крымскаго хана и турецкаго султана и они намѣревались воевать противъ Москвы и на Дону и Волгѣ, и на Огѣ, къ чему султанъ особенно побуждалъ хапа. Наконецъ весною 1591 г. ханъ съ своею ордою собрался въ походъ, объявивъ бывшему у него русскому послу Библикову, что идетъ на Литву. Но въ іюнѣ въ Москвѣ узнали, что онъ идетъ на русскія украинны, и 26 іюня приказано было всѣмъ воеводамъ и полкамъ, расположеннымъ по обычаю на Огѣ и въ городахъ украинны, собраться къ Серпухову, подъ главное начальство боярина князя Θεодора Ивановича Мстиславскаго. Когда же узнали навѣрное, что самъ ханъ съ большимъ войскомъ шель прямо къ Москвѣ, то всѣмъ воеводамъ и полкамъ велѣно было поспѣшно идти къ Москвѣ, чтобы предупредить у нея хана. 1-го іюля они пришли къ Москвѣ и стали противъ Коломенскаго села, а 2-го іюля имъ было велѣно идти къ обозу (т. е. стану, огражденному вокругъ повозками), устроенному противъ Данилова монастыря. 3-го іюля пришла вѣсть, что ханъ переправился черезъ Оку подъ Тѣшиловымъ (между Серпуховомъ и Каширой), ночевалъ на р. Лопаснѣ и шель прямо къ Москвѣ. Вслѣдствіе того князь Бахтеяровъ-Ростовскій былъ посланъ съ 250 боярскими дѣтьми на р. Пахру, стать на ней и «промышлять надъ передовыми крымскими людьми» (для удержанія-ли ихъ или только для развѣданія—неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ неблагоразумно). Какъ и слѣдовало ожидать, передовые крымцы легко сбили съ Пахры 250 боярскихъ дѣтей, многихъ убили и плѣнили, а воеводу ранили. При вѣсти объ этомъ, всѣмъ воеводамъ и полкамъ велѣно было стать въ обозъ. Воеводами въ полкахъ были: въ передовомъ—князь Тимоѳей Романовичъ Трубецкой, съ товарищемъ Иваномъ Василіевичемъ Годуно-

вымъ; въ большомъ—князь Ѳеодоръ Ивановичъ Мстиславскій, съ товарищемъ Борисомъ Годуновымъ, кравчій Романовъ, окольнічій Клешнинъ, казначей Черемисиновъ, оруженничій Бѣльскій и думный дворянинъ Пивовъ; въ правой рукѣ—князь Никита Романовичъ Трубецкой, съ товарищемъ Степаномъ Василіевичемъ Годуновымъ, и въ лѣвой рукѣ—князь Василій Черкасскій.

4-го іюля, въ воскресенье утромъ, ханъ прибылъ къ Москвѣ и самъ сталъ противъ Коломенскаго села, а къ русскому обозу и войску выслалъ царевичей. Противъ послѣднихъ воеводы выслали изъ всѣхъ полковъ головъ съ сотнями, ротмистровъ съ литовскими и нѣмецкими ратниками, и велѣли имъ, по тогдашнему выраженію, травиться (схватываться) съ крымцами. Эта травля продолжалась цѣлый день до ночи, безъ всякаго рѣшительнаго успѣха. Крымцы не любили такой травли безъ всякой для нихъ пользы (т. е. грабежа и добычи), кромѣ напраснаго урона. Еще менѣе нравилось имъ идти приступомъ противъ обоза, гдѣ были сосредоточены русскія главныя силы съ пушечнымъ снарядомъ. А между тѣмъ русскіе плѣнники объявили татарамъ, что къ Москвѣ пришли еще войска изъ Новгорода и другихъ областей и что воеводы хотѣли слѣдующею ночью всѣми силами напасть на крымцовъ. Тогда ханъ еще до разсвѣта пустился бѣжать, бросивъ свой обозъ, и бѣжалъ такъ скоро, не останавливаясь ни у одного города, что посланные за нимъ воеводами, 5-го іюля утромъ, скорые (легкіе) полки не могли нагнать его. Только задніе отряды его были постигнуты уже подъ Тулой и разбиты, а остатки ихъ истреблены уже въ степяхъ. Главная московская рать также вышла изъ обоза и двинулась къ Серпухову. Здѣсь, на Окѣ, послѣ 10-го іюля, остались младшіе воеводы, а старшіе воротились въ Москву и были щедро награждены Ѳеодоромъ и болѣе всѣхъ Борисъ Годуновъ. Въ благодарность Богу за избавленіе Москвы отъ татаръ былъ построенъ Донской монастырь.

Для хана это нашествіе его кончилось крайне жалко: войскъ его въ Крымъ воротилась только треть, и то пѣшкомъ, плѣнныхъ привели немного, добычи не привезли никакой, самъ ханъ 2-го августа пріѣхалъ въ Бахчисарай ночью, въ телѣгѣ, раненный въ лѣвую руку—и тотчасъ же смирился и вошелъ чрезъ Бибикова въ мирныя переговоры. Они велись очень долго, и съ ханомъ, и съ султаномъ, но ни мира, ни войны не было: война султана и съ нимъ крымскаго хана противъ Австріи отвлекала ихъ отъ московскаго государства, хотя расположеніе ихъ къ нему было далеко не дружественное. Не успѣвъ войти въ тѣсную связь съ Турціей для обузданія Крыма, Борисъ Годуновъ старался оградить южныя русскія укранныя отъ

*

крымскихъ нашествій и набѣговъ построениемъ на нихъ крѣпостей (Ливень, Кромъ, Воронежъ, Бѣлгорода, Оскола, Валукъ), возстановилъ и укрѣпилъ опустѣвшіе съ XIII вѣка города (Курскъ и др.) и устроилъ сильную засѣку отъ Брянска до Мурома.

Въ связи съ военными мѣрами и дѣйствіями московскаго правительства на востокъ и югъ въ отношеніи къ татарамъ, были и касавшіяся при-кавказскихъ владѣтелей и племенъ. Выше (§ 190) было уже сказано, какъ до, во время и послѣ покоренія Астрахани Іоанномъ IV начались сношенія его съ этими владѣтелями и племенами, которые, враждуя между собою и одинаково боясь и ногаевъ, крымцовъ, и и турокъ, искали покровительства Іоанна и предлагали ему свое подданство. Іоаннъ принялъ это очень сочувственно и благосклонно, даже вошелъ въ родство съ черкесскими князьями (женясь на черкесской княжнѣ) и построилъ крѣпость на Терекѣ, которую потомъ однако покинулъ по требованію султана, чтобы не ссориться съ нимъ. При Ѳеодорѣ же, въ 1586 г., кахетинскій царь Александръ просилъ принять, а Ѳеодоръ принялъ его съ народомъ въ свое подданство и, кромѣ того, что послалъ въ Кахетію священниковъ, монаховъ, иконописцовъ и т. п., отправилъ туда также огнестрѣльный снарядъ и стрѣльцовъ, которые снова заняли исправленную Терскую крѣпость. Они легко защитили Александра отъ владѣтеля Тарковъ Шевкала, сильно стѣснили послѣдняго и отняли у него р. Койсу. Турки потребовали-было отъ Александра запасовъ и пропуска войскъ ихъ въ Дербентъ и Баку, но Александръ отказалъ имъ въ этомъ. Однако изъ Москвы совѣтовали ему до времени быть въ мирѣ съ турками, что нѣсколько охладило усердіе его. Онъ просилъ по крайней мѣрѣ послать московскую большую рать на Шевкала, взять у него Тарки и посадить въ нихъ свата Александрова, Крымъ-Шевкала. Рать съ воеводой Хворостининымъ послала, но и Александру предложили послать туда же свою рать съ сыномъ и сватомъ своими. Хворостининъ вступилъ во владѣнія Шевкала и взял Тарки, но кахетинская рать не пришла, а вмѣсто нея явились враги—кавказскіе горцы, и Хворостининъ былъ вынужденъ разорить Тарки и удалиться на Терекъ, куда воротился лишь съ немногими ратниками, потому что горцы истребили у него до 3 т. чел. Такимъ образомъ въ концѣ XVI вѣка московское государство еще не могло дѣятельно поддерживать тавія отдаленныя владѣнія на Кавказѣ, хотя Ѳеодоръ и включилъ уже въ свой царскій титулъ громкія званія «Государи земли Иверской, Грузинскихъ царей и Кабардинской земли, Черкасскихъ и Горскихъ князей». Тѣмъ не менѣе, эти первыя попытки утвержденія русскаго господства въ кавказскомъ краѣ заслуживаютъ вниманія.

§ 197.

Война съ шведами (1590—1593).

Принявъ всѣ пужныя и возможныя мѣры для охраненія московскаго государства съ востока и юга со стороны татаръ, Борисъ Годуновъ обратилъ преимущественное вниманіе на Швецію, Литву и Польшу, преграждавшихъ московскому государству ревностнѣйше желаемый имъ, Годуновымъ, доступъ къ гражданственности и образованности, промышленности и торговлѣ, наукамъ и искусствамъ западной Европы. Дружелюбныя сношенія и даже союзы московскаго государства съ Даніей, Англіей и Австріей были крайне затруднены именно означенными выше преградами, особенно же немѣнимъ на сѣверѣ пи одного русскаго морскаго порта, кромѣ одного Архангельска на отдаленномъ сѣверѣ, куда иностранцамъ было неудобно и неохотно отправляться, тѣмъ болѣе, что англичане рѣшительно устранили ихъ оттуда, присвоивъ себѣ исключительно монополію торговли тамъ; единственные же русскіе города, ближайшіе къ Балтійскому морю, Ивангородъ, Копорье и Кексгольмъ, были отняты шведами въ послѣднюю войну ихъ съ Іоанномъ IV.

Въ такомъ положеніи находились дѣла на сѣверѣ московскаго государства, когда вдругъ—неожиданная смерть Стефана Баторія, 12 декабря 1586 г. въ Гроднѣ, повлекла за собою такия обстоятельства въ Польшѣ и Литвѣ, которыя, тѣсно соединясь съ обстоятельствами въ Швецію, надолго получили важнѣйшее значеніе для московскаго государства.

Баторій, столько же искусный политикъ, сколько и полководецъ, имѣлъ замѣчательную мысль. Именно, желая упрочить дальнѣйшую, непрочную судьбу Польши, онъ замыслилъ уничтожить гибельную для Польши форму избирательнаго правленія и дѣйствовалъ тѣмъ рѣшительнѣе, что уже въ его время находили нужнымъ и возможнымъ раздѣлить Рѣчь Посполитую, судя по предложеніямъ, сдѣланнымъ въ Вѣнѣ, въ 1548 году, русскому послу Новосильцову. Сначала Баторій хотѣлъ совершить это важное дѣло силою оружія, готовился для того къ войнѣ и даже получилъ отъ папы Сикста V денежное пособіе (1586). Но потомъ, отложивъ угрозы, онъ предложилъ Θεодору, черезъ посла своего Гарабурду, заключить вѣчный миръ и вмѣстѣ съ тѣмъ постановить, чтобы въ случаѣ бездѣтной кончины одного изъ нихъ, оба государства соединились подъ однимъ скипетромъ. Θεодоръ или лучше сказать Годуновъ принялъ это предложеніе съ недовѣрчивостью и требовалъ только

продолжить срокъ истекавшаго перемирія. Но какъ Баторій не вступалъ ни въ какія условія безъ предварительнаго согласія на соединеніе, то русскіе послы были принуждены заключить въ Гроднѣ, 6 сентября 1586 г., договоръ о сѣздѣ въ слѣдующемъ году для рѣшенія столь важнаго вопроса. Съ этою же цѣлю собирався и сеймъ въ Варшавѣ, когда смерть Баторія разрушила это важное политическое предпріятіе и дала обстоятельствамъ иной, неожиданный оборотъ.

Въ Польшѣ, вслѣдствіе вражды между Замоискимъ и Зборовскими, произошло чрезвычайно бурное междуцарствіе и готова была разразиться жестокая междоусобная война, и релігіозная за свободу совѣсти, и политическая за избраніе короля. Зборовскіе съ папскимъ нунціемъ стояли за австрійскаго эрцгерцога Максимиліана, Замоискій съ примасомъ—за шведскаго принца Сигизмунда Вазу, а литвины, по внушеніямъ Льва Сапѣги—за Θεодора. Но когда сдѣлалось извѣстнымъ, что Θεодоръ вѣры своей не перемѣнитъ и греческую церковь не соединитъ съ римскою, тогда—19 августа 1587 г. выбрали разомъ двухъ королей, и Максимиліана, и Сигизмунда. Первый, съ помощію Зборовскихъ, уже шелъ къ Кракову, но Замоискій принудилъ его отступить и далъ Сигизмунду время прибыть въ Польшу и вѣнчаться въ Краковѣ (27 декабря 1587 г.). Въ 1588 г. Максимиліанъ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ Замоискимъ подъ Бычиной и получилъ свободу не прежде, какъ отказавшись отъ притязаній на польскій престолъ.

45-ти-лѣтнее (1587—1632) царствованіе Сигизмунда III Вазы, чрезвычайно пагубное для Польши, было немѣже пагубно и для московскаго государства, послуживъ источникомъ бѣдственныхъ для него событій смутнаго времени и войнъ его съ Польшею и Швеціей.

Переговоры о вѣчномъ мирѣ съ тою и другою не прекращались со времени заключенія перемирія съ ними послѣ осады Пскова, но вели только къ взаимному ожесточенію и, наконецъ, въ январѣ 1590 года—къ войнѣ между Θεодоромъ и Іоанномъ III Вазой, королемъ Швеціи и отцомъ Сигизмунда польскаго.

Въ январѣ 1590 года многочисленное русское войско двинулось къ шведскимъ границамъ, сопредѣльнымъ съ новгородскими и псковскими, съ цѣлю возвратитъ силою оружія отнятыя шведами города и земли. Самъ Θεодоръ находился при войскахъ, воеводами въ которомъ были: въ большомъ полку— князь Θεодоръ Ивановичъ Мстиславскій, занимавшій, послѣ ссылки отца своего, князя Ивана Θεодоровича, первое мѣсто между боярами; въ передовомъ полку— князь Димитрій Хворостяпинъ, считавшійся лучшимъ между воеводами, а при Θεодорѣ, въ званіи дворовыхъ или ближ-

нихъ (главныхъ) воеводъ, находились Борисъ Годуновъ и Теодоръ Никитичъ Романовъ. Первымъ успѣхомъ было взятіе Ямы (или Яма), вторымъ—пораженіе Хворостининымъ 20-ти-тысячнаго корпуса шведскихъ войскъ, подъ начальствомъ Густава Банера, близъ Нарвы. Хотя послѣ того приступъ русскіхъ войскъ къ Нарвѣ былъ отбитъ съ большимъ для нихъ урономъ, однако шведы видѣли невозможность продолжать войну съ успѣхомъ и 25 февраля заключили перемиріе на одинъ годъ, уступивъ Яму, Ивангородъ и Конопорье и обѣщавъ уступить и больше на будущемъ съѣздѣ пословъ.

Но съѣздъ ихъ не повелъ ни къ чему: хотя шведы уступали Корелію, но русскіе не хотѣли мириться безъ Нарвы. Военныя дѣйствія возобновились, но кончились неудачною осадой Ивангорода шведами. Московское правительство не рѣшалось предпринимать новаго похода, убѣдясь изъ неудачнаго приступа къ Нарвѣ, что осада большихъ крѣпостей не могла обѣщать вѣрнаго успѣха; Годуновъ же, по своему характеру, не былъ способенъ прельщаться предпріятіями, не обѣщавшими вѣрнаго успѣха. Съ другой стороны, при всемъ нежеланіи Литвы заступиться за Швецію, нарушивъ перемиріе съ Москвою, нельзя было надѣяться, что Свигизмундъ долго останется бездѣйственнымъ зрителемъ успѣховъ Москвы въ войнѣ съ отцомъ его и Швеціей. Поэтому въ Литву отправили пословъ—напомнить о соединеніи и развѣдать о положеніи и настроеніи Литвы; но это не повело ни къ чему. А между тѣмъ московское правительство имѣло много причинъ жаловаться на своеволие двинровскихъ и особенно запорожскихъ казаковъ, которые, безъ участія и даже безъ вѣдома польско-литовскаго правительства, часто разбойничали на южныхъ русскихъ окраинахъ.

Долго продолжались переговоры о мирѣ, но польскіе и русскіе послы никакъ не могли согласиться объ условіяхъ заключенія вѣчнаго мира, а въ январѣ 1591 г. заключено было только перемиріе на 12 лѣтъ, съ условіемъ, что Теодоръ не будетъ воевать съ Швеціей въ продолженіи одного года, а въ теченіи всѣхъ 12 лѣтъ—трогать, кромѣ Нарвы, тѣхъ ливонскихъ городовъ, которые въ это время были за Швеціей, по которымъ она уступала Польшѣ.

Но не успѣлъ еще польскіе послы выѣхать изъ русскихъ предѣловъ, какъ шведскій король, въ надеждѣ на союзъ съ крымскимъ ханомъ, приказалъ начальникамъ своихъ войскъ возобновить военныя дѣйствія. Въ концѣ зимы 1591 г. шведскія войска сожгли селенія близъ Ямы и Конопорья, но только лѣтомъ послана была противъ нихъ русская рать, въ передовомъ полку которой былъ воевода князь Владиміръ Тимоѣевичъ Долгорукій, а въ большомъ—воевода Петръ Никитичъ Шереметевъ. Передовой полкъ былъ

разбить и самъ Долгорукій взять въ плѣнъ. Съ другой стороны шведы напали на берега Бѣлаго моря, но безъ всякаго успѣха. О дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ ничего неизвѣстно до зимы 1592 г., когда, въ отмщеніе шведамъ, русскія войска разорили Финляндію около Выборга и Або. Въ ноябрѣ того же года шведскій король Іоаннъ III умеръ и Сигизмундъ отправился въ Стокгольмъ, для вступленія на шведскій престолъ, какъ наслѣдникъ отца (1593). Но, какъ ревностный католикъ и ярый противникъ протестантства, онъ возбудилъ въ Швеціи такія негодованіе и неурядизнъ къ себѣ, что уѣхалъ не вѣнчаннымъ обратно въ Польшу, оставивъ верховную власть дядѣ своему, герцогу Карлу зюдерманландскому (1594). Последній, поведеніемъ, совершенно противнымъ Сигизмундову, заслужилъ въ Швеціи народную любовь и, занятой внутренними дѣлами, готовясь къ разрыву съ Сигизмундомъ, желалъ скорѣйшаго заключенія мира съ Москвою. Того же желалъ и Сигизмундъ, охладѣвшій къ пользамъ враждебной ему протестантской Швеціи. Поэтому еще въ январѣ 1593 г. заключено было перемиріе на 2 года, съ условіемъ, чтобы каждый владѣль тѣмъ, чѣмъ владѣль при заключеніи перемирія. Передъ истеченіемъ срока его, въ концѣ 1594 года шведскіе послы: Банеръ, Горнъ и Боіе и русскіе: князь Туренинъ и Пушкинъ съѣхались у Тязина, близъ Ивангорода, и послѣ долгихъ переговоровъ между ними, наконецъ 18 мая 1595 года, между Москвою и Швеціею былъ заключенъ вѣчный миръ на слѣдующихъ, выгодныхъ для Москвы условіяхъ: только Выборгу и Ревелю быть торговыми пристанями для иностранныхъ купцовъ; въ Нарву пріѣзжать только однимъ шведскимъ подданнымъ и торгу быть на нарвской сторонѣ, а не на ивангородской; между русскими и шведскими подданными быть свободной торговлѣ; черезъ шведскія владѣнія быть свободному пути русскимъ и иностраннымъ посламъ и купцамъ изъ Москвы въ западную Европу и изъ нея въ Москву, и обратно врачамъ и всякимъ служивымъ людямъ и мастерамъ (условіе особенно важное); плѣнные освобождались безъ окупа и обмѣны; наконецъ — шведскому королю брать дань съ лопарей на восточной сторонѣ (Остерботніи) къ Варангѣ, а московскому царю — съ лопарей же на сторонѣ къ двинской и корельской землямъ и къ городу Колѣ.

Правитель (регентъ) Швеціи во время заключенія этого мира, герцогъ Карлъ зюдерманландскій, 5 лѣтъ спустя (1600), по низложеніи Сигизмунда съ шведскаго престола, вступилъ на него подъ именемъ Карла IX и былъ мудрымъ правителемъ и отцомъ великаго Густава II Адольфа.

V.

Русскія войны смутнаго времени (1604—1612).

§ 198.

Война Бориса Годунова съ 1-мъ самозванцомъ (1604—1605).

Передъ смертію Іоанна IV, у него оставалось только два сына, старшій — 3-й отъ 1-го брака его съ Анастасіей Романовной, Θεодоръ, законный наслѣдникъ, но слабоумный, недужный и неспособный править государствомъ, и младшій—отъ 7-го брака съ Маріей изъ рода Нагихъ, 2-хъ-лѣтній Димитрій. Зная слабость и неспособность Θεодора, Іоаннъ назначилъ въ помощь ему, какъ означено выше, верховную думу изъ 5-ти знатнѣйшихъ бояръ, Димитрію же далъ въ удѣлъ Угличъ, гдѣ онъ и жилъ подъ надзоромъ матери и дядей своихъ, Нагихъ.

По смерти Іоанна, Борисъ Годуновъ, какъ родной братъ жены Θεодора, царицы Ирины, и особенно по своимъ необыкновеннымъ способностямъ и государственнымъ дарованіямъ, въ 14 лѣтъ царствованія Θεодора былъ душою правленія и именемъ царя, по своей волей правилъ государствомъ. И онъ правилъ имъ такъ мудро, что, послѣ тяжелаго царствованія Іоанна, московское государство считало себя счастливымъ. Большинство народонаселенія его, по словамъ современниковъ, любило Годунова за то, что онъ устраивалъ много полезнаго, ненавидѣлъ мздоимство, строго преслѣдовалъ и каралъ пьянство, корчемство, воровство, разбой и т. п., былъ «свѣтлодушень, мпловичъ и щцелюбивъ». Только меньшинство не любило его и негодовало на него, и это меньшинство было, по словамъ современниковъ, «чиноначальники русской земли», т. е. люди родословные.

Но въ 1591 г. — 8-мъ царствованія Θεодора — неожиданное событіе бросило темную тѣнь на Годунова и охладило любовь народную къ нему. 15 мая этого года 9-ти-лѣтній царевичъ Димитрій былъ убитъ въ Угличѣ, и хотя розыскомъ о смерти его, по повелѣнію Годунова, было признано, будто царевичъ, въ припадкѣ падучей болѣзни, самъ накололся на ножъ, и за небреженіе о немъ мать его была пострижена, а дяди заключены въ темницы, жители

же Углича за бунтъ и самоуправство были сосланы въ Сибирь, но это темное дѣло возбудило всеобщее сомнѣніе, затѣмъ подозрѣніе и наконецъ даже увѣренность, что смерть Дмитрія была нужна только Годунову и что царевич былъ убитъ подосланными имъ убійцами. Бездѣтство Θεодора и воцареніе, по смерти его, Годунова—подтвердили это.

Толки и догадки объ этомъ стали возрастать, и съ этого времени Годуновъ началъ постепенно утрачивать любовь народную и даже болѣе и болѣе возбуждать неудовольствіе противъ себя различными мѣрами и дѣйствіями своими. Сюда принадлежали: необыкновенная строгость его въ преслѣдованіи и карѣ указанныхъ выше пороковъ, весьма распространенныхъ въ эти времена; тайный надзоръ, соединенный съ наушничествомъ, доносами и даже насильственными мѣрами, для соблюденія внутренней тишины и предотвращенія смутъ, подозрительность и предвѣріе его къ природнымъ русскимъ, предпочтеніе имъ иноземцовъ и явное пристрастіе къ послѣднимъ, но всего болѣе — измѣненіе закона о крестьянскихъ выходахъ и прикрепленіи крестьянъ (кромѣ принадлежавшихъ мелко-помѣстнымъ помѣщикамъ) къ землямъ, на которыхъ они были поселены. Къ этому нужно еще прибавить, что необыкновенныя общенародныя бѣдствія—неурожаи, голодъ и моръ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ сряду, не смотря на заботливость Годунова объ облегченіи ихъ, еще болѣе располагали умы къ волненію, суевѣрію и легковѣрію не въ пользу Годунова.

При такомъ-то настроеніи умовъ въ народѣ, въ 1604 году—6-мъ царствованія Годунова — внезапно распространилась молва, будто царевичъ Дмитрій спасся отъ убійцъ и находится въ Литвѣ! Легко понять, какое новое волненіе это произвело въ умахъ. Смутился и Годуновъ, и прежде всего принялъ мѣры къ изслѣдованію и дознанію о смерти царевича Дмитрія и о появленіи его, будто бы, въ Литвѣ. Оказалось, что царевичъ дѣйствительно умеръ въ Угличѣ, человѣкъ же, назвавшій себя его пменемъ въ Литвѣ, объявленъ бѣжавшимъ въ нее іеродіакономъ Чудова монастыря въ Москвѣ, Григоріемъ Отрепьевымъ. Годуновъ увѣдомилъ о томъ Сигизмунда и послалъ къ польскимъ вельможамъ роднаго дядю самозванца, монаха того же Чудова монастыря, Отрепьева же.

Но ни Сигизмундъ, ни польскіе вельможи не придали вѣры обличеніямъ самозванца Годуновымъ, а напротивъ дали полную вѣру обманнымъ показаніямъ и свидѣтельствамъ самозванца, прежде всѣхъ—князья Адамъ и Константинъ Вишневецкіе въ Волинн, затѣмъ—Юрій Мнишекъ, воевода сандомірскій, и наконецъ самъ Сигизмундъ—все будучи особенно поддерживаемы въ этомъ вѣро-

ваніи іезуитами, дѣломъ которыхъ преимущественно исторія и признаетъ самозванца. Въстѣ съ ними и съ папскимъ нунціемъ въ Польшѣ, самозванца особенно поддерживалъ знатный, богатый и честолюбивый Мнишекъ, прельщенный мыслию выдать за него дочь свою Марину, по достиженіи имъ московскаго престола. Съ этою цѣлію онъ началъ собирать въ помощь ему, на свои средства, около Самбора и Львова, шляхетское ополченіе. Кромѣ того, около самозванца начали собираться русскіе выходцы и бѣглецы, находившіеся въ Польшѣ и въ Литвѣ. Но главную надежду самозванецъ возлагалъ на донскихъ казаковъ, крайне непріязненныхъ Годунову, и особенно на многочисленныхъ приверженцовъ и пособниковъ, которыхъ не сомнѣвался найти въ московскомъ государствѣ, тотчасъ по появленіи своемъ въ немъ. Сигизмундъ же, не смѣя явно воевать съ Годуновымъ, возбуждалъ противъ него и въ помощь самозванцу крымскаго хана Казы-Гирея.

Между тѣмъ и Годуновъ съ своей стороны сталъ принимать мѣры предосторожности. Для затрудненія сообщеній съ Литвою, онъ приказалъ протянуть до Брянска заставу, учрежденныя передъ тѣмъ между Москвою и Смоленскомъ, по случаю заразы въ смоленской области. Подъ предлогомъ полученія извѣстій о намѣреніи крымскихъ татаръ напасть на русскія укранны, онъ приказалъ окольными Петру Шереметеву и Михаилу Салтыкову собрать войско подъ Ливнами, откуда его одинаково удобно было обратить и противъ крымскихъ татаръ, и противъ Литвы. А чтобы вывести изъ заблужденія и склонить на свою сторону донскихъ казаковъ, онъ послалъ къ нимъ дворянина Хрущова. Но мѣры Годунова не могли имѣть и не имѣли никакого успѣха ни въ Польшѣ и Литвѣ, ни у донскихъ казаковъ: врагамъ его дорога была не истинна, а собственныя выгоды въ поддержаніи самозванца.

Поэтому положеніе Годунова было ненадежно, но не лучше было первоначально и положеніе самозванца. Ничтожны были силы, собиравшіяся въ помощь ему въ Польшѣ, для его отважнаго до дерзости предпріятія. Но, по его убѣжденію, онъ должны были послужить лишь ядромъ войска, болѣе и болѣе многочисленнаго по вступленіи его въ русскіе предѣлы и по присоединеніи къ нему донскихъ казаковъ.

Наборъ шляхетскаго ополченія въ помощь ему производился въ окрестностяхъ Самбора и Львова очень медленно, хотя Мнишекъ не щадилъ на то денегъ. Въ нетерпѣніи своемъ скорѣе начать свое предпріятіе, самозванецъ не выждалъ окончанія набора и 15 августа 1604 г. выѣхалъ изъ Самбора въ сопровожденіи двухъ іезуитовъ, а 30 августа прибылъ въ Глиняны, гдѣ былъ назначенъ сборъ и

смотрѣ ополченію. Въ немъ оказалось всего только 500 чел. пѣхоты и 1,100 челов. конницы, раздѣленныхъ на 5 хоругвей: царскую, сына Юрія Мнишка, Дворжицкаго, Фредро и Ниеборскаго. Гетманомъ этого ополченія шляхта избрала и провозгласила Юрія Мнишка, а въ товарищи ему назначила полковниковъ Жулицкаго и Дворжицкаго.

3-го сентября эта горсть войскъ двинулась отъ Глинянъ къ Кіеву, куда приказано было идти и другимъ шляхетскимъ хоругвямъ, по мѣрѣ изготовленія и сбора ихъ. Приближаясь къ Кіеву, самозванецъ и Мнишекъ были встревожены появленіемъ нѣсколькихъ тысячъ войскъ князя Острожскаго и, опасаясь нападенія его, приняли мѣры большой осторожности. Но Острожскій не имѣлъ намѣренія напасть на нихъ, а хотѣлъ только ограничиться наблюденіемъ за ними и предохраненіемъ жителей кіевскаго воеводства отъ грабежа ополченія Мнишка.

Прибывъ въ Кіевъ 7 октября, самозванецъ встрѣтилъ въ немъ неожиданное пренятствіе: по распоряженію Острожскаго, всѣ перевозки на Днѣпрѣ были сняты. Нѣсколько дней прошло въ отысканіи мѣстъ и средствъ переправы, и только 13 октября она была произведена въ 14-ти верстахъ выше Кіева, близъ устья Десны. Еще до того къ самозванцу присоединилось первое подкрѣпленіе съ Дону изъ 2 т. казаковъ, приведенныхъ Свирскимъ, что, съ войсками, прибывшимъ съ самозванцомъ, составляло до 4 т. чел., съ которыми онъ и рѣшился вступить въ русскіе предѣлы и въ войну съ Годуновымъ.

Переправясь черезъ Днѣпръ, 16-го октября онъ перешелъ черезъ русскую границу и сталъ лагеремъ за Сваромьемъ, а 17-го за Жукинымъ. Вступленіе его въ сѣверскую землю взволновало все народонаселеніе ея, которое, ненавидя Годунова, вездѣ принимало самозванца съ радостью, хлѣбомъ и солью. Первымъ русскимъ укрѣпленнымъ мѣстомъ на пути слѣдованія его былъ замокъ Муромскъ. Но когда самозванецъ былъ еще въ 34 верстахъ отъ него, жители его прислали сказать, что покоряются. 19 октября онъ двинулся къ Муромску и остановился въ 10 верстахъ отъ него при Полчовѣ. Здѣсь жители Муромска привели къ нему связанными воеводъ своихъ Лодыгина и Безобразова. Признавъ пужнымъ первыя дѣйствія свои ознаменоватъ царскою милостью, самозванецъ освободилъ ихъ и 21 октября вступилъ въ Муромскъ.

Вѣсть о вступленіи его въ русскіе предѣлы взволновала умы въ нихъ и смутила Годунова. Онъ приказалъ собрать у Брянска войско, но не большое въ 5 или 6 полковъ, а только въ 3, или потому, что не постигалъ еще важности обстоятельствъ, или, что вѣроятнѣе,

не желая еще прибѣгать къ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Въ войскѣ, собиравшемся у Брянска, воеводами были: главнымъ въ большомъ полку—князь Димитрій Ивасовичъ Шуйскій, а товарищемъ его князь Кашинъ, въ передовомъ полку—Иванъ Ивановичъ Годуновъ и князь Туренинъ, а въ сторожевомъ—бояринъ Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ и князь Звенигородскій. Кромѣ того посланы были въ пограничные города: въ Путивль — Михаилъ Михайловичъ Салтыковъ и осадный воевода князь Мосальскій-Рубецъ, а въ Черниговъ бояринъ князь Никита Романовичъ Трубецкой, окольникій Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ и голова Андрей Воейковъ, но трое послѣднихъ уже не могли достигнуть мѣста назначенія своего.

Между тѣмъ самозванецъ, оставивъ въ Муромскѣ отрядъ войскъ для охраненія его, 22 октября двинулся вверхъ по правому берегу Десны и 25-го сталъ лагеремъ въ 7 верстахъ отъ Чернигова, а передовой отрядъ его въ 2 т. казаковъ подступилъ къ самому Чернигову, въ которомъ былъ крѣпкій замокъ и достаточное число пушекъ. Жители сначала стали защищаться и убили много казаковъ, но узнавъ, что Муромскъ сдался добровольно, положили сдѣлать тоже. Начальствовавшій въ городѣ князь Татевъ надѣялся удержаться въ замкѣ съ 300 стрѣльцами и 20 орудіями. Но народъ съ казаками бросился къ замку, и стрѣльцы, увлеченные примѣромъ ихъ, отворили ворота и выдали Татева, который, подобно Хрущову, посланному къ казакамъ (см. выше), вступилъ въ службу самозванца и сталъ вѣрнѣйшимъ изъ его клеветовъ. Казаки же стали грабить городъ, и хотя самозванецъ послалъ двухъ польскихъ пановъ прекратить грабежъ, а на другой день самъ прибылъ въ Черниговъ и приказалъ возвратить награбленное, но казаки часть онаго успѣли скрыть.

Самозванецъ остановился на время въ Черниговѣ, чтобы дать отдыхъ войску, въ которомъ шляхта особенно жаловалась на недостатокъ денегъ, одежды и продовольствія. Но самозванецъ роздалъ ей 3 т. рублей (10 т. нынѣшнихъ серебряныхъ), найденныхъ въ замкѣ.

Послѣ 8-ми-дневнаго отдыха въ Черниговѣ, 3 ноября онъ двинулся далѣе къ Новгороду-Сѣверскому. Передовые казаки, подъ начальствомъ поляка Бучинскаго, подступили къ этому городу 9 ноября, но тутъ впервые встрѣтили важное сопротивленіе. Трубецкой, Басмановъ и Воейковъ, посланные въ Черниговъ, не могли предупредить въ немъ самозванца, рѣшились защищать Новгородъ - Сѣверскій. Хотя Трубецкой былъ чиновникъ Басманова, но распорядился всемъ послѣдній, отличавшійся столько же храбростью, твердостью и знаніемъ военнаго дѣла, сколько и честолюбіемъ. Чтобы

предупредить измѣну горожанъ, онъ ввелъ ихъ въ замокъ и самъ заперся въ немъ съ 600 стрѣльцами, а городъ велѣлъ сжечь.

Казакъ, встрѣченный пальбою изъ замка, остановился, а Бучинскій подѣхалъ къ стѣнѣ и въ случаѣ сдачи общалъ помплованіе царя Димитрія, а въ случаѣ упорства грозилъ истребленіемъ. Но Басмановъ отвѣчалъ ему со стѣны, что царь ихъ Борисъ, а тотъ, о которомъ говорилъ Бучинскій — измѣнникъ, и потребовалъ, чтобы Бучинскій удалился. Тогда самозванецъ 11 ноября вступилъ въ сожженный городъ и послалъ уговаривать находившихся въ замкѣ къ сдачѣ, но Басмановъ приказалъ стрѣлять по нимъ. Самозванецъ приступилъ къ осадѣ замка, хотя не имѣлъ достаточныхъ орудій для того. Поляки стали рыть траншеи и ставить туры и за ними 8 небольшихъ полевыхъ пушекъ и 6 фалконетовъ. Послѣ ничтожной пальбы этихъ орудій, 14 числа поляки отважились идти на приступъ: гусары ихъ подступили къ замку и спѣшившіеся охотники изъ нихъ два раза бросались къ стѣнѣ, но оба раза были отражены съ урономъ. Тогда поляки устроили деревянные срубы, поставили ихъ на сани (то, что у русскихъ называлось гуляй-городомъ) и, прикрываясь ими, въ ночь съ 17 на 18 гусары двинулись къ замку. За ними шли 300 чел. съ соломой и хворостомъ, чтобы завалить ими ровъ и потомъ зажечь ихъ. Но, подойдя ко рву, они встрѣтили такое сильное сопротивленіе со стороны осажденныхъ, что, послѣ яростныхъ приступовъ въ продолженіи цѣлой ночи, снова были отбиты съ большимъ урономъ и отступили отъ замка.

Эта неудача повергла самозванца въ горесть, отчаяніе и досаду на поляковъ. Начались взаимныя жалобы и упреки, такъ что шляхта хотѣла уже воротиться въ Польшу. Но въ это самое время самозванецъ получилъ такія благопріятныя для него извѣстія, которыя ободрили его и пособниковъ его. Вся московская украина, за исключеніемъ только чиновныхъ людей, возбуждаемая лазутчиками и грамотами самозванца, отлагалась отъ Годунова и охотно, съ радостью становилась на сторону мнимаго законнаго царевича Димитрія. Но и изъ чиновныхъ людей первымъ измѣнникомъ явился 2-й воевода въ Путивлѣ, князь Мосальскій-Рубецъ. Онъ самъ возмутилъ народъ и ратниковъ, связалъ главнаго воеводу Михаила Михайловича Салтыкова и присягнулъ самозванцу со всеми людьми и ратниками, кромѣ 200 московскихъ стрѣльцовъ, оставшихся вѣрными: ихъ обезоружили, а голову и сотниковъ отослали къ самозванцу. Покореніе ему Путивля было необыкновенно важно, какъ потому, что этотъ городъ считался главнымъ въ сѣверской области, такъ и тѣмъ, что былъ многолюденъ и огражденъ каменною стѣною съ башнями, слѣдовательно былъ крѣпкій городъ (или крѣпость). Поэтому, примѣ-

ру его одинъ за другимъ послѣдовали все города южной украины на протяженіи верстъ 600 отъ з. къ в.

Ободренный этимъ, самозванецъ усугубилъ усилія овладѣть Новгородомъ-Сѣверскимъ. Изъ Путивля привезли 5 осадныхъ и 8 полевыхъ пушекъ, изъ которыхъ 1-го декабря былъ открытъ сильный огонь противъ замка. Деревянные стѣны его были часто пробиваемы, но Басмановъ продолжалъ упорно обороняться, не смотря на то, что въ одинъ день 80 чел. выбѣжали отъ него къ самозванцу, а начальникъ собраннаго подъ Брянскомъ войска Годунова, князь Дмитрій Шуйскій подозрительно бездѣйствовалъ потому, будто бы, что сразиться съ самозванцомъ безъ значительнаго превосходства силъ надъ нимъ было ненадежно, почему и просилъ подкрѣпленія (все это была явная ложь, потому что онъ и безъ того былъ сильнѣе самозванца).

Изъ всего происшедшаго и происходившаго Годуновъ убѣдился наконецъ въ дѣйствительности угрожавшей ему большой опасности, въ неумѣстности уже дальнѣйшаго оказыванія притворной самоувѣренности и въ необходимости принять рѣшительныя мѣры. Вслѣдствіе того онъ приказалъ князю Θεодору Ивановичу Мстиславскому собрать новое войско подъ Калугою и кромѣ того созвать общее земское ополченіе, торжественно объявлять народу въ Москвѣ и вездѣ, что царевичъ Дмитрій былъ дѣйствительно убитъ, а именемъ его назвался самозванецъ Отрепьевъ, преданный за то церковному проклятію. Самъ Годуновъ наружно сохранялъ спокойствіе и царское достоинство, отказалъ шведскому королю Карлу IX въ предложеніи его прислать вспомогательное войско, но послалъ дворянина Огарева къ Сигизмунду съ грамотой, въ которой жаловался на поддержаніе самозванца поляками, на возбужденіе противъ Москвы крымскихъ татаръ и донскихъ казаковъ, и въ заключеніе требовалъ рѣшительнаго отвѣта, чего онъ, Сигизмундъ, желаетъ— войны или мира? Встревоженный этимъ, Сигизмундъ лицемѣрно увѣрялъ, будто хотѣлъ свято соблюдать перемиріе, еслиже нѣкоторые поляки, употребляя во зло дарованныя имъ законами вольности, нарушили въ чемъ-либо условія перемирія, то будутъ строго наказаны.

Сверхъ того, патріархъ и все высшее духовенство русское послали грамоты къ высшему духовенству польскому и къ кіевскому воеводѣ князю Острожскому, съ торжественнымъ изобличеніемъ обмана самозванца. Но событія шли быстро впередъ и участь московскаго государства зависѣла уже единственно отъ успѣха оружія.

Мстиславскій, наскоро собравъ подъ Калугою нѣсколько войскъ, повелъ ихъ къ Брянску, гдѣ, по соединеніи ихъ съ войсками Шуй-

скаго, составилось ополченіе въ 40 т. чел., раздѣленное на 5 полковъ. Изъ нихъ въ большомъ главнѣмъ воеводой былъ Мстиславскій, а товарищемъ его князь Телятевскій, въ правой рукѣ—Димитрій Шуйскій и князь Кашинъ, въ лѣвой—воевода Морозовъ и князь Щербатовъ, въ передовомъ — князь Василиій Василевичъ Голицынъ и Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ, а въ сторожевомъ—Иванъ Ивановичъ Годуновъ и князь Туренинъ.

Мстиславскій немедленно двинулся отъ Брянска къ Новгороду-Сѣверскому и, на пути къ нему, изъ Трубчевска послалъ Юрію Мнишекъ грамоту, требуя, чтобы онъ, на основаніи перемирія, покинулъ самозванца и вышелъ съ поляками изъ русскихъ предѣловъ. Но Мнишекъ не отвѣчалъ ему.

18 декабря войско Мстиславскаго достигло р. Узруя, въ 8 верстахъ отъ Новгорода-Сѣверскаго, и переправилось черезъ нее, не смотря на сопротивленіе передовыхъ войскъ самозванца, которыя были принуждены отступить къ его лагерю подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ.

Хотя между тѣмъ самозванецъ былъ подкрѣпленъ послѣдними, прибывшими изъ Польши, шляхетскими ротами и вступившими въ его службу многими сѣверскими жителями, однако силы его, какъ полагаютъ, все-таки не могли превосходить 15 т. чел., изъ которыхъ $\frac{1}{2}$ поляковъ, и потому, казалось, не могли съ надеждой на успѣхъ противустать 40-ка-тысячному войску Мстиславскаго. Но самозванецъ хорошо понималъ, что успѣха въ своемъ отважномъ предпріятіи могъ и долженъ былъ ожидать только отъ одной смѣлой отваги, и 20 декабря вывелъ свое войско изъ лагеря на обширную равнину, на которой было расположено войско Мстиславскаго. Но этотъ день прошелъ въ неважныхъ стычкахъ и бесполезныхъ переговорахъ, и только Басмановъ частыми вылазками тревожилъ тылъ войска самозванца, что принудило послѣдняго отрядить противъ Басманова нѣсколько сотъ казаковъ.

Наконецъ 21 декабря Мстиславскій подступилъ къ лагерю самозванца. Послѣдній снова смѣло двинулся на встрѣчу ему, и хотя измѣны войска, на которую онъ надѣялся, и не послѣдовало, однако въ рядахъ этого войска распространились такія недоумѣнія и какъ бы оцѣпѣніи, что сраженіе продолжалось долго и кончилось не въ пользу Мстиславскаго. Хотя войска его и отразили первое нападеніе польской конницы, но затѣмъ правое крыло не выдержало новаго нападенія свѣжей польской конницы и опрокинулось на большой полкъ, который также дрогнулъ, не смотря на всѣ усилія Мстиславскаго, не щадившаго себя для удержанія его, израненаго, упавшаго съ коня и едва спасеннаго стрѣльцами отъ плѣ-

на. Въ то же время польская пѣхота вытѣснила другихъ стрѣльцовъ изъ занимаемой ими долины. По свидѣтельству очевидца, казалось, что у русскихъ отнялись руки для сѣчи, и самозванецъ вѣроятно одержалъ бы полную побѣду, еслибы въ рѣшительную минуту двинулъ въ атаку запасныя войска свои. Но, по неопытности своей въ военномъ дѣлѣ, не сдѣлавъ этого, онъ далъ русскимъ воеводамъ возможность, послѣ 2-хъ или 3-хъ-часоваго боя, отступить, хотя и съ урономъ до 4 т. чел., но по крайней мѣрѣ въ нѣкоторомъ порядкѣ. Самозванецъ преслѣдовалъ ихъ верстѣ 9, потерявъ въ бою всего только 120 чел.

Русское войско отступило на 14 верстѣ и остановилось въ лѣсу, прикрывшись окопами и засѣками. По причинѣ такого близкаго расположенія его, самозванецъ не посмѣлъ продолжать осады замка Новгорода-Сѣверскаго, даже не смотря на полученное и еще ожидаемое имъ подкрѣпленіе. Именно—4 т. пѣшихъ запорожцовъ прибыли къ нему на другой день сраженія, а 18 т. конныхъ съ 14 пушками были уже недалеко. Но если такимъ образомъ числительная сила войска самозванца увеличивалась, то съ другой стороны истинная сила его слабѣла: поляки, составлявшіе главную и лучшую часть его, отказывались долѣе служить самозванцу, ропща на труды, лишенія и особенно неуплату имъ жалованья, для чего казна самозванца была недостаточна. Это вынудило его дать своему войску временный отдыхъ на зимнихъ квартирахъ въ обильной продовольствіемъ Комарицкой волости. Съ этою цѣлю, 2-го января 1605 г. онъ двинулся отъ Новгорода-Сѣверскаго черезъ Десну къ Сѣвску. Но неудовольствіе поляковъ возрастало, такъ что уже на 2-мъ переходѣ всѣ польскія хоругви взбунтовались, не слушали самозванца и явно оскорбили его. Бунтъ кончился тѣмъ, что старый Мнишекъ былъ вынужденъ обѣщать, что самъ поведетъ поляковъ обратно въ Польшу. Такимъ образомъ большая часть ихъ 4 января покинула самозванца и направилась мимо Путивля на Пирятинъ; при самозванцѣ же осталось ихъ всего только около 1,500 чел. и онъ, по присоединеніи къ нему остальныхъ запорожцовъ, перешелъ въ Сѣвскъ.

Между тѣмъ воеводы Годунова были такъ поражены претерпѣнною ими неудачей, что отъ стыда не осмѣлились даже донести о ней Борису; когда же самозванецъ снялъ осаду замка Новгорода-Сѣверскаго, они отступили къ Стародубу. Борисъ, узнавъ стороною о происшедшемъ, послалъ чашника Вельяминова-Зернова съ упреками Шуйскому и его товарищамъ, но чтобы не увеличить унынія ратниковъ, поручилъ объявить имъ милостивое слово, а Мстиславскому благодарность. Храбрые защитники Новгорода-Сѣверскаго, Трубецкой и особенно Басмановъ, вызванныя въ Москву, были

почтены Борисомъ, который далъ Басманову изъ своихъ рукъ золотое блюдо, вѣсомъ въ 6 фунтовъ, наполненное червонцами, и сверхъ того 2 т. руб. (6,166 нынѣшнихъ серебряныхъ) и много серебра. Но главною заботой Бориса было привести военныя силы свои въ такое положеніе, чтобы успѣхъ былъ несомнѣннымъ. Для этого онъ послалъ подкрѣпленія главному войску, приказалъ Θεодору Ивановичу Шереметеву собирать новую запасную рать около Кромъ, а дабы до выздоровленія Мстиславскаго главное войско не состояло подъ начальствомъ неспособнаго Дмитрія Шуйскаго, назначилъ старшаго брата его, князя Василя Ивановича, прибыльнымъ воеводой въ большомъ полку, что давало ему въ войскѣ первое мѣсто послѣ Мстиславскаго. Хотя войско это простиралось уже до 70 т. чел., но не только ничего не предпринимало, а даже какъ бы скрывалось въ лѣсахъ близъ Стародуба. Но Василій Шуйскій, прибывъ къ нему, объявилъ царскую волю немедленно идти противъ самозванца и повелъ его къ Сѣвску.

Самозванецъ, узнавъ о томъ, сталъ совѣтоваться съ польскими и казацкими военными начальниками. Первые совѣтовали до времени уклоняться отъ неравнаго боя (у самозванца въ это время было не болѣе 23 т. чел., а у Шуйскаго до 70 т.) и сколько возможно медлить дѣйствіями. Но атаманъ и полковники запорожскіе совѣтовали напротивъ—смѣло идти на встрѣчу царскому войску, въ надеждѣ этимъ самымъ смутить его. А какъ запорожцы составляли большую часть войска самозванца, то онъ и послушался ихъ, и 20 января двинулся отъ Сѣвска вдоль лѣваго берега р. Сѣвы и подъ вечеръ встрѣтилъ царское войско, тѣсно расположенное въ селѣ Добрунѣ или Добрыничаяхъ и вокругъ него. Самозванецъ, желавшій нападеніемъ врасплохъ вознаградить неравенство силъ, приказалъ преданнымъ ему жителямъ Добрыничъ ночью зажечь это село, а самъ приготовился напасть на разстроеныя тревогой царскія войска. Но воеводы ихъ были осторожны и замыселъ самозванца не удался. Оставалось сражаться въ открытомъ полѣ, и на разсвѣтъ 21 января царская конница выстроилась по обѣимъ сторонамъ села, сильно занятого пѣхотой. Мстиславскій, хотя и не совсемъ еще излечась отъ ранъ, сѣлъ на коня и распорядился войскомъ, не желая уступить честь побѣды одному Василю Шуйскому. Самозванецъ, съ своей стороны, положивъ нанести главный ударъ правому крылу царскаго войска, самъ повелъ противъ него польскія хоругви и свои русскія дружины, конныхъ запорожцовъ послалъ въ право для удержанія лѣваго крыла, пѣшнымъ же съ тяжелыми пушками приказалъ стать въ нѣкоторомъ разстояніи назади за высотой въ видѣ резерва—

распоряженія, довольно замѣчательныя, обнаруживающія какъ бы намѣреніе, въ случаѣ успѣха, отбросить царское войско къ р. Сѣвѣ.

Послѣ небольшой стычки передовыхъ войскъ, открытъ былъ огонь изъ пушекъ и вслѣдъ затѣмъ самозванецъ приказалъ полякамъ спуститься въ лощину, прикрывавшую царское правое крыло, и стараться отрѣзать его отъ села. 7 польскихъ хоругвей, подѣ начальствомъ гетмана польскихъ войскъ (послѣ удаленія Мпишка) полковника Дворжицкаго, выстроились въ одну линію и бросились стремглавъ впередъ, поддержанныя сзади 8 хоругвями польскихъ гусаръ и всею русскою конницею, которой приказано было надѣть сверхъ лать бѣлыя рубахи, въ отличіе отъ царской конницы. Мстиславскій, не выждавъ нападенія ихъ, самъ двинулъ противъ нихъ правое крыло свое, въ головѣ котораго находились двѣ дружины иноземцовъ подѣ начальствомъ лифлядца фонъ-Розена и француза Маржерета. Поляки неслись такъ стремительно, что иноземцы, послѣ краткаго сопротивленія, были опрокинуты, а видя это, и вся конница царскаго праваго крыла обратилась въ бѣгство. Дворжицкій же повернулъ на право, прямо на село, занятое пѣхотой. Послѣдняя, подпустивъ его на самое близкое разстояніе, встрѣтила его залпомъ изъ 10 или 12 т. пищалей. Это привело польскую конницу въ большое замѣпательство, обратившееся въ совершенное разстройство, когда одинъ полякъ прискакалъ съ извѣстіемъ, что конные запорожцы, нигѣмъ не тѣснимые, но встревоженные громомъ и дымомъ залпа пѣхоты, опросты бросились бѣжать по рыльской дорогѣ. Смущенная этимъ польская конница также обратила тылъ и поскакала вслѣдъ за запорожцами. Оставленная же ими на жертву запорожская пѣхота была немедленно окружена и, послѣ храбраго сопротивленія, вся истреблена. Поляки и конные запорожцы промчались до самаго Рыльска, въ 80 верстахъ отъ мѣста сраженія, преслѣдуемые 6-ю тысячами царской конницы, но только верстъ на 8. Побѣда царскаго войска была полная и блистательная, но стоила не дорого—урона только 500 раненыхъ и 25 иноземцовъ. Непритель же, напротивъ, потерялъ 15 знаменъ и штандартовъ, 13 пушекъ, до 6 т. убитыхъ и многихъ взятыхъ въ плѣнъ. Самъ самозванецъ былъ въ величайшей опасности: лошадь подѣ нимъ была ранена въ ногу, и спасеніемъ своимъ онъ былъ обязанъ Татеву, который выпроводилъ его до Рыльска. Тамъ же искали убѣжища и запорожцы, но жители, упрекая ихъ въ измѣнѣ и трусости, не только не впустили ихъ въ городъ, но и стрѣляли по нимъ. Не лучше приняли ихъ и въ Путивлѣ, такъ что они рѣшились воротиться въ Запорожье. И такимъ образомъ, послѣ удаленія ихъ и передѣ тѣмъ поляковъ, у самозванца оста-

лось уже только ничтожное число войскъ, съ которымъ ему нельзя было надѣяться продолжать войну.

Царскіе воеводы послали къ Борису съ донесеніемъ о побѣдѣ чашника Шенна, и отправили въ Москву плѣнныхъ поляковъ и запорожцовъ; плѣнныхъ же русскихъ измѣнниковъ повѣсили передъ войскомъ.

Самозванецъ, пребывъ два дня въ Рыльскѣ, переѣхалъ въ Путивль. Не смотря на всю его легкомысленную самонадѣянность, положеніе его казалось ему отчаяннымъ. Войскъ у него, какъ сказано, оставалось уже очень мало; жители сѣверской области были бы готовы служить ему, но денегъ на вооруженіе ратниковъ у него не было. Въ этой крайности, самозванецъ замыслилъ уже тайно бѣжать въ Польшу; но русскіе приверженцы его объявили, что не выпустятъ его изъ Путивля и, возставъ за него, должны съ нимъ же восторжествовать или погибнуть. Вынужденный продолжать начатое имъ предпріятіе, онъ прежде всего уговорилъ большую часть поляковъ, хотѣвшихъ воротиться въ Польшу, чтобы они не покидали еще его. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ искалъ средствъ возстановить свои силы внѣ и внутри московскаго государства, пославъ Татова къ Сигизмунду просить помощи и издавъ новыя грамоты къ русскому народу. Много людей легковѣрныхъ повѣрили его грамотамъ и спѣшили къ нему въ Путивль. Особенно обрадовало его возвращеніе къ нему 4 т. донскихъ казаковъ, бывшихъ подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ, но не подъ Добрыничами, и неизвѣстно гдѣ находившихся между тѣмъ. Сигизмундъ же, видя дурной оборотъ дѣлъ самозванца, не захотѣлъ помочь ему и не принялъ Татова.

Между тѣмъ Борисъ, узнавъ отъ Шенна о Добрынической побѣдѣ, щедро наградилъ воеводу и войско деньгами (10 т. рублей—33,333 нынѣшнихъ серебряныхъ), но, противно требованіямъ здоровой политики, приказалъ воеводамъ усугубить мѣры строгости противъ измѣнниковъ. Воеводы, въ точности исполняя это, вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствовали однако очень вяло, медленно и нерѣшительно и подступили къ Рыльску — лишь на другой день послѣ выѣзда изъ него самозванца. Жители Рыльска, возбужденные начальниками своими, приверженцами самозванца, княземъ Рощею Долгорукимъ и Зміевымъ, не хотѣли сдаваться — и воеводы осадили Рыльскъ. Осажденные отстрѣливались и просили помощи у самозванца, который и прислалъ имъ 600 поляковъ и 2 т. русскихъ. Безпечность и оплошность воеводъ были таковы, что отрядъ этотъ успѣлъ ночью пробраться въ Рыльскъ и тѣмъ усилить осажденныхъ и ихъ упорство. Наконецъ воеводы, послѣ 2-хъ недѣльной, безуспѣшной осады Рыльска, сняли ее и расположились близъ Радогетскаго

острога, въ Комарицкой волости, дабы до весны дать весьма утомленному войску отдыхъ—и это въ то самое время, когда необходимо было дѣйствовать самымъ быстрымъ и рѣшительнымъ образомъ! вмѣсто того, они жестоко вместили на жителяхъ Комарицкой волости свою неудачу противъ Рыльска: разорили всю волость, а жителей пстязали и убивали.

Въ полѣ оставался еще только одинъ Шереметевъ, который, узнавъ о Добрынической побѣдѣ, собралъ свое запасное ополченіе и обложилъ Кромы, жители которыхъ рѣшились защищаться.

Борисъ, крайне недовольный отступленіемъ воеводъ отъ Рыльска, объявилъ имъ и войску ихъ гнѣвъ свой и приказалъ имъ немедленно идти подъ Кромы и вмѣстѣ съ Шереметевымъ непременно взять этотъ городъ. Воеводы не смѣли послушаться, но войско ихъ оскорбилось упрекомъ Бориса, и многіе въ немъ стали склоняться на сторону самозванца.

По соединеніи воеводъ съ Шереметевымъ подъ Кромами, у нихъ собралось до 100 т. войскъ—сила огромная противъ ничтожнаго числа защитниковъ Кромъ. И хотя послѣдніе рѣшились защищаться до послѣдней крайности, но едвали успѣли бы спастись, если-бы самозванецъ не прислалъ въ помощь имъ 4 т. донскихъ казаковъ и рускиль, и главное—если-бы царскіе воеводы не оказали такой же непростительной оплошности, какъ и подъ Рыльскомъ. Не смотря на многочисленность войскъ ихъ, вспомогательный отрядъ былъ замѣченъ ими ночью только тогда, когда уже находился подъ самыми стѣнами города, такъ что они могли только потѣснить хвостъ его, самому же не помѣшали войти въ городъ. Огорченные этимъ, они подошли не шадить города и открыли по немъ сильный огонь изъ пушекъ и мортиръ. Осажденные оборонялись мужественно и упорно, возбуждаемые примѣромъ начальниковъ своихъ, Акиндинова и особенно донскаго атамана Корелы. Послѣдній, не надѣясь на деревянную стѣну города, оградилъ ее землянымъ валомъ со рвомъ, подъ валомъ устроилъ землянки, для прикрытія осажденныхъ отъ навѣснаго огня, а изъ рва приказалъ прокопать нѣсколько контръ-апрошъ, изъ которыхъ казаки часто тревожили батареи и траншеи осаждавшихъ, и въ которыя скрывались, какъ только царскія войска двигались противъ нихъ.

Наконецъ Мстиславскій и прочіе воеводы, стыдясь терять столько времени и людей въ осадѣ небольшого городка, положили прибѣгнуть къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ него. Высланные ими ратники ночью зажгли деревянную стѣну: она сгорѣла, въ городѣ произошелъ большой пожаръ, осажденные были принуждены удалиться въ острогъ (внутреннюю крѣпость), царскія войска заня-

ли валъ и оставалось только взять острогъ, гдѣ, за тѣснотою его, осажденные не могли долго держаться. Но тутъ, къ несчастію, между самими царскими воеводами нашелся одинъ, замышлявшій измѣну, именно Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ, который, безъ приказанія и вѣдома главныхъ воеводъ, самовольно свелъ ратниковъ съ вала и отослалъ ихъ назадъ въ траншеи. Вслѣдствіе того, осажденные вышли изъ острога, потушили пожаръ и снова заняли валъ.

Послѣ того воеводы не предпринимали уже ничего важнаго, да и не могли предпринимать, по причинѣ необыкновенно суровой, подъ конецъ, зимы, открывшихся въ войскѣ: жестокаго поноса и большой смертности и самаго жалбаго, вслѣдствіе того, состоянія войскъ.

Неудачи многочисленныхъ царскихъ войскъ подъ Рыльскомъ и Кромами только умножили въ народѣ вездѣ, даже въ Москвѣ, недоувѣріе и нерасположеніе къ правительству и расположеніе къ самозванцу. А Борисъ все болѣе ожесточался, жестоко каралъ не только измѣнниковъ, но даже и нескромныхъ и неосторожныхъ на словахъ, и тщетно употреблялъ всѣ мѣры для вразумленія народа, особенно въ сѣверской области, всѣ жители которой признавали самозванца за истиннаго царевича Дмитрія.

Прошло уже болѣе 2½ мѣсяцовъ со времени Добрыничской побѣды 21 января 1605 г., а важнаго перевѣса ни на той, ни на другой сторонѣ не было. Хотя дѣла самозванца видимо улучшились и онъ не утратилъ ни одного изъ передавшихся ему городовъ, однако не былъ еще въ состояніи перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ, и былъ вынужденъ оставаться въ оборонительномъ положеніи въ Путнвлѣ.

И вдругъ—внезапное событіе дало дѣламъ крутой оборотъ. 13 апрѣля утромъ Борисъ еще занимался дѣлами, но послѣ обѣда, вставъ изъ-за стола, внезапно почувствовалъ дурноту. Едва успѣли причастить его и постричь подъ именемъ Боголѣпа—и послѣ 2-хъ часовыхъ страданій онъ скончался. Скоропостижная смерть его породила разныя толкованія: многіе полагали, что онъ былъ отравленъ приверженцами самозванца или врагами своими, другіе — что онъ самъ принялъ яду. Но какъ явныхъ признаковъ отравы не было и многія причины свидѣтельствовали противъ отравленія, то вѣроятнѣе кажется показаніе Маржерета, что Борисъ умеръ отъ удара.

По примѣру и увѣщанію патріарха Іова, искренно преданнаго дому Годуновыхъ, Москва спокойно и единодушно присягнула 16-лѣтнему сыну Бориса Феодору, прекрасному и тѣломъ, и душой, отличавшемуся умомъ и познаніями, но слишкомъ молодому и неопытному для такого тяжелаго, смутнаго времени, тѣмъ болѣе, что сама мать его, царица Марія Григоріевна, не имѣла ни навыка, ни опытности въ государственныхъ дѣлахъ.

Уже самый первый шагъ ихъ былъ крайне неостороженъ, хотя имѣлъ цѣлю именно предосторожность. Утвержденіе Теодора на престолѣ зависѣло болѣе отъ покорности войска, бывшаго подъ Кромами, нежели отъ согласія Москвы. Не довѣряя знатнымъ боярамъ, начальствовавшимъ надъ этимъ войскомъ, царица и Теодоръ положили отозвать въ Москву Мстиславскаго и обонхъ Шуйскихъ (подъ предлогомъ, что молодому царю необходимо было окружить себя мудрыми совѣтниками), а ихъ замѣнить, въ качествѣ главнаго, 1-го воеводы большаго полка — бояриномъ княземъ Катыревымъ-Ростовскимъ, честнымъ, но недалновиднымъ, а въ званіи 2-го воеводы большаго полка—Басмановымъ, который уже на дѣлѣ оказалъ себя вѣрнымъ и отважнымъ. Вслѣдствіе того, другіе воеводы въ войскѣ были также перемѣнены: 2-й воевода большаго полка князь Телятевскій — въ воеводы сторожеваго полка, воевода этого послѣдняго, окольникій Годуновъ — въ 1-е воеводы передоваго полка, вмѣсто князя Василя Голицына, назначеннаго воеводой полка правой руки. Особенно слѣдуетъ замѣтить, что при отпускѣ Басманова изъ Москвы въ войско, царица и Теодоръ сказали ему, что на него возлагаютъ всю свою надежду, и просили его служить имъ, какъ онъ служилъ царю Борису, на что Басмановъ отвѣчалъ обѣщаніями и клятвой, что не пощадитъ усилій для наставленія всѣхъ на путь истины, и увѣреніями своими успокоилъ Теодора и мать его. Вмѣстѣ съ Катыревымъ и Басмановымъ въ войско подъ Кромы былъ посланъ также новгородскій митрополитъ Исидоръ, для приведенія войска къ присягѣ. По прибытіи ихъ подъ Кромы 17 апрѣля, войско узнало о смерти Бориса и воцареніи Теодора и присягнуло послѣднему, иные—искренно, но не безъ страха, другіе—нехотя и даже съ преступными замыслами. Ненадежное расположеніе умовъ въ войскѣ не укрылось отъ Басманова и, увлекаемый непомирнымъ честолюбіемъ, онъ рѣшился — измѣнивъ Теодору, передать самозванцу, даже со всемъ войскомъ, и доставивъ ему престолъ, самому быть первымъ по немъ. Онъ вовлекъ въ заговоръ Салтыкова, о которомъ говорено выше, князей Василя и Ивана Василіевичей Голицыныхъ, боярскихъ дѣтей Рязани, Тулы, Каширы и Алексина и даже начальника 4-хъ-тысячной дружины иноземцовъ, лифляндца Фонъ-Розена.

Между тѣмъ самозванецъ въ Путивлѣ узналъ о смерти Бориса 27 апрѣля отъ перебѣжавшаго къ нему изъ царскаго войска, дворянина Бахметева, а также и то, что вездѣ народъ и даже многіе въ царскомъ войскѣ хотѣли отложиться отъ Теодора и присоединиться къ тому, кого считали истиннымъ царевичемъ Димитріемъ. Поэтому, для ускоренія перелома въ свою пользу, онъ видѣлъ необхо-

димість снова выступити въ поле, но хотѣ и получилъ новое подкрѣпленіе изъ Польши, однако все еще имѣлъ при себѣ только 2 т. поляковъ и 10 т. русскихъ—силы, еще не довольно достаточныя для наступательныхъ дѣйствій. Поэтому онъ рѣшился только выдвинуть къ Кромамъ 3 польскія хоругви и 3 т. русскихъ ратниковъ, подъ начальствомъ поляка Запорскаго.

Городъ Кромы и главный станъ царскаго войска, осаждавшаго его, находились на лѣвомъ берегу р. Кромы, а на правомъ берегу ея стоялъ только отрядъ для наблюденія дорогъ изъ Путивля. Когда этотъ отрядъ далъ знать о приближеніи Запорскаго, въ царскомъ станѣ произошло смятеніе. Васмановъ, воспользовавшись тѣмъ, 7-го мая приказалъ Розену съ иноземною дружиною переправиться за р. Крому и построиться на обширной равнинѣ, на правомъ берегу ея. За Розеномъ послѣдовали русскіе полки, уже приготовленные своими начальниками къ измѣнѣ. Когда и они также совершенно переправились, Васмановъ, ставъ на мосту, громогласно провозгласилъ царемъ Дмитрія и звалъ неподговоренныхъ еще ратниковъ, которые желали служить сыну царя Іоанна, соединиться съ вѣрными ему войсками, уже перешедшими черезъ рѣку. Почти всѣ бросились къ мосту, съ остальными же, еще вѣрными своему долгу, Катывревъ и Телятевскій отступили по дорогѣ въ Москву, а жители Кромъ отворили ворота перешедшимъ на сторону самозванца.

Это рѣшило борьбу: Москва послѣдовала примѣру царскаго войска, а примѣру Москвы—все другіе города, и самозванецъ, отъ Путивля до Москвы всюду встрѣчаемый съ восторгомъ, влѣкъ съ собою Іоанна, 10-го іюня торжественно вступилъ въ Москву, избавясь передъ тѣмъ, посредствомъ гнуснаго убійства, отъ Θεодора и его матери.

Остальныя затѣмъ событія принадлежать уже области политической исторіи. Обнаруживъ много ума и воли, мужества и искусства, чтобы низложить домъ Годунова, обманомъ захватить московскій престолъ, и даже въ дѣлахъ внѣшней и внутренней политики, онъ неумѣлъ постигнуть собственнаго положенія и вскорѣ утратилъ народную любовь, озлобивъ все сословія необдуманно легкомыслиемъ. Общее разочарованіе и негодованіе постепенно росло и особенно обнаружилось, когда 2-го мая 1606 г. въ Москвѣ явилось болѣе 2 т. поляковъ съ невѣстой самозванца, Мариной Мнишекъ. Мрачтерпѣнія народнаго переполнились—и въ страшномъ взрывѣ негодованія народа, предводимаго княземъ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ, 17-го мая самозванецъ былъ растерзанъ въ Кремлѣ, многіе поляки убиты, а Марина, отецъ и родственники ея едва избѣжали смерти и были заключены въ темницы.

§ 199.

Война при Василии Шуйскомъ (1606—1610).—Война въ 1606 году.

Шуйскій, провозглашенный царемъ, сдѣлалъ все возможное и необходимое для утверженія себя на престолѣ. Но умы были слишкомъ взволнованы для того, чтобы въ государствѣ могла водвориться тишина, и продолжали волноваться. А враги общественнаго порядка и люди знатные, родословные, одни изъ нелюбви, — другіе изъ зависти въ Шуйскому, пользовались волненіемъ умовъ и необыкновеннымъ легковѣріемъ народа и втайнѣ подстрекали его снова къ возстанію; по прежнему разглашая молву о спасеніи, будто бы, мнимаго Дмитрія отъ убіенія въ Кремль. И возстаніе дѣйствительно обнаружилось тамъ же, гдѣ и за годъ передъ тѣмъ въ пользу 1-го самозванца, именно — въ сѣверской области. Виповникомъ его былъ князь Шаховской, любимецъ 1-го самозванца, къ удивленію назначенный Шуйскимъ именно въ Путивль воеводой. Онъ разослалъ по всей южной московской украинѣ грамоты о новомъ спасеніи сына Іоаннова. Болѣе года ни въ московскомъ государствѣ, ни въ Польшѣ не находилось человѣка, который рѣшился бы выступить подъ именемъ его, но подстрекальство къ возстанію не осталось безъ успѣха—и бунтъ, начавшійся въ сѣверской области, быстро распространился отъ Путивля до Смоленска и даже Казани и Астрахани. Прежде всего, въ сѣверскихъ городахъ образовалось ополченіе мятежниковъ изъ бѣглыхъ крестьянъ; боярскихъ холопей и охочихъ казаковъ, примѣромъ которыхъ или слюю были увлечены и многіе честные граждане. Предводителемъ этого ополченія въ Путивлѣ явился бывший холопъ князя Телятевскаго, Иванъ Болотниковъ.

Царь Василій принялъ мѣры и для наступательныхъ дѣйствій, и для обороны Москвы, и для предосторожности. Съ первою цѣлью, въ іюлѣ онъ приказалъ боярину князю Ивану Михайловичу Воротынскому и стольнику князю Юрію Никитичу Трубецкому собрать войско и идти съ нимъ за Оку; съ второю цѣлью — разставить пушки по стѣнамъ Кремля и разобрать мостъ, который велъ въ него; наконецъ съ третьею цѣлью — удалить изъ Москвы заключенныхъ въ ней въ темницахъ: Юрія Мнишка съ дочерью Мариной; сыномъ, братомъ и племянникомъ его, Вишневецкаго; Дворжицкаго; Запорскаго; семейство Тарловъ, Стадницкихъ; Нѣмоєвскаго; Вольскаго и Корытко въ Ярославль, Кострому, Тверь и Ростовъ. Кроме того, Василій послалъ крутицкаго митрополита

Пафнутія въ сѣверскую область и боярина Григорія Нагаго въ Елецъ, усовѣщевать мятежниковъ. Но послѣдніе не хотѣли слушать ихъ и упорствовали противъ истины.

Тогда осталось только прибѣгнуть къ оружію. Но царскіе воеводы на бѣду, какъ нарочно, вовсе не поняли важности и необходимости съ самаго начала дѣйствовать совокупными силами, быстро и рѣшительно, дабы однимъ ударомъ сокрушить мятежъ и отвратить дальнѣйшія бѣдствія. Въмѣсто того они, напротивъ, раздѣлили свои силы и приблизили къ мятежникамъ именно слабѣйшую часть ихъ: Воротынскій, оставивъ одинъ изъ трехъ полковъ войска въ Орлѣ подѣ начальствомъ князя Борятинскаго, самъ съ другими двумя, составлявшими главныя силы, обложилъ Елецъ (къ в. отъ Орла). послѣ удачнаго боя съ жителями, старавшимися не допустить его къ этому городу; Трубецкой же съ 5 т. войскъ осадилъ Кромы (къ ю. в. отъ Орла).

Болотниковъ воспользовался этою ошибкой: собравъ въ Путивлѣ 12 т. вооруженныхъ мятежниковъ, онъ быстро двинулся къ Кромамъ, на голову разбилъ подѣ этимъ городомъ Трубецкаго и опрокинулъ его къ Орлу. Слѣдствія этого были бѣдственны: войска Борятинскаго и Трубецкаго, видя въ жителяхъ Орла и другихъ украинскихъ городовъ рѣшительную склонность къ бывшему самозванцу, дотога упали духомъ, что новгородскіе, псковскіе, великолудніе-торопецкіе и замосковныя ратники покинули свои стяги и разошлись по домамъ. Воеводы же, ослабленные удаленіемъ ихъ, нашлись вынужденными отступить къ Калугѣ. А Воротынскій, узнавъ о происшедшемъ подѣ Кромами и въ Орлѣ, также смутился, снялъ осаду Ельца и двинулся къ Москвѣ. Но примѣръ ратниковъ Борятинскаго и Трубецкаго такъ подѣйствовалъ на его войска, что и они большею частію разошлись. Словомъ — царское войско какъ будто растаяло и исчезло, и въ обнаженныхъ имъ областяхъ повсемѣстно распространился мятежъ. Многіе города отложились отъ Василія: въ томъ числѣ Рязань возмутили воевода Сумбуловъ и дворянинъ Проконій Ляпуновъ, а Тулу, Вѣневь и Каширу — боярскій сынъ изъ Епифани Истома Пашковъ.

Между тѣмъ Болотниковъ, подвигаясь къ Москвѣ, всюду бунтовалъ простой народъ, возбуждая крестьянъ и холопей противъ ихъ господъ, всѣхъ — противъ купцовъ, торговыхъ и богатыхъ людей, всѣмъ внушая грабежъ и убійство. Прельщенные этимъ, самые отверженные люди отсюду толпами стекались къ нему и знаменовали движеніе свое къ Москвѣ страшными злодѣйствами, не щадя никого и ничего. Вскорѣ 20 городовъ и 1 монастырь (Іосифа волоколамскаго) стали жертвой разбойничьяго ополченія Болотникова, и

только Смоленскъ, Дорогобужъ и Серпейскъ удержались въ долгѣ и повиновеніи: изъ нихъ первый былъ охраняемъ вѣрными Василию: стрѣльцами и начальствовавшимъ въ городѣ бояриномъ княземъ Иваномъ Семеновичемъ Куракинымъ.

Съ другой стороны возмущеніе распространилось и на востокъ— въ арзамасскомъ и алатырскомъ уѣздахъ, гдѣ мордва неистовствовала вмѣстѣ съ господскими холопами (дворовыми людьми) и крестьянами, и приступила даже къ Нижнему Новгороду, жители котораго однако пребыли вѣрными Василию. Но въ Свияжскѣ провозгласили Дмитрія и чернь начала волноваться даже за Волгой въ вятской области. А въ Астрахани начальствовавшій околичничій князь Хворостининъ вошелъ въ единомысленныя сношенія съ Шаховскимъ — и Астрахань также признала Дмитрія.

Василій, пораженный вѣстью о бѣгствѣ воеводъ изъ подъ Кромъ и Ельца, но не зная еще, что полки ихъ уже почти вовсе не существовали, наскоро выслалъ изъ Москвы, на подкрѣпленіе ихъ, новое войско, подъ начальствомъ брата своего, князя Ивана Шуйскаго, съ приказаніемъ вмѣстѣ съ Борятинскимъ и Трубецкимъ отразить мятежниковъ. Два другіе отряда были посланы подъ начальствомъ боярина князя Кольцова-Мосальскаго — въ Серпуховъ и князя Мезецкаго — въ Каширу; но жители послѣдняго города, уже передавшіеся мятежникамъ, не впустили Мезецкаго. Шуйскій же, хотя и разбилъ 23 сентября, при устьѣ р. Угры въ Оку, отрядъ мятежниковъ, но, по присоединеніи къ нему, Шуйскому, уже крайне малочисленнаго войска Борятинскаго и Трубецкаго, не считъ не только возможнымъ осадить измѣнившую Калугу, но даже и безопасно оставаться въ этомъ краѣ и отступилъ къ Москвѣ.

Вскорѣ послѣ того Болотниковъ, усиленный отрядами мятежниковъ Пашкова и рязанскими, переправился за Оку и подступилъ къ Коломнѣ. Этотъ городъ, защищаемый отрядомъ московскихъ стрѣльцовъ, былъ взятъ приступомъ и разграбленъ. Присоединивъ къ себѣ плѣнныхъ стрѣльцовъ, Болотниковъ двинулся къ Москвѣ. Василій поспѣшно собралъ въ ней, сколько могъ, ратныхъ людей и выслалъ ихъ по двумъ направленіямъ: подъ начальствомъ 20-ти лѣтняго племянника своего, князя Михаила Василіевича Скопина-Шуйскаго—по Серпуховской дорогѣ, для поддержанія отступавшаго по ней Кольцова-Масальскаго, главныя же силы подъ начальствомъ князя Мстиславскаго — къ Коломнѣ. Скопинъ-Шуйскій, разбивъ за р. Лопасней и прогнавъ шайки мятежниковъ, переправившіяся въ Серпуховъ за Оку, обратился влѣво на соединеніе съ Мстиславскимъ. По соединеніи ихъ въ Домодѣдовѣ, они двинулись на встрѣчу Болотникову и при селѣ Троицкомъ, въ 70 верстахъ отъ

Москвы, вступили съ нимъ въ бой. Но московскіе ратники обратили тыль, оставивъ въ рукахъ мятежниковъ многихъ дворянъ и стольниковъ. Болотниковъ по слѣдамъ бѣжавшихъ двинулся къ Москвѣ и въ концѣ октября расположился станомъ у села Коломенскаго, стараясь подметными письмами и иными средствами возмутить жителей Москвы.

Василій находился въ опаснѣйшемъ положеніи: при себѣ онъ имѣлъ лишь небольшое число войскъ, да и тѣ были въ крайнемъ уныніи; большая часть государства была во власти мятежниковъ; въ Новгородѣ было моровое повѣтріе, а въ Москвѣ уже начиналъ ощущаться недостатокъ въ продовольствіи, для доставленія котораго оставался уже только одинъ свободный путь изъ Ярославля. Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ, высшее духовенство, какъ всегда издревле, оказало доблестную помощь царю и отечеству, особенно казанскій митрополитъ Ефремъ и тверской архіепископъ Θεоктистъ. Первый изъ нихъ помогъ царскимъ воеводамъ удержать Казань въ повиновеніи и отлучилъ отъ церкви свѣжскихъ мятежниковъ, дабы образумить ихъ. А второй, собравъ и одушевивъ въ Твери приказныхъ людей, своихъ боярскихъ дѣтей и всѣхъ гражданъ, выслалъ ихъ противъ мятежниковъ, подступившихъ къ Твери послѣ возмущенія всего тверскаго уѣзда. Тверитяне храбро сразились съ ними, разбили ихъ и многихъ взяли въ плѣнъ. Эта побѣда, сама по себѣ довольно незначительная, имѣла однако спасительное вліяніе на общій ходъ дѣлъ. По примѣру тверитянъ, прежде всего жители Старицы, Ржева, Зубцова и Погорѣлаго Городища, отъ страха поддавшіеся мятежникамъ, снова обратились къ долгу и повиновенію Василію. Этимъ возстановилось сообщеніе съ Смоленскомъ, гдѣ Курякинъ уже готовилъ помощь Москвѣ. По приказанію его, дворяне, боярскія дѣти и всякіе служивые люди Смоленска, Серпейска, Дорогобужа и Вязьмы составили рать, которая двинулась къ Можайску подъ начальствомъ дворянина Полтева. Для очищенія ей пути, Василій выслалъ на встрѣчу ей изъ Москвы отряды войскъ: князя Мезецкаго—въ Можайскъ, а окольничаго Крюкъ-Колычева—въ Волоколамскъ. Послѣдній выгналъ мятежниковъ изъ Волоколамска и изъ Юсифова монастыря и соединился съ Мезецкимъ и Полтевымъ въ Можайскѣ. Здѣсь у нихъ уже составила довольно сильная рать, которой Василій приказалъ прибыть въ Москву къ 29-му ноября.

Между тѣмъ какъ царская сторона такимъ образомъ усиливалась, мятежническая напротивъ ослабѣвала. Въ Коломенскомъ станѣ съ произошло несогласіе: Сумбуловъ, Ляпуновъ, Пашковъ и бывшіе съ ними дворяне и боярскія дѣти гнушались злодѣйствъ шаекъ

Болотникова и необходимости подчиняться послѣднему, дѣйствія котораго явно клонились къ уничтоженію правъ и преимуществъ помѣщиковъ и къ истребленію всѣхъ высшихъ сословій въ государствѣ. Пашковъ колебался, но Ляпуновъ, честолюбивый, однако умный, рѣшительный, искренно любившій отечество, пользуясь довѣренностью рязанцовъ, убѣдилъ ихъ, что лучше было признать московскаго царя Василія, нежели участвовать съ Болотниковымъ въ разореніи отечества. Вслѣдствіе того, 15 ноября онъ отѣхалъ въ Москву не только съ Сумбуловымъ и всѣми рязанцами, но даже со взятыми въ Коломнѣ стрѣльцами. Василій принялъ ихъ съ радостью и великодушно простилъ и помиловалъ ихъ. А это милосердіе его привлекло къ нему еще другихъ переметчиковъ изъ Коломенскаго стана.

Перемѣнившіяся обстоятельства заставили Болотникова перемѣнить и выжидательный дотолѣ образъ дѣйствій своихъ, особенно для предупрежденія прибытія въ Москву Колычева, Мезецкаго и Полтева. 26 сентября онъ послалъ половину своего войска за Москву рѣку, для нападенія на пригородную Гонную Рогожскую слободу. Этотъ отрядъ близъ Симонова монастыря тщетно пытался склонить его къ сдачѣ: находившіеся въ немъ московскіе ратники и даже монахи, вооружась, отбили мятежниковъ. Между тѣмъ войска, высланныя изъ Москвы для защиты Рогожской слободы, сами двинулись на встрѣчу мятежникамъ и въ одной верстѣ отъ слободы напали на нихъ, опрокинули и прогнали за рѣку, взявъ многихъ въ плѣнъ. Три дня спустя, 29 ноября Колычевъ, Мезецкій и Полтевъ прибыли къ Москвѣ, расположились у Дѣвичьяго монастыря и войска ихъ поступили подѣ начальство князя Пвана Шуйскаго.

Въ то же время и московскіе сидѣльцы (гарнизонъ Москвы) вышли въ поле и расположились станомъ у Данилова монастыря. Василій назначилъ предводителемъ ихъ Скопина-Шуйскаго, уже отличавшагося близъ Лопасни. Прекрасныя качества ума и сердца этого 20-лѣтняго молодаго человѣка заслужили всеобщее одобреніе выбору и назначенію его. Но прежде рѣшительныхъ дѣйствій, Василій, щадя русскую кровь, послалъ еще увѣщать Болотникова къ покорности, обѣщая ему большія милости. Болотниковъ отвѣчалъ, что, поклявшись не щадить живота для успѣха своего дѣла, не нарушитъ своей клятвы. Послѣ того, 2 декабря оба Шуйскіе, Иванъ и Скопинъ, двинулись къ Коломенскому. Болотниковъ вышелъ на встрѣчу имъ, и у деревни Котловъ завязался упорный и жестокой бой. Въ самомъ началѣ его, Пашковъ, со всѣми находившимися у Болотникова дворянами и боярскими дѣтьми, положилъ оружіе. Оставшіеся у Болотникова холопи, крестьяне и казаки за-

щипались отчаянно, но были разбиты на голову и, понеся большой уронъ убитыми и плѣнными, бѣжали съ Болотниковымъ къ Серпухову. Но казаки съ своимъ атаманомъ Беззубцовымъ засѣли въ укрѣпленномъ рѣмн селеніи Заборѣ, однако, по прибытіи къ нему царскихъ воеводъ, сдались имъ безъ боя. Болотниковъ же, не впущенный въ Серпуховъ жителями его, былъ вынужденъ переправиться за Оку и искать убѣжища въ Калугѣ съ 10 т. оставшихся при немъ мятежниковъ, другіе же заняли Тулу.

Обрадованный такимъ сильнымъ поражениемъ мятежниковъ, Василій приказалъ торжествовать побѣду во всемъ государствѣ молебствіями и 3-хъ-дневнымъ колокольнымъ звономъ; Скопина-Шуйскаго и Колычева пожаловалъ въ бояре, Полтева въ думные дворяне, а передавшіеся съ Пашковымъ помѣшниковъ и казаковъ Беззубцова простилъ. Но всѣ взятыя съ боя плѣнники были утоплены.

Къ несчастію Василій, понадѣясь на ударъ, нанесенный Болотникову и вѣроятно не желая изнурять войско зимнимъ походомъ, ограничился только отпращиваніемъ за Оку отрядовъ: думнаго дворянина Измайлова — къ Козельску, князя Никиты Хованскаго — къ Калугѣ, боярина князя Воротынскаго — къ Алексину, князя Хилкова — къ Вѣневу и князя Ивана Хованскаго — къ Михайлову. Шестой отрядъ князя Ивана Шуйскаго долженъ былъ остаться въ Серпуховѣ, въ подкрѣпленіе прочимъ пяти. вмѣстѣ съ тѣмъ, воеводамъ Григорію Пушкину и Сергѣю Ададурову, съ служивыми людьми Суздаля, Владиміра и Мурома, было приказано идти на избавленіе Нижняго Новгорода и усмиреніе мордвы, а боярину Феодору Ивановичу Шереметеву съ низовою ратью стараться покорить Астрахань.

Болотниковъ рѣшился упорно держаться въ Калугѣ, для чего приказалъ оградить ее тыномъ и двойнымъ рвомъ, и принять, кромѣ того, всѣ нужныя мѣры для упорной обороны. Отрядъ князя Никиты Хованскаго былъ слишкомъ слабъ для того, чтобы предпринять что-либо противъ Калуги, и потому Василій приказалъ брату своему Ивану изъ Серпухова соединиться съ Хованскимъ и приступить къ Калугѣ, которую Шуйскій и Хованскій и обложили 30 декабря.

§ 200.

Война въ 1607 г.

Означенные выше первые пять отрядовъ дѣйствовали неудачно. Отряды Измайлова и Хилкова безуспѣшно осаждали Козельскъ и Вѣневъ. Жители Михайлова, получивъ подкрѣпленія отъ украинскихъ мятежныхъ городовъ, отразили Ивана Хованскаго и принудили его отступить къ Переяславлю-Рязанскому. Василій назначилъ на его мѣсто боярина князя Лыкова и Прокопія Ляпунова. Воротынскій, хотя и занялъ безпрепятственно Алексинъ, но, слѣдуя оттуда къ Тулѣ, потерпѣлъ сильное пораженіе: множество бѣглецовъ изъ Коломенскаго стана вышли изъ Тулы, подъ предводительствомъ измѣнившаго боярина князя Телятевскаго, на встрѣчу Воротынскому и разсѣяли отрядъ его, такъ что онъ съ трудомъ могъ воротиться въ Алексинъ. Шереметевъ, подступивъ къ Астрахани, не считалъ себя въ состояніи взять ее, не смотря на усердную помощь ногайскаго князя Иштерека и его орды, и, укрѣпясь на островѣ Балчикѣ, на Волгѣ, оставался на немъ въ наблюдательномъ положеніи. Хворостининъ тревожилъ его частыми нападеніями, отъ которыхъ онъ отбивался, но не безъ урона, увеличеннаго еще смертностью въ его войскѣ отъ сильной цынги.

Только Пушкинъ и Ададуровъ съ успѣхомъ исполнили данное имъ порученіе. Узнавъ о походѣ ихъ къ Арзамасу, мятежники, осаждавшіе Нижній Новгородъ, сняли осаду и разсѣялись. Воеводы заняли безъ сопротивленія Арзамасъ и Алатырь. Свѣжсѣъ, видя вокругъ себя возстановленіе законной власти, добровольно покорился власти Василія. Совершенно водворивъ такимъ образомъ спокойствіе въ мордовской землѣ, Пушкинъ и Ададуровъ, согласно съ полученнымъ ими приказаніемъ, отъ Алатыря обратились къ рязанскимъ мѣстамъ, на помощь находившимся тамъ отрядамъ.

Что касается главнаго, важнѣйшаго дѣла—осады Калуги, то всѣ усилія Шуйскаго овладѣть ею отражались стойкимъ упорствомъ Болотникова. Василій, убѣдясь наконецъ, что мятежъ не укротится, пока глава его — Болотниковъ — не будетъ сокрушенъ, выслалъ къ Калугѣ сколько было еще ратныхъ людей въ Москвѣ и ввѣрилъ начальствованіе надъ осаднымъ войскомъ боярамъ князьямъ: Мстиславскому, Скопину-Шуйскому и Татеву.

Василію тѣмъ нужнѣе было поспѣшить укрощеніемъ, мятежа, что изъ Польши приходили извѣстія о крайне непріязненномъ расположеніи Сигизмунда и всей Рѣчи Посполитой за убіеніе въ Москвѣ

поляковъ, бывшихъ съ самозванцомъ. Однако, не смотря на обоюдныя жалобы и упреки, русскіе послы князь Волконскій и Ивановъ и польскіе вельможи одинаково заявляли желаніе не нарушать существовавшаго мира, а Сигизмундъ обѣщала прислать въ Москву своего посла. Русскіе же послы, воротясь 13 февраля 1607 г. въ Москву, предостерегали Василія, что въ Польшѣ общее желаніе было при первомъ удобномъ случаѣ вступить въ открытую войну съ нимъ.

Между тѣмъ Мстиславскій съ товарищами не только громилъ Калугу пушками и мортирами, но и приказалъ еще подводить къ острогу огромный деревянный приметь (крытый ходъ) съ тѣмъ, чтобы, зажегши его, зажечь и острогъ. Но Болотниковъ, произведя сильную вылазку, самъ сжегъ приметь еще прежде, нежели его успѣли довести до острога. Вскорѣ послѣ того воеводы узнали, что изъ Путивля шло войско мятежниковъ на выручку Болотникова. То были отважнѣйшіе изъ сѣверскихъ удалцовъ, подъ предводительствомъ князя Мосальскаго. Послѣдній двинулся сначала къ Вѣневу и, разбивъ ссаждавшаго оный Хилкова, отступившаго послѣ того въ Каширу, обратился по бѣлевской дорогѣ къ Калугѣ. Мстиславскій выслалъ на встрѣчу ему сильный отрядъ подъ начальствомъ боярина Ивана Никитича Романова. Обѣ стороны сошлись на рѣчкѣ Выргѣ и произошелъ здѣсь упорный и жаркій бой, продолжавшійся цѣлыя сутки, кончился пораженіемъ мятежниковъ, причемъ самъ Мосальскій былъ убитъ. Послѣ того Романовъ воротился подъ Калугу, гдѣ Болотниковъ продолжалъ защищаться съ отчаяннымъ упрорствомъ, а царскія войска дѣйствовали безуспѣшно, не смотря на нѣкоторыя частныя удачи отрядовъ въ полѣ. Такъ Хилковъ, выступившій изъ Каширы и соединившійся съ Пушкинымъ и Ададуровымъ, вынудилъ мятежниковъ, засѣвшихъ въ Серебряныхъ Прудахъ въ острогъ, послѣ цѣлодневнаго упорнаго боя съ ними, ночью сдать острогъ. На слѣдующій день показался отрядъ мятежниковъ, шедшій изъ украины на выручку мятежниковъ, подъ начальствомъ влыва Мосальскаго (другаго) и литвина Сторовскаго. Встрѣченный царскимъ войскомъ въ 6 верстахъ отъ Серебряныхъ Прудовъ, онъ потерпѣлъ сильное пораженіе и потерялъ многихъ убитыми и плѣнными; въ числѣ послѣднихъ находились и сами Мосальскій и Сторовскій. За то нѣсколько времени спустя, Хилковъ, Пушкинъ и Ададуровъ, произведшіе поискъ на Дѣдилово, были не только отражены, но и совершенно рабты засѣвшими тамъ мятежниками. Ададуровъ былъ убитъ, множество царскихъ ратниковъ утонуло въ р. Шать, а всѣ остальные бѣжали къ Каширѣ.

Между тѣмъ Болотниковъ все еще продолжалъ отчаянно обо-

роняться въ Калугѣ, однако не безъ безпокойства видѣлъ истощеніе продовольствія въ ней, такъ что осажденные были принуждены питаться кониной. Поэтому Болотниковъ убѣдительно просилъ помощи у Шаховскаго. Но послѣдній самъ находился въ затруднительномъ положеніи, потому что даже самые упорные въ мятежъ сѣверяне, такъ долго и напрасно ожидая прибытія къ нимъ мнимаго Дмитрія, начинали охлаждаться въ усердіи къ нему и отъ нихъ нельзя было ожидать ничего, пока онъ не явился бы между ними. Поэтому Шаховской, видя, что необходимо было скорѣе добыть и представить имъ мнимаго Дмитрія, призвалъ къ себѣ въ Путивль находившагося у терскихъ казаковъ бродягу Илейку, выдававшего себя еще при 1-мъ самозванцѣ за царевича Петра, будто бы сына Θεодора Іоанновича. Этотъ Лже-Петръ, съ открытіемъ весны, отправился съ терскими казаками на судахъ изъ Дона вверхъ по Донцу до Борисъ-города, откуда черезъ Осколь прибылъ въ Путивль съ 10 т. своего войска, оставивъ вездѣ на пути кровавыя слѣды своего похода, потому что былъ звѣрски кровожаденъ и гнусно развратенъ. Шаховской усилилъ его войско новымъ наборомъ сѣверянъ и призваннымъ имъ отрядомъ запорожцевъ, и вмѣстѣ съ Лже-Петромъ двинулся къ Тулѣ, выславъ впередъ два отряда. Одному, подъ начальствомъ князя Долгорукова, было поручено принудить Измайлова къ снятію осады Козельска, а другому — слѣшить къ Тулѣ, на усиленіе Телятевскаго, которому приказано немедленно по прибытіи его идти къ Калугѣ на выручку Болотникова. Телятевскій двинулся къ ней 1-го мая, но, чтобы не быть отрѣзаннымъ отъ сѣверской области, не прямо, а сначала къ Бѣлеву, дабы упрочить себѣ путь отступленія на Путивль.

Мстиславскій, узнавъ о его движеніи къ Калугѣ, выслалъ на встрѣчу ему князей Татевъ и Черкаскаго съ 17 т. чел. войскъ. Они встрѣтили Телятевскаго на р. Пчелнѣ и въ бою съ нимъ были разбиты: Татевъ, Черкаскій и многіе ратники были убиты, а остальные бѣжали подъ Калугу и распространили въ царскомъ станѣ ужасъ и смятеніе. Болотниковъ на другой же день произвелъ сильную вылазку — и царское войско обратилось въ постыдное бѣгство къ Боровску, бросивъ орудія, снаряды и припасы, а многіе даже передались Болотникову (по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ — до 15 т. чел., въ томъ числѣ около 100 нѣмцовъ съ начальникомъ своимъ Гансбергомъ). Къ счастью, всегда доблестный Скопинъ-Шуйскій и Пашковъ пребыли вѣрными долгу и чести, своимъ мужествомъ одушевили нѣсколькихъ ратниковъ, удерживали съ ними Болотникова, чтобы обезопасить бѣжавшихъ, и затѣмъ сами въ поряд-

къ отступили къ Серпухову, привезя съ собою нѣсколько спасенныхъ ими пушекъ.

Подъ Козельскомъ Измайловъ удачно отразилъ нападеніе Долгорукова и только тогда снялъ осаду Козельска, когда узналъ о бѣгствѣ войска изъ подъ Калуги. Онъ отступилъ въ Мещовскъ, увезя съ собою весь осадный снарядъ.

Пока Мстиславскій собиралъ въ Боровскѣ бѣжавшія войска свои, Болотниковъ вышелъ изъ Калуги и въ Тулѣ соединился съ Лже-Петромъ, чтобы дѣйствовать совокупными силами.

Москва была въ ужасѣ и смятеніи, но Василій ободрилъ всѣхъ своею рѣшимостью побѣдить или умереть, даже самому выступить въ походъ противъ злодѣевъ русской земли. Но онъ требовалъ и отъ всѣхъ дружнаго содѣйствія ему, разослалъ указы, чтобы всѣ служивые и даточные люди собирались подъ его знамена, а монастыри снабжали бы продовольствіемъ Москву и войско. Патріархъ и высшее духовенство не только согласилось на всѣ пожертвованія, но и провозгласило во всѣхъ церквахъ отлученіе Болотникова, самозванцовъ и всѣхъ сообщниковъ ихъ. Увлеченіе было внезапное и всеобщее, и ополченіе образовалось такъ успѣшно и скоро, что уже 21 мая Василій могъ выступить въ походъ. Москву онъ поручилъ брату своему Димитрію и боярамъ князьямъ Одоевскому и Трубецкому, всѣхъ же прочихъ бояръ и воеводъ взялъ съ собою. Изъ Москвы онъ послалъ боярина князя Андрея Василіевича Голицына съ частью силъ къ Каширѣ, на соединеніе съ шедшимъ къ ней изъ Рязани бояриномъ княземъ Лыковымъ, самъ же съ главными силами двинулся къ Серпухову, куда приказалъ прибыть и Мстиславскому изъ Боровска. Едва выступивъ изъ Москвы, онъ былъ обрадованъ вѣстью, что Хворостининъ и мятежные астраханцы, раскаявшись, 19 мая покорились ему, и спѣшилъ ободрить тѣмъ и Москву, и войско. Впрочемъ астраханцы не впустили въ Астрахань Шереметева, который продолжалъ оставаться на островѣ Бальчигѣ на Волгѣ.

Лже-Петръ, Шаховской и Болотниковъ, сосредоточивъ всѣ войска свои въ Тулѣ, выслали Телятевскаго съ 30 т. путивлянъ, ельчанъ и казаковъ донскихъ, терскихъ, волжскихъ и яицкихъ къ Серпухову, вѣроятно для удержанія переправы черезъ Оку. Но Телятевскій, узнавъ на пути о прибытіи Василя въ Серпуховъ, обратился къ Каширѣ. Василій, пославъ Голицыну и Лыкову нѣсколько сотенъ въ подкрѣпленіе, приказалъ имъ идти противъ Телятевскаго. Они встрѣтили его на берегахъ рѣчки Восми, въ 17 верстахъ отъ Каширы, и 5-го іюня на разсвѣтѣ вступили въ упорный бой съ нимъ, продолжавшійся 4 часа сряду съ перемежнымъ успѣ-

хомъ. Мятежники начали было уже одолѣвать, а царскія войска отступать, но Голицынъ и Лыковъ такъ устыдили и одушевили ихъ, что, сами первые бросаясь въ сѣчу, увлекли и ихъ за собою—и мятежники, бросивъ орудія, знамена и коней, бѣжали къ Тулѣ, были преслѣдованы 40 верстъ и, сверхъ убитыхъ и разсѣянныхъ, потеряли до 5 т. плѣнныхъ, такъ что Телятевскій воротился въ Тулу лишь съ весьма немногими ратниками. Но около 1,700 удалѣйшихъ казаковъ изъ его войска, перейдя въ концѣ боя черезъ рѣчку Восму, засѣли въ буеракахъ, оградившись повозками, не хотѣли сдаваться и защищались отчаянно цѣлыхъ два дня. Когда же наконецъ у нихъ не стало пороха, царскія войска, снѣшившись, спустились въ буераки, пошли на приступъ и вырѣзали всѣхъ казаковъ, кромѣ семи, спасшихъ жизнь нѣкоторымъ помѣщикамъ во время разбоевъ съ Лже-Петромъ на Волгѣ.

Василій, обрадованный такою важною побѣдой, снѣшилъ воспользоваться ею и дѣйствовать рѣшительно. Самъ оставаясь еще въ Серпуховѣ, онъ выслалъ за Оку 3-хъ-полковое войско подъ главнымъ начальствомъ Скопина-Шуйскаго. Послѣдній, въ 40 верстахъ отъ Тулы соединясь съ полкомъ Голицына и Лыкова, продолжалъ идти къ Тулѣ. Находившіеся въ ней мятежники, въ намѣреніи препятствовать обложенію ея, расположили сильный отрядъ въ $\frac{1}{2}$ верстѣ впереди ея, на топкой рѣчкѣ Воронежѣ, между болотомъ и лѣсомъ. Но это не остановило Скопина и его войскъ, которые 12 іюня силою перешли черезъ Воронежю, опрокинули мятежниковъ въ Тулу и остановились подъ нею, въ ожиданіи прибытія самаго Василія. Послѣдній, нѣсколько дней спустя выступивъ изъ Серпухова съ главными силами, 28 іюня прибылъ къ Алексанну, который сдался на другой день, а 30 іюня—къ Тулѣ и приказалъ начать осаду. Голицынъ съ каширскимъ полкомъ сталъ на каширской дорогѣ, на Черленой горѣ, лѣвымъ крыломъ своимъ примыкая къ отряду князя Урусова, состоявшему изъ чувашъ, черемисъ и татаръ казанскихъ, романовскихъ, арзамасскихъ и расположенному на рѣчкѣ Тулкѣ; на лѣвой сторонѣ р. Упы находился станъ главнаго войска, позади котораго Василій приказалъ разбить свои шатры, въ 2-хъ верстахъ отъ Тулы. Большая часть осадныхъ орудій была поставлена за турами на крапивинской дорогѣ, но нѣкоторыя изъ нихъ и со стороны каширской дороги, близъ р. Упы.

Успѣхи первыхъ дѣйствій Василія имѣли вліяніе на нѣкоторые окрестные города, которые и покорились ему (Сапожокъ, Рязкъ, Михайловъ и Брянскъ). Не считая возможнымъ осаждать въ одно время и Тулу, и Калугу, онъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ отрѣзать сообщенія послѣдней съ мятежнымъ краемъ. Съ этою цѣлью онъ по-

*

сласть на лѣвую сторону Оки два отряда подъ начальствомъ князей Сентова и Василю Мосальскаго. Изъ нихъ первый очистилъ отъ мятежниковъ Лыхвинъ, Бѣлевъ и Болховъ, а послѣдній осадилъ Козельскъ.

Но осада Тулы шла медленно, хотя осаждавшихъ было до 100 т. чел., а въ Тулѣ только до 20 т., но все отчаянныхъ злодѣевъ, подъ начальствомъ Лже-Петра, Шаховскаго, Телятевскаго, нѣкоего Кохановскаго и главное—Болотникова, готовившагося явить и въ Тулѣ такое же отчаянное сопротивленіе, какое оказалъ въ Калугѣ. Одушевляемые имъ, мятежники производили ежедневно по 3 и 4 вылазки, дрались отчаянно и всегда отбивали многократные приступы царскихъ войскъ. Не смотря на то, Шаховской и Болотниковъ предвидѣли, что рано или поздно Василій возьметъ Тулу, если они не получаютъ помощи отъ сѣверянъ, и потому поручили бывшему при нихъ запорожскому атаману Заруцкому ѣхать въ Польшу и развѣдать, прибудетъ или нѣтъ въ московскіе предѣлы кто-нибудь подъ именемъ царевича Димитрія. Но Заруцкій далѣ Стародуба не поѣхалъ и даже не писалъ въ Тулу. Тогда Шаховской послалъ въ Польшу одного казака, который увѣдомилъ друзей Юрія Мнишка, что если они не поспѣшатъ выслать какого-нибудь Димитрія, то дѣло Мнишки и Марины будетъ проиграно, а Василій восторжествуетъ. Друзья Мнишка усердно принялись за дѣло, но долго и напрасно искали человѣка, достаточно способнаго и главное — отважнаго быть Лже-Димитріемъ. Наконецъ полякъ Мѣховецкій, любимецъ 1-го самозванца, рѣшился назвать Димитріемъ подговореннаго имъ молодаго человѣка, который, хотя чертами лица вовсе не походилъ на 1-го самозванца, но не уступалъ ему въ дерзкой отважности. Онъ былъ русскій уроженецъ, по имени Иванъ, но жилъ въ бѣлорусскомъ городѣ Соколѣ учителемъ при дѣтяхъ одного священника *). Онъ говорилъ хорошо по русски и по польски, твердо зналъ церковный кругъ, даже разумѣлъ по еврейски, но, кромѣ храбрости въ бояхъ и отважности въ исполненіи своихъ намѣреній и предпріятій, отличался лишь гнуснѣйшими пороками—жестокостью, корыстолюбіемъ, крайнимъ распутствомъ и грубостью. Мѣховецкій, передавъ ему всѣ подробности о 1-мъ самозванцѣ и

*) Такъ объясняли его происхожденіе Беръ и Петрей. Въ Россіи и Польшѣ ходили слухи, что онъ былъ жидъ, основанные на томъ, что въ походное время видали его читающимъ въ своей ставкѣ талмудъ и книги раввиновъ. Въ грамотѣ царя Михаила Феодоровича къ принцу Морицу оранскому, онъ названъ также жидомъ. Авраамій Палицынъ считалъ его попомскимъ сыномъ Матвеемъ Веревкинѣмъ, но смѣшивалъ его съ стародубцомъ Веревкинѣмъ, возбудившимъ своихъ согражданъ въ его пользу. Никоновская же лѣтопись считаетъ происхожденіе его неизвѣстнымъ.

настроивъ его, какъ было нужно, отправилъ въ Стародубъ. Жители этого города, увлеченные совѣтами и примѣромъ одного изъ своихъ согражданъ, Гавріила Веревкина, тотчасъ, безъ малѣйшихъ доказательствъ и сомнѣнія, признали самозванца за истиннаго царевича Дмитрія. Заруцкій, хотя съ перваго взгляда увидѣлъ, что онъ былъ обманщикъ, и хотя никогда не видалъ 1-го самозванца, однако не усомнился признать его за этого послѣдняго. Мѣховецкій же, выждавшій близъ Стародуба, какъ будетъ принятъ въ немъ самозванецъ, какъ только узналъ, что онъ признанъ съ восторгомъ, въ тотъ же день вступилъ въ Стародубъ съ 5 т. поляковъ, изъ числа которыхъ только немногіе впрочемъ были порядочно вооружены. Хотя къ нимъ вскорѣ и присоединилось нѣсколько тысячъ сѣверянъ, однако съ этимъ плохимъ ополченіемъ все таки нельзя было надѣяться на одолѣніе большихъ силъ Василя подъ Тулой. Не смотря на то, самозванецъ рѣшился немедленно выступить въ поле, дабы отъ бездѣйствія не простылъ первый пылъ усердія сѣверянъ, рассчитывая кромѣ того и на возбужденіе измѣны въ царскомъ войскѣ. Въ этомъ предположеніи онъ дошелъ до такой дерзости, что послалъ къ Василю требованіе—чтобы онъ уступилъ ему престолъ безъ кровопролитія! Василій презрѣлъ эту дерзость, однако видѣлъ, какія новыя и большія опасности грозили ему, тѣмъ болѣе, что Черниговъ, Новгородъ-Сѣверскій и Путивль уже признали самозванца, а ихъ примѣру готовъ былъ послѣдовать и Брянскъ. Въ такого рода обстоятельствахъ, безъ сомнѣнія слѣдовало бы немедленно выслать противъ самозванца сильное войско, дабы уничтожить его еще прежде, нежели онъ успѣлъ бы усилиться. Но Василій не смѣлъ ослабить себя подъ Тулой, изъ опасенія выпустить изъ рукъ находившихся въ ней главныхъ мятежниковъ и злѣйшихъ враговъ своихъ. Въ такомъ случаѣ ему слѣдовало бы употребить самыя рѣшительныя средства для скорѣйшаго овладѣнія Тулой (сильное обстрѣливаніе ея и затѣмъ общій приступъ), и, взявъ ее, со всѣми силами обрушиться на самозванца. Но онъ рѣшился продолжать осаду Тулы, а противъ самозванца дѣйствовать только отрядами. Такъ какъ послѣдній шелъ отъ Стародуба къ Брянску, то Василій приказалъ Мещовскому воеводѣ Сумбулову послѣдно послать расгоропныхъ ратниковъ къ Брянску для развѣданія и для наказанія жителей этого города за ихъ шаткость, и въ то же время выслалъ изъ-подъ Тулы отряды заслонить войско, осаждавшее ее со стороны украинны.

Выбранные Сумбуловымъ 250 лучшихъ конныхъ ратниковъ, подъ начальствомъ головы Безобразова, быстро двинулись къ Брянску и вступили въ него безпрепятственно, потому что бѣольшая часть жителей его вышла встрѣчать самозванца, бывшаго уже не-

далеко. Безобразовъ сжегъ городъ и поспѣшно пошелъ обратно въ Мещовскъ. Самозванецъ послалъ за нимъ въ погоню, но не могъ настичь его.

Отряды же, высланные изъ подъ Тулы, овладѣли городами Дѣдловоымъ, Епифанью, Крапивной и Одоевымъ, и тѣмъ прикрыли осаду Тулы съ юга.

Самозванецъ, расположась станомъ подъ Брянскомъ, приказалъ исправлять этотъ выжженный городъ, а 20 сентября послалъ пѣхоту съ обозомъ въ Карачевъ, куда самъ вскорѣ прибылъ съ конницей и отсюда двинулся на выручку осажденнаго Козельска. Осаждавшій его князь Мосальскій хотѣлъ удержаться подъ нимъ съ своими 8 т. войскъ, но былъ разбитъ самозванцомъ и принужденъ отступить съ урономъ къ Мещовску.

Между тѣмъ осада Тулы продолжалась уже 3-й мѣсяць и все безуспѣшно: 100 т. царскихъ войскъ никакъ не могли одолѣть 20 т. мятежниковъ, оборонявшихъ Тулу. Это доказываетъ какъ отчаянное упорство и необыкновенная дѣятельность и отважность осажденныхъ, такъ еще болѣе—очень мало искусства со стороны осаждавшихъ, тогда какъ еще за 55 лѣтъ такая твердыня, какъ Казань, была взята всего въ одинъ мѣсяць. Скорѣйшее взятіе Тулы было, какъ сказано, крайне необходимо для немедленнаго обращенія осаждавшаго войска противъ самозванца и для рѣшительнаго пораженія его. Продолжительная же осада Тулы была во всѣхъ отношеніяхъ крайне вредна для Василія и очень выгодна для осажденныхъ, для всѣхъ мятежниковъ и для самозванца. Осаждавшее войско скучало, приходило въ уныніе, упадало духомъ, предводитель татаръ князь Урусовъ, измѣня присягѣ, уѣхалъ съ своими мурзами въ Крымъ, а Василій и его воеводы недоумѣвали, какія средства употребить для скорѣйшаго овладѣнія Тулой. Осажденные же, хотя и нуждались въ продовольствіи, но не унывали, бодрствовали и продолжали отчаянно защищаться, не только въ городѣ, но и производя безпрестанныя вылазки.

Но въ то самое время, когда Василій и его воеводы уже сомнѣвались въ возможности взять Тулу, простой боярскій сынъ изъ Муромъ Ома Суминъ-Кровковъ предложилъ затопить Тулу, если ему дадутъ рабочихъ. Василій и воеводы осмѣяли его предложеніе, но, видя твердую увѣренность его въ успѣхъ, наконецъ согласились. По указанію его, начали запруживать р. Упу, въ 3-хъ верстахъ ниже Тулы, плотиною изъ деревьевъ и соломы, надъ которой устроили земляную насыпь. Вода въ рѣкѣ начала сильно прибывать и тогда увеличили число рабочихъ и усилили работы. Кончилось тѣмъ, что рѣка выступила изъ береговъ и не только охватила весь городъ, но

и затопила его внутри, такъ что по улицамъ плавали на плотяхъ. Всѣ сообщенія съ окрестностями были отрѣзаны водою (тогда какъ 100 т. войскъ 3 мѣсяца не могли пресѣчь ихъ тѣснымъ обложениемъ!), для осажденныхъ стало невозможнымъ получать подвозы продовольствія извнѣ, а склады его въ городѣ были затоплены — и осажденные были доведены до такой крайности, что ѣли лошадей, собакъ, кошекъ, мышей и даже падалъ и воловьи кожи. Тогда то, что въ 3 мѣсяца не могли сдѣлать 100 т. войскъ, въ нѣсколько дней совершила вода, вслѣдствіе выдумки Кровкова: осажденные, одолѣнные голодомъ, стали ежедневно толпами въ 100, 200, даже 300 чел. выбѣгать изъ Тулы въ царскій станъ. Даже самъ Болотниковъ, по совѣту съ Телятевскимъ и Шаховскимъ, рѣшился вступить въ переговоры о сдачѣ, съ тѣмъ, чтобы выдать Лже-Петра, но получить помилованіе для себя и прочихъ осажденныхъ. Василій, видя несвоевременность непреклонности, по причинѣ приближенія самозванца, согласился и 10 октября бояринъ Крюкъ-Колычевъ занялъ Тулу отрядомъ царскихъ войскъ, а Болотниковъ пріѣхалъ въ царскій станъ и, упавъ къ ногамъ Василя, просилъ помилованія и обѣщалъ вѣрно служить ему. Но Василю, находившемуся въ большой зависимости отъ бояръ и помѣщиковъ, трудно было помиловать того, который былъ явнымъ и злымъ врагомъ ихъ. Болотникова съ Лже-Петромъ, прочими главными начальниками мятежниковъ и съ 52 нѣмцами, взятыми въ Тулѣ, отправили въ Москву. Здѣсь Лже-Петра повѣсили подъ Даниловымъ монастыремъ на серпуховской дорогѣ, Болотникова сослали въ Каргополь и тамъ утопили, той же участи подвергли и казачьяго атамана Нагибу, а нѣмцовъ сослали въ Сибирь. Но родословныхъ и чиновныхъ преступниковъ, по предстательству бояръ, пощадилъ, такъ что измѣнникъ Телятевскій даже сохранилъ не только свободу, но и боярство! А другаго измѣнника Шаховскаго только сослали въ Каменную Пустынь на Кубенскомъ озерѣ!

Вѣсть о взятіи Тулы заставила самозванца постыдно отступить къ Трубчевску. Василю слѣдовало бы немедленно со всемъ войскомъ идти противъ него и истребить его. Но Василій имѣлъ такую ограниченную боярами и помѣщиками власть, что не могъ отказать послѣднимъ въ требованіи отдыха послѣ 15-ти недѣльной осады Тулы. И хотя, возвращаясь самъ въ Москву, онъ и приказалъ Скопину и Ивану Никитичу Романову съ главнымъ войскомъ идти отъ Тулы на р. Пчельну, для удержанія самозванца, но когда пришла вѣсть объ отступленіи его изъ Козельска, все войско было распущено до начала зимы, и только подъ Калугой былъ оставленъ наблюдательный отрядъ, да Сумбулову приказано сдѣлать изъ Ме-

щовска понскъ въ Брянску, который онъ и занялъ. Для удержанія этого города, Васплій послалъ въ него воеводами князя Кашина и Ржевскаго, которые и оградилъ городъ валомъ и тыномъ.

Дабы какъ можно болѣе возвысить взятіе Тулы и ободрить тѣмъ Москву и государство, Василій 31 октября имѣлъ торжественный въѣздъ въ Москву, на колесницѣ, обитой краснымъ сукномъ и запряженной 4-мя бѣлыми конями, въ сопровожденіи до 2 т. бояръ и чиновъ двора верхомъ на лошадахъ (совершенно по подобію большихъ триумфовъ римскихъ императоровъ). Въ Москвѣ Василія уже ожидали послы Сигизмунда, съ которыми и начались официальные переговоры, но вмѣстѣ съ тѣмъ—и большія несогласія.

Бездѣйствіе царскаго войска послѣ взятія Тулы вскорѣ обнаружило вредное вліяніе свое. Мятежники ободрились, мятежь распространился и не только дальніе сѣверскіе города не покорялись, но и Калуга не сдавалась. Василій предложилъ казакамъ, взятымъ въ плѣнъ въ 1606 году въ Заборѣ, послѣ пораженія Болотникова подъ Москвою, идти заслуживать свою вину подъ Калугой. Казаки повѣлились служить вѣрно и въ числѣ 4 т. чел. отправились подъ Калугу. Но Василій поступилъ неосторожно, повѣривъ раскаянію казаковъ. Атаманъ ихъ Беззубцовъ, по порученію Василія, обѣщалъ осажденнымъ помилованіе, если они сдадутся, но они отвѣчали, что и не думаютъ о сдачѣ, а знаютъ одного царя Дмитрія, который не замедлитъ выручить ихъ, и въ доказательство своей рѣшимости произвели сильную вылазку. Тогда казаки, ждавшіе только случая обратиться къ прежнему ремеслу своему, стали явно и нагло обнаруживать свои измѣнническія намѣренія. А царскіе воеводы, утраченные этимъ, не нашли ничего лучшаго, какъ поспѣшно отступать къ Москвѣ, оставивъ въ своемъ станѣ казаковъ и много пороха и продовольственныхъ запасовъ. На другой день казаки просили, чтобы ихъ впустили въ Калугу, но начальствовавшій въ ней полякъ Скотницкій, не довѣряя имъ и принимая это за военную хитрость, не впустилъ ихъ. Тогда они рѣшились идти къ самозванцу и переправились за Оку ниже Калуги. Жители же ея, захвативъ оставленные въ царскомъ станѣ порохи и запасы, послали просить казаковъ воротиться. Но казаки, обяженные первымъ отъездомъ, продолжали свой путь, кромѣ 100 изъ нихъ, которые воротились.

Между тѣмъ самозванецъ получилъ изъ Польши подкрѣпленіе, хотя и незначительное числомъ— всего только 200 чел., но важное тѣмъ, что ими начальствовалъ необыкновенно способный полковникъ Лисовскій, лихой наѣздникъ, отважный, предприимчивый и искусный въ военномъ дѣлѣ. По его совѣту, самозванецъ, въ виду распущенія

царскаго войска, рѣшился перейти въ наступленіе и, выступивъ изъ Трубчевска, осадилъ Брянскъ. Но находившіеся въ немъ Кашинъ и Ржевскій твердо положили отчаянно защищаться, хотя имѣли мало запасовъ.

Въ это самое время зараза самозванства развилась и на противуположномъ краю государства—въ низовыхъ приволжскихъ степяхъ, гдѣ почти въ одно время явилось 10 самозванцовъ, выдававшихъ себя за выдуманныхъ ими, безъ малѣйшаго правдоподобія, никогда несуществовавшихъ царевичей—сыновей Іоанна IV или его сыновей Іоанна и Θεодора. И всѣмъ имъ вѣрили и признавали ихъ, такова была другая зараза легковѣрія наглому самозванству! Всѣ эти самозванцы принадлежали къ грубой черни, большею частью изъ дворовыхъ людей и крестьянъ. Къ одному изъ нихъ, назвавшему себя царевичемъ Августомъ *) Ивановъ Ивановичемъ, сыномъ Іоанна IV отъ 4-го брака его съ Анною Колтовскою (которая никогда не имѣла дѣтей и была еще жива), такъ пристрастились мятежные астраханцы, что набрали для него ополченіе, съ которымъ онъ и поплылъ вверхъ по Волгѣ. Шереметевъ, все еще стоявшій на островѣ Бальчижѣ, не препятствовалъ плаванію самозванца, вѣроятно потому, что въ отрядѣ его все еще свирѣствовала цинга. Самозванецъ сильно напалъ на Саратовъ, но воеводы въ немъ Сабуровъ и Аничковъ отбили обманщика съ большимъ урономъ и онъ безъ успѣха воротился въ Астрахань. Всѣ эти приволжскіе самозванцы и ихъ приверженцы были не иное что, какъ разбойники и грабители, не имѣли даже временнаго успѣха и вскорѣ исчезли. Но когда казаки узнали, что въ сѣверской землѣ воюетъ мнимый Димитрій съ значительными силами, то нѣсколько тысячъ ихъ отправилось къ нему подъ Брянскъ.

Въ помощь осажденнымъ въ этомъ городѣ воеводамъ Васплій послалъ войско подъ начальствомъ князя Куракина, а князю Литвину-Мосальскому изъ Мещовска велѣлъ идти туда же и составлять передовой полкъ Куракина. Мосальскій приблизился къ Брянску 15 декабря, когда осажденные уже были доведены голодомъ до послѣдней крайности и, кромѣ того, были принуждены ежедневно съ бою добывать себѣ воду и дрова. Съ радостью увидали они полкъ Мосальскаго; но послѣдняго еще отдѣляла отъ замка р. Десна, по которой шелъ ледъ. Осажденные жалобными воплями призывали войска Мосальскаго на помощь—и послѣднія явили такое геройское самоотверженіе, которое составляетъ рѣдкое и отрядное исключеніе среди частыхъ примѣровъ постыднаго малодушія въ эти

*) Вѣроятно по примѣру римскихъ Августовъ и Цезарей.

мрачныя времена. Они бросились въ рѣку и поплыли черезъ нее, разгребая осливавшій ихъ ледъ, подъ выстрѣлами поляковъ и мятежниковъ съ другаго берега. Для облегченія ихъ, осажденные сдѣлали вылазку въ тылъ непріятелю и тѣмъ вынудили его нѣсколько отступить отъ рѣки, а плившимъ дали возможность безпрепятственно выйти на берегъ, причемъ они совершили этотъ геройскій подвигъ такъ удачно, что ни одинъ человѣкъ и ни одна лошадь не погибли. Соединясь съ осажденными, Мосальскій смѣло ударилъ съ ними на непріятелей, значительно превосходившихъ его числомъ, выбилъ пѣхоту ихъ изъ окоповъ и рѣшительно отразилъ самозванца отъ города. Когда эта горсть храбрецовъ уже славно оканчивала бой, къ правому берегу Десны подоспѣлъ и Куракинъ, который тотчасъ же устроилъ напротивъ Брянска укрѣпленный станъ. А въ ночь наступилъ сильный морозъ, Десна стала, сообщеніе черезъ нее установилось по льду и Куракинъ снабдилъ осажденныхъ въ изобиліи продовольствіемъ и всемъ нужнымъ для выдержанія осады.

Самозванецъ, чтобы вознаградить себя за потерпѣнную неудачу, самъ перешелъ черезъ Десну и напалъ на Куракина. Бой былъ упорный, но нерѣшительный ни для той, ни для другой стороны. Куракинъ, уже снабдивъ осажденныхъ всемъ нужнымъ для выдержанія осады, счелъ бесполезнымъ вступать на другой день въ новый бой и вмѣстѣ съ Мосальскимъ отступилъ въ Карачевъ. Самозванецъ послѣдовалъ-было за ними, но видя, что они укрѣпились, не рѣшился вытѣснить ихъ открытою силой, прошелъ мимо и расположился въ Орлѣ.

Напрасно Куракинъ и Мосальскій отступили отъ Брянска. Послѣ успѣха, одержаннаго горстью осажденныхъ и Мосальскимъ, Куракину слѣдовало бы соединиться съ ними и довершить пораженіе самозванца, совершенно отбросивъ его отъ Брянска. Отступленіемъ же своимъ онъ привелъ положеніе Брянска и паходившихся въ немъ войскъ въ прежнее положеніе, исключая только того, что снабдилъ ихъ запасами. Такъ большею частью неискусно соображали свои дѣйствія царскіе воеводы.

ГЛАВА XXVI.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШІЯ ВОЙНЫ И ПОХОДЫ.

(Продолженіе).

V. РУССКІЯ ВОЙНЫ СМУТНАГО ВРЕМЕНИ (ОКОНЧАНІЕ).—§ 201. Война въ 1608 г. — Осада Троицкой Сергіевой лавры (начало). — § 202. Война въ 1609 г. — Осады: Троицкой Сергіевой лавры (продолженіе) и Смоленска (начало). — § 203. Война въ 1610 г. — Осады: Троицкой Сергіевой лавры (окончаніе) и Смоленска (продолженіе). — Клушинская битва 24 июня. — § 204. Война во время междоусобствъ. — Война въ 1610 г. — § 205. Война въ 1611 г. — Разрушеніе Москвы (19 марта). — Взятіе Смоленска Сигизмундомъ. — § 206. Война въ 1612 г. — Ополченіе и походъ князя Пожарскаго и Минина къ Москвѣ. — Изгнаніе поляковъ изъ Москвы и Россіи.
§ 207. Заключеніе.

V.

Русскія войны смутнаго времени (1604—1612).

(Окончаніе).

§ 201.

Война въ 1608 году. — Осада Троицкой Сергіевой лавры (начало).

Желая остановить наступленіе самозванца, Василій послалъ 8 января 1608 г. брата своего, Димитрія, собрать 3-хъ-полковое войско въ Алексинѣ. Въ большомъ полку этого войска при Димитріѣ Шуйскомъ находились товарищами князя Лыковъ и Волконскій, въ передовомъ полку — бояре князь Василій Василіевичъ Голлицынъ и Михаилъ Нагой, а сторожевой полкъ составляли войска князей Куракина и Мосальскаго, бывшія подъ Брянскомъ и приведенныя изъ Карачева.

Объ стороны зимовали довольно спокойно, самозванецъ въ Орлѣ, а царскіе воеводы въ Болховѣ. Выпавшій глубокой снѣгъ и жестокіе морозы препятствовали важнымъ военнымъ дѣйствіямъ; происходили же только мелкія стычки между фуражирами.

Между тѣмъ самозванецъ все болѣе и болѣе усиливался присоединявшимися къ нему изъ Польши не только незнатными, но даже знатнѣйшими людьми (какъ-то: княземъ Романомъ Наримундовичемъ Рожинскимъ, знатнѣйшимъ и важнѣйшимъ изъ всѣхъ, двумя Тышкевичами, Витовскимъ, Велегловскимъ, Зборовскимъ, Стадницкимъ и мн. др.), приводившими съ собою и конницу, и пѣхоту, которыхъ собралось до 7 т. чел. отборнаго войска. Кромѣ того, при самозванцѣ было до 8 т. донскихъ и запорожскихъ казаковъ подъ начальствомъ Заруцкаго и немало русскихъ мятежниковъ.

Въ началѣ весны объ стороны начали готовиться къ открытію похода: самозванецъ рассылалъ всюду грамоты и возванія, а первый поискъ былъ произведенъ царскими воеводами, начальствовавшими въ Переяславлѣ-Рязанскомъ, княземъ Хованскимъ и Прокопіемъ Ляпуновымъ, которые подступили къ Пронску, измѣнившему Василию. Жители его защищались храбро, но не могли отстоять острога, въ которомъ всѣ дома были сожжены и самый городъ едва держался. Къ несчастію, Ляпуновъ былъ раненъ въ ногу, рязанцы, довѣрившіе только ему одному, упали духомъ и, не докончивъ взятія Пронска, воротились въ Переяславль.

Между тѣмъ и Дмитрій Шуйскій выступилъ изъ Болхова, съ цѣлю выгнать самозванца изъ Орла. Но въ войскѣ его уже замыслилась измѣна со стороны начальниковъ довольно значительной нѣмецкой дружины, ротмистра Ламсдорфа, поручика Берга и прапорщика Фонъ-Аалена. 17 апрѣля они послали сказать самозванцу, чтобы онъ смѣло шелъ противъ Шуйскаго, а они въ первой битвѣ перейдутъ со всѣми нѣмцами на сторону его, самозванца. Вслѣдствіе того, послѣдній немедленно двинулся въ походъ и 23 апрѣля встрѣтилъ Шуйскаго на полпути отъ Орла къ Болхову, близъ селенія Каменки. Въ произшедшей здѣсь жаркой битвѣ, Голицынъ, всегда и во всемъ робкій, по выраженію лѣтописца—ужасеся вельми и обратилъ тылъ съ вѣрными ему передовымъ полкомъ, который опрокинулся на большой, смялъ его и увлекъ за собою. Поляки сильно преслѣдовали и рубили ихъ, и все войско было бы совершенно разбито, еслибы Куракинъ съ сторожевымъ полкомъ, рѣшительно ударивъ на поляковъ, не остановилъ ихъ и потомъ прикрылъ общее отступление, при содѣйствіи тѣхъ самыхъ нѣмецкихъ начальниковъ, на измѣну которыхъ полагался самозванецъ, но которые были такъ

пьяны, что забыли исполнить злой умыселъ свой, а подчиненные ихъ, ничего не зная о немъ, честно и храбро исполнили долгъ свой и нанесли полякамъ немалый уронъ. Оправившееся между тѣмъ царское войско остановилось въ нѣсколькихъ верстахъ отъ мѣста сраженія.

На другой день войско самозванца двинулось впередъ и бой возобновился, но безъ особенныхъ успій съ обѣихъ сторонъ. Царское войско вѣроятно удержалось бы на своемъ мѣстѣ, если бы Шуйскій и товарищи его, не довѣряя своимъ силамъ, не стали преждевременно готовиться къ отступленію и не послали впередъ къ Болхову пушечный снарядъ свой! Рожинскій, узнавъ объ этомъ, дружнѣе и сильнѣе ударилъ на царскіе полки, которые, сами оробѣвъ отъ робкихъ распоряженій своихъ воеводъ, не выдержали удара поляковъ и бросились бѣжать въ разсыпную! Тогда отрезвившійся уже Ламсдорфъ счелъ это время удобнымъ для исполненія своего замысла: отведя своихъ всадниковъ въ сторону, онъ хотѣлъ вести ихъ къ самозванцу съ распущенными знаменами. Но они, опасаясь за своихъ женъ и дѣтей, находившихся въ Москвѣ, большею частью отказались идти и ускакали за царскими войсками. Ламсдорфъ же и оставшіеся съ нимъ не болѣе 200 чел. были изрублены запорожцами, по приказанію, заранѣе данному имъ Рожинскимъ не щадить обманувшихъ его нѣмцовъ. Быстро и сильно преслѣдуя бѣжавшія царскія войска, поляки настигли и отбили пушечный снарядъ ихъ. Царскіе же воеводы, оставивъ въ Болховѣ 5 т. чел. (безъ сомнѣнія — на вѣрную жертву), сами съ прочими войсками поспѣшно шли или, лучше сказать, бѣжали къ Москвѣ!

Понятно, что съ такими воеводами трудно было не только разбить и уничтожить самозванца, но даже удержать его и остановить успѣхи его и распространявшійся мятежь. Храбрость весьма немногихъ воеводъ была ничтожна передъ постыднымъ малодушіемъ прочихъ, соединеннымъ притомъ съ невѣжествомъ ихъ въ военномъ дѣлѣ, потому что они назначались не по военнымъ достоинствамъ, а по родословному старшинству. И многочисленность ввѣряемыхъ имъ войскъ не веда ни къ какой пользѣ, а лишь ко вреду, потому что какъ съ храбрыми воеводами и войска сражались храбро, такъ съ малодушными они малодушничали и бѣжали.

Самозванецъ немедленно подступилъ къ Болхову, гдѣ и не думали обороняться. Часть бывшихъ въ немъ войскъ разбѣжалась, а остальные впустили самозванца и присягнули ему, по примѣру начальника своего, князя Сеитова.

Изъ Болхова Липовскій съ запорожцами, мятежными крестьянами и небольшимъ числомъ поляковъ двинулся къ Коломнѣ, а са-

мовзанаецъ и Рожинскій съ главными силами пошли къ Калугѣ и расположились лагеремъ у устья р. Угры. Довѣрясь Сеитову и его ратникамъ, они дозволили имъ составлять передовую стражу своего войска; Сеитовъ же и его ратники, передавшіеся самозванцу только по необходимости, переправясь за Угру послѣдили въ Москву, гдѣ заявили, что у самозванца войскъ мало и боются его нечего.

Тѣмъ не менѣе, Москва была въ большой тревогѣ. Воротившійся въ нее Дмитрій Шуйскій привелъ съ собою очень мало войскъ, потому что, сверхъ претерпѣннаго въ бою урона, многіе ратники на пути разошлись по своимъ городамъ! Для заслоненія Москвы Васплій былъ принужденъ собрать новое войско, которое, подъ начальствомъ Скопина и Ивана Никитича Романова, 29-го мая расположилось на берегу рѣчки Незнани.

Дѣйствія самозванца были опасны особенно потому, что были совершенно въ духѣ дѣйствій передъ тѣмъ Болотникова, т. е. возмущали и вооружали холоповъ и крестьянъ противъ ихъ помѣщиковъ и тѣмъ привлекали чернь массами къ самозванцу. Устрашенные же дворяне и боярскіе дѣти покидали свои дома и спасались съ женами и дѣтьми въ Москву. Такимъ образомъ всѣ города за Окою, оставшись безъ защитниковъ, были вынуждены покориться самозванцу.

Но измѣна и предательство находили сообщниковъ и въ высшемъ сословіи, изъ честолюбивыхъ или малодушныхъ расчетовъ. Такъ князь: Катыревъ, Троекуровъ и бѣжавшій изъ Кромъ Трубецкой, пользуясь тревогой, произведенной въ станѣ на Незнани вѣстью, что непріятель обходить его и другою дорогою идетъ къ Москвѣ, стали подговаривать ратниковъ къ измѣнѣ. Но злой умыселъ ихъ былъ во-время открытъ: ихъ схватили и отправили въ Москву, куда Василій приказалъ идти и Скопину съ войскомъ, которое послѣ того считалъ малонадежнымъ.

1-го іюня самозванецъ переправился черезъ р. Москву и расположился станомъ у села Тушина, въ 15 верстахъ къ з. отъ Москвы, по волоколамской дорогѣ. Въ слѣдующіе дни съ обѣихъ сторонъ происходили подъ Москвою частыя стычки. Но самозванецъ не отважился на открытый приступъ къ Москвѣ, а перешелъ къ селу Тайнинскому, въ 17 верстахъ къ с. в. отъ нея, близъ Ярославской дороги. Рожинскій хотѣлъ отрѣзать этимъ сообщенія Москвы съ приволжскимъ и заводжскимъ краемъ, откуда она ожидала главныхъ подкрѣпленій и подвозовъ. Но этимъ непріятель самого себя поставилъ въ трудное положеніе, потому что предоставилъ собственныя сообщенія и подвозы къ ю. з. изъ-за рѣки Москвы царскимъ войскамъ, которыя, свободно выходя изъ Москвы, перехватывали его

подвозы, особенно при переправѣ ихъ черезъ р. Москву. Словомъ—Рожинскій сталъ на сообщеніяхъ царскаго войска къ с. в. отъ Москвы, а царское войско отрѣзало ему сообщенія къ ю. з. отъ нея, слѣдовательно — выгоды были болѣе на сторонѣ послѣдняго. Убѣдясь въ этомъ и въ невозможности держаться долѣе у Тайнинскаго (иначе—въ своей ошибкѣ), Рожинскій 9 іюня пошелъ обратно къ Тушину. Дабы не допустить его до р. Москвы, Василій послалъ на перерѣзъ ему 3-хъ-полковое войско подъ начальствомъ Скопина, который имѣлъ при себѣ товарищами въ большомъ полку Ивана Никитича Романова и князя Литвина-Мосальскаго. Начальниками же другихъ полковъ были: передоваго — бояринъ князь Воротынскій и окольникій князь Ромодановскій, а сторожеваго—стольникъ князь Черкасскій и окольникій Головинъ.

Однако Скопинъ не успѣлъ отрѣзать самозванца отъ Тушина, а встрѣтилъ его уже по близости послѣдняго, вступилъ съ нимъ въ жаркій бой, но не могъ помѣшать ему пробиться до Тушина и отступилъ къ р. Ходынѣ, къ с. отъ Москвы. На другой день Рожинскій, обозрѣвъ мѣстность, расположилъ войско въ сильно-укрѣпленномъ лагерѣ на высотахъ позади Тушина, между р. р. Москвою и Восточною. Этотъ укрѣпленный лагерь при Тушинѣ надолго послужилъ вѣрнымъ убѣжищемъ и постояннымъ мѣстопребываніемъ 2-му самозванцу, котораго поэтому наши лѣтописи и прозвали Тушинскимъ воромъ.

Василій съ своей стороны принималъ дѣятельныя мѣры для прикрытія и защиты Москвы. Оставивъ Скопина съ его войскомъ (до 70 т. чел.) на Ходынѣ, самъ онъ взялъ на себя поддерживать его, для чего 14 іюня выступилъ изъ Москвы съ дворомъ и отборными полками и расположился въ 2-хъ верстахъ отъ Арбатскихъ воротъ на Прѣснѣ и Ваганьковѣ. При немъ находились князь Мстиславскій и воеводы: дворовые — братъ его князь Иванъ Шуйскій и окольникій князь Мезецкій, и обозный—Романъ Бутурлинъ. Сосредоточивъ такимъ образомъ главныя силы противъ самозванца, къ с. з. отъ Москвы, Василій и съ противоположной стороны ея приказалъ боярину Нагому, князю Гагарину и стрѣльцкому головѣ Дурову съ частію силъ занять острогъ за Яузой, у Таганскихъ воротъ.

Въ такомъ расположеніи обѣ стороны оставались около двухъ недѣль въ бездѣйствіи. Самозванецъ вѣроятно надѣялся овладѣть Москвою посредствомъ измѣны, но очень ошибся: измѣны онъ всего менѣе могъ ожидать отъ жителей Москвы, видѣвшихъ гибель 1-го самозванца и либо гнушавшихся покориться 2-му, либо (множество дворянъ и боярскихъ дѣтей—помѣщиковъ) страшившихся дѣйствій

его, направленныхъ прямо противъ ихъ правъ и преимуществъ, достоинства и даже жизни. Поэтому Василій и Москва имѣли въ нихъ ревностныхъ защитниковъ, положившихъ упорно сопротивляться Тушинскому вору.

Наконецъ послѣдній и Рожинскій, наскучивъ бездѣйствіемъ, стали помышлять о нападеніи, но прежде хотѣли развѣдать о положеніи царскихъ войскъ. Съ этою цѣлю, 23 іюня Рожинскій послалъ въ Москву нѣкоторыхъ близкихъ къ нему людей, подъ предлогомъ будто бы навѣдаться о задержанныхъ тамъ польскихъ послахъ. По непростительной оплошности, этимъ лазутчикамъ дозволили ѣхать въ Москву и обратно черезъ Ходынскій станъ, который они и высмотрѣли вполнѣ. А пронесшійся въ Москвѣ вслѣдствіе того слухъ, будто поляки примирились съ царемъ, подалъ войскамъ поводъ ослабить мѣры предосторожности, такъ что даже самъ Скопинъ не остерегся и стражи стана его въ слѣдующую ночь — безпечно предался сну! Рожинскій же, скрытно подступивъ въ ту же ночь къ стану, передъ разсвѣтомъ началъ на него стремительно и совершенно врасплохъ, положилъ на мѣстѣ до 1,400 царскихъ ратниковъ, прочихъ разбѣялъ, захватилъ 30 цушекъ и множество обоза и гналъ бѣжавшихъ до самаго города. Василій выслалъ, на выручку послѣднихъ, изъ состоявшихъ при немъ войскъ стольниковъ, стряпчихъ, жильцовъ и многія сотни стрѣльцовъ. Подерѣпленные ими, бѣглецы обратились назадъ и вмѣстѣ съ ними въ свою очередь стремительно и сильно ударили на непріятеля, опрокинули его и преслѣдовали до самой рѣчки Химки. Но здѣсь непріятель обратился назадъ и, отгѣснивъ царскія войска къ Ходынѣ, отошелъ въ Тушинскій лагерь. Поляки хвастались, что окончательно прогнали русскихъ, однако сами признавались, что потерпѣли большой уронъ и, опасаясь нападенія, еще сильнѣе укрѣпили свой лагерь окопами, тыномъ и башнями. Царскіе же воеводы, воротясь къ Москвѣ, стали подъ самымъ городомъ, прикрывшись обозами.

Между тѣмъ Лисовскій, отдѣлившійся отъ самозванца, какъ сказано выше, изъ-подъ Болхова, для слѣдованія къ Коломнѣ, не отважился однако переправиться за Оку, пока самозванецъ оставался у устья р. Угры, и потому засѣлъ въ Зарайскѣ. Рязанскіе воеводы положили выгнать его оттуда и тѣмъ загладить неудачу свою подъ Пронскомъ. Къ сожалѣнію, Прокопій Ляпуновъ не излечился еще отъ раны и начальство надъ рязанскими ратниками было ввѣрено брату его, Захару, отважному подобно ему, но далеко не столь разумному и распорядительному. И онъ, и войска его пошли къ Зарайску въ нетрезвомъ видѣ и въ безпорядкѣ, нестройною тол-

ной. Лисовскій, высмотрѣвъ это, вышелъ на встрѣчу имъ, разбивъ ихъ безъ труда и многихъ положить на мѣстѣ или взять въ плѣнъ.

Затѣмъ, значительно усиленный уже (до числа 30 т. чел.) сбродомъ разной черни, бродячь и охотниковъ до разбоевъ и грабежа, Лисовскій переправился за Оку, подступилъ къ Коломнѣ, взялъ ее приступомъ, разграбилъ въ конецъ, даже самыя церкви, и двинулся прямо къ Москвѣ, взявъ съ собою взятыхъ въ плѣнъ коломенскихъ: епископа Іосифа и воеводу князя Долгорукова.

Василій не упустилъ случая воспользоваться отдѣльнымъ отъ самозванца, дерзкимъ движеніемъ Лисовскаго къ Москвѣ и 17-го іюня выслалъ противъ него князя Куракина съ 3-хъ-полковымъ войскомъ, въ большомъ полку котораго 2-мъ воеводой былъ Григорій Пушкинъ, въ передовомъ князь Борисъ Лыковъ и Григорій Волконскій, а въ сторожевомъ — стольникъ Василій Бутурлинъ и князь Федоръ Волынскій. Встрѣтивъ Лисовскаго на берегу р. Москвы, у Медвѣжьяго брода, они, послѣ упорнѣйшей битвы, продолжавшейся цѣлый день, на-голову разбили Лисовскаго, нанесли ему огромный уронъ убитыми и плѣнными, отняли у него всѣ пушки и освободили епископа Іосифа и князя Долгорукова. Лисовскій ушелъ въ Тушинскій лагерь лишь съ немногими людьми своими, а воеводы воротились въ Москву. Однако Василій приказалъ Ивану Бутурлину и Семену Глѣбову снова занять Коломну сильнымъ отрядомъ, укрѣпить городъ и собрать въ немъ большіе запасы.

Не смотря на то, что пораженіе Лисовскаго лишило самозванца возможности открыто напасть на Москву, Василій также не имѣлъ достаточно силъ для нападенія на Тушинскій лагерь и только-что могъ удерживаться въ Москвѣ. Поэтому ничто не мѣшало самозванцу оставаться въ Тушинскомъ лагерѣ; долговременное же пребываніе его въ немъ подъ самою Москвою могло быть очень вреднымъ для Василія тѣмъ, что ему трудно было бы долго удержать на службѣ помѣщиковъ царскаго войска. Самозванецъ же, напротивъ, не только не ослаблялся, но безпрестанно усиливался: вопреки договору, заключенному съ польскими послами въ Москвѣ, не только ни одинъ полякъ не ушелъ изъ Тушина въ Польшу, но, напротивъ, пѣтъ нея одинъ за другимъ приходили новыя польскіе отряды конницы, пѣхоты и казаковъ (Млоцкаго, Зборовскаго, Виламовскаго и позже Яна Сапѣги, старосты усвятскаго). Вслѣдствіе того, Василій положилъ велически стараться объ ослабленіи самозванца отвлеченіемъ отъ него поляковъ, составлявшихъ главную силу и лучшую часть его войска. Но переговоры съ польскими послами въ Москвѣ продолжались долго и безуспѣшно; однако объ стороны,

нуждаясь въ примиреніи, хотя бы временномъ, искренно желали его и наконецъ согласились на продленіе перемирія на 3 года 11 мѣсяцовъ — съ 20 іюля 1608 г. по 20 іюня 1612 г., съ условіемъ между прочимъ: Москвѣ врагамъ Польши, а Польшѣ врагамъ Москвы не помогать ни войсками, ни деньгами, — Мишка, дочь его Марину и сына и всѣхъ задержанныхъ въ Москвѣ поляковъ отпустить въ Польшу и проводить подъ прикрытіемъ войскъ до границы, а королю и Рѣчи Посполитой отозвать въ Польшу Рожинскаго, Адама Вишневецкаго и всѣхъ поляковъ, поддерживавшихъ самозванца и впредь никакимъ самозванцамъ не вѣрять и ихъ не поддерживать, — и наконецъ Мишкѣ не признавать самозванца своимъ зятемъ и дочь свою за него не выдавать, а Маринѣ не называться московскою царицей. Хотя Василія и предостерегали, что польскіе послы коварствовали, однако, видя въ заключеніи договора единственное тогда средство избавить государство отъ поляковъ, Василій 25-го іюня утвердилъ договоръ своею подписью и съ своей стороны тотчасъ же приступилъ къ точному исполненію его, отпустивъ пословъ и задержанныхъ поляковъ, подъ военнымъ прикрытіемъ, черезъ Угличъ, Тверь и Бѣлую къ смоленской границѣ.

Но онъ былъ жестоко обманутъ поляками: самозванецъ 12 августа послалъ Зборовскаго съ 1 т. чел. польской конницы перехватить поляковъ, прешрождаемыхъ въ Польшу. Зборовскій шелъ такъ быстро, что въ 4 сутокъ проѣхалъ болѣе 350 верстъ и нагналъ поляковъ подъ Бѣлою. Долгорукій, сопровождавшій ихъ, будучи слабѣе Сапѣги, не сопротивлялся ему и удалился къ Москвѣ, лишь съ малымъ числомъ войскъ, потому что большая часть ихъ разбѣжалась по домамъ. Зборовскій же воротилъ Мишка съ дочерью и сыномъ его назадъ. Сначала они прибыли въ лагерь Сапѣги (см. ниже), а оттуда, послѣ долгихъ переговоровъ и уговоровъ съ самозванцомъ — въ его Тушинскій лагерь. Но еще прежде прибытія въ него, 5 сентября, въ лагерь Сапѣги, Марина уже была тайно обвѣнчана духовникомъ своимъ, іезуитомъ, съ самозванцомъ, который передъ тѣмъ далъ Мишкѣ записку, что тотчасъ по овладѣніи Москвой выдастъ ему 300,000 рублей (1 миллионъ нынѣшнихъ серебряныхъ) и сѣверное княжество съ 14 городами въ придачу.

Но самозванцу не удалось взять Москвы, а между тѣмъ не только наступила осень, но вскорѣ выпалъ и первый снѣгъ, и приходилось зимовать въ Тушинскомъ лагерѣ. Въ это время у самозванца было уже 18 т. чел. конницы и 2 т. чел. пѣхоты польскихъ, 13 т. запорожскихъ казаковъ и 15 т. донскихъ, всего 48 т. чел., кромѣ русскихъ мятежниковъ и множества польскихъ купцовъ. Рѣшась

зимовать въ Тушинскомъ лагерѣ, они устроили въ немъ землянки для людей, конюшни для лошадей, потомъ начали ставить избы, а для самозванца, Марины и Мишка даже построили просторныя хоромы—и Тушинскій лагерь превратился въ городъ, столицу самозванца, въ 15 верстахъ отъ Москвы, столицы Василія.

Между тѣмъ послѣдній, предвидя, что ему, рано или поздно, предстоитъ Москву, если не получитъ помощи извнѣ, обратилъ все свои мысли на образованіе себѣ оной, собравъ новое войско въ Новгородъ и поручивъ это дѣло Скопину-Шуйскому, вмѣстѣ съ другимъ важнымъ порученіемъ—войти въ сношеніе съ шведскимъ королемъ Карломъ IX, врагомъ Сигизмунда и Польшы. Еще предъидущею зимою 1607 г. Карлъ IX предлагалъ выслать въ Новгородъ, въ помощь Василію, 10 т. шведскихъ и нѣмецкихъ войскъ, съ тѣмъ, чтобы Василій принялъ содержаніе ихъ на свой счетъ. Тогда Василій, ободренный взятіемъ Тулы и находя несообразнымъ съ достоинствомъ русскаго престола усмиреніе внутреннихъ смуть посредствомъ иноземной помощи, не согласился на предложеніе Карла IX. Но въ августѣ 1608 г., по значительно перемѣнившимся уже, не въ пользу его, Василія, обстоятельствамъ, онъ поручилъ Скопину просить у Карла вспомоgetельнаго войска.

Скопину лично былъ припятъ въ Новгородѣ съ честью и радостью, но Василію въ Новгородѣ и даже въ сѣверо-западныхъ областяхъ мало доброхотствовало, псковскіе же пригороды явно бунтовали противъ него. Псковъ еще въ 1607 г. обнаружилъ непріязненное правительству Василія расположеніе. Вслѣдствіе неосторожной неосмотрительности начальствовавшаго въ немъ боярина Петра Никитича Шереметева, псковскіе пригороды Себежа, Опочка, Краснаго, Острова и Изборска явно возстали противъ Василія и въ пользу самозванца. Шереметевъ выслалъ противъ нихъ сына своего, Бориса, съ небольшимъ сборнымъ отрядомъ, но Борисъ не только не успѣлъ усмирить мятежниковъ, но едва успѣлъ безъ вреда воротиться въ Псковъ. Возстаніе росло и вскорѣ во главѣ его сталъ одинъ изъ клеветовъ самозванца, дворянинъ Федоръ Плещеевъ, начавшій собирать въ Ржевѣ-Пустой мятежныхъ стрѣльцовъ и крестьянъ. Собравъ большое число ихъ, Плещеевъ двинулся къ Пскову, къ которому въ то же время направились и мятежные жители Изборска. Но послѣдніе были разбиты на Ригинѣ горѣ посланнымъ противъ нихъ изъ Пскова воеводой Бурцевымъ, потеряли нѣсколько пушекъ и плѣнныхъ и не потерѣли еще большаго пораженія только потому, что отступленіе ихъ прикрылъ отрядъ, посланный Плещеевымъ изъ Выбути близъ Пскова. Бурцевъ отступилъ въ Псковъ, а Плещеевъ смѣло двинулся къ послѣднему,

съ своимъ сброднымъ ополченіемъ, въ которомъ людей было много, но настоящихъ ратниковъ мало. Шереметеву нетрудно было бы справиться съ ними, еслибы въ Псковѣ казаки, стрѣльцы и чернь не склонялись явно на сторону мятежниковъ, еслибы Шереметевъ угрозами своими не раздражилъ ихъ еще болѣе, и наконецъ еслибы приверженцы самозванца въ Псковѣ, пользуясь тѣмъ, не подстрекали мятежниковъ еще болѣе, особенно молвою, что пѣмци идутъ занять Псковъ. Произошло общее волненіе, среди котораго мятежники отворили Великія ворота (со стороны р. Великой) и впустили Плещеева. Онъ заключилъ Шереметева въ темницу и на другой день весь Псковъ присягнулъ самозванцу.

Вѣсть о томъ взволновала народъ и въ Новгородѣ, такъ что Скопинъ изъ предосторожности тайно выѣхалъ изъ города, чтобы съ небольшою дружиной засѣсть въ Ивангородѣ и оттуда продолжать переговоры съ шведами. Но узнавъ, что жители Новгорода уже присягнули самозванцу, онъ хотѣлъ-было искать убѣжища въ Орѣшкѣ. Но начальствовавшій тамъ старый предатель Михаилъ Салтыковъ не хотѣлъ выпустить его, и тогда Скопинъ, отведя окруженный измѣной, признавая небезопаснымъ оставаться въ Пжорской землѣ среди мятежниковъ, въ крайности уже рѣшался перейти черезъ шведскую границу и идти къ Выборгу въ Финляндіи. Но обстоятельства вдругъ приняли благоприятный для него оборотъ. Въ Новгородѣ выгоды торговли связывали между собою разныя сословія, почему именитые люди имѣли еще нѣкоторое вліяніе на чернь и мнѣніе пхъ, вмѣстѣ съ увѣщаніями всеми уважаемаго митрополита Пейдора, склонило новгородцовъ не паровать присяги Василію и просить Скопина воротиться въ Новгородъ. Обрадованный тѣмъ и почетно встрѣченный всеми сословіями Новгорода, Скопинъ немедленно занялся устройствомъ новаго ополченія и вошелъ въ сношенія съ графомъ Мансфельдомъ, начальствовавшимъ шведскими войсками въ Ливоніи. Послѣдній прислалъ къ нему королевскаго секретаря Мона Мартенсона, для предварительныхъ условій о содержаніи вспомогательнаго войска. Мартенсонъ дорого цѣнилъ предлагаемую помощь, но Скопинъ палелся вынужденнымъ согласиться, чтобы шведское вспомогательное войско состояло изъ 3 т. чел. пѣхоты и 2 т. чел. конницы, и чтобы ежемѣсячно выдавалось каждому конному по 25 ефимковъ, каждому пѣшему по 12, главному начальнику 5,000, двумъ генератамъ подъ нимъ по 4,000 и на ротмистровъ и прочихъ офицеровъ 5,000, всего 100,000 ефимковъ (140,000 нынѣшнихъ рублей серебромъ). Для заключенія окончательнаго договора на сѣздѣ въ Выборгѣ, Скопинъ послалъ туда

шурна своего, стольника Головина и дьяка Зиповьева съ 4,800 рублей въ видѣ задатка, которые только и могъ собрать.

Между тѣмъ къ самозванцу въ Тушинѣ все приходили, какъ сказано выше, новыя подкрѣпленія изъ Польши. Главнымъ было собранное честолюбивымъ и алчнымъ Яномъ Сапѣгой, старостой увятскимъ, и простиравшееся до 7 т. чел. шляхетской конницы. 17-го іюля онъ вступилъ съ нею въ русскіе предѣлы и двинулся по дорогѣ къ Москвѣ, мимо Смоленска, въ которомъ начальствовалъ болръшъ Шеннѣ, 1 августа переправился черезъ Днѣпръ въ 5 верстахъ ниже Смоленска, близъ устья рѣчки Дубровны, и 3 августа потянулся около части города на лѣвомъ берегу, въ одной верстѣ отъ укрѣпленій, дабы выйти на московскую дорогу. Но отброшенный къ сѣверу войсками, высланными Шеннымъ, онъ могъ достигнуть московской дороги только 2-хъ-дневнымъ кружнымъ обходомъ чрезъ Прудници въ Иневъ п, продолжая идти мимо Дорогобужа и Вязьмы, 17 августа прибылъ къ Цареву-Займицу. Сюда-то, въ лагерь его, 20 августа прѣехала Маринна съ отцомъ и братомъ. Сапѣга повезъ ее съ собою и 23 августа остановился въ Можайскѣ, а Маринна съ отцомъ и братомъ расположилась въ 7 верстахъ оттуда, въ городѣ Ворнеовѣ. Отсюда-то начались переговоры ихъ съ самозванцомъ, кончившіеся какъ означено выше.

Между тѣмъ подъ Москвою въ теченіи іюля и августа происходили лишь маловажныя стычки. Только 31 августа цѣлый день продолжался довольно сильный бой: царское войско вышло-было въ поле, но было отгѣснено до самаго города.

По прибытіи Сапѣги, самозванецъ, хотя и довольно значительно усиленный имъ, однако все еще не считалъ себя довольно сильнымъ, чтобы отважиться на приступъ къ Москвѣ. Сапѣга же, съ своей стороны, неохотно подчинился Рожнскому и хотѣлъ дѣйствовать отдѣльно, независимо отъ него. Чтобы удовлетворить его, съ общаго совѣта положено было поручить ему покореніе Троицкой-Сергіевой лавры, чрезвычайно важное для самозванца, какъ потому, что она обезпечивала сообщенія Москвы съ приволжскимъ краемъ, откуда только и получалъ Василій подкрѣпленія, деньги и запасы, такъ и потому, что была весьма богата и заключала въ себѣ большія и цѣнныя сокровища, но укрѣплена была, какъ сильная крѣпость. Для успѣха предпріятія Сапѣги противъ нея, отрядъ его былъ усиленъ до числа 30 т. чел., присоединеніемъ къ нему нѣсколькихъ польскихъ хоругвей и тѣхъ казаковъ и русскихъ мятежниковъ, которые, подъ начальствомъ Лисовскаго, набѣгами своими разорали рязанскую, владимірскую и нижегородскую области, а на возвратномъ пути сожгли подъ самымъ Троицкимъ монастыремъ Клементьевскій

посадъ. 13-го сентября Сапѣга выступилъ изъ-подъ Тушина, на другой день расположился въ Братовщинѣ, на дорогѣ изъ Москвы къ Троицкому монастырю, и остановился тамъ на нѣсколько дней, вѣроятно дожидаясь Лисовскаго.

Василій, узнавъ о раздѣленіи силъ непріятеля, положилъ воспользоваться тѣмъ для нападенія на Сапѣгу и нанесенія ему пораженія. Съ этою цѣлью онъ употребилъ послѣднія средства для снаряженія 3-хъ-полковаго войска изъ 30 т. чел. конницы и 10 т. чел. пѣхоты, подъ главнымъ начальствомъ брата своего, князя Ивана Шуйскаго, въ передовомъ полку котораго былъ окольный князь Ромодановскій, а въ сторожевомъ окольный Головинъ. Шуйскій, прибывъ 21 сентября къ Братовщинѣ, не засталъ уже въ ней Сапѣгу, который въ тотъ же день перешелъ въ село Воздвиженское. 22-го Шуйскій двинулся туда же, а Сапѣга, узнавъ о томъ, оставилъ въ Воздвиженскомъ лагерьѣ своемъ, для охраненія его, значительную часть пѣхоты и нѣсколько сотенъ конницы, а съ остальными войсками двинулся назадъ къ Братовщинѣ и на пути туда встрѣтилъ Шуйскаго близъ села Рахманова. Здѣсь между ними произошелъ жаркій бой съ переменнымъ успѣхомъ. Сапѣга первый напалъ на Ромодановскаго, но встрѣтилъ съ его стороны сильное сопротивленіе. Поляки, два раза опрокинутые, потеряли свои пушки и уже готовились отступить, но увѣщанія Сапѣги, раненаго пулею въ лицо, подѣйствовали на двѣ гусарскія и на двѣ пѣтигорскія хоругви, которыя одни не были еще совершенно разстроены, и онѣ вслѣдъ за нимъ произвели такой стремительный ударъ на полкъ Ромодановскаго, что онъ не выдержалъ его и потребовалъ помощи сторожеваго и большаго полковъ. Но, къ несчастію, сторожевой полкъ, имѣя въ Головинѣ воеводу малодушнаго, обратилъ тылъ, опрокинулся на большой полкъ, смаялъ его — и все царское войско, въ смятеніи и разстройствѣ, также обратило тылъ! Сапѣга преслѣдовалъ его 15 верстъ и взялъ 15 знаменъ и множество плѣнныхъ. Царскіе ратники, въ бѣгствѣ своемъ, большою частію разбѣжались по домамъ, и воеводы воротились въ Москву только съ небольшимъ числомъ своихъ приближенныхъ — таковъ былъ разгромъ этого 40-ка-тысячнаго военнаго ополченія!

Ужасъ овладѣлъ Москвою, терпяшею, казалось, послѣднюю надежду на свое спасеніе, и, при всеобщемъ уныніи, не только незнатные люди, но даже и знатные стали тайно перебѣгать въ Тушинскій лагерь. Василій, чтобъ остановить бѣгство ихъ, хотѣлъ сперва прибѣгнуть къ великодушію и объявилъ, что никого не желаетъ удерживать при себѣ насильно и всякому предоставляетъ либо выйти изъ Москвы, либо цѣловать крестъ, что останется въ ней въ осадѣ,

Хотя подъ вліяніемъ перваго увлеченія всѣ поклялись умереть за «московскій домъ Богородицы», но—на другой же день многіе изъ присягнувшихъ не посовѣстились бѣжать въ Тушино, а за ними стали слѣдовать и другіе, въ томъ числѣ столычники князя: Дмитрій Тимоѣевъ Трубецкой, Черкасскій и Сицкій, два брата Засѣкныи и Михаилъ Бутурлинъ. Кромѣ того, большая часть замосковныхъ помѣщиковъ разѣхалась изъ Москвы по домамъ. Тогда уже Василій, видя такое позорное бѣгство, прибѣгнувъ къ строгимъ понудительнымъ мѣрамъ, разославъ повѣмѣстно указы всѣмъ дворянамъ и боярскимъ дѣтямъ безъ изъятія ѣхать на службу въ Москву, подъ страхомъ смертной казни за ослушаніе и отобранія имущества въ казну даже за укрывательство нѣтей (служивыхъ людей, неявившихся на службу). Но власть законнаго правительства была уже такъ слаба и мало уважаема, что никто не явился на службу и въ Москвѣ на ней оставались уже почти единственно тѣ помѣщики сѣверской области и зарѣчной украинны (на правой сторонѣ Оки, отъ Калуги до рязанскихъ предѣловъ), которые, потерявъ свои помѣстья, отнятыя мятежниками, только въ одномъ царскомъ жалованьѣ находили средства къ пропитанію себя и своихъ семействъ.

Еслибы въ такомъ безнадежномъ положеніи Москвы Сапѣга и Рожинскій двинулись къ ней въ одно время съ двухъ сторонъ, то вѣроятно овладѣли бы ею и кончили бы войну торжествомъ самозванца. Но они не отважились на это, пзбѣгая неминуемой, большой траты людей и, можетъ быть, расхищенія московскихъ сокровищъ, которыми желали и надѣялись овладѣть, вынудивъ Москву къ сдачѣ тѣснымъ обложеніемъ. Сапѣга даже и не пошелъ къ Москвѣ, а снова двинулся къ Троицкой лаврѣ—и 23 сентября уже возвѣстилъ ей свое прибытіе нѣсколькими пушечными выстрѣлами по ней.

Осада Троицкой-Сергіевой Лаврм.

(Начало).

Монастырь Св. Троицы, основанный въ половинѣ XIV вѣка преподобнымъ Сергіемъ, въ 60 верстахъ къ с. в. отъ Москвы, среди Радонежскихъ лѣсовъ, разрушенный Эдигеемъ и восстановленный въ началѣ XV вѣка ученикомъ и преемникомъ св. Сергія, игуменомъ Никонѣмъ, въ половинѣ XVI вѣка былъ уже огражденъ высокою

и толстою каменною стѣною съ такими же башнями и глубокимъ рвомъ. Иоаннъ IV, благоговѣя къ памяти св. Сергія, благословившаго в. к. Димитрія Иоанновича на битву съ Мамаемъ, построилъ въ монастырѣ два великолѣпные собора, каменный дворецъ и нѣсколько зданій для монашествующей братіи, возвелъ игумена въ санъ архимандрита, далъ ему несудимую грамоту, подчинилъ вѣдѣнію его 11 монастырей (почему монастырь и сталъ лаврой) и освободилъ отъ пошлинъ и оброка все монастырскія вѣщны въ разныхъ мѣстахъ государства. Въ началѣ XVII вѣка въ нихъ считалось до 100 т. крестьянъ, а въ лаврской ризницѣ хранились несмѣтные богатства въ деньгахъ, золотѣ, серебрѣ, драгоценныхъ каменьяхъ и пр. По укрѣпленіямъ своимъ будучи сильною крѣпостью, при Василіѣ Шуйскомъ лавра была чрезвычайно важнымъ военнымъ опорнымъ мѣстомъ для него, обеспечивавшимъ сообщеніи Москвы съ нею и съ сѣверовостокомъ и востокомъ государства, а по обилію всякаго рода средствъ и способовъ своихъ она постоянно снабжала Василю и Москву деньгами, продовольственными и др. запасамъ.

Построенная посреди довольно пересѣченной оврагами и болотами мѣстности, она имѣла видъ неправильнаго четверугольника, около 642 сажней въ окружности. Каменная, прочно сложенная стѣна, ограждавшая ее, имѣла вообще 4 сажени средней вышины по въ иныхъ мѣстахъ до 6 и 7, и нигдѣ менѣе 3 сажней толщины, впрочемъ не сплошной, а имѣвшей внутри 2 яруса ходовъ со сводами и бойницами для обстрѣливанія рва и пространства за нимъ. На углахъ и бокахъ ограды находились каменные башни въ нѣсколько ярусовъ. Рѣчка Кончура, протекая у подошвы стѣны съ западной и южной сторонъ, образовала родъ естественнаго рва. Подступы къ южной и сѣверной стѣнамъ затруднялись нѣсколькими прудами. Къ лаврѣ прилегалъ монастырскія, какъ бы предмѣстныя, слободы, а противъ ю. в. угла, у подошвы ската къ Кончурѣ находился малый монастырь—Подольный. При первомъ появленіи Сапѣги, вѣн-лаврскія строенія были сожжены, дабы неприятель не могъ укрыться въ нихъ. Только для удобства произведенія вылазокъ сохранены были внѣ ограды: мельница на Кончурѣ за Подольнымъ монастыремъ и Пивной дворъ на берегу Кончуры съ западной стороны. Огражденный толстымъ и крѣпкимъ тыномъ, этотъ Пивной дворъ составлялъ какъ бы внѣшнее укрѣпленіе, имѣвшее надежное сообщеніе съ лаврой посредствомъ тайника (подземнаго хода). Огромные склады военныхъ и продовольственныхъ запасовъ, заблаговременно учрежденные предусмотрительною заботливостью архимандрита лавры Иоасафа, могли обезпечить потребности про-

должительной осады. Въ людяхъ также не только не было недостатка, но даже оказывалось излишество, потому что, при подступленіи непріятеля, всѣ жители окрестныхъ селеній, съ женами и дѣтьми, искали убѣжища въ лаврѣ, а сострадательный Іоасафъ не могъ отказать имъ въ принятіи, хотя чрезмѣрная: тѣснота и потребленіе продовольствія должны были быть невыгоднымъ слѣдствіемъ того. Но собственно ратныхъ людей было немного, потому что, кромѣ небольшого числа дѣйствительныхъ служивыхъ людей и нѣсколькихъ монаховъ, прежде служившихъ въ войскѣ, всѣ остальные были вовсе непривыкшіе къ ратному дѣлу люди. Впрочемъ и они, одушевленные Іоасафомъ во имя вѣры и отечества, дали обѣтъ не отставать въ трудахъ и подвигахъ отъ ратныхъ людей. Такимъ образомъ въ лаврѣ набралось до 3 т. вооруженныхъ защитниковъ *).

Главнымъ дѣятелемъ въ лаврѣ во время осады былъ Іоасафъ, своимъ пламеннымъ усердіемъ къ вѣрѣ и отечеству, необыкновенными: мужествомъ, твердостью и благоразумными распоряженіями одушевлявшій всѣхъ отъ перваго до послѣдняго. Онъ принялъ на себя не только завѣдываніе хозяйственною частью, но даже и руководство въ дѣлахъ обороны. Начальствовавшіе въ лаврѣ воеводы, окольный князь Григорій Борисовичъ Роща-Долгорукій и Алексѣй Голохвастовъ во всемъ совѣщались съ нимъ и ничего не предпринимали безъ его согласія. Такимъ образомъ, вооруженныхъ людей раздѣлили на два разряда, одинъ—для внутренней службы, другой—для вѣншей. Люди перваго разряда, подчиненные головамъ изъ дворянъ и монаховъ, были распределены по стѣнамъ, башнямъ, воротамъ и бойницамъ въ стѣнахъ. Каждому было назначено свое мѣсто, котораго онъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ былъ покидать. Люди же втораго разряда назначались исключительно для вылазокъ, а также и въ видѣ резерва, для подавія помощи тѣмъ мѣстамъ ограды, на которыя непріятель во время приступовъ сталъ бы особенно сильно дѣйствовать.

Какъ ни благоразумны были эти распоряженія, они не исполнили успокоивали однако Іоасафа: къ несчастію—онъ не могъ исполнить довѣрять воеводамъ. Долгорукій былъ извѣстенъ упорною и удачною обороною Рыльска въ 1606 г., но—въ пользу 1-го самозванца и противъ царскихъ войскъ. На преданность Голохвастова также нельзя было полагаться безусловно. Вслѣдствіе того, Іоасафъ считалъ полезнымъ всенародно и торжественно связать всѣхъ клят-

*) Ни въ одной лѣтописи не означается подлинное число ихъ, но изъ разныхъ показаній, особенно келари лавры Авраамія Палицына, предположительно выводится заключеніе, что ихъ должно было быть не болѣе 3 т. человекъ на продовольствіи.

веннымъ обѣщаніемъ. 25 сентября, въ день праздника св. Сергія, воеводы и всѣ чиновные и простые люди, обрекавшіе себя на брань противъ враговъ, цѣловали крестъ, при ракъ мощей св. Сергія, въ томъ, чтобы «всѣмъ дружно и безъ измѣны стоять за отечественную святыню и до послѣдней капли крови охранять ее отъ поруганія иновѣрцовъ».

Между тѣмъ Сапѣга принималъ нужныя мѣры для обложенія лавры. Главный лагерь свой онъ расположилъ на Дмитровской дорогѣ, а отрядъ Лисовскаго сталъ за Терентьевскою рощей, между московскою и александровскою дорогами. Оба лагеря были ограждены крѣпкими окопами. Переяславльскія же и угличскія дороги наблюдались отдѣльными отрядами. Обложивъ такимъ образомъ лавру и отрѣзавъ сообщенія ея, Сапѣга и Лисовскій ждали сдачи, увѣренные, что лавра не отважится сопротивляться. Но не видя этого со стороны лавры, хранившей глубокое молчаніе, 29 сентября они потребовали сдачи, по обыкновенію—съ обѣщаніемъ награды и съ угрозами въ случаѣ отказа. Разумѣется—на это послѣдовалъ отказъ. Тогда Сапѣга въ ночь съ 30 сентября на 1 октября открылъ осадыя работы, устроеніемъ 9-ти батарей въ слѣдующемъ порядкѣ, начиная съ праваго фланга: 1-й—на крутой горѣ противъ мельницы, 2-й—въ Терентьевской рощѣ, 3-й—подлѣ московской дороги, 4-й—на горѣ Волкушѣ, всѣхъ трехъ за прудомъ, а остальныхъ 5-ти на Красной горѣ, именно: 5-й—противъ Водяной башни, 6-й—противъ погребовъ Пивнаго двора и келаревыхъ келій, 7-й—противъ келарской и казенной палаты, 8-й—изъ рощи противъ Плотвичной башни и 9-й—возлѣ Глинянаго оврага, противъ башни Копюшенскихъ воротъ. На Красной же горѣ за батареями была вырыта глубокая параллель отъ Келарева пруда до Глинянаго оврага. Всѣ 9 батарей были вооружены 63 орудіями и 3 октября открыли огонь, который съ этого времени производился непрерывно, какъ противъ стѣнъ и башенъ, такъ и бомбами и калеными ядрами противъ внутренности лавры. Въ отвѣтъ на это осажденные безпрестанно тревожили осаждавшихъ вылазками.

Въ ночь съ 6 на 7 октября Лисовскій сдѣлалъ покушеніе занять врасплохъ мельницу близъ Подольнаго монастыря. Къ счастью, ночь была свѣтлая, люди на мельницѣ во-время замѣтили движеніе къ ней Лисовскаго и отразили его съ урономъ, причемъ самъ Лисовскій былъ раненъ въ руку. Но какъ непріятель успѣлъ въ то же время открыть подступной ровъ (траншею) подъ горою близъ мельницы, въ направленіи къ Краснымъ воротамъ, то осажденные сами, кажется, очистили мельницу, въ избѣжаніе напрасной траты

людей. 12 октября подступной ровъ былъ уже доведенъ до высоты противъ Круглой башни, противъ которой изъ него повели подкопъ.

Но медленный ходъ подкопныхъ работъ не соответствовалъ нетерпѣннѣю Сапѣга и онъ рѣшился попытаться на открытый приступъ. Съ этою цѣлью, 13-го октября онъ цѣлый день угощалъ своихъ ратниковъ, а подѣ вечеръ выступилъ изъ лагеря со всемъ своимъ войскомъ и расположился подѣ прикрытіемъ параллели за батареями на Красной горѣ. Въ то же время войска Лисовскаго расположились въ Терентьевской рощѣ до Сазолова оврага и на переславльской и угличской дорогахъ до Мишугина оврага. Цѣлый день всѣ батареи производили непрерывный огонь, а по захожденіи солнца всѣ войска, прикрывавсь досчатыми щитами и рублеными тарасами на колесахъ, со всѣхъ сторонъ двинулись, при звукахъ музыки, съ лѣстницами, къ стѣнамъ монастыря. Но, будучи въ нетрезвомъ видѣ, они произвели атаку безъ порядка и осажденные отбили ихъ безъ особеннаго труда, такъ что они въ отступленіи своемъ побросали и щиты, и тарасы, и лѣстницы свои, которые на другой день были подобраны осажденными и употреблены вмѣсто дровъ, въ которыхъ оказывался недостатокъ.

Послѣ того осаждавшіе въ теченіи цѣлой недѣли ежедневно подступали къ стѣнамъ и старались лестью и угрозами склонить осажденных къ сдачѣ. Но послѣдніе не только не помышляли о томъ, но и напротивъ, 19 октября произвели сплную вылазку, съ конницей и пѣхотой, изъ Конюшенныхъ воротъ, для поддержанія многихъ ратниковъ, самопроизвольно спустившихся со стѣнъ по веревкамъ и напавшихъ на поляковъ, воровавшихъ капусту на огородѣ напротивъ сѣверовосточной круглой башни. Часть вылазки направилась вправо черезъ огородъ по плотинѣ пагорнаго пруда къ Служней слободѣ, а другая часть на Книжее поле за Токарню и конюшенный дворъ, а потомъ влѣво за Глиняный оврагъ противъ батарей на Красной горѣ. Съ обѣихъ сторонъ бой былъ очень упорный, но окончательно осажденные были отбиты и не безъ урона.

Поощренный этимъ, Сапѣга 23 октября ввечеру, при содѣйствіи огня со всѣхъ батарей, двинулъ всѣ войска свои къ стѣнамъ и особенно къ Пивному двору, тылъ котораго хотѣлъ зажечь приметанными къ нему бревнами, дровами, хворостомъ, соломой и т. п. Но освѣщенные огнемъ ихъ, атакующіе подверглись мѣткимъ выстрѣламъ осажденных и отступили, а послѣдніе потушили огонь. При этомъ случаѣ атакующіе понесли со всѣхъ сторонъ большой уронъ убитыми и ранеными.

Вскорѣ послѣ того осажденные въ свою очередь положили перейти въ наступленіе и напасть на слабѣйшую часть блокадной линіи

непріятеля, именно противъ ротмистровъ Брушевскаго и Сумы, содержавшихъ заставы у Мишутина оврага и на Кляжемъ полѣ и отдаленныхъ отъ лагерей Сапѣги и Лисовскаго. 27 октября Долгорукій и Голохвастовъ произвели вылазку изъ Конюшенныхъ воротъ въ Мишутинъ оврагъ. Рота Брушевскаго, захваченная врасплохъ, была разсѣяна и самъ Брушевскій взятъ въ плѣнъ. Затѣмъ воеводы вошли на Княжее поле и опрокинули роту Сумы въ Благовѣщенскій оврагъ. Сапѣга послѣнно выслалъ въ помощь нѣсколько конныхъ и пѣшихъ войскъ, приближеніе которыхъ удержало воеводъ отъ дальнѣйшаго преслѣдованія бѣжавшихъ, и они воротились въ монастырь безъ всякаго урона.

Но этотъ частный успѣхъ не улучшилъ положенія осажденныхъ, а напротивъ повелъ къ болѣе тѣсному обложенію монастыря. Осаждавшіе придвинули блокадную линію ближе къ нему и засѣли по прудовымъ ямамъ и плотинамъ, препятствуя осажденнымъ брать изъ нихъ воду и выгонять скотъ на водопой. Но осажденныхъ особенно встревожило показаніе Брушевскаго, что осаждавшіе ведутъ подкопъ подъ стѣны, но гдѣ — невѣстно. Веденіе непріателемъ подступнаго рва отъ мельницы до высоты насупротивъ Красныхъ воротъ, подало поводъ подозрѣвать, что изъ него ведется подкопъ противъ восточной части ограды. Вслѣдствіе того вслѣпо было устроено частые слуховые колодцы подъ башнями и плинными ходами стѣнъ и вырытъ глубокій ровъ передъ всею восточною стѣною. Непритель, замѣтивъ эту работу, выслалъ противъ нея пѣхоту, но она потеряла большой уронъ отъ огня пушекъ и пищадей и затѣмъ была опрокинута вылазкой. Взятые при этомъ въ плѣнъ поляки подтвердили, что подкопы ведутся, но не знали — гдѣ. Вслѣдствіе того, 1 ноября въ 9 ч. утра произведена была вылазка копницей и пѣхотой въ направленіи подступнаго рва, но она была отражена съ урономъ 190 чел. убитыми и ранеными и 7 плѣнныхъ.

Въ монастырь распространился ужасъ и страхъ внезапнаго и губительнаго взрыва. А Сапѣга въ слѣдующую же ночь приказалъ прикатить отъ подступнаго рва ближе къ стѣнамъ туры и тарасы, и подъ прикрытіемъ ихъ вести войска на новый приступъ. По ночью польскіе рабочіе сильно потерпѣли отъ огня осажденныхъ, а когда разсвѣло, послѣдніе произвели вылазку, прогнали рабочихъ и овладѣли турами и тарасами, изъ которыхъ нѣкоторые были сожжены, а другіе унесены въ монастырь. Другая вылазка 4 ноября, хотя и въ меньшихъ силахъ, однако имѣла важныя послѣдствія. Нѣсколько пѣшихъ людей, выйдя къ Нагорному пруду, направились къ подступному рву. На встрѣчу имъ изъ него выскочили поляки и русскіе мятежники, и произошла довольно сильная схватка, въ которой съ обѣ-

ихъ сторонѣ было нѣсколько убитыхъ и много раненыхъ. Но осажденнымъ удалось взять въ плѣнъ одного израненаго дѣдипловскаго казака, который, горько раскаляясь въ своей измѣнѣ, успѣлъ передъ смертью объявить, что подкопъ ведется подъ юго-восточную угольную башню. Вслѣдствіе того, немедленно было приказано вывести позади этой башни, отъ южной стѣны до Святыхъ воротъ, стѣну изъ тарасовъ, насыпанныхъ землей, огражденную частоколомъ, и поставить на ней пушки.

Въ слѣдующую ночь перебѣжавшій въ монастырь донской казакъ подтвердилъ, что подкопъ ведется подъ юго-восточную башню и уже готовъ, и что его хотѣтъ зарядить 8 ноября. Тогда осажденные, съ общаго совѣта, положили сдѣлать сильную вылазку въ то время, когда, по расчету времени, подкопъ вѣроятно имѣлъ быть заряженъ, но входъ въ него еще не заложенъ; для бѣльшаго же удобства вылазки—открыть потаенныя ворота изъ-подъ стѣны въ ровъ возлѣ Сушиль-ной башни, и придѣлать къ нимъ трое желѣзныхъ воротъ.

Наступала 7-я недѣля со времени начала осады, но никогда еще оговоръ осаждавшихъ не былъ такъ жестокъ, какъ 9 ноября: даже во внутренности Троицкаго собора нельзя было укрыться отъ него. Но осажденные были утѣшены тѣмъ, что огнемъ пушекъ своихъ съ башни Водяныхъ воротъ успѣли испортить заправку, а съ Красной башни и Святыхъ воротъ разбить жерло—огромной польской пушки, подъ названіемъ трещеры, находившейся въ Терептвевской роцѣ и наносившей наиболѣе вреда.

Наканецъ 9 ноября—важный день для защитниковъ монастыря—за 3 часа до разсвѣта, воеводы пришли къ потаенному ходу и велѣли людямъ мало по малу выходить въ ровъ и до времени скрываться въ немъ. Въ то же время изъ Пивпаго двора вышли головы Есиповъ, Маринъ и Юрій Редриковъ съ своими сотнями и крестьянами и засѣли на луковомъ огородѣ и на плотинѣ Краснаго пруда, а головы Ходыревъ, Болховскій, Зубовъ и Анастасій Редриковъ съ многими пѣшими сотнями и всею конницею вышли изъ Коношениныхъ воротъ. Монахи были распределены по всемъ частямъ войскъ, для поощренія ихъ; въ ясакъ (отзывъ) даво было имя Святаго Сергія. Незамѣтному выступленію осажденныхъ изъ монастыря благоприятствовали густыя и темныя тучи, затмѣвавшія наступавшій утренній свѣтъ. Но когда все было готово, сильный вѣтеръ разсѣялъ эти тучи и сдѣлалось ясно. Тогда ударили три раза въ осадные колокола и по этому условному знаку осажденные быстро двинулись впередъ. Ходыревъ съ товарищами, обогнувъ сѣверо-восточный уголъ монастыря, съ громкимъ крикомъ ударилъ на поляковъ около Служней слободы, смаялъ и прогналъ ихъ за мельницу на лугъ

Голова Впуковъ, выскочивъ изъ-рва, бросился отъ Святыхъ воротъ къ подступному рву, выбилъ оттуда неприятелей и также опрокинулъ ихъ подъ гору па нижній монастырь и за мельницу. При этомъ отысканъ былъ входъ въ подкопъ, и двое Клементьевскихъ крестьянъ, Шиловъ и Слота, отважились спуститься въ него и поджечь порохъ, но не успѣли выбѣжать и поплатились жизнью за свой геройскій подвигъ. Такъ какъ входъ въ подкопъ не былъ еще заложенъ, то монастырскія стѣны остались невредимы, но весь подкопъ былъ разрушенъ.

Между тѣмъ Есиповъ съ товарищами, пройдя черезъ плотину Краснаго пруда, смѣло, но безуспѣшно приступалъ къ батарее на горѣ Волкушѣ, былъ раненъ, а сотни его отбитыя, отступили до нижняго монастыря къ отряду Впукова. Послѣдній остановилъ по плотинѣ и по берегу Крутлаго пруда поляковъ и русскихъ пзмѣтниковъ, преслѣдовавшихъ отрядъ Есипова. Они не выдержали нападенія Впукова и, гонимые имъ до Терентьевской рощи и горы Волкуши, понесли большой уронъ. Но когда Впуковъ воротился къ нижнему монастырю, пзмѣнитческіе казаки снова подступили къ нему и атаманъ ихъ Чика выстрѣломъ изъ самчала убилъ храбраго Впукова.

Воеводы, видя, что цѣль вылазки была уже достигнута, а кровь защитниковъ монастыря все еще проливалась безъ особенной пользы, приказали всѣмъ воротиться въ монастырь. Но нелегко было уговорить на то разгоряченныхъ боемъ ратниковъ: многіе изъ нихъ и особенно монахи вовсе не послушались и продолжали биться близъ московской дороги. А чапникъ старецъ Нифонтъ вышелъ изъ Пивнаго двора съ 200 ратниковъ и 30 монахами, перешелъ черезъ ручей и бросился на батареи на Красной горѣ. Увидавъ это съ монастырскихъ стѣнъ, многіе бросились изъ Конюшенныхъ воротъ на помощь отряду Нифонта, не смотря на сопротивление Голохвастова. Конныя и пѣшія сотни быстро двинулись на Красную гору, приняли на себя отбитый отъ него отрядъ Нифонта и вмѣстѣ съ нимъ снова взошли на гору. Но и тутъ они подверглись жестокому перекрестному огню съ фронта, лѣваго фланга и даже съ тыла изъ Терентьевской рощи, и пришли въ разстройство. Поляки и русскіе пзмѣтники, пользуясь тѣмъ, вышли изъ батарей Красной горы и погналы монастырскихъ подъ гору; но, остановленные огнемъ монастыря, воротились на гору. Однако монастырскіе герои не отказались отъ своего предпріятія, а только, наученные опытомъ, положили взять батареи съ тыла. Скрытно двинувшись подъ горою вправо, они засѣли въ Глпняномъ, Косомъ и Благовѣщенскомъ оврагахъ, и когда такимъ образомъ уже обошли батареи, Ходыревъ съ маючисленною конною

дружиной первый выскочилъ изъ Косаго оврага и помчался полемъ прямо въ тылъ крайней лѣвой фланговой 9-й батареи, а за нимъ послѣдовали и остальные конные и пѣшіе люди. Пораженный этимъ непріятель покинулъ 9-ю батарею и бросился къ 8-й и 7-й, но былъ постепенно выбитъ изъ той и другой. Овладѣніе остальными двумя батареями, 6-ю и 5-ю, потребовало гораздо большіхъ усилій, потому что Сапѣга успѣлъ привести сильное подкрѣпленіе. Однако, послѣ упорнаго боя, непріятель не могъ отстоять 5-й и 6-й батарей и былъ принужденъ отступить въ свой лагерь. Такимъ образомъ упорный и жестокій бой этого знаменательнаго дня 9-го ноября, продолжавшійся непрерывно съ ранняго утра до вечера, кончился полною и блистательною побѣдой горсти геройскихъ защитниковъ монастыря надъ превосходными силами осаждавшихъ. Трофеями побѣдителей были 8 пушекъ, множество разнаго рода оружія, нѣкоторое количество ядеръ и нѣсколько бочекъ пороха. Батареи на Красной горѣ были сожжены. Сапѣга понесъ большой уронъ: побѣдители насчитали до 1,500 убитыхъ непріятелей на мѣстахъ боя; кромѣ того, у непріятелей было 500 раненыхъ и взято нѣсколько пленныхъ. Но недешево стоила побѣда и осаждавшимъ: у нихъ было убито 174 и ранено 66 ч., что, по малочисленности ихъ, было для нихъ очень чувствительно. Гоасафъ и воеводы послали Василю въ Москву донесеніе о побѣдѣ, отъ которой ожидали большаго облегченія для себя.

Ожиданія ихъ были не напрасны: Сапѣга не помышлялъ уже о возстановленіи разрушенныхъ батарей и подступовъ и о продолженіи осадныхъ работъ, чему препятствовала наступавшая зима. Однако, прежде нежели превратить осаду въ блокаду, онъ хотѣлъ отмстить за понесенное имъ пораженіе. Для этого онъ устроилъ засады у Рыбныхъ садовъ, въ Сазоновѣ и Минутниѣ оврагахъ, а къ монастырю выслалъ небольшой отрядъ, дабы выманить вылазку и навести ее на засады. Но это не удалось ему: вылазка изъ монастыря хотя и погналась за отрядомъ Сапѣги, но во-время была отозвана назадъ, когда съ колокольнымъ были усмотрѣны засады. Непріятель преслѣдовалъ ее подъ самыя стѣны, но сильный огонь изъ бейнницъ заставилъ его поспѣшно удалиться. Послѣ того Сапѣга превратилъ уже осаду въ тѣсную блокаду, чѣмъ до слѣдующей весны и заключились военныя дѣйствія подъ Тропцкимъ монастыремъ.

Между тѣмъ какъ горсть защитниковъ его геройски отбивалась отъ превосходныхъ силъ Сапѣги и Лисовскаго, въ ближайшемъ пространствѣ вокругъ монастыря отряды, посылаемые Сапѣгой на поиски, нигдѣ не встрѣчали должнаго сопротивленія, а напро-

тивъ находили содѣйствіе велѣдствіе измѣны либо малодушіи. Такъ первый покорился имъ Суздаль, потомъ Владиміръ и Переяславль, а Ростовъ былъ разграбленъ и сожженъ, жители же его по множествѣ истреблены. Изъ Ярославля импентѣйшіе жители бѣжали, а оставшіеся покорились; романовскіе татары и города: Рыбна (Рыбинскъ), Молога, Угличъ, Кашипитъ, Вѣжецкій - Верхъ, Городецъ, Устюжна, Бѣлозерекъ, Чароуда, Пошехонье, Кострома и Галичъ покорились самозванцу безъ сопротивленія. Многіе города (Вологда, Тотма и др.) покорились даже не отрядамъ, а по одиѣмъ грамотамъ. На правой сторонѣ Волги вся мордва, горныя черемисы, многіе города (въ томъ числѣ Шуя и Муромъ) и даже каспійскій царь съ своимъ городомъ покорились самозванцу сами собою. Но въ заволжскихъ областяхъ самозванецъ находилъ мало приверженцовъ и склонности покориться ему, однако и къ законному правительству тамъ не было усердія.

Подъ Москвою ничего важнаго не происходило. Василій, не желая бесполезно изпурять войска расположеніемъ зпмою въ стагѣ, 6 декабря приказалъ размѣстить ихъ по домамъ деревяннаго города, оставя только заставу на Вагачковѣ отъ своего полка. Князь Воротыпскій съ передовымъ полкомъ расположился у Петровскихъ воротъ, князь Иванъ Ивановичъ Шуйскій съ большимъ у Тверскихъ, князь Мстиславскій съ царскимъ или государевымъ у Никитскихъ, князь Черкасскій съ сторожевымъ у Арбатскихъ, отрядъ князя Василя Василовича Голицына у Чертольскихъ, отряды князя Димитрія Ивановича Шуйскаго у Калужскихъ, Василя Ивановича Бутурлина у Яузскихъ, князя Хворостинина за Язую, князя Куракина у Покровскихъ воротъ, князя Лыкова у Фроловскихъ и князя Андрея Васильевича Голицына у Срѣтенскихъ.

Самозванецъ, съ своей стороны, видя, что все государство постепенно покоряется ему, надѣялся безъ большихъ усилій окружить, стѣснить и принудить къ сдачѣ самую Москву. Только со стороны Новгорода, въ которомъ Скопинъ собиралъ войско, онъ усматривалъ еще опасность для себя, и потому положилъ занять этотъ городъ и разсѣять собиравшееся въ немъ войско. Исполненіе этого онъ поручилъ польскому полковнику Кернозицкому съ 2 т. полковъ и съ 4 т. русскихъ измѣнниковъ изъ Тушина.

Кернозицкій, слѣдуя къ Новгороду, занялъ безпрепятственно Тверь и Торжокъ и двинулся далѣе. Скопинъ, узнавъ о томъ, положилъ выслать сильный отрядъ въ Бронницы, для предположенія Кернозицкаго къ переправѣ черезъ р. Мету. Окопавшій Татищевъ самъ вызвался начальствовать этимъ отрядомъ, но на него донесли, что

онъ хотеть измѣнить и способствовать Кернозицкому овладѣть Новгородомъ. Скопинъ, собравъ всѣ свои войска, неосторожно объявилъ имъ о томъ въ присутствіи Татищева—и раздраженные ратники убили его. Слѣдствія этого были очень невыгодны: многіе дворяне, не видя личной безопасности для себя отъ доносовъ и самовольства войскъ, выѣхали изъ Новгорода и искали убѣжища въ станѣ Кернозицкаго; въ Бронницы не былъ посланъ отрядъ, и Керпозицкій, безпрепятственно подступивъ къ Новгороду, сталъ у Хутынскаго монастыря, стѣснилъ городъ и сталъ разорять окрестности его.

Скопинъ былъ въ большемъ затрудненіи: для него одинаково ненадежнымъ и даже опаснымъ казалось терпѣть непріятеля въ такомъ близкомъ разстояніи отъ города, наполненнаго своевольною чернью, и идти противъ Кернозицкаго съ войскомъ, еще малочисленнымъ и непослушнымъ. Къ счастью, жители лѣсовъ Оболенской Пятны, простые нравами и непричастные повсемѣстному духу смутъ, узнавъ объ опасности, угрожавшей Новгороду, поднялись на выручку его и послали два отряда, хотя и малочисленные: одинъ въ 1 т. чел. подъ начальствомъ Горихвостова изъ Тихвина и за нимъ другой изъ заонежскихъ погостовъ. По прибытіи Горихвостова въ Грузино, непріятель перехватилъ у него нѣсколькихъ людей, которые, на спросъ Кернозицкаго о числѣ подступавшаго войска, просто, безъ умысла сказали, что очень много, и что за ними идетъ еще болѣе. Кернозицкій, повѣривъ имъ, не отважился оставаться подъ Новгородомъ, поспѣшилъ отступить за р.р. Мсту и Ловать и занялъ Старую Руссу.

Освобожденіе Новгорода мало измѣняло однако жалкое положеніе государства, въ которомъ только Москва, Коломна, Переяславль-Рязанскій, Казань, Нижній-Новгородъ, Смоленскъ, Новгородъ и Троицкій монастырь стояли еще за Василія. И хотя они были многочисленны и богаты средствами и способами для военныхъ дѣйствій, но были разрознены и не могли дѣйствовать въ связи и совокупности. Кромѣ того, умы повсюду крипили въ такое расслабленіе, что направлялись либо къ измѣнѣ, либо къ малодушію. Даже въ самой Москвѣ, во всѣхъ сословіяхъ, нравственныя понятія до того исказились, что присяга, долгъ и честь вмѣнялись ни во что и ихъ замѣнили только одинъ низкій, своекорыстный расчетъ. Даже люди изъ знатнѣйшихъ родовъ отъѣзжали въ Тушино къ самозванцу, а иные нѣсколько разъ переѣзжали изъ Москвы въ Тушино и обратно, дабы и тамъ, и здѣсь получать жалованье! Корыстолюбіе побуждало даже снабжать самозванца изъ Москвы солью и лекаственными веществами, въ которыхъ онъ нуждался, а потомъ и оружіемъ.

Василій, окруженный, такимъ образомъ, вѣроломствомъ и измѣной, удерживалъ однако Москву въ повиновеніи, при содѣйствіи какъ украинскихъ помѣщиковъ, преданныхъ ему изъ личныхъ выгодъ, такъ особенно высшаго духовенства. Но онъ видѣлъ, что бѣдствія должны были рано или поздно сокрушить власть его и что однимъ средствомъ спасенія оставалась только внѣшняя помощь. Сношенія съ шведами, начатыя Скопиннымъ, поддерживали надежду на помощь Швеціи; но еще прежде полученія оной и сбора войскъ Скопиннымъ въ Новгородѣ, Василій хотѣлъ придвинуть къ Москвѣ, на выручку ея, сколько можно болѣе войскъ. Съ этою цѣлью онъ приказалъ Шейну въ Смоленскѣ собрать новую рать, а Шереметеву, съ острова Бальчика подъ Астраханью, идти съ низовою ратью къ Москвѣ, считывая, что присоединеніе этихъ двухъ ратей составило бы довольно значительное войско въ Москвѣ.

Но и сами сподвижники самозванца, своими насильствами, грабѣжами и злодѣйствами въ замосковныхъ городахъ и земляхъ, до того раздражили и озлобили противъ себя жителей, что они рѣшились снова покориться Василію. Галичь, Кострома, Вологда, Бѣлозерскъ, Устюжна, Городецъ, Бѣжецкій-Верхъ и Кашинь почти въ одно время отложились отъ самозванца и стали собирать свои ополченія. То же дѣлали и въ Устюгѣ и Сольвычегодскѣ. И на правой сторонѣ Волги, благодаря неизмѣнной вѣрности Нижняго-Новгорода, дѣла принимали благопріятный для Василія оборотъ. Нижегородцы просили помощи Шереметева, и онъ, тотчасъ по прибытіи въ Казань, выслалъ имъ головъ Микуллина и Изпоскова съ отрядомъ стрѣльцовъ, казаковъ и служивыхъ литовцовъ и пѣмцовъ. По прибытіи этого отряда 1-го декабря въ Нижній-Новгородъ, нижегородцы прежде всего двинулись противъ мятежниковъ, собиравшихся на лѣвой сторонѣ Оки въ Балахнѣ. Главный воевода князь Репнинъ остался въ Нижнемъ-Новгородѣ, а товарищъ его Алябьевъ 2-го декабря переправился съ отрядомъ за Оку и на полпути до Балахны, при деревняхъ Копосовѣ и Козинѣ, встрѣтивъ мятежниковъ, разбилъ ихъ, отбилъ у нихъ пушки, взялъ много плѣнныхъ, преслѣдуя ихъ овладѣлъ и Балахною и воротился въ Нижній-Новгородъ. Но главныя силы мятежниковъ, изъ разнаго сброда, подъ предводительствомъ князя Вяземскаго, шли по правой сторонѣ Оки на отмщеніе за пораженіе мятежниковъ лѣвой стороны. Алябьевъ двинулся и противъ нихъ и ихъ также разбилъ на-голову 5 декабря подъ Богородскомъ, преслѣдовалъ ихъ 15 верстъ и отбилъ у нихъ знамена, набаты и 500 чел. плѣнныхъ, въ томъ числѣ самаго Вяземскаго, котораго нижегородцы повѣсили. Послѣ того нижегородскіе воеводы, ободренные этими успѣхами, положили, не ограничиваясь обороной, перейти къ

наступательнымъ дѣйствіямъ. 9 декабря Алябьевъ снова двинулся изъ Нижняго-Новгорода вверхъ по правому берегу Оки, разбилъ и разсѣялъ шайки мятежниковъ 10 декабря при Ворсмѣ и 11-го при Павловѣ, съ большимъ для нихъ урономъ.

Слѣдствіемъ этого было то, что и окрестныя селенія, и города на лѣвой сторонѣ Оки постепенно возстали противъ самозванца и покорились Василию. Но Сапѣга 5 декабря выслалъ противъ Галича Стравинскаго съ 500 чел. конницы, а вслѣдъ за нимъ 10 декабря и Лисовскаго съ 2 т. донскихъ казаковъ. Первый разбилъ 7 тыс. крестьянъ подъ Великою Солью и сжегъ посадъ, а второй, переправясь въ Ярославль черезъ Волгу, подступилъ къ острогу Монастырскаго въ Даниловѣ и, послѣ довольно жаркаго боя, взялъ острогъ и нанесъ защищавшимъ его крестьянамъ большой уронъ. Затѣмъ оба они двинулись къ Костромѣ и Галичу, и 28 декабря Лисовскій овладѣлъ Костромою, разорилъ ее въ конецъ, на страхъ городамъ, отлагавшимся отъ самозванца, и вскорѣ затѣмъ безпрепятственно занялъ Галичъ. Онъ не пошелъ далѣе, считая себя не довольно сильнымъ для того, и ограничился только занятіемъ Соли-Галицкой передовымъ отрядомъ своимъ.

Осторожность его была нелишняя: сѣверо-восточныя области и особенно Вологда успѣшно вооружались и готовились къ упорной оборонѣ. Вологду жители сильно укрѣпили двумя острогами съ башнями, рвомъ и тыномъ и вооружили ихъ пушками. Къ вооруженнымъ жителямъ присоединилось много ратниковъ изъ разныхъ сѣверо-восточныхъ городовъ. Часть жителей Вычегоды, Устюга и Тотмы стала на р. Сосьюгѣ, въ 20 верстахъ отъ Соли-Галицкой, прикрывая дорогу въ Тотму. Кромѣ того, жители Тотмы содержали заставы при засѣкахъ на р. р. Толмѣ и Вотчѣ и въ Демьяновѣ. Впрочемъ Лисовскій, отозванный Сапѣгой, вскорѣ воротился подъ Троицкій монастырь.

Укрощеніе возставшихъ крестьянъ на правомъ берегу Волги взялъ на себя суздальскій воевода самозванца Плещеевъ. 8 декабря онъ двинулся къ Шуѣ и на пути туда былъ подкрѣпленъ польскою ротой Соболевскаго изъ Владиміра. Собравшіеся въ Шуѣ 25 тыс. крестьянъ, хотя упорно защищались по дворамъ, но не могли спасти города: Плещеевъ взялъ острогъ и сжегъ посады. Но крестьяне не унывали и, снова собравшись въ числѣ до 30 т. чел., двинулись къ Шуѣ, а Плещеевъ имъ на встрѣчу — и 11 февраля 1609 года, послѣ упорнаго боя съ ними отъ разсвѣта до полудня при селѣ Душиловѣ, въ 16 верстахъ отъ Шун, былъ на-голову разбитъ, такъ что едва успѣлъ укрыться въ Суздаль лишь съ небольшимъ числомъ ратниковъ. Побѣдители вслѣдъ за нимъ подступили къ Суздалью, но

въ свою очередь были разбиты подъ этимъ городомъ Плещеевымъ, подкрѣпленнымъ 2-мя ротами пятигорцовъ, присланными Сапѣгой подъ начальствомъ ротмистра Мирскаго. Отстоявъ Суздаль, Плещеевъ выслалъ изъ него на поискъ поляковъ и казаковъ, которые 6 марта овладѣли Холуйскимъ посадомъ и Кляземскимъ городкомъ.

§ 202.

Война въ 1609 г.—Осады: Троицкой-Сергіевой лавры (продолженіе) и Смоленска (начало).

За Волгой на сѣверо-востокѣ крестьяне имѣли лучшій успѣхъ, нежели подъ Суздалемъ. По удаленіи Лисовскаго, они въ числѣ до 10 т. чел. почти безпрепятственно заняли Галчъ и Кострому, а воевода самозванца въ послѣдней Вельяминовъ засѣлъ въ Ипатіевскомъ монастырѣ близъ нея, за р. Костромою. Другой отрядъ крестьянъ, подъ начальствомъ воеводы Вышеславцева, присланнаго Скопинымъ изъ Новгорода, двинулся изъ Вологды къ Романову, разбилъ вышедшихъ изъ него на встрѣчу ему боярскихъ дѣтей и татаръ и 3 марта взялъ Романовъ приступомъ, не смотря на подкрѣпленіе мятежниковъ Галбовичемъ съ 300 поляками и казаками изъ Ярославля. Галбовичъ отступилъ въ Ярославль, а татары въ Ростовъ.

Вышеславцевъ, усиливъ свое ополченіе до числа 40 т. челов., двинулся къ Ярославлю, изъ котораго на встрѣчу ему вышелъ Тышкевичъ, присланный Сапѣгой, съ нѣсколькими польскими ротами и ярославскими боярскими дѣтьми. Вышеславцевъ раздѣлилъ свое ополченіе на 3 полка, шедшіе одинъ за другимъ по одной дорогѣ. При приближеніи Тышкевича, передовой и большой полки отступили на сторожевой, стоявшій позади за засѣками. Тышкевичъ, принявъ это за бѣгство, стремительно бросился влѣдъ за отступавшими. Глубокій снѣгъ не позволялъ преслѣдовать ихъ конницею иначе, какъ только по дорогѣ, на которой впереди засѣкъ стояла конница Вышеславцева, имѣя по сторонамъ нѣсколько пѣшихъ ратниковъ на лыжахъ, а позади остальную пѣхоту. Поляки съ перваго удара смяли конницу Вышеславцева, но, преслѣдуя ее, встрѣтили упорное сопротивленіе за засѣками. Ярославскія боярскія дѣти, видя, что дѣло принимаетъ дурной для Тышкевича оборотъ, не только покинули его, но и напали на него. Тогда ему осталось только отступить, но лыжники охватили съ обѣихъ сторонъ единственный путь отступленія его, и такимъ образомъ Вышеславцевъ успѣлъ отрѣзать и истребить нѣсколько казачьихъ сотень.

Тышкевичъ не посмѣлъ даже защищаться въ Ярославлѣ, который 8 апрѣля и былъ занятъ безъ сопротивленія Вышеславцевымъ. Послѣдній немедленно послалъ отрядъ на освобожденіе Углича. Находившіеся въ немъ 200 поляковъ и нѣмцовъ очистили его, а жители его приняли царскій отрядъ съ хлѣбомъ и солью. Отрядъ этотъ пошелъ далѣе къ Колязину монастырю, но 21 апрѣля встрѣтилъ тутъ сильное сопротивленіе и, отбитый съ урономъ, воротился въ Угличъ.

Между тѣмъ Алябьевъ съ нижегородскою ратью дѣйствовалъ довольно медленно на берегахъ Ови. Хотя 7 января онъ и разбилъ подъ Яковцевомъ отрядъ мятежниковъ, посланный изъ Мурома, и 16 января находился уже въ 20 верстахъ отъ этого города, однако долго ничего не предпринималъ противъ него и только въ половинѣ марта вступилъ въ него по соглашенію съ жителями и послалъ отрядъ къ Владиміру. Жители его возстали противъ воеводы самозванца, Вельяминава, побили его камнями, приняли царскій отрядъ и вмѣстѣ съ нимъ, въ числѣ около 15 т. чел., двинулись къ Суздалью. Плещеевъ просилъ помощи у Сапѣги, который и послалъ ему Лисовскаго съ 3 т. донскихъ казаковъ и 3 пушками, и Стравинскаго съ нѣсколькими ротами поляковъ. Прибывъ 3-го апрѣля къ Суздалью, они разбили подъ нимъ царское войско, по польскимъ свидѣтельствамъ—будто бы такъ, что 11 т. чел. изъ него осталась на мѣстѣ и только 4 т. успѣли спастись во Владиміръ! Живо преслѣдуя ихъ, Лисовскій, Стравинскій и Плещеевъ подступили къ Владиміру, но, найдя его сильно занятымъ, 6 апрѣля воротились въ Суздаль. 12 апрѣля Лисовскій, оставивъ въ Суздальѣ ротмистра Суму съ 6 польскими ротами и 200 казаковъ, по порученію Сапѣги двинулся съ 3 т. казаковъ на соединеніе съ отрядомъ поляковъ и русскихъ мятежниковъ, который, подъ начальствомъ самозванцева воеводы Наумова, 30 апрѣля подступилъ къ Ярославлю. Наумовъ, не полагая встрѣтитъ сильное сопротивленіе, не дождался прибытія Лисовскаго и тотчасъ же пошелъ на приступъ большаго острога, прикрывавшаго посадъ. Начальствовавшіе въ острогѣ воеводы князь Гагаринъ и Вышеславцевъ оборонялись храбро цѣлый день и отбили всѣ приступы Наумова. Но въ слѣдующую ночь послѣдній успѣлъ зажечь острогъ близъ Власьевскихъ воротъ и въ тоже время одними измѣнниками отворилъ ему Семеновскія ворота, ворвавшись въ которыя, Наумовъ сжегъ посадъ, а изъ защитниковъ его многіе были убиты, другіе же разсѣялись по окрестностямъ. Но Гагаринъ и Вышеславцевъ съ оставшимися при нихъ людьми засѣли въ другомъ, меньшемъ острогѣ, въ рубленомъ городѣ и въ Спасскомъ монастырѣ. 3-го мая Наумовъ цѣлый день

приступалъ къ острогу безъ успѣха и 5-го до 'разсвѣта произвелъ новый приступъ съ цѣлюю захечь также и этотъ острогъ. Защитники его не только оборонялись въ немъ упорно, но и производили удачныя вылазки, взяли въ плѣнъ многихъ мятежниковъ и отняли у нихъ щиты и приметы. Около полудня Наумовъ, не видя успѣха, отступилъ по угличской дорогѣ, но встрѣтивъ спѣшившаго на помощь ему Лисовскаго, вмѣстѣ съ нимъ снова подступилъ 8 мая къ Ярославлю и осадилъ его. Ярославцы просили помощи сосѣднихъ городовъ, и устюжане снабдили ихъ порохомъ, а людей они ожидали изъ Костромы. Но начальствовавшій въ ней воевода Жеребцовъ не отважился идти на помощь Ярославлю и только осадилъ 1 мая Ипатіевскій монастырь, для развлеченія непріятеля. Вельямповъ цѣлый день бился съ Жеребцовымъ, чтобы не допустить обложенія, но къ ночи былъ принужденъ запереться въ монастырь. Жеребцовъ устроилъ вокругъ послѣдняго земляной валъ со рвомъ, обонми концами упиравшійся въ р. Кострому, и отъ него повелъ подступной ровъ.

Между тѣмъ подъ Ярославлемъ Наумовъ и Лисовскій не имѣли успѣха, нуждаясь въ пѣхотѣ и осадныхъ пушкахъ, и бесполезно простоявъ двѣ недѣли, 23 мая сняли осаду и Лисовскій пошелъ внизъ по правому берегу Волги на помощь Вельяминову, а Наумовъ съ полкомъ Микулинскимъ къ Вельяму Селу, для прикрытія Ростова и Борисоглѣбскаго монастыря. Тутъ они оставались до тѣхъ поръ, когда узнали, что довольно значительный царскій отрядъ, подъ начальствомъ головъ Квашнина, Батюшкова и Суворова, овладѣлъ Городецкимъ острогомъ, Кашинымъ и Колязинымъ монастыремъ и даже переправился въ Угличъ на правую сторону Волги, что угрожало Ростову и даже стану Салѣги подъ Троицкимъ монастыремъ. Дабы остановить дальнѣйшее движеніе этого отряда, Микулинскій двинулся противъ него, а Наумовъ обезпечилъ тылъ его въ Ростовѣ. Микулинскій разбилъ царскій отрядъ подъ Угличемъ, сжегъ этотъ городъ и половину посады и, переправясь на лѣвую сторону Волги, ввезаннымъ нападѣніемъ взялъ Городецкій острогъ и сжегъ его.

Впрочемъ царскіе приверженцы продолжали успиваться и утверждаться на Волгѣ выше Нижняго Повгорода. Но за то приверженцы самозванца сохраняли во всей силѣ вліяніе свое въ мордовской землѣ, и, пзъ страха Алябьева не смѣя болѣе дѣйствовать на берегахъ Оки, обратили свои усилія въ другую сторону, подступивъ къ Свияжску. Казанскіе воеводы и Шереметевъ выслалъ противъ нихъ изъ Казани войска, которыя 1-го января 1609 г. разбили мятежниковъ подъ Свияжскомъ и преслѣдовали ихъ 7 верстъ.

Пользуясь этимъ, самъ Шереметевъ выступилъ изъ Казани и осадилъ Чебоксары. Арзамаскіе же мурзы Бибай и Теребердей, бѣжавшіе изъ-подъ Свияжска, переправясь за Волгу въ Козьмодемьянскѣ, двинулись къ Санчурску и Яранску, которые покорились имъ безъ сопротивленія. Засѣвъ въ нихъ, мурзы безуспѣшно старались возмутить сосѣдственную вятскую землю. Царскій воевода въ ней князь Ухтомскій выслалъ войска для прикрытія ея со стороны Яранска. Нѣсколько времени спустя, мятежники, пользуясь тѣмъ, что Шереметевъ былъ занятъ осадой Чебоксарь, снова собрались на нагорной сторонѣ, съ цѣлю опять напасть на Свияжскъ. Казанскіе воеводы выслали противъ нихъ сильный отрядъ подъ начальствомъ головъ Зюзина и Хохлова, которые 10 марта на-голову разбили ихъ близъ Бурундукова на р. Свиягѣ и взяли у нихъ множество плѣнныхъ, набаты и знамена. Впрочемъ, частныя успѣхи царскихъ войскъ не могли усмирить мятежной страны, для чего нужно было покорить Алатырь и Арзамась; царскія же войска, находившіяся по близости, не были въ состояніи осадить ихъ. Казанскіе воеводы не смѣли удалять изъ Казани необходимую для ея охраны рать; Шереметевъ осаждалъ Чебоксары; Алябьевъ же направлялъ свои дѣйствія преимущественно вверхъ по Окѣ, но былъ разбитъ подъ Касимовымъ войсками касимовскаго царя и едва успѣлъ воротиться въ Муромъ лишь съ небольшимъ числомъ своихъ войскъ.

На нижней Волгѣ астраханскіе казаки, тотчасъ по удаленіи Шереметева изъ подъ Астрахани, покорились самозванцу и привели къ нему въ Тушино своихъ двухъ самозванцовъ—царевнчей, которыхъ Тушинскій самозванецъ приказалъ повѣсить.

Лисовскій, продолжая идти внизъ по правому берегу Волги, разбилъ подъ Кивеншмой занимавшій ее отрядъ крестьянъ, начальствовавшего имъ воеводу Боборыкина взялъ въ плѣнъ, а Кивеншму разорилъ. Отсюда онъ пошелъ далѣе къ Юрьевцу, гдѣ хотѣлъ переправиться за Волгу, но во время этой переправы былъ разбитъ судовой ратью, посланною противъ него изъ Нижняго-Новгорода Шереметевымъ, уже взявшимъ Чебоксары. При этомъ большая часть конницы Лисовскаго, уже перевезенная на островъ Волги подъ Юрьевцомъ, была истреблена, а самъ Лисовскій, остававшійся еще на правомъ берегу съ небольшимъ числомъ своихъ людей, успѣлъ отступитъ. Судовая рать воротилась въ Нижній Новгородъ съ богатою добычей, а Лисовскій снова обратился къ Костромѣ и, не успѣвъ переправиться ниже ея за Волгу, послалъ казаковъ для отысканія судовъ выше. Дальнѣйшихъ извѣстій о событіяхъ подъ Костромой не имѣется; по такъ какъ скоро послѣ того Ипатіевскій монас-

тырь является уже во власти приверженцовъ Василия, то нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что Лисовскому не удалось заставить Жерсбцова снять осаду этого монастыря.

Ротмистръ Сума, оставленный Лисовскимъ въ Суздаль, уговорился съ суздальскимъ воеводой Плещеевымъ и съ атаманомъ Просовецкимъ, стоявшимъ съ казачьимъ отрядомъ въ Шуѣ, совокупными силами сдѣлать поискъ на Владиміръ. Хотя имъ и удалось 19-го іюня разбить подъ нимъ большой отрядъ царскихъ приверженцовъ, изъ котораго много людей погибло въ бою и потонуло въ Клязьмѣ, но они не отважились приступить къ Владиміру, занятому сильною пѣхотой, и воротились въ Суздаль, не только не взявъ Владиміра, но и потерявъ Лухъ и Шую, которые, по удаленіи Просовецкаго, были захвачены вооруженными крестьянами.

Между тѣмъ какъ все это происходило въ приволжскихъ странахъ, къ с. в. и в. отъ Москвы и Троицкой лавры, покореніе двухъ послѣднихъ — главная цѣль самозванца — вовсе не соотвѣтствовало желаніямъ и ожиданіямъ его.

Москва, не смотря на всѣ припятія имъ мѣры — стѣпненіемъ ея истощить въ ней запасы продовольствія, еще не очень пуждалась въ немъ. Но новые знатные перебѣжчики изъ нея въ Тупино объявили, что она снабжается подвозами изъ большихъ складовъ въ Коломнѣ, и если ихъ отрѣзать, то она вскорѣ будетъ доведена до крайности. Вслѣдствіе того, самозванецъ приказалъ Хмѣлевскому съ отрядомъ изъ Каширы и другому отряду поляковъ и мятежниковъ изъ Владиміра идти къ Коломнѣ и овладѣть ею. Коломенскій воевода Бутурлинъ, узнавъ о томъ, просилъ помощи у Василия, который посильнѣе послать въ Коломну большое войско подъ начальствомъ воеводъ князя Прозоровскаго и Сукна. Они предупредили въ Коломнѣ Хмѣлевскаго, и когда онъ подступилъ, въ сильной вылазкѣ отбили и прогнали отрядъ его, а его самого взяли въ плѣнъ и затѣмъ воротились въ Москву, вмѣстѣ съ Бутурлинымъ, вмѣсто котораго былъ назначенъ Пушкинъ. Но подступленіе къ Коломнѣ владимірскаго отряда заставило Василия снова послать въ этотъ городъ войско подъ начальствомъ князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго. Послѣдній, прибывъ въ Коломну и узнавъ, что владимірскій отрядъ стоитъ въ 40 верстахъ отъ нея, въ селѣ Высоцкомъ, немедленно двинулся туда и на другой день на разсвѣтѣ произвелъ неожиданное неприятелемъ нападеніе на него, смялъ его, обратилъ въ бѣгство къ Владиміру и взялъ у него много плѣнныхъ, значительную казну и нѣсколько запасовъ. Это былъ первый подвигъ въ начальствованіи войскомъ — того, которому позже

суждено было проявить доблестную дѣятельность въ спасеніи, наконецъ, измученнаго отечества.

Однако самозванецъ считалъ занятіе Коломны столь важнымъ для себя, что вскорѣ снова отрядилъ къ ней полковника Млоцкаго съ довольно сильнымъ отрядомъ польскихъ войскъ, который и успѣлъ наконецъ осадить Коломну.

Положеніе Москвы съ каждымъ днемъ становилось труднѣе и безнадѣннѣе, и распространило между жителями упадокъ духа и уныніе. Среди такого-то расположенія умовъ, три брамольника—князь Романъ Гагаринъ, Григорій Сумбуловъ и Тимоѣей Грязный составили заговоръ—свергнуть Василия съ престола, п 17 февраля, съ 300 своихъ сообщниковъ, явились въ Кремль, требуя отъ бояръ сверженія Василия съ престола. Устрашенные этимъ бояре разбѣхались по домамъ, а заговорщики схватили въ Успенскомъ соборѣ патріарха Гермогена и привели его на лобное мѣсто. Но патріархъ безстрашно заклиналъ народъ оставаться вѣрнымъ присягѣ—и ни бояре, ни начальные люди, ни народъ не прістали къ заговорщикамъ. Тогда послѣдніе бросились въ Кремль, въ надеждѣ устранивъ Василия и принудить его отречься отъ престола. Но Василий безстрашно вышелъ на встрѣчу имъ и объявилъ, что они могутъ убить его, но что сверженіе его съ престола зависитъ отъ земскаго собора, призвавшаго его на царствованіе. Устрашенные мужествомъ его, заговорщики разбѣлись и — поспѣшили спастись въ Тушинскій станъ. Вѣрные же слуги Василия, видя его снисходительность къ важнымъ преступникамъ, убѣдили его наконецъ въ необходимости строгаго примѣра. Онъ вскорѣ былъ оказанъ надъ бояршномъ Крюкъ-Колычевымъ, который, за обѣщаніе, данное самозванцу убить Василия во время торжества Вербнаго Воскресенія, былъ подвергнутъ пыткамъ и казни.

Но когда, по случаю осады Коломны, подвозы изъ нея прекратились, московскіе хлѣботорговцы такъ возвысили цѣны на хлѣбъ, что бѣдные люди стали толпами бѣгать въ Тушино, а другіе, буйные, приступали къ Василию съ громкими заявленіями, что не имѣли болѣе силъ терпѣть лишеній продолжительнаго обложенія Москвы. Тщетно патріархъ увѣщевалъ хлѣботорговцовъ продавать хлѣбъ не выше установленной правительствомъ цѣны (по 2 рубля = $6\frac{2}{3}$ нынѣшнихъ серебряныхъ за четверть), корыстолюбіе взяло верхъ надъ чувствами состраданія и любви къ отечеству—и хлѣботорговцы не стали вовсе продавать хлѣба. Тогда Василий убѣждалъ келаря Троицкой лавры Авраамія Палицына вывезти на торгъ за установленную цѣну 200 четвертей ржи изъ богатыхъ житницъ лавры въ Москвѣ. Хлѣботорговцы испугались за свои ба-

рыши и рѣшились продавать свои запасы также по установленной цѣнѣ, что продолжалось довольно долго. Но когда новыхъ подвозовъ все еще не было, они снова стали возвышать цѣны — и Василій снова прибѣгнулъ къ Палицыну и убѣдилъ его опять вывозить на торгъ монастырскій хлѣбъ, что еще разъ возстановило назначенную цѣну.

Между тѣмъ какъ достояніе Троицкой лавры спасало Москву отъ голода, сама она продолжала геройское сопротивленіе, не смотря на разныя бѣдствія, которымъ подвергались доблестные защитники ея. Хотя зимнее время препятствовало осадѣ ея Сапѣгой, тѣмъ не менѣе осажденные не имѣли ни днемъ, ни ночью покоя, а трудность и опасность положенія ихъ все увеличивались. Съ наступленіемъ зимы, отъ стѣсненія въ кельяхъ и избахъ, дурной воды и недостатка въ хлѣбномъ винѣ и овощахъ развилась заразительная и смертельная цынга, такъ что наконецъ умирало до 100 чел. въ день и умершихъ негдѣ было хоронить. А между тѣмъ вылазки не прекращались почти ни на одинъ день и нѣкоторыя были довольно значительны. Важнѣйшею была произведенная въ одинъ изъ зимнихъ дней противъ непріятельскихъ заставъ съ сѣверной и восточной сторонъ монастыря. Пользуясь густою мглою, часть осажденныхъ, изъ пѣхоты, направилась къ нагорному пруду, на заставы русскихъ измѣнниковъ близъ Служней слободы, а другая часть, изъ конницы, на заставы въ Мишутинномъ оврагѣ и близъ Благовѣщенской роши. Послѣднія были смяты и прогнаны по Красной горѣ до Клементьевскаго пруда. Непріятель, получивъ подкрѣпленія, отгѣспилъ-было вылазку, но осажденные, подкрѣпленные въ свою очередь, рѣшительно отбросили поляковъ къ Клементьевскому пруду. На другой сторонѣ монастыря Лисовскій поддержалъ русскихъ измѣнниковъ казаками и припустилъ отрядъ осажденныхъ укрыться въ подстѣнномъ рѣѣ. Восводы послали противъ Лисовскаго конный отрядъ подъ предводительствомъ 22 монаховъ; туда же направилась и часть конныхъ ратниковъ съ Красной горы, другая часть которыхъ засѣла на ней и въ Глиняномъ оврагѣ. Лисовскій, не выждавъ нападенія, отступилъ, не безъ урона, за мельницу, Терептьевскую рошу и гору Волкушу, но увидавъ движеніе Сапѣги съ своими войсками Клементьевскимъ полемъ на Красную гору, бросился на нее во флангъ стоявшимъ на ней монастырскимъ ратникамъ и опрокинулъ ихъ къ Пивному двору, гдѣ они, оставившись за надолбами, защищались усорно. Не вида возможности выбить ихъ, Лисовскій обратился противъ отряда въ Глиняномъ оврагѣ. По начальствовавшій этимъ отрядомъ монастырскій служитель Пименъ Тепнеевъ храбро отразилъ Лисов-

скаго, который, опасаясь засады, не отважился напирать слишкомъ сильно, а Тененевъ сталъ отступать и укрылся въ Косомъ оврагѣ. Когда же Лисовскій бросился за нимъ, Тененевъ ранилъ его стрѣлою въ лѣвый високъ и Лисовскій упалъ съ коня, а смущенные ратники его посѣвши удалились съ нимъ въ станъ Сапѣги. Все Клементьевское поле покрылось отступавшими непріятелями, но польскіе воеводы князь Горскій, Тышкевичъ и Сума уговорили многихъ изъ нихъ обратиться назадъ въ бой, который и возобновился на Красной горѣ съ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ. Однако поляки, не смотря на лучшее вооруженіе свое и на превосходство числа своей конницы, не могли одолѣть малочисленныхъ и хуже вооруженныхъ монастырскихъ ратниковъ и наконецъ съ урономъ отступили въ свой станъ, потерявъ Горскаго убитымъ.

Успѣхъ этой вылазки и происшедшаго вслѣдствіе оной сильнаго боя утѣшилъ и ободрилъ осажденныхъ, но не облегчилъ труднаго положенія ихъ. Въ числѣ разныхъ нуждъ ихъ, особенно чувствителенъ былъ недостатокъ дровъ. Все, что въ монастырѣ было деревяннаго, уже было сожжено и необходимость заставляла дѣлать почти ежедневныя малыя вылазки для добыванія дровъ въ ближнихъ рощахъ. Но непріятель устраивалъ близь нихъ засады, которыя причиняли вылазкамъ немалый вредъ.

Еще опаснѣе для осажденныхъ было то, что единодушіе между ними стало ослабѣвать. Многие, подъ гнетомъ и тѣлеснаго, и нравственнаго истомленія, ревностно желали скорѣйшаго избавленія отъ невыносимыхъ страданій. А другіе даже замыслили предательство изъ личныхъ выгодъ. Раздоръ и измѣна уже начали вкрадываться въ монастырь. Долгорукій и Голохвастовъ явно враждовали другъ противъ друга: первый имѣлъ на своей сторонѣ ратниковъ, духовенство и монаховъ, а второй монастырскихъ служителей и крестьянъ. Доносъ Долгорукому, что казначей монастыря Дѣвочкинъ давно ссылается съ непріятелемъ и успѣлъ уговорить къ предательству даже самаго Голохвастова, и что къ этому дѣлу прикосновенна и проживавшая въ монастырѣ, бывшая королева ливонская Марія Владиміровна, въ монахиняхъ Марѳа — произвели необычайную смуту въ монастырѣ. Долгорукій схватилъ Дѣвочкина и подвергъ его допросу, а Голохвастовъ собралъ крестьянъ и хотѣлъ освободить его. Ходатайство Иоасафа и соборныхъ старцовъ спасло Дѣвочкина отъ казни, но его заключили въ темницу и съмена раздора и измѣны все-таки остались въ монастырѣ. Перебѣги изъ него продолжались и поставляли непріятеля въ извѣстность о всемъ, что происходило въ монастырѣ. Два перебѣжчика сообщили непріятелю, что монастырь снабжался водою посредствомъ подземныхъ трубъ,

проведенныхъ изъ нагорнаго пруда. Лисовскій послалъ разрыть плотины этого пруда и спустить воду изъ него черезъ Служень оврагъ въ рѣчку Кончурю, а чтобы скрыть это, приказалъ своимъ ратникамъ избѣгать боя съ монастырскими. Но это самое возбудило подозрѣнiе осажденныхъ и они, отхвативъ ночью одного польскаго часоваго, вывѣдали отъ него о раскопанiи плотины. Въ ту же ночь всѣ трубы были открыты и вода наполнила всѣ запасные пруды въ монастырѣ, а высланный оградъ перебилъ непріятельскихъ рабчпхъ, перекашывавшихъ плотину.

Между тѣмъ Гоасафъ неразъ просилъ черезъ Палицына помощи изъ Москвы. Его угѣшали обѣщанiями, которыхъ не могли исполнить, потому что сама Москва была въ стѣсненiи. Но когда Палицынъ заявилъ патриарху, что монастырь не продержится болѣе мѣсяца, если не получить помощи, Василій послалъ ему подкрѣпленiе, но почти ничтожное—только 60 казаковъ съ атаманомъ Останковимъ и 20 пудовъ пороха. А Палицынъ съ своей стороны послалъ съ Останковымъ Есипова съ 12 монастырскими служителями. Оба удачно пробрался въ монастырь и вступилъ въ него 13 февраля, съ потерей только 4 казаковъ, которыхъ Лисовскій приказалъ казнить въ виду монастыря. Осажденные жестоко отмстили за это варварство, казнивъ въ виду непріятеля 42 плѣнныхъ поляковъ и 19 казаковъ. Это привело непріятелей въ такое раздраженiе, что они хотѣли убить перваго виновника всего этого — Лисовскаго, и Сапѣга едва спасъ его отъ смерти.

Прибытiе слабаго подкрѣпленiя въ монастырь не оказало ему пользы: бѣльшая часть людей Останкова и Есипова стала жертвой цынги, которая продолжала свирѣпствовать въ монастырѣ до весны, но въ началѣ мая начала ослабѣвать и вскорѣ прекратилась, похитивъ во все время до 2 т. чел.

До того времени и Сапѣга, зная бѣдственное положенiе монастыря и считая скорое паденiе его неизбѣжнымъ, не предпринималъ противъ него ничего рѣшительнаго, а ограничивался только наблюденiемъ. Но въ маѣ, узнавъ, что зараза въ монастырѣ прекратилась, и видя, что осажденные не перестаютъ обороняться, онъ положилъ немедленно воспользоваться ослабленiемъ ихъ, и всѣми силами своими нанести имъ рѣшительный ударъ.

Съ полудня 27 мая осажденные замѣтили необыкновенное движенiе между войсками непріятеля и приготовились къ отпору, хотя число способныхъ къ бою доходило у нихъ уже едва до 1 т. чел., но, въ виду опасности, сильно одушевленныхъ. Когда смерклось, осаждавшiе скрытно и тихо подползли къ стѣнамъ, таща за собою лѣстницы, тарасы и рубленые щиты. Залпъ изъ пушекъ съ Красной го-

ры послужилъ знакомъ къ приступу: загремѣла музыка — и поляки, и русскіе измѣнники съ громкимъ крикомъ бросились къ стѣнамъ. Но ихъ встрѣтили жестокимъ пушечнымъ и пищальнымъ огнемъ изъ нижнихъ, подошвенныхъ бойницъ, а со стѣнъ поражали каменьяхъ, обливали варомъ, ослѣпляли известью и не давали имъ ни представлять лѣстницъ, ни придвигать щитовъ и тарасъ. Бой продолжался такимъ образомъ цѣлую ночь, безъ малѣйшаго успѣха со стороны приступавшихъ, которые съ разсвѣтомъ были принуждены отступить. Осажденные преслѣдовали ихъ, многихъ убили, 30 чел. взяли въ плѣнъ и захватили всѣ ихъ лѣстницы, щиты и тарасы.

Эта неудача привела Сапѣгу въ недоумѣніе: продолжать-ли еще осаду или, не теряя въ ней напрасно времени, отойти къ Москвѣ? Для разрѣшенія этого важнаго вопроса онъ созвалъ 3 іюня генеральное коло (общую сходку польскихъ жолнеровъ). Оно положило отнюдь не отступать, не взявъ монастыря, и Сапѣга почелъ невозможнымъ протпвиться тому и, хотя противъ воли, рѣшился еще разъ испытать счастья.

Къ сожалѣнію, въ это самое время раздоръ между Долгорукинымъ и Голохвастовымъ дошелъ до такой степени, что послѣдній 24 іюня хотѣлъ было склонить монастырскихъ служителей и крестьянъ къ отобранію ключей отъ воротъ у Долгорукова, какъ не заслуживавшаго довѣрія. Но слуги и крестьяне не осмѣлились явно возстать противъ Долгорукова, имѣвшаго на своей сторонѣ ратниковъ. А вскорѣ послѣ того Долгоруковъ доказалъ всю несправедливость клеветы Голохвастова.

Въ ночь съ 27 на 28 іюня поляки, подъ покровительствомъ огня изъ мортиръ, со всѣхъ сторонъ устремились къ стѣнамъ съ щитами, лѣстницами и проломными орудіями. Долгоруковъ явился въ опаснѣйшемъ мѣстѣ на стѣнѣ и первый подавалъ собою примѣръ героической неустрашимости. Непрiателю удалось — было зажечь срубъ, поставленный осажденными, въ видѣ отводной башни, впереди острога, прикрывавшаго Пивной дворъ — и приступавшіе стали уже представлять къ острогу лѣстницы. Увидавъ это, монахъ Гурій Шишкинъ, сотникъ Волжинскій, 1 монастырскій служитель, 2 казака и нѣсколько стрѣльцовъ бросились къ Пивному двору и, не смотря на свою малочисленность, такъ смѣло и стремительно ударили на приступавшихъ, что отбили ихъ и потушили пожаръ сруба. Бой продолжался такъ цѣлую ночь, и къ утру поляки отступили безъ успѣха, бросивъ всѣ свои приступныя орудія.

Къ этому утѣшенію осажденныхъ прибавилось и другое — вѣсть, что слухи о приближеніи Скопина съ вспомогательнымъ шведскимъ войскомъ уже начинали тревожить осаждавшихъ.

Поэтому здѣсь нужно обратиться къ дѣйствіямъ Скопина, отъ которыхъ Василій и всѣ благомыслящіе русскіе преимущественно ожидали въ то время избавленія отечества.

Посланные Скопнымъ въ Выборгъ полномочные Головинъ и Зиновьевъ вступили тамъ въ переговоры съ шведскими полномочными: Войе, Вильдманомъ, Стирискельдомъ, Мернеромъ и Элофсономъ. Хотя нетрудно было, казалось, уговориться въ дѣлѣ, полезномъ для обѣихъ сторонъ, но какъ опасность для Россіи была близка, для Швеціи же (со стороны Польши) далека, то шведы воспользовались этимъ, чтобы непомѣрно возвысить свои требованія и продать свою помощь какъ можно дороже. Не довольствуясь условленною уже въ Новгородѣ, богатою платою вспомогательному войску ихъ, они не посовѣстились настоятельно требовать еще уступки имъ города Корелы. Какъ ни тяжела была уступка этого русскаго города, однако Головинъ и Зиновьевъ, видя непреклонность шведовъ, вынуждены были покориться этой необходимости, съ тѣмъ только, чтобы не упоминать объ уступкѣ Корелы въ договорѣ, а сдѣлать о ней особенное тайное условіе. На этомъ основаніи, 28 февраля 1609 г. были подписаны обоюдныя записи изъ 15 пунктовъ, изъ которыхъ главными были тѣ, чтобы шведамъ выставить 5 т. войскъ за условленную плату и сверхъ того прислать безденежно столько, сколько король заблагоразсудитъ; чтобы шведскимъ войскамъ быть въ полномъ подчиненіи Скопину; чтобы Россіи навсегда отказалась отъ всѣхъ правъ своихъ на Ливонію; чтобы съ обѣихъ сторонъ не входить ни въ какой договоръ съ королемъ польскимъ безъ вѣдома и участія обѣихъ сторонъ, и пр. А въ тайномъ, отдѣльномъ постановленіи русскіе полномочные обѣщали, черезъ три недѣли послѣ вступленія шведскихъ воеводъ въ русскіе предѣлы, доставить имъ запись на уступку Корелы за подписомъ Скопина, а еще черезъ два мѣсяца такую же за царскою печатью и въ то же время сдать имъ Корелу со всѣмъ уѣздомъ, и пр.

Если шведы дорого продавали такимъ образомъ свое содѣйствіе, то съ другой стороны не жалѣли усилій, чтобы помощь ихъ соотвѣтствовала важности цѣли. Сверхъ условленныхъ 5 т. войскъ, они изготовили близъ Выборга еще до 8 т. чел. конницы и пѣхоты. Главное начальствованіе надъ всею этимъ войскомъ, состоявшимъ изъ шведовъ, шотландцовъ, англичанъ, датчанъ и цесарцовъ, король ввѣрилъ Якову Делагарди, незаконнорожденному сыну дочери короля Іоанна, племянницы Карла IX. Хотя онъ имѣлъ только 27 лѣтъ отъ роду, но уже пріобрѣлъ извѣстность съ 1601 г., когда вмѣстѣ съ Гилленгильмомъ упорно защищалъ Вольмаръ противъ поля-

ковъ. Взятый въ плѣнъ при сдачѣ этого города, но размѣненный въ послѣдствіи, онъ служилъ въ Нидерландахъ, въ арміи принца Морица нассаускаго, и подъ его руководствомъ усовершенствовался въ военномъ дѣлѣ. Въ 1609 г. частными начальниками войскъ подъ нимъ были Куркъ, Бойе, Сомме и Горнъ.

Выступивъ изъ Выборга, Делагарди 27 марта прибылъ на границу, гдѣ соединился съ Ададуровымъ, высланнымъ на встрѣчу ему Скопинымъ, съ 2,300 чел. русскихъ войскъ. Первымъ слѣдствиемъ вступленія шведовъ въ русскіе предѣлы было то, что жители Орѣшка добровольно поворились власти Василя, а начальствовавшій тамъ, закоренѣлый измѣнникъ Салтыковъ уѣхалъ въ Тушино. Послѣ того Делагарди хотѣлъ мимоходомъ нечаянно овладѣть Конопьемъ, но, не успѣвъ подойти къ нему скрытно и не желая терять времени подъ маловажнымъ городомъ, продолжалъ идти къ Новгороду. Но онъ шелъ медленно—не менѣе двухъ недѣль отъ границы до Тесова (380 верстъ), вѣроятно по причинѣ весенней распутицы и для увеличенія условленной платы, считавшейся со дня вступленія въ русскіе предѣлы, равно и желанія соединиться съ Скопинымъ не прежде истеченія срока, назначеннаго для полученія отъ него утвержденія договора объ уступкѣ Корелы. Делагарди лично прибылъ въ Новгородъ 14 апрѣля, но войско свое оставилъ въ Тесовѣ. Скопинъ встрѣтилъ его за городомъ, какъ будущаго избавителя русской земли, и оба они, молодые и отличные умомъ, душой и военными доблестями, скоро сблизились и вошли въ дружескія отношенія, подававшія прекрасныя надежды. Делагарди потребовалъ утвержденія уступки Кореллы и выдачи заслуженнаго уже мѣсячнаго жалованья. Скопинъ немедленно исполнить первое требованіе, но въ отношеніи къ второму, по причинѣ совершеннаго истощенія новгородской казны и крайняго недостатка денегъ въ Новгородѣ, уговорилъ Делагарди удовольствоваться на первый случай 5-ю тысячами рублей деньгами и на 3 т. р. соболями (всего 26,666²/₃ нынѣшнихъ серебряныхъ рублей), что не составляло и 5-й части условленнаго мѣсячнаго жалованья (т. е. около 40 т. рублей тогдашнихъ = 133,333 нынѣшнихъ). Остальное Скопинъ обѣщалъ уплатить по открытіи сообщенія съ Москвою.

Устроивъ наконецъ это важное дѣло и признавая болѣе осторожнымъ не вводить въ Новгородъ все войско Делагарди, онъ дозволилъ ему направитъ къ нему только 3,600 конныхъ французовъ и шотландцовъ, подъ начальствомъ Бойе и Мернера. Прочія же войска, состоявшія еще изъ 4 т. чел. подъ начальствомъ Делагарди, Скопинъ направилъ изъ Тесова къ Старой Руссѣ противъ находившагося въ ней Кернозицкаго, и туда же выслалъ изъ Новго-

рода воеводъ Головина и Чулкова съ отрядомъ дворянъ, боярскихъ дѣтей, стрѣльцовъ, казаковъ и охочихъ людей. Головинъ на пути получилъ отъ князя Мещерскаго, занимавшаго съ отрядомъ Порховъ, извѣстiе, что къ этому городу подступили 1 т. поляковъ и русскихъ измѣнниковъ, посланныхъ Кернозицкимъ, причемъ Мещерскiй просилъ помощи. Головинъ немедленно послалъ къ Порхову часть своего отряда, которая, сославшись съ Мещерскимъ, 8 мая вмѣстѣ съ нимъ напала врасплохъ на осаждавшихъ Порховъ и разбила ихъ на-голову, отнявъ у нихъ всѣ знамена, обозы и 180 плѣнныхъ. Самъ же Головинъ продолжалъ идти къ Старой Руссѣ, куда Горнъ съ своей стороны вступилъ безпрепятственно съ 240 передовыми шведами. Кернозицкiй, недождавшись его прибытiя, зажегъ городъ и отступилъ за Ловать, но, желая развѣдать силы наступающаго отряда, выслалъ за рѣку 300 чел. конницы, которые 11 мая и подошли къ Старой Руссѣ. Горнъ, выйдя изъ нея, обратилъ ихъ въ бѣгство, взявъ 30 чел. въ плѣнъ. На другой день Головинъ и Делагарди вступили въ Руссу и тогчасъ же послали Чулкова и Горна, усиленнаго 670 шведами, преслѣдовать Кернозицкаго. Передовой отрядъ ихъ, изъ иностранцовъ и 200 русскихъ, подъ начальствомъ самаго Горна, достигъ Кернозицкаго 15 мая вечеромъ у села Каменки (къ с. отъ Холма). Горнъ, не смотря на малочисленность своего отряда, смѣло переправился черезъ рѣку, отдѣлявшую его отъ непрiателя. Послѣднiй, утраченный этимъ, обратился въ бѣгство къ Торопцу, бросивъ 9 пушекъ, всѣ знамена и часть обоза, и только наступающая ночь спасла все войско Кернозицкаго отъ совершеннаго пораженiя. Затѣмъ Горнъ и Чулковъ заняли Торопецъ.

Слѣдствiемъ этихъ первыхъ успѣховъ Скопина и Делагарди было то, что 6 городовъ: Старица, Осташковъ, Холмъ, Великiе Луки, Невель и Ржевъ отложились отъ самозванца. А именитые люди, духовенство и боярскiя дѣти Пскова, бывшаго во власти буйной черни, преданной самозванцу, послали просить Скопина, чтобы онъ прислалъ къ Пскову войско, обѣщая сдать городъ. Скопинъ немедленно послалъ къ нему изъ Порхова князя Мещерскаго, Осинина и Шарова, подкрѣпленныхъ нѣсколькими шведами.

Мещерскiй 28 мая впадалъ въ 10 верстахъ отъ Пскова на атамана Корсакова, сторожившаго порховскую дорогу съ отрядомъ псковскихъ казаковъ. Послѣднiе были опрокинуты и Мещерскiй на плечахъ ихъ подступилъ къ Пскову. Въ это самое время псковичи вышли изъ него за р. Великую, для встрѣчи, по обычаю, иконы Успенiя Божiей Матери изъ Псково-Печерскаго монастыря. Псковъ остался почти безъ обороны и Мещерскiй могъ бы овладѣть имъ

безпрепятственно. Но пушечные выстрѣлы съ Великихъ воротъ заставляли вышедшихъ псковичей поспѣшно воротиться въ городъ и засѣсть на стѣнахъ его. Царскіе воеводы, видя это, не произвели открытаго нападенія на городъ, а положили обезсилить псковскую чернь, особенно опирающуюся на содѣйствіе стрѣльцовъ, семейства которыхъ жили въ стрѣлецкой слободѣ за р. Великою, на правомъ берегу рѣчки Мирожь. Съ этою цѣлью воеводы переправились ночью съ 28 на 29 мая за р. Великую и приступили къ стрѣлецкой слободѣ, но были отбиты стрѣльцами и, выжегши предмѣстіе Завеличье, воротились за р. Великую, стали на Любатовѣ и послали отряды разорять окрестности.

Между тѣмъ въ Псковѣ чернь, подъ влияніемъ и руководствомъ стрѣльца Тимоея, по прозванію Кудекуша Трепещъ, страшнаго злодѣя, стала неистовствовать противъ приверженцовъ Василя — именитыхъ людей, духовенства, дворянъ и боярскихъ дѣтей, подвергая ихъ истязаніямъ и казни. Скопинъ же, по малочисленности отряда Мещерскаго, безнадежности взять Псковъ открытою силой и въ избѣжаніе напрасной траты времени и людей, отозвалъ этотъ отрядъ въ Новгородъ. Здѣсь Скопинъ оставался только для того, чтобы дать Делаярди время обойти озеро Ильмень и поравняться съ нимъ. Когда же онъ узналъ, что Делаярди перешелъ за р. Шелонь, то двинулъ впередъ воеводу Чоглокова съ отрядомъ русскихъ войскъ и иностранныхъ наемниковъ, приведенныхъ Бойе и Мернеромъ, и самъ 10 мая двинулся за Чоглоковымъ съ главными силами своими, состоявшими едва изъ 3 т. чел. Намѣреваясь дѣйствовать рѣшительно, онъ мудро и вѣрно положилъ избѣгать раздробленія силъ, но держать ихъ въ совокупности (что очень замѣчательно въ сравненіи съ обыкновеннымъ почти всегда образомъ дѣйствій русскихъ воеводъ). Вслѣдствіе того, онъ приказалъ Головину, Делаярди и Горну идти къ московской дорогѣ на соединеніе съ нимъ (ничего лучше невозможно было сдѣлать) и только одному Чулкову оставаться въ Торопцѣ, для удержанія въ повиновеніи вновь покорившихся городовъ.

Горнъ, на пути отъ Торопца, обратился къ Хлавицкому монастырю близъ Холма, гдѣ засѣлъ одинъ непріятельскій отрядъ. Взявъ монастырь приступомъ и истребивъ этотъ отрядъ, 23 мая онъ присоединился къ Делаярди, который направилъ его съ 800 чел. копейки и 200 чел. пѣхоты къ Торжку. Этотъ городъ покорился и Скопинъ приказалъ Чоглокову поспѣшно идти туда и охранять городъ до его прибытія.

Наступленіе Скопина встревожило Тушинскій стапъ, тѣмъ болѣе, что въ то же время получено было извѣстіе о появленіи около

Оскола и Ливень крымскихъ татаръ, призванныхъ Василиемъ на помощь. Рожинскій созвалъ коло и предложилъ ему разрѣшить вопросъ: можно-ли было, съ надеждой на успѣхъ, противудѣйствовать союзникамъ Васплия въ одно время съ двухъ сторонъ? Тщеславное и хвастливое польское рыцарство единогласно рѣшило, что нечего было опасаться шведовъ, которыхъ поляки будто бы 12 лѣтъ поражали въ Ливоніи, и потому положило — часть силъ отрядить противъ Скопина, а главныя силы держать въ Тушинскомъ станѣ. Вслѣдствіе того Рожинскій послалъ противъ Скопина Зборовскаго съ 2 т. польскихъ копейщниковъ (пикниеровъ) и русскихъ вѣдѣнниковъ: Шаховскаго и 1 т. чел. конницы, къ которымъ Зборовскій долженъ былъ присоединить и отступавшій отрядъ Кернозицкаго.

Зборовскій направился сначала на Зубцовъ и узнавъ, что въ Старицѣ (къ с. в. отъ Зубцова, на дорогѣ въ Тверь и Торжокъ) было очень мало ратныхъ людей, ночью напалъ на этотъ городъ и, не встрѣтивъ почти никакого сопротивленія, взялъ его и, въ жестокой примѣръ городамъ, отлагавшимся отъ самозванца, предалъ Старицу огню и мечу. Затѣмъ онъ двинулся къ Торжку и осадилъ въ немъ Чоглокова.

Между тѣмъ Скопинъ шелъ такъ медленно, что находился еще въ Крестецкомъ яму (нынѣ Крестцы), когда получилъ отъ Чоглокова извѣстіе объ угрожавшей ему опасности. Онъ немедленно приказалъ Головину съ 1 т. русскихъ войскъ идти къ Торжку на выручку Чоглокова, вмѣстѣ съ Горномъ, шедшимъ туда же. Головинъ и Горнъ, соединясь въ окрестностяхъ Торжка (въ числѣ 2 т. чел.), 17 іюня двинулись противъ Зборовскаго (у котораго было 3 т. войскъ), въ надеждѣ напасть на него врасплохъ. Но они нашли его готовымъ къ бою и построили шведскую пѣхоту, вооруженную пиками, въ 1-й линіи, а шведскую и новгородскую конницу во 2-й. Зборовскій первый открылъ бой нападеніемъ 3-хъ хоругвей на шведовъ: изъ нихъ двѣ были отбиты, по третья врубилась въ шведскую пѣхоту, прорвалась съвозъ нее, опрокинула стоявшую позади конницу и преслѣдовала ее до самаго Торжка. Прорванной, разстроенной и оставленной безъ всякой поддержки шведской пѣхотѣ грозило истребленіе, но Чоглоковъ произвелъ вылазку, содѣйствіемъ которой гонимая конница оправилась и прикрыла отступление остатковъ пѣхоты. Въ этомъ бою шведы потеряли до 500 чел. Зборовскій же, не надѣясь прежде прибытія Скопина взять Торжокъ, въ которомъ Головинъ, Чоглоковъ и Горнъ имѣли еще болѣе 2,500 войскъ, отступилъ къ Твери, гдѣ соединился съ Кернозицкимъ.

Скопинъ и Делагарди 27 іюня прибыли въ Торжокъ, куда къ тому же времени подоспѣло и подкрѣпленіе, присланное Шеинымъ изъ Смоленска. Шеинъ, по приказанію Василія, еще 2 января отправилъ князя Боротинскаго и Адагурова съ войскомъ изъ Смоленска по московской дорогѣ. Разбивъ на рѣкѣ Осмѣ (въ Дорогобужскомъ уѣздѣ) польскій отрядъ ротмистра Плюшки, они безпрепятственно заняли Дорогобужъ, но далѣе идти не могли, потому что служивые люди, по наущенію подосланнаго самозванцомъ Зубова, большею частью разѣхались по своимъ помѣстьямъ, отказавшись продолжать походъ во время наступающей весенней распутицы, а нѣкоторые даже передались самозванцу. Поэтому воеводы были принуждены воротиться 11 февраля въ Смоленскъ, лишь съ весьма небольшимъ числомъ войскъ. По наступленіи теплой погоды, Шеинъ 21 мая снова отправилъ ихъ съ вновь собраннымъ войскомъ по прежнему направленію. Польскій отрядъ Чижъ и Запорскаго хотѣлъ-было не допустить ихъ къ Дорогобужу, но они разбили его и отбросили за Днѣпръ, отбивъ 4 пушки и взявъ 1,500 чел. въ плѣнъ. 31 мая они продолжали походъ къ Вязьмѣ, 3 іюня овладѣли ею и, получивъ отъ Скопина приказаніе идти на соединеніе съ нимъ, своротили на Бѣлую (нынѣ Бѣлой), куда прибыли 12 іюня. Бывшіе въ этомъ городѣ воеводы самозванца князь Хованскій и Колючевъ сдали городъ и со всѣми гражданами присягнули Василію. Услывъ рать свою нѣсколькими боярскими дѣтьми Дорогобужа, Вязьмы и Бѣлой, Боротинскій и Адагуровъ 20 іюня выступили изъ Бѣлой и въ Торжкѣ присоединились къ Скопину съ 3 т. войскъ.

Таковымъ образомъ Скопинъ, по мѣрѣ движенія своего впередъ, постепенно сосредоточивалъ и увеличивалъ свои силы. Зборовскому оставалось мало надежды побѣдить его силою оружія и онъ прибѣгнувъ къ тайнымъ прощамъ, пославъ къ Делагарди письмо съ объясненіемъ мнимыхъ правъ самозванца на престолъ и съ увѣщаніемъ не проливать крови за неправо дѣло, и вмѣстѣ съ тѣмъ старался возмутить шведское войско. Но посланнаго его схватили и наказали, а Делагарди отвѣчалъ Зборовскому, что преданъ королемъ своимъ сражаться за Василія, а не для разбирательства правъ на московскій престолъ.

Скопинъ, пробывъ нѣсколько дней въ Торжкѣ, выступилъ наконецъ къ Твери и, переправясь въ 10 верстахъ отъ нея черезъ Волгу, приблизился къ городу. Зборовскій и Кернозницкій, усиленные подкрѣпленіемъ изъ Тушина, вышли на встрѣчу Скопину съ 5 т. войскъ и 11 іюля вступили въ бой съ нимъ. Сначала Делагарди съ правымъ крыломъ изъ шведовъ и финляндцовъ оттѣснилъ-было Збо-

*

ровскаго, нападавшаго на него. Но лѣвое крыло изъ нѣмцовъ, французовъ и части шведовъ не выдержало натиска непріятели и обратилось въ бѣгство, съ потерей 4-хъ пушекъ и 4-хъ знаменъ, а его примѣру послѣдовали и русскія войска. Тогда Делагарди былъ вынужденъ прекратить преслѣдованіе Зборовскаго и отступить, не безъ значительнаго урона. Полякамъ много способствовалъ проливной дождь, мѣшавшій войскамъ Делагарди стрѣлять, но не препятствовавшій непріятелю оспіать ихъ стрѣлами. По польскимъ свѣдѣніямъ, обыкновенно хвастливымъ и лживымъ, поляки потеряли будто бы 50 чел., а царское войско 1 т. иностранцовъ и 6 т. русскихъ! Несомнѣнно, впрочемъ, что иностранцы понесли большой уронъ. Поляки недолго преслѣдовали бѣжавшихъ и воротились въ Тверь.

Скопинъ не только не упалъ духомъ, но и положилъ немедленно отмстить за нанесенную неудачу. 12 іюня дождь продолжалъ идти, но въ ночь на 13 число прекратился, и Скопинъ снова двинулся къ Твери. Неприсятель, вовсе неожиданный нападенія, хотя и вышелъ изъ Твери на встрѣчу Скопину, но торопливо, въ смятеніи и безпорядкѣ. Вой начался за часъ до разсвѣта, продолжался три часа и кончился тѣмъ, что войска Скопина сломили непріятели, на плечахъ его ворвались въ тверской острогъ и продолжали поражать ихъ и въ улицахъ. Большая часть поляковъ и русскихъ измѣнниковъ бросилась бѣжать изъ Твери, одни съ Зборовскимъ по московской дорогѣ, другіе на Юсфовъ Волоколамскій монастырь, но нѣсколько поляковъ засѣли въ городской осыпи. Скопинъ приказалъ выбить ихъ оттуда, а вслѣдъ за бѣжавшими послалъ погоню и, преслѣдуемые на 40 верстъ, они понесли большой уронъ и многіе утонули въ Волгѣ и Шосѣ. Засѣвшіе же въ городѣ защищались упорно и отбили три приступа. Скопинъ, избѣгая напрасной траты людей и времени и рассчитывая, что эта горсть непріятели, нуждаясь во всемъ, сама собою очиститъ городъ, если ей открыть путь отступленія (что дѣйствительно и случилось), выступилъ изъ Твери къ Москвѣ, приказавъ Делагарди идти за нимъ.

Москва съ нетерпѣніемъ ждала приближенія Скопина, тѣмъ болѣе, что оно спасительно поддѣйствовало на духъ войска въ ней. Рожинскій испыталъ это, двинувшись къ ней 5 іюня. Высланные Василіемъ противъ него князья: Димитрій Шуйскій, Андрей Голицынъ, Иванъ Куракинъ и Борисъ Лыковъ встрѣтили его на Ходынкѣ и въ жаркомъ бою съ нимъ разбили его, гнали 5 верстъ и взяли до 200 чел. въ плѣнъ. Послѣ того Рожинскій около трехъ недѣль оставался въ бездѣйствіи; но узнавъ, что Скопинъ уже

приближался къ Торжку, 25 іюня снова двинулся со всѣми своими силами къ Москвѣ, чтобы съечь деревянный городъ. Василій снова выслалъ противъ него полки, которые опять сражались съ нимъ на Ходынѣ. Цѣлый день продолжался бой, съ большимъ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ. Рожинскій началъ было одолевать и опрокинулъ русскую конницу, отъ чего и русская пѣхота начала колебаться. Но скоро на помощь ей подоспѣли, съ одной стороны Куркинъ, а съ другой—Голлицинъ и Лыковъ, которые, стремительно ударивъ на непріятеля, возстановили бой. По свидѣтельству лѣтописца, никогда еще царскія войска не оказывали такихъ мужества и упорства противъ войскъ самозванца, которыя наконецъ не устояли и были преслѣдованы до самыхъ обозовъ своихъ. Нѣкоторые изъ нихъ не попали на Тушинскую дорогу и, опрокинутыя въ Москву рѣку, утонули въ ней. 200 поляковъ и 40 русскихъ измѣнниковъ были взяты въ плѣнъ; кромѣ того, у непріятеля отбито нѣсколько пушекъ, знаменъ, набатовъ и литавръ. Послѣ этихъ двухъ сильныхъ поражений, Рожинскій не отваживался уже болѣе открытою силой нападать на Москву.

Но стѣсненіе ея продолжалось еще по причинѣ упорнаго обложенія Коломны Млоцкимъ. Напрасно городъ этотъ ожидалъ освобожденія своего отъ Прокопія Ляпунова, выступившаго съ преданными ему рязанцами изъ Переяславля-Рязанскаго и очистившаго отъ непріятеля Пронскъ, Михайловъ и Зарайскъ. Но когда онъ приблизился къ Коломнѣ, то былъ разбитъ Млоцкимъ и вынужденъ отказать отъ освобожденія Коломны. Однако вскорѣ самъ Млоцкій, услыжавъ о вступленіи Скопина въ Тверь и о приближеніи къ Коломнѣ крымскихъ татаръ, не отважился долѣе оставаться подъ этимъ городомъ и 17 іюля отступилъ къ Серпухову. Такимъ образомъ снова возстановились сообщенія Москвы съ Коломною.

Недѣлю спустя къ Огѣ близъ Коломны дѣйствительно прибылъ Калга-султанъ съ 40 т. крымскихъ татаръ и послалъ въ Москву спросить, куда ему идти. Василій приказалъ ему идти къ Москвѣ; но какъ объ этихъ татарахъ дальнѣйшихъ свѣдѣній въ этомъ году не имѣется, то должно полагать, что они, не переправясь черезъ Оку, воротились въ Крымъ, во всякомъ случаѣ движеніемъ своимъ къ Коломнѣ оказавъ Москвѣ большую пользу.

Еще большую пользу принесло ей наступленіе Скопина. Встрѣченный имъ самозванецъ, не смѣя ослабить себя подъ Москвою, постоянно поручилъ Сапѣгѣ подкрѣпить Зборовскаго, не тратя напрасно времени передъ курятниками (Троицкимъ монастыремъ), которыми успѣетъ овладѣть безъ труда, разбивъ Скопина. Но Сапѣга, считая за безчестье для себя отступить отъ монастыря,

не взявъ его, отговаривался, медлил и наконецъ убѣдился, что для самаго успѣха осады монастыря необходимо было остановить Скопина, все-таки оставилъ подѣ монастыремъ главныя силы свои и двинулся противъ Скопина только съ 5-ю хоругвями гусарскими, 4-мя пятигорскими и 2-мя казачьими. Выступивъ 18-го іюня и пройдя черезъ Дмитровъ, 20-го на р. Лютоосмѣ онъ узналъ, что Скопинъ перемѣнилъ свое направленіе.

Послѣдній, находясь уже въ Городнѣ, въ 130 верстахъ отъ Москвы, вдругъ былъ прискорбно пораженъ извѣстіемъ, что шедшія за нимъ иноземныя войска отказываются идти и помогать ему далѣе. Недовольныя имъ за то, что онъ не допустилъ ихъ продолжать пріступъ къ Твери и поживиться добычей, и подстрегаемыя злонамѣренными людьми, они — финляндцы первые, за ними нѣмцы и французы, а наконецъ и шведы — взбунтовались, едва отойдя нѣсколько верстъ отъ Твери, и объявили, что, не получая условенной платы не обязаны углубляться далѣе въ Россію. Тщетно Делагарди и увѣщаніями, и угрозами старался образумить ихъ, и наконецъ пашелся вынужденнымъ отвести ихъ обратно въ Тверь, гдѣ они засѣли, не найдя уже болѣе въ ней поляковъ, удалившихся въ Тушино. Делагарди, искренно преданный Скопину, но скрывая отъ него постыдное неповиновеніе своихъ войскъ, написалъ ему, будто самъ пошелъ назадъ въ Тверь, вслѣдствіе неисполненія условеннаго договора.

Скопинъ, покинутый своими союзниками въ самое важное для него время, не отважился идти къ Москвѣ съ однимъ своимъ малочисленнымъ русскимъ войскомъ и не видѣлъ иной надежды на успѣхъ, какъ въ соединеніи съ войсками Вышеславцева изъ Ярославля и Жеребцова изъ Костромы. Переправясь для этого въ Городнѣ черезъ Волгу и прикрываясь ею, онъ двинулся внизъ по лѣвому берегу ея къ Колязину, а Ададунова послалъ въ Тверь уговаривать Делагарди.

Сапѣга, видя, что опасность со стороны Твери миновала, 21 іюля соединился съ Зборовскимъ въ Николаевскомъ монастырѣ и 24-го іюля вмѣстѣ съ нимъ воротился подѣ Троицкій монастырь, взятіе котораго было постоянною мыслию его. Зборовскій, обозрѣвъ монастырь и его окрестности, сталъ смѣяться надъ Сапѣгой, что онъ не умѣлъ взять лукошка и передавать воронъ, сидѣвшихъ въ немъ. Оскорбленный этимъ Сапѣга созвалъ 26 іюля коло, на которомъ всѣ единогласно потребовали снова приступа. На другой день Сапѣга со всѣми полковниками и ротмистрами объѣхалъ монастырь кругомъ и каждому указалъ, кому, куда и какъ

приступать и что именно дѣлать. А между тѣмъ онъ подослалъ русскихъ измѣнниковъ: Салтыкова, Грамотина и нѣсколькихъ простолюдиновъ къ стѣнамъ монастыря увѣрить защитниковъ его, будто онъ, Сапѣга, побѣдилъ и Скопина, и шведовъ, и будто первый и даже Москва поборилась царю Димитрію, а Василій и его бояре выданы Москвою. На эту грубую ложь осажденные отвѣчали только, что «измѣнники баснословятъ».

28 іюля, за три часа до разсвѣта, приступъ начался по предварительному распоряженію Сапѣги, заключавшемуся въ томъ, чтобы по первому вѣстовому выстрѣлу всѣ двинулись въ одно время, примѣчая, откроютъ-ли осажденные огонь или нѣтъ? Тоже наблюдать и при 2-мъ вѣстовомъ выстрѣлѣ, по 3-му же всѣмъ разомъ броситься на стѣны. Но своевольные и непослушные поляки вовсе не послѣдовали этимъ распоряженіямъ, а напротивъ всякій дѣйствовалъ по своему усмотрѣнію, отчего, разумѣется, вмѣсто порядка былъ безпорядокъ и отсутствіе согласія и единства. И хотя въ монастырѣ оставалось уже не болѣе 200 человекъ, способныхъ сражаться, однако и эта горсть храбрецовъ отразила приступавшихъ безъ особенныхъ усилій, такъ что весь уронъ осажденныхъ состоялъ въ одной женщицѣ, убитой на стѣнѣ, а кромѣ ея не было ни одного убитого и даже раненаго. Непрiатель же, напротивъ, понесъ большой уронъ, особенно войска Зборовскаго, болѣе прочихъ упорствовавшего взять лукошко, но, не взявъ его, въ свою очередь подвергшагося насмѣшкамъ Сапѣги и Лисовскаго.

Неудача этого 3-го главнаго приступа (1-й былъ 14 октября 1608 года, а 2-й—27 мая 1609 г.) привелъ польскихъ воеводъ въ такое уныніе, что они уже готовы были снять осаду, но, не смѣя взять на себя отвѣтственность за отступленіе, 30 іюля снова созвали коло. Тутъ польская гордость опять взяла верхъ: положено было не отступать отъ монастыря, но только принять нужныя мѣры для отраженія Скопина, еслибы онъ вознамѣрился напасть на осаждавшихъ.

Между тѣмъ Скопинъ продолжалъ идти къ Колязину монастырю, котораго едва не пашель уже во власти Микулинскаго. Послѣдній, бывшій еще на лѣвой сторонѣ Волги, узнавъ о движеніи Скопина къ Колязину монастырю, постѣшилъ предупредить его въ немъ, но, не успѣвъ скрыть своего движенія, самъ былъ предупрежденъ 2-мя тысячами стрѣльцовъ, послѣшно высланными впередъ Скопиннымъ. Микулинскій, не зная того, тотчасъ пошелъ на приступъ, но былъ отбитъ и отступилъ со стыдомъ. Самъ Скопинъ прибылъ въ Колязинъ 24 іюля и остановился въ немъ, въ ожиданіи

прибытія Вышеславцева и Жеребцова, которые вскорѣ и присоединились къ нему.

Порученіе Ададурова также не осталось безуспѣшнымъ: Делагарди согласился на убѣжденія Ададурова не отходить далѣе Твери, не объяснившись съ Скопнымъ и съ самимъ царемъ касательно уплаты денегъ и уступки Корелы. Онъ согласился даже немедленно послать въ Колязинъ 250 чел. пѣхоты и 720 чел. конницы подъ начальствомъ Сомме, которому вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ войти въ сношенія съ Скопнымъ касательно удовлетворенія шведскихъ требованій. Въ то же время и съ тою же цѣлю онъ послалъ къ Василю въ Москву ротмистровъ Бурьена и Францбека съ 4-мя товарщамп.

Между тѣмъ Сапѣга съ разныхъ сторонъ получалъ свѣдѣнія, что у Скопина, даже по присоединеніи Вышеславцева и Жеребцова, было не болѣе 20 т. войскъ, изъ которыхъ, за исключеніемъ 1 т. шведовъ, прибывшихъ съ Сомме, и нѣсколькихъ новгородскихъ и смоленскихъ служивыхъ людей, остальные были худовооруженные и неустроенные крестьяне. Расчитывая однако, что Скопинъ и Делагарди могли придти къ соглашенію своей размолвки и снова соединиться, онъ призналъ полезнымъ предупредить это немедленномъ поскомъ противъ Скопина. Съ этою цѣлю, 10 августа онъ выступилъ изъ своего стана подъ Троицкимъ монастыремъ, вмѣстѣ съ Зборовскимъ и сильнымъ отрядомъ войскъ, въ которомъ одной польской конницы было 12 т. челов., не считая казаковъ. 14-го августа Сапѣга и Зборовскій остановились при монастырѣ Рябовѣ, въ 20 верстахъ отъ Колязина. Скопинъ, узнавъ о томъ, послалъ за Волгу Головина, Борятинскаго, Валуева и Жеребцова съ частію войскъ, дабы удерживать непріятеля на топкихъ берегахъ рѣчки Жабны. Дня три не происходило ничего важнаго, но 18 августа Сапѣга началъ наступать со всѣми своими силами и особенно усиливался переправиться черезъ Жабну въ селѣ Никольскомъ. Русскіе воеводы дѣйствовали искусно: не препятствуя переправѣ непріятеля, они перепустили черезъ рѣчку только часть силъ его и, стремительно ударивъ на нее, опрокинули ее въ топи на берегу рѣчки и совершенно истребили. Примѣтивъ же, что это смутило главныя силы непріятеля, они призвали Скопина довершить побѣду. Онъ двинулся немедленно съ остальными войсками своими за Волгу и Жабну, цѣлый день упорно бился съ Сапѣгой и Зборовскимъ и наконецъ подъ вечеръ успѣлъ сломить ихъ, прогналъ до Рябова монастыря и затѣмъ воротился къ Колязину.

Сапѣга четыре дня оставался въ бездѣйствіи, не отваживаясь на новое нападеніе, но стыдился и отступить, чтобы не огласить своей

неудачи. 22-го же августа войско его возмутилось вслѣдствіе распространившагося слуха, что король Сигизмундъ вступилъ въ рускіе предѣлы съ тѣмъ, чтобы дѣйствовать въ пользу свою, а не самозванца. Это возбудило въ корыстлюбивыхъ польскихъ жолнерахъ большое неудовольствіе, потому что они опасались лишиться богатыхъ наградъ, служа самозванцу. Сапѣга, видя расположеніе ихъ къ явному неповиновенію, не считъ болѣе возможнымъ оставаться столь близко отъ Скопина и 23 августа двинулся къ Ростову, но, не доходя до него, пошелъ на Переяславль, куда и прибылъ 30 августа, а Зборовскій, отдѣлясь отъ него, воротился въ Тушино. 1-го сентября Сапѣга отправилъ Лисовскаго съ 2 т. донскихъ и 100 малороссійскихъ казаковъ къ Ростову и Борисоглѣбскому монастырю для наблюденія за Скопинымъ, а самъ 3-го сентября воротился подъ Троицкій монастырь, оставивъ въ Переяславлѣ 250 стрѣльцовъ, 2 казачьи роты и нѣсколько боярскихъ дѣтей и другихъ служивыхъ людей.

Въ тотъ самый день (18 августа), когда Скопинъ сражался съ Сапѣгой на Жабнѣ, въ Псковѣ жители, выведенные наконецъ изъ терпѣнія 3 хъ-мѣсячными неистовствами и злодѣйствами стрѣльцовъ и главы ихъ, злодѣя Кудекуша Трелець, возстали противъ нихъ, и послѣдняго съ 7-ю главными сообщниками его побили камнями, десяти стрѣльцамъ отрубили головы, а многихъ другихъ билъ внутомъ и заключилъ въ темницу. Однако взаимное недовѣріе между именитыми и посадскими людьми все еще оставило Псковъ въ покорности самозванцу.

Между тѣмъ Скопинъ, оставаясь подъ Колязиннымъ, употреблялъ всѣ свои старанія для образованія сильнаго ополченія съ цѣлію освобожденія Москвы, пополненія истощенной казны своей, обученія вооруженныхъ крестьянъ и соглашенія съ Делагарди. Старанія его были небезуспѣшны: сѣверные города, незанятые непріателемъ, и особенно монастыри (всѣхъ болѣе Соловецкій), усердно присылали ему подати и пожертвованія деньгами, сузнами, камками и разными другими вещами. Только одна пермская область оказывала мало готовности къ удовлетворенію нуждъ отечества, и только пермскіе воеводы прислали отъ себя два сорока и чердышцы семь сороковъ соболей. Обученіе вооруженныхъ крестьянъ Скопинъ поручилъ шведу Сомме, который ежедневно обучалъ ихъ по правиламъ, введеннымъ въ Нидерландахъ припомъ Морицомъ нассаускимъ, всѣмъ движеніямъ и дѣйствіямъ въ бою и на войнѣ, и не однимъ эгимъ оказалъ Скопину большія услуги, но и тѣмъ также,

что много способствовалъ возстановленію добрыхъ отношеній и соглашенія между Скопинымъ и Делагарди. Войска послѣдняго, недовольныя бездѣйствіемъ въ Твери, 5 августа возмущились и рѣшительно требовали немедленнаго возвращенія въ Швецію. Делагарди, не видя возможности противиться тому, повелъ войска свои въ Новгородъ. Въ Торжѣ къ нему прибылъ секретарь короля Олофсонъ, присланный съ настоятельнымъ требованіемъ Корелы. Делагарди немедленно отправилъ Олофсона къ Скопину, для окончанія переговоровъ, начатыхъ посредничествомъ Сомме. Обѣ стороны одинаково и искренно желали скорѣйшаго и лучшаго окончанія этихъ переговоровъ. При такомъ обоюдномъ расположеніи, дѣло это шло такъ успѣшно, что Сомме еще до прибытія Олофсона заключилъ съ Скопинымъ 21 августа новый договоръ, которымъ Делагарди обязывался немедленно идти изъ Торжка къ Колязину на соединеніе съ Скопинымъ, съ тѣмъ чтобы тотчасъ по выступленіи его были отправлены довѣренныя лица для сдачи шведамъ города Корелы и его уѣзда. Но пріѣхавшій послѣ того Олофсонъ, сверхъ условія о сдачѣ Корелы, заявилъ, что безъ уплаты войску Делагарди невыданнаго жалованья невозможно было склонить это войско снова воевать за царя Василія. Тогда Скопинъ сдѣлалъ всѣ возможныя усилія для того: послалъ къ Делагарди 4 т. рублей и изъ Новгорода приказалъ выслать ему 2 т. рублей деньгами и на 5 т. руб. соболями (всего 11 т. рублей = 36,666²/₃ пинѣшнихъ серебряныхъ), съ тѣмъ чтобы всѣ иностранныя войска, за исключеніемъ раненыхъ и больныхъ, шли на соединеніе съ нимъ, Скопинымъ. По раздачѣ имъ денегъ, Делагарди, находившійся уже въ Крестцахъ, двинулся съ ними къ Колязину, но въ нихъ было уже только не болѣе 1,200 чел. въ строю, прочіе же разошлись къ шведской границѣ. Впрочемъ Делагарди ожидалъ новыхъ подкрѣпленій изъ Швеціи и послалъ Горна въ Выборгъ ускорить отправленіе ихъ.

Между тѣмъ и Василій, влѣдствіе ходатайствъ Бурьена, Францбека и Скопина, согласился на всѣ условія выборгскаго договора, послалъ изъ Владиміра въ Колязинъ еще 12 т. ефимковъ (16,800 нынѣшнихъ рублей серебромъ), для раздачи войскамъ Делагарди, и приказалъ епископу, воеводамъ и жителямъ города Корелы очистить его.

Затѣмъ Скопинъ началъ уже готовиться къ возобновленію замедленныхъ всѣми этими обстоятельствами наступательныхъ дѣйствій. Но дабы сколь возможно болѣе беречь ополченіе, собранное имъ съ такимъ трудомъ, онъ рѣшился, по совѣту Делагарди, слѣдовать медленному и осторожному образу дѣйствій принца Морица нассаускаго въ Нидерландахъ, хотя обстоятельства тамъ и здѣсь были со-

вершено различныя. Положеніе Москвы и государства требовало скорой помощи и быстрыхъ, рѣшительныхъ дѣйствій, тѣмъ болѣе, что Василій не имѣлъ уже болѣе въ виду полученія новой помощи ни откуда, а Скопинъ, дѣйствуя въ открытомъ краю, могъ надѣяться на быстрые успѣхи, слѣдствіемъ которыхъ было бы освобожденіе Москвы, обузданіе внутреннихъ мятежниковъ и предупрежденіе исполненія вредныхъ замысловъ польскаго короля, угрожавшихъ уже близкимъ вторженіемъ его въ русскіе предѣлы. Но какъ ни умны были Делагарди и Скопинъ, первый увлекся неумѣстнымъ подражаніемъ принцу Морицу, а второй — совѣтами болѣе его опытнаго въ западно-европейскомъ военномъ дѣлѣ и положилъ: избѣгая боя, утомлять и ослаблять непріятеля частными поисками (экспедиціями), затруднять и отрѣзывать ему сообщенія, а между тѣмъ постепенно подвигаться впередъ къ Москвѣ подъ прикрытіемъ отрядовъ, высылаемыхъ для занятія укрѣпленныхъ мѣстъ и укрѣпленія новыхъ.

Вслѣдствіе того, не переходя еще самъ за Волгу, онъ выслалъ Головина съ сильнымъ отрядомъ для погнѣва противъ Переяславля, плохо оберегаемаго, по слухамъ, отрядомъ Сапѣги. Головинъ, направъ ночью врасплохъ на Переяславль, безъ труда овладѣлъ имъ, чѣмъ отрѣзалъ сообщенія Сапѣги съ Лисовскимъ и принудилъ послѣдняго отступить отъ Ростова къ Суздалю и укрѣпиться здѣсь. Тогда Сапѣга, чтобы возстановить сообщенія свои съ Лисовскимъ и обезпечить фуражировъ, высылаемыхъ для сбора продовольствія, послалъ изъ-подъ Троицкаго монастыря Тромчевскаго съ 4-мя польскими хоругвями въ Александровскую слободу.

Между тѣмъ и отъ Нижняго Новгорода также къ Москвѣ приближался наконецъ давно ожидаемый Шереметевъ. Онъ двинулся черезъ Муромъ къ Касимову, дабы вмѣстѣ надъ послѣднимъ за пораженіе, нанесенное подъ нимъ Алябеву. Жители Касимова оборонялись упорно, но войска Шереметева пошли на приступъ, ворвались въ городъ и нанесли касимовцамъ большой уронъ. Слѣдствіемъ этого успѣха было то, что Елатъма и Кадомъ покорились безъ сопротивленія, а большая часть татаръ, находившихся въ Тушинѣ при касимовскомъ царѣ, воротилась въ Касимовъ къ семействамъ своимъ и присягнула Василію. Шереметевъ пѣзъ Касимова векорѣ перешелъ во Владиміръ, дабы сблизиться съ Скопиннымъ. Отъ Владимира до Переяславля было съ небольшимъ 100 верстъ, почему казалось, что Скопинъ и Шереметевъ не могли уже встрѣтить важныхъ препятствій для скорого соединенія — и Москва уже оживлялась надеждой близкаго спасенія. Но въ это самое время совершилось наконецъ то, что уже давно угрожало съ запада: 9 сентября

Сигизмундъ перешель съ войскомъ черезъ русскую границу—рѣчку Иваку за Орпией и Дубровной, и двинулся къ Смоленску.

Еще въ 1605 г. русскіе бояре, гнушаясь 1-мъ самозванцомъ, слегка и необдуманно выразили готовность возвестъ на московскій престолъ сына Сигизмунда, Владислава. Это заронило въ умъ Сигизмунда мысль—такимъ способомъ подчинить себѣ московское государство. Мысль эта укрѣплялась въ немъ болѣе и болѣе по мѣрѣ умноженія бѣдствій въ Россіи. Однако внутреннія смуты въ самой Польшѣ въ 1606—7 гг. (рокошъ или возстаніе Зебржидовскаго и его партіи противъ короля) удержали тогда Сигизмунда отъ разрыва съ Василіемъ. Но по восстановленіи спокойствія въ Польшѣ въ 1607 г., Сигизмундъ снова занялся своею мыслию о военномъ предпріятіи противъ Россіи, тѣмъ болѣе, что послы Гонсѣвскій и Витовскій и паны Стадницкій и Доморацкій, воротившіеся изъ Москвы осенью 1608 г., увѣряли его, будто Россія была не въ состояніи сопротивляться ему, а русскіе бояре сознавали, что только одно воцареніе въ ней Владислава могло спасти ее отъ конечныхъ разоренія и гибели, и наконецъ — будто даже нетрудно будетъ склонить самаго Шенна на сдачу Смоленска. Охотно вѣря этимъ нелѣпымъ увѣреніямъ, согласовавшимся съ его желаніями, Сигизмундъ хотѣлъ-было немедленно двинуться въ походъ, но коронный гетманъ Жолкѣвскій и особенно примасъ-архіепископъ краковскій убѣдили его въ необходимости предварительно получить согласіе сейма. Онъ былъ открытъ 4 января 1609 г. въ Варшавѣ, и, за исключеніемъ 3-хъ или 4-хъ сенаторовъ, всѣ прочіе одобрили предпріятіе противъ Россіи, и сеймъ назначилъ жолнерамъ большое жалованье, чтобы пріохотить ихъ къ службѣ. Сигизмундъ хотѣлъ идти прямо къ Смоленску, Жолкѣвскій же, напротивъ, настаивалъ на вторженіи въ сѣверскую область, гдѣ съ малымъ силами и средствами можно было ожидать быстрыхъ и большихъ успѣховъ, потому что покореніе деревенныхъ городовъ этой области было дѣломъ нетруднымъ, между тѣмъ какъ для осады и взятія сильно-укрѣпленнаго Смоленска потребовалось бы много времени, усилій, пожертвованій и особенно пѣхоты и осадной артиллеріи, средства же королевской казны были очень скудны и могли совершенно истощиться отъ продолжительной осады Смоленска, а для сбереженія ихъ необходимо было заботиться о скорѣйшемъ окончаніи похода. Какъ ни разумны и основательны были эти доводы Жолкѣвскаго, Сигизмундъ остался при своемъ мнѣніи, твердо увѣренный въ томъ, будто ему стоило только явиться передъ Смоленскомъ, чтобы Шеннъ тотчасъ же сдалъ ему эту сильную крѣпость. Но, по врожденному ему легкомыслію и недостат-

ку характера, онъ вскорѣ охладѣлъ къ походу въ Россію, съ перваго же шага встрѣтивъ разныя, неожиданныя имъ затрудненія и даже препятствія. Вслѣдствіе того, приготовленія къ походу дѣлались очень медленно и вяло, такъ что въ нихъ прошли зима и весна 1609 г., и Сигизмундъ, можетъ быть, даже отказался бы отъ этого похода, еслибы, по своему тщеславію, самъ не разгласилъ его преждевременно въ западной Европѣ. Но чтобы не обезславить себя передъ нею и особенно передъ папой, онъ рѣшился наконецъ послѣдовать совѣту Жолѣвскаго — не терять въ бездѣйствіи времени, благоприятнаго для военныхъ дѣйствій, и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣрить польскій народъ, что предпринимаетъ походъ не изъ личныхъ выгодъ, но для пользы Рѣчи Посполитой.

Между тѣмъ Гонсѣвскій изъ своего велижскаго староства часто ссылался съ царскими воеводами въ Смоленскѣ, стараясь возбудить въ нихъ готовность покориться Владиславу, но въ то же время неблагоприятно раздражалъ ихъ притязаніями на двѣ пограничныя русскія волости, Щучейскую и Порѣчнскую, будто бы неправильно оставшіяся за Россіей, и даже послалъ отрядъ войскъ разорить ихъ. Но Шеинъ, не вступая ни въ какіе переговоры о покорности Владиславу и объ уступѣнн двухъ волостей, приказалъ прикрыть послѣднія засѣками, однако соблюдалъ въ сношеніяхъ пристойность и вѣжливость, внушившія Гонсѣвскому мысль, будто Шеинъ тайнѣмъ благопріятствуетъ полякамъ и только ждетъ удобнаго случая передаться. Въ этой мысли Гонсѣвскій утвердился и Сигизмунда, еще болѣе увѣрившагося, что Смоленскъ сдастся ему безъ сопротивленія. Въ этомъ убѣжденіи, Сигизмундъ и рѣшился наконецъ открыть походъ, но во 1-хъ когда уже наступила осень и во 2-хъ съ силами и средствами, совершенно недостаточными для осады Смоленска. Въ назначенномъ для похода 30-ти-тысячвомъ войскѣ, пѣхоты было всего только 5 т. чел., а тяжелыхъ, осадныхъ орудій также очень немного. Общимъ сборнымъ мѣстомъ была назначена Орша, куда самъ Сигизмундъ прибылъ въ концѣ августа, но войска собирались такъ медленно, что даже къ 6-му сентября собралось не болѣе 12 т. чел. Не смотря на то, Сигизмундъ, въ своемъ нетерпѣнн, въ тотъ же день 6-го сентября выступилъ изъ Орши въ Дубровну, а 8-го въ Ивановичи. Здѣсь онъ собралъ военный совѣтъ, для рѣшенія вопроса: переходить-ли черезъ границу съ 12-ю тысячами собравшихся войскъ, или ждать, чтобы всѣ собрались? Жолѣвскій и даже главный любимецъ короля, Янъ Потоцкій, воевода брацлавскій, признавали неосторожнымъ начинать войну съ такими недостаточными силами. Но ихъ благоразумное мнѣніе не могло устоять противъ увѣренія литовскаго канцлера Льва Сапѣги, буд-

то королю стоило только показаться подъ Смоленскомъ, чтобы послѣдній сдался ему. А какъ это увѣреніе было согласно съ желаніемъ и надеждой Сигизмунда, то совѣтъ и призналъ, что не было причины терять времени въ ожиданіи сбора всего войска.

Такимъ образомъ столь важныя предпріятія, какъ война съ Россіей и открытіе ея взятіемъ Смоленска, начаты были Сигизмундомъ, противъ мнѣнія Жолкѣвскаго и Потоцкаго, самымъ неблагоприятнымъ, легкомысленнымъ образомъ, несвоевременно — въ началѣ осени, и съ ничтожными силами и средствами, столько же ко вреду этихъ предпріятій, сколько и къ счастью для Россіи, находившейся въ то время въ самомъ крайнемъ положеніи.

Левъ Сапѣга, рѣшившій мнѣніе военнаго совѣта, на другой же день 9-го сентября перешелъ черезъ границу—рѣку Иваку, съ передовымъ отрядомъ каштеляна Пржемышскаго, а Сигизмундъ съ главными силами послѣдовалъ за нимъ 11-го, и 13-го прибылъ въ Красное (нынѣ гор. Красный). Въ Москву онъ послалъ разрывную грамоту, а въ Смоленскъ — универсалъ, въ которомъ увѣрялъ, что вступаетъ въ русскіе предѣлы не какъ врагъ, а какъ избавитель, будто бы призванный многими русскими, и вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщалъ великія и богатыя милости въ случаѣ добровольной покорности и конечное разореніе въ противномъ случаѣ. Шеинъ принялъ универсалъ, но не отвѣчалъ на него письменно, а только сказалъ посланному, что если онъ въ другой разъ пріѣдетъ съ такими предложеніями, то его напоятъ водою (т. е. утопятъ), прибавивъ, что всѣ въ Смоленскѣ поклялись въ соборѣ не бить челомъ польскому королю, но готовиться на смерть за вѣру, отечество и царя.

Этотъ отвѣтъ Шеина показался Сапѣгѣ и послѣ него Сигизмунду какъ бы новымъ подтвержденіемъ, что Шеинъ или жители Смоленска скажутъ совершенно иное, едва только Сигизмундъ явится подъ этимъ городомъ. Поэтому Сигизмундъ, предшествуемый Сапѣгой и Пржемышскимъ, продолжалъ идти отъ Краснаго къ Смоленску, куда прибылъ 21-го сентября, а Сапѣга и Пржемышскій 19-го сентября имѣли уже первую стычку съ войсками Шеина. Сигизмундъ расположился лагеремъ отъ оршинской дороги до Днѣпра, между каменными монастырями Троицкимъ, Спасскимъ и Богородицимъ. 22-го Жолкѣвскій произвелъ обзоръ Смоленска, его укрѣпленій и мѣстности, для назначенія выгоднѣйшаго направленія осадныхъ работъ.

Смоленскъ, расположенный на возвышенномъ лѣвомъ берегу Днѣпра, былъ огражденъ каменною стѣною, отъ 6 до 7 сажень вышины и въ 2½ толщины, до 5 верстъ въ окружности, съ 88 башнями, круглыми и четырехугольными, изъ которыхъ въ 9-ти были ворота.

Стѣна была построена прочно, но доступъ къ ней не былъ затрудненъ не только никакими вѣшними укрѣпленіями, но даже и рвомъ. Только передъ нѣкоторыми воротами, для прикрытія ихъ, Шеинъ приказалъ на-скоро устроить деревянные срубы въ родѣ избъ. Подъ городомъ находились слободы, а на другомъ, правомъ берегу Днѣпра — обширный посадъ въ 6 т. домовъ. Смолене положили было защищать его, но когда, по появленіи войска Сигизмунда, Шеинъ объявилъ, что съ имѣвшимися у него силами онъ не въ состояніи въ одно время защищать и городъ, и посадъ, то всѣ, въ благородномъ порывѣ, положили сжечь его, и въ слѣдующую же ночь онъ весь былъ сожженъ. Это очень лестно свидѣтельствуетъ въ пользу рѣшимости смолянъ, но не доказываетъ предусмотрительности Шеина и особенно знакомства его съ современнымъ въ западной Европѣ искусствомъ осаждать и оборонять грѣпости. Еслибы оно было извѣстно ему, то у него весьма достаточно было времени, чтобы затруднить подступы къ Смоленску на лѣвомъ берегу Днѣпра и оградить посадъ на правомъ, если и не каменными стѣнами и башнями, то деревянными или по крайней мѣрѣ высокими и толстыми землянымъ валомъ съ глубокимъ впереди рвомъ. Сожженіе же пригородныхъ слободъ и посадовъ, даже и въ это время, какъ и всегда бывало дотолѣ, все еще оставалось первымъ дѣйствіемъ обороны русскихъ укрѣпленныхъ городовъ — мѣра жестокая, съ современнымъ образомъ веденія войны и обороны грѣпостей въ западной Европѣ несогласная. Такимъ образомъ и большой посадъ въ 6 т. домовъ, и всѣ подгородныя слободы, исключая одной Пятницкой, были немилосердно сожжены, а жители ихъ переполнили Смоленскъ и умножили собою число людей въ немъ на продовольствіи, въ явный вредъ продолжительной оборонѣ. Пятницкое же предмѣстіе при Днѣпрѣ по красненской дорогѣ, не сожженное, было прикрыто окопомъ, имѣвшимъ сообщеніе съ городомъ, потому что Шеинъ, ожидая съ этой именно стороны главныхъ успѣй непріятеля, имѣвшаго тутъ въ тылу за собою сообщенія съ Польшей, имѣлъ въ виду, занятіемъ этого предмѣстія, усилить оборону угрожаемой тутъ части городской стѣны и вознаградить по возможности недостатокъ вѣшнихъ укрѣпленій. Если же онъ счелъ возможнымъ сохранить, укрѣпить и занять это предмѣстіе, то казалось бы, что онъ могъ бы сдѣлать то же самое и въ отношеніи къ прочимъ предмѣстіямъ и къ большому посаду, которые, будучи прикрыты окопами, замѣнили бы вѣшнія укрѣпленія и еслибы и пострадали отъ огня непріятеля, то не столько, сколько отъ совершеннаго сожженія ихъ, и сверхъ того не переполнили бы Смоленска жителями своими. Хотя Смоленскъ былъ, по свидѣтельству лѣтописей, изобильно снабженъ продовольственными и военными запасами, но

вѣроятно только по числу гарнизона и жителей самаго города, а не вмѣстѣ съ жителями посада и предмѣстій, что, въ случаѣ продолжительной осады, составляло большую разницу (примѣромъ тому можетъ служить положеніе Троицкой лавры во время осады ея, см. выше) *) Въ снарядѣ или крѣпостной артиллеріи недостатка не было: пушекъ считалось около 300, но собственно войскъ было мало, именно—за отряженіемъ Борятинскаго и Ададунова въ помощь Скопину—всего не болѣе 4 т. чел. Дабы усилить ихъ, Шейнъ потребовалъ даточныхъ изъ смоленскихъ ближайшихъ волостей, но крестьяне ихъ отказали въ томъ, прельщенные обѣщанною имъ отъ Сигизмунда вольностью. И хотя жители Смоленска положили свято исполнить данную ими присягу и обороняться до послѣдней крайности, но изъ нихъ можетъ быть только $\frac{1}{4}$ была способна сражаться, а $\frac{3}{4}$ состояли изъ старыхъ людей, женщинъ, дѣтей, больныхъ, слабыхъ и т. п. Словомъ, въ нравственномъ отношеніи настроеніе войскъ и жителей Смоленска обѣщало много, но матеріальная оборона—гораздо меньше.

Впрочемъ Шейнъ принималъ всѣ возможные мѣры, указываемыя благоразуміемъ, для лучшаго благоустройства обороны. Половину своихъ ратныхъ людей онъ оставилъ въ запасѣ внутри города, а другую раздѣлилъ на 38 отрядовъ, каждому изъ которыхъ (около 50 ч.) поручилъ оборону особой башни съ прилегавшею стѣной. Такимъ образомъ каждому, и начальникамъ, и подчиненнымъ, были заранѣе назначены свое мѣсто и своя опредѣленная обязанность и тѣмъ устанавливался надлежащій порядокъ. Вообще и положеніе Смоленска, и мѣры для обороны его во многомъ сходствовали съ тѣми, которыя были изображены выше въ началѣ осады Троицкой-Сергіевой лавры, съ тою только разницей, что послѣдняя была небольшою крѣпостной въ сравненіи съ большимъ и сильно-укрѣпленнымъ Смоленскомъ.

Между тѣмъ Жолкѣвскій, обозрѣвъ Смоленскъ, по приказанію короля собралъ военный совѣтъ. Въ немъ особенно желали знать мнѣніе нѣмецкихъ полковниковъ, полагая ихъ болѣе другихъ свѣдущими въ осадномъ дѣлѣ. Однако ничего основательнаго предложено не было, а указывались средства малонадежныя или неудобноисполнимыя; такъ что Жолкѣвскій распустилъ совѣтъ безъ всякаго рѣшенія и только для ободренія войска обнадежилъ его, что все кончится скоро и успѣшно. Но королю наединѣ онъ представилъ, что при-

*) Въ запискахъ Жолкѣвскаго сказано, что по переписи, найденной въ Смоленскѣ по взятіи его, число людей въ немъ, всякаго возраста, въ началѣ осады простиралось до 200 т. чел. Но это кажется крайне преувеличеннымъ, или, можетъ быть, въ переписи этой показаны всѣ жители города, посада, предмѣстій и даже ближайшихъ волостей.

везепной артиллеріи было недостаточно для разрушенія крѣпкихъ стѣнъ Смоленска, что подкопы и выбивательныя ступы (петарды) пригодны только при оплошности непріятеля, а онъ уже съ самаго начала оказывается очень осторожнымъ и бдительнымъ, почему не представляется надежды на скорое покореніе города и казалось бы выгоднѣе, не упорствуя въ осаду, обратиться къ другимъ предпріятіямъ. Но высокоумный и тщеславный Сигизмундъ и слышать не хотѣлъ благоразумныхъ совѣтовъ умнаго, знающаго и опытнаго Жолкъвскаго и, упорствуя въ своемъ намѣреніи по что ни стало бы овладѣть Смоленскомъ, приказалъ дѣйствовать противъ его стѣнъ импено выбивательными ступами.

Вслѣдствіе того ночью съ 24 на 25 сентября войско выступило изъ лагеря и польская пѣхота осталась впередъ его, противъ Пятницкаго предмѣстія; Вайгеръ, староста Пуцкій, съ нѣмецкою пѣхотой направился къ Копытецкимъ воротамъ; мальтійскій кавалеръ Новодворскій съ венгерскою пѣхотой—къ Аврааміевскимъ, а копия слѣдовала издали за ними, для поддержанія ихъ. За 1½ часа до разсвѣта (въ 1½ ч. полночи) литовскій маршалъ Дорогостайскій устроилъ передъ польскою пѣхотою батарею полевыхъ пушекъ и открылъ съ нихъ огонь противъ Богословской башни, а изъ мортиръ велѣлъ метать бомбы во внутренность города. Эта пальба имѣла цѣлюю обратить вниманіе осажденныхъ на ту часть городской ограды, гдѣ было назначено произвести только ложную атаку, и тѣмъ способствовать настоящей атакѣ Вайгера и Новодворскаго съ двухъ противоположныхъ сторонъ, гдѣ они должны были выбить ступами назначенныя имъ ворота и ворваться въ городъ. Но цѣли эти не были достигнуты: хотя осажденные и приготовились къ отпору главными снарядами со стороны ложной атаки Дорогостайскаго, но, вслѣдствіе принятыхъ Шеннымъ и указаннымъ выше мѣръ, и другія части ограды не остались безъ защитниковъ. Вайгера вовсе не подпустили къ Копытецкимъ воротамъ, а Новодворскій сначала проиикъ въ узкій проходъ между Аврааміевскими воротами и срубомъ впереди ихъ, выбилъ ворота ступой, но за ними нашелъ другіе затворы, которые также должны были выбить ступой. Когда же затѣмъ люди, дѣйствовавшіе ступами, бросились въ городъ, при Новодворскомъ не оказалось трубачей (бѣжавшихъ), чтобы подать сзади стоявшимъ войскамъ условный знакъ идти на приступъ. Блжайшая венгерская пѣхота не двинулась туда, удержанная робкимъ каниганомъ своимъ, а стоявшая за нею конница даже отступила. Такимъ образомъ Новодворскій, имѣвъ не поддержанный, былъ принужденъ отступить безъ успѣха. Впрочемъ этотъ

неудачный ночной приступъ стоилъ нѣмецкой и венгерской пѣхотѣ только 10 убитыхъ и 70 раненыхъ.

Въ слѣдующую ночь съ 25 на 26 сентября нѣмецкая пѣхота вознаградила эту неудачу тѣмъ, что за 4 часа до разсвѣта атаковала окопы Пятницкаго предмѣстія, выбила изъ нихъ осажденныхъ, выжгла все предмѣстіе, за исключеніемъ только 7 церквей, и засѣла въ немъ.

Въ слѣдующую ночь съ 26 на 27 сентября, за 2 часа до разсвѣта, осаждавшіе бросились изъ выжженного предмѣстія на приступъ къ Пятницкимъ и Фроловскимъ воротамъ, но отъ обоехъ были отбиты съ урономъ.

27 сентября днемъ подъ Смоленскъ прибылъ къ королевскому войску запорожскій атаманъ Олевченко съ нѣсколькими тысячами казаковъ. Это дало возможность обложить Смоленскъ со всѣхъ сторонъ. Казаки съ гусарскимъ полкомъ Вайгера расположились при монастырѣ Св. Духа, на лѣвомъ берегу Днѣпра, къ в. отъ города. Съ южной стороны сильная стража наблюдала за дорогами въ Рославль и Ельню, и развѣздами своими связывала главное войско съ казаками. А на правый берегъ Днѣпра былъ отряженъ Потоцкій съ 2 т. чел. конницы, сообщеніе котораго съ главнымъ войскомъ обезпечивалось мостомъ, наведеннымъ черезъ Днѣпръ подъ Троицкимъ монастыремъ.

Стѣснивъ такимъ образомъ осажденныхъ и испытавъ уже неудачу въ дѣйствіи выбивательными стунами, Сигизмундъ положилъ прибѣгнуть къ подкопамъ и бомбардированію. Жолкѣвскій снова представлялъ ему, что при войскѣ не было пушекъ большихъ калибровъ для произведенія проломовъ въ стѣнахъ, а на подкопы также надѣяться было нельзя, тѣмъ болѣе, что, какъ узнали отъ одного переметчика, осажденные устроили вокругъ стѣнъ подземные слухи (галлерей); — что поэтому стоять подъ Смоленскомъ со всемъ войскомъ казалось напрасно тратить время, а лучше было, оставивъ для обложенія Смоленска три отряда въ приличныхъ мѣстахъ за крѣпкими окопами, съ главными силами двинуться къ Москвѣ, гдѣ, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, можно было надѣяться найти многихъ сообщниковъ. Сигизмундъ склонялся уже на это, особенно потому, что предпріятіе противъ Смоленска тѣмъ не отмѣнилось, а только измѣнялось въ исполненіи. Но завистники Жолкѣвскаго, окружавшіе Сигизмунда, отговорили послѣдняго отъ исполненія совѣтовъ гетмана — и король приказалъ обстрѣливать городъ и устроивать подкопы.

Вслѣдствіе того въ ночь съ 28 на 29 сентября Вайгеръ поставилъ туры и за ними батарею осадныхъ орудій за рѣчкой Чурилой близъ Днѣпра; въ прикрытіе были отряжены 600 чел. польской пѣ-

хоты и 2 роты пѣмечкой, а въ послѣдствіи еще 200 чел. венгерской. Въ ту же ночь Дорогостайскій, вмѣя при себѣ 600 чел. пѣхоты и 6 орудій, устроилъ окопы на правомъ берегу Днѣпра въ сожженномъ посадѣ.

29 сентября батареи обонхъ открыли огонь, Дорогостайскаго — по городскимъ строеніямъ на скатѣ къ Днѣпру, которымъ нанесли большое опустошеніе, а Вайгера — противъ Богословской башни, съ которой скоро сбили верхнія бойницы. Но тѣмъ и ограничился весь успѣхъ: въ 2-хъ осадныхъ орудіяхъ оказались трещины и стрѣлять изъ нихъ уже было невозможно; осажденные же стали засыпать башню землею и устроили позади нея новый окопъ. Поляки, не надѣясь болѣе разрушить ее, прекратили пальбу съ батареи Вайгера и ночью съ 30 сентября на 1 октября отвезли осадныя орудія съ батареи обратно въ лагерь.

За то Дорогостайскій въ ночь съ 2 на 3 октября сжегъ мостъ на Днѣпрѣ противъ Фроловскихъ воротъ, подвелъ свои окопы ближе къ рѣкѣ и городу, устроилъ въ нихъ мортирную батарею и въ слѣдующую ночь началъ метать изъ нея бомбы въ городъ.

14 октября канцлеръ Сапѣга, полагая, что осажденные были уже утрачены бомбардированіемъ, предложилъ осажденнымъ принять литовца Богдана Велижанина (изъ гор. Велижа) съ порученіемъ отъ короля. Осажденные согласились на то, а поляки, заключая изъ этого, что они уже склоняются къ сдачѣ, прекратили бомбардированіе. 5 октября Велижанинъ, подъѣхавъ къ городской стѣнѣ, убѣждалъ осажденныхъ сдать городъ и повторялъ прежнія обѣщанія короля. Осажденные благодарили за доброе расположеніе къ нимъ короля, но только извѣщали опасенія со стороны извѣстнаго своеволія поляковъ, а впрочемъ обѣщали доложить объ этомъ воеводамъ и на другой день дать отвѣтъ. Но на другой день они отвѣчали, что не нарушать присяги царю Василію и исполнять долгъ свой защищаться всѣми силами.

Оказанная ими готовность вести переговоры была только военною хитростью, доставившею имъ полезный для нихъ 2-хъ-дневный отдыхъ. Разгнѣванный Сигизмундъ призвалъ Вайгеру снова приступить къ осаднымъ работамъ противъ Богословской башни. Въ ночь съ 6-го на 7 октября Вайгеръ подвелъ свои окопы ближе къ стѣнѣ, устроилъ въ нихъ батарею изъ 4 осадныхъ орудій и утромъ открылъ изъ нихъ огонь противъ Богословской башни. Въ слѣдующіе дни и онъ, и Дорогостайскій производили непрерывный огонь съ своихъ батарей, а Вайгеръ, сверхъ того, по ночамъ велъ къ стѣнѣ подступной ровъ (траншею) и въ ночь съ 10 на 11 октября довелъ его уже на 30 шаговъ отъ стѣны.

*

Но осажденные и особенно Шейнъ не унывали и не теряли ни мужества, ни твердости въ оборонѣ. Шейнъ почти не сходилъ со стѣнъ, дѣятельно занимался и военными распоряженіями, и управленіемъ города, и наблюденіемъ, чтобы въ немъ не породилось ни малѣйшаго помышленія о сдачѣ, и утвержденіемъ всѣхъ и cadaго въ исполненіи долга присяги и чести. Одушевленные имъ, осажденные производили частыя вылазки и иногда съ замѣчательною отважностью.

Такъ 15 октября днемъ шесть смолянъ переплыли въ лодкѣ черезъ Днѣпръ, ворвались въ окна Дорогостайскаго, схватили развѣвавшуюся хоругвь санецкаго старосты Любомірскаго и увезли ее въ городъ, хотя въ окопахъ на стражѣ были 72 гайдука (за ихъ оплошность, король велѣлъ отдать ихъ подъ военный судъ, который приговорилъ начальствовавшего ими поручика къ смерти, а гайдуковъ послать при первомъ приступѣ въ головныхъ рядахъ).

Хотя осажденнымъ неоткуда было ожидать помощи, однако Скопинъ не совсѣмъ оставилъ ихъ безъ нея. Не имѣя возможности ослабить себя отряженіемъ части войска своего на выручку Смоленска, онъ послалъ 30 боярскихъ дѣтей для возбужденія крестьянъ сосѣднихъ около Смоленска селеній противъ осаждавшихъ его. Эти крестьяне, спасаясь отъ грабительства поляковъ, разбѣгались по лѣсамъ и изъ нихъ посланнымъ боярскимъ дѣтямъ удалось собрать около 3 т. чел., которые, нападая изъ лѣсовъ на польскихъ фуражировъ, истребляли ихъ и тѣмъ затрудняли польскому войску приобрѣтеніе продовольствія.

Между тѣмъ батареи Вайгера и Дорогостайскаго не переставали обстрѣливать городъ и 26 октября Вайгеру удалось разбить верхнюю часть малой четвероугольной башни возлѣ Богословской. А запорожцы въ ночь съ 30 на 31 октября бросились съ топорами къ воротамъ противъ нихъ, но, встрѣченные сильною стрѣльбой, были принуждены воротиться безъ успѣха.

Прошло уже 37 дней со времени открытія осады Смоленска, а успѣха отъ нея было очень мало, и Сигизмундъ сталъ уже убѣждаться, что ему не такъ легко будетъ овладѣть Россіей, какъ онъ полагалъ, и что въ особенности ему надлежало стараться объ умноженіи своихъ силъ. Полученіе новаго войска изъ Польши было невозможно за недостаткомъ времени и денегъ, но въ Россіи на службѣ самозванца было много польскихъ войскъ, которыя можно было употребить въ пользу. Хотя казалось, что составлявшая ихъ шляхта не осмѣлится явно послушаться воли короля, однако, по извѣстному своеволю ея, можно было опасаться сопротивленія съ ея стороны. Поэтому Сигизмундъ рѣшился послать подъ Москву цѣлое посоль-

ство изъ 5 именитыхъ людей: Стадницкаго, Збаражскаго, Тышкевича, Доморацкаго и Казановскаго. Каждый изъ нихъ имѣлъ при себѣ свою роту и кромѣ того имъ придали еще нѣсколько войскъ, такъ что всего при нихъ было до 800 чел. конницы и 1,280 чел. пѣхоты съ 2 пушками. Посламъ былъ данъ гласный наказъ и тайное наставленіе. Въ первомъ было приказано объяснить поводы и причины вступленія короля въ русскіе предѣлы во время перемирія и затѣмъ убѣждать поляковъ на службѣ самозванца, для блага отечества, постановить выгодный для обѣихъ сторонъ договоръ. Въ тайномъ же наставленіи было предписано представить полякамъ и особенно начальникамъ ихъ всѣ доводы, которые могли склонить ихъ къ переходу на службу короля, обѣщать имъ вознагражденіе за труды и убытки, а русскимъ (измѣнникамъ) всякаго рода льготы и награды за переходъ на сторону короля. Словомъ—послы должны были и гласно, и тайно договариваться съ тѣми и другими совершенно какъ съ воюющею стороною, для того, чтобы переманить ихъ отъ самозванца къ королю. Но кромѣ того послы должны были войти въ сношенія съ Василіемъ и съ московскими властями, для склоненія перваго къ возстановленію мира (нарушеннаго не имъ и русскими, а Сигизмундомъ и поляками), посредствомъ пожертвованій въ пользу Рѣчи Посполитой (явная и ни съ чѣмъ несообразная несправедливость), а вторыхъ къ принятію помощи и покровительства (иначе власти) короля. Коварство такого рода политики со стороны Сигизмунда не требуетъ дальнѣйшихъ истолкованій. Къ самозванцу же писали только сенаторы, прося его, свѣтлѣйшаго князя, радушно принять пословъ короля и дозволить имъ оставаться въ его лагерѣ, сколько времени потребуютъ дѣла ихъ.

Съ такимъ наказомъ и наставленіемъ послы выѣхали изъ лагеря короля подъ Смоленскомъ 2 ноября.

Между тѣмъ Скопинъ болѣе 2 мѣсяцовъ оставался въ Колязнѣ, ожидая присоединенія Делаярди, которое и произошло наконецъ 26 сентября (въ началѣ осады Смоленска Сигизмундомъ). Дабы не подать повода къ новымъ несогласіямъ, Скопинъ еще до того послалъ къ Делаярди, для раздачи войскамъ его, по недостатку денегъ, мѣховъ на 14,974 рубля (49,913 пшѣнныхъ серебряныхъ). Но Делаярди привелъ съ собою всего только 2,200 чел. иноземцовъ, однако обнадеживалъ Скопина, что новый значительный отрядъ вспомогательныхъ войскъ находился на походѣ изъ Швеціи. Но трудное положеніе Москвы и государства не позволяло Скопину ждать прибытія его, и онъ, соединясь съ Делаярди, съ 18 т. чел. своихъ русскихъ войскъ и съ 2,200 иноземныхъ переправился за

Волгу и 6 октября вступилъ въ Переяславль-Владимірскій. Отсюда онъ положилъ идти къ Александровской слободѣ, дабы, въ случаѣ нужды, подать помощь Василию въ Москвѣ, сблизясь и съ нею, и съ Троицкою лаврой, и съ Шереметевымъ, и снова отрѣзывая Лисовскаго отъ Сапѣги. Но, не отступая отъ прежепринятаго имъ образа дѣйствій отдѣльными отрядами, избѣгалъ общаго боя, онъ самъ съ главными силами остался въ Переяславлѣ, а къ Александровской слободѣ выслалъ отрядъ подъ начальствомъ Валугева и Сомме. Послѣдніе, скрытно подступивъ къ слободѣ, напали врасплохъ на Тромчовскаго и разсѣяли отрядъ его, 100 чел. котораго утонули въ рѣчкѣ Шервѣ. Но при эгомъ, къ сожалѣнію, Сомме былъ такъ тяжело раненъ, что уѣхалъ въ Выборгъ лечиться. Скопинъ же, узнавъ о вытѣсненіи поляковъ изъ слободы и объ укрѣпленіи ея острогомъ, 20 октября перешелъ въ нее съ главными силами своими.

Хотя отсюда ему уже была открытая дорога въ Москву, но идти въ нее—значило только умножить число войскъ и увеличить потребленіе продовольствія въ ней, тогда какъ первыхъ для обороны ея было достаточно, а послѣдняго напротивъ. Важнѣе было разсѣять непріятельскія войска, недопускавшія подвозы продовольствія въ Москву изъ окрестныхъ городовъ. Но для этого Скопинъ не считалъ себя еще достаточно сильнымъ и потому рѣшился ждать въ слободѣ прибытія Шереметева и подкрѣпленій изъ Швеціи, не отказываясь однако, между тѣмъ, отъ доставленія по возможности нужной помощи Москвѣ и Троицкой лаврѣ. Къ послѣдней онъ уже послалъ Жеребцова съ 900 ратниками, который усилялъ тайно пробраться между непріятельскихъ заставъ и ночью съ 11 на 12 октября вступилъ въ монастырь. Но, высокоумѣренный и властолюбивый, онъ отстранилъ Іоасафа и воеводу и сталъ распоряжаться самовластно, не слушая совѣтовъ людей, уже опытомъ наученныхъ оборонѣ монастыря. Такъ они, до его прибытія, испытавъ, что вылазки въ значительныхъ силахъ всегда были встрѣчаемы и отражаемы превосходящими силами, стали посылать за дровами и травою только отъ 2 до 5 чел., которые исполняли свое назначеніе успѣшно и возвращались безвредно. Но Жеребцовъ запретилъ такіе выходы и, объявивъ, что покажетъ возможность дѣлать вылазки настоящими ратниками открытою силой, 19 октября произвелъ со всѣми приведенными имъ ратниками вылазку на станъ казаковъ. Но онъ былъ пораженъ съ большимъ урономъ и былъ бы совершенно разбитъ, если бы презираемые имъ защитники монастыря сами собою не бросились изъ него на выручку Жеребцова и не остановили непріятеля. Эта неудача умѣрила высокоумѣріе Жеребцова и онъ не сталъ болѣе

пренебрегать мѣрами и распоряженіями прежнихъ начальниковъ обороны.

Положеніе же Москвы со дня на день остановилось опаснѣе. Жители ея, не видя приближенія къ ней Скопина, такъ давно ожидаемаго ими, грозили Василюйти въ Тушино, если цѣна хлѣба, снова подымавшаяся до 7 рублей, не будетъ понижена. Къ счастью, прибытіе дворянина Безобразова, присланнаго Скопнымъ съ вѣстью о вступленіи его въ Переяславль, нѣсколько успокоило народное волненіе. Но вскорѣ новая бѣда опять встревожила Москву. Подгородное село Красное охранялось высылаемыми изъ Москвы головами съ копными сотнями и атаманами съ казаками, которые смѣнялись понедѣльно. Когда пришла очередь атамана Горохова, онъ увѣдомилъ самозванца, что готовъ покориться ему и просилъ прислать войско для занятія Краснаго села. Самозванецъ въ слѣдующую же ночь прислалъ отрядъ, который, при помощи Горохова, безпрепятственно занялъ село. Неучаствовавшія въ измѣнѣ сотни отступили въ Москву, а казаки выжгли село и ушли въ Тушино.

Ночью же съ 10 на 11 октября войска самозванца, тайно подведенныя со стороны Неглинной къ деревянному городу, подожгли его, такъ что выгорѣло до 40 сажень деревянной стѣны. Однако царскія войска отбили непріятеля, потушили пожаръ и выгорѣвшее мѣсто загородили крѣпкимъ тыномъ.

Тогда непріятель, убѣдясь въ невозможности овладѣть Москвою посредствомъ открытой силы, усугубилъ старанія не пропускать въ нее подвозовъ продовольствія изъ Коломны и отъ Скопина. Князь Урусовъ съ юртовскими татарами отрѣзалъ дорогу изъ Александровской слободы, а крестьянинъ Салковъ, набравъ многочисленную шайку русскихъ разбойниковъ и поддѣрбляемый Млоцкимъ изъ Серпухова, отбивалъ подвозы изъ Коломны. Василій приказалъ князю Литвинову-Мосальскому въ Коломнѣ препроводить изъ нея заразъ одинокій большой подвозъ продовольствія, подъ прикрытіемъ сильнаго отряда войскъ. Но Мосальскій или долго собирался или шелъ медленно, далъ время Млоцкому соединиться съ Салковымъ и, наступивъ на нихъ близъ Бронницъ, былъ разбитъ, съ большимъ урономъ взятыхъ въ плѣнъ и всѣхъ запасовъ, часть которыхъ непріятель увезъ, а другую сжегъ. Млоцкій воротился въ Серпуховъ, а Салковъ осмѣлился приблизиться къ Москвѣ и сталъ у Николы на Угрѣшахъ (въ 18 верстахъ отъ нея, на лѣвомъ берегу Москвы). Василій выслалъ противъ него воеводу Суклина съ сильнымъ отрядомъ, и снова царскій отрядъ потерпѣлъ пораженіе и былъ отбитъ съ большимъ урономъ. Тогда Салковъ простеръ свою дерзость до того, что сталъ разорять всѣ восточныя, ближайшія окрест-

ности Москвы. Тогда Василій, чтобъ избавиться отъ этого злодѣя, послалъ по всѣмъ дорогамъ къ востоку отъ Москвы сильныя отряды войскъ. Къ счастью, одинъ изъ нихъ, подъ начальствомъ князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, настигнувъ Салкова на владимірской дорогѣ при рѣчкѣ Пехорѣ, разбилъ его на голову такъ, что разсѣялъ всю его шайку, а Салковъ, оставшись только съ 30 чел., явился къ Василю съ повинною.

Но и въ Тушинскомъ станѣ не было спокойствія, а напротивъ сильное волненіе между поляками, не столько отъ приближенія Скопина, сколько отъ обложенія Смоленска Сигизмундомъ, вступившимъ въ русскіе предѣлы, по ихъ словамъ, единственно для того, чтобъ лишить ихъ заслуженныхъ ими наградъ самозванца и воспользоваться выгодами, приобретенными кровью и трудами ихъ. Даже самъ Рожинскій старался возбуждать ихъ противъ короля. Будучи гетманомъ войскъ самозванца и распоряжаясь имъ самовластно и безгранично, безъ всякаго вниманія къ самозванцу, онъ не желалъ подчиниться власти не только короннаго гетмана, но даже и самаго короля. Созвавъ коло, онъ предложилъ польскимъ жолнерамъ ии подъ какимъ предлогомъ не уклоняться отъ службы царевичу Дмитрію и, возведя его на московскій престолъ, потребовать отъ него общаго имъ всѣмъ вознагражденія; въ случаѣ же замедленія въ томъ, занять сѣверскую и рязанскую области и, пользуясь доходами ихъ, не расходясь ждать полнаго удовлетворенія. Всѣ одобрили это и подписали конфедераціонный актъ о томъ. Но Рожинскій не удовольствовался однимъ этимъ: убѣжденный, что только единомысліе всѣхъ поляковъ, служившихъ самозванцу, могло придать силу устроенной имъ конфедерации, онъ отправился съ частью войска въ станъ Сапѣги подъ Троицкимъ монастыремъ, дабы склонить и Сапѣгу, и всѣхъ находившихся при немъ польскихъ жолнеровъ къ подписанію конфедераціоннаго акта. Но Сапѣга, въ станъ котораго Рожинскій прибылъ 18 октября, отказывался подписать актъ и сопротивлялся волѣ короля, а напротивъ полагалъ, что приличнѣе было бы просить короля о предоставленіи имъ свободы отыскивать заслуженное награжденіе. Въ преніяхъ объ этомъ прошло нѣсколько дней и стойкость Сапѣги такъ раздражила запальчиваго Рожинскаго, что онъ 26 октября бросился съ обнаженною саблею къ жилищу Сапѣги. Но Сапѣга спокойно и хладнокровно сказалъ ему, что не время было имъ считаться личностями, когда приближеніе Скопина, опасное для нихъ обоихъ, обязывало ихъ помогать другъ другу. Тревожимый близкимъ соудствомъ Скопина, онъ рѣшился лично развѣдать положеніе и силу войска его

и, выступивъ 28 октября изъ своего стана съ 4 т. войскъ, 29-го подступилъ къ Александровской слободѣ. Скопинъ выслалъ на встрѣчу ему головъ съ сотнями, но Сапѣга опрокинулъ ихъ и преслѣдовалъ до самыхъ надолбъ (плагбаумовъ), прикрывавшихъ слободу. Тогда Скопинъ самъ вышелъ изъ слободы со всемъ своимъ войскомъ, и Сапѣга, послѣ жаркаго боя, былъ принужденъ уступить значительному превосходству силъ Скопина и воротиться въ свой станъ подъ монастыремъ. Тутъ онъ объявилъ Рожинскому, что, вслѣдствіе значительнаго усиленія Скопина, имъ обоемъ необходимо было дѣйствовать противъ него совокупными силами. Но Рожинскій не захотѣлъ помогать ему и 30 октября отправился съ своими войсками обратно въ Тушино.

По удаленіи его, положеніе Сапѣги стало затруднительнымъ. Хотя Скопинъ, ожидая со всѣхъ сторонъ подкрѣпленій, самъ не выступалъ еще изъ Александровской слободы, но посылаемыми имъ отрядами удачно велъ малую войну къ с. и в. отъ Троицкаго монастыря, стѣсня осаждавшихъ его и перехватывая фуражировъ ихъ. Въ этой малой войнѣ, по причинѣ выпавшаго уже глубокаго снѣга, особенно отличались 4 т. лыжниковъ изъ сѣверо-восточныхъ русскихъ областей и изъ шведской Нордъ-Боттін, отъ которыхъ не могла спастись даже непріятельская конница.

Однако прибытіе къ Скопину подкрѣпленій происходило не вполне успешно. Такъ Шереметевъ присоединился къ нему не безъ урона, потому что прежде того двинулся изъ Владиміра къ Суздалью, чтобы выгнать изъ него Лисовскаго, не сообразивъ, что на равнинахъ подъ нимъ, ему съ своею низовою пѣхотой нелегко было устоять противъ лихой конницы Лисовскаго. Послѣдній дѣйствительно, выйдя на встрѣчу ему со всѣми своими силами — 4 т. чел. конницы, большею частію донскихъ казаковъ, разбилъ Шереметева такъ, что онъ потерялъ до 300 чел. и едва успѣлъ отступить во Владиміръ. Оставивъ въ немъ нужное число ратниковъ, съ остальными онъ прибылъ наконецъ 11 ноября въ Александровскую слободу.

Около того же времени Скопинъ получилъ подкрѣпленіе и отъ Василія изъ Москвы. Бояре князя Куракинъ и Лыковъ получили приказаніе выступить 1 ноября съ 3 т. ратниковъ изъ Москвы къ слободѣ, для прочаго обезпеченія сообщеній между ними. Съ этою цѣлью они построили остроги въ Стромнѣ и между Стромней и Москвою въ Мизиновѣ и Измайловѣ. Построенію острога въ Измайловѣ хотѣли-было помѣшать тушинскіе поляки, но были отбиты вышедшимъ изъ Москвы княземъ Дмитріемъ Шуйскимъ, взявшимъ при этомъ болѣе 300 польскихъ товарщій въ плѣнъ.

Куракинъ же и Лыковъ, построивъ остроги, 6 ноября выступили изъ Стромыни и вскорѣ прибыли въ Александровскую слободу.

Постепенное умноженіе силъ Скопина и обезпеченіе сообщеній между нимъ и Москвою подавали наконецъ отрадную надежду на близкое избавленіе и Москвы, и Троицкаго монастыря. Всѣ русскіе люди, вѣрные своему отечеству, съ любовью и надеждой обращали взоры свои на Скопина, имѣвшаго, по ихъ убѣжденію, явное высшее призваніе быть избавителемъ Россіи. Но это самое общее влеченіе къ нему породило большую опасность для него и для Россіи.

Прокопій Ляпуновъ продолжалъ еще властвовать надъ умами предавшихъ ему и еще вѣрныхъ Василю рязанцовъ. Но гнушась Тушинскимъ воромъ, какъ прежде того злодѣемъ Болотниковымъ, онъ ненавидѣлъ Василю и былъ убѣжденъ, что Россія никогда не успокоится подъ его злополучной державой. Скопина же онъ признавалъ единственнымъ въ то время человѣкомъ, который могъ не только спасти отечество, но и достойно быть государемъ Россіи. Въ этомъ убѣжденіи, онъ отправилъ къ нему посланцовъ съ грамотой, въ которой, отъ имени прославлявшей его Россіи, предлагалъ ему вступить на престолъ ея, вмѣсто недостойнаго того, по общему мнѣнію, Василю. Скопинъ, въ благородномъ негодованіи; разорвалъ грамоту и приказалъ заключить привезшихъ ее въ тюрьму. Но, тронутый ихъ мольбами о помилованіи, какъ невинныхъ орудій Ляпунова, котораго никто въ Рязани не смѣлъ ослушаться, Скопинъ отпустилъ ихъ въ Рязань. Это неосторожное велѣдущіе его имѣло пагубныя послѣдствія для него. Завистники его, которыхъ у него было много, особенно Дмитрій Шуйскій и другіе братья и родственники Василю, оклеветали его передъ послѣднимъ, представивъ ему, что еслибы предложеніе Ляпунова не правилось Скопину, то онъ строго наказалъ бы вызвавшихъ его на измѣну, а простивъ ихъ, онъ присвоилъ себѣ власть, принадлежавшую одному царю. Эти коварныя внушенія заронили въ сердцѣ Василю злобу противъ надежнѣйшаго защитника престола его и были особенно вредны для Россіи тѣмъ, что ослабляли нравственную силу Скопина въ то именно время, когда положеніе его было еще не совсѣмъ надежно. Мятежъ господствовалъ еще вокругъ него, и спереди, и сзади, и въ Псковѣ, и въ земляхъ мордовскихъ и черемисскихъ. Тщетно князь Мещерскій, по приказанію Скопина, 1 октября снова подступилъ изъ Новгорода къ Пскову съ отрядомъ новгородцовъ и шведовъ. Псковичи упорствовали, и Мещерскій воротился безъ успѣха въ Новгородъ. Мордва же и черемисы, ободренные удаленіемъ Шереметева, покусились даже на овладѣніе врасплохъ Нижнимъ Новгородомъ, къ

которому и подступили скрытно 1 октября, но не имѣли успѣха, потому что нижегородцы были осторожны и бдительны. Съ другой стороны, собравшіяся въ Яранскѣ шайки мятежныхъ волжскихъ казаковъ, стрѣльцовъ и луговыхъ черемисъ вторглись въ вятскую область и, въ числѣ 1,400 чел. заявъ 18 ноября Котельничъ, разослали возмутительныя грамоты по всей области. Начальствовавшій въ Вяткѣ воевода князь Ухтомежскій собралъ въ Орловѣ до 12 т. войскъ и двинулся къ Котельничу, но, по удаленіи мятежниковъ изъ него въ Яранскъ, не преслѣдовалъ ихъ и, только оставивъ 1 тыс. ратниковъ въ Котельничѣ, всѣхъ прочихъ распустилъ по домамъ.

Между тѣмъ, Рожинскій, воротаясь въ Тушино, не успѣлъ привлечь къ конфедерации и запорожцовъ. Они отказались отъ участія въ ней, разочтя, что имъ выгоды не будетъ воевать подъ знаменами своего короля. Изъ нихъ 3 т. стояли тогда подъ Вязьмой, а всѣ прочіе были отправлены Рожинскимъ подъ Бѣлую. Подступивъ къ этому городу, они овладѣли посадомъ его послѣ жаркаго боя, въ которомъ, по польскимъ извѣстіямъ, будто бы пало до 3 т. жителей Бѣлой. Остальные, осажденные въ городѣ, упорно оборонялись. Запорожцамъ не трудно было бы зажечь деревянную стѣну города, но, чтобы не лишиться ожидаемой ими добычи въ немъ, они положили взять его приступомъ при первомъ удобномъ случаѣ. А между тѣмъ они послали къ королю съ покорностью и просьбой поддержать ихъ. Сигизмундъ велѣлъ велижскому старостѣ Гонсеѣвскому идти на помощь имъ съ 500 чел. конницы. А вскорѣ того и запорожцы въ Вязьмѣ покорились Сигизмунду.

Лишенные содѣйствія ихъ, Тушинскіе поляки упорствовали однако въ своемъ намѣреніи не покоряться королю и отправили къ нему посланцовъ для принесенія жалобъ отъ имени всего войска въ Тушинѣ. Прибывъ 13 ноября подъ Смоленскъ, посланцы на другой день были приняты королевемъ и изложили свои жалобы очень дерзко и непристойно. Переговоры съ ними продолжались нѣсколько дней въ томъ же смыслѣ и духѣ, и кончились отказомъ короля и его сановниковъ на требованія посланцовъ. Однако, дабы не возбудить въ нихъ непримиримой вражды, съ ними лично обошлись довольно привѣтливо и отпустили ихъ.

Войска Сапѣги также отправили отъ себя къ королю двухъ посланцовъ, которые говорили скромнѣе и пристойнѣе, и вручили королю тайное письмо отъ Сапѣги, который давалъ въ немъ совѣты, клонившіеся къ обезпеченію успѣха войны и къ охраненію особы короля.

Въ продолженіи этихъ переговоровъ, осада Смоленска не подвп-

галась впередъ. Тщетно Жолкѣвскій устроилъ еще одну батарею на горѣ, съ которой можно было стрѣлять по той части города, въ которую воеводы перешли—было, чтобъ укрыться отъ огня орудій Дорогостайскаго. Осажденные терпѣливо переносили разрушеніе города и отвергали частыя предложенія сдачи. Видя непреклонность ихъ, осаждавшіе пытались подговорить простой народъ и чернь въ Смоленскѣ къ сдачѣ города, обѣщая имъ разныя милости, но не имѣли никакого успѣха. Главною заботою осажденныхъ было добываніе дровъ и воды, для чего они дѣлали частыя вылазки къ Днѣпру и наконецъ упрочили сообщенія съ нимъ, успѣвъ вырыть ровъ отъ Цятницкихъ водяныхъ воротъ до берега.

Подъ Бѣлою запорожцы и поляки Гонсѣвскаго ходили на приступъ, но были отбиты, и король послалъ въ помощь имъ 4 пятигорскія роты и часть татаръ.

Между тѣмъ 4 декабря прибыли въ Тушино королевскіе послы съ 300 чел. пѣхоты и 400 чел. пикинеровъ; прочія же войска свои они оставили въ Можайскѣ, дабы не произвестъ голода въ Тушинскомъ станѣ, гдѣ оказывался уже недостатокъ въ продовольствіи. 8 декабря созвано было коло для выслушанія пословъ. По выслушаніи ихъ, полковникъ Витовскій отъ имени войска отвѣчалъ, что оно останется вѣрнымъ королю, но просилъ письменнаго сообщенія. На другой день весь станъ былъ въ волненіи: меньшинство хотѣло требовать себѣ непомѣрной платы, но болѣшинство было гораздо умѣреннѣе, опасаясь нападенія и Скопина, и королевскихъ войскъ, и даже оказало большую податливость. Наконецъ, послѣ продолжительныхъ преній и ссоръ, положили къ 17 декабря выслать по 2 товарища съ каждой роты для переговоровъ съ послами.

Переговоры эти сильно смущали самозванца, котораго поляки признавали государемъ только по имени—изъ-за своихъ личныхъ выгодъ, дѣйствительно же не только не уважали его, но и презирали и даже оскорбляли. Опасаясь, чтобы они его не выдали королю, онъ рѣшился уѣхать изъ Тушинскаго стана, подъ предлогомъ прогулки. Но поляки не выпустили его; однако русскіе приверженцы его нашли средство вывести его изъ стана, въ сопровожденіи 400 донскихъ казаковъ и 400 русскихъ всадниковъ. Но Рожинскій погнался за нимъ и привелъ его обратно въ станъ, гдѣ надъ нимъ учредили строгій присмотръ.

Между тѣмъ несогласія и раздоры между послѣдователями его были не въ одномъ Тушинскомъ станѣ, но и внѣ его. Такъ Вербицкій и Велегловскій, занимавшіе съ отрядами поляковъ, служившихъ самозванцу, первый—Дорогобужъ, а второй—Вязьму, враждовали съ запорожцами, не захотѣли, по примѣру ихъ, покориться

королю и, очистивъ занимаемые ими города, воротились съ своими отрядами въ Тушино. А Сигизмундъ немедленно приказалъ занять Дорогобужъ своими войсками.

Переговоры избранныхъ польскихъ товарищей съ королевскими послами, начавшіеся 17 декабря, не повели въ соглашенію, вслѣдствіе безразсудныхъ, непомятныхъ требованій товарищей, на которыя послы никакъ не могли разумно согласиться. Переговоры были отсрочены, а между тѣмъ послы тайными происками ежедневно умножали число приверженцовъ короля, на столько же уменьшая число послѣдователей самозванца. Даже сами Зборовскій и наконецъ Рожинскій склонились на сторону короля, а по вліянію ихъ, и все польское рыцарство стало болѣе и болѣе податливымъ.

Самозванецъ, котораго вовсе не допускали до переговоровъ, слѣдиль однако за ними съ большимъ безпокойствомъ и наконецъ 27 декабря рѣшился спросить Рожинскаго, въ чемъ состоятъ предложенія пословъ? Рожинскій, бывший въ нетрезвомъ видѣ, отвѣчалъ ему такою грубою бранью, даже съ угрозами побоевъ, что испуганный самозванецъ въ тотъ же день ввечеру, когда трубили вечернюю зорю, выѣхалъ изъ стана, переодѣтый въ крестьянское платье, въ навозныхъ саняхъ и отправился въ Калугу.

На другой день утромъ, когда узнали, что самозванецъ бѣжалъ, весь Тушинскій станъ пришелъ въ страшное волненіе. Пахолики и мастеравые тотчасъ разграбили все имущество самозванца и даже покушались разбить и посольскія повозки, полагая найти въ нихъ большія суммы денегъ, но посольскія войска не допустили до того. Жолнеры собрались на коло, шумѣли, ссорились буйствовали, но ничѣмъ не рѣшили. На слѣдующее утро они собрались снова, но уже разсуждали спокойнѣе и обѣщали черезъ два дня дать посламъ благопріятный отвѣтъ. Послы же занимались между тѣмъ привлеченіемъ на свою сторону Тушинскихъ русскихъ измѣнниковъ. Знатнѣйшіе изъ нихъ сознавали, что имъ оставалось только покориться либо Василію, либо Сигизмунду. Но отъ перваго они могли ожидать развѣ только одного помилванія, а отъ втораго, можетъ быть, и щедрыхъ награды, и выборъ между тѣмъ и другимъ не могъ быть сомнительнымъ въ ихъ низкихъ душахъ. Прежде всѣхъ послы успѣли склонить на свою сторону двухъ главныхъ измѣнниковъ—Салтыкова и Грамотина, а они уже склонили и другихъ—Заруцкаго, каспмовскаго царя и пр. А затѣмъ послы успѣли наконецъ убѣдить и Тушинскихъ поляковъ, и какъ они, такъ и Тушинскіе русскіе согласились отправить отъ себя посланцовъ къ Сигизмунду подъ Смоленскъ.

Что касается Василія и московскихъ бояръ, то посламъ не уда-

лось исполнить приказаній Сигизмунда въ отношеніи къ нимъ. Василій не отвѣчалъ на его грамоты и не хотѣлъ входить въ сношенія съ его посланцѣми, а московскіе бояре также не поддались тайнымъ внушеніямъ пословъ отложиться отъ Василія и вѣрнуться покровительству Сигизмунда.

Но съ Мариной послы сами отъ себя, безъ всякаго порученія Сигизмунда, вошли въ сношенія и предложили ей землю Саноцкую и доходы съ Самборской экономіи, съ тѣмъ, чтобы она отказалась отъ всякаго притязанія на московскій престолъ. Но гордая Марина, въ изступленіи безразсуднаго властолюбія, признавая себя законною царицей московскою, съ негодованіемъ отвергла всѣ предложенія пословъ и объявила какъ имъ, такъ и самому Сигизмунду, что не перестанетъ отыскивать свое достоинствѣ.

Послѣ всего этого, послы воротились изъ Тушина подъ Смоленскъ и донесли Сигизмунду о результатахъ своего посольства; сопровождавшія же ихъ войска были оставлены ими въ Вязьмѣ подъ начальствомъ Казановскаго (все это, современи бѣгства самозванца, послѣдовало уже въ январѣ и февралѣ 1610 г. по теперешнему račету времени).

§ 203.

Война въ 1610 году.—Осады: Троицкой-Сергіевой лавры (конецъ) и Смоленска (продолженіе). — Клушинская битва (24 іюня).

И такъ къ концу 1609 года и къ началу 1610 г. обстоятельства значительно измѣнились въ пользу Василія и Россіи. По мѣрѣ того, какъ обманъ слабѣлъ и исчезалъ, власть закона возстановлялась; умы еще были въ сильномъ волненіи, но уже болѣе и болѣе склонялись въ пользу Василія. Между тѣмъ какъ доблестный Скопинъ съ каждымъ днемъ умножалъ свои силы и число приверженцовъ законнаго правительства, самозванцовы поляки, казаки и русскіе измѣнники, грабя и разоряя край, возбуждали въ немъ всеобщую ненависть къ себѣ и къ виновнику народныхъ бѣдствій. Вѣроломное вторженіе Сигизмунда въ русскіе предѣлы, съ явнымъ намѣреніемъ покорить своей власти Россію, хотя съ одной стороны прибавляло къ числу внутреннихъ враговъ ея — самозванца и русскихъ мятежниковъ, еще одного — внѣшняго и сильнѣйшаго, по съ другой стороны оказывалось болѣе выгоднымъ, нежели невыгоднымъ. Первымъ слѣдствіемъ его было то, что самозванцовы поляки, казаки и русскіе измѣнники, отложась отъ самозванца и склонясь къ Си-

гизмунду, отхлынули отъ Тушина и Москвы подъ Смоленскъ, самозванецъ бѣжалъ къ Калугу, а Сигизмундъ не могъ замѣнить собою самозванца, ни имѣть, подобно послѣднему, многочисленныхъ приверженцовъ къ себѣ въ Россіи, а напротивъ вооружалъ противъ себя всѣхъ русскихъ, какъ закланной врагъ Россіи, не имѣвшій даже мнимаго права на русскій престолъ. При самомъ первомъ вступленіи своемъ въ русскіе предѣлы, осадивъ Смоленскъ, онъ убѣдился, сколь жестоко обманулся въ надеждѣ на добровольную и легкую покорность Россіи. Упорная оборона Смоленска Шейнымъ надолго приковала короля къ этому городу, между тѣмъ какъ Москва, а вскорѣ и Троицкая-Сергіева лавра освободились, и Василій могъ обратить главныя и значительныя силы свои противъ Сигизмунда. Но, къ прискорбію, эгимъ еще не былъ положенъ конецъ бѣдствіямъ Россіи: ей много и долго еще должно было испытать ихъ прежде, нежели совершенно избавится отъ внутреннихъ и вѣшнихъ враговъ и успокоится наконецъ подъ сѣвю законнаго и прочнаго правительства.

Самозванецъ, засѣвъ въ Калугѣ и убѣдясь, что ему уже нельзя было ожидать никакой помощи отъ поляковъ, положилъ искать ея, подобно Болотникову, со стороны сословія русскихъ холопей — крѣпостныхъ людей бояръ, дворянъ и боярскихъ дѣтей, и воплѣвъ предаться въ руки ихъ, угождая ихъ злымъ стремленіямъ. Съ этою цѣлю онъ приступилъ немедленно къ своимъ тайнымъ пропскамъ и кознямъ. Калужане первые усугубили прежнюю преданность свою къ нему и вскорѣ вокругъ него постепенно стало собираться ошолченіе мятежныхъ холопей, а также и донскихъ казаковъ, которыхъ ему привелъ изъ Царева-Займища давнишній и завоснѣлый измѣнникъ Шаховской. Самозванецъ хотѣлъ-было также переманить къ себѣ часть Тушинскихъ поляковъ, однако не успѣлъ въ томъ и едва самъ не попалъ въ ихъ руки. А чтобы поддерживать власть свою, онъ, совершенно подобно Болотникову, прибѣгнувъ для этого къ жестокости и ужасу. Ревностѣйшими приверженцами его и злѣйшими врагами русскихъ были особенно донскіе казаки. Сверхъ отряда ихъ, приведеннаго Шаховскимъ, въ Калугу двинулся и другой изъ Серпухова, гдѣ находился подъ начальствомъ Млоцкаго. Послѣдній, оставивъ въ Серпуховѣ свой обозъ, бросился за казаками, но въ то время, когда сражался съ ними, жители Серпухова разграбили обозъ его. Лишенный своего имущества и средствъ продовольствованія, онъ удалился въ Боровскъ, но вскорѣ напалъ врасплохъ на Серпуховъ, взялъ его приступомъ, сжегъ и, узнавъ, что Боровскъ готовится покориться Василію, немедленно двинулся

обратно къ нему и успѣлъ снова занять его въ то время, когда 600 московскихъ стрѣльцовъ вошли въ прилежавшій къ городу крѣпкій Пафнугіевскій монастырь. Василій выслалъ сюда еще 2 т. челов. войскъ, съ которыми Млоцкій вступилъ въ бой и, отбитый пмп, удалился къ Можайску и вскорѣ самъ лично отправился подъ Смоленскъ къ Сигизмунду.

Еще 3 т. донскихъ казаковъ отправились въ Калугу къ самозванцу изъ Тушина, подвигнутые къ этому хитрыми и жалобными мольбами коварной Марины. Атаманъ ихъ Заруцкій, передавшійся уже Сигизмунду, хотѣлъ, но не могъ остановить ихъ вооруженною рукою. Рожинскій подошелъ на помощь ему и большую часть казаковъ положилъ на мѣстѣ, а остальные сотни, встрѣтивъ на дорогѣ Млоцкаго, потерпѣли отъ него новое поражение и въ Калугу пришло ихъ очень немного.

Между тѣмъ осада Смоленска все не подвигалась впередъ, отъ безуспѣшнаго обстрѣливанія обратись къ подкопной войнѣ, но хотя она велась долго, однако также безъ успѣха и пользы. А съ приближеніемъ весны осада даже совсѣмъ прекратилась и Сигизмундъ велѣлъ вывезти всѣ орудія изъ окоповъ, изъ опасенія, чтобы ихъ не снесло разлитіемъ Днѣпра. Впрочемъ завоеваніе Смоленска не составляло уже исключительнаго предмета заботъ Сигизмунда. Его болѣе занимали тайные проiski, клонившіеся къ убѣжденію русскихъ признать царемъ сына его, Владислава. Никто изъ нихъ еще не отваживался на то, но поляки отыскиали первыхъ предателей—князя Льва Шаховскаго и Хрипунова, поставленныхъ самозванцомъ въ званіи воеводъ Ржева-Владимірскаго. Они сами и, по ихъ вліянію, всѣ жители этого города—первые присягнули Владиславу. А вслѣдъ затѣмъ примѣру ихъ послѣдовали и жители Зубцова, побужденные къ тому самозванцовымъ воеводой княземъ Черкасскимъ. Это было важнымъ событіемъ: Сигизмундъ, въ переговорахъ съ прибывшими къ нему посланцами Тушинскихъ поляковъ и русскихъ, уже прямо указывалъ на призваніе Владислава на русскій престолъ. Посланцы эти были торжественно приняты имъ въ ставѣ подъ Смоленскомъ 10 января 1610 г. и русскіе выразили ему готовность признать Владислава, а польскіе просили награждать Тушинскихъ поляковъ по мѣрѣ ихъ трудовъ и заслугъ. Послѣ того переговоры продолжались между посланцами и королевскими сенаторами, причемъ русскіе посланцы особенно настаивали на неприкосновенности греческой вѣры и ея обрядовъ. Сигизмундъ и его сенаторы давали формальныя общанія въ томъ, но лицемѣрно и коварно обманывая посланцовъ, лишь бы только склонить ихъ къ признанію Владислава—главной цѣли домогательства Сигизмундъ

да. Кромѣ того послѣдній и сенаторы многое обѣщали и касательно внутреннего устройства Россіи и отношеній ея къ Польшѣ. Но это все дѣлалось только для того, чтобы привлечь русскихъ къ Сигизмунду и повиновенія ему до прибытія Владислава. Сигизмундъ еще 4 февраля далъ русскимъ посланцамъ записку, заключающую въ себѣ всѣ обѣщанія и условія, касавшіяся вѣрн, внутреннего устройства и отношеній Россіи къ Польшѣ, и русскіе посланцы — предатели своего отечества—присягнули Владиславу. А уже 2-го марта Сигизмундъ грамотой къ сенаторамъ въ Польшѣ возвѣстилъ, что, имѣя надежду всю Россію поработить Польшѣ, уклонился отъ принятія на себя прямого обязательства содѣйствовать возведенію Владислава на русскій престолъ.

Посланцы Тушинскихъ поляковъ были менѣе сговорчивы, нежели русскіе товарищи ихъ. На всѣ ихъ требованія денежнаго вознагражденія за труды и заслуги, имъ отвѣчали щедрыми, но отдаленными и неопредѣленными обѣщаніями, которыя вовсе не удовлетворяли ихъ. Съ этимъ они и были отпущены въ Тушино, куда 19 февраля отправился также и русскіе посланцы, съ обнадеженіемъ, что вслѣдъ за ними посланъ будетъ Брацлавскій воевода съ достаточнымъ войскомъ для подавн надлежащей помощи Тушинскимъ полякамъ и русскимъ.

Всѣ эти подробности о переговорахъ между послѣдними и Сигизмундомъ необходимо имѣть въ виду, для уясненія себѣ взаимныхъ отношеній между Сигизмундомъ, Тушинскими поляками и русскимъ, самозванцомъ въ Калугѣ и Василиемъ, и послѣдующихъ военныхъ событій.

Между тѣмъ какъ все означенное выше происходило въ Тушинѣ, Калугѣ и подъ Смоленскомъ, Скопинѣ, чтобы открыть наступательныя дѣйствія, ждалъ только прибытія подкрѣпленій изъ Швеціи. Но надежда его на это едва не рушилась отъ того, что епископъ Сильвестръ и жители Корелы не хотѣли передать этотъ городъ и его уѣздъ шведамъ и заперлись въ крѣпости. А шведы, вслѣдствіе того, остановили свои войска, уже двинутыя къ Деллагарди изъ Нарвы и Выборга. Но Скопинъ успѣлъ увѣрить Деллагарди, что русское правительство было вовсе непричастно сопротивленію корельцовъ и согласился заключить новый договоръ, по которому Деллагарди обязался приказать остановленному 4-хъ-тысячному шведскому отряду немедленно идти на соединеніе съ нимъ, а Скопинъ, именемъ Василія, обѣщаль выдавать этому отряду ту же плату, которая была установлена для перваго еще въ Новгородѣ, и кромѣ того, независимо отъ уступки Корелы, по окончаніи войны сполна

вознаградить шведскаго короля за понесенные имъ убытки новымъ пожертвованіемъ нѣкоторой части русскихъ владѣній. Какъ ни тягостны были эти условія, Василій утвердилъ этотъ договоръ.

Но шведскому отряду отъ Нарвы и Выборга до Александровской слободы предстоялъ далекій путь, а до прибытія его Скопинъ не хотѣлъ отваживаться на рѣшительныя дѣйствія. Но чтобы не терять напрасно времени, онъ по прежнему положилъ производить частныя поиски. Прежде всего онъ хотѣлъ вытѣснить Лисовскаго, находившагося въ тылу его, изъ Суздаля. Посланные для того князья Лыковъ и Борятинскій, съ сильнымъ отрядомъ русскихъ и шведскихъ войскъ, ночью подступили къ Суздалю и успѣли уже ворваться въ посадь его. Но Лисовскій отразилъ ихъ и только темнота ночи спасла ихъ отъ совершеннаго пораженія.

За то другой поискъ къ Троицкому монастырю имѣлъ лучшій успѣхъ. Посланный Скопнымъ Валуевъ съ 500 ратниками безпрепятственно вступилъ въ монастырь ночью съ 4 на 5 января и на разсвѣтѣ произвелъ сильную вылазку вмѣстѣ съ Жеребцовымъ и монастырскими защитниками. Они опрокинули польскія заставы въ ставъ Сапѣги и вступили съ послѣднимъ, вышедшимъ противъ нихъ со всѣми своими войсками, въ упорный бой на горѣ Волкушѣ, у Келарева пруда, на Клементьевскомъ полѣ и на Красной горѣ, словомъ — на всемъ пространствѣ къ з. и ю отъ монастыря. Не смотря на превосходство силъ Сапѣги, они не дали разбить себя и воротились въ монастырь съ меньшимъ урономъ въ сравненіи съ понесеннымъ Сапѣгой. Затѣмъ Валуевъ, убѣдись въ безуспѣшн осаждавшихъ, не счелъ нужнымъ долѣе оставаться въ монастырѣ и 6 января двинулся обратно въ Александровскую слободу.

Послѣдствія этого событія были чрезвычайно важны. Сапѣга, имѣя уже не болѣе 4 т. поляковъ, считая поискъ Валуева предвѣстіемъ близкаго наступленія Скопина и не имѣя надежды съ слабыми силами своими продолжать обложеніе монастыря и въ то же время отбиваться отъ Скопина, убѣдился, что безразсудно было упорствовать долѣе въ предпріятіи, представлявшемъ только одні опасности безъ всякаго вѣроятія въ успѣхѣ. И какъ ни тяжело было для его гордости отступить не взявъ монастыря, однако благоуміе взяло наконецъ верхъ—и 12 января Сапѣга снялъ осаду и отступилъ въ Дмитровъ.

Такимъ образомъ Троицкая-Сергіева лавра, послѣ геройской обороны ея, продолжавшейся 1 годъ и 110 дней, избавилась наконецъ отъ осады ея поляками и пр. пособниками самозванцовъ, подъ начальствомъ Сапѣги и Лисовскаго. Эта оборона ея, одна изъ примѣчательнѣйшихъ во всеобщей и русской военной исторіи, навѣки

останется незабвенною въ русской народной памяти, на ряду съ Куликовскою битвою, осадою и взятіемъ Казани и не менѣе геройскою обороною Пскова, какъ самый свѣтлый и отрадный памятникъ преданности вѣрѣ и любви къ отечеству, среди мрачныхъ явленій постыдѣйшихъ предательства и немѣны.

Не вдругъ убѣдились доблестные защитники лавры *) въ спасеніи своемъ. Цѣлую недѣлю полагали они, что Сапѣга удалился лишь на время для какого-либо военнаго предпріятія и все ждали возвращенія его. Но, не видя его, 20 января они наконецъ убѣдились въ избавленіи своемъ и послали одного изъ старцовъ лавры, Макарія, въ Москву къ царю съ радостною вѣстью.

Сапѣга отступилъ какъ разъ во-время: 17 января въ Александровскую слободу прибыло наконецъ столь нетерпѣливо ожидаемое Скопнымъ изъ Швеціи подкрѣпленіе въ числѣ 3 т. чел., съ которыми у Делаярди снова оказалось до 5 т. вспомогательныхъ иноземныхъ войскъ. Тогда уже Скопинъ не усомнился немедленно перейти къ наступленію, самъ съ главными силами—къ Троицкому монастырю, а князю Ивану Андреевичу Хованскому съ 4,500 ратниковъ приказалъ идти къ Ростову, Капину, Твери и Старицѣ, на встрѣчу шедшему, подъ предводительствомъ Эверта Горна изъ Выборга, новому шведскому отряду, въ соединеніи съ которымъ Хованскій долженъ былъ дѣйствовать на сообщенія Тушинскаго стана съ войскомъ Спигизмунда подъ Смоленскомъ.

Скопинъ прибылъ въ Троицкій монастырь 28 января, и такъ какъ глубокой снѣгъ затруднялъ сообщенія и военныя движенія и дѣйствія, то онъ положилъ остановиться въ Шапиловѣ, въ 8 верстахъ отъ монастыря, по Дмитровской дорогѣ. Но, по принятому имъ осторожному образу дѣйствій (по вліянію Делаярди и по примѣру дѣйствій принца Морица въ Нидерландахъ, какъ сказано выше, т. е. не иначе передвигать главные силы свои, какъ изъ однихъ укрѣпленій въ другія), онъ, прежде перехода въ Шапилово, приказалъ устроить тамъ острогъ. Сапѣга хотѣлъ-было помѣшкать тому и 5 февраля подступилъ къ Шапилову съ 1 т. чел. польской конницы, но шляхта, не смотря на всѣ увѣщанія его, отказалась отъ нападенія и заставила его воротиться въ Дмитровъ.

Когда острогъ въ Шапиловѣ былъ построенъ, Скопинъ перешелъ туда и выслалъ по всѣмъ направленіямъ небольшіе отряды,

*) Изъ 300 чел. монастырской братіи, бывшихъ на лицо въ началѣ осады, въ живыхъ осталось уже только шесть, въ томъ числѣ архимандритъ Іоасафъ. Последнимъ было заготовлено столько хлѣбныхъ запасовъ, что, по снятіи осады, въ монастырскихъ складахъ оказалось еще 10 четвертей муки, 50 четвертей сухарей и большое количество овса.

для стѣсненія непріятели и перехватыванія фуражировъ его. Вслѣдствіе того, фуражированіе въ окрестностяхъ Дмитрова сдѣлалось столь труднымъ для Сапѣги, что онъ былъ принужденъ послать большую часть своихъ людей для фуражированія за Волгу. Къ этой заботѣ его неожиданно прибавилась другая: 16 февраля къ нему вдругъ пріѣхала Марина, хотѣвшая пробраться въ Калугу, но сбившаяся съ дороги и вмѣсто того попавшая съ Дмитровъ. На другой день Сапѣга получилъ извѣстіе о приближеніи царскихъ войскъ въ значительныхъ силахъ и убѣдилъ Марину уѣхать въ Калугу, давъ ей для охраны 50 казаковъ и нѣсколькихъ нѣмцовъ.

Приблизившіяся къ Дмитрову царскія войска шли отъ Шапилова и принадлежали къ составу войскъ Скопина. Послѣдній, рѣшился наконецъ дѣйствовать наступательно, къ сожалѣнію не двинулся однако къ Дмитрову со всѣми своими силами и снова выслалъ туда только передовой полкъ съ шведами Делагарди и нѣхотой Валуева, подъ общимъ начальствомъ князя Куракина Подсегуя къ Дмитрову на одну версту 17 февраля ввечеру, Куракинъ тотчасъ началъ строить тутъ острогъ. На другой день произошла небольшая стычка, во время которой Сапѣга убѣдился, что у Куракина было до 12 т. войскъ, противъ которыхъ ему невозможно было держаться съ оставшимися у него на лицо войсками, въ числѣ не болѣе 1,500 чел. Но немедленнымъ отступленіемъ изъ Дмитрова онъ она-сился подвергнуть отрѣзанію отъ себя многочисленныхъ фуражировъ своихъ, посланныхъ за Волгу. Поэтому, до возвращенія ихъ, онъ рѣшился оставаться и обороняться въ Дмитровѣ, подъ защитой укрѣпленій его. Но своевольная польская шляхта снова воспротивилась тому, не желая сражаться несвойственнымъ ей образомъ—за укрѣпленіями, а требуя вывода ея въ поле и обѣщая не отдаляться отъ города и защищать таборъ донскихъ казаковъ, находившійся близъ города. Сапѣга вынужденъ былъ 19 февраля вывести свои войска изъ города къ казачьему табору, но тутъ они встрѣтили отрядъ Куракина въ такихъ превосходныхъ силахъ, что не осмѣлились вступить съ нимъ въ бой и воротились въ городъ, не безъ урона. Куракинъ живо преслѣдовалъ ихъ до самыхъ воротъ Дмитрова, а потомъ напалъ на казачій тоборъ и овладѣлъ имъ и богатою добычей въ немъ.

На другой день 20 февраля Куракинъ хотѣлъ взять Дмитровъ приступомъ. Но тутъ съ нимъ случилось тоже, что наканунѣ съ Сапѣгой: шведы отказались идти на приступъ и воротились къ Троицкому монастырю (потому-ли, что хотѣли избѣжать большаго урона, или потому, что потворствовали непріятели, какъ въ томъ подозрѣвали ихъ русскіе, что менѣе вѣроятно, нежели первое предположе-

нѣ). Вслѣдствіе того Куракипъ отмѣнилъ приступъ къ Дмитрову — кажется совершенно напрасно, потому что и по удаленіи шведовъ у него было достаточно русскихъ войскъ, чтобы справиться съ 1,500 чел. Сапѣги, которымъ угрожала неминуемая гибель, а слѣдствія ся были бы очень важны.

Нѣсколько дней спустя фуражиры Сапѣги воротились и тогда онъ, не имѣя болѣе причинъ оставаться въ Дмитровѣ, послѣдствіемъ отступить къ Іосифову Волоколамскому монастырю, но, выходя изъ Дмитрова, зажегъ его, а тѣ изъ своихъ пушекъ, которыя не могъ взять съ собою, разорвалъ. Вотъ къ чему повели чрезмѣрные: осторожность, медленность и рѣшительность дѣйствій Скопина послѣ присоединенія къ нему послѣднихъ подкрѣпленій изъ Швеціи. Если до этого времени еще можно нѣкоторымъ образомъ оправдать такой образъ дѣйствій, то послѣ того — это уже очень трудно. Смѣлыми, быстрыми и рѣшительными дѣйствіями къ Троицкому монастырю и отъ него къ Дмитрову и потомъ къ Москвѣ Скопинъ могъ-бы еще въ концѣ января на-голову разбить Сапѣгу, отбросить его къ сѣверу на Хованскаго (см. выше), который довершилъ бы его уничтоженіе, и затѣмъ, быстро двинувшись въ Москву, изъ нея, вмѣстѣ съ царскимъ войскамъ, разгромить Тушинскій станъ и разсѣять оставшіяся еще въ немъ сбродъ польскихъ, казачьихъ и мятежныхъ русскихъ войскъ. Но несвоевременно, неумѣстно и несогласно съ обстоятельствами принятый Скопинымъ, по вліянію Деллагарди, методическій образъ дѣйствій принца Морица въ Нидерландахъ, не допустилъ до такихъ быстрыхъ и рѣшительныхъ результатовъ и замедлилъ освобожденіе Москвы на 1½ мѣсяца. Вѣнать въ этомъ ни Скопина, ни Деллагарди нельзя: первый не имѣлъ опытности въ западно-европейскомъ искусствѣ веденія войны, а второй находился еще слишкомъ подъ вліяніемъ своего бывшаго наставника въ немъ — принца Морица и его методизма, очень умѣстнаго въ Нидерландахъ, но совершенно неумѣстнаго въ 1609—10 гг. въ Россіи.

Впрочемъ и безъ того отрядъ Сапѣги и Тушинское войско отжидали свои послѣдніе дни. Лыжники преслѣдовали первый и отбили у него 12 пушекъ, а Сапѣга хотѣлъ ждать въ Іосифовѣ монастырѣ приказаній Сигизмунда, но шляхта его взбунтовалась и послала отъ себя къ самозванцу въ Калугу съ предложеніемъ снова вступить въ его службу, съ тѣмъ чтобы онъ тотчасъ выдалъ ей жалованье за одну треть, а за будущія трети платилъ чистыми деньгами, и чтобы онъ всячески избѣгалъ ссоры съ королемъ. Сапѣга же, оставивъ свой отрядъ въ Іосифовѣ монастырѣ, самъ лично отправился подъ Смоленскъ къ королю.

Псудачи поляковъ и самозванца отозвались и въ Псковѣ. Узнавъ

о нихъ, именитые люди, боярскія дѣти, гости и монастырскіе слуги собрались въ Кремль вооруженные и на конахъ, и провозгласили царемъ Василія. Но простолюдины, еще бывшіе подъ вліяніемъ холопей стороны, возстали противъ нихъ на Запсковьѣ, а потомъ и въ большомъ городѣ, сблизились съ стрѣльцами, изгнанными въ свою слободу за р. Великою, впустили ихъ въ городъ и взяли верхъ надъ противною стороною. Воевода князь Засѣкинъ и съ нимъ до 300 боярскихъ дѣтей, гостей и монастырскихъ слугъ бѣжали, кто въ Печоры, кто въ Новгородъ, а оставшіеся въ Псковѣ укрылись въ своихъ домахъ. Ихъ оставили въ покоѣ, но Псковъ до времени остался еще въ покорности самозванцу.

Въ окрестностяхъ Москвы, напротивъ, царская сторона со дня на день брала рѣшительный перевѣсъ. Самозванецъ послалъ Плещеева съ 2 т. донскихъ казаковъ и съ 2 т. русскихъ измѣнниковъ изъ Калуги къ Можайску, овладѣть этимъ городомъ, заслонявшимъ Москву со стороны Смоленска и находившимся во власти Тушинскаго поляка Вильчека. Плещеевъ съ русскими остановился въ Борпсовѣ-городкѣ, а казаковъ выслалъ къ Можайску, жптели котораго впустили ихъ до ночи въ посадъ. Но Вильчекъ призвалъ находившіяся вблизи отрядъ Млоцкаго, который ночью ударилъ на казаковъ въ посадъ, а Вильчекъ отрѣзалъ имъ въ бѣгствѣ дорогу и многихъ убилъ и взялъ въ плѣнъ. Плещеевъ, двинувшіяся на выручку ихъ также былъ разбитъ (по показанію поляковъ—до 2 т. казаковъ и русскихъ осталось на мѣстѣ подъ Можайскомъ). Послѣ того Вильчекъ рассчиталъ, что ему выгоднѣе было передать Можайскъ не королю, не самозванцу и не тушинцамъ, а Василю, и предложилъ ему прислать войска для занятія этого города. Василій немедленно послалъ къ нему Измайлова съ сильнымъ отрядомъ. Хотя Вильчекъ и извѣстилъ лукаво отряды и Млоцкаго близъ Можайска и Казановскаго въ Вязьмѣ, но Измайловъ предупредилъ ихъ и занялъ Можайскъ, а Вильчекъ отправился въ Москву и получалъ въ награду отъ Василія 100 рублей (333 нынѣшнихъ серебряныхъ).

А въ Тушинскомъ станѣ со дня на день увеличивались раздоры, смуты и безчинства. Бѣгство Маринны въ особенности послужило поводомъ къ явному и страшному бунту. Приверженцы ея возмutilи жолнеровъ въ пользу ея и противъ Рожинскаго, едва не убили его, хотѣли выбрать вмѣсто него гетманомъ Тышкевича и идти въ Калугу, и едва были усмирены обѣщаніемъ начальниковъ, что король скоро выплетъ обѣщанныя имъ деньги, и убѣжденіемъ, чтобы они до того снова подчинились Рожинскому. Послѣдній поспѣшилъ написать королю, что для удержанія войска въ повиновеніи необходимо было какъ можно скорѣе удовлетворить его деньгами и что, буд-

то-бы, была надежда привлечь на сторону короля и самого Скопина, и жители Москвы ожидали только прибытія короля, чтобы покориться ему! Но Сигизмундъ, не довѣряя этому, ни самъ не тронулся изъ подъ Смоленска, ни денегъ, ни войскъ не выслалъ. Назначенный — было для того Потоцкій не хотѣлъ удалиться отъ короля, всячески замедлялъ свое выступленіе къ Тушину и наконецъ, по его наущенію, отряжаемая съ нимъ шляхта отказалась идти въ походъ. Тогда Рожинскій, не получая отъ короля ни денегъ, ни войскъ, имѣя передъ собою недоступную Москву, занятую числительно превосходнымъ царскимъ войскомъ, справа — самозванца, усиливавшагося въ Калугѣ и преграждавшаго ему все пути за Оку и Угру, слѣва—Скопина въ Дмитровѣ, а въ тылу—Измайлова въ Можайскѣ, на пути сообщенія съ Смоленскомъ, очутился въ опасномъ, безнадежномъ положеніи, такъ что держаться долѣе въ Тушинѣ было безразсудно. Поэтому онъ рѣшился отступить по единственной, еще оставшейся свободною Волоколамской дорогѣ къ Іосифову монастырю, куда 5 марта и послалъ впередъ свои пушки, а 7-го самъ съ войскомъ послѣдовалъ за ними, зажегши Тушинскій станъ. Зарезо пожара его возвѣстиво Москвѣ истребленіе, наконецъ, этого страшнаго для нея гнѣзда иноземныхъ и русскихъ злодѣевъ, державшаго ее 2 года и 9 мѣсяцовъ въ постоянномъ страхѣ. Немногіе изъ тушинцовъ послѣдовали за Рожинскимъ, а все прочіе или удалились въ Калугу къ самозванцу, или принесли повинную Василю.

Скопинъ достигалъ наконецъ давно желанной и ожидаемой имъ цѣли—движенія къ Москвѣ, не подвергаясь случайностямъ рѣшительнаго боя. Немедленно отрядивъ Валугева къ Іосифову монастырю, для наблюденія за Рожинскимъ, самъ онъ съ главными силами поспѣшно двинулся въ Москву и вступилъ въ нее 12 марта. Василий приказалъ боярамъ и воеводамъ встрѣтить его у городскихъ воротъ, по жители города бросились за ворота на ярославскую дорогу, поднесли ему хлѣбъ-соль, пали ницъ передъ нимъ и, со слезами провозглашая его избавителемъ отечества, уподобляли его «юному Давиду, поборающему по злосчастномъ Саулѣ». Это сравненіе оскорбило и раздражило Василю, уже негодовавшаго на Скопина за безнаказанное отпущеніе имъ посланцовъ Ляпунова, вызывавшаго его къ взмѣнѣ. Но онъ скрылъ свои чувства и принялъ Скопина съ подобавшею ему почестью, и обласкалъ и щедро одарилъ также Деллагарди.

Тушинскіе поляки, раздраженные неудачей своей подъ Москвою, впили въ ней короли, не оказавшаго имъ никакой помощи и отправили къ нему Зборовскаго, Виладовскаго и Шудскаго съ порученіемъ рѣзко выразить ему все свое негодованіе. Они прибыли.

подъ Смоленскъ 21 марта, а съ ними и касимовскій царь, явившій полную покорность Сигизмунду. Переговоры съ посланцами продолжались нѣсколько дней, но ихъ отпустили съ отвѣтомъ, уже прежде даннымъ и съ требованіями ихъ несогласнымъ. Возвращаясь, они встрѣтили войско тушинскихъ поляковъ уже ближе къ Смоленску, вслѣдствіе внезапной смерти Рожинскаго, 29 марта, въ Волоколамскѣ. Смерть его расторгла послѣднія слабыя узы, соединявшія тушинскихъ поляковъ. Сначала между ними еще не было разномыслия касательно необходимости сближенія съ королевскимъ войскомъ и потому, оставивъ Рудкаго съ 1,500 чел. въ Іосифовѣ монастырѣ для обороны его, всѣ прочіе отошли къ верховьямъ Днѣпра и остановились между Зубцовымъ и Сычевкой, при селеніи Хлепень. По удаленіи ихъ, Валуевъ выгналъ изъ Волоколамска 400 донскихъ казаковъ, но къ Іосифову монастырю еще не отважился приступить.

Зборовскій съ товарищами засталъ войско уже въ Хлепенѣ и привезенный ими отвѣтъ произвелъ всеобщее негодованіе и смятеніе. Шляхта возмущалась и отказалась отъ всякаго повиновенія. Настало совершенное безначаліе и жолнеры большею частію пошли въ Калугу къ самозванцу, куда за ними послѣдовалъ и Сапѣга съ своими людьми. Въ Хлепенѣ же осталось всего только около 3 т. чел. (не считая нѣкотораго числа донскихъ казаковъ), еще стыдившихся совершенно отказать отъ повиновенія королю. Главное начальствованіе надъ ними принялъ Зборовскій, который убѣдилъ ихъ отправить къ королю посланцовъ съ покорностью ему. Съ ними отправился и атаманъ оставшихся при Зборовскомъ донскихъ казаковъ Зарудскій.

Изъ поляковъ, отправившихся къ Калугѣ, въ нее вступила только нѣкоторая часть, прочіе же на пути присоединились къ Сапѣгѣ, остановившемуся на р. Угрѣ, не доходя Калуги.

Онъ отдѣлялся отъ короля только по наружности, а въ самомъ дѣлѣ дѣйствовалъ по тайному соглашенію съ Сигизмундомъ, наблюдая за самозванцомъ и даже поддерживая его, дабы отерочить еще конечную гибель его и тѣмъ поддерживать смуты въ Россіи, выгодныя для исполненія замысловъ Сигизмунда.

Этой коварной политикѣ самозванецъ былъ обязанъ спасеніемъ своимъ во время заговора, составившагося противъ него въ Калугѣ. Убѣдясь, что онъ не хочетъ или не можетъ удовлетворить денежныхъ требованій ихъ, поляки извѣстили Жолкъвскаго, что готовы умертвить самозванца и передать Калугу королю, если послѣдній соизволитъ на то. Но соизволенія сего на то они не получили, однако это не помѣшало полякамъ силою оружія отобрать сѣверскіе города, подвластныя самозванцу. 7 т. запорожскихъ казаковъ шли двумя отря-

дами къ Смоленску на помощь королевскому войску. Но Сигизмундъ, считавъ, что они будутъ не столько полезны, сколько вредны для него при осадѣ Смоленска, далъ имъ двухъ польскихъ начальниковъ и приказалъ идти въ сѣверскую область. Первый отрядъ 5 марта неожиданно явился подъ Стародубомъ и занялъ посадь его. Но жители упорно защищались въ острогѣ подъ замкомъ, пока запорожцы не подогли острога и всего замка и, выломавъ ворота, спасли 16 пушекъ и нѣсколькихъ русскихъ, знатнѣйшихъ изъ которыхъ послали къ королю. Другой отрядъ 15 марта скрытно подошелъ къ Почепу, двинулся на приступъ къ замку, поджегъ стѣны его и принудилъ оборонявшихся сдаться, при чемъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, погибло до 4 т. жителей Почепа. 21 марта первый отрядъ изъ Стародуба подступилъ къ Новгороду-Сѣверскому, самозванцовъ воевода котораго князь Боротинскій и жители города сдали его на условіи, что они и имущество ихъ останутся невредимы, и присягнули Владиславу. Черниговымъ завладѣлъ Кіевскій подвояморій Горностаи съ сбродомъ собранныхъ имъ разныхъ людей. Другіе поляки съ запорожцами взяли приступомъ, разграбили и сожгли Мосальскъ, а жителей его вырѣзали. Но важнѣе всего было для Сигизмунда покореніе Бѣлой, которую Гонсѣвскій, послѣ 6-ти-мѣсячнаго тѣснаго обложенія, 3 апрѣля вынудилъ наконецъ сдаться на уговоръ и присягнуть Владиславу.

Однако покореніе сѣверскихъ городовъ и даже Бѣлой не вознаграждало Сигизмунда за потерю имъ надежды на содѣйствіе тушинскаго войска и на скорое взятіе Смоленска. Не безъ безпокойства ждалъ онъ открытія Скопинымъ весною военныхъ дѣйствій, такъ какъ послѣ разгрома тушинскаго стана Василій могъ уже двинуть главныя и значительныя силы свои на выручку Смоленска. Сверхъ того Сигизмунда тревожилъ слухъ о наступленіи отъ Новгорода новаго царскаго и шведскаго войска. Такимъ образомъ онъ видѣлъ себя въ весьма трудномъ положеніи: или, оставивъ часть войскъ для продолженія осады Смоленска, съ главными силами выступить на встрѣчу царскимъ и шведскимъ войскамъ и подвергнуться невѣрнымъ случайностямъ боя съ превосходнымъ въ числѣ непріателемъ,—или, упорствуя въ осадѣ Смоленска, быть разбитымъ подъ нимъ,—или наконецъ, въ избѣжаніе того, снявъ осаду Смоленска и отступивъ безъ боя, со стыдомъ воротиться въ Польшу и произвестъ тѣмъ въ ней крайнее неудовольствіе и даже мятежь. Въ этомъ трудномъ положеніи, по совѣту бывшихъ при немъ сенаторовъ, онъ призналъ болѣе благоразумнымъ покопчить дѣло миролюбиво—и 19 апрѣля отправилъ коморника (камергера) своего Слизея въ Москву съ грамотами къ Василію и боярамъ и съ предложеніемъ открыть мирныя перегово-

ры, для избѣжанія напраснаго кровопролитія. Но царскіе воеводы въ Можайскѣ не пропустили Слизеня, объявивъ ему, что царь, оскорбленный вѣроломнымъ вторженіемъ короля въ русскіе предѣлы, рѣшительно не хочетъ ни принимать пословъ его, ни входить ни въ какія сношенія съ нимъ, пока онъ не выйдетъ изъ русскихъ предѣловъ.

Отъ Новгорода къ Москвѣ дѣйствительно приближалось царское и шведское войско. Хованскій (см. выше) еще въ январѣ очистилъ на своемъ пути Ростовъ и Кашинь, а Горня 12 февраля перешелъ черезъ русскую границу съ 4 т. чел. шведскихъ и иныхъ вспомогательныхъ войскъ. Однако онъ оставилъ 1,500 изъ нихъ въ Ижорской землѣ, для охраненія границъ Финляндіи и для наблюденія за городами Ямомъ и Ивангородомъ, которые были сильно заняты приверженцами самозванца. Съ остальными же 2,500 англичанъ и французовъ онъ медленно шелъ къ Новгороду, а отъ него черезъ Старую Русу и Осташковъ къ Старицѣ, гдѣ и соединился съ Хованскимъ. Имѣя въ совокупности 7 т. войскъ, они двинулись къ Ржеву, обошли 2 т. запорожцовъ, посланныхъ изъ этого города на встрѣчу имъ, неожиданно явились передъ Ржевомъ и истребили всѣхъ другихъ запорожцовъ, которыхъ застigli на лѣвомъ берегу Волги; находившіеся же на правомъ берегу успѣли зажечь посадъ и укрыться въ крѣпости. 24 апрѣля Хованскій и Горня безпрятственно завилли Зубцовъ; Зборовскій, находившійся въ это время въ Хлепенѣ, въ 25 верстахъ отъ Зубцова, отступилъ съ поляками по дорогѣ изъ Зубцова въ Царево-Займище, а Заруцкій съ казаками—по направленію къ Вязьмѣ.

Между тѣмъ Лисовскій всю зиму держался въ Суздалѣ и безнаказанно разорялъ окрестности его. Послѣ отступленія Сапѣги и тушинцовъ, оставшись одинъ среди враждебной земли и отовсюду отрѣзанный, онъ рѣшился силою оружія пробиться до литовской границы. Выступивъ изъ Суздаля вмѣстѣ съ казачьимъ атаманомъ Просовецкимъ, онъ переправился на лѣвую сторону Волги и мимоходомъ приступилъ къ Колязину монастырю. Находившійся въ немъ воевода Жеребцовъ защищался храбро, но безуспѣшно: Лисовскій овладѣлъ монастыремъ, разграбилъ и сжегъ его, а всѣхъ людей, находившихся въ немъ, въ томъ числѣ и Жеребцова, предалъ смерти. Совершивъ этотъ звѣрскій, разбойническій подвигъ, онъ пошелъ далѣе проселочными дорогами и безпрятственно достигъ Великихъ Лукъ.

Затѣмъ къ с., в. и ю. отъ Москвы не осталось болѣе непріятелей, и Скопинъ въ Москвѣ дѣятельно готовился уже къ походу противъ Сигизмунда къ Смоленску. Но ему не суждено было довершить

избавленіе отечества: 23-го апрѣля на крестинахъ у князя Ивана Михайловича Воротынскаго, выпивъ чашу меда, поднесенную ему женою брата Василюва Дмитрія, онъ занемогъ сильнымъ провотеченіемъ пзъ носа и черезъ двѣ недѣли умеръ. Общая молва обвинила Дмитрія Шуйскаго, ненавидѣвшаго Скопина, въ отравленіи его. Но русскіе современники не обвиняютъ его въ томъ, говоря только, что «единому Богу то извѣстно». Жолѣвскій, живя въ Москвѣ имѣвшій всѣ средства узнать истину, отвергаетъ обвиненіе въ отравленіи, приписывая смерть Скопина болѣзни. Какъ бы то ни было, смерть Скопина, избавителя Москвы, любимца народнаго, была жестокимъ ударомъ для Россіи, рѣшительнымъ — для нелюбимаго и неуважаемаго Василя. Скопина не стало въ то самое время, когда на него, освободившаго Москву, возлагались всеобщія надежды избавленія и всей Россіи. Для этого оставалось еще постребигъ самозванца въ Калугѣ и принудить Сигизмунда снять осаду Смоленска и отступить изъ русскихъ предѣловъ. Но и то другое нелегко было исполнить. Самозванецъ имѣлъ сильную опору въ холопьемъ сословіи цѣлой Россіи, исключая сѣверо-восточныхъ областей. А у Сигизмунда было войско, хотя и не очень многочисленное, но лучше устроенное, обученное, опытное въ военномъ дѣлѣ и главное — предводимое болѣе искусными и знающими начальниками, нежели временныя, военно-помѣстныя ополченія Василя. Въ этихъ обстоятельствахъ необходимо было общее, дружное согласіе всѣхъ благомыслящихъ русскихъ въ цѣлой Россіи. Но смерть Скопина разрушила такое единомысліе, усиливъ нелюбовь къ Василю и его роду и ослабивъ усердіе къ царю. Ляпуновъ въ Рязани первый подалъ знакъ къ открытому возстанію рязанской области противъ ненавистнаго ему Василя, котораго онъ прямо огласилъ отравителемъ Скопина. Вся рязанская область отложила отъ Василя; вѣрнымъ ему пребылъ только одинъ Зарайскъ, въ которомъ начальствовалъ доблестный князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій. Онъ просилъ у Василя помощи и царь послалъ ему Глѣбова съ отрядомъ стрѣльцовъ и ратниковъ. Но Ляпуновъ ничего не предпринималъ противъ Зарайска, гнушаясь междуусобіемъ и ревностно желая только освободить отечество отъ поляковъ и низложить Василя, неспособнаго, по его убѣжденію, царствовать. Съ этою послѣднею цѣлю онъ вошелъ въ тайныя сношенія и уговоръ съ княземъ Василюемъ Василювичемъ Голлицынымъ, хотя и недостойнымъ уваженія, но, по своимъ: знатности рода, богатству и родственнымъ связямъ, имѣвшимъ многихъ приверженцовъ, также ненавидѣвшихъ Василя и стремившихся заступитъ его мѣсто.

Васплій же, какъ нарочито, самъ усугубилъ и общія подозрѣнія, и трудность собственнаго положенія, назначивъ главнымъ начальникомъ царскаго войска, вмѣсто умереннаго Скопина, именно брата своего, Дмитрія, опозореннаго въ мнѣніи народномъ и перазъ доказавшаго уже свою военную неспособность.

Между тѣмъ частныя военныя дѣйствія въ разныхъ мѣстахъ Россіи продолжались съ переменнымъ усиѣхомъ. Царскій воевода князь Литвинновъ-Мосальскій подступилъ къ Шацку, преданному самозванцу, по начальствовавшей въ немъ воевода самозванца князь Черкасскій разбилъ Мосальскаго и принудилъ его отступить. Васплій послалъ въ подкрѣпленіе Мосальскому стрѣлцаго голову Можарова съ отрядомъ стрѣльцовъ. Но Ляпуновъ послалъ войска пресѣчь Можарову путь, и Можаровъ, покорясь Ляпунову, пошелъ въ Переяславль-Рязанскій.

На шведскихъ границахъ приверженцы самозванца держались удачно. Весною шведскій генералъ Врангель, выйдя изъ Нарвы, обложилъ Ивангородъ съ 12 т. шведовъ и паемныхъ фламандцовъ, швейцарцовъ и англичанъ, и надѣялся скоро овладѣть этимъ городомъ, весьма пужавшимся въ продовольствіи. Но осажденные держались упорно и, по просьбѣ ихъ, Лесовскій и Просоведскій двинулись отъ Великихъ Лукъ къ Ивангороду, чтобы тревожить осаждавшихъ и затруднять имъ продовольствованіе.

Подъ Смоленскомъ осадныя работы, прекращенныя вслѣдствіе весенняго разлитія водъ, еще не возобновлялись и обѣ стороны оставались въ бездѣйствіи. Только польскіе пахолки продолжали грабить и разорять ближнія и дальнія окрестности Смоленска. Одна изъ ихъ шаекъ, въ числѣ 1,800 чел., доходила до Брянска и на возвратномъ пути напала на Рославль. Жители его отбили первый приступъ ихъ, но когда пахолки вырубилъ ворота, подожгли острогъ, ворвались въ посадь, разграбили и выжгли ея, знатнѣйшіе жители заперлись въ замкѣ и объявили, что сдадутся только королевскому войску, а не пахолкамъ. Вслѣдствіе того Сигизмундъ отдалъ Рославль въ староство князю Порицкому, который и занялъ замокъ одною ротой.

Рудкій занималъ еще Іосифовъ монастырь, почти въ тылу Хованскаго и Горня, стоявшихъ въ Зубцовѣ. А Валусевъ, наблюдавшій за Рудкимъ съ 2 тыс. войскъ, не считалъ себя довольно сильнымъ, чтобы идти на приступъ, и требовалъ подкрѣпленія. Горня послалъ къ нему Делавилля съ 1 т. французовъ, который, соединясь съ Валусевымъ, 2 мая приступилъ къ монастырю. Оставивъ 500 французовъ и 2 тыс. русскихъ въ засадѣ, Делавилля съ остальными 500 французовъ подошелъ скрытно къ воротамъ дере-

вѣрнаго города, выбилъ ихъ ступой и ворвался въ посадь. Рудкѣй напалъ на него изъ монастыря, французы и русскіе изъ засады посѣвши на помощь Делавиллю, въ улицахъ посада завязался жаркій бой и поляки одолѣли, а Валуевъ и Делавилль отступили съ урономъ на 7 верстѣ. Однако Рудкѣй, видя трудное положеніе свое, послалъ просить помощи Зборовскаго, а между тѣмъ сжегъ посадь, чтобъ ограничиться обороной каменной монастырской ограды. Зборовскій сговорился съ Казановскимъ соединиться 9 мая подъ Царево-Займищемъ и вмѣстѣ идти въ Іосифову монастырю. Но, еще до прибытія ихъ, между поляками Рудкаго произошелъ такой раздоръ, что одни хотѣли оставаться, а другіе пробиться сквозь непріятели. Послѣдніе взяли верхъ и, выйдя изъ монастыря, всѣ поляки расположились въ полѣ лагеремъ. Тутъ опять одни хотѣли идти въ Калугу, а другіе въ Смоленскъ, и въ этихъ раздорахъ не приняли даже обыкновенныхъ мѣръ предосторожности. Делавилль воспользовался тѣмъ и ночью съ 200 французовъ и 500 конныхъ русскихъ такъ сильно ударилъ на поляковъ, что изъ всего отряда Рудкаго не болѣе 300 чел. спаслось къ Царево-Займищу, а Валуевъ и Делавилль заняли монастырь. Делавилль, оставивъ Валуева въ монастырѣ, воротился къ Горпу, который вмѣстѣ съ Хованскимъ двинулся къ Бѣлой, въ надеждѣ овладѣть этимъ городомъ помощью тайныхъ сношеній съ нѣкоторыми изъ жителей. На пути туда они встрѣчали самое дружеское расположеніе со стороны сельскихъ жителей, раздраженныхъ непетовствами поляковъ и казаковъ, и охотно доставлявшихъ продовольствіе и даже обѣщавшихъ собрать деньги на жалованье иноземцамъ. За всѣмъ тѣмъ предпріятіе противъ Бѣлой не удалось. Гонсѣвскій, не смотря на то, что у него было только нѣсколько сотъ поляковъ и 1 т. казаковъ, 26 мая встрѣтилъ Хованскаго и Горна подъ стѣнами города и сражался съ ними до самой ночи. А на слѣдующій день, извѣщенный 16-ю французскими переметчиками, что нѣкоторые жители города уговорились съ царскими воеводами поджечь стѣну во время ихъ приступа, онъ схватилъ этихъ жителей, и 28 мая нападавши, пойдя на приступъ и не видя пожара, отступилъ съ урономъ 100 чел., а вслѣдъ затѣмъ узнавъ, что казаки Казановскаго отбили въ тылу ихъ обозъ, двинулся обратно къ Зубцову.

Между тѣмъ извѣстія, полученныя въ станѣ Спигизмунда подъ Смоленскомъ, согласовались въ томъ, что на выручку этого города въ Можайскѣ уже собралось царское войско, которое, при содѣйствіи Хованскаго и Горна, легко могло подавить польскіе отряды, охранявшіе смоленскую дорогу, именно: Казаповскаго (800 чел.) въ Вязьмѣ, Дуниковскаго (700 чел.) передъ нимъ въ Царевѣ-

Займищѣ, Зборовскаго (3 т. тушинскихъ поляковъ и казаки Зарудскаго) въ Шуйскомъ, всего можетъ быть не болѣе 6 т. чел. Сигизмундъ нашель нужнымъ хотя нѣсколько поддержать эти отряды и поручилъ это Жолкѣвскому съ 980 чел. польской конницы и съ 1,100 чел. пѣхоты. Жолкѣвскій колебался принять это порученіе, несомнѣнное съ его званіемъ гетмана и представлявшее невѣроятнымъ удержаніе сильнаго царскаго войска съ такими малыми силами. Однако онъ разсудилъ, что могъ тѣмъ съ большими пользою и славою оказать услугу отечеству, чѣмъ оставаясь бездѣйственнымъ свидѣтелемъ неодобряемой имъ, долговременной осады Смоленска. Пока онъ собирался въ походъ, король получилъ извѣстіе о подступленіи Хованскаго и Горна къ Бѣлой и, опасаясь, чтобы этотъ городъ не былъ взятъ, успилъ Жолкѣвскаго еще 500-ми чел. польской конницы и приказалъ ему немедленно идти не къ Вязьмѣ, а прямо къ Бѣлой. 28 мая вечеромъ Жолкѣвскій двинулся туда съ означенными 1,480 чел. конницы и 1,100 чел. пѣхоты, но на пути узнавъ, что Хованскій и Горнъ отступили отъ Бѣлой, отослалъ обратно приданныхъ ему 500 ч. конницы, а съ остальными 2,080 чел. продолжалъ идти къ Бѣлой, куда и прибылъ 4 іюня. Послѣ 2-хъ-дневнаго отдыха, 7-го онъ двинулся къ Шуйскому, гдѣ, по его приказанію, Казановскій и Дуниковскій должны были соединиться съ Зборовскимъ.

Между тѣмъ въ Можайскѣ уже обою половинны малъ находился князь Андрей Василюевичъ Голпцынъ съ нѣсколькими полками. Вскорѣ послѣ того и самъ Димитрій Шуйскій, назначенный главнымъ воеводой, отправился туда же со всеми царскими войсками, собранными въ Москвѣ. Но Деллагарди съ своими пноземными войсками остановился на полпути къ Можайску, въ ожиданіи денегъ, обѣщанныхъ Василюемъ на жалованье этимъ войскамъ. Только для Скопина, при жизни его, сражался онъ за Василюя и обуздываль войска свои, часто роптавшія на неполученіе ими жалованья. Но по смерти Скопина, усердіе Деллагарди охладѣло, тѣмъ болѣе, что главнымъ воеводой былъ назначенъ Димитрій Шуйскій, вовсе неспособный къ тому, нелюбимый, неуважаемый и сверхъ того сильно подозрѣваемый общимъ мнѣніемъ въ смерти Скопина, что все было хорошо извѣстно Деллагарди.

Такъ какъ истощенная царская казна не могла удовлетворить войскъ Деллагарди жалованьемъ, то Васплій снова обратился къ Тронцкой-Сергіевой лаврѣ за денежнымъ пособіемъ. Но Иоасафъ не нашель возможнымъ сдѣлать новыя пожертвованія, представивъ, что и безъ того уже лавра въ 6 послѣднихъ лѣтъ выдала 65,655 р. (218,850 или вѣнскихъ серебряныхъ) Борису Годунову и самому

Василію, а 30 т. изъ нихъ взяты 1-мъ самозванцомъ, и что затѣмъ наличные остатки едва были достаточны для возстановленія и поддержанія лавры. Но Василій, тѣспимый крайностью, послалъ взять изъ нея всѣ наличныя деньги и даже золотыя сосуды и богатѣйшіе изъ серебряныхъ. Эта насильственная мѣра, признанная всѣми за святотатство, только подала поводъ къ новому неудовольствію противъ Василія, а между тѣмъ далеко не могла поврѣть необходимымъ издержекъ. Такимъ образомъ Василій какъ будто самъ все дѣлалъ для собственной гибели, въ то именно время, когда обстоятельства, казалось, благопріятствовали совершенному освобожденію Россіи.

Димитрій Шуйскій, прибывъ въ Можайскъ, сталъ сосредочивать въ немъ всѣ находившіеся по близости отряды. Бутурлинъ, стоявшій въ Погорѣломъ-Городищѣ съ отрядомъ, бывшимъ прежде подъ начальствомъ Валуева, соединился съ Шуйскимъ. Но Делагарди не трогался съ мѣста, требуя уплаты жалованья, а Горнякъ былъ озабоченъ важными неурядицами, происшедшими въ его отрядѣ, вслѣдствіе тайныхъ происковъ Жолкѣвскаго. Послѣдній подослалъ одного изъ передавшихся подъ Бѣлой французовъ къ французамъ же въ отрядѣ Горна, для убѣжденія ихъ не помогать русскимъ. Слѣдствіемъ этого было то, что 80 англичанъ перешли къ полякамъ и весь отрядъ Горна въ волненіи колебался. Однако Горну удалось, хотя и съ трудомъ, усмирить отрядъ свой и привести его, вмѣстѣ съ отрядомъ Хованскаго, къ Можайску. Впрочемъ Шуйскій и безъ иноземцовъ имѣлъ уже здѣсь довольно значительное войско. Имѣя въ виду дѣйствовать по примѣру Скопина, онъ выслалъ впередъ князя Елецкаго и Валуева съ 8 т. чел. пѣхоты и конницы, для построенія острога при Царевѣ-Займищѣ, уже очищенномъ Дуниковскимъ.

Между тѣмъ Жолкѣвскій 12 іюня прибылъ въ Шуйское, гдѣ нашелъ Зборовскаго, Казановскаго и Дуниковскаго въ стапѣ, огражденномъ рогатками, а въ Шуйскомъ—два полка вольныхъ казаковъ (сборъ всякаго рода людей), въ числѣ болѣе 3 т. челов., подъ начальствомъ полковниковъ Пяковского и Ивашина. Всего на все въ Шуйскомъ у Жолкѣвскаго собралось около 11 т. чел. Но когда онъ 13 іюня хотѣлъ идти со всѣми своими войсками къ Цареву-Займищу, тушинскіе поляки Зборовскаго объявили, что не пойдутъ, пока не получаютъ обѣщанныхъ имъ отъ короля 100 т. злотыхъ (столько же пынѣшнихъ серебряныхъ рублей). Сколько ихъ ни уговаривали, они отвѣчали, что если до 9 іюля не получаютъ денегъ, то сами изыщутъ мѣры для полученія ихъ, а впрочемъ обѣщали помогать Жолкѣвскому, еслибы того потребовала без-

опасность его. Такимъ образомъ, въ одно и тоже время, притомъ самое важное, поляки Зборовскаго и войска Делагарди, изъ-за неполученія жалованья, отказывались содѣйствовать, первые—Жолкѣвскому, а вторые — Шуйскому, что для Жолкѣвскаго было гораздо невыгоднѣе, чѣмъ для Шуйскаго.

Послѣ тщетныхъ убѣжденій непокорныхъ, Жолкѣвскій съ остальными войсками своими и съ казаками (около 9,500 чел.) двинулся впередъ и, пройдя 7 верстъ отъ Шуйскаго, приказалъ разбивать лагерь, а самъ съ 1 т. чел. конницы отправился къ Цареву-Займищу, для обозрѣнія расположенія царскаго отряда.

Цареву-Займище лежитъ на лѣвомъ берегу рѣчки Сежи, образующей подѣ самымъ селеніемъ прудъ, который однако тогда былъ спущенъ. Плотина пруда была такъ широка, что по ней могли идти 100 лошадей рядомъ, и пересѣкалась спускомъ, на которомъ былъ построенъ мостъ. По бокамъ плотины, выше которой по болоту протекала рѣчка, были глубокія промонины. По топимъ праваго берега тянулся густой кустарникъ, образовавшій какъ бы стѣну, примыкавшую къ плотинѣ. Елецкій и Валуевъ расположились на правомъ берегу рѣчки, насупротивъ плотины, на разстояніи малаго пушечнаго выстрѣла. Станъ ихъ, тщательно укрѣпленный не только валомъ и ровомъ, но даже и деревянными башнями, примыкалъ справа къ болоту, а слѣва и съ тыла къ обширному лѣсу. Только спереди растлалась луговая равнина, простиравшаяся до рѣчки и до кустарника по правому берегу ея. Елецкій былъ главнымъ начальникомъ только по имени, а управлялъ и распорикался всею способнѣйшій—Валуевъ.

13 іюня, при приближеніи Жолкѣвскаго, Валуевъ приказалъ зажечь Цареву-Займище, а самъ съ 3 т. чел. конницы вышелъ изъ-за окоповъ на встрѣчу Жолкѣвскаго. Передовые всадники обѣихъ сторонъ сошлись на плотинѣ, гдѣ произошла маловажная сшибка. Еслибы царскіе ратники ударили дружно, то, по несообразности силъ, дѣло могло бы имѣть худой оборотъ для Жолкѣвскаго. Но Валуевъ, извѣщенный однимъ русскимъ переметчикомъ, что тутъ находился самъ гетманъ, никакъ не полагалъ, чтобы послѣдній могъ подступить къ сильному отряду съ горстью людей безъ надлежащаго подрѣпленія, и потому, опасаясь засады, уклонился отъ боя и возвратился въ окопы. Жолкѣвскій сдѣлалъ то же, отступивъ въ свой лагерь, въ 14 верстахъ позади.

На слѣдующій день, 14 іюня Жолкѣвскій двинулся къ Цареву-Займищу со всею своимъ войскомъ. Подойдя къ селенію, онъ съ польскою конницею остановился на высотахъ лѣваго берега рѣчки, ихъота же спустился къ плотинѣ и расположилась у входа на нее,

на пепелищѣ селенія, а казаки—ниже послѣдняго у болота. Въ такомъ расположеніи Жолкѣвскій хотѣлъ ждать ночи, дабы въ темнотѣ перейти безопасно черезъ плотину, на которой мостъ надъ спускомъ былъ разобранъ Валуевымъ. Казалось, что послѣдній держалъ все свои войска въ окопахъ: внѣ ихъ видны были только около 100 всадниковъ, да и тѣ разѣзжали подъ самыми окопами, а плотина по видимому оставалась безъ защитниковъ. Однако Жолкѣвскій, тщательно осмотрѣвъ мѣстность и считая невѣроятнымъ, чтобы противникъ отказался воспользоваться ею для обороны переправы, сталъ подозрѣвать, что въ кустарникѣ на правомъ берегу у плотины скрывалась засада, почему строго запретилъ своимъ людямъ входить или вѣзжать на плотину. Дѣйствительно, Валуевъ засадилъ въ кустарникѣ п ямахъ по бокамъ плотины нѣсколько сотъ стрѣльцовъ. Но какъ поляки не показывались на плотинѣ, то стрѣльцы, соскучась бездѣйствіемъ, стали перебѣгать пзъ ямъ другъ къ другу. Замѣтивъ это, Жолкѣвскій призналъ необходимымъ немедленно очистить проходъ. По его приказанію, пѣхота начала стройно наступать по плотинѣ, а нѣсколько сотъ спѣшившихся казаковъ сошли въ спущенный прудъ, скрытно потянулись вдоль прикрывавшей ихъ плотины и, поравнявшись съ стрѣльцами, обратившими все вниманіе на польскую пѣхоту, вдругъ выскочили изъ-подъ плотины и стремительно ударили на стрѣльцовъ. Послѣдніе, пораженные нечаяннымъ нападеніемъ, побѣжали въ кустарникъ и были живо преслѣдованы казаками и пѣхотой, перебравшеюся черезъ разломанный мостъ — до самой равнины передъ станомъ царскаго отряда. Валуевъ немедленно вывелъ изъ окоповъ 3 т. чел. конницы и пѣхоты на выручку стрѣльцовъ. Тогда польской пѣхотѣ, поражаемой ружейнымъ огнемъ съ башенъ стана и тѣснимой превосходными силами, стало труднымъ держаться на равнинѣ безъ содѣйствія своей конницы, которой невозможно было переѣхать черезъ разломанный мостъ. Но, по приказанію Жолкѣвскаго, онъ былъ поспѣшно исправленъ и тотчасъ же 1 т. чел. польской конницы, перейдя по немъ, вступили въ бой. Тогда ратники Валуева обратили тылъ и бросились одни въ окопы, а другіе въ лѣсъ за ними. Впрочемъ уронъ съ обѣихъ сторонъ былъ незначительный. Жолкѣвскій, оставивъ за плотиной на правомъ берегу отрядъ, самъ воротился въ свой лагерь на лѣвомъ берегу.

На другой день, 15 іюня, Жолкѣвскій со всеми войсками перешелъ на правый берегъ, обошелъ русскіе окопы и расположился въ тылу ихъ, въ лѣсу, на дорогѣ въ Можайскъ. Здѣсь къ нему неожиданно присоединились поляки Зборовскаго, устыдившіеся своего бездѣйствія, когда узнали, что Жолкѣвскій уже сражается съ

царскими войсками. Съ присоединеніемъ ихъ, у Жолкѣвскаго стало въ сборѣ до 11 тыс. чел., слѣдовательно онъ уже былъ сильнѣе Елецкаго и Валуева. Нѣкоторые изъ поляковъ совѣтовали ему немедленно напасть на станъ царскихъ воеводъ, но онъ, зная, что русскіе, слабо защищаясь въ полѣ, въ укрѣпленіяхъ оборонялись чрезвычайно упорно, что окопы ихъ были устроены очень хорошо и крѣпко, и выбивать ихъ оттуда было бы очень трудно и опасно, и что войска въ нихъ нуждались въ продовольствіи, положилъ отрѣзать имъ подвозы продовольствія и голодомъ принудить ихъ къ сдачѣ. Съ этою цѣлью онъ приказалъ устроить въ лѣсу, прилегавшемъ къ лѣвой оконечности русскихъ окоповъ, рядъ острожковъ, прикрытыхъ рвами, и въ каждомъ помѣстилъ по 100 чел. пѣхоты и конницы или казаковъ. Эти острожки отрѣзывали все пути, по которымъ русскіе могли получать подвозы, а одинъ изъ нихъ даже препятствовалъ имъ добывать воду.

Валуевъ каждый день нѣсколько разъ дѣлалъ вылазки, но не только безуспѣшно, а даже съ урономъ всего до 500 чел. Ратники его уже начали упадать духомъ, а нѣкоторые — даже сносить съ русскими измѣнниками при Жолкѣвскомъ. Въ этомъ трудномъ и опасномъ положеніи Валуевъ безпрестанно посылалъ по почамъ гонцовъ въ Можайскъ къ Шуйскому просить помощи. Встревоженный Шуйскій сталъ снаряжаться въ походъ и убедительно просилъ Делагарди присоединиться къ нему. Делагарди, получивъ отъ Василія и московскихъ бояръ удостовѣреніе, что въ Можайскѣ уже готово жалованье для его войскъ, двинулся къ этому городу, но не нашелъ въ немъ ни денегъ, ни Шуйскаго, уже двинувшагося на выручку Валуева. Такъ какъ послѣдній могъ ожидать подвозовъ только изъ Можайска, Боровска и Серпухова, то острожки Жолкѣвскаго простирались только къ югу отъ Можайской дороги, Шуйскому же поэтому было удобнѣе войти въ сообщеніе съ Валуевымъ къ сѣверу отъ нея. Вслѣдствіе того онъ свернулъ съ нея вправо и двинулся проселочными дорогами на селеніе Клушино. Съ дороги онъ писалъ къ Делагарди, обѣщая немедленно выслать денегъ и умоляя его не отказывать болѣе въ содѣйствіи къ избавленію Валуева. Делагарди, опасаясь отвѣтственности за гибель Валуева отъ отказа въ этомъ содѣйствіи, 21 іюня выступилъ изъ Можайска, пошелъ на встрѣчу Горну, шедшему отъ Зубцова, и соединился съ нимъ въ 25 верстахъ отъ Можайска, въ деревнѣ Масловѣ, по направленію къ Погорѣлому-Городицу. Въ тотъ же день Делагарди наконецъ получилъ деньги, но роздалъ ихъ только отряду Горна и то только наличнымъ чинамъ, своимъ же войскамъ объявилъ, что, за недостаткомъ времени и невозможностью медлить

походомъ, раздасть имъ деньги по освобожденіи Валуева. Это произвело неудовольствіе и ропотъ, такъ что на другой день 23 іюня утромъ, въ минуту выступленія въ походъ, Кинкгольмская конница явно отказалась отъ послушанія. Однако Делаярди приказалъ казнить зачинщика и, этимъ примѣромъ строгости усмиривъ войска, двинулся усиленнымъ походомъ и при захожденіи солнца дошелъ до Клушина, куда въ тотъ же день прибылъ и Шуйскій. Соединясь здѣсь, они расположились для ночлега, миновавъ Клушино, при выходѣ изъ лѣса, на обширной полянѣ. Шуйскій, имѣвшій при себѣ до 30 т. русскихъ войскъ и 11 полевыхъ пушекъ, расположился у лѣса, позади небольшой деревни, а Делаярди съ 8 тыс. своихъ войскъ — нѣсколько правѣе у рѣчки. Русскій станъ былъ огражденъ рогатками, а иноземный — повозками. Находившаяся впереди ихъ поляна была пересѣчена двумя деревушками, а насупротивъ стана Делаярди — сверхъ того высокими плетнями. Делаярди совѣтовалъ Шуйскому укрѣпить передовую часть своего стана и выслать развѣзды для наблюденія за непріателемъ. Но войска, утомленные походомъ, искали только отдыха и всѣ мѣры предосторожности ограничились только укрѣпленіемъ деревни, лежавшей впереди стана Шуйскаго. Безпечность послѣдняго и, къ удивленію, самаго Делаярди, происходила отъ увѣренности ихъ подавить непріателя чрезвычайнымъ превосходствомъ силъ своихъ.

Между тѣмъ Жолкѣвскій, увѣдомленный о выступленіи Шуйскаго изъ Можайска, бдительно слѣдилъ за всѣми движеніями его и безпрестанно посылалъ развѣзды для развѣдыванія. Показанія этихъ развѣздовъ, взятыхъ плѣнныхъ и 5-ти французскихъ и шотландскихъ переметчиковъ согласовались въ томъ, что Шуйскій 23 іюня долженъ былъ расположиться на ночлегъ у Клушина, въ разстояніи не болѣе 30 верстъ отъ Царева-Займища. Жолкѣвскій немедленно созвалъ всѣхъ полковниковъ и ротмистровъ для рѣшенія вопроса: ждаты-ли на мѣстѣ наступленія Шуйскаго или, оставя часть войскъ противъ Елецкаго и Валуева, съ главными силами идти на встрѣчу непріателю? Мнѣнія раздѣлились: одни находили опаснымъ раздѣлять слабыя силы свои и полагали ждаты нападенія Шуйскаго; другіе возражали, что Шуйскій могъ поступить съ ними точно также, какъ они поступили съ Елецкимъ и Валуевымъ, и потому совѣтовали, оставивъ противъ послѣднихъ достаточныя силы, съ остальными идти на встрѣчу Шуйскому. Но замѣчательно, что, не смотря на очевидную опасность положенія поляковъ противъ превосходныхъ силъ непріателя, никто не предложилъ своевременно отступить, хотя многіе думали про себя, что гетманъ, обрекая себя на вѣрную гибель, увлекаетъ къ ней съ собою и

*

все войско. Но, изъ общаго и глубокаго уваженія къ Жолкѣвскому, никто въ его присутствіи не смѣлъ выразить мнѣнія, походяго на малодушіе. Жолкѣвскій распустилъ совѣтъ, объявивъ, что предоставляетъ себѣ размыслить еще и рѣшить, которое изъ двухъ мнѣній исполнить, однако приказалъ на всякій случай всѣмъ быть готовыми къ походу и заpastись 2-хъ-дневнымъ продовольствіемъ. Но нерѣшимость его была притворная, изъ предосторожности, чтобы Шуйскій или Валуевъ не были какимъ-либо образомъ предостережены. Дѣйствительно же онъ твердо рѣшился идти на встрѣчу Шуйскому, основывая свои надежды на успѣхъ, какъ на внезапности нападенія, такъ и на ненадежности пноземцовъ Делагарди. Въ тотъ же день въ 6 часовъ вечера онъ приказалъ всѣмъ полковникамъ, которыхъ намѣревался взять съ собою, выступать черезъ часъ въ походъ, какъ можно тише, не трубя и безъ барабаннаго боя. Ротмистру Бобовскому онъ поручилъ главное начальствованіе надъ 900 чел. польской пѣхоты, 700 чел. польской конницы и 4 т. казаковъ, оставляемыми противъ Елецкаго и Валуева, не трогая съ мѣста ни одного человѣка изъ стоявшихъ противъ ихъ окоповъ. Самъ же онъ въ 7 часовъ вечера выступилъ съ 4,700 чел. польской конницы, 400 казаками, 200 чел. польской пѣхоты и 2-мя полевыми пушками, всего съ 5,300 чел., съ которыми смѣло пошелъ противъ 38 т. царскаго и иноземнаго войска. Онъ намѣревался напасть врасплохъ на спавшія войска Шуйскаго и Делагарди, но исполнить это было трудно, какъ по причинѣ узкой и дурной дороги черезъ лѣсъ, такъ и по краткости ночи въ это время года. Поэтому, хотя самъ Жолкѣвскій съ головнымъ отдѣленіемъ своей конницы подошелъ къ непріятелю до разсвѣта, но главныя силы его не выбрались еще изъ лѣса, задержанныя въ немъ завязшими 2-мя орудіями. Отъ этого Жолкѣвскій потерялъ часть драгоцѣннаго времени, которыми Шуйскій и Делагарди воспользовались, чтобы успѣшно приготовить къ вовсе-неожиданному ими бою. Жолкѣвскій же между тѣмъ обозрѣлъ мѣстность и найдя, что поляна передъ обоими станами непріятеля была заграждена плетнями и двумя деревушками, велѣлъ разломать первые и зажечь послѣднія, какъ для того, чтобы непріятель не занялъ ихъ своею пѣхотою, такъ и для большей свободы дѣйствій своей конницы. Когда же вся послѣдняя выбралась наконецъ изъ лѣса, Жолкѣвскій немедленно построилъ ее въ боевой порядокъ: на правомъ крылѣ противъ русскихъ—полкъ Зборовскаго, поддержанный полками Казановскаго и Вайгера, а на лѣвомъ противъ Делагарди—полкъ Струся, поддержанный гетманскимъ полкомъ. Остальныя конныя роты были поставлены въ

резервъ, въ колоннахъ, а Пясковскій съ 400 вольныхъ казаковъ— на оконечности лѣваго крыла въ кустарникѣ.

Между тѣмъ Шуйскій, имѣя впереди себя открытое поле, выслалъ впередъ свою конницу, а позади ея, на опушкѣ лѣса, расположилъ пѣхоту. Делагарди же, напротивъ, впереди поставилъ пѣхоту за плетнями, которые еще не всѣ были разобраны поляками, а за нею расположилъ конницу. При этомъ войска какъ Шуйскаго, такъ и Делагарди, занимали мѣста съ торопливостью, неизбежною по причинѣ неожиданнаго нападенія непріятеля.

Около 3 часовъ утра, 24 іюня, Жолкѣвскій трубами и барабанами подалъ знакъ къ атакѣ—и польская конница понеслась впередъ. Со стороны русскихъ сопротивление было ничтожное: конница не устояла противъ Зборовскаго и обратила тылъ, а ея примѣру послѣдовала и пѣхота, и одна часть ихъ искала убѣжища въ своемъ станѣ, а другая разсѣялась въ лѣсу позади. Однако Зборовскій былъ удержанъ Шуйскимъ, который съ 5 т. чел. пѣхоты засѣлъ въ укрѣпленной деревнѣ впереди своего стана. Всадники Зборовскаго не отважились спѣшиться для нападенія на укрѣпленія, когда участь боя еще не была рѣшена на лѣвомъ крылѣ. Здѣсь поляки встрѣтили сильное сопротивление со стороны иноземной пѣхоты, занявшей плетни, хотя и не сплошные, но въ узвіе промежутки которыхъ не могло пройти рядомъ болѣе 10 коней. Хотя польская конница нѣсколько разъ пыталась пробиться сквозь нихъ, но каждый разъ по тѣснотѣ мѣста, не будучи своевременно поддержана, была отражаема иноземною конницей, дѣйствовавшею въ совокупности, при содѣйствіи пѣхоты за плетнями. Такой невыгодный для польской конницы бой продолжался 3 часа съ большимъ для нея урономъ, пока наконецъ къ 6 часамъ утра не подоспѣла польская пѣхота съ орудіями. Хотя ея было еще всего только 200 чел., но Жолкѣвскій, имѣя большое довѣріе къ ней, приказалъ ей отогнать иноземную пѣхоту отъ плетней. Последняя, хотя и разстроенная огнемъ орудій, произвела залпъ по польской пѣхотѣ, но видя, что она продолжаетъ смѣло наступать, побѣжала отъ плетней къ находившемуся вблизи позади лѣсу. Тогда нѣсколько польскихъ конныхъ ротъ выскакали изъ за плетней на поляну и вступило въ бой съ иноземною конницей, продолжавшійся нѣсколько времени безъ рѣшительнаго успѣха. Хотя Жолкѣвскій и продолжалъ поддерживать свою конницу, но ей уже трудно было какъ по причинѣ относительной слабости своей, такъ и потому, что гусары большею частію переломали свои пики. Иноземцы, замѣтивъ это, выслали для окончательнаго ея пораженія свѣжій конный отрядъ, поддержанный другимъ такимъ же. Но первый отрядъ, вмѣсто дружнаго удара съ бѣлымъ оружіемъ, далъ залпъ

и сталъ поворачивать назадъ, чтобы зарядить карабины и уступитъ мѣсто заднему отряду. Поляки ловко воспользовались этимъ мгновениемъ, ударили въ палаши и опрокинули 1-й отрядъ на 2-й, такъ что оба они смѣшались и обратили тылъ. Столь неожиданный оборотъ боя такъ смутилъ Делаягарди и Горна, что они вмѣстѣ съ большею частью своей конницы поскакали черезъ свой станъ въ лѣсъ. Поляки, преслѣдуя ихъ, промчались черезъ станъ, не оставивъ никого для занятія его. Иноземная пѣхота и применувшая къ ней часть французской конницы, всего до 3 т. чел., еще не совсѣмъ разстроенныхъ, немедленно заняли свой станъ. Между тѣмъ и русскіе стали оправляться и князя Андрей Василіевичъ Голицынъ и Мезецкій уговорили многихъ изъ нихъ объѣздомъ воротиться къ укрѣпленной деревнѣ, занятой Шуйскимъ.

Такимъ образомъ Жолкѣвскому хотя и удалось сбить царское войско съ поля боя передъ его станами, но для довершенія побѣды оставалось еще выбить его изъ послѣднихъ. Исполнить это было нелегко съ войскомъ, которое было слабѣе числомъ и еще болѣе ослаблено урономъ и утомлено боемъ. Однако Жолкѣвскій приказалъ нѣсколькимъ ротамъ приблизиться къ стану иноземцовъ, не столько для нападенія на нихъ, сколько для устрашенія ихъ и привлеченія къ измѣнѣ. Мѣра эта имѣла полный успѣхъ: французы, уже предшествовавшими проясками приготовленные къ предательству, стали по 2 и по 3 чел. переходить къ полякамъ, увѣряя, что и прочіе французы были склонны къ тому же. Дѣйствительно, въ станѣ иноземцовъ, послѣ бѣгства Делаягарди и Горна съ конницей въ лѣсъ, было полное безначаліе и сильное волненіе. Этимъ воспользовались нѣкоторые возмутители, чтобы уговорить иноземцовъ не сражаться болѣе за царя. Одинъ изъ нихъ, подполковникъ Линке даже послалъ къ Жолкѣвскому предложеніе вступить въ переговоры. Жолкѣвскій съ радостью вступилъ въ нихъ и вскорѣ заключилъ договоръ, по которому иноземцы обязывались не служить въ Россіи противъ польскаго короля; имъ обѣщаны были личная безопасность и сохраненіе всего имущества, и предоставлялось желавшимъ либо вступить въ польскую службу, либо свободно воротиться въ Швецію.

Между тѣмъ Делаягарди и Горнъ, не преслѣдуемые никѣмъ, воротились въ станъ и всячески старались отклонить войска отъ измѣны, но тщетно. Никто уже не слушался Делаягарди и особенно неистовствовали французы и нѣмцы: они требовали даже, чтобы самъ Делаягарди приступилъ къ договору и, получивъ отказъ, бросились грабить собственный его обозъ.

Шуйскій же все еще оставался въ укрѣпленной деревнѣ, съ намѣреніемъ возобновить бой при содѣйствіи иноземцовъ. Но, видя,

что они рѣшительно измѣняютъ, не отважился безъ ихъ помощи сопротивляться полякамъ — и бѣжалъ къ Можайску, нарочно разбросавъ за собою серебряные кубки и чаши, бѣстатяя одежды, соболи, мѣхи и другія драгоценныя вещи, дабы тѣмъ отвлечь непріятеля отъ преслѣдованія. Дѣйствительно, лишь очень немногіе поляки бросились въ погону за нимъ, а всѣ прочіе накиннулись на богатую добычу, и при этомъ захватили также и всѣ орудія и военные запасы русскаго войска.

Избавясь отъ послѣдняго, Жолкѣвскій потребовалъ отъ Делагарди исполненія договора. Делагарди отказалъ въ этомъ, но согласился вступить въ переговоры съ самимъ Жолкѣвскимъ. Результатомъ ихъ было то, что иноземцамъ, не желавшимъ вступить въ польскую службу, было предоставлено идти къ шведской границѣ съ оружіемъ и знаменами и требовать отъ царя остальную часть за служебнаго ими жалованья. Послѣ того Жолкѣвскій послѣдилъ обратно къ Цареву-Займищу, а Делагарди, воротясь въ станъ, узналъ, что 19 ротъ конницы и 12 ротъ пѣхоты уже самовольно перешли къ полякамъ. Чтобъ удержать прочихъ, онъ приказалъ немедленно готовиться къ походу — и они, нѣсколько удовлетворенные захваченными, послѣ бѣгства Шуйскаго, 5,450 рублями (18,166 нын. сер.) деньгами и на 7,000 рублей (23,333 нын. серебр.) мѣхами, сукнами и пр., уже начинали строиться въ походный порядокъ. Но Линке, опасаясь быть наказаннымъ, удалился въ свою ставку съ нѣкоторыми изъ своихъ сообщниковъ, а другіе стали подстрекать къ неповиновенію англичанъ, нѣмцовъ и французовъ. Вскорѣ бунтъ сдѣлался всеобщимъ: мятежники, ругаясь надъ Делагарди и Горномъ, бросились грабить остальную войсковую казну. Главные начальники приказали выстрѣлить по нимъ изъ орудій, но это привело ихъ въ еще большую ярость, такъ что Делагарди и Горнъ, опасаясь за собственную жизнь, вынуждены были покориться, въ надеждѣ исподоволь возстановить свою власть. Но бунтовщики, подстрекаемые Линкомъ, не послушались увѣщаній Делагарди и большею частію, съ распущенными знаменами, выступили къ Цареву-Займищу, къ Жолкѣвскому. При Делагарди же и Горнѣ осталось всего только 400 шведовъ и финновъ, съ которыми они и послѣдили отступить къ Погорѣлому-Городищу гдѣ находились 2 эскадрона французовъ раненаго Делапилля. Но послѣдніе также взбунтовались, разграбили остальное имущество въ лагерѣ и отъездили отъ дальнѣйшей службы. А Делагарди и Горнъ, съ небольшимъ числомъ оставшихся вѣрными имъ, отступили черезъ Торжокъ къ шведскимъ границамъ *).

*) Такого рода бунты военныхъ наемниковъ были въ это время, какъ и въ

Побѣда Жолкѣвскаго и пораженіе царскаго войска при Клушинѣ стоили урона, первому — только 220 чел. убитыми, рапеными и безъ вѣсти пропавшими, а второму, по польскимъ извѣстіямъ (кажется очень преувеличеннымъ) — до 1,200 чел. пноземцовъ и нѣсколькихъ тысячъ русскихъ, и, сверхъ того, всего русскаго снаряда — 11 пушекъ, нѣсколькихъ десятковъ русскихъ знаменъ, въ томъ числѣ большаго знамени Шуйскаго, его кареты, сабли, шипака, булавы и множества богатой утвари и мѣховъ (свидѣтельствовавшихъ о роскоши русскихъ воеводъ въ походахъ). Въ числѣ взятыхъ въ плѣнъ находился воевода передоваго полка Василій Ивановичъ Бутурлинъ. Самъ Шуйскій едва избѣжалъ такой же участи: въ бѣгствѣ конь его увязъ въ болотѣ и Шуйскій пѣшій долго скитался по лѣсу. Въ Москву онъ воротился лишь съ самымъ небольшимъ числомъ ратниковъ, всѣ прочіе же — разошлись по своимъ городамъ и помѣстьямъ (однѣ изъ существенныхъ недостатковъ военно-помѣстнаго устройства русскаго войска).

Жолкѣвскій, съ своей стороны, 25 іюня рано утромъ воротился въ свой станъ подъ Царевымъ-Займищемъ, успѣвъ такъ скрыть свои движенія къ Клушину и обратно, что Елецкій и Валуевъ и не подозрѣвали ихъ, и не вѣрили побѣдѣ Жолкѣвскаго, показавшаго имъ взятые знамена и плѣнныхъ. Принимая это за военную хитрость, Валуевъ не только отказалъ въ сдачѣ острога, но и произвелъ 26 іюня сильную вылазку. Но поляки отбили ее съ урономъ и въ тотъ же день прибыли въ станъ Жолкѣвскаго предавшись ему пноземцы. Тогда Валуевъ, поколебавшись въ своей недовѣрчивости, вступилъ въ переговоры. Жолкѣвскій согласился на нихъ, не смотря на то, что многіе поляки совѣтовали ему взять острогъ приступомъ, что онъ призналъ ненадежнымъ и стоящимъ большаго урона для малочисленнаго войска своего, а тѣсное обложеніе—требовавшимъ потери драгоцѣннаго для него, Жолкѣвскаго, времени. Однако переговоры продолжались нѣсколько дней. Валуевъ все еще не вѣрилъ побѣдѣ Жолкѣвскаго, почему послѣдній дозволилъ ему послать въ Клушино развѣдчиковъ. Узнавъ отъ нихъ горькую истину, Валуевъ впалъ въ такую безнадежность спасенія Москвы и Россіи, что единственнымъ еще средствомъ отстоять самостоятельность ихъ призналъ — добровольную покорность Владиславу, на надлежащихъ, надежныхъ условіяхъ. На этомъ основаніи Жолкѣвскій утвердилъ присягой составленную имъ запись, которою вкратцѣ подтверждались всѣ условія договора, заключеннаго 14 февраля съ Салтыковымъ подъ Смоленскомъ, съ важнымъ прибавленіемъ къ предъидущимъ вѣкамъ и въ XVII-мъ, общимъ и частымъ явленіемъ по всѣхъ западно-европейскихъ арміяхъ.

нему, что король обязывался, по покореніи Смоленска, «возвратить его Россіи»,—и 20 іюня Валуевъ присягнулъ Владиславу, а его при-мѣру послѣдовали Елецкій и все войско. Изъ послѣдняго около 5 т. чел. съ воеводами присоединились къ Жолкѣвскому, а остальные разошлись по домамъ.

Столь необычайные успѣхи польскаго оружія произвели такое вліяніе на ближайшіе русскіе города: Можайскъ, Борисовъ, Боровскъ, Іосифовъ монастырь, Погорѣлое - Городище и Ржевъ, что они сами добровольно покорились Жолкѣвскому. Послѣдній 12 іюля прибылъ въ Можайскъ съ войскомъ, уже значительно усиленнымъ, а именно — съ 6,200 поляковъ, болѣе 4,000 казаковъ, до 10,000 русскихихъ и до 3,000 иноземцовъ, всего до 23,200 чел. Прочіе иноземцы, не согласившіеся вступить въ польскую службу, были посланы имъ подѣ Смоленскъ, для отправленія отсюда черезъ Польшу въ свои земли. Впрочемъ Жолкѣвскій не спѣшилъ въ Москвѣ: надѣясь покорить ее скорѣе тайными происками, чѣмъ открытою силой, онъ хотѣлъ выиграть нужное для того время.

Самозванецъ едва не воспользовался медленностью его, чтобы предупредить его въ занятіи Москвы. По первому извѣстію о Клушинской побѣдѣ, онъ немедленно сдѣлалъ распоряженія для сильнаго поиска въ Москвѣ. Не довѣряя собравшемуся къ нему въ Калугѣ сброду русскихихъ, онъ искалъ болѣе надежной опоры въ бывшихъ тушинскихъ полякахъ, расположенныхъ на берегахъ р. Угры, недалеко отъ Калуги. Хотя Сапѣга, начальствовавшій ими, втайнѣ увѣрилъ короля въ своей преданности ему, однако, независимо отъ того, что ему нелегко было руководить своевольными и буйными подчиненными своимъ, онъ и самъ, по честолюбію своему, былъ не прочь быть главнымъ орудіемъ воцаренія самозванца въ Москвѣ и вскорѣ сошелся съ нимъ. А алчная къ деньгамъ шляхта, задаренная розданными самозванцомъ деньгами (по 41 золоту—столькимъ же нын. серебрян. рублямъ) на человѣка, съ радостью согласилась служить ему по прежнему. Все войско Сапѣги состояло изъ 1,600 гусаровъ, 2,800 пятигорцовъ и 1,000 казаковъ, всего 5,400 чел., раздѣленныхъ на 4 полка: Хрузлинскаго, Тышкевича, Будзила и самаго Сапѣги. 30-го іюня послѣдній и самозванецъ двинулись черезъ Медынь къ Боровску, который осаждали царскіе воеводы князь Волконскій, Змѣевъ и Челнщевъ, съ отрядомъ войскъ, усиленнымъ до 10 т. ч. вооруженными крестьянами окрестныхъ деревень. При приближеніи самозванца и Сапѣги, воеводы сняли осаду и засѣли въ Пафнутаевъ монастырь, въ 3-хъ верстахъ отъ Боровска, но, по тѣснотѣ монастыря, только съ частью своихъ людей, большая же часть ихъ расположилась около монастыря, оградясь рогатками. Самозванецъ, подступивъ

5 іюля къ монастырю, легко разогналъ крестьянъ за рогатками, а затѣмъ войска его бросились къ монастырской стѣнѣ. Змѣевъ и Челищевъ, уstraшенные тѣмъ, признали сопротивленіе бесполезнымъ и отворили ворота. Но поляки, ворвавшись въ монастырь, стали безпощадно предавать все огню и мечу. Многіе изъ находившихся въ монастырѣ бросились въ церковь, гдѣ Волконскій увѣщевалъ ихъ защищаться, самъ подавалъ примѣръ въ томъ, но былъ убитъ со всѣми защитниками церкви. Всего убито было до 4 т. чел., а изъ 50 монаховъ осталось только 10.

Послѣ того самозванецъ обратился къ Серпухову. Находившіеся въ немъ царскіе воеводы съ отрядомъ войскъ, подъ вліяніемъ ужаса разгрома Пафнутьева монастыря, сдали городъ самозванцу, который затѣмъ обратился уже прямо къ Москвѣ. Но на пути къ ней ему пришлось сражаться съ неожиданнымъ имъ непріателемъ—крымскими татарами, призванными Василиемъ на помощь. Склоненные подарками его, царевичъ Арсланъ, князь Сушелевъ и мурзы Батербій и Кантеміръ съ 15 т. татаръ явились въ серпуховскомъ округѣ, а Василій выслалъ изъ Москвы, въ подкрѣпленіе имъ, бояръ князей Воротынскаго и Лыкова и околыничаго Измайлова съ войсками. Воеводы убѣждали Арслана соединенными силами переправиться за Оку и напасть на самозванца; но Сушелевъ не пошелъ самъ за Оку, а послалъ за нее только мурзъ съ 3 или 4 т. татаръ. Они напали врасплохъ на станъ самозванца на рѣчкѣ Нарѣ и произвели было въ немъ смятеніе. Но поляки первые оправились и сѣли на коней, и тогда татары побѣжали, переправились впасть за Оку и воротились къ главному войску своему. Сушелевъ, искавшій болѣе добычи, чѣмъ славы, объявилъ воеводамъ, что по недостатку продовольствія не можетъ болѣе содѣйствовать имъ и пошелъ обратно въ Крымъ. А повинутые имъ Лыковъ и Измайловъ, возвращаясь въ Москву, едва успѣли спасти свои пушки.

Такимъ образомъ какая-то роковая, злосчастная судьба 4-й годъ не переставала преслѣдовать Василя. Ничто ему не удавалось, все обращалось во вредъ ему, усугубляло общее неудовольствіе противъ него, грозило ему гибелью и способствовало проскамъ и самозванца, и Жолѣвскаго. Измѣна проявилась въ городахъ на Огѣ и прежде всего въ Коломнѣ, дотолѣ вѣрной. Находившійся въ ней сотенный голова Бобынинъ отгѣхалъ къ самозванцу, а жители ея возмущались, принудили царскихъ воеводъ, князей Туренина и Долгорукова, присягнуть самозванцу и уговорили жителей Каширы и Зарайска послѣдовать ихъ примѣру, въ чемъ и успѣли въ Каширѣ. Но начальствовавшій въ Зарайскѣ князь Пожарскій отказался покориться большинству буйныхъ жителей и съ небольшимъ числомъ

людей, оставшихся вѣрными, затворился въ каменномъ городѣ, гдѣ находились всѣ запасы и все имущество жителей. Это заставило мятежниковъ войти въ переговоры съ нимъ и съ обѣихъ сторонъ уговорились присягнуть Василию, если онъ останется царемъ, а въ противномъ случаѣ тому, кто будетъ избранъ всемъ государствомъ. Усмиривъ этимъ мятежъ, Пожарскій не только укрѣпился въ городѣ, но даже дѣлалъ удачные поиски на окрестныя мѣста, предавшіяся измѣнѣ, и самую Коломну успѣлъ обратить опять къ покорности Василию.

Послѣдній имѣлъ также нѣкоторый успѣхъ и въ мордовской землѣ. Стоявшій на границахъ ея, окольный князь Мосальскій, подкрѣпленный изъ Нижняго Новгорода стольникомъ княземъ Львовымъ-Ярославскимъ, взялъ Арзамасъ. Горные черемисы, татары, мордва и другіе многочисленные приверженцы самозванца въ этой странѣ пошли подъ Арзамасъ, чтобы отнять его, но были разбиты въ 3-хъ верстахъ отъ него Мосальскимъ и Львовымъ и преслѣдованы ими. Но эти успѣхи остались безплодными: опасность, угрожавшая Москвѣ, заставила Василия отозвать къ ней Мосальскаго, Львовъ воротился въ Нижній Новгородъ, за нимъ послѣдовала изъ Арзамаса бѣльшая часть дворянъ, боярскихъ дѣтей и священниковъ съ семействами, а Арзамасъ снова обратился къ покорности самозванцу.

Между тѣмъ послѣдній, безпрепятственно продолжая идти къ Москвѣ, 15-го іюня расположился у села Коломенскаго, а Марину отправилъ въ Николо-Угрѣшскій монастырь, на лѣвомъ берегу рѣки Москвы, въ 18 верстахъ отъ города Москвы.

Въ Москвѣ распространились ужасъ, смятеніе и разномысліе. Простой народъ страшился господства поляковъ и склонялся болѣе на сторону самозванца, а люди средняго сословія, напротивъ, на сторону Владислава; въ высшемъ же сословіи нѣкоторые изъ сановниковъ желали низложенія Василия, въ надеждѣ заступить его мѣсто. Это и удалось имъ: Захарій Ляпуновъ, Феодоръ Хомутовъ и Иванъ Салтыковъ, подстрекаемые Прокопиемъ Ляпуновымъ изъ Рязани, 17-го іюля, съ большимъ числомъ подговоренныхъ ими дворянъ, насильно низложили Василия съ престола и постригли его въ монахи. А 18 іюня они выслали на поле у Данилова монастыря переговорщиковъ, объявить приверженцамъ самозванца о низложеніи Василия и требовать отъ нихъ выдачи самозванца. Но они отвѣчали, что готовы умереть за своего законнаго государя.

§ 204.

Война во время междуцарствія (1610—1612).

Война въ 1610 году.

Жолкѣвскій, узнавъ о событіяхъ въ Москвѣ, поспѣшилъ воспользоваться ими и 20 іюня двинулся къ ней черезъ Звенигородъ. Бояръ въ Москвѣ онъ извѣстилъ, что идетъ на помощь имъ противъ самозванца и для возстановленія спокойствія въ Россіи. Бояре отвѣчали ему, что сами справятся съ самозванцомъ и не желаютъ, чтобы онъ, Жолкѣвскій, приближался къ Москвѣ. Но послѣдній, не смотря на то, продолжалъ свое наступленіе и 24-го іюля расположился лагеремъ на Хорошевскихъ лугахъ, въ 7 верстахъ отъ Москвы.

Самозванецъ, стоявшій въ это время у села Коломенскаго и надѣявшійся, что подступленіе Жолкѣвскаго въ Москвѣ развлечетъ вниманіе и силы жителей ея, рѣшился воспользоваться тѣмъ. Наступая по серпуховской дорогѣ, онъ зажегъ слободы и селенія близъ Москвы. Вооруженные жители ея вышли изъ предмѣстій на встрѣчу ему, и онъ, увидя ихъ готовыми къ бою, не отважился на рѣшительное нападеніе, и все ограничилось спибкою, окончившеюся не безъ урона съ обѣихъ сторонъ.

Во время этого дѣла, князь Мстиславскій, предсѣдательствовавшій въ боярской думѣ, которая приняла на себя временное правленіе, послалъ сказать Жолкѣвскому отъ своего лица, что если онъ пришелъ не врагомъ, а другомъ, то чтобъ оказалъ свое содѣйствіе противъ самозванца и удержалъ Сапѣгу отъ непріязненныхъ дѣйствій. Жолкѣвскій отвѣчалъ, что пришелъ другомъ, напишетъ Сапѣгѣ, а помощь противъ самозванца окажетъ, когда жители Москвы согласятся признать царемъ Владислава. 25 іюля Мстиславскій снова послалъ къ Жолкѣвскому, по уже письмо отъ имени боярской думы, съ нѣкоторыми предложеніями. Жолкѣвскій потребовалъ изустныхъ переговоровъ на сѣздѣ уполномоченныхъ съ обѣихъ сторонъ. Сѣздъ этотъ состоялся 26 іюля на большой смоленской дорогѣ, противъ Дѣвичьяго монастыря. Но переговоры на немъ въ этотъ и слѣдующіе дни не приводилъ къ соглашенію. А между тѣмъ въ Москвѣ одни склонялись на сторону самозванца, другіе—Владислава, иные предлагали въ цари — князя Василія Василіевича Голицына, по патріархъ Гермогенъ — 14-ти-лѣтняго Михаила Θεодоровича Романова, сына митрополита Филарета, какъ ближайшаго сродника царя Θεодора Іоанновича,

по матери сего послѣдняго, изъ древняго царственнаго дома. Но наконецъ, послѣ долгаго разногласія и преній, старанія приверженцовъ Владислава взяли верхъ — и Москва согласилась признать послѣдняго царемъ, но не иначе, какъ обязавъ его условіями, обезпечивавшими неприкосновенность православія и самобытность государства. Для заключенія договора по этому предмету, Жолѣвскій (перешедшій уже къ Сѣтуни) и Мстиславскій 2 августа съѣхались противъ Дѣвичьяго монастыря, но не успѣли заключить договора потому, что самозванецъ въ это самое время подступилъ къ Москвѣ лѣвымъ берегомъ Москвы рѣки съ 2-мя полками польскихъ пикинеровъ и съ русскими приверженцами своими, между тѣмъ какъ другіе польскіе полки въ то же время шли по правому берегу рѣки прямо отъ Коломенскаго. На всемъ пространствѣ отъ серпуховской дороги до владимірской завязалась жаркая битва, кончившаяся тѣмъ, что самозванецъ былъ отбитъ съ помощью Ивана Салтыкова, подослѣвшаго, съ позволенія Жолѣвскаго, на помощь москвичамъ съ русскими войсками, находившимися при гетманѣ. Однако отбитыя войска самозванца успѣли сжечь многія подгородныя мѣста, въ томъ числѣ Красное село, Даниловъ монастырь и Кожевную слободу.

Послѣ того прошло еще нѣсколько дней безъ всякаго рѣшенія со стороны московскихъ бояръ и Жолѣвскаго. Послѣдній особенно затруднялся тѣмъ, что не получалъ еще ожидаемыхъ отъ короля наставленій и опасался обвиненія его въ превышеніи власти, а съ другой стороны — невыгоднаго для Владислава оборота дѣлъ въ Москвѣ. Однако, тѣснимыя крайностью положенія, обѣ стороны заключили наконецъ 17-го августа договоръ, по которому Владиславъ былъ объявленъ царемъ московскимъ и всей Россіи, съ властію наслѣдственною, но ограниченою духовенствомъ въ дѣлахъ вѣры и боярами въ управленіи и правосудіи. На такихъ условіяхъ 18 августа вся Москва присягнула Владиславу, а примѣру ея послѣдовали Рязань, Владиміръ, Тверь и многіе другіе города. Но два дня спустя Жолѣвскій получилъ отъ Сигизмунда письмо, въ которомъ онъ требовалъ, чтобы русское царство было упрочено за нимъ самимъ, а не за его сыномъ. Жолѣвскій, убѣжденный въ положительной невозможности исполнить это, рѣшился не только держаться заключеннаго договора, но даже сохранить въ тайнѣ полученныя имъ предписанія короля. Для успокоенія Москвы, оставалось еще удалить отъ нея самозванца. Послѣдній не только не отчаялся въ своемъ дѣлѣ, но даже получилъ новую надежду на успѣхъ, вслѣдствіе явнаго расположенія къ нему многихъ людей въ Суздаль, Владимірѣ, Юрьевѣ, Галичѣ, Ростовѣ и другихъ городахъ, и

даже въ самой Москвѣ. Это такъ увеличивало самонадѣяность и довѣренность къ нему войскъ Сапѣги, что всѣ покушенія Жолкѣвскаго отвлечь отъ него поляковъ Сапѣги остались безуспѣшными. Тогда онъ рѣшился исполнить это силою оружія: ночью съ 25-го на 26-е августа, оставивъ въ своемъ лагерѣ всѣ обозы, онъ выступилъ изъ него тихо и на-легкѣ и на разсвѣтѣ подступилъ въ боевомъ порядкѣ къ лагерю Сапѣги. Въ то же время и московскіе бояре, по уговору съ нимъ, оставивъ въ Москвѣ нужное число войскъ для удержанія черни въ повиновеніи, выслали Мстиславскаго съ 15 т. войскъ на соединеніе съ Жолкѣвскимъ. Поляки Сапѣги были такъ встревожены неожиданнымъ наступленіемъ противъ нихъ Жолкѣвскаго и Мстиславскаго, что вступили въ переговоры съ первымъ изъ нихъ. Наконецъ Сапѣга взялся уговорить самозванца, чтобы онъ удовольствовался Самборомъ или Гродномъ, взамѣнъ отреченія отъ русскаго престола, а въ случаѣ отказа его обѣщала отстать отъ него со всемъ польскимъ войскомъ. Затѣмъ Жолкѣвскій воротился въ свой лагерь, а Мстиславскій въ Москву.

Но самозванецъ, подстрекаемый Мариной, гордо отказался принять предложеніе Сапѣги. Тогда Жолкѣвскій немедленно положилъ напасть на него съ таковой стороны, откуда онъ не могъ ожидать того, именно по лѣвому берегу Москвы рѣки, а для этого—пройти кратчайшимъ путемъ черезъ Москву, черезъ которую бояре и согласились пропустить его. 27 августа ночью онъ перешелъ черезъ Москву-рѣку по Дорогомилловскому мосту, прошелъ черезъ деревянный и Бѣлый городъ и даже черезъ Кремль (причемъ принялъ строгія мѣры, чтобы войска его прошли черезъ Москву въ порядкѣ) къ Коломенской заставѣ, за которою въ полѣ ожидали его 30 т. московскихъ войскъ. Оба войска, соединясь, двинулись къ Николо-Угрѣпскому монастырю, чтобы захватить находившагося въ немъ самозванца. Но онъ и Марина, извѣщенные о томъ однимъ переметчикомъ, бѣжали черезъ Серпуховъ въ Калугу въ сопровожденіи нѣсколькихъ сотенъ донскихъ казаковъ подъ начальствомъ Заруцкаго (послѣ разгрома тушинскаго стана передавашагося Сигизмунду, сопровождавашаго Жолкѣвскаго до Москвы, а тутъ слова отбѣжавшаго къ самозванцу). Жолкѣвскій, узнавъ о бѣгствѣ самозванца и не имѣя надежды настичь его, вышелъ на звенигородскую дорогу и сталъ лагеремъ у селенія Карамышева, въ 7 верстахъ отъ Москвы. Московскія же войска воротились въ эту послѣднюю.

Первымъ слѣдствіемъ бѣгства самозванца было то, что войско его подъ Москвою разсѣялось. Изъ русскихъ иные явились въ Мос-

кву съ повинною, другіе разбрелись въ разныя стороны, а остальные ушли къ самозванцу въ Калугу. Поляки же Сапѣги положили оставаться въ Коломенскомъ до 19 сентября въ ожиданіи отвѣта Сигизмунда на ихъ посольство къ нему.

Удаливъ отъ Москвы опаснѣйшаго изъ искателей русскаго престола, Жолѣвскій положилъ удалить отъ нея и другихъ, которые могли поколебать ненадежную вѣрность москвичей Владиславу, именно—низложеннаго царя Василія, князя Василя Василовича Голицына и Мххаила Ѳеодоровича Романова. Онъ успѣлъ склонить бояръ къ отправленію Василя въ Іосифовъ монастырь, жену его въ суздальскій Покровскій монастырь, а Дмитрія и Ивана Шуйскихъ бояре выдалъ Жолѣвскому, какъ плѣнниковъ короля. Голицыну Жолѣвскій предложилъ стать въ главѣ торжественнаго посольства, снаряжаемаго отъ Москвы подъ Смоленскъ къ Сигизмунду, съ предложеніемъ русскаго престола Владиславу. По малолѣтству Мххаила Ѳеодоровича Романова, Жолѣвскій убѣдилъ бояръ назначить духовнымъ главою посольства—отца Мххаила Романова, митрополита Филарета. Сверхъ того, Жолѣвскій призналъ нужнымъ, для уменьшенія числа русскихъ войскъ въ Москвѣ и подъ предлогомъ обезопасить Новгородъ отъ шведовъ и покорить мятежный Псковъ, предложить боярамъ послать къ этимъ двумъ городамъ войско. Бояре исполнили это, пославъ туда 7-го сентября черезъ Бѣжецкъ Ивана Салтыкова съ 18 т. войскъ, въ числѣ которыхъ было много стрѣльцовъ.

Посольство къ Сигизмунду было составлено, сверхъ митрополита Филарта и князя Василя Василовича Голицына, изъ окольничаго князя Мезецкаго, думнаго дворянина Сукина, думнаго дьяка Луговскаго, дьяка Сыдавнаго-Васильева, 20-ти выборныхъ людей отъ чернаго и бѣлаго духовенства, стольниковъ, дворянъ, жупцовъ, стрѣльцовъ, гостей, торговыхъ людей, подъячихъ, 46 дворянъ изъ разныхъ городовъ (въ томъ числѣ Захара Ляпунова), мпожества лицъ, состоявшихъ при нихъ, прислуги ихъ и изъ 456 дворянъ, боярскихъ дѣтей и стрѣльцовъ для охраненія пословъ въ видѣ почетной стражи, а всего изъ 1,146 челов. Боярская дума снабдила пословъ подробнымъ наказомъ и 11 сентября отправила посольство изъ Москвы подъ Смоленскъ.

Здѣсь между тѣмъ Сигизмундъ продолжалъ напрасно терять время и людей. Осадныя работы не возобновлялись до самаго іюня, потому что Сигизмундъ ожидалъ прибытія осадныхъ орудій изъ Риги и около 15 тыс. запорожцовъ изъ Бѣлой и Украйны. Только 19 мая были доставлены водою по Двнѣ и Касплѣ 3 осадныя пушки, выгружены въ 40 верстахъ отъ Смоленска и привезены въ ла-

геръ. Но передовые запорожцы прибыли не ранѣе 10 іюня, въ ночь съ котораго на 11-е и были возобновлены осадныя работы тѣмъ, что 9 туровъ были поставлены противъ четверугольной башни, разбитой еще въ октябрѣ предъидущаго года. Въ ночь съ 12-го на 13-е поставили еще нѣсколько туровъ. Осажденные стрѣляли по этимъ работамъ, но безъ большаго урона для рабочихъ. Въ ночь съ 13-го на 14-е польской пѣхотѣ было приказано ставить туры въ 60 шагахъ отъ стѣны, между Копытинскими воротами и разбитою башней, а нѣмцамъ—рыть рвы для сообщенія прежнихъ окоповъ съ новыми турами. Дабы отвлечь вниманіе осажденныхъ, запорожцы съ большимъ крикомъ подступили къ городу съ восточной стороны; но осажденные не дались въ обманъ и направили сильный пупечный и ружейный огонь на главныя работы, отчего до 70 іюляковъ было убито или ранено. Краткость ночи не дозволила засыпать землю всѣхъ поставленныхъ туровъ, которые притомъ, по ошибкѣ инженеровъ, были поставлены не въ 60, а въ 150 шагахъ отъ стѣны. Въ слѣдующія три ночи продолжали засыпать землю поставленные туры и ставить новые. 20 и 21 іюня эти новые окопы были вооружены орудіями, но огня изъ нихъ не открывали болѣе трехъ недѣль, потому что еще не всѣ запорожцы прибыли, а до того Сигизмундъ не хотѣлъ предпринимать ничего рѣшительнаго.

Наконецъ только 11 іюля прибыли послѣдніе запорожцы и тогда снова приступлено было къ осаднымъ работамъ. Инженеръ Апельманъ повелъ подступной ровъ къ четверугольной башнѣ влѣво отъ Копытинскихъ воротъ. 16 іюля осажденные взорвали часть этого рва подкопомъ, но Апельманъ исправилъ поврежденія и на другой день дошелъ до подошвы башни, но не могъ пробить ея, потому что она снизу была складена изъ тесанаго камня.

Между тѣмъ Яцъ Потоцкій, воевода брацлавскій, главноначальствовавшій осаждавшимъ войскомъ, завидуя побѣдѣ подъ Клушинымъ ненавистнаго ему Жолѣвскаго, хотѣлъ затмить славу его непремѣннымъ взятіемъ Смоленска. Обстоятельства благоприятствовали ему: Сигизмундъ сильно заперомогъ и не принималъ никакого участія въ осадныхъ распоряженіяхъ; поэтому Потоцкій могъ дѣйствовать совершенно свободно по своему усмотрѣнію; осажденные же находились въ жалкомъ состояніи, потому что между ними свирѣпствовала заразительная, смертельная цынга и число способныхъ къ бою людей ежедневно уменьшалось и едва доставало для обороны обширной ограды города. Не смотря на то, они не падали духомъ и не помыслили осдачь. 18 іюля, рано утромъ Потоцкій письменно потребовалъ отъ Шеина сдачи города и давалъ только три часа срока для отвѣта. Но Шеинъ даже не принялъ письма его.

Тогда Потоцкій приказалъ открыть огонь изъ пушекъ по четверугольной башнѣ, до которой Апельманъ довель ровъ. Къ вечеру въ ней былъ сдѣланъ довольно большой проломъ и Потоцкій приказалъ готовиться къ приступу. Ночью войска, снабженныя лѣстницами, выбитыми ступами и другими орудіями, стали на мѣста. А 19 іюля на разсвѣтѣ сотня пѣмцовъ и сотня венгерцовъ двинулись къ пролому. За ними должны были идти 1 т. запорожцовъ, а другіе запорожцы — дѣлать въ разныхъ мѣстахъ ложные приступы. Но осажденные ночью заградили проломъ бревнами и хотя польскія ядра всорѣ выбили ихъ, но они такъ загроздили внутренность башни, что нѣмцы и венгерцы не могли заступить въ ней. Для открытія себѣ прохода, они были принуждены зажечь бревна, но запорожцы замялись и не поддержали ихъ и, слишкомъ малочисленные для того, чтобъ удержаться, они были вынуждены отступить въ свои окопы и не безъ урона. Такимъ образомъ приступъ, дурно соображенный, совершенно не удался.

Однако Потоцкій не отказался отъ втораго, приказавъ направить пушечный огонь противъ стѣны близъ пробитой башни. Къ вечеру въ ней оказался проломъ шириною сажени въ двѣ, въ слѣдующую ночь къ нему провели подступной ровъ, а 20-го іюля проломъ расширили сильною стрѣльбой. 21-го утромъ Потоцкій двинулъ къ нему 200 пѣмцовъ и 200 венгерцовъ, шедшимъ за ними запорожцамъ приказалъ поддерживать ихъ на приступѣ, а въ подкрѣпленіе имъ сзади идти гусарскимъ ротамъ и вызваннымъ со всего войска охотникамъ. Только одно не принялъ онъ въ соображеніе—что обороны осажденныхъ по обѣимъ сторонамъ пробитой башни еще не были разрушены. Стоявшіи тамъ на круглыхъ башняхъ пушки осажденныхъ такъ поражали приступавшихъ перекрестнымъ огнемъ, что ни запорожцы, ни поляки за ними не могли удержаться и были принуждены укрыться въ своихъ окопахъ. Нѣмцы же и венгерцы, хотя и ворвались въ башню, но, неподдержанные, также были вынуждены отступить въ окопы.

Не смотря на эту вторичную неудачу, стоившую немалого урона, Потоцкій упорствовалъ въ своемъ намѣреніи. Онъ приказалъ сбить бойницы двухъ боковыхъ круглыхъ башень, для чего огонь противъ нихъ производился 22-го, 23-го и 24-го. Между тѣмъ Апельманъ повелъ подкопъ для отысканія подкоповъ осажденныхъ, но не довольно углубился и тѣмъ далъ осажденнымъ возможность 24-го взорвать его подкопъ, причеиъ погибло 3 венгерца и 13 русскихъ рабочихъ.

Осажденные принимали дѣятельныя мѣры для усиленія атакованной части городекой ограды. За нею въ этомъ мѣстѣ паходился

прежній старый валъ въ 2 сажени вышиной. Шепиъ приказалъ исправить его отъ одной круглой башни до другой, устроить на немъ деревянныя срубы, насыпанные землей, и поставить между ними пушки, заряженныя картечью, для дѣйствія изъ нихъ противъ непріятели, который ворвался бы черезъ проломы.

Къ вечеру 24 іюля батареи осаждавшихъ произвели въ обѣихъ круглыхъ башняхъ довольно большіе проломы, которые однако осажденные немедленно крѣпко заградили бревнами. Потоцкій, полагая, что не трудно будетъ выбить ихъ, 25-го двинулъ къ проломамъ нѣсколько сотъ нѣмцовъ и венгерцовъ и 1 т. запорожцовъ, а въ подкрѣпление имъ самъ повелъ большое число охотниковъ, вызвавшихся изъ польскаго рыцарства (шляхты). Но до начала приступа Левъ Сапѣга и коронный подканцлеръ Крицкій, подъѣхавъ къ стѣнамъ, вызывали воеводу на переговоры. Шепиъ не иначе соглашался на нихъ, какъ съ тѣмъ, чтобы осаждавшіе предварительно прекратили огонь по городу и воротились въ свой лагерь. Поляки не согласились на это, а охотники изъ польской шляхты, соскучась продолжительною осадой, стали бунтовать, требуя немедленнаго приступа—и Потоцкій приказалъ войскамъ идти къ проломамъ. Но въ это самое время небольшая туча разразилась такимъ проливнымъ дождемъ, что пушки не могли стрѣлять, а когда дождь черезъ два часа прекратился, земля такъ смокла и сдѣлалась такою скользкой, что осаждавшіе признали невозможнымъ идти на приступъ—и снова, въ третій разъ, отступили безъ успѣха.

Между тѣмъ подъ Смоленскомъ было получено донесеніе Жолкѣвскаго о сношеніяхъ его съ московскими боярами касательно избранія Владислава, предвѣщавшихъ близкій успѣхъ. Это еще болѣе подстрекнуло Потоцкаго, изъ зависти къ Жолкѣвскому, овладѣть Смоленскомъ во что ни стало бы. Однако, желая прежде удостовѣриться въ готовности войска къ чрезвычайнымъ успліямъ, 9 августа онъ созвалъ всѣхъ ротмистровъ и представилъ имъ, что королевскому войску стыдно отстать въ подвигахъ отъ войскъ Жолкѣвскаго и что только взятіемъ Смоленска приступомъ оно можетъ соперничать съ ними въ славу. За исключеніемъ немногихъ, почти всѣ ротмистры письменно обязались вести свои роты на приступъ.

На другой день, 10 августа, войско выступило изъ лагеря, но когда получено было приказаніе спѣшиться и идти въ окопы, а оттуда на приступъ, товарищи 11-ти ротъ отказались спѣшиться, объявляя, что, безъ предварительнаго согласія ихъ, нельзя было употреблять ихъ на дѣйствія, необязательныя для конницы. Всѣ увѣщанія ихъ долго оставались безуспѣшными, доколь самъ Потоцкій съ сенаторами не объѣхалъ роты, именемъ короля умоляя ихъ не посра-

мить чести польскаго оружія. Только тогда всѣ спѣшились и пошли къ оконамъ. Но какъ между тѣмъ прошло удобное для приступа время и осажденные, въ виду собраннаго войска, успѣли приготовиться къ сильному отпору, то приступъ былъ отложенъ до другаго дня. Чтобы имѣть все войско подъ рукою, польскія роты были оставлены на ночь въ окопахъ и отряды, назначенные на приступъ, снабжены лѣстницами и всѣми другими нужными орудіями.

11 августа до разсвѣта осаждавшіе выступили изъ окоповъ и съ ожесточеніемъ бросились къ стѣнамъ. Съ обѣихъ сторонъ сражались отчаянно храбро и упорно: нѣмецкая и венгерская пѣхота и даже запорожцы дошли до четверугольной башни и силились ворваться въ нее, а осажденные осыпали ихъ картечью, пулями, камнями и ослѣпляли пескомъ. Наконецъ нападавшіе, утомленные напрасными усиліями, отступили. Не болѣе успѣха имѣли и поляки: тщетно спѣшившіеся гусары приступали къ стѣнѣ въ другомъ мѣстѣ; найдя тутъ широкій и глубокій ровъ и два раза не успѣвъ перелазить черезъ него, и они также были принуждены отступить.

Этотъ 4-й неудачный приступъ стоилъ осаждавшимъ бѣльшаго урона, нежели три первые. По собственному показанію поляковъ, они потеряли 172 чел. убитыми и 645 ранеными. Потоцкій упалъ духомъ и уже не смѣлъ болѣе производить новаго приступа, однако оставилъ осадныя орудія въ новыхъ окопахъ, гдѣ они, по близости къ городу, отдаленности отъ лагеря и малочисленности прикрытія, подвергались опасности достаться осажденнымъ. Но, къ счастью для поляковъ, Шеннъ, сберегая малочисленныхъ уже ратниковъ своихъ, остерегался производить вылазки.

11 дней послѣ того—22 августа—подъ Смоленскомъ было получено извѣстіе о присягѣ жителей Москвы Владиславу; но донесеніе Жолкѣвскаго объ этомъ прибыло только 26-го. вмѣстѣ съ тѣмъ пріѣхали три русскіе чиновника съ грамотами и словеснымъ приказаніемъ Мстиславскаго Шенну послѣдовать примѣру Москвы. 28-го имъ позволили войти въ Смоленскъ, а 29-го Шеннъ послалъ одного изъ нихъ къ Сигизмунду, за позволеніемъ отправить къ нему пословъ для переговоровъ. Сигизмундъ охотно согласился на это и 31-го къ нему явились 6 пословъ отъ всѣхъ смоленскихъ сословій, съ просьбой прекратить стрѣльбу по городу и отвести войска въ лагерь. 1 сентября имъ было объявлено, что Смоленскъ—древнее достояніе Польши—долженъ покориться самому королю, по что послѣдній обѣщаетъ жителямъ города сохраненіе вѣры и неприкосновенности имущества ихъ. Этотъ отвѣтъ опечалилъ, но не поколебалъ жителей Смоленска—и они твердо положили ни въ какомъ случаѣ не отлагаться отъ Россіи. Вслѣдствіе новыхъ пересы-

*

локъ, Шенъ 7 сентября выѣхалъ для переговоровъ съ Сапѣгой, но ни тотъ, ни другой не могли убѣдить другъ друга, и положили отложить переговоры до прибытія московскихъ пословъ, однако черезъ нѣсколько дней уговорились о немедленномъ размѣнѣ плѣнныхъ.

Пока происходили эти переговоры, шайка запорожцовъ, соскучась бездѣйствіемъ, вышла изъ лагеря и быстро двинулась противъ украинскихъ городовъ, еще повиновавшихся самозванцу. 1-го сентября, послѣ 2-хъ-часоваго боя передъ Козельскомъ, она овладѣла имъ, сожгла его и перебила до 7 тыс. жителей. На обратномъ пути она взяла и разграбила Мещовскъ и 16-го сентября воротилась подъ Смоленскъ съ богатою добычей.

Здѣсь въ это время осады работы возобновились, но уже подѣ землей. Потоцкій поручилъ веденіе подкоповъ выбѣжавшему изъ Смоленска русскому подкопщику, которому были извѣстны всѣ слухи или подкопы осажденныхъ. Но успѣха было мало: осажденные были бдительны и осторожны, и часто взрывали подземныя работы осаждавшихъ, а 23 сентября даже успѣли взорвать часть окоповъ ихъ.

Между тѣмъ на сѣверо-западныхъ границахъ явились новые враги — шведы. Делагарди, отступая, послѣ Клушинскаго пораженія, съ остатками своего войска отъ Торжка мимо Новгорода, раздѣлилъ свои силы: Делавилля съ отрядомъ послалъ къ Ладогѣ, а самъ съ остальными войсками двинулся къ устью р. Невы, съ цѣлью соединиться съ Врангелемъ, который уже около 3-хъ мѣсяцовъ безуспѣшно осаждалъ Ивангородъ. Но Лисовскій съ 4 т. своихъ наѣздниковъ отрѣзалъ сообщеніе между Делагарди и Врангелемъ, и первый изъ нихъ, не отважась открыть себѣ путь оружіемъ, обратился къ городу Корель, не сданному жителями шведамъ, и осадилъ его съ помощью подкрѣпленій, полученныхъ изъ Финляндіи. Ладога сдалась Делавиллю 15 августа, но Ивангородъ продолжалъ упорно обороняться: жители его терпѣли голодъ, но упорствовали въ преданности самозванцу. Долговременная осада утруждала однако и осаждавшихъ, особенно шоземцовъ. 6 сентября французы и пріапдцы взбунтовались и ушли изъ лагеря, въ паникѣ засѣвъ въ Невскомъ городкѣ. Но, достигнутые шведами, они были разбиты и многіе изъ нихъ взяты въ плѣнъ, другіе бѣжали въ Ревель, а 2 т. пріапдцовъ перешли къ русскимъ въ Ивангородъ. И сами шведы заразились духомъ своеволія, сильно ронтали и предались побѣгамъ, такъ что начальники ихъ были принуждены снять осаду Ивангорода и удалиться въ Нарву. По еще до того Горни съ шведскимъ отря-

домъ разбилъ подъ Ямами Лисовскаго, который отступилъ къ Гдову, а оттуда выѣтъ съ Просовецкимъ двинулся къ Пскову. Изъ нихъ первый не хотѣлъ уклоняться отъ покорности Владиславу, послѣдній—отлагаться отъ самозванца, и въ расприхъ между собою они разошлись. Лисовскій съ 3 или 4 тысячами всякаго сброда людей пошелъ къ Острову, а Просовецкій съ 14 т. донскихъ казаковъ остановился въ 20 верстахъ отъ Пскова.

Въ то же время самозванецъ снова утвердился въ Калугѣ. Тщетно Жолкѣвскій вызывалъ его къ покорности: ни онъ, ни Марина не слышать не хотѣли объ отреченіи отъ мнимыхъ правъ своихъ. Почти во всей Россіи холопья сторона или чернь была предана ему; изъ Москвы многіе недовольные отъѣзжали къ нему; украинскіе и сѣверскіе города, незанятые поляками, не отлагались отъ него; мордовская земля также оставалась вѣрною ему. Для большаго охраненія ея, онъ послалъ въ нее Кернозицкаго съ отрядомъ. Но послѣдній былъ разбитъ подъ Шацкомъ княземъ Мосальскимъ, двинувшимся противъ него изъ Муромъ, а потомъ воротившимся въ этотъ городъ, считая себя безсильнымъ для покоренія мордовской земли.

Жолкѣвскій подъ Москвою продолжалъ принимать всѣ возможныя мѣры для упроченія власти поляковъ. Его безпокоило еще соудство поляковъ Сапѣги, сомнительно покорныхъ и обычно своевольныхъ. Они домогались сначала быть впускными въ Москву, а потомъ идти въ рязанскую область; но Жолкѣвскій никакъ не могъ допустить ихъ ни къ тому, ни къ другому, и наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, склонилъ ихъ удовольствоваться общаніемъ ходатайства его передъ Сигизмундомъ, чтобы они были уравнены въ жалованьи съ тушинскими поляками Зборовскаго, уже служившими королю, а они обязались идти въ сѣверскую область, для отнятія ея у самозванца, склоненные къ тому выдачей имъ изъ царской казны 10,000 злотыхъ (сто тысячъ же нын. серебр. рублей). Сверхъ того, многіе изъ частныхъ начальниковъ ихъ, пользовавшихся ихъ довѣріемъ, получили по нѣскольку сотъ злотыхъ отъ Жолкѣвскаго, не щадившаго ничего, лишь бы только избавиться отъ нихъ. Наконецъ 14 сентября они двинулись черезъ Боровскъ и Медынь къ Мосальску и Мещовску.

Избавясь отъ нихъ, Жолкѣвскій, въ силу договора, заключеннаго съ московскими боярами, долженъ былъ бы отойти отъ Москвы къ Можайску. Однако это не только казалось ему опаснымъ, но онъ напротивъ искалъ предлога водвориться въ Москвѣ. Такимъ предлогомъ послужили ему пѣкаторыя смуты московской черни, хлопившія-

ся въ призванію самозванца. Салтыковъ и другіе, подкупленные поляками русскіе предатели стали внушать боярамъ, что только одно пренебреженіе поляковъ въ Москвѣ могло избавить ихъ, бояръ, отъ избиенія въ случаѣ торжества холопей стороны. Испуганные этимъ бояре сами стали просить Жолкѣвскаго расположить свое войско въ Москвѣ. Обрадованный Жолкѣвскій 16 сентября послалъ росписать въ ней квартиры для войска, что едва не произвело бунта: народъ сталъ столпиться въ улицахъ, чтобы помѣшать полякамъ вступить въ городъ. Бояре, въ избѣжаніе кровопролитія, послали просить Жолкѣвскаго отложить до времени занятіе Москвы. Это смутило Жолкѣвскаго: отпустивъ передъ тѣмъ запорожцовъ въ Украину, онъ имѣлъ при себѣ только иноземцовъ, оставшихъ отъ Делагарди, и до 6 т. поляговъ — силы слишкомъ слабыя для того, чтобы водвориться въ многолюдномъ городѣ, въ которомъ недоброжелатели поляковъ значительно превышали числомъ приверженцевъ ихъ. Поэтому, дабы не раздражить московской черни и обезопасить свое войско отъ внезапнаго народнаго возстанія, онъ предложилъ боярамъ позволить ему занять 4,300-ми чел. войскъ Дѣвичій монастырь и близъ-лежавшія подгородныя слободы. Бояре согласились на это, хотя и неохотно; но патриархъ Гермогенъ рѣшительно воспротивился тому и, вмѣстѣ съ многими дворянами и служивыми людьми, полагалъ требовать, чтобы Жолкѣвскій, по принятому имъ на себя обязательству, немедленно шелъ къ Калугѣ для истребленія самозванца. Но Мстиславскій и прочіе бояре, опасаясь, чтобы московская чернь не передала Москвы самозванцу и не погубила ихъ самихъ, воспротивились мнѣнію патриарха и наконецъ склонили его на согласіе. Жолкѣвскій съ своей стороны отказался отъ намѣренія ограничиться занятіемъ Дѣвичьяго монастыря и пригородныхъ слободъ и ночью съ 20 на 21 сентября скрытно и тихо ввелъ въ Москву 800 пѣшихъ иноземцовъ и 3,500 поляковъ. Самъ онъ и Гонсѣвскій съ пѣхотой расположились въ Кремлѣ, полкъ Зборовскаго въ Китай-городѣ, въ сосѣдствѣ съ Кремлемъ, на посольскомъ дворѣ и въ близъ-лежавшихъ домахъ, а полкъ Казановскаго въ Бѣломъ городѣ противъ Кремлевскихъ воротъ. Каждый полкъ стоялъ въ совокупности и въ недалекомъ разстояніи одинъ отъ другаго.

На другой день утромъ чернь, покоряясь необходимости, молчала, но была исполнена негодованія противъ бояръ и отвращенія къ иноземному игу.

Изъ остальныхъ своихъ войскъ Жолкѣвскій ввелъ 4 роты полка Гонсѣвскаго въ Дѣвичій монастырь, а свой полкъ и полкъ Струся послалъ въ Можайскъ, Борисовъ и Верею, для охраненія сообще-

пій своихъ съ королемъ. Къ этимъ 2-мъ полкамъ бояре придали русскій отрядъ подъ начальствомъ князя Воротынскаго.

Изъ 2,500 Делаягардіевыхъ иноземцовъ Жолгѣвскій оставилъ при себѣ только 800 чел. пѣхоты, которыхъ ввелъ съ собою въ Кремль, и 150 чел. конницы, а всѣхъ остальныхъ отпустилъ обратно въ ихъ землю, выплативъ имъ изъ царской казны, съ согласія бояръ, жалованье за четверть года, такъ какъ на службу ихъ впередъ могъ полагаться только въ случаѣ исправной уплаты имъ всѣмъ жалованья, денегъ же на это имѣлъ очень мало. Впрочемъ онъ принялъ самыя тщательныя мѣры для удержанія своихъ войскъ въ Москвѣ въ порядкѣ и для сохраненія въ ней общаго спокойствія. Умомъ, ловкостью и прѣвѣтливостью своимъ онъ успѣлъ привлечь къ себѣ не только бояръ, но даже и самаго патріарха, и строптивыхъ, необузданныхъ стрѣльцовъ, которыхъ было больше, чѣмъ поляковъ, но которыхъ онъ довелъ даже до того, что они охотно приняли себѣ въ главные начальники Гонсѣвскаго, назначеннаго боярами въ это званіе, по настоянію Жолгѣвскаго.

Захваченная поляками, такимъ образомъ, безъ боя, Москва казалась спокойною, но жители ея, особенно чернь, негодовали на господство въ ней поляковъ, до времени скрывая свое негодованіе.

Однако, не смотря на всѣ свои ловкія мѣры и пріязненныя отношенія къ москвичамъ всѣхъ сословій, Жолгѣвскій предвидѣлъ, что при первой, можетъ быть очень скорой вѣсти о несогласіи короля отпустить Владислава въ Москву, въ ней неминуемо вспыхнетъ возстаніе. Поэтому онъ рѣшился лично удалиться изъ нея, дабы уговорить короля исполнить договоръ, а съ другой стороны — самаго себя спасти отъ гибели въ Москвѣ и отъ безславія. Бояре испугались и убѣждали его остаться, но онъ былъ непреклоненъ и, передавъ начальствованіе войскомъ Гонсѣвскому, выѣхалъ изъ Москвы, взявъ съ собою, по приказанію короля, низложеннаго царя Василія и двухъ братьевъ его. Митрополитъ Филаретъ же и Василиій Голицынъ уже находились во власти Сигизмунда подъ Смоленскомъ. Выѣхавъ изъ Москвы 11 сентября, они съ дороги писали, что королевскія войска осадили Осташевъ, разоряли окрестности его, но, не могши взять его, разсѣялись по ржевскому и зубцовскому уѣздамъ и разоряли ихъ; что многіе русскіе дворяне пріѣзжаютъ подъ Смоленскъ къ королю и, по волѣ его, присягаютъ уже не одному Владиславу, но и Сигизмунду, и что послѣдній нѣсколько разъ требовалъ отъ смолянъ, чтобы и они присягнули ему вмѣстѣ съ сыномъ его, и, вслѣдствіе отказа ихъ, всѣми мѣрами старался взять Смоленскъ. 7 октября московскіе послы пріѣхали подъ Смоленскъ и съ ними начались переговоры — и споры о томъ, отпускать-ли Вла-

днслава въ Москву или пѣтъ. Одни изъ поляковъ были въ пользу отпуска его, другіе—противъ него, и послѣдніе взяли верхъ. По между ними и посламп никакъ не могло состояться соглашенія. 30 октября прибылъ подъ Смоленскъ Жолкѣвскій и переговоры продолжались въ присутствіи его, съ столь же малымъ успѣхомъ. Посламъ именемъ короля объявляли, что прежде всего жители Смоленска должны были присягнуть королю и сыну его и впустить въ Смоленскъ польскія войска, послѣ чего король уже изгонитъ самозванца, успокоитъ Россію и введетъ сына своего въ Москву. Но послы никакъ не соглашались на это, требуя точнаго исполненія договора, заключеннаго съ Жолкѣвскимъ въ Москвѣ. Въ этихъ переговорахъ прошелъ весь ноябрь и даже декабрь мѣсяцы 1610 г.

Между тѣмъ 21 ноября войско Сигизмунда произвело новый приступъ къ Смоленску, взорвало башню и часть стѣны сажень на 10, три раза вторгалось въ городъ и три раза было отбито. Послѣ того и осада Смоленска, и переговоры между королемъ и его вельможами съ одной стороны и между послами и московскимп боярами—съ другой не только не приводили ни къ какому соглашенію, но и напротивъ, вслѣдствіе происковъ поляковъ, поселили несогласіе и раздоръ между послами и московскимп боярамп. Хотя бѣольшая часть ихъ держалась Владислава, но ннне склонялись на сторону Сигизмунда, а нѣкоторые даже самозванца.

Виною всей этой смугы были единственно Сигизмундъ и его властолюбивая, коварная и недостойная полптика. Не довольствуясь избраніемъ сына своего на московскій престолъ, онъ хотѣлъ самъ вступить на него: соглашался на предложеніе онаго Владиславу, но подъ разными предлогами не отпускалъ послѣдняго въ Москву; требовалъ прежде всего сдачи Смоленска, присяги его жителей ему самому и впуска въ этотъ городъ польскпхъ войскъ. Ни московскіе послы, ни Шепиъ никакъ не соглашались на это и первые, ведя въ этомъ смыслѣ переговоры, требовали немедленнаго прибытія Владислава въ Москву, на основаніи договора, заключеннаго съ Жолкѣвскимъ. Тщетно и этотъ послѣдній представлялъ Сигизмунду очевидную невозможность ему царствовать въ Россіи и опасность возбудить тѣмъ всеобщую въ ней войну. Сигизмундъ упорствовалъ въ своей предвзятой мысли, хотѣлъ во что ни стало бы овладѣть Смоленскомъ и надѣялся на легкое завоеваніе Россіи. Проникнувъ его замыслы, Филаретъ, Василій Голицынъ и Шепиъ дали знать въ Москву боярской думѣ и особенно патріарху Гермогену о грозившей опасности. 80-ти-лѣтній патріархъ, въ ревности своей къ церкви, отечеству и ихъ независимости, разрѣшилъ Москву и всѣ города отъ присяги Владиславу, разослалъ по всѣмъ городамъ

грамоты съ призывомъ къ защитѣ и спасенію царства и отечества и благословилъ Шенна на упорную оборону Смоленска (въ декабрѣ 1610 г.). Тщетны были и убѣжденія боярскаго думы, совѣтовавшей успокоить умы и покориться волѣ Сигизмунда, и угрозы поляковъ, находившихся въ Москвѣ. Гермогенъ предать измѣнниковъ проклятію, а всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества призывалъ на защиту его. И она съ безпримѣрнымъ единодушіемъ отозвалась на призывъ Гермогена, стали вооружаться, сноситься между собою, не хотѣли признавать ни Сигизмунда, ни Владислава, и помышляли только объ избавленіи отечества отъ власти поляковъ.

Между тѣмъ на сѣверо-западѣ и особенно на востокѣ Россіи дѣла шли очень неблагопріятно для поляковъ. Въ Новгородѣ былъ отправленъ съ войскомъ изъ Москвы сынъ Михаила Салтыкова, Иванъ, для охраненія этого города отъ шведовъ и приверженцовъ самозванца. Новгородцы, на требованіе Ивана Салтыкова присягнуть Владиславу, отвѣчали, что присягнуть ему только когда снесутся о томъ съ Москвою, а до тѣхъ поръ не впускаютъ къ себѣ его, Салтыкова. Псковичи убѣждали ихъ покориться лучше самозванцу, чѣмъ Владиславу. Но они, снесшись съ Москвою, впустили Салтыкова въ Новгородъ только съ одними русскими людьми и присягнули Владиславу. Жители Торонца сдѣлали тоже, но жаловались, что поляки разоряли ихъ уѣздъ, а жители другихъ ближайшихъ городовъ, видя это, рѣшились не присягать Владиславу и отбиваться въ своихъ городахъ.

На востокѣ было еще хуже: Казань и за нею Вятка явно присягнули самозванцу, съ тѣмъ, чтобы не ссылаться съ поляками, не слушаться ихъ и стоять и биться противъ нихъ до смерти; донскихъ, волжскихъ, яницкихъ и терекскихъ казаковъ и астраханскихъ стрѣльцовъ помногу въ города не пускать и ихъ не слушаться, т. е. не хотѣли ни поляковъ, ни казаковъ, что не предвѣщало ничего хорошаго для самозванцовъ, всердашнихъ орудій казачьихъ, еще болѣе чѣмъ польскихъ. Но пермичи оставались вѣрны своему выжидательному положенію, желая сноситься съ своими сесѣдями только о соединеніи за православную вѣру противъ разорителей.

Впрочемъ недолго, по счастью, продолжилось существованіе самозванца. Въ то время, когда онъ бѣжалъ отъ Жолѣвскаго въ Калугу, касимовскій царь перешелъ отъ него къ Владиславу, но потомъ поѣхалъ въ Калугу повидаться съ сыномъ своимъ, находившимся при самозванцѣ, и какъ только прибылъ въ Калугу — былъ убитъ по приказанію послѣдняго. Тогда крещенный татаринъ Петръ Урусовъ, пачальникъ татарской стражи самозванца, поклялся съ товарищами отмстить ему за смерть царя. 11-го декабря

они, вызвавъ самозванца за городъ охотиться за зайцами, застрѣлили его и бѣжали въ стѣны. Марина, беременная, требовала мщенія, казаки бросились на сотни двѣ татаръ, лучшихъ мурзъ ихъ убили, а дворы ихъ разграбили. Заруцкій и Григорій Шаховской хотѣли бѣжать, но были задержаны. А когда вскорѣ послѣ того Марина родила сына Ивана, то хотя его и провозгласили царевичемъ, но самозванству уже былъ конецъ. Калужане, по требованію московскаго правительства, присягнули Владиславу и приняли къ себѣ князя Юрія Трубецкаго.

Такииъ образомъ 1610-й годъ окончился и 1611-й начался упорнымъ и безразсуднымъ замысломъ Сигизмунда покорить Россію, концомъ самозванца и самозванства — и возстаніемъ ближайшихъ къ Москвѣ, съ сѣвера и востока, русскихъ городовъ за вѣру и отечество.

§ 205.

Война въ 1611 году.

Смерть самозванца дала рѣшительный оборотъ дѣламъ въ Москвѣ и Россіи и полную свободу дѣйствій русскимъ людямъ, вѣрнымъ сынамъ своего отечества. Для нихъ остался уже одинъ врагъ—Сигизмундъ, противъ него, съ его поляками, устремились теперь все ихъ соединенныя усилія. Первымъ возсталъ Прокопій Ляпуновъ въ Рязани (въ январѣ 1611 г.). Присягнувъ Владиславу, онъ былъ вѣренъ ему до смерти самозванца и на имя его въ октябрѣ 1610 г. взялъ Пронскъ у послѣдняго. Но по смерти самозванца, онъ возсталъ уже противъ Владислава, а съ нимъ за одно и Заруцкій, отправившійся съ своими казаками въ Тулу. Города стали сноситься между и собою, увѣщевать другъ друга твердо стоять за вѣру и отечество противъ общихъ враговъ — поляковъ. Первые подали голосъ жители разоренныхъ поляками смоленскихъ волостей, приславшіе свою жалобную грамоту жителямъ Москвы, а они разослали ее по всемъ городамъ съ собственною увѣщательною грамотой. Затѣмъ сильнѣе всѣхъ выступили нижегородцы и, снесшись съ Москвою и патриархомъ, вмѣстѣ съ жителями Балахны цѣловали крестъ стоять за московское государство, снеслись и съ Ляпуновымъ и Рязанью. Къ нимъ присоединились Ярославль и многіе другіе города, и Пермь, и Соловецкій монастырь, и Сумской острогъ, и вся Поморская область, и Великій Новгородъ.

И однако, не смотря на внезапно охватившія всѣхъ одушевленіе

и ревность къ очищенію государства отъ враговъ виѣшнихъ и внутреннихъ, предпріятіе это не могло имѣть успѣха потому именно, что въ главѣ его сталъ Прокопій Ляпуновъ. Человѣкъ страстный, не могшій принести свои личныя отношенія и стремленія въ жертву общему дѣлу, притомъ, по понятіямъ того времени, худородный, ненавидѣвшій людей высокородныхъ, стоявшихъ за старину и прежнее свое значеніе, онъ не только не хотѣлъ сдѣлать имъ никакой уступки, но даже унижалъ ихъ, а самъ величался передъ ними своимъ положеніемъ главнаго вождя народнаго ополченія и тѣмъ возбуждалъ только негодованіе, вражду и смуту. Кромѣ того, неразборчивый въ средствахъ, онъ вздумалъ, для восстановленія порядка, прибѣгнуть къ содѣйствию враговъ всякаго порядка — казаковъ Заруцкаго, Просовецкаго, Трубецкаго, все—тушинскихъ воеводъ, и даже самаго Сапѣги, объявившаго желаніе сражаться противъ своихъ же поляковъ за православную вѣру! Такое нечистое содѣйствіе въ такомъ чистомъ дѣлѣ — явленіе, возможное только въ подобныя смутныя времена — могло ли обѣщать достиженія успѣха? Къ счастью однако чудовищный союзъ съ Сапѣгой не состоялся: черезъ мѣсяць Сапѣга снова сталъ за Владислава. Но казаки Заруцкаго изъ Тулы, Трубецкаго изъ Калуги и Просовецкаго изъ Суздаля соединились съ Ляпуновымъ и съ чисто-народными ополченіями, шедшими съ нимъ изъ рязанской и сѣверской областей, съ княземъ Литвинномъ-Мосальскимъ — изъ муромской, съ княземъ Репнинымъ — изъ нижегородской, съ Артеміемъ Измайловымъ — изъ суздальской, съ Нащокинымъ и князьями Пронскимъ и Козловскимъ — изъ вологодской и поморской, съ Мансуровымъ — изъ галицкой, съ Волынскимъ и княземъ Волконскимъ — изъ ярославской и костромской, съ Вельяминовымъ — изъ Новгорода. Все это были многочисленныя земскія, народныя ополченія, преимущественно сѣверныхъ людей, рядомъ съ которыми казались странными казачья рати, дотолѣ тушинскія, предводители которыхъ, кромѣ того, призывали еще и запольныхъ или застѣпныхъ казаковъ на жалованье!

Между тѣмъ въ Москвѣ бояре боярской думы, по предложенію Салтыкова съ товарищами, написали грамоты: Сигизмунду — чтобъ онъ отпустилъ Владислава, Филарету и Голицыну — чтобъ они отдались во всемъ на волю короля, а Ляпунову — чтобъ онъ не затѣвалъ возстанія и не собиралъ войскъ! Патріархъ Гермогенъ не только отказался подписать эти грамоты, но и объявилъ, что напишетъ грамоты королю — чтобъ сынъ его принялъ православную вѣру, а поляки вышли изъ Москвы, въ противномъ же случаѣ разрѣшить всѣхъ отъ присяги Владиславу и

благословить ихъ идти къ Москвѣ и умереть за православную вѣру. Не смотря на то, грамоты бояръ были отправлены безъ подписи патріарха, и 23 декабря привезены подъ Смоленскъ и переданы по-сламъ, съ строгимъ приказаніемъ немедленно исполнить ихъ. Но послы рѣшительно воспротивились тому и долго не соглашались ни на какія убѣжденія и доводы Сигизмундовыхъ вельможъ.

Возстаніе въ московскомъ государствѣ противъ Владислава все росло и усиливалось, и сами поляки своими поступками еще болѣе способствовали тому. Украинскіе города: Орель, Болховъ, Бѣлевъ, Карачевъ, Алексинъ и др. по смерти самозванца присягнули Владиславу, однако, не смотря на то, поляки выжгли ихъ и жителей ихъ частію перебили, частію увели въ плѣнъ. Гонсѣвскій послалъ отрядъ запорожскихъ казаковъ въ рязанскую область задерживать движеніе Ляпунова къ Москвѣ. Отрядъ этотъ, соединясь съ Сумбуловымъ, преданнымъ Владиславу, осадилъ Ляпунова въ Пронскѣ, но, услыхавъ о движеніи противъ него князи Пожарскаго съ коломенцами и рязанцами изъ Зарайска, отступилъ отъ Пронска, а Ляпуновъ отправился въ Рязань. Вскорѣ самъ Пожарскій былъ осажденъ въ Зарайскѣ тѣми же казаками и Сумбуловымъ, но сдѣлавъ вылазку, выбилъ ихъ изъ острога и разбилъ наголову такъ, что казаки бѣжали въ Украину, а Сумбуловъ къ Москвѣ.

Здѣсь Гермогена, бывшаго душою народнаго возстанія, бояре, по вліянію Салтыкова, заключили подъ строгую стражу, а поляки, хотя и видѣли себя окруженными негодовавшимъ народомъ, не переставали, какъ нарочно, болѣе и болѣе оскорблять и ожесточать его, держа Москву въ строгомъ осадномъ положеніи, а жителей ея — въ величайшемъ стѣсненіи. 17 марта, въ верблюе воскресенье, они освободили Гермогена для обычнаго шествія на ослѣ, но никто изъ народа не пошелъ за вербой, потому что разнесся слухъ, будто Салтыковъ и поляки хотѣли въ это время убить патріарха и перебить невооруженный народъ. Дѣйствительно, на всѣхъ площадяхъ стояли наготовѣ копья и пѣшія польскія роты. По свидѣтельству поляковъ - очевидцовъ, Салтыковъ хотѣлъ напасть на москвичей прежде, нежели Ляпуновъ придетъ на помощь имъ, чего ожидалъ 19 марта, во вторникъ на страстной недѣлѣ. Къ этому дню поляки и начали готовиться, вѣтаскивали пушки на башни Кремля и Китай-города. Между тѣмъ въ московскія слободы тайно пробрались ратники Ляпунова, а также Пожарскій, Бутурлинъ и Колтовской, чтобы поддержать москвичей въ случаѣ схватки ихъ съ поляками. Утро вторника 19-го марта началось тихо и спокойно; но вскорѣ на

рынкѣ затѣялись ссора и драка между поляками и народомъ; нѣмецкій отрядъ въ Кремлѣ, думалъ, что началось народное возстаніе, бросаясь въ Китай-городъ и началъ избивать безоружный народъ; поляки послѣдовали его примѣру — и въ Китай-городѣ погибло до 7 тыс. чел. Но въ Бѣломъ-городѣ русскіе успѣли собраться и вооружиться, ударили въ набатъ, загородили улицы и стали стрѣлять въ поляковъ и нѣмцовъ, бросать въ нихъ камни, бревна, доски и т. п. На Срѣтенкѣ поляки и нѣмцы были остановлены Пожарскимъ и его ратниками, которые, соединясь съ пушкарями, отразили непріятеля, опрокинули его въ Китай-городъ и устроили острожекъ у Введенія на Дубинкѣ. Между тѣмъ Бутурлинъ стоялъ у Лужскихъ воротъ, а Колтовской на Замоскворѣчѣ. Тогда поляки и нѣмцы, загнанные въ Китай-городъ и Кремль и со всѣхъ сторонъ охваченные возставшимъ народонаселеніемъ Москвы, придумали адское средство избавиться отъ своихъ враговъ, именно — зажечь Москву! Первые попытки не удались, но наконецъ поляки успѣли поджечь городъ въ разныхъ мѣстахъ, поднялся сильный вѣтеръ и къ вечеру огонь охватилъ весь Бѣлый-городъ. Утромъ слѣдующаго дня, въ среду 20-го марта поляки совѣтовались, что дѣлать? — и сами бояре присовѣтовали имъ зажечь Замоскворѣчье, не огражденное стѣнами и изъ котораго поэтому легко было уйти или получать помощь извнѣ! Но на Замоскворѣчѣ поляки встрѣтили сильное сопротивленіе въ стрѣлецкихъ слободахъ со стороны стрѣльцовъ; однако наконецъ успѣли поджечь и Замоскворѣчье. Съ другой стороны они напали на Пожарскаго, который цѣлый день отбивался отъ нихъ изъ своего острожка, но наконецъ былъ взрапъ и отвезенъ въ Троицкій монастырь (а оттуда въ свою Пурецкую волость). Вся Москва была въ огнѣ и жители ея были принуждены выйти изъ нея, въ жестокой морозъ, въ поле. Въ великій четвергъ, 21-го марта, нѣкоторые изъ москвичей пришли къ Гонсѣвскому просить пощады: онъ велѣлъ имъ снова присягнуть Владиславу, а войскамъ своимъ — прекратить военныя дѣйствія.

Въ великую пятницу, 22-го марта, узнавъ, что къ Москвѣ приближался Просовецкій съ 30 т. войскъ, Гонсѣвскій выслалъ противъ него Зборовскаго и Струся. Просовецкій, потерявъ въ стычкѣ съ ними около 200 казаковъ, засѣлъ за-гулий-городами, на которые поляки не отважились напасть и ушли въ Москву. Просовецкій также отступилъ на нѣкоторое разстояніе, гдѣ дождался прибытія Ляпунова, Заруцкаго и другихъ воеводъ. Въ понедѣльникъ на святой недѣлѣ, 25 марта, все народное ополченіе, числомъ до 100 т. чел., подступило къ Москвѣ и расположилось близъ Симонова монастыря, оградивъ себя гулий-городами. Нѣсколько дней спустя,

Гонсѣвскій вывелъ всѣ свои войска изъ Москвы противъ русскаго стана, но русскія ополченія не вышли изъ него. Тогда Гонсѣвскій послалъ нѣмцовъ выбить русскихъ стрѣльцовъ изъ деревни, находившейся возлѣ русскаго стана, но стрѣльцы отразили пѣмцовъ съ урономъ и стали наступать на нихъ и на поляковъ, при чемъ конница послѣднихъ была принуждена слѣзнуться и вступить въ перестрѣлку съ стрѣльцами. Русская конница во все это время не выѣзжала изъ стана, но выступила изъ него, когда поляки начали отступать къ Москвѣ. Поляки обратились назадъ, чтобы отразить ее, но она укрывалась въ свой станъ. И снова поляки начали отступать, а русская конница наступать на нихъ, и такимъ образомъ поляки съ большимъ трудомъ едва успѣли отступить въ Москву и затѣмъ уже не выходили изъ нея.

Русское же народное ополченіе 1-го апрѣля подступило къ стѣнамъ Бѣлаго-города и Ляпуновъ сталъ у Юзскихъ воротъ, Трубецкой и Заруцкій противъ Воронцовскаго поля, костромскіе и ярославскіе воеводы у Покровскихъ воротъ, Измайловъ у Срѣтенскихъ, а Мосальскій у Тверскихъ. Въ слѣдующіе четыре дня они заняли большую часть стѣнъ Бѣлаго-города, незамѣтно для поляковъ, у которыхъ осталось въ этихъ стѣнахъ только 5 башенъ съ воротами. Съ 6 апрѣля начались ежедневныя схватки и стычки; Ляпуновъ храбростью и распорядительностью своими превосходилъ всѣхъ русскихъ воеводъ и былъ вездѣ; полякамъ же пришлось очень плохо: всѣ ворота въ стѣнахъ Бѣлаго-города были отняты у нихъ и, осажденные въ Китаѣ-городѣ и въ Кремлѣ, они терпѣли сильный голодъ и должны были съ боя добывать продовольствіе себѣ и лошадамъ.

Въ началѣ мая на Поклопной горѣ расположился лагерь Салѣга съ своими польскими ротами и сначала завелъ переговоры съ русскими народными вождями, а противъ поляковъ Гонсѣвскаго сталъ обнаруживать непріязненные намѣренія. Но потомъ, не сойдясь съ русскими воеводами, онъ папалъ на нихъ, былъ отбитъ и передался на сторону Гонсѣвскаго. Однако послѣднему было мало пользы отъ него и вскорѣ поляки Салѣги, соскучась стоять подъ Москвою, гдѣ нечего было грабить, пошли къ Переяславо-Залѣскому. Гонсѣвскій отпустилъ съ ними и часть своихъ войскъ, почему или зачѣмъ именно—неизвѣстно, но вѣроятно потому, что продовольствія у него было слишкомъ мало. И войскъ послѣ того у него осталось также очень немного—тысячи 3 съ небольшимъ, не считая очень малата числа нѣмцовъ и польской пѣхоты. Чтобы скрыть отъ осаждавшихъ такое ничтожное число войскъ своихъ, поляки стали распускать слухъ, будто литовскій гетманъ Ходкѣвичъ

идеть на помощь имъ съ большими силами, и утѣшая себя мыслію, что русскіе повѣрять этой нелѣпости и испугаются, начали даже, будто въ знакъ радости, стрѣлять изъ пушекъ и ружей. Но осаждавшіе не поддались этой хитрости, зная лучше поляковъ, шель-ли кто къ нимъ на помощь или нѣтъ, и изъ самой стрѣльбы ихъ понявъ, что ихъ оставалось въ осадѣ уже очень немного и они были въ большомъ страху. А между тѣмъ какъ они, усвоивъ себя стрѣльбой, въ ночь съ 21 на 22 мая разошлись по домамъ и заснули спокойно, осаждавшіе за три часа до разсвѣта приставили къ стѣнамъ Китай-города лѣстницы и полѣзли по нимъ. Сторожъ на одной изъ башенъ поднялъ тревогу, ударили въ набатный колоколъ — и осаждавшіе, видя, что они открыты, съ крикомъ бросились на стѣны. Однако поляки успѣли выбѣжать по тревогѣ изъ домовъ и сбить осаждавшихъ со стѣнъ. Тогда осаждавшіе обратились въ другую сторону — къ башнямъ и воротамъ Бѣлаго-города, и въ продолженіи дня 22 мая успѣли овладѣть всѣми ими. А на другое утро 23 мая они обложили пѣмцовъ въ Дѣвичьемъ монастырѣ и принудили ихъ сдаться.

На помощь же Гонсевскому не шель никто, ни литовскій гетманъ Ходкивичъ, ни кто-либо другой. Сигизмунду въ это время было не до Москвы: ему пужно было прежде всего покончить наконецъ съ Смоленскомъ, который онъ такъ жалко и безуспѣшно осаждалъ уже 1 годъ и 8 мѣсяцовъ (съ сентября 1609 г.). Все это время и особенно зимою 16¹⁰/₁₁ гг. онъ терялъ время въ безплодныхъ и унизительныхъ для своего достоинства переговорахъ съ московскимъ правительствомъ и его посольствомъ, считая, между тѣмъ, дѣломъ крайней необходимости, пользы Польши и собственной чести взять Смоленскъ какими бы то ни было средствами. Означенные переговоры продолжались до 12 апрѣля, и такъ какъ русскіе послы, кромѣ прежнихъ своихъ условій, ни на что не соглашались, то ихъ (Филарета, Голицына и проч.) насильно повезли плѣнниками въ Польшу, ограбивъ и оскорбивъ ихъ передъ тѣмъ. Покончивъ съ ними, положили рѣшить и съ осажденными смолянами. Положеніе ихъ было ужасно: за немѣніемъ у нихъ соли, цынга произвела между ними такое опустошеніе, что изъ 80 т. ихъ, считавшихся въ началѣ осады, оставалось едва $\frac{1}{10}$, т. е. 8 т., и все-таки они и не думали сдаваться. Но одинъ перебѣжчикъ отъ нихъ указалъ осаждавшимъ часть городской стѣны, построенную на-скоро, въ сырую осеннюю пору и потому непрочную. Туда и былъ обращенъ огонь пушекъ, стѣна тутъ была разбита и ночью на 3 іюня поляки повели на этотъ проломъ приступъ и ворвались въ городъ. Шеннъ съ 15 товарищамъ, стоявшій въ проломѣ, объявилъ, что скорѣе умереть, чѣмъ сдаст-

ся кому-нибудь изъ простыхъ воиновъ—и сдѣлся Якову Потоцкому. Оставшіеся же смоляне заперлись въ соборѣ и, залегши находившейся въ погребахъ подъ нимъ порохъ, взорвали себя па воздухъ. Геройскаго защитника Смоленска—Шенна сначала допрашивали по 27 допроснымъ пунктамъ, а потомъ отравили плѣнникомъ въ Литву, гдѣ держали въ тѣсномъ заключеніи.

По взятіи наконецъ Смоленска, казалось бы, что Сигизмунду слѣдовало немедленно же и послѣшно пдти къ Москвѣ. Но, вмѣсто того, онъ былъ принужденъ распустичь войско и отправиться на сеймъ въ Варшаву. Здѣсь, въ торжествахъ по случаю взятія Смоленска, забыли, что въ Москвѣ гореть поляковъ была осаждена многочисленнымъ непріателемъ. Сигизмундъ только извѣстиль Мстиславскаго и членовъ боярскаго думы въ Москвѣ о взятіи Смоленска — будто бы по необходимости, изъ за какого-то ничтожнаго предлога. Бояре же отвѣчали ему па это самымъ подобострастнымъ и недостойнымъ образомъ, называя себя «вѣрными подданными его» и прибавляя, что нѣсколько разъ писали къ возставшему ополченію съ увѣщаніемъ обратиться, но что «тѣ вору отъ воровства своего не перестаютъ, къ его государевой мплости не обращаются» и пр. т. п., и наконецъ, что начальники ополченія послали къ шведамъ просить у ихъ короля сына его въ московскіе государи.

Это было справедливо, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, тѣже начальники должны были подумать, какъ устроить временное правительство и ввести какой-нибудь порядокъ въ управленіе войскомъ и землею. Съ этою цѣлью, 30 іюня всѣ чины и люди народнаго ополченія сообща приговорили и выбрали въ правители, съ временною властью, бояръ и воеводу (тушинскихъ) Трубецкаго и Заруцкаго и думаго дворянина и воеводу Ляпунова, и въ приговорѣ опредѣляли, какъ именно имъ управлять войскомъ и землею. Но въ трехъ правителяхъ была, по словамъ лѣтописи, «великая несправедливость и гордость, другъ передъ другомъ честь и начальство получить желали и ни одинъ меньше другаго быть не хотѣлъ, а всякій хотѣлъ одинъ владѣть». Болѣе всѣхъ возгордился Ляпуновъ, болѣе всѣхъ ненавидѣлъ его Заруцкій, Трубецкому же отъ нихъ никакой чести не было. Такимъ образомъ въ ставѣ народнаго ополченія было собственно не троевластіе, а двоевластіе (или, какъ нѣкогда у римлянъ, не триумвиратъ, а двуумвиратъ), и одинъ изъ двухъ, Ляпуновъ или Заруцкій, долженъ былъ одолѣть. А какъ приговоръ былъ направленъ противъ казаковъ и поэтому полюбовъ имъ и Заруцкому, то они и начали думать, какъ бы убить Ляпунова. Поводъ къ тому не замедлиль представиться. У Николю-Угрѣнскаго монастыря Плещеевъ схватили 20 казаковъ и бросили ихъ въ Москву-рѣку; другіе казаки вы-

тащили ихъ изъ рѣки, привели въ свой таборъ, собрали кругъ и хотѣли убить Ляпунова. Послѣдній уѣхалъ изъ стана, чтобы бѣжать въ рязанскую область, но казаки воротили его въ станъ. Гонимскій воспользовался тѣмъ и подослалъ въ русскій станъ подложную грамоту отъ имени Ляпунова, о намѣреніи его, будто бы, истребить всѣхъ казаковъ. Послѣдніе, подстрекаемые Заруцкимъ, взволновались и—убили Ляпунова.

Смерть его разрушила народное ополченіе: тѣ изъ него, кто чье, имѣя вождемъ Ляпунова, правдою служили вѣрѣ и отечеству, разошлись по своимъ городамъ. Заруцкій и Трубецкой съ казаками остались подъ Москвою, но присягнули новому самозванцу—бѣглому діакону Исидору, принявшему въ Псковѣ имя царевича Дмитрія. Казань и вятскіе города провозгласили царемъ сына Марины, а Новгородъ—сына шведскаго короля Карла IX и младшаго брата Густава-Адольфа, Филиппа, и переданъ генералу Делагарди. Это произошло слѣдующимъ образомъ: въ концѣ 1610 г. и въ началѣ 1611 г. шведы имѣли мало успѣха, взяли Корелу, но потеряли Ладугу и не успѣли взять приступомъ ни ея обратно, ни Орѣшка. Въ мартѣ 1611 г. Делагарди приблизился къ Новгороду, сталъ въ 7 верстахъ отъ него у Хутынскаго монастыря и послалъ спросить у новгородцовъ: друзья они или враги шведамъ и хотятъ-ли соблюдать выборгскій договоръ? Новгородцы отвѣчали, что это зависитъ не отъ нихъ, а отъ будущаго московскаго государя. Карлъ IX писалъ начальникамъ народнаго ополченія, чтобы они не выбирали чужого государя, а выбрали бы своего. Въ отвѣтъ на это, пріѣхавшій въ Новгородъ отъ Ляпунова воевода Василій Ивановичъ Бутурлинъ, невидѣвшій поляковъ, но подружившійся въ Москвѣ съ Делагарди, объявилъ послѣднему, будто вся русская земля проситъ шведскаго короля дать ей въ государя одного изъ своихъ сыновей. Начались переговоры: шведы требовали прежде всего денегъ и городовъ, а въ Новгородѣ между Бутурлинымъ и прежнимъ воеводой княземъ Одоевскимъ было несогласіе, мѣшавшее послѣднему принять мѣры для безопасности города. Бутурлинъ ссладился съ шведами, даже и тогда, когда Делагарди переправился черезъ Волховъ и сталъ у Колмовскаго монастыря. Между ратными и посадскими людьми также не было согласія, и послѣдніе перебрались съ имуществомъ въ городъ. 8 іюля Делагарди произвелъ приступъ, но, послѣ жестокаго боя, не успѣлъ ворваться въ городъ, а Бутурлинъ приказалъ сжечь посады. Семь дней послѣ того шведы не предпринимали ничего, изъ новгородцовъ же одни молились Богу, а другіе предались пьянству и оплошности. Одинъ русскій плѣнникъ у шведовъ вызвался вестн ихъ въ плохо-оберегаемый городъ и ночью

на 16 іюля ввелъ ихъ въ Чудинцовскія ворота, такъ что даже никто не видалъ того и жители только тогда узнали, что шведы въ городѣ, когда послѣдніе начали избивать стражей по стѣнамъ и дворамъ. Первое, но непродолжительное сопротивление шведы встрѣтили на площади, со стороны Бутурлина съ отрядомъ войскъ. Бутурлинъ вышелъ изъ города, а казаки и стрѣльцы ограбили при этомъ лавки и дворы. Другое, сильное, но бесполезное сопротивление оказали шведамъ человекъ 40 казаковъ съ 4-мя предводителями—въ одномъ мѣстѣ, и Софійскій протопопъ Аммосъ—на своемъ дворѣ съ нѣсколькими повгородцами. Тѣ и другіе защищались до послѣдней крайности, и всѣ погибли. Это были послѣдніе защитники Новгорода, и митрополитъ Исидоръ и князь Одоевскій послали договариваться съ Деллагарди. Первымъ условіемъ была присяга новгородцовъ шведскому принцу Флиппу, а Деллагарди обязался не разорять Новгорода, былъ впущенъ въ Кремль и заключилъ договоръ между Швеціей и однимъ Новгородомъ, хотя обязательный и для московскаго государства. по который послѣднее никакъ не могло бы принять въ такомъ видѣ.

Въ Псковѣ по прежнему происходили смуты, раздоры и нобоища между пменитыми гражданами, хотѣвшими законнаго правительства, и между чернью и стрѣльцами, признававшими самозванцовъ, своевольничавшими и буйствовавшими. Потомъ повгородцы съ шведами и Лисовскій съ другой стороны стали разорять и грабить псковскія волости. А въ мартѣ 1611 г. пришелъ изъ Ливоніи подъ Печоры литовскій гетманъ Ходковичъ, 6 недѣль стоялъ подъ Печорами, пропзвелъ 7 неудачныхъ приступовъ и разорилъ окрестности. 23 марта въ Ивангородѣ явился новый самозванецъ, бѣглый діаконъ Исидоръ, и казаки изъ Пскова вышли къ нему. Въ Псковѣ воеводѣ не было и дѣла ратниа и земскія производилъ дьякъ Луговскій съ посадскими помощниками. Они послали просить помощи у подмосковныхъ воеводъ, но послѣдніе не могли оказать Пскову никакой помощи, потому что по смерти Ляпунова, какъ сказано выше, народное ополченіе разрушилось и русскіе разошлись, а остались восторжествовавшие казаки 4 (14) августа подъ Москву снова пришелъ Сапѣга съ продовольственными запасами, сталъ сражаться съ ополченцами со стороны поля, а поляки сдѣлали вылазку изъ Вѣлаго города, но неудачную. На другой день полякамъ Сапѣги удалось переправиться черезъ Москву-рѣку и снабдить продовольствіемъ поляковъ, осажденныхъ въ Кремлѣ и Клязь-городѣ, которые, съ своей стороны, опять сдѣлали вылазку и взяли съ боя четверо воротъ въ Вѣломъ городѣ. Самый жаркій бой былъ за Никитскія

ворота, но поляки удержали ихъ за собою, а ополченцы—Тверскіи. По показаніямъ поляковъ, на ополченцовъ напалъ, будто бы, такой страхъ, что они не только не попытался снова овладѣть потерянными воротами, но и плохо стерегли даже оставшіяся въ ихъ власти. Между тѣмъ у самихъ поляковъ не было никакой дисциплины. Когда тѣмъ изъ нихъ, которые цѣлый день сражались при овладѣніи воротами, послали просить у Гонсѣвскаго присылки свѣжихъ хоругвей на стѣну ихъ, ни одна изъ нихъ не двинулась, не смотря на приказанія Гонсѣвскаго. На другой день послѣдній и Сапѣга, каждый съ своей стороны, объявили своимъ войскамъ, что они должны всѣми силами въ одно время напасть на ополченцовъ, первый — въ городъ, а второй — съ поля. Но войска Гонсѣвскаго не послушались его и не пошли. Вскорѣ Сапѣга заболѣлъ и 4 (14) сентября умеръ въ Кремлѣ. 27 сентября (6 октября) подѣ Москву пришелъ наконецъ Ходкѣвичъ съ войскомъ, сталъ у Андроніева монастыря и имѣлъ нѣсколько стычекъ съ ополченцами, но не очень удачныхъ, по свидѣтельству самихъ поляковъ. Они объясняютъ причину этого тѣмъ, что Потоцкій не хотѣлъ, чтобы слава покоренія Москвы досталась Ходкѣвичу, отчего между ними произошла вражда и въ войскѣ Ходкѣвича образовались двѣ партіи, одна за него, другая за Потоцкаго; притомъ поляки не хотѣли повиноваться Ходкѣвичу, какъ литовскому гетману. Да и силы Ходкѣвича были ничтожны—не болѣе 2 т. чел., къ тому еще ослабленныхъ нравственно раздорами, физически—военными трудами похода въ Ливоніи и состоявшихъ изъ одной конницы безъ пѣхоты. Такъ прошла осень, а когда наступила зима, у поляковъ не достало ни продовольствія для людей, ни фуража для лошадей, и за сѣномъ нужно было посылать далеко подѣ прикрытіемъ вооруженныхъ отрядовъ. Вслѣдствіе того Ходкѣвичъ отступилъ отъ Москвы къ монастырю Рогачеву, въ 20 верстахъ отъ Ржевы, между р.р. Волгой и Цугой. Съ нимъ отошло немало поляковъ изъ Кремля и Китая-города; тѣмъ же изъ нихъ, которые остались въ Москвѣ, равно и добровольно оставшимся съ ними охотникамъ изъ дружинъ Сапѣги, было положено особенное жалованье, подѣ залогъ нѣкоторыхъ сокровищъ изъ царской казны! Московскіе бояре въ Кремлѣ, полагая, что только одно немедленное прибытіе Сигизмунда или Владислава могло спасти ихъ, въ началѣ октября отправили къ первому новое посольство, потому что прежнее дѣйствовало, будто бы, не по тому наказу, который былъ данъ ему. Въ грамотѣ къ Сигизмунду отъ Арсенія архіепископа Архангельскаго (родомъ грека, которому было поручено служить въ Архангельскомъ соборѣ и кото-

*

рый находился въ главѣ кремлевскаго духовенства, такъ какъ патриархъ Гермогенъ находился въ заключеніи въ темницѣ), отъ всего освященнаго собора, бояръ, окольныхкихъ и пр., эти бояре, окольные и пр. не устыдился назвать себя вѣрными подданными Спигизмунда!—Казацкое ополченіе Трубецкаго и Заруцкаго, оставшееся, по смерти Ляпунова, въ Бѣломъ городѣ и другихъ частяхъ Москвы, за исключеніемъ Кремля и Китая-города, по прежнему придавало себѣ видъ будто бы пришедшаго сражаться за православную вѣру противъ поляковъ и литовцовъ. Но истинно-русскіе люди, вѣрные сыны отечества, справедливо смотрѣли и на казаковъ, и на поляковъ и литовцовъ, какъ на враговъ его, не считали дѣло спасенія его погибшимъ, всячески старались, чтобы между ними были совѣтъ и соединеніе, чтобы никакой перемѣны не допускать до избранія царя всею землей и до возстановленія законнаго порядка, казаковъ же въ города не пускать и государя, ими одними избраннаго, не признавать. Прежде къ этому призывалъ всѣхъ Гермогенъ, а теперь, когда онъ былъ въ заключеніи — Тропецкой-Сергіевской лавры архимандритъ Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ. Послѣдній уже извѣстенъ своими подвигами по оборонѣ лавры и послѣ того; первый же былъ строгій инокъ, вѣрный сынъ отечества, человекъ съ необыкновенною силою характера. По его увѣщанію, все начальство и вся братія лавры дали въ ней пріютъ всѣмъ стекавшимся въ нее людямъ, жестоко пострадавшимъ отъ поляковъ и казаковъ, раненымъ, больнымъ, ограбленнымъ, строили для нихъ въ монастырѣ и вокругъ него жилые и страннопріимные дома и больницы; женщины шили и мыли бѣлье живымъ, саваны умершимъ, а въ келіи архимандрита писцы непрестанно писали и разсылали по городамъ увѣщательныя грамоты, призывая всѣхъ къ очищенію родной земли отъ враговъ ея. Еще лѣтомъ 1611 г. такого рода грамоты были разсланы Діонисіемъ въ Казань, во всѣ низовые города, въ Вологду, Пермь, Поморье, Новгородъ, увѣщевая, умоляя ихъ не мѣшая прислать къ Москвѣ служилыхъ, ратныхъ людей и пособія деньгами. 6 октября Діонисій разслалъ новыя грамоты, увѣдомляя, что дворяне, боярскія дѣти и всякіе служилые люди Каширы, Калуги, Тулы и другихъ замосковныхъ городовъ уже пришли къ Москвѣ, изъ сѣверныхъ городовъ поспѣшно идутъ къ ней, а изъ другихъ собираются въ Переяславль-Залѣсскомъ, чтобы также идти туда, и увѣщевая всѣ прочіе города скорѣе слѣдовать ихъ примѣру. Хотя Діонисій и прочія власти лавры знали поведеніе казаковъ въ Москвѣ и подъ Москвою, но знали и то, что все-таки они держали поляковъ въ Кремлѣ и Китаѣ-городѣ въ осадѣ и успѣшно

сражались съ ними, и потому считали своею обязанностью призывать на помощь имъ русскія земскія ополченія.

Троицкія грамоты не могли остаться и не остались безъ дѣйствія: вездѣ, куда только онѣ достигли, всѣ сословія народныя были охотно готовы встать, вакъ одинъ человекъ, на спасеніе родной земли, на очищеніе ея отъ враговъ, а передъ тѣмъ—на нравственное очищеніе самихъ себя, для чего наложили на себя строгій постъ. Вскорѣ все было готово, ждали только начала движенія...

И оно обнаружилось прежде всего въ Нижнемъ-Новгородѣ. Здѣсь правительственными лицами были: воеводы князь Василій Андреевичъ Звенигородскій и Андрей Семеновичъ Алябьевъ, стряпчій Биркинъ, дьякъ Семеновъ, а въ числѣ земскихъ старостъ—Козьма Мининъ-Сухорукой, ремесломъ мясной торговецъ. Когда въ октябрѣ 1611 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ была получена Троицкая грамота, Мининъ предложилъ прочесть ее передъ всѣми жителями въ соборѣ и, по прочтеніи ея, сказалъ: «захотимъ помочь московскому государству, такъ не жалѣть намъ имѣнія своего, не жалѣть ничего, дворы продавать, женъ и дѣтей закладывать и бить челомъ—кто бы вступился за истинную православную вѣру и былъ у насъ начальникомъ. Сами мы не искусны въ ратномъ дѣлѣ, такъ станемъ кличь кликать повольныхъ служилыхъ людей. Я, убогій, съ товарищами своими, всѣхъ насъ 2,500 человекъ, а денегъ у насъ въ сборѣ 1,700 р.; брали третью деньгу, у меня было 300 р., и я 100 р. въ сборныя деньги принесъ; тоже и вы всѣ сдѣлайте». — «Будь такъ!» закричали всѣ и начался сборъ. Надобно было найти воеводу: въ это время въ сюздальскомъ уѣздѣ, въ своей Пурецевоѣ волости жилъ и лечился отъ ранъ извѣстный стольникъ и воевода князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій. Мининъ снесся съ нимъ, уговорилъ его и указалъ на него народу. Отправили къ нему посланныхъ; Пожарскій сказалъ имъ, что радъ и готовъ, но чтобъ они выбрали ему помощника изъ посадскихъ людей. Ему отвѣчали, что у нихъ въ городѣ такого человека нѣтъ, но онъ указалъ имъ на Минина. Нижегородцы стали просить Минина: «согласуешь»—отвѣчалъ онъ—«если напишите приговоръ, что будете во всемъ послушны и покорны и ратнымъ людямъ деньги давать». Мининъ написалъ въ приговорѣ прежнія слова свои и, когда нижегородцы подписали его, тотчасъ отправилъ его къ Пожарскому.

Вѣсть о всемъ этомъ быстро распространилась по ближайшимъ городамъ. Смоленскіе дворяне, лишенные поляками своихъ смоленскихъ помѣстій, а Заруцкимъ—данныхъ имъ въ арзамасскомъ уѣздѣ, прислали просить нижегородцовъ, чтобъ они приняли ихъ къ себѣ. Нижегородцы послали ихъ къ Пожарскому просить его,

чтобъ онъ немедленно шель въ Нижнему Новгороду. Онъ поѣхалъ, на пути присоединилъ къ себѣ дорогобужскихъ и виземскихъ служивыхъ людей, также выгнанныхъ Заруцкимъ, и вмѣстѣ съ ними вступилъ въ Нижній Новгородъ, гдѣ былъ принятъ съ великою честью. Прежде всего онъ занялся раздачею жалованья ратнымъ людямъ; но вскорѣ нижегородской казны не достало на это и Пожарскій, отъ имени своего и всѣхъ ратныхъ и земскихъ людей Нижняго Новгорода, написалъ и послалъ по всѣмъ городамъ грамоты съ просьбой пособить деньгами. Эти грамоты существенно отличались отъ грамотъ, писанныхъ передъ первымъ возстаніемъ Ляпунова, тѣмъ, что въ нихъ объявлялось чисто-земское, русское ополченіе, направленное столько же противъ казаковъ, сколько противъ поляковъ и литовцовъ, и что главною мыслию ихъ была необходимость соединиться и дѣйствовать всѣмъ за одно. Грамоты эти имѣли вездѣ такое сильное дѣйствіе, что отовсюду стали посылать въ Нижній Новгородъ выборныхъ на совѣтъ, ратныхъ людей и казну, прежде всѣхъ изъ Коломны, потомъ изъ Рязани, изъ украинскихъ городовъ, а изъ Москвы—казаковъ и стрѣльцовъ, бывшихъ съ царемъ Василюемъ въ осадѣ въ Москвѣ. Но Казань, которая до тѣхъ поръ сильно увѣщевала другіе города, теперь отказалась отъ участія въ общемъ дѣлѣ, по вліянію дьяка Шульгина, захватившаго въ ней всю власть и недовольнаго тѣмъ, что не онъ и не Казань стали въ главѣ возстанія, а второстепенный Нижній Новгородъ, съ своимъ земскимъ старостой! Получивъ эту вѣсть, Пожарскій, Мининъ и всѣ ратные люди, возложивъ всю свою надежду на Бога, въ концѣ 1611 г. пошли изъ Нижняго Новгорода противъ поляковъ, литовцовъ, казаковъ и русскихъ измѣнниковъ...

§ 206.

Война въ 1612 году.

Походъ князя Пожарскаго и Минина къ Москвѣ.—Изгнаніе поляковъ изъ Москвы.

Въ концѣ января 1612 г. въ Костромѣ и Ярославлѣ были получены грамоты отъ московскихъ бояръ, съ увѣщаніемъ отложиться отъ Заруцкаго и быть вѣрными царю Владиславу, и съ увѣдомленіемъ, что казаки Заруцкаго вошли въ сношенія съ псковскимъ самозванцомъ, а 2 марта весь подмосковный станъ ихъ уже присягнулъ этому самозванцу. Между тѣмъ изъ Ярославля дали

знать въ Нижній Новгородъ, что Заруцкій прислалъ въ Ярославль много казаковъ, а Просовецкій идетъ къ нему съ войскомъ, чтобы захватить Ярославль и всѣ поморскіе города и не дать ярославцамъ соединиться съ нижегородскою ратью. Пожарскій немедленно послалъ двоюроднаго брата своего, князя Дмитрія Петровича Лопату-Пожарскаго и дьяка Самсонова съ войсками занять Ярославль до прибытія Просовецкаго, въ чемъ они и успѣли. Вслѣдъ за ними туда же двинулось и главное ополченіе. Такъ какъ нижегородской казны недостало на жалованье ему, то взяли 5,206 руб. у пногородныхъ купцовъ, торговавшихъ въ Нижнемъ Новгородѣ, въ томъ числѣ 4,116 рублей у Строгоновскихъ прикащиковъ. Въ Балахиѣ и Юрьевѣ встрѣтили ополченіе съ радостью и дали денегъ На р. Решмѣ Пожарскій получилъ грамоту отъ Трубецкаго, Заруцкаго и всего ихъ подмосковнаго войска, что они присягнули исковскому самозванцу, но узнавъ, что онъ не тотъ, который былъ въ Тушинѣ и Калугѣ, отстали отъ него и положили быть въ соединеніи и совѣтѣ съ нижегородскимъ ополченіемъ. Пожарскій и Мининъ не повѣрили этому и притомъ твердо положили не соединяться съ казакамъ; но чтобы не раздражать ихъ преждевременно, отвѣчали, что не опасаются ихъ и спѣшатъ къ нимъ на помощь подъ Москву.

Послѣ кратковременнаго отдыха въ Клиннѣхъ, они пошли къ Костромѣ. На р. Плесѣ они получили извѣстіе, что костромской воевода Шереметевъ стоитъ за Владислава и не хочетъ впустить ихъ въ Кострому. Они положили не останавливаясь идти къ Костромѣ и какъ скоро вступили въ посадъ ея, то наибольшая часть жителей, не хотѣвшая Владислава, возстала противъ Шереметева и убила бы его, еслибы его не защитилъ Пожарскій, давшій Костромѣ другаго воеводу, князя Романа Гагарина. Въ то же время братъ Лопаты-Пожарскаго Романъ былъ посланъ съ отрядомъ въ защиту Суздаля отъ Просовецкаго.

Въ первыхъ числахъ апрѣля ополченіе достигло Ярославля, гдѣ получило грамоту отъ Троицкихъ властей, увѣдомлявшихъ о присягѣ подмосковнаго войска исковскому самозванцу, по что Трубецкой былъ принужденъ къ тому казакамъ и хочетъ соединиться съ Пожарскимъ и Мининимъ и дѣйствовать съ ними за одно; что Рязань, Серпуховъ, Калуга, Тула, Тверь, Торжокъ, Старица, Ржевъ, Погорѣлое Городище также не присягали самозванцу и желаютъ быть за одно съ нижегородскимъ ополченіемъ, почему Троицкія власти и просили Пожарскаго и Минина поспѣшить къ Троицкому монастырю. Въ этой же грамотѣ было впервые упомянуто о страдальческой смерти патріарха Гермогена (поляки потребовали, что-

бы онъ написалъ ополченію не ходить къ Москвѣ и когда онъ на это сказалъ: «да будетъ оно благословенно, а вы измѣнники прокляты», велѣли уморить его голодомъ, вслѣдствіе чего онъ и умеръ 17 февраля).

7 апрѣля изъ Ярославля разсланы были по городамъ новыя грамоты, которыми положено самозванцу и Маринѣ съ сыномъ не слушать и крѣпко стоять противъ поляковъ и литовцовъ, и предложено общимъ совѣтомъ со всѣми людьми выбрать государя, для чего прислать въ Ярославль человѣка по два всякихъ чиновъ и съ ними совѣтъ свой написать за своими руками, а также написать и подъ Москву въ полки, чтобъ они отстали отъ самозванца и не чинили розни со всей землей, и кромѣ того прислать въ Ярославль денежную казну на жалованье ратнымъ людямъ. Грамоты эти были скрѣплены 49 подписями бояръ, окольниковъ, стольниковъ, дворянъ и всякихъ чиновъ людей (изъ нихъ 10-ою была подпись Пожарскаго, а 15-ою—его же за Минина).

Вслѣдствіе того, въ Ярославль стали пріѣзжать толпы служилыхъ людей, а посадскіе люди привозили денежную казну. Но похода подъ Москву немедленно предпринять еще нельзя было, потому что казакъ заняли Угличъ, П. шехонье и своевольничали по уѣздамъ, шведы стояли въ Тихвинѣ и нельзя было двинуться на югъ, оставивъ тѣхъ и другихъ въ тылу за собою. Пожарскій и Мининъ, по совѣту со всѣми чинами земскаго ополченія, положили: въ Новгородъ отправить пословъ, шведовъ занять переговорами, а противъ казаковъ послать войско. 13 мая были написаны грамоты въ Новгородъ, а въ іюнѣ разсланы грамоты по украинскимъ городамъ, которые держались псковскаго самозванца, Марини и сына ея, чтобъ они отстали отъ нихъ и пристали къ общему всей земли ополченію. Между тѣмъ изъ подмосковнаго стана послали Плещеева обозвать самозванца: Плещеевъ явно и гласно не призналъ его—и 18 мая самозванецъ былъ принужденъ бѣжать изъ Пскова съ воеводой княземъ Хованскимъ. Но Плещеевъ убѣдилъ Хованскаго выдать самозванца, и 20 мая его привезли въ Псковъ и заключили въ палату, а 1 іюля повезли въ Москву.

Пожарскій послалъ грамоты и въ Сибирь, съ увѣдомленіемъ о всемъ происходившемъ и о новгородскихъ дѣлахъ, и что князь Дмитрій Лопата-Пожарскій выгналъ казаковъ изъ Пошехонья, князь Черкасскій — изъ Антоніева монастыря въ Бѣжецкомъ уѣздѣ и изъ Углича, а воевода Наумовъ отогналъ отряды Заруцкаго отъ Переяслава.

Но прибывшіе въ Ярославль съ казанскимъ ополченіемъ Биркинъ и татарскій голова Мясной, поссорясь между собою изъ-за

того, кому изъ нихъ быть начальникомъ, произвели тѣмъ смуту въ самомъ Ярославѣ. Чтобы прекратить и впредь прекращать ее, пригласили въ посредники бывшего ростовскаго митрополита Кирилла, жившаго на покоѣ, который, пріѣхавъ въ Ростовъ и потомъ въ Ярославль, сталъ мирить ссоры начальниковъ.

Начальники ополченія, ища вездѣ помощи, обратились также къ Австріи, съ которою прежніе московскіе цари всегда были въ дружбѣ и помогали ей деньгами въ войнѣ ея съ Турціей. 20 іюня они написали грамоту къ императору Рудольфу и просили его въ свою очередь помочь имъ деньгами, а королю польскому написать, чтобъ онъ вывелъ свои войска изъ московскаго государства.

Въ іюлѣ пріѣхали въ Ярославль новгородскіе послы, которые, увѣдомивъ, что они уговорились съ Делагарди просить себѣ въ государи шведскаго королевича Карла-Филиппа и что онъ уже въ дорогѣ и скоро прибудетъ, кончили тѣмъ, что предложили, учиня съ начальниками земскаго ополченія общій совѣтъ, быть съ ними въ любви и соединеніи подъ рукою одного государя. Пожарскій и начальники ополченія оскорбились тѣмъ, что Новгородъ — давно уже часть московскаго государства — ребуеть, чтобы послѣднее было въ соединеніи съ нимъ и приняло государя, имъ, Новгородомъ, избранаго. Пожарскій отвѣчалъ, что государя неправославной вѣры московское государство никогда не выберетъ и не признаетъ, и кончилъ тѣмъ, что не согласился вступить ни въ какія обязательства съ шведами. Но чтобы явнымъ разрывомъ не возстановить ихъ противъ земскаго ополченія, въ Новгородъ отправили посла только для продленія времени въ переговорахъ съ шведами, чтобы они не помышляли ополченію очистить Москву и государство.

По отправленіи этого посла, послѣ 26 іюля ополченіе стало уже собираться въ походъ отъ Ярославля, какъ открылся заговоръ казаковъ на жизнь Пожарскаго. Отъ Заруцкаго изъ подмосковнаго стана прибыли два казака, которые, съ 8-ю соумышленниками въ ополченіи, едва не убили Пожарскаго въ дверяхъ съѣзжей избы, въ большой тѣнотѣ, но убійца промахнулся и былъ схваченъ вмѣстѣ съ его соумышленниками. Ихъ частью разослали въ города по тюрьмамъ, а нѣкоторыхъ взяли подъ Москву, гдѣ они повинились и, по просьбѣ Пожарскаго, были прощены.

Этотъ случай показалъ Пожарскому и ополченію, что подъ Москвою ихъ ждали, подъ видомъ союзниковъ, тайные враги и низкіе убійцы. Но медлить долѣе было невозможно: приходили вѣсти о приближеніи къ Москвѣ Ходявчича и необходимо было спасти дворянъ и боярскихъ дѣтей, находившихся подъ Москвою, отъ буйства казаковъ. Пожарскій выслалъ впередъ два отряда: одинъ,

подъ начальствомъ воеводъ Дмитріева и Левашова — съ приказаніемъ не входить въ станъ Трубецкаго и Заруцкаго, но поставитъ себѣ свой особый малый острогъ у Петровскихъ воротъ, а другой, подъ начальствомъ князя Димитрія Лопаты-Пожарскаго и дьяка Самсонова — съ приказаніемъ сгнать у Тверскихъ воротъ.

Дворяне и боярскія дѣти, о которыхъ говорено выше, были посланы украинскими городами вслѣдствіе грамотъ ополченія и, придя въ подмосковный станъ Трубецкаго, расположились въ Никитскомъ острогѣ. Здѣсь казаки Заруцкаго не давали имъ покоя, поступая съ ними самымъ жестокимъ образомъ, такъ что украинцы наконецъ отправили въ Ярославль посланцовъ умолять о спасеніи ихъ отъ казаковъ. Ихъ отпустили съ вѣстью, что ополченіе выступаетъ въ Москвѣ. Но какъ только Заруцкій и его казаки узнали объ этомъ, то хотѣли избить украинцовъ и часть ихъ едва спаслась въ полкъ къ Дмитріеву, а другая была вынуждена разбѣжаться по своимъ городамъ. Заруцкій не удовольствовался разогнаніемъ ихъ, а хотѣлъ даже помѣшкать наступленію ополченія, для чего послалъ сильный отрядъ казаковъ преградить дорогу князю Лопатѣ-Пожарскому, разбить его отрядъ и его самого убить. Но это не удалось: отрядъ Лопаты-Пожарскаго опрокинулъ казаковъ и обратилъ ихъ въ бѣгство.

Наконецъ въ исходѣ іюля и главное ополченіе выступило изъ Ярославля и двинулось къ Ростову. Здѣсь къ нему присоединилось еще много ратныхъ людей изъ разныхъ областей, такъ что Пожарскій могъ послать одинъ отрядъ подъ начальствомъ Образцова въ Бѣлозерскъ, на случай враждебнаго движенія къ нему шведовъ.

Заруцкій, услыхавъ, что ополченіе двинулось изъ Ярославля, пошелъ съ преданными ему казаками, составлявшими почти половину подмосковнаго казацкаго войска, къ Коломнѣ, гдѣ жила Марина съ сыномъ. Взавъ ихъ и разгромивъ Коломну, онъ пошелъ въ рязанскія земли, разорилъ ихъ и сталъ въ Михайловѣ. Поляки объясняютъ причину ухода Заруцкаго изъ подмосковнаго стана тѣмъ, что Ходявичъ изъ Рогачева завелъ сношенія съ нимъ, склоняя его разными обѣщаніями перейти на сторону короля, что Трубецкой узналъ объ этомъ и Заруцкій счелъ за лучшее уйти въ Коломну. Оставшіеся же съ Трубецкимъ казаки послали атамана своего, Внукова, съ товарищами въ Ростовъ просить Пожарскаго скорѣе идти къ Москвѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ тайно развѣдать, не имѣеть-ли Пожарскій враждебныхъ намѣреній противъ казаковъ. Пожарскій и Мининъ обошлись съ Внуковымъ и его товарищами ласково и отпустили ихъ съ вѣстью, что идутъ немедлен-

но. Дѣйствительно, они вслѣдъ за ними двинулись черезъ Переяславль къ Троицкому монастырю.

Прибывъ сюда 14 августа, они расположили ополченіе между монастыремъ и Клементьевскою слободою. Здѣсь ими овладѣло раздумье: они опасались не поляковъ въ Москвѣ, не Ходкѣвича, приближавшагося къ ней, но казаковъ, которымъ не уогли довѣрять. Поэтому они непременно хотѣли обезпечить себя съ ихъ стороны какимъ нибудь договоромъ. Но по этому предмету въ ополченіи произошло разногласіе: одни хотѣли идти подъ Москву, а другіе не соглашались, говоря, что казаки заманиваютъ Пожарскаго подъ Москву, чтобъ убить его, какъ Ляпунова. Въ это же время пришло предложеніе отъ Маржерета съ тремя товарищами его изъ иноземныхъ наемниковъ, которые писали, что, набравъ ратныхъ людей, готовы идти съ ними на помощь ополченію. Пожарскій и прочіе начальники ополченія отвѣчали товарищамъ Маржерета, что благодарятъ ихъ за предложеніе услугъ, но удивляются, что они за одно съ Маржеретомъ, который столько разъ переходилъ со стороны на сторону, отъ царя Бориса къ самозванцу, потомъ къ Жолѣвскому, позже участвовалъ въ сожженіи Москвы, грабежѣ ея и избіеніи ея жителей, наконецъ ушелъ въ Польшу съ измѣнникомъ Салтыковымъ, а теперь хочетъ помогать ополченію противъ поляковъ; что ополченіе, состоящее изъ однихъ русскихъ людей, подвизается за свою вѣру и за свое отечество безъ жалованья и само справится съ врагами, безъ иноземныхъ наемниковъ.

Не столь легко было отдѣлаться отъ подмосковныхъ казаковъ, и Пожарскому было уже не до уговора съ ними: пришла вѣсть, что Ходкѣвича съ часу на часъ ждуть въ Москву. Онъ тотчасъ поспѣшилъ выслать впередъ подъ Москву князя Туренина съ отрядомъ и приказаніемъ стать у Чертольскихъ воротъ, и назначилъ 18-е августа днемъ вступленія ополченія къ Москвѣ.

Въ этотъ день, послѣ молебна у раи пренод. Сергія, ополченіе, проводжаемое крестнымъ ходомъ изъ монастыря, двинулось къ Москвѣ и передъ вечеромъ, не доходя 5-ти верстъ до нея, остановилось на р. Яузѣ. Къ Арбатскимъ воротамъ были посланы отряды развѣдать мѣста, удобныя для стана, и когда они воротились, наступала уже ночь, почему Пожарскій рѣшился провести ее тамъ, гдѣ остановился. Трубецкой безпрестанно присылалъ звать Пожарскаго къ себѣ въ станъ у Яузскихъ воротъ, но Пожарскій и все ополченіе каждый разъ отвѣчали: «отнюдь не бывать тому, чтобы намъ стать вмѣстѣ съ казаками». Трубецкой и казаки обидѣлись этимъ и вознегодовали—и такимъ образомъ подъ Москвою явились два ополченія, по видимому съ одною и тою же цѣлю, но существенно отлич-

ныя одно отъ другаго и по составу и по духу, одно — старое и больное, другое — новое и здоровое, и потому взаимно враждебныя. Для новаго, русскаго земскаго ополченія дѣло очищенія государства отъ вѣшнихъ враговъ облегчалось тѣмъ, что Польша, съ которою приходилось бороться, страдала тяжкимъ, неизлечимымъ недугомъ внутренняго безначалія. Поляки, находившіеся въ Москвѣ, еще осенью 1611 г. послали объявить Сигизмунду, что они долѣе 6-го января 1612 г. въ Москвѣ не останутся. Когда этотъ срокъ прошелъ, они выбрали маршалкомъ конфедераціи Іосифа Цѣплинскаго и въ числѣ 7 т. чел. конницы отправились въ Польшу требовать заслуженное имъ жалованье. Въ Москвѣ осталась часть польскаго войска Сапѣги и польскій отрядъ, присланный изъ Смоленска съ двумя Конецпольскими, а главнымъ начальникомъ, вмѣсто Гонсѣвскаго, Яковъ Потоцкій прислать племянника своего, Струся, съ цѣлю мѣшать Ходкѣвичу. 4 т. поляковъ Сапѣги, примкнувшіе — было къ Ходкѣвичу, также, по просямъ Потоцкаго, покинули Ходкѣвича, составили конфедерацію, выбрали себѣ въ маршалки Яна Залинскаго и ушли въ Литву. Послѣ того неудивительно бездѣйствіе Ходкѣвича въ продолженіи слѣдующаго полугодя, во время котораго онъ могъ единственно только снабжать осажденныхъ въ Москвѣ поляковъ продовольствіемъ.

21 августа Пожарскій узналъ о движеніи Ходкѣвича изъ Вязьмы къ Москвѣ, а вечеромъ этого дня Ходкѣвичъ уже стоялъ на Поклонной горѣ. Чтобы преградить ему дорогу въ Кремль, ополченіе Пожарскаго стало на лѣвомъ берегу Москвы — рѣки подлѣ Дѣвичьяго монастыря, а ополченіе Трубецкаго — на правомъ у Крымскаго двора. Трубецкой прислалъ сказать Пожарскому, что для успѣшнаго нападенія на Ходкѣвича со стороны (во флангъ) ему необходимо нѣсколько конныхъ сотенъ. Пожарскій выбралъ и послалъ ему 5 лучшихъ сотенъ. На разсвѣтъ 22 августа Ходкѣвичъ перешелъ черезъ Москву-рѣку у Дѣвичьяго монастыря и напалъ на Пожарскаго. Бой между ними продолжался отъ восхода солнца цѣлыхъ 7 часовъ (отъ 5 до 12) и грозилъ окончиться невыгодно для Пожарскаго. Послѣдній былъ уже отгѣсненъ къ Чертольскимъ воротамъ и видя, что конница его была не въ состояніи бороться съ польскою, приказалъ ей спѣшиться. Но въ этомъ, непривычномъ ей пѣшемъ строѣ она едва могла сдерживать натискъ поляковъ. А между тѣмъ на другомъ берегу ополченіе Трубецкаго стояло въ совершенномъ бездѣйствіи и казаки спокойно смотрѣли на битву и даже нагло ругались надъ ополченіемъ Пожарскаго. Но головы присланныхъ Трубецкому 5-ти русскихъ конныхъ сотенъ не въ состояніи были столь же спокойно смотрѣть на битву и двинулись

на выручку своихъ. Трубецкой не хотѣль-было отпустить ихъ, но они не послушались его и бросились въ рѣку, а ихъ примѣръ увлекъ и нѣкоторыхъ атамановъ и казаковъ Трубецкаго. Прибытіе во-время этихъ свѣжихъ войскъ рѣшило бой въ пользу Пожарскаго: Ходкѣвичъ, потерявъ надежду пробиться въ Кремль, отступилъ обратно къ Поклонной горѣ. А поляки, сдѣлавшіе между тѣмъ вылазку изъ Кремля для очищенія Водяныхъ воротъ, были отбиты съ потерей своихъ знаменъ. Но въ слѣдующую ночь 400 возовъ съ продовольствіемъ, подъ прикрытіемъ 600 поляковъ, пробрались къ городу дорогою, указанною русскимъ пзмѣнникомъ Григоріемъ Орловымъ. Прикрытіе, опередившее возы, уже успѣло войти въ городъ, когда явились русскіе ратники, завязали сильную перестрѣлку и завладѣли возами.

23 августа въ воскресенье осажденные слова сдѣлали вылазку изъ Китая-города, переправились черезъ Москву-рѣку и взяли русскій острогъ у церкви св. Георгія (въ Яндовѣ), распустивъ на ея колокольнѣ польское знамя. Другаго дѣла, кромѣ этого, въ этотъ день не было: Ходкѣвичъ употребилъ его на передвиженіе своихъ войскъ съ Поклонной горы къ Донскому монастырю, чтобы пробиться къ городу по Замоскворѣчью черезъ нынѣшнія Ордынскую и Пятницкую улицы. Можетъ быть онъ надѣялся не встрѣтить сильнаго сопротивленія со стороны находившихся тутъ казаковъ, равнодушіе которыхъ замѣтилъ наканунѣ, и рассчитывалъ, что ополченіе Пожарскаго, въ отмщеніе казакамъ, не двинется на помощь имъ. Трубецкой же и Пожарскій расположились въ этотъ день: первый—вдоль берега Москвы-рѣки, начиная отъ Лужниковъ (старыхъ), а одинъ казачій отрядъ его занималъ острогъ у церкви св. Климента (на Пятницкой), второй же — съ большею частію ополченія переправился на Замоскворѣчье, чтобы вмѣстѣ съ Трубецкимъ не пропускать Ходкѣвича въ городъ; обозъ Пожарскаго находился по прежнему на лѣвомъ берегу рѣки, подлѣ церкви св. Иліи Обеднаго.

24 августа въ понедѣльникъ на разсвѣтъ начался бой, продолжавшійся до 11-го часа дня и сначала бывшій невыгоднымъ для русскихъ. Поляки смяли ихъ и опрокинули къ рѣкѣ, такъ что самъ Пожарскій съ своимъ полкомъ едва устоялъ и былъ принужденъ переправиться на лѣвый берегъ. Трубецкой съ казаками ушелъ въ ихъ таборы за рѣкой; казаки очистили и Клементьевскій острогъ, который тотчасъ же былъ занятъ поляками, вышедшими изъ Китая-города и распустившими свои знамена на церкви св. Климента. Видъ этихъ знаменъ на православной церкви такъ раздражилъ казаковъ, что они съ яростью бросились къ Клементьевскому острогу и выби-

ли изъ него поляковъ. Но затѣмъ, видя, что они одни бьются съ поляками, а русскіе имъ не помогаютъ, въ сердцахъ на нихъ вышли изъ острога, ругая дворянъ и обѣщаясь никогда болѣе не выходить на бой. Поляки снова заняли Клементьевскій острогъ и Ходкѣвичъ расположилъ свой обозъ (станъ) у церкви св. Екатерины (на Ордынѣ).

Пожарскій и Мининъ, видя успѣхъ непріятеля и что имъ съ однимъ своимъ ополченіемъ не поправитъ дѣла, упросили Авраамія Палицына отправиться съ многими дворянами въ таборъ казачковъ и уговорить ихъ, чтобы они шли противъ поляковъ и постарались не пропустить запасовъ продовольствія въ Китай-городъ и Кремль. Палицынъ успѣлъ въ томъ такъ, что всѣ они бросились черезъ рѣку; ополченіе Пожарскаго, видя это, также двинулось впередъ. Клементьевскій острогъ былъ снова взятъ у поляковъ и русская пѣхота залегла по всѣмъ ямамъ, рвамъ и дорогамъ, чтобы не пропускать Ходкѣвича въ городъ.

Между тѣмъ уже начинало темнѣть, а рѣшительнаго успѣха еще не было. Тогда тому, который началъ великое дѣло, суждено было сдѣлать и послѣдній, рѣшительный шагъ: Мининъ сталъ просить у Пожарскаго людей, чтобы «промыслить надъ гетманомъ». — «Бери кого хочешь» — сказалъ ему Пожарскій — и Мининъ взялъ 3 дворянскія сотни, переправился съ ними черезъ рѣку и бросился на двѣ польскія роты, конную и пѣшую, стоявшія у Крымскаго двора. Онѣ, не выждавъ удара, бросились бѣжать къ стану Ходкѣвича, причемъ одна смяла другую. Видя это, русская пѣхота вскопчила изъ ямъ и рововъ и также бросилась къ польскому стану, а за нею — туда же и все конное ополченіе. Поляки не выдержали этого дружнаго натиска — и Ходкѣвичъ, потерявъ 500 чел. — уронъ для него очень чувствительный — очистилъ свой станъ и отступилъ на Воробьевы горы. Разгоряченные боемъ русскіе ратники хотѣли преслѣдовать туда непріятеля; но осторожные воеводы остановили ихъ, и только сильная стрѣльба продолжалась еще часа два.

25 августа во вторникъ восходящее солнце освѣтило уже отступление Ходкѣвича по дорогѣ къ Можайску — и въ Москвѣ осталась лишь одна горсть поляковъ, осажденныхъ въ Китай-городѣ и Кремлѣ и отрѣзанныхъ отъ всѣхъ средствъ продовольствія! Оставалось только окончательно стѣснить ихъ и принудить къ сдачѣ. Но тутъ, къ прискорбію, опять началась рознь между ополченіями Трубецкаго и Пожарскаго. Первый, какъ бояринъ, требовалъ, чтобы Пожарскій, какъ столичникъ, и Мининъ, какъ торговый человѣкъ, ѣздили къ нему въ таборъ для совѣта (жалкое превозношеніе въ такую пору). Пожарскій и Мининъ не согласились на это, не

потому, чтобы считали это унижительнымъ для себя, а изъ предосторожности со стороны казаковъ. Къ этому еще явились новые, недостойные поджигатели вражды — Иванъ и Василий Шереметевы, изъ которыхъ первый, съ старыми измѣнниками и предателями: Григоріемъ Шаховскимъ, Иваномъ Плещеевымъ и княземъ Иваномъ Засѣкиннымъ, сталъ подговаривать атамановъ и казаковъ — идти грабить и разорять Ярославль, Вологду и другіе сѣверо-восточные города, а также — убить Пожарскаго, чтобы въ Москвѣ «сидѣла Литва», а имъ, по своей волѣ дѣлать, что угодно въ московскомъ государствѣ!

Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ важнѣе всего было, конечно, не допустить казаковъ уйти изъ-подъ Москвы и овладѣть сѣверными городами. Тутъ опять избавителемъ явилось духовное лицо, какъ передъ тѣмъ Палицынъ, именно — архимандритъ Троицкаго монастыря Діонисій. По совѣту съ братіей монастыря, онъ послалъ казакамъ монастырскія сокровища, дорогія церковныя облаченія, въ закладъ въ 1 т. рубль на короткое время, при увѣщательной грамотѣ. Это, по счастью, такъ тронуло казаковъ, что они, совѣтаясь и страшась брать въ закладъ церковныя вещи изъ монастыря Св. Сергія, возвратили ихъ и обѣщали все претерпѣть, но отъ Москвы не уйти.

Устроивъ это дѣло, нужно было уладить и другое между воеводами и приговорили всею ратью — всѣмъ воеводамъ съѣзжаться на среднемъ мѣстѣ между двумя станами, на Неглинной, на Трубѣ, и общимъ совѣтомъ промыслить о земскомъ дѣлѣ, о чемъ во всѣ города были разосланы грамоты.

Но едва уладились подъ Москвою (въ сентябрѣ) эти дѣла, какъ съ сѣвера припли недобрія вѣсти. Черкасы (малороссійскіе казаки), отдѣляясь отъ Ходкѣвича, двинулись къ Вологдѣ, 22 сентября за часъ до восхода солнца неожиданно подошли къ этому городу, взяли его, жителей перебили, церкви разграбили, городъ и посады его сожгли. А все это случилось по непростительной оплошности вологодскихъ воеводъ князей Одоевского и Долгорукова: ни полевыхъ карауловъ, ни стражей на башняхъ, стѣнахъ и въ острогѣ не было, у воротъ на караулѣ людей было немного, а большія ворота были не замкнуты. Черкасы же, совершивъ свое разбойничье дѣло, 25 сентября ушли съ награбленной добычей.

А съ другой стороны стали приходить вѣсти, что Ходкѣвичъ хочетъ прислать отряды и врасплохъ везти въ Китай — городъ и Кремль запасы продовольствія. Чтобы не пропустить ихъ, воеводы, съ общаго совѣта, приказали всей рати плести и ставить плетень и рыть впереди его широкій и глубокій ровъ на Замоскворѣцкомъ

полуостровѣ, отъ одного берега рѣвки до другаго, и самъ день и ночь наблюдали поочередно за этими работами.

Между тѣмъ еще въ половинѣ сентября Пожарскій послалъ полякамъ въ Кремль грамоту, въ которой увѣдомлялъ ихъ, что Ходкъвичъ ушелъ и больше не придетъ, черкасы, бывшіе съ нимъ, также ушли, войска Сапѣги все въ Польшѣ, а они, осажденные, терпятъ безмѣрный голодъ и великую нужду, и потому уговаривалъ ихъ, не мѣшая, прислать людей для переговоровъ, обѣщалъ отпустить тѣхъ, которые захотятъ воротиться въ свою землю, а которые пожелаютъ вступить въ русскую службу—принять въ нее. Но осажденные дали гордый и грубый отвѣтъ на это, не смотря на то, что голодъ между ними достигъ такой ужасной степени, что они ѣли человѣческое мясо!

Такъ продолжалось до 22 октября, когда казаки пошли на приступъ Китай-города и взяли его. Но въ Кремлѣ поляки держались еще мѣсяць, и чтобы избавиться отъ лишнихъ людей, велѣли боярамъ и всѣмъ русскимъ выслать своихъ женъ изъ Кремля. Пожарскій самъ принялъ ихъ и велѣлъ размѣстить, оберегать и продовольствовать. Казаки опять взволновались и вознегодовали на Пожарскаго зачѣмъ онъ не далъ имъ ограбить русскихъ боярынь.

Наконецъ, около 22 ноября, поляки въ Кремлѣ, доведенные голодомъ уже до послѣдней крайности, вступили въ переговоры, требуя только сохраненія имъ жизни, что и было обѣщано. Сперва выпустили русскихъ бояръ: Мстиславскаго, Воротынскаго, Ивана Никитича Романова съ племянникомъ Михаиломъ Феодоровичемъ и матерью его Марѳею Ивановной, и всѣхъ русскихъ людей. А на другой день сдались и поляки: Струсь съ своимъ полкомъ достался казакамъ Трубецкаго, которые многихъ плѣнныхъ ограбили, а Будзило съ своимъ полкомъ былъ отведенъ къ ратникамъ Пожарскаго, которые ни одного поляка не тронули.

27 ноября ополченіе Трубецкаго собралось у церкви Казанской Божіей Матери, за Покровскими воротами, а ополченіе Пожарскаго—у церкви Іоанна Милостиваго на Арбатѣ, и вслѣдъ за крестами и образами двинулись съ двухъ разныхъ сторонъ въ Китай-городъ, въ сопровожденіи всѣхъ московскихъ жителей. Оба ополченія сошлись на Красной площади у Лобнаго мѣста, и въ то время, когда архимандритъ Діонисій началъ служить на немъ благодарственный молебенъ, изъ Фроловскихъ (Спасскихъ) воротъ показался крестный ходъ изъ Кремля, съ архіепископомъ Архангельскаго собора Арсепіемъ и кремлевскимъ духовенствомъ, которые несли икону Владимірской Божіей Матери. Послѣ молебна, войска и народъ двинулись въ Кремль—и здѣсь съ ужасомъ увидѣли, что все храмы,

были разграблены, разорены и осквернены. Обѣднею и молебномъ въ Успенскомъ соборѣ заключилось великое народное торжество освобожденія, наконецъ, Москвы отъ ляховъ!

Но казаки по прежнему не давали воеводамъ покоя, все требуя жалованья, но забывъ, говоритъ лѣтописецъ, сколько казны они во многихъ городахъ награбили. Они ворвались въ Кремль и едва между ними и дворянами, остановившими ихъ, не дошло до боя. А между тѣмъ схватили пришлыхъ изъ Вязьмы боярскихъ дѣтей и изъ отобранныхъ у нихъ грамотъ узнали, что самъ Сигизмундъ находится въ Вязьмѣ.

Когда въ Варшавѣ узнали, что дѣла въ Москвѣ идутъ плохо для поляковъ, многіе сложили всю вину того на короля, упрекая его въ медленности и неумѣньи пользоваться обстоятельствами, и требуя, чтобъ онъ какъ можно скорѣе шелъ къ Москвѣ, но съ какою войскою и съ какими средствами—никто не указывалъ. Король отправился въ Вильну и здалъ въ ней войска, но оно ни откуда не являлось, потому что у короля не было денегъ. Кое-какъ набралъ онъ 3 т. наемныхъ нѣмцовъ, составилъ изъ нихъ 2 пѣхотные полка и отправился съ ними къ Смоленску, надѣясь, что находившаяся въ немъ дворянская конница применитъ къ нему. Но она, по прибытіи его въ октябрѣ въ Смоленскъ, отказалась идти съ нимъ, не смотря на всѣ его убѣжденія. Нечего было дѣлать, Сигизмундъ двинулся изъ Смоленска съ одною своею нѣмецкою пѣхотою; но, по уходѣ его, нѣкоторые изъ дворянской конницы устыдились, что отпустили короля въ непріятельскую землю съ горстью иноземныхъ наемниковъ, и въ числѣ 1,200 чел. нагнали его на дорогѣ въ Вязьму. Здѣсь онъ соединился съ Ходковичемъ и послалъ осаждать Погорѣлое Городище (почему и зачѣмъ?—никакой причины не видно). Бывшій здѣсь воеводой князь Юрій Шаховской на требованіе сдачи отвѣчалъ: «Ступай къ Москвѣ, будетъ она твоя, и мы твои». Сигизмундъ пошелъ дальше и, подступивъ подъ Волоксамскъ, отправилъ къ Москвѣ сына Жолкѣвскаго съ отрядомъ войскъ, съ княземъ Мезецкимъ, товарищемъ Филарета и Голлицына по посольству, и съ дьякомъ Грамотинимъ, которые оба должны были уговаривать москвичей къ покорности Владиславу.

Когда въ Москвѣ узнали о приближеніи Сигизмунда, на воеводу попалъ большой страхъ, потому что почти всѣ ратные люди уже разбѣжались, съ немногими же остальными столько же невозможно было выйти на встрѣчу королю, сколько и рѣшиться на выдержаніе осады въ Москвѣ, потому что въ ней не было для того достаточно продовольствія. Не смотря на то, они рѣшились отразить непріятеля или умереть, и когда Жолкѣвскій приблизился къ Москвѣ, его встрѣ-

тили смѣло и отразили. Взятаго при этомъ поляками въ плѣнъ смолянина Философова спрашивали: хотятъ-ли москвичи принять Владислава на царство? — людна-ли Москва? — п естѣ-ли въ ней запасы?—На первый вопросъ Философовъ отвѣчалъ отрицательно, а на второй и третій утвердительно. Тогда Сигизмундъ, потерявъ всякую надежду овладѣть съ своею горстью войскъ Москвою, хотѣлъ по крайней мѣрѣ взять Волокаламскъ (для чего именно—непонятно) приступомъ. Но осажденные, подъ руководствомъ атамановъ Маркова и Епанчина, защищались съ такимъ упорствомъ, что отбили три жестокіе приступа, съ большнмъ урономъ для непріятели. Сигизмундъ, видя и тутъ неудачу, снялъ осаду, пошелъ назадъ и, понеся еще новыя потери отъ голода и холода, окончательно удаллся въ Польшу.

Тогда Москва возликовала объ очищеніи государства и отъ полковъ, и отъ казаковъ Заруцбаго, который, выйдя изъ Михайлова, взялъ приступомъ Переяславль-Рязанскій, но былъ на голову разбитъ Михайломъ Бутурлиннмъ и принужденъ окончательно бѣжать.

Изъ Москвы разсланы были во все города грамоты для созванія земскаго собора и избранія всею землею своего, православнаго, русскаго царя. Земскій соборъ раздѣлился въ мнѣніяхъ, начались козни, смуты, волненія. Но наконецъ все недоумѣнія разрѣшились— и 8 февраля 1613 года царемъ былъ единогласно провозглашенъ Михайль Θεодоровичъ Романовъ, какъ ближайшій по родству съ прежними царями изъ Рюрикова рода. Но какъ не все выборные еще съѣхались и знатнѣйшіе бояре, находившіеся до того въ осадѣ въ Кремлѣ, были въ отсутствіи, то ихъ послали звать въ Москву и отложили окончательное рѣшеніе съ 8-го февраля на двѣ недѣли до 21-го. Когда же они съѣхались, тогда 21 февраля, въ недѣлю Православія (1-е воскресенье великаго поста), на послѣднемъ соборѣ единогласно и окончательно провозглашенъ былъ царемъ Михайль Θεодоровичъ Романовъ.

§ 207.

З а к л ю ч е н і е.

Такъ кончилась, наконецъ, восьмилѣтняя (1605—1612), жестокая, внутренняя междоусобная война смутнаго времени въ московскомъ государствѣ, осложненная во 2-й половинѣ своей оборонительною войною противъ внѣшнихъ враговъ—поляковъ, лптовцовъ, шведовъ и казаковъ. По своимъ, совершенно своеобразнымъ свой-

ствамъ, она занимаетъ исключительное мѣсто въ длинномъ ряду междусобныхъ войнъ древнихъ и среднихъ временъ въ Азіи, Африкѣ и Европѣ. Всѣ онѣ имѣли одинаковыя общія и главныя черты и характеръ, но каждая изъ нихъ, какъ естественно, и свои особенныя, по условіямъ времени, мѣста и обстоятельствъ, а война смутнаго времени въ русскомъ государствѣ — едва-ли не болѣе прочихъ. Много было и въ древнія, и въ среднія времена, въ трехъ частяхъ свѣта, междусобныхъ войнъ изъ-за искателей и похитителей престоловъ. Не мало, можетъ быть, найдется въ числѣ ихъ болѣе или менѣе сходныхъ съ русскою войною смутнаго времени, но едва-ли можно найти совершенно подобную ей въ главной, отличительной чертѣ ея. Этою чертою была нравственная зараза самозванства и легковѣрія ему народныхъ массъ, и крайнее расслабленіе нравственныхъ силъ ихъ, какъ естественныя слѣдствія реакціи послѣ предшествовавшего 1½ вѣка суроваго собиранія русской земли и управленія ею Іоанномъ III, Василиемъ III, особенно Іоанномъ IV и послѣ него Борисомъ Годуновымъ. Болѣе всѣхъ сходства представляетъ русская война смутнаго времени съ междусобными войнами на востокѣ, въ азіатскихъ монархіяхъ, и въ Европѣ, въ древнія времена, въ нераздѣльной и потомъ западной и восточной римскихъ имперіяхъ, особенно во времена императоровъ-самозванцовъ, число которыхъ однажды дошло до 30-ти (тридцати тираповъ) и въ среднія времена отъ VI вѣка до начала XVII, въ томъ числѣ — съ междусобіями русскихъ князей съ половины XI вѣка до половины XV. Гораздо менѣе сходства представляетъ она съ междусобными войнами древнихъ греческихъ республикъ, когда однѣ противъ другихъ сражались одинаково правильно-устроенныя арміи, предводимыя одинаково же знающими и опытнымъ полководцами (что было также и въ междусобныхъ войнахъ римскихъ императоровъ-самозванцовъ, всегда происходившихъ изъ среды военачальниковъ римскихъ легионовъ и армій).

Ничего подобнаго не было въ войнѣ смутнаго времени. Все въ ней было, какъ сказано, своеобразно, по многимъ причинамъ и условіямъ времени, мѣста и обстоятельствъ, политическимъ и военнымъ, физическимъ, материальнымъ и особенно нравственнымъ.

Прежде всего необходимо принять въ соображеніе театръ войны. Тогдашнее московское государство, носившее оффціальное названіе Руси, Руссін, обнимало пространство земли въ Европѣ и Азіи, по сю и другую стороны Уральскаго горнаго хребта, въ слѣдующихъ границахъ:

На сѣверѣ — до Финскаго залива и береговъ Бѣлаго моря и Сѣвернаго океана (бывшія владѣнія Великаго Новгорода: Обонежская

*

пятна, Корелія, Лопь, Двинская земля, Поморье, Конда или Малая Пермь, Печора, Югра).

На востокъ—за Ураломъ, въ новозавоеванной Сибири, до р.р. Иртыша и Оби, а къ з. отъ Урала Великая Пермь, Вятка и владѣнія бывшихъ царствъ Казанскаго и Астраханскаго до Каспійскаго моря.

На югъ—до р. Терека и устьевъ Дона, а отъ нихъ чрезъ Бахмутъ, Изюмъ, Ромны, Путивль, Сосницю до Чернигова (донскіе казаки, земля которыхъ находилась по обѣимъ сторонамъ нижняго Дона, до Бориса Годунова были союзниками Русь, а съ Бориса Годунова до конца 1612 года—врагами ея).

На западъ—отъ Чернигова черезъ Смоленскъ, Велижъ, Усвятъ, Невель, Себежъ (гранца съ Литвой), Островъ, Изборскъ, Гдовъ (гранца съ Ливоніей), Копорье, Орѣшекъ, Корелу или Царевъ-городъ на западномъ берегу Ладожскаго озера и вдоль этого берега, прямою чертою до береговъ Сѣвернаго океана (гранца съ Швеціей и Финляндіей).

Такимъ образомъ Москва—столица московскаго государства и средоточіе его государственныхъ военныхъ: силъ, средствъ, способовъ и управленія—находилась не въ срединѣ его, но на ближайшемъ разстояніи отъ границъ Литвы (до Смоленска 400 верстъ, до Чернигова—700), на менѣе близкомъ разстояніи отъ границъ Ливоніи, Эстоніи и Швеціи (до Себежа—700 верстъ, до Пскова—700, до Новгорода—500, до Орѣшка—болѣе 600), на болѣе отдаленномъ разстояніи отъ сѣверныхъ и южныхъ границъ (отъ Архангельска—болѣе 1,200 верстъ, отъ Черкаска на Дону—болѣе 1,000 верстъ) и на самомъ отдаленномъ разстояніи отъ крайней восточной границы за Ураломъ (до Тобольска—болѣе 2,300 вер.), слѣдовательно вообще на 400 верстъ отъ литовской границы и на 600—700 отъ шведской и на 1,000—2,300 вер. отъ своихъ сѣверныхъ, южныхъ и восточныхъ границъ, откуда она извлекала главныя свои силы, средства и способы (преимущественно изъ сѣверо-восточныхъ и восточныхъ областей). Очевидно, что такое положеніе Москвы было невыгодно въ отношеніи и къ внутренней, и къ внѣшней войнѣ, и съ самозванцами и русскими мятежниками, и съ поляками, литовцами, дѣлпроверскими, запорожскими и донскими казаками и подъ конецъ съ шведами.

Военное устройство государства и войска московскихъ, во всѣхъ отношеніяхъ, было достаточно изображено выше (въ главѣ XXI) въ постепенномъ, историческомъ развитіи своемъ въ 1½ вѣка со временъ Іоанна III, со всѣми хорошими и слабыми сторонами своими. Изъ нихъ—слабыхъ было едва-ли не болѣе, вслѣдствіе

200-лѣтнихъ: монголо-татарскаго ига, отчужденія отъ западной Европы, тѣснаго сближенія, напротивъ, съ азіятскимъ востокомъ и замствованія у него, вольнаго и невольнаго, многихъ военныхъ: учрежденій, нравовъ и обычаевъ. Самыми слабыми сторонами были безспорно, военно-помѣстная служба, неудовлетворительное военное устройство временныхъ земскихъ ополченій, при всей многочисленности ихъ, и родословное военное начальствованіе ими. Все это не имѣло почти ничего общаго съ современнымъ военнымъ устройствомъ западно-европейскихъ государствъ и войскъ, но, къ сожалѣнію, слишкомъ много общаго съ восточно-азіятскимъ. Конница была главнымъ, многочисленнѣйшимъ и почетнѣйшимъ родомъ войскъ, пѣхота же—второстепеннымъ, гораздо менѣе многочисленнымъ, менѣе важнымъ и плохо устроеннымъ (за исключеніемъ развѣ стрѣльцовъ). Артиллерія была многочисленная, и легкая — полевая, и тяжелая — крѣпостная и осадная, но дурно устроенная, не искусно дѣйствовавшая и рѣдко истинно-полезная (за исключеніемъ развѣ обороны городовъ). Инженерная часть (крѣпостная и осадная, надземная и подземная, дорожная и мостовая) находилась еще, можно сказать, въ младенчествѣ. Вооруженіе войскъ, строй, образъ движеній и дѣйствій ихъ въ полѣ, въ осадѣ и оборонѣ городовъ имѣли характеръ восточно-азіятскій и не являли почти никакихъ слѣдовъ искусства. Внутреннее же устройство войскъ—начальствованіе и управленіе ими, содержаніе ихъ, соблюденіе въ нихъ военнаго порядка и пр. т. п. — было болѣе или менѣе неудовлетворительно, особенно военное начальствованіе и нравственное состояніе войскъ и ратей. Назначеніе воеводъ въ 5-ти и 3-хъ-полковныя рати не по военнымъ способностямъ, достоинствамъ, опытности и заслугамъ ихъ, но по соображеніямъ дворскимъ и боярскимъ, по родословнымъ: кнѣгамъ, старшинству и мѣстамъ, противурѣчло самымъ простымъ и естественнымъ условіямъ и требованіямъ военнымъ. При этомъ невѣжество воеводъ, особенно главныхъ (за рѣдкими исключеніями), въ военномъ дѣлѣ, въ сравненіи съ воеводами польскими, литовскими и особенно шведскими, знакомыми съ западно-европейскимъ военнымъ дѣломъ, невольно поражаетъ почти во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ 8-ми лѣтней войны смутнаго времени.

Но всего безотраднѣе было, говоря вообще (за нѣкоторыми исключеніями), нравственное состояніе русскихъ войскъ и ратей и ихъ предводителей. Въ эти времена всеобщаго расслабленія нравовъ и нравственной заразы самозванства и легковѣрія, службы и помощи ему, предательства и пѣмѣны, и въ войскѣ, какъ и въ народѣ, и въ начальствуемыхъ, и въ самыхъ начальствовавшихъ, духъ своеволія,

неповиновенія, малодушія, не только колебалъ, но и разрушалъ въ основаніи военные порядокъ и благоустройство войскъ и ратей и уничтожалъ всякое значеніе многочисленности ихъ и успѣховъ дѣйствій ихъ, и должныхъ, и возможныхъ. Мужественно, храбро, упорно и долго обороняясь нерѣдко въ своихъ крѣпостяхъ (какъ въ Троицкомъ монастырѣ и Смоленскѣ), 100-тысячныя рати долго, неискусно и безуспѣшно осаждали непріятельскіе города, даже небольшіе, а въ полѣ, при первой, малѣйшей неудачѣ, малодушно и постыдно обращали тылъ и бѣжали (воеводы—первые) въ свои города и помѣстья, бросая и оружіе, и орудія, и знамена, и запасы, и обозы. Военныя дѣйствія въ полѣ вообще были болѣе или менѣе медленны, вялы, нерѣшительны, боязливы, производились большею частію по близости укрѣпленныхъ городовъ (въ которыхъ рати и ихъ воеводы искали опоры и защиты), болѣе раздѣленными, даже раздробленными, нежели соединенными силами, болѣе отдѣльными отрядами, нежели большими ратами, имѣя въ виду болѣе частныя военныя предпріятія съ маловажною цѣлію, нежели общія и большія, съ цѣлями важными и рѣшительными. Частныя военныя предпріятія отдѣльными отрядами производились большею частію противъ городовъ, занятыхъ непріателемъ, съ цѣлію отнятія ихъ у него, либо хитростью, предательствомъ, измѣной, либо нечаяннымъ нападеніемъ врасплохъ, открытою силой, приступомъ, либо наконецъ обложеніемъ и осадой. Поэтому дѣйствій противъ городовъ было болѣе, нежели дѣйствій противъ войскъ въ полѣ, а осадъ болѣе, нежели полевыхъ сраженій, изъ которыхъ бѣльшая часть была случайная, непреднамеренная, неожиданная. Поэтому и вся война имѣла характеръ преимущественно войны крѣпостной и осадной, либо партизанской отдѣльными отрядами. Самыми замѣчательными оборонами русскихъ крѣпостей были обороны Троицкой Сергіевой лавры и Смоленска, а самыми неискусными осадами—осады Калуги и особенно Тулы, взятой наконецъ единственно запруженіемъ р. Упы, по мысли простаго боярскаго сына, къ стыду царя Василія и всѣхъ воеводъ.

Образъ и характеръ веденія войны вообще былъ самый неправильный, безпорядочный, неосновательный, неизобличающій никакого искусства или по крайшей мѣрѣ очень мало и рѣдко. Притомъ, по грубости и жестокости нравовъ времени, онъ былъ соединенъ съ истинно-варварскими: грабежомъ и разореніемъ краевъ, его городовъ и селеній, избіеніемъ и плѣненіемъ его жителей, сожженіемъ городовъ и ихъ предмѣстій и посадовъ, тѣмъ болѣе частымъ, что за исключеніемъ главныхъ и большихъ городовъ, средніе и малые были ограждены деревянными стѣнами и башнями и окружены такими же посадами и пригородами.

ГЛАВА XXVII.

ВОЙНЫ КАЗАКОВЪ ДОНСКИХЪ И ДНѢПРОВСКИХЪ.

I. Войны донскихъ казаковъ.—§ 208. Войны до 1554 г.—§ 209. Войны съ 1554 г.—II. Войны днѣпровскихъ казаковъ.—§ 210. Войны до Брестской уни 1596 г.—Войны до Ланцкоронскаго (1350—1500).—§ 211. Войны отъ Ланцкоронскаго до Вѣнцеслава Хмѣльницкаго (1500—1534).—§ 212. Войны отъ Вѣнцеслава Хмѣльницкаго до Θεодора Богдана (1534—1575).—§ 213. Войны отъ Θεодора Богдана до Θεодора Косинскаго (1575—1592).—§ 214. Войны отъ Брестской уни.—Войны отъ Θεодора Косинскаго до Конашевича-Сагайдачнаго (1592—1598).—§ 215. Войны отъ Конашевича-Сагайдачнаго до междугетманства (1598—1622).

I.

Войны донскихъ казаковъ.

§ 208.

Войны до 1554 г.

Выше (глава XXII §§ 177, 178 и 179) были изображены вкратцѣ происхожденіе, военное устройство и образъ военныхъ дѣйствій казаковъ донскихъ и днѣпровскихъ до начала XVII вѣка. Здѣсь же слѣдуетъ бросить общій, краткій взглядъ на войны ихъ, сначала—донскихъ, а потомъ днѣпровскихъ.

Внимательно разсматривая историческія событія въ степяхъ нижняго Дона до и со времени освобожденія восточной Руси отъ татаръ, можно убѣдиться, что, не смотря на частные случаи свойственнаго тому времени буйства, военныя дѣйствія донскаго казачества имѣли общее единство и направленіе, преимущественно и сначала даже исключительно противъ сосѣднихъ на востокѣ и югѣ татаръ-магометанъ, прежде и болѣе всего противъ ногаевъ. Укрѣпясь на нижнемъ Донѣ въ 3-хъ или 4-хъ мѣстахъ городками, донскіе казаки открыли изъ нихъ свои дѣйствія противъ ногаевъ. Князь послѣднихъ Юсуфъ въ 1549 г. жаловался на нихъ царю Іоанну IV, но онъ отвѣчалъ, что казаки—вольные, неподвластные ему люди, и совѣтовалъ Юсуфу самому справляться съ ними. Послѣ того подобныя же жалобы были приносимы ему отъ азовскихъ и крымскихъ татаръ, получавшихъ такой же отвѣтъ. Вскорѣ казаки стѣснили уже Азовъ и начали неприязненно дѣйствовать противъ турокъ, съ большимъ вредомъ для нихъ, такъ что въ 1551 г. турецкій султанъ Сулейманъ I убѣдилъ погайскаго князя Измапла рѣшительно дѣйствовать противъ казаковъ и русскихъ. Іоаннъ IV, находя выгоднымъ для московскаго государства имѣть въ казакахъ на нижнемъ Донѣ полезныхъ союзниковъ противъ татаръ и турокъ, сталъ болѣе и болѣе доброхотствовать донскимъ казакамъ, и съ 1550 г. почти всякому русскому послу, отправляемому къ ногаямъ, крымцамъ или султану, поручалось увѣрять казаковъ въ царской милости, обѣщать жалованье и требовать услугъ.

§ 209.

Войны съ 1554 г.

Въ 1554 г., при покореніи Астрахани, въ русскомъ войскѣ впервые являются уже донскіе казаки. Значительный отрядъ ихъ, подъ предводительствомъ атамановъ Ляпуна и Павлова, былъ посланъ отъ Переволоки (въ самомъ узкомъ мѣстѣ между Дономъ и Волгой, нынѣ между Калачомъ и Царицынымъ) къ русскому отряду князя Вяземскаго и близъ Чернаго острова на Волгѣ разбилъ астраханскихъ татаръ. Казаки преслѣдовали ихъ и атаманъ Павловъ, настигнувъ и взявъ ханскій обозъ, воротился съ богатою добычей. Между тѣмъ на Дону казаки зорко сторожили крымскихъ татаръ Девлетъ-Гирея и, предваря Іоанна IV о намѣреніяхъ и движеніяхъ ихъ, два или три раза дѣлали безуспѣшными вторженія ихъ въ русскіе предѣлы. Въ 1556 г., когда Девлетъ-Гирей снова двинулся противъ нихъ, Іоаннъ поручилъ дьяку Ржевскому про-

известъ внизъ по Дону, вмѣстѣ съ казаками, для диверсіи, нападеніе на Крымъ, что и имѣло успѣхъ, принудивъ хана воротиться въ Крымъ. Въ 1558 году, когда онъ съ 120 т. крымскихъ и ногайскихъ татаръ двинулся къ русскимъ предѣламъ, казаки напали на крымскіе улусы близъ Перекопа съ востока, между тѣмъ какъ Адашевъ съ 8 т. русскихъ войскъ и днѣпровскихъ казаковъ разорялъ Крымъ съ запада, съ Днѣпра, а Вишневецкій съ донскими казаками угрожалъ Азову и разбилъ нѣсколько сотъ татаръ, хотѣвшихъ пробраться на Волгу къ Казани. Въ награду за эти услуги донскихъ казаковъ, Гоаянъ назначилъ имъ жалованье и дозволилъ имъ свободную торговлю въ русскихъ южныхъ пограничныхъ городахъ.

Въ 1569 г. турецкій султанъ Селимъ II положилъ истребить опасныхъ сосѣдей Турціи и подвластнаго ей Крыма—донскихъ казаковъ и завоевать Астрахань. Для этого онъ послалъ 70 т. войскъ изъ Крыма сухимъ путемъ, а 100 судовъ съ тяжелыми орудіями изъ Азова вверхъ по Дону къ Переволоку. Казаки, видя несоразмѣрность силъ своихъ, бросили свои городки и удалились въ степи, а войско Селима погибло въ нихъ отъ изнуренія, не достигнувъ цѣли. Послѣ того казаки снова собрались и начали дѣйствовать противъ Азова и Крыма. Въ это же время они содѣйствовали русскимъ войскамъ во взятіи Исламъ-Керменя и въ совершенномъ покореніи астраханскаго царства. Въ 1557 г. они участвовали вмѣстѣ съ русскими войсками въ войнѣ ихъ съ Ливоніей, въ 1579 г., съ Стефаномъ Баторіемъ.

Между тѣмъ число ихъ непрерывно увеличивалось новыми пришельцами и, не ограничиваясь болѣе дѣйствіями на нижнемъ Донѣ, они начали отдѣлять отъ себя отряды всюду, гдѣ только надѣялись пріобрѣсти богатую добычу отъ татаръ, и преимущественно къ востоку, къ Волгѣ и за нее, гдѣ образовались волжскіе казаки. Одинъ изъ этихъ отрядовъ, подъ предводительствомъ атамана Нечая, бросился въ земли ногаевъ къ востоку отъ Каспійскаго моря, разграбилъ ихъ, разорилъ столицу ногаевъ Сарайчикъ, утвердился на р. Яикѣ (1584) и положилъ первое начало образовавшимся здѣсь въ послѣдствіи яицкимъ казакамъ (позже и доннымъ уральскимъ). Другой отрядъ, подъ предводительствомъ атамана Андрея, двигаясь по западному берегу Каспійскаго моря, утвердился на р. Терекѣ и положилъ начало терскимъ казакамъ. Наконецъ третій отрядъ, подъ предводительствомъ атамана Ермака, призванный Строгановыми, направился изъ Перми за Уралъ, покорилъ западный сибирскій край и положилъ начало позднѣйшему сибирскому казачьему войску. И все это совершилось въ самое короткое время, въ концѣ XVI вѣка, не по распоряженіямъ русскаго правительства,

а по собственному, безочетному стремленію донскихъ казаковъ на востокъ.

Но въ то же время и на Дону донскіе казаки безпрестанно стремились положить предѣлъ расширенію турецкихъ владѣній. Здѣсь постояннымъ предметомъ дѣйствій ихъ былъ Азовъ: стѣсняя его болѣе и болѣе, они придвинули къ нему свои городки, построили на одномъ изъ гирлъ или устьевъ Дона крѣпостцу Раздоры (близъ нынѣшней Раздорской станицы) и отсюда открыли отважные морскіе набѣги на крымскіе и турецкіе берега. Тщетно ханы и султаны жаловались Іоанну IV и Θεодору I: послѣдніе милостиво принимали старшинъ, которыхъ казаки ежегодно посылали въ Москву съ вѣстями о пограничныхъ дѣлахъ, награждали ихъ богатыми дарами, и всѣмъ донскимъ казакамъ былъ открытъ свободный проѣздъ и доступъ во всѣ русскіе города, дабы выгодами торговли и родственными связями упрочить союзъ ихъ съ Великою Россіей.

Къ сожалѣнію, такого рода взаимныя отношенія совершенно измѣнились при Борисѣ Годуновѣ, къ большому вреду для него самого и для Великой Россіи. Всѣ сношенія съ казаками были прерваны и послѣднимъ были запрещены не только вѣздъ въ русскіе города, но даже и приближеніе къ русскимъ границамъ. Крайнее неудовольствіе казаковъ на это печально отразилось въ послѣдовавшихъ вслѣдъ затѣмъ событіяхъ смутнаго времени. Уже 1-й самозванецъ безъ труда привлекъ донскихъ казаковъ на свою сторону противъ Бориса Годунова — и 6 т. ихъ съ атаманомъ Корелой двинулись съ Дона въ Самборъ. Съ этихъ поръ до самаго 1612 г. донскіе казаки стали постоянными сподвижниками самозванцовъ и русскихъ мятежниковъ и врагами русской земли. Вредныя для нея дѣйствія ихъ въ ней въ теченіи дѣлхъ 8 лѣтъ были достаточно изображены выше (въ главахъ XXV и XXVI). По убіеніи 2-го самозванца, въ 1611 г. казаки перешли на сторону защитниковъ отечества, но, подъ начальствомъ атамана своего, Заруцкаго, продолжали по прежнему разорять русскую землю, города и селенія ея. Прокопій Ляпуновъ, захотѣвшій укротить ихъ, палъ жертвой ихъ мести, и казаки продолжали грабить и разорять русскую землю. А когда Заруцкій бѣжалъ въ Коломну и оттуда въ Астрахань, большая часть донскихъ казаковъ, подъ начальствомъ атамана Межакова, воротилась подъ Москву и присоединилась къ войскамъ Трубецкаго. Съ ними они участвовали во всѣхъ бояхъ съ поляками въ Москвѣ и ея окрестностяхъ, 22-го августа взяли приступомъ Китай-городъ и послѣ того много способствовали освобожденію Москвы отъ поляковъ и преслѣдованію арміи Сигизмунда къ границамъ Польши. Въ награду за это, вновь избранный въ 1613 г. царь Михайлъ Θεодоровичъ

Романовъ въ томъ же году пожаловалъ имъ похвальную грамоту и знамя, а въ 1614 г. они получили отъ духовнаго и земскаго соборовъ грамоты съ титуломъ «великому войску донскому», царь же положилъ ежегодно, на вѣчныя времена, отпускать имъ 7 т. четвертей хлѣба, 500 ведеръ вина, 230 пудовъ пороха, 150 пудовъ свинца, 17,142 рубля жалованья и на будары (перевозныя суда) 1,169 рублей. Такъ съ этого времени утверждены были союзъ съ ними и преданность ихъ Великой Россіи.

II.

Войны днѣпровскихъ казаковъ.

§ 210.

Войны до Брестской уніи 1596 г.

Войны до Ландцюронскаго (1350—1500).

Днѣпровскіе казаки уже съ XIV вѣка стали явственно раздѣляться на малороссійскихъ, жившихъ по обѣимъ сторонамъ Днѣпра выше пороговъ, и на запорожскихъ, водворившихся ниже ихъ, на островахъ нижняго Днѣпра. Исторія тѣхъ и другихъ, хотя и раздѣльная, тѣсно связана между собой; но, при нѣкоторыхъ общихъ чертахъ, они имѣли свои особенности, происходившія преимущественно отъ того, что малороссійскіе казаки были подвластны Литвѣ и потомъ Польшѣ, и осѣдлы въ городахъ и селеніяхъ, запорожскіе же были вольные, независимые, жившіе въ своихъ городкахъ и куреняхъ.

Названіе Малой Россіи или Малороссіи встрѣчается уже въ 1-й половинѣ XIV вѣка, когда одинъ изъ наслѣдниковъ знаменитаго галицкаго и русскаго короля Данила, Юрій II именовалъ себя въ грамотахъ урожденнымъ княземъ Малой Руси (*natus dux Rusiae Minoris*). Пресѣченіе Данилова рода соединило галицко-русское королевство въ 1359 г. съ польскимъ, прочія же части Малой Россіи постепенно достались Литвѣ, съ которою при Ягайлѣ или Ягеллѣ въ 1386 г. перешли къ Польшѣ. Общественное устройство ихъ съ тѣхъ поръ уже было изображено выше (глава XXII § 178). Съ

тѣхъ поръ до XVI вѣка русскіе или малороссійскіе гетманы были только военачальниками, а не правителями края, который имѣлъ особенныхъ королевскихъ намѣстниковъ изъ русскихъ князей-потомковъ Св. Владиміра. Послѣднимъ изъ нихъ былъ Симеонъ Олельковичъ, по смерти котораго въ 1471 г., польскій король Казиміръ IV назначилъ въ Кіевъ — главный городъ Малой Россіи — не князя, а воеводу, а съ 1472 г. раздѣлил Малую Россію на 4 воеводства: Подольское, Бѣльзское, Русское (Галицкое) и Кіевское. Въ послѣдствіи она была раздѣлена на воеводства: Брацлавское, Кіевское, Волынское и Черниговское, названное «Сѣверскимъ герцогствомъ» (*Severiae ducatus*).

Со времени соединенія Малороссіи съ Литвою и Польшей, малороссійскіе казаки участвовали во всѣхъ войнахъ ихъ: на сѣверѣ — съ Тевтонскимъ и Ливонскимъ орденами, на востокѣ — съ Великою Россіей и на югѣ — съ татарами и турками. Изъ гетмановъ-военачальниковъ, Вѣнцеславъ Свѣтольдовичъ оказалъ Ягайлѣ и Витовту большія услуги въ двухъ войнахъ съ рыцарскими орденами. Въ одну изъ нихъ, въ 1401 г., слѣдствіемъ которой было возвращеніе Польшѣ Добринской земли и уступка рыцарямъ Жмудьской, Вѣнцеславъ привелъ подъ Динабургъ 37 т. казаковъ. Воеводами ихъ были Острогетъ и Ольговичъ, а полковниками Рогдай, Полелничъ, Громвалъ, Колядичъ и Купальдій. Пѣхота малороссійская, подъ начальствомъ Рогдая, слѣдала обходъ къ наземному берегу р. Двины и ударила на рыцарей во флангъ и въ тылъ, что положило начало такой побѣдѣ, что рыцари, по польскимъ извѣстіямъ (кажется — крайне преувеличеннымъ), понесли уронъ будто бы въ 50 т. убитыхъ и плѣнныхъ. Въ другой войнѣ съ рыцарями въ 1410 году, подъ предводительствомъ Витовта снова находилась казаки. Въ битвѣ между Танненбергомъ и Грюневальдомъ они, составляя вмѣстѣ съ литовцами правое крыло войска, первые двинулись противъ лѣваго крыла рыцарей и, по причинѣ медленности середины войска, едва не погибли: они стали уже отступать въ безпорядкѣ, когда поляки загладили свою ошибку быстрымъ нападеніемъ на правое крыло рыцарей, ослабленное взятіемъ отъ него конницы, и опрокинули его. Запасный отрядъ рыцарей удержалъ однако равновѣсіе боя: казаки и литовцы были опрокинуты; первыхъ Витовтъ остановилъ, но вторыхъ не могъ удержать и уже безъ нихъ одержалъ наконецъ побѣду. По польскимъ извѣстіямъ (кажется — также преувеличеннымъ), 14 т. рыцарей были взяты въ плѣнъ и 50 т. остались на полѣ битвы, въ томъ числѣ много командоровъ и самъ магистръ Юнгингенъ.

Въ 1455 г. казаки участвовали въ войскѣ великаго князя литовскаго Сигизмунда Кейстутовича съ Свидригайлomъ.

Въ 1439 г. польскій король Владиславъ III Ягайловичъ, принявъ сторону Венгріи противъ турокъ, разбилъ послѣднихъ сначала два раза въ Семиградскомъ княжествѣ, а потомъ на Дунаѣ. Въ этихъ битвахъ участвовали 43,700 казаковъ подъ предводительствомъ воеводъ: кіевскаго Свѣтольдовича (какъ полагають— гетмана Вѣнцеслава, см. выше) и сѣверскаго Ольговича.

Въ 1444 г., когда намѣстникомъ въ Кіевѣ былъ Олелько Владиміровичъ, зять Василя II Темнаго, великаго князя московскаго, казаки участвовали въ несчастныхъ для поляковъ войнахъ и битвахъ подъ Варной съ султаномъ Мурадомъ II, когда Владиславъ III палъ въ бою. Въ этой битвѣ и казаки, бывшіе подъ начальствомъ воеводы Ольговича, раздѣлили съ поляками общее поражение: едва половина ихъ уцѣлѣла и бѣжала въ Болгарію, откуда сднновѣрными болгарамъ была проведена скрытными путями за Дунай.

По смерти Олелька, Казиміръ IV польскій и литовскій утвердилъ сына Олелька, Симеона, намѣстникомъ въ Кіевѣ. Это былъ послѣдній кіевскій намѣстникъ изъ князей рода Св. Владиміра, мудрый правитель и воинственный полководецъ. Одинъ изъ примѣчательнѣйшихъ военныхъ подвиговъ его было отраженіе волжскихъ татаръ (1467). По смерти его въ 1471 г., Казиміръ IV назначилъ уже правителемъ въ Кіевѣ не брата или сына Симеона, но воеводу литовца Мартина Гастольда.

Вообще, не смотря на всѣ услуги, оказанныя въ 1½ вѣка (1350—1500) Литвѣ и Польшѣ, въ войнахъ ихъ, малороссійскими казаками, ни на грамоты и привилегіи литовскихъ гнизей и польскихъ королей, Литва и особенно Польша неоднократно поступали съ Малороссіей самовластно и несправедливо, притѣсняя православную вѣру, оскорбляя народное самолюбіе, назначая въ русскіе или малороссійскіе воеводы литовцовъ и поляковъ.

§ 211.

Войны отъ Ланцкоронскаго до Вѣнцеслава Хмѣльницкаго (1500—1534).

Съ 1499 г. въ положеніи Малороссіи произошло благодѣтельное для нея перемѣна. Въ этомъ году зять князя Острожскаго, свойственникъ польскаго короля Александра, Предславъ Ланцкоронскій былъ назначенъ первымъ малороссійскимъ гетманомъ, съ правами королевскаго намѣстника. А вскорѣ послѣ того—

въ 1511 г. и у запорожцовъ является первый кошевой атаманъ Евстафій Дашковичъ. Съ этого времени Малороссіей до конца XVI вѣка управляютъ уже гетманы, избираемые малороссійскимъ народомъ изъ среды себя, и казаки малороссійскіе и запорожскіе отличаются отважными военными подвигами. Изъ нихъ послѣдніе заставляли трепетать крымскаго хана и турецкаго султана, а первые умѣли внушить польскимъ королямъ уваженіе къ себѣ и къ своимъ правамъ и спокойствію. Стефанъ Баторій особенно покровительствовалъ малороссійскихъ казаковъ и потому они служили ему вѣрно и усердно. Это было цвѣтущимъ временемъ для Малороссіи, какъ и для Литвы и Польши. И въ военномъ отношеніи также этотъ періодъ времени весьма замѣчательнъ въ исторіи Малороссіи. Героями его были: Ланцкоронскій, Дашковичъ, князь Димитрій Вишневецкій, Евстафій Рожинскій, Вѣнцеславъ Хмѣльницкій, князь Михаилъ Вишневецкій, Григорій Свиговскій и Теодоръ Богданъ.

Изъ нихъ прежде всѣхъ сталъ извѣстнымъ Евстафій Дашковичъ въ войнѣ Іоанна III съ Александромъ литовскимъ и польскимъ (см. главу XXIII § 184). И онъ, и Ланцкоронскій были сподвижниками военной славы и преданными, вѣрными друзьями знаменитаго въ то время князя Константина Ивановича Острожскаго, воеводы троцкаго, кастеляна вилнскаго и великаго гетмана литовскаго. Острожскій, вѣрный сынъ православной церкви, высокообразованный, щедрый, милостивый, милосердый, былъ отличный полководецъ, знатокъ военнаго дѣла и изъ 35 битвъ въ своей жизни проигралъ только двѣ (при р. Ведрошѣ 14 іюля 1500 г. и подъ Сокалемъ на р. Бугѣ въ 1519 г.). Когда, взятый въ плѣнъ при Ведрошѣ, онъ былъ отвезенъ въ Москву и вступилъ въ службу Іоанна III, вслѣдъ за нимъ туда же явился Дашковичъ и поступилъ также. А когда Острожскій ушелъ обратно въ Литву, за нимъ послѣдовалъ и Дашковичъ. Послѣдній отправился на днѣпровскіе острова за порогами, къ разсѣяннымъ на нихъ и неустроеннымъ вольнымъ казакамъ, былъ избранъ ими въ кошевые, далъ имъ правильное военное и общественное устройство и сталъ законодателемъ ихъ, грозой и ужасомъ татаръ. Запорожцовъ было еще немного: въ 1532 г. не болѣе 2 т., въ 1535 г.—около 3 т. Дашковичъ раздѣлялъ ихъ на сотни и полки, вооружилъ каждаго пикалью и саблей, избралъ изъ нихъ начальниковъ и велъ между ними строгую военную дисциплину, на подобіе древне-римской. Главными законами между ними онъ установилъ: свободный выборъ начальниковъ и рѣшеніе всѣхъ дѣлъ сообщая, а на войнѣ слѣпое повиновеніе начальству, перенесеніе всевозможныхъ трудовъ и лишеній,

презрѣніе опасностей и смерти, и равный дѣлежъ добычи. Король Сигизмундъ I польскій дозволилъ имъ строить хутора и выше пороговъ и далъ Дашковичу во владѣніе Каневъ и Червасы, а казакамъ — земли и угодья по обѣимъ сторонамъ нижняго Днѣпра и между р.р. Конской, Самарой, Кальміусомъ, Ташлывомъ и Бугомъ.

Такъ составились и образовались незначительныя въ своемъ началѣ: Запорожское войско и Запорожская Сѣчь, въ видѣ пограничной стражи, ставшія въ послѣдствіи многочисленными, грозными для татаръ и турокъ, для поляковъ и русскыхъ, и нерѣдко своевольными и буйными. Сначала запорожцы смѣнялись казаками, назначаемыми изъ осѣдлыхъ жилищъ, потомъ стали принимать въ свою среду холостыхъ. Занимаясь звѣриной и рыбною ловлей, войною съ татарами и турками, они пристрастились къ своимъ островамъ (главнымъ между которыми былъ извѣстный еще съ X вѣка о. Хортица) и къ своей вольной военной жизни, устроили укрѣпленія (городки, острожки и засѣки) и положили навсегда оставаться холостыми. И съ самаго начала военные подвиги ихъ стали такъ знамениты, что тотчасъ же обратили на себя вниманіе сосѣдей Малороссіи.

Въ 1498 г. палачи, татары и турки произвели разорительное вторженіе въ Малороссію и плѣнили болѣе 100 т. жителей. Въ 1499 г. такое же вторженіе совершили одни турки, дошедшіе до самого Галича. Въ 1506 г. крымскіе татары два раза вторгались въ Малороссію и Литву, и хану была назначена дань въ 15 т. червонцовъ отъ Польши. Въ этихъ войнахъ, до самаго Піотрковского сейма въ 1511 г., не участвовали ни Ланцкоронскій, ни Дашковичъ. Но, по предложенію послѣдняго, на этомъ сеймѣ было постановлено содержать 4 т. чел. малороссійскаго коннаго войска, для охраны Подолія, такъ что 2 т. поочередно смѣнялись другими 2 т. По свидѣтельству всѣхъ польскихъ историковъ, это и было первымъ появленіемъ въ Польшѣ малороссійскихъ казаковъ, уже устроившихъ и признанныхъ польскимъ правительствомъ. И уже на другой, 1512 г. Ланцкоронскій вмѣстѣ съ княземъ Константиномъ Острожскимъ, разбилъ подъ Вишневромъ крымскихъ татаръ, которыхъ въ битвѣ погибло до 24 т. Добровольно отказавшись отъ гетманства, онъ пригласилъ Дашковича съ 1,200 запорожцами и простыми казаками, и прошелъ съ ними до Бѣлграда (Авкермана), занятого турками, разбилъ нѣсколько татарскихъ отрядовъ и угналъ въ Сѣчу до 500 лошадей и 3 т. скота. И послѣ того оба они не переставали истреблять отдѣльные крымскіе отряды и отвоевали отъ татаръ земли на Днѣстрѣ и при устьяхъ Днѣпра, которыми татары владѣли еще со временъ Батыя. Но въ 1519 г. снятъ Магметъ-

Гирей Калла-Багадуръ (богатырь) съ 30 т. чел. отборной крымской конницы страшно разорилъ весь край почти до Кракова, разбилъ Острожскаго подъ Сокалемъ на Бугѣ и угналъ до 60 т. плѣнниковъ.

Когда Сигизмундъ I въ 1522 г. заключилъ перемиріе съ Василиемъ III и обратилъ всѣ свои силы противъ Тевтонскаго или Прусскаго ордена, то въ войнѣ его съ нимъ и въ завоеваніи имъ Голланда и Маріенвердера впервые участвовали уже малороссійскіе казаки. Дашковичъ же съ запорожцами въ 1521 г. участвовалъ въ войнѣ Махметъ-Гирей съ Василиемъ III и въ разореніи московскихъ земель отъ Воронежа до Москвы-рѣки и Нижняго Новгорода (см. гл. XXIII § 186). Дашковичъ, въ награду за помощь хану, получилъ отъ Сигизмунда Троцкое воеводство, а отъ хана — пораженіе на-голову на берегахъ Днѣпра и взятіе въ плѣнъ. Но, по убіеніи хана ногаями, Дашковичъ бѣжалъ изъ плѣна и тотчасъ же двинулся съ запорожцами къ Очакову, сжегъ укрѣпленія его и, соединясь съ ногаями, жестоко разорилъ Крымъ (1523).

Три года спустя, когда Сулейманъ I турецкій вторгнулся въ Венгрію и для отвлеченія поляковъ приказалъ крымскому хану разорить Литву, Острожскій, Дашковичъ и ихъ достойный сподвижникъ Немировичъ, воевода кіевскій, разбили въ 1526 г. хана подъ Киевомъ, прогнали отъ него миль за 40, заставили 7 т. крымцовъ сдаться въ плѣнъ и освободили нѣсколько тысячъ христіанскихъ плѣнниковъ. Затѣмъ Дашковичъ разсѣялъ татаръ еще при Черкасахъ и Каневѣ. Въ 1528 г. онъ съ 1,300 запорожцами соединился съ Ланцборонскимъ и снова двинулся съ нимъ къ Очакову. Три раза разбили они крымцовъ и пригнали изъ Крыма множество лошадей и рогатаго скота. Это былъ послѣдній походъ Ланцборонскаго: вскорѣ онъ кончилъ жизнь свою, славную и полезную для Малороссіи.

На мѣсто его, еще въ 1512 г., въ малороссійскіе гетманъ былъ избранъ славный гражданскими достоинствами князь Димитрій Вишневецкій. Его гетманство было мирное и счастливое для Малороссіи; однако и при немъ крымцы произвели набѣгъ на нее, прорвались сквозь пограбичную стражу въ нижнюю или южную Подолію (Набережье надъ Днѣпромъ), разграбили нѣсколько мѣстечекъ, угнали много скота, но на возвратномъ пути почти всѣ погибли въ степяхъ отъ снѣжныхъ вьюговъ и мороза. Вскорѣ послѣ того Вишневецкій отказался отъ гетманства и на мѣсто его былъ избранъ князь Евстафій Рожинскій. Въ путешествіяхъ своихъ передъ тѣмъ по Германіи и Франціи пріобрѣтя высокое образованіе, въ томъ числѣ и въ военномъ дѣлѣ, Рожинскій, ставъ гетманомъ, прежде

всего преобразовалъ малороссійское войско. До тѣхъ поръ оно состояло изъ казаковъ околичныхъ (жившихъ околпами изъ одного селенія) и гуренныхъ (жившихъ куренями изъ нѣсколькихъ селеній); старики служивые и отставные назывались товариществомъ, а молодые — казаками. Общественное и военное устройство ихъ подавало поводъ къ многимъ злоупотребленіямъ, между прочимъ къ образованію охочекомонныхъ или вольныхъ полковъ, которые, сами избравъ себѣ старшину, ходили въ Крымъ, Молдавію и Турцію на грабежъ и добычу. Чтобы положить конецъ этому, Рожинскій учредилъ 20 полковъ въ 2 т. казаковъ каждый и назвалъ ихъ по городамъ (изъ нихъ 1-мъ и главнымъ былъ бѣевскій); полки раздѣлили на сотни, названныя по городамъ и мѣстечкамъ; въ каждомъ полку назначилъ быть пожизненнымъ полковникомъ и сотникомъ, выбраннымъ товариществомъ и казаками (съ тѣхъ поръ въ Малороссіи и завелось наследственное барство). Полки были набраны и пополнялись изъ молодыхъ казаковъ, записанныхъ въ военный регистръ, отчего и названы регистровыми. Половина ихъ, гонная, всегда содержалась на службѣ въ полѣ, а другая, пѣшая, составляла гарнизоны въ городахъ и въ случаѣ надобности помогала коннымъ и пополняла ихъ. Одежда и вооруженіе всѣмъ была положена однообразная и заготовлялись въ мирное время, на свой счетъ, по даннымъ образцамъ. Продовольствіе казаки имѣли собственное. На случай же похода, каждому казаку было назначено ежегодно по 1 червонцу жалованья изъ малороссійскаго скарба (казны) и въ 2 года по кафтану и въ случаѣ нужды по кожуху (тулупу); сотеннымъ старшинамъ вдвое противъ простыхъ казаковъ; полковники же и старшины генеральные, обозные и полковые имѣли ранговья (по рангу или чину) деревни. Артиллерія, обозы и вьюки съ запасами, провіантомъ и фуражомъ снаряжались отъ скарба и попечительства (всего земства). Конница была вооружена штуцерами, пистолетами, саблями и копьями, а пѣхота — пищалями (ружьями), копьями и винжалами. Все это оружіе получалось изъ Турціи и Швеціи. Строй и образъ движеній и дѣйствій въ походѣ и бою остались прежніе, съ нѣкоторыми только исправленіями. Движеніе колонной называлось идти соганю; въ опасности строплся, вмѣсто 4-угольника (варе), 3-угольникъ; строиться въ лавію называлось становиться въ лаву, а строй въ 3 шеренги — батовой. Для поощренія охотниковъ были учреждены 5 полковъ охочекомонныхъ, называвшихся по именамъ своихъ полковниковъ, производимыхъ гетманомъ; общее названіе этимъ полкамъ было гультаи. Имъ выдавалось небольшое жалованье, но они болѣе довольствовались звѣриною и рыбною ловлею и содержались на р.р. Самарѣ, Бугѣ и Днѣстрѣ.

Такое разумное и правильное военное устройство малороссійскаго казачьяго войска Рожинскимъ было утверждено Сигизмундомъ I, который вскорѣ убѣдился въ пользу его.

Въ 1516 г. крымскій ханъ поднялся войною на Малороссію и Польшу. Рожинскій двинулся на встрѣчу ему, напелъ его на границѣ у Бѣлгорода на р. Донцѣ и допустилъ его напасть на себя. Ханъ тотчасъ окружилъ его съ трехъ сторонъ и, татары пустивъ тучи стрѣлъ, съ страшнымъ гикомъ бросились въ атаку. Войска Рожинскаго стояли тыломъ къ рѣкѣ и обозу; конница сѣвшилась и вмѣстѣ съ пѣхотой выстроилась въ боевой порядокъ и встрѣтила татаръ сильнымъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ. Понеся отъ того страшный уронъ, татары начали отступать, но Рожинскій, показывая видъ, будто можетъ только обороняться, а не атаковать, велѣлъ своимъ войскамъ не трогаться съ мѣста. Видя это, татары цѣлый день тщетно и все съ большимъ уропомъ возобновляли свои нападенія и наконецъ къ ночи отступили въ степь, гдѣ расположились станомъ безъ всякихъ предосторожностей. Рожинскій же въ полночь двинулся въ большой тишинѣ къ ихъ стану и, приблизясь къ нему на развѣтѣ, когда лошади ихъ, по обычаю, паслись на арканахъ въ рукахъ спавшихъ всадниковъ, выслалъ впередъ отрядъ конницы съ ракетами, дававшими по 6 выстрѣловъ и дѣлавшими рикошеты. Подскакавъ къ стану татаръ, казаки пустили ракеты между пасшимися лошадьми ихъ, которыя, испугавшись, бросились во весь опоръ черезъ станъ, волоча за собой своихъ всадниковъ. Подоспѣвшіи между тѣмъ войска Рожинскаго съ артиллеріей разгромили татаръ, промчались сквозъ весь станъ ихъ, разбили ихъ на-голову, обратили въ бѣгство и захватили все обозы ихъ и богатую добычу.

Возвращаясь отъ Бѣлгорода русскаго, Рожинскій былъ встрѣченъ татарами и турками, вышедшими изъ Бѣлгорода татарскаго (Аккермана) и надѣявшимися нападеніемъ врасплохъ на Рожинскаго отнять взятую имъ добычу. Но онъ, узнавъ о томъ, отправилъ все свои обозы въ Уманьщину, а самъ, переправясь черезъ Бугъ, засѣлъ въ оврагахъ и тростникахъ у р. Кадимы или Кодмы и едва татары и турки явились, внезапно окружилъ ихъ, разгромилъ, разбилъ на-голову, остатки ихъ загналъ въ Аккерманъ и вновь захватилъ богатую добычу.

Такого рода дѣйствія Рожинскаго достаточно свидѣтельствуютъ, какой онъ былъ отличный полководецъ. Съ тѣхъ поръ многіе поляки стали служить въ малороссійскихъ полкахъ и гордились названіемъ казаковъ.

Между тѣмъ Дашковичъ и Дмитрій Вишневецкій также

*

отъ времени до времени отличались еще военными подвигами. И въ нихъ первый въ 1523 г. 13 сутокъ храбро и упорно держался въ Черкасахъ противъ Сайдетъ-Гирея крымскаго, съ войскомъ и 50 пушками осадившаго этотъ городъ, въ которомъ укрылся сынъ Магметъ-Гирея Исламъ, два раза низвергавшій Сайдета съ престола. Наконецъ, потерявъ терпѣнiе, Сайдетъ пригласилъ Дашкевича къ себѣ въ станъ для переговоровъ. Дашкевичъ, взявъ отъ него заложниковъ, поѣхалъ къ нему, прорвалъ съ нимъ и изъ врага Сигизмунду сдѣлалъ другомъ ему.

§ 212.

Войны отъ Вѣнцеслава Хмѣльницкаго до Θεодора Богдана (1534—1575).

Въ 1534 г. Рожискій умеръ и на мѣсто его былъ избранъ Вѣнжикъ (Вѣнцеславъ) Хмѣльницкій. Получивъ отъ Сигизмунда приказанiе отразить крымскую орду, пробравшуюся изъ Крыма и Бессарабii черезъ Подолiю и Волюнь въ Польшу, Хмѣльницкій двинулся въ послѣднюю съ регистровыми казаками, а въ Волюнь, для прикрытiя съ той стороны границъ, послалъ запорожцовъ и охочеконные полки. Раздѣливъ тѣхъ и другихъ на многiе отряды, онъ приказалъ имъ безпрестанно нападать на татаръ на походѣ и на ночлегахъ и вслѣдъ за нападенiемъ немедленно удаляться по направленiю къ главному войску. Это обмануло татаръ, которые, считая нападенiя казачьихъ отрядовъ незначущими, продолжали безпечно идти впередъ и вдругъ наткнулись на станъ Хмѣльницкаго подъ Заславлемъ, уже укрѣпленный обозомъ. Оставивъ въ немъ часть пѣхоты съ тяжелыми пушками, самъ Хмѣльницкій съ главными силами укрылся за городскiя роши и пасѣки. Едва татары окружили обозъ, подняли крикъ и открыли стрѣльбу, Хмѣльницкій внезапно изъ засады ударилъ на нихъ съ тыла и обоихъ фланговъ и, сдѣлавъ только одинъ залпъ изъ пушекъ и пищалей, принялъ ихъ въ копы и сабли. Татары въ ужасѣ разсѣялись, а Хмѣльницкій послалъ особенный отрядъ преслѣдовать ихъ, не въ разсыпную, но придерживаясь кишеевъ (взводовъ), т. е. сомнутаго строя. Самъ же онъ съ главными силами пошелъ по срединѣ и отбилъ татарскiе выюки съ запасами. Предусмотрительность его оправдалась: татары, по своему обычаю, въ бѣгствѣ часто обращались назадъ и нападали на преслѣдовавшихъ ихъ казаковъ, но всегда находили готовую для отраженiя ихъ сильную батову съ пушками. Разбивъ и разогнавъ ихъ такимъ образомъ, Хмѣльницкій воро-

тился къ Заславлю съ богатою добычей и славой *). Поляви ведѣ встрѣчали его съ торжествомъ, а Сигизмундъ прислалъ ему похвальную грамоту съ благодарностью — и онъ достойно заслужилъ то и другое.

Между тѣмъ съ другой стороны дѣйствія малороссійскихъ войскъ подъ предводительствомъ кievскаго воеводы Андрея Немировича (женатаго на сестрѣ Дашковича и сподвижника его и Ланцкоронскаго) въ сѣверномъ княжествѣ, въ 1534 г., въ войнѣ Польши съ Россіей, были далеко не столь удачны. Немировичъ осадилъ Стародубъ, но былъ отраженъ и отступилъ. Послѣ того онъ сжегъ Радогощъ, взялъ многихъ плѣнниковъ и обложилъ Черниговъ, но былъ разбитъ и бѣжалъ въ Кіевъ, бросивъ пушки и обозъ.

Но эти неудачи были скоро заглажены. Въ 1535 г. Сигизмундъ I послалъ 40 т. войскъ къ Стародубу; впереди ихъ шелъ Дашковичъ съ Булгакомъ и малороссійскими казаками; потомъ пришли Немировичъ, Юрій Радзивилъ, Янъ Тарновскій и князь Илія Острожскій. Они взяли Гомель, осадили Телепнево, въ Стародубѣ взорвали стѣну, ворвались въ городъ, вырѣзали 13 т. жителей, сожгли окрестности Княжичей, Шелова, Копыса, Орши и Дубровны и отступили къ Смоленску.

Въ 1536 г. Сигизмундъ приказалъ Немировичу взять крѣпость Ивангородъ на р. Себежѣ. Ее осадили 20 т. войскъ, но неискусство пушкарей Немировича и благоразумная оборона князя Засѣкина и Тушина были причинами неудачи Немировича. Казаки бросились на ледъ озера, но ледъ обломился подъ ними, русскія войска довершили поражение ихъ, и Немировичъ снова бѣжалъ въ Кіевъ, бросивъ пушки и знамена.

Въ 1540 г. умеръ славный Дашковичъ, а въ 1556 г. князь Дмитрій Вишневецкій, взявъ только однихъ охотниковъ изъ запорожцовъ, отдѣлился отъ Малороссіи, занявъ о. Хортицу, построилъ на немъ крѣпостцу, предложилъ Іоанну IV свои услуги противъ крымскаго хана, сжегъ Исламъ-Кермень, а пушки изъ него увезъ въ свою крѣпостцу, въ которой ханъ тщетно осаждалъ его 24 дня (1557).

*) Нельзя не замѣтить здѣсь огромной разницы между дѣйствіями казаковъ, предводимыхъ такими людьми, какъ Ланцкоронскій, Дашковичъ, Вишневецкій, Рожинскій, Хмѣльницкій (и ихъ преемники), и русскими земскими военно-помѣстными ополченіями подъ предводительствомъ русскихъ бояръ и воеводъ—противъ татаръ. Разница эта явно изобличаетъ превосходство дѣйствій первыхъ надъ дѣйствіями послѣднихъ, потому что и малороссійскіе гетманы изобличаютъ несомнѣнное превосходство знанія и искусства въ военномъ дѣлѣ, въ сравненіи съ русскими боярами и воеводами, въ дѣйствіяхъ даже противъ татаръ.

Въ это время, онъ укрѣпилъ о. Томаковку и первый приказалъ устроить чайки или челны изъ буйволовыхъ кожъ, чтобы легче было перетаскивать или переносить (перевозавивать) ихъ сухимъ путемъ. Однако онъ не могъ удержаться на своемъ островѣ: когда на помощь хану султанъ Сулейманъ I прислалъ турокъ и валаховъ и когда у Вишневецкаго истощились силы и запасы, онъ ушелъ на правый берегъ Днѣпра и занялъ Черкасы и Капевъ. Но Іоаннъ велѣлъ ему сдать ихъ Сигизмунду II Августу и пріѣхать въ Москву, гдѣ далъ ему Бѣлевъ съ волостями.

Въ 1556 г. 300 казаковъ съ атаманами Есковичемъ и Млынскимъ, подобно Вишневецкому, присоединились къ дьяку Іоанна Ржевскому, вмѣстѣ съ нимъ 6 дней бились подъ Исламъ-Керменемъ и Очаковымъ, перебили множество турокъ и татаръ и принудили Девлетъ-Гирея удалиться отъ Конскихъ водъ въ Крымъ.

Въ 1558 г. Іоаннъ далъ Вишневецкому 5 т. жильцовъ, боярскихъ дѣтей, стрѣльцовъ и казаковъ (городовыхъ) и приказалъ ему, вмѣстѣ съ черкесскими князьями, воевать Крымъ. Вишневецкій доходилъ до устьевъ Днѣпра, не встрѣтивъ татаръ, и воротился въ Москву, оставивъ на Днѣпрѣ Ржевскаго съ казаками. Въ 1559 г. онъ съ 5 т. чел. русскихъ войскъ ходилъ на легкихъ судахъ по Дону къ Азову, но только могъ истребить на Ипсарѣ нѣсколько сотъ крымцовъ, пробиравшихся въ Казань. Въ 1560 же году Іоаннъ, по просьбѣ черкесскихъ князей, послалъ къ нимъ Вишневецкаго. Но по измѣненіи характера Іоанна послѣ смерти царьцы Анастасіи, Вишневецкій, страшась жестокости Іоанна, ушелъ обратно въ Литву и былъ милостиво принятъ Сигизмундомъ II Августомъ, въ то время когда братъ его, ротмистръ Михаэль, разорялъ окрестности Чернигова и Стародуба, но былъ разбитъ сѣверскимъ воеводой княземъ Щербатовымъ (1563). Димитрій Вишневецкій былъ уже старъ и слабъ, но все еще честолюбивъ и славолюбивъ. Молдавскіе бояре призвали его въ господари на мѣсто Стефана IX и онъ отправился въ Молдавію съ небольшимъ войскомъ, но былъ схваченъ Стефаномъ и отправленъ въ Константинополь къ султану, который приказалъ сбросить его съ высокаго жилища на копья—и Вишневецкій кончилъ жизнь свою мучительною смертью.

Между тѣмъ въ гетманство Вѣнцеслава Хмѣльницкаго, на польскихъ сеймахъ: варшавскомъ въ 1563 году, гродненскомъ въ 1568 и Люблинскомъ въ 1569, Малороссія была подтверждена всѣ прежнія и дарованы многія и важныя новыя преимущества, льготы и права, и она была отдѣлена отъ Литвы (кромя кievскаго воеводства) и присоединена къ Польшѣ, какъ равная къ равной и какъ свободная къ свободной, при чемъ под-

тверждена и свобода вѣроисповѣданія. Вслѣдъ затѣмъ, въ 1569 году Хмѣльницкій умеръ и на мѣсто его былъ избранъ князь Михаилъ Вишневецкій. Послѣдній тотчасъ же былъ посланъ Сигизмундомъ II на помощь Іоанну къ Астрахани, къ которой шли турки и татары. Выступивъ изъ Черкасъ, Вишневецкій на пути присоединилъ къ себѣ охочекомонные полки и часть запорожцовъ. Прибывъ къ Астрахани, онъ нашелъ уже тамъ турокъ и татаръ, стоявшихъ отдѣльными станами подъ стѣнами города, расположилъ свой станъ надъ Волгой выше непріятельскихъ, укрѣпилъ его окопами и пушками и приказалъ своимъ наѣзднякамъ часто тревожить непріятелей перестрѣлками. Самъ же онъ съ сильнымъ отрядомъ конницы ежедневно нѣсколько дней сряду подступалъ къ непріятельскимъ станамъ и, потревоживъ ихъ перестрѣлкой, возвращался въ свой станъ. Приучивъ къ этому турокъ и татаръ, онъ, по предварительному уговору съ русскимъ гарнизономъ города и съ воеводой русскаго вспомогательнаго войска, окопавшагося на одной Волжской косѣ, объ одновременномъ нападеніи на турокъ и татаръ, 26 сентября 1569 г. на разсвѣтѣ построилъ свою конницу въ длинную лаву, а за нею 15 т. чел. пѣхоты въ согану (колонну) и въ этомъ порядкѣ двинулся впередъ. Увидя это, гарнизонъ города сдѣлалъ вылазку и разсыпался вокругъ турецкихъ окоповъ. Турки, видя Вишневецкаго по прежнему съ одною конницею, за которою не могли видѣть пѣхоты, не обратили на него вниманія и бросились изъ своего стана на помощь своимъ окопамъ противъ гарнизона города. Конница же Вишневецкаго въ это самое время, подскакавъ на ближайшее разстояніе къ турецкому стану, вдругъ раздалась въ обѣ стороны, а пѣхота изъ-за нея стремительно бросилась на станъ, ворвалась въ него и тотчасъ завладѣла въ немъ всѣми пушками. Оставшіеся въ станѣ турки бросились къ окопамъ за помощію, но пока она подоспѣла, казаки уже обратили противъ турокъ ихъ же пушки и встрѣтили ихъ жестокимъ огнемъ. Турки бѣжали въ татарскій станъ, Вишневецкій живо преслѣдовалъ ихъ конницею и множество истребилъ или взялъ въ плѣнъ, а гарнизонъ города взялъ турецкіе окопы. Ночью турки и татары бѣжали и Астрахань, благодаря умнымъ распоряженіямъ и военной хитрости Вишневецкаго, была освобождена. Вишневецкій, захвативъ въ турецкомъ станѣ большую и богатую добычу, раздѣлилъ ее между своими и русскими войскамъ, но отдѣлилъ часть ея и въ малороссійскій скарбъ, а всѣ турецкіи тяжелыя пушки отдалъ русскимъ войскамъ. По свидѣтельству малороссійской лѣтописи, малороссійскія войска, особенно охочекомонные полки и запорожцы, были крайне недовольны такимъ раздѣломъ добычи, возроптали на Вишне-

ведкаго и въ одну ночь болѣе 5 т. ихъ ушло изъ его стана въ устья Дона. Тамъ, на одной косѣ выше Азова, на противоположномъ берегу, они построили (1570) городъ Черкасскъ, по имени своего города Черкасъ на Днѣпрѣ, и водворясь въ немъ, сначала жили въ немъ, по запороженскъ, безъ женъ, но потомъ пригласивъ къ себѣ донскихъ казаковъ, жившихъ въ своемъ городкѣ Донскомъ, соединились съ ними, переженились, приняли ихъ обычаи и положили тѣмъ основаніе главному городу донскаго войска, постепенно значительно умножившагося.

Въ томъ же 1570 г. у запорожцовъ атаманомъ былъ Свирговскій, подъ начальствомъ котораго они не переставали тревожить татаръ и грабить турецкихъ купцовъ. Султанъ жаловался королю, но онъ не удовлетворилъ его жалобы. Свирговскій въ 1574 г. былъ избранъ въ генеральнаго обознаго, а на другой годъ (1575) надъ Днѣпромъ была заложена новая крѣпость противъ татаръ (имѣя Кременчугъ).

По смерти Сигизмунда II Августа въ 1572 году, во время междуцарствія, гетманъ князь Михайлъ Вишневецкій въ 1574 г. былъ отправленъ отъ короны посломъ въ чужіе края, а на его мѣсто избранъ Свирговскій.

Немедленно послѣ избранія его, господарь Молдавіи Іоаннъ Армянинъ просилъ помощи его противъ валашскаго господари Александра и турецкаго султана Мурада III. Свирговскій, съ согласія польскаго правительства, двинулся съ казаками въ Молдавію и въ первой битвѣ съ турками, 23 апрѣля 1575 г., у города Сорочи на Днѣстрѣ, противъ Цѣхановки, разбилъ турокъ на голову, взялъ въ плѣнъ главнаго пашу ихъ Кара-Мустафу и съ нимъ многихъ военачальниковъ, которыхъ, вмѣстѣ съ добычей, отправилъ въ Польшу. Послѣ того у Сорокъ къ Свирговскому присоединились 6 т. молдавскихъ войскъ и онъ подступилъ къ Брайлову, подъ которымъ былъ расположенъ станъ турецкихъ войскъ. Оставивъ въ своемъ станѣ только одни сторожевые огни, Свирговскій заманилъ въ него турокъ, окружилъ ихъ, опрокинулъ и захватилъ обозъ ихъ. Но Брайловъ устоялъ противъ 4-хъ-дневнаго приступа къ нему Свирговскаго. Къ послѣднему присоединились еще 3 т. молдавскихъ войскъ, а 16 т. турецкихъ войскъ шли на помощь уже разбитымъ. Свирговскій преградилъ имъ путь, 7 т. ихъ положилъ на мѣстѣ и, обратясь къ Аккерману или Бѣлграду на Днѣстрѣ, сжегъ половину предмѣстія его, вырѣзалъ часть гарнизона, вышедшаго на встрѣчу ему, и возвратился въ Молдавію. Здѣсь онъ раздѣлялъ свое войско пополамъ: одну половину подъ начальствомъ полковника Саввы Ганжи послалъ къ Букурешту, а съ другою пошелъ къ Галацу, кошевому же Поко-

тылу въ Сѣчи Запорожской послалъ приказаніе отрядить пѣхоту свою на лодкахъ въ Черное море и не допускать высадокъ турокъ въ Дунай и Днѣстръ. Запорожцы, разъѣзжая въ устьяхъ ихъ и по морю, перехватили множество турецкихъ судовъ съ войсками и запасами и, войдя въ Дунай, выжгли и разорили всѣ поселенія и разрушили всѣ укрѣпленія турокъ. А между тѣмъ Свирговскій и Ганжа ходали по Молдавіи и Валахіи, и гдѣ ни встрѣчали турецкіе отряды, вездѣ разгоняли ихъ. Но счастье измѣнило Свирговскому и молдавскому господарю. Послѣдній послалъ молдавскаго боярина Чарневича съ 12 т. войскъ наблюдать движеніе турокъ: они подкупили за 30 т. цехиновъ Чарневича, который пропустилъ черезъ Дунай, безъ всякаго сопротивленія, 200 т. турецкихъ войскъ, а господаря увѣрилъ, что ихъ только 30 т. Въ происшедшей вѣдствіе того битвѣ, Чарневичъ въ самомъ началѣ ея перешелъ съ своею конницей на сторону турокъ; господарь былъ окруженъ, взятъ въ плѣнъ и звѣрски умерщвленъ. Участь же казаковъ малороссійскими историками разсказывается различно: по Миллеру и Энгелю—казаковъ осталось только 250 чел. въ живыхъ, которые, обороняясь отчаянно, дошли до изнеможенія и наконецъ послѣдніе 16, въ томъ числѣ и Свирговскій, сдались и кончили жизнь въ оковахъ; турки потребовали такой огромный выкупъ за нихъ, что не нашлось никого, кто могъ или захотѣлъ бы внести его. Конискій же говоритъ, что когда Свирговскій пошелъ изъ Молдавіи къ Киліи въ Бессарабію, то предательски извѣщенный однимъ армяниномъ, будто въ Киліи хранятся несмѣтныя сокровища, награбленныя турками въ Молдавіи и Валахіи и находятся подъ стражей незначительнаго гарнизона, онъ рѣшился тотчасъ же взять Килію приступомъ. Не оставивъ въ станѣ своемъ ни войскъ, ни укрѣпленій, онъ всѣ свои войска двинулъ разомъ съ трехъ сторонъ на приступъ. Но турки взорвали въ двухъ мѣстахъ подкопы и съ ними Свирговскаго и множество казаковъ его, а на остальныхъ турки напали съ тыла и множество перебили или разогнали. Послѣдніе, долго скитавшійся по Молдавіи, наконецъ нашли отрядъ Ганжи и съ нимъ воротились въ свои предѣлы.

Между тѣмъ крымскіе татары въ концѣ 1575 г. вторглись въ Малороссію. Запорожцы дали знать о томъ кievскому воеводѣ князю Острожскому, который, на-скоро собравъ, сколько могъ, казаковъ изъ Кіева, Канева и Черкасъ и присоединивъ къ нимъ запорожцовъ, двинулся противъ татаръ, стоявшихъ уже на Днѣпрѣ. Казаки, подолзши къ нимъ чрезъ тростники и кустарники, привели ихъ въ большое замѣшательство; но когда татары увидѣли малочисленность казаковъ, то прогнали ихъ и, вторгшись въ Волинь, страшно разо-

рили ее и увели изъ нея 55,340 плѣнныхъ, способныхъ къ работѣ, 150 т. лошадей, 200 т. овецъ и 500 т. рогатаго скота. •

На мѣсто Свирговскаго въ 1575 же году былъ избранъ въ гетманы Ѳеодоръ Богданъ.

§ 213.

Войны съ Ѳеодора Богдана до Ѳеодора Косинскаго (1575—1592).

Ѳеодоръ Богданъ, собравъ и пополнивъ войска, разсѣявшіяся послѣ гибели Свирговскаго, тотчасъ же (1575—76), по повелѣнiю польскаго короля Стефана Баторiя, двинулся въ походъ противъ крымцовъ, пославъ въ то же время 5 тысячъ пѣшихъ запорожцовъ, подъ начальствомъ войсковаго есаула Нечая, на лодкахъ въ Черное море. Нечай присталъ къ Козлову и Кафѣ и, въ ожиданiи прибытiя гетмана, преградилъ гавани ихъ. Гетманъ же, при переходѣ черезъ крымскую степь, встрѣчалъ и разгонялъ многiе крымскiе отряды, но предвидѣлъ, что это кончится битвой съ главными силами Девлетъ - Гирея, что и оправдалось. При поворотѣ его отъ днѣпровскаго лимана къ Орской или Перекопской крѣпости, онъ былъ атакованъ, между Кибурнскими Кучугурами и Дарiевымъ мостомъ, всею ордой подъ предводительствомъ самаго Девлетъ - Гирея. Войско гетмана шло 4-мя батовами (колоннами), обозъ и резервъ были въ серединѣ, а пушки, разставленныя по всѣмъ флангамъ, вездѣ могли поражать татаръ. Какъ только крымцы приблизились на пушечный выстрѣлъ, по нимъ была открыта пальба изъ всѣхъ пушекъ и продолжалась болѣе часа, а татарскiе конные латники и наѣзники, наскочившiе на казаковъ, были поражаемы копьями. Когда вѣтеръ разсѣялъ пороховой дымъ, казаки увидѣли, что все пространство, занятое ордой, было покрыто убитыми татарами. Гетманъ, замѣтивъ, что татары, отступая къ лиману, растянулись по обѣимъ сторонамъ моста, соединявшаго Кибурнскую косу съ Перекопскою степью, двинулся къ мосту и къ вершинѣ залива, отрѣзалъ значительную часть татаръ отъ ихъ войска и выслалъ противъ нихъ конный резервъ, подрѣпленный одною батовой, которые загнали татаръ къ заливу и всѣхъ перебили или потопили. Оставшiеся же на другой сторонѣ татары, сколько ни порывались помочь истребляемымъ, не были допущены до того водою и огнемъ казачьихъ пушекъ. Казаки дошли до укрѣпленной линiи безъ всякаго препятствiя; но гетманъ, разсудивъ, что штурмовать ее потребовало бы много времени и людей, ночью переправилъ часть

конницы въ бродъ и вплавь черезъ Сивашъ. Она выбила первыя ворота съ этой стороны и впустила черезъ нихъ все казачье войско. Тогда казаки напали на городъ Оръ или Черекопъ, взяли его приступомъ, гарнизонъ вырѣзали, укрѣпленія разрушили, а городъ сожгли. Отсюда они двинулись въ боевомъ порядкѣ до самой Кафы, застали ее обложеною съ моря и сухаго пути запорожцами и произвели общій приступъ. Въ короткое время Кафа была взята и разграблена, а жители вырѣзаны, кромѣ 500 челов. взятыхъ въ плѣнъ. Затѣмъ гетманъ сталъ обходить горы, чтобы напасть на Бахчисарай и Козловъ, но на р. Салгирѣ его встрѣтили послы хана съ богатыми дарами и просьбой о мирѣ. Получивъ 713 татарскихъ плѣнниковъ, освободивъ всѣхъ христіанскихъ, взявъ 15 мурзъ заложниками, отпустивъ хану совершеннымъ поражениемъ его въ блистательномъ и славномъ походѣ въ Крымъ, гетманъ отправился обратно въ Малороссію съ огромною добычей.

Въ это время турки безпрестанно тревожили дунайскихъ христіанъ; послѣдніе просили помощи Стефана Баторія, а онъ велѣлъ гетману сдѣлать сильный набѣгъ на отдаленныя отъ Польши турецкія земли. Гетманъ послалъ Нечая съ 3 т. запорожцовъ въ Черное море, съ тѣмъ чтобы онъ посѣтилъ тѣ турецкіе приморскіе города, гдѣ производилась торговля русскими и другими христіанскими плѣнниками, особенно напалъ на Синопъ и Трапезонтъ и освободилъ оттуда всѣхъ плѣнниковъ. Самъ же онъ пошелъ черезъ крымскія степи, въ виду татаръ безпрепятственно прошелъ близъ Орской линіи, вступилъ въ землю донскихъ казаковъ, которые приняли его дружелюбно и оказали всевозможныя вспоможенія для переправы черезъ Донъ и Кубань и дальнѣйшаго похода въ земли кавказскихъ черкесовъ. Гетманъ не предпринималъ противъ послѣднихъ никакихъ непріязненныхъ дѣйствій и они мирно пропускали его и продавали ему скотъ и съѣстные припасы. Но, переправясь за Кубань, гетманъ открылъ военныя дѣйствія противъ народовъ, подвластныхъ туркамъ, и сталъ все предавать огню и мечу. Между тѣмъ запорожцы съ моря разорили прибрежныя поселенія. Такимъ образомъ гетманъ прошелъ вдоль восточныхъ и южныхъ береговъ Чернаго моря, разграбилъ и разорилъ ихъ, сжегъ предмѣстія Синопа и Трапезонта, дошелъ до Босфора противъ Константинополя, переправился въ европейскую Турцію и прошелъ черезъ Болгарію за Дунай, дружелюбно встрѣчаемый и провожаемый болгарами, отъ которыхъ узналъ, что главныя силы турокъ, воевавшія въ это время въ Сербіи и Венгріи, усиленно двинулись обратно въ Адрианополь. Переправясь черезъ нижній Дунай на запорожскихъ и добытыхъ судахъ, гетманъ вступилъ въ Молдавію, на разсвѣтѣ внезапно напалъ на Килію, взялъ ее

приступомъ, впрѣзалъ въ ней турокъ и армянъ, въ отмщеніе за гибель Свирговскаго, и, разграбивъ и сжегши городъ, воротился въ Малороссію.

Такимъ образомъ гетманъ Ѳеодоръ Богданъ, изумительнымъ, побѣдоноснымъ походомъ 1576 года черезъ весь Крымъ и кругомъ Чернаго моря черезъ всѣ владѣнія Турціи, блистательно отомстилъ крымскимъ татарамъ и тургамъ и навелъ на нихъ страхъ и трепетъ. За то же и заслуги его были достойно награждены со стороны Стефана Баторія почестями, дарами и новыми привиллегіями, дарованными Малороссіи и ея народу и войску. Стефанъ Баторій любилъ, цѣнилъ и уважалъ ихъ и время его правленія было золотымъ вѣкомъ для нихъ. Въ 1579 году онъ особою грамотой подтвердилъ всѣ права, вольности и привиллегіи ихъ, установленныя и утвержденныя предшественниками его, всѣ дѣла ихъ постановилъ исправлять въ новосозданномъ имъ городѣ Батурипѣ (по имени его), въ которомъ имѣтъ пребываніе и гетману, а въ Черкасахъ намѣстнику его, и пр. Богдана онъ пожаловалъ бунчукомъ, булавой и знаменемъ съ гербомъ Бѣлаго Орла, увеличилъ число высшихъ чиповъ войска (учредивъ товарищей: бунчуковаго, войсковаго и значковаго), въ дѣлахъ войсковыхъ установилъ войсковой судъ, опредѣлилъ въ каждомъ полку быть 1 судѣ и 1 писарю; полки были изъ 20 сведены въ 10, которые вмѣстѣ съ тѣмъ составляли области и пр.

Въ томъ же 1579 г. малороссійскіе казаки участвовали въ войнѣ Баторія съ Іоанномъ, сожгли Стародубъ, находились при взятіи Великихъ Лукъ и сожгли Старую Русу. Надъ Крымомъ запорожцы такъ распотѣшились, что наконецъ Баторій приказалъ Іоанну Оришевскому унять ихъ и удержать отъ нападений на владѣнія хана. А сынъ князя Константина Ивановича Острожскаго, знаменитый въ послѣдствіи Константинъ, и князь Михайлъ Вишневецкій покушались овладѣть Черниговымъ и зажгли его со всѣхъ сторонъ.

Богданъ умеръ вскорѣ послѣ того и на мѣсто его былъ избранъ родственникъ валахскихъ господарей, полковникъ Павелъ Подкова, прозванный такъ потому, что при необыкновенномъ ростѣ имѣлъ такую силу, что одною рукою гнулъ и ломалъ подковы. Племянникъ его, валахскій господарь Петръ Подкова, низложенный валахами, бѣжалъ къ нему изъ Валахіи. Гетманъ, снарядивъ 7 регистровыхъ и 2 очокекомонныхъ полковъ, въ 1580 г. пошелъ въ Валахію, разбилъ валаховъ въ двухъ битвахъ и подступилъ къ Букурешту. Но вышедшіе изъ города духовенство, чины и народъ просили его быть ихъ господаремъ. Онъ согласился, вступилъ въ Букурештъ и, оставивъ при себѣ не болѣе 20 казаковъ, всѣхъ прочихъ отослалъ въ

Малороссію. Но едва они выступили изъ города, какъ узнали, что гетманъ былъ предательски убитъ отсѣченіемъ головы. Другіе историки говорятъ, что онъ съ 1,400 казаками вторгнулся въ Молдавію, хитростью разбилъ молдаво-турецкое войско, вступилъ въ Яссы, принялъ правленіе вмѣсто бѣжавшаго господара Петра VI Хромаго, но черезъ мѣсяцъ воротился въ Польшу, былъ схваченъ и закованъ Каменецъ-Подольскимъ комендантомъ Синявскимъ, отвезенъ въ Львовъ и тамъ, въ присутствіи султанскаго посла, казненъ отсѣченіемъ головы.

На его мѣсто былъ избранъ другъ его, генеральный есаулъ Яковъ Шахъ или Шехъ. Первымъ дѣломъ его было отмстить молдаванамъ и валахамъ за смерть своего друга и любезнаго казакамъ гетмана. Онъ донесъ Баторію, что турки, покровительствуя Молдавіи и Валахіи, приближаются къ границамъ Польши и Малороссіи. Баторій приказалъ ему оберегать ихъ и для того умножить войско и разъѣзды. Исполнивъ послѣднее, гетманъ въ 1582 г. послалъ часть войскъ въ разъѣзды внизъ по Днѣпру, а самъ съ многочисленнымъ войскомъ пошелъ вверхъ по немъ, но вдругъ неожиданно ворвался въ Молдавію и Валахію, разорилъ и выжегъ предмѣстія Букурешта, осадилъ замокъ его и потребовалъ выдачи убійцъ гетмана и господара Подковы, грозя въ противномъ случаѣ не оставить камня на камнѣ. Выданнымъ 1 боярину и 17 чиновникамъ Шахъ приказалъ обрѣзать уши и отрубить ноги и затѣмъ повѣсить ихъ. Султанъ Мурадъ III немедленно потребовалъ удовлетворенія и велѣлъ захватить подъ стражу всѣхъ польскихъ и малороссійскихъ купцовъ въ обоихъ княжествахъ и въ Крыму. Баторій предалъ Шаха суду и онъ былъ отрѣшенъ отъ гетманства и заточенъ въ Каневскій монастырь.

На его мѣсто былъ избранъ полковникъ Демьянъ Скалозубъ (1582). Получивъ извѣстіе, что крымцы напали на границы Малороссіи и взяли въ плѣнъ нѣсколько сотъ жителей, гетманъ немедленно отправился съ конницей въ крымскую степь, чтобъ отбить плѣнниковъ. Но Баторій приказалъ отбить ихъ хитростью, не прибѣгая къ военнымъ дѣйствіямъ, въ избѣжаніе вмѣшательства турокъ. Вслѣдствіе того, гетманъ приказалъ Нечаю умножить лодки и приготовить запорожское войско къ тайной экспедиціи. Вскорѣ онъ самъ прибылъ въ Сѣчь съ конницей, спѣшилъ 3 полка, посадилъ ихъ въ лодки съ такимъ же числомъ запорожцовъ и отправилъ въ море подъ начальствомъ малороссійскаго полковника Перебийноса и запорожскаго войсковаго писаря Богуславца. Охочекомоннымъ казакамъ онъ приказалъ идти лиманомъ и берегомъ моря до крымскихъ прибрежій, запереть гавани ихъ, осматривать всѣ выхо-

дившія изъ нихъ суда и отбирать съ нихъ русскихъ плѣнниковъ. Одинъ отрядъ лодокъ онъ отправилъ въ вершину Перекопскаго залива, выше Сербулатской крѣпости. Самъ же, съ большимъ числомъ пѣхоты и конницы, онъ подошелъ къ Орской линіи, заперъ ворота ея и показалъ видъ, будто хочетъ переходить черезъ нее. Между тѣмъ отрядъ запорожскихъ судовъ приплылъ въ Перекопскій заливъ. Не извѣщая о томъ войска, гетманъ велѣлъ генеральному обозному Сурмылѣ продолжать покушенія за линію, дабы тѣмъ заставить крымцовъ отправить плѣнниковъ въ приморскіе города. Самъ же онъ ночью сѣлъ на запорожскія лодки, соединился въ морѣ съ своею флотиліей, назначилъ ей разныя гавани, и поплылъ лично въ Керченскій заливъ, гдѣ надѣялся застать самый значительный вывозъ плѣнниковъ. Но тутъ, къ несчастію для него, всѣ хитрѣя распоряженія его повели только къ собственной его гибели. Едва онъ вошелъ въ Керченскій заливъ, какъ былъ обруженъ турецкими судами и, послѣ долгаго боя съ ними, взятъ въ плѣнъ со всѣми оставшимися при немъ въ живыхъ, отвезенъ въ Константинополь и тамъ уморенъ голодомъ. Богуславецъ былъ схваченъ у Козлова турками, но выроченъ своими и воротился въ Малороссію, куда прибылъ также и Сурмыло и Перебийнось съ войсками.

Смерть Баторія — 12 декабря 1586 г. — внезапно все измѣнила для Малороссіи, ея народа и войска. Ровно годъ продолжалось въ Польшѣ междуцарствіе—и 12 декабря 1587 года на престолѣ польскомъ явился сынъ шведскаго короля Іоанна III Вазы и дочери Сигизмунда I Екатерины—Сигизмундъ III Ваза, къ несчастію для Польши, Литвы, Малороссіи и Великой Россіи. Въ 45 лѣтъ своего правленія, онъ нѣсколько разъ могъ соединить съ Польшей, Литвой и Малороссіей—Великую Россію и Швецію, но вмѣсто того положилъ основаніе гибели Польши, причинилъ неисчислимыя бѣдствія Литвѣ и особенно Малороссіи насильственнымъ введеніемъ въ нихъ Брестской церковной уніи, и много бѣдъ Великой Россіи поддержаніемъ самозванцовъ и безумнымъ замысломъ покорить ее. Собственно Малороссію, ея народъ и войско, за всю ихъ вѣрность и за всѣ услуги Польшѣ въ 1½ вѣка, онъ награждалъ злосчастною уніей, которая, породивъ казацкія войны, разоргла Малороссію, залила ея кровью вѣрныхъ сыновъ ея и наконецъ, переполнивъ мѣру терпѣнія ея, заставила ее воссоединиться съ однородною и единовѣрною ей Великой Россіей.

Съ нея онъ и началъ свои угнетенія. Совершенно противно отношеніямъ къ ней мудраго Баторія, вслѣдствіи покровительствованнаго ей и ея народу и войску, онъ подчинилъ (1589) малороссійское

войско польскому коронному гетману, который долженъ былъ поставлять въ него всѣхъ начальниковъ его. Они должны были давать присягу, что безъ воли короннаго гетмана не будутъ воевать ни на сухомъ пути, ни на морѣ, и не примутъ никого въ свое товарищество. У того же гетмана долженъ былъ храниться казачій регистръ. Осужденные на казнь не могли быть приняты въ казаки. Безъ воли старшинъ казаки не могли никуда отлучаться. Управители частныхъ имѣній должны были удерживать крестьянъ отъ бѣгства на днѣпровскіе острова, наказывать возвращавшихся съ добычей или продававшихъ казакамъ порохъ, селитру, оружіе и даже съѣстные припасы. За преступленіе противъ этихъ обязанностей владѣльцы имѣній могли казнить управителей смертью. Убыватели награбленной казаками добычи и владѣльцы, поступавшіе противъ этихъ постановленій, подлежали военному суду. Крестьянамъ запрещено отлучаться изъ своихъ селеній; кромѣ десятины съ конскихъ и прочихъ стадъ и съ ульевъ, учреждены налоги звѣриными шкурами, подати съ рыболовства и тягостныя пени. Права же владѣльцовъ оставлены неограниченными. Словомъ—Сигизмундъ не только стѣснилъ до послѣдней крайности народъ и войско малороссійскіе, но и обратилъ ихъ въ тягостное рабство и хотѣлъ какъ бы совершенно истребить ихъ.

Сначала они роптали, потомъ начали перебѣгать къ запорожцамъ, скрываться въ глухихъ мѣстахъ, мѣнять послѣднее достояніе на личную свободу. Въ 1590 году они, вмѣстѣ съ донскими казаками, разорили и сожгли Воронежъ, ограбили нѣсколько турецкихъ кораблей, пристали къ берегамъ Анатолиіи и снова вжгли Синопъ и Трапезонтъ.

Наконецъ число запорожскихъ казаковъ дошло до 20 т. чел., и въ 1592 г. они сами избрали себѣ гетманомъ генеральнаго есаула Θεодора Косинскаго.

§ 214.

Войны отъ начала Брестской уніи.

Войны отъ Θεодора Косинскаго до Конашевича Сагайдачнаго (1592—1598).

Косинскій, заслуженный въ малороссійскомъ войскѣ генеральный есаулъ, былъ по происхожденію—польскій шляхтичъ, по вѣрѣ—вѣрный и ревностный православный. При немъ началась уніа и утвердилась насильственно Брестскимъ церковнымъ соборомъ 6 октября 1596 г. Какъ только Косинскій узналъ о постановленіяхъ его, то послалъ протесты, одинъ королю и сенату, другой—собору.

Притворно согласясь съ нимъ, правительство призвало его въ Брестъ на совѣтъ, но какъ скоро онъ прибылъ туда, его взяли подъ стражу, судили духовнымъ судомъ, приговорили къ смертной казни и—замуровали, т. е. живаго заложили камнемъ въ стѣны монастыря. Имъ первымъ начались страшныя казни уніятскія!

Узнавъ о заключеніи его въ темницу, казаки въ числѣ 7 т. чел. пошли къ Бресту, чтобъ освободить Косинскаго, разбили на-голову и разогнали встрѣченныя поды мѣстечкомъ Пяткой польскія войска, но не нашли уже гетмана въ живыхъ. Тогда часть этихъ казаковъ, поды предводительствомъ полковника Лободы, отправилась поды Бѣлградъ (Бѣлгородъ) и въ мѣстечкѣ Юрьевкѣ ограбляла богатую ярмарку. Вся Малороссія взволновалась изъ конца въ конецъ—и жестокая казнь Косинскаго послужила знакомъ къ общему возстанію и началу казацкихъ войнъ.

Коронный гетманъ Станиславъ Жолкѣвскій вступилъ въ Малороссію съ многочисленнымъ польскимъ войскомъ, разставилъ по всѣмъ городамъ и мѣстечкамъ гарнизоны и потребовалъ, чтобъ казаки обязались присягой повиноваться одному коронному гетману и признать папу со всѣмъ постановленіями Брестскаго собора. Отвѣтомъ на это было—избраніе казаками въ гетманы генеральнаго есаула Павла Наливайки (1596). На посланную имъ грамоту Сигизмундъ не отвѣчалъ письменно, но приказалъ словесно вести себя мирно и дружелюбно съ польскими войсками, о чемъ Наливайко и объявилъ народу и войску. Но польскіе магнаты разсудили иначе—и казаки узнали, что товарищество ихъ всюду поругано и избито поляками и что въ Черкасахъ и Бѣлой Церкви собираются польскія войска. Тогда Наливайко созвалъ и свои войска въ Чигиринъ, расположилъ ихъ на рѣкѣ Тясминѣ въ станѣ, укрѣпленномъ окопами и пушками, и ждалъ, чтобъ поляки первые открыли военныя дѣйствія. Вскорѣ войска ихъ и появился поды начальствомъ Жолкѣвскаго. Наливайко выставилъ на возвышеніи 3 бѣлыя хоругви съ крестами и надписями: «Миръ христіанству, а на начинающаго Богъ и крестъ». А поляки выставили насупротивъ этихъ хоругвей три висѣлицы съ повѣшенными на нихъ малороссійскими старшинами Богуномъ, Войновичемъ и Сутыгой, и надъ ними надпись: «Кара бунтовщикамъ». Затѣмъ поляки поплы на приступъ. Наливайко встрѣтилъ ихъ сильною пальбой изъ пушекъ и ружей и, пользуясь густымъ пороховымъ дымомъ, поставилъ въ засадѣ отборную часть своего войска и съ нею вдругъ стремительно ударилъ прямо въ середину польскаго войска; въ тоже время и прочіе казаки бросились изъ стана на оба крыла поляковъ. Послѣдніе, атакующыя съ трехъ сторонъ, смѣшались—и вокругъ висѣвшихъ на висѣлицахъ

тѣлъ старшинъ, озлобленные, разсвирѣшѣвшіе казаки 7 часовъ съ ожесточеніемъ избивали поляковъ, не давая пощады никому, даже раненымъ и бросавшимся въ рѣку; спаслись лишь немногіе, имѣвшіе лучшихъ коней. 17,330 тѣлъ убитыхъ поляковъ, по словамъ лѣтописи, казаки свалили въ груду подъ висѣлицами и насыпали надъ ними огромный земляной курганъ; тѣла же повѣшенныхъ старшинъ съ торжествомъ похоронили, какъ мучениковъ, въ Чигиринскомъ Преображенскомъ соборѣ.

Послѣ этого кроваваго побоища въ достойное возмездіе полякамъ, Наливайко раздѣлилъ свое войско на двѣ части: одну, подъ начальствомъ Лободы, послалъ въ города по Днѣпру, съ приказаніемъ выгнать изъ нихъ всѣхъ поляковъ и уніатовъ до единого (что и было исполнено), а съ другою самъ пошелъ между Днѣпромъ и Днѣстромъ. На пути онъ разбивалъ и разгонялъ всѣ встрѣчаемые польскіе отряды, бралъ въ добычу обозы и военные снаряды и запасы ихъ, сжегъ Могилевъ на Днѣстрѣ и Слуцкъ, хотя оба города были малороссійскіе, но которыхъ онъ не могъ иначе очистить отъ поляковъ, при чемъ послѣдніе были истреблены въ нихъ всѣ до послѣдняго. Въ 3½ мѣсяца вся Малороссія была очищена отъ поляковъ и уніатовъ — то былъ какъ бы ударъ грома, разразившійся въ ней надъ тѣми и друми.

Наконецъ Наливайко соединился съ Лободой на р. Случи, при Лубнахъ, на Солоницѣ, гдѣ коронный и польскій гетманы уже стояли въ станѣ, укрѣпленномъ окопами и тыномъ. Казаки приступали къ нему четыре дня сряду и наконецъ взяли уже передовыя укрѣпленія, когда пріѣхалъ королевскій гонецъ съ приказаніемъ прекратить вражду и войну, всѣмъ тремъ гетманамъ составить договоръ о вѣчномъ мирѣ и утвержденіи всѣхъ правъ Малоросіи, и отъ лица обоихъ войскъ подписать его и утвердить присягой; самъ же король съ войскомъ, даруя войску и народу русскимъ всепрощеніе, подтверждалъ на вѣчныя времена всѣ пакты и привилегіи ихъ. Повелѣніе его было исполнено и войска разошлись, но съ затаенною взаимною злобой.

Возвратясь въ Чигиринъ, Наливайко занялся заглаженіемъ бѣдствій, причпненныхъ войною Малороссіи. Въ 1597 г., по давнему обычаю, отъ войска и народа были посланы на сеймъ въ Варшаву 12 депутатовъ; въ числѣ ихъ были полковникъ Лобода, полковой судья Θεодоръ Мазепа и кіевскій сотникъ Яковъ Кизимъ. Самъ Наливайко также поѣхалъ въ Варшаву, чтобы засвидѣтельствовать королю свою вѣрнопопданническую покорность. Но едва они пріѣхали въ Варшаву, какъ въ первую же ночь были взяты подъ стражу, заключены въ подземную темницу, жестоко истязуемы, а на третій

день выведены на площадь, посажены въ мѣднаго быка и сожжены медленнымъ огнемъ....

Это безчестное вѣроломство, звѣрское безчеловѣчіе и неслыханное злодѣяніе были дѣломъ духовенства и магнатовъ польскихъ, противъ которыхъ король былъ безсиленъ и служилъ слѣпымъ орудіемъ ихъ своеволія, злобы, кровожадности и сребролюбія. Они объявили на сеймѣ смертный приговоръ всей Малороссіи, провозгласивъ народъ ея отступнымъ, вѣроломнымъ, мятежнымъ, осужденнымъ на рабство, преслѣдованіе и всемѣрное гоненіе. Вслѣдствіе такого приговора, русскіе помѣщики, если не хотѣли принимать унію, утрачивали свои земли, которыя переходили во владѣніе польской шляхты; православныя церкви были запечатаны или отданы въ аренду жидамъ, которые отпирали ихъ для священнодѣйствія не иначе какъ за извѣстную плату, до 5 талеровъ; крестины, свадьбы, похороны и пр. требы были также на откупъ у жидовъ. Тогда-то началась измѣна православной вѣрѣ и русской народности многихъ жителей Малороссіи, преимущественно изъ рыцарства и шляхты или владѣльческаго сословія, изъ-за честолюбивыхъ или корыстныхъ расчетовъ принимавшихъ унію, а потомъ и католичество и съ нимъ польскую народность, и обращавшихся въ фанатиковъ католиковъ-поляковъ.

Что касается малороссійскаго войска, то оно было крайне ослаблено: полки регистровыхъ казаковъ, понеся большую убыль въ послѣднюю войну, не были пополняемы, всякое пособіе имъ отъ скарба и куреней было запрещено, они остались безъ начальниковъ и предводителей, вмѣсто которыхъ въ полки явились запорожскіе чины безъ устава и дисциплины; въ Запорожскую Сѣчь удалились почти всѣ охочекомонные, особенно неженатые. Жители пограбленныхъ съ Польшей куреней мало по малу обратились въ польскихъ шляхтичей и составили шляхетскія околицы. Гетманщина была на краю гибели....

Но ее спасло и поддержало Запорожье. Запорожцы были оставлены поляками въ покоѣ и воевали съ валахскимъ господаремъ Михаиломъ, помогли Сигизмунду доставить молдавскому уроженцу, но польскому подданному Могилѣ, изгнанному Михаиломъ, молдавское господарство, участвовали въ войнѣ поляковъ съ шведами въ Ливоніи и, будучи полезны Польнѣ, получили за то отъ Сигизмунда подтвержденіе своихъ правъ.

Однако Малороссія недолго оставалась безъ вождя, избраннаго изъ среды ея народа. Хотя нѣкоторые полки и согласились повиноваться польскому коронному гетману, но бѣльшая часть ихъ, согласно съ Запорожьемъ, въ 1598 г. избрала въ гетманы челоуѣка, по

словамъ лѣтописи, великаго духомъ, пылкаго, храбраго, ма лорѣчи ваго, врага роскоши, иногда жестокаго, неистоваго, неумѣреннаго въ чувственныхъ наслажденіяхъ, но страшнаго для турокъ, поляковъ и великоруссовъ. То былъ [генеральный обозный Петръ Конашевичъ-Сагайдачный *], съ котораго начинается новый періодъ въ жизни народа и войска малороссійскихъ.

§ 215

Войны отъ Конашевича-Сагайдачнаго до междугетманства (1598—1622).

Избранный въ гетманы, Конашевичъ назвалъ себя гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра и войска запорожскаго. Его примѣру послѣдовали полковники, сотники и казаки малороссійскіе, которые стали называть себя запорожцами, какъ бы въ отличіе отъ повиновавшихся гетману и магнатамъ польскимъ. Онъ тѣсно сблизилъ Гетманщину и Запорожье, и это было великимъ благомъ для угнетенной Малороссіи. Въ его-то гетманство Сигизмундъ, польскіе магнаты и душа ихъ—иезуиты наводнили Великую Россію самозванцами, и эта борьба обмана съ правдой имѣла большое вліяніе и на Малороссію. Первымъ поприщемъ военныхъ дѣйствій войскъ ея были Кіевъ Черниговъ, Почепъ, Новгородъ-Сѣверскій и вся сѣверная часть Малороссіи или сѣверская область, «сѣверское герцогство» (*Severiae ducatus*).

Изображать здѣсь участіе «запорожцовъ», т. е. Гетманщины и Запорожья, въ великорусскихъ войнахъ смутнаго времени, было-бы повтореніемъ уже изложеннаго выше въ главахъ XXV и XXVI. А потому здѣсь будутъ вкратцѣ изображены только другія современныя войны и походы «запорожцовъ».

Въ 1605 г. они тревожили Турцію набѣгами на ея приморскіе города и наконецъ разграбили и сожгли Варну. Въ 1606 г. они захватили на Черномъ морѣ 10 турецкихъ кораблей. Въ 1607 г. въ Варшаву пришли вѣсти о приготвленіяхъ крымскихъ татаръ къ новому набѣгу, и Сигизмундъ немедленно послалъ въ Украинну войско, расположившееся станомъ между Винницею и Немировымъ, подъ Ободной. Запорожцы между тѣмъ ворвались уже въ Крымъ, разорили въ концѣ Очаковъ и Перекопъ и успѣли воротиться съ добычей. Въ благодарность за то — польское правительство приняло мѣры къ угнетенію ихъ, запретивъ набирать казаковъ въ королевскую службу, исключая чрезвычайной крайности.

*) Сагайдакъ, саадакъ—слово татарское—значитъ колчанъ для стрѣлъ.

Однако это не имѣло никакого вліянія на Конашевича, который въ то время, какъ часть малороссійскихъ казаковъ подъ предводительствомъ князя Романа Рожинскаго воевала въ Великой Россіи, безпрестанно воевалъ съ татарами и турками.

Въ 1612 г., узнавъ, что крымскіе татары сдѣлали набѣгъ на пограничныя казачія поселенія и угнали въ Крымъ множество плѣнниковъ, Конашевичъ съ пѣшимъ войскомъ отправился на запорожскихъ лодкахъ въ Черное море. Одна половина войска поплыла къ Кафѣ, а другая съ гетманомъ высадилась въ Сербулатской пристани, прошла мимо Кафскихъ горъ къ Кафѣ, и гетманъ, напавъ на нее съ сухаго пути и моря, взялъ ее приступомъ, освободилъ найденныхъ въ ней плѣнниковъ, вырѣзалъ жителей, а городъ разграбилъ и сжегъ. Затѣмъ онъ прошелъ горами къ Козлову, сжегъ его предмѣстія, а жители, скрывшіеся въ крѣпость, просили пощады и выдали всѣхъ христіанскихъ плѣнниковъ, съ большими притомъ дарами. Счастливо окончивъ тѣмъ походъ, Конашевичъ воротился въ Малороссію съ множествомъ плѣнниковъ и богатою добычей.

Поляки, въ опроверженіе гетманства его и дабы посѣять въ малороссійскомъ войскѣ вражду и междуусобіе, выбрали въ покорныхъ имъ полкахъ гетманомъ Демьяна Кушку. Прославившись еще при Наливайкѣ, онъ вздумалъ еще болѣе прославить себя походомъ въ Бессарабію, для освобожденія христіанскихъ плѣнниковъ, взятыхъ татарами на границахъ Подолія. Но, приблизясь къ Аккерману, онъ былъ атакованъ турками и татарами, взятъ въ плѣнъ и убитъ. На мѣсто его поляки избрали старшину Бородавку, но Конашевичъ поймалъ его, предалъ военному суду, какъ самозванца и возмутителя, и разстрѣлялъ (1613). А поляки издали законъ объ «искорененіи» казаковъ, съ предоставленіемъ короннымъ гетманамъ права поступать съ ними, какъ съ «государственными преступниками».

Не смотря на то, Конашевичъ и его казаки продолжали воевать съ татарами и турками и разорять берега Чернаго моря (1614), истребили турецкую флотилію изъ 6 галеръ и 20 легкыхъ судовъ, сожгли Синопъ и арсеналь въ Трапезонтѣ, и запорожець Голубъ наводилъ ужасъ на Анатолію (1616). Когда 80 т. турокъ, подъ предводительствомъ Скиндеръ-паши, явились на границахъ Польши, правительство ея со страху перестало не признавать Конашевича гетманомъ. По повелѣнію Сигизмунда принявъ въ свое начальствованіе всѣ малороссійскія войска, онъ двинулся съ ними и польскими войсками противъ турокъ въ Буковину и встрѣтилъ ихъ на верхнемъ Днѣстрѣ (1616). Построивъ пѣхоту, конницу и пушки свои на двухъ высотахъ, закрытыхъ кустарникомъ, онъ произвелъ противъ турокъ ложное нападеніе съ одними легкими войсками. Турки

запальчиво бросились на нихъ, а они, отступая съ гарцованіемъ и перестрѣлкой, заманили ихъ прямо въ середину между двухъ высотъ. Тогда Конашевичъ пушечнымъ и ружейнымъ залпомъ съ двухъ сторонъ разомъ положилъ цѣлыя тысячи турокъ на мѣстѣ, охватилъ ихъ конницей съ фланговъ и тыла, смѣпалъ и множество ихъ истребилъ; спаслись только бросившіе оружіе и знамена и просившіе пощады или успѣвшіе бѣжать. Всѣ турецкія пушки, весь обозъ съ запасами, все оружіе съ живыхъ и мертвыхъ — достались въ добычу побѣдителямъ. Убитыхъ турокъ сочтено 9,715, въ плѣнъ взято болѣе 1 т., въ томъ числѣ 7 пашей и 17 другихъ военачальниковъ. Отправивъ плѣнныхъ и тяжести въ Каменецъ - Подольскій, Конашевичъ преслѣдовалъ турокъ въ Молдавіи и Валахіи, разбивая и обращая въ бѣгство встрѣчаемые отряды ихъ. Наконецъ при Галацѣ онъ встрѣтилъ главную турецкую армію, подъ предводительствомъ сераскира, спилстрійскаго пашы Тапалъ-Ислама. Обозрѣвъ расположеніе ея, онъ укрѣпилъ свой станъ окопами и пушками и выждалъ въ немъ нападенія турокъ. Но видя, что они получали въ подрѣпленіе свѣжія войска на судахъ по Дунаю, Конашевичъ рѣшился самъ немедленно напасть на нихъ и, выступивъ на разсвѣтѣ изъ окоповъ, построилъ свою пѣхоту въ двѣ баталы, прикрылъ ее спереди конницей и повелъ противъ турокъ, примыкавшихъ тыломъ и однимъ флангомъ къ Дунаю и городскому предмѣстію. Первый залпъ турокъ противъ конницы казаковъ нанесъ ей большой уронъ въ лошадахъ. Но вслѣдъ затѣмъ она немедленно раступилась въ обѣ стороны, а пѣхота спустилась къ Дунаю и, обойдя у самаго берега турецкую фланговую батарею, стремглавъ бросилась въ турецкій станъ и въ предмѣстіе, не давъ туркамъ даже времени снова зарядить пушки. Сдѣлавъ залпъ, она бросилась въ рукопашный бой, а между тѣмъ другая часть пѣхоты подползла къ турецкимъ окопамъ и, сдѣлавъ залпъ, ударила на турокъ въ конья; конница же производила натиски съ другихъ сторонъ, развлекая силы турокъ. Послѣ долгаго и кровопролитнаго боя, турки наконецъ были опрокинуты и бѣжали въ городъ. Не имѣя возможности скоро зарядить ружья и пистолеты, они были поражаемы казачьими копьями, отъ которыхъ не могли защищаться саблями и кинжалами. Гетманъ запретилъ казакамъ преслѣдовать турокъ далѣе замка и рѣки, но они получили въ добычу все, что нашли въ турецкомъ станѣ. Когда же къ замку были подвезены тяжелыя пушки и открыли пальбу, турки бросились на суда и переправились за Дунай; оставшимся же въ Галацѣ христіанскимъ жителямъ его казаки не причинили никакого зла.

Отъ Галаца Конашевичъ двинулся въ Бессарабію, но получилъ

повелѣніе Сигизмунда воротиться въ свои предѣлы, по случаю перемирія, заключеннаго съ Турціей. Приближаясь къ польской границѣ, онъ отпустилъ отъ себя польскія войска и, продолжая походъ, на Бугѣ получилъ изъ Сѣчи извѣстіе, что крымскіе татары прошли за р. Самару на грабежъ въ восточной Малороссіи. Тогда Конашевичъ, пославъ пѣхоту по домамъ, съ конницей быстро двинулся за Днѣпръ и расположась на днѣпровскихъ лугахъ, близъ устья Конскихъ водъ, посылалъ къ Самарѣ частыя разъѣзды для развѣдыванія о возвращеніи татаръ. Узнавъ, что они съ огромною добычей и множествомъ скота перебираются уже обратно за Самару, гдѣ будуть имѣть ночлегъ, онъ ночью двинулся въ Самарѣ и на разсвѣтѣ внезапно папалъ на татарскій таборъ. Первымъ залпомъ опъ разогналъ татарскихъ лошадей, а татаръ, оставшихся пѣшими, въ смятеніи и страхѣ, перевололъ и пзрубилъ казачьей лавой, просекавшей черезъ весь таборъ. Освободившіеся плѣнники помогли имъ, вооружась оружіемъ татаръ, сложеннымъ на ночь въ кучи, и всѣ татары были перебиты, весь таборъ ихъ и все, что находилось въ немъ, достались казакамъ и освобожденнымъ плѣнникамъ (1617). Поляки, въ успокоеніе Турціи, уступили ей Хотинъ и срыли два вновь построенные на Днѣпрѣ казацкіе городка.

И вдругъ, послѣ такихъ разгромовъ турокъ и татаръ, Конашевичъ въ 1618 году обратилъ оружіе свое, вмѣстѣ съ Польшей, противъ Великой Россіи! Двинувшись въ предѣлы ея съ 20 тыс. казаковъ, онъ взялъ приступомъ Ливны, обложилъ Елецъ, разбилъ вышедшаго изъ него воеводу Полева, взялъ его въ плѣнъ, татаръ, найденныхъ въ городѣ, вырѣзалъ, а русскіе дары крымскому хану, на 10 т. руб., взялъ на казаковъ. Изъ Ельца онъ двинулся къ Серпухову, занятому и укрѣпленному княземъ Пожарскимъ, но послѣдній впалъ въ тяжкую болѣзнь, и вмѣсто него начальствованіе надъ войскомъ принялъ князь Волконскій. Въ виду его Конашевичъ переправился черезъ Оку и когда Волконскій отступилъ къ Коломнѣ, будго бы для защиты ея, гетманъ поворотилъ на калужскую дорогу и сталъ подъ Москвой у Донскаго монастыря. Народъ и войско въ Москвѣ взволновались, но когда волненіе утихло, царь приказалъ войску подъ начальствомъ Бутурлина вступить въ бой съ казаками. Но Конашевичъ сразу же своею булавою сбилъ Бутурлина съ коня и тутъ же добилъ его, и русское войско въ страхѣ обратилось въ бѣгство, а Конашевичъ, пройдя мимо Москвы, 23 сентября 1618 г. присоединился къ польскому войску королевича Владислава, расположенному станомъ на звенигородской дорогѣ. Они положили взять Москву наканунѣ 1 октября и планъ, составленный имп для того, имѣлъ бы успѣхъ, еслибы не былъ переданъ

царю двумя перешедшими къ нему французскими инженерами. Выломавъ негардой Арбатскія ворота, осаждавшіе ворвались-было въ городъ, но были отражены окольными Никитой Годуновымъ и отступили съ большимъ урономъ. Конашевичъ разорилъ серпуховскій уѣздъ и сталъ подъ Калугой, но, по заключеніи въ 1619 г. мира между Польшей и Россіей, возвратился въ Малороссію и, какъ бы въ знакъ примиренія, отпустилъ 300 казаковъ своихъ на службу царю.

Въ 1620 г. опъ послалъ генеральнаго есаула Потребича съ 6-ю полками въ помощь полякамъ противъ турокъ, но поляки и казаки были разбиты ими 7 октября въ битвѣ при Цецорѣ на р. Прутѣ. Въ этой битвѣ былъ убитъ чигиринскій сотникъ Михаилъ Хмѣльницкій; увидя это, сынъ его Зиновій Богданъ (знаменитый въ послѣдствіи) бросился въ ряды турокъ, но былъ окруженъ, взятъ въ плѣнъ и пробылъ въ немъ два года. У поляковъ былъ убитъ коронный канцлеръ и великій гетманъ Станиславъ Жолѣвскій.

Между тѣмъ въ Крымѣ 5 т. запорожцовъ разбили 8 тыс. татаръ подъ Перекопомъ, и Конашевичъ послалъ атамана Одинца въ Москву къ царю съ извѣстіемъ объ освобожденіи многихъ христіанскихъ плѣнниковъ. Одинецъ и его товарищи были одарены, а гетману послана похвальная грамота и на войско 300 рублей.

Поляки, желая отмстить туркамъ за пораженіе при Цецорѣ, начали ласкательствовать Конашевичу и казакамъ: назначили войску ихъ жалованье, обнародовали конституцію въ пользу православнаго духовенства и потребовали присоединенія казаковъ къ коронному гетману Ходкевичу, для войны съ турками. Тщетно турки пытались подкупить Конашевича: въ 1621 году онъ вывелъ въ поле 30 т. казаковъ съ 28 пушками, а у Ходкевича было 34 т. поляковъ. Они окопались двумя отдѣльными станами на ровномъ мѣстѣ близъ Хотина. 6-го сентября передъ ними явились 300 т. турокъ и 100 т. татаръ. Съ обѣихъ сторонъ началась пальба изъ пушекъ и затѣмъ турки и татары напали на оба стана, сильнѣе всего на казацкій. Послѣ 3-хъ-часоваго боя, турки и татары отступили, а казаки преслѣдовали ихъ. Ночью Конашевичъ ворвался въ турецкій станъ и овладѣлъ бы имъ, еслибы Ходкевичъ не отказалъ ему въ помощи. Казаки сочли это обидой для себя; недостатокъ продовольствія и фуража охладилъ усердіе ихъ еще болѣе и они начали роптать. Конашевичъ увѣдомилъ о томъ начальниковъ польскихъ войскъ, которые послали 3 депутатовъ уговаривать казаковъ. Такъ какъ Ходкевичъ 24 сентября умеръ въ Хотинѣ, то депутаты вѣроятно свалили всю вину на него; наконецъ именовъ королевича Владислава, находившагося въ станѣ и котораго казаки любили, особенно

же стараніями и уговорами Конашевича и старшинъ, казаки успокоились и остались въ станѣ.

Турки были такъ раздражены и озлоблены противъ казаковъ, что за каждую казачью голову платили по 50 червонцовъ и требовали отъ поляковъ казни Конашевича и всѣхъ старшинъ. Но гетманъ былъ крайне изумленъ, когда, во время мирныхъ переговоровъ съ турками, поляки одною изъ статей договора вѣроломно обязались «обуздать самовольство запорожцовъ и прекратить ихъ морскіе разбои». Возмущенный такимъ вѣроломствомъ, онъ поднялся всемъ станомъ своимъ и, переправясь черезъ Днѣпръ, ушелъ въ Малороссію.

Здѣсь, уже устарѣвъ, утомясь и соскучась тяжкими боевыми трудами своими, онъ передалъ начальствованіе войскомъ наказному атаману своему, Петру Кипицкому, и въ случаѣ набѣговъ и другихъ военныхъ дѣйствій поручалъ генеральнымъ старшинамъ и полковникамъ исполнять его распоряженія. Самъ же онъ занялся внутреннимъ управленіемъ Малороссіи, исправлялъ безпорядки, воспрещалъ уніятство, возвращалъ православнымъ отнятыя у нихъ церкви, въ томъ числѣ Кіевобратскій монастырь, который возобновилъ и надѣлилъ на свой счетъ, возстановилъ въ немъ знаменитое училище его и въ немъ же былъ погребенъ по смерти своей въ 1622 г., въ монашествѣ, послѣ 24-хъ-лѣтняго гетманства.

ГЛАВА XXVIII.

ВОЙНЫ ТУРОКЪ.

I. Отъ Мурада I до Селима II (1360—1566).—§ 216. Войны Мурада I (1360—1389).—Битва на Коссовомъ полѣ (15 июня 1389).—§ 217. Войны Баязида I (1389—1402).—§ 218. Войны сыновей Баязида I (1402—1413).—§ 219. Войны Мухаммеда I (1413—1421).—§ 220. Войны Мурада II (1421—1451).—§ 221. Войны Мухаммеда II (1451—1481).—Осада и взятіе имъ Константинополя (29 мая 1453).—Войны послѣ того.—§ 222. Войны Баязида II (1481—1512).—§ 223. Войны Селима I (1512—1520).—§ 224. Войны Сулеймана I (1520—1566).—II. Отъ Селима II до смерти Ахмеда I (1566—1617).—§ 225. Войны Селима II (1566—1574).—§ 226. Войны Мурада III (1574—1595).—§ 227. Войны Мухаммеда III (1595—1603).—§ 228. Войны Ахмеда I (1603—1617).

I.

Отъ Мурада I до Селима II (1360—1566).

§ 216.

Войны Мурада I (1360—1389).—Битва на Коссовомъ полѣ (15 июня 1389).

Періодъ двухъ вѣковъ отъ смерти 2-го султана турецко-османовъ или оттомановъ, Орхана или Урхана, въ 1359 г., до смерти 12-го султана Сулеймана I въ 1566 г., составляетъ продолженіе и—конецъ первыхъ, героическихъ временъ этого народа. Начавшись съ перваго основателя турецкаго государства въ Азіи, Османа, они

обнимають царствованія 11 преемниковъ его, своими непрерывными и обширными завоеваніями въ Азіи, Европѣ и Африкѣ далеко распространившихъ предѣлы турецкаго государства въ этихъ трехъ частяхъ свѣта и вознесшихъ его на высокую степень могущества и славы.

Но по смерти Сулеймана I въ 1566 г., управляемое неспособными и недостойными султанами, волнуемое смутами и возстаніями, раздираемое междуусобіями, оно хотя и не перестаетъ вести пашественныя, завоевательныя, разорительныя войны въ Азіи, Африкѣ и особенно въ Европѣ, но уже начинаетъ приходить въ разстройство и упадокъ. Послѣ Сулеймана I на турецкомъ престолѣ уже рѣдко являются способные и достойные султаны, а отъ смерти Сулеймана I до смерти Ахмеда I, въ теченіи полувѣка, ихъ и вовсе не было: это было—смутное время турецкой имперіи.

Поэтому 1-й изъ означенныхъ двухъ періодовъ заслуживаетъ быть рассмотрѣннымъ подробнѣе, нежели 2-й, тѣмъ болѣе, что въ немъ были совершены самыя обширныя и изумительныя завоеванія турокъ и самыя блистательныя военные подвиги ихъ, въ главѣ которыхъ слѣдуетъ поставить осаду и взятіе Константинополя и разрушеніе византійской или греческой имперіи Мухаммедомъ II, составившія эпоху въ исторіи.

2-й турецкій султанъ Орханъ или Урханъ, сынъ и преемникъ 1-го — Османа, умершій въ 1359 г., первый проложилъ туркамъ путь въ Европу (см. В. В. И. среднихъ временъ Ч. II, гл. VIII, IV. Турки § 68). Сынь и преемникъ его Мурадъ I (у европейцевъ Амуратъ), по прозванію Газисъ или Гехазисъ (герой), положилъ исполнить замыслы своихъ отца и старшаго брата Сулеймана, о распространеніи завоеваній турокъ въ Европѣ. И успѣхи оружія его въ ней были подлинно изумительны: въ 30 лѣтъ царствованія своего онъ завоевалъ почти весь Балканскій полуостровъ и едва не взялъ Константинополь и не разрушилъ греческую имперію, слабо управляемую императоромъ Іоанномъ I Палеологомъ. Онъ началъ съ того, что завоевалъ Галлиполи и Демотику въ Европѣ, на берегу Мраморнаго моря, и учредилъ въ послѣдней свое мѣстопробываніе. Отсюда онъ сталъ распространять свои завоеванія къ сѣверу и западу. Въ 1362 г. онъ завоевалъ Адрианополь и Филиппополь, учредилъ въ первомъ столицу Турціи въ Европѣ, двинулся изъ него въ Македонію и Фессалію, разорилъ приморскую часть ихъ и взялъ въ ней многіе города. Въ 1363 г. онъ разбилъ на р. Марицѣ соединившихся противъ него сербовъ и венгровъ, напавъ на нихъ ночью врасплохъ, и въ 1364 г. распространилъ свои завоеванія до

Балкановъ. Въ слѣдующія 10 лѣтъ опъ и его полководцы ежегодно одерживали новыя успѣхи и дѣлали новыя завоеванія въ Европѣ и Малой Азій, отнимая одни за другими греческіе города и области, и болѣе и болѣе стѣсня со всѣхъ сторонъ и уединяя греческую имперію. Завоеванія ихъ постепенно распространились къ сѣверу за Балканы до Дуная, въ Болгаріи и Сербіи, и къ западу въ Македонію, Фессалію и далѣе. Болѣе всѣхъ сопротивлялись имъ Болгарія и Сербія. Но послѣ двухъ удачныхъ походовъ противъ нихъ, Мурадъ въ 1375 г. принудилъ ихъ къ миру, по которому онѣ были принуждены признать ленную зависимость свою отъ Турціи и платить ей ежегодную дань. Въ 1382 г. Мурадъ снова напалъ на Сербію, взялъ Ниссу (нынѣ Нпшъ) и брѣвность Цатлицу. Сербскій князь Лазарь, не имѣя достаточно войскъ для сопротивленія, купилъ миръ и обязался выставить 1 т. вспомогательныхъ сербскихъ войскъ. Между тѣмъ Іоаннъ Палеологъ, видя свое безпомощное положеніе, отправился въ западную Европу искать помощи и даже подчинился папѣ, чтобы только получить ее, однако не получилъ и на возвратномъ пути былъ задержанъ за долги въ Венеціи. Старшій сынъ его Андроникъ, управлявшій за него въ Константинополѣ, ничего не сдѣлалъ для освобожденія отца своего, но младшій Мануилъ освободилъ его и былъ предпочтенъ за то старшему. Послѣдній началъ искать средствъ къ изложенію своего отца и составилъ заговоръ съ сыномъ Мурада Санчи, который также хотѣлъ изложить своего отца. Мурадъ, узнавъ объ этомъ, ослѣпилъ своего сына и потребовалъ, чтобы и Іоаннъ сдѣлалъ тоже съ Андроникомъ. Такимъ образомъ, еще не владѣя Константинополемъ, опъ уже повелѣвалъ въ немъ чрезъ Іоанна, которому оставалось только покориться ему и отъ него ожидать пощады.

Послѣ того Мурадъ обратилъ свое оружіе въ Малую Азію противъ Аллахъ-Эддина, князя Караманіи, значительнѣйшаго изъ княжествъ, возникшихъ на развалинахъ государства турокъ-сельджуковъ. Главными городами ея были Селевкія на берегу Киликійскаго моря, Ларенда, Эрменакъ и др., а столицей—Иконій или Конія. Караманскіе князья уже давно съ завистью смотрѣли на быстрое возрастаніе государства турокъ-османовъ, и Аллахъ-Эддинъ, пользуясь заговоромъ Санчи противъ Мурада, возсталъ войною противъ послѣдняго. Но Мурадъ лично повелъ противъ него свое войско, усиленное вспомогательными войсками своихъ новыхъ вассаловъ (въ томъ числѣ сербскими), и въ 1386 г., въ битвѣ при Коніи, одержалъ рѣшительную побѣду надъ Аллахъ-Эддиномъ, которому изъ милости оставилъ его княжество, но съ ленною зависимостью отъ Турціи. Строгая турецкая дисциплина, которой въ этомъ походѣ подчи-

нены были сербскія войска, возбудила неудовольствіе ихъ и усилила желаніе Сербіи и Болгаріи отложиться отъ турокъ. Сербскій князь Лазарь, по совѣту боснійскаго и рассваго краля Стефана Твартка, рѣшился свергнуть его турокъ. Съ этою цѣлію одинъ мелкій владѣтель въ Босніи, явившись къ Мураду въ видѣ предателя, вызвался помочь ему захватить врасплохъ заговорщиковъ — и навелъ турецкія войска на засаду сербовъ, которые истребили ихъ. Раздраженный этимъ Мурадъ поклялся завоевать Сербію или умереть и сталъ собирать войско. Лазарь съ своей стороны провозгласилъ всеобщее возстаніе и вооруженіе и въ іюнѣ 1389 г. съ нимъ соединились союзныя и вспомогательныя войска изъ Босніи, Герцеговины, Албаніи, Болгаріи, Венгріи и Польши. Къ несчастію, Лазаря окружали раздоры и пзмѣна. На старшей дочери его былъ женатъ Вукъ Бранковичъ, человекъ гордый, честолюбивый и мстительный, а на младшей—Милошъ Обличъ, истинный герой. Жены ихъ, хваля каждая своего мужа и отдавая ему преимущество, обидѣлись и пожаловались своимъ мужьямъ. Милошъ Обличъ счелъ это пустымъ, но Вукъ Бранковичъ рѣшился погубить его и сталъ наущничать на него Лазарю, увѣряя, будто онъ замышляетъ измѣну, чтобы самому быть сербскимъ княземъ. Послѣ разныхъ неудовольствій, между Милошемъ и Бранковичемъ произошелъ поединокъ, на которомъ первый выбилъ втораго изъ сѣдла, и хотя Лазарь примирилъ ихъ, но посрамленный Бранковичъ поклялся отомстить Милошу.

Между тѣмъ оба войска, союзное подъ предводительствомъ Лазаря, а турецкое—самаго Мурада, къ 14 іюня 1389 г. расположились одно противъ другаго станами на Коссовомъ полѣ (по нѣмцки Amselfeld—дроздовое поле, по венгерски Rigomezeu), на южной границѣ Сербіи и Босніи. Это была обширная равнина, съ двухъ сторонъ огражденная горами, а по серединѣ прорѣзанная рѣкою Ситницею. 14 іюня въ обонхъ станахъ были собраны военные совѣты. Въ турецкомъ многіе военачальники предлагали прикрыть фронтъ арміи верблюдами, дабы видомъ ихъ привести непріятельскую конницу въ страхъ и разстройство. Но сынъ Мурада Баязидъ возразилъ, что употребить эту недостойную хитрость значило не довѣрять судьбѣ, явно покровительствовавшей оружію турокъ, и что сами верблюды испугаются непріятельской конницы и приведутъ турецкое войско въ разстройство. Мнѣніе его поддержалъ и верховный визирь. Въ совѣтѣ союзниковъ же многіе предлагали напасть на турокъ ночью, а другіе напротивъ утромъ. Мнѣніе послѣднихъ взяло верхъ, потому что при многочисленности союзниковъ побѣда казалась имъ несомнѣнною, а ночь только прикрыла бы бѣгство турокъ. Послѣ со-

вѣта, у князя Лазаря былъ пирь, на которомъ Бранковичъ не переставалъ наущничать Лазарю на Милоша. Подъ влияніемъ этого, Лазарь, подавъ Милошу кубокъ вина, выразилъ сомнѣніе въ вѣрности его. Оскорбленный этимъ Милошъ отвѣчалъ, что дѣло покажетъ, кто правъ—и покинулъ пирь.

Битва на Коссовомъ полѣ (15 іюня 1389 года).

На другой день 15 іюня на разсвѣтѣ оба войска построились къ бою на Коссовомъ полѣ слѣдующимъ образомъ:

Союзное: правое крыло — подъ начальствомъ тестя Лазаря, Юга Богдана Вратко, лѣвое—Вука Бранковича, а середина—самаго Лазаря.

Турецкое: правое крыло—подъ начальствомъ посѣдѣвшаго въ бояхъ Эвренось-бега, лѣвое—Мурадова сына Якуба, а серединою долженъ былъ начальствовать самъ Мурадъ.

Но еще прежде, нежели оба войска вступили въ бой, Милошъ Обилчъ, съ двумя вѣрными ему товарищами и отчаянными храбрцами, Яномъ Косанчичемъ и Миланомъ Топличаниномъ, пробрался въ турецкій станъ, назвавъ себя переметчикомъ, имѣвшимъ открытъ султану весьма важную тайну. Допущенный въ его шатерь, онъ хотѣлъ поцѣловать его руку, но султанъ подалъ ему ногу. Милошъ, наклонясь и взявъ ее лѣвою рукою, правую выхватилъ ножъ, вонзилъ его въ грудь султана и въ три прыжка выскочилъ изъ шатра, чтобы соединиться съ своими товарищами, вскочить на коня и ускакать. Турки бросились на нихъ и изрубилъ Косанчича и Топличанина, а Милошъ, самъ изрубивъ нѣсколькихъ турокъ, былъ тяжело раненъ, взятъ въ плѣнъ и связанный приведенъ къ умирающему Мураду, который тутъ же приказалъ казнить его.

Между тѣмъ на Коссовомъ полѣ уже началась жестокая битва. Лѣвое крыло турокъ первое стремительно ударило на правое крыло союзниковъ, но Вратко выдержалъ ударъ и стоялъ непоколебимо. Бранковичъ же, обвинявшій Милоша въ измѣнѣ, самъ оказался измѣнникомъ, малодушно и постыдно бѣжавъ въ горы. Баязидъ съ серединой турецкаго войска, вмѣсто умиравшаго Мурада, стремительно ударилъ на Лазаря и Вратко и тутъ произошла жесточайшая сѣча. Вратко былъ убитъ; 9 сыновей его, одинъ за другимъ, были также убиты; князь Лазарь бился насмерть впереди всѣхъ, но наконецъ отбѣжалъ назадъ, чтобы перемѣнить измученнаго коня. Не видя его передъ собою и думая, что онъ убитъ, войска его пришли въ разстройство. Но Лазарь, прискакавъ назадъ, старался возстановить порядокъ, неосторожно увлекся впередъ, былъ тяжело израненъ и

отведенъ къ Мураду; который и его приказалъ тутъ же казнить. Тогда союзное войско, лишенное всѣхъ своихъ предводителей, разстроенное, вездѣ разбитое, понесло совершенное и страшное поражение. Мурадъ умеръ и Баязидъ, ставъ султаномъ, жестоко разорилъ беззащитную Сербію. Вдова князя Лазаря Мплица была принуждена выдать Баязиду въ жены дочь свою Мильеву, и плѣнный ея красотой Баязидъ отдалъ Сербію старшему сыну Лазаря Стефану, наложивъ на него дань и обязавъ его выставять 10 т. вспомогательныхъ войскъ.

Такъ въ битвѣ на Коссовомъ полѣ Сербія надолго утратила свою политическую самостоятельность и стала данницей турокъ.

На мѣстѣ смерти Мурада, въ его шатрѣ на Коссовомъ полѣ, турки соорудили часовню, а тамъ, гдѣ герой Милошъ Обиличъ сдѣлалъ три прыжка изъ шатра султана, сербы навалили три груды камней.

Мурадъ I, въ 30 лѣтъ своего царствованія, своими побѣдами и завоеваніями въ Европѣ на Балканскомъ полуостровѣ, первый осуществилъ въ ней политику отца, дѣда и прадѣда своихъ, и положилъ первое основаніе дальнѣйшимъ завоеваніямъ въ ней своихъ преемниковъ, начиная съ Баязида.

§ 217.

Войны Баязида I (1389—1402).

Баязидъ (у европ. Баязетъ) I Ильдериъмъ (молнія, молніеносный) еще при жизни отца своего, сопутствуя ему въ его походахъ, отличался необычайною храбростью, особенно въ битвѣ при Коніи въ 1386 г. и на Коссовомъ полѣ въ 1389 г. Но, ставъ султаномъ, онъ началъ съ того, что велѣлъ казнить единственнаго брата своего, Якуба, чтобы предотвратить возмущеніе его и не имѣть въ немъ соперника (такого рода жестокостью ознаменована исторія всѣхъ турецкихъ султановъ). Выше уже сказано, что онъ обратилъ Сербію въ турецкій ленъ. Почти тоже самое сдѣлалъ онъ и съ жалкою греческою имперіей. Ослѣпленный и заключенный въ темницу сынъ Іоанна Андроникъ просилъ Баязида о помощи. Баязидъ двинулся съ 6 т. чел. конницы и 4 т. чел. пѣхоты къ Константинополю, плѣнилъ Іоанна и сына его Мануила, заключилъ ихъ въ ту самую темницу, изъ которой освободилъ Андроника, и возвелъ его на греческій престолъ, назначивъ его своимъ леннымъ васса-

ломъ. Но вскорѣ Іоаннъ и Мануилъ успѣли бѣжать изъ заключенія и стали просить помощи у того же самаго Баязида, который заключилъ ихъ въ темницу. При этомъ Іоаннъ согласился выплатить ему значительную сумму денегъ и ежегодно выставить 12 т. греческихъ вспомогательныхъ войскъ. Тогда Баязидъ снова возвелъ его на престолъ, а Андронику предоставилъ остальную часть греческой имперіи внѣ столицы (1390). Такъ Баязидъ уже самовластно распоряжался греческимъ престоломъ и обратилъ императоровъ греческихъ въ своихъ ленныхъ вассаловъ. Но Іоаннъ былъ жестоко наказанъ за свое малодушіе, когда Баязидъ впервые потребовалъ отъ него вспомогательнаго греческаго войска для взятія послѣдняго греческаго же города Филадельфіи, которымъ греки еще владѣли въ Малой Азій. Греческій военный начальникъ его не хотѣлъ сдать его — и Баязидъ приказалъ греческимъ войскамъ Іоанна взять свой греческій городъ приступомъ для него, Баязида! Этотъ фактъ лучше всего свидѣтельствуеетъ жалкое уже состояніе въ это время греческой имперіи.

Не менѣе самовластно поступалъ Баязидъ и съ турецкими князьями въ Малой Азій. Отнявъ владѣнія у князей эдійскаго, саруханскаго и мектешскаго, онъ образовалъ изъ нихъ новое намѣстничество, которое отдалъ сыну своему Эртогрулу. Затѣмъ онъ завоевалъ Текгу и независимую еще часть Караманіи (или Керміана), пошелъ противъ враждебнаго ему караманскаго князя Аллахъ-Эддина и осадилъ столицу его Конію. При этомъ онъ держалъ свое войско въ такой строгой дисциплинѣ, что когда у него оказался недостатокъ въ продовольствіи, сами осажденные доставляли ему оное за хорошую плату. Многіе города Караманіи, прельщенные этимъ, покорились добровольно и самъ Аллахъ-Эддинъ, уступкой части своего княжества, искупилъ миръ и обладаніе остальными городами и землями своими (1390).

Изъ Малой Азій Баязидъ снова воротился въ Европу, возобновилъ укрѣпленія Галлиполя и велѣлъ заложить въ немъ безопасную гавань для своего флота. Между тѣмъ полководцы его разоряли о.о. Хиосъ и Эвбею и часть Аттики. Въ Константинополѣ слишкомъ поздно начали заботиться въ это время объ исправленіи и усиленіи укрѣпленій его и, по недостатку стропильныхъ матеріаловъ, снесли три великолѣпныя церкви. Разгнѣванный Баязидъ приказалъ прекратить эти работы и тѣмъ ускорилъ смерть престарѣлаго Іоанна. Ему наследовалъ сынъ его Мануилъ, но въ большей еще зависимости отъ Баязида, который запретилъ ему исправлять и усиливать новыми укрѣпленія Константинополя и потребовалъ, чтобы онъ допустилъ въ этомъ городѣ турецкаго кади или судью, для рѣшенія

въ немъ тяжбъ между турецкими купцами и христіанами. Получивъ отказъ въ этомъ, Баязидъ въ 1391 г. обложилъ Константинополь (1-я блокада) и около 6 лѣтъ держалъ его въ обложеніи. Въ 1397 г. племянникъ Мануила Іоаннъ, содѣйствіемъ Баязида возведенный на престолъ, удовлетвореніемъ требованій Баязида и обѣщаніемъ ему ежегодной данн, а верховному визирю его—богатыхъ даровъ, успѣлъ склонить ихъ къ снятію обложенія.

Около того же времени предприняты были: 1-й походъ турокъ противъ Венгріи и 2-й походъ противъ снова возставшаго Аллахъ-Эддина. Послѣдній былъ разбитъ на Акційской равнинѣ, близъ Кіютаи, плѣненъ съ двумя сыновьями своими и казненъ. Покоривъ такимъ образомъ южную часть Малой Азіи, Баязидъ перенесъ свое оружіе въ восточную и сѣверную, взялъ въ нихъ города Сивасъ, Токатъ, Кесарію, Амазію и покорилъ области Кастамуни и Джаникъ. Изгнанные же имъ князья бѣжали въ среднюю Азію, искать спасенія у монгольскаго завоевателя Тимуръ-Ленга (у европейцевъ—Тамерланъ).

Послѣ всѣхъ этихъ побѣдъ и завоеваній, Баязидъ предался въ Бруссъ (азіятской столицѣ своей) покою, нѣгѣ и даже нетрезвости. Но сильныя вооруженія противъ него германскаго императора и венгерскаго короля Сигизмунда и его союзниковъ пробудили Баязида отъ усыпленія и въ 1396 г. онъ двинулся съ сильнымъ войскомъ на помощь Никополю, осажденному союзнымъ войскомъ Сигизмунда. Здѣсь 28 сентября 1396 г. произошла жестокая битва, въ которой Баязидъ одержалъ рѣшительную побѣду, но стоявшую ему огромнаго урона до 60 т. убитыхъ и раненыхъ. На другой день онъ отомстил за это звѣрскимъ избіеніемъ до 10 т. христіанскихъ плѣнниковъ и только просьбы приближенныхъ его могли остановить это ужасное кровопролитіе. Слѣдствіями побѣды при Никополѣ были: взятіе Митровицы на р. Савѣ и первое разорительное вторженіе турокъ въ Штирію.

Затѣмъ Баязидъ, по совѣту недостойнаго фокійскаго епископа, двинулся въ Грецію, безъ боя прошелъ чрезъ Фермопилы и завоевалъ Дориду, Локриду и Фокиду, дальнѣйшее же завоеваніе Пелопоннеса предоставилъ полководцамъ своимъ Якубу и Энгреносу. Между тѣмъ другой побѣдоносный полководецъ его Тимурташъ распространилъ успѣхи турецкаго оружія до самаго Евфрата.

И снова нѣсколько лѣтъ провелъ Баязидъ въ Бруссѣ—въ праздномъ покоѣ, изъ котораго наконецъ былъ вызванъ грозой, приближавшеюся съ востока—изъ средней Азіи, именно—монгольскихъ полчищъ азіятскаго завоевателя Тимуръ-Ленга. Баязидъ послѣшилъ въ Арменію и взятіемъ въ ней Эрфенджана полагая, что опас-

ность съ востока была устранена, воротился въ Адрианополь. Отсюда онъ потребовалъ отъ греческаго императора Іоанна, чтобы онъ промѣнялъ свой престолъ на панѣстничество, грозя въ противномъ случаѣ все разрушить и истребить. Іоаннъ отказалъ и жители Константинополя уже готовились снова выдержать осаду, какъ вдругъ гроза съ востока Азии разразилась—Тимуръ шелъ прямо въ Малую Азію противъ Баязида, одинъ азіятскій завоеватель противъ другаго. Тимуръ, взявъ Сиву и Эфенджапъ, повелительно потребовалъ отъ Баязида, чтобы онъ казнилъ или по крайней мѣрѣ изгналъ бѣжавшихъ къ нему, непокорныхъ Тимуру князей. Огвѣтъ Баязида, еще болѣе гордый и оскорбительный, предоставилъ оружію рѣшить вопросъ, которому изъ нихъ одолѣть. И онъ былъ рѣшенъ въ кровопролитной битвѣ при Ангорѣ (древней Анкирѣ): 20-го іюня 1402 года Тимуръ, пользуясь всеобщимъ неудовольствіемъ противъ строгости и жестокости Баязида и невѣдани имъ, изъ скупости, жаловавша своимъ войскамъ, успѣлъ склонить на свою сторону татарскія войска Баязида и одержалъ надъ нимъ рѣшительную побѣду (см. ниже гл. XXIX: войны и походы Тимурленга, битва при Ангорѣ). Баязидъ, послѣ упорнѣйшей обороны, разбитый и принужденный спастись бѣгствомъ, упалъ съ коня и былъ взятъ въ плѣнъ съ сыномъ своимъ Музю и многими вельможами. Изъ другихъ сыновей Баязида, участвовавшихъ въ битвѣ, Сулейманъ ушелъ на западъ къ морю, гдѣ спасся подъ прикрытіемъ сербскихъ вспомогательныхъ войскъ; Иза и Мухаммедъ бѣжали въ разныя стороны, а 4-й—Мустафа пропалъ безъ вѣсти. Тимуръ предоставилъ преслѣдованіе Сулеймана впуку своему Мухаммеду, который гнался за нимъ такъ быстро, что въ 5 сутокъ уже подступилъ къ Бруссу. Тимуръ снова ввелъ во владѣніе изгнанныхъ Баязидомъ князей Малой Азии, а Сулейманъ и греческій императоръ были принуждены платить ему дань для того только, чтобы удержать переходъ его въ Европу. Одна Смирна, принадлежавшая Іоаннитскому ордену, отважилась упорно сопротивляться Тимуру, но была взята имъ послѣ 2-хъ-недѣльной осады. Взятіемъ ея кончилиась завоеванія Тимура въ Малой Азии и въ началѣ 1403 г. онъ отправился обратно въ Самаркандъ, увезя съ собою плѣннаго Баязида. Сначала онъ обращался съ нимъ великодушно, но когда Баязидъ сдѣлалъ попытку бѣжать, Тимуръ велѣлъ днемъ держать его подъ стражей, а ночью въ оковахъ. Баязидъ умеръ въ плѣну 8 марта 1403 г. въ Ашкерѣ и Тимуръ позволилъ сыну его Музю похоронить тѣло его въ мечети, построенной Баязидомъ въ окрестностяхъ Бруссы.

Таковъ былъ жалкій конецъ этого турецкаго завоевателя, 14 лѣтъ счастливо воевавшаго въ Европѣ и Малой Азии.

§ 218.

Войны сыновей Баязида I (1402—1413).

Послѣ плѣненія Баязида I и удаленія Тимура въ Азію, въ Турціи 11 лѣтъ происходили междуусобныя войны четырехъ сыновей Баязида, съ присоединеніемъ къ тому нѣсколькихъ внутреннихъ войнъ съ возстававшими областями и мятежниками. Поэтому, 11-ти-лѣтній періодъ этого смутнаго времени, между предъидущимъ и послѣдующимъ періодами усиловъ оружія, завоеваній и военной славы турецкой имперіи, не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго и занимательнаго въ военномъ отношеніи и приводится здѣсь вкратцѣ только для связи предъидущаго съ послѣдующимъ.

Старшій сынъ Баязида I Сулейманъ, спасшійся въ Европу, завладѣлъ всеми турецкими владѣніями въ ней, имѣя столицу въ Адрианополь, и заключилъ союзъ съ греческимъ императоромъ Мануиломъ. Предавшійся распутству, нетрезвости и праздности, онъ уступилъ Мануилу завоеванія отца и дѣда своихъ — Фессалоникку, все города до р. Стримона и Понта (Чернаго моря) и все приморскіе города отъ Паниса до Варны.

Другіе два сына Баязида I, Мухаммедъ и Изъа раздѣлили между собою все оставшіяся еще въ Малой Азіи турецкія владѣнія, такъ что Мухаммедъ имѣлъ столицей Амазію, а Изъа — Бруссу, каждый—съ принадлежавшимъ къ этимъ городамъ областями.

Такимъ образомъ Турція раздѣлилась между тремя сыновьями Баязида I, однимъ въ Европѣ и двумя въ Малой Азіи. Ни одинъ изъ нихъ не былъ султаномъ всей, нераздѣльной Турціи, но каждый хотѣлъ быть имъ. Отсюда, естественно, произошли междуусобія, сначала въ Малой Азіи, между Мухаммедомъ и Изъою. Князья Малой Азіи пристали одинъ къ одному, другіе къ другому. Мухаммедъ одержалъ верхъ: Изъа, послѣ тоекратнаго пораженія, бѣжалъ въ Караманію и пропалъ безъ вѣсти. Мухаммедъ изгналъ или умертвилъ всехъ князей, приставшихъ къ Изъа, и соединилъ подъ своею властью все турецкія владѣнія въ Малой Азіи.

Сулейманъ, во время войны братьевъ своихъ въ Малой Азіи, оставался въ праздномъ бездѣйствіи. Но увѣщанія верховнаго визиря его, Али-паши, и желаніе быть султаномъ всей турецкой имперіи возбудили его отъ лѣни и усипленія, и въ 1406 году онъ предпринялъ походъ въ Малую Азію противъ Мухаммеда. Здѣсь Али-паша покорилъ Бруссу и Ангору и сильно стѣснилъ Мухаммеда,

не смотри на то, что онъ упорно оборонялся. Тогда Мухаммедъ послалъ брата своего Музу, освобожденнаго изъ монгольскаго плѣна, въ Европу, для того, чтобы онъ войною въ собственныхъ владѣнiяхъ Сулеймана отвлекъ его отъ Мухаммеда и Малой Азiи. Эта искусная диверсiя имѣла успѣхъ: Сулейманъ воротился въ Европу, гдѣ Муза успѣлъ уже овладѣть Адрианополемъ. Но Сулейманъ или скорѣе Али-паша разбилъ Музу и принудилъ его бѣжать въ Балканы, гдѣ онъ скрывался нѣсколько лѣтъ. Сулейманъ снова и пуще прежняго предался праздному покою, распутству и негрезвости въ Адрианополѣ, такъ что даже всѣ вельможи и сановники его отступились отъ него. А между тѣмъ Муза въ Балкапахъ собиралъ войска, чтобы нанести Сулейману рѣшительный ударъ, и въ 1410 году такъ неожиданно напалъ на него, что Сулейманъ лишь съ немногими спутниками бѣжалъ по дорогѣ въ Константинополь, но былъ схваченъ и убитъ.

Тогда Муза, оставшись обладателемъ турецкихъ владѣнiй въ Европѣ, прежде всего набазалъ сербовъ, за ихъ преданность Сулейману, жестокимъ разоренiемъ Сербiи. Потомъ онъ завоевалъ обратно Фессалонику и всѣ города и владѣнiя, уступленные Сулейманомъ Мануилу, и наконецъ, потребовавъ покорности послѣдняго, обложилъ Константинополь (1410 года, 3-я осада). Мануилъ призвалъ на помощь Мухаммеда, который и перешелъ въ Европу къ Константинополю, но былъ разбитъ Музою и удалился въ Азiю. Собравъ здѣсь болѣе сильное войско, онъ снова перешелъ въ Европу и наконецъ въ 1413 г., въ битвѣ на равнинѣ Чамурли, разбилъ Музу, покинутаго своими войсками. Муза бѣжалъ и въ бѣгствѣ былъ убитъ, а Мухаммедъ, оставшись единственнымъ законнымъ наследникомъ Баязида I и обладателемъ всей нераздѣльной турецкой имперiи, содѣлался султаномъ ея подъ именемъ Мухаммеда I, чего заслуживалъ преимущественно передъ своими братьями по своему благородному, кроткому и благородному характеру и правительственнымъ дарованiямъ.

§ 219.

Войны Мухаммеда I (1413—1421).

Мухаммедъ I, справедливо прозванный побѣдопоснымъ и возстановителемъ государства, царствовалъ недолго — всего 8 лѣтъ, но мудро, стараясь изгладить слѣды несчастiя, постигшаго отца его. Онъ возвратилъ союзнику своему Мануилу города въ

*

Оссалип и Пропонтидѣ, заключилъ договоръ съ Венеціей, обезпечивавшій ея торговлю и поселенія, и возобновилъ договоры съ другими союзниками и вассалами своими. Въ 1414 г. онъ усмирилъ въ Малой Азіи опасный мятежъ Джуненда и другія возмущенія. Между тѣмъ флотъ его, предпринявшій покореніе о. Накоса, былъ разбитъ венеціанцами при Галиполи въ Дарданеллахъ. Мухаммедъ, поротясь въ 1415 г. въ Европу, обратилъ свое оружіе противъ Босніи и Штиріи, но въ 1419 г. войско его было дважды разбито при Радкерсбургѣ и потомъ венгерскимъ королемъ Сигизмундомъ между Ниссой (н. Нишъ) и Никоподемъ, въ то время, когда самъ Мухаммедъ былъ занятъ въ Малой Азіи войною противъ искателя престола, называвшаго себя сыномъ Баязида I Мустафою, пропавшимъ безъ вѣсти послѣ битвы при Ангорѣ. Этотъ лже-Мустафа, разбитый наконецъ Мухаммедомъ, бѣжалъ въ Константинополь къ Мануилу. Послѣдній не выдалъ его однако Мухаммеду, но за известную сумму, назначенную послѣднимъ на содержаніе Мустафы, обѣщалъ содержать его подъ строгимъ надзоромъ и такимъ образомъ, съ истиннымъ византійскимъ коварствомъ, имѣлъ въ немъ заложника хорошихъ отношеній къ себѣ Мухаммеда. Послѣдній хотѣлъ затѣмъ установить порядокъ престолонаслѣдіи, но не успѣвъ въ томъ, по причинѣ скороспѣвающей смерти своей (отъ удара) въ 1421 г. Визири его 40 дней скрывали смерть его и тѣмъ дали время старшему сыну его, 18-ти-лѣтнему Мураду, бывшему въ отсутствіи, прибыть и вступить на престолъ подъ именемъ Мурада II.

§ 220.

Войны Мурада II (1421—1451).

Начало 30-ти-лѣтняго царствованія Мурада (Амурата) II ознаменовалось также семейными смутами между Мурадомъ, его младшими братьями и лже-Мустафой. Мухаммедъ I въ своемъ завѣщаніи назначилъ поручить воспитаніе младшихъ сыновей своихъ Мануилу, безъ сомнѣнія для того, чтобы обезопасить ихъ со стороны старшаго брата. Но Мурадъ не согласился на то, вслѣдствіе чего между нимъ и Мануиломъ произошла вражда, и Мануилъ, освободивъ лже-Мустафу, противопоставилъ его Мураду. Мустафа нашелъ столько приверженцовъ себѣ, что вскорѣ овладѣлъ всею европейскою Турціей; но когда перешелъ въ Малую Азію, то былъ покинутъ большею частью своего войска и принужденъ воротиться въ Европу. Мурадъ послѣдовалъ за нимъ на генуэзскихъ корабляхъ

и безъ боя покорилъ себѣ все государство. Мустафа бѣжалъ и былъ схваченъ и повѣшенъ. Тогда Мурадъ, въ отмщеніе Мануилу за причиненное имъ возстаніе, въ 1422 г. обложилъ Константинополь (4-я осада) и стѣснялъ его болѣе, нежели кто-либо изъ его предшественниковъ. Но бунтъ брата его, Мустафы, въ Малой Азіи принудилъ Мурада снять обложеніе и осаду Константинополя, что имѣло важныя послѣдствія, хотя бунтъ Мустафы былъ подавленъ безъ труда и Мустафа казненъ. Мануилъ вскорѣ умеръ (1424) и ему наследовалъ старшій сынъ его, Іоаннъ VI Палеологъ. Послѣдній заключилъ миръ съ Мурадомъ, уступивъ ему всѣ города, которые предшественники его, Іоанна, удержали еще на берегахъ Чернаго моря, во Фракіи и въ Македоніи. Такимъ образомъ греческая имперія снова лишилась всѣхъ выгодъ, приобретенныхъ ею вслѣдствіе побѣды Тимура и междуусобій сыновей Баязида I, и снова очутилась въ томъ же слабомъ и стѣсненномъ положеніи, что и въ концѣ XIV вѣка. Тогда-то Іоаннъ Палеологъ, подобно своимъ предшественникамъ, сталъ искать помощи папы и христіанской западной Европы посредствомъ соединенія восточной и западной Церквей. Слѣдствіями этого были: соборъ въ Феррарѣ и потомъ во Флоренціи, а послѣ 9-ти-мѣсячныхъ преній на немъ — извѣстная флорентійская унія и обѣщаніе папы Евгенія IV помочь греческой имперіи флотомъ и войскомъ и возбудить христіанскую Европу къ войнѣ противъ турокъ. Но, какъ извѣстно, унія произвела въ Греціи и во всѣхъ православныхъ земляхъ крайнее негодованіе, а старанія папы возбудить войну противъ турокъ остались безъ успѣха, исключая государствъ, находившихся въ ближайшей опасности со стороны турокъ, особенно Венгріи и Польши, бывшихъ подъ властію короля Владислава III.

Между тѣмъ какъ это происходило на западѣ, Мурадъ въ 1425 году разбилъ въ Малой Азіи мятежника Джуненда, 20 лѣтъ возмущавшаго турецкія владѣнія, и предалъ его смерти со всемъ семействомъ. Въ 1428 г. онъ отнялъ у венеціянцевъ Фессалонику, купленную ими еще у императора Андропика, усмирилъ возстаніе жителей Караманіи, возбужденное сербами и венграми, и, въ отмщеніе тѣмъ и другимъ, пошелъ войною противъ нихъ. Сербы откупились отъ него дарамъ, но въ Венгріи турки, послѣ продолжительной осады, взяли Семендрію, два раза разбили венгровъ, разорили большую часть Семиградскаго княжества и увели съ собою болѣе 100 т. плѣнныхъ. Князья боснійскій и Іоаннъ Кастріотъ албанскій силою оружія были принуждены стать ленными данниками Турціи. Послѣдній выдалъ заложниками 5 сыновей своихъ, изъ которыхъ четырехъ старшихъ Мурадъ велѣлъ отравить, но 5-й, младшій, Георгій—

знаменигый въ послѣдствіи Скандербегъ—успѣлъ спастись. Послѣ того Мурадъ хотѣлъ совершенно покорить Семиградское княжество, но встрѣтилъ грознаго противника въ знаменитомъ воеводѣ его, Іоаннѣ Гуніадѣ Корвинѣ (1440). Послѣдній былъ избранъ главнымъ предводителемъ союзнаго христіанскаго войска противъ турокъ и одержалъ надъ ними рѣшительныя побѣды при Германштадтѣ и Вашигѣ (1442). Въ слѣдующемъ 1443 г. на берегахъ Дуная собралось многочисленное крестовое войско, подъ предводительствомъ Владислава и Гуніада. Двумя побѣдами при Ниссѣ (нын. Нишъ) и Яловацѣ оно проложило себѣ путь черезъ Балканы и только по причинѣ зимы воротилось въ Венгрію, чтобы весною возобновить походъ. Но зимою воинственная ревность его охладѣла, и когда Мурадъ, ослабленный тремя одновременными войнами съ Владиславомъ и Гуніадомъ, съ Скандербегомъ въ Албаніи, и въ Караманіи въ Малой Азіи, предложилъ Владиславу и Гуніаду выгодный миръ, то они согласились заключить перемиріе на 10 лѣтъ (1444). Во время переговоровъ о томъ умеръ старшій и любимшій сынъ Мурада Аллахъ-эддинъ и смерть его такъ поразила Мурада, что онъ отрекся отъ престола въ пользу 14-ти-лѣтняго сына своего, Мухаммеда, и удалился въ уединеніе въ Магнезію. Крестовое войско еще не все было распущено, когда пришло извѣстіе объ отреченіи Мурада и вмѣстѣ съ тѣмъ приглашеніе адмирала христіанскаго флота и греческаго императора воспользоваться этимъ для низверженія господства турокъ въ Европѣ. Папскій легатъ кардиналъ Чезарини подкрѣпилъ это приглашеніе и разрѣшилъ нарушить только-что заключенное перемиріе, а Владиславъ и Гуніадъ согласились на такое вѣроломство. Хотя армія ихъ состояла уже тогда не болѣе какъ изъ 20 т. войскъ, они въ сентябрѣ 1444 года выступили въ походъ и берегомъ Черпаго моря дошли до Варны, которую и покорили. Но здѣсь, вмѣсто ожидаемой помощи, они получили извѣстіе, что Мурадъ снова принялъ правленіе и идетъ противъ нихъ съ 60 т. войскъ. Они не двинулись на встрѣчу ему и не отступили, но остались въ Варнѣ и здѣсь, въ кровопролитной битвѣ при ней 10 поября 1444 г. были на-голову разбиты, Владиславъ убитъ, Гуніадъ бѣжалъ, венгры, засѣвшіе въ свой таборъ изъ повозокъ, на другой день истреблены всѣ, до одного, а кардиналъ Чезарини убитъ во время бѣгства. Словомъ — Владиславъ и Гуніадъ, за свое вѣроломство, были жестоко наказаны полнѣйшимъ пораженіемъ. Но Мурадъ не воспользовался своей побѣдой и, наскучивъ престоломъ, снова удалился на покой въ Магнезію. Однако покой его скоро былъ нарушенъ страшнымъ бунтомъ янычаровъ и Мурадъ снова принялъ правленіе. Усмиривъ бунтъ яныча-

ровъ, онъ въ 1446 г. обратилъ свое оружіе противъ Греціи, завоевалъ Коринѳъ, Патрасъ и другіе города въ ней, но не успѣлъ довершить покореніе ея, отвлеченный возобновившеюся войною съ Венгріей. Она встала противъ него 24 т. войскъ подъ предводительствомъ Гуніада, а Мурадъ двинулся противъ него съ 150 т. войскъ и 17 октября 1448 г. одержалъ надъ нимъ рѣшительную побѣду въ битвѣ при Коссовѣ, въ которой Гуніадъ потерялъ до 20 т. челов. Слѣдствія этой побѣды могли бы быть гибельны для Венгріи, еслибы, къ счастью для нея, грозившая ей опасность не была отклонена геройскою обороною Скандербега въ Эпирѣ и Албаніи противъ лучшихъ турецкихъ полководцовъ и наконецъ самаго Мурада Скандербегъ, вступивъ во владѣніе землями отца своего, по смерти его, нѣсколько разъ разбилъ турокъ и принудилъ ихъ снять осаду главнаго города Кроп. Раздраженный сопротивленіемъ его, Мурадъ лично обратился противъ него, употреблялъ и силу, и хитрость, чтобы одолѣть его, осадилъ Крою, но все было тщетно. Досада и огорченіе отъ неудачи причинили ему скоропостижную смерть отъ удара, 11 февраля 1451 г., на 49 году жизни, послѣ 30 лѣтъ царствованія, ознаменованнаго замѣчательными военными подвигами, какъ его самаго, такъ и знаменитыхъ противниковъ его — Гуніада и Скандербега.

§ 221.

Войны Мухаммеда II (1451—1481).

Осада и взятіе Константинополя.—Войны послѣ того.

Сынъ и преемникъ Мурада II, Мухаммедъ (у европейцевъ Магометъ) II, вступивъ на престолъ 21 года отъ роду, подтвердилъ всѣ договоры съ сосѣдними государствами, дабы усмирить новое возстаніе въ Караманіи. Князь ея Ибрагимъ-бегъ сдѣлалъ попытку возвратить всѣ отнятыя у него земли, считая благопріятною для того перемѣну на турецкомъ престолѣ. Но когда молодой Мухаммедъ самъ явился въ Малой Азіи, Ибрагимъ-бегъ униженно просилъ у него мира, на что Мухаммедъ согласился, замысливъ уже дѣло гораздо важнѣйшее, именно — завоеваніе, наконецъ, Константинополя и ничтожныхъ остатковъ греческой имперіи.

Здѣсь, прежде нежели приступить къ изложенію того, какъ онъ совершилъ это, необходимо бросить общій взглядъ на дѣйствія турецкихъ султановъ, предшественниковъ Мухаммеда II, начиная съ

Мурада I, въ Европѣ, преимущественно въ отношеніи къ Константинополю и греческимъ императорамъ и имперіи, равно и на положеніе и дѣйствія этихъ послѣднихъ.

Изъ изложеннаго выше видно, что военное государство турокъ-османовъ, незамѣтное при своемъ возникновеніи, но, воспользовавшееся благоприятнымъ для него положеніемъ между двумя государствами, приходившими болѣе и болѣе въ упадокъ, именно сельджукскимъ и греческимъ, постепенно усилилось на счетъ того и другаго. Слабое, приходившее въ упадокъ господство Палеологовъ въ Константинополѣ не въ сплахъ было удержатъ переходъ турокъ-османовъ въ Европу и побѣдоносное распространеніе имп. въ теченіи 100 лѣтъ (1350—1450), господства своего на Балканскомъ полуостровѣ, отъ Пропонтиды, Геллеспонта и Эгейскаго моря до самыхъ предѣловъ Венгріи, и отъ Понта (Чернаго моря) до предѣловъ собственной Греціи. Послѣ того, какъ имъ покорились болгары и сербы, а храбрость западнаго рыцарства уступала превосходному состоянію военнаго устройства и военнаго дѣла у турокъ, ничтожный остатокъ греческой имперіи давно сталъ бы легкою добычей ихъ, еслибы два обстоятельства не замедлили этого на время. Первымъ было движеніе противъ турокъ монголовъ подъ предводительствомъ Тимура, смиреніемъ могущества ихъ произшедшее краткій перерывъ въ развитіи его. Вторымъ было появленіе противъ нихъ, при Мурадѣ II, двухъ необыкновенныхъ людей, героев Гуніада и Скандербсга, пзъ которыхъ первый защитилъ Венгрію, а второй, вооруживъ Албанію и Эпиръ противъ турокъ, оказалъ такое сопротивленіе имъ, что даже самъ Мурадъ II не могъ одолѣть его. Этимъ въ особенности паденіе греческой имперіи было замедлено на нѣсколько лѣтъ. Между тѣмъ, когда побѣда Мурада II при Варнѣ въ 1444 году обезопасила завоеванія турокъ въ Европѣ, турецкіе султаны, уже давно замышлявшіе покореніе грековъ, стали рѣшительнѣе помышлять о томъ, и Мухаммедъ II еще болѣе, нежели отецъ его Мурадъ II. Да и самое положеніе греческой имперіи въ это время не могло не подавать повода къ тому. Слабость ея и правителей ея была уже совершенно ничтожна передъ силой турокъ и паденіе греческой имперіи передъ этой силой было лишь вопросомъ времени. А между тѣмъ, какъ ни опасно уже было для греческихъ императоровъ обладаніе Константинополемъ, все же оно не переставало быть предметомъ честолюбія ихъ. Іоаннъ VI Палеологъ умеръ въ 1448 г. (за 3 года до смерти Мурада II) бездѣтнымъ, оставивъ послѣ себя только трехъ братьевъ: Константина, Дмитрія и Θому. Изъ нихъ Дмитрій, какъ родившійся тогда, когда отецъ его уже былъ императоромъ, объявилъ, по смерти Іоанна,

притязанія свои на престолъ. Но императрица - мать, духовенство и народъ объявили себя за старшаго брата, Константина, находившагося въ то время въ Мореѣ. И самъ Мурадъ II изъявилъ согласіе свое въ его пользу. Вслѣдствіе того Константинъ въ мартѣ 1449 г. прибылъ въ Константинополь и вступилъ на престолъ подъ именемъ Константина XIII, а владѣнія его въ Мореѣ перешли къ братьямъ его Димитрію и Ѡомѣ.

Константинъ, одаренный прекрасными качествами ума и души, былъ достоинъ престола, хотя и въ лучшія, нежели тогда, времена. Но онъ самъ подалъ Мухаммеду поводъ къ исполненію его замысловъ, неосторожнымъ требованіемъ на содержаніе въ Константинополь турецкаго царевича Орхана или Урхана (имѣвшаго притязанія на турецкій престолъ) большей суммы денегъ, нежели та, которую ежегодно платилъ Мурадъ II и его предшественники, грозя въ противномъ случаѣ освободить Орхана. Такое требованіе, да еще съ угрозой, только побудило Мухаммеда кончить свой походъ въ Малой Азіи миромъ съ Аллахъ-Эддиномъ, для того чтобы обратить свои силы на окончательное покореніе Константинополя и обращеніе его въ достойную османскаго государства столицу онаго. Въ немъ одномъ, да еще въ Мореѣ (Пелопоннесѣ) и заключалась въ это время почти вся, нѣкогда могущественная и славная восточная римская, позже византійская, а въ это время слабая и ничтожная греческая имперія. Константинъ, какъ сказано, былъ достойный императоръ, съ свѣтлымъ умомъ, твердою волей и благородными, возвышенными чувствами, но онъ повелѣвалъ народомъ, уже давно утратившимъ нравственную силу и мужество, среди общаго разврата, религіозныхъ и политическихъ смуть и неспособности, слабости и порочности послѣднихъ императоровъ. Тщетно старался Константинъ одушевить его мужествомъ и склонить къ усиліямъ, которыя одни могли спасти слабые остатки имперіи и знаменитую столицу ея. Притомъ - и въ войскѣ, и во флотѣ, и въ деньгахъ для того былъ крайній недостатокъ, и помощи въ нихъ можно было искать только въ западной Европѣ. И хотя Константинъ и получилъ ее, но самую ничтожную.

Все это было очень хорошо извѣстно Мухаммеду, и едва воротясь изъ Малой Азіи въ Европу, онъ тотчасъ же началъ стѣснять Константинополь съ сухаго пути и моря, прежде всего лишивъ его подвозовъ съ Чернаго моря. Константинъ, видя опасность, старался примириться съ Мухаммедомъ, оказавъ смиреніе и покорность передъ нимъ, но это уже было тщетно.

Осада и взятіе Константинополя Мухаммедомъ II

(съ 25 марта по 29 мая 1453 г.).

Устроивъ въ Галлиполи военную гавань для своего флота и сильно-укрѣпленный замокъ Румпли-Гиссаръ при входѣ въ Геллеспонтъ (Дарданеллы), дабы препятствовать всякой помощи Константинополю изъ Средиземнаго моря, Мухаммедъ осенью 1452 г. собралъ въ Адрианополь 80 т. собственно турецкихъ войскъ (въ томъ числѣ янычаровъ) и до 170 т. чел. европейскихъ и азіатскихъ ленныхъ ополченій, многочисленную полевую легкую и осадную тяжелую артиллерию, и множество прежнихъ осадныхъ военныхъ машинъ и орудій, бывшихъ въ употребленіи до взведенія огнестрѣльнаго оружія, равно всякаго рода запасовъ, средствъ и способовъ, необходимыхъ для дѣятельнѣйшей осады. Въ декабрѣ онъ лично двинулся съ ними отъ Адрианополя къ Константинополю и въ 25 марта 1453 года совершенно обложили его съ сухаго пути отъ моря до моря. Лѣвое крыло его (европейскія войска) стало къ с.-з. отъ порта или гавани города, правое (азіатскія войска) упиралось въ берегъ Пропонтиды (Мраморнаго моря), а въ срединѣ, противъ воротъ Св. Романа (нынѣ Топъкауси или Канонерскія), отборнѣйшее и лучшее войско — янычары и за ними станъ самаго Мухаммеда. Менѣе сухопутнаго войска былъ силенъ и грозенъ турецкій флотъ, изъ числа 320 судовъ котораго было только 18 военныхъ гребныхъ или галеръ.

Этимъ громаднымъ силамъ и средствамъ Мухаммеда Константинъ могъ противопоставить только самыя ничтожныя, хотя сдѣлать все возможное для отчаянной обороны. Въ Константинополѣ было еще до 100 т. жителей мужескаго пола, но изъ нихъ едва 5 т. рѣшились оборонять городъ, прочіе же возлагали всю свою надежду на неодолимую, по ихъ убѣжденію, крѣпость городскихъ укрѣпленій, состоявшихъ изъ двойнаго ряда высокихъ каменныхъ стѣнъ въ 10—20 футовъ толщины, съ 500 такими же башнями. При всемъ томъ, населеніе города было въ сильномъ уныніи и страхѣ, и только одинъ Константинъ не терялъ бодрости и твердости духа, хотя зналъ, что ему не оставалось ничего болѣе, какъ пасть съ честью при оборонѣ города. Сверхъ 5 т. греческихъ защитниковъ его, было еще не болѣе 2 т. венеянцевъ и генуэзцевъ, но столько же храбрыхъ, сколько опытныхъ и искусныхъ въ военномъ дѣлѣ. Изъ нихъ военное начальствованіе въ городѣ Константинопль вѣрилъ храброму генуэзцу Джовіанни Джустиніани, дружку котораго составляли благороднѣйшіе венеянцы и генуэзцы и нѣсколько

родственниковъ Константина. Инженерною частью завѣдывалъ нѣмецъ Іоаннъ Германъ. Портъ или гавань города, замѣнутую огромною цѣпью, долженъ былъ оборонять небольшой греческій флотъ. Самъ Джустиніани съ 700 итальянцевъ взялъ на себя оборону воротъ Св. Романа, а братья Павелъ и Антоній Тролли съ дружиной — Полиандровскихъ; отъ Песчаныхъ (п. Псаматія-капуса) до Семибашеннаго замка—генуэзецъ Мануель съ 200 стрѣлками изъ луковъ, отъ Семибашеннаго замка до воротъ Крудескале (нынѣ Кумъ-капуса)—венеціанецъ Джіакопо Корнаро, и наконецъ пространство между воротами звѣрница (п. Хайванъ-Серайкапуса) и дворцовыми (п. Балатъ-капуса) — венеціанцы подъ начальствомъ Давала. Греческій великій адмиралъ Лука Натарѣсъ или Натара съ дружиной стоялъ у пикиныхъ воротъ Фанара. Такимъ образомъ, кромѣ Натарѣса, вся передовая, главная оборона городскихъ стѣнъ и воротъ лежала на иностранцахъ, а не на грекахъ.

Осажденные съ самаго начала обложенія старались вылазками изъ города мѣшать осаждавшимъ въ снаряженіи стѣнобитныхъ орудій, но были не въ сплахъ бороться съ превосходнымъ (въ 35 разъ) числомъ турокъ. Тогда Константинъ приказалъ вельможамъ и именитымъ людямъ города распределить воиновъ по стѣнамъ, башнямъ и воротамъ, назначить каждому свое мѣсто съ его отрядомъ и съ военными (осадными или набатными) колоколами, распределить также всюду, гдѣ было нужно, пупки и ручное огнестрѣльное оружіе, и запретить всѣмъ выѣзжать и выходить изъ города. А самъ онъ часто объѣзжалъ вокругъ города внутри его, ободряя воиновъ и начальниковъ ихъ надеждою на Бога и храбростію ихъ. Между тѣмъ турки всюду безпрестанно, днемъ и ночью, смѣняя другъ друга, громили городъ изъ огнестрѣльныхъ и стѣнобитныхъ орудій, не давая осажденнымъ отдыха и стараясь утомить и ослабить ихъ и приготовить все къ приступу. Замѣчательно, что съ обѣихъ сторонъ, особенно со стороны турокъ, во все время осады было соединено употребленіе новаго огнестрѣльнаго оружія и орудій, и прежнихъ метательныхъ и стѣнобитныхъ орудій и военно-осадныхъ машинъ. Такъ у Мухаммеда, рядомъ съ множествомъ большихъ осадныхъ пушекъ и мортиръ, были и старинные телеполи или подвижныя башни, метавшія камни и греческій огонь. Дѣйствіемъ артиллеріи у Мухаммеда управлялъ венгерскій литейщикъ Орбанъ, отлившій (и потомъ чинившій) одну громадную пушку (см. ниже).

Такъ прошло 13 сутокъ. На 14-я (8-го апрѣля) турки, при звукахъ своей музыки, начали громить городъ съ ближайшаго разстоянія. Осажденные отстрѣлывались, сколько могли, изъ-за стѣнъ. Наконецъ турки бросились на приступъ, съ лѣстницами и разнаго рода

стѣнобитными орудіями; въ городѣ раздался звонъ колоколовъ, и въ густомъ пороховомъ дымѣ, покрывшемъ городъ и сражавшихся, на стѣнахъ завязалась жестокая сѣча, продолжавшаяся до ночи, прекратившей бой. Турки отступили безъ успѣха, съ большимъ уропомъ (по греческимъ извѣстіямъ.—до 18 т. убитыхъ) и бросивъ свои стѣнобитныя орудія. Осажденные сожгли ихъ, сами потерявъ 1,740 грековъ и 700 иностранцовъ убитыхъ — уронъ, для нихъ весьма чувствительный. Они думали, что послѣ того Мухаммедъ отступитъ отъ города, но ошиблись: на 7-й день послѣ приступа (15 апрѣля) онъ снова предвинулъ войско свое къ городу.

Между тѣмъ Константинопль посылалъ всюду, и въ Морею къ братьямъ своимъ, и въ Венецію, и въ Геную, просить помощи, но тщетно. Братья его не пришли, потому что воевали между собою и съ албанцами, а изъ Венеціи и Генуи новой помощи, кромѣ присланной, не было.

23 апрѣля турки прикатили къ городу большія и малыя пушки, въ томъ числѣ двѣ огромной величины. Изъ нихъ самая большая, съ каналомъ въ 4 фута въ діаметрѣ, стрѣляла ядрами въ 500 фунтовъ вѣса, на разстояніи 550 сажень. Ее навели на ворота Св. Романа и сосѣднія стѣны, старыя и низкія: отъ 1-го выстрѣла стѣна поколебалась, а отъ 2-го было сбитъ верхъ ея, сажень на 5. Но ночью Джустиніани задѣлалъ это мѣсто и устроилъ позади другую стѣну деревянную съ землею.

На другой день турки стали бить тоже мѣсто изъ множества пушекъ и затѣмъ выстрѣлили по немъ изъ самой большой пушки, ядро которой сбило 7 зубцовъ стѣны и, ударясь въ церковную стѣну, разбилося. Около полудня ту же пушку навели въ другой разъ, но Джустиніани, выстрѣливъ въ нее изъ своей пушки, разбилъ у нея казенную часть, чѣмъ привелъ ее въ негодность. Раздраженный этимъ, Мухаммедъ приказалъ войску броситься на приступъ, а вооруженные защитники города, всѣ до одного—на стѣны. И снова, при громкихъ крикахъ турокъ, при звонѣ городскихъ колоколовъ, на стѣнахъ завязалась жестокая сѣча, продолжавшаяся до ночи. Турки снова отступили безъ успѣха и понесъ огромный уронъ (по греческимъ извѣстіямъ будто бы до 35 т. убитыхъ). Но и осажденные также потеряли 5,700 чел. убитыхъ—огромный для нихъ уронъ, и сверхъ того множество рапенныхъ.

Деять дней послѣ того (3-го мая), Мухаммедъ велѣлъ войску своему готовиться къ новому приступу, приказавъ между тѣмъ, исправить поврежденную огромную пушку крѣпче прежняго. Патриархъ Аѳанасій и вельможи стали просить Константина выйти изъ города въ безопасное мѣсто, но онъ никакъ не согласился на

это и отвѣчать рѣшительно, что не покинетъ ихъ и умереть вмѣстѣ съ ними. Но снова отправлены были послы въ Морею, на острова и въ западныя земли просить помощи.

Между тѣмъ осажденные днемъ бились съ турками, а ночью выходили во рвы, пробивали стѣны ихъ со стороны поля и закладывали въ нихъ порохъ и снаряды съ нимъ, а по стѣнамъ приготовляли сосуды съ смолою, сѣрой и порохомъ.

Когда большая пушка была исправлена и скрѣплена желѣзными обручами, Мухаммедъ велѣлъ снова прикатить ее и выстрѣлить изъ нея. Но она при первомъ же выстрѣлѣ разлетѣлась на части. Тогда Мухаммедъ велѣлъ прикатить ко рву большіе крытые туры (стѣнбитныя осадныя машины), наполнять ровъ деревьями, хворостомъ, землею и подпалывать стѣну, чтобы она упала. Но осажденные взорвали свои пороховые подкопы и съ ними работавшихъ турокъ и ихъ осадныя машины. Остальные турки, равно какъ и осажденные, бѣжали отъ стѣнъ, первые къ своему стану, вторые внутрь города, но вскорѣ тѣ и другіе воротились назадъ, и осажденные стали бросать со стѣнъ на турокъ во рву смолу, сѣру и порохъ. Турки отступили, а осажденные, выйдя изъ-за стѣнъ въ ровъ, избивъ оставшихся еще въ немъ турокъ. Такъ отбитъ былъ и этотъ 3-й приступъ.

Въ это время, къ бѣльшимъ еще огорченію и досадѣ Мухаммеда, онъ увидѣлъ, что 6 военныхъ галеръ, подъ греческимъ и генуэзскимъ флагами, пробившись черезъ турецкій флотъ, благополучно достигли городского порта или гавани. Отчаяваясь уже овладѣть Константинополемъ, онъ началъ склоняться на совѣты верховнаго визиря своего, Халиля-паши — снять осаду, какъ вдругъ въ умѣ его родилась такая мысль, которую только необыкновенныя сила воли и настойчивость его могли привести въ исполненіе. Онъ приказалъ перетащить сухимъ путемъ (волокомъ) отъ моря до моря нѣсколько своихъ плотовъ и небольшихъ судовъ въ верхнюю оконечность городского порта или гавани, замкнутой цѣпью. Ужасъ овладѣлъ жителями Константинополя, когда они увидѣли гавань эту во власти турокъ. Но и тогда Константинычъ не хотѣлъ слышать о сдачѣ и положилъ оборониться до послѣдней крайности.

6-го мая Мухаммеду донесли, что разорванная большая пушка была снова перелита и годна къ стрѣльбѣ. Мухаммедъ велѣлъ прикатить ее и стрѣлять въ то же мѣсто, что и прежде, а войску снова приступить къ городу. Послѣ долгой стрѣльбы, выстрѣлили изъ большой пушки и выбили много камня; выстрѣлили въ другой разъ и произвели въ стѣнѣ большой проломъ; продолжали стрѣлять въ него и днемъ, и ночью, чтобы расширить его и не дать осажден-

нымъ заложить его. Однако осажденные успѣли ночью выстроить позади него большую деревянную башню. На другой день утромъ турки продолжали расширять проломъ стрѣльбою изъ пушекъ, и когда уже значительно расширили его, съ крикомъ бросились въ него. Осажденные устремились на встрѣчу имъ—и въ проломѣ, во рву и на стѣнѣ снова завязалась жестокая сѣча, продолжавшаяся до ночи и стоившая большаго урона съ обѣихъ сторонъ, но безъ успѣха для турокъ, которые отступили. Однако они и ночью продолжали стрѣлять въ проломъ, а осажденные въ то же время расширяли башню за проломомъ и навезли въ нее много пушекъ изъ города.

На слѣдующее утро турки, видя, что проломъ не задѣланъ, бросились въ него, и осажденные были принуждены отступить съ боемъ, отстрѣливаясь изъ пушекъ. Съ обѣихъ сторонъ прибыли подкрѣпленія, но турки одолевали. Совѣтъ вельможъ и стратиговъ, собравшійся въ притворѣ Св. Софїи, зная храбрость и необыкновенную тѣлесную силу Константина, хотѣлъ предложить ему сдѣлать вылазку съ отборными людьми, но иные были другаго мнѣнія. Между тѣмъ Константинъ и безъ того, самъ собою, бросился къ стѣнамъ, а за нимъ и вельможи, и стратиги. Джустиниани съ своею дружиною уже бился съ турками въ городѣ, а другіе турки, устроивъ мосты, уже вѣхали въ городъ на коняхъ. Но Константинъ, во время подоспѣвъ съ окружавшими его, сталъ такъ безпощадно рубить турокъ, что они, не смотря на всѣ свои успѣхи, принуждены были бѣжать въ проломъ и къ вечеру совсѣмъ отступили, понеся большой уронъ (по греческимъ извѣстіямъ до 16 т.).

Осажденные стали закладывать проломъ и строить башни, и думали, что турки совсѣмъ отступятъ. Но Мухаммедъ приказалъ повторить приступъ во многихъ мѣстахъ и, когда осажденные раздѣляли свои силы, напасть на проломъ. Для этого онъ назначилъ Карачъ-бею стать противъ царскихъ палатъ, Деревянныхъ воротъ и Калихарїи или Харсїйскихъ воротъ, восточному беглеръ-бею—противъ Пиги и Золотыхъ воротъ, а западному—противъ всей Хорсуни или всей стороны Харсїйскихъ воротъ; самъ сталъ посреди нихъ противъ воротъ Св. Романа и пролома, а Балтауглу и Загану съ флотомъ назначилъ стать противъ обѣихъ стѣнъ города со стороны моря. Съ этихъ мѣстъ всѣ, по его приказанію, должны были разомъ ударить на городъ съ земли и моря.

26-го мая утромъ турки со всѣхъ сторонъ бросились къ городу, прикатили пушки, придвинули туры, лѣстницы, деревянные горшки, а съ моря суда,¹ и начали громить городъ и строить мосты черезъ рвы. Сбивъ осажденных со стѣнъ, они придвинули къ послѣднимъ всѣ свои машины и орудія, приставили лѣстницы и старались взо-

браться на стѣны. Въ то же время самъ Мухаммедъ съ янычарами бросился къ пролому, но Джустиніани успѣлъ удержать его. Константинъ, поспѣшнвшій сюда на конѣ, хотѣлъ броситься за проломъ, но его удержали, и онъ отчаянно бился въ проломѣ. На переднихъ турокъ напирали все новыя и новыя толпы заднихъ, а осажденные бросали въ нихъ со стѣнъ смолу и сѣру. Жестокій бой продолжался даже по захожденіи солнца; Мухаммедъ велѣлъ зажечь множество огней и самъ скакалъ вездѣ, понуждая свои войска. Но и осажденные храбро рубились на стѣнахъ до полуночи, когда бой прекратился. Но турки не отступили, а остались у стѣнъ, оберегая свои машины и орудія.

На другой день, 27 мая, Мухаммедъ велѣлъ снова бить городъ въ проломъ изъ пушекъ. Въ 3-мъ часу по полудни три раза выстрѣлили изъ большой пушки въ башню—и она рушилась. Ночью Джустиніани съ своею дружиной сталъ строить новую башню, какъ вдругъ каменное ядро на излетѣ ударило его въ грудь и онъ упалъ безъ чувствъ. Его отнесли въ домъ, помогли, и онъ, немного оправясь, велѣлъ отнести себя на прежнее мѣсто и продолжалъ строить башню.

28 мая утромъ турки снова бросились въ проломъ—и снова здѣсь закипѣлъ бой. Турки одолѣвали, но Джустиніани съ дружиной стоялъ твердо, какъ вдругъ былъ раненъ (по пнымъ стрѣлой, по другимъ пулей) въ правое плечо и упалъ замертво на землю. Его унесли, за нимъ ушли и иностранцы, а турки, увидя это, ринулись на грековъ, обратили ихъ въ бѣгство, и городу былъ бы конецъ, еслибы Константинъ не подослалъ съ отборною дружиной, не одушевилъ грековъ и, беспощадно рубя турокъ, не заставилъ ихъ бѣжать къ пролому и тѣмъ не избавилъ городъ на этотъ день отъ враговъ.

Мухаммедъ, видя гибель своихъ войскъ и все усилія своптщетными, ночью собралъ совѣтъ и думалъ уже отступитъ, но, повѣривъ предсказанію своихъ имамовъ и книжниковъ, что «городу будетъ погибель», приказалъ тотчасъ же приготовиться къ новому и послѣднему, рѣшительному приступу.

И онъ начался 29 мая рано утромъ, сильный и жестокий, со всѣхъ сторонъ. Пѣшіе и конные турки съ пушками яростно ринулись къ городу, особенно къ пролому, противъ котораго открыли огонь изъ пушекъ, отбили отъ него защитниковъ, выравнивали ровъ, очистили путь, бросились въ проломъ и опрокинули изъ него защитниковъ. Здѣсь завязался жестокий бой, въ которомъ принялъ участіе и Константинъ и успѣлъ-было отогнать турокъ къ пролому. Восточный беглеръ-бей, великанъ тѣломъ и силой, бросился на него, но былъ

убить греками. Тогда самъ Мухаммедъ двинулся противъ Константина, веля повести на него пушки и пославъ противъ него 3 т. отборныхъ войскъ взять его живаго или мертваго, а Балтауглу-пашу съ многими войсками двинулъ также къ пролomu. Приближенные Константина хотѣли насильно вывести его изъ боя, но онъ не позволилъ этого, сказавъ, что далъ обѣтъ умереть тутъ съ ними. Между тѣмъ Балтаугли-паша подоспѣлъ съ своими войсками, опрокинулъ грековъ и ворвался въ городъ и его улицы. Вслѣдъ за нимъ Мухаммедъ послалъ всѣ свои войска стеречь Константина по всѣмъ улицамъ и воротамъ, а самъ остался съ янычарамъ въ обозѣ, оградивъ себя пушками. Между тѣмъ Константинъ пошелъ въ храмъ Св. Софіи, причастился Св. Тиннъ, простился съ императрицей, патриархомъ, духовенствомъ и, сѣвъ на коня, поскакалъ къ Золотымъ воротамъ. Всѣхъ воиновъ при немъ было только 3 т. У воротъ онъ встрѣтилъ множество турокъ, рубился съ ними, множество ихъ изрубилъ своею рукою, но и самъ наконецъ былъ изрубленъ ими. После того сѣча продолжалась на улицахъ и дворахъ; воины защищались въ городскихъ бапняхъ, а жители съ кровель домовъ, бросая въ турокъ камешья, горѣвшія бревна и т. п. Санджакъ-беги послали сказать султану, что если онъ самъ не войдетъ въ городъ, то его не одолѣть. Мухаммедъ призвалъ плѣнныхъ вельможъ и стратиговъ, одарилъ ихъ и послалъ съ санджакъ-бегами объявить горожанамъ и воинамъ клятвенное слово его, что они не должны бояться ни убійства, ни плѣна, ни разоренія, если прекратятъ бой, и выѣстъ съ тѣмъ велѣлъ искать императора и императрицу. Вслѣдствіе того бой въ городѣ прекратился и Мухаммедъ, приказавъ очистить улицы и площади и принять мѣры предосторожности отъ измѣны, самъ въѣхалъ на конѣ черезъ ворота Св. Романа въ городъ прямо къ храму Св. Софіи. На площади передъ нимъ онъ сошелъ съ коня, палъ на землю, посыпалъ ею голову въ знакъ благодарности Богу, удивлялся красотѣ и великолѣпію храма снаружи и, войдя въ него, внутри. Бывшіе въ немъ патриархъ, духовенство и народъ пали передъ нимъ ницъ, но онъ подаль имъ знакъ рукою, чтобы встали, и сказалъ: «Не бойтесь ни моего гнѣва, ни убійства, ни плѣненія», а своимъ пашамъ и санджакъ-бегамъ приказалъ воспретить войску, подъ страхомъ смертной казни, дѣлать малѣйшій вредъ городскимъ жителямъ. Затѣмъ онъ приказалъ народу въ храмѣ разойтись по домамъ, а самъ пошелъ къ императорскому дворцу. Тутъ встрѣтилъ его одинъ сербъ, неся отрубленную голову Константина, и Мухаммедъ, удостоверясь, что это подлинно она, облобызавъ ее и послалъ къ патриарху, чтобы онъ обложилъ ее золотомъ и серебромъ и сохранилъ какъ знагъ. Патриархъ положилъ ее въ серебряномъ позолоченномъ ков-

чевѣ подъ престоломъ Софійскаго храма. Тѣло Константина, какъ было слышно, бывшіе около него воины ночью унесли въ Галату и скрыли тамъ. Объ императрицѣ же Мухаммеду сказали, что именитѣйшіе сановники и стратиги отправили ее моремъ на судахъ

Морею къ роднымъ, за что Мухаммедъ велѣлъ этихъ сановниковъ и стратиговъ казнить ¹⁾.

«Такъ совершилось за грѣхи наши»—сказано въ заключеніе («Повѣсти о созданіи и взятіи Царяграда ²⁾—что незаконный Махметъ сѣлъ на царскомъ престолѣ, который благороднѣе всѣхъ, какіе есть подъ солнцемъ, и сталъ владѣть двумя частями вселенной... Но помни, «оклянный»: если свершилось все, предсказанное при царѣ Константиинѣ, и Меѳодіемъ патріархомъ, и Львомъ Премудрымъ, если знаменія объ этомъ городѣ исполнились, то совершится и послѣднее, какъ сказано: русскій родъ сразится съ измалытянами и возьмутъ Седьмихолмный съ перевозакоными его обладателями, и воцарятся въ немъ» ³⁾.

По изслѣдованіямъ и свѣдѣніямъ позднѣйшихъ временъ, Константинополь и храмъ Св. Софій, до вступленія въ нихъ самаго Мухаммеда, подверглись разграбленію и разоренію; но Мухаммедъ тотчасъ прекратилъ ихъ и, войдя въ главный алтарь храма Св. Софій, совершилъ свою молитву и обратилъ храмъ въ мечеть. Но уже до того городъ былъ разграбленъ, а жители его, пережившіе взятіе его плѣнены и только за выкупъ освобождены. Мухаммедъ сохранялъ греческой націи самостоятельность Церкви ея, возвысилъ именно ту партію, которая предпочитала церковную независимость политической, и 1-го іюня 1453 г. назначилъ константинопольскимъ патріархомъ ревностнѣйшаго противника униі—Геннадія, освободивъ его и все духовенство отъ податей. Въ то же время онъ предоставилъ греческой націи слѣдующія льготы: 1) церкви ихъ не могли быть обращаемы въ мечети, 2) богослуженіе и церковныя требы имѣли быть отправляемы безпрепятственно и 3) Пасха христіанская имѣла быть празднуема со всѣми торжественными обрядами ея. Самъ Мухаммедъ водворился въ императорскомъ дворцѣ.

¹⁾ Когда Константиинъ, какъ сказано выше, въ Софійскомъ храмѣ причастился и простился съ императрицей, патріархомъ и духовенствомъ и затѣмъ поѣхалъ къ Золотымъ воротамъ, императрица приняла причестіе и бывшіе при ней сановники и стратиги отправили ее, съ многими благородными женами и дѣвками, на генуэзскихъ судахъ въ Морею.

²⁾ Изъ которой заимствованы приведенныя выше подробности (см. источник).

³⁾ См. Повѣсть о Царяградѣ, чтеніе академика Срезневскаго, стр. 22 и примѣчаніе 91-е на стр. 41, въ которомъ приведены всѣ указанныя предсказанія.

Послѣ взятія Константинополя (наименованнаго турками по турецки Стамбуломъ) остались еще двѣ области, въ которыхъ греки имѣли политическую самобытность, именно.—Морея или Пелопоннесъ и Трапезунтская область. Въ первой господствовали Димитрій и Ѳома Палеологи, а во второй—потомки Комненовъ. Мухаммедъ овладѣлъ обѣими: сначала Димитрій и Ѳома спасли вивою независимость ежегодною данью въ 12 т. червонцовъ, но своими спорами между собою и съ своими подданными постоянно вовлекая турокъ въ свои дѣла, вѣроломствомъ своимъ вывели наконецъ Мухаммеда изъ терпѣнія. Въ 1460 г. онъ лично двинулся съ войскомъ въ Морею, чтобы покорить ее. Димитрій покорился и получилъ городъ Эносъ съ значительнымъ доходомъ на содержаніе. Но Ѳома съ дочерью своею Софіей бѣжалъ въ Римъ къ папѣ. Тогда вся Морея была покорена съ большою жестокостію Мухаммедомъ. Онъ покорилъ также Аѳинское герцогство, основанное крестоносцами и перешедшее отъ Арагоніи къ флорентійской фамиліи Аччіаджіоли, послѣдній герцогъ которой Франческо былъ взятъ въ плѣнъ и удушенъ по приказанію Мухаммеда. Въ 1470 г. турки завоевали о. Негропонтъ или Эвбею, послѣ чего европейская Греція была уже вполнѣ покорена ими.

Трапезунтское государство было основано Алексіемъ I Комненомъ въ то время, когда крестоносцы овладѣли Константинополемъ. Алексій Комнено и его преемники вели постоянныя войны съ соседними турками-сельджуками и могли удержаться только потому что государство послѣднихъ было въ упадкѣ. При 6-мъ преемникѣ Алексія Комнено, Георгіѣ I, трапезунтское государство находилось въ зависимости отъ монголо-татарскаго хана Гулягу, но въ церковномъ отношеніи, въ противоположность константинопольскимъ Палеологамъ и грекамъ, было рѣшительнымъ противникомъ церковной уніи. Возстановитель греческаго престола въ Константинополѣ Михаилъ Палеологъ счелъ нужнымъ обезопасить себя со стороны трапезунтскихъ Комненовъ родственнымъ союзомъ, выдавъ въ 1282 г. дочь свою Евдокію за преемника Георгія I, Иоанна II. Хотя въ концѣ XIII вѣка государство турокъ-сельджуковъ пало совершенно, раздробясь на мелкія владѣнія, но и трапезунтскіе греки также были въ нравственномъ упадкѣ и безсиліи и въ постоянныхъ смутахъ и раздорахъ партій. Въ 1402 г. трапезунтскій императоръ Мануиль III присягнулъ Тимуру, но сынъ и преемникъ его, Алексій IV, въ 1412 г. освободился отъ зависимости монголовъ, за то встрѣтилъ опасныхъ враговъ въ туркахъ-османахъ. Сынъ его Кало-Иоаннъ царствовалъ, когда Мухаммедъ взялъ Константинополь, и принявъ къ себѣ греческихъ бѣглецовъ изъ него, сгарал-

ся усилятся союзамъ съ сосѣдними христіанскими и магометанскими владѣтелями, но успѣлъ заключить такой союзъ только съ туркменскимъ владѣтелемъ Діарбекира Узунъ-Хассаномъ. Царствовавшій послѣ него братъ его Давидъ вовлекъ въ союзъ съ собою турецкаго князя въ Синопѣ и кавказскихъ христіанъ и даже вступилъ въ союзъ съ паной Піемъ II. Но когда Мухаммедъ въ 1462 г. двинулся противъ него, то союзники его не соединились. Синопъ, по первому требованію Мухаммеда, сдался ему безъ сопротивленія. Узунъ-Хассанъ также предложилъ Мухаммеду выгодныя условія, которыя послѣдній и принялъ. Давидъ, покинутый своими союзниками, не отважился сопротивляться и какъ только Мухаммедъ достигнулъ къ Трапезунту, покорился ему со всемъ своимъ родомъ, былъ отправленъ въ Константинополь и получалъ годовое содержаніе. Трапезунтъ и все трапезунтское государство подпали власти Мухаммеда, который вскорѣ казнилъ весь оставшійся еще родъ Комнеповъ, за измѣнныя сношенія съ Узунъ-Хассаномъ.

По совершеніи покоренія греческой имперіи въ Константинополь, Мореѣ, Аѳинахъ, Негропонтѣ и Трапезунтѣ, Мухаммедъ обратилъ свое оружіе противъ христіанскаго запада и прежде всего противъ Венгріи. Уже въ 1456 г. онъ вторгнулся въ нее съ многочисленнымъ войскомъ и обложилъ Бѣлградъ. Но Іоанну Гуніаду пришлось на помощь вспомогательное войско крестоносцовъ, собранное въ Германіи проповѣдьями францисканскаго монаха Іоанна Капистрана. Гуніадъ, истребивъ турецкій флотъ на Дунаѣ, 21-го іюля побѣдоносно отразилъ жестокій приступъ турокъ къ Бѣлграду и на другой день крестоносцы сдѣлали общую вылазку и разбили турокъ, которые послѣдно отступили. Но вскорѣ послѣ того — 11-го августа Гуніадъ умеръ въ Бѣлградѣ, а сынъ его Матѳей Корвинъ по смерти венгерскаго короля Владислава былъ провозглашенъ королемъ на его мѣсто и защитилъ Венгрію отъ турокъ. Паны усердно поддерживали его и всячески старались, хотя и тщетно, соединить христіанскія государства западной Европы для общаго крестоваго похода противъ турокъ. Наконецъ пана Піи II рѣшился въ 1463 г. лично стать въ главѣ этого похода и назначилъ Анкону сборнымъ мѣстомъ крестоваго войска. Но только одна Венеція, находившаяся тогда въ войнѣ съ турками, признала этотъ походъ своимъ дѣломъ, прочія же государства оказали такъ мало усердія, что въ Анконѣ собралось очень мало крестоносцовъ, а со смертію Піи II 14-го августа 1463 г. въ Анконѣ, и весь крестовый походъ рушился. Поэтому Венеція продолжала войну съ турками одна при содѣйствіи дѣятельнаго союзника своего, Скандербегъ,

но вскорѣ лишилась и его: онъ умеръ въ 1465 г., передавъ Венеціи передъ тѣмъ крѣпости свои Кроію и Скодру.

Въ это время Мухаммедъ былъ занятъ покореніемъ Караманіи и наконецъ вторично завоевалъ ее. Князья ея бѣжали къ Узунъ-Хассану, который, завоевавъ Персію, значительно увеличилъ свое государство. Чтобы съ большею еще силой вступить въ борьбу съ Мухаммедомъ, онъ заключилъ союзъ съ папой Сикстомъ IV и съ Венеціей. Вторженіе, вслѣдствіе того, персовъ въ Малую Азію отвлекло Мухаммеда отъ предпріятій противъ западной Европы. Но персы значительно уступали туркамъ и въ силахъ, и въ средствахъ, и въ военномъ дѣлѣ—и 26 іюля 1473 г. были разбиты ими при Терджанѣ. Караманія осталась въ подданствѣ турокъ и была отдана Мухаммедомъ 2-му сыну его, Джемю, въ званіи памѣстника ея.

Окончивъ войну въ Малой Азіи, Мухаммедъ снова обратилъ свое оружіе противъ Европы и, прежде всего уничтоживъ генуэзскія поселенія на берегахъ Крыма, подчинилъ ленной зависяемости своей крымское татарское ханство Гипрессъ. Въ то же время онъ до тѣхъ поръ стѣснялъ Кроію и Скодру, пока не взялъ первой открытою силой и сдачей послѣдней въ 1479 году не принудилъ Венгрію искать миръ. Тогда, владѣя важнѣйшими пунктами, изъ которыхъ онъ могъ напасть на христіанскую Европу, онъ послалъ сухопутное войско въ Венгрію, одинъ флотъ противъ о. Родоса, а другой къ берегамъ нижней Италіи. Но два первыхъ предпріятія были уничтожены храбростью венгровъ и Іоаннитскихъ рыцарей, третья же, имѣя во главѣ Ахмеда-пашу, утвердилась въ Италіи. Въ іюлѣ 1480 года Ахмедъ-паша присталъ къ Отранто и 11 августа взялъ этотъ городъ приступомъ: жители его были частью убиты, частью обращены въ рабство. Это повергло всю Италію въ ужасъ, и папа уже собирался покинуть ее и перенести свое мѣстопробываніе во Францію. Но 3-го мая слѣдующаго 1481 г. Мухаммедъ умеръ (на 51 году жизни и 30-мъ своего царствованія). И едва Италія избавилась отъ этого страшнаго врага своего, какъ Отранто былъ отнятъ у турокъ.

§ 222.

Войны Баязида II (1461—1512).

Смерть Мухаммеда II скрывали до тѣхъ поръ, пока сынъ и наследникъ его Баязидъ II не прибылъ и не вступилъ въ управленіе. Однако войско еще до того узнало о смерти Мухаммеда, и слѣдствіемъ этого былъ новый и страшный бунтъ янычаровъ. Они убили

верховнаго визири и разграбили Константинополь, а когда наконецъ Баязидъ прибылъ, то не только долженъ былъ простить ихъ, но даже и дать имъ денежный даръ, обыкновенно жалуемый новымъ султаномъ при восшествіи его на престолъ (все это совершенно подобно тому, что было при римскихъ императорахъ со стороны преторіанцовъ). Нужно сказать впрочемъ, что Баязидъ II былъ султанъ миролюбивый и не имѣлъ твердаго характера отца своего. Онъ любилъ мирныя занятія и прибѣгалъ къ войнѣ только по необходимости. Такъ въ самомъ началѣ своего правленія онъ вынужденъ былъ пойти войною противъ единственнаго брата своего Джема (или Зизима, какъ его называли европейцы), объявившаго притязаніе на престолъ. Онъ завладѣлъ Бруссой и предложилъ Баязиду оставить себѣ господство въ Европѣ, а ему уступить его въ Малой Азіи. Но Баязидъ не согласился на такое раздробленіе государства, двинулся въ войскомъ въ Малую Азію противъ Джема и разбилъ его 20-го іюня 1581 г. при Испшиерѣ. Джемъ бѣжалъ въ Каиръ къ султану мамелюковъ и оставался тамъ до тѣхъ поръ, пока многіе недовольные Баязидомъ не вызвали Джема снова въ Малую Азію. Но въ 1482 году онъ снова былъ разбитъ Баязидомъ и бѣжалъ на о. Родосъ, къ Иоаннитскимъ рыцарямъ, дабы отсюда, подобно Музѣ, возбудить возстаніе въ европейскихъ турецкихъ владѣніяхъ. Иоаннитскій орденъ принялъ его, но, дѣйствуя въ своихъ выгодахъ, обѣщалъ Баязиду держать Джема въ вѣчномъ заключеніи, за что получилъ не только миръ на выгодныхъ условіяхъ, но и ежегодную плату 45 т. червонцовъ, какъ бы на содержаніе Джема. Подъ предлогомъ дать послѣднему средство черезъ Францію, Германію и Венгрію пробраться въ европейскую Турцію, орденъ отправилъ его во Францію, гдѣ содержалъ его 7 лѣтъ въ плѣну, а послѣ того выдалъ его папѣ, который также воспользовался имъ, чтобы получить отъ Баязида значительную сумму денегъ. Въ 1494 г. французскій король Карлъ VIII, предпринявъ походъ въ Неаполь, откуда замыслилъ совершить походъ противъ турокъ и возстановить греческую имперію, принудилъ папу выдать ему Джема, который и участвовалъ въ походѣ Карла VIII въ Неаполь, но здѣсь, въ началѣ 1495 г. умеръ, какъ полагаютъ, отъ яда.

Всѣ эти обстоятельства возстаній инычаровъ и Джема и хитрой политики европейскихъ правительствъ въ отношеніи къ Баязиду и Джему могутъ дать понятіе, какъ о внутреннемъ положеніи, такъ и о внѣшнихъ международныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ уже находилось тогда турецкое государство. Въ немъ, вслѣдствіе миролюбиваго характера Баязида II, безпрестанныхъ и большихъ войнъ, какъ при Мухаммедѣ II и его предшественникахъ, уже не было.

Но не было недостатка въ отдѣльныхъ, частныхъ военныхъ дѣйствіяхъ между турками и нѣкоторыми христіанскими государствами. Въ этихъ военныхъ дѣйствіяхъ самъ Баязидъ не принималъ участія, а полководцы его воевали съ переменнымъ успѣхомъ, то счастливо, то болѣе или менѣе неудачно.

Гораздо важнѣе была начавшаяся борьба между двумя турецкими государствами, османскимъ и мамелюкскимъ въ Египтѣ и Сиріи. Султаны послѣдняго, уничтоживъ франкскія поселенія на берегахъ Сиріи, столько же отличались въ войнѣ противъ христіанъ, сколько и противъ монголовъ. Въ теченіи XIII и XIV вѣковъ государство мамелюковъ постоянно возрастало въ обширности и могуществѣ, и султаны его избирались преимущественно, а съ 1382 года исключительно изъ черкесовъ. Въ началѣ XV в. они вступили въ борьбу съ Тимуромъ, который разорилъ Алеппо и Дамаскъ. По удаленіи Тимура въ Азію, мамелюки, отдѣленные отъ владѣній османскихъ турокъ въ Малой Азіи Діарбекиромъ и Караманіей, не имѣли еще непосредственныхъ столкновеній съ османскими турками. Но съ того времени, когда Караманія при Мухаммедѣ II окончательно стала османскою областью, оба государства, одинаково воинственные, вошли въ сильное столкновеніе. Сознавая свое военное превосходство надъ османами, мамелюки, по смерти Мухаммеда II, относились къ нимъ и къ Баязиду II съ явнымъ пренебреженіемъ. Такъ они ограбили, на пути черезъ Египетъ, посла Индіи къ Баязиду съ драгоценными дарами, дали у себя пріютъ и содѣйствіе Джему и завладѣли многими замками близъ Адаши и Тарса, на которые османы имѣли притязанія. Все это вынудило наконецъ миролюбиваго Баязида предпринять войну противъ нихъ. Въ 1485 г. онъ приказалъ снова взять отнятые мамелюками замки, но полководцы мамелюковъ отразили османскихъ, разбили ихъ въ трехъ сраженіяхъ, и въ 1491 году былъ заключенъ миръ, славный для мамелюковъ, безславный для османовъ, потому что мамелюки удержали за собою спорные замки и при первомъ столкновеніи съ османами восторжествовали надъ ними.

Въ 1492 году турки хотѣли овладѣть Бѣлградомъ посредствомъ внезапнаго нападенія, но были отражены съ большимъ урономъ. Послѣ того они обратились противъ Албаніи и Эпира, Штиріи, Каринтіи, Кроаціи и Трапсильваніи, жестоко разорили ихъ, но были наголову разбиты при Виллахѣ наскоро собравшимся христіанскимъ войскомъ. Въ 1493 г. они сами одержали побѣду въ Венгріи, но понесли большой вредъ отъ венгерскихъ летучихъ отрядовъ, вторгавшихся въ турецкіе предѣлы, и наконецъ въ 1495 г. заключили съ Венгріей перемиріе на 3 года. Въ 1494—95 г.г. они завоевали мно-

гіе замки въ Босніи и вторглись въ Далмацію, что подало поводъ къ войнѣ съ Венеціей. Въ то же время у нихъ началась война съ Польшею за нарушение мира королемъ ея, Іоанномъ I Албрехтомъ. Въ 1498 г. сильная турецкая армія два раза вторгалась въ южныя области Польши, разорила ихъ въ конецъ и увела болѣе 100 тыс. плѣнныхъ. Между тѣмъ война съ Венеціей на сухомъ пути и морѣ была ведена съ перемѣннымъ успѣхомъ, но въ 1499 году турецкій флотъ разбилъ при Сапиенцѣ венеціанскій, а на сухомъ пути турки завоевали въ Греціи Лепантъ, Модонъ, Коронъ и Наваринъ, и по миру, заключенному въ 1502 г., Венгрія была принуждена уступить ихъ туркамъ,

Послѣднія 10 лѣтъ царствованія Баязида II (1502—1512) были тревожныя возмущеніями и междуусобіями 7 сыновей его, а въ 1512 г. новымъ бунтомъ япычаровъ. Вслѣдствіе этого послѣдняго, Баязидъ 25 апрѣля 1512 года отрекся отъ престола въ пользу младшаго сына своего, Селима, котораго потребовали войско и народъ, а 26 мая умеръ на дорогѣ въ Демотику, свою родину, куда хотѣлъ удалиться на покой.

Такимъ образомъ, царствованіе его, хотя и продолжительное (31 одъ), вслѣдствіе миролюбиваго и слабаго характера Баязида, не отличалось замѣчательными войнами, успѣхами и завоеваніями, но было очень тревожно и безпокойно внутри государства и потому совершенно выходить изъ ряда воинственныхъ царствованій предшественниковъ Баязида и первыхъ двухъ преемниковъ его.

§ 223.

Войны Селима I (1512—1520).

Царствованіе Селима I, напротивъ, продолжалось недолго, но отличалось необыкновенною воинственностью и особенно чрезвычайно важными и успѣшными войнами его съ Персіей и Египтомъ. Причиною того былъ личный характеръ Селима I, одного изъ воинственнѣйшихъ и могущественнѣйшихъ султановъ турецкихъ. Эта причина была общею въ исторіи османскаго государства и его султановъ: личный характеръ послѣднихъ въ такого рода государствѣ опредѣлялъ силу или слабость его и воинственные его успѣхи или неудачи оружія его. Въ этомъ отношеніи, до смерти Сулеймана I, какъ уже было сказано выше, только 11 лѣтъ смутнаго времени отъ смерти Баязида I до воцаренія Мухаммеда I (1402—1413) и 31 годъ царствованія Баязида II (1481—1512) составляютъ рѣзкое и не-

выгодное исключеніе въ военной исторіи первыхъ турецкихъ султановъ. Селимъ I (по прозванію Стрѣгой или скорѣе Грозный, какъ Іоаннъ IV московскій) началъ съ того, что, по примѣру многихъ предшественниковъ своихъ, умертвилъ всѣхъ своихъ родственниковъ мужескаго пола, чтобы не имѣть соперниковъ на престолѣ, и безчеловѣчно истребилъ въ цѣломъ государствѣ своемъ болѣе 40 т. шитовъ (магометанской секты, противной и ненавистной туркамъ-суннитамъ). Это вовлекло его въ жестокую и кровопролитную религіозно-политическую войну съ персидскимъ шахомъ Измаиломъ, подданные котораго, персіяне, были ревностные шиты.

Исторія новой Персіи, со времени паденія фатимидскихъ халифовъ, исполнена кровавыми междуусобіями потомковъ двухъ родовъ: Узунъ-Хассана, завоевавшего Персію (см. выше), и Софи изъ Эрдебиля. Первымъ изъ этого послѣдняго рода былъ шейхъ Джуендъ, такъ долго воевавшій съ турецкими султанами (см. выше) и имѣвшій сына Хайдера и внука Измаила. Послѣдній, побѣдивъ въ 1502—1514 г.г. внуковъ Узунъ-Хассана, утвердился на персидскомъ престолѣ и престолъ этотъ утвердилъ не только побѣдами, но и тѣмъ, что возвысилъ и сдѣлалъ господствующимъ въ Персіи ученіе шитовъ. Какъ это, такъ и другія политическія причины поставили Турцію и Персію во взаимныя непріязненныя отношенія. Селимъ положилъ вести непримиримую войну съ Измаиломъ и, какъ сказано, началъ съ поголовнаго избіенія шитовъ, жившихъ въ Турціи. Понятно, что это побудило и Измаила къ такой же непримиримой войнѣ съ Селимомъ.

Весною 1514 г. Селимъ двинулся въ Персію, которую отдѣляла отъ Турціи р. Евфратъ (подобно тому, какъ нѣкогда отъ римской имперіи). Продолжительный и утомительный походъ въ странѣ, пустынной отъ природы и частію разоренной съ намѣреніемъ персами, произвелъ въ войскѣ Селима такое неудовольствіе, что необходимо были вся твердость духа и сила воли Селима, чтобы воспрепятствовать войску двинуться въ обратный походъ. Случившееся затмѣніе солнца ободрило его тѣмъ, что послужило ему счастливымъ предзнаменованіемъ затмѣнія славы Персіи, въ гербѣ которой было солнце, какъ въ гербѣ Турціи луна. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, войско Селима нечаянно встрѣтило въ Чальдеранской долинѣ войско Измаила — и въ происшедшей здѣсь 23 августа 1514 года битвѣ одержало рѣшительную побѣду, которою было обязано превосходству числа и качества своей пѣхоты и артиллеріи. Измаилъ былъ раненъ и спасся отъ плѣна только самопожертвованіемъ двухъ друзей своихъ. На 13-й день послѣ этой битвы, Селимъ вступилъ въ столицу Измаила Тебрисъ (Таврисъ); по бунтѣ янычаровъ, требо-

вавшихъ, чтобы Селимъ воротился въ Турцію, принудилъ послѣдняго отступить въ Амазію на зимнія квартиры. Отсюда Селимъ лично въ 1515 г. отправился въ Константинополь, предоставивъ своимъ полководцамъ, пользуясь Чальдераскою побѣдой, завоевать Курдистанъ и Месопотамію. Такъ какъ большая часть курдскихъ беговъ присоединилась къ туркамъ, то послѣдніе завоевали Діарбекиръ, потомъ крѣпость Мардинъ, почитавшуюся неодолимою, и города Низибъ, Міафаракайнъ, Джезпрэ-Омаръ, Мосуль, Орфу и Ракку. Такимъ образомъ турки завоевали три персидскія намѣстничества: Діарбекира, Ракки и Мосула, и Курдистанъ, жители котораго хотя и остались подъ управленіемъ своихъ родовыхъ старѣйшинъ, но подъ верховнымъ господствомъ Турціи. Это послѣднее, распространяясь въ Азіи по Месопотаміи, достигло прочнаго округленія, между тѣмъ какъ Персія была, хотя и ослаблена завоеваніями турокъ, но не одолѣна и продолжала бороться съ Турціей.

Между тѣмъ Селимъ задумалъ новую войну—противъ государства египетскихъ мамелюковъ. Уже давно султаны турецкіе съ завистью смотрѣли на султановъ мамелюкскихъ за то, что они имѣли честь быть защитниками Мекки и Медины. Въ походахъ къ войнѣ съ ними недостатка не было, но война Баязида II съ ними доказала, что одолѣть ихъ было нелегко. Не смотря на то, Селимъ рѣшился на войну съ ними. Тогдашній султанъ ихъ Кансу-Хаврп, ожидал нападенія турокъ со стороны Діарбекира, приготовился къ войнѣ и стоялъ съ войскомъ въ Сиріи, когда въ 1516 г. Селимъ двинулся противъ него. 80-лѣтній, недовѣрчивый Кансу оскорбилъ многихъ изъ приближенныхъ къ нему и изъ военачальниковъ, которыхъ несправедливо подозрѣвалъ въ измѣнѣ. Это уже было крайне невыгодно для него, но, сверхъ того, въ битвѣ, происшедшей 24 августа 1516 г. при Алеппо на Дабикскомъ луку или полѣ (Мердшь-Дабикъ), турки имѣли рѣшительный перевѣсъ въ артиллеріи, между тѣмъ какъ у мамелюковъ ея не было, а отдѣльные отряды ихъ дѣйствовали безъ единства и согласія. Все это было причиною, что сраженіе было непродолжительно и некровопролитно: войско мамелюковъ обратилось въ бѣгство, и Кансу въ этомъ бѣгствѣ умеръ скорострѣжно. Плодомъ этой побѣды для турокъ было покореніе не только Алеппо, но и всей Сиріи. Алеппо и всѣ пограничныя крѣпости немедленно сдались Селиму, который тотчасъ же принялъ званіе «служителя Мекки и Медины». Отъ Алеппо онъ двинулся къ Дамаску. Здѣсь мамелюки не могли согласиться между собою въ выборѣ султана и удалились въ Каиръ, поручивъ арабійскому эмиру защиту Дамаска, столицы Сиріи. Но эмиръ сдалъ этотъ городъ Селиму 4 октября 1516 г. Здѣсь Селимъ остался на зиму и сдѣлалъ необходимыя при-

готовленія къ походу слѣдующею весною черезъ пустыню въ Египетъ. Между тѣмъ мамелюки въ Каирѣ, послѣ долгихъ затрудненій въ выборѣ султана, выбрали одного изъ храбрѣйшихъ и правдивыхъ военачальниковъ своихъ, Туманбая.

Въ началѣ 1517 г. Селимъ двинулся въ Египетъ черезъ Палестину, города которой покорились ему, въ томъ числѣ Иерусалимъ, который Селимъ посетилъ мимоходомъ. Въ 10 сутокъ онъ прошелъ черезъ пустыню безъ препятствія и сопротивленія, за исключеніемъ однихъ аравійскихъ бедуиновъ, которые со всѣхъ сторонъ тревожили турокъ въ лагеряхъ и на походѣ, такъ какъ за каждую турецкую голову было назначено платить по червонцу. Но бедуины не могли задержать похода турокъ, и 20 января 1517 года Селимъ приблизился къ Каиру. Туманбай могъ бы еще спасти государство мамелюковъ, еслибы не былъ окруженъ предателями, которые давали ему ложные совѣты и въ то же время извѣщали о всемъ Селима. Такъ Туманбай, по совѣту Газали, помѣстилъ всю артиллерію при Риданьи въ скрытыхъ батареяхъ, но самъ Газали извѣстилъ о томъ Селима. Послѣдній обошелъ эти батареи и когда 22 января 1517 года произошло сраженіе, то у мамелюковъ снова недоставало пушекъ. Въ самомъ началѣ сраженія цѣлый отрядъ отборныхъ и тяжелооруженныхъ мамелюковъ, подъ личнымъ начальствомъ Туманбая, бросился на знамя Селима, съ намѣреніемъ взять послѣдняго живымъ или мертвымъ. Но, вмѣсто его, Туманбай поразилъ копьемъ великаго визиря Синанъ-пашу и, не смотря на личную храбрость Туманбая, побѣда, вслѣдствіе измѣны Газали и превосходства турецкой артиллеріи, досталась туркамъ. Въ этой жестокой и кровопролитной битвѣ мамелюки потеряли до 25 т. убитыхъ. Тотчасъ послѣ побѣды турки заняли Каиръ, но ночью Туманбай ворвался въ него и захватилъ въ немъ турецкій гарнизонъ въ плѣнъ. Поэтому Селимъ 31 января двинулъ свое войско на приступъ Каира, и такъ какъ мамелюки оказали въ немъ отчаянное сопротивленіе, то бой въ городѣ былъ кровопролитнѣйшій: до 50 т. чел. пало при этомъ съ обѣихъ сторонъ, но наконецъ турки одолѣли и овладѣли городомъ. Не смотря на то, Туманбай, хотя и побѣжденный и лишенный столицы, продолжалъ упорно сопротивляться съ остатками мамелюковъ и съ помощью аравійскихъ бедуиновъ. Селимъ охотно согласился бы прекратить эту войну съ условіемъ, чтобы Туманбай продолжалъ управлять Египтомъ въ ленной зависимости отъ Турціи. Но мамелюки не соглашались ни на какіе переговоры, и обѣ стороны продолжали войну съ такимъ ожесточеніемъ, что даже не уважали правъ посольствъ. Борьба была однако неравная и войско мамелюковъ такъ ослабѣло и разстроилось въ ней, что

Туманбай, будучи наконецъ не въ силахъ держаться въ открытомъ полѣ, былъ принужденъ искать убѣжища у одного обязаннаго имъ аравитянина. Но этотъ послѣдній вѣроломно предалъ его туркамъ, которые 26 марта 1517 г. и взяли его въ плѣнъ. Селимъ сначала обошелся съ нимъ съ уваженіемъ, но, услыхавъ однажды на улицѣ Каира клики: «Дай Богъ побѣду султану Туманбаю!» впасть въ подозрѣніе и беспокойство—и велѣлъ повѣсить Туманбая (13 апрѣля 1517 г.). Онъ пробылъ въ завоеванномъ Египтѣ до сентября этого года, отдалъ управленіе этою страной одному, перешедшему къ нему измѣнику, эмпру мамелюковъ, торжественно принявъ званіе «служителя и защитника Мекки и Медины», послалъ туда караванъ молельщиковъ съ богатѣйшими дарами и, занятый устройствомъ покоренныхъ Египта и Сиріи, медленно проѣзжалъ по нимъ и возвратился въ Константинополь не ранѣе августа 1518 г.

Такимъ образомъ, изъ двухъ пограничныхъ съ Турціей государствъ въ Азіи и Африкѣ, одно—мамелюкское—покорилось Селиму, а другое—персидское—было такъ ослаблено, что персидскій шахъ отправилъ къ Селиму посольство съ богатыми дарами и поздравленіемъ съ завоеваніемъ Сиріи и Египта.

Вѣсть объ этихъ успѣхахъ и завоеваніяхъ Селима произвела въ западной Европѣ еще большіе, нежели въ Азіи и Африкѣ, страхъ и ужасъ, тѣмъ болѣе, что въ султанѣ мамелюковъ она явилась сильнаго союзника въ войнѣ съ турками. Папа Левъ X употребилъ все свое вліяніе, чтобы побудить западную Европу къ общему крестовому походу противъ турокъ, и, въ согласіи съ первенствующими государствами, составилъ громадный планъ такого похода. Именно: римскій императоръ Максимилианъ I долженъ былъ со всѣми соединенными силами Германіи, Польши и Венгріи перейти черезъ Балканы и идти къ Константинополю; французскій король Францискъ I съ своими и италіянскими войсками и съ 16 т. швейцарскихъ—моремъ на судахъ—войти въ Бриндизи; флоты: испанскій, португальскій и англійскій—выйти изъ гавани Кароагена и соединиться у Геллеспонга (Дарданелловъ); наконецъ самъ папа—сѣсть въ Анконѣ на корабль и со всѣми христіанскими силами устремиться къ Константинополю. Такого рода планъ, уже самъ по себѣ крайне трудный въ исполненіи, былъ и совершенно невозможенъ по той причинѣ, что въ это самое время въ Германіи началась церковная реформація и часть западной Европы отказала папѣ въ повиновеніи. Притомъ страхъ передъ турками вскорѣ уменьшился, когда Европа узнала, что Селимъ умеръ.

Послѣдній, по возвращеніи изъ Азіи, усмиривъ бунтъ янычаровъ и опасное возмущеніе, возбужденное въ Азіи однимъ фанатикомъ

Джелали, затѣмъ занялся устройствомъ флота для нападенія на о. Родосъ и сборомъ войска для новой войны съ Персїей, но, на поѣздкѣ изъ Константинополя въ Адрианополь, заболѣлъ и 21 сентября 1520 г. умеръ, послѣ 8 лѣтъ царствованія, ознаменованнаго важными завоеваніями въ Азіи и Африкѣ.

§ 224.

Войны Сулеймана I (1520—1566).

Единственный сынъ и преемникъ Селима I, Сулейманъ I Эль-Канани (законодатель, великій или великолѣпный), былъ послѣднимъ изъ 9 знаменитѣйшихъ первыхъ султановъ турецкихъ, вознесшихъ Турцію на высшую степень могущества и славы. Своими необыкновенными государственными дарованіями и мудростью онъ много способствовалъ тому въ свое продолжительное, 46-ти-лѣтнее царствованіе.

Первыми дѣйствіями его по воцареніи были дѣла правосудія, усмиреніе силою оружія—намѣстника Сиріи, не признававшаго его законнымъ преемникомъ престола, и походъ въ 1521 г. противъ Венгріи, отказавшей въ дани, платимой въ началѣ каждаго новаго царствованія въ Турціи. Пославъ впередъ два сильные отряда войскъ въ Семиградскую область, въ Шабачу и Бѣлграду, онъ самъ двинулся за ними съ главными силами. Шабачъ былъ взятъ 8 іюля, а Землинъ и Бѣлградъ въ августѣ 1521 г. Отметивъ такимъ образомъ за предковъ своихъ, часто терпѣвшихъ пораженія отъ венгровъ, Сулейманъ сталъ готовиться къ походу противъ о. Родоса, покореніе котораго считалъ необходимымъ для утвержденія господства своего на Средиземномъ морѣ. Тогдашнія распри государей западной Европы подавали ему надежду, что послѣдніе не окажутъ помощи ордену Св. Іоанна Іерусалимскаго, уже 213 лѣтъ владѣвшему о. Родосомъ. 18 іюля 1522 года къ послѣднему направился турецкій флотъ изъ 300 судовъ разной величини, съ 10 т. десантныхъ войскъ, между тѣмъ какъ самъ Сулейманъ съ 100-тысячною арміею двинулся туда черезъ Малую Азію. Городъ Родосъ былъ обложенъ и осажденъ съ сухаго пути и моря и взятъ предательствомъ послѣ 6-ти-мѣсячной упорной обороны и трудной осады, въ которой турки въ первый разъ употребили метаніе бомбъ и козль-минныя работы.

Въ 1524 году намѣстникъ Египта Ахмедъ-паша, возмущившійся и присвоившій себѣ званіе султана, былъ усмиренъ вѣрнымъ Сулейману Мухаммедомъ. Въ 1525 году бунтъ янычаровъ въ Констан-

тинополь былъ усмирень денежными средствами и послужить причиной новаго похода противъ Венгріи, дабы дать занятіе этому буйному войску. Оскорбленіе турецкихъ пословъ венграми подало благовидный предлогъ къ тому. 23 апрѣля 1526 г. Сулейманъ двинулся изъ Константинополя съ 100 т. войскъ и съ 300 орудіями и уже 27 іюля взялъ Петервардейнъ, 29 августа одержалъ знаменитую побѣду въ битвѣ при Могачѣ, въ которой молодой король венгерскій Людовикъ палъ съ большею частью своей арміи. 10 сентября Сулейману сдались Пешть и Буда (Офевъ), и вся страна по Дунаю до Платенскаго озера, съ несмѣтною добычей, досталась туркамъ. Яича и Банья—главныя крѣпости Босніи и многіе славонскіе, кроатскіе и далматскіе замки были взяты турецкими пашами.

Новое возстаніе въ Килкии, Караманіи и другихъ мѣстахъ Малой Азіи отозвало Сулеймана изъ Венгріи въ Константинополь, и 22 іюля 1527 г. мятежники были разбиты при Башферѣ и совершенно укрошены весною 1528 г. великимъ визиремъ Ибрагимомъ.

Послѣ того, въ томъ же 1528 г. Сулейманъ изготавился къ новому, 3-му походу въ Венгрію. Поводами къ нему были: споръ Фердинанда австрійскаго и Іоанна Запольи, бана семиградскаго, за престолъ Венгріи, на который приверженцы Запольи избрали его, и призваніе послѣднимъ на помощь Сулеймана. Сулейманъ обѣщаль Запольи свою помощь, съ условіемъ, чтобы Венгрія признала ленную зависимость свою отъ Турціи; мирныя же предложенія Фердинанда онъ отвергнулъ и 10 мая 1529 года двинулся съ многочисленнымъ войскомъ изъ Константинополи въ Славонію, не безъ труда переправился черезъ р.р. Мораву, Саву и Драву, при Могачѣ соединился съ Запольи, 3 сентября овладѣлъ Офеномъ и утвердилъ въ немъ Запольи королемъ Венгріи. Изъ Офена онъ двинулся съ 120 т. войскъ къ Вѣнѣ и 27-го сентября осадилъ ее, но не имѣлъ успѣха. Потерявъ до 40 т. т. войскъ, 14 октября онъ былъ принужденъ снять осаду и въ отищеніе за эту неудачу жестоко разорилъ Штирію.

Слѣдующіе два года 1530—31 прошли въ дѣлахъ внутренняго устройства и въ незначительныхъ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Іоаннитскихъ рыцарей, поселившихся на о. Мальтѣ. Въ 1532 же году Сулейманъ предпринялъ новый походъ въ защиту Запольи противъ Фердинанда австрійскаго, бывшаго въ союзѣ съ братомъ своимъ, германскимъ императоромъ Карломъ V, и съ Франціей. Но и въ этомъ походѣ счастье не благоприятствовало Сулейману: при Гюнсѣ онъ встрѣтилъ неожиданное и сильное сопротивленіе, а имперскій адмиралъ, знаменитый Андрей Доріа завоевалъ важную крѣпость и гаваль Коронъ въ Греціи и разорилъ берега послѣдней.

Въ ноябрѣ Сулейманъ возвратился безъ успѣха въ Константинополь и, намѣреваясь обратитъ главныя силы свои противъ Персіи, въ 1533 году заключилъ съ Фердинандомъ миръ, уступивъ ему незавоеванную часть Венгріи, но настоявъ на утверженіи остальной части ея за Запольемъ.

Поводами къ войнѣ съ Персіей были: взаимная релігіозная ненависть турокъ и персіянъ, возраставшее могущество персидской царствовавшей династіи Софи, представителемъ которой въ это время былъ знаменитый въ исторіи шахъ Тамаспъ-Кулп-ханъ, отложеніе персидскаго намѣстника Багдада отъ шаха и признаніе имъ верховнаго господства Сулеймана. Персіяне возвратили Багдадъ господству шаха, Сулейманъ же, считая Багдадъ своею собственностью, осенью 1533 г. предпринялъ походъ въ Персію. Великій визирь его Ибрагимъ взялъ приступомъ персидскія крѣпости Ардшишъ, Адлешуватъ, Ахлатъ и Ванъ. Такимъ образомъ былъ открытъ путь во внутренность Персіи. Персіяне, не имѣя еще огнестрѣльныхъ орудій и оружія и помня пораженіе свое при Чальдиранѣ, пзбѣгали боя съ турками и уступили имъ столицу Персіи Тебрисъ (Таврисъ). Турки заняли ее во второй разъ 13 іюня 1534 года, а 27-го сентября самъ Сулейманъ торжественно вступилъ въ нее. Отсюда онъ, не смотря на позднюю осень, двинулся къ Багдаду и, совершивъ походъ къ нему трудными путями, съ потерей большаго числа войскъ и обозовъ, подступилъ къ Багдаду, который и сдался ему въ послѣдній день этого года. Черезимовавъ въ немъ и устроивъ управление покоренныхъ персидскихъ областей, Сулейманъ въ 1535 году возвратился въ Константинополь.

Между тѣмъ капитанъ-паша (главный адмиралъ) его Хайрединъ, извѣстный въ исторіи подъ названіемъ Барбароссы (рыжебородаго), въ 1533 году снялъ у испанцовъ Коронъ, въ 1534 году тревожилъ берега Италіи и острова Средиземнаго моря и взялъ Тунисъ. Владѣтель послѣдняго Мулей-Хассанъ просилъ помощи Карла V, и экспедиція послѣдняго имѣла результатомъ огнятіе Туниса у турокъ. Барбаросса утвердился вмѣсто того въ Алжирѣ и произвелъ разорительныя высадки въ Испаніи и Италіи. Военныя дѣйствія и успѣхи его нарушили 35-лѣтнія дружественныя отношенія между Венеціей и Турціей и повели къ войнѣ. Въ 1537 году нападеніе турокъ на о. Корфу и Наполи ди-Романья было отражено, но въ Далмаціи турки сдѣлали нѣкоторыя завоеванія и взяли нѣсколько острововъ въ Архипелагѣ. Въ то же время, вопреки миру съ Фердинандомъ, они снова вторглись въ Венгрію и 1 ноября 1537 года одержали въ ней побѣду надъ австрійскимъ полководцемъ Каціанеромъ, но, за исключеніемъ ея, никакихъ важныхъ результа-

товъ не приобрѣли. Походъ въ Молдавію въ 1538 г. также не ознаменовался ничѣмъ особенно важнымъ, но на морѣ Барбаросса 28 сентября 1538 г. одержалъ при Превезѣ побѣду надъ соединеннымъ флотомъ испанскимъ, папскимъ и венеціанскимъ, и въ іюлѣ 1539 года Венеція была принуждена заключить миръ на выгодныхъ для Турціи условіяхъ: она уступила ей часть Морен, береговъ Далмаціи и острововъ Архипелага.

Важнѣе были морскія экспедиціи египетскаго намѣстника въ Красномъ и особенно Индійскомъ моряхъ. Онъ завоевалъ большую часть Аравіи и осаждалъ португальскую крѣпость Діу въ Индіи, однако не могъ взять ее.

Въ 1540 г. Іоаннъ Запольи умеръ и родившійся за 14 дней передъ тѣмъ сынъ его Іоаннъ-Сигизмундъ былъ провозглашенъ королемъ Венгріи, подъ покровительствомъ Сулеймана который оставилъ ему только дно Сепмградское княжество. Онъ самъ пребылъ въ 1541 г. въ Венгрію, овладѣлъ Офеномъ, и, подчинивъ себѣ половину Венгріи, хотѣлъ удержать за собою и другую. Это послужило въ пользу Фердинанда, потому что венгерцы предпочли лучше присоединиться къ нему, нежели покориться туркамъ. Однако счастье вездѣ благоприятствовало послѣднимъ, и въ Венгріи, и на Средиземномъ морѣ, и по берегамъ его. Въ Венгріи имперская армія, составленная изъ нѣмцовъ, италіянцовъ и венгровъ, подъ предводительствомъ курфирста бранденбургскаго Іоахима, въ 1542 г. выступила противъ туркамъ, но не имѣла успѣха. Сулейманъ въ 1543 г. взялъ Фюнфкирхенъ, Гранъ, Штульвейсбургъ и наконецъ въ 1547 г. было заключено на 5 лѣтъ перемиріе по которому Венгрія должна была ежегодно платить Турціи 50 т. червонцовъ данн. На морѣ же экспедиція Карла V не имѣла успѣха.

Въ 1548 г. Сулейманъ предпринялъ 2-й походъ въ Персію, какъ для утвержденія за собою сдѣланныхъ въ ней завоеваній и вслѣдствіе властолюбивыхъ замысловъ брата Тамаспъ-Кули-хапа, Элькасъ-мирзы, такъ и вслѣдствіе буйства янычаровъ, требовавшаго занятія ихъ войною. Въ этомъ походѣ, какъ и въ 1-мъ, Сулейманъ покорилъ столицу и западную часть Персіи, послѣ чего по болѣзни воротился въ Константинополь, а полководцы его довершили покореніе Грузіи и восточной Арменіи.

Новыя безпокойства въ Венгріи принудили Сулеймана послать въ нее 80 т. войскъ, которые взяли Темешваръ.

Въ 1553 г. Сулейманъ предпринялъ 3-й походъ въ Персію, но кромѣ грабежа и разоренія ея, не одержалъ въ ней никакихъ важныхъ успѣховъ. Наконецъ эти трудные походы, въ которыхъ персіяне постоянно избѣгали боя въ полѣ, наскучили Сулейману и онъ, принявъ мирныя

предложенія Тамаси-Кули-хапа, 29 мая 1554 г. заключить въ Амазіи миръ съ нимъ. Шахъ уступилъ ему Багдадъ, Грузію и восточную Арменію, а Сулейманъ обѣщалъ за то не переступать за персидскія границы и избѣгать всякаго повода къ ссорамъ и неприязни.

Такимъ образомъ, какъ Австрія въ Европѣ, такъ Персія въ Азіи остановили распространеніе завоеваній турокъ на сѣверъ и юго-востокъ, и завоеванныя Сулейманомъ города Вѣнградъ и Багдадъ содѣлались крайними предѣлами господства турокъ въ Европѣ и Азіи.

Но миръ съ Австріей былъ часто нарушаемъ съ обѣихъ сторонъ набѣгами отдѣльныхъ отрядовъ въ предѣлы Венгріи и Турціи, покушеніями и Фердинанда, и Сулеймана распространить свои владѣнія одного на счетъ другаго, и просками правителя Семиградскаго княжества, епископа Мартипуцци, который держался то Австріи, то Турціи, чтобы только сохранить за собою свое званіе правителя. По убіеніи его наконецъ по приказанію Фердинанда, Сулейманъ вторгнулся въ 1551 г. въ нижнюю Венгрію, обложилъ и взялъ Темешваръ, который сдался только послѣ кровопролитной битвы; но крѣпость Эрлау храбро устояла противъ турокъ.

Между тѣмъ вазнь Сулейманомъ сына и наслѣдника своего, добродѣтельнаго Мустафы, по проскамъ и вліянію коварной и властолюбивой жены Сулеймана Роксоланы, которая хотѣла доставить прѣстоль сыну своему Селиму, съ 1559 г. повела къ появленію одного, а потомъ и другихъ самозванцовъ подъ именемъ Мустафы, одолѣнныхъ не безъ труда, и къ междоусобіямъ синовей Сулеймана, Селима и Баязида. Послѣдній, разбитый при Конинѣ, искалъ спасенія у персидскаго шаха, но, выданный имъ по требованію Сулеймана, былъ казненъ съ 4-мя сыновьями своими.

А на предѣлахъ Турціи и Австріи по прежнему продолжались частныя военныя дѣйствія, въ которыхъ особенно отличались Альпъ-Арсланъ-паша и венгерскій полководецъ графъ Эрнст. Турецкіе же адмиралы продолжали распространять страхъ на Средиземномъ, Красномъ и Индійскомъ моряхъ, особенно знаменитый Драгутъ, который завоевалъ Триполсъ, разорилъ испанскіе, сицилійскіе и неаполитанскіе берега и многократно разбивалъ христіанскіе флоты. А При-Рейсъ и Сиди-Али совершали завоеванія на берегахъ Аравіи, Персіи и Индіи, взяли Маскатъ, разбили португальскіе флоты и захватили несмѣтную добычу.

Вскорѣ Фердинандъ убѣдилъ сына Запольи, Іоанна Сигизмунда отказаться отъ притязаній на Венгрію и Трансильванію, вознаградивъ его за то княжествами Оппельтъ и Рагиборъ въ Силезіи. Впрочемъ этимъ онъ пріобрѣлъ только право на владѣніе Венгріей

и Трансильваніей, а не дѣйствительное владѣніе ими. Когда въ 1562 году Сулейманъ, озабоченный внутренними смутами въ Турціи, согласился на миръ съ Фердинандомъ, съ тѣмъ чтобы каждый изъ нихъ сохранилъ свои завоеванія, Фердинандъ не только долженъ былъ оставить за Турціей всѣ завоеванія ея въ Венгріи, но даже и за ту часть ея, которую удержалъ за собою, обязался платить ей 30 т. червонцовъ дани. Таково было положеніе дѣлъ между Австріей и Турціей, когда 25 іюня 1564 г. Фердинандъ умеръ, оставивъ трехъ сыновей, между которыми и раздѣлили австрійскія наслѣдственные владѣнія. Изъ нихъ старшій, Максимилианъ, король римскій, наслѣдовавшій императорское достоинство, получилъ эрцгерцогство Австрію, Богемію и Венгрію, Фердинандъ — Тироль и переднія австрійскія владѣнія, а Карлъ—Штирію, Каринтію и Крайну. Едва Максимилианъ II вступилъ на престолъ, какъ тотчасъ же былъ вовлеченъ въ войну съ турками, потому что Іоаннъ Сигизмундъ возобновилъ притязанія свои на Венгрію и при помощи турокъ открылъ войну съ Австріей.

Между тѣмъ давнишнее намѣреніе Сулеймана совершенно изгнать изъ Средиземнаго моря опасныхъ для Турціи рыцарей ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, по изгнаніи ихъ съ о. Родоса поселившихся на о. Мальтѣ, повело въ 1565 г. къ экспедиціи Сулеймана къ этому острову, кончившейся однако весьма неудачно. Она стоила жизни Драгуту, потери до 20 т. турецкихъ войскъ и возвращенія турецкаго флота совершенно разбитымъ.

Въ слѣдующемъ 1566 г. 76-ти-лѣтній Сулейманъ лично принялъ участіе въ войнѣ Іоанна Сигизмунда съ Максимилианомъ и, двинувшись въ Венгрію, осадилъ крѣпость Сигетъ, уже перазъ отражавшую нападенія турокъ. Сулейманъ всячески старался ускорить осаду и взятіе этой крѣпости, но графъ Зрини защищалъ ее съ такими необыкновенными мужествомъ и упорствомъ, что отразилъ блестятельнымъ образомъ и съ большимъ урономъ для турокъ нѣсколько отчаянныхъ приступовъ ихъ и содѣлалъ всѣ усилія Сулеймана овладѣть Сигетомъ тщетными. Досада и огорченіе, вслѣдствіе того, дряхлаго Сулеймана ускорили смерть его, и онъ умеръ скоропостижно въ ночь съ 5-го на 6-е сентября 1566 г. Визиря его скрыли его смерть отъ войска и великій визирь Соколли продолжалъ осаду, какъ будто Сулейманъ былъ живъ, и такъ стѣснѣлъ осажденныхъ, что наконецъ имъ не оставалось ничего болѣе, какъ сдать-ся или погибнуть. Зрини съ своими сподвижниками рѣшился лучше умереть, нежели сдать-ся. Вся крѣпость уже была разбита и лежала въ развалинахъ, исключая только одной башни, въ которой находился пороховой погребокъ. 8 сентября Зрини, въ главѣ своихъ вѣр-

ныхъ сподвижниковъ, сдѣлалъ послѣднюю, отчаянную вылазку и бился до тѣхъ поръ, пока не палъ. Тогда турки ворвались въ крѣпость, но лишь только вступили въ нее, какъ пороховой погребъ взлетѣлъ на воздухъ и они всѣ погибли. Такимъ образомъ хотя турки и овладѣли Сигетомъ, но совершенно разрушеннымъ и съ потерей до 20 т. своихъ войскъ. Послѣ того Соколли сталъ отступать, но войско все еще ничего не знало о смерти султана. Между тѣмъ старшій сынъ его Селимъ успѣлъ утвердиться въ Константинополѣ на престолѣ безъ всякихъ безпокойствъ, исключая того, что янычары вынудили себѣ отъ него обыкновенную награду, которую получали при вступленіи каждаго новаго султана на престолъ.

Сулейманъ I былъ не только воинственный и храбрый полководецъ, но и мудрый правитель и законодатель, и лишь въ концѣ своей жизни сталъ суровымъ и жестокимъ. Смертію его заключился рядъ 9-ти лучшихъ изъ первыхъ турецкихъ султановъ и 1-й періодъ героическихъ временъ могущества и славы Турціи. Послѣ того начинается уже рядъ совершенно иныхъ султановъ, большею частью неспособныхъ и недостойныхъ, и времена постепеннаго упадка турокъ-османовъ и ихъ государства, хотя они долго еще продолжаютъ бороться съ сосѣдственными государствами въ Европѣ и Азіи и быть грозными для нихъ, вслѣдствіе необыкновенныхъ внутреннихъ устройствъ и силы своихъ, полученныхъ благодаря первымъ и лучшимъ султанамъ, особенно Мухаммеда II и Селима I. Изъ нихъ первый прибавилъ къ своему титулу названіе «повелителя двухъ частей свѣта и двухъ морей», а второй—менѣе высокоумѣнное и болѣе скромное, но за то болѣе почетное въ глазахъ мусульманъ, именно «служителя и защитника Мекки и Медины». Быстрое и обширное распространеніе оттоманской державы въ три вѣка, въ сравненіи съ ничтожностью ея въ началѣ, по-истинѣ поражаетъ изумленіемъ. Главными причинами того, независимо отъ обстоятельствъ и отношеній, чрезвычайно благоприятствовавшихъ возрастанію этой державы, были: во-1-хъ преобразование большей части покоренныхъ народовъ въ турокъ, обращеніемъ ихъ въ исламъ частію насиліемъ, частію заманчивыми выгодами, отчего религія турокъ была ихъ національностью, соединявшею людей различныхъ племенъ въ одинъ народъ съ однимъ національнымъ чувствомъ, — и во-2-хъ превосходныя личныя качества первыхъ 9-ти султановъ, начиная съ Османа, которые всѣ, за исключеніемъ Баязида II, были необыкновенно способные и самодѣятельные правители. Изъ нихъ съ-молоду старались образовывать людей твердыхъ; они съ раннихъ лѣтъ участвовали въ войнахъ и походахъ и, управляя областями, готовились

быть правителями государства. Правленіе же ихъ было болѣе или менѣе продолжительно и потому, по смерти ихъ, переходило къ сыновьямъ уже возмужалымъ и опытнымъ. Султанъ имѣлъ неограниченную власть, не только въ дѣлахъ гражданскихъ и военныхъ, но и въ религіозныхъ, считаясь верховнымъ главою въ отношеніи религіи, особенно по низверженіи египетскаго халифата. Хотя главою духовенства былъ главный муфти въ столицѣ, но онъ получалъ власть свою отъ султана, который, назначая его, могъ и низлагать его. Въ управленіи государствомъ помощниками султана были 4 визири, изъ которыхъ 1-й, великій визири, былъ какъ бы первымъ министромъ; 2-й, кадаскеръ, завѣдывалъ судебнымъ вѣдомствомъ; 3-й, дефтердаръ — финансами и 4-й, нишанджи—заготовленіемъ всѣхъ актовъ и документовъ, исходившихъ отъ имени султана. Въ военномъ устройствѣ государства главными и важнѣйшими преимуществами были: единство, неограниченность и сила начальствованія и управленія въ рукахъ самаго султана, верховнаго предводителя войска, и строгая военная дисциплина, какой не было тогда ни въ одномъ войскѣ, не только въ Азіи и Африкѣ, но даже и въ Европѣ. Такимъ образомъ оттоманская держава, имѣвшая такое государственное устройство, была бы опасна во всякое время и для всякихъ сосѣднихъ государствъ и народовъ, но въ XV и XVI вѣкахъ при тогдашнихъ: состояніи европейскихъ государствъ и ихъ международныхъ отношеній—вдвое опаснѣе. Къ счастью для христіанской Европы, въ то самое время, когда Турція, одолевъ своихъ враговъ въ Азіи и Африкѣ, могла всѣ свои силы обратить противъ Европы, она встрѣтила значительное противудѣйствіе со стороны Австріи, съ которою и вела безпрестанныя и упорныя войны и въ нихъ была удержана Австріей отъ дальнѣйшаго нашествія на Европу.

II.

Войны отъ Селима II до смерти Ахмеда I (1566—1617).

§ 225.

Войны при Селимѣ II (1566—1574).

Уже первый преемникъ Сулеймана I, сынъ его Селимъ II былъ лишенъ всякихъ государственныхъ дарованій и достоинствъ и пре-

*

данъ праздности, нѣгѣ, распутству и нетрезвости. Только славный великій визирь его Соколли еще поддерживалъ силу и величіе Турціи. Въ 1568 году между нею и Максимилианомъ II было заключено перемиріе (продолжительнаго мира между Турціей и Австріей не бывало, а были только болѣе или менѣе краткія перемирія), на томъ условіи, чтобы обѣ стороны сохранили за собою свои завоеванія. Іоаннъ Сигизмундъ, сынъ Запольи, котораго также включили въ договоръ о перемиріи, не соглашался на условія его, но, видя себя не въ силахъ бороться съ Максимилианомъ, въ 1570 году заключилъ съ нимъ особый договоръ, по которому отказался отъ Венгріи, но удержалъ за собою Семиградское княжество, какъ ленъ венгерской короны, что дало семиградскимъ сословіямъ право избирать себѣ князя. По смерти Іоанна Сигизмунда 15-го марта 1571 г. бездѣтнымъ, они и избрали Стефана Баторія, а по вступленіи его на польскій престолъ—брата его, Христофора.

Турки же въ 1569 г. совершили черезъ Черное и Азовское моря и Крымъ, вмѣстѣ съ крымскими татарами, походъ въ Астрахани, которую осадили, но были отражены русскими войсками, которыя затѣмъ истребили до 30 т. татаръ въ степяхъ. Бунтъ янычаровъ въ Константинополѣ принудилъ турецкую армію отправиться обратно въ Турцію, но болѣшая часть ея и флота погибла въ Черномъ морѣ отъ сильной бури. Построивъ новый флотъ и посадивъ на него 50 т. войскъ, турки послали его къ о. Кипру и, по взятіи на немъ Никозіи и Фамагусты, покорили его. Кандія и Ионическіе острова были жестоко разорены, но наконецъ турецкій флотъ въ числѣ 240 галеръ, 40 галіотовъ и 20 небольшихъ бриговъ, подъ начальствомъ сераскира Петрефъ-паши, капудана - паши Муэззипъ-Заде-Али и многихъ другихъ пашей, былъ разбитъ и почти совершенно истребленъ 7 октября 1571 г. въ знаменитомъ морскомъ сраженіи при Лепанто (крѣпости и гавани въ Греціи, при соединеніи заливовъ Лепантскаго и Патрасскаго), соединеннымъ флотомъ папы Пія V, испанскаго короля Филиппа II и Венеціи, въ числѣ 100 военныхъ кораблей и 200 галеръ, съ 50 т. чел. пѣхоты и 4,500 чел. конницы, подъ главнымъ начальствомъ дона Хуана австрійскаго, побочнаго сына императора Карла V. Турки потеряли 225 судовъ, изъ которыхъ 94 были сожжены, а остальные взяты съ 117 большими и 256 малыми пушками и 3,500-ми турецкихъ плѣнниковъ, а 15 т. христіанскихъ плѣнниковъ были освобождены. Впрочемъ эта рѣшительная побѣда, распространившая во всей западной Европѣ всеобщую радость, не имѣла никакихъ важныхъ послѣдствій, потому что обычныя несогласія между союзниками дали туркамъ время создать новый флотъ. Венеція, недостаточно поддержавъ Испаніей, въ 1573 г. заключи-

ла миръ съ Турціей, заплатила ей значительную сумму денегъ и получила отъ нея обратно всѣ завоеванія ея въ Далмаціи. Въ 1574 г. турки взяли обратно покоренный дономъ Хуаномъ Тунисъ и совершили походъ въ Молдавію противъ возмущившагося господаря Іоанна, который, послѣ 3-хъ-дневной битвы, былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и казненъ. Послѣ того Селимъ, возобновивъ перемиріе съ Австріей, 12 декабря 1574 года умеръ отъ послѣдствій нетрезвости.

§ 226.

Войны при Мурадѣ III (1574—1595).

Сынъ и преемникъ Селима II, Мурадъ III, неспособный, слабый, находившійся подъ вліяніемъ своихъ женъ и царедворцовъ, былъ не лучше своего отца и, подобно ему, положилъ начало упадку могущества Турціи. Соколли, лишенный своего вліянія, умеръ въ 1579 году и съ его смертію внутренніе смуты и безпорядки увеличились. Съ Австріей, не смотря на миръ, происходили частыя пограничныя стачки. Война съ Персіей въ 1578 и слѣдующихъ годахъ доставила мало существенныхъ выгодъ, а стоила множество людей и денегъ. Наконецъ въ 1590 году новый персидскій шахъ Аббасъ Великій, желая отдѣлаться отъ Турціи, чтобы удобнѣе одолѣть другихъ противниковъ своихъ, заключилъ съ нею миръ, по которому уступилъ ей часть Адербаѣджана, Карабахъ, Ширванъ, Грузію и другія области. Въ 1593 г. Турціи объявила войну Австрія, но турецкая армія была разбита при Сиссекѣ и Штульвейсенбургѣ; Трансильванія, Молдавія и Валахія возстали и заключили союзъ съ Австріей. Мурадъ хотѣлъ самъ выступить въ походъ противъ нихъ, но заболѣлъ и умеръ 16 января 1595 года.

§ 227.

Войны при Мухаммедѣ III (1595—1603).

Сынъ и преемникъ Мурада III, Мухаммедъ III, еще недостойнѣе своего отца, началъ съ того, что умертвилъ 19 братьевъ своихъ. Затѣмъ послѣдовали: новый бунтъ янычаровъ, стоившій несмѣтной суммы денегъ, и новая война съ Австріей и Валахіей, въ которой турки понесли неоднократныя пораженія и, можетъ быть, лишились бы Венгріи, еслибы главный предводитель имперской арміи, эрцгер-

цогъ Матеей, тщетно осаждавшій Офенъ, могъ противопоставить туркамъ равныя силы. Но турки, послѣ побѣдъ своихъ при Канишѣ и Штульвейсенбургѣ, успѣли направить вышнія дѣла свои въ Европѣ. За то въ самой Турціи были величайшія злоупотребленія во внутреннемъ управленіи и повсемѣстныя, безпрестанныя возмущенія въ областяхъ и въ войскахъ. Султанъ долженъ былъ казнить множество визирей и намѣстниковъ и даже сына своего Мустафу. Персидскій шахъ Аббасъ въ 1603 г. покорилъ Тебрисъ и разорилъ пограничныя турецкія области. Мухаммедъ хотѣлъ идти воевать съ нимъ, но умеръ 22 декабря 1603 года.

§ 228.

Войны при Ахмедѣ I (1603—1617).

Сынъ и преемникъ Мухаммеда III, Ахмедъ I вступилъ на престолъ 14-ти лѣтъ отъ роду. При немъ война съ Персіей была весьма несчастлива для Турціи. Шахъ Аббасъ взялъ Эриванъ и Карсъ; грузинскіе князья перешли на его сторону. Въ 1605 году въ Малой Азии и въ турецкомъ войскахъ произошли большія смуты, которыя Ахмедъ, не смотря на свою молодость, укротилъ однако съ большою твердостью. Война съ Венгріей была нѣсколько удачнѣе персидской: Гранъ, Веспримъ и другія крѣпости были взяты турками, Валахія снова покорена; союзникъ Турціи, семиградскій князь Бочкай турками провозглашенъ королемъ Венгрии. Но дѣла Азии принудили Ахмеда въ 1606 г. заключить съ Австріей миръ, замѣчательный тѣмъ, что Турція въ первый разъ вступила съ европейскою державой въ мирный договоръ, тогда какъ до того сама гордо предписывала условія мира. Между тѣмъ съ Персіей продолжалась неудачная для Турціи война: турки въ каждомъ походѣ лишались нѣсколькихъ армій; наконецъ въ 1612 г. Ахмедъ примирился съ шахомъ Аббасомъ, уступивъ ему всѣ завоеванія Мурада III и Мухаммеда III. Морскія войны Турціи съ мальтійскими рыцарями, Тосканой, Испаніей и папой были ведены съ перемежнымъ успѣхомъ и съ взаимнымъ разореніемъ береговъ Средиземнаго моря. А на Черномъ морѣ запорожскіе и донскіе казаки вели дѣятельную войну противъ турокъ, предпринимали необыкновенно смѣлыя высадки на турецкія берега и нападенія на турецкія владѣнія, и, между прочимъ, въ ноябрѣ 1614 г., напали на Синопъ, разграбили его и увезли несмѣтную добычу. Въ 1616 г. шахъ Аббасъ нарушилъ миръ съ Турціей разореніемъ Карса и занятіемъ Грузіи. Турки тщетно

осаждали Эривань и, истощенные и ослабленные голодомъ и холодомъ, принуждены были постыдно бѣжать. Удачнѣе былъ походъ ихъ въ Молдавію и противъ союзниковъ ея, казаковъ, которые были разбиты. Это повело къ непріязненнымъ отношеніямъ и дѣйствіямъ между Турціей и Польшей, которая жаловалась на нашествія крымскихъ татаръ, подвластныхъ Турціи. Въ 1617 году турецкая и польская арміи уже готовы были вступить въ битву на берегу Днѣстра, когда между Польшей и Турціей былъ заключенъ миръ, по которому казакамъ было воспрещено переступать за Днѣстръ, а полякамъ—вмѣшиваться въ дѣла Молдавіи, Валахіи и Семиградскаго княжества. 22 ноября того же 1617 г. Ахмедъ I умеръ, оставивъ послѣ себя 7 несовершеннолѣтнихъ сыновей, а престолъ Турціи — брату своему Мустафѣ V, который, по тупоумію, уже черезъ 3 мѣсяца (въ февралѣ 1618 г.) былъ низложенъ и на престолъ Турціи возведенъ старшій сынъ Ахмеда, Османъ II, любимый народомъ и войскомъ за его воинственный, твердый и рѣшительный характеръ.

ГЛАВА XXIX.

ВОЙНЫ И ПОХОДЫ ТИМУРЪ-ЛЕНГА ИЛИ ТАМЕРЛАНА (1359—1405).

§ 229. Первые войны и походы Тимуръ-Ленга (1359—1390).—§ 230. Походъ въ Золотую орду противъ Тохтамыша (1391).—§ 231. Походы отъ 1392 г. до 1398 г.—§ 232. Походъ въ Индію (1398—1399).—§ 233. Походъ противъ Баязида I (1402).—§ 234. Приготовления къ походу въ Китай (1403—1405).

§ 229.

Первые войны и походы Тимуръ-Ленга (1359—1390).

Тимуръ-Ленгъ (Тимуръ-хромой, европейцами названный Тамерланомъ) родился 7 мая 1333 г., въ окрестностяхъ города Кешъ или Карши, близъ Самарканда, къ ю. з. отъ Бухары, гдѣ отецъ его, потомокъ Корошаха Нойона (1242) и одинъ изъ незначительныхъ джагатайскихъ князей *), владѣлъ небольшимъ удѣломъ или участкомъ земли. Тимуръ, хромой, малый ростомъ и невзрачной наружности, обладалъ необыкновеннымъ умомъ, съ молодости имѣлъ страсть къ изученію всѣхъ знаній, доступныхъ въ то время востоку, былъ отваженъ, храбръ и уже съ 12-го года жизни участвовалъ въ бояхъ. Происхождение его по женской линіи отъ Чингизъ-хана (по свидѣтельствъ его генеалоговъ), упадокъ могущества джагатайскихъ хановъ

*) Джагатайское ханство—одно изъ независимыхъ ханствъ, на которыя раздѣлилась держава Чингизъ-хана и его первыхъ потомковъ—заключало въ себѣ восточную часть бывшей Киргизской орды, земли отъ верхнихъ частей Иртыша и Оби до хребта Тяньшань и къ ю. отъ него до хребта Гималайскаго, съ долиной, въ которой лежатъ Кашгаръ, Яркендъ, Хотанъ и др. города, а также Коканское, Бухарское и Хивинское ханства, до Гиндукуша.

и князей, внутренніе раздоры эмировъ ихъ, враждою между собой предавшихъ отечество свое во власть кашгарскаго хана и гетовъ (по мнѣнію нѣкоторыхъ—калмыковъ, позже—узбековъ)—все это съ раннихъ лѣтъ пробудило въ Тимурѣ желаніе возстановить минувшее величіе обширной монгольской державы Чингизъ-хана. Съ этою постоянною цѣлю въ виду, онъ рано и искусно воспользовался мѣстными обстоятельствами.

Въ 1-й половинѣ XIV вѣка джагатайское ханство раздробилось на нѣсколько независимыхъ владѣній. Въ сѣверной части его, отъ верховьевъ Иртыша и Оби до Тянь-шанскаго хребта, удаленной отъ мѣстопребыванія хановъ Золотой орды и джагатайскихъ, образовалось особое ханство, ханомъ котораго въ половинѣ XIV вѣка былъ потомокъ Чингизъ-хана Тоглукъ-Тимуръ. Джагатайскій ханъ Газанъ (съ 1332 года) своею жестокостію возбудилъ противъ себя общую ненависть и, послѣ битвы съ нимъ возмущившихся князей и эмировъ, въ 1346 году, былъ убитъ. Тоглукъ-Тимуръ, пользуясь междоусобіями, происшедшими въ этомъ ханствѣ, предъявилъ свои права на его престолъ и съ сплннымъ войскомъ, въ которомъ было много позднѣйшихъ узбековъ, въ 1359 г. перешелъ черезъ р. Сыръ-Дарью у Ходжента и безъ большаго сопротивленія занялъ всю страну между р. Сыръ-Дарьей и Аму-Дарьей (Трансъ-Оксану). Устрашась войска его, часть владѣтелей изъ потомковъ Чингизъ-хана удалась въ Хорасанъ и Афганистанъ, а другая покорилась Тоглукъ-Тимуру. Въ числѣ послѣднихъ былъ и Тимуръ-Ленгъ, лишившійся передъ тѣмъ отца и не имѣвшій еще никакого значенія. Онъ не ограничился одною покорностію, но отправился съ значительными сокровищами въ войско Тоглукъ Тимура, богатыми дарами спасъ отъ грабежа и разоренія собственныя и союзниковъ свопхъ земли и успѣлъ не только посѣять между непріятелями раздоръ, но даже возбудить возмущеніе въ собственныхъ владѣніяхъ Тоглукъ-Тимура. Это заставило послѣдняго возвратиться лично въ свое ханство, оставивъ вмѣсто себя неопытнаго сына своего, Эліасъ-Ходжу-Аглана и главнымъ предводителемъ войска — нѣкоего Бикджека. Тимуръ-Ленгъ же, своею наружною покорностію, получилъ отъ Тоглукъ-Тимура утвержденіе въ своемъ владѣніи, начальствованіе надъ тумынемъ (10-ти-тысячнымъ отрядомъ войскъ) и важную должность въ управленіи дѣлами при Эліасъ-Ходжѣ-Агланѣ. Начальствуя тумынемъ войскъ, онъ ввелъ между ними строгую военную дисциплину.

Но согласіе его съ правительствомъ Эліасъ-Ходжи-Аглана продолжалось недолго, потому что потомки Гулару, Батия, Джагатая и ихъ вельможи уже приняли магометанскую религію, особен-

но въ мѣстахъ, гдѣ было осѣдлое населеніе; кочевой же народъ и войска Тоглукъ-Тимура были еще большею частію язычники, отчего, при вторженіи этихъ войскъ въ край между р. р. Сыръ-Дарьей и Аму-Дарьей, они въ грабежахъ своихъ не щадили магометанъ и ихъ духовенства. Это было причиною частыхъ столкновеній между ними и Тимуръ-Ленгомъ, ревностнымъ магометаниномъ. Онъ навлекъ на себя этимъ неудовольствіе войскъ, особенно узбековъ и Эліаса-Ходжи, и Тоглукъ-Тимуръ приказалъ умертвить Тимуръ-Ленга. Но приказъ этотъ случайно попалъ въ руки Тимуръ-Ленга, и онъ, угрожаемый опасностью, рѣшился собрать смѣлыхъ и рѣшительныхъ воиновъ, чтобы прогнать узбековъ. Но намѣреніе его было открыто и онъ съ 60 воинами былъ припужденъ бѣжать за Аму-Дарью, въ Бадагшанскія горы, а оттуда въ степи Ховарезма. На пути туда къ нему присоединился, также недовольный узбеками, потомокъ Чингизъ-хана, правитель области Балха, эмиръ Хуссейнъ, съ небольшою дружиной.

Правитель Ховарезма Текель-Багадуръ, получивъ приказаніе Эліаса-Ходжи истребить шайбу Тимуръ-Ленга, пошелъ противъ него съ 1 т. чел. конницы. Но Тимуръ, обладавшій необыкновенною силой, съ 12 лѣтъ бывший уже опытнымъ и храбрымъ воиномъ и имѣвшій въ своей дружинѣ отборныхъ и отчаянныхъ воиновъ, отбилъ всѣ нападеныя Текеля, который былъ принужденъ удалиться съ урономъ. Послѣ того Тимуръ скитался по туркестанскимъ степямъ, съ одного мѣста на другое, въ ожиданіи счастливаго оборота своей судьбы. Одинъ изъ владѣтелей успѣлъ схватить Тимура и засадилъ его въ яму, наполненную гадами, въ которой Тимуръ пробылъ 62 дня и наконецъ былъ освобожденъ изъ нея однимъ изъ преданныхъ ему людей. И онъ снова началъ странствовать по степямъ, сопровождаемый только 12-ю конными воинами. Къ нимъ присоединилось нѣсколько туркменъ, потомъ еще и еще нѣсколько бездомныхъ и недовольныхъ, такъ что наконецъ ихъ набралось до 1 т. чел. Такъ какъ ихъ все еще было недостаточно для вступленія въ борьбу съ Эліасъ-Ходжей и узбеками, то Тимуръ направился въ Кандагаръ. Въ окрестностяхъ его, къ Тимуру присоединилось еще до 1 тис. чел., съ помощью которыхъ онъ завладѣлъ областью Кермессиръ и оттуда пошелъ къ Балху. Такъ какъ слава его росла, то на пути къ нему присоединилось нѣсколько сотъ воиновъ, большею частію изъ высшихъ сословій.

Такимъ образомъ постепенно болѣе и болѣе усиливая свою дружину, онъ заботился и содержаніемъ ея. Чтобы имѣть для того складъ запасовъ, онъ овладѣлъ замкомъ Аладжу, 300 чел. гарнизономъ котораго присоединились къ нему. Въ окрестностяхъ Балха онъ

узналъ, что Эліасъ-Ходжа съ войсками находился въ окрестностях Термеда и что войска его производили всякаго рода жестокости и грабежи. Это еще увеличило отрядъ Тимура постоянно присоединявшимися къ нему воннами, такъ что онъ наконецъ рѣшился уже открыть военныя дѣйствія противъ Эліаса-Ходжи и узбековъ, хотя они были въ 10 разъ сильнѣе его; но онъ былъ увѣренъ, что несправедливость къ узбекамъ, при малѣйшемъ успѣхѣ его, будетъ быстро увеличивать силы его, что дѣйствительно и случилось. Послѣ многихъ, болѣе или менѣе значительныхъ и удачныхъ для него стычекъ и дѣлъ, онъ успѣлъ наконецъ прогнать узбековъ за р. Сыръ-Дарью (1369—1370). О мужествѣ и искусствѣ въ этомъ Тимура можно уже заключить изъ того, что начавъ войну съ какими-нибудь 2 т. чел. противъ тысячъ 20-ти войскъ узбековъ въ полѣ, не считая тысячъ 80-ти ихъ въ крѣпостяхъ между рѣками Аму и Сыромъ, онъ успѣлъ побѣдить ихъ и прогнать за р. Сыръ-Дарью. Это былъ первый побѣдоносный подвигъ его.

Когда Эліасъ-Ходжа удался за р. Сыръ-Дарью, множество узбековъ было оставлено имъ въ крѣпостяхъ Трансъ-Оксаны. Чтобы не затянуть войны осадами всѣхъ этихъ крѣпостей, Тимуръ употребилъ хитрость: написалъ отъ имени Эліаса-Ходжи и предписанія начальникамъ войскъ въ крѣпостяхъ очистить послѣднія и послалъ эти предписанія съ узбеками, а за ними издали свои войска, поднимавшія на большомъ пространствѣ пыль, дабы казаться многочисленнѣе. Хитрость эта удалась вполне и почти всѣ крѣпости Трансъ-Оксаны были очищены.

Такими-то испытаніями судьбы и превратностями счастья, во время скитанія своего по степямъ Ховарезма и Хорасана, Тимуръ научился выбирать людей и оцѣнять ихъ по достоинству и подготовился къ великимъ дѣйствіямъ своимъ въ теченіи остальныхъ 35-ти лѣтъ своей жизни (по Шерефъ-эддину, въ 1359 г. Тимуру было 25 лѣтъ, слѣдовательно изгнаніе узбековъ въ 1369—70 годахъ онъ совершилъ, имѣя 35—36 лѣтъ отъ роду). Вѣроятно въ это же время скитальческой жизни своей въ степяхъ онъ составилъ тѣ правила политики и войны, которыя потомъ, въ видѣ завѣщанія, оставилъ своимъ дѣтямъ и потомкамъ (см. гл. XXII § 181).

По изгнаніи Эліаса-Ходжи за р. Сыръ, Тимуръ хотя и былъ вездѣ принимаемъ какъ освободитель отъ ненавистныхъ узбековъ и хотя въ самомъ Самаркандѣ его называли «великимъ и героемъ своего времени», однако не ослѣпился и не возгордился этимъ. Не прося по прямой линіи отъ Чингизъ-хана и опасаясь новыхъ междоусобій, онъ былъ такъ благоразуменъ, что не домогался званія хана, но, по совѣщаніи съ эмиромъ Хуссейномъ (на сестрѣ

котораго былъ женатъ), созвалъ курилгай для избранія хана. Выборъ палъ на потомка Чингизъ-хана, Кабулшаха-Аглана, который въ смутное время междоусобій удалился въ уединеніе и поступилъ въ дервиши. Разумѣется, что именемъ его управляли ханствомъ Тимуръ и Хуссейнъ. Отъ послѣдняго, сдѣлавшагося ненавистнымъ народу своею алчностью къ приобрѣтенію богатствъ, Тимуръ скоро умѣлъ ловко отдѣлаться и по смерти его уже приступилъ къ исполненію властолюбивыхъ замысловъ своихъ, прикрываясь властію избраннаго хана и предположеніемъ подчинить ему всѣ прежнія владѣнія джагатайскихъ хановъ. Въ это время нравы монголовъ уже измѣнились противъ прежнихъ временъ: сливался съ туземцами, монголы стали отчасти осѣдлыми и въ южной части джагатайскаго ханства почти всѣ приняли магометанство. Эта религія, съ ея фанатизмомъ, именно и сдѣлалась въ искусныхъ рукахъ Тимура главною пружиной военно-политической системы его, которая въ этомъ отношеніи и отличалась отъ Чингизъ-хановой, соединенной съ вѣротерпимостью и возбуждавшей фанатизмъ пнаго рода и иными средствами.

Въ точности соблюдая по формѣ законъ Чингизъ-хана, по которому никто во владѣніяхъ монголовъ, не происходя отъ его рода, не имѣлъ права объявлять себя ханомъ, и издавая всѣ указы отъ имени хановъ, избранныхъ изъ потомковъ Чингизъ-хана, Тимуръ самъ управлялъ ихъ именемъ совершенно самовластно, раздавалъ области и земли своимъ дѣтямъ и оставлялъ имъ обширное наслѣдство. Для утвержденія своей власти, онъ приложилъ особенное попеченіе объ умноженіи и устройствѣ своихъ войскъ, вводя между ними военныя постановленія Чингизъ-хана. Изъ 313 самыхъ преданныхъ ему людей, избранныхъ имъ во время приготовленій къ изгнанію узбековъ и одаренныхъ необходимыми для хорошихъ военачальниковъ качествами, опытныхъ въ военномъ дѣлѣ и испытанной въ бояхъ храбрости, онъ назначилъ 100 для начальствованія десятками, 100—сотнями и 100 — тысячами, а остальныхъ 13 — въ высшія должности. Они-то безъ сомнѣнія и способствовали устройству войскъ Тимура и введенію между ними дисциплины.

Образовавъ этимъ способомъ хорошо-устроенное войско, учредивъ столицу свою въ Самаркандѣ, укрѣпивъ этотъ городъ и построивъ въ немъ внутреннюю крѣпость или цитадель, Тимуръ въ 1371 г. открылъ войну противъ непримиримыхъ и самыхъ опасныхъ враговъ своихъ — узбековъ. Разбивъ ихъ въ 1371 г., онъ пошелъ завоевать Ховарезмъ, взявъ приступомъ городъ Кентъ (Кендъ, Яни-Кендъ или Джентъ, на сѣверовосточномъ берегу Хоразмійскаго или Аральскаго моря), двинулся къ Ургенджу или Ургенчу и принудилъ ховарезмій-

скаго хана согласиться на предписанный ему миръ. Послѣ того онъ совершилъ еще нѣсколько удачныхъ походовъ противъ узбековъ, а въ 1376 г. содѣйствіемъ своимъ возвелъ на престолъ Кипчака или Золотой орды хана Тохтамышъ. Въ 1378 году онъ снова пошелъ войною противъ Ховарезма и въ 1379 г. взявъ столицу его, послѣ упорной обороны ея, покорилъ всю эту страну. Въ 1380 г., узнавъ, что владѣтель Хорасана возстановилъ противъ себя своихъ подданныхъ, Тимуръ, по тайному сношенію съ нѣкоторыми изъ нихъ, двинулся въ эту страну для завоеванія ея. Для этого онъ построилъ мостъ черезъ р. Аму-Дарью у Термеда, перевелъ по немъ свое войско, пошелъ къ Балху и, взявъ его, къ Андху, Фюрменджу и неожиданно подступилъ къ Герату. Владѣтель Хорасана покорился ему безъ боя, а эмиры его послѣдовали его примѣру. Вскорѣ Систанъ, Кандагаръ, Афганистанъ и владѣтели областей и земель на всемъ пространствѣ до Кандагара и Мазандерана покорились Тимуръ почти безъ боя. Значительно усиливъ свое войско включеніемъ въ его составъ войскъ покоренныхъ областей, Тимуръ замыслилъ еще болѣе обширныя завоеванія. Въ 1383 г. онъ покорилъ Мазандеранъ, оттуда пошелъ въ Адзербайджанъ, Армению, Грузію и распространилъ свои завоеванія до Дербента, Тифлиса и Эрзерума. Отсюда онъ двинулся къ Вану, Испагану, въ южную Персію и покорилъ столицу Фарсистана Ширазъ.

Здѣсь онъ получилъ изъ Самарканда извѣстіе, что возведенный имъ на престолъ Золотой орды Тохтамышъ вторгнулся во владѣнія его, Тимура, пославъ одну часть своихъ силъ на р. Сыръ-Дарью и въ Бухару, а другую черезъ Усть-Уртъ въ Ховарезмъ, гдѣ имѣлъ тайныхъ союзниковъ. Узнавъ, что онъ дошелъ уже до города Бухары, Тимуръ поспѣшилъ подать помощь своимъ подданнымъ, послалъ легкіе отряды кратчайшимъ путемъ къ городу Іезду, а самъ съ главными силами обошелъ Кирманскую осленую степь на Испаганъ и Тавтапаль (вѣроятно нынѣшній Тегеранъ). Тохтамышъ, узнавъ о приближеніи войскъ Тимура и разграбивъ часть владѣній его до р. Аму-Дарьи, удалился до прибытія главныхъ силъ Тимура, частью черезъ Хоразмъ, частью черезъ р. Сыръ-Дарью.

Тимуръ, прибывъ въ Самаркандъ, узналъ, что въ союзъ съ Тохтамышемъ были владѣтели Хоразма Иликмишъ - Агланъ и Солиманъ-Софи и узбеки, и что они выслали сильное войско со стороны Ташкента, подъ начальствомъ эмира Анкатура, который, дойдя до р. Сыръ-Дарьи, осадилъ Андеканъ, но, не могши взять его, былъ принужденъ снять осаду и возвратиться въ свои земли. Тогда Тимуръ положилъ, прежде нежели начать войну съ главнымъ врагомъ своимъ Тохтамышемъ, управиться съ ближайшими врагами, которые

во время похода его въ Золотую орду, могли снова напасть на собственные владѣнія его. Поэтому онъ немедленно двинулъ войска свои въ Ховарезмъ. Когда передовой отрядъ его прибылъ къ рѣкѣ Багдадекъ (нынѣ неизвѣстной), Тимуръ послалъ впередъ развѣзды для развѣдыванія непріятельскихъ силъ. А подойди къ рѣкѣ Шедрисъ (нынѣ также неизвѣстной), онъ узналъ, что Иликмишъ и Солиманъ съ своими войсками, забравъ лучшее имущество свое, бѣжали къ Тохтамышу. Для преслѣдованія ихъ Тимуръ отрядилъ сына своего мнрзу Миранша съ 5-ю эмирами. Они, слѣдуя обыкновенно быстро по дорогамъ на Комкентъ и Кизъ (положеніе ихъ неизвѣстно), успѣли настигнуть бѣжавшихъ, разбили ихъ, отбили все имущество ихъ и воротились въ Хоразмъ. По возвращеніи ихъ, Тимуръ взялъ Ургенчъ, разорилъ его въ конецъ и на мѣстѣ, гдѣ онъ былъ, велѣлъ посѣять ячмень, а жителей его съ ихъ имуществомъ переселилъ въ Самаркандъ (но нѣсколько лѣтъ спустя, по возвращеніи изъ похода противъ Тохтамыша, онъ позволилъ имъ снова поселиться на своей родинѣ, однако для наблюденія за ними велѣлъ построить укрѣпленные города Кентъ и Хиву).

Предшествовавшее отторженіе ховарезмійцевъ отъ джагатайскихъ хановъ, неоднократныя войны ихъ съ Тимуромъ и упорное сопротивленіе ихъ ему свидѣлствуютъ, что Хоразмъ въ то время былъ обширнымъ и сильнымъ государствомъ, а столица его Ургенчъ (нынѣ въ развалинахъ) большимъ, торговымъ и богатымъ городомъ, который былъ обязанъ своимъ цвѣтущимъ состояніемъ выгодному въ торговомъ отношеніи положенію между ханствами потомковъ Гулагу и Джагатая и Зологой ордой, куда шли товары изъ Индіи и Китая.

Управясь съ Ховарезмомъ, Тимуръ обратилъ свое оружіе противъ ближайшихъ восточныхъ частей Золотой орды. Пославъ свои войска къ низовьямъ р. Сыръ-Дарьи, онъ въ нѣсколькихъ битвахъ здѣсь разбилъ и прогналъ войска Тохтамыша, состоявшія изъ черкесовъ, башкиръ, кипчаковъ (вѣроятно кайсаковъ), крымцовъ, грековъ, жителей Кафы и Азова, болгаръ и даже русскихъ и москововъ или москвитянъ (по свидѣтельству Шерефѣддина), вѣроятно бѣглыхъ или плѣнниковъ, и имѣвшія въ передовомъ отрядѣ ховарезмійцевъ, и заставилъ ихъ спасаться поспѣшнымъ бѣгствомъ къ среднему Уралу.

Обезпечивъ себя съ этой стороны, Тимуръ въ 1389 г. положилъ отмстить узбекамъ, сыну Тоглукъ-Тимура, Кезерь-Ходжи-Аглану, и Анкатуру, нападавшимъ на его владѣнія въ одно время съ Тохтамышемъ. Онъ направился въ земли ихъ съ войскомъ болѣе нежели въ 100 т. чел. конницы, оставивъ на низовьяхъ Сыръ-Дарьи

достаточныя силы для наблюденія за дѣйствіями Тохтамыша. Во время этого похода, найдя, что много лошадей въ его войскѣ было въ худомъ тѣлѣ, онъ отдѣлялъ изъ каждаго десятка по 3 человека (всего 30 т.) и отправилъ ихъ въ Самаркандъ, а лошадей ихъ роздалъ оставшимся, такъ что у каждаго всадника, вмѣстѣ съ запасными лошадьми, было ихъ по двѣ.

Судя по мѣстнымъ поселеніямъ и урочищамъ, горамъ и долинамъ, рѣкамъ и рѣчкамъ, указаннымъ Шерефэддипомъ и др. по пути слѣдованія Тимура, можно полагать, что онъ шелъ мѣстами, по которымъ нынѣ проходитъ дорога на станцію Вѣрную. На походѣ онъ посылалъ въ ущелья горъ небольшіе отряды для перехвата и истребленія непріятелей. За нѣсколько переходовъ до р. Иртыша Тимуръ остановился съ главными силами на удобныхъ пастбищахъ, найденныхъ у урочища Карагутшуръ, для поправленія своихъ лошадей, а для отысканія и преслѣдованія непріятеля послалъ къ Иртышу 30 т. человекъ конницы. Когда этотъ отрядъ дошелъ до Иртыша, то раздѣлился на части и, переправивъ одну изъ нихъ на другую сторону рѣки, слѣдовалъ вдоль нея, отыскивая непріятеля по сторонамъ и на островахъ ея, и воротился къ главнымъ силамъ съ множествомъ плѣнныхъ и богатою добычей. Отправивъ плѣнныхъ и добычу подъ прикрытіемъ въ Самаркандъ, Тимуръ съ главными силами своими перешелъ черезъ степи къ Эмаль-гужу, гдѣ были дворецъ Сарай-Урдамъ и столица хановъ этой орды. Здѣсь Тимуръ созвалъ совѣтъ изъ всѣхъ главныхъ начальниковъ войскъ, пригласивъ въ него и всѣхъ хорошо знавшихъ мѣстность этого края и гдѣ непріятель могъ находить убѣжища съ своими стадами, такъ какъ цѣлью Тимура было ослабить его такъ, чтобы во время похода противъ Тохтамыша, въ тылу его, Тимурова, войска не осталось сильныхъ враговъ. На этомъ совѣтѣ было рѣшено раздѣлить войско на 5 частей и одну, подъ начальствомъ Тимурова сына, Омара-шейха, управлявшаго округомъ Андеканъ, направить черезъ гору Дубешинъ-Андуръ и Кара-Кожъ; другую изъ 30 т. чел. конницы—на Кара-Артъ и Шуруглукъ; третью изъ 20 т.—на Сагизганъ, Сугулганъ, Лигъ и Шевейяръ; четвертую изъ 20 т.—по дорогѣ на Уритшуръ и Бикуръ, а пятую, при которой имѣлъ быть самъ Тимуръ съ своею отборною дружиной (гвардіей) и войсками собственныхъ владѣній—по дорогѣ на Олукъ-Куль и Сичкандабанъ. Сверхъ того начальнику войскъ, оставленныхъ противъ Тохтамыша, было приказано идти отъ р. Сыръ-Дарья также къ сѣверу, для преслѣдованія узбековъ.

Эти послѣднія войска пошли на Урдубадъ, черезъ р. Абейле, на Сутгиль и др. мѣста къ Молзуду. Встрѣтивъ хана Монголистана, Кеверъ-Кожа-Аглана съ его войскомъ, они вступили съ нимъ въ

бой и такъ какъ онъ не имѣлъ рѣшительнаго результата, то обѣ стороны, по взаимному соглашенію, положили разойтись, и войска Тимура пошли къ Юлдузу. Но одинъ изъ воиновъ ихъ умѣлъ догнать Тимура у Кейту и сообщить о происшедшемъ боѣ. Тимуръ, прибывъ въ Юлдузъ, оставилъ въ немъ обозъ и, выбравъ храбрѣйшихъ воиновъ, перешелъ черезъ р. Улакѣануръ, прошелъ черезъ степь, прибылъ въ Карабулакъ и черезъ Теберъ-Ташъ пошелъ въ Купонъ-кѣй, гдѣ настигъ непріятеля и разсѣялъ его войско, преслѣдовалъ его черезъ горы Наринъ-Кетель до Караташа и заставилъ хана Кезеръ - Кожа-Аглана спастись послѣднимъ бѣгствомъ. Послѣ преслѣдованія его до Куланъ-Кетель, Тимуръ пошелъ обратно другимъ путемъ и соединился съ прочими отрядами своими въ Юлдузъ. Здѣсь, въ долинѣ, имѣвшей превосходныя пастбища, хорошую воду и умѣренный климатъ, было назначено сборное мѣсто всѣхъ отрядовъ. Такъ какъ каждому изъ нихъ были даны надежныя проводники, для указанія мѣстъ, гдѣ непріятель могъ укрываться, и опредѣлены пути движеній, кругъ и образъ дѣйствій, то всѣ эти отряды и исполнили свое назначеніе весьма успѣшно. По всѣмъ путямъ, которыми они проходили, они отбирали у непріятеля людей, скотъ и имущество, и съ огромными, обозами, пройдя черезъ степи и ущелья горъ, всѣ соединились въ долинѣ Юлдузъ. Здѣсь Тимуръ, по своему обыкновенію, награждалъ наиболѣе отличившихся и угощалъ всѣ свои войска разными яствами, напитками и увеселеніями. Послѣ отдыха, онъ послалъ сына своего, Омара-шейха, съ сильнымъ отрядомъ, на югъ Небесныхъ горъ, черезъ Желѣзные ворота подъ названіемъ Калуга, разбить укрывавшагося тамъ непріятеля (что Омаръ-шейхъ и исполнилъ) и черезъ Кузанъ, Утчеферманъ и Кашгаръ возвратиться въ Андеканъ. Другіе отряды пошли по сѣверную сторону Небесныхъ горъ, а самъ Тимуръ отправился впередъ и въ 22 дня прибылъ въ Самаркандъ (вараваннаго хода— 2 мѣсяца).

Недовольствуясь такимъ разгромомъ своихъ злѣйшихъ враговъ, въ 1390 г. онъ снова послалъ въ тѣ же мѣстности 25 т. чел. конницы. Отыскивая вездѣ непріятелей, они напали на слѣдъ хана ихъ Камарэддина, преслѣдовали его и, узнавъ, что онъ бѣжалъ въ тѣса за Иртышомъ, послѣ 6-мѣсячнаго похода воротились въ Самаркандъ.

Послѣ такого разгрома, разграбленія имущества и плѣненія большей части жителей областей и земель своихъ враговъ — узбековъ въ с., в., ю. и з. отъ Самарканда, Тимуръ уже надолго обезопасилъ себя отъ ихъ нападеній и могъ спокойно приступить къ войнѣ про-

тивъ Тохтамышпа, располагавшаго многочисленными силами Золотой орды.

§ 230.

Походъ въ Золотую орду противъ Тохтамышпа (1391).

Тохтамышъ, содѣйствию Тимура обязанный возведеніемъ своимъ на престолъ Золотой орды, вмѣсто благодарности ему имѣлъ не только дерзость, но и неблагоразуміе напасть на собственныя владѣнія его, да еще при содѣйствіи враговъ его — узбековъ, въ то время, когда онъ находился далеко въ южной Персіи. Весьма естественно и понятно, что такой человѣкъ и азіятскій завоеватель, какъ Тимуръ, предположившій себѣ возстановить монгольскую державу Чингизъ-хана, не могъ оставить коварнаго и вѣроломнаго поступка Тохтамышпа безъ возмездія, не изъ одной мести, но и преимущественно изъ здоровой политики. Ханъ Золотой орды, какъ союзникъ Тимура, могъ способствовать послѣднему въ возстановленіи имъ монгольской державы, но какъ врагъ долженъ былъ значительно затруднить ему это и даже сдѣлать небезопаснымъ, имѣя на своей сторонѣ сильный Хоразмъ и не менѣе сильныхъ, заелитыхъ враговъ Тимура — узбековъ. Соединеніе всѣхъ ихъ вмѣстѣ могло быть крайне опасно и даже гибельно для Тимура. Хотя владѣнія Тохтамышпа были отдѣлены отъ владѣній Тимура обширными степями, но Тохтамышъ былъ сильный врагъ, который могъ выставить до полумилліона войскъ. Нелегко было бы Тимурѣ обороняться противъ него въ собственныхъ своихъ владѣніяхъ, въ случаѣ нападенія его при содѣйствіи Хоразма и узбековъ; но и напасть на Тохтамышпа въ его владѣніяхъ было также очень трудно. Для этого необходимо было прежде всего обезопасить себя въ тылу со стороны Хоразма и узбековъ, ослабивъ ихъ такъ, чтобы они были беспильны вредить ему во время войны съ Тохтамышемъ. Затѣмъ нужно было пройти около 2,500 верстъ степями, съ достаточными для дѣйствій противъ Тохтамышпа силами и для продовольствованія ихъ средствами. При искусныхъ дѣйствіяхъ непріятеля война могла бы затянуться надолго, а при трудности продовольствія и тѣмъ болѣе недостаткѣ его Тимуръ могъ бы быть принужденъ къ отступленію, опасному и даже гибельному для него. Поэтому любопытно знать, какъ Тимуръ умѣлъ преодолѣть всѣ эти затрудненія. Что касается перваго, со стороны Хоразма и узбековъ въ тылу своемъ, изъ изложеннаго выше уже можно было усмотрѣть, какъ онъ искусно и удачно ослабилъ ихъ и сдѣлалъ безвредными. А что

касается самаго похода противъ Тохтамыша и войны съ нимъ въ собственныхъ его владѣніяхъ, то онъ принялъ такія мѣры, которыя явно изобличаютъ въ немъ необыкновеннаго человѣка и полководца.

Вполнѣ понимая всѣ означенныя выше затрудненія похода и войны противъ Тохтамыша, Тимуръ, по своимъ правиламъ и обыкновенію, прежде всего заблаговременно озаботился привлеченіемъ къ себѣ въ Золотой ордѣ враговъ Тохтамыша и вступленіемъ въ тайныя сношенія и связи съ лицами, имѣвшими вліяніе на дѣла этой орды.

Затѣмъ, чтобы обезпечить за собою преданность своихъ войскъ, начальниковъ ихъ и важнѣйшихъ вельможъ и владѣтелей, Тимуръ, понимая все обаяніе и всю силу величія, славы, блеска побѣдъ, ласковаго обращенія и щедраго угощенія, созвалъ великій курилтаи или монгольскій съѣздъ. На немъ онъ и подвластные ему владѣтели и вельможи, соперничал между собою въ великолѣпіи, рѣшали важнѣйшія дѣла, при чемъ Тимуръ дѣйствовалъ однако не отъ своего имени, но именемъ поставленнаго имъ, для вида и для соблюденія закона, хана изъ потомковъ Чингизъ-хана. Великій курилтаи рѣшилъ объявить войну Тохтамышу, и осенью 1390 г. Тимуръ объявилъ ее этому послѣднему, назначилъ походъ въ Золотую орду, перевелъ назначенныя для того войска черезъ р. Сыръ-Дарью по мосту, построенному у Ходжента, и расположилъ ихъ на зиму въ окрестностяхъ Ташкента.

По причинамъ, изложеннымъ выше касательно трудности похода Тимура изъ средней Азій черезъ степи къ Уралу и Волгѣ въ Золотую орду, любопытно разсмотрѣть вратцѣ пути, предлежавшіе туда Тимуру, и причины, побудившія его избрать одинъ изъ нихъ.

Такихъ путей было три: 1) возвышенною плоскостью Усть-Урта, между Аральскимъ и Каспійскимъ морями; 2) по восточной сторонѣ Аральскаго моря, въ прямомъ направленіи къ среднему Уралу,—и 3) по восточной же сторонѣ Аральскаго моря, по направленію сначала на сѣверъ до р. средняго Тобола, а потомъ вдоль бывшей оренбургской линіи.

Слѣдуя первымъ путемъ, Тимуръ могъ съ осени перевести свои войска въ хоразмійскія (хивинскія) земли на зиму и раннею весною выступить въ походъ между Аральскимъ и Каспійскимъ морями по Усть-Урту, а потомъ, смотря по свѣдѣніямъ о мѣстѣ нахождения Тохтамыша, или въ среднему Уралу, или выше къ сѣверу. По недостатку воды на Усть-Уртѣ (на протяженіи болѣе 400 верстъ), его удобнѣе проходить въ мартѣ и апрѣлѣ, когда снѣговая вода еще не высохла. Пройдя его въ это время и идя далѣе въ маѣ и раньше, онъ встрѣтилъ бы большія затрудненія при переправахъ черезъ р.р.

Эмбу, Сагизь, Уиль и особенно Ураль, во время полноводія, вблизи отъ непріятеля и при переходѣ черезъ множество солонцеватыхъ мѣстъ, весною очень топкихъ, на пространствѣ отъ Усть-Урта до Уила. Выступивъ позже, онъ отчасти избѣжалъ бы этихъ неудобствъ, но встрѣтилъ бы гораздо важнѣшія — недостатокъ въ водѣ и особенно въ кормѣ, отъ засухъ и степныхъ пожаровъ. Сверхъ того, пространство отъ восточнаго берега на Усть-Уртѣ до Уила (почти 800 верстъ) весьма бѣдно водою и травами, и Тимуръ могъ бы на немъ изнурить и даже погубить своихъ лошадей и вьючный скотъ. А все это представляло много невыгодъ для Тимура и выгодъ для Тохтамыша.

Второй путь былъ длиннѣе перваго и представлялъ тѣ же самыя неудобства и невыгоды.

Третій путь былъ длиннѣе первыхъ двухъ, но представлялъ слѣдующія выгоды: 1) безкормную и безводную Голодную степь пересѣкалъ далеко отъ непріятеля; 2) къ сѣверу эта степь постепенно становится лучше; 3) на западной сторонѣ горъ Улу-Тау, по р. Ишиму и далѣе вдоль бывшей оренбургской линіи находились уже превосходныя пастбища, пересѣкаемые передѣсками и множествомъ озеръ и рѣчекъ съ прѣсною водою, отчего травы были влажнѣе и менѣе подвержены степнымъ пожарамъ. Подойдя къ горамъ Улу-Тау или къ р. Ишиму въ апрѣлѣ, Тимуръ могъ безопасно дать войскамъ продолжительный отдыхъ, поправить отоцавшихъ лошадей и потомъ двинуться такъ, какъ кочевые народы обыкновенно ѣздятъ на баранту, т. е. сначала малыми переходами, а потомъ постепенно большими. На всемъ этомъ пути или по крайней мѣрѣ на первой половинѣ его, Тохтамышъ не могъ ничѣмъ вредить ему или затруднить его, во 1-хъ, потому, что въ началѣ похода Тимуръ могъ вполнѣ скрыть свое движеніе отъ Тохтамыша и, во 2-хъ, еслибы послѣдній рѣшился встрѣтить Тимура на второй половинѣ пути въ апрѣлѣ, то зимнимъ походомъ съ нижнихъ Урала, Волги и Дона, болѣе чѣмъ въ 1,500 верстъ, могъ бы привести свое войско въ гораздо худшее состояніе, нежели въ какомъ могъ встрѣтить войско Тимура по выходѣ его изъ Голодной степи; въ случаѣ же пораженія своего тутъ, Тохтамышъ могъ быть истребленъ въ открытыхъ мѣстахъ степей.

Всѣ эти причины и побудили Тимура, безъ сомнѣнія, избрать третій путь, какъ самый выгодный, хотя и самый длинный. Тѣмъ не менѣе, и на этомъ пути походъ представлялъ весьма большія затрудненія, преодоленіе которыхъ требовало столько же смѣлости и осторожности, сколько знанія и искусства веденія войны въ степяхъ, съ войскомъ, составленнымъ изъ кочевыхъ народовъ, и противъ непріа-

*

теля, имѣвшаго войска такого же состава. А Тимуръ столько же хорошо зналъ и понималъ всѣ означенныя выше затрудненія и опасности, сколько и искусство веденія войны въ степяхъ съ кочевыми племенами *). Поэтому онъ и принялъ заблаговременно всѣ необходимыя, необыкновенно мудрыя и разумныя мѣры предосторожности. Сверхъ того, что онъ, какъ уже было сказано, обезопасилъ себя въ тылу и завязалъ тайныя сношенія съ врагами Тохтамыша и вліятельными лицами въ Золотой ордѣ, онъ заготовилъ на избранномъ пути большіе запасы продовольствія, приказавъ сдѣлать на немъ большіе посѣвы. Осенью 1390 г. онъ собралъ при Ташкентѣ многочисленное войско (число его въ точности не опредѣляется, но по нѣкоторымъ расчетамъ, приведеннымъ ниже, предположительно могло простираться до 200 т. или даже до 360 т. чел.). Этому войску онъ далъ надлежащее, правильное устройство, ввелъ лучшій порядокъ, снабдилъ, кого нужно было, лошадьми, недостаточнымъ войнамъ выдалъ оружіе, одежду и деньги на покупку всего необходимаго въ походѣ; приказалъ, чтобы каждый воинъ имѣлъ въ походѣ лукъ, колчанъ съ 30 стрѣлами и прочее положенное оружіе; чтобы каждыя 2 чел. имѣли запасную лошадь, каждыя 10 чел. — кибитку, 2 лопаты, 2 мотыги, 1 косу (въ видѣ прямого серпа), пилу, топоръ, шило, 100 иголъ, опредѣленное количество веревокъ, вѣсы, бычачью шкуру (можетъ быть бурдюкъ для воды или для обтягиванія щитовъ) и котель. На время похода каждому воину полагалось (по мнѣнію Шармуа) отъ 25 до 26 фунтовъ муки въ мѣсяцъ. Въ числѣ продовольственныхъ запасовъ вѣроятно былъ крутъ — сухой сыръ, столь употребительный въ Средней Азій. Для снабженія себя водою, безъ сомнѣнія имѣлись турсуки (мѣхи), а также, вѣроятно, треноги, укрюки и арканы—необходимыя вещи степныхъ кочевниковъ. 19 января 1391 г., передъ выступленіемъ въ походъ, Тимуръ произвелъ подробный смотръ войску, объявилъ войну улусу-Джучи (Золотой ордѣ), раздѣлил войско на колонны, назначилъ въ каждую юртджи (колонновожатыхъ) и выступилъ въ походъ нѣсколькими колоннами, для болѣе удобнаго продовольствованія.

*) Этотъ походъ его тѣмъ особенно любопытенъ и замѣчателенъ, между прочимъ, что представляетъ, подобно такимъ же походамъ Чингизъ-хана, отличный образецъ искусства совершенія подобнаго рода походовъ въ степяхъ съ войсками кочевыхъ народовъ средней Азій. Такого рода походы, съ переходами черезъ безкормныя и безводныя степи, могутъ достойно стать на ряду съ другимъ рода знаменитыми походами и переходами чрезъ высокія горныя хребты, такихъ великихъ полководцовъ исторія, какъ Александръ В., Аннибалъ, принцъ Евгений Савойскій, Суворовъ и Бонапартъ, а также и Макдональдъ зимою 1800—1801 г.г.

Войско шло на города Ясы, Караучи (?), Сайрамъ, Сарувъ-Узекъ (вѣроятно къ р. Сары-су) и потомъ западною покатою горъ Китшикъ-Тау и Улу-Тау. Здѣсь Тимуръ далъ войску отдыхъ среди превосходныхъ пастбищъ и горныхъ ручьевъ. Это было необходимо потому, что при переходѣ черезъ Голодную степь лошади, особенно вьючныя, истощали и похудѣли. Вѣроятно по этой причинѣ и при этомъ случаѣ, тутъ была оставлена часть продовольственныхъ запасовъ, потому что нѣсколько позже въ продовольствіи оказался недостатокъ. Но это не остановило Тимура, и онъ продолжалъ походъ къ сѣверу. Переправясь черезъ р. Иланджикъ (Улькянъ-Джипланчикъ), онъ направился на урочище Апакарагуй (вѣроятно, гдѣ нынѣ Аманъ-Карагайскій приказъ, потому что здѣсь по р. Абугѣ находятся превосходныя пастбища).

Послѣ 3-хъ-мѣсячнаго похода черезъ степи, въ концѣ апрѣля войско Тимура стало нуждаться въ продовольствіи. Поэтому Тимуръ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: всѣмъ въ войскѣ, безъ исключенія, запретилъ, подъ страхомъ строгаго наказанія, употреблять лакомую пищу, приказалъ уменьшить количество дневной пищи и довольствоваться людей однимъ рубленнымъ мясомъ, смѣшаннымъ съ мукой, травами и стеблями прѣса, причемъ дача муки была уменьшена такъ, что 25 фунтовъ назначены на 60 дней или 2 мѣсяца. Сверхъ того, онъ приказалъ: всѣмъ состоявшимъ въ войскѣ, подъ строгою отвѣтственностью, представить всѣ имѣвшіеся у нихъ съѣстные припасы и раздѣлить ихъ поровну между всѣми людьми въ войскѣ; искать съѣдобныя травы и коренья, яйца птицъ, бить дичь и звѣрей и производить противъ нихъ общія охоты (какъ дѣлалось и при Чингизъ-ханѣ, по законамъ котораго было запрещено съ марта по октябрь бить дичь и звѣрей, дабы войско могло, въ случаѣ нужды зимою, питаться охотой).

Отъ Апакарагуя войско Тимура повернуло съ сѣвера на западъ и, направляясь нѣсколько южнѣ нынѣшняго Орска, пошло, вѣроятно, почти вдоль бывшей оренбургской линіи. Отъ Ташвента до поворота р. Ишима на сѣверъ или до Апакарагуя можно положить около 1,150 верстѣ; поэтому, выступивъ отъ Ташвента въ 20-хъ числахъ января и давъ войску отдыхъ на западныхъ склонахъ Улу-Тау, Тимуръ могъ прибыть сюда послѣ 20-хъ чиселъ апрѣля, а къ Апарагую въ первыхъ числахъ мая (по Шармуа 6-го мая). Рѣку Уралъ онъ долженъ былъ перейти ниже позднѣйшей Ильинской крѣпости, чтобы миновать Губерлинскія горы; поэтому къ мѣсту переправы черезъ р. Уралъ онъ могъ прибыть въ концѣ мая (по Шармуа 29 мая). Въ это время вода въ Уралѣ обыкновенно входитъ въ берега.

До самаго Тобола Тимуръ не имѣлъ никакихъ извѣстій о неприятелѣ и не открылъ никакихъ слѣдовъ его. Это доказываетъ, что взятымъ имъ направлениемъ онъ успѣлъ скрыть отъ Тохтамыша свой походъ и первую, большую половину его совершилъ въ видѣ обыкновенной степной перекочевки. Вѣроятно поэтому онъ и не опасался употребить войско для охоты, продолжавшейся двое сутокъ, а можетъ быть и болѣе. Послѣ охоты, два дня производился войску смотръ, описаніе котораго Шерефѣдиномъ весьма любопытно. Изъ него видно, что по вооруженію были различные роды войскъ: одни были вооружены копьями, кинжалами, кожаными щитами; другіе — палицами, саблями, мечами и пр.; лошади (вѣроятно — тяжелой конницы) были покрыты тигровыми шкурами, нагрудниками и пр.; войска были построены по тумнямъ (10-тысячамъ) и тысячамъ. По приближеніи Тимура, войска привѣтствовали его криками «сурунъ» (ура), а начальникъ каждой части войскъ слѣзалъ съ лошади, представлялъ свою часть, показывалъ проворство и ловкость воиновъ, потомъ становился на колѣни, цѣловалъ землю, произносилъ молитву за Тимура, превозносилъ его подвиги и давалъ обѣщаніе жертвовать для него всею.

Послѣ смотра Тимуръ отрядилъ передовой отрядъ для развѣданія о неприятелѣ. Достигнувъ р. Тобола послѣ 3-хъ-дневнаго похода усиленными переходами, отрядъ этотъ замѣтилъ 10 огней и, успѣвъ засадой захватить нѣсколько плѣнныхъ, узналъ отъ нихъ о мѣстѣ нахождения Тохтамыша и немедленно далъ знать о томъ Тимуру. Послѣдній, вслѣдствіе того, двинулся къ р. Тоболу и, переведя войско черезъ него въ бродъ, направился къ Уралу, какъ означено выше, т. е. вѣроятно — почти вдоль бывшей оренбургской линіи, по такъ называемой старой ногайской дорогѣ, составлявшей сообщеніе Золотой орды съ родовымъ улусомъ ея — Монголіей и направлявшейся отъ средней Волги на востокъ къ среднему Уралу (не въ дальнемъ разстояніи отъ нынѣшней почтовой дороги изъ Самары въ Оренбургъ, называвшейся прежде «военно-самарскою линіей»). Это предположеніе подтверждается тѣмъ, что Тохтамышъ заблаговременно устроилъ на правомъ берегу средняго Урала засады противъ трехъ бродовъ, гдѣ вѣроятно существовала постоянная переправа черезъ Уралъ съ запада на востокъ и обратно. Но Тимуръ, опытный въ среднеазіатскихъ и монгольскихъ хитростяхъ, не пошелъ къ этимъ бродамъ, а переправилъ свое войско черезъ Уралъ вплавъ выше ихъ. Переправясь, онъ узналъ, что Тохтамышъ находился у этихъ бродовъ самъ со всею своимъ войскомъ и ожидалъ прибытія подкрѣпленій изъ Азова или улусовъ, кочевавшихъ

на нижнемъ Донѣ, и изъ другихъ мѣсть, гдѣ обыкновенно лѣтомъ кочевала Золотая орда.

Мѣстность между среднимъ Ураломъ и среднею Волгой, тамъ, гдѣ они наиболѣе сближаются, въ то время имѣла кажется очень мало лѣса, потому что лѣса скоро и сильно истребляются тамъ, гдѣ кочуютъ пастушескіе народы. Мало лѣса по этой причинѣ было, безъ сомнѣнія, и въ такъ называемой «Самарской лукѣ», образуемой изгибомъ Волги къ востоку, отъ Самары до Чистополя, потому что тамъ лѣгомъ обыкновенно находилось мѣстопребываніе хановъ Золотой орды, кочевало множество народа и паслись безчисленныя стада. Отсюда лѣсная полоса должна была простираться въ значительномъ разстояніи отъ Волги на сѣверъ и востокъ до р. Камы и Уральскаго хребта, и ограничивалась съ юга упомянутою выше «старою ногайскою дорогой». Къ югу же отъ этой послѣдней, до самаго Каспійскаго моря, должны были простираться почти безлѣсныя, открытыя степи, потому что тутъ издавна кочевали разные пастушескіе народы.

Описанная здѣсь мѣстность между Ураломъ и Волгой должна была имѣть (и имѣла) большое вліяніе на образъ дѣйствій Тохтамиша и Тимура. Монголы и татары были очень искусны въ стрѣльбѣ изъ луковъ и часто сражались въ пѣшемъ строѣ; поэтому лѣса представляли имъ большія тактическія выгоды. Отступая черезъ нихъ Тохтамишъ могъ на каждомъ шагу выгодно сражаться съ Тимуромъ, задерживать и ослаблять его, устраивать засады, производить скрытныя передвиженія, обходы, внезапныя нападенія, скрывать численность своихъ войскъ и пр. т. п. Тимуръ, какъ искусный полководецъ, не могъ не понимать всѣхъ этихъ выгодъ для Тохтамиша и потому, вѣроятно, желая лишить его оныхъ и недопустить его отступать вдоль опушки лѣсной полосы, положилъ обойти лѣвое крыло его. Это могло доставить ему ту выгоду, что онъ могъ отрѣзать Тохтамишу отступление къ его кочевой столицѣ—Самарской лукѣ, гдѣ паслись стада Золотой орды, равно и полученіе имъ оттуда подкрѣпленій. Еслибы Тохтамишъ вздумалъ отступать къ югу, то отдалился бы отъ подкрѣпленій съ средней Волги и нижняго Дона, и тогда Тимуръ, двинувшись къ Волгѣ, завладѣлъ бы всѣми богатствами Золотой орды и безчисленными стадами ея и въ нихъ нашелъ бы огромныя средства и способы для продовольствованія своего войска, снабженія его лошадьми и слѣдовательно для продолженія войны. Такимъ образомъ Тимуръ нужно было, отбросивъ Тохтамиша отъ лѣсной полосы, заставить его отступать по кратчайшему направленію къ Волгѣ. Для выполненія этого, Тимуръ переправился черезъ р. Сакмару (впадающую въ Уралъ съ лѣвой стороны), выше устья въ нее р. Ика (впадающей въ Сакмару съ пра-

вой стороны), чѣмъ избѣжалъ переправы черезъ нее ниже, въ виду войска Тохтамыша. Затѣмъ, перейди черезъ р. Икъ (по Шармуа — 4 июня), онъ быстро двинулся къ Самарской луцѣ, туда, гдѣ въ Волгу впадаютъ съ лѣвой стороны р. Самара и выше ея р. Сокъ.

При этомъ движеніи онъ, изъ предосторожности противъ нечаянныхъ нападений, приказалъ своимъ войскамъ: не отлучаться отъ своихъ полковъ, приготовить щиты, большіе — вѣроятно для боя въ пѣшемъ строѣ и для огражденія становъ, и малые для боя въ конномъ строѣ, каждый разъ ограждать станъ ровомъ, валомъ и щитами, дѣлать разѣзды, не разводитъ огней и передъ восходомъ солнца 30-ти тысячамъ войскъ дѣлать вокругъ стана усиленные разѣзды ¹⁾. Въ избѣжаніе же вредныхъ для него, Тимура, послѣдствій плана Тохтамыша — дѣйствовать малою войною въ лѣсахъ, какъ означено выше, Тимуръ положилъ вовлечь его въ бой, для чего отрядилъ впередъ 20 т. войскъ, съ тѣмъ, чтобы они притворнымъ отступленіемъ навели непріятеля на засаду. Этимъ способомъ они успѣли разбить 3 полка татаръ, всего числомъ до 10 т. чел. Послѣ того Тимуръ продолжалъ быстро преслѣдовать Тохтамыша и наконецъ, 18 июня 1391 г., на берегу р. Кондурчи, впадающей съ правой стороны въ р. Сокъ, успѣлъ вовлечь его въ рѣшительную битву ²⁾. Тохтамыша заставило принять здѣсь бой, вѣроятно, намѣреніе отстоять несмѣтныя богатства Золотой орды на луговой сторонѣ Волги; въ случаѣ же пораженія своего онъ надѣялся, можетъ быть, пробиться къ югу, чтобы только не быть приперту къ Волгѣ. Но и Тимуръ сознавалъ, какъ видно, опасность собственнаго положенія, что усматривается изъ большой обдуманности распоряженій его къ бою. По свидѣтельству Шерефѣддина, онъ раздѣлилъ свое войско на 7 частей и построилъ его въ новый боевой порядокъ ³⁾, именно — въ 2 линіи съ резервомъ: въ 1-й линіи — передовые отряды (авангарды) праваго

¹⁾ По тягости этой службѣ, полагають, что для нея наряжалось по болѣе $\frac{1}{6}$ части всего войска и что поэтому численность послѣдняго могла простираться до 200 т. чел. А принимая во вниманіе, что, по постановленіямъ Тимура, въ мирное время вокругъ ставки его всегда находилось 12 т. воиновъ въ видѣ тѣлохранителей и изъ нихъ только по одной тысячѣ назначалось для непрерывныхъ разѣздовъ по ночамъ, то изъ этого расчета выводить предположеніе, что численность войска Тимура могла простираться даже до 360 т. чел. (Иванова стр. 202).

²⁾ Отъ р. Ика до р. Кондурчи около 450 верстъ, слѣдовательно Тимуръ прошелъ это разстояніе въ 13 дней (отъ 4 июня до 18), что составляетъ почти 35 верстъ перехода въ сутки. Обыкновенные переходы монголовъ были въ 20 и не болѣе 25 верстъ въ сутки.

³⁾ Нормальные боевые порядки Тимурленга см. въ 1-й и 2-й частяхъ Всеобщей Военной Исторіи среднихъ временъ.

крыла, середины и лѣваго крыла, во 2-й линіи—правое крыло, середина (главныя силы) и лѣвое крыло, и въ 3-й линіи,— задній или тыльный отрядъ, или резервъ, назначенный для подкрѣпленія и поддержанія первыхъ двухъ линій и составленный изъ отборнѣйшихъ и храбрѣйшихъ воиновъ, подъ личнымъ начальствомъ Тимура. Сверхъ того послѣдній 1) прибѣгнувъ къ религиозному одушевленію своихъ войскъ: находившійся при немъ имамъ, послѣ молитвы и прочтенія стиха изъ корана, сказалъ Тимуру: «совершай твои преднамѣренія, ты будешь побѣдителемъ, провидѣніе покровительствуетъ тебѣ»,—и 2) заблаговременно привлекъ на свою сторону (безъ сомнѣнія—деньгами), сверхъ нѣкоторыхъ вельможъ Тохтамыша и въ томъ числѣ извѣстнаго по нашимъ лѣтописямъ Эдигея, также и знаменосца главнаго знамени Тохтамыша, съ тѣмъ, чтобы онъ въ самомъ разгарѣ битвы опрокинулъ это знамя.

О числѣ войскъ Тохтамыша и о боевомъ расположеніи ихъ Шере-эддинъ ничего не пишетъ, а только говоритъ, что они были раздѣлены на два крыла и главныя силы. Но, по словамъ самаго Тимура, они были такъ многочисленны, «какъ саранча и муравьи». Въ составѣ ихъ были татары Золотой орды и Синей, кочевавшей между р.р. Ураломъ и Сырь-Дарьєю, ногаи, кавказскіе аланы и черкесы, болгары и русскіе. Полагаютъ, будто число войскъ Тохтамыша простиралось до полумилліона; во всякомъ случаѣ оно значительно превосходило число войскъ Тимура.

Битва этихъ громадныхъ полчищъ, предводимыхъ двумя могущественными азіятскими владѣтелями-соперниками, на берегахъ р. Кондурчи, начавшаяся 18 іюня, продолжалась цѣлыхъ три дня, и была, какъ весьма естественно, въ высшей степени жестокая и кровопролитная. Въ ней превосходство искусства Тимура боролось съ превосходствомъ числа войскъ Тохтамыша и окончательно вырвало побѣду изъ рукъ послѣдняго, какъ искусными распоряженіями Тимура и хорошимъ устройствомъ, порядкомъ, опытностью и храбростью его войскъ, такъ и помощью означенныхъ выше, вспомогательныхъ средствъ. Подъ конецъ битвы Тохтамышу удалось-было опрокинуть лѣвое крыло Тимура и зайти ему во флангъ, но Тимуръ успѣлъ поддержать его изъ резерва и, въ свою очередь, опрокинуть непріятеля *). Въ самомъ пылу послѣдняго періода битвы, Тимуръ, чтобы внушить

*) Изъ этого усилія Тохтамыша противъ лѣваго крыла Тимура можно заключить, что первый изъ нихъ сознавалъ опасность своего положенія, имѣя въ тылу Волгу, и, видя, что битва проиграна имъ, хотѣлъ прорваться къ югу, отступая куда онъ могъ по крайпей мѣрѣ спасти значительную часть своего войска отъ совершеннаго иораженія и продолжать войну. Но распоряженія Тимура лишили Тохтамыша этой надежды (Иванина стр. 205).

своимъ войскамъ презрѣніе къ непріятелю, а послѣдняго лишить бодрости, приказалъ 8-ми-тысячному отряду конницы «разбивать шатры и готовить пищу». Можетъ быть это служило условнымъ знакомъ подкупленному знаменосцу, ибо въ это самое время онъ опрокинулъ главное знамя, при содѣйствіи отряда войскъ Тимура, устремившагося прямо къ этому знамени. Войска Тохтамыша, не видя главнаго знамени его и полагая, что ханъ ихъ убитъ и битва проиграна, легко могли придти въ смятеніе и страхъ и видѣть единственное спасеніе въ бѣгствѣ. Словомъ—пораженіе Тохтамыша и побѣда Тимура были полныя и совершенныя: громадные полчища перваго были разбиты на-голову, и какъ въ битвѣ, такъ и въ преслѣдованіи, большею частію истреблены. Замѣчательно преслѣдованіе ихъ тогда же съ мѣста битвы: Тимуръ отрядилъ для него по 7 человекъ съ десятка (по крайней мѣрѣ 140 т. чел.), которые преслѣдовали разбитое войско съ такимъ силой и быстротой до самой Волги, что войска Тохтамыша, не видя главнаго знамени его и не зная, гдѣ собираться, частію разсѣялись, большею же частію, какъ сказано, погибли отъ оружія или потонули въ Волгѣ. На разстояніи 200 верстъ отъ мѣста битвы до Волги все пространство было покрыто тѣлами убитыхъ татаръ. Съ остальными войсками своими Тимуръ слѣдовалъ сзади къ цвѣтущимъ лугамъ урочища Уру-Тюпя—обыкновенному лѣтнему мѣстопребыванію хановъ Золотой орды (какъ полагаютъ—въ окрестностяхъ нынѣшняго города Ставрополя, близъ тагъ называемаго Царева-Кургана, острова на Волгѣ, или можетъ быть близъ города Болгара, нынѣ въ развалинахъ). Здѣсь Тимуръ, захвативъ богатѣйшую, несмѣтную добычу въ вѣщахъ, лошадахъ, рогатомъ скотѣ, баранахъ, верблюдахъ, плѣнныхъ и пр., провелъ 26 дней въ пиршествахъ и въ щедромъ угощеніи и награжденіи своихъ войскъ, между которыми распредѣлилъ бѣольшую часть добычи.

По разграбленіи Золотой орды и совершенномъ разсѣяніи и истребленіи непріятельскихъ войскъ, Тимуръ приказалъ своимъ войскамъ идти въ обратный походъ въ свои земли, вѣроятно уже кратчайшимъ путемъ, т. е. караванною ногайскою дорогою отъ Урала (Оренбурга) въ Бухару. Но переправѣ ихъ черезъ Уралъ, Тимуръ отправился впередъ черезъ городъ Отраръ и, въ концѣ октября, послѣ 9-ти-мѣсячнаго похода, прибылъ въ Самаркандъ. Войска же его, обремененныя несмѣтною добычей, слѣдовали за нимъ медленно и въ декабрѣ расположились на зимовку отъ несковъ Барсуковъ до Ташкента.

§ 231.

Походы отъ 1392 г. до 1398 г.

Въ 1392 г. неутомимо-дѣятельный Тимуръ уже предпринялъ новый походъ для утвержденія своего владычества въ Персіи и для распространенія своихъ завоеваній въ западной Азій. Въ этомъ походѣ, продолжавшемся 6 лѣтъ съ 1392 г. по 1398-й, войско его, числомъ не менѣе 300 т. чел., прошло громадныя разстоянія по всѣмъ направленіямъ въ западной Азій, отъ Самарканда къ Астрабаду, Гамадану и Ширазу, а оттуда въ Испагань, Багдадъ, Арменію и Грузію. Изъ Грузіи онъ пошелъ черезъ Дербентъ противъ Тохтамышша, собравшаго новое войско, и въ 1395 г. вторично разбилъ его, какъ полагаютъ, близъ нынѣшней Темиръ-ханъ-шуръ. Въ этой битвѣ у Тимура въ первой линіи стояла пѣхота, которой, для горной войны въ Грузіи, у него было болѣе обыкновеннаго, почему Шерешаддинъ и упоминаетъ о ней особенно. Сверхъ того, Тимуръ въ этой битвѣ и въ другихъ въ Грузіи ограждалъ свой станъ повозками и сражался изъ-за нихъ. Все это служитъ новымъ доказательствомъ, какъ этотъ великій полководецъ умѣлъ разнообразить составъ войскъ и образъ дѣйствій своихъ, искусно примѣняя ихъ къ разнообразію мѣстности театра войны, состава войскъ и дѣйствій непріятелей, и самыхъ обстоятельствъ.

Разбивъ Тохтамышша, Тимуръ быстро и сильно преслѣдовалъ его до нижней Волги и, сдѣлавъ нѣсколько переходовъ вверхъ по правому берегу ея, вѣроятно до того мѣста, гдѣ она сближается съ Дономъ (между нын. Царицынымъ и Калачомъ), направился къ Дону и лѣтомъ того же 1395 г. поднялся въ русскіе предѣлы до Ельца, взялъ его, плѣнилъ князя его, разорилъ окрестности и остановился тутъ, чтобъ откормить лошадей. Отсюда онъ, къ общей радости восточной Руси и особенно Москвы, бывшихъ въ ужасѣ отъ его нашествія, вдругъ пошелъ въ обратный походъ (26 августа, по нашимъ лѣтописямъ—въ тотъ самый день и часъ, когда Москва срѣтала чудотворную икону Владимірской Божіей Матери, нарочно принесенную по этому случаю изъ Владиміра въ Москву и на мѣстѣ срѣтенія которой въ память того былъ построенъ Срѣтенскій монастырь).

Отъ Ельца Тимуръ пошелъ къ Азову и потомъ къ Астраханн, разграбилъ оба эти города и еще болѣе разгромилъ и ослабилъ Золотую орду зимою 1395 — 96 г.г., когда татары для зимнихъ кочевовъ спускались къ низовьямъ Дона и Волги. Неожиданно и быс-

тро нападая на ихъ кочевья, онъ истребилъ бѣольшую часть улусовъ и отогналъ стада ихъ — главное богатство и главную силу кочевыхъ народовъ. И такимъ образомъ, совершенно ослабивъ и почти сокрушивъ Золотую орду, онъ послужилъ орудіемъ освобожденія отъ нея восточной Руси.

Съ низовьевъ Волги онъ черезъ Дербентъ снова воротился въ Грузію, страшно истребляя ненавистныхъ ему христіанскихъ жителей ея, и черезъ Баку, Ардебиль, Султанію и Гамаданъ въ 1397 г. воротился въ Самаркандъ. Во время этого обратнаго похода, онъ осаждалъ и взялъ множество городовъ и крѣпостей, посылалъ отряды войскъ для покоренія Курдистана и странъ на берегахъ Персидскаго залива и, по словамъ Шерефэддина, до того укротилъ разбойничьихъ курдовъ, грабившихъ богатые торговые караваны, что послѣдніе затѣмъ уже проходили безопасно, безъ всякаго военнаго прикрытія.

§ 232.

Походъ въ Индію (1397—1398).

По возвращеніи въ 1397 г. въ Самаркандъ, Тимуръ, увлекаемый безпокойнымъ стремленіемъ къ распространенію своихъ завоеваній и власти, въ слѣдующемъ же 1398 г. предпринялъ походъ въ Индію. Узнавъ, что въ ней Саранкъ, братъ Малу-хана, сталъ независимымъ султаномъ въ Мултанѣ, султанъ Махмудъ—въ Дели, Малу-ханъ въ Лагорѣ и т. д., онъ положилъ воспользоваться этимъ раздробленіемъ Индіи и междусобіями владѣтелей ея, для внесенія въ нее войны, будто-бы для распространенія въ ней мухамеданской религіи, прославленія имени Мухаммеда и истребленія идолопоклонниковъ и гебровъ, дѣйствительно же—для разграбленія огромныхъ богатствъ Индіи. Поэтому онъ назначилъ для похода въ нее 92 т. чел. войскъ (число, соотвѣтствовавшее числу именъ Мухаммеда, желая, чтобы войска его приняли это за счастливое предзнаменованіе успѣха). Эти 92 т. войскъ онъ раздѣлил на три части и направилъ: 30 т. чел. конницы, находившіяся въ Кандагарѣ, составляя правое крыло—черезъ проходы Соломоновыхъ горъ и черезъ р. Индъ къ Мултану; 30 тыс. войскъ изъ Кабула, составляя лѣвое крыло—черезъ р. Индъ (вѣроятно у Аттока) во владѣнія Лагора; наконецъ 32 т. подъ личнымъ своимъ предводительствомъ въ центрѣ—изъ Самарканда на Термедъ.

Правое крыло выступило въ походъ ранѣе прочихъ войскъ и взятіемъ Мултана—одного изъ важнѣйшихъ тогда городовъ Индіи—

должно было приготовить опорный пунктъ для дальнѣйшихъ дѣйствій въ Индіи.

Самъ Тимуръ, выступивъ изъ Самарканда въ мартѣ 1398 года, перешелъ у Термеда черезъ р. Аму-Дарью по мосту, устроенному на судахъ, двинулся на Хулумъ, Азникъ, черезъ Балханскія горы (вѣроятно отрогъ Индукуша) и на Индерабъ. Отсюда онъ съ 10 т. войскъ предпринялъ частную экспедицію въ Кафырыстанъ. Обойдя отрогъ Индукуша на Пардысъ (Пардай) и Кавукъ, онъ оставилъ здѣсь у подошвы горъ лошадей съ значительнымъ прикрытіемъ, дозволивъ взять ихъ съ собою только однимъ начальникамъ войскъ, и направился черезъ самое трудное мѣсто хребта Индукуша, дабы напасть на жителей края врасплохъ. Такъ какъ въ это время (въ юнѣ) снѣгъ въ горахъ днемъ отъ солнечнаго жара былъ такъ рыхлъ, что лошади проваливались, то до вечера онъ стоялъ на мѣстѣ, приказывая подстилать подъ лошадей войлоки, а вечеромъ, когда снѣгъ становился тверже, продолжалъ подниматься и такимъ образомъ дошелъ до перевала черезъ хребетъ. Отсюда войска его спустились съ крутизны на спинѣ, или на веревкахъ, или кто какъ могъ и умѣлъ, а самого его спустили въ небольшомъ челногѣ на веревкахъ. Совершивъ такимъ образомъ этотъ замѣчательный переходъ черезъ высочій хребтъ Индукуша и переправясь черезъ рѣку (вѣроятно Камехъ), Тимуръ дѣйствительно напалъ на жителей Кафырыстана совершенно врасплохъ и большую часть ихъ истребилъ. Окончивъ эту экспедицію, онъ возвратился другою, болѣе удобною дорогою въ Кавукъ, откуда пошелъ въ Кабуль. Выступивъ отсюда 20-го сентября, 11 октября онъ переправился черезъ Индъ, вѣроятно близъ нынѣшней крѣпости Дера-Измаиль-ханъ, двинулся къ р. Дженабъ и перешелъ черезъ послѣднюю по мосту. 23 октября онъ пошелъ къ городу Тулумба, куда прибылъ 28 октября. Это движеніе его къ югу имѣло цѣлю соединеніе съ правымъ крыломъ, посланнымъ для взятія Мультана. Осада этого большаго укрѣпленнаго города продолжалась 6 мѣсяцовъ и кончилась тѣмъ, что голодъ принудилъ жителей къ сдачѣ, но и осаждавшіе потерпѣли не менѣе осажденныхъ. Отъ дождей, наводненій р. Дженабъ, сырости, влажныхъ травъ, переменны климата, корма и воды, у степныхъ монгольскихъ лошадей развились повальные болѣзни, отъ которыхъ почти всѣ онѣ пали, такъ что войска правой колонны, по сдачѣ Мультана, сами заключились въ немъ. Съ приближеніемъ Тимура, они вышли на соединеніе съ нимъ и 11 ноября прибыли въ станъ его на р. Біа въ самомъ жалкомъ видѣ, одни пѣшкомъ, другіе на волахъ. Тимуръ, для поправленія ихъ, приказалъ выдать имъ 30 т. лошадей, и затѣмъ всѣ войска въ три дня переправились черезъ р. Біа, частью на судахъ, час-

тію впасть. Отсюда Тимуръ пошелъ вверхъ по лѣвому берегу рѣки Біа, какъ для сближенія съ лѣвымъ крыломъ, такъ и для наказанія жителей города Дибалпура, которые сначала приняли 1 т. чел. монгольскаго гарнизона, высланныхъ отъ войскъ, осаждавшихъ Мультакъ, но потомъ, узнавъ о бѣдственномъ положеніи послѣднихъ, вырѣзали весь этотъ гарнизонъ.

Занятіе значительнымъ гарнизономъ Дибалпура на р. Біа и на прямомъ пути отъ Кандагара къ Дели и слѣдовательно съ переправой черезъ эту рѣку, можетъ служить указаніемъ, что Тимуръ предполагалъ слѣдовать этимъ путемъ. Но несчастіе, постигшее правое крыло его, заставило его отклониться къ югу. По приближеніи его къ Дибалпуру, жители послѣдняго укрылись въ сильной крѣпости Батниръ, въ степи. 21-го ноября Тимуръ съ 10 т. войскъ пошелъ осаждать эту крѣпость, приказавъ всему войску съ обозами идти прямо къ Дели. 26 ноября онъ взялъ кр. Батниръ и, захвативъ большую добычу, 30-го двинулся обратно на города Серести (Серрахъ) и Фатіабать, 8 декабря у Саминѣ соединился съ войскомъ и остановился здѣсь на нѣсколько дней, въ ожиданіи сбора обозовъ. 12 декабря къ войску присоединилось лѣвое крыло, шедшее пѣз Кабула на Лагоръ и покорившее на пути много племенъ и городовъ.

По сборѣ обозовъ, войско двинулось отъ Саминѣ къ Дели 3-мя колоннами: центръ и обозы—по прямой дорогѣ къ Дели, а оба крыла—боковыми дорогами. Средняя колонна 21 декабря прибыла въ Панипатъ. Правое крыло 24 декабря было направлено къ замку Джеханнемай, близъ р. Джумны и недалеко отъ Дели, и взявъ этотъ замокъ, снова присоединилось къ главнымъ силамъ. 26-го декабря все войско, переправясь черезъ р. Джумну, двинулось къ гор. Луни, занятіе котораго было весьма важно для него потому, что въ окрестностяхъ этого города были превосходныя пастбища. Взявъ Луни, Тимуръ отправился въ Джеханнемай и, прибывъ туда 28 декабря, созвалъ военный совѣтъ, для совѣщанія, какъ осаждать Дели. Рѣшено было, собравъ въ Джеханнемай большое количество хлѣбныхъ и иныхъ запасовъ, обложить Дели. Между тѣмъ Тимуръ обозрѣлъ окрестности Джеханнемай, чтобы выбрать мѣсто, удобное для боя, и завлечь сюда непріятеля.

Въ это время, опасаясь, чтобы болѣе 100 т. индійскихъ плѣнниковъ мужскаго пола, частію идолопоклонниковъ, частію гебровъ, взятыхъ со времени перехода черезъ Индъ и находившихся при обозахъ въ тылу войска, не возмущились во время военныхъ дѣйствій противъ султана Дели, Тимуръ приказалъ всѣхъ ихъ предать смерти, а для охраненія плѣнныхъ женщинъ и дѣтей, равно и обозовъ — отрядить по 1 чел. съ десятка (около 9 т. чел.). Изъ этого

случая можно усмотрѣть, къ какимъ ужаснымъ средствамъ не колебался прибѣгать Тимуръ для достиженія своихъ цѣлей, и какіе огромные обозы съ добычей и плѣнниками слѣдовали за его войсками.

30 декабря Тимуръ двинулся отъ Луни къ востоку и, создавъ начальниковъ войскъ, далъ имъ наставленія и совѣты, какъ именно слѣдовало дѣйствовать для одолѣнія непріятеля. Послѣ этого онъ направился обратно къ Дели и, по прибытіи туда 1 января 1399 г., переправился черезъ р. Джумну и расположился на берегу ея. Шерефэддинъ не объясняетъ причины этихъ двухъ движеній. Можетъ быть Тимуръ хотѣлъ выманить Махмуда, султана Дели, изъ этого города и вовлечь его въ бой въ полѣ, или же только разорить восточныя окрестности Дели и собрать въ нихъ продовольственные запасы.

Войска Тимура, расположась станомъ подъ Дели, приняли, по обыкновенію, мѣры предосторожности отъ внезапныхъ нападеній. Они окопали станъ ровомъ, оградил его кольями, оплели ихъ вѣтвями (устроили плетень), позади ихъ разставили буйволовъ, стреноженныхъ и связанныхъ между собою (вѣроятно только на ночь), за ними поставили большіе щиты, а затѣмъ уже свои ставки.

2 января Махмудъ вышелъ изъ Дели съ 10 т. чел. хорошо-вооруженной конницы, 40 т. чел. такой же пѣхоты и множествомъ слоновъ. Послѣдніе были покрыты толстыми кобырвалами, въ защиту отъ стрѣлъ, копій и сабель; клыки ихъ были вооружены большими ножами, намазанными ядомъ, а на спинахъ ихъ были башни съ стрѣлками, вооруженными большими и малыми луками. Возлѣ слоновъ шли метатели ручныхъ горшковъ съ огнемъ (вѣроятно греческимъ или зажигательнымъ) и съ зажженною смолой или нефтью, и ракетъ съ желѣзными наконечниками, которые, по словамъ Шерефэддина, упадая на землю, производили множество ударовъ. Эти зажигательные и огнестрѣльные снаряды и орудія, издавна извѣстные и употребляемые на востокѣ, замѣняли еще неизвѣстныя ему и неупотребляемыя на немъ въ это время новѣйшіе европейскіе: огнестрѣльныя орудія и оружіе, порохъ и снаряды. Но огнестрѣльные и зажигательные снаряды Махмуда не были такъ страшны для войскъ Тимура, какъ слоны, которыхъ послѣдніе считали неодолимыми никакими человѣческими силами и средствами. Но Тимуръ принялъ заблаговременныя мѣры, чтобы разсѣять напрасный страхъ ихъ и сдѣлать слоновъ неопасными и даже безвредными. Онъ приказалъ надѣлать желѣзныхъ рогудекъ съ остріями, для метанія ихъ подъ ноги слоновъ; чтобы пугать ихъ и приводить въ безпорядокъ, велѣлъ пускать противъ нихъ буйволовъ (по другимъ свидѣніямъ

верблюдомъ) съ привязанными къ головамъ и бокамъ ихъ и зажженными вѣтвями колючихъ растеній и пучками соломы, воинамъ же своимъ — поражать стрѣлами и копьями и рубить мечами хоботы слоновъ, а не тѣло ихъ, защищенное толстыми кожами и покрывалами. Словомъ — онъ употребилъ противъ боевыхъ слоновъ тѣ же самыя средства (или подобныя имъ), какія употреблялись противъ нихъ въ древнія времена на востокъ и западъ и особенно Аннибаломъ и римлянами, и эти средства, какъ тогда, такъ и въ этомъ случаѣ, имѣли желаемый успѣхъ.

Махмудъ, выйдя изъ Дели, построилъ свои войска въ боевой порядокъ, съ простымъ раздѣленіемъ на центръ и два крыла, а впереди ихъ поставилъ въ одну линію слоновъ. Тимуръ же построилъ свое войско, по обыкновенію, въ 2 линіи съ резервомъ (самый лучший строй, который употребляли и всѣ лучшіе полководцы древности). Битва началась на обомъ крылахъ. Послѣ упорнаго боя, въ которомъ правитель города Дели Шахъ-Мансуръ пробился-было до резерва Тимура, но былъ убитъ и отраженъ однимъ изъ сыновей послѣдняго, войска Тимура, дѣйствуя противъ слоновъ, какъ означено выше, успѣли наконецъ обратить ихъ въ бѣгство на оба крыла ихъ войска, которыя они и привели въ разстройство и безпорядокъ. Тимуръ немедленно воспользовался тѣмъ, двинувъ впередъ середину своего войска, врѣзался съ нею въ линію слоновъ, большая часть которыхъ была убита, совершенно опрокинулъ и обратилъ въ бѣгство все войско Махмуда, и, преслѣдуя его до самыхъ стѣнъ Дели, обозрѣлъ ихъ въ подробности, съ цѣлю взять городъ приступомъ. Но въ слѣдующую же ночь Махмудъ бѣжалъ изъ него — и 4-го января обширный, многолюдный и богатый городъ Дели сдался безъ боя и былъ разграбленъ.

По взятіи его, Тимуръ уже не встрѣтилъ нигдѣ въ Индіи значительнаго сопротивленія, и движеніе его къ р. Гангу и въ обратный походъ вдоль южныхъ склоновъ Гималайскаго хребта ознаменовалось не столько битвами и побѣдами, сколько грабежомъ, разореніемъ и убійствами.

Выступивъ изъ Дели 18 января и сдѣлавъ нѣсколько переходовъ внизъ по р. Джумнѣ, для истребленія гебровъ и для разоренія и разграбленія ихъ, Тимуръ переправился на другую сторону этой рѣки и все предавалъ огню и мечу или, по его выраженію—«вѣтру истребленія». 26 января, поручивъ одному изъ своихъ эмировъ вести обозы вдоль р. Карасу, а лѣвое крыло отрядивъ вверхъ по р. Джумнѣ, Тимуръ съ остальными войсками двинулся къ р. Гангу. Переправивъ черезъ него часть войскъ вплавь и слѣдуя въ то же время на другомъ (правомъ) берегу вверхъ по рѣкѣ, онъ прибылъ въ гор.

Токлонуръ (положеніе его неизвѣстно). Здѣсь, узнавъ, что гебры плыли на 48 судахъ по Гангу, онъ велѣлъ напасть на нихъ—и конница его бросилась на лошадахъ въ Гангъ, напала на немъ на суда гебровъ и взяла ихъ съ боя, послѣ ничтожнаго сопротивленія гебровъ. Этотъ бой конницы, на коняхъ, на большой и быстрой рѣкѣ, съ непріателемъ на судахъ — едва-ли не единственный примѣръ въ военной исторіи.

Тимуръ, при всѣхъ своихъ разсудительности и осторожности въ соображеніяхъ и дѣйствіяхъ, иногда поступалъ однако, подобно Александрѣ В., съ отважностью простаго воина. Такъ однажды узнавъ, что на другомъ берегу Ганга собралось до 10 тыс. чел. индійскихъ пѣхоты и конницы, онъ переплылъ черезъ Гангъ только съ 1 тыс. чел. конницы своего собственнаго прикрытія (къ которымъ потомъ уже присоединились еще 500 чел.), напалъ на 10 т. непріятелей и обратилъ ихъ въ бѣгство. Подъ конецъ этого боя, при немъ остались только 100 чел., потому что остальные были отряжены для завладѣнія большою и богатою добычей и для сохраненія ея. Оставшіеся при Тимурѣ 100 чел. должны были сражаться съ многочисленными гебрами въ ущельѣ, называемомъ «купелью Ганга», у восточнаго или лѣваго берега его. Къ счастью для Тимура, подоспѣвшія главныя силы спасли его изъ опаснаго положенія. Желая проникнуть въ означенное ущелье, онъ приказалъ атаковать его. Гебры повидимому хотѣли упорно защищаться въ немъ; но крики воиновъ Тимура, звуки трубъ и бой барабановъ и литавръ, страшно раздавался въ горахъ, такъ испугали гебровъ, что они обратились въ бѣгство, бросивъ все свое имущество въ добычу монголамъ. Вообще жители Индіи такъ были утрашены войсками Тимура и ихъ жестокимъ образомъ дѣйствій, что почти нигдѣ не оказывали имъ большаго сопротивленія.

Приведенный здѣсь случай, одинъ изъ многихъ подобныхъ, можетъ служить однимъ изъ доказательствъ, что побудительною причиною какъ дерзкой отважности Тимура, такъ и вообще похода его въ Индію была алчность къ обогащенію добычей въ этой странѣ, издавна слывшей «золотымъ дномъ». Сверхъ того страшныя, кровопролитныя избиенія имъ цѣлыхъ массъ индійцевъ-идолопоклонниковъ и гебровъ свидѣлствуютъ какъ о свойственной Тимурѣ и монголамъ кровожадности, такъ и объ истинно-магометанскомъ фанатизмѣ ихъ въ истребленіи всѣхъ немагометанъ. И онъ, и войска его, въ походѣ въ Индію, вдоволь насытились и кровью и особенно добычей, которая была такъ велика, что войско Тимура, влача ее за собою, едва передвигалось, дѣлая переходы не болѣе 20 верстъ въ сутки. При этомъ Тимуръ, узнавъ, что, при раздѣлѣ добычи,

достаточныя и вліятельныя лица въ войскѣ присвоили себѣ изъ нея болѣе другихъ, приказалъ раздѣлить ее между всѣми поровну.

Затѣмъ онъ далъ приказъ къ обратному походу изъ Индіи, вслѣдствіе полученнаго имъ извѣстія о вторженіи въ пограничныя владѣнія его въ западной Азіи войскъ турецкаго султана Баязида I и о возмущеніи въ Грузіи. Отрядивъ часть войскъ на Лагоръ, а съ остальными слѣдуя, какъ сказано, вдоль южныхъ склоновъ Гималайскаго хребта, 8 февраля онъ переправился черезъ р. Джумну, 15-го марта прибылъ къ гор. Тшамба, а 20-го марта, переправившись черезъ р. Дженабъ, двинулся вдоль границъ Кашмира. Во время переправы черезъ Дженабъ онъ получилъ изъ Тебриса (Тавриза) извѣстіе о положеніи дѣлъ въ Багдадѣ, Египтѣ, Сиріи, Анатолиіи и Золотой ордѣ. Эти извѣстія вѣроятно были тревожны, потому что Тимуръ тотчасъ же приказалъ начальникамъ войскъ идти по назначенію къ Инду и далѣе, а самъ лично посѣтилъ въ Самаркандѣ.

§ 233.

Походъ противъ Баязида I (1402).

Воротаясь въ Самаркандъ въ маѣ 1399 г., Тимуръ началъ дѣятельно готовиться къ предстоявшей ему великой войнѣ на западѣ съ Баязидомъ и его союзникамъ, султанами египетскимъ и багдадскимъ. Предполагалъ-ли онъ, что эта война будетъ продолжительна, или имѣлъ въ виду, побѣдивъ Баязида, двинуться въ Египетъ и потомъ переправиться въ Европу, по только онъ назначилъ 7 лѣтъ срока этой войнѣ (какъ Чингизъ-ханъ — 18 лѣтъ для завоеванія Европы).

Приготовленія къ ней и дѣятельность Тимура были необыкновенныя. Не прошло и года, какъ онъ уже громилъ Грузію и ея крѣпости, проникалъ въ ущелья горъ ея, безпощадно истреблялъ христіанъ массами, или силою принуждалъ ихъ обращаться въ исламъ, грабилъ и разорялъ страну. Между тѣмъ онъ не переставалъ постоянно увеличивать свои силы, такъ что къ 1402 г. имѣлъ уже, какъ полагаютъ, до 800 т. войскъ. А такъ какъ войска его получали довольно значительное жалованье, то съ вѣроятностью можно полагать, что походъ его въ Индію доставилъ ему средства къ тому и даже, можетъ быть, самъ былъ только средствомъ для веденія великой войны на западѣ, имѣвшей цѣлію обширныя завоеванія на немъ (съ обычною мыслію великихъ завоевателей—«завоевать весь міръ»). Если прослѣдить отъ начала всѣхъ его войнъ, то нельзя, кажется,

не прійти къ заключенію, что одна составляла средство къ другой или, по выраженію Юлія Цезаря, «война питала войну».

Однако до 1402 г. Тимуръ не спѣшилъ вступить въ рѣшительную борьбу съ Баязидомъ, а только испытывалъ его, старался узнать и понять его, часто сносился съ нимъ посольствами и, выдавая себя за защитника ислама, не хотѣлъ явно казаться зачинщикомъ войны противъ такого же защитника его и врага христіанъ. Но какъ переписка между ними постепенно становилась все болѣе и болѣе заносчивою, то Тимуръ, или для устрашенія Баязида, или чтобы принудить его къ объявленію имъ первымъ войны, въ 1400 г. двинулся въ завоеванныя имъ земли и въ августѣ этого года взялъ въ нихъ приступомъ двѣ важныя крѣпости Себасть (Севастію) и Малатию, находившіяся въ плодородныхъ мѣстахъ Малой Азіи и которыя Баязидъ считалъ принадлежавшими ему. Крѣпости эти могли служить Тимурѣ основаніемъ дальнѣйшихъ дѣйствій его въ Малой Азіи.

Удовольствовавшись здѣсь пока взятіемъ этихъ двухъ крѣпостей и продолжая занимать Баязида перепиской, Тимуръ обратилъ свое оружіе въ Сирію, потому что египетскій султанъ, владѣвшій ею, былъ довольно силенъ, въ тѣсномъ союзѣ съ Баязидомъ и, въ случаѣ войны съ нимъ Тимурѣ, могъ бы опасно дѣйствовать во флангъ и въ тылъ послѣднему, чего Тимуръ, какъ искусный полководецъ не могъ не предвидѣть и не хотѣлъ допустить.

Взявъ и разграбивъ столицу Сиріи Дамаскъ, обративъ египетскаго султана въ бѣгство и покоривъ Сирію, Тимуръ пошелъ къ Моссулу и отъ него къ Багдаду, владѣтель котораго хотя и признавалъ власть его, но могъ отложиться въ случаѣ успѣховъ Баязида. Поэтому Тимуръ, подъ предлогомъ возмущенія жителей Багдада, взялъ его послѣ 3-хъ-мѣсячной осады, уничтожилъ военные способы его и разрушилъ замокъ или цитадель его.

Такимъ образомъ, еще прежде войны съ Баязидомъ, Тимуръ искусно обезопасилъ себя съ фланга и тыла, и, въ ожиданіи окончательнаго разрыва съ Баязидомъ, снова двинулся въ Грузію, для укрощенія воинственныхъ горныхъ племенъ ея.

Успѣхи его въ Сиріи повергли Баязида въ печаль и раздумье, и онъ желалъ, кажется, уклониться отъ войны съ такимъ опаснымъ противникомъ, какъ Тимуръ. Но, постигая его властолюбіе и страсть къ завоеваніямъ, не видя предѣла притязаніямъ его, онъ понялъ, что дальнѣйшія уступки повлекли бы за собою только новыя оскорбленія—и рѣшился наконецъ на войну.

Изъ приведенныхъ выше, предшествовавшихъ войнъ, распоряженій Тимурѣ видно, что онъ вступилъ въ сношенія и переписку съ

*

Баязидомъ для того именно, чтобы лучше узнать и понять его, характеръ его, силы, составъ и качества его войскъ, образъ веденія имъ войны и пр. т. под., а между тѣмъ, во время этой переписки, устроить свои дѣла въ западной Азіи, отвлечь отъ Баязида или ослабить его союзниковъ, чтобы, въ случаѣ неудачи, безопасно отступить,—а также устроить въ тылу за собою склады запасовъ продовольствія и тѣмъ доставить себѣ свободу движеній и безопасность отступленія по тѣмъ направленіямъ, какія окажутся нужными. Объявить войну Баязиду онъ могъ не стѣсняясь, потому что этотъ «глава и защитникъ правовѣрныхъ» не пользовался между ними хорошею славой, будучи извѣстенъ жестокостью, скупостью, распутствомъ и неумѣреннымъ употребленіемъ вина, что отвлекло отъ него много этихъ «правовѣрныхъ». Но сверхъ того Тимуръ имѣлъ и благовидный предлогъ объявить Баязиду войну: онъ требовалъ отъ него выдачи нѣсколькихъ бѣжавшихъ къ нему князей Малой Азіи, подвластныхъ Тимуру, и особенно туркмена Кара-Юсуфа, грабившаго караваны Мекки и Медины, и защиты отъ котораго уже просили у Тимура многіе молеельщики, ходившіе въ эти два города.

Поэтому, узнавъ о приготовленіяхъ Баязида къ войнѣ и что онъ выслалъ отряды войскъ къ Алеппу, Эдессѣ (Рей) и Діарбекиру Тимуръ двинулъ свои войска въ Малую Азію.

Направленіе Баязидомъ войскъ къ означеннымъ тремъ городамъ какъ бы указываетъ, что онъ не терялъ еще надежды на помощь египетскаго султана и можетъ быть надѣялся приближеніемъ своимъ къ Багдаду произвести въ немъ возстаніе въ свою пользу. И еслибы Тимуръ былъ принужденъ избрать театромъ войны южную часть Малой Азіи, то, при малѣйшей неудачѣ его, надежды Баязида могли бы, можетъ быть, исполниться. Но Тимуръ, какъ искусный полководецъ, угрожая изъ Грузіи тылу войска Баязида, умѣлъ и успѣлъ перенести войну, напротивъ, въ сѣверную часть Малой Азіи.

27-го апрѣля, перейдя черезъ р. Куру, онъ двинулся съ своимъ войскомъ на Берду, Гендже (можетъ быть Гапжу), Алатакъ, мимоходомъ взявъ крѣпость Тартумъ, отсюда пошелъ на Авеникъ и Эрзерумъ, вторгнулся въ сѣверныя мало-азійскія владѣнія Баязида, взявъ принадлежавшую ему крѣпость Кемакъ и расположился станомъ въ окрестностяхъ Себаста. Здѣсь, въ присутствіи пословъ Баязида, онъ произвелъ смотръ своему войску, частные начальники котораго, изъявляя готовность жертвовать ему всею, клялись «все истребить въ земляхъ враговъ его, разграбить Анатолю и ниспровергнуть до основанія владычество оттомановъ». Послѣ такого рода изъявленій и клятвъ, которые послы Баязида должны были выслу

пать, ихъ повели чрезъ многочисленныя ряды войскъ, и воинственный видъ ихъ, превосходныя вооруженіе и дисциплина, необыкновенныя порядокъ, стройность и быстрота ихъ движеній и дѣйствій, съ намѣреніемъ показанныя Тимуромъ посламъ Баязида, должны были произвести на нихъ поразительное впечатлѣніе и внушить имъ высокое мнѣніе о военныхъ силахъ Тимура. Все это доказываетъ, до какой степени Тимуръ умѣлъ пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы дѣйствовать на людей.

Между тѣмъ передовыя отряды его донесли ему, что дорога къ Токату шла лѣсами, что проходы черезъ нихъ узки, что турецкія войска появились въ значительныхъ силахъ въ окрестностяхъ этого города и что всѣ переправы черезъ р. Кизиль-Ирмакъ заняты ими. Вслѣдствіе того Тимуръ положилъ не открывать военныхъ дѣйствій на такого рода мѣстности, такъ какъ главныя силы у него состояли изъ конницы, а у Баязида изъ пѣхоты. Но, желая отрѣзать Баязиду сообщенія съ Египтомъ, Сиріей и Багдадомъ, выманить его на открытыя равнины и перейти черезъ Кизиль - Ирмакъ тамъ, гдѣ не было турецкихъ войскъ, онъ двинулся къ Кесаріи, куда и прибылъ въ 6 дней. Собравъ здѣсь большіе запасы продовольствія, для раздачи ихъ своимъ войскамъ, онъ направился къ крѣпости Ангоръ (древней Анкирѣ). Черезъ 4 дня онъ прибылъ къ городу Киршегру, пройдя въ это время 120 верстъ. Узнавъ, что Баязидъ идетъ съ своею арміею на встрѣчу ему, онъ приказалъ принять обычныя мѣры предосторожности отъ внезапныхъ нападеній, а для наблюденія за движеніями Баязида и для полученія болѣе точныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній о его направленіи и намѣреніяхъ выслалъ 1 т. чел. конницы. Въ то же время онъ созвалъ военный совѣтъ и, по совѣщаніи съ нимъ, объявилъ, что касательно дѣйствій противъ непріятели были два мнѣнія: одно — остаться на мѣстѣ и дать войску отдыхъ и время оправиться отъ постоянныхъ и утомительныхъ переходовъ и трудовъ, а другое — устремиться въ середину непріятельской страны, опустошать ее, лишать войска Баязида средствъ къ продовольствованію въ ней, пзнувать ихъ малою войной и частыми нападеніями отдѣльныхъ отрядовъ, а между тѣмъ, отступая съ главными силами, заставить непріятеля послѣдно преслѣдовать ихъ и тѣмъ утомлять войска свои; а какъ они состояли болѣею частію изъ пѣхоты, собственныя же ихъ войска — пзъ конницы, то послѣднія въ такого рода войнѣ всегда будутъ имѣть перевѣсъ и возможность уничтожить войска непріятели одною малою войной, не вступая въ рѣшительную битву. Къ этому Тимуръ прибавилъ, что отдастъ предпочтеніе второму мнѣнію, что явно показываетъ, что онъ основывалъ свои расчеты и намѣренія на знаніи

запальчиваго характера Баязида и былъ заранѣе увѣренъ, что послѣдній не выдержитъ долго такого рода войны, вовлечется въ ошибки и вступитъ въ бой въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ конница Тимура будетъ имѣть рѣшительное превосходство надъ пѣхотой Баязида. Имѣя значительное превосходство въ сплахъ и конницѣ, Тимуръ предварительно успѣлъ овладѣть важнѣйшими пунктами и отрядить часть своихъ силъ для занятія и охраненія водъ и продовольственныхъ запасовъ. Онъ хорошо понималъ, что Баязиду на-противъ будетъ очень трудно продовольствовать свою многочисленную, преимущественно пѣшую армію и что скоро изнуривъ и ослабивъ ее и истощивъ свои запасы продовольствія, онъ будетъ принужденъ исвать спасенія въ отступленіи, во время котораго, стремительно преслѣдуя его, Тимуръ найдетъ случай напасть на него съ выгодой и одержать верхъ надъ нимъ.

На основаніи всѣхъ такого рода соображеній, Тимуръ двинулся къ Ангорѣ, дабы стать на пути сообщенія Баязида съ его азійской столицей Бруссой. Имѣя многочисленную и отличную конницу и двигаясь довольно ровною и открытою мѣстностью, онъ мало рисковалъ, покидая свой путь сообщенія, Баязида же ставилъ въ опасное положеніе. Вообще это движеніе его заслуживаетъ особеннаго вниманія и одобренія, какъ замѣчательно искусное и по соображенію, и по исполненію. Чтобы совершить его быстро, но такъ, чтобы войска его не нуждались въ водѣ, онъ предварительно послалъ по направленію къ Ангорѣ отрядъ конницы съ частию пѣхоты, для вырытія колодцовъ тамъ, гдѣ нужно было поить лошадей, но въ водѣ былъ недостатокъ. Когда это было исполнено, Тимуръ, оставивъ часть силъ въ своемъ станѣ, чтобы лучше скрыть свое движеніе, съ главными силами двинулся къ Ангорѣ такъ быстро, что въ 3 дня прошелъ около 150 верстъ. Прибывъ къ Ангорѣ, онъ на другой же день осадилъ ее, отвелъ воду изъ ручья, протекавшаго черезъ эту крѣпость, и началъ подкапывать стѣну ея и готовится къ приступу.

Во время осадныхъ работъ онъ узналъ, что Баязидъ приближается съ намѣреніемъ напасть на него съ тыла. Тимуръ не только не смутился этимъ, но, кажется, того только и желалъ и ожидалъ. Имѣя на своей сторонѣ превосходство въ силахъ, онъ не опасался битвы, но только хотѣлъ вступить въ нее на выгодной для себя мѣстности, на которой конница его, въ случаѣ неудачи, могла бы отступить безъ большой потери и легко и удобно стать снова на свои сообщенія, войско непріятели же, въ случаѣ удачи и побѣды Тимура, подверглось бы неизбѣжной гибели.

Неизвѣстно положительно, пришлось-ли Тимурѣ вести противъ Баязида малую войну въ лѣсистой полосѣ, какъ онъ предполагалъ

спачала; но изъ того, что онъ рѣшился вступить въ бой съ Баязидомъ къ в. отъ Ангоры, можно, кажется, заключить, что онъ удостоившись въ истощеніи силъ своего противника.

Вслѣдствіе того, онъ не поколебался снять осаду Ангоры и, сдѣлавъ небольшой переходъ, расположился станомъ, имѣя въ тылу небольшую рѣчку (нын. Чибукъ-Абада). Нѣкоторые писатели полагаютъ, что это было на равнинѣ къ с. в. отъ Ангоры, у подошвы горы Стеллы, на мѣстности, уже извѣстной въ военной исторіи побѣдой Помпея надъ Митридатомъ В. въ 66 г. до Р. Х. Въ точности же мѣсто расположенія Тимура неизвѣстно; но судя по тому, что послѣ сраженія лишь немногіе изъ войска Баязидъ успѣли спастись бѣгствомъ, слѣдуетъ полагать, что Тимуръ заслонилъ Баязиду и Ангору, и пугъ отступленія къ Бруссѣ по гористой и лѣсной мѣстности. Узнавъ, что въ той сторонѣ, откуда шель Баязидъ, находился единственный фонтанъ, изъ котораго можно было добывать воду, Тимуръ велѣлъ разрушить и испортить его. Для охраненія же себя отъ внезапнаго нападенія, онъ приказалъ окопать свой станъ ровомъ, оградить его щитами и тыномъ и всю ночь имѣть огни.

Число войскъ съ обѣихъ сторонъ показывается различно. По Шерефэддину, у Тимура въ началѣ войны было до 800 тыс. чел. войскъ. Но если исключить изъ нихъ потери въ бояхъ и при осадахъ крѣпостей, отъ болѣзней и смертности въ походахъ въ различныхъ странахъ и климатахъ, отъ оставленія гарнизоновъ во взятыхъ крѣпостяхъ, оградовъ для охраненія складовъ запасовъ, взятой добычи и путей сообщенія съ Самаркандомъ и разными областями Тимура и для наблюденія за враждебными племенами, то можно полагать, что при Ангорѣ у Тимура не могло быть болѣе 300 или 350 т. чел. войскъ.

Силы Баязидъ самъ Тимуръ опредѣлялъ до 400 т. чел. Можетъ быть Баязидъ и могъ собрать во всѣхъ своихъ владѣніяхъ такое число войскъ, но и ему слѣдовало оставить часть ихъ въ европейской Турціи, и за исключеніемъ другой части на разныя военныя потребности, можно, кажется, полагать, что у него могло быть не болѣе 200 т. или 250 т. чел. войскъ; во всякомъ случаѣ ихъ было менѣе нежели у Тимура. Нѣкоторые писатели полагаютъ, что у него было не болѣе 110 тыс. чел. войскъ, но въ такомъ случаѣ битва не была бы такъ упорна, да и Баязидъ, при всѣхъ своихъ пылкости и отважности, едва-ли бы рѣшился вступить въ нее въ открытомъ полѣ съ втрое превосходящимъ въ числѣ войскомъ Тимура, а послѣдній не прибѣгалъ бы къ тѣмъ военнымъ хитростямъ, предосторожностямъ и усилямъ, которыя употребилъ для одержанія побѣды,

Нужно однако сказать, что Баязидъ самъ себя ослабилъ передъ битвой, а Тимуръ, сверхъ того, ослабилъ его во время самой битвы. Баязидъ былъ скупъ и жестокъ въ отношеніи къ своимъ войскамъ, почему въ нихъ было много недовольныхъ имъ, особенно между татарами. Но онъ не только не обращалъ никакого вниманія на ихъ неудовольствіе и ропотъ, но и затѣялъ еще, за нѣсколько дней до сраженія, большую охоту въ самый сильный зной, причемъ будто-бы до 5 т. чел. войскъ его умерло отъ жажды и изнеможенія, что еще болѣе усилило ропотъ. Когда же послѣ охоты онъ двинулся противъ Тимура, чтобы занять выгодное мѣсто для боя, то нашелъ, что оно уже было занято Тимуромъ. Послѣдній же, съ своей стороны, еще до сраженія послалъ лазутчиковъ склонять татаръ Баязида къ отложенію отъ него, въ чемъ и успѣлъ легко, по означеннымъ выше причинамъ. Изъ всего этого уже можно заключить, что передъ предстоявшимъ рѣшительнымъ сраженіемъ перевѣсъ во всѣхъ отношеніяхъ былъ на сторонѣ Тимура.

По инымъ 18 іюня въ пятницу, а по другимъ 20 іюня — 1402 г., рано утромъ, Тимуръ выступилъ изъ своего стана и построилъ свое войско въ боевой порядокъ, состоявшій изъ праваго и лѣваго крыла съ ихъ передовыми отрядами (авангардами) и изъ центра, который, судя по ходу сраженія, кажется былъ расположенъ уступомъ, такъ что оба крыла выдавались впередъ. Впередѣ центра были поставлены въ нѣсколько рядовъ 32 слона, съ посаженными на нихъ стрѣлками и метателями греческаго огня, а позади центра въ резервъ — 40 полковъ отборнѣйшихъ войскъ подъ личнымъ начальствомъ Тимура. Правымъ крыломъ начальствовали старшій сынъ Тимура Миранъ-шахъ и внукъ Эбубекръ, а лѣвымъ — два другіе сына его, Шарохъ и Халиль. Въ центрѣ же находился любимый внукъ его Мухаммедъ-мирза, съ отборными полками и главнымъ знаменемъ, охраняемымъ важнѣйшими сановниками и 2-мя тысячами конныхъ латниковъ.

Баязидъ съ своей стороны построилъ свое войско въ боевой порядокъ, раздѣленный на центръ и два крыла, съ резервомъ. Правое крыло составляли азійскія войска подъ начальствомъ старшаго сына Баязида, Сулеймана, а лѣвое крыло — сербскія вспомогательныя войска подъ начальствомъ сербскаго князя Лазаря Вулковича *). Самъ Баязидъ съ 10 тыс. янычаровъ и другими отборными европейскими войсками находился въ центрѣ, имѣя впереди себя

*) Шерефаддинъ говоритъ, что сербы были на правомъ крылѣ, а Гаммеръ — на лѣвомъ; можетъ быть они были на обоихъ, но въ большемъ числѣ на лѣвомъ.

также 32 слона, а позади значительный резервъ подъ начальствомъ другаго сына своего, Мухаммеда.

Слоны съ обѣихъ сторонъ не оказали, кажется, особенныхъ пользы или вреда, потому что Шерефэддинъ, описывая ходъ сраженія, вовсе не упоминаетъ о нихъ. И если Тимуръ поставилъ ихъ впереди своего центра, то вѣроятно только для того, чтобы испугать лошадей и всадниковъ Баязида и выказать свои трофеи въ Индiи, а не для дѣятельнаго участія въ бою.

Въ 6 часовъ утра звуки трубъ и громкіе крики монголовъ, которыми турки отвѣчали боемъ въ барабаны (или большія литавры), послужили знакомъ къ битвѣ. Эбубекръ первый съ авангардомъ праваго крыла Тимура стремительно ударилъ на лѣвое крыло Баязида во флангъ и въ тылъ, но былъ отраженъ съ большимъ урономъ сербами, сражавшимися съ необыкновенною храбростью. По нападеніе, въ то же время, Тимурова авангарда лѣваго крыла на правое крыло Баязида имѣло лучшей успѣхъ. Татары, находившіеся въ составѣ этого послѣдняго крыла, перешли на сторону Тимура и увлекли за собою часть другихъ азiятскихъ войскъ Баязида. Въ то же время одинъ изъ главныхъ начальниковъ этого крыла—Периславъ (безъ сомнѣнія—сербъ, что показываетъ, что сербы были и на этомъ крылѣ) былъ убитъ. Тогда правое крыло Баязида было сбито съ своего мѣста и стало отступать. Для преслѣдованія его и взятія плѣнныхъ, Тимуръ послалъ часть войскъ 2-й линіи и затѣмъ предпринялъ отрѣзать сербовъ отъ Баязида. Но сербскій князь Лазарь, сомнувъ ряды сербовъ, сражался съ такою необычайною храбростью, что успѣлъ пробиться и соединиться съ резервомъ Баязида. Самъ Тимуръ отозвался о сербахъ, что «эти оборвыши дерутся какъ львы» — лестный для нихъ отзывъ такого полководца—и лично двинулся впередъ съ своимъ резервомъ, чтобы ударить на тѣ войска, которыми самъ Баязидъ начальствовалъ въ центрѣ и резервѣ. Послѣ жестокаго боя и страшнаго кровопролитія, вся передовая линія турокъ была принуждена отступать, но Баязидъ съ главными силами все еще стоялъ на высотахъ позади и къ нему присоединялись отступавшія и бѣжавшія части войскъ его. Начальникъ сербовъ Стефанъ (по другимъ — самъ Лазарь), види, что сраженіе уже проиграно, совѣтовалъ Баязиду спастись бѣгствомъ, но Баязидъ съ негодовашіемъ отвергъ этотъ совѣтъ и рѣшился вмѣстѣ съ янычарами стоять и сражаться до послѣдней крайности. Тогда Лазарь, Стефанъ и другіе начальники сербовъ и турокъ рѣшились отдѣлиться отъ Баязида и прикрыть отступление старшаго сына его, Сулеймана, къ Бруссу. Другой сынъ Баязида Мухаммедъ бѣжалъ съ резервами на сѣверовостокъ въ горы,

а третій сынъ Иза къ югу. Тогда Тимуръ, чтобы однимъ, послѣднимъ ударомъ рѣшить побѣду и войну, окружилъ Баязида со всѣхъ сторонъ, по выраженію Шерефѣддина—«какъ охотники окружаютъ звѣрей на охотѣ, сбѣзжаясь въ общій кругъ». Баязидъ, покинутый своими сыновьями, начальниками, союзниками и войсками, до ночи отбивался съ одними янычарами. Но послѣдніе, изнеможенные отъ усталости и жажды, гибли подъ ударами превосходныхъ силъ монголовъ, и когда къ ночи ихъ осталось уже немного, Баязидъ наконецъ рѣшился бѣжать, но лошадь его упала и онъ былъ взятъ въ плѣнъ съ своею свитой и представленъ Тимурѣ *).

Для преслѣдованія Баязидова сына Сулеймана, Тимуръ послалъ внука своего Мухаммеда съ 30 т. чел. конницы. Мухаммедъ преслѣдовалъ Сулеймана такъ быстро, что до 4 т. чел. всадниковъ Мухаммеда прискакали въ Бруссу на 5-я сутки вслѣдъ за Сулейманомъ, который едва успѣлъ сѣсть на корабль и отплыть отъ берега, не успѣвъ даже ничего захватить съ собою. Всѣ сокровища Баязида и весь его гаремъ достался Тимурѣ, который, послѣ такой рѣшительной и блистательной побѣды, цѣлый мѣсяцъ угощалъ и увеселялъ свои войска въ гор. Кютайтѣ.

Слѣдствіемъ побѣды его при Ангорѣ было разграбленіе Малой Азіи, занятіе ея городовъ и крѣпостей, сдававшихся почти безъ сопротивленія, и истребленіе большей части жителей, кромѣ нѣсколькихъ, успѣвшихъ искупить жизнь свою цѣною большихъ денегъ. Только одни христіане гор. Смирны рѣшились защищаться. Тимуръ 6 декабря обложилъ этотъ городъ, открылъ правильную осаду его съ разныхъ сторонъ, устроилъ военно-осадныя машины и изготовилъ орудія для метанія большихъ стрѣлъ, камней и греческаго огня. А чтобы не допустить помощи городу съ моря, онъ приказалъ, будто бы, устроить на водѣ помость на козлахъ, поставить на него воиновъ, прикрытыхъ большими щитами, и никого не впускать въ городъ. Осажденные защищались такъ упорно, что даже тогда, когда стѣны и башни города были разбиты, не переставали метать большія стрѣлы, горшки съ зажженною нефтью и греческій огонь. Видя это, Тимуръ приказалъ дѣлать подкопы подъ стѣны, а между

* При этомъ историки рассказываютъ, будто Тимуръ, увидя Баязида, засмѣялся, и когда Баязидъ замѣтилъ ему, что неприлично смѣяться надъ несчастіемъ, Тимуръ сказалъ: «Видно судьба не высоко цѣнитъ власть и обладаніе обширными царствами, когда раздастъ ихъ калескамъ, тебѣ — криво му и мнѣ — хромо му». Едва-ли это не вымыслено: Тимуръ былъ всегда серьезенъ и не любилъ шутокъ (Ивановъ стр. 229). Притомъ извѣстно, что онъ сначала обошелся съ Баязидомъ почтительно и прилично его сану и несчастію, и только въ послѣдствіи, когда Баязидъ хотѣлъ убѣжать, подвергалъ его строгому заключенію.

тѣмъ безпрестанно производилъ приступы, каждый разъ свѣжими войсками, постоянно смѣняя приступавшихъ, такъ какъ имѣлъ многочисленное войско. Наконецъ, когда подкопъ былъ готовъ, въ немъ зажгли фашины, облитыя нефтью, стѣны обрушились, осаждавшіе ворвались въ проломъ и, взявъ городъ послѣ 2-хъ-недѣльной, сильнѣйшей осады и отчаянной обороны, разграбили и потомъ сожгли его, а жителей истребили.

Послѣ того Тимуръ, не смотря на то, что назначилъ 7 лѣтъ срока войнѣ на западъ (см. выше), къ удивленію—обратился назадъ на востокъ и черезъ Карагиссаръ (27 марта 1403 г.), Кесарію, Себасть, Эрзерумъ и Каръ пошелъ снова громить ненавистную ему Грузію. Онъ проникъ въ ней до Абхазіи, прокладывая дороги черезъ лѣса, бралъ и разрушалъ крѣпости, истреблялъ жителей-христіанъ, преслѣдовалъ ихъ, какъ дикихъ звѣрей, въ ущельяхъ горъ, въ пещерахъ, на высокихъ скалахъ, на которыя войны его были поднимаемы въ устроенныхъ для того ящикахъ, на веревкахъ. Изъ Абхазіи Тимуръ направился въ Карабахъ, откуда, переправясь 8 апрѣля черезъ Араксъ, двинулъ уже свои войска обратно къ Самарканду чрезъ Ардебиль, Султанію (туда прибылъ 13 мая), Казвинъ, Демавендъ и Фирузкухъ, который мимоходомъ взялъ приступомъ (31 мая). Отсюда часть войскъ и тяжелые обозы направилась разными дорогами въ свои мѣста, а самъ Тимуръ, произведя частную экспедицію для покоренія южнаго и восточнаго побережій Каспійскаго моря, чрезъ Нишабуръ и Термедъ воротился въ концѣ юня 1403 г. въ Самаркандъ.

§ 234.

Приготовленія къ походу въ Китай (1403—1405).

Недолго однако Тимуръ, уже 70-лѣтній старецъ, оставался въ своей столицѣ: едва воротясь въ нее, онъ уже началъ готовиться къ походу въ Китай, который впрочемъ замышлялъ уже давно—еще до похода въ Индію, и нѣсколько лѣтъ неподволь приготовлялся къ нему. Ни преклонность лѣтъ, ни 3,000 верстъ труднаго степнаго похода, ни опасность предпріятія не остановили этого азіятскаго завоевателя, шедшаго совершенно по стопамъ Чингизъ-хана.

Такъ какъ однимъ изъ главныхъ затрудненій похода въ Китай былъ недостатокъ продовольствія въ степяхъ, то Тимуръ еще въ 1397 г. велѣлъ увеличить населеніе въ пограничномъ гор. Ашпрѣ (Харашарѣ), на главномъ пути изъ Кашгара въ Китай, выслать въ него нѣсколько тысячъ семействъ съ 40 т. лошадей, усилить тамъ

земледѣіе и торговлю, построить крѣпость, собрать въ ней возможно большее количество продовольственныхъ запасовъ, словомъ—заранѣе создать изъ нея главный складочный и опорный пунктъ своего основанія дѣйствій противъ Китая *).

Между тѣмъ, для покоренія западной Монголіи и земель на сѣверо-западныхъ предѣлахъ Китая, на пути слѣдованія отъ Самарканда въ Китай сѣвернымъ путемъ, и вѣроятно для лучшаго узнанія края и путей въ Китай и для привлеченія къ себѣ приверженцовъ въ Монголіи, Тимуръ, еще за нѣсколько лѣтъ до замышленнаго имъ похода въ Китай, послалъ въ эти страны одного изъ своихъ полководцовъ, который и исполнилъ порученіе его удачно.

Передъ отправленіемъ своимъ въ этотъ отдаленный и трудный походъ, Тимуръ, по своему обыкновенію, желалъ расположить умы въ пользу этого предиріятія, осенью 1404 г. подъ предлогомъ свадьбы нѣкоторыхъ изъ своихъ внуковъ, созвалъ въ Самаркандъ правителей областей, главныхъ начальниковъ войскъ, шерифовъ и вельможъ, и среди свадебныхъ пиршествъ и увеселеній, созвалъ великій курилтай (сеймъ). На немъ онъ изъявилъ желаніе «распространить въ Китаѣ мухаммеданскую религію»—и такъ умѣлъ расположить всѣ умы въ пользу похода въ Китай, что онъ былъ рѣшенъ безъ противурѣчія и война съ Китаемъ даже названа «святою».

Медленно и долго обдумывая свои планы, Тимуръ, разъ уже составивъ ихъ окончательно, приводилъ ихъ въ исполненіе необыкновенно дѣятельно и скоро. Уже въ декабрѣ того же 1404 г. онъ повелѣлъ эмирамъ улусовъ и правителямъ областей готовить войска и собирать ихъ на назначенныя мѣста, съ опредѣленными: вооруженіемъ и необходимыми военными запасами. Общимъ сборнымъ мѣстомъ войскъ былъ назначенъ Ташкентъ. Для похода въ Китай Тимуръ призналъ достаточнымъ 200 т. чел. пѣхоты и конницы, но отборныхъ войскъ. На зиму правое крыло было расположено въ Ташкентѣ, Шарубѣ (прежнемъ Фенакентѣ, разоренномъ по повелѣнію Чингизъ-хана) и Сейрамѣ, а лѣвое—въ Яссахъ и Сабранѣ. Самъ же Тимуръ съ остальными войсками располагалъ провести зиму въ Отрарѣ и его окрестностяхъ.

Шерефэддинъ говоритъ, что Тимуръ имѣлъ самыя подробныя свѣдѣнія о свойствахъ края и путей, ведущихъ въ Китай, во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ къ походу войскъ, но въ своемъ жизнеописаніи Тимура не передаетъ ни этихъ свѣдѣній, ни направленія

*) Въ сочиненіи г.-л. Иванина, въ выпискѣ на стр. 232—234, находится обстоятельная и любопытная свѣдѣнія о маршрутѣ отъ Самарканда до Пеккина—по Шерефэддину и отъ Кюкана до Цзя-юй-Гуаня — по Талкинѣ и по оффиціальнымъ китайскимъ свѣдѣніямъ.

похода Тимура въ Китай. Только судя по первоначальному расположению войскъ отъ Ташкента до Отрара, можно, кажется, заключить, что до Ашира Тимуръ вѣроятно предполагалъ послать войска одного праваго крыла изъ Ташкента, откуда они могли двинуться чрезъ Кашгаръ на Аксу, Кучи, Бугуръ и, занявъ предварительно Аширъ, держаться въ немъ до прибытія главныхъ силъ. Самъ же Тимуръ предполагалъ, можетъ быть, идти съ тяжелыми обозами изъ Отрара на Кульджу и оттуда уже долиной р. Юлдуза перейти на южную сторону Ледяныхъ горъ. Путь же отъ Самарканда или Ташкента въ Кашгаръ, судя по нынѣшнимъ свѣдѣніямъ, не могъ быть избранъ для войска Тимура, потому что проходы чрезъ хребты Болоръ и Мустагъ такъ узки и трудны, что даже вьючные верблюды не могутъ проходить черезъ нихъ и самые караваны ходятъ тутъ только на вьючныхъ лошадяхъ, у Тимура же были огромные обозы.

Любопытны всѣ мѣры, заблаговременно принятыя Тимуромъ съ необыкновенною предусмотрительностью для того, чтобы войска его въ продолженіе всего этого похода были снабжены рѣшительно всемъ нужнымъ и никогда ни въ чемъ не нуждались. Такъ, для доставленія имъ бѣльшаго удобства купить все нужное имъ въ походѣ, онъ пригласилъ въ мѣста зимняго расположенія войскъ купцовъ съ разными товарами, самъ покупалъ у нихъ лошадей тысячами и снабжалъ ими, равно оружіемъ и всякими другими походными потребностями, недостаточныхъ воиновъ. Начальникамъ войскъ онъ приказалъ собрать самия подробныя свѣдѣнія о положеніи ихъ подчиненныхъ и заготовить какъ можно болѣе всякаго рода припасовъ, такъ чтобы во время похода ни въ чемъ не было недостатка и никто по этой причинѣ не могъ отставать отъ войска (изъ чего можно, кажется, заключить, что часть продовольственныхъ и другихъ запасовъ войскъ везли съ собою на заводныхъ лошадяхъ). Независимо отъ этого, онъ приказалъ, чтобы за войскомъ слѣдовало нѣсколько тысячъ повозокъ съ зерновымъ хлѣбомъ, для поспѣвовъ въ удобныхъ мѣстахъ на пути слѣдованія, чтобы на обратномъ походѣ войска могли удобнѣе продовольствоваться. Кромѣ того, на случай непредвидимыхъ обстоятельствъ, онъ велѣлъ гнать за войскомъ тысячи жеребыхъ верблюдицъ, чтобы въ крайнемъ случаѣ молокомъ ихъ могли пользоваться войска. Словомъ, не смотря на скудость свѣдѣній, имѣющихся о приготовительныхъ мѣрахъ Тимура къ этому походу, можно, кажется, съ увѣренностью полагать, что Тимуръ, послѣ опыта 40 лѣтъ войнъ своихъ въ Азій, не пренебрегъ ничѣмъ для успѣха столь дальняго и труднаго похода.

8 января 1405 г., распустивъ свое великое знамя, онъ выѣхалъ

пзъ Самарканда и, не смотря на суровость зимы, продолжалъ походить безостановочно, располагаясь на ночлеги среди степей, въ шатрѣ, огражденномъ камышомъ. При гор. Зернукъ онъ перешелъ черезъ р. Сыръ-Дарью по льду. Зима была такъ холодна, что, по словамъ Шерефэддина, ледъ въ этомъ мѣстѣ былъ толщиною отъ 2-хъ до 3-хъ локтей и рѣки Сыръ-и Аму-Дарьи вездѣ можно было переѣзжать по льду; снѣгъ лежалъ глубиною въ двѣ шири; отъ холодовъ и бурановъ погибло много людей и лошадей.

27 февраля Тимуръ прибылъ въ Отраръ, откуда намѣренъ былъ продолжать путь далѣе въ Китай, уже далѣ войскамъ приказъ выступать въ походы, простился съ своими женами и дочерьми, приказавъ имъ воротиться въ Самаркандъ....

И вдругъ—онъ заболѣлъ лихорадкой и 1 апрѣля 1405 г. умеръ, даже не начавъ своего похода въ Китай... И со смертію его, какъ и почти всѣхъ азіятскихъ завоевателей, всѣ его 40-ка-лѣтнія завоеванія, вся возстановленная имъ, обширная, новая монгольская держава—рушились, раздробились и пришли въ то же положеніе, въ какомъ были и прежде. Въ исторіи остались только, какъ и послѣ Чингизъ-хана, громкое имя Тимура и память 40-ка-лѣтнихъ военныхъ подвиговъ его въ Азін, соединенныхъ съ страшнымъ разореніемъ и разграбленіемъ богатѣйшихъ странъ и пролітіемъ потоковъ крови, но и несомнѣнное право Тимура на званіе великаго человека, правителя и полководца. Въ послѣднемъ отношеніи онъ, какъ и Чингизъ-ханъ, безспорно достоинъ быть поставленъ въ ряду великихъ полководцевъ исторіи. Щедро одаренный всѣми качествами ихъ и во всѣхъ войнахъ и походахъ своихъ явивъ необыкновенное, первостепенное искусство, онъ своимъ примѣромъ побазалъ, между прочимъ, какую грозную силу могъ образовать такого рода человекъ изъ кочевыхъ пастушескихъ народовъ Средней Азін, давъ имъ правильное военное устройство и подчинивъ ихъ строгой дисциплинѣ и своей желѣзной волѣ. «Изъ всѣхъ завоевателей *), самые страшные враги осѣдлости и образованности суть народы пастушескіе, и чѣмъ обширнѣе степи и удобнѣе для скотоводства и кочевки на нихъ многочисленныхъ племенъ, тѣмъ опаснѣе это для образованныхъ народовъ. Исторія показываетъ намъ, что степи Азін и Европы, питая и давая убѣжище множеству кочевыхъ племенъ, сильныхъ въ случаѣ соединенія своего, составляли всегда самое опасное сосѣдство и что въ нихъ таились великія, неодолимыя силы. Какъ вещества вулкановъ, перерабатываемыя природой, они выжидали своей зрѣлости для произведенія внезапныхъ взрывовъ, потрясеній и переворотовъ полити-

*) И в а н и нъ; заключеніе, стран. 237—243.

ческаго міра и для обновленія царствъ и народовъ. Нынѣ Средняя Азія находится во владѣніи или подъ вліяніемъ двухъ сильныхъ державъ (Китая и Россіи), которыя имѣють средства недопускать народовъ ея до соединенія въ одно цѣлое общество. Искусная и хитрая политика Китая держитъ восточную часть Средней Азіи въ своихъ рукахъ; другая часть ея находится въ нашей власти или подъ нашимъ вліяніемъ. Если эти два государства будутъ руководствоваться здравою политикой и дружно дѣйствовать для подавленія завоевательныхъ замысловъ между среднеазіятскими владѣтелями, то Азія можетъ надолго быть обезпечена отъ кровавыхъ потрясеній.»

Къ этимъ вѣрнымъ мыслямъ и сужденіямъ знатока исторіи и быта среднеазіятскихъ кочевыхъ народовъ, можно бы прибавить, что Россія, нынѣ имѣющая въ своей власти или подъ своимъ вліяніемъ большую часть этихъ народовъ, нѣкогда соединенныхъ въ одну грозную силу Чингизъ-ханомъ и Тимурленгомъ, можетъ, подобно имъ, соединить тѣ же народы въ такую же грозную, правильно-устроенную военную силу, но съ иными цѣлями—не для завоеваній, не на страхъ и пагубу сосѣдей, но для собственной пользы и обороны въ своихъ азіятскихъ владѣніяхъ и для распространенія и утвержденія въ нихъ всѣхъ благъ гражданственности и образованности.

Въ этомъ отношеніи исторія войнъ и походовъ Чингизъ-хана и Тимурленга особенно занимательна и поучительна для насъ, русскихъ, какъ равно въ томъ же отношеніи заслуживаютъ особенныхъ вниманія и размышленія замѣчательныя своею вѣрностью мысли генерала Иванна, выраженные въ заключеніи его сочиненія.

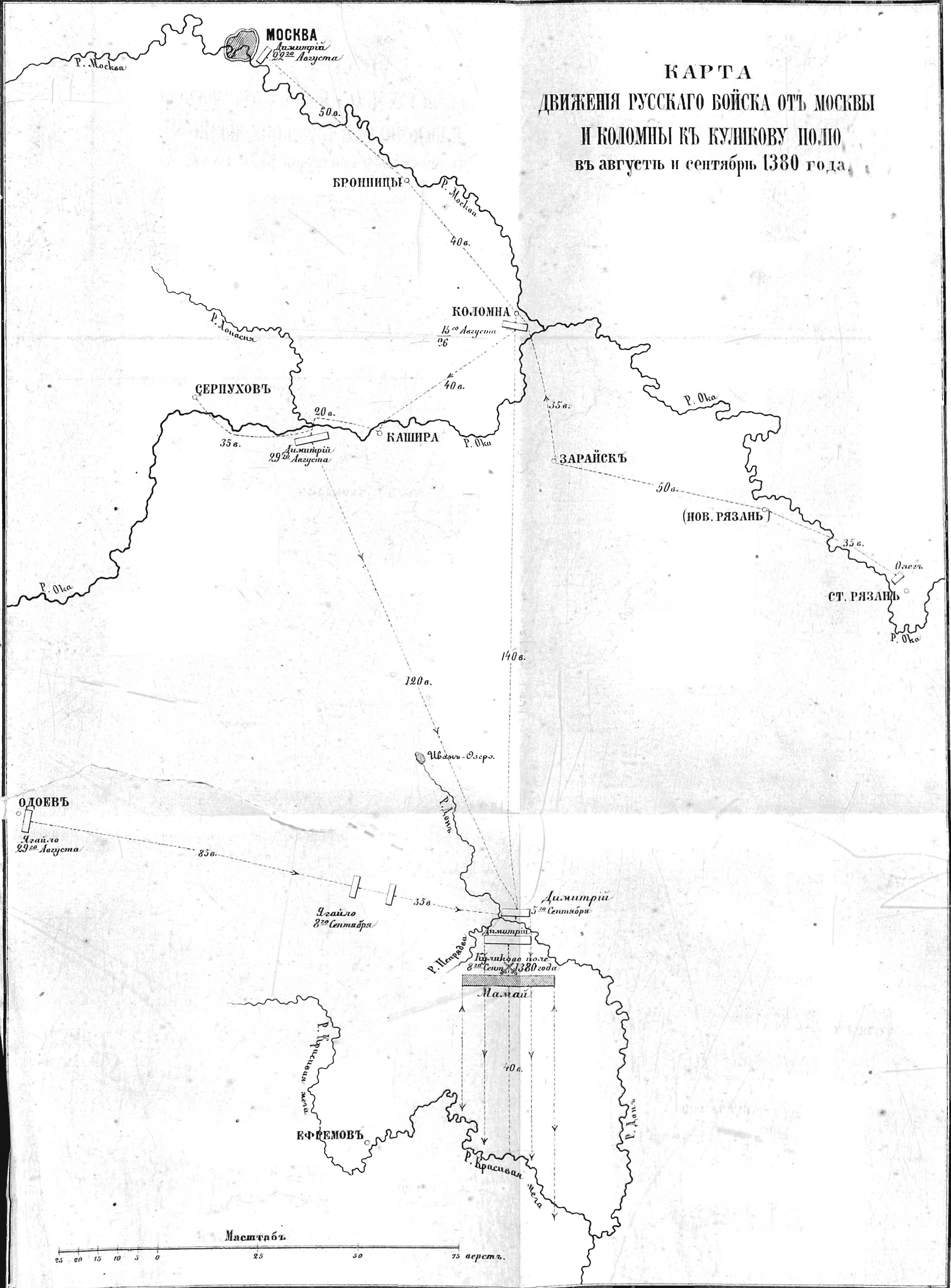
О П Е Ч А Т К И.

В ъ т е к с т ѣ :

СТРАН.	СТРОКИ.	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
13	— 9	сверху	(§ 49).
25	— 10	»	(§ 155).
36	— 20	снизу	въ 1250 г.
46	— 7	»	Мурадомъ I
51	— 8	»	быстръ
60	— 11	»	короткѣ
87	— 18	»	каконецъ
119	— 4	сверху	приводитъ
128	— 6	»	литтовскаго
178	— 1	»	въ 1612 году
196	— 19	»	а самъ
214	— 1	»	(Хусейнъ)
216	— 1	»	на 10 т. чел.,
229	— 8	»	окуженныя
—	— 9	»	возбудили
257	— 1	»	Сулеймана II,
259	— 13	снизу	ни
268	— 11	»	города п,
269	— 16	сверху	одни и другихъ.
—	— 19	снизу	2½ сажень,
			крѣпости средняго города,
270	— 17	»	да,
287	— 2	сверху	болѣе или менѣе
279	—	въ заголовкѣ	но собственной волей,
285	—	—	279 (стран.)
362	— 1	снизу	285 —
431	— 17	»	Тененевъ
460	— 20	»	Филарта
—	— 8	»	своевольничавшими
453	— 22	»	казаки 4 (14) августа
—	— 9	»	новольныхъ
454	— 2	сверху	напишите
—	— 11	»	къ себѣ
457	— 19	»	Строгоновскихъ
466	— 7	»	государстват—требуетъ
467	— 20	»	Волоколамскъ
			тираповъ) и въ среднїя вре-
			мена
473	— 5	снизу	на Дону
475	— 1	сверху	безотчетному

СТРАН.	СТРОКИ.	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
479	— 15	Свиговскій	Свирговскій
513	— 8	Эифенджанъ,	Эрфенджанъ,
522	— 2	Джовіанни	Джіованни
529	— 5	Морею	въ Морю
530	— 7	ивою	свою
543	— 15	дно Семиградское княже-	одно Семиградское княже-
		ство.	ство.
—	— 19—20	низу противу—истала туркамъ,	противустала туркамъ, но
		но не имѣла успѣха.	не имѣла успѣха.
546	— 15	сверху жизни	жизни
557	— 13	снизу осленую	соленую
560	— 3	сверху умѣль	усиѣль
561	— 1	походы	походы
		въ заглавіи	
568	— 14	снизу по болѣе	не болѣе
573	— 22	хребтъ	хребеть
590	— 19	сверху лѣтнихъ	лѣтнихъ

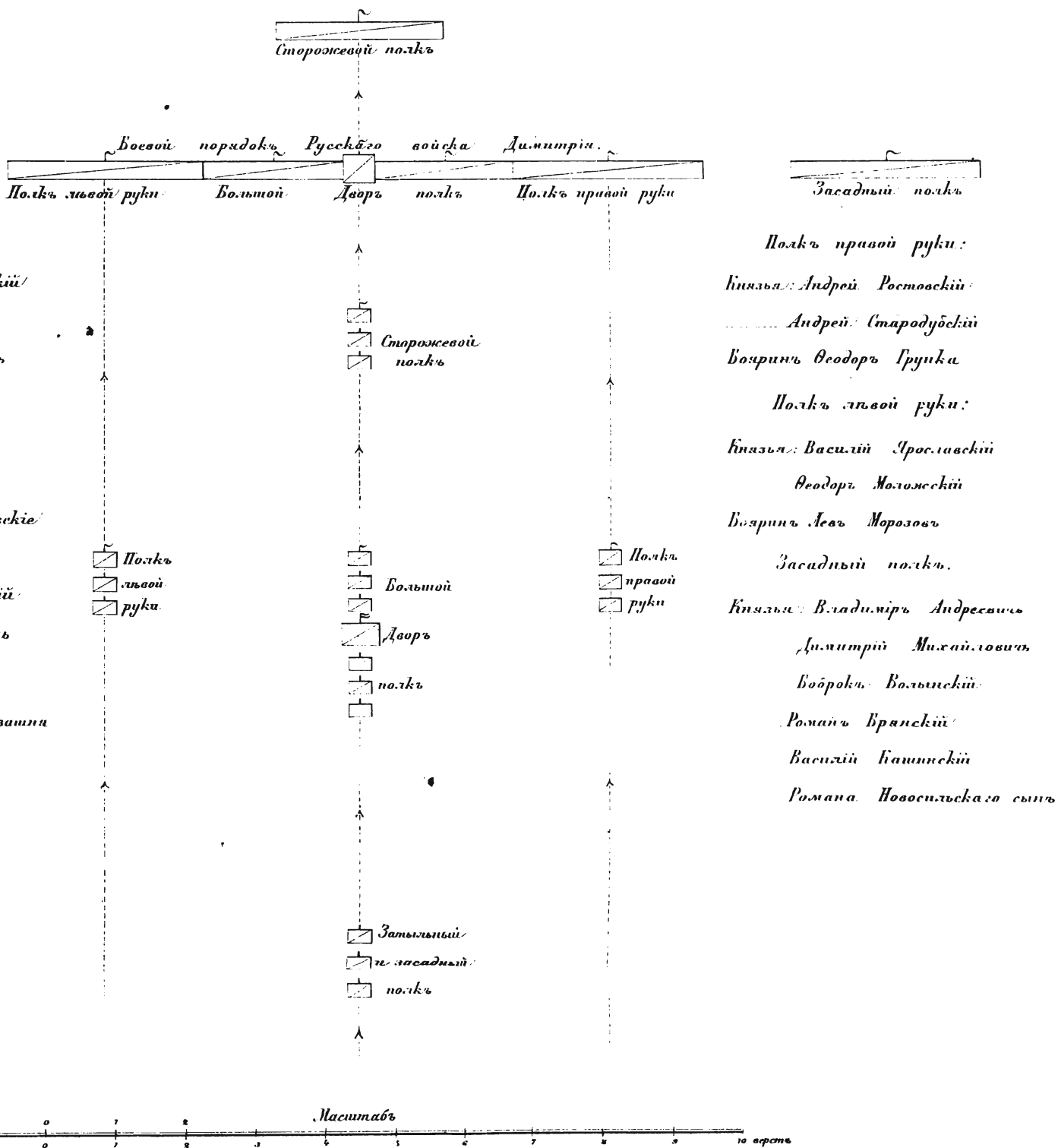
КАРТА
ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ВОЙСКА ОТЪ МОСКВЫ
И КОЛОМНЫ КЪ КУЛИКОВУ ПОЛЮ
ВЪ АВГУСТЪ И СЕНТЯБРѢ 1380 ГОДА.

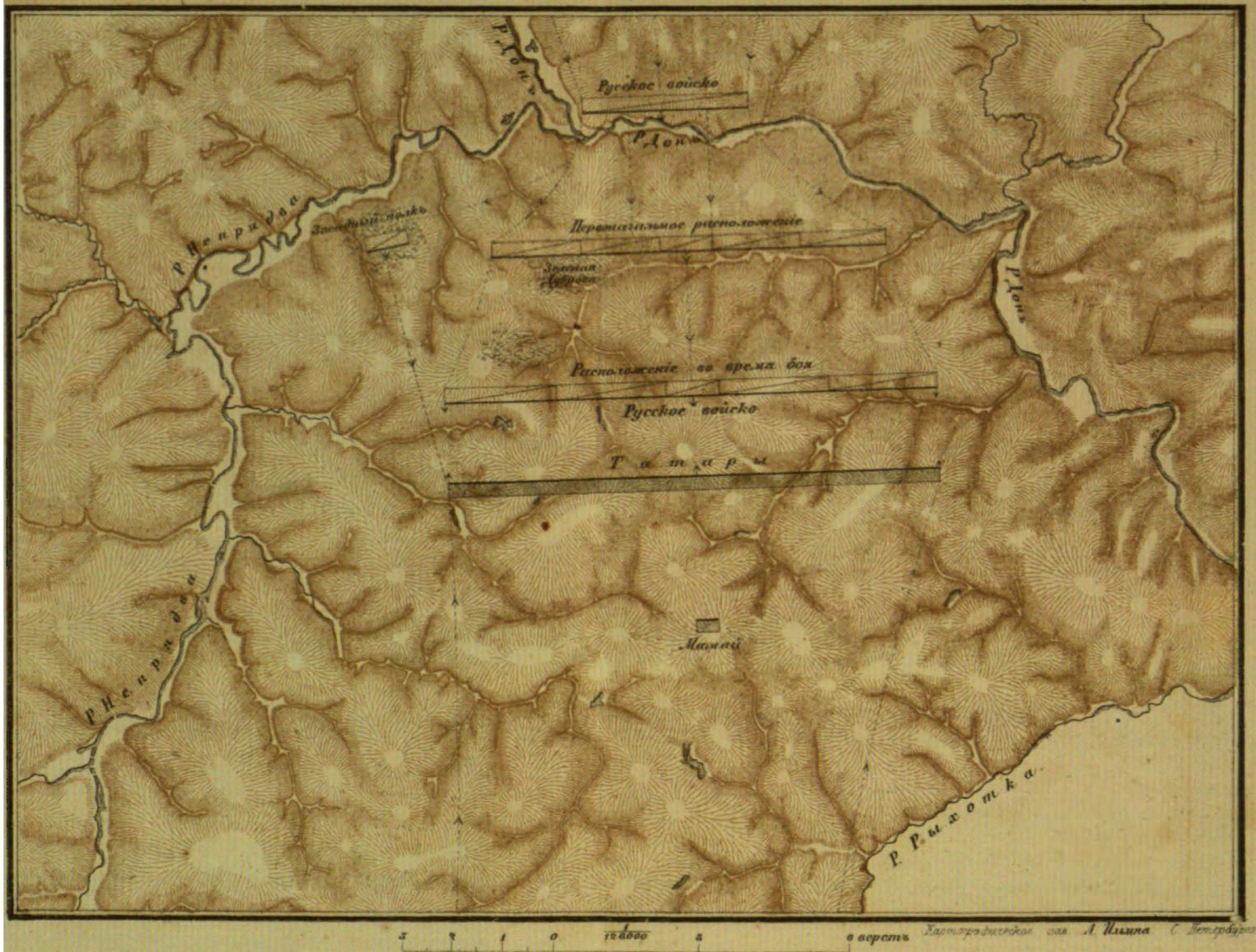
Картограф. съѣздовъ Засѣданіе 4. Иллюстрація по Екатерининской проекціи 2.1 П. 43.

ПОХОДНЫЙ И БОЕВОЙ ПОРЯДКИ РУССКАГО ВОЙСКА

ДО И ВО ВРЕМЯ КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ
съ 22го августа до 8 сентября 1380 года.

ПЛАНЪ МѢСТНОСТИ И БИТВЫ НА КУЛИКОВОМЪ ПОЛѢ 8 СЕНТЯБРЯ 1380 ГОДА.

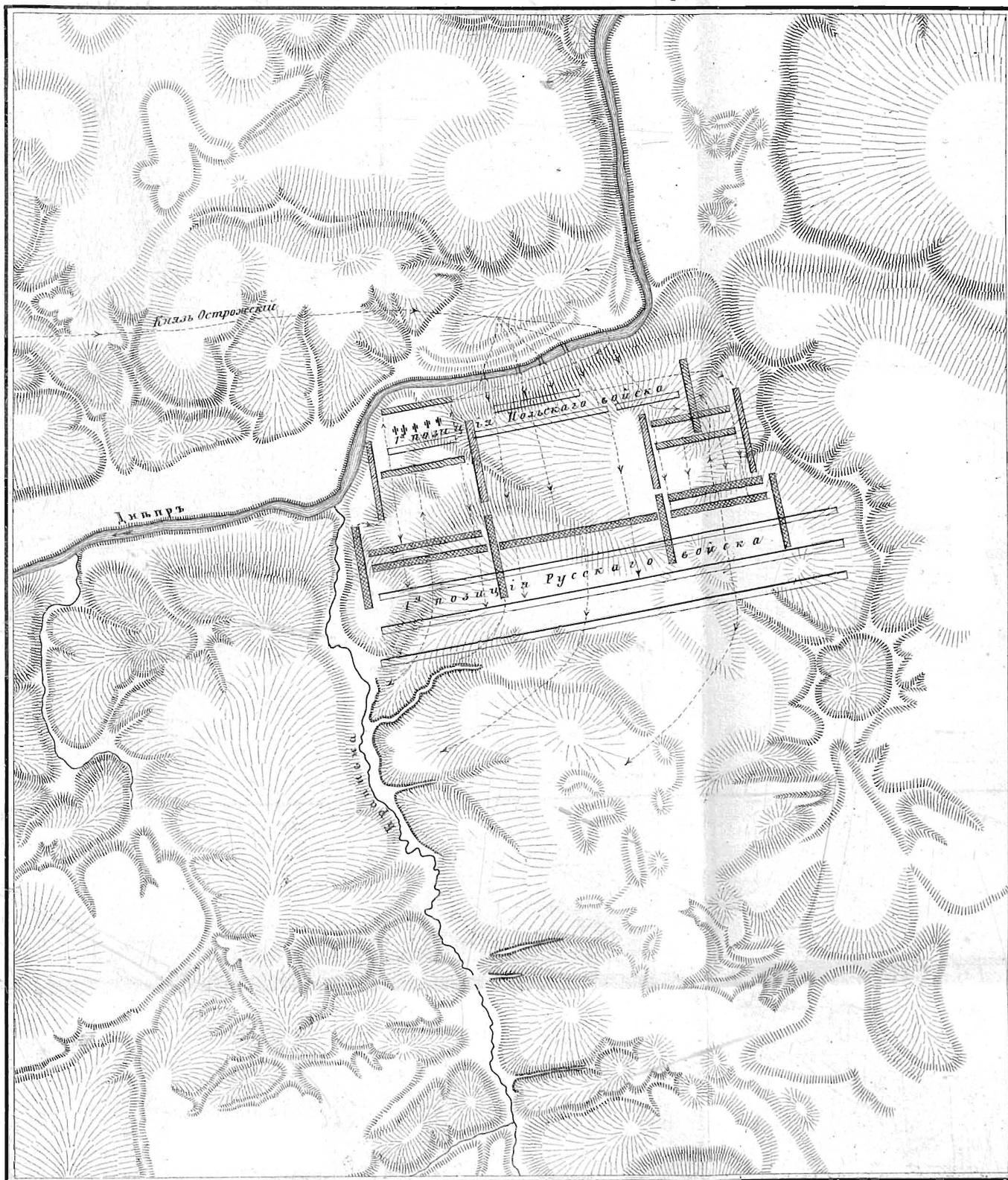
ПЛАНЪ НЫНѢШНЕЙ МѢСТНОСТИ КУЛИКОВА ПОЛЯ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ.

5 2 1 0 1 2 3 4 5 в сажень Картографъ Г. С. Шубинъ, В. П. Шубинъ, 1872

ПЛАНЪ Оршинской битвы 8 Сентября 1514 года

между Русскимъ войскомъ (80 т) подъ начальствомъ воеводъ князя Михаила Голыцы-Патрикьева-Булгакова и Челяднина, и Польско-Литовскимъ (30-35 т) подъ начальствомъ князя Константина Острожскаго.

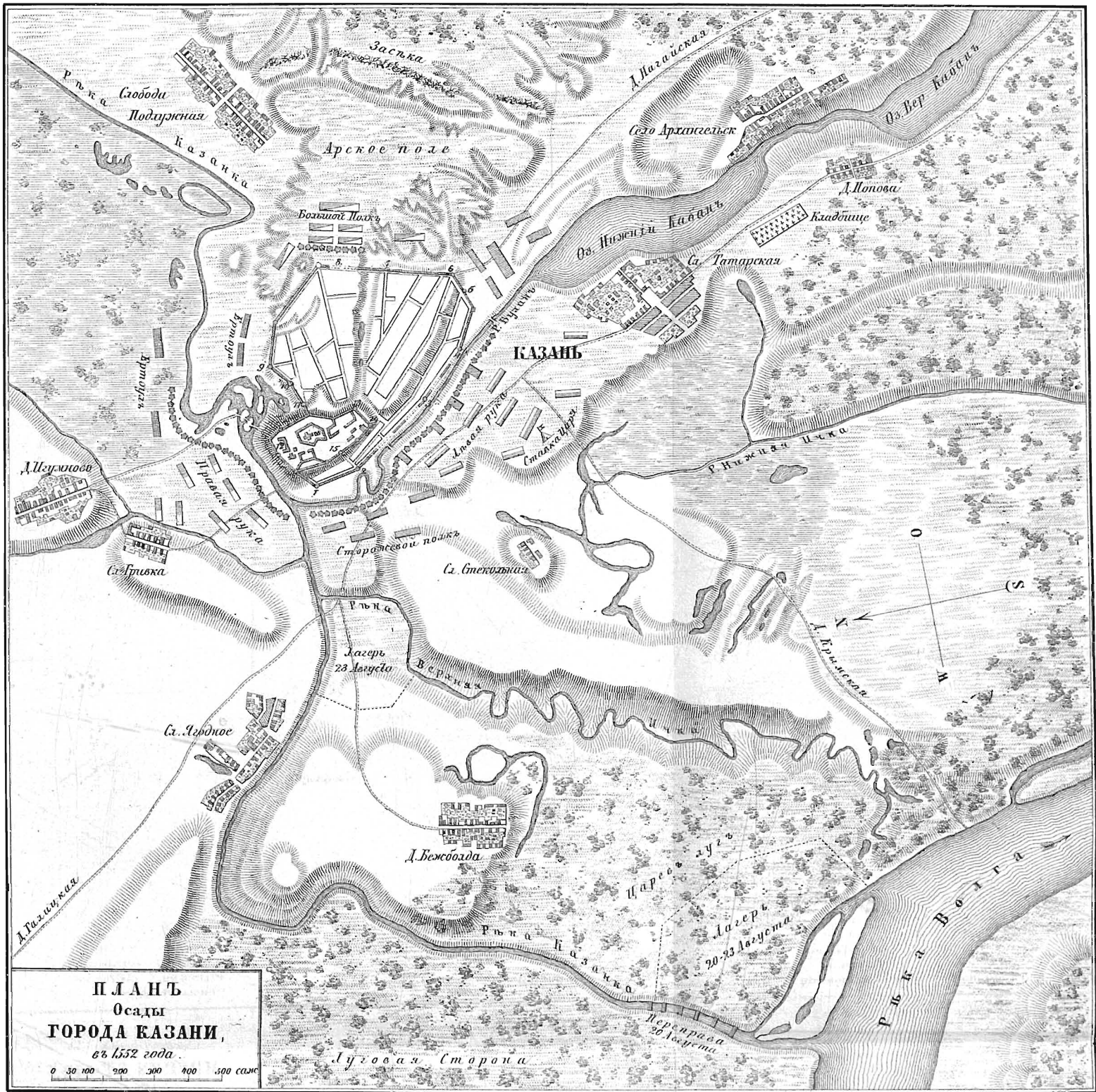
Дубровна

1^я позиция 2^я позиция 3^я позиция 4^я позиция

Масштабъ

100 200 300 пядей

Гравированъ въ Москвѣ въ Типографіи Императорскаго Вѣдомства

**ПЛАНЪ
Осады
ГОРОДА КАЗАНЬ,
въ 1552 года.**

0 50 100 200 300 400 500 саж.

въ городской стѣнѣ :
до взятія : по взятіи :

по Татарски : по Русски :

1 Тюменскіи	Ильинскіи
2 Аталикскіи	Алексіи
3 Крымскіи	Варлаамовскіи
4 Царскіи	Проложскіи

ВОРОТА :

5 Дольбелѣвскіи или бойницкыи	
6 Моголицкыи	
7 Невольничко	Воскресенскіи
8 Арскіи	Спасскіи
9 Байбатовскіи	
10 Царскіи	
11 Елюбинскіи	Патисскіи

въ Крѣпостной стѣнѣ (нынѣ Кремль) :

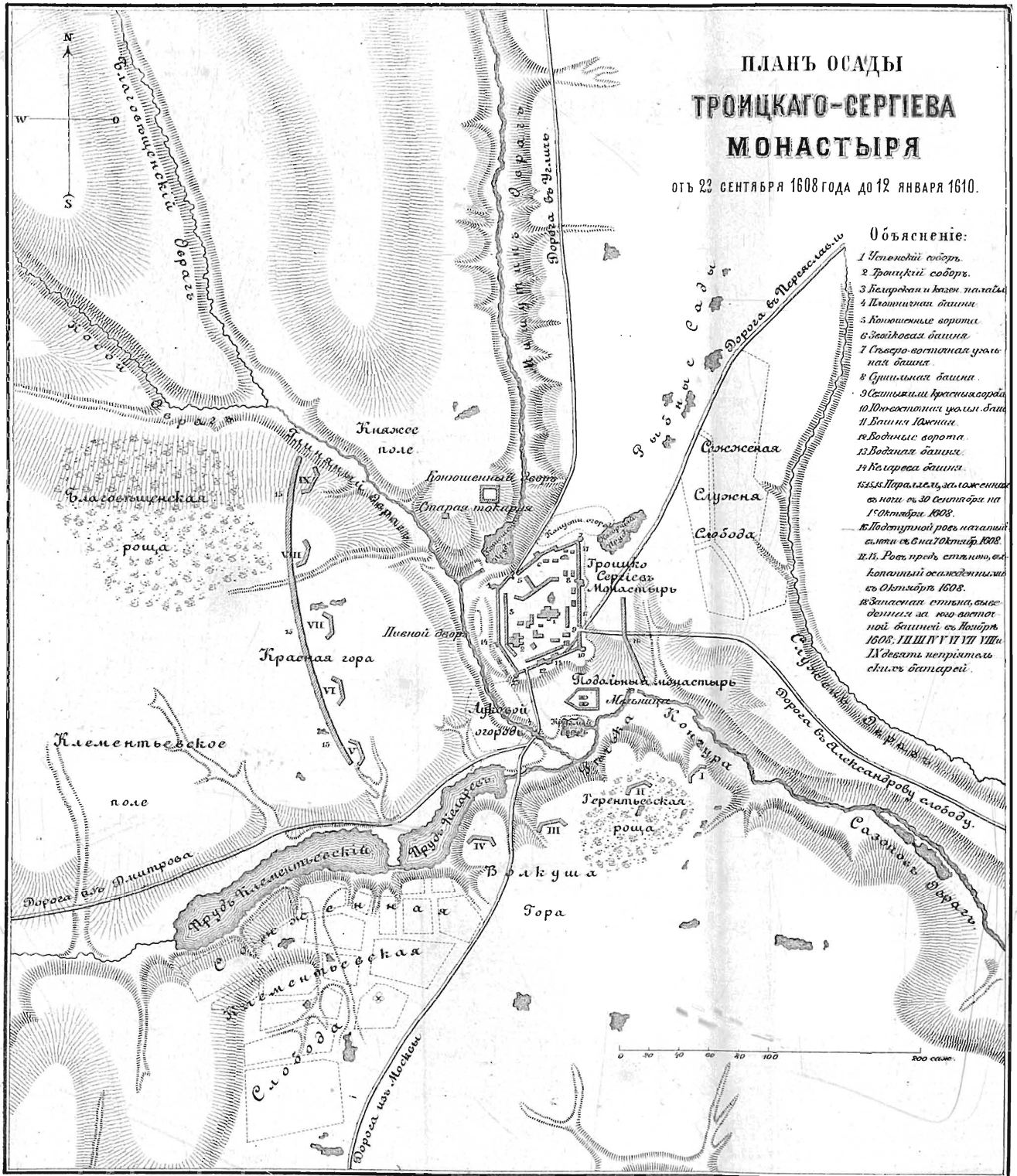
до взятія : по взятіи :
по Татарски : по Русски :

12 Муромскыи	Никольскіи или Тайницкіи
13 Новаискіи	Преображенскіи
14 Царскыи или Царскіи (въ нѣмъ Юань оставилъ обжавилъ)	
15 Невольничко	Дмитриевскіи

Составилъ и издалъ И. С. Сиверсъ въ 1852 г.

ПЛАНЪ ОСАДЫ ТРОИЦКАГО-СЕРГІЕВА МОНАСТЫРЯ

ОТЪ 23 СЕНТЯБРЯ 1608 ГОДА ДО 12 ЯНВАРЯ 1610.

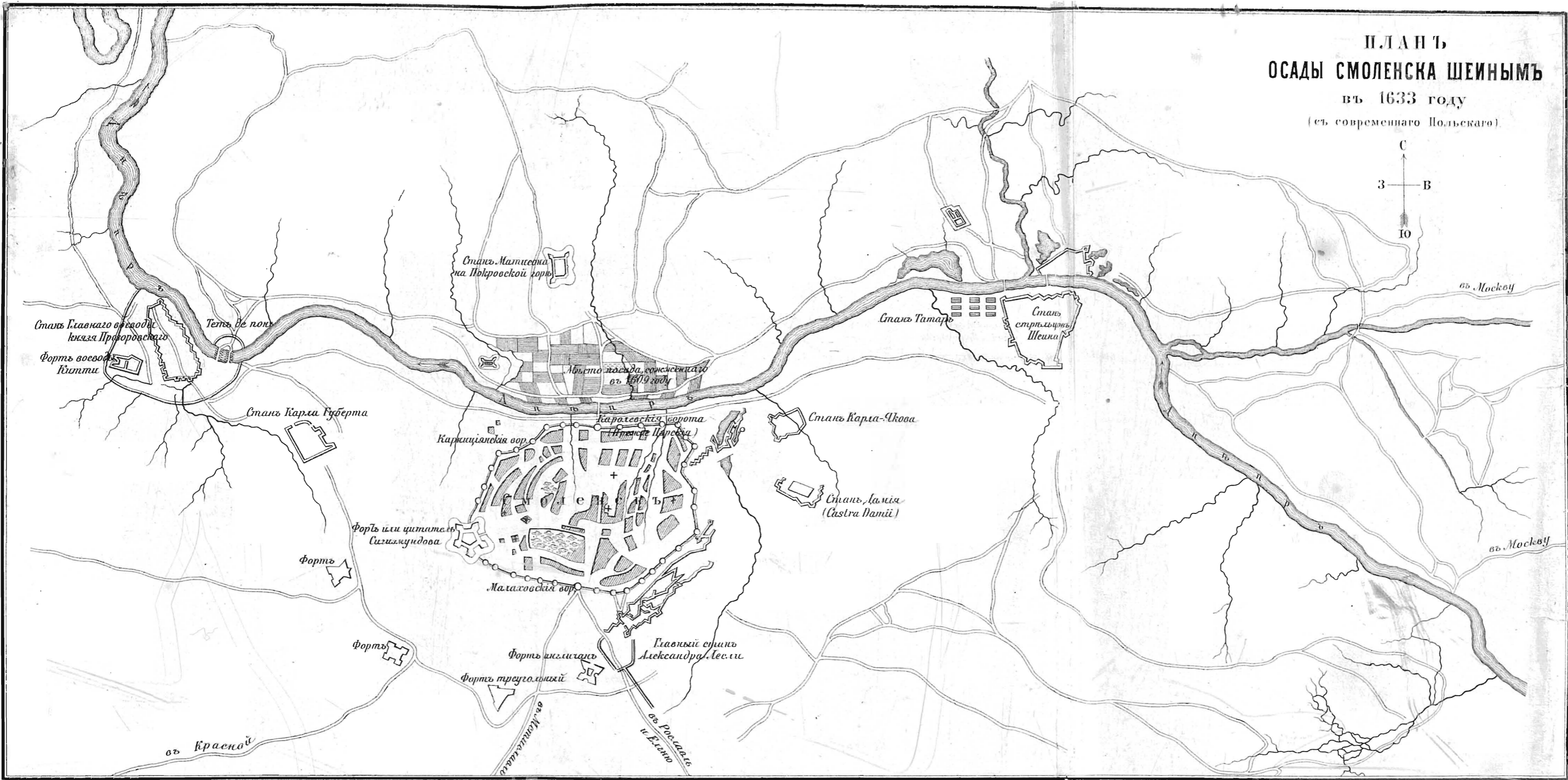
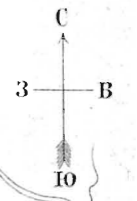

Объясненіе:

- 1 Успенскій соборъ.
- 2 Троицкій соборъ.
- 3 Келарская и Казан. палаты.
- 4 Копытская башня.
- 5 Копытские ворота.
- 6 Звонкокая башня.
- 7 Стѣна въостанная урочная башня.
- 8 Стрѣльчатая башня.
- 9 Стрѣльчатая башня въостанная урочная башня.
- 10 Въостанная урочная башня.
- 11 Башня Копытская.
- 12 Въостанная урочная башня.
- 13 Въостанная башня.
- 14 Келарская башня.
- 15 Келарская башня, за саженцами въ нощи съ 20 сентября на 1^ю Октября 1608.
- 16 Подступной ровъ начатый сътати съ 6 на 7 Октября 1608.
- 17 Ровъ, прорытый стѣнныи, съ Копытскимъ осамѣднении съ Октября 1608.
- 18 Запасная стѣна, съведенная за нощъ въостанной башней съ Копытской 1608. I II III IV V VI VII VIII IX Десятъ неприятели сътати батареи.

ПЛАНЪ ОСАДЫ СМОЛЕНСКА ШЕЙНЫМЪ

въ 1633 году
(съ современнаго Польскаго)

Картографъ Зава. А. М. Яковлевъ. Екатеринбургъ 1872.